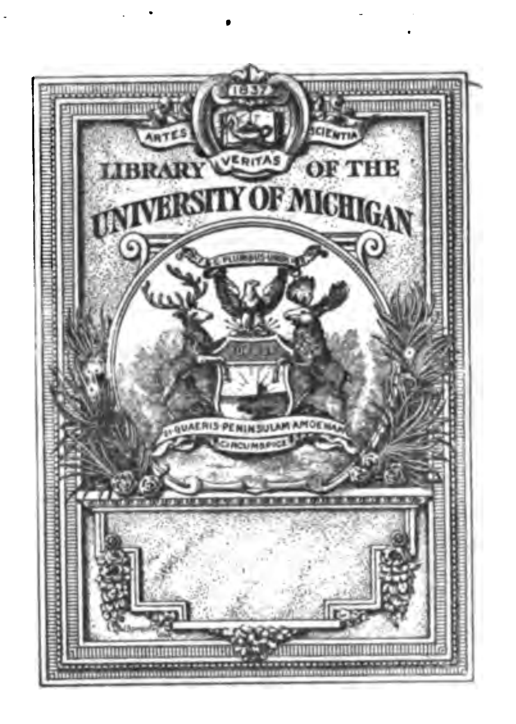

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

78

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1905.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ** (**Г. Зоргенфрей**) въ Лейпцигѣ; у **Г. Люзакъ** и **Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *3 рубля 50 коп.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

a.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXVIII, № 1.

ПЯТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1903 года.

Отчетъ и рецензіи I—IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1904 г.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ПЯТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1903 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На XV-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ настоящемъ году было представлено всего *сорокъ два* сочиненія. Среди нихъ встрѣчаются какъ сборники оригинальныхъ стихотвореній новѣйшихъ русскихъ авторовъ, такъ и переводы стихотворныхъ произведеній иностранныхъ поэтовъ, не исключая и полныхъ собраній сочиненій одного только автора. Уступаютъ въ числѣ стихотворнымъ — оригинальныя произведенія въ прозѣ, по преимуществу романы и повѣсти, одно-два описанія путешествій въ полубеллетристической формѣ и историко-литературныя монографіи.

Изъ числа этихъ сочиненій особо образованною, согласно § 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, Комиссіею были устранены отъ участія въ конкурсѣ *пять* сочиненій: два изъ нихъ по той причинѣ, что были представлены *не* въ печатномъ видѣ, а въ рукописи, чтò не согласуется съ § 9 Правилъ о присужденіи упомянутыхъ премій, и *два* другія, не удовлетворявшія одновременно нѣсколькимъ пунктамъ тѣхъ же

Правилъ; одно сочиненіе было снято съ конкурса, такъ какъ представляло собою переводъ произведенія въ прозѣ, что̀, по мнѣнію разсматривавшаго его г. рецензента, противорѣчитъ § 9 Правилъ о сихъ преміяхъ. Сверхъ того еще двадцать пять сочиненій не были допущены до конкурса, какъ неотвѣчавшія вообще его условіямъ.

Въ трудахъ означенной Комиссіи принимали участіе члены Отдѣленія и находившіеся въ это время въ Петербургѣ почетные академики Разряда изящной словесности, а также особо приглашенные, въ качествѣ рецензентовъ, гг. посторонніе ученые и литераторы, проживающіе въ Петербургѣ: И. Ѳ. Анненскій, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ и проф. Н. А. Котляревскій.

Такимъ образомъ суду Комиссіи, постановляющей рѣшеніе о присужденіи Пушкинскихъ премій въ текущемъ году, подлежало всего *двѣнадцать* сочиненій.

Приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ краткіе отзывы о *девяти* сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

А. *Переводъ П. И. Вейнберга драмы Шиллера „Пикколомини“ (1901 г.).*

Рецензія на означенный трудъ была составлена по просьбѣ Отдѣленія профессоромъ Ѳ. Д. Батюшковымъ, который далъ о немъ слѣдующій отзывъ:

Главное значеніе П. И. Вейнберга, какъ переводчика произведеній иностранныхъ писателей, по преимуществу въ стихотворной формѣ, опредѣляется тѣмъ, что онъ выражаетъ почтенную заботу сохранить въ передачѣ индивидуальность автора въ особенностяхъ его стиля. Отсюда стремленіе къ наивозможной

точности передачи не только общаго смысла, но и самыхъ выраженій, образности языка, даже построенія фразы подлинника, насколько это представляется возможнымъ безъ ущерба правильной конструкціи русской рѣчи. Умѣлое пользованіе орудіемъ передачи, т. е. выработанными, по лучшимъ образцамъ нашихъ классическихъ поэтовъ первой половины XIX вѣка, поэтическимъ языкомъ и стихотворной техникой, закрѣплено полувѣковымъ опытомъ неустанной дѣятельности въ этомъ направленіи маститаго переводчика, который показалъ свои обычныя качества и въ новомъ переводѣ *драмы* Шиллера — «*Пикколомини*». Переводъ П. И. Вейнберга имѣетъ несомнѣнныя преимущества, какъ передъ старинными переводами Лялина и Шишкова, такъ и передъ новѣйшимъ переводомъ г. Каленова (вышедшимъ въ посмертномъ изданіи годъ тому назадъ), несмотря на заступничество П. Н. Милюкова въ предисловіи къ этому изданію. Каленовъ передаетъ только общій смыслъ драмы Шиллера, не характерныя особенности его стиля, онъ стремится создать свой языкъ, дѣйствительно, «простой и легкій», но совсѣмъ не передающій свойства языка Шиллера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Каленова болѣе удачныя выраженія, чѣмъ у г. Вейнберга—въ буквальной передачѣ оригинала, но во многихъ другихъ его стихъ донельзя сухъ и прозаиченъ, и въ общемъ, въ виду пропусковъ, на его переводъ нельзя полагаться, какъ на дѣйствительный переводъ, а не переложеніе подлинника.

Признавая преимущества перевода П. И. Вейнберга и многія его достоинства, нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ его недостатковъ. Они распадаются на три категоріи: 1) въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикъ впадаетъ въ слишкомъ тяжелую конструкцію фразы, сгущая свойства Шиллеровскаго стиля въ ущербъ ясности и даже «удобопроизносимости» данной рѣчи дѣйствующаго лица (напр., встрѣчаются періоды, растянутые на 15 стиховъ; въ подлинникѣ они короче и конструкція ихъ проще). 2) Въ переводѣ имѣется цѣлый рядъ двусмысленныхъ выраженій, происходящихъ или отъ не вполнѣ удачно подобран-

наго слова, или отъ неумѣстнаго распространенія фразы, или отъ неловкаго оборота, при слишкомъ искусственной разстановкѣ словъ (напр., «прошедшее порученье» вм. прежнее, прошлое; «долгъ ненавистный сдѣлать то или то» вм. необходимости дѣйствовать; «ничтожными деньгами» вм. ничтожной суммой денегъ; «я долженъ предоставить его *своей* невинности» — вм. его собственной невинности; неловко сказано: «кто сегодня опьяненъ, несясь со всѣми по теченью»; «такъ *живо* краснорѣчивъ», вм. весело: froh beredt; «прок*лятую поджогу*» вм. поджигатель; «большую жизнь» вм. значительной: bedeutend; «фамилія» вм. домъ, родъ, и т. д.). 3) Въ третью группу недочетовъ входятъ нѣкоторыя погрѣшности противъ техники стиха (напр., неудобно ставить удареніе на соединительной частицѣ: «и́ль въ васъ»; нельзя сочувствовать слишкомъ частому употребленію некрасиваго союза: «коли́», выраженіямъ — «чинящій», «впоривъ глаза», и произвольной перестановкѣ удареній: о боевыхъ маршáхъ (236), «послѣ́» (255, 287, 288), «сколькó» (260), «проти́въ» (268) и т. д.). Многія погрѣшности легко устранимы и, при умѣньи г. Вейнберга владѣть стихомъ, онъ безъ труда могъ бы ихъ исправить при пересмотрѣ своего перевода. Во всякомъ же случаѣ онъ выказалъ и значительныя качества, давъ намъ по возможности «*подлиннаго*» Шиллера въ русской передачѣ.

Принципъ, которымъ руководится П. И. Вейнбергъ въ желаніи сохранить индивидуальный стиль автора, заслуживаетъ полнаго сочувствія, и если абсолютно точный и конгеніальный по формѣ переводъ представляется недостижимымъ идеаломъ, то лучше и значительнѣе даже неполное приближеніе къ недостижимому въ абсолютномъ смыслѣ, чѣмъ легкое достиженіе, при отказѣ отъ правильнаго отношенія къ дѣлу.

Принимая во вниманіе совокупность многолѣтней дѣятельности П. И. Вейнберга, какъ переводчика въ указанномъ смыслѣ, Академія Наукъ совершила бы, по мнѣнію рецензента, актъ справедливости присудивъ автору половинную премію имени А. С. Пушкина.

Б. *Гейнрихъ Гейне: Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга.*

Переводъ Собранія Сочиненій Гейнриха Гейне подъ редакціей Петра Вейнберга законченъ восьмымъ томомъ, вышедшимъ въ 1902 г. Оцѣнку этого труда принялъ на себя князь Д. Н. Цертелевъ.

Между выпускомъ первыхъ шести томовъ и послѣднихъ двухъ, гдѣ помѣщены стихотворенія, прошло четыре года, говоритъ рецензентъ. Такое запозданіе редакторъ объясняетъ — громадностью работы, которую пришлось потратить на переводъ. Весьма значительное количество переведенныхъ и напечатанныхъ до сихъ поръ стихотвореній Гейне оказались при тщательномъ пересмотрѣ ихъ до такой степени отступающими отъ подлинника, или полными такихъ грубыхъ промаховъ, что пришлось часть ихъ подвергать радикальной переработкѣ, другую часть совсѣмъ отбрасывать и переводить заново (т. 8, стр. 3).

Дѣйствительно, редактированіе перевода стихотвореній, особенно такого поэта, какъ Гейне, представляетъ столько трудностей, что и этотъ промежутокъ времени надо признать скорѣе недостаточнымъ, чѣмъ слишкомъ продолжительнымъ.

Для того, чтобы сдѣлать хорошій переводъ въ прозѣ, большею частью надо только ясно понимать мысли автора и столь же ясно излагать свои собственныя. Совсѣмъ другое дѣло въ стихотвореніяхъ, особенно лирическихъ. Здѣсь задача состоитъ въ томъ, чтобы передать не мысль, а настроеніе; а какъ разнообразны, неуловимы и субъективны бываютъ элементы, обусловливающіе его, легко пойметъ каждый, припомнивъ, что то же самое стихотвореніе, прочитанное черезъ годъ, или даже черезъ день, часто вызываетъ совсѣмъ различныя впечатлѣнія.

Это особенно относится къ такимъ поэтамъ, какъ Гейне, у которыхъ краска преобладаетъ надъ мыслью, къ поэтамъ «колористамъ», если можно такъ выразиться.

Но прежде чѣмъ говорить о стихотвореніяхъ, составляющихъ, безъ сомнѣнія, самую существенную часть изданія, хотя они занимаютъ лишь два тома изъ восьми, надо сказать нѣсколько словъ *о прозѣ*.

Первые шесть томовъ заключаютъ въ себѣ *прозаическія* произведенія Гейне и заканчиваются его біографіей. Нельзя не отдать справедливости редактору, что при всей своей симпатіи къ автору, какъ поэту, онъ сумѣлъ остаться безпристрастнымъ къ его личности, не прибѣгая къ натяжкамъ для оправданія такихъ сторонъ его характера, которыя могли отчасти объясняться ненормальными условіями среды и развитія, но сами по себѣ не могутъ быть симпатичны не только противникамъ, но даже единомышленникамъ и поклонникамъ.

Для того, чтобы передать его мысли и чувства, надо обладать такимъ же талантомъ, какъ онъ, посредствомъ игры словъ, ироніи или шутки, совершать прыжокъ тамъ, гдѣ длинный мостъ разсужденій никогда не могъ бы привести къ цѣли.

Несмотря на близость перевода П. И. Вейнбергу почти всегда удается сохранить *вѣрный тонъ*, и лишь изрѣдка отдѣльныя фразы заставляютъ вспоминать, что имѣешь дѣло съ переводомъ, а не съ оригиналомъ.

Въ стихотвореніяхъ это, конечно, случается чаще, тѣмъ болѣе, что П. И. Вейнбергъ, повидимому, слишкомъ боится пожертвовать буквальною близостью перевода.

Въ общемъ нельзя не замѣтить, что трудно дать общую оцѣнку изданія П. И. Вейнберга, такъ какъ въ него вошло болѣе тридцати переводчиковъ; кромѣ самого Вейнберга, мы встрѣчаемъ тамъ имена А. Н. Майкова, А. А. Фета, А. К. Толстого, А. Н. Плещеева и другихъ.

Когда дѣло идетъ о переводѣ многотомнаго сочиненія, поэтическое дарованіе самого переводчика далеко не всегда служитъ порукой за удовлетворительность перевода, но когда передается лишь нѣсколько строфъ, тотъ фактъ, что поэтъ берется за эту задачу, показываетъ уже, что въ стихотвореніи *звучатъ родствен-*

ныя ему струны, и это служитъ указаніемъ, что онъ лучше другихъ сумѣетъ передать его основной тонъ, хотя, можетъ быть, далеко отступитъ отъ словесной точности.

Но есть ли возможность издать переводъ собранія стихотвореній, составивъ его изъ безукоризненныхъ поэтическихъ произведеній? Во-первыхъ, у самого автора матеріалъ далеко не всегда равноцѣнный, а тѣ страницы, которыя не вызываютъ яркаго отклика въ редакторѣ или сотрудникахъ, приходится пополнять механически, болѣе или менѣе стихами въ родѣ:

Хоть разъ бы до вѣчной разлуки
Цвѣтокъ свой на грудь я привлекъ.

Но такихъ неудачныхъ стиховъ въ сборникѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сотенъ страницъ, очень немного, а нужно много труда и умѣнья не только для того, чтобы самому переводить своеобразный и причудливый стихъ Гейне, но и для того, чтобы собрать весь матеріалъ и сдѣлать изъ него умѣлый выборъ. Здѣсь, можетъ быть, умѣстнѣй, чѣмъ гдѣ-либо, припомнить правило: la critique est aisée, mais l'art est difficile. И мы должны быть только признательны П. И. Вейнбергу за его громадный трудъ, не ставя ему въ вину мелкіе недочеты, неизбѣжные въ такомъ дѣлѣ.

II.

Иванъ Бунинъ: 1) „Листопадъ"— Стихотворенія (Москва, 1901 г.). — 2) Пѣснь о Гайаватѣ (Спб. 1903 г.).

Оцѣнка двухъ трудовъ г. Бунина дана была Почетнымъ Академикомъ Графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній г. Бунина — отрадное явленіе въ области современнаго русскаго стихотворнаго искусства и можетъ доставить истинное художественное наслажденіе любителямъ

поэзіи. Предметъ, воспѣваемый г. Бунинымъ въ многочисленныхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореніяхъ, — одинъ: русская деревенская природа (исключенія составляютъ лишь нѣсколько переводныхъ пьесъ и стихотворенія «Въ Геөсиманскомъ саду» и «Въ костелѣ»); но на этотъ излюбленный имъ предметъ г. Бунинъ взглянулъ глазами настоящаго художника— непосредственно, просто, безъ исканія лживыхъ эффектовъ, безъ стремленія къ искусственной новизнѣ, съ искренней любовью и чуткимъ, тонкимъ пониманіемъ красоты. Какъ поэтъ, обладающій несомнѣнно выдающимся дарованіемъ, г. Бунинъ нашелъ и вполнѣ соотвѣтствующій содержанію своей поэзіи прекрасный, образный, ни у кого не заимствованный, *свой* языкъ. Въ отношеніи правильности и звучности стиха, большинство произведеній г. Бунина можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими образцами русской лирической поэзіи. Исключенія такъ рѣдки и такъ незначительны, что на нихъ можно указать лишь мимоходомъ, не придавая имъ особеннаго значенія. Огромное большинство стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Бунина, отмѣчены печатью истиннаго дарованія, но, какъ на особенно выдающіяся по искренности чувства, красотѣ образовъ и совершенству внѣшней формы, г. рецензентъ указываетъ на нижеслѣдующія: «Листопадъ» (стр. 7), «На распутьи» (стр. 17), «Послѣдняя гроза» (стр. 28), «Весеннее» (стр. 46), «Соловей» (стр. 69), «На просѣкѣ» (стр. 112), «Таинственно шумитъ лѣсная тишина» (152), «Помню — долгій зимній вечеръ» (стр. 167) и, наконецъ, «Мать» (стр. 176). Послѣднія два стихотворенія отличаются особенною глубиною и теплотою выраженнаго въ нихъ чувства и тонкой прелестью стиха.

Если бы г. Бунинъ представилъ на соисканіе Пушкинской преміи только сборникъ «Листопадъ», то рецензентъ полагалъ бы и въ такомъ случаѣ вполнѣ справедливымъ присудить автору премію, имѣя въ виду всѣ вышеотмѣченныя достоинства книги. Но кромѣ сборника своихъ оригинальныхъ произведеній г. Бунинъ представилъ еще стихотворный переводъ извѣстной поэмы

Лонгфелло «Пѣсня о Гайаватѣ», на который г. рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе Академіи, какъ на весьма цѣнный вкладъ въ русскую переводную литературу. Держась повсюду возможной близости къ подлиннику, г. Бунинъ, для соблюденія этого весьма важнаго условія, нигдѣ не жертвуетъ художественностью и поэтичностью выраженія, нигдѣ не впадаетъ въ прозаизмъ, столь свойственный большинству переводныхъ произведеній. Выписки изъ труда г. Бунина, для подтвержденія высказаннаго г. рецензентомъ мнѣнія, были бы излишни: каждая на удачу открытая страница книги свидѣтельствуетъ о томъ, что читатель имѣетъ передъ собою не ремесленное, а художественное произведеніе. Г-нъ Бунинъ сдѣлалъ «Пѣсню о Гайаватѣ» достояніемъ русской литературы. Это большая заслуга, которую нельзя не принять въ соображеніе при сужденіяхъ о выдачѣ г. Бунину Пушкинской преміи, если не въ полномъ, то, хотя бы, въ половинномъ размѣрѣ.

III.

Профессоръ А. Н. Гиляровъ „Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи“.

Почетный Академикъ А. Ѳ. Кони, въ своемъ отчетѣ объ этой книгѣ, отдаетъ справедливость настойчивой и сложной работѣ А. Н. Гилярова, который умѣлъ заставить самыхъ разнородныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями своимъ самостоятельнымъ и вдумчивымъ выводамъ. Являясь не однимъ *передатчикомъ*, но и *истолкователемъ* созданій французской мысли конца XIX вѣка, онъ отдался своей задачѣ съ спокойствіемъ и широкой объективностью, вслѣдствіе чего *скитанія* этой мысли не заслонили предъ нимъ возвышеннаго смысла ея неустанной работы и вѣчнаго *исканія*. Обширный трудъ профессора Гиля-

рова, обнимающій всѣ области проявленія человѣческаго духа, не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, къ которымъ прежде всего относятся несоразмѣрность частей, — но въ общемъ книга его представляется имѣющею весьма серьезное значеніе. Критическій элементъ, широко внесенный въ нее, выдвигаетъ на первый планъ вопросы высшаго порядка. Анализъ произведеній, сдѣланный авторомъ, строго придерживающимся научнаго метода, и рядъ выработанныхъ имъ положеній облегчаетъ и вмѣстѣ направляетъ вызванную къ работѣ мысль читателя, душа и вниманіе котораго не разъ отдыхаютъ на поэтическихъ сравненіяхъ автора и созданныхъ имъ образахъ. Въ виду этого А. Ѳ. Кони полагалъ признать трудъ г. Гилярова заслуживающимъ *половинной преміи* имени А. С. Пушкина.

IV.

Полное собраніе сочиненій К. Головина („К. Орловскаго"). Томы I и II (Спб. 1902 г.).

Разборъ сочиненій г. Головина исполненъ по предложенію Отдѣленія Почетнымъ Академикомъ К. К. Арсеньевымъ.

Въ настоящее время вышли въ свѣтъ двѣнадцать томовъ полнаго собранія сочиненій К. Ѳ. Головина; но, оставаясь въ предѣлахъ возложеннаго на г. рецензента порученія, онъ ограничился подробнымъ разсмотрѣніемъ первыхъ двухъ томовъ, касаясь послѣдующихъ лишь мимоходомъ.

Общая черта обоихъ романовъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ двухъ томовъ, «Медовый мѣсяцъ» и «Искупленіе», — исключительность положеній, изображаемыхъ авторомъ.

Въ «Медовомъ мѣсяцѣ» молодой мужъ влюбляется, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы, въ сестру своей жены, еще раньше полюбившую его; сюжетъ «Искупленія» — женитьба на

дочери бывшей любовницы. Конечно, и то и другое случается въ дѣйствительной жизни и, слѣдовательно, можетъ служить темой для романа, но чѣмъ чрезвычайнѣе обстоятельства, тѣмъ тщательнѣе и тоньше должна быть ихъ мотивировка. Нельзя сказать, чтобы это условіе было исполнено К. Ѳ. Головинымъ. Правдоподобною житейская драма, описанная въ «Медовомъ мѣсяцѣ», была бы лишь тогда, если бы иными были ея дѣйствующія лица — Грушневъ, Женя, Кити — или, по меньшей мѣрѣ, если бы была отодвинута дальше на нѣсколько лѣтъ послѣдняя часть дѣйствія.

Аналогичное замѣчаніе вызываетъ и другой названный нами романъ — «Искупленіе».

Если въ «Медовомъ мѣсяцѣ» и въ «Искупленіи» далеко не все можетъ быть признано психологически вѣроятнымъ, то причина этому, какъ кажется г. рецензенту, въ обоихъ случаяхъ одна и та же: недостатокъ художественной цѣльности въ характерахъ. Ни Грушневъ, ни Орленевъ, ни Кити, ни Софья Сергѣевна не встаютъ передъ нами какъ законченные, живые образы. Между ихъ основными свойствами и ихъ дѣйствіями нѣтъ необходимой, неразрывной связи; никакъ нельзя сказать, что при данныхъ условіяхъ они не могли поступить иначе. Неопредѣленность фигуры Орленева такъ велика, что читателямъ трудно предвидѣть, какъ подѣйствуетъ на него смерть Насти. Незавидная судьба, въ концѣ концовъ выпадающая на его долю, кажется намъ скорѣе искусственной карой, придуманной авторомъ для несимпатичнаго ему лица, чѣмъ естественнымъ завершеніемъ цѣлой жизни. — Едва ли, наконецъ, можно признать удачнымъ пріемъ, съ помощью котораго К. Ѳ. Головинъ хочетъ оправдать заглавіе романа «Искупленіе», связавъ его развязку съ первой, полузабытой виной Орленева и Софьи Сергѣевны. «Долгая связь (Орленева) съ чужою женой» — читаемъ мы въ началѣ романа (стр. 22) — «не вызвала въ немъ голоса совѣсти; въ этой связи было такъ мало трагическаго, она повидимому не нарушала ничьихъ правъ. Завязка и конецъ его романа совершились такъ просто и легко, что Евгеній не могъ вѣрить, будто удовлетворенная

страсть требуетъ, рано или поздно, тяжелой расплаты». Авторъ, очевидно, убѣжденъ, что такая расплата неизбѣжна. Правъ онъ или не правъ по существу, во всякомъ случаѣ избранный имъ способъ доказательства оказывается недостаточнымъ. Катастрофа, которою заканчивается романъ, обусловлена не связью Орленева съ Софьей Сергѣевной, а женитьбой его на Настѣ. Не будь послѣдней, первая, по всей вѣроятности, не повлекла бы за собою никакого «искупленія»; за удовлетворенною страстью не послѣдовало бы никакой расплаты.

Кромѣ романовъ, два первые тома сочиненій К. Ѳ. Головина заключаютъ въ себѣ повѣсть: «Живая загадка» и разсказы: «Пощечина» и «Двѣ статуи». Всего больше удался автору разсказъ «Пощечина», драматическій по содержанію, веденный съ большою сжатостью и силой.

К Ѳ. Головинъ — занимательный, искусный разсказчикъ. Рѣчь его льется легко и свободно, бесѣды дѣйствующихъ лицъ ведутся оживленно; но, подобно тому, какъ ни одна изъ созданныхъ имъ фигуръ не можетъ считаться художественнымъ образомъ, внѣшней формѣ его произведеній недостаетъ своеобразности и силы. Описанія природы у него большею частью не оригинальны и не характерны («свѣжая листва, омытая дождемъ, всюду разливала ароматъ»). Недостаточно рельефны и рисуемые имъ портреты. Женскіе портреты не свободны отъ изысканности. Мѣстами теченіе разсказа прерывается не всегда удачными разсужденіями самого автора.

V.

„Владимиръ Каренинъ“ (псевдонимъ): „Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія. 1804—1838 гг.“. [Выпускъ I-й]. Спб. 1899 г.

Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя профессоръ Н. А. Котляревскій. По его отзыву, трудъ В. Каренина — един-

ственная полная и научная біографія Ж. Сандъ. Книга построена на строжайшемъ изученіи документовъ. Вся исторія внѣшнихъ фактовъ жизни великой писательницы возстановлена съ поразительной полнотой и при помощи строгаго отношенія ко всѣмъ источникамъ. Авторъ не ограничился жизнеописаніемъ одной Ж. Сандъ, онъ вывелъ ее на сцену со всей многочисленной толпой ея друзей и знакомыхъ. Жизнь всѣхъ этихъ лицъ вплетена въ разсказъ и соединена съ общимъ ходомъ повѣствованія органической связью. Книга В. Каренина, помимо біографіи, даетъ не менѣе полный и связный очеркъ развитія настроеній, чувствъ и идей Ж. Сандъ. Въ этой массѣ сплетающихся мыслей и чувствъ авторъ пытается оттѣнить главнѣйшія и слѣдитъ очень зорко за ихъ постепеннымъ ростомъ. Особенно много труда положено на выясненіе всевозможныхъ вліяній, какимъ подпадали умъ и сердце Ж. Сандъ при встрѣчѣ ея съ тѣмъ или инымъ выдающимся человѣкомъ. Наконецъ, въ книгѣ дана и подробная исторія самого творчества нашей писательницы и выдѣлены руководящія идеи и господствующія настроенія ея произведеній.

Но, преслѣдуя главнымъ образомъ точность, полноту и послѣдовательность въ жизнеописаніи Ж. Сандъ и въ изложеніи исторіи развитія ея творчества, авторъ изобразилъ эту жизнь и пересказалъ исторію этого творчества безъ надлежащей историко - литературной перспективы, почему и личность писательницы не обрисовалась въ надлежащемъ яркомъ свѣтѣ, и вопросъ о причинахъ ея вліянія и ея успѣха остался мало выясненнымъ. Чтобы опредѣлить, какую силу представляла собой личность Ж. Сандъ и каково было ея историческое значеніе, для этого нужно было навести историческія справки о той роли, какую до нея играла женщина въ обществѣ. Чтобы опредѣлить, чѣмъ ея слова были для своего времени, нужно было оттѣнить гораздо рѣзче противорѣчіе между ея мыслями и стремленіями и торжествующими въ ея эпоху вкусами и идеями. Наконецъ, чтобы выяснить настоящую стоимость ея произведеній, необходимо было сравнить ихъ

съ современными имъ однородными литературными памятниками, въ которыхъ проводились тѣ же идеи и преимущественно мысль о семейной и общественной роли женщины. На всѣ эти историко-литературныя параллели В. Каренинъ обратилъ слишкомъ мало вниманія, почему его книга, установляя точно факты жизни Ж. Сандъ и подробно передавая содержаніе и общій смыслъ ея произведеній, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не можетъ вполнѣ удовлетворить читателя, который пожелалъ бы знать: — почему именно *этой* женщинѣ и *этимъ* словамъ суждено было такъ волновать умы и сердца современниковъ.

VI.

Стихотворенія М. А. Лохвицкой (Жиберъ). Томъ III: 1898—1900 гг. Спб. 1900 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-жа Лохвицкая представила на соисканіе Пушкинской преміи сборникъ стихотвореній, и въ составленномъ о немъ, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности, отзывѣ почетный академикъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ имѣлъ случай указать на выдающееся поэтическое дарованіе автора. Необыкновенное изящество и яркость образовъ, чуткое пониманіе красотъ природы, неподдѣльная искренность чувства и, наконецъ, за рѣдкими исключеніями, прекрасный по звучности и правильности стихъ — вотъ качества, которыми, на взглядъ г. рецензента, отличались первыя произведенія г-жи Лохвицкой, дававшія ей право на вниманіе и поощреніе со стороны Академіи. Г. рецензентъ счелъ однако необходимымъ отмѣтить, какъ недостатокъ сборника, крайнее однообразіе содержанія помѣщенныхъ въ немъ стихотвореній. Вся лирика г-жи Лохвицкой исчерпывалась тогда изліяніемъ любовной страсти, съ оттѣнкомъ нѣсколько рѣзко выраженной

чувственности. Держась мнѣнія, что главная задача художественной критики заключается не въ оцѣнкѣ того, *что* художникъ избираетъ предметомъ для своего творчества, а *какъ* онъ относится къ избранному имъ предмету, г. рецензентъ тѣмъ не менѣе позволилъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы съ развитіемъ дарованія г-жи Лохвицкой въ ея поэзію влилось болѣе богатое и разнообразное содержаніе.

Просматривая представленный въ настоящее время на соисканіе Пушкинской преміи третій томъ стихотвореній того же автора, графъ Голенищевъ-Кутузовъ пришелъ къ заключенію, что высказанное имъ пожеланіе въ значительной мѣрѣ осуществилось. Сборникъ раздѣленъ на шесть отдѣловъ, и если стихотворенія, заключенныя въ первомъ, второмъ и пятомъ отдѣлахъ по характеру своему близко подходятъ къ прежнимъ произведеніямъ автора, то содержаніе отдѣловъ третьяго, четвертаго и шестого является уже совершенной новинкой и захватываетъ области, которыя ранѣе того были г-жѣ Лохвицкой совершенно чужды. Въ этихъ отдѣлахъ г-жа Лохвицкая вступаетъ въ міръ сказокъ, легендъ и восточной фантастики, переходя въ трехъ наиболѣе значительныхъ своихъ произведеніяхъ («Два слова», «На пути къ Востоку» и «Вандаликъ») къ драматической формѣ. Даже лирическія стихотворенія автора, имѣющія предметомъ своимъ прежнія любовныя темы, уже звучатъ нѣсколько иначе, болѣе смягченно; въ нихъ уже не слышится той преобладающей нотки чувственности, которую многіе читатели прежнихъ произведеній г-жи Лохвицкой ей ставили въ укоръ. Итакъ, на первый взглядъ, казалось бы, что можно только порадоваться вступленію дарованія г-жи Лохвицкой на болѣе разнообразный и широкій путь творчества. Вопросъ, однако, въ томъ, сохранились ли при этомъ въ полной мѣрѣ тѣ драгоцѣнныя и весьма рѣдкія въ настоящее время качества ея поэзіи, о которыхъ г. рецензентъ упомянулъ выше? Выступивъ изъ тѣсныхъ предѣловъ любовной лирики, продолжаетъ ли г-жа Лохвицкая быть такою же искренней, безыскусственной и сильной выразительницею другихъ

настроеній, ощущеній и мыслей, чувствуетъ ли она себя въ этомъ новомъ для нея мірѣ такъ же *дóма*, какъ въ прежнемъ?

Къ сожалѣнію г. рецензента, внимательное ознакомленіе съ содержаніемъ сборника привело его къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Если въ сборникѣ еще встрѣчаются такіе перлы лирической поэзіи, какъ стихотворенія: «Утро на морѣ» (стр. 10), «Желтый Ирисъ» (стр. 15), «Метель» (стр. 47), «Утренній сонъ» (стр. 49) и, наконецъ, «Я люблю тебя» (стр. 88), въ которыхъ съ прежней яркостью сверкаютъ лучи истиннаго вдохновенія, то въ большинствѣ другихъ пьесъ и въ особенности въ драматическихъ поэмахъ г-жи Лохвицкой почти сплошь звучитъ какая-то глубоко-фальшивая нота, чувствуется какое-то напряженіе фантазіи, какое-то болѣзненное исканіе не *красоты*, а *красивости* (чтò далеко не одно и то же), при отсутствіи простоты и непосредственности впечатлѣній. Кромѣ очевидно непосильнаго для г-жи Лохвицкой расширенія области ея творчества, на его ослабленіе подѣйствовало, быть можетъ, и то, что г-жа Лохвицкая, видимо, подпала подъ сильное вліяніе того новаго теченія, которое въ послѣдніе годы съ такою смѣлою стремительностью вторглось не только въ поэзію, но и въ другія отрасли искусства, и которому не подыскано настоящаго названія, такъ какъ слова «импрессіонизмъ», «символизмъ» и, наконецъ, «декадентство» далеко не исчерпываютъ его сущности. Объявивъ рѣшительную войну искусству тенденціозному, подчиняющему свободное творчество игу постороннихъ и чуждыхъ искусству требованій, оно въ то же время какъ будто отрицаетъ и чистое искусство (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно донынѣ проявлялось) и ищетъ для художественнаго творчества новыхъ, неизвѣданныхъ путей.

Рядомъ примѣровъ г. рецензентъ уясняетъ характеръ и размѣры того недуга, которымъ заболѣло дарованіе г-жи Лохвицкой. Въ трехъ драматическихъ поэмахъ: «Два слова», «На пути къ Востоку» и «Вандаликъ» всѣ симптомы того же недуга сказываются съ еще бóльшею яркостью и наглядностью. Поэмы

эти растянуты и скучны, содержаніе ихъ туманно и болѣе чѣмъ фантастично: оно принадлежитъ къ области бреда, пересказывать и разбирать который, какъ кажется г. рецензенту, было бы совершенно излишне.

VII.

Лирическія стихотворенія Квинта Горація Флакка. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изданіе второе, исправленное. (С.-Петербургъ, 1902 г.).

Разсмотрѣніе труда г. Порфирова исполнено по просьбѣ Отдѣленія И. Ѳ. Анненскимъ. Вкратцѣ его отзывъ сводится къ слѣдующему:

Новый переводчикъ *всѣхъ* одъ Горація и «Вѣкового гимна», нынѣ уже покойный, вложилъ въ свой трудъ не мало любви къ дѣлу и знаній, что̀ заставляетъ насъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ его книгѣ. Г. Порфировъ, конечно, уступаетъ Фету въ отношеніи поэтической интуиціи, лирической выразительности рѣчи и музыкальности стиха, но зато онъ зачастую стоитъ къ тексту Горація ближе, чѣмъ его предшественникъ. Кромѣ того у г. Порфирова можно насчитать болѣе десяти стихотвореній, которыя, независимо отъ сравненія ихъ съ переводами Фета, имѣютъ несомнѣнную художественную цѣнность (таковы въ I-й книгѣ ода 2-я, во II-й — 7-я, 9-я и 10-я и въ III-й — 17-я). Новый переводчикъ Горація обнаружилъ въ своей трудной работѣ много *сдержанности*, т. е. онъ почти никогда не забывалъ, что онъ переводчикъ, и все время настойчиво держался текста (какъ понималъ его Луціанъ Миллеръ), не увлекаясь ни фантазіей, ни домыслами и, повидимому, избѣгая реминисценцій.

Языкъ «Лирическихъ стихотвореній» въ общемъ проще Фетовскаго; это языкъ, такъ сказать, болѣе стертый, обыден-

ный и прозаическій, безъ блестокъ, но зато вы не встрѣтите въ немъ неологизмовъ ad hoc или провинціализмовъ. Непріятно дѣйствуютъ только амплификаціи, особенно когда онѣ явно служатъ цѣлямъ выполненія стихотворной строки или риѳмовки, — да неблагозвучныя скопленія согласныхъ. Кромѣ того въ третьей и четвертой книгахъ нѣсколько одъ представлено въ переводахъ не вполнѣ обработанныхъ. Но эти недочеты, отнюдь не свидѣтельствуя о небрежномъ отношеніи покойнаго П. Ф. Порфирова къ своему дѣлу, напротивъ, какъ, бы подчеркиваютъ для насъ тяжелую сторону его столь мало благодарнаго труда.

Принимая во вниманіе, что работа П. Ф. Порфирова составляетъ дальнѣйшій шагъ въ пріобщеніи Гораціанской лирики къ нашей словесности, было-бы, я думаю, справедливымъ признать «Лирическія стихотворенія Горація» заслуживающими почетнаго отзыва Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

VIII.

М. Гюйо. „Стихи философа". Переводъ И. Н. Тхоржевскаго.

По отзыву почетнаго академика А. Ѳ. Кони переводчикъ ознакомилъ русскую публику съ достойною вниманія и весьма содержательною книгой, гармонически замыкающею, въ поэтическомъ синтезѣ, кругъ философскихъ трудовъ замѣчательнаго французскаго мыслителя. И. Н. Тхоржевскій старался быть вѣрнымъ мысли автора и въ то же время яснымъ, что, въ виду нѣкоторой отвлеченности текста, представило не мало затрудненій. Переводъ не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, впрочемъ, второстепеннаго свойства. Разнообразіе размѣра, строгое его соблюденіе, богатство и легкость риѳмы и общее изящество перевода, сдѣланнаго съ очевиднымъ стараніемъ и любовью, дѣлаютъ его вполнѣ достойнымъ оригинала.

А. Ѳ. Кони полагалъ удостоить И. Н. Тхоржевскаго почетнымъ отзывомъ отъ Академіи.

IX.

Т. Щепкина-Куперникъ: 1) Мои Стихи (1901 г.) и 2) Изъ женскихъ писемъ. — Стихотворенія. (Москва, изд. Д. П. Ефимова).

Г-жа Т. Л. Щепкина-Куперникъ, представившая на соисканіе Пушкинской преміи два сборника «*Мои Стихи*» и «*Изъ женскихъ писемъ*» — уже не начинающая писательница, говоритъ рецензентъ, почетный академикъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, и перепечатки болѣе раннихъ изданій, извѣстны въ литературѣ довольно многочисленныя сочиненія того же автора въ прозѣ, а также переводы драматическихъ произведеній Ростана, Гауптмана и Метерлинка. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ дарованіемъ, вполнѣ уже опредѣлившимся, о которомъ можно, стало быть, произнести окончательное сужденіе.

Если бы разбору подлежали всѣ вышедшіе въ печати труды г-жи Щепкиной-Куперникъ, г. рецензентъ, при опредѣленіи ихъ художественнаго достоинства, на первомъ мѣстѣ поставилъ бы труды переводные, послѣ нихъ — сочиненія въ прозѣ, а затѣмъ, уже на послѣднемъ мѣстѣ, самостоятельныя произведенія въ стихахъ. Къ сожалѣнію, г-жа Щепкина-Куперникъ представила на соисканіе Пушкинской преміи только послѣднія, а въ нихъ несомнѣнный и симпатичный талантъ писательницы является въ наименѣе выгодномъ для себя освѣщеніи. Умная и тонкая *наблюдательница жизни*, отзывчиво относящаяся къ современнымъ ея запросамъ, г-жа Щепкина-Куперникъ совершенно

лишена того, трудно опредѣлимаго словами, но весьма опредѣленно ощутимаго свойства творчества, которое въ просторѣчіи называется *поэтичностью*. Ея звучные, гладкіе и въ большинствѣ случаевъ довольно правильные стихи производятъ, почти сплошь, впечатлѣніе риѳмованной прозы, изобилующей притомъ иностранными словами и уменьшительными, что придаетъ имъ нѣсколько фельетонный характеръ съ примѣсью сантиментальности.

Кромѣ перечисленныхъ общихъ недостатковъ повѣствовательныя произведенія г-жи Щепкиной-Куперникъ отличаются анекдотичностью и, такъ сказать, выдуманностью ихъ содержанія. Небольшія поэмы — Испытаніе, Изъ лѣтняго альбома, Дѣдушкинъ кисетъ, Цвѣтъ яблони, Рождественскій подарокъ, Пѣсенка Дровъ и Христосъ,—собранныя въ отдѣлъ подъ общимъ заглавіемъ «Странички жизни», именно *не странички жизни*, т. е. жизни дѣйствительной, нормальной, наблюдаемой въ ея обыкновенномъ теченіи, а скорѣе описанія необыкновенныхъ и даже мало вѣроятныхъ случаевъ, о которыхъ можно только сказать: мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ! Вся прелесть прозаическихъ разсказовъ г-жи Щепкиной-Куперникъ, заключающаяся въ тщательной рисовкѣ вѣрно схваченныхъ отдѣльныхъ штриховъ и тонко подмѣченныхъ подробностяхъ, исчезаетъ въ ея стихотворныхъ поэмахъ, такъ какъ передача такихъ штриховъ и подробностей въ стихахъ представляетъ даже для богато одаренныхъ и опытныхъ въ техникѣ стихотворства поэтовъ наибольшую трудность, преодолѣть которую г-жа Щепкина-Куперникъ очевидно не въ силахъ.

Комиссія, приступивъ къ своимъ занятіямъ, разсмотрѣла допущенныя къ Пушкинскому конкурсу сочиненія и, выслушавъ о нихъ отзывы гг. рецензентовъ, *не* нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей *полной* Пушкинской преміи (въ тысячу рублей).

Послѣ чего Комиссія обратилась къ рѣшенію вопроса: не заслуживаетъ ли кто-нибудь изъ соискателей *половинной* Пушкинской премія, и, послѣ закрытой баллотировки шарами, обнаружилось, что *большинствомъ голосовъ* собраніе *присудило по половинной Пушкинской преміи* (въ пятьсотъ рублей каждому) — двумъ соискателямъ: 1) *П. И. Вейнбергу*, за представленные имъ переводы драматическихъ произведеній Шиллера и за переводы и редакцію полнаго собранія переводовъ сочиненій Г. Гейне и 2) *И. Бунину* за его сборникъ стихотвореній: «Листопадъ» и стихотворный переводъ поэмы Лонгфелло «Пѣсни о Гайаватѣ».

За назначеніемъ же всѣхъ денежныхъ премій, Комиссія особою баллотировкою нашла справедливымъ — почтить присужденіемъ *почетныхъ отзывовъ* представленные труды нижеслѣдующихъ писателей: А. Н. Гилярова, К. Ѳ. Головина («К. Орловскаго»), г. «В. Каренина» (псевдонимъ), г-жи М. А. Лохвицкой (Жиберъ), П. Ф. Порфирова, И. Н. Тхоржевскаго и г-жи Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ XV-му соисканію премій имени А. С. Пушкина сочиненій, постановило выдать установленныя *Пушкинскія золотыя медали:* И. Ѳ. Анненскому, почетному академику К. К. Арсеньеву, профессору Ѳ. Д. Батюшкову, почетному академику графу А. А. Голенищеву-Кутузову, К. Ѳ. Головину, почетному академику А. Ѳ. Кони, профессору Н. А. Котляревскому и князю Д. Н. Цертелеву.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—IX.

I.

Гейнрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Изданіе Б. П. Вейнберга.

Переводъ Собранія Сочиненій Генриха Гейне подъ редакціей Петра Вейнберга законченъ восьмымъ томомъ, вышедшимъ въ 1902 г.

Между выпускомъ первыхъ шести томовъ и послѣднихъ двухъ, гдѣ помѣщены стихотворенія, прошло четыре года.

Такое запозданіе редакторъ объясняетъ — «громадностью работы, которую пришлось потратить на него. Весьма значительное количество переведенныхъ и напечатанныхъ до сихъ поръ стихотвореній Гейне оказались при тщательномъ пересмотрѣ ихъ до такой степени отступающими отъ подлинника, или полными такихъ грубыхъ промаховъ, что пришлось часть ихъ подвергать радикальной переработкѣ, другую часть совсѣмъ отбрасывать и переводить заново» (т. 8, стр. 3).

Дѣйствительно, редактированіе перевода стихотвореній, особенно такого поэта, какъ Гейне, представляетъ столько трудностей, что и этотъ промежутокъ времени надо признать скорѣе недостаточнымъ, чѣмъ слишкомъ продолжительнымъ.

Для того, чтобы сдѣлать хорошій переводъ въ прозѣ, большею частью надо только ясно понимать мысли автора и столь же ясно излагать свои собственныя. Совсѣмъ другое дѣло въ стихо-

твореніяхъ, особенно лирическихъ. Здѣсь задача состоитъ въ томъ, чтобы передать не мысль, а настроеніе; а какъ разнообразны, неуловимы и субъективны бываютъ элементы, обусловливающіе его, легко пойметъ каждый, припомнивъ, что то же самое стихотвореніе, прочитанное черезъ годъ, или даже черезъ день, часто вызываетъ совсѣмъ различныя впечатлѣнія.

Это особенно относится къ такимъ поэтамъ, какъ Гейне, у которыхъ краска преобладаетъ надъ мыслью, къ поэтамъ колористамъ, если можно такъ выразиться.

Въ такихъ случаяхъ, для того, чтобы переводъ могъ удовлетворить требованіямъ даже невзыскательнаго читателя, вынужденнаго прибѣгать къ нему, первое условіе — чтобы переводчикъ пережилъ то чувство, которое хочетъ вызвать въ другомъ. Самый великій художникъ не въ состояніи выразить того чувства, котораго онъ не испытывалъ. Поэтому редакторъ въ послѣднемъ томѣ вполнѣ основательно рѣшилъ, не ограничиваясь участіемъ четырехъ или пяти ближайшихъ сотрудниковъ, воспользоваться всѣми лучшими переводами, уже появившимися въ печати. А такъ какъ послѣ Лермонтова нѣтъ ни одного русскаго поэта, который не переводилъ бы Гейне, то затрудненіе могло представиться только въ выборѣ.

Но прежде чѣмъ говорить о стихотвореніяхъ, составляющихъ, безъ сомнѣнія, самую существенную часть изданія, хотя они занимаютъ лишь два тома изъ восьми, надо сказать нѣсколько словъ о прозѣ.

Первые шесть томовъ заключаютъ въ себѣ прозаическія произведенія Гейне и заканчиваются его біографіей. Нельзя не отдать справедливости редактору, что при всей своей симпатіи къ автору, какъ поэту, онъ сумѣлъ остаться безпристрастнымъ къ его личности, не прибѣгая къ натяжкамъ для оправданія такихъ сторонъ его характера, которыя могли отчасти объясняться ненормальными условіями среды и развитія, но сами по себѣ не могутъ быть симпатичны не только противникамъ, но даже единомышленникамъ и поклонникамъ.

Однимъ изъ бьющихъ въ глаза противорѣчій между образомъ мыслей и способомъ дѣйствій Гейне является его переходъ въ христіанство. «Тотъ самый человѣкъ, который еще недавно и письменно, и словесно, и въ печатныхъ произведеніяхъ («Альманзоръ») громилъ евреевъ, перемѣнявшихъ изъ-за личныхъ выгодъ религію, который за годъ до того писалъ своему другу Мозеру»: «я считалъ бы ниже своего достоинства и пятномъ для своей чести если бы позволилъ себѣ выкреститься только для того, чтобы получить должность въ Пруссіи» — этотъ самый человѣкъ крестился исключительно съ этой практической цѣлью, потому что видѣлъ невозможность добиться чего-нибудь «служебнаго» т. е. болѣе или менѣе прочно обезпечивающаго существованіе, безъ перехода въ христіанство.».... «Я очень хорошо понимаю слова псалмопѣвца: «Господи, давай мнѣ насущный хлѣбъ, дабы я не позорилъ Твое святое Имя». Весьма фатально, что во мнѣ весь человѣкъ управляется бюджетомъ. На мои принципы отсутствіе или изобиліе денегъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, но на мои поступки оно вліяетъ тѣмъ сильнѣе. Да, великій Мозеръ, Генрихъ Гейне очень малъ... это не шутка, это мое серіознѣйшее, исполненное самаго сильнаго негодованія убѣжденіе. Не могу достаточно часто повторять тебѣ это, чтобы ты не мѣрялъ меня масштабомъ твоей собственной великой души. Моя душа — гумаластиковая, она часто растягивается до безконечности, и часто стягивается до крошечныхъ размѣровъ»... (6 т. стр. 59—60).

Если бы Гейне былъ только беллетристомъ, вліяніе бюджета на его произведенія могло бы оказаться не особенно вредно, мы знаемъ даже не мало примѣровъ, когда необходимость заработка служила могущественнымъ стимуломъ для возникновенія дѣйствительно - художественныхъ произведеній. Но Гейне былъ не только поэтъ, но и публицистъ. Если скульпторъ, музыкантъ, или романистъ имѣетъ право руководствоваться бюджетными соображеніями, публицистъ не можетъ этого сдѣлать, не отказываясь отъ своего прямого назначенія. Поэтому Вейнбергъ совершенно

правъ, когда, говоря о редакторской дѣятельности Гейне въ 1827 г., онъ замѣчаетъ, что «тутъ же сказалась непригодность его для такого дѣла, какъ редактированіе политической газеты — непригодность, въ которой сознавался и самъ Гейне въ это время, ссылаясь на отсутствіе у него политическихъ познаній, на свою стилистическую манеру, не соотвѣтствующую требованіямъ чисто-политической газетной статьи и т. п. Слѣдовало ему сослаться и на причину болѣе существенную: шаткость его политическихъ взглядовъ, и на свою крайнюю субъективность, въ настоящемъ случаѣ совсѣмъ неумѣстную; наконецъ не мѣшало бы ему сознаться и въ томъ нелестномъ для него обстоятельствѣ, что въ то самое время, когда онъ, опредѣляя направленіе своей газеты, писалъ Варнгагену: «я еще молодъ, у меня нѣтъ еще голодающихъ жены и дѣтей, поэтому я еще буду говорить свободно» — въ то же самое время онъ не переставалъ заботиться и хлопотать о полученіи мѣста въ государственной службѣ, хорошо зная, что ужъ тогда говорить свободно, т. е. свободно по-Гейневски, будетъ немыслимо» (6 т. стр. 70—71).

Можно было бы не касаться этихъ противорѣчій въ характерѣ и дѣятельности Гейне, если бы они не положили глубокаго отпечатка на все его творчество, если бы та иронія, которой проникнуты его произведенія, не являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ противорѣчій. Эта иронія не случайная, не внѣшняя, она направлена не на то или другое явленіе въ отдѣльности, а на весь міръ или, вѣрнѣе, на собственное я, которому этотъ міръ представляется.

Если геній Гете раздвояется въ Фаустѣ, и авторъ получаетъ возможность оставаться выше и Фауста, и Мефистофеля, то Гейне слишкомъ субъективенъ, чтобы имѣть возможность даже въ минуты творчества вполнѣ отказаться отъ своей личности, съ ея временными и случайными интересами, а такъ какъ при громадномъ умѣ и поэтической фантазіи онъ не можетъ удовлетворяться этими интересами, то въ его произведеніяхъ безпрестанно проглядываетъ мучительное столкновеніе несогласи-

мыхъ стремленій. Поэзія Гейне вся соткана изъ противорѣчій. Но для того, чтобы они вызывали сочувствіе: смѣхъ, грусть, или жалость, необходимо, чтобы читатель могъ угадывать чутьемъ то, что разсудокъ его отказывается понять; необходимо, чтобы размѣръ, оборотъ фразы, длина или звучность отдѣльныхъ словъ дополняли и придавали смыслъ тому, что само по себѣ не вытекаетъ изъ грамматическаго разбора и анализа понятій.

Требованіе это въ нѣкоторой мѣрѣ относится ко всѣмъ художникамъ, но соблюденіе его у Гейне даже въ его прозѣ не теряетъ значенія. Для того, чтобы передать его мысли и чувства, надо обладать такимъ же талантомъ, какъ онъ, посредствомъ игры словъ, ироніи или шутки, совершать прыжокъ тамъ, гдѣ длинный мостъ разсужденій никогда не могъ бы привести къ цѣли. Обратную сторону такого пріема прекрасно понималъ самъ Гейне, не даромъ такъ иронически объяснявшій кельнершѣ Наннерль значеніе ироніи:

«Прекрасная Наннерль, говорилъ онъ, иронія не пиво, а изобрѣтеніе берлинцевъ, умнѣйшихъ людей на свѣтѣ, которые очень сердились, что родились на свѣтъ слишкомъ поздно для того, чтобы изобрѣсть порохъ, и потому старались сдѣлать изобрѣтеніе не менѣе важное и очень полезное именно для тѣхъ, кто не изобрѣлъ пороха. Въ прежнее время, любезное дитя, когда кто-нибудь совершалъ глупость, что тутъ было дѣлать? Совершившагося вѣдь не уничтожишь, и люди говорили: малый глупъ какъ животное. Это было непріятно. Въ Берлинѣ, гдѣ живутъ люди самые умные, и гдѣ дѣлается наибольше глупостей, эта непріятность чувствовалась глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было» (т. 1, стр. 249.).... и вотъ, наконецъ, нашли средство дѣлать всякую появившуюся глупость какъ бы не появлявшеюся и даже превращать ее въ мудрость. Средство это совершенно просто и заключается въ томъ, что данную глупость надо объявить сказанною или совершенною только изъ ироніи. Такъ, милое дитя, все въ этомъ мірѣ идетъ впередъ: глупость становится ироніей, неудавшееся любопытство (Speichellecherei)

сатирой, дѣйствительное безуміе — юморомъ, невѣжество — блестящимъ остроуміемъ, и ты еще въ концѣ концовъ станешь Аспазіей новыхъ Аѳинъ» (т. 1, стр. 250).

Чтобы дать образецъ того, насколько удачно П. И. Вейнбергъ справляется обыкновенно съ гейневской прозой, приведу еще страницу изъ «книги Ле-Гранъ»:

«Сударыня, имѣете-ли вы вообще понятіе о словѣ «идея»? Что такое идея? «Въ этомъ сюртукѣ есть нѣсколько хорошихъ идей», говорилъ мой портной, осматривая съ серіознымъ видомъ знатока мой оберрокъ, ведущій свое начало еще отъ дней моего берлинскаго щегольства и изъ котораго теперь нужно бы сдѣлать почтенный халатъ. Прачка моя жалуется: «что пасторъ С... поселилъ въ головѣ ея дочери идеи, и она отъ этого поглупѣла и не хочетъ слушать никакихъ разумныхъ убѣжденій. «Кучеръ Паттензенъ ворчитъ при каждомъ случаѣ: «вотъ идея, вотъ идея». Но вчера, когда я спросилъ его, что онъ понимаетъ подъ словомъ «идея», онъ сильно разсердился и сердито проворчалъ: «Ну, ну, идея — это идея... Идея — всякая глупость, которую человѣкъ вообразитъ себѣ...» Въ такомъ же значеніи это слово употреблено гофратомъ Гереномъ въ Геттингенѣ, въ заглавіи его сочиненія.

Кучеръ Паттензенъ — человѣкъ, который и ночью, и въ туманъ не собьется съ дороги въ широкихъ Люнебургскихъ степяхъ; гофратъ Геренъ — человѣкъ, который также умнымъ инстинктомъ своимъ отыскиваетъ старыя караванныя дороги востока и уже много лѣтъ бродитъ по нимъ такъ самоувѣренно и терпѣливо, какъ нѣкогда верблюдъ древняго времени. На такихъ людей можно положиться, за такими людьми можно безбоязненно слѣдовать — и вотъ почему я назвалъ мою книгу: «Идеи» (т. I, стр. 206—207).

Бываютъ, однако, такія трудности, которыхъ не въ состояніи преодолѣть ни одинъ переводчикъ, потому что онѣ зависятъ отъ несовпаденія впечатлѣнія, вызываемаго на различныхъ языкахъ словами, выражающими, повидимому, тождественныя понятія, и отъ невозможности замѣнять ихъ другими.

Какъ бы ни былъ богатъ языкъ, въ немъ нельзя всегда найти выраженія, передающаго не только прямой смыслъ иностраннаго слова, но и всѣ побочныя, связанныя съ нимъ настроенія: русскій переводчикъ чувствуетъ, напримѣръ, затрудненіе каждый разъ, какъ ему приходится переводить: Mensch, Mann, Weib. По своей длинѣ и неуклюжести слова: человѣкъ, мужчина, женщина — не только могутъ превратить въ какофонію самый музыкальный стихъ, но даже въ прозѣ напоминаютъ лѣчебникъ и статистическія таблицы, а не художественное произведеніе. Когда вмѣсто двухсложнаго Mädchen приходится читать «молодая дѣвушка», фраза невольно получаетъ другую окраску. Попробуйте поставить просто «дѣвица», по ассоціаціи мыслей невольно является представленіе о пансіонѣ; перемѣните удареніе и читайте «дѣ́вица»: и воображеніе нарисуетъ вамъ деревенскую красавицу въ сарафанѣ. Поэтому каждый разъ, какъ надо перевести такое слово, вполнѣ соотвѣтствующаго которому, не только грамматически, но и по колориту нельзя найти на языкѣ перевода, лучше обойти его, такъ какъ въ противномъ случаѣ нарушается гармонія и цѣльность всего впечатлѣнія. Необходимо помнить, что въ художественномъ произведеніи на первомъ планѣ стоитъ чувство, а не понятіе, и что лучше пожертвовать точностью словъ, чѣмъ яркостью и гармоніей образовъ.

Несмотря на близость перевода, П. И. Вейнбергу почти всегда удается сохранить вѣрный тонъ, и лишь изрѣдка отдѣльныя фразы заставляютъ вспоминать, что имѣешь дѣло съ переводомъ, а не съ оригиналомъ.

Въ стихотвореніяхъ это, конечно, случается чаще, тѣмъ болѣе, что П. И. Вейнбергъ, повидимому, слишкомъ боится пожертвовать буквальною близостью перевода.

Что касается переводовъ драматическихъ произведеній **Гейне**, то долго останавливаться на нихъ нѣтъ надобности, такъ

какъ въ области драмы Гейне никогда не создалъ ничего выдающагося. Даже Альманзоръ, которому онъ придавалъ такое значеніе, и который, казалось бы, по сходству положеній могъ дать автору тему для яркаго выраженія субъективнаго чувства, большею частью представляетъ лишь рядъ риторическихъ повѣствованій съ красивыми лирическими вставками.

Такъ какъ и Альманзоръ и Ратклифъ написаны нерифмованными ямбами, то переводъ ихъ тѣмъ легче, что въ нихъ нѣтъ ничего характерно-гейневскаго.

Приведу для примѣра страницу съ описаніемъ Спасителя.

На вопросъ Зюлеймы: «ужель тебѣ невѣдомъ этотъ ликъ»? Альманзоръ отвѣчаетъ:

«Да, этотъ ликъ я видѣлъ на дорогѣ
«Въ тотъ день, когда въ Испанію вступилъ:
«Налѣво при пути, ведущемъ въ Хересъ,
«Стоитъ великолѣпная мечеть.
«Но тамъ, гдѣ съ башни муэззинъ взывалъ:
«Единъ лишь Богъ и Магометъ Его
«Пророкъ, теперь уже звучалъ тяжелый,
«Густой, протяжный колокольный звонъ;
«Изъ вратъ ко мнѣ, какъ темная рѣка,
«Неслись могучіе органа звуки,
«Которые, взлетая какъ въ котлѣ
«Волшебномъ, клокотали и кипѣли.
«И какъ рукой гигантской эти звуки
«Влекли меня войти въ тотъ чудный домъ,
«И сердце мнѣ обвили, будто змѣи,
«И грудь мою сдавили и кололи,
«Какъ будто бы гора на ней лежала;
«И было мнѣ такъ тяжело, какъ будто
«Я гору Каффъ несъ на себѣ, и клювъ
«Симурговый въ мое вонзался сердце.
. . . .
. . . .

«И всюду, въ каждой нишѣ видѣлъ я
«Смотрѣвшій на меня все тотъ же ликъ,
«Который здѣсь теперь опять я вижу.
«Но всюду мнѣ страдающимъ и грустнымъ
«Являлся этотъ образъ на картинѣ:
«Тутъ онъ страдалъ подъ тяжкимъ бичеваньемъ,
«Тамъ падалъ онъ подъ бременемъ креста,
«Тутъ на него плевали съ озлобленьемъ,
«Тамъ терніемъ главу его вѣнчали,
«Тутъ, пригвоздивши ко кресту, пронзали
«Его копьемъ — и всюду кровь, кровь, кровь,
«Въ картинѣ каждой... Видѣлъ я еще
«Печальную жену; она держала
«Истерзанный того страдальца трупъ,
«Худой, нагой, облитый черной кровью...
«И разъ услышалъ я звенящій голосъ:
«Сіе есть кровь его», и, оглянувшись,
(Съ содроганіемъ)
«Увидѣлъ мужа, пьющаго изъ чаши...» (т. 7, стр. 51—52—53; «Альманзоръ»).

Столь же удаченъ переводъ многихъ лирическихъ вставокъ, напримѣръ:

«Вѣтерка живыя струи
«Между листьями порхаютъ,
«И дарятъ имъ поцѣлуи,
«И съ любовью обнимаютъ.
«Дышитъ лугъ, потокъ струится,
«По эфиру звѣзды рѣютъ,
«Все живетъ, поетъ, кружится,
«И любовью всюду вѣетъ (т. 7, стр. 41).

Въ Ратклифѣ сильнѣе, чѣмъ въ Альманзорѣ, чувствуется своеобразное романически-мистическое настроеніе, но и здѣсь

свиданіе его съ Маріей и появленіе призраковъ кажутся лишь блѣдными отблесками Манфреда и Астарты.

Несмотря на разнообразіе предметовъ, о которыхъ писалъ Гейне, на множество критическихъ, политическихъ и философскихъ статей, блестящихъ и остроумныхъ, но большею частью вызванныхъ злобою дня и личной симпатіей и антипатіей, его теперь уже, вѣроятно, забыли бы, если бы онъ не былъ авторомъ «Книги Пѣсенъ».

Этотъ рядъ мелкихъ стихотвореній, гдѣ въ нѣсколькихъ строкахъ является цѣлая картина, освѣщенная какимъ-то особеннымъ блескомъ, гдѣ лица и образы выступаютъ при странномъ, полуфантастическомъ освѣщеніи, точно во снѣ, составляетъ совершенно своеобразный способъ творчества Гейне. Въ переводѣ впечатлѣніе это, большею частью, непередаваемо: оно состоитъ изъ неуловимыхъ, тонкихъ сочетаній словъ, оборотовъ и звуковъ, а неожиданныя прозаизмы подчеркиваютъ намѣренія автора, выдвигая отдѣльныя строки и заставляя звучать ихъ умышленнымъ диссонансомъ.

Вотъ, напримѣръ, прекрасно переданное восьмистишіе:

«Пышно липа цвѣла; заливался въ кустахъ соловей;
«Солнце смѣхомъ привѣтнымъ смѣялось;
«Ты, цѣлуя меня, обнимала рукою своей,
«Полной грудью ко мнѣ прижималась».

«Но опали листы, глухо воронъ въ лѣсу прокричалъ,
«Сердце мертвеннымъ взоромъ смотрѣло,
«И другъ другу «прости» безъ волненія каждый сказалъ,
«И превѣжливо мнѣ тѣ присѣла». (т. 7, стр. 290).

Но и тутъ впечатлѣніе не можетъ быть передано вполнѣ: пришлось измѣнить и удлинить размѣръ, благодаря чему вмѣсто короткаго и образнаго: Da sagten wir frostig einander «leb wohl», пришлось поставить: «И другъ другу» «прости» «безъ волненія каждый сказалъ».

Вотъ еще восьмистишіе, гдѣ переводчикъ также съ почти дословной точностью сочетаетъ художественность и силу оригинала:

«Изъ слезъ моихъ выходитъ много
«Благоухающихъ цвѣтовъ
«И стоны сердца переходятъ
«Въ хоръ сладкозвучныхъ соловьевъ.

«Люби меня — и подарю я,
«Дитя, тебѣ цвѣты мои,
«И подъ окошками твоими
«Зальются звонко соловьи».

Не передалъ онъ только уменьшительное: Kindchen и былъ совершенно правъ, такъ какъ это уменьшительное въ квадратѣ не могло бы усилить впечатлѣнія.

Столь же вѣрно выдержанъ колоритъ и въ стихотвореніи:

«Любитъ юноша дѣвицу,
«Та другого избираетъ,
«А другой другую любитъ,
«Съ ней въ законный бракъ вступаетъ».

«Раздосадована этимъ,
«Сочетается дѣвица
«Тоже бракомъ съ первымъ встрѣчнымъ.
«Юноша грустить и злится».

«Эта старая исторья
«Вѣчно новой остается;
«А задѣнетъ за живое—
«Сердце на двое порвется» (т. 7, стр. 297).

Не буду умножать примѣровъ такихъ переводовъ, которыхъ наберется не мало. Приведу еще только одно стихотвореніе, гдѣ особенно ясна трудность или, вѣрнѣе, невозможность удовле-

творить въ равной мѣрѣ требованіямъ близости и художественности:

«Изъ великихъ страданій слагаю
«Невеликія пѣсенки я;
«Расправляютъ звучащія крылья
«И летятъ онѣ къ сердцу ея».

«И нашли онѣ къ милой дорогу,
«Но оттуда вернулись ко мнѣ
«И, тоскуя, сказать не хотѣли,
«Что увидѣли въ сердцѣ онѣ» (т. 7, стр. 295).

Звучащія крылья хорошо передаютъ klingend Gefieder, хотя «звенящія» было бы ближе и лучше, потому что у всѣхъ птицъ, кромѣ ночныхъ, крылья звучатъ, но слово «звенящій» подходитъ только къ полету пѣсни; но во второмъ стихѣ пропадаютъ простота и контрастность: изъ моихъ великихъ скорбей я слагаю малыя пѣсни; слово малый (klein), очевидно, выражаетъ здѣсь краткость, а не уменьшительное въ смыслѣ пѣсенки, поэтому впечатлѣніе получается совсѣмъ иное. Вторая строфа удовлетворительна, но только потому, что лучше передать сплетеніе звуковъ и сохранить вѣрность къ подлиннику едва ли возможно.

У Гейне риѳмуютъ первый съ четвертымъ стихомъ четверостишія и второй съ третьимъ, переводчикъ оставилъ риѳмы только между вторымъ и четвертымъ. Благодаря этому сохранилась словесная близость къ оригиналу, но пропалъ, такъ сказать, гвоздь его.

«Sie fanden den Weg zur Trauten».

«Нашли онѣ къ милой дорогу», до сихъ поръ переводъ точенъ дословно; но вотъ Гейне переходитъ къ настоящему времени:

«Und klagen und wollen nicht sagen»,

и даетъ вторую риѳму въ той же строкѣ, тѣмъ самымъ под-

черкивая ее и выдвигая, и затѣмъ оканчиваетъ опять въ прошедшемъ:

«Was sie im Herzen schauten»...,

риѳмуя съ первой строкой четверостишія.

Пріемъ этотъ, конечно, нельзя передать даже на языкѣ, гораздо болѣе родственномъ нѣмецкому, нежели русскій, и невольно опять возникаетъ вопросъ, въ чемъ состоитъ главная задача передачи художественнаго произведенія? Публика отвѣчаетъ: сдѣлайте такъ, чтобы переводъ былъ и близокъ, и артистиченъ; но каждый, кому приходилось трудиться надъ такой задачей, знаетъ, что языкъ не алгебра, гдѣ приближеніе, даже между несоизмѣримыми величинами, можетъ быть доведено до какой угодно степени, лишь бы хватило терпѣнія.

Вотъ почему бываетъ иногда невозможно провести границу между художественнымъ переводомъ и подражаніемъ: степень необходимыхъ отступленій опредѣляется только чутьемъ переводчика и его умѣньемъ пользоваться родною рѣчью.

Тутъ происходитъ нѣчто похожее на копированіе картины или статуи, но тогда какъ въ пластикѣ и живописи художникъ можетъ выбирать матеріалъ и краски, переводчикъ ужъ получаетъ ихъ готовыми въ томъ языкѣ, которымъ долженъ пользоваться.

Представьте себѣ, что найдены вещества совершенно неотличимыя отъ мрамора или бронзы, позволяющія дѣлать съ барельефовъ и статуй точные снимки, или что цвѣтная фотографія можетъ передавать цвѣта въ такомъ совершенствѣ, что фотографическаго снимка нельзя ужъ отличить отъ акварели или масляныхъ красокъ. Если при такихъ условіяхъ въ картинахъ и статуяхъ остается еще мѣсто для художества, то оно всецѣло переносится въ область замысла.

Свѣтъ и звукъ, насколько они проявляются въ матеріальномъ мірѣ, только движенія, и какъ только явится возможность механическаго повторенія тѣхъ ощущеній, которыя вызываютъ въ

насъ представленіе прекраснаго, явится и возможность наслаждаться произведеніями скульптуры, живописи и музыки за тысячи верстъ отъ нихъ, такъ же, какъ если бы они были — отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Совсѣмъ другое дѣло переводъ: никакой механическій пріемъ не можетъ вызвать въ умѣ человѣка другой національности мысли и чувства, которыя волнуютъ насъ самихъ, если мы не умѣемъ передать ихъ на понятномъ ему языкѣ. Между идеями, выраженными на различныхъ языкахъ, нельзя найти другого моста, кромѣ человѣческаго сознанія. Но какъ лучъ свѣта, проходя черезъ различныя тѣла, преломляется, разлагается или отражается, такъ и мысль человѣка, пройдя черезъ сознаніе другого, можетъ измѣнить первоначальное направленіе, или получить другую окраску. Тотъ, кто берется выразить мысль уже высказанную, на другомъ языкѣ, т. е. передать ее новыми знаками, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно вноситъ нѣкоторый оттѣнокъ, котораго она не имѣла, пока была выражена самимъ авторомъ. Такимъ образомъ почти всегда есть поводъ, или по крайней мѣрѣ предлогъ, примѣнить къ переводу итальянскую поговорку и обвинить переводчика въ предательствѣ. Только лѣнивый не сумѣетъ найти въ его трудѣ, какъ бы онъ ни былъ добросовѣстенъ, безчисленныхъ недочетовъ; между тѣмъ сплошь и рядомъ недочеты эти зависятъ не отъ переводчика, а отъ самаго свойства его задачи.

Размѣръ, звукъ и длина словъ придаютъ каждому стихотворенію особый характеръ, но передать въ точности мысль, не мѣняя ни размѣра, ни звука, ни длины словъ, нельзя; иными словами, только ихъ совокупностью обусловливается впечатлѣніе, вызываемое оригиналомъ.

Одного различія въ размѣрѣ достаточно, чтобы измѣнить впечатлѣніе даже тогда, когда слова и обороты рѣчи сохранены. Между тѣмъ несовпаденіе въ длинѣ словъ часто дѣлаетъ почти неизбѣжной перемѣну размѣра. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ямбъ и хорей, которыми написана большая часть стихотвореній Гейне, не свойственны характеру русскаго языка, хотя

громадное большинство нашихъ поэмъ и стихотвореній написаны именно этимъ размѣромъ.

Дѣло въ томъ, что для звучности и плавности стиховъ необходимо, чтобы требованія размѣра совпадали съ требованіями грамматики и логическаго смысла; какъ бы правильно съ точки зрѣнія версификаціи ни было стихотвореніе, оно остается лишь плохими виршами, если ударенія падаютъ на разныя частицы, въ родѣ: ужъ, и, не, и т. п. или на такіе слоги, гдѣ они не слышатся ухомъ, а только подразумѣваются.

Если читать русскую прозу, обращая вниманіе на ударенія, въ среднемъ придется одинъ ударяемый слогъ на два неударяемыхъ, поэтому въ ямбѣ и хореѣ грамматическія ударенія почти никогда не совпадаютъ съ требованіями размѣра.

Проскандируйте, напримѣръ, эти четыре стиха:

«Страшитесь козней сатаны,
«Честные христіане,
«Пусть васъ Тангейзера судьба
«Остережетъ заранѣ».

Въ словѣ «сатаны» надо дѣлать два ударенія, въ словѣ «христіане» тоже два, такъ же какъ въ словахъ: «Тангейзера» и «остережетъ»,—такимъ образомъ ни одного стиха изъ четырехъ нельзя прочесть такъ, какъ того требуетъ размѣръ, не измѣняя грамматическихъ ударений.

Если несмотря на это хорошіе стихи читаются гладко, а не превращаются въ риѳмованную прозу, то это зависитъ отъ того, что поэтъ инстинктивно слѣдуетъ другому правилу, не подразумѣвая ударений тамъ, гдѣ ихъ не допускаетъ грамматика, а пропуская ихъ тамъ, гдѣ она ихъ предполагаетъ, но гдѣ по смыслу они не составляютъ необходимости, такъ что вмѣсто четырехъ ударений въ стихѣ остается два.

Возьмемъ примѣръ:

«Пусть прильпнетъ языкъ къ гортани,
«Пусть рука моя отсохнетъ,
«Если только позабуду
«Я, тебя Іерусалимъ».

«Все мнѣ чудятся сегодня
«Эти рѣчи и напѣвъ ихъ,
«И какъ будто бы я слышу
«Пѣнье стройное псалмовъ».

«А порой я вижу ясно
«Рядъ бородъ кудрявыхъ, длинныхъ,
«Привидѣнья, кто межъ вами
«Іегуда Бенъ-Галеви?» (т. 8, стр. 144).

и дальше:

«О гряди, женихъ желанный,
«Ты во срѣтенье невѣстѣ —
«Той, которая откроетъ
«Для тебя свой ликъ стыдливый».

«Этотъ чудный стихъ вѣнчальный
«Сочиненъ былъ знаменитымъ,
«Миннезингеромъ великимъ,
«Донъ Іегудой Бенъ-Галеви».

«Въ этомъ гимнѣ восхваляль онъ
«Обрученье Израиля
«Съ царственной принцессой Шабашъ,
«По прозванью молчаливой».

Всѣ стихи здѣсь читаются легко и плавно, кромѣ предпослѣдняго, гдѣ надо дѣлать удареніе несогласно ни со смысломъ, ни съ грамматикой.

Насколько ямбъ и хорей несвойственъ русскому языку, видно изъ того, что даже Пушкинъ допускалъ иногда такія непра-

вильныя ударенія, какъ напримѣръ: «Погасло днѐвное свѣтило...»; въ словѣ «дневное» приходится считать ударяемыми первый и послѣдній слоги, а неударяемымъ средній, т. е. именно тотъ, на который въ дѣйствительности падаетъ удареніе, между тѣмъ тѣ же слова составляютъ звучный и правильный стихъ, если ихъ прочесть какъ амфибрахій.

Еще примѣръ:

«И люди мнѣ противны; даже мой
«Другъ, сносный вообще — и тотъ волнуетъ;
«Все оттого, мой ангелъ дорогой,
«Что свѣтъ тебя «мадамъ» ужъ титулуетъ» (т. 7, стр. 292).

Несмотря на риѳмы, получается впечатлѣніе прозы.

Возьмемъ наоборотъ переводъ

«Гастингскаго поля битвы»:

«Глубоко вздыхаетъ Вальтгемскій аббатъ,
«Скорбитъ въ немъ душа поневолѣ:
«Услышалъ онъ вѣсть, что король ихъ Гарольдъ
«Палъ въ битвѣ на Гостингскомъ полѣ».

«И тотчасъ же шлетъ двухъ монаховъ аббатъ
«На мѣсто, гдѣ битва кипѣла,
«Веля отыскать имъ межъ грудами тѣлъ
«Гарольда убитаго тѣло».

«Монахи съ печалію въ сердцѣ пошли,
«Съ печалью они воротились;
«Увы, говорятъ, преподобный отецъ,
«Мы съ счастіемъ нашимъ простились».

«Погибъ наилучшій изъ Саксовъ; въ бою
«Побѣду взялъ Банкертъ негодный;
«Разбойники дѣлятъ родную страну,
«Въ раба превратился свободный».

«На островѣ бриттовъ, какъ лорды, царятъ
«Норманскіе вшивые воры,
«Я видѣлъ, какой-то портной изъ Байе
«Надѣлъ золоченыя шпоры».

«О горе тому, кого саксомъ зовутъ.
«И вы, что въ небесномъ сіяньѣ
«Живете, патроны саксонской земли —
«Постигло и васъ поруганье» (т. 8, стр. 18—19) и т. д.

Ударенія располагаются здѣсь сами собой и стихи читаются свободно. Конечно, и трехсложными размѣрами можно написать неуклюжіе русскіе стихи, и двухсложными музыкальные и красивые, но нельзя не видѣть, что требованія двухсложнаго размѣра усложняютъ задачу переводчика.

Если не только личныя качества автора, но и свойства языка дѣлаютъ многія особенности поэтическаго произведенія непереводимыми, то, конечно, отъ переводчика можно требовать только передачи основныхъ очертаній произведенія, а не тѣхъ тонкостей, которыя нерѣдко составляютъ, однако, ихъ главную прелесть. Для того, чтобы передать даже существенныя черты, необходимо, какъ уже было сказано, чтобы переводчикъ способенъ былъ отдаться тому настроенію, которымъ охваченъ былъ авторъ.

Такъ какъ въ поэмахъ и драматическихъ произведеніяхъ настроеніе нерѣдко мѣняется, и одни мѣста могутъ быть переданы болѣе, а другія менѣе удачно, то высказывалось иногда мнѣніе, что можно было бы изъ лучшихъ мѣстъ составить компиляцію, нѣчто въ родѣ стихотворной мозаики. Легко однако убѣдиться въ неисполнимости такого предложенія: каждый переводчикъ, какъ бы онъ ни стремился сохранить близость къ оригиналу, невольно вноситъ въ переводъ долю своего личнаго характера и вкуса; и это различіе, отражаясь въ отдѣльныхъ частяхъ перевода, не можетъ не вызвать вопіющаго диссонанса въ цѣломъ.

Вообще говоря, для того, кто хочетъ вполнѣ оцѣнить художественное произведеніе, нѣтъ другого способа, какъ читать его въ подлинникѣ, хотя бы для этого пришлось предварительно научиться тому языку, на которомъ оно написано.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что трудно дать общую оцѣнку изданія П. И. Вейнберга, такъ какъ въ него вошло болѣе тридцати переводчиковъ; и кромѣ самого Вейнберга мы встрѣчаемъ тамъ имена А. Н. Майкова, А. А. Фета, А. К. Толстого, А. Н. Плещеева и другихъ.

Когда дѣло идетъ о переводѣ многотомнаго сочиненія, поэтическое дарованіе самого переводчика далеко не всегда служитъ порукой за удовлетворительность перевода, но когда передается лишь нѣсколько строфъ, тотъ фактъ, что поэтъ берется за эту задачу, показываетъ уже, что въ стихотвореніи звучатъ родственныя ему струны, и это служитъ указаніемъ, что онъ лучше другихъ сумѣетъ передать его основной тонъ, хотя, можетъ быть, далеко отступитъ отъ словесной точности. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить, напримѣръ, переводъ А. Плещеева:

«Не страшись — скрывать отъ свѣта
«Я любовь свою привыкъ,
«Хоть красу твою съ восторгомъ
«Превозноситъ мой языкъ».

«Нѣтъ! Подъ лѣсомъ розъ душистыхъ
«Глубоко я схоронилъ
«И пылающую тайну,
«И сердечный тайный пылъ».

— Пусть сомнительная искра
«Изъ-подъ розъ порой блеснетъ—
«Ты не бойся: это пламя
«Свѣтъ поэзіей сочтетъ» (т. 8, стр. 297).

Что за бѣда, что въ первой строфѣ пропущено: «не страшись, что я выдамъ свою любовь»? Что за бѣда, что во второй строфѣ вмѣсто «лѣсъ цвѣтовъ» сказано опредѣленнѣе»: лѣсъ душистыхъ розъ»? зато какъ поэтичны и близки:

«И пылающую тайну,
«И сердечный тайный пылъ».

Это переводъ, въ которомъ невозможно угадать перевода, если не знаешь оригинала; къ этому долженъ стремиться каждый переводчикъ: онъ долженъ воспринять чувства и образы, данные авторомъ, но выразить ихъ на своемъ языкѣ такъ же ясно и свободно, какъ если бы никогда не читалъ ихъ на чужомъ. Если иностранныя слова и выраженія звучатъ у него въ ушахъ во время работы, переводъ становится такъ же мало похожъ на живую рѣчь, какъ узоръ, вышитый по канвѣ, на картину.

Но есть ли возможность издать переводъ собранія стихотвореній, составивъ его изъ безукоризненныхъ поэтическихъ произведеній?

Во-первыхъ, у самого автора матеріалъ далеко не всегда равноцѣнный. И тѣ страницы, которыя не вызываютъ яркаго отклика въ редакторѣ или сотрудникахъ, приходится пополнять болѣе или менѣе механически, стихами, въ родѣ:

«Хоть разъ бы до вѣчной разлуки
«Цвѣтокъ свой на грудь я привлекъ.
«Хоть разъ бы блаженныя муки
«Испилъ я изъ губокъ и щекъ»,

или вмѣсто:

Und leise leise sich bewegt
Die marmorblasse Maid,
Und an mein Herz sich niederlegt
Die marmorblasse Maid

«Созданье, мрамора блѣднѣй,
«Такъ тихо, тихо шло,

«Созданье, мрамора блѣднѣй,
«Мнѣ къ сердцу прилегло» (т. 8, стр. 532—533),

и далѣе:

«Не бьется, правда, грудь моя,
«Холодная, какъ ледъ;
«Но рай любви, но власть ея
«Въ моей душѣ живетъ» (т. 8, стр. 533)

эти двѣ послѣднія строки замѣняютъ:

Doch kenn'ich auch der Liebe Lust,
Der Liebe Allgewalt.

Но такихъ неудачныхъ стиховъ въ сборникѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сотенъ страницъ, очень немного, а нужно много труда и умѣнья не только для того, чтобы самому переводить своеобразный и причудливый стихъ Гейне, но и для того, чтобы собрать весь матеріалъ и сдѣлать изъ него умѣлый выборъ. Здѣсь, можетъ быть, умѣстнѣй, чѣмъ гдѣ-либо, припомнить правило: la critique est aisée mais l'art est difficil.

И мы должны быть только признательны П. И. Вейнбергу за его громадный трудъ, не ставя ему въ вину мелкіе недочеты, неизбѣжные въ такомъ дѣлѣ.

Кн. Д. Цертелевъ.

Переводъ П. И. Вейнберга драмы Шиллера — „Пикколомини", въ пяти дѣйствіяхъ.

Обширная и многолѣтняя дѣятельность П. И. Вейнберга, какъ переводчика произведеній иностранныхъ писателей, по преимуществу въ стихотворной формѣ, давно составила ему почетную извѣстность. Онъ занялъ особое мѣсто въ средѣ нашихъ поэтовъ — переводчиковъ, выступивъ съ первыхъ шаговъ своей полувѣковой литературной карьеры поборникомъ принципа соблюденія наивозможной точности передачи не только общаго смысла, но самихъ выраженій, образности языка, даже структуры фразъ — въ подлинникахъ, насколько это оказывалось исполнимымъ безъ нарушенія законовъ русской рѣчи. П. И. Вейнбергъ сумѣлъ воспитать въ себѣ въ равной мѣрѣ чувство правильнаго литературнаго стиля въ родномъ ему языкѣ и воспріимчивость къ особенностямъ художественной рѣчи, по крайней мѣрѣ, трехъ главныхъ западно-европейскихъ языковъ— нѣмецкаго, французскаго и англійскаго, съ которыхъ имъ исполнено большинство его переводовъ. Онъ отошелъ отъ прежняго взгляда на художественные переводы, по которому неточность именно въ стихотворной передачѣ иностраннаго произведенія признавалась почти законной и требованія ограничивались соблюденіемъ смысла въ самыхъ общихъ чертахъ, при чемъ не

возбранялось не только пропускать, но и добавлять своего для большей цѣльности поэтическаго переложенія.

У поэтовъ, сильныхъ непосредственнымъ дарованіемъ, каковыми были у насъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка — Жуковскій и Лермонтовъ, — такія поэтическія переложенія чужихъ произведеній пріобрѣтали значеніе самостоятельныхъ твореній нерѣдко соперничая по силѣ и красотѣ формы съ оригиналами, хотя бы сюжеты и были переданы «по иному». У Жуковскаго то, что принято называть «духомъ произведенія», почти всегда вѣрно схвачено и выражено въ соотвѣтствующей формѣ, несмотря на вольное отношеніе къ оригиналу. Едва ли нужно напоминать о столь же вольныхъ, хотя и кон-геніальныхъ переводахъ Лермонтова изъ Гейне и изъ Гете. Но, какъ-бы подобныя произведенія на заимствованныя темы ни обогатили въ свое время нашу отечественную литературу шедеврами, благодаря которымъ многое чужое стало у насъ «своимъ сокровищемъ», — такое отношеніе къ иностраннымъ подлинникамъ было возможно лишь въ началѣ развитія нашей собственной классической поэзіи новой эпохи, когда въ широкихъ кругахъ общества памятники иностранной литературы были почти неизвѣстны въ ихъ подлинномъ видѣ, когда общество еще не пришло къ сознанію, что чужое можетъ быть присвоено и въ его неприкосновенной формѣ, для пониманія которой нужна лишь нѣкоторая подготовка, приспособленіе, болѣе детально-внимательное отношеніе. Съ распространеніемъ и подъемомъ образованности долженъ былъ возникнуть спросъ на болѣе точные и бережные переводы памятниковъ художественнаго творчества иностранныхъ писателей. А возможность ихъ выполненія была обусловлена развитіемъ собственной художественной литературы, выработкой поэтическаго языка и стихотворной техники.

П. И. Вейнбергъ угадалъ требованія и умѣло воспользовался орудіемъ передачи, т. е. выработаннымъ, по лучшимъ образцамъ нашихъ классическихъ поэтовъ первой половины XIX вѣка, литературнымъ языкомъ.

Онъ проявилъ большое разнообразіе въ примѣненіи этого языка къ переводамъ весьма различныхъ поэтовъ и, при весьма несомнѣнныхъ качествахъ его переводовъ, оказалъ существенныя услуги русскому просвѣщенію. Здѣсь, конечно, неумѣстно входить въ общую оцѣнку его трудовъ, какъ переводчика, но нельзя опускать изъ виду его заслугъ, вообще, обращаясь къ анализу одного только произведенія — перевода второй части трилогіи Шиллера о Валленштейнѣ — именно драмы «Пикколомини», представленной имъ на премію имени А. С. Пушкина при Императорской Академіи Наукъ. Третья часть трилогіи — «Смерть Валленштейна» переведена г. Вейнбергомъ совмѣстно съ г-жей Чюминой, такъ что представляется затруднительнымъ дробить долю участія каждаго изъ переводчиковъ.

При переводѣ «Пикколомини» — П. И. Вейнбергъ выказалъ, въ общемъ, свои обычныя качества: стремленіе къ большой точности передачи оригинала, съ соблюденіемъ стиля автора въ наивозможно-правильной стихотворной рѣчи. Задача не легкая и во многомъ переводчикъ справился съ нею весьма удачно. Однако, кое-что подлежитъ и возраженію, а такъ какъ достоинства говорятъ сами за себя и находятъ себѣ поддержку въ совершенно вѣрномъ принципѣ, которымъ долженъ руководствоваться всякій настоящій переводчикъ, то мы остановимся только на нѣкоторыхъ спорныхъ мѣстахъ перевода. Изъ-за нихъ подвергся опасности и самый принципъ. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году, вслѣдъ за напечатаніемъ новаго перевода г. Вейнберга драмы Шиллера, появился и другой переводъ «Пикколомини» и «Смерти Валленштейна» — П. А. Каленова, въ посмертномъ изданіи, съ предисловіемъ П. Н. Милюкова (Москва 1902 г.). Каленовъ придерживался прежняго принципа переводчиковъ — свободно относиться къ тексту, лишь бы удержать въ передачѣ главныя мысли подлинника въ непринужденной русской рѣчи. Онъ нашелъ себѣ горячаго заступника въ лицѣ своего бывшаго ученика, нынѣ извѣстнаго историка и писателя — П. Н. Милюкова. Послѣдній ставитъ въ заслугу г. Каленову, что

онъ — «эманципировался отъ буквы текста и старается лишь передать его духъ». Онъ указываетъ на преимущество — сохраненія всѣхъ мыслей Шиллера «безъ его амплификацій и цвѣтовъ краснорѣчія» (стало быть, какъ бы исправляя Шиллера?). Каленовъ-де создалъ «для передачи поэтическаго языка Шиллера свой языкъ, энергичный и сжатый, поразительно простой и легкій». Между тѣмъ, по мнѣнію г. Милюкова, П. И. Вейнбергъ погнался за недостижимымъ и «тяжеловѣсная фраза буквальнаго перевода слишкомъ часто топитъ достоинства (оригинала) и рѣзко подчеркиваетъ недостатки. Очень часто надо прочесть два раза длинную, неуклюже построенную фразу перевода, чтобы уловить ея смыслъ» и т. д. (стр. XX). Выясняя даже умышленныя неправильности перевода Каленова, съ оговоркой, что «у Вейнберга (въ данныхъ мѣстахъ) нескладно, но вѣрно», г. Милюковъ заканчиваетъ свою оцѣнку различныхъ переводовъ двухъ названныхъ драмъ Шиллера замѣчаніемъ, что — «если въ переводѣ Вейнберга остается нѣкоторымъ преимуществомъ — весьма, впрочемъ, сомнительнымъ (?) — большая точность и близость къ подлиннику, то оба (прежніе) перевода — Лялина и Шишкова — должны считаться окончательно устарѣвшими съ выходомъ въ свѣтъ перевода П. А. Каленова».

О достоинствѣ переводовъ Лялина и Шишкова спорить не станемъ; но поражаетъ мнѣніе, что близость къ подлиннику могла бы считаться «весьма сомнительнымъ преимуществомъ»; вопросъ въ томъ, насколько переводъ г. Вейнберга своимъ стремленіемъ къ точности «топитъ» художественное значеніе текста Шиллера? Для сравненія П. Н. Милюковъ выписываетъ два мѣста изъ «Пикколомини», которыя, однако, оказываются скорѣе противъ, чѣмъ за его мнѣніе.

Вотъ en regard оба перевода сцены между Максомъ Пикколомини и Теклой въ III д., такъ, какъ они выписаны г-номъ Милюковымъ (приводимъ сперва третью цитату):

Пикколомини, 3, IV.

Вейнбергъ.

Текла. Ахъ, матушка опять
Такъ плакала. Она страдаетъ— это
Я вижу и, однако, не могу
Сама не быть счастливой.
Максъ. Вновь я смѣю
Глядѣть на васъ. За нѣсколько часовъ
Не могъ смотрѣть. Блескъ драгоцѣнныхъ камней,
Который васъ такъ пышно окружилъ,
Скрывалъ, увы, души моей царицу
Отъ глазъ моихъ.

Каленовъ.

Текла.........., я была
У матери. Она опять въ слезахъ.
Какъ мнѣ ее утѣшить я не знаю.
Максъ. Теперь опять гляжу на васъ свободно,
Безъ тайной робости; а нынче утромъ
Блескъ драгоцѣнныхъ камней отдалялъ
Меня невольно.

Не трудно замѣтить, что стиль въ переводѣ Каленова — дѣйствительно его собственный, но почему же мы должны его принять за стиль Шиллера? Это не переводъ, а пересказъ «своими словами», и къ тому же въ весьма прозаическихъ оборотахъ (особенно въ первой цитатѣ у Милюкова, параллельно переводу г-жи Чюминой): мы «духа» Шиллера тутъ не видимъ и отдаемъ безусловно преимущества переводу Вейнберга.

Въ другомъ, приводимомъ г. Милюковымъ примѣрѣ, погрѣшилъ неточностью г. Вейнбергъ и это ему не въ похвалу, что не отмѣчено критикомъ. Дѣло, впрочемъ, только въ имени. Максъ Пикколомини, вспоминая сколькимъ онъ обязанъ Валленштейну, говоритъ далѣе (дословно): «о, чего только я не выражаю этимъ дорогимъ именемъ Фридландъ. Всю жизнь я долженъ быть плѣнникомъ этого имени, — въ немъ зацвѣтетъ для меня всякое счастье и всякая надежда; судьба меня въ немъ держитъ крѣпко, словно въ волшебномъ пальцѣ». П. И. Вейн-

бергъ замѣнилъ Фридландъ — Валленштейномъ («Сколько высказываю я, произнося — Мнѣ дорогое имя Валленштейна»). Это неправильно, потому что, употребляя родовое имя герцога Фридландскаго, Максъ имѣлъ въ виду не только, и даже можетъ быть не столько отца, какъ дочь, которую онъ любитъ. Въ другомъ мѣстѣ и Текла говоритъ о себѣ: «я тоже Фридландъ». Но, очевидно, она не могла бы сказать — «я тоже Валленштейнъ»... Такимъ образомъ, обобщая имя, Максъ одновременно воздавалъ честь отцу и высказывалъ свои мечты о дочери, къ которой образъ — «Zauberring» гораздо ближе. Каленовъ сохранилъ имя «Фридландъ», но пропускаетъ выраженіе — «останусь въ плѣну» и замѣняетъ «волшебное кольцо» общимъ терминомъ — «волшебная сила». Мы въ этомъ не видимъ никакого особаго преимущества, ибо при такой парафразѣ только стертъ значительный, хотя робко выраженный, иносказательный намекъ Макса на возможное обручальное *кольцо*, которымъ онъ мечтаетъ соединиться навѣки съ Теклой.

Однако, отстаивая въ общемъ «несомнѣнное» преимущество принципа, которымъ руководился г. Вейнбергъ при переводѣ Шиллера, должны ли мы, на основаніи нѣсколькихъ не особенно удачныхъ мѣстъ въ его текстѣ, дѣлать общій выводъ, что точная передача, одновременно вѣрная и ясная, т. е. въ художественной формѣ и по русски, представляется недостижимой?

Разсмотримъ сперва нѣсколько случаевъ.

Во II явл. I дѣйств. «Пикколомини» членъ военнаго совѣта фонъ-Квестенбергъ говоритъ о преимуществахъ войны. Въ переводѣ г. Вейнберга:

...Я
Почти забылъ про всѣ ея невзгоды,
Увидѣвши порядка духъ высокій,
Благодаря которому она,
Весь разрушая міръ, сама, однако,
Стоитъ ненарушимо и себя
Въ великомъ цѣломъ проявляетъ.

Это, конечно, очень тяжело выражено. Отвѣтственность за риторичность фразы падаетъ отчасти на нѣмецкаго поэта, который впрочемъ въ концѣ этой тирады далъ болѣе выразительный стихъ:

«Das Grosse mir erschienen, das er (т. е. der Krieg) bildet». — «Цѣлое» — есть приставка переводчика и она неумѣстна. Стало быть повинна не точность передачи, а добавка «отъ себя». У Каленова:

...И все, что раззоряя міръ, война
Великаго однакожъ производитъ.

Это лучше, чѣмъ у Вейнберга, но въ то же время вѣдь и точнѣе. Въ томъ же явленіи нѣсколько ниже, у г. Вейнберга опять таки выражены дѣйствительно очень темно и сбивчиво замѣчанія Изолани и Квестенберга, ясно и просто переданныя Каленовымъ.

Каленовъ.

Изолани: Оно понятно, господинъ министръ,
Что Вамъ теперь, при вашемъ порученьи,
Не очень то пріятно вспоминать
О порученьи томъ....

Квестенбергъ. О, нѣтъ, напротивъ.
Межъ порученьемъ нынѣшнимъ и тѣмъ
Противорѣчья нѣтъ: въ то время нужно было
Богемію спасти отъ рукъ враговъ,
А нынче — отъ защитниковъ избавить.

Г. Вейнбергъ затемняетъ передачу оборотомъ: «исполняя — Теперешнее порученье, не совсѣмъ — Пріятно вамъ о томъ, *прошедшемъ*, вспоминать». «То прошедшее» — звучитъ двусмысленно, если не имѣть текста передъ глазами, чтобы видѣть, что «прошедшее» отдѣлено запятыми. Эпитетъ выбранъ неудачно вм. прежнемъ, прошломъ, и не соотвѣтствуетъ стоящему въ ориги-

налѣ «alten». Вообще, «*прошедшее* порученіе» есть неправильный оборотъ. И дальше, въ отвѣтѣ Квестенберга: «Да почему же. Противорѣчія *межъ ними* нѣтъ». Не сразу догадаешься, что «межъ ними» относится къ *прежнему* (а не «прошедшему») порученію и къ теперешнему.

Въ этой же сценѣ, нѣсколько дальше, бóльшая точность перевода у Каленова спасаетъ начало фразы Илло, но конецъ ея безсмысленъ: «Люди — себя бодрѣе чувствуютъ подъ гнетомъ — необходимости, чѣмъ при избраньи — того или другого зла». При чемъ тутъ «зло?» У Шиллера — «als in eine bittre Wahl», т. е. «чѣмъ при горькой необходимости сдѣлать выборъ». Говорится о всякомъ выборѣ, вообще, а вовсе не объ альтернативѣ двухъ золъ. У г. Вейнберга тяжело выражено начало фразы, но конецъ лучше: «и во сто разъ для нихъ — удобнѣе долгъ ненавистный — сдѣлать — То или то (!), чѣмъ горькая свобода — для выбора». — «Долгъ сдѣлать то» — некрасивый, да и не русскій оборотъ рѣчи (говорится: «долгъ *велитъ* сдѣлать то или то», но врядъ ли просто «долгъ сдѣлать» — по аналогіи съ «необходимость сдѣлать» и т. п. выраженіями. Если допускается оборотъ «мой долгъ — исполнить» или «сдѣлать» то или другое, то здѣсь иная структура фразы, представляющей сокращенное предложенье, вмѣсто: мой долгъ *заключается въ томъ, чтобы* исполнить).

Если бы мы стали продолжать такое сопоставленіе обоихъ переводовъ, en regard съ подлинникомъ, то можно было бы отмѣтить еще въ нѣскольких случаяхъ частичныя преимущества перевода Каленова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ лучше справился съ текстомъ просто потому, что ему подвернулось болѣе удачное выраженіе, что онъ нашелъ подходящее слово, ближе воспроизвелъ смыслъ подлинника. Но въ то же время онъ до чрезвычайности облегчилъ себѣ задачу тѣмъ, что пропускалъ мѣста, представляющія бóльшія затрудненія переводу; онъ упростилъ себѣ задачу, а не всегда же разрубить узелъ — равносильно его развязыванію. Тексту Каленова нельзя довѣриться,

ибо, не имѣя подъ рукой оригинала, никогда не знаешь въ какой мѣрѣ онъ вамъ даетъ настоящаго Шиллера. И тѣ читатели, которые дорожатъ не столько фабулой произведенія, какъ индивидуальностью художника, создавшаго извѣстный образъ, вложившаго свое я въ обработкѣ сюжета, не могутъ удовлетвориться отношеніемъ къ дѣлу въ духѣ Каленова. Они охотнѣе послѣдуютъ за тѣмъ идеаломъ точности перевода, который носится передъ Вейнбергомъ, и будутъ ему признательны даже за попытку приблизиться къ этому идеалу, хотя бы онъ не былъ достигнутъ полностью.

Недочеты въ переводѣ, конечно, есть. Частью они зависятъ отъ трудности поставленной себѣ задачи, частью, быть можетъ, представляются лишь недосмотрами, которые авторъ, при его опытности, могъ бы легко отстранить при пересмотрѣ своего перевода. Мы все-таки обязаны отмѣтить главнѣйшіе. Они распадаются на три категоріи: 1) въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикъ впадаетъ въ слишкомъ тяжелую конструкцію фразы, слѣдуя, правда, оригиналу, но сгущая свойства стиля Шиллера и не достаточно считаясь со строемъ русскаго языка. Такъ, напримѣръ, хотя, на нашъ взглядъ, длинные періоды вполнѣ возможны и по-русски, но они требуютъ иной разбивки, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ, а когда нельзя достигнуть ясной конструкціи по-русски, въ соотвѣтствіи съ нѣмецкой фразой, лучше раздѣлить предложеніе. Между тѣмъ въ переводѣ г. Вейнберга встрѣчается даже такой періодъ, который растянутъ на *пятнадцать* стиховъ, пятистопнымъ ямбомъ (рѣчь Илло во 2-мъ явл. I д., стр. 238); — это конечно крайность; переводчикъ не можетъ привести въ свое оправданіе то, что и въ подлинникѣ рѣчь Илло тоже заключена въ одномъ періодѣ, ибо по-нѣмецки этотъ періодъ вошелъ въ десять стиховъ и конструкція его гораздо проще. Стало быть, и не отступая отъ подлинника, лучше было бы избѣгнуть указанной крайности.

2) Вторая категорія недочетовъ перевода обнимаетъ рядъ двусмысленныхъ выраженій, происходящихъ или отъ не вполнѣ

удачно подобраннаго слова, или отъ неумѣстнаго распространенія фразы, или отъ неловкаго оборота. Вотъ нѣсколько примѣровъ (кромѣ вышеприведенныхъ):

Стр. 242. «Я долженъ предоставить его *своей* невинности» (по нѣмецки: ihn *seiner* Unschuld ueberlassen, т. е. *его* собственной невинности); «свой», по русской грамматикѣ, должно быть отнесено къ подлежащему (я); отсюда сбивчивость фразы.

Стр. 251. «Ничтожными деньгами — отдѣлался» — вм. ничтожной суммой денегъ (въ данномъ случаѣ, суть дѣла въ количествѣ, а не въ самомъ ничтожествѣ «презрѣннаго матеріала»).

Стр. 253. «Кто сегодня опьяненъ, несясь со всѣми по теченью»... (неловкій оборотъ. Дословно: «кто сегодня, подхваченный теченьемъ, забывается...).

Стр. 258. «Чему обязанъ былъ — Тѣмъ шведъ Густавъ, что всюду оставался непобѣдимъ, неодолимъ (разстановка словъ даетъ поводъ къ двусмысленности; (обязанъ тѣмъ) проще было бы переставить: чему былъ шведъ Густавъ — обязанъ *тѣмъ, что*...).

Стр. 259. «То въ первые часы»... (неясно: первые часы обыкновенно — утренніе часы. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ — «in diese erste Stunden», т. е. сейчасъ).

Стр. 261. «День за день» — вмѣсто день за днемъ, что не одно и то же, ибо врядъ ли можно вопрошать звѣзды — «день за день».

Стр. 264. «Живо такъ краснорѣчивъ» (что значитъ быть «живо краснорѣчивымъ?» Въ нѣмецкомъ подлинникѣ: «So froh beredt»).

Стр. 256. «Проклятую поджогу» вмѣсто поджигатель. Если и допускать необычную форму *поджога*, по аналогіи съ пьяница, бѣдняга, выжига и т. д., то женскій родъ прилагательнаго во всякомъ случаѣ неумѣстенъ.

Стр. 270. «Твой отецъ такую большую жизнь всю отдалъ». «Большая жизнь» неловкое выраженіе, которое не передаетъ нѣмецкаго — Sein *bedeutend* Leben.

Стр. 270. «На вѣсахъ лежитъ судьба всей нашей фамиліи». Неумѣстный галлицизмъ вмѣсто рода, семьи, дома. Въ нѣмецкомъ текстѣ — «das schiksal unsres Hauses».

Неловки выраженія: — «Вамъ быстро мчится время» (268), «мы тоже вѣдь не праздны» (въ смыслѣ — не теряемъ времени, 261); «лишь ему одолжена» (вмѣсто обязана, 270); буквальный переводъ: «когда душа серьезна, жизнь серьезной становится» — врядъ ли умѣстенъ, такъ какъ, и вообще некрасивое, заимствованное французское слово — серьезный — употребляется у насъ чаще въ формѣ нарѣчія, или съ особымъ оттѣнкомъ, непримѣнимымъ къ понятію души. Нѣмецкій оборотъ: «Ernst ligt das Leben vor der ernsten Seele» — требовалъ бы парафразы или другого эпитета — строгій или великій духъ, значительный и т. п. Очень некрасивы выраженія: «онъ сплетаетъ съ масличной вѣтвью лавръ» (267), «я... мать и дочь въ твои объятья сдалъ» (250), «радость все гнать должна» (по-нѣмецки просто «der Freude gehört der erste augenblick» (249); «голосъ дѣла» вмѣсто дѣло — само за себя говоритъ: die Sache spricht (285); наконецъ, врядъ ли умѣстенъ славянизмъ въ устахъ Октавіо: «Я въ руцѣ Бога» — вмѣсто; я въ Божьей власти (Ich stehe in der Allmacht Hand). Нѣсколько странно звучитъ выраженье: «онъ безъ труда могъ позабыться» (286), какъ будто забываются и съ трудомъ? Слова Макса: «Wie ich für ihn gesinnt bin, weiss der Fürst — es wissen's alle, und der Fratzen braucht's nicht» — переводчикъ передаетъ: «Какихъ исполненъ чувствъ — я къ герцогу — онъ это знаетъ; это — извѣстно всѣмъ, и не зачѣмъ *тебѣ* — гримасничать» (280). Намъ кажется, что здѣсь невѣрно поставлено — «тебѣ», такъ какъ Максъ считаетъ излишнимъ *для себя* прибѣгать къ письменному выраженію своихъ чувствъ и называетъ это показное проявленіе преданности — просто «гримасой», отъ которой онъ и отказывается.

3) Въ третью группу недочетовъ перевода мы включаемъ нѣкоторыя погрѣшности техническаго свойства. Такъ, наприм., слѣдующій стихъ, быть можетъ, вслѣдствіе опечатки, — пред-

ставляется дефектнымъ: «И неужели вы такъ скромны, йль въ васъ» (264). Нельзя сочувствовать слишкомъ частому употребленію некрасиваго союза — «колй», архаичныхъ выраженій — «чинящій» (253), «вперивъ глаза» (263), — при самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, гдѣ въ подлинникѣ нѣтъ никакой приподнятости; наконецъ, перестановки ударенія въ словѣ, въ угоду стиху, также не могутъ считаться украшеніемъ перевода. А такія перестановки довольно часты: «о боевыхъ маршàхъ» (236), «когда послѣ̀ того» (255), «сколькò угодно» (260), «статýй царей» (266), «послѣ̀» еще въ нѣсколькихъ случаяхъ (287, 288), «протѝвъ отца» (268), «илѝ» (280), «отдàлъ» (275), и т. п.

Въ большинствѣ указанныхъ случаевъ дефекты перевода происходятъ не столько отъ дословной передачи подлинника, какъ въ силу отступленій переводчика, стѣсненнаго стихотворной формой. Многое, какъ указано, могло бы быть отстранено при болѣе внимательномъ пересмотрѣ текста, и не такъ существенно. Во всякомъ же случаѣ г. Вейнбергомъ руководитъ совершенно вѣрный принципъ и его стремленіе къ наивозможной точности въ передачѣ оригинала заслуживаетъ полнаго уваженія. Переводы, типа Каленовскихъ, могутъ быть пригодны только для самой невзыскательной публики, при первомъ общемъ ознакомленіи съ памятниками иностранной литературы. Второй шагъ неизбѣжно приводитъ къ требованію, которому старается удовлетворить г. Вейнбергъ, — сохранить индивидуальность автора въ особенностяхъ его стиля. Быть можетъ третьимъ и послѣднимъ шагомъ все же явится желаніе прочесть произведеніе въ подлинникѣ, ибо, конечно, абсолютное совершенство въ художественномъ переводѣ недостижимо. Однако, на нашъ взглядъ, даже неполное приближеніе къ недостижимому, въ абсолютномъ смыслѣ, лучше и значительнѣе легкаго достиженія, при отказѣ отъ правильнаго отношенія къ дѣлу. Настоящій переводъ долженъ быть прежде всего переводомъ, а не переложеніемъ. — Этому давно бы пора стать труизмомъ. Случаи конгеніальнаго творчества на заимствованный сюжетъ, при вольномъ къ нему отношеніи, остаются и

навсегда останутся единичными явленіями, какъ исключенія, которыя не могутъ служить нормой. Къ тому же мы полагаемъ, что и для такихъ исключеній — пора миновала, при нашемъ современномъ отношеніи къ продуктамъ художественнаго творчества даже иностранныхъ писателей, которыхъ мы хотимъ знать, каковы они были на самомъ дѣлѣ, со всѣми свойствами и особенностями ихъ художественной индивидуальности. Переводы П. И. Вейнберга отвѣчаютъ именно такому запросу. Принимая во вниманіе совокупность его многолѣтней переводной дѣятельности, полагаю, что и по поводу одного представленнаго образца академія совершила бы актъ справедливости, присудивъ ему **половинную премію** имени А. С. Пушкина.

Ѳ. Батюшковъ.

II.

Иванъ Бунинъ. Листопадъ. — Стихотворенія. Москва, 1901 г.

Сборникъ стихотвореній г. Бунина — отрадное явленіе въ области современнаго русскаго стихотворнаго искусства и можетъ доставить истинное художественное наслажденіе любителямъ поэзіи. Предметъ, воспѣваемый г. Бунинымъ въ многочисленныхъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореніяхъ — одинъ: русская деревенская природа, [1]) но на этотъ, исключительно излюбленный имъ предметъ, г. Бунинъ взглянулъ глазами настоящаго художника — непосредственно, просто, безъ исканія лживыхъ эффектовъ, безъ стремленія къ искусственной новизнѣ, съ искренней любовью и чуткимъ, тонкимъ пониманіемъ красоты. Какъ поэтъ, обладающій несомнѣнно выдающимся дарованіемъ, г. Бунинъ нашелъ и вполнѣ соотвѣтствующій содержанію своей поэзіи, прекрасный, образный, ни у кого не заимствованный, *свой* языкъ. Въ отношеніи правильности и звучности стиха, большинство произведеній г. Бунина можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими образцами русской лирической поэзіи. Исключенія такъ рѣдки и такъ незначительны, что на нихъ можно указать лишь мимоходомъ, не придавая имъ особеннаго значенія. Такъ напр.

---

1) Исключенія составляютъ лишь нѣсколько переводныхъ пьесъ и стихотворенія — Въ Геосиманскомъ саду и Въ костелѣ.

въ поэмѣ «Листопадъ» встрѣчается риѳма «сѣни» и «осенній», въ стихотвореніи на стр. 31 — «волненіе» и «осеннія». Это плохія риѳмы, — но во всемъ сборникѣ таковыхъ можно насчитать не болѣе десятка. Чтобы заодно уже покончить съ недостатками произведеній г. Бунина, укажу на употребленіе имъ (впрочемъ, довольно рѣдко) иностранныхъ словъ: кошмаръ, флеръ, силуэтъ, монотонный. Посреди прекрасно звучащихъ стиховъ, слова эти особенно рѣзко и непріятно поражаютъ слухъ, но, — повторяю, — ихъ въ сборникѣ встрѣчается немного. Наконецъ, кое-гдѣ, въ выборѣ эпитетовъ и въ оборотахъ рѣчи — тоже только въ видѣ рѣдкихъ исключеній — чувствуется нѣкоторое вліяніе современнаго, такъ называемаго, декадентства. Выраженія — «и даль лиловыхъ деревень», «Небо мертвенно-свинцово», «туманъ молочно-синій», а также стихотворенія «Въ пустынной вышинѣ» (стр. 165) и «Скачетъ пристяжная» — безъ сомнѣнія отзвуки декадентскаго направленія, но, въ общемъ, произведенія г. Бунина могутъ, напротивъ, для искателей «новизны» въ искусствѣ, служить доказательствомъ того, что истинный художникъ находитъ въ старыхъ, какъ міръ, и въ то же время вѣчно-юныхъ образахъ природы и въ настроеніяхъ человѣческой души безконечное множество новыхъ подробностей, новыхъ оттѣнковъ красоты и можетъ выразить ихъ въ своеобразной формѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ пріемамъ символизма, импрессіонизма и декадентства — словомъ, ко всему тому арсеналу литературнаго фокусничества, которымъ бездарность пытается подмѣнить истинное, непосредственное вдохновеніе. Чѣмъ то свѣжимъ, здоровымъ, молодымъ вѣетъ отъ задушевныхъ и благозвучныхъ стиховъ г. Бунина, несмотря на то, что въ поэзіи его преобладаютъ осеннія картины, а въ настроеніи поэта чаще звучитъ грусть, нежели радость. Огромное большинство стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Бунина, отмѣчены печатью истиннаго дарованія; но, какъ на особенно выдающіеся по искренности чувства, красотѣ образовъ и совершенству внѣшней формы, я укажу на нижеслѣдующія: Листопадъ (стр. 7). На распутіи (стр. 17). Послѣдняя гроза (стр. 28).

Весеннее (стр. 46). Соловей (стр. 69). На проселкѣ (стр. 112). «Таинственно шумитъ лѣсная тишина» (стр. 152). «Помню — долгій зимній вечеръ» (стр. 167) и, наконецъ, Мать (стр. 176). Послѣднія два стихотворенія отличаются особенною глубиною и теплотою выраженнаго въ нихъ чувства и тонкой прелестью стиха.

Еслибы г. Бунинъ представилъ на соисканіе Пушкинской премія только сборникъ «Листопадъ» — я полагалъ бы и въ такомъ случаѣ вполнѣ справедливымъ присудить автору премію, имѣя въ виду всѣ вышеотмѣченныя достоинства книги. Но кромѣ сборника своихъ оригинальныхъ произведеній г. Бунинъ представилъ еще стихотворный переводъ извѣстной поэмы Лонгфелло «Пѣсня о Гайаватѣ», на который я считаю своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе Академіи, какъ на весьма цѣнный вкладъ въ русскую переводную литературу. Насколько мнѣ извѣстно, это первый полный переводъ на русскій языкъ наиболѣе крупнаго по достоинству и размѣру произведенія великаго американскаго поэта. «Пѣсня о Гайаватѣ» принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ твореній поэтическаго генія всѣхъ временъ и народовъ, прелесть которыхъ неувядаема, потому что творенія эти прямо почерпнуты изъ чистыхъ, глубокихъ нѣдръ первобытнаго народнаго творчества. Какъ въ Индійскихъ Ведахъ, какъ въ эпосѣ Гомера, какъ въ Скандинавской Эддѣ — въ «Пѣснѣ о Гайаватѣ», какъ въ ясномъ зеркалѣ, отразились чувства, думы, вѣрованія и созерцанія первобытнаго человѣка, въ его непосредственной близости къ природѣ, въ его молодомъ и здравомъ взглядѣ на жизнь. Только великій поэтъ можетъ явить такое полное и точное отраженіе народной поэзіи; но и для того, чтобы съ успѣхомъ перевести «Пѣсню о Гайаватѣ» на другой языкъ, перевоплотить ея образы и картины въ звукахъ чужой рѣчи, сохранивъ при этомъ всю свѣжесть, всю красоту и духъ подлинника, также необходимо обладать крупнымъ художественнымъ дарованіемъ. Нельзя не признать, что г. Бунинъ блестяще справился съ предпринятою имъ обширной и трудной задачей:

его переводъ дастъ русскому читателю полное художественное удовлетвореніе. Держась повсюду возможной близости къ подлиннику, г. Бунинъ, для соблюденія этого весьма важнаго условія, нигдѣ не жертвуетъ художественностью и поэтичностью выраженія, нигдѣ не впадаетъ въ прозаизмъ, столь свойственный большинству переводныхъ произведеній. Выписки изъ труда г. Бунина, для подтвержденія высказаннаго мною мнѣнія, были бы излишни: каждая на удачу открытая страница книги свидѣтельствуетъ о томъ, что читатель имѣетъ передъ собою не ремесленное, а художественное произведеніе. Г. Бунинъ сдѣлалъ «Пѣсню о Гайаватѣ» достояніемъ русской литературы. Это большая заслуга, которую нельзя не принять въ соображеніе при сужденіяхъ о выдачѣ г. Бунину Пушкинской преміи, если не въ полномъ, то хотя бы въ половинномъ размѣрѣ.

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

III.

Профессоръ А. Н. Гиляровъ. „Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи“. Кіевъ, 1901 г.

Подведеніе историческихъ, техническихъ и литературныхъ, въ широкомъ смыслѣ, итоговъ уходящаго столѣтія должно представлять заманчивую, хотя и весьма трудную, работу. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса многочисленныхъ и разнородныхъ событій, открытій и явленій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія отдаленныхъ и, по большей части, непредвидѣнныхъ послѣдствій, конечно, требуетъ гораздо болѣе усилій и способности къ строгому анализу, чѣмъ логическое развитіе *возможностей*, которое можетъ дать содержаніе систематическимъ очеркамъ *будущаго*. Вотъ почему существуетъ цѣлый рядъ интересныхъ и, даже, блестящихъ очерковъ того, что разовьется и будетъ существовать въ области человѣческой жизни чрезъ сто лѣтъ. Такова, напримѣръ, книга Шарля Рише «Dans cent ans». Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы до сихъ поръ имѣемъ лишь весьма поверхностныя попытки обрисовать итоги ушедшаго вѣка, ограничивающіяся лишь внѣшнимъ сравненіемъ послѣднихъ годовъ соприкасающихся столѣтій, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ сочиненіи Макса Ленца «Jahrhunderts-ende vor Hundert Jahren und Jetzt». Быть можетъ еще не настало время для серьезнаго труда въ этомъ отношеніи

и контрастъ яркихъ и темныхъ красокъ прошлаго вѣка еще лишаетъ наблюдателя возможности уловить общій и господствующій колоритъ картины. Быть можетъ, также, объективности взгляда мѣшаютъ завѣщанные прошлымъ вѣкомъ настоящему неразрѣшенные вопросы и находящіяся въ состояніи назрѣванія общественныя явленія, разгадка смысла и значенія которыхъ принадлежитъ будущему. Поэтому, для болѣе или менѣе вѣрнаго общаго итога или, вѣрнѣе, инвентаря наслѣдія XIX вѣка, покуда можно лишь подводить отдѣльные, приблизительные итоги, захватывающіе по очереди человѣческую мысль и изобрѣтательность, условія и формы общежитія, техническое достояніе вѣка и его политическіе идеалы и притомъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ времени. Впослѣдствіи изъ нихъ, какъ изъ кусочковъ мозаики, окажется возможнымъ составить одно цѣлое и, сгладивъ строгимъ анализомъ шероховатости частей, создать одну синтетическую картину.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать трудъ профессора А. Н. Гилярова и не отдать справедливости настойчивой и сложной работѣ, положенной имъ въ основаніе своего очерка міропониманія во Франціи конца XIX вѣка по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Множество ссылокъ и выписокъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ беллетристическихъ, публицистическихъ, историческихъ и философскихъ произведеній, искусно и безъ натяжекъ связанныхъ руководящею мыслью — указываютъ на размѣры этой работы. Умѣнье заставить самыхъ разнообразныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями для подтвержденія выводовъ составителя книги доказываетъ значительную долю самостоятельности, вложенной въ его трудъ. Стараясь, по собственному выраженію, быть лишь «передатчикомъ и истолкователемъ» созданій французской мысли и «оставаться въ тѣни» — профессоръ Гиляровъ, начертавъ строго обдуманную схему своего изслѣдованія, быть можетъ невольно переноситъ центръ тяжести въ *истолкованіе*, которому и отдается съ широкой объективностью и спокой-

ствіемъ, чуждымъ страстныхъ полемическихъ или публицистическихъ пріемовъ. Въ немъ, прежде всего, чувствуется вдумчивый созерцатель движенія человѣческой мысли, предъ которымъ ея «скитанія» и нерѣдкая ея безплодность не заслоняютъ глубокаго и подчасъ возвышеннаго смысла ея неустанной работы и вѣчнаго «исканія».

Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на главу VIII книги, посвященную почти всецѣло Ренану (стр. 215—332) и представляющую собою критическій трудъ, могущій быть выдѣленнымъ въ цѣлое самостоятельное сочиненіе, или на главу IX, главное мѣсто въ которой отведено Тэну, или, наконецъ, на главу XIV, содержащую въ себѣ цѣнный по своему безпристрастію очеркъ символизма и декадентства, одинаково чуждый и огульныхъ осужденій, и слѣпого восторга предъ лишенною содержанія формою.

Книга профессора Гилярова открывается указаніемъ на тотъ духовный переломъ, который переживала въ концѣ XIX вѣка (и переживаетъ до сихъ поръ) Франція, когда старые идеалы, построенные на завѣщанной XVIII вѣкомъ горячей вѣрѣ въ могущество разума и благородство человѣческой природы — продолжаютъ жить лишь въ силу инерціи, но совершенно утратили свое животворящее значеніе. Франція, такъ долго видѣвшая панацею отъ всѣхъ золъ въ «свободѣ, равенствѣ и братствѣ», убѣдилась, что первые два начала не только не вызываютъ собою развитія третьяго — т. е. братства, но и сами по себѣ, въ абсолютномъ своемъ видѣ, неосуществимы, такъ какъ практическая жизнь, мѣняя свои формы, какъ Протей, отрицаетъ ихъ въ рядѣ общественныхъ явленій и непреоборимыхъ личныхъ условій. *Внѣшняя* свобода, поставленная «во главу угла» современнаго общественнаго зданія, не обновила и не улучшила *внутренняго* человѣка — и, неудовлетворенный ею, онъ подымается со страстнымъ и мрачнымъ протестомъ противъ всѣхъ устоевъ общественной жизни, въ которыхъ начало XIX вѣка видѣло обезпеченіе общаго блага всѣхъ и личнаго спокойствія каждаго. Но

протестъ тогда лишь не безплоденъ, когда онъ сопровождается яснымъ указаніемъ на опредѣленныя и твердо сознанныя начала, которыми слѣдуетъ замѣнить то, что кажется отжившею неправдою и старою ложью. Этихъ началъ представители французской мысли конца XIX вѣка, однако, не видятъ ни въ чемъ, уподобляясь врачу, который, открывъ и обнаживъ до сокровенной глубины болящую язву, останавливается передъ мыслью о способѣ излѣченія въ нерѣшительности и скучающемъ, лѣнивомъ раздумьѣ, не вѣря въ терапію и убѣдившись на опытѣ, что всѣ средства — суть лишь палліативы. Рядомъ интересныхъ цитатъ рисуетъ авторъ тоску пресыщенія и мученія скуки — этого, по словамъ Бодлера, «самаго безобразнаго изъ всѣхъ гадовъ, пресмыкающихся въ омерзительномъ звѣринцѣ нашего духа», — овладѣвшія эгоистически замкнувшимися въ себя, грубыми и утонченными эпикурейцами, выработанными современною интеллектуальною жизнью. Чувство, случайно вырвавшее у Гоголя восклицаніе: «всё люди, люди! — хоть-бы черти, что-ли, попадались!...» составляетъ предметъ подробнаго анализа у многихъ современныхъ французскихъ писателей. Ихъ невыразимо «гнететъ тоскою — однозвучный жизни шумъ», но избавленія отъ этой тоски они ищутъ, не стремясь къ верху, а опускаясь къ низу — въ область чисто животной жизни, среди которой не нужно ни мыслить, ни чувствовать, ни вѣрить, ни надѣяться. «Стряхнуть съ себя» — говоритъ авторъ, передавая ихъ взглядъ — весь ненужный гнетъ европейской культуры, чтобы жить, какъ скотъ, предаваясь нѣгѣ и лѣни, или прозябать, какъ растеніе, вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшаго, смыслъ жизни». Это не возвращеніе къ природѣ, о которомъ грезили мечтатели восемнадцатаго вѣка, измученнаго такъ же, какъ девятнадцатый, сомнѣніями, но мечта о животной жизни. У мечтателей конца восемнадцатаго вѣка человѣкъ не только не превращался въ животное, а, наоборотъ, былъ человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, какъ носитель высшихъ идеаловъ разума. Призывъ возвратиться къ природѣ былъ тогда подсказанъ сильнымъ

чувствомъ, рвавшимся изъ оковъ, въ которыя его заковала созданная культурой условность; современныя грезы о нѣгѣ и лѣни свидѣтельствуютъ, напротивъ, объ усталости и поэтому слабости чувства, такъ какъ бодрое и сильное чувство мечтаетъ не о лѣни, а о дѣятельности. Изысканность чувства свойственна одинаково концу восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, но какая громадная разница между зноемъ страсти, палящимъ въ *«Новой Элоизѣ»* или *«Полѣ и Виржиніи»*, и истомой чувства, напримѣръ, у Мопассана (стр. 40—41).

Видя въ этомъ направленіи французской мысли результатъ крайняго развитія раціонализма, подавившаго внушенія чувства, какъ неразумныя и безправныя — и приведшаго къ одновременному господству безотчетнаго скептицизма и безвыходнаго пессимизма, профессоръ Гиляровъ даетъ краткій, но очень содержательный очеркъ послѣдовательнаго развитія и перерожденія ученія Декарта. Отправляясь отъ этихъ двухъ свойствъ умственнаго настроенія современной Франціи, онъ разсматриваетъ въ шести главахъ, по очереди, тѣ области, въ которыхъ мятущаяся мысль могла бы найти себѣ содержаніе и успокоеніе, не будь она отравлена всеразлагающимъ анализомъ. Любовь, искусство, умозрѣніе, общественные и политическіе идеалы, проявленія религіознаго и нравственнаго чувства въ сознаніи выдающихся французскихъ писателей конца XIX вѣка проходятъ предъ читателемъ разбитые и опустошенные — въ своего рода погребальномъ шествіи. Оказывается, что любовь принижена, что работа мысли вноситъ отраву и въ безъ того печальное существованіе человѣчества, что искусство и само по себѣ, и какъ средство утѣшенія, — тщетно, что политическіе и общественные идеалы разбиты или распадаются сами собою — и что, наконецъ, нравственное и религіозное чувства подорваны въ самомъ корнѣ....

Любовь есть основная, и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, — причина всего сущаго: «трудъ, слава, добро, которое можно сдѣлать», говоритъ Родъ — «всё это миражи, строимые

воображеніемъ людей на горизонтѣ ихъ пустыни, такъ какъ они не могутъ распознать единственнаго источника жизни, который есть любовь». Но рядомъ съ этимъ источникомъ существуетъ ужасная, неотвратимая, безжалостная *смерть*, уничтожающая на всегда индивидуальное существованіе, вызванное къ жизни любовью. Трагизмъ любви усиливается именно тѣмъ, что она безсильна противъ смерти, которая *одна достовѣрна*. Притомъ, любовь не только не оправдываетъ того, что говорятъ о ней мечтатели и моралисты, но и какъ наслажденіе — она не имѣетъ никакой цѣны. По характерному мнѣнію Буржé, въ его «Phisiologie de l'Amour moderne», современная физическая любовь есть не что иное, какъ встрѣча двухъ пресыщеній и состязаніе двухъ развращенностей — и съ нею скоро случится тоже, что дѣлается съ современнымъ «бордо», въ которомъ есть все кромѣ вина. Такъ будетъ, и съ любовью, въ которой можно будетъ найти всё... исключая любви. Поэтому цѣлый рядъ писателей, мечтаетъ, подобно Шопенгауеру, но далеко не съ его глубиною и широтою, о побѣдѣ надъ смертью умерщвленіемъ любви, послѣднею жертвою человѣчества всепобѣждающей судьбѣ. «Когда» — говоритъ Родъ въ «La course à la mort»—«чувствительность погибнетъ, убитая своимъ избыткомъ; когда потребности жизни размножатся и поработятъ людей тираническими привычками, когда для единенія половъ останется лишь пошлое плотское побужденіе,—почему бы мужчинамъ и женщинамъ, съ общаго согласія, не отказаться отъ этого мгновеннаго удовольствія, которое, не удовлетворяя ихъ слишкомъ сложнаго и разборчиваго желанія, повергаетъ въ пучину бытія новое существо? Тогда разумъ восторжествуетъ, наконецъ, надъ закономъ природы, надъ инстинктомъ; его превосходство возсіяетъ въ конечномъ отреченіи, и послѣдній мужчина и послѣдняя женщина угаснутъ въ ихъ дѣвственной старости; умрутъ въ той великой мысли, что сознательная жизнь исчезнетъ вмѣстѣ съ ними и что для того, чтобы пить лучи солнца или дрожать отъ холода, остались лишь безсознательные животныя и цвѣты». — При такомъ

взглядѣ на «источникъ жизни» — какъ на исключительно физическій процессъ, тускнѣетъ духовная жизнь и слабѣетъ ея главнѣйшее выраженіе — чувство. Вмѣстѣ со способностью чувствовать слабѣетъ и воля, убиваемая мнительностью и нерѣшительностью. Современные французы касаются своимъ утонченнымъ умомъ всего, интересуются всѣмъ и все разлагаютъ своимъ анализомъ, тоскуя въ то же время о томъ, что идеалъ ускользаетъ и скрывается, — не имѣя вѣры, чтобы охранить этотъ идеалъ отъ гибели, и, вмѣстѣ, не имѣя достаточно воли, чтобы отказаться навсегда отъ его исканія и ограничиться полусномъ повседневности. Къ нимъ, повидимому, примѣнимы слова Лермонтова: «и полюбить они не смѣютъ, и вовсе кинуть не умѣютъ...». Шестьдесятъ страницъ, посвященныхъ авторомъ «отравѣ чувства мыслью», принадлежатъ къ лучшимъ въ книгѣ.

Разборомъ взглядовъ выдающихся французскихъ писателей конца вѣка на задачи и пріемы искусства профессоръ Гиляровъ доказываетъ, что крайній скептицизмъ проникъ и въ самый процессъ творчества — и приводитъ для сравненія слова представителя стараго поколѣнія — Виктора Гюго и представителя новаго — Зола, которыми они характеризуютъ поэзію и ея служителей. — «Поэзія, по мысли Гюго — вселенскій гимнъ, а душа поэта — соборный колоколъ, призываемый Святымъ Духомъ къ благовѣсту, божественный глаголъ котораго отзывается во всѣхъ, внимающихъ ему...». «Современная поэзія» — говоритъ Зола, — «ядовитая муха, собирающая заразу со всякой падали и вносящая, кружась, жужжа и блестя золотомъ своихъ крыльевъ, разложеніе всюду — и въ хижины, и въ дворцы». Менѣе строгъ, чѣмъ Зола, къ современной поэзіи Родъ (Le sens de la vie), но и онъ заявляетъ, что поэты, мыслители и художники, которые прежде выражали общій идеалъ, трогали сердца массъ и руководили народами, теперь «играютъ фразами, звуками, риемами и красками, презирая толпу и гордясь своимъ уединеніемъ, если только не предпочитаютъ въ качествѣ любопытныхъ разсматривать у людей раны, полученныя во всеобщей

борьбѣ, и трогать ихъ только для того, чтобы растравлять еще больше».

Переходя въ область политическихъ идей, профессоръ Гиляровъ отмѣчаетъ то, почти единодушное, недовольство, которое возбуждаетъ въ корифеяхъ французской литературы современная демократія съ ея всеобщею подачею голосовъ, т. е. съ «глупою тираннією числа и царствомъ силы въ наиболѣе слѣпой и несправедливой формѣ». Ихъ возмущаетъ то, что вмѣсто равенства, для установленія котораго были принесены такія страшныя жертвы, наступилъ «Халифатъ конторъ, деспотизмъ банковъ и тираннія торговли съ продажными и узкими идеями, съ тщеславными и плутовскими инстинктами», настало «огромное, глубокое, неизмѣримо глупое и грубое господство финансиста и выскочки, возсіявшее надъ Франціею словно отвратительное солнце» (Анатоль Франсъ, Гюисмансъ, Буржé). Не видя, однако, выхода къ лучшему въ широко разливающихся ученіяхъ соціализма и отвращаясь отъ анархизма, современная французская литература ищетъ спасенія отъ затрудненій, роковымъ образомъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ одряхлѣвшее и извѣрившееся во все общество— въ созданіи ряда плановъ обновленія жизни на почвѣ новаго «modus vivendi». Въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ и сильномъ очеркѣ разбираетъ профессоръ Гиляровъ эти пути обновленія, приходя къ выводу, что ни отреченіе отъ себя, ни сплоченіе всѣхъ для взаимной любви и помощи, вслѣдствіе признанія тщеты всего существующаго, ни трезвое отрѣшеніе отъ всѣхъ преданій и идеаловъ старины, ни исканіе общественныхъ идеаловъ въ формахъ общежитія, выработанныхъ Новымъ Свѣтомъ ни наконецъ, величайшее напряженіе разума, вооруженнаго всѣми силами и открытіями новѣйшей техники — не приведутъ къ желанной цѣли, если одновременно нельзя измѣнить въ человѣкѣ его природы и обновить его душевныя силы.

Десятая глава книги посвящена той «жаждѣ вѣры», которая проявилась въ послѣднее время у представителей мыслящей Франціи, вслѣдствіе того, что религіозное чувство продолжаетъ

жить въ душѣ человѣка, даже и тогда, когда самая религія уже утрачена. Авторъ подробно развиваетъ ту-же мысль, которую, нѣкогда, съ свойственной ему красотою слова, высказалъ Герценъ, написавъ въ «Быломъ и Думахъ»:—«есть огромная разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ — и сердце еще плачетъ и прощается, когда холодный разсудокъ уже давно приговорилъ и казнитъ». Профессоръ Гиляровъ находитъ, что въ вопросѣ о религіи французское сознаніе въ послѣдніе два вѣка совершило полный кругъ: начавъ съ отрицанія религіозныхъ идеаловъ, какъ излишнихъ для жизни, оно теперь ихъ ищетъ съ цѣлью найти въ нихъ жизни для опору. Это исканіе звучитъ, даже, въ стихахъ одного изъ виднѣйшихъ представителей безнадежности и разочарованія — звучитъ въ замѣчательномъ произведеніи Бодлера «Благословеніе». Искусственно созданныя традиціи и непремѣнное желаніе «новаго» заставляетъ, однако, это сознаніе обходить, въ своемъ исканіи, христіанство, очищенное отъ наслоеній, созданныхъ Церковью. Отсюда проповѣдь Браманизма и Буддизма. Эти религіи, впрочемъ, ближе всего подходятъ къ современному настроенію со своими ученіями о призрачности всего сущаго и со своимъ пессимизмомъ. Посвятивъ много—быть можетъ, даже, незаслуженно много—страницъ полу — научнымъ фантазіямъ Фламмаріона, стремящимся найти удовлетвореніе религіозному чувству вообще, авторъ даетъ интересный очеркъ даровитыхъ произведеній Леконта де Лиля, бывшаго «краснорѣчивымъ глашатаемъ» браманизма и буддизма, и знакомитъ съ поэтическими взглядами Жана Лагора (псевдонимъ), въ которыхъ проводятся идеи, проникающія эти двѣ религіи и наводящія на успокоеніе, давшее извѣстному критику Леметру основаніе сравнить сочиненія Лагора съ «подражаніемъ Христу».

Послѣднія главы книги содержатъ очеркъ воззрѣній оккультистовъ, мистиковъ и символистовъ, приведенныхъ въ систему и разграниченныхъ умѣлою и знающею рукою, что представляется далеко не легкимъ при неопредѣленности границъ этихъ

воззрѣній и ихъ частомъ взаимномъ переплетеніи. Въ этихъ главахъ особенно выдѣляется все, посвященное *Метерлинку*, съ ею стремленіемъ отдѣлить *разумъ* отъ *мудрости*, съ его преклоненіемъ предъ *безсознательнымъ*, съ его теоріей о томъ, что человѣческое несчастіе состоитъ въ жизни «въ далекѣ отъ своей души» и въ опасеніи ея малѣйшихъ движеній, т. е. въ жизни «въ сторонѣ отъ истинной жизни», — съ его мнѣніемъ о томъ, что смыслъ жизни открывается въ молчаніи, а не въ суетѣ существованія, — съ его возвышеннымъ взглядомъ на поэзію, цѣль которой «держать открытыми великіе пути, ведущіе отъ зримаго къ незримому»... Метерлинкомъ авторъ занимается съ особой любовью, невольно прорывающеюся сквозь обычный объективный тонъ книги — и, конечно, никто изъ тѣхъ, кому знакомы произведенія этого тонкаго и глубокаго создателя «*настроеній*», не поставитъ ему въ вину этотъ приливъ субъективности.

Книга заключается сводомъ причинъ, приведшихъ французское общество къ современному кризису мысли и столкновенію требованій разума съ голосомъ чувства. «Средневѣковой культурный идеалъ» — говоритъ профессоръ Гиляровъ, — «былъ весь проникнутъ чувствомъ, и всякій разъ, когда поднималъ голосъ раціонализмъ, отвѣтомъ ему былъ мистицизмъ. Во французскомъ просвѣтительномъ движеніи раціонализмъ взялъ надъ чувствомъ рѣшительный перевѣсъ; теперь послѣднее, послѣ долгаго порабощенія, снова собралось съ силами и вытѣсняетъ раціонализмъ». Рядомъ съ этимъ, наступили послѣдствія чрезмѣрнаго гнета, налагаемаго европейской культурой на современнаго человѣка. Видя въ человѣкѣ существо, по преимуществу, разумное, эта культура, по мнѣнію автора, «ставитъ идеаломъ возможное освобожденіе человѣка для чисто духовной дѣятельности и, поскольку субъектъ противуположенъ объекту, духъ— природѣ, обособленіе человѣка отъ природы, подчиненіе всей жизни созданнымъ нашимъ разумомъ формамъ». Къ этому присоединяется выработанное успѣхами культуры людское самомнѣніе. «Считая себя исключительными носителями разума,

противуполагая себѣ остальную природу, какъ неразумную, — говоритъ профессоръ Гиляровъ — мы воображаемъ себя царями міра и этимъ отдаемся во власть одного изъ самыхъ жалкихъ предразсудковъ, опровергаемыхъ ежедневнымъ наблюденіемъ окружающихъ насъ явленій». Въ чемъ же выходъ изъ болѣзненнаго настроенія, порожденнаго этими причинами? Въ жизни, сообразной съ природой — отвѣчаетъ авторъ. «Нужно — говоритъ онъ — не кичиться нашимъ мнимымъ царственнымъ положеніемъ во вселенной, не обольщать себя призракомъ безпредѣльности нашихъ способностей, не обособлять себя отъ природы, но понять наше мѣсто въ общемъ строѣ мірозданія, признать удостовѣренный опытомъ узкій предѣлъ нашихъ познавательныхъ силъ и сообразовать нашу жизнь съ природой. Таковъ завѣтъ всей истекшей нашей исторіи. Онъ не даетъ опоры ни для угнетеннаго настроенія, ни для ослабленія рвенія въ доступной намъ дѣятельности, ни для приниженія нашей жизни до скотской. Для мысли ясной и смѣлой нѣтъ высшей отрады, чѣмъ бросить предразсудки и посмотрѣть въ лицо дѣйствительности прямо и трезво. Если ничтожно наше мѣсто въ безконечномъ, то мы можемъ достигнуть крупнаго въ конечномъ. Не дано намъ никакихъ знаній о сверхъопытномъ, зато открыто для насъ широкое поле въ опытныхъ знаніяхъ, которое только еще начинаетъ воздѣлываться и уже приноситъ обильную жатву. Поэтому у насъ нѣтъ основаній оплакивать жизнь, какъ поприще безысходнаго мрака и сѣтовать на полное отсутствіе руководительныхъ образцовъ». Жизнь можетъ быть цѣнной, лишь когда здорова, а такой она можетъ быть, лишь когда естественна, то-есть сообразна съ природой. «Черты такой жизни можно считать въ общемъ и главномъ достаточно выясненными. Жить согласно съ природой значитъ искать руководства не въ отвлеченныхъ построеніяхъ мысли и не въ предразсудкахъ, порождаемыхъ невѣжествомъ, но въ тѣхъ взглядахъ, которые вырабатываются тѣснымъ, любвеобильнымъ и любознательнымъ общеніемъ съ природой: развертывать, насколько возможно, всю полноту своего

еущества, давая свободу всѣмъ своимъ способностямъ и склонностямъ, не служащимъ въ ущербъ ни себѣ, ни другимъ; стремиться къ возможной простотѣ, отвергая всѣ несовмѣстимыя съ ней и не лежащія въ основѣ общежитія условности и формальности; идти къ достиженію намѣченныхъ цѣлей твердо, правдиво и искренно; быть постоянно дѣятельнымъ, избѣгая всякой праздности...» Призывомъ къ пантеистическому альтруизму и къ культу искренняго чувства заканчиваетъ свою книгу профессоръ Гиляровъ. «Стряхни съ себя все ненужное бремя, ветхій человѣкъ, — восклицаетъ онъ — найди въ себѣ силу выйти изъ моря лжи и условностей для вольной и естественной жизни. Не разумомъ только, но и любовью, постигни живую связь и единство всего сущаго; подобно великому христіанскому святому — Франциску Ассизскому — съумѣй и въ солнцѣ, и въ землѣ, и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и въ вѣтрѣ, и въ водѣ, и въ огнѣ признать своихъ кровныхъ, въ каждомъ звѣрѣ — брата, въ каждой птицѣ — сестру, въ жизни каждой былинки — жизнь твоей однородную, — и радушно засіяетъ тебѣ солнце, привѣтливо защебечутъ птицы, любовно будутъ благоухать цвѣты. Не презирай чувства. Твердо помни, что въ сердцѣ лежатъ корни религіознаго, нравственнаго и поэтическаго міропониманія, что на его тревожномъ станкѣ сплетается тотъ уборъ, безъ котораго неприглядной становится жизнь».

Обширный трудъ, предпринятый и успѣшно выполненный авторомъ книги «предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи» — уже въ виду своей сложности не можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, или, точнѣе говоря, недочетовъ, нисколько не умаляющихъ его общей цѣнности. Сюда относится — *во первыхъ* — несоразмѣрность частей. Помѣщая въ свое изслѣдованіе цѣлые трактаты, могущіе имѣть совершенно самостоятель-

ное значеніе, авторъ, въ тоже время, удѣляетъ начертанію и критикѣ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій первостепенной важности лишь нѣсколько словъ. То-же допускаетъ онъ иногда и относительно глубокихъ философскихъ ученій, которыхъ правильнѣе вовсе не касаться, чѣмъ касаться мимоходомъ. Такъ напримѣръ, изложенію и критикѣ идеаловъ «соціалистической грезы», пріобрѣтающей, однако, съ каждымъ днемъ весьма осязательную реальность, посвящено не много болѣе двухъ страницъ; — такъ объ «Этикѣ» Спинозы, которую самъ авторъ называетъ «великолѣпнымъ и глубокомысленнымъ философскимъ твореніемъ», говорится съ краткостью, достойною лучшей цѣли, что «при всемъ его аппаратѣ аксіомъ, опредѣленій, положеній, доказательствъ, леммъ, схолій и пр. и при всей раздѣльности его содержанія, всё-таки яснѣе всего то, что въ немъ весьма не многое ясно». *Во вторыхъ* — авторъ, возражая противъ мысли, что литература портитъ общественные нравы и затемняетъ идеалы и, указывая, что наоборотъ общество, своими приниженными и измельченными потребностями и запросами создаетъ больную и гнилую литературу — не развиваетъ эту мысль съ желательною подробностью и не указываетъ на вліяніе, въ этомъ отношеніи, общественныхъ факторовъ, которые, безъ сомнѣнія, имѣютъ не меньшее значеніе для «скитанія мысли», чѣмъ перерожденіе и вырожденіе раціонализма, какъ теоретическаго ученія. *Въ третьихъ* — именно потому, что книга написана прекраснымъ, яркимъ и образнымъ языкомъ, въ ней непріятно звучатъ неудачныя выраженія и употребляемыя безъ необходимости иностранныя слова. Таковы, напримѣръ: «кишѣніе толпищъ въ поискахъ за счастьемъ», «потокъ биванія», «отображеніе ходячаго скептицизма», «всѣ вопросы съеживаются въ одинъ», «книги не чтимы для непосвященныхъ», «и заполыхаютъ пожары», «эта палинодія» и т. д.

Наконецъ нельзя не пожалѣть, что профессоръ Гиляровъ, въ трудѣ котораго довольно часто попадаются литературныя оцѣнки того или другого произведенія цитируемыхъ имъ авто-

ровъ, не пошелъ дальше и не коснулся измѣненія самыхъ пріемовъ творчества, характеризующаго конецъ XIX вѣка во Франціи. Если, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ, въ содержаніи произведеній послѣднихъ лѣтъ, въ значительной степени, сказывается вліяніе теорій Тэна, то оно не въ меньшей степени сказывается и на этихъ пріемахъ. Тотъ *эготизмъ*, который пропиталъ французское міропониманіе послѣдняго времени и который далъ высказаться въ утонченной формѣ всей «душевной пустынѣ» беллетриста и поэта этихъ годовъ — выразился и въ пріемахъ творчества, сливъ ихъ съ содержаніемъ въ одно цѣлое по источнику. Старые мастера завѣщали указанія на необходимыя качества писателя, состоящія, между прочимъ, въ способности *создавать*, а не *срисовывать* образы, — въ способности придавать изображаемому житейскую правдивость (crédibilité), — въ сознаніи важности и внутренняго смысла описываемаго, въ умѣніи автора скрывать свою личность, т. е. по совѣту Бальзака, творить все, быть вездѣ и не быть нигдѣ видимымъ, какъ Богъ, и т. п. — Подъ вліяніемъ едва ли правильно понятыхъ взглядовъ Тэна на *личный* характеръ искусства, — которое должно быть *откровеніемъ личной души* предъ сложной душою общества, — во многихъ современныхъ французскихъ литературныхъ произведеніяхъ авторъ почти постоянно выступаетъ на первый планъ со своими антипатіями, вкусами, наклонностями и, даже, пороками, обѣляемыми устами героевъ. Глубина изслѣдованія, даже у такихъ большихъ авторовъ, какъ Зола — замѣняется его продолжительностью, и persistance d'analyse все болѣе и болѣе замѣняетъ puissance d'analyse; развитіе характера дѣйствующихъ лицъ находится въ пренебреженіи и, вмѣсто созданія образовъ, снимаются чуть-чуть ретушированныя фотографіи или рисуются, при благосклонномъ соучастіи клеветы — каррикатуры, а нелѣпые вымыслы и чувственныя фантазіи не находятъ нужнымъ считаться съ искажаемою ими дѣйствительностью. Художникъ, нерѣдко, знакомитъ читателя не съ тѣмъ, что важно для послѣдняго, а съ тѣмъ, что имѣетъ исключительный, иногда совершенно болѣзненный интересъ только для самого

автора, — вполнѣ естественное въ искусствѣ описаніе страстей замѣняется изображеніемъ пороковъ, — подъ знаменемъ искусства все чаще и чаще начинаютъ сводиться личные счеты и т. д. и т. д. Обширная начитанность профессора могла бы дать ему возможность представить поучительные образцы въ этомъ отношеніи, нисколько не отклонивъ его отъ главнаго пути въ его трудѣ. Быть можетъ, даже, и прекрасная характеристика историко-политическихъ взглядовъ самого Тэна выиграла бы въ полнотѣ, если бы авторъ далъ краткій анализъ пріемовъ его творчества, столь характерно выраженныхъ въ его «Origines de la France contemporaine», гдѣ съ каждымъ томомъ спокойное изложеніе изслѣдователя-патолога — замѣняется всё возрастающимъ гнѣвомъ запоздавшаго терапевта на своего больного... Наконецъ, казалось бы, что взгляды выдающихся писателей — каковы Ренанъ и Тэнъ — въ значительной степени могли бы быть освѣщены и еще болѣе уяснены, если бы авторъ воспользовался ихъ характерными отзывами о задачахъ искусства и о различныхъ общественныхъ теченіяхъ, разбросанными во множествѣ въ журналахъ братьевъ Гонкуръ. Въ замѣткахъ Гонкуровъ, записанныхъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, Ренанъ и въ особенности Тэнъ встаютъ, какъ живые, разсыпая, въ дружеской бесѣдѣ, искры своего міровоззрѣнія.

Заканчивая настоящій отчетъ, я не могу не признать серьезнаго значенія за книгою профессора Гилярова. Просвѣтительное вліяніе французской литературы, по многимъ причинамъ, лежащимъ и въ ней и внѣ ея, всегда сильно сказывалось на умственномъ и художественномъ развитіи русскаго общества. Поэтому трудъ, посвященный изображенію и анализу идеаловъ и чаяній современной французской мысли — имѣетъ для насъ серьезное значеніе. Онъ былъ бы полезенъ даже какъ простой сводъ взглядовъ, изложенныхъ систематически. И тогда онъ обогащалъ бы наше знаніе. Но, это не простой сводъ... Критическій элементъ, широко внесенный въ него, ставитъ его гораздо выше и выдвигаетъ на первый планъ вопросы высшаго по-

рядка. Анализъ произведеній, сдѣланный авторомъ, строго придерживающимся научнаго метода, и рядъ его положеній (напр. въ главѣ о Ренанѣ) облегчаетъ и вмѣстѣ направляетъ вызванную имъ къ работѣ мысль читателя. Спокойствіе этого анализа тѣсно связано съ его безпристрастіемъ, а душа и вниманіе читателя не разъ отдыхаютъ на поэтическихъ сравненіяхъ и образахъ. «Восхитительна поэзія молодой весны — говоритъ профессоръ Гиляровъ, кончая XII главу, — съ ея благоуханіемъ, свѣжей зеленью, пѣснью соловьевъ; очаровательна поэзія лѣта съ его зрѣлостью, съ желтѣющими нивами, наливными плодами, сосредоточеннымъ молчаніемъ лѣсовъ; но есть своеобразная прелесть и въ осени, съ ея сѣрыми днями, съ наполовину обнаженными, наполовину одѣтыми въ разноцвѣтный нарядъ деревьями, съ ея вихрями, крутящими и бьющими желтые листья, съ ея блѣднымъ и трепетнымъ солнечнымъ лучомъ, скользящимъ по умирающему лѣсу, какъ «умирающей красавицы улыбка». Поэзія конца девятнадцатаго вѣка — поэзія осени; безобразная въ рукахъ бездарности, въ рукахъ генія она неотразимо привлекательна».

Наконецъ, эта книга—не одно тяжелое по выводамъ подтвержденіе упадка идеаловъ и усталости души «великаго народа». Въ скитаніи мысли послѣдняго авторъ хочетъ видѣть лишь мучительную работу по выясненію будущаго идеала, который онъ и рисуетъ въ примирительныхъ и успокоительныхъ послѣднихъ аккордахъ своего труда.

Въ виду изложеннаго, я полагалъ бы, что книгу профессора Гилярова надлежитъ признать заслуживающею *половинной преміи* имени Пушкина.

Почетный Академикъ **А. Кони.**

IV.

Полное собраніе сочиненій К. Головина (К. Орловскаго), т. I и II.

Въ настоящее время вышли въ свѣтъ всѣ двѣнадцать томовъ полнаго собранія сочиненій К. Ѳ. Головина; но, оставаясь въ предѣлахъ возложеннаго на меня порученія, я ограничусь подробнымъ разсмотрѣніемъ первыхъ двухъ томовъ, касаясь послѣдующихъ лишь мимоходомъ.

Сочиненія К. Ѳ. Головина расположены, въ полномъ ихъ собраніи, не въ послѣдовательности ихъ написанія или появленія въ свѣтъ, а въ порядкѣ произвольномъ, выборъ котораго остается не объясненнымъ. Въ первомъ томѣ, напримѣръ, помѣщенъ романъ «Медовый мѣсяцъ», напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1897 г.; между тѣмъ, романъ «Внѣ колеи», напечатанный тамъ же еще въ 1882 г., вошелъ въ составъ 3-го и 4-го т., романъ «Дядюшка Михаилъ Петровичъ», напечатанный въ 1886 г. — въ составъ 8-го тома. Время написанія или появленія въ свѣтъ отдѣльныхъ произведеній не означено вовсе; опредѣлить его можно только на основаніи другихъ источниковъ, не всегда доступныхъ. Трудно, поэтому, прослѣдить различные фазисы дѣятельности автора, трудно установить внутреннюю связь между его сочиненіями.

Общая черта обоихъ романовъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ двухъ томовъ («Медовый мѣсяцъ» и «Искупленіе») — исключительность положеній, изображаемыхъ авторомъ. Въ «Медовомъ мѣсяцѣ» молодой мужъ влюбляется, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы, въ сестру своей жены, еще раньше полюбившую его. Сюжетъ «Искупленія» — женитьба на дочери бывшей любовницы. Конечно, и то, и другое случается въ дѣйствительной жизни и, слѣдовательно, можетъ служить темой для романа; но, чѣмъ чрезвычайнѣе событія тѣмъ тщательнѣе и тоньше должна быть ихъ мотивировка. Нельзя сказать, чтобы это условіе было исполнено К. Ѳ. Головинымъ. Въ «Медовомъ мѣсяцѣ» процессъ зарожденія любви Жени Усольцевой къ Павлу Алексѣевичу Грушневу остается для читателей совершенной загадкой. Она знала его и раньше, когда онъ не былъ еще женихомъ ея сестры, и нисколько имъ не увлекалась. Равнодушной и спокойной она является на балъ, бывшій ея дебютомъ въ свѣтѣ; «ужасно весело» ей было и во время поѣздки на тройкахъ, когда за ней ухаживалъ «совершенно взрослый молодой человѣкъ» — а вслѣдъ затѣмъ она уже поглощена глубокимъ чувствомъ и замаливаетъ его какъ грѣхъ, хотя не догадывается о настоящемъ его свойствѣ. Подробнѣе разсказана исторія любви Павла Алексѣевича, рождающейся изъ разочарованія въ женѣ, изъ общности его вкусовъ и взглядовъ со вкусами и взглядами Жени. И здѣсь, однако, есть мѣсто для недоумѣній. Если бы къ женитьбѣ на Кити Грушневъ былъ приведенъ только взрывомъ страсти, ослѣпляющей и опьяняющей до самозабвенія, пробужденіе могло бы наступить быстро, ощущеніе сердечной пустоты скоро могло бы вызвать потребность въ новомъ чувствѣ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ романѣ: Кити сначала даже не понравилась Грушневу, только «мало по малу онъ сталъ мысленно выдѣлять ее изъ окружавшей ее среды. Два-три замѣчанія, ясно говорившія о прямотѣ характера и разумномъ пониманіи жизни, разомъ стерли первое невыгодное впечатлѣніе; она дала ему случай убѣдиться, что и сердце у нея

золотое, что первый необдуманный порывъ безсознательно влечетъ ее къ добру» (стр. 32). Когда онъ сдѣлался женихомъ, бесѣды его съ невѣстой «проникали въ самые затаенные уголки души» (стр. 65). Правда, авторъ предупреждаетъ читателей, что Грушневъ и Кити, сами того не замѣчая, были не совсѣмъ искренни, добросовѣстно обманывали другъ друга; но онъ не объясняетъ, какимъ образомъ этотъ обманъ могъ такъ долго оставаться для нихъ незамѣченнымъ, разъ что они, въ своихъ «длинныхъ бесѣдахъ», касались «самыхъ важныхъ, серьезныхъ предметовъ» (стр. 96). Такъ ли, съ другой стороны, была велика разница между Грушневымъ и Кити? Конечно, онъ былъ развитѣе, серьезнѣе ея, уже потому, что былъ гораздо старше; но въ сущности онъ только «мечталъ о высокомъ служеніи родинѣ, о полезномъ, плодотворномъ трудѣ» (стр. 57), на самомъ дѣлѣ не идя дальше обыкновенныхъ служебныхъ занятій. Если, съ другой стороны, Кити, будучи невѣстой, не играла комедіи съ Грушневымъ, не притворялась сочувствующею его планамъ, то нелегко понять, почему ей такъ скоро стала скучна жизнь вдвоемъ съ молодымъ мужемъ, почему она даже не пыталась приспособиться хотя бы внѣшнимъ образомъ къ его желаніямъ и привычкамъ. Быстрое охлажденіе Грушнева къ Кити, за которымъ столь же быстро слѣдуетъ увлеченіе Женей, не имѣетъ, такимъ образомъ, достаточныхъ корней ни въ личныхъ свойствахъ обоихъ супруговъ, ни въ ихъ прошедшемъ. Женя оказывается для Грушнева лучшимъ товарищемъ, чѣмъ Кити; но этого, очевидно, мало для того, чтобы честный, сдержанный, зрѣлый годами человѣкъ рѣшился разрушить только что созданную имъ семью (между свадьбой Грушневыхъ и развязкой романа проходитъ около полугода), погубить довѣрившагося ему полуребенка. Правдоподобною житейская драма, описанная въ «Медовомъ мѣсяцѣ», была бы лишь тогда, если бы иными были ея дѣйствующія лица — Грушневъ, Женя, Кити — или, по меньшей мѣрѣ, если бы была отодвинута дальше на нѣсколько лѣтъ послѣдняя часть дѣйствія.

Аналогичное замѣчаніе вызываетъ и другой названный нами

романъ — «Искупленіе». Софья Сергѣевна Криницкая разошлась съ своимъ любовникомъ, Орленевымъ — разошлась, повидимому, добровольно, но на самомъ дѣлѣ только потому, что чувствовала возрастающую его холодность. Нѣсколько лѣтъ спустя она встрѣчается съ нимъ случайно — и тотчасъ же приглашаетъ его пріѣхать въ имѣніе, гдѣ она проводитъ лѣто съ мужемъ и семнадцатилѣтнею дочерью. Орленевъ пріѣзжаетъ — и, безъ всякаго противодѣйствія со стороны матери, сразу беретъ дружески фамиліарный тонъ по отношенію къ дочери, даетъ ей уроки живописи, совершаетъ съ нею дальнія прогулки. Мать не замѣчаетъ начинающагося ихъ сближенія, хотя оно совершенно ясно для постороннихъ наблюдателей. Вопреки предупрежденіямъ друга, которому извѣстно все прошлое, Орленевъ продолжаетъ опасную игру съ Настей — и останавливается, по требованію прозрѣвшей наконецъ Софьи Сергѣевны, только тогда, когда сердце молодой дѣвушки принадлежитъ ему всецѣло, да и онъ самъ охваченъ горячимъ чувствомъ. Софьѣ Сергѣевнѣ удается удалить его, но не надолго: въ Петербургѣ онъ опять встрѣчается съ Настей. Отецъ ея, ничего не знающій о былой измѣнѣ жены, благопріятствуетъ браку Орленева и Насти, а Софья Сергѣевна не рѣшается возстать противъ него открыто: единственное къ тому средство — во всемъ признаться мужу, а это значило бы нанести ему смертельный ударъ. Все слѣдующее за противоестественной свадьбой: холодность Софьи Сергѣевны къ дочери, сомнѣнія, возникающія въ умѣ Насти, начинающееся охлажденіе между молодыми супругами, раскрытіе тайны, отъѣздъ Насти на войну въ качествѣ сестры милосердія, смерть ея, вызванная столько же болѣзнью, сколько нежеланіемъ жить — составляетъ лучшую часть романа, но не уравновѣшиваетъ его основныхъ недостатковъ. Разъ что Софья Сергѣевна не хотѣла возобновленія давно прерваннаго романа, она не могла желать, чтобы Орленевъ опять сдѣлался своимъ человѣкомъ въ ея семьѣ, другомъ ея мужа и ея дочери. Разъ что въ ней не вполнѣ угасло прежнее чувство, она не могла не замѣтить зарождающейся любви Насти къ Орле-

неву и, тѣмъ болѣе, любви Орленева къ Настѣ. Увидавъ близкую и грозную опасность, она не могла настолько мало заботиться о Настѣ, чтобы не знать о возобновившемся сближеніи ея съ Орленевымъ. Когда всѣ ея попытки предупредить бѣду оказались тщетными, она не могла не понять, что теперь первая и единственная ея обязанность — оберегать счастье дочери, не допуская ее до мысли, что есть что-то темное въ прошедшемъ матери и мужа. Съ другой стороны, Орленевъ, какъ знатокъ «науки страсти нѣжной», не могъ не понять съ самаго начала, какое чувство влечетъ его къ Настѣ. Онъ долженъ былъ остановиться, не дѣлая ни шагу дальше — долженъ былъ не во имя нравственныхъ началъ, масштабъ которыхъ нельзя прикладывать къ дѣйствующимъ лицамъ романа, а просто въ силу свойствъ своей натуры. Авторъ рисуетъ его избалованнымъ, но вовсе не въ конецъ безнравственнымъ человѣкомъ, «милымъ эгоистомъ, не способнымъ обидѣть муху», «изящнымъ сибаритомъ», для котораго жизненная мудрость состояла «въ умѣньѣ легко сплетать и расплетать часто мѣняющіяся узы». Не такіе люди сознательно и упорно стремятся навстрѣчу драмѣ, нити которой глубоко вплетаются въ сердце и не могутъ быть порваны безъ тяжелыхъ страданій. Орленевъ не настолько испорченъ, чтобы отрицать значеніе преграды, отдѣляющей его отъ Насти — и не настолько страстенъ, чтобы забыть о ея существованіи. Его связь съ Софьей Сергѣевной не была, притомъ, дѣломъ мимолетнаго каприза: онъ любилъ ее долго и искренно — и не легко понять, какимъ образомъ одно воспоминаніе объ этой любви не стало стѣной между нимъ и Настей.

Если въ «Медовомъ мѣсяцѣ» и въ «Искупленіи» далеко не все можетъ быть признано психологически вѣроятнымъ, то причина этому, какъ мнѣ кажется, въ обоихъ случаяхъ одна и та же: недостатокъ художественной цѣльности въ характерахъ. Ни Грушневъ, ни Орленевъ, ни Кити, ни Софья Сергѣевна не встаютъ передъ нами какъ законченные, живые образы. Между ихъ основными свойствами и ихъ дѣйствіями нѣтъ необходимой,

неразрывной связи; никакъ нельзя сказать, что при данныхъ условіяхъ они не могли поступить иначе. Объяснить Грушнева авторъ пытается путемъ рѣчей, которыя держитъ ему на балу графиня Длиннорукова. «Въ жизни мужчины», говоритъ она, «рано или поздно долженъ переломъ совершиться, переломъ крутой и мучительный. Молодость требуетъ драмы, какъ весною нужна гроза. А тѣ женщины, съ которыми вы до сихъ поръ сходились, только для водевиля годились, и то для плохого». Насколько невѣроятна подобная откровенность со стороны свѣтской женщины, мало до тѣхъ поръ знавшей Грушнева (стр. 75), настолько же сомнительна самая теорія, развиваемая графиней: жизнь такихъ людей, какъ Грушневъ, сплошь и рядомъ обходится безъ драмы. На Орленева боковой свѣтъ, по намѣренію автора, должны бросить слова Вологдина, уличающія его въ неискренности, въ противорѣчіи съ самимъ собою (стр. 105) — но этотъ свѣтъ оказывается не особенно яркимъ, потому что обвинительный матеріалъ черпается Вологдинымъ не изъ поступковъ, а изъ рѣчей Орленева. Неопредѣленность фигуры Орленева такъ велика, что читателямъ трудно предвидѣть, какъ подѣйствуетъ на него смерть Насти. Незавидная судьба, въ концѣ концовъ выпадающая на его долю, кажется намъ скорѣе искусственной карой, придуманной авторомъ для несимпатичнаго ему лица, чѣмъ естественнымъ завершеніемъ цѣлой жизни. Едва ли, наконецъ, можно признать удачнымъ пріемъ, съ помощью котораго К. Ѳ. Головинъ хочетъ оправдать заглавіе романа («Искупленіе»), связавъ его развязку съ первой, полу-забытой виной Орленева и Софьи Сергѣевны. «Долгая связь (Орленева) съ чужою женой» — читаемъ мы въ началѣ романа (стр. 22) — «не вызвала въ немъ голоса совѣсти; въ этой связи было такъ мало трагическаго, она повидимому не нарушала ничьихъ правъ. Завязка и конецъ его романа совершились такъ просто и легко, что Евгеній не могъ вѣрить, будто удовлетворенная страсть требуетъ, рано или поздно, тяжелой расплаты». Авторъ очевидно убѣжденъ, что такая расплата неизбѣжна. Правъ онъ или не правъ по существу — во

всякомъ случаѣ избранный имъ способъ доказательства оказывается недостаточнымъ. Катастрофа, которою заканчивается романъ, обусловлена не связью Орленева съ Софьей Сергѣевной, а женитьбой его на Настѣ. Не будь послѣдней, первая, по всей вѣроятности, не повлекла бы за собою никакого «искупленія»; за удовлетворенною страстью не послѣдовало бы никакой расплаты.

Кромѣ романовъ, два первые тома сочиненій К. Ѳ. Головина заключаютъ въ себѣ повѣсть: «Живая загадка» и разсказы: «Пощечина» и «Двѣ статуи». Второй изъ этихъ разсказовъ задуманъ интересно (художникъ, только что окончивъ крупную работу, прислушивается, незамѣтно для публики, къ ея сужденіямъ), но впечатлѣніе ослаблено тѣмъ, что рѣшимость уничтожить статуи внушена Залѣсову не столько сознаніемъ ихъ недостатковъ, сколько обидой, которую ему нанесла любимая женщина. Теряетъ свое значеніе, вслѣдствіе этого, заключительный аккордъ разсказа — слова, которыя говоритъ Залѣсову его старый учитель: «искусство, какъ все великое на свѣтѣ, требуетъ жертвы — и вотъ, ты сейчасъ принесъ такую жертву. Ты свободенъ; теперь, я знаю, изъ тебя выйдетъ настоящій художникъ». Если бы, впрочемъ, жертва Залѣсова и была принесена на алтарь чистаго искусства, предсказаніе Фомина легко могло бы оказаться ошибочнымъ: чтобы достигнуть совершенства, недостаточно еще понять, какъ далеко отъ него все сдѣланное раньше... Содержаніе повѣсти: «Живая загадка» нельзя назвать оригинальнымъ. Казаться заинтересованной однимъ, чтобы скрыть настоящую любовь къ другому — это маневръ, описанный и Бальзакомъ, и Шарлемъ Бернаромъ; для него, кажется, приняты во французской литературѣ даже особые термины (ширмы или громоотводъ). Дѣйствующія лица очерчены блѣдно; какъ возникла, какъ развилась любовь Зинаиды Павловны къ Зарайскому, заставляющая ее играть недостойную комедію съ героемъ разсказа — мы такъ и не узнаемъ. Непонятно и то, какимъ образомъ воспоминаніе о дважды повторенномъ, ничѣмъ не скрашенномъ обманѣ можетъ оставаться до порога старости «дорогимъ и милымъ».

Всего больше удался автору разсказъ «Пощечина», драматическій по содержанію, веденный съ большою сжатостью и силой. Контрастъ между тѣмъ, что допускается, почти одобряется условною свѣтскою моралью, и тѣмъ, чего она ни въ какомъ случаѣ не прощаетъ, изображенъ рельефно и ярко. Можно жить не по средствамъ, можно обыгрывать товарища, можно вступить въ связь съ женою друга, можно жениться безъ любви, по холодному расчету — но нельзя перенести, не смывъ его кровью, оскорбленіе, ничѣмъ, въ сущности, не отличающееся отъ укуса бѣшеной собаки. Сережа Горянцевъ — самое живое, быть можетъ, лицо изъ всѣхъ созданныхъ К. Ѳ. Головинымъ. Его прошедшее для насъ такъ же ясно, какъ и настоящее. «Застѣнчивый молодой офицеръ, быстро превратившійся въ блестящаго любимца моды», сохранилъ гдѣ-то на днѣ совѣсти завѣты хорошей семьи и воспоминанія чистаго дѣтства. Онъ могъ забыться въ охватившемъ его водоворотѣ — но долженъ былъ очнуться при первомъ серьезномъ толчкѣ, выкинувшемъ его изъ колеи легкаго успѣха. Въ другую минуту онъ, можетъ быть, не нашелъ бы въ себѣ силу пойти наперекоръ господствующему взгляду; но, послѣ всего пережитаго имъ въ теченіе дня, въ немъ проснулась неудержимая потребность «очиститься, сбросить съ себя давившее сознаніе позорной виновности». Въ незаслуженной обидѣ онъ увидѣлъ «заслуженное возмездіе»; отказъ отъ мести сдѣлался для него источникомъ «какого-то особаго, возвышающаго ощущенія». Очень тонко подмѣченную черту я вижу въ томъ, что не вполнѣ понятнымъ, не оцѣненнымъ по достоинству образъ дѣйствій Горянцева остался даже для его отца — а просто и чутко отнеслась къ нему только молодая дѣвушка, воспитанная вдали отъ свѣта, чуждая его искусственнымъ законамъ. «Вы трусъ?» — воскликнула Вѣра, выслушавъ его исповѣдь. «Да неужели они не поняли тамъ, что страдать, какъ вы страдали — это въ десять разъ хуже всякой опасности?...». Обстановка, среди которой происходитъ дѣйствіе, изображена въ «Пощечинѣ» такъ же хорошо, какъ и главное дѣйствующее лицо. Обѣдъ у

Чертолиныхъ, вечеръ у Краснохолмскихъ подготовляютъ настроеніе, созрѣвающее, въ критическую минуту, въ душѣ Горянцева. Нѣсколько утрированными представляются только кн. Суздальскій и Поладинъ — одинъ въ сторону добродѣтели, другой въ сторону порока; недостаточно мотивирована дуэль, оканчивающаяся смертью ихъ обоихъ. Нерасположеніе автора къ Поладину чувствуется даже въ описаніи его наружныхъ примѣтъ: «хриплый голосъ, холодная какъ ледъ рука, совершенно безцвѣтное лицо, блѣдныя, тонкія, искривленныя губы, маленькіе острые глаза».

Не въ одной только «Пощечинѣ» К. Ѳ. Головину приходится рисовать свѣтское общество: оно составляетъ постоянный фонъ его картинъ. Особенно охотно авторъ показываетъ намъ его отрицательныя стороны. Бездушная холодность Вари Чертолиной, ранняя развращенность Вѣры Разрубиной, утонченная испорченность графини Длиннoруковой и Зинаиды Павловны, наивная испорченность Софи Мендеръ, мелкая мстительность княгини Смоленской, черствость графини Ардашевой, безличность Вѣры Александровны Усольцевой — все это плоды одной и той же салонной атмосферы. Ея вліяніе успѣла испытать на себѣ и Кити Усольцева; несмотря на всѣ усилія Грушнева, «мысли ея попрежнему вращались въ кругу мелкихъ наблюденій, останавливаясь на любимомъ предметѣ — пересудахъ о ближнихъ». Нетронутыми заразой остаются только тѣ, кого счастливая случайность предохранила отъ слишкомъ близкаго соприкосновенія съ свѣтомъ (Женя въ «Медовомъ мѣсяцѣ», Настя въ «Искупленіи»). Даже «строгая блюстительница старинныхъ порядковъ, хранящая ихъ, какъ весталка — священный огонь, въ прошломъ мало походила на весталку, и ея мораль сводилась къ этикету» («Медовый мѣсяцъ», стр. 70—71). Всего нагляднѣе отношеніе автора къ обычному театру его разсказовъ выразилось въ описаніи салона Краснохолмскихъ («Пощечина», стр. 45-6), съ его «мнимою близостью тона, за которымъ не было ни настоящей дружбы, ни искренняго веселья». «У многихъ вечера у Краснохолмскихъ, считавшіеся такими исключительными

и элегантными, вызывали тайную зависть и сильное желаніе туда проникнуть. А между тѣмъ, непрошенная гостья — скука все-таки прокрадывалась на эти вечера, гдѣ было столько громкаго смѣха и откровеннаго цинизма. Грубоватая соль очень прозрачныхъ двусмысленностей и возбужденіе азартной игрой едва спасали отъ тоски этихъ людей, стоявшихъ на вершинѣ общественнаго положенія и воображавшихъ себя избранниками судьбы». Нетрудно угадать, какъ должны были отнестись представители салона къ инциденту, нарушившему ихъ обычное настроеніе. «Грубый эгоизмъ всякой толпы овладѣвалъ уже избраннымъ кружкомъ ближайшихъ друзей (Горянцева), которые объ одномъ только помышляли, какъ бы имъ поскорѣе спасти себя отъ всякаго участія въ происшедшемъ столкновеніи, его одного, своего защитника, предоставивъ въ жертву злословной молвѣ». Разсказъ приближается здѣсь къ сатирѣ, описаніе — къ обличенію. Основаніемъ сомнѣваться въ безпристрастіи автора это, однако, служить не можетъ: въ немъ чувствуется скорѣе влеченіе къ свѣтскому обществу, къ его изяществу и блеску. Когда разсказчикъ въ «Живой загадкѣ» признается, что любитъ «пахучую, душную атмосферу гостинныхъ, всю наполненную блескомъ освѣщенія и брилліантовъ и полувнятными звуками уклончивыхъ рѣчей», читателямъ кажется, что устами его говоритъ самъ авторъ, заимствующій свои сюжеты почти исключительно изъ свѣтской жизни.

К. Ѳ. Головинъ — занимательный, искусный разсказчикъ. Рѣчь его льется легко и свободно, бесѣды дѣйствующихъ лицъ ведутся оживленно; но, подобно тому, какъ ни одна изъ созданныхъ имъ фигуръ не можетъ считаться художественнымъ образомъ, внѣшней формѣ его произведеній недостаетъ своеобразности и силы. Описанія природы у него большею частью не оригинальны и не характерны («свѣжая листва, омытая дождемъ, всюду разливала ароматъ. Птицы весело щебетали. Голубое небо разстилалось безоблачнымъ шатромъ....». «Въ травѣ мелькали свѣтящіеся жучки. Небольшая струя фонтана среди цвѣточныхъ клумбъ искрилась въ лучахъ мѣсяца. Мотыльки вились

около цвѣтовъ, напиваясь пахучимъ воздухомъ; вся природа будто дышала полною грудью»). Недостаточно рельефны и рисуемые имъ портреты («глаза Грушнева, въ которыхъ читалась какая-то особенная, имъ свойственная мягкая привѣтливость, и открытый выпуклый лобъ сразу почему-то располагали въ его пользу, невольно вызывая довѣріе»). Женскіе портреты не свободны отъ изысканности («въ каждомъ движеніи Насти было что-то законченное и въ то же время простое, какъ въ музыкальной фразѣ Гайдновской симфоніи»). Мѣстами теченіе разсказа прерывается не всегда удачными разсужденіями самого автора. Въ «Медовомъ мѣсяцѣ», напримѣръ, въ описаніе супружеской ссоры, которую не съумѣлъ во время прекратить Грушневъ, сдѣлана слѣдующая вставка: «мужчины этого (т. е. лучшаго способа возстановить домашній миръ) почти никогда не понимаютъ и спѣшатъ довести побѣду до конца, неопровержимо доказавъ, что они были правы: какъ будто женщинѣ можно доказать что-нибудь и передъ ея обидчивымъ упрямствомъ не остаются безсильными самые убѣдительные доводы». Не лучше ли было бы примѣнить это послѣднее замѣчаніе къ одной Кити, воздержавшись отъ болѣе чѣмъ рискованнаго обобщенія?

Общіе вопросы современной жизни К. Ѳ. Головинъ, въ перечисленныхъ мною произведеніяхъ, затрогиваетъ только мимоходомъ. Сочувственное отношеніе его къ Ахтубину (въ «Медовомъ мѣсяцѣ») и молодому Гашину (въ «Искупленіи») заставляетъ думать, что онъ высоко цѣнитъ скромный трудъ на мѣстахъ, въ провинціальной глуши. Женя Усольцева нравится ему, между прочимъ, своею готовностью помогать деревенской бѣднотѣ. Антипатичны автору помѣщики - аферисты и эксплуататоры въ родѣ Шатова («Искупленіе»); ему больше по душѣ послѣдніе могикане патріархальныхъ порядковъ (старикъ Гашинъ). Судя по тому, какъ ведется споръ Орленева съ Гашнымъ о задачахъ живописи, можно думать, что К. Ѳ. Головинъ стоитъ за такъ называемое чистое искусство. «Искусству», читаемъ мы здѣсь, «нѣтъ дѣла до политической борьбы и до мелкихъ явленій буднич-

ной жизни; оно касается ихъ мимоходомъ, но погружаться въ нихъ оно не должно, подъ страхомъ утраты своей независимости. Оно выше всего этого; для него нѣтъ времени и мѣста». Оставаться вѣрнымъ взгляду, выраженному въ этихъ словахъ, К. Ѳ. Головинъ старался и тогда, когда выбранная имъ тема ставила его лицомъ къ лицу съ жгучею дѣйствительностью. Выводя на сцену, въ своемъ большомъ романѣ «Внѣ колеи» (т. III и IV), политическую агитацію семидесятыхъ годовъ, онъ оказывается болѣе сдержаннымъ, чѣмъ другой писатель — Болеславъ Маркевичъ, — въ то же самое время рисовавшій аналогичную картину въ «Переломѣ» и «Безднѣ». Менѣе щедръ К. Ѳ. Головинъ какъ на черныя краски въ изображеніи агитаторовъ, такъ и на розовыя — въ изображеніи ихъ противниковъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ (напр. Боровской) даже прямо антипатичны автору. Нельзя сказать, однако, чтобы онъ достигъ высшаго художественнаго безпристрастія или даже близко подошелъ къ нему. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть, какъ изображаетъ К. Ѳ. Головинъ наружность своихъ «козлищъ». Воздерживаясь и здѣсь отъ крайностей, въ которыя впадалъ Маркевичъ (Левіафановъ, Овцынъ, Волкъ — настоящіе уроды), нашъ авторъ все-таки стремится установить нѣкоторую гармонію между душевными свойствами и внѣшнимъ обликомъ своихъ отрицательныхъ героевъ. У Нерадовича, напримѣръ, «жесткіе волоса выступали надъ низкимъ лбомъ; черты его лица казались будто недодѣланными; за то въ крѣпкихъ, стиснутыхъ челюстяхъ его изогнутаго рта было что-то рѣшительное и могучее, а порой даже хищное и зловѣщее... Въ его взглядѣ было что-то колящее, жгучее почти до боли». Варя Покровская — «дѣвушка некрасивая, съ рѣзкими, угловатыми движеніями и непріятнымъ густымъ голосомъ». Еще менѣе привлекателенъ, въ другомъ романѣ «Дядюшка Михаилъ Петровичъ», (т. VIII), Трухинъ, съ его «жесткими волосами, щетинистыми усами и бородой, слишкомъ густыми бровями, слишкомъ короткимъ носомъ»; «природа создала его какъ бы на зло всѣмъ законамъ эстетики». Въ изобра-

женіи Трухина К. Ѳ. Головинъ усвоилъ себѣ, впрочемъ, не только манеру Маркевича, но и его тенденціозность. Для хода дѣйствія Трухинъ вовсе не нуженъ: онъ только и дѣлаетъ, что говоритъ грубости и занимаетъ деньги безъ отдачи... Въ томъ же романѣ допущено авторомъ существенное отступленіе отъ исторической правды. Дядюшка Михаилъ Петровичъ, бывшій петрашевецъ, много лѣтъ спустя находитъ и смѣшнымъ, и преступнымъ, что шелъ на ломку существующихъ порядковъ и хотѣлъ перевернуть весь строй русской жизни (стр. 129, 173). Теперь, когда подробности дѣла о петрашевцахъ перестали быть тайной, можно считать доказаннымъ, что мнимые заговорщики о *ломкѣ* существующихъ порядковъ вовсе не помышляли и осуждали преимущественно тѣ стороны этихъ порядковъ, которыя, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, были отмѣнены или радикально измѣнены самимъ правительствомъ.

Другія произведенія, вошедшія въ составъ полнаго собранія сочиненій К. Ѳ. Головина (романы: «На вѣсахъ», «Блудный братъ», «Погромъ», «Молодежь» и «Сильный человѣкъ», повѣсти: «Театральный цвѣтокъ», «Второе поколѣніе», «Чья вина», «Андрей Мологинъ» и «Баловень счастья», разсказы: «Въ свѣтлый праздникъ» и «Ты»), отличаются, въ общемъ, тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и подробно разобранныя выше. На первый планъ между ними выдвигается романъ «Блудный братъ», въ которомъ очень хорошо обрисовано и выдержано главное дѣйствующее лицо — Петя Бороздинъ.

Константинъ Арсеньевъ.

V.

Владиміръ Каренинъ „Жоржъ Сандъ. Ея жизнь и произведенія“ 1804—1838. Спб. 1899 г.

I.

Книга Владиміра Каренина о Жоржъ Сандъ — первая и безспорно удачная попытка исправить нѣсколько ту несправедливость, съ какой наука отнеслась къ памяти одного изъ самыхъ крупныхъ писателей XIX вѣка.

Если сочиненія Жоржъ Сандъ, за весьма малыми исключеніями, и причислены теперь къ памятникамъ литературы, о которыхъ говорятъ съ уваженіемъ, но которыхъ почти не читаютъ — то не такъ давно они были настольными книгами всей образованной Европы; и трудно указать со временъ Вольтера и Руссо на писателя, который такъ прославилъ бы среди иностранцевъ имя Франціи, какъ эта защитница женскихъ правъ и всяческаго гуманизма.

А между тѣмъ именно эта прославленная ею родина и оказалась больше всего въ долгу передъ памятью писательницы. Тщеславная и умѣющая цѣнить своихъ великихъ людей, французская наука какъ-то обошла Жоржъ Сандъ, посвятивъ ей нѣсколько книгъ либо очень спеціальнаго, либо очень общаго характера, и

предпочитая говорить о ней въ безчисленныхъ «опытахъ», «характеристикахъ», «воспоминаніяхъ» и «очеркахъ», въ которыхъ субъективный лиризмъ разныхъ «эссеистовъ» почти не считался съ правдой жизни того лица, о которомъ они говорили. Эту забывчивость соотечественниковъ Жоржъ Сандъ не исправили ни нѣмцы, ни англичане, которые иногда лучше чѣмъ французы знаютъ, какъ кто жилъ во Франціи, какъ работалъ и что думалъ.

Книга В. Каренина, — первое строго научное изслѣдованіе о жизни и твореніяхъ знаменитой романистки. Эта книга — не продолженіе начатыхъ работъ; она — начало работы, которая требуетъ продолженія.

Для французскаго читателя, наиболѣе въ данномъ случаѣ заинтересованнаго, книга В. Каренина была весьма пріятной неожиданностью, и онъ встрѣтилъ ее очень сочувственно. Нашъ авторъ могъ бы собрать весьма изрядную коллекцію всевозможныхъ лестныхъ словъ и выраженій, какія были не только сказаны, но и напечатаны по поводу его книги, когда она вышла во французскомъ переводѣ. Книгу называли «удивительной» (étonnante et merveilleuse), «превосходной и первоклассной» (excellente et de tout premier ordre); хвалили книгу за удивительную точность сообщаемыхъ фактовъ, за умѣнье оттѣнять даже мелочи, за то, что въ ней авторъ всегда говоритъ по существу, а не болтаетъ; хвалили за «цѣломудренность» и тактичность разсказа, за единственную въ своемъ родѣ гармонію отдѣльныхъ частей книги, за способность автора проникать въ самыя затаенныя мгновенія давно угасшей жизни. Всѣ эти комплименты говорились людьми компетентными, съ литературнымъ именемъ (Edm. Biré, Gaston Deschamps, Eugène Gilbert), и, конечно, никто не поставитъ ихъ на счетъ одной лишь французской любезности; въ нихъ нужно признать вѣрный откликъ того *общаго впечатлѣнія*, какое произвела во Франціи книга нашего соотечественника.

Если смотрѣть на эту книгу, какъ на опытъ детальнаго и научнаго жизнеописанія, то она и не могла произвести иного впечатлѣнія. Въ ней есть все то, за что ее такъ похвалили, и

рецензенту, который обязанъ взвѣсить ея достоинства и недостатки, особенно пріятно, что онъ можетъ начать свой отзывъ исчисленіемъ весьма многихъ и безспорныхъ достоинствъ этой работы.

Первое, и самое главное, достоинство біографическаго труда В. Каренина — необычайная, удивительная полнота и точность сообщаемыхъ фактовъ. Авторъ поразительно точно и полно освѣдомленъ во всѣхъ, даже будничныхъ мелочахъ жизни нашей писательницы. Для своей работы онъ использовалъ не только весь печатный матеріалъ, но и рукописный. Онъ возстановилъ на основаніи этихъ свѣдѣній всю жизнь Жоржъ Сандъ изъ года въ годъ въ продолженіе цѣлыхъ 34-хъ лѣтъ. Не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго факта внѣшней жизни Жоржъ-Сандъ, который бы авторъ не съумѣлъ освѣтить, выдвинуть надлежащимъ образомъ и закрѣпить въ памяти читателя. При выполненіи своей мозаичной работы авторъ долженъ былъ продѣлать много самыхъ мелочныхъ изысканій, и ему никогда не измѣняло его необычайно трезвое, критическое, отношеніе ко всѣмъ источникамъ. И всѣ эти мелкія изысканія сложились въ одно связное и гармоничное въ своихъ частяхъ повѣствованіе, въ которомъ самый зоркій глазъ можетъ уловить развѣ только нѣсколько не особенно важныхъ погрѣшностей [смтр. нпр. строки, гдѣ говорится объ отношеніи Гейне къ Листу].

Трудность составленія такой связной и полной біографіи Жоржъ Сандъ была усложнена тѣмъ обстоятельствомъ, что, начиная съ 30-тыхъ годовъ, наша писательница вела жизнь чрезвычайно открытую и подвижную. Она была центромъ литературнаго и отчасти политическаго кружка. Жизнь сталкивала ее со многими очень крупными писателями, художниками и общественными дѣятелями, и каждый изъ нихъ занималъ не мало мѣста въ ея умѣ и сердцѣ.

Тотъ, кто желалъ разсказать жизнь Жоржъ Сандъ, обязанъ былъ попутно говорить о жизни всѣхъ этихъ лицъ, изъ которыхъ почти каждое имѣетъ право на обширную біографію. Всѣхъ этихъ лицъ разнаго темперамента, разнаго образа мыслей,

разныхъ литературныхъ и политическихъ партій необходимо было сгруппировать около Жоржъ Сандъ такъ, что бы они не ушли совсѣмъ въ тѣнь и чтобы ихъ взаимныя отношенія обрисовались вполнѣ отчетливо. Сдѣлать это было очень трудно — при необходимости сохранять извѣстную экономію въ числѣ страницъ книги — и трудность эту нашъ авторъ преодолѣлъ. Онъ не впалъ въ шаблонъ, заставляя эпизодическихъ лицъ въ разсказѣ появляться лишь съ метрическимъ свидѣтельствомъ и голымъ формулярнымъ спискомъ своей дѣятельности. В. Каренинъ, вводя въ свою бесѣду такихъ участниковъ, какъ Мюссе, С. Бевъ, Мишель де Буржъ, Ламменнэ, Листъ и другихъ, старался сжато выдѣлить главнѣйшіе моменты ихъ жизни и дать читателю понятіе объ общемъ смыслѣ всей ихъ духовной дѣятельности... Выполнить эту задачу авторъ могъ лишь при большой подготовительной, для читателя почти незримой, работѣ. Нужно было быть хорошо знакомымъ съ біографіей и трудами всѣхъ друзей Жоржъ Сандъ, чтобы разсказъ о нихъ улегся такъ хорошо въ общую рамку и не сталъ скучнымъ отклоненіемъ въ сторону. Когда говоришь о достоинствахъ труда В. Каренина, то эту незримую работу не слѣдуетъ упускать изъ виду.

Если послѣдовательная смѣна внѣшнихъ фактовъ жизни Жоржъ Сандъ возстановлена В. Каренинымъ съ большой точностью и осторожностью, то эти же достоинства должно отмѣтить и въ попыткѣ автора разсказать намъ весь сложный процессъ развитія умственнаго склада и вообще всей психики знаменитой писательницы. Жоржъ Сандъ была натура необычайно воспріимчивая и чуткая, и къ тому же она обладала умомъ очень широкимъ и способнымъ откликаться живо и быстро на самыя разнообразныя идеи ея тревожнаго вѣка. На біографѣ психологѣ лежала трудная обязанность — показать намъ, какъ сложился цѣльный характеръ этой женщины, какъ сложились ея стойкія убѣжденія, нравственныя и умственныя, ея литературные вкусы... А этотъ процессъ былъ очень длинный и сложный, если принять во вниманіе то разнообразіе чувствъ, настроеній и мыслей,

иногда противорѣчивыхъ, въ водоворотѣ которыхъ она жила съ ранняго дѣтства.

Трудъ В. Каренина не оконченъ и мы не имѣемъ пока еще полной исторіи всей духовной жизни Жоржъ Сандъ; но и то, что авторъ успѣлъ сдѣлать для выясненія этого вопроса, заслуживаетъ полнаго признанія. Отдавая себѣ ясный отчетъ, съ какой величиной нравственной и умственной онъ имѣетъ дѣло, авторъ очень зорко слѣдилъ за всѣми моментами жизни Жоржъ Сандъ, въ которые ея умъ и настроенія испытали болѣе или менѣе сильныя колебанія. Приливы радости и скорби, соотвѣтствующія имъ повышенія и пониженія оптимизма и пессимизма, работа критической мысли, порывы восторга религіознаго и поэтическаго, вспышки любви и недовѣрія къ людямъ, и, въ особенности, патологія и физіологія любящаго женскаго сердца — выслѣжены В. Каренинымъ изъ года въ годъ и тщательно зарегистрованы. Какъ результатъ этой работы, получилась опять детальная картина всѣхъ душевныхъ и умственныхъ тревогъ, которыя пришлось пережить Жоржъ Сандъ за первую половину ея жизни.

Надъ этой картиной авторъ задумался. Слѣдя за борьбой, за столкновеніемъ всевозможныхъ идей и настроеній въ неустановившемся еще складѣ мысли писательницы и въ ея молодой душѣ, онъ задалъ себѣ вопросъ: были ли въ этой душѣ и въ этомъ умѣ какія-нибудь *господствующія* настроенія и какія-нибудь мысли, которыя имѣли за собой первенство силы? Хоть тотъ періодъ жизни Жоржъ Сандъ, о которомъ пока говоритъ авторъ, и былъ періодомъ преимущественно бореній и сомнѣній, но уже въ немъ должны были сказаться основныя черты характера и общія руководящія идеи, въ которыхъ вся суть культурной роли нашей писательницы. В. Каренинъ попытался отыскать эти «господствующія способности» въ умѣ, характерѣ и твореніяхъ Жоржъ Сандъ и, не унывая передъ трудностью задачи, неоднократно возвращался къ этому вопросу. «Литературная дѣятельность Жоржъ Сандъ и ея личная жизнь были тѣсно другъ съ другомъ связаны и подчинены вліянію *одной идеи*» (стр. 7) —

такъ говоритъ нашъ авторъ въ самомъ началѣ своего труда. Однако, такой *одной* идеи онъ найти не могъ: ихъ нашлось нѣсколько. «Прежде всего Жоржъ Сандъ была душой *религіозной* отъ природы. Она восприняла отъ христіанства религію *дѣятельной* любви и эта дѣятельная любовь къ ближнимъ была религіей наиболѣе подходящей душѣ Авроры — была самой сущностью ея души. Въ каждой душѣ есть свой атомъ божественнаго, тотъ основной кристаллъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальныя душевныя свойства, въ граняхъ котораго отражается Великое Сердце. Въ душѣ Авроры этимъ кристалломъ было состраданіе, безконечная доброта къ людямъ, дѣятельная любовь, та самая, о которой апостолъ Іоаннъ неустанно повторялъ на смертномъ одрѣ... все послѣдующее развитіе и вся послѣдующая дѣятельность и направленіе ума Жоржъ Сандъ создалось изъ этой основной стороны ея духа» (стр. 116—117) — такъ пишетъ нашъ авторъ и, конечно, понимаетъ, что такое краснорѣчивое опредѣленіе сущности души Жоржъ Сандъ есть не рѣшеніе, а обходъ вопроса, что при такой «господствующей» способности духа наша писательница ничѣмъ не будетъ отличаться отъ лицъ съ ней совершенно не схожихъ. Недовольный своимъ опредѣленіемъ, авторъ начинаетъ пріискивать болѣе спеціальные «Leitmotiv'ы жизни и творчества Авроры» — какъ онъ выражается, и наконецъ отличаетъ «въ ея духовномъ характерѣ три основныхъ стороны: 1)-хъ пытливость и страстную любознательность въ области отвлеченныхъ знаній, соединенную съ мечтательностью и со стремленіемъ согласовать эти знанія и вѣрованія со своими дѣйствіями и объединить ихъ въ одно стройное міросозерцаніе; 2)-хъ страстную любовь къ свободной, ничѣмъ не стѣсняемой жизни среди природы, постоянное движеніе съ постоянной смѣной внѣшнихъ впечатлѣній и 3)-хъ самостоятельность и смѣлость въ пользованіи этой свободой и въ проведеніи въ жизнь своего міросозерцанія, доходящія до совершеннаго презрѣнія къ общественному мнѣнію, особенно къ такъ называемому «мнѣнію свѣта» (стр. 144). Какъ на одно изъ главнѣйшихъ проявленій этихъ сто-

ронъ ея характера, авторъ указываетъ на проповѣдь освобожденія личности. Эта проповѣдь есть основаніе и краеугольный камень всѣхъ твореній Жоржъ Сандъ. Въ теченіе всей своей жизни и подъ всевозможными видами проповѣдывала она именно такое освобожденіе личности, а вовсе не освобожденіе женщины только и тѣмъ паче свободу любви (стр. 215). Вмѣстѣ съ тѣмъ эта проповѣдь была вся проникнута сознательнымъ или безсознательнымъ духомъ критики и возмущенія противъ общества и семьи, противъ предразсудковъ, несправедливостей и насилія, была проповѣдью во имя индивидуальной свободы женщины или въ защиту художественныхъ натуръ, талантовъ, задыхающихся въ тискахъ буржуазной обстановки (стр. 244).

Таковы, по опредѣленію автора, конечные итоги умственной работы, къ которымъ пришла наша писательница, и таковъ окрѣпшій складъ ея характера. Можетъ ли такое опредѣленіе характера и ума Жоржъ Сандъ назваться вполнѣ яснымъ и исчерпывающимъ всю ея духовную сущность — объ этомъ можно спорить, но, конечно, и «дѣятельная любовь», и способность отвлеченно ставить вопросы, и борьба за освобожденіе личности — за ея религіозную, общественную, политическую и художественную свободу — были безспорно одними изъ главныхъ стимуловъ всей духовной жизни и работы Жоржъ Сандъ. Указавъ на нихъ, В. Каренинъ никакого открытія не сдѣлалъ, но заслуга его въ томъ, что онъ подробно и тщательно прослѣдилъ ростъ и развитіе этихъ основныхъ идей и чувствъ среди цѣлой массы другихъ менѣе существенныхъ и важныхъ.

Въ изложеніи развитія духовной жизни Жоржъ Сандъ, какъ ее возсоздаетъ нашъ авторъ, есть и другое весьма значительное достоинство. Во всѣхъ статьяхъ и книгахъ о жизни нашей писательницы всегда упоминалось о вліяніи — умственномъ, нравственномъ и художественномъ — какое оказали на ея чуткую душу ея много численные друзья и знакомые, почти всѣ — люди большого ума и таланта. Фактъ этого вліянія былъ давно установленъ, но ни кто не далъ себѣ труда вникнуть поглубже въ его

значеніе для жизни и творчества нашей писательницы. В. Каренинъ пополнилъ этотъ пробѣлъ въ исторіи французской литературы 30-тыхъгодовъ и тѣ страницы его труда, на которыхъ онъ касается вопроса о взаимномъ вліяніи Жоржъ Сандъ и ея друзей другъ на друга — рѣшительно лучшія страницы его работы, лучшія не только въ смыслѣ новизны, но и со стороны выполненія. Здѣсь нужно прежде всего указать на весьма обстоятельный разборъ отношеній между Жоржъ Сандъ и Мюссе. Все, что авторъ говоритъ объ ихъ интимной жизни — которую онъ изучилъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и безпристрастіемъ — вѣроятно полная правда объ этомъ любопытномъ эпизодѣ, которому придаютъ всегда такое рѣшительное значеніе въ исторіи жизни обоихъ пострадавшихъ. Изслѣдованіе нашего автора лишаетъ этотъ эпизодъ его обычной ультра-романтической окраски, выставляетъ его въ болѣе естественномъ, даже прозаическомъ свѣтѣ, но зато устраняетъ изъ біографіи Мюссе одно надоѣдное общее мѣсто. Съ такой же трезвостью и простотой описаны и разъяснены и другія дружескія и любовныя связи нашей писательницы. Впрочемъ, главная сила и цѣнность тѣхъ изысканій, которыя авторъ посвятилъ этимъ связямъ, заключена въ опредѣленіи не чисто интимнаго, а литературнаго и идейнаго вліянія, какое другъ на друга оказывали Жоржъ Сандъ и ея пріятели. Это взаимное вліяніе, уже не сердецъ, а умовъ, оставалось до сихъ поръ въ тѣни, и В. Каренинъ — первый, кто освѣтилъ его надлежащимъ образомъ и доказалъ его на ростѣ идей, развитыхъ Жоржъ Сандъ въ ея романахъ. Очень поучителенъ въ данномъ смыслѣ этюдъ, посвященный авторомъ взаимному идейному вліянію, какое существовало между Мюссе и нашей писательницей. Этюдъ вполнѣ оригиналенъ и новъ по своему замыслу и выводамъ. Впрочемъ, этими же достоинствами отличаются всѣ этюды нашего автора на эту тему, какъ нпр. страницы, на которыхъ разсказана исторія упорной борьбы Жоржъ Сандъ съ демократическими идеями Мишеля де Буржа, которымъ она въ концѣ концовъ подчинилась, а также и повѣствованіе о постепенномъ

подчиненіи ея нравственному и идейному вліянію Ламменне. Наибольшее количество страницъ отведено авторомъ характеристикѣ дружбы Жоржъ Сандъ съ Листомъ и графиней д' Агу — вопросу до сихъ поръ совсѣмъ не разъясненному, и который теперь вполнѣ выясненъ въ его самыхъ тонкихъ и интимныхъ изгибахъ. Во всѣхъ этихъ этюдахъ рецензентъ обязанъ отмѣтить одну особенность автора — особенность весьма похвальную и рѣдко встрѣчающуюся у біографовъ, такъ любящихъ своихъ героевъ, какъ В. Каренинъ любитъ Жоржъ Сандъ. Нашъ изслѣдователь не возвеличиваетъ своей героини на счетъ лицъ, ее окружающихъ, и открыто признаётъ насколько она была натурой уступчивой и поддающейся разнымъ вліяніямъ. При такомъ безпристрастномъ взглядѣ на дѣло неудивительно, что нашъ авторъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко, когда ему приходится отвѣчать на вопросъ: была ли Жоржъ Сандъ «самостоятельнымъ пѣвцомъ свободы или только подпѣвала другимъ и проповѣдывала чужія идеи» (стр. 428—9). Авторъ ставитъ этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно, но нельзя сказать, чтобы такой же опредѣленностью отличалось его рѣшеніе, а между тѣмъ, какъ увидимъ дальше, этотъ вопросъ требовалъ очень обстоятельнаго изслѣдованія.

В. Каренинъ возстаетъ противъ тѣхъ лицъ, которыя приписываютъ Жоржъ Сандъ второстепенную роль «поэтическаго эхо» разныхъ голосовъ, раздававшихся вокругъ нея, но изъ собственныхъ его этюдовъ о взаимномъ вліяніи Жоржъ Сандъ и ея друзей явствуетъ, что въ ней, какъ теоретикѣ и мыслителѣ, было очень мало оригинальнаго. Вмѣсто того чтобы указать, чѣмъ такая малая оригинальность покрывалась, чѣмъ она съ избыткомъ искупалась, авторъ почему-то предпочелъ резюмировать свои мысли о вліяніи друзей на выработку міросозерцанія нашей писательницы туманными словами, передъ которыми читатель останавливается въ нѣкоторомъ недоумѣніи. «Насъ поражаетъ— пишетъ авторъ — та положительная послѣдовательность въ смѣнѣ этихъ вліяній, то, что совершенно непреднамѣренно и без-

сознательно сходясь изъ дружбы и любви со многими изъ выдающихся людей своей эпохи, Жоржъ Сандъ точно сознательно совершала циклъ извѣстной духовной эволюціи, точно преднамѣренно сближалась съ индивидуальностями, послѣдовательно открывавшими ей новыя стороны истинъ, заставлявшими какъ бы поочередно звучать всѣ тѣ «семь струнъ лиры», полное созвучіе которыхъ одно даетъ гармонію и единство человѣческому духу и приближаетъ его — насколько это возможно — къ абсолютной истинѣ» (стр. 431).

Трудъ В. Каренина — чтобы покончить съ его достоинствами — одновременно и исторія жизни, и исторія произведеній Жоржъ Сандъ. Авторъ былъ, конечно, правъ, когда такъ неразрывно связалъ личность поэта съ его словами. Сочиненія Жоржъ Сандъ — ея исповѣдь, и тому, кто умѣлъ такъ вникнуть во внутреннюю и внѣшнюю жизнь писателя — какъ это сдѣлалъ нашъ авторъ — тому было не трудно ознакомить насъ съ постепенной выработкой и воплощеніемъ въ образы всѣхъ думъ и чувствъ художника. Если читатель пожелаетъ знать, при какихъ внѣшнихъ условіяхъ возникло какое произведеніе Жоржъ Сандъ, какія изъ выраженныхъ въ этомъ произведеніи мыслей и чувствъ дѣйствительно выстраданы, пережиты авторомъ, какое вліяніе на эти мысли оказали друзья писательницы — то все это онъ найдетъ въ книгѣ В. Каренина. Найдетъ даже больше. Авторъ значительно облегчаетъ читателю его работу тѣмъ, что пересказываетъ полузабытое содержаніе романовъ и повѣстей Жоржъ Сандъ и даетъ сжатыя характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ, подводя ихъ подъ общіе типы. Кромѣ того онъ подробно излагаетъ многія разсужденія Жоржъ Сандъ по разнымъ вопросамъ жизни и духа, которыми пересыпаны ея повѣсти или которымъ она придавала своеобразную форму записокъ, дневниковъ, писемъ и т. п. Работа эта сдѣлана нашимъ авторомъ весьма добросовѣстно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ нпр. при разборѣ «Семи струнъ лиры» и «Писемъ къ Марсіи») имѣетъ достоинство самостоятельнаго закругленнаго

изслѣдованія. Эта часть труда В. Каренина едва ли вызоветъ возраженія и только въ двухъ случаяхъ — какъ мнѣ кажется — она требуетъ поправки.

Авторъ произнесъ слишкомъ строгій судъ надъ романомъ «Лелія» (стр. 312). Недовольный его художественными промахами, онъ просмотрѣлъ силу мысли и настроенія, какую въ немъ обнаружила писательница. Какъ ни скучна и ни туманна «Лелія», но она одно изъ самыхъ оригинальныхъ по замыслу и мысли произведеній Жоржъ Сандъ за первый періодъ ея жизни. Философія Леліи, при всей своей запутанности — философія своеобразная, лично и самостоятельно выработанная нашей писательницей. Можно въ этой философіи и въ самомъ романѣ находить крупные недочеты, но едва ли справедливо относить этотъ романъ къ произведеніямъ второстепеннымъ.

Несправедливыми кажутся мнѣ и нападки автора на тѣхъ весьма многочисленныхъ его предшественниковъ, которые исторію творчества Жоржъ Сандъ дѣлятъ на три періода «съ внезапнымъ увлеченіемъ соціальными идеями» посрединѣ и съ возвращеніемъ на путь безпритязательнаго писанія подъ конецъ (стр. 118). Конечно, о «внезапномъ» увлеченіи соціальными идеями не можетъ быть и рѣчи: это увлеченіе Жоржъ Сандъ подготовлялось постепенно. Но съ другой стороны несомнѣнно, что приростъ и убыль соціальныхъ и политическихъ идей въ сочиненіяхъ Жоржъ Сандъ могутъ быть наглядно выражены въ видѣ восходящей и нисходящей линіи, что даетъ каждому біографу право — руководясь общимъ направленіемъ сочиненій Жоржъ Сандъ — дѣлить ея литературную дѣятельность на традиціонные три періода; — это нисколько не противорѣчитъ тому факту, что наша писательница еще въ юности обнаруживала большой интересъ къ разнымъ соціальнымъ вопросамъ, надъ которыми упорно думала въ зрѣлые годы и къ которымъ менѣе страстно относилась въ старости.

Быть можетъ такихъ поправокъ придется сдѣлать еще нѣсколько, но онѣ не понизятъ цѣнности тѣхъ страницъ труда В.

Каренина, которыя посвящены психологическому и идейному разбору сочиненій Жоржъ Сандъ.

Таковы безспорныя достоинства работы В. Каренина, которая къ тому же въ общемъ написана серьезнымъ трезвымъ языкомъ. Я говорю «въ общемъ», потому что однотонная трезвость этого языка нарушается на нѣкоторыхъ страницахъ патетическими тирадами, которыя едва ли могутъ быть названы вполнѣ удачными.

Резюмируемъ же вкратцѣ все то цѣнное, что читатель находитъ въ книгѣ В. Каренина.

Во всемірной литературѣ о Жоржъ Сандъ книга нашего автора — явленіе единственное. Вся она построена на строжайшемъ изученіи документовъ даже въ тѣхъ ея частяхъ, которыя не относятся прямо къ біографіи писательницы. Вся исторія внѣшнихъ фактовъ жизни Жоржъ Сандъ возстановлена съ поразительной полнотой и при помощи строгаго критическаго отношенія ко всѣмъ источникамъ. По выдержанности тона и языка, по самообладанію автора — ея разсказъ можетъ назваться лѣтописнымъ и онъ, безспорно, самый надежный, самый безпристрастный изъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ разсказовъ о жизни прославленной писательницы. Авторъ не ограничился жизнеописаніемъ одной лишь Жоржъ Сандъ, онъ вывелъ ее на сцену со всей многочисленной толпой окружавшихъ ее друзей и знакомыхъ. Жизнь всѣхъ этихъ лицъ, насколько нужно, вплетена въ разсказъ и соединена съ общимъ ходомъ повѣствованія органической связью. Книга В. Каренина помимо біографіи даетъ не менѣе полный и связный очеркъ развитія настроеній, чувствъ и идей Жоржъ Сандъ. Въ этой массѣ сплетающихся мыслей и чувствъ авторъ пытается оттѣнить главнѣйшія, и слѣдитъ очень зорко за ихъ постепеннымъ ростомъ. Особенно много труда положилъ авторъ на выясненіе всевозможныхъ вліяній, какимъ подпадали умъ и сердце нашей писательницы при ея встрѣчѣ съ тѣмъ или инымъ выдающимся человѣкомъ. Отдѣлы книги, въ которыхъ выяснено это вліяніе, принадлежатъ къ лучшимъ стра-

ницамъ по новизнѣ и опять таки по большой точности работы. Наконецъ, въ книгѣ дана и подробная исторія самого творчества нашей писательницы, указаны условія, при которыхъ зарождалось то или другое сочиненіе, пересказано его содержаніе, оттѣнены главнѣйшіе типы и критически освѣщены руководящія идеи и господствующія настроенія.

Какъ видимъ, цѣннаго въ книгѣ В. Каренина очень много.

II.

И все-таки читатель, закрывая книгу В. Каренина, задумается надъ однимъ очень страннымъ впечатлѣніемъ, которое онъ изъ нея вынесъ: ему покажется, что то представленіе, которое онъ имѣлъ о великой писательницѣ до чтенія книги, мало расширилось и углубилось послѣ ея прочтенія, что все, что В. Каренинъ говоритъ о Жоржъ Сандъ, не даетъ образа, соотвѣтствующаго той славѣ всемірно-извѣстной женщины, славѣ великаго писателя и необычайной личности, славѣ, которая давнымъ-давно утвердилась за знаменитой романисткой. Книга В. Каренина не заставляетъ насъ чувствовать, что мы все время въ обществѣ почти геніальнаго человѣка, что на нашихъ глазахъ выростаетъ и зрѣетъ исключительно даровитая личность. Самъ авторъ невольно усиливаетъ это странное впечатлѣніе, не упуская нигдѣ случая напомнить читателю, со сколь знаменитымъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло.

Это впечатлѣніе выноситъ читатель не потому, что онъ не находитъ въ книгѣ В. Каренина исчерпывающей и яркой характеристики Жоржъ Сандъ, какъ личности, какъ писательницы и общественнаго дѣятеля.

Такая характеристика представляла большую трудность. Это чувствовалъ и самъ авторъ, когда избѣгалъ ее или когда, приступая къ ней, бросалъ ее чуть ли не на первыхъ словахъ. Въ книгѣ В. Каренина я нашелъ, дѣйствительно, лишь два на-

броска[1]) такой характеристики, которая должна была помочь читателю понять — кто Жоржъ Сандъ и что она сдѣлала.

«Жоржъ Сандъ — пишетъ авторъ — горячее сердце, полное глубочайшаго альтруизма; умъ холодный, склонный къ системамъ и обобщеніямъ, но неспособный противодѣйствовать какой-нибудь страсти или утопіи; темпераментъ чувственный и страстный; натура художественная въ широкомъ смыслѣ слова; экзальтированное воображеніе, литературный талантъ чистѣйшей воды» (стр. 64). Такимъ опредѣленіемъ личности Жоржъ Сандъ едва ли можно удовлетвориться, точно такъ же какъ едва ли можно вывести опредѣленное понятіе о силѣ произведеній писательницы и объ ихъ вліяніи на читателя изъ такихъ словъ автора: «во всякомъ изъ произведеній Жоржъ Сандъ, говоритъ онъ, есть частица вѣчной непреходящей истины, въ нихъ чувствуется свѣжій, горный воздухъ, который вѣетъ только на вершинахъ поэзіи. Чтеніе ея произведеній что-то лучшее будитъ въ насъ, поднимаетъ со дна души какія-то силы, пробуждаетъ заснувшія стремленія, открываетъ вдругъ какіе-то свѣтлые горизонты: великій духъ вызываетъ къ жизни тѣ крошечныя, едва видимыя, часто смутныя и незамѣтныя частицы великаго духа, которыя есть въ каждомъ изъ насъ» (стр. 414).

Читая такія и подобныя имъ тирады, удивляешься, какъ онѣ могли попасть въ это трезвое, критическое изслѣдованіе. Попали же онѣ путемъ вполнѣ естественнымъ: самъ авторъ чувствовалъ необходимость дать полетъ и исходъ тому лирическому чувству, которое въ немъ возбуждалъ образъ любимой писательницы, и онъ догадывался, что обычный тонъ его рѣчи и способъ его изложенія не удовлетворяютъ такому вполнѣ законному лирическому чувству.

Впрочемъ, если бы даже онъ и вставилъ въ свой разсказъ самую яркую характеристику Жоржъ Сандъ какъ личности и

[1]) Если не считать вышеприведенныхъ строкъ о господствующихъ сторонахъ ея характера и о Leitmotiv'ахъ ея міросозерцанія и настроенія.

писательницы, все-таки несоотвѣтствіе между истинной величиной фигуры Жоржъ Сандъ, между силой ея сочиненій и тѣмъ, что о нихъ и о ней говоритъ авторъ, осталось бы то же самое.

Неясность образа Жоржъ Сандъ и недостаточное выясненіе той роли, какую въ общественномъ и нравственномъ развитіи ея эпохи сыграли ея сочиненія — получились какъ неизбѣжное слѣдствіе нѣсколькихъ весьма важныхъ недочетовъ и недосмотровъ въ трудѣ В. Каренина. За нѣкоторые изъ этихъ недочетовъ авторъ не несетъ отвѣтственности, другіе же могутъ быть съ полнымъ правомъ поставлены ему въ вину.

Къ числу такихъ недостатковъ, за которые авторъ не отвѣчаетъ, относится его недостаточно крупный художественный талантъ. Люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, были людьми очень типичными, съ физіономіями весьма опредѣленными, съ выпуклыми характерами, съ мыслью яркой, глубокой и своеобразной. Среди нихъ была и наша писательница, такъ покорявшая ихъ всѣхъ силою своей личности и всего своего духовнаго содержанія. Описать жизнь этого лица, точно и вѣрно пересказать всѣ его мысли, дать послѣдовательную исторію его душевнаго развитія, не значило еще воскресить его, а именно такого воскрешенія и ожидалъ читатель, для котораго имя Жоржъ Сандъ — синонимъ чего-то необычайнаго. Но, чтобы оживить этого великаго покойника, заставить его жить второй жизнью на нашихъ глазахъ, для этого нужно было воплотиться въ него, смотрѣть его глазами на міръ и людей, и его рѣчью говорить о нихъ — однимъ словомъ нужно было быть художникомъ, чтобы повѣствованіе о жизни художника украсилось хорошимъ его портретомъ и чтобы читатель узналъ въ этомъ портретѣ живое лицо, нѣкогда столь типичное и властное.

Ставя такое требованіе, я, конечно, далекъ отъ мысли признать В. Каренина писателемъ безъ таланта. Таланты бываютъ разные. Чтобы написать такую документальную и трезвую книгу, какую написалъ онъ — нужно обладать талантомъ серьезнаго изслѣдователя, но одинъ этотъ талантъ безъ чисто литературнаго

былъ въ данномъ случаѣ недостаточенъ. Портреты всѣхъ дѣйствующихъ лицъ получились туманные, типичныя черты ихъ физіономій стушевались, въ ихъ образахъ оказалось мало плоти и крови. Если бы это случилось съ второстепенными лицами, то можно было бы еще съ этимъ помириться, но туманной вышла и главная фигура. Я бы сказалъ, что цѣльная живая цѣпь жизни Жоржъ Сандъ распалась на свои составныя звенья и что у автора, который произвелъ хорошую аналитическую работу, не хватило силъ закончить ее синтезомъ.

Но даже если бы литературный талантъ и пришелъ автору въ данномъ случаѣ на помощь, то при одномъ — на мой взглядъ очень важномъ — пробѣлѣ въ характеристикѣ писательницы и при другихъ недочетахъ въ планѣ всей книги, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь — цѣльнаго и вѣрнаго образа Жоржъ Сандъ все равно бы не получилось и сила ея вліянія на современниковъ осталась бы попрежнему тайной для читателя. А за этотъ пробѣлъ и эти недочеты авторъ долженъ нести отвѣтственность.

Характеризуя личность Жоржъ Сандъ, В. Каренинъ — какъ мы знаемъ — далъ довольно длинный списокъ ея склонностей, ея настроеній, разныхъ чувствъ и идей, господствующихъ и второстепенныхъ, которыя завладѣвали ея умомъ и сердцемъ. Ни про одну изъ этихъ упомянутыхъ авторомъ сторонъ характера или ума нашей писательницы нельзя сказать, что ея не было или что она была менѣе значительна, чѣмъ это показалось автору. Но среди ихъ всѣхъ В. Каренинъ слишкомъ слабо оттѣнилъ одну, чуть ли не главнѣйшую. Эта сторона характера Жоржъ Сандъ — ея повышенная, нѣсколько даже исключительная чувственность. Нашъ авторъ, конечно, зналъ, что его героиня была до нельзя «чувственнымъ» человѣкомъ, но онъ предпочелъ говорить больше объ ея «чувствительности».

Въ самомъ дѣлѣ работа В. Каренина напоминаетъ мѣстами такъ называемыя «éloges». Хоть авторъ, какъ онъ самъ выражается, и «лѣтописецъ», но у него временами бываетъ тайная мысль — адвокатская. Онъ знаетъ, что про его героиню гово-

рено было въ свое время много дурного, много оскорбительнаго для ея женской чести. Вмѣсто того, чтобы стать выше этихъ оскорбленій и забыть о нихъ, авторъ, нѣтъ-нѣтъ, да начинаетъ отстрѣливаться. Стóитъ напр. прочитать въ книгѣ В. Каренина тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ Жоржъ Сандъ къ Мюссе, Паджелло, Мериме, Мишелю, чтобы услыхать тайный возгласъ автора: «не осудите!» Я не хочу сказать, что всѣ эти отношенія освѣщены В. Карениныиъ невѣрно: въ его освѣщеніи нѣтъ никакого искаженія истины, но она, кажется мнѣ, не полно выражена. Авторъ слишкомъ умалилъ активную волевую роль героини. Можетъ показаться впрочемъ, что мои слова заводятъ читателя въ такія интимныя области частной жизни, которыя не должно выставлять наружу и которыя не имѣютъ прямого отношенія къ исторической роли писателя; но это едва ли такъ: быть изысканно деликатнымъ въ біографіи именно Жоржъ Сандъ — значитъ умышленно затемнить ея образъ. Пусть она была и религіозная душа, пусть дѣятельная любовь и была ея самой святой заповѣдью, пусть наконецъ она была гуманистка до мозга костей — она была прежде всего женщина съ необычайно страстнымъ темпераментомъ, и этотъ темпераментъ наложилъ свой отпечатокъ на все, что она дѣлала, и даже на все, что она думала. Любовь плотская была, конечно, лишь однимъ изъ обнаруженій такого чувственнаго склада характера, но онъ проникалъ собою и иныя проявленія ея духовной дѣятельности. Не выдвинуть этого на первый планъ значило не уловить главнаго темпа всей ея жизни. Какой вышла бы характеристика Руссо какъ человѣка, если умолчать объ его чувственности? А Жоржъ Сандъ его близкая родственница. Не даромъ сенсимонисты, въ соціальной утопіи которыхъ чувственное вліяніе женщины играло такую видную роль, такъ ухаживали за Жоржъ Сандъ, и не даромъ она, во многомъ съ ними согласная, уклонилась отъ близкаго общенія съ ними, боясь выносить такъ явно на площадь свои сокровенныя и интимныя чувства. Эту «господствующую склонность» Жоржъ Сандъ слѣдовало автору

подчеркнуть гораздо сильнѣе. Иную окраску получили бы тогда и другія стороны ея характера и многія ея наклонности. Ея религіозность показалась бы не столь простой, а гораздо болѣе сложной, такой, какой она нерѣдко бываетъ у натуръ чувственныхъ, ударяющихся въ мистицизмъ; любовь къ природѣ получила бы иной колоритъ, не просто сентиментальный, а очень страстный. Болѣе понятнымъ стало бы чувство дружбы къ мужчинѣ, которое Жоржъ Сандъ такъ часто питала и которое такъ трудно опредѣлимо въ виду большой примѣси въ немъ любовнаго элемента, и, конечно, всѣ любовные эпизоды ея жизни получили бы санкцію неизбѣжности и необходимости и не казались бы капризами. Вездѣ чувствовалась бы прежде всего страстная женщина и торопящаяся жить, натура властная и очень опасная. Тогда, быть можетъ, стало бы понятно, почему она, не будучи ни особенно молодой, ни особенно красивой, такъ нравилась мужчинамъ. Вѣдь не умомъ своимъ покоряла она ихъ, ихъ, у которыхъ сама заимствовала свѣточи мысли: и не художественнымъ своимъ талантомъ приковывала она ихъ къ себѣ, ихъ, которые въ ней этотъ талантъ воспитывали. Большинство смотрѣло на нее глазами влюбленныхъ и, если и были среди ея друзей люди въ этомъ отношеніи безкорыстные, то они цѣнили въ ней прозелитку, способную страстно влюбляться въ идеи, если не удалось влюбиться въ ихъ носителя.

Отъ внесенія этого «страстнаго» элемента въ характеристику Жоржъ Сандъ много бы выигралъ въ смыслѣ яркости и истинности ея образъ, и онъ остался бы свѣтелъ, такъ какъ вся эта «страсть» пошла въ концѣ концовъ на общее благо. Когда пишешь біографію Жоржъ Сандъ, не должно — какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ — постоянно думать о той Маріи, которая у ногъ Учителя слушала его проповѣдь любви; должно вспомнить и о другой Маріи, которую Учитель любилъ не меньше, если не больше.

Итакъ, портретъ Жоржъ Сандъ, нарисованный В. Карениным, удался, на мой взглядъ, не вполнѣ и потому тайна ея обаянія, какъ личности, осталась недостаточно выясненной. Не

разъяснена достаточно и другая тайна, не менѣе, если не болѣе, важная.

Читатель, закрывая книгу В. Каренина, не можетъ отдѣлаться отъ вопроса: въ чемъ же заключалась сила этой личности какъ общественнаго дѣятеля и писателя? Всѣмъ извѣстно, что общественная роль Жоржъ Сандъ была очень значительна и что культурный міръ ей многимъ обязанъ. Чѣмъ же именно? Изъ книги нашего автора мы узнаемъ, что Жоржъ Сандъ ставила своимъ девизомъ освобожденіе личности, въ самомъ широкомъ смыслѣ, что она боролась противъ всѣхъ предразсудковъ и условностей — религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ, семейныхъ и литературныхъ, что она стояла на стражѣ правъ женщины, что вообще она была апостоломъ гуманизма. Всѣ эти положенія, безспорно вѣрныя, авторъ подкрѣпляетъ разборомъ сочиненій Жоржъ Сандъ и много гуманныхъ идей и дорогихъ намъ чувствъ встаетъ передъ нами на этихъ краснорѣчивыхъ страницахъ. И все-таки изъ всѣхъ этихъ страницъ мы не вычитаемъ отвѣта на вопросъ, почему именно эта писательница, какъ личность и какъ проводникъ извѣстныхъ идей, пользовалась такой огромной популярностью и вліяніемъ? и что придавало именно ей и ея словамъ особую силу?

Отговориться тѣмъ, что многое, чтó во времена Жоржъ Сандъ было новинкой, теперь стало истертой истиной и потому не волнуетъ насъ и даже не можетъ свидѣтельствовать передъ нами о прежней своей силѣ — отговориться такъ — еще не значитъ снять съ автора упрекъ, который мы ему дѣлаемъ. Задача біографа-историка заключается именно въ воскрешеніи прошлаго и онъ долженъ придать истертымъ истинамъ прежнюю ихъ свѣжесть и силу.

Автору улыбалась очень заманчивая задача, которую онъ обошелъ, вѣроятно, изъ экономіи мѣста, такъ какъ, беря во вниманіе знанія и работоспособность В. Каренина, эта задача не должна была казаться ему слишкомъ трудной. Задача эта сводилась къ введенію въ книгу совершенно новыхъ главъ, посвящен-

ныхъ историко-литературной перспективѣ, которая въ трудѣ В. Каренина отсутствуетъ. Дай онъ эту перспективу въ своей картинѣ — и совсѣмъ разсѣялся бы тотъ туманъ, который теперь окутываетъ главнѣйшій вопросъ: въ чемъ же заключалась сила и значеніе Жоржъ Сандъ, какъ общественнаго дѣятеля и писателя?

Жоржъ Сандъ, какъ женщина проводница извѣстныхъ культурныхъ идей, какъ защитница извѣстныхъ гуманныхъ началъ первостепенной важности — была явленіемъ для своего времени единственнымъ. Только послѣ нея мы начали привыкать видѣть — и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ — женщину на такомъ отвѣтственномъ посту, на какомъ стояла наша писательница. Она была первая, которая поставила пресловутый «женскій вопросъ» ребромъ, и въ теоріи и, главнымъ образомъ, на практикѣ, и рѣшительно двинула его впередъ въ общемъ культурномъ сознаніи Европы.

В. Каренинъ, конечно, все это знаетъ и неоднократно упоминаетъ объ этомъ въ своей книгѣ, но онъ признаетъ все это общимъ мѣстомъ, не заслуживающимъ историческихъ и литературныхъ справокъ. Личность и ученіе Жоржъ Сандъ онъ взялъ какъ обособленныя явленія и не хотѣлъ подбирать для нихъ никакой исторической рамки или историческаго фона.

А они-то, на мой взглядъ, были всего болѣе необходимы.

Если бы жизнеописанію Жоржъ Сандъ предшествовала хоть краткая, но яркая картина той роли, какую до ея выступленія исполняла интеллигентная женщина въ обществѣ — то на этомъ фонѣ фигура нашей писательницы выдвинулась бы необычайно рельефно, и читатель могъ бы точно опредѣлить ея культурное значеніе.

Если бы авторъ призналъ такое расширеніе плана книги желательнымъ, онъ могъ бы начать обзоръ женскихъ побѣдъ въ обществѣ не съ очень далекаго времени.

Можно было взять типъ передовой женщины XVIII вѣка — царицы салоновъ съ ея энциклопедическимъ образованіемъ, съ ея маскированной кокетствомъ слабостью характера, съ любовью къ

внѣшнему блеску, съ малой способностью глубоко чувствовать и съ цѣлымъ арсеналомъ предразсудковъ въ головѣ и сердцѣ. Рядомъ съ ней стала бы женщина, въ которую былъ такъ влюбленъ Руссо — тихая и кроткая женщина, почти безъ всякаго образованія, живущая преимущественно сердцемъ, искренно религіозная, хотя и безъ глубокаго религіознаго міропониманія, женщина буржуазная, любящая семейный очагъ, добродѣтельная мать и жена, очень стойкая и выносливая въ несчастіяхъ. За ней послѣдовала бы женщина революціи, фанатичка революціонныхъ идей, иногда съ черствымъ, иногда съ мягкимъ сердцемъ, не желающая уступать мужчинѣ въ рѣшимости, энергіи и цинизмѣ. Ее смѣнила бы женщина Директоріи—веселая вакханка и царица празднествъ и баловъ; за ней явилась бы женщина Имперіи — властная интриганка, политиканка и карьеристка. Говоря объ этой эпохѣ, изслѣдователь имѣлъ бы возможность подольше остановиться на характеристикѣ прямой предшественницы Жоржъ Сандъ — Madame de Stael, которую В. Каренинъ въ своей книгѣ почти обошелъ молчаніемъ.

Отъ сосѣдства всѣхъ этихъ женскихъ образовъ и типовъ обликъ Жоржъ Сандъ много бы выигралъ. Этотъ обликъ сталъ бы еще болѣе ярокъ и полонъ смысла, если бы авторъ сопоставилъ его съ типами женщинъ — современницъ нашей писательницы, съ которыми, при его начитанности, авторъ хорошо знакомъ. Фантастическая героиня французскихъ романтиковъ, это благородное, возвышенное, но безтѣлесное существо, и буржуазная или салонная женщина «Человѣческой Комедіи» очень помогли-бы В. Каренину въ оцѣнкѣ его героини.

Онъ увидалъ бы, во первыхъ, что Жоржъ Сандъ соединяла въ себѣ все то духовное богатство, какимъ порознь владѣли ея предшественницы — и философскій острый умъ XVIII вѣка, и энциклопедическое знаніе, и религіозность, и нѣжность чувствительной души, и фанатичность республиканки, и веселость и жажду наслажденій женщины, пережившей революцію, и политическую смекалку женщины Имперіи — однимъ словомъ, что въ ней

соединилось все, что до нея женщина завоевала для себя въ сферахъ жизни, ума и творчества, и соединилось притомъ удивительно гармонично. Изслѣдователь увидалъ бы также, насколько Жоржъ Сандъ опередила свое время, реакціонное и буржуазное, и — читатель понялъ бы тогда лучше, почему душа и творенія Жоржъ Сандъ были настоящимъ ковчегомъ, въ которомъ въ очень трудное время было сохранено все, чѣмъ должна дорожить женщина, считающая себя равноправной съ мужчиной и одинаково отвѣтственной передъ обществомъ.

Жаль, что В. Каренинъ прошелъ мимо этихъ историческихъ параллелей, трудность выполненія которыхъ была ему такъ облегчена его знаніемъ.

Прошелъ онъ мимо и другой исторической справки, которая, на мой взглядъ, была также необходима въ жизнеописаніи Жоржъ Сандъ.

Авторъ очень часто говоритъ объ оппозиціонномъ положеніи, какое Жоржъ Сандъ занимала по отношенію къ обществу ее окружающему. Она, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, была воплощеніемъ протеста, была борцомъ за свободную личность, свободную въ области житейскихъ фактовъ и въ области духа. Все это совершенно вѣрно, но если мы въ исторіи жизни Жоржъ Сандъ ограничимся такими общими опредѣленіями и только подтвердимъ ихъ хотя бы многочисленными и даже краснорѣчивыми выписками изъ ея сочиненій и изъ ея писемъ, то мы все-таки не объяснимъ читателю, почему эти слова цѣнились нѣкогда такъ высоко.

Нужно, чтобы враги встрѣтились лицомъ къ лицу, тогда только можно измѣрить правильно соотношеніе между ихъ силами. Въ исторіи борьбы писательницы съ предразсудками ея вѣка нужна картина этихъ предразсудковъ, необходимы указанія на то, какъ глубоко они въ общество въѣлись, а простое ихъ перечисленіе скажетъ очень мало.

Между тѣмъ нашъ авторъ, предполагая всѣ эти предразсудки общеизвѣстными, совсѣмъ не озаботился охарактеризовать намъ ту

эпоху, когда Жоржъ Сандъ выступала со своимъ словомъ. Передъ нами оказался герой безъ описанія среды мѣстности и времени, когда онъ дѣйствовалъ. Положимъ, авторъ при случаѣ, въ двухъ трехъ словахъ, упоминаетъ объ общей затхлости тогдашней общественной жизни, но этой жизни слѣдовало удѣлить гораздо больше мѣста. Эпоха реставраціоннаго режима и буржуазная монархія 30-тыхъ годовъ столь характерные періоды въ развитіи гуманистическихъ идей, какими жила и дышала наша писательница, что безъ подробнаго указанія на оскорбительную для гуманизма обстановку никакъ нельзя понять его быстраго роста въ нѣкоторыхъ избранныхъ сознаніяхъ, а также и той страстности, съ какой на эти гуманныя идеи откликалась передовая часть общества. Въ какомъ яркомъ свѣтѣ явилось бы нпр. религіозное чувство Жоржъ Сандъ, поэтическое, свободное и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское, если его сопоставить съ официальной ретроградной религіозностью того времени или съ религіознымъ чувствомъ, которое для многихъ тогда было эквивалентомъ отказа отъ всякой воли къ жизни; какъ выиграло-бы живое чувство Жоржъ Сандъ къ природѣ, если его сравнить съ тѣмъ общимъ тяготѣніемъ къ городской прозаической дѣловитости, которая была такъ сильна въ буржуазномъ обществѣ; въ иномъ свѣтѣ явились бы и ея демократическіе идеалы, ея политическій протестъ, если бы читатель имѣлъ передъ глазами цѣлую картину политическаго интригантства и общественнаго ретрограднаго застоя, который прикрывался именемъ Хартіи и «лучшей изъ республикъ». Быть можетъ авторъ подыскалъ бы тогда для объясненія той симпатіи, которую Жоржъ Сандъ питала къ демократамъ, и иныя основанія, а не одно лишь чувство «дѣятельной христіанской любви»; онъ нашелъ бы для этого тяготѣнія и другіе источники, менѣе христіанскіе, хотя и не менѣе законные, какъ нпр. злоба, негодованіе, желаніе отвѣтить ударомъ на ударъ и др.

Много свѣта пролила бы историческая картина эпохи и на защиту артиста отъ филистерскихъ нападокъ буржуазнаго общества, на защиту свободнаго вдохновенія отъ нареканій толпы —

которую (защиту) наша писательница всегда принимала очень близко къ сердцу. Однимъ словомъ, при хорошихъ историческихъ справкахъ боевая роль Жоржъ Сандъ опредѣлилась бы значительно лучше, чѣмъ теперь, когда авторъ поясняетъ ее словами самой писательницы, словами, изъ которыхъ добрая половина стала общеизвѣстной истиной, совсѣмъ утратившей свое жало.

На ряду съ перспективой исторической, отсутствуетъ въ трудѣ В. Каренина и перспектива литературная. Это очень досадно, такъ какъ отъ этого отсутствія страдаетъ одна изъ лучшихъ частей книги, а именно та, которую авторъ посвящаетъ психологическому и идейному разбору сочиненій Жоржъ Сандъ.

Міросозерцанія сенсимонистовъ, теорій тогдашнихъ демократовъ, ученія Ламеннэ, артистическаго міросозерцанія Листа, — всего этого авторъ, конечно, касается въ своей книгѣ, но — думается мнѣ — касается слишкомъ бѣгло, предпочитая говорить подробно лишь о томъ, какъ общая сущность этихъ идей отразилась на произведеніяхъ нашей писательницы.

Но, чтобы пояснить, въ чемъ заключалась сила этихъ произведеній, нужно было приблизить читателя къ популяризаторской работѣ нашей писательницы и показать, какъ она умѣла воплощать схваченныя идеи и насколько бо́льшую силу воздѣйствія и распространенія эти идеи пріобрѣтали въ той новой формѣ, какую имъ Жоржъ Сандъ придавала. То новое, что она внесла въ исторію идей своего времени — идей религіозныхъ, философскихъ и политическихъ — заключалось именно въ формѣ, какую она имъ придавала, въ силѣ ея горячности и увлеченія, въ дарѣ— сухую или отвлеченную мысль заставить жить въ образѣ. Если бы авторъ подробнѣе изложилъ и сопоставилъ нѣсколько такихъ ученій и отвлеченныхъ схемъ съ поэтическими образами, въ какіе онѣ одѣлись въ сочиненіяхъ Жоржъ Сандъ, онъ показалъ бы намъ наглядно ея способность «обрабатывать» мысль, вставлять въ оправу и придавать свою грань алмазу, полученному въ подарокъ, и это сопоставленіе отвѣтило бы на вопросъ—чѣмъ именно было сильно ея слово.

Приходится пожалѣть наконецъ и о другомъ, тоже весьма существенномъ, пробѣлѣ въ книгѣ В. Каренина. Типы, по преимуществу женскіе, созданные Жоржъ Сандъ, авторъ оставилъ безъ литературнаго комментарія, а между тѣмъ нѣтъ лучшаго способа пояснить силу впечатлѣнія, производимаго романами Жоржъ Сандъ, какъ именно сравненіе созданныхъ ею художественныхъ образовъ съ однородными типами, господствовавшими въ современной ей французской — и по возможности — европейской литературѣ.

Эти параллели могли бы выяснить и вообще художественное преимущество сочиненій Жоржъ Сандъ а также и ея заслугу передъ такъ называемымъ «женскимъ вопросомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, если припомнить, какія литературныя школы господствовали въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ европейской словесности, и если принять во вниманіе, какіе пріемы творчества употреблялъ художникъ при воплощеніи жизни въ образахъ — то тайна обаянія романовъ Жоржъ Сандъ станетъ ясна сама собою. Въ сравненіи съ сентиментальными типами Шатобріана и Ламартина (чтобы взять главнѣйшихъ), типами нѣкогда живыми, а въ 30-хъ годахъ значительно устарѣвшими, въ сравненіи съ ярко жизненными, но въ большинствѣ случаевъ очень прозаическими типами Бальзака или фантастическими безплотными типами торжествующей тогда романтики—образы Жоржъ Сандъ имѣли всѣ шансы на успѣхъ у самой широкой публики. Романы нашей писательницы были, дѣйствительно, образцовымъ примѣромъ того, какъ романтизмъ въ характерахъ, настроеніяхъ и мысляхъ могъ облекаться въ плоть и кровь, и гармонично сочетаться съ самой простой житейской обстановкой. Какъ должны были нравиться всѣ эти Индіаны, Леліи, Жаки и др. тому поколѣнію, которое было убѣждено, что живетъ на землѣ для торжества идеала, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ понимало, что эти идеалы не должны быть видѣньемъ, что лучшее утѣшеніе въ жизни, это — столкнуться здѣсь на землѣ съ ихъ носителемъ и узнать въ немъ не ангела, не воскресшаго рыцаря, не призракъ, а живого человѣка. Типы

Жоржъ Сандъ какъ разъ отвѣчали такому сердечному желанію не только во Франціи, но и за ея предѣлами, гдѣ сентиментализмъ наскучилъ, безстрастная занимательность Вальтеръ Скотта начинала утомлять, боевой пессимизмъ Байрона требовалъ мирнаго разрѣшенія, идеализмъ и классицизмъ Гете и Шиллера отходилъ въ прошлое, а туманный или фантастическій эстетизмъ нѣмецкихъ романтиковъ не согласовался съ все болѣе и болѣе развивавшимися въ людяхъ чутьемъ и любовью къ земной дѣйствительности. В. Каренинъ прошелъ мимо этой любопытной литературной справки.

А она — разработанная подробно — могла бы пролить много свѣта на самую главную общественную заслугу Жоржъ Сандъ, на постановку и разрѣшеніе «женскаго вопроса».

Хотя авторъ на первой же страницѣ говоритъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ апостоломъ женскаго движенія, хотя при разборѣ всѣхъ произведеній Жоржъ Сандъ онъ всегда выдвигаетъ женскую фигуру на первый планъ и его разсказъ становится такимъ образомъ повѣствованіемъ о нравственномъ и умственномъ тріумфѣ женщины — хотя бы и воображаемой — но эта картина не полна и не ярка именно въ виду отсутствія другихъ женскихъ образовъ—предшествовавшихъ типамъ Жоржъ Сандъ или современныхъ имъ — съ которыми бы мы могли сравнить героинь нашей писательницы.

Какъ понимали общественную роль женщины писатели и публицисты до Жоржъ Сандъ? Насколько это пониманіе, эта программа женской эмансипаціи отставала отъ дѣйствительной жизни или опережала ее? Что новаго внесено въ эту программу нашей писательницей? На всѣ эти вопросы въ книгѣ В. Каренина нѣтъ отвѣта кромѣ самаго общаго; а здѣсь, на мой взглядъ, требовался отвѣтъ весьма обстоятельный.

Обзоръ исторической роли женщины — о которомъ говорено выше — показалъ бы намъ женщину дѣйствительную въ реальной обстановкѣ, обзоръ женскихъ литературныхъ типовъ (хоть за то же полстолѣтіе до появленія романовъ Жоржъ Сандъ), о

которомъ мы говоримъ теперь — указалъ бы намъ на тѣ требованія, которыя во имя женщины были предъявлены обществу его передовыми людьми. Такимъ образомъ на ряду съ фактической исторіей женской роли въ обществѣ мы имѣли бы передъ глазами и исторію гуманныхъ пожеланій; и на такомъ фонѣ ярко бы выступили сочиненія Жоржъ Сандъ, которыя были такъ сильны и жизненной правдой и своими гуманными пожеланіями и чаяніями.

Какъ въ самомъ дѣлѣ любопытно движеніе этихъ идей о призваніи женщины, отъ Руссо до Жоржъ Сандъ, отъ требованія религіозно-наивной, смиренной и семейной добродѣтели до требованія добродѣтели общественной, вооруженной всяческимъ знаніемъ и умѣющей не хуже мужской защищать свои права и словомъ и дѣломъ; и какъ несложны и скромны были до Жоржъ Сандъ тѣ требованія, которыя женщина — устами даже самыхъ смѣлыхъ своихъ защитницъ — предъявляла обществу. Стóитъ только сравнить романы Жоржъ Сандъ съ «Дельфиной» и «Коринной», чтобы увидать, какое рѣшительное видоизмѣненіе испытали эти требованія подъ перомъ нашей писательницы.

Всѣ эти историческія и литературныя параллели авторъ могъ включить въ свою книгу въ ущербъ кое-какимъ деталямъ біографическимъ и кое-какимъ длиннотамъ и повтореніямъ.

Итакъ, сводя къ одному всѣ тѣ возраженія, на которыя рецензента навело чтеніе интересной книги В. Каренина — можно сказать, что главные ея недочеты вытекли изъ узости той рамки, въ какую авторъ заключилъ свою тему.

Преслѣдуя главнымъ образомъ точность, полноту и послѣдовательность въ жизнеописаніи Жоржъ Сандъ и въ изложеніи исторіи развитія ея творчества, авторъ изобразилъ эту жизнь и пересказалъ исторію этого творчества безъ надлежащей историко-

литературной перспективы, почему и личность писательницы не обрисовалась въ надлежащемъ яркомъ свѣтѣ, и вопросъ о причинахъ ея вліянія и ея успѣха остался мало выясненнымъ. Чтобы опредѣлить, какую силу представляла собой личность Жоржъ Сандъ и каково было ея историческое значеніе, для этого нужно было навести историческія справки о той роли, какую до нея играла женщина въ обществѣ; чтобы опредѣлить — чѣмъ ея слова были для своего времени — нужно было оттѣнить гораздо полнѣе и рѣзче противорѣчіе между ея мыслями и стремленіями и торжествующими въ ея эпоху вкусами и идеями; наконецъ, чтобы опредѣлить настоящую стоимость ея произведеній — для этого необходимо было сравнить ихъ съ современными имъ однородными литературными памятниками, въ которыхъ проводились тѣ же идеи и преимущественно мысль о семейной и общественной роли женщины. На эти историко-литературныя параллели авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія, почему его книга, установляя точно факты жизни писателя и подробно передавая содержаніе и общій смыслъ ея произведеній, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не можетъ вполнѣ удовлетворить читателя, который пожелалъ бы знать — почему именно этой женщинѣ и этимъ словамъ суждено было такъ волновать умы и сердца современниковъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти указанные мною недочеты не умаляютъ серьезныхъ заслугъ разбираемой работы. Авторъ былъ воленъ ставить своему изслѣдованію границы, какія ему было угодно. Онъ озаглавилъ свой трудъ: «Жоржъ Сандъ. Ея жизнь и произведенія», и если подъ словомъ «жизнь» понимать послѣдовательный ходъ событій внѣшнихъ и послѣдовательное развитіе психическихъ движеній и умственной работы; если подъ словомъ «произведеніе» понимать также послѣдовательное развитіе и чередованіе настроеній, чувствъ и идей, облеченныхъ въ данномъ случаѣ въ художественную форму—то авторъ выполнилъ свою задачу полностью и съ успѣхомъ. Но что дѣлать, если сюжетъ, избранный В. Карениным ъ, такъ интересенъ, и имя главной героини разсказа говоритъ такъ много нашему во-

ображенію, что мы начинаемъ повышать наши требованія и въ концѣ концовъ остаемся недовольны тѣмъ, за что, собственно говоря, должны быть только благодарны.

Я думаю, что Академическая Коммиссія можетъ помирить и требовательнаго читателя и дѣйствительно много и хорошо поработавшаго автора, увѣнчавъ его трудъ половинной Пушкинской преміей.

Н. Котляревскій.

VI.

Стихотворенія. Томъ, III 1898—1900 гг., М. А. Лохвицкая (Жиберъ) Спб. изд. Суворина 1900 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-жа Лохвицкая представила на соисканіе Пушкинской преміи сборникъ стихотвореній, и въ составленномъ мною о немъ, по порученію Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, отзывѣ я имѣлъ случай указать на выдающееся поэтическое дарованіе автора. Необыкновенное изящество и яркость образовъ, чуткое пониманіе красотъ природы, неподдѣльная искренность чувства и, наконецъ, за рѣдкими исключеніями, прекрасный по звучности и правильности стихъ — вотъ качества которыми, на мой взглядъ, отличались первыя произведенія г-жи Лохвицкой, дававшія ей право на вниманіе и поощреніе со стороны Академіи. Я счелъ однако необходимымъ отмѣтить, какъ недостатокъ сборника, крайнее однообразіе содержанія помѣщенныхъ въ немъ стихотвореній. Вся лирика г-жи Лохвицкой исчерпывалась иногда изліяніемъ любовной страсти, съ оттѣнкомъ нѣсколько рѣзко выраженной чувственности. Держась мнѣнія, что главная задача художественной критики заключается не въ оцѣнкѣ того, *что* художникъ избираетъ предметомъ для своего творчества, а *какъ* онъ относится къ из-

бранному имъ предмету, я тѣмъ не менѣе позволилъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы съ развитіемъ дарованія г-жи Лохвицкой въ ея поэзію влилось болѣе богатое и разнообразное содержаніе.

Просматривая представленный въ настоящее время на соисканіе Пушкинской преміи третій томъ стихотвореній того же автора, нельзя не придти къ заключенію, что высказанное мною пожеланіе въ значительной мѣрѣ осуществилось. Сборникъ раздѣленъ на шесть отдѣловъ, и если стихотворенія, заключенныя въ первомъ, второмъ и пятомъ отдѣлахъ по характеру своему близко подходятъ къ прежнимъ произведеніямъ автора, то содержаніе отдѣловъ третьяго, четвертаго и шестого является уже совершенною новинкой и захватываетъ области, которыя ранѣе того были г-жѣ Лохвицкой совершенно чужды. Въ этихъ отдѣлахъ г-жа Лохвицкая вступаетъ въ міръ сказокъ, легендъ и восточной фантастики, переходя въ трехъ наиболѣе значительныхъ своихъ произведеніяхъ («Два слова», «На пути къ Востоку» и «Вандэликъ») къ драматической формѣ. Даже лирическія стихотворенія автора, имѣющія предметомъ своимъ прежнія любовныя темы, уже звучатъ нѣсколько иначе, болѣе смягченно; въ нихъ уже не слышится той преобладающей нотки чувственности, которую многіе читатели прежнихъ произведеній г-жи Лохвицкой ей ставили въ укоръ. Итакъ, на первый взглядъ, казалось бы, что можно только порадоваться вступленію дарованія г-жи Лохвицкой на болѣе разнообразный и широкій путь творчества. Вопросъ, однако, въ томъ, сохранились ли при этомъ въ полной мѣрѣ тѣ драгоцѣнныя и весьма рѣдкія въ настоящее время качества ея поэзіи, о которыхъ я упомянулъ выше? Выступивъ изъ тѣсныхъ предѣловъ любовной лирики, продолжаетъ ли г-жа Лохвицкая быть такою же искренней, безыскуственной и сильной выразительницею другихъ настроеній, ощущеній и мыслей, чувствуетъ ли она себя въ этомъ новомъ для нея мірѣ такъ же *дома*, какъ въ прежнемъ?

Къ глубокому моему сожалѣнію, внимательное ознакомленіе

съ содержаніемъ сборника привело меня къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Если въ сборникѣ еще встрѣчаются такіе перлы лирической поэзіи, какъ стихотворенія «Утро на морѣ» (стр. 10), Желтый Ирисъ (стр. 15), Метель (стр. 47), Утренній сонъ (стр. 49) и, наконецъ, «Я люблю тебя» (стр. 88), въ которыхъ съ прежней яркостью сверкаютъ лучи истиннаго вдохновенія, то въ большинствѣ другихъ пьесъ и въ особенности въ драматическихъ поэмахъ г-жи Лохвицкой почти сплошь звучитъ какая-то глубоко-фальшивая нота, чувствуется какое-то напряженіе фантазіи, какое-то болѣзненное исканіе не *красоты*, а *красивости* (что далеко не одно и то же!) при отсутствіи простоты и непосредственности впечатлѣній.

Кромѣ очевидно непосильнаго для г-жи Лохвицкой расширенія области ея творчества, на его ослабленіе подѣйствовало быть можетъ и то, что г-жа Лохвицкая видимо подпала подъ сильное вліяніе того новаго теченія, которое въ послѣдніе годы съ такою смѣлою стремительностью вторглось не только въ поэзію, но и въ другія отрасли искусства и которому еще не подыскано настоящаго названія, такъ какъ слова «импрессіонизмъ», «символизмъ» и, наконецъ, «декадентство» далеко не исчерпываютъ его сущность. Объявивъ рѣшительную войну искусству тенденціозному, подчиняющему свободное творчество игу постороннихъ и чуждыхъ искусству требованій, оно въ то же время какъ будто отрицаетъ и чистое искусство (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно донынѣ проявлялось) и ищетъ для художественнаго творчества новыхъ, неизвѣданныхъ путей.

Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться объ источникахъ, значеніи и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ этого страннаго явленія въ исторіи не только русскаго, но и общеевропейскаго искусства. Такое изслѣдованіе завело бы слишкомъ далеко и во всякомъ случаѣ отдалило бы насъ за предѣлы нашей скромной задачи. Но въ виду того, что декадентство (для краткости я буду обозначать новое теченіе не вполнѣ точнымъ названіемъ) сильно повліяло на дѣятельность многихъ молодыхъ русскихъ писателей и

въ томъ числѣ на разбираемаго нами автора, я позволяю себѣ выразить мнѣніе, что ничего добраго, ничего путнаго отъ этого вліянія въ русской литературѣ пока не замѣчается. Отвративъ молодое поколѣніе поэтовъ отъ Сциллы тенденціозности, оно немедленно ввергло его въ Харибду искусственности, т. е. замѣнила одну ложь другою, не менѣе, если даже не болѣе гибельною для художественнаго творчества, которое можетъ расти, цвѣсти и приносить плоды только въ атмосферѣ чистаго, простого, почти безсознательнаго созерцанія правды и красоты. Художникъ долженъ творить съ такою же естественностью и непринужденностью, съ какою онъ дышитъ. Вотъ этой то необходимой для художественнаго творчества естественности и непринужденности и нѣтъ въ произведеніяхъ писателей декадентовъ, и яркимъ примѣромъ того, до какой степени искусственность и напряженное исканіе оригинальности и новизны можетъ исказить, искалѣчить даже выдающееся поэтическое дарованіе, служитъ представленный на соисканіе Пушкинской преміи сборникъ стихотвореній г-жи Лохвицкой.

Уже въ заглавіяхъ нѣкоторыхъ отдѣловъ (Подъ ропотъ арфы златострунной, Въ лучахъ восточныхъ звѣздъ) сказываются искусственность и рисовка. Содержащіяся какъ въ этихъ, томъ и въ другихъ отдѣлахъ мелкія лирическія стихотворенія, за вышеперечисленными мною исключеніями, вполнѣ соотвѣтствуютъ, по содержанію и формѣ, такимъ вычурнымъ заглавіямъ. Какъ на образчикъ искалѣченной декадентствомъ поэзіи укажу на стихотвореніе «Гимнъ разлученнымъ» (стр. 35). Въ немъ собраны почти всѣ общеупотребительные у декадентовъ пріемы для усиленія мнимо-художественнаго впечатлѣнія; «словечка въ простотѣ» не сказано — «все съ ужимкой». Самыя заурядныя мысли и чувства обставлены декораціями театральныхъ феерій. Тутъ и «арфы златострунныя», и «замокъ заколдованный», и «плывущій туманъ», и «Змѣящіяся рѣки», и «лиловая (непремѣнно лиловая!) даль», и храмъ и жертвенникъ, и макъ, почему-то свернувшійся, и лиліи, почему-то измятыя. Въ обращеніи къ

какому-то далекому генію включенъ излюбленный въ кругу «новыхъ» поэтовъ эпитетъ — «мой единственный» (другая поэтесса, г-жа Гиппіусъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, обращаясь съ воззваніемъ не къ далекому генію и даже не живому существу, а къ снѣгу (?!), тоже называетъ его своимъ «единственнымъ»). Образы и сравненія въ «Гимнѣ разлученнымъ» не точны и смутны, какъ нпр.: Колосья нивъ заглохли въ терніи».

И всѣ эти нагроможденные другъ на друга Символы, сравненія, метафоры и восклицанія служатъ только для того, чтобы выразить самое обыкновенное чувство тоски кого-то по комъ-то! Конечно, вмѣсто сочувствія подобной тоскѣ, вмѣсто отклика на нее въ душѣ читателя получается только смутное впечатлѣніе — не то недоумѣнія, не то усталости и скуки отъ тщетныхъ усилій что-либо понять, что-либо ясное себѣ представить.

Слѣдующее въ сборникѣ за «Гимномъ разлученнымъ» стихотвореніе начинается такимъ четверостишіемъ:

Бѣлая нимфа — подъ вербой печальной
Смотритъ въ заросшій кувшинками прудъ.
Слышишь?... *Повѣяло музыкой дальной —*
Это фіалки цвѣтутъ.

Сказать, что запахъ цвѣтущихъ фіалокъ музыкально звучитъ конечно, очень неожиданно и ново; но сомнительно, чтобы въ такой новизнѣ можно было отыскать какой-либо уловимый разсудкомъ смыслъ.

Рядомъ съ превосходнымъ, стоящимъ вполнѣ на уровнѣ прежняго творчества г-жи Лохвицкой стихотвореніемъ «Я люблю тебя» (стр. 88) читатель наталкивается на нижеслѣдующій наборъ словъ:

Моя любовь — то *гимнъ свирѣли*,
Ночной росы алмазный слѣдъ,
То *золотистой иммортелли*,
Неувядаемый разцвѣтъ.

Твоя любовь — то свѣтъ вечерній,
Далекихъ лиръ прощальный звонъ,
Возросшій царственно межъ терній
Багрянородный анемонъ и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ, я полагаю, вполнѣ достаточно, чтобы уяснить себѣ характеръ и размѣръ того недуга, которымъ заболѣло дарованіе г-жи Лохвицкой. Въ трехъ драматическихъ поэмахъ — Два Слова, На пути къ Востоку и Вандэликъ всѣ симптомы того же недуга сказываются съ еще большею яркостью и наглядностью. Поэмы эти растянуты и скучны, содержаніе ихъ туманно и болѣе чѣмъ фантастично: оно принадлежитъ къ области бреда, пересказывать и разбирать который, мнѣ кажется, было бы совершенно излишне.

Въ виду всего вышеизложеннаго я позволя себѣ заключить, что присужденіе г-жѣ Лохвицкой Пушкинской преміи на сей разъ едва ли было бы справедливо.

VII.

Разборъ стихотворнаго перевода лирическихъ стихотвореній Горація. П. Ф. Порфирова. Сдѣланный И. Ѳ. Анненскимъ.

1) Кв. Горацій Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями П. Порфирова. С.-Петербургъ, 1898 г. II + 63 стр. Ц. 50 к.

2) Горацій Флаккъ. Оды. Книга вторая. Переводъ въ стихахъ П. Порфирова. С.-Петербургъ, 1899 г. II + 38 стр. Ц. 40 к.

3) Кв. Горацій Флаккъ. Оды, книга третья и четвертая. Переводъ въ стихахъ П. Порфирова. С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 82. Ц. ?

4) Лирическія стихотворенія Квинта Горація Флакка. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изд. второе исправленное. С.-Петербургъ, 1902 г. (VIII + 214 + IV. Ц. 1 р. 25 к.).

Сличая «Лирическія стихотворенія» съ «Одами», я нашелъ, что въ книгу, стоящую въ этомъ перечнѣ на четвертомъ мѣстѣ, включены, съ нѣкоторыми исправленіями, первыя три книжки и, сверхъ того, въ ней напечатанъ переводъ Carmen saeculare (у

г. Порфирова «Вѣковой» гимнъ, вмѣсто обычнаго «Юбилейный»). Поэтому я пользовался для моего разбора *вторымъ* изданіемъ, справляясь съ первымъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ «Лирическихъ стихотвореніяхъ» попадалась явная ошибка. Въ 1884 году Академія уже увѣнчала полной Пушкинской преміей одинъ переводъ Горація. Рецензентъ поэтическаго труда А. А. Шеншина (А. Фета), проф. Помяловскій, по всестороннемъ разборѣ новаго перевода призналъ, что онъ «съ одной стороны представляетъ обогащеніе нашей поэтической литературы, съ другой — содѣйствуетъ вѣрному ознакомленію читающей публики съ однимъ изъ великихъ поэтовъ античнаго міра». Тѣмъ не менѣе появленіе новаго перевода одъ Горація не должно насъ удивлять. Познаніе и передача поэта, особенно лирическаго, никогда не могутъ считаться дѣломъ довершеннымъ, такъ какъ измѣненію подвергается и языкъ переводчиковъ, и область эстетическихъ воспріятій у людей, для которыхъ переводъ дѣлается. Кромѣ того, филологическая работа надъ текстомъ и экзегезой античнаго поэта дѣлаютъ неудовлетворительными иногда самые мастерскіе переводы съ древнихъ языковъ.

Дѣло новаго переводчика Горація облегчается существованіемъ полнаго русскаго перевода, признаннаго весьма хорошимъ; оно облегчено и увеличеніемъ числа филологическихъ книгъ и объяснительныхъ изданій въ области Гораціанской литературы; много полезныхъ указаній могъ почерпнуть для себя г. Порфировъ и изъ детальнаго и ученаго разбора Фетовскаго перевода (И. В. Помяловскаго; въ «Отчетѣ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.»). Но зато и промахи позднѣйшаго перевода становятся для насъ замѣтнѣе.

Мы должны, однако, заранѣе умѣрить свою требовательность нѣкоторыми соображеніями.

Переводить лирика трудъ тяжелый и чаще всего неблагодарный. Переводчику приходится, помимо лавированія между требованіями двухъ языковъ, еще балансировать между *вербальностью и музыкой*, понимая подъ этимъ словомъ всю совокупность эсте-

тическихъ элементовъ поэзіи, которыхъ нельзя искать въ словарѣ. Лексическая точность часто даетъ переводу лишь обманчивую близость къ подлиннику, — переводъ является сухимъ, вымученнымъ, и за деталями теряется передача концепціи пьесы. Съ другой стороны, увлеченіе музыкой грозитъ переводу фантастичностью. Соблюсти *мѣру* въ *субъективизмѣ* — вотъ задача (μέγιστος ἀγών) для переводчика лирическаго стихотворенія.

Кажется, только Гейне до сихъ поръ мы и переводили сносно, и то всего ли? эмоціональность послѣдняго романтика, пожалуй, еще его юморъ, да, — но *эстетизмъ* Гейне до сихъ поръ для насъ lettre close.

Древній лирикъ вообще мало поддается переводамъ: отъ добросовѣстнаго перевода чаще всего пахнетъ пылью (и не олимпійской, увы!). Но при этомъ эллины все же намъ ближе римлянъ.

Куда же легче передавать Вакхилида, чѣмъ Тибулла! Не знаю только, связана ли наша большая чуткость къ эллинизму съ «психологіей народовъ», или тутъ сказывается отдаленное культурное преемство. Но изъ римскихъ лириковъ менѣе всего поддается переводу на русскій языкъ, несомнѣнно, Горацій, и особенно его оды. На это есть нѣсколько причинъ.

1) Оды Горація — произведенія зрѣлыя и въ своемъ родѣ совершенныя.

2) Горацій самъ былъ не только поэтомъ, но и переводчикомъ: онъ перелицовывалъ и *стилизировалъ* и ямбы Архилоха, и гимны Алкея, являясь поэтомъ такъ сказать вторичной формаціи, *стилистомъ* par excellence. Надо ли говорить, что мы, русскіе, въ строгомъ смыслѣ слова, *не имѣемъ поэтическаго стиля*. Своеобразная исторія нашей умственной жизни не дала русской поэзіи выработаться въ искусство. Стиль классическій далъ на нашей почвѣ одно крупное произведеніе — «Иліаду» въ переводѣ Гнѣдича. Что-нибудь въ родѣ Верленовскаго «Art poétique» по-русски трудно себѣ даже представить.

3) Въ довольно сложной поэтической индивидуальности Горація очень мало чертъ, которыя бы не шли въ разрѣзъ съ основ-

ными свойствами русской поэзіи, поскольку она до сихъ поръ опредѣлилась. Горацій, можетъ быть, самый блестящій представитель поэтическаго terre-à-terre, тогда какъ у насъ дидактизмъ почти всегда отличался прозаичностью, а эпикурейство или мертвенной театральностью или наивнымъ сластолюбіемъ. Наша лирика чаще всего или эмоціональна, или метафизична (cum grano salis!). — Юморъ Горація не имѣетъ себѣ подобнаго между русскими формами юмора, хотя мы ими и богаты: въ немъ больше интеллектуальности и ясности, чѣмъ задушевности. Я уже не говорю о *pointe* Горація. Многіе ли ее чувствуютъ, и кто сумѣетъ ее передать?

4) Текстъ Горація далеко не вездѣ ясенъ. Надъ нимъ трудился Бентли, но трудился и Пеерлькампъ. Сопоставьте на удачу десять болѣе или менѣе загадочныхъ мѣстъ у Кисслинга и у Шютца, и въ девяти они, навѣрное, дадутъ діаметрально-противоположное толкованіе.

Позволю себѣ остановиться теперь на нѣсколько минутъ надъ тѣмъ, какъ, по моему, *надо переводить древняго лирика*, такъ какъ взгляды мои на нормальныя условія перевода лежатъ и въ основѣ нижеслѣдующаго разбора.

1) По окончаніи работы чисто филологической стихотвореніе должно быть *понято въ цѣломъ*, если въ немъ отразился извѣстный *лирическій моментъ* (настроеніе), или *въ гармоніи элементовъ*, если пьеса представляетъ изъ себя нѣчто *планомѣрное* (напр., Donec gratus eram tibi). Безъ этого пьесы не стоитъ и переводить.

2) Изъ цѣлостнаго пониманія пьесы опредѣляются тѣ ея детали (слова или выраженія, звуковые символы или синтаксическія сочетанія), отъ которыхъ особенно зависитъ красота, колоритность или pointe пьесы, — для нихъ должны быть подысканы болѣе или менѣе естественныя соотвѣтствія *изъ области языка нашихъ чувствъ* (т. е. естественной рѣчи).

3) Выборъ размѣра не долженъ быть случайнымъ. Противъ переводовъ размѣромъ подлинника говорили многіе и многое.

Особенно суровъ былъ Виламовицъ, самъ даровитый и смѣлый переводчикъ греческихъ трагедій. Во всякомъ случаѣ размѣръ не долженъ оскорблять нашего уха и ритмическаго чувства — это главное. Не надо, однако, отчаиваться въ томъ, что между нашими ритмическими волнами и метрами античныхъ поэтовъ можетъ быть установлено большее соотвѣтствіе. Слухъ можно вѣдь и воспитывать, а наши дактили въ концѣ строки еще мало разработаны.

Звуковая символика и риѳма очень цѣнны въ переводахъ, но онѣ должны быть *искусны* и *интересны*.

4) *Достоинствомъ и красотой русской рѣчи, въ стихотворномъ языкѣ особенно, нельзя жертвовать ничему.*

Г. Порфировъ, повидимому, много работалъ надъ Гораціемъ и старался передать въ своемъ переводѣ какъ можно больше оттѣнковъ подлинника, придерживаясь въ текстѣ и его толкованіи, главнымъ образомъ, Лукіана Мюллера. Чаще всего пользовался онъ для своихъ передачъ шестистопнымъ ямбомъ, при чемъ въ концѣ строфы нерѣдко замѣнялъ его болѣе короткимъ ямбическимъ стихомъ. Впрочемъ иногда (напр. I, 3) онъ произвольно сокращалъ и не послѣдніе стихи строфъ. Риѳмованные переводы преобладаютъ надъ нериѳмованными: напр. въ 1-ой кн. изъ 38 одъ съ неполными риѳмами переведено четыре стихотворенія (12,21,22,35), одно совсѣмъ безъ риѳмъ (28); всѣ остальныя даютъ чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ; но въ 3-ей кн. изъ 30 одъ находимъ уже 9 безъ полной риѳмы или совсѣмъ безъ риѳмы.

Главные недостатки переводовъ г. Порфирова заключаются, по моему, въ недостаткѣ *цѣлостности пониманія одъ*, который чувствуется у него особо часто въ послѣднихъ книгахъ, а затѣмъ въ небрежномъ отношеніи къ русской рѣчи, — ея благозвучію, красотѣ и даже правильности. Очень скучнымъ является и однообразіе размѣра: шестистопный ямбическій стихъ хорошъ только при богатыхъ риѳмахъ и благозвучныхъ сочетаніяхъ, риѳмы же у г. Порфирова главнымъ образомъ *глагольныя*, и вообще

суффиксныя или *искусственныя* (когда слово для риѳмы берется явно лишнее: *теперь* — *повѣрь; вдругъ* — кругъ, лугъ) или неполнозвучныя (ждетъ — тотъ, земля — края). Открываю наудачу 1-ю оду 2-ой книги: риѳмы только мужскія: войны — страны, бѣдой — золой; смутъ — трудъ; Полліонъ — озаренъ; звучитъ — страшитъ; имъ — непокоримъ; ушла — принесла; могилъ — былъ; рѣзней — какой; пой — настрой. Такія риѳмы, какъ незна*комъ* — вдво*емъ*, изна*чала* — пос*лала*, *флотъ* — со*жжетъ* — наполняютъ книгу.

1) Но гораздо хуже звучатъ у г. Порфирова (весьма частыя) *группы согласныхъ*, затрудняющія плавность ритма. Вотъ нѣсколько примѣровъ, при этомъ я выписываю лишь *такія группы, гдѣ между словами нѣтъ знака препинанія:*

акрокера*вскихъ ск*алъ (стр. 25)
брегъ кала*брск*ій (66)
Те*вкръ в*ождь вамъ и Те*вкръ пр*орицатель (30)
Ва*кхъ съ Ц*ибелою (42)
кро*вь въ пр*изракъ (34)
ни алчно*сть въ тьм*ѣ ночной (106)
*яствъ р*оскошны*хъ кр*угъ (137)
*въ мрачн*ый со*нмъ т*ѣней (54)
*съ льв*омъ страшнымъ (120)
К*ипръ бл*агословенный (163)
бро*сь въ пл*амя (42)
чудови*щъ тьм*ой (165)
кора*бль гр*озой крушимый (193)
искусствъ воплощенье (202)
ла*връ вп*лела (204)
пѣ*снь стр*уны (189)
го*сть п*ирше*ствъ З*евсовыхъ (65) и т. д.

2) Непріятно дѣйствуютъ и стихи безъ *діэрезы*:

Но какъ *подрубленная* острымъ топоромъ (стр. 188)
И пусть *разгнѣванная* нашимъ преступленьемъ (23)

И *нерасторгнутая* ссорами измѣнъ (38)
Меня *таинственные* голуби съ Вольтура (126)
Если къ жертвеннику косныя притронутся десницы (158)
Если будешь ларовъ ладаномъ и первыми плодами (ibid).
Меня измученнаго сушей и морями (стр. 88) и т. д.

3) Въ языкѣ слѣдуетъ отмѣтить необычное и дикое для уха *кто* вм. *что* (который):

Какъ *гнѣвъ* губительный, *кого* не устрашаетъ
Ни мечъ, ни бурный валъ (стр. 42).
Порывовъ *Африка*, *кто* съ Аквилономъ въ спорѣ (24)
Діаны дѣвственной насильникъ, *кто* въ отмщенье
Стрѣлою дѣвичьей смущенъ (129)
Даже при множественномъ числѣ:
И тужитъ о *сынахъ*, *кого* Зевесъ послалъ (129)
все это чуждо *имъ*,
Кто, властный, Африкой обильной управляя,
Блистаетъ жребіемъ своимъ (149).

4) Обиліе причастныхъ формъ, иногда замѣняющихъ дѣепричастія:

Сдержавъ лишь страсть свою, себя сдержать *могущій*,
Доходъ умножу въ тишинѣ (стр. 149)
Не видишь ли, какой грозою *заходящій*
Трепещетъ Оріонъ (164).
О, въ пѣснопѣніи чудесномъ
На лирѣ золотой *привыкшая* царить
О, муза рыбамъ безсловеснымъ
Пѣснь лебединую *могущая* внушить (181)
Въ лугахъ *сбиравшая* цвѣты еще недавно
И нимфъ *дарившая обѣщаннымъ* вѣнкомъ
Въ чуть *брезжущей* ночи не видитъ ничего-то
Помимо звѣздъ и волнъ кругомъ (стр. 165)
стѣснилася пучина
Отъ *вторгшихся* въ моря *воздвигнутыхъ* громадъ (118).

5) Странны многія выраженія:

толпятся гробы (60)
пастухъ *преступившій радушье* (стр. 40)
алчность бо́льшаго (148)
пещеръ осѣненной (27)
рыжій собою (?) (179)
перескакивать дерзаютъ корабли (25)
влагою... умащенный (27)
темно гадать въ грядущемъ (26)
говоритъ собой (38)
любовью отдалась (66)
связавъ размахи крылій (24)
добытыхъ всюду (62)
живучей зелени (въ смыслѣ свѣжей) (70)
Плѣнить чудовище, рожденное судьбой (72)
приземистой лачуги (118)
Я ненавижу жад*ныхъ* дланей (153)
трехъ сестеръ
Обнявшихся *четою* голой (?) (152)
Похитчикъ трепетный (154)
Морщины раздумья *свѣвалъ* у богатыхъ (169)
Мановеньемъ укажетъ (181)
пѣснь струны (189)
Ты *мститель жаднаго обмана* (195).

Для того, чтобы дать понятіе о степени *поэтической точности* переводчика, я разберу *четыре* оды, изъ *наиболѣе удачныхъ въ новомъ русскомъ* переводѣ. Критикою было уже отмѣчено, что оды любовныя удались г. Порфирову болѣе, чѣмъ политическія. Именно такія мы и выберемъ.

I, V.

Quis multa gracilis te puer in rosa
perfusus liquidis urguet odoribus.

Кто, стройный юноша, на ложѣ пышныхъ розъ
О Пирра! влагою душистой умащенный
Тебя лобзаетъ тамъ —
стройный юноша.

Горацій ревнуетъ, и потому puer gracilis едва ли должно звучать какъ похвала: скорѣе тутъ изображается что-то дѣтски-неопытное и въ то же время наивно-праздничное (endimanché): соперникъ Горація слишкомъ надушился, вѣнокъ его черезчуръ густъ (такъ понимаетъ у Горація multa in rosa Кисслингъ). Во всякомъ случаѣ изъ оригинальной, картина въ переводѣ стала банальною, urguet не *цѣлуетъ;* сохраняя оттѣнокъ близости, можно бы было сказать *ластится*, *ласкается.*

grato, Pyrrha, sub antro
въ *пещерѣ осѣненной?*

Здѣсь у г. Порфирова во-1., праздный и даже безсмысленный эпитетъ, а во-вторыхъ слово *grato* — у Горація полно значенія: съ укромнымъ уголкомъ Пирры соединяется для Горація сладкое воспоминаніе; *имъ, можетъ быть, вызвано и самое стихотвореніе.* Притомъ *пещера* звучитъ какъ-то странно, здѣсь это скорѣе *сѣнь.* Antrum — условный архаизмъ.

cui flavam religas comam
Simplex munditiis
Предъ кѣмъ свиваешь ты волну златистыхъ косъ
Мила и безъ прикрасъ.

Первая фраза хороша, вторая — общее мѣсто, слабо связанное съ текстомъ.

У Горація стоитъ *cui*, т. е. *кому въ угоду*, *кому на радость.*

Во всякомъ случаѣ здѣсь рѣчь идетъ объ интимномъ воспоминаніи Горація и о *кокетливо-небрежной* прическѣ Пирры, для которой она должна была распустить и снова поднять волосы (religare comam) *simplex munditiis*, по моему, значитъ — пре-

небрегая украшеніями, т. е. не скрывая отъ любовника своей прелести украшеніями, блескъ которыхъ доступенъ всякому.

heu quotiens fidem
mutatosque deos flebit et aspera
nigris aequora ventis
emirabitur insolens.

Увы не разъ, несчастный,
Оплачетъ горестно онъ вѣтренность прекрасной,
Впервые пораженъ, (?) какъ ясныхъ водъ лазурь
Вдругъ закипитъ отъ черныхъ бурь.
Въ переводѣ пропущено главное
mutatos deos, т. е. измѣну судьбы, счастья
«Оплачетъ горестно» скучный плеоназмъ.

Впервые пораженъ — не ясно и странно звучитъ въ связи съ предыдущимъ *не разъ* и слѣдующимъ *какъ*

qui nunc te fruitur credulus aurea
qui semper vacuam, semper amabilem,
sperat, nescius aurae
fallacis, miseri quibus
intemptata nites.

Кто нѣжится съ тобой теперь златокудрявой,
Кто думаетъ теперь, что ты — его навѣкъ,
Не знаетъ — вѣтерка обманчивъ легкій бѣгъ!
Какъ жалокъ тотъ, предъ кѣмъ, неопытнымъ, лукавой
Ты блещешь красотой.
Переводъ довольно безцвѣтенъ, хотя почти правиленъ.
Скучны общія мѣста (клише): *что ты его на вѣкъ, обманчивъ легкій бѣгъ, блещешь красотой.*

Кромѣ того, *aurea* вовсе не то же что ξανθή, χρυσόκομος. Шютцъ напоминаетъ *aurea mediocritas*. Нѣтъ ли ироніи?

Nescius aurae fallacis я понимаю такъ: «кто не можетъ за

легкимъ вѣтеркомъ угадать бури». Это и объясняетъ дальнѣйшія votiva tabula и uvida vestimenta. Горацій видѣлъ бурю.

Стихотвореніе проникнуто не завистью, а милымъ юморомъ: въ свое время Горацій былъ такимъ же *воробышкомъ* (puer gracilis) и такимъ же *nescius aurae fallacis*. Особая прелесть одѣ придается тѣмъ, что Горацій жалѣетъ, отчего онъ и теперь не этотъ птенчикъ. Его *ex voto* — плохое утѣшеніе, il fait bonne mine à mauvais jeux; какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ объявляетъ, что не завидуетъ владѣльцамъ штучныхъ потолковъ.

Послѣдняя строфа

me tabula sacer
votiva paries indicat uvida
suspendisse potenti
vestimenta maris deo.

А я отъ бурь вдали
И, какъ священная доска гласитъ во храмѣ,
Повѣсилъ предъ алтарь владыки надъ морями
Одежды влажныя мои.

Переводъ правиленъ и хорошо переданъ.

Согласно сдѣланнымъ мною указаніямъ, я намѣтилъ въ одѣ les points saillants: *gracilis puer*, *grato sub antro*, *fidem mutatosque deos*, *aspera aequora*, *credulus*, *aurea*, *semper vacuam*, *aurae fallacis*, *intemptata nites*. На передачу ихъ и выдѣленіе въ переводѣ надо, мнѣ кажется, обратить особое вниманіе.

Въ видѣ опыта, соблюдая размѣръ перевода г. Порфирова, я позволю себѣ привести собственный переводъ, *чтобы показать, что мои замѣчанія не являются безпочвенными*. Не придавая означенной передачѣ особаго значенія, я помѣщаю ее здѣсь, лишь въ подкрѣпленіе собственному пониманію пьесы, какъ иллюстрацію.

Какой *воробышекъ душистый* и *цвѣтистый*
Къ тебѣ *ласкается*, въ чередъ *любуясь* свой

Небрежно свитою волною золотистой
Въ той *сѣни сладостной*, гдѣ былъ я, Пирра, твой..
Сняла уборы ты... А все жъ *судьбы измѣны*
Не разъ оплачетъ онъ и *вѣроломство женъ*,
Дивясь, какъ гибнетъ синь подъ чешуею *пѣны*
Иль *вихря чернаго* дыханьемъ пораженъ.
Наивный думаетъ, что если ты ласкаешь (amabilem)
Его, готовая всечасно для утѣхъ,
(semper vacuam)
Ты будешь, золотце, съ нимъ и *всегда такая жъ* (semper amabilem)
(aurea!)
Нѣтъ, бѣдный, буря спитъ.. Но горе въ ней для тѣхъ,
(aurae fallacis)
Кто *вѣритъ блеску* волнъ.. А я уже буруну
Внемлю безтрепетно: на храмовой стѣнѣ
Одежды влажныя повѣсилъ я Нептуну,
И доску пригвоздилъ: ты не опасна мнѣ.

I, 13.

Между двумя пышными политическими одами первой книги Горацій не безъ расчета помѣстилъ прелестное стихотвореніе, такое живое, что его нельзя было выдумать. Гебхарди называетъ его «Ревность», [1]) и оно, конечно, принадлежало второй половинѣ жизни поэта. Если въ пятой одѣ ревность была запрятана гдѣ-то глубоко, а наружу огонь ея выбивался только въ улыбкѣ юмора, то здѣсь она льется свободно, что́ не мѣшаетъ Горацію искусно разрѣшить диссонансъ страданія. Онъ, Горацій, конечно, несчастливъ, п. ч. ему предпочтенъ другой, и на этотъ разъ уже не тщеславный воробышекъ, а драчливый и грубый мальчишка; но и соперникъ Горація тоже несчастливъ, п. ч. онъ не умѣетъ цѣнить лучшаго, что даетъ любовь и красота, да и успѣхъ его не проченъ по самой природѣ. — Но гдѣ же любовь, которая даетъ и счастье? Въ жизни ея нѣтъ, она существуетъ только *въ идеалѣ*, и потому, конечно, поэту она ближе, чѣмъ кому-либо. Такъ понимаю я 13-ую оду первой книги.

Cum tu, Lydia, Telephi,
cervicem roseam, lactea Telephi

1) Aesth. Komm.², s. 85.

laudas bracchia — vae meum
fervens difficili bile tumet iecur.

Г. Порфировъ переводитъ

Когда промолвишь ты, что милъ тебѣ Телефъ
За шею нѣжную, что у Телефа руки
Молочной бѣлизны, тогда — о горе! — гнѣвъ
Кипитъ въ моей душѣ тоской ревнивой муки.

Горацій говоритъ въ первой строфѣ не столько о нравственномъ, сколько о физическомъ моментѣ муки. Здѣсь нѣтъ *души*, а только тѣло — снаружи, *cervix*, *bracchia*, а внутри — bile, iecur, fervens, tumet; iecur — hier ganz wörtlich zu verstehen (Кисслингъ). Гдѣ же у Горація *гнѣвъ*, *душа*, *тоска*, *мука*?

Промолвишь — laudas—невѣрно. Промолвить—*сказать разъ*, а здѣсь *славить*, *выхвалять*. Надо отдать честь нашему переводчику, слово *Телефа* онъ повторилъ, какъ и Горацій. Этимъ символически показывается, что Телефъ не сходитъ у Лидіи съ устъ,

tum nec mens mihi nec color (tunc?)
certa sede manet, umor et in genas
furtim labitur, arguens
quam lentis penitus macerer ignibus.

Тогда и цвѣтъ лица да и разсудокъ мой
Мнѣ измѣняютъ вдругъ, и тихо по ланитамъ
Слезинка крадется и говоритъ собой,
Какъ медленно горю я пламенемъ сокрытымъ.

Хорошо. Но слезин*ка* по ланит*амъ* и говоритъ *собой*. У Горація *улика* — *arguens*.

Uror seu tibi candidos
turparunt umeros immodicae mero
rixae, sive puer furens
impressit memorem dente labris notam.

Не въ послѣдней ли строкѣ этой строфы надо искать *начала настроенія*? Горацій, не увидѣлъ ли онъ у Лидіи *прикушенную губу*, не это ли вызвало его на дальнѣйшія соображенія? Не было ли ему физически больно отъ того, что Лидія выхваляла Телефа именно этими, имъ раненными губами?

Г. Порфировъ переводитъ.

Горю, что плечъ твоихъ роскошныхъ красота
Оскорблена *порой* среди попойки шумной,
Иль *если* юноша отъ похоти безумный
Зубами впечатлѣлъ слѣдъ долгій на уста.
Не хороши *что*, *порой*, *если*: по латыни
seu — sive. *Долгій слѣдъ* что это значитъ?
не *длинный* слѣдъ, и не *на долго*?

Non, si me satis audias
speres perpetuum dulcia barbare
laedentem oscula quae Venus
quinta parte sui nectaris imbuit.

Но *если бы* ты еще моимъ словамъ *внимала!*
(Невѣрно!)
О, не надѣйся, нѣтъ, что вѣченъ тотъ въ любви,
Кто, варваръ, оскорбить посмѣлъ уста твои,
(Отлично!)
Что лучшимъ нектаромъ Венера *напитала.*

Странная картина, да къ тому же *imbuere oscula* не значитъ *напитать уста.*

felices ter et amplius
quos inrupta tenet copula nec malis
divolsus querimoniis
suprema citius solvet amor die.

Трикратъ и болѣе союзъ четы блаженъ,
Гдѣ связана она, какъ цѣпью неразрывной,

И нерасторгнутая ссорами измѣнъ,
(діэреза?)
Расторгнется любовь лишь въ смерти
мигъ призывный?

Менѣе чѣмъ къ какой бы то ни было одѣ Горація идутъ къ I, 13 александрійскіе стихи. Мнѣ думается, что ее слѣдовало бы перевести размѣромъ ближе къ Гораціанскому: настроеніе требуетъ хотя бы блѣднаго отзвука Гораціанской музыки, *сродной формы паденія лирическихъ волнъ.*

Попробую переложить размѣромъ оды, подставляя тоны на мѣсто метровъ.

Но при этомъ необходима *плавная смѣна паузъ*: въ нечетныхъ строкахъ послѣ перваго двусложнаго, въ четныхъ — послѣ хоріямба:

Если | Лидія Тéлефа
Шею свѣжую ты | , полныя Тéлефа
Руки | славишь, — во мнѣ, увы!
Съ болью желчи волна | печень раздувъ кипитъ.
Кружатъ | мысли — то блѣденъ я,
То горю я, и слезъ | капли бѣгутъ, о стыдъ! [1])
Слезы | льются уликою,
Какъ глубоко огни | , какъ они тихо жгутъ.....
Жарче | мука, сверканіе-ль
Бѣлыхъ плечъ осквернитъ | пьяный раздоръ тебѣ,
Или | юноши пылкаго
Алый слѣдъ отъ зубовъ | губы хранятъ твои.
Нѣтъ, не | будетъ о, Лидія,
Долго дѣву любить | , кто не жалѣетъ губъ
Дѣвы | нѣжныхъ, — не варварамъ
Квинтессенцію пить | меда Киприды съ нихъ..,
Вы за | то триблаженны, вы,
Вы, чьи узы хранитъ | ласка, кому она,
Жалобъ | горькихъ не вѣдая,
Раньше смерти узла | ихъ не распутаетъ.

III, 7.

Фетомъ переведена александрійскими стихами, очень близко къ подлиннику.

---

1) Такъ думаетъ Кисслингъ о значеніи furtim.

Г. Порфировъ тоже переводитъ шестистопнымъ ямбомъ, но съ укороченной послѣдней строкой.

Quid fles, Asterie, quem tibi candidi
primo restituent vere Favonii
Thyna merce beatum
constantis iuvenem fide

Зачѣмъ, Астерія, ты плачешь *одиноко?*
На крыльяхъ *вѣтерка лазурнаго* весной
Вернется юный Гигъ съ подарками Востока
И съ той же вѣрною душой.

Переводъ внимателенъ и звученъ, хотя есть черты, не идущія къ дѣлу — *одиноко* (не вяжется съ послѣдующимъ) и *лазурнаго вѣтерка;* у Горація *candidi* Favonii; п. ч. они доставятъ Астеріи Гига.

Gygen? ille Notis actus ad Oricum
post insana caprae sidera frigidas
noctis non sine multis
insomnis lacrimis agit.

Теперь *когда Козы созвѣздіе восходитъ,*
Онъ въ Орикъ бурными вѣтрами занесенъ,
Безъ сна холодныя тамъ ночи онъ проводитъ,
И горько, горько плачетъ онъ.

Переводчикъ не обратилъ вниманія на
post insana.. sidera.

Созвѣздіе Козы (Амалѳеи) восходитъ въ маѣ и сентябрѣ, *заходъ* ея для широты Рима долженъ прійтись на *7 декабря*: какъ разъ въ это время чаще всего бываютъ и бури:

atqui sollicitae nuntius hospitae,
suspirare Chloen et miseram tuis
dicens ignibus uri,
temptat mille vafer modis,

ut Proetum mulier perfida credulum
falsis impulerit criminibus nimis
casto Bellerophontae
maturare necem refert.
Narrat paene datum Pelea tartaro
Magnessam Hippolyten dum fugit abstinens
et peccare docentis
fallax historias movet.

А въ это время рабъ хозяйки Хлои страстной
Тутъ шепчетъ, что она страдаетъ и сгорать
Обречена по немъ любовію несчастной, —
Хитрецъ приходитъ искушать.

На тысячу ладовъ:

(Также и у Фета, и хотя это *буквально* mille modis — но сходство съ Крыловымъ дѣйствуетъ непріятно)

напомнитъ, какъ сумѣла
Преступная жена напрасно обвинить, (кого?)
Когда передъ своимъ супругомъ захотѣла
Беллерофонта погубить.
Разскажетъ, какъ Пелей чуть не былъ взятъ Аидомъ
За то, что избѣгалъ Магнетянки утѣхъ.
И много говоритъ посолъ *съ лукавымъ видомъ*,
Толкнуть пытаяся на грѣхъ.

Въ переводѣ этихъ строфъ, хорошемъ, но довольно безцвѣтномъ, неумѣстно *обречена*. Кромѣ того *miseram* у Горація вовсе не про *несчастную любовь* (этого, вѣроятно, посолъ и не предполагаетъ), а про *несчастную Хлою*, п. ч. она *uritur* ignibus Gygae. Г. Порфировъ не обратилъ вниманія и на одно очень выразительное *слово*, которое соединяетъ третью строфу съ предыдущей *atqui*, «и однако онъ могъ бы утѣшиться, если бы захотѣлъ». Вообще надо бы было найти способъ *слить* части перевода, объединить стихотвореніе по русски. Это одно изъ глав-

ныхъ дѣлъ переводчика Горація. Съ *лукавымъ видомъ* вовсе не то что fallax, притомъ эта черта совершенно лишена связи съ концепціей Горація

frustra nam scopulis surdior Icari
voces audit adhuc integer at tibi
ne vicinus Enipeus
plus iusto placeat cave.

О нѣтъ! *Безгласнѣй* скалъ Икаровыхъ, *нисколько*
Не дрогнулъ онъ душой безстрастной отъ рѣчей.
Но, берегись, самой не приглянулся бъ только
Сосѣдъ твой *юный* Энипей.

Переводчикъ не обратилъ вниманія на важныя слова *adhuc integer* — *цѣлъ покуда,* при чемъ *adhuc* — очень *выразительно,* что будетъ дальше, можетъ ли Горацій на это отвѣчать, особенно въ виду послѣдующаго. Затѣмъ почему *surdior*—*безгласнѣе?* (или г. Порфировъ читаетъ съ Пеерлькампомъ durior?)

quamvis non alius flectere equum sciens
aeque conspicitur gramine Martio,
nec quisquam citus aeque
Tusco denatat alveo
prima nocte domum claude neque in vias
sub cantu querulae despice tibiae
et te saepe vocanti
duram difficilis mane.

Едва-ли кто другой изъ юношей такъ *смѣло*
На полѣ Марсовомъ *могъ конный гарцовать* (?),
Едва-ли кто другой такъ быстро, такъ *умѣло*
Могъ черезъ Тибръ переплывать.
Чуть смерклось, домъ запри, и пусть къ тебѣ взываетъ
Свирѣли томной пѣснь. Ты не *гляди во тьму!*
И хоть жестокою тебя онъ называетъ,
Будь *недоступной ничему* (?!).

Переводъ небреженъ: слово *могъ* совершенно не у мѣста, также *конный гарцовать*, *гляди во тьму*.

Будь *недоступной ничему* — стоитъ развѣ для риѳмы. Несмотря на *quamvis* въ началѣ 7-ой строфы, объединяющей эту строфу со слѣдующею, г. Порфировъ оставилъ ихъ безъ всякой связи.

Стихотвореніе это вызываетъ мысль о levius plectrum: хотѣлось бы размѣра полегче шестистопнаго ямба. Вотъ опытъ перевода хореями.

Не кручинься, свѣтикъ, даромъ:
Лишь немного потеплѣетъ,
Изъ Виѳиніи съ товаромъ
Гига море прилетѣетъ.
Амалѳеи жертва бурной,
Въ Орикъ Нотомъ уловленный,
Ночи онъ проводитъ дурно,
И озябшій и влюбленный.
Пламя страсти — пламя злое,
А хозяйскій рабъ испытанъ:
Какъ горитъ по гостѣ Хлоя,
Искушая, все твердитъ онъ.
Молъ, коварныхъ мало-ль женъ-то,
Въ родѣ той, что безъ запрета
Погубить Беллерофонта
Подучила мужа Прета, —
Той-ли, чьи презрѣвши ласки,
Былъ Пелей на шагъ отъ смерти,—
Вѣрьте имъ или не вѣрьте,
Все-жъ на грѣхъ наводятъ сказки,
Но не Гига... Гигъ крѣпится, [1])
Скалъ Икáра онъ тупѣе...
Лишь тебѣ-бы не влюбиться
По сосѣдству... въ Энипея.
Кто коня на луговинѣ
Такъ уздою покоряетъ?
Въ желтомъ Тибрѣ кто картиннѣй
И живѣй его ныряетъ?
Но отъ плачущей свирѣли
Все-жъ замкнись, чуть ночь настанетъ...
Только бъ очи не смотрѣли,
Побранитъ... да не достанетъ.

---

1) Намѣренное затрудненіе въ произношеніи.

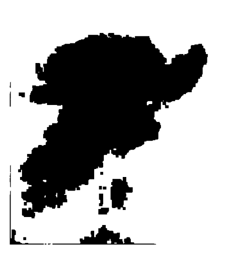
III, 26.

Vixi puellis nuper idoneus
et militavi non sine gloria:
nunc arma defunctumque bello
barbiton hic paries habebit,
laevum marinae qui Veneris
custodit, hic, hic, ponite lucida
funalia et vectis et arcus
oppositis foribus minaces.
o quae beatam diva tenes Cyprum et
Memphin carentem Sithonia nive
regina, sublimi flagello
tange Chloen semel arrogantem.

Еще недавно жилъ я, дѣвамъ угождая,
И съ ними ратовалъ я доблестно въ войнѣ,
Теперь оружіе и барбитонъ, слагая,
Я ввѣрю этой вотъ стѣнѣ,
Что слѣва грудь морской Венеры *осѣняетъ*.
Сюда сюда скорѣй несите все теперь —
Блестящій факелъ, лукъ и ломъ, что *сокрушаетъ*
Неподдающуюся дверь.
Богиня, *правящая Кипръ благословенный*,
Мемфисъ, не знающій ѳракійскихъ снѣжныхъ зимъ,
Владычица! хоть разъ взмахни бичомъ своимъ
Надъ Хлоею надменной.

Puellis idoneus не значитъ *угождая дѣвамъ*, — а *умѣя быть угоднымъ*; *меня цѣнятъ, я на счету*; marinae Veneris — *Морской* Венеры. Не лучше ли бы было подновить значеніе *marinae* въ связи съ миѳомъ о рожденіи богини?

Defunctum... bello *barbiton*. Г. Порфировъ оставилъ безъ перевода *defunctum*, — и напрасно. Въ *военной службѣ* Горація это было не послѣднее, а самое *заслуженное* оружіе.



Стѣна едва-ли можетъ *осънять* грудь, хотя рѣчь и идетъ о нишѣ.

Богиня, *правящая Кипръ благословенный.*

Въ одной этой строкѣ: 1) нѣтъ діэрезы, 2) нарушенъ синтаксисъ, 3) оскорблено благозвучіе.

Но всего менѣе удачно конечно превращеніе Киприды въ деревенскаго пастуха или берейтора. Sublimi flagello можно понять или *стрекаломъ съ высоты* (Венера пролетаетъ на колесницѣ по воздуху) или *кончикомъ стрекала:* во всякомъ случаѣ *коснись*, (tange). Рѣчь идетъ не о *наказаніи* строптивой, а о *возбужденіи* въ ней *желаній. Уколъ стрекала* похожъ на *укусъ осы* или *рану отъ стрѣлы* Купидона.

Вотъ опытъ перевода 4 стопн. ямбомъ.

Давно-ль бойца цѣнили жены [1])
И дѣвы славилъ нѣжный стонъ, —
И вотъ ужъ онъ, — мой заслуженный
Съ любовной снастью — барбитонъ.
О лѣвый бокъ Рожденной въ пѣнѣ,
Сюда его, — *сюда* [2]) скорѣй
И факелъ мой, губившій тѣни,
И ломъ и лукъ, грозу дверей!
А ты, отрада Кипра, ты,
Въ безснѣжномъ славима Мемфисѣ,
Хоть разъ стрекаломъ съ высоты
До Хлои дерзостной коснися!

Укажемъ на *достоинства* перевода г. Порфирова. Одинъ изъ лучшихъ переводовъ первой книги 2-ая ода. Переводчикъ отдѣлывалъ переводъ и давалъ полнозвучныя риѳмы.

И рыба виснула на ивахъ по вершинамъ,
Гдѣ прежде былъ пріютъ для дикихъ голубей,
И лани робкія поплыли по пучинамъ
Среди вздымавшихся зыбей.

1) puellis здѣсь безразлично. 2) hic hic.

Во второй книгѣ хорошо переведена 1-ая ода, кромѣ послѣдней строфы, о которой ниже, ода 4-ая.

«Не надо стыдиться, что любишь рабыню». Отлично переведена 7-ая ода II-й книги, напр.:

Разымчивой струей массійскаго щедрѣе
Вспѣнь кубки свѣтлые и кудри умасти
Изъ емкихъ раковинъ.. Эй кто тамъ? Принести
Вѣнковъ изъ зелени и мирта поскорѣе.

Это — стихи, и хорошіе стихи!

Недурно переведены 9-ая и 10-ая оды II-й кн., ода 15-ая той же книги.

Вотъ, напр., ея прекрасный, *твердо*-выраженный конецъ.

Нѣтъ, скудно частное добро, зато громадно
Бывало общее: не знали въ оны дни
Обширныхъ портиковъ на сѣверъ, гдѣ въ тѣни,
Въ прохладѣ дышится отрадно.
Не думали тогда законы возбранять
Дерновой хижины, повелѣвая прямо
На счетъ общественный и городъ обновлять,
И обветшалый камень храма.

Ода 17-ая переведена очень внимательно, несмотря на нѣсколько небрежностей въ языкѣ:

«И крылья связала крылатой судьбѣ» или Собой задавило-бъ но Фа*вн*ъ *въ* этотъ мигъ «Жер*твъ ту*чныхъ».

Ода 19-ая была бы переведена хорошо, если бъ не поэтическая неясность пятой строфы.

Ты *змѣями* кудри ѳракійскихъ вакханокъ.
Безъ страха (?) въ *узлы заплетаешь*, (?) играя.

Внимательно и не безъ колорита передана 17-ая ода Шей-книги, напр.:

Жди, завтра съ грозою примчится ненастье,

Засыплетъ всѣ рощи листвою, гудя,
Брегъ тиной безплодной, коль я не обманутъ
Вороной, предвѣстницей старой дождя.

Гладко переведена и слѣдующая 18-ая ода (хотя «декабрь привелъ»):

Среди отважныхъ волкъ скитается ягнятъ,
Лѣсъ стелетъ для тебя листву въ окрестномъ полѣ,
И пахарь пляскою трехтактною на волѣ
Отмстить землѣ досадной радъ.

28-ая ода (кромѣ послѣдней строфы) тоже передана удачно.

Отлично переведена 1-ая ода IV книги, красиво построенная въ ритмическомъ отношеніи, она даетъ извѣстное настроеніе.

Вотъ напр. предпослѣдняя строфа:

Но почему — увы — порой,
О Лигуринъ слеза изъ глазъ моихъ сбѣгаетъ?
Зачѣмъ языкъ болтливый мой,
Внезапно рѣчь порвавъ, постыдно умолкаетъ?

Хорошо переведено начало 7-ой оды IV книги:

Вотъ сбѣжали снѣга, лугъ одѣлся травой
И покрылись деревья листвой.
Возродилась земля, и, улегшись въ русло,
Рѣки быстрыя мчатся свѣтло.

Ода 10-ая IV-ой кн. переведена хорошо, и съ большимъ вниманіемъ, и очень гладко переведенъ юбилейный гимнъ.

Итого *13 одъ*, переданныхъ точно, литературно и мѣстами поэтично; сюда можно прибавить еще столько же, пожалуй даже 15, вызывающихъ лишь не особенно серьезныя возраженія, но списокъ неудовлетворительно переданныхъ одъ былъ бы, по моему, значительнѣй.

Вотъ замѣчанія мои на переводъ отдѣльныхъ одъ.

I, 1, 7 сл.

mobilium turba Quiritium
certat tergeminis tollere honoribus.

передано неудачно

вѣтреныхъ гражданъ совѣтъ
Его на почетную должность *попроситъ*.
turba mobilium Quiritium.

Вотъ какъ ее рисуетъ Цицеронъ (p. Mur. 17, 95). «Точно вы не знаете, что нѣтъ во всемъ мірѣ пролива или водоворота съ такимъ бурнымъ теченіемъ, такимъ частымъ и причудливымъ прибоемъ и отбоемъ волнъ, который могъ бы сравниться съ движеніемъ и волненіемъ комицій».

Перев. проф. Зѣлинскаго, въ его изданіи «Рѣчей Цицерона».

I, 1, 32.

Secernunt populo

передано неправильно:

Меня *надъ толпою*
Возноситъ.

Академикъ Коршъ превосходно сравнилъ это выраженіе съ Пушкинскимъ «Бѣжитъ онъ дикій и суровый» и т. д.

Въ примѣчаніяхъ къ I, 2 царь Амулій, перешелъ въ А*н*улія (въ обоихъ изданіяхъ).

I, 4, 15.

vitae summa brevis, spem nos vetat inchoare longam.

неясно и, кажется, не понято.

Жизнь слишкомъ коротка, *темно гадать въ грядущемъ* (?)

I, 6, 2.

Maeonii carminis *aliti* (конечно, dativus вм. рукописнаго alite).

Къ сожалѣнію, переведено *орелъ*: образъ этой птицы не вяжется съ изображеніемъ поэта.

I, VII, 9.

aptum equis Argos
пышный конями (?) Аргосъ

ibid. 15.

Нотъ *свѣтлоструйный* (?)

Неясность далѣе:

Спутники, други! Плывемте, куда бы ни бросилъ насъ жребій,
Все-таки *лучшій чѣмъ въ домѣ отцовскомъ*. (?)

I, 8, 10 сл.

neque iam livida gestat armis
bracchia
дланью (?) посинѣвшей
съ натури (?) не беретъ оружья.

Это во-первыхъ неизящно, во вторыхъ невозможно, въ третьихъ, — неправильно понято.

Рѣчь идетъ здѣсь *не объ натугѣ*; *livida* сказано пролептически о синякахъ и ссадинахъ, которыс остаются послѣ борьбы.

I, 9, 19.

lenes sub noctem *susurri*
И къ ночи тихое *шушуканье* вдвоемъ.

Переводчикъ отмѣчаетъ въ примѣчаніи «шушуканье» какъ вполнѣ соотвѣтствующее и созвучное *susurri*».

Я съ этимъ никакъ не могу согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ.

1. Слово *шушуканье* у насъ прилагается не къ любовному шепоту, а скорѣе къ старушечьимъ пересудамъ.

2. Въ словѣ su-surrus sur, санскр. svar, м. б. наше *свирѣль* (?), и звукъ (*р*) въ ономатопоэтическомъ словѣ *susurrus* очень выразителенъ (сравни наши: *мур*-лыканье, *кур*-ныканье, *шур*ы-*мур*ы).

Послѣдніе восемь стиховъ, по моему, не поняты г. Порфировымъ.

donec virenti canities abest
morosa nunc et campus et areae
lenesque sub noctem susurri
composita repetantur hora,
nunc et latentis proditor intimo
gratus puellae risus ab angulo
pignusque dereptum lacertis
aut digito male pertinaci.

У г. Порфирова:

Пока со старостью ворчливой незнакомъ,
Пока тебя манятъ борьба и *состязанья* (?)
И къ ночи тихое шушуканье вдвоемъ
Въ часы условнаго свиданья.
И смѣхъ возлюбленной, что, спрячась въ *уголокъ*,
Вдругъ выдаетъ себя — нежданно засмѣется,
И отнятый браслетъ, съ руки ея залогъ,
Колечко ль съ пальчика, *что слабо не сдается* (?)

Боюсь, что, вмѣсто *areae*, г. Порфировъ переводилъ *arenae*.

Areae (Varro, l. l. V 38 in urbe loca pura areae) мѣста для прогулокъ: они были окружены портиками и аллеями, обычнымъ мѣстомъ свиданій, туда-то и переноситъ Горацій мѣсто дѣйствія въ концѣ своей оды, давая прекрасный контрастъ мертвенной картинѣ первыхъ строфъ.

Откуда же взялись *состязанья* и *уголокъ*, въ который прячется дѣвушка? *male pertinaci* передано неясно; въ словахъ какой-то мимовольный каламбуръ (Стихотвореніе это хорошо объяснено и передано у Гебхарди-Шеффлера (Ein ästhetischer Komm. z. d. lyr. Dicht. d. Hor.[2] 1902, s. 74 f; cf. Schütz, ad v. 18).

I, 11.

Ода переведена очень страннымъ размѣромъ: каждая строка

заключаетъ два раздѣльныхъ стиха, при чемъ второй стихъ риѳмуетъ съ шестымъ, четвертый съ восьмымъ и т. д.

Carpe diem quam minimum credula postero передано неправильно.

Лови же день мимобѣгущій, а *о грядущемъ* (?) меньше думай?

Совѣтъ, можетъ быть, и хорошій, но ничего общаго съ Гораціемъ не имѣющій.

I, 14, 17.

nuper sollicitum quae mihi taedium
Не мало давшій мнѣ *волненья* и *досады*...
Совершенно невѣрно! (Cf. Sat. II, 2, 42)

I, 16.

(Палинодія)

Въ первой строфѣ:

Язвительнымъ стихамъ
Казнь выбери сама: *безстрастною рукою*
Брось въ пламя иль предай волнамъ.

Прибавка *безстрастною рукою* — неумѣстна.

Въ четвертой строфѣ:

Въ тѣ дни какъ Прометей, *сбирая глины груду*,
Частицы разныхъ свойствъ повсюду
Искалъ
(principi limo)

Странная картина, не Гораціанская, во всякомъ случаѣ.

Въ послѣдней строфѣ:

dum mihi
fias *recantatis* amica
opprobriis animumque reddas

у г. Порфирова:

Если вновь
Презрѣвъ упрековъ гнѣвъ мятежный
Вернешь мнѣ дружбу и любовь.

То и не то.

Recantatis opprobriis это point saillant оды; надо бы было прибрать соотвѣтствующую метафору.

Я бранный звонъ *перековалъ*
или
укоры въ *славу перелилъ*
или
что-нибудь подобное.

I, 17, 8:

Olentis uxores mariti
И — самки (?) грязнаго (?) козла.

Эта грубость совершенно не оправдывается ни текстомъ, ни тономъ оды. Картина очень поэтична. Козы мирно и довѣрчиво разбрелись по скату горы въ поискахъ за тминомъ или земляникой.

Можно бы было сказать

И жены пахнущаго мужа

или лучше,

такъ какъ *olens maritus* и значитъ только *козелъ*, то:

Подруги мирныя козла.

I, 18, 3 сл.

Siccis omnia nam dura deus proposuit, neque || mordaces aliter diffugiunt sollicitudines.

Переведено г. Порфировымъ:

Затѣмъ что только вѣдь для трезвыхъ *земная* (?) жизнь
трудна и *хмура* (?)
Лишь (?) прогоняются похмѣльемъ неугомонныя заботы.

Что это за *земная жизнь*, и гдѣ же главныя слова *deus proposuit*, входящія въ *суть* пьесы? *Лишь* поставлено невозможно.

Въ 20-ой одѣ I-ой книги Меценатъ получаетъ отъ Горація приглашеніе на скромный пиръ. Горацій празднуетъ годовщину перваго появленія Мецената въ театрѣ послѣ его выздоровленія;

это случилось одновременно съ чудеснымъ избавленіемъ Горація отъ опасности быть погребеннымъ подъ упавшимъ деревомъ. Послѣ этихъ двухъ событій прошло, очевидно, нѣсколько лѣтъ, чтобы можно было пить тотъ плохой «Сабинъ», про который поэтъ говоритъ:

ipse testa
conditum levi ст. 2.

Событія относятся къ 30 году, — значитъ, ода къ 26—25. Почему же modicis cantharis — г. Порфировъ объясняетъ «какъ и слѣдовало для выздоравливающаго»?. Неужто Меценатъ 4 года все выздоравливалъ?

Кстати о 20-ой одѣ. Въ ней только и говорится, что о винѣ: и въ чашѣ, и въ кувшинѣ, и на холмѣ, и въ лозахъ, и опять въ чашѣ, а самаго слова *вино* — нѣтъ. Эту красивую тонкость выраженія отмѣтилъ Фритчъ.

Въ виду этого вторую строку третьей строфы въ переводѣ г. Порфирова надо бы измѣнить, въ томъ же размѣрѣ:

«Отъ лозъ Цекуба и Калена».

Въ 21-й одѣ

невнимательность: вмѣсто на *Крагѣ* (гора) — *въ Крагѣ* — въ данномъ случаѣ — невозможно.

I, 24, начало.

Quis desiderio sit pudor aut modus
tam cari capitis? praecipe lugubris
cantus Melpomene, cui liquidam pater
vocem cum cithara dedit.

У г. Порфирова переведено неудачно:

Стыдиться ли тоски безумной и *ужасной*
По другѣ дорогомъ? О Мельпомена, *пой*
Пѣснь скорбную теперь — тебѣ *Отецъ* благой
Далъ ясность голоса съ киѳарой сладкогласной.

Изъ перевода г. Порфирова читатель не пойметъ ни того, что Мельпомена не поетъ, а *заводитъ* пѣсню, ни того, что *lugubris cantus* вовсе не скорбныя пѣсни, а похоронныя (nicht traurige Klänge, sondern Trauerklänge, какъ правильно замѣтилъ Кисслингъ), ни того, что *отецъ* есть *отецъ музъ* (г. Порфировъ прибавляетъ *благой* и пишетъ Отецъ), ни, наконецъ, необычности вступленія, и смысла *liquida vox* въ связи съ *lugubris cantus*.

Слѣдующая строфа начинается съ выразительнаго *Ergo*. Его нѣтъ въ переводѣ: надо бы было *Итакъ* или *Свершилось*.

Въ третьей строфѣ Горацій опять измѣненъ безъ всякой видимой надобности.

Онъ мертвъ, *оплаканный друзьями* (?), у Горація совсѣмъ не то — *multis bonis*.

но Виргилій

Ты *горестнѣе всѣхъ по немъ рыдаешь самъ*.
(грубый плеоназмъ!).

Въ концѣ скучное общее мѣсто вмѣсто:

sed levius fit patientia
quidquid corrigere est nefas

т. е.

Терпѣнье облегчаетъ то,
Чтò исправлять и не годится.

А у г. Порфирова

Но *всегда* смягчается терпѣньемъ,
Чего исправить *здѣсь не въ силахъ* человѣкъ.

I, 25.

Обезцвѣченъ конецъ оды

laeta quod pubes hedera virente
gaudeat pulla magis atque myrto
aridas frondis hiemis sodalis
dedicet Euro.

у г. Порфирова:

На то, что въ юности въ минуты наслажденья
Изъ благовонныхъ миртъ вѣнокъ свиваемъ мы,
А листья желтые несемъ безъ сожалѣнья
Въ даръ Эвру, спутнику зимы.

Горацій далъ красивое сочетаніе двухъ оттѣнковъ зелени (мирта и плюща), а у г. Порфирова только какія-то *благовонныя мирты* (и что за форма миртъ?); да и *минуты наслажденья* совершенно здѣсь некстати.

laeta pubes обозначаетъ
свѣжія силы юности.

I, 27, 8.

et cubito remanete presso

у г. Порфирова:

Чтобъ *каждый на ложѣ своемъ возлежалъ.*

Это какая-то больница, а не картина римскаго пира, вызываемая словами Горація: завитыя головы, уже нѣсколько отяжелѣвъ, покоятся на лѣвыхъ ладоняхъ; на мягкомъ ложѣ видно, что именно локоть выдерживаетъ тяжесть головы (cubito presso).

I, 28.

Переводъ безъ риѳмъ. Нечетныя строки — гекзаметры, четныя — дактило-хореи (то 4, то 5).

ст. 4 слл.

nec quicquam tibi prodest
aerias temptasse domos animoque rotundum
percurisse polum morituro.
Много ли пользы, что могъ ты
Въ горнія сферы проникнуть и *мыслію смертной своею*
Сводъ поднебесный изслѣдовалъ даже.

Въ подлинникѣ *tibi... morituro*, а у г. Порфирова *animo... morituro* (?) оттуда, вѣроятно, эта *смертная мысль.*

Совершенно невозможной является и картина, и ея русское выраженіе:

«Вмѣстѣ и старцевъ и юныхъ толпятся гробы».

I, 29.

Послѣдняя строфа вызываетъ переводомъ на нѣсколько замѣчаній.

Коль ты, вотъ лучшее намъ обѣщавшій всѣмъ,
И философію Сократову, и груду
Всѣхъ книгъ Панеція, тобой добытыхъ всюду,
Все хочешь промѣнять вдругъ на испанскій шлемъ.

1) Socraticam *domum* не значитъ *философію* Сократа (рѣчь детъ о *школѣ*, о популярныхъ діалогахъ Сократовской школы).

2) *Груда всѣхъ* книгъ Панеція — произвольно.

3) *Тобой добытыхъ всюду* — необработанное выраженіе

4) Lorica не шлемъ, а кольчуга.

5) Полная неясность, отъ которой изъ глагольныхъ формъ зависятъ винит. падежи (отъ *обѣщавши* или отъ *промѣнять* ?).

I, 31.

Послѣдняя строфа читается такъ

frui *paratis* et valido mihi,
Latoe, dones et, precor, integra
cum mente nec turpem senectam
degere nec cithara carentem

у г. Порфирова:

Латоны сынъ, пошли мнѣ, Аполлонъ,
Да наслаждаюсь я здоровый, *сердцемъ ясный* (?)
Здѣсь собраннымъ (?), не дай мнѣ старости несчастной
Забывшей сладкой цитры звонъ.

Если даже не глядѣть на неясность послѣднихъ стиховъ: неизвѣстно, хочетъ ли Горацій у г. Порфирова дожить до старости или нѣтъ, — то все же искаженіе слова *paratis* мѣняетъ

весь смыслъ картины. Мудрено-ли, что старикъ, скряжничавшій всю жизнь, лакомится напослѣдокъ изъ «собраннаго»; но у Горація нѣтъ ничего подобнаго:

parata это греческое τὰ προκείμενα (то, что всегда къ услугамъ), а не какія-нибудь пошлыя экономіи.

Фетъ *угадалъ* правильно.

I, 32.

Начало у г. Порфирова такое:

Насъ просятъ. *Если* то, что — чуждые гордынѣ —
Въ тиши бряцали мы, *пройдетъ сквозь тьму временъ*
На много, много лѣтъ, — тогда *звучи* мнѣ *нынѣ*
Латинской пѣснью, *барбитонъ*.

Желаніе совершенно невыполнимое: лирѣ предлагаютъ дожидаться результата опытовъ многихъ лѣтъ (цѣлой тьмы временъ даже), чтобы *спѣть* нѣчто *нынѣ* (?).

У Горація вотъ что написано:

«Если намъ съ тобою, лира, удалось на досугѣ сыграть что-нибудь такое, что должно пережить (quod vivat) и этотъ годъ и еще нѣсколько лѣтъ (et pluris), ну-жъ скажи намъ тогда Латинскую пѣсню».

Въ I, 34 небрежно начало:

Служитель божества и *рѣдкій* (?) и скупой,
Блуждалъ я въ *мудрости погрязнувъ* (?!) святотатной.

II книга.

II, 1.

Плохо переведена послѣдняя строфа.

Но муза рѣзвая! — гдѣ твой *напѣвъ шутливый*?
Элегій жалобныхъ торжественно не пой,
А лучше въ сумеркахъ пещеры Діонейской
Мнѣ лиру *нѣжную* настрой!

Въ подлинникѣ:

sed ne relictis, Musa procax, iocis
Ceae retractes munera Neniae
mecum Dionaeo sub antro
quaere modos leviore plectro.

1) Съ точки зрѣнія синтаксиса фраза въ переводѣ потеряла стройность, расплылась, благодаря тому, что переводчикъ не обратилъ вниманія на *ne* въ первой строфѣ и *quaere* въ послѣдней;

2) munera Neniae значитъ *дары Неніи* (богини плачей, патронессы Симонида Косскаго);

3) ioci — παίγνια вовсе не *напѣвъ шутливый*, *напѣванье*, мурлыканье (fredonnement), а цѣлый музыкальный мірокъ, который Горацій не думаетъ унижать;

4) levius plectrum, какъ превосходно замѣтилъ Кисслингъ и Ѳ. Е. Коршъ, есть *особый плектръ*, болѣе легкій, въ данномъ случаѣ болѣе подходящій для того перебора струнъ, который любитъ дочь Киприды.

Я попробую передать эту, дѣйствительно, нѣсколько затруднительную строку.

Только я не признаю не риѳмованныхъ александрійскихъ стиховъ.

Приходится, конечно, кое-чѣмъ и пожертвовать: я бы не стоялъ за *Ceae*, *quaere modos* и *antro*. Послѣднее слово было, кажется, у Горація, довольно безцвѣтно:

sub antro въ родѣ *sub umbra*.

Кромѣ того, наша апперценція слова *пещера* совсѣмъ не та, что у римлянъ въ словѣ *antrum*. Въ результатѣ вотъ опытъ перевода:

Но, чтобъ *дары* тебя, шалунью, не сманили
О муза, *Неніи*, покинуть свой мірокъ
Шутливыхъ пѣсенъ, ты Діонину *по силѣ*
Поэту выбери *смычокъ*.

II, 3.

Г. Порфировъ даетъ къ переводу этой оды слѣдующее примѣчаніе:

«Въ этомъ стихотвореніи, посвященномъ другу Деллію, Горацій развиваетъ свою любимую тему, рисуя *идеалъ жизни*: пока живъ, пользуйся всѣми благами жизни».

Если гдѣ-нибудь, то при одѣ къ Деллію, такая грубо-неточная характеристика идеала Горація особенно неумѣстна.

Хотя въ предыдущей одѣ Горацій и развилъ очень искусно и умѣстно стоическую хрію, но чаще всего, конечно, онъ выражалъ своимъ артистическимъ словомъ Аристипповское ἔχει, οὐκ ἔχεται. Но при чемъ же тутъ *блага жизни?*

«Не къ благамъ жизни да склоняется сердце твое, такъ какъ они лишь бренное ея украшеніе: пока имѣешь, учись терять; въ счастіи учись страданію».

Aequa mens — *ἀταραξία* — безмятежность духа — вотъ въ чемъ заключалась истинная красота тонкой эпикурейской улыбки, для которой нужна была высокая культура, строгая работа надъ собой.

А развѣ нужна какая-нибудь философская школа, чтобы *пользоваться всѣми благами жизни?*

Самъ Деллій былъ мелкій политическій авантюристъ, издали мстившій Клеопатрѣ памфлетами, но не въ этомъ дѣло. Горацій обращается къ нему, какъ философскому единомышленнику, который долженъ показать mentem temperatam ab insolenti laetitia, въ качествѣ результата философской аскезы — этого требуетъ честь школы, секты.

Языкъ перевода 3-ей оды безцвѣтенъ и неточенъ.

Не забывай хранить въ *минуты жизни трудной* (т. е. всегда?)
Спокойствіе души, *счастливой же порой*
Воздержность въ радости чрезмѣрно-безразсудной.
Равно ты *смертенъ* (?), Деллій мой,

Печально ли (?) влачить всей жизни станешь годы
Иль лежа на лужкѣ, гдѣ *тишь и благодать.*

У Горація вовсе не то:

Aequam (поставлено не безъ умысла въ началѣ) memento rebus in *arduis* (контрастъ съ *aequam)*

servare mentem non secus in bonis (а не parare)
ab insolenti temperatam
laetitia, moriture Delli,
seu maestus omni tempore vixeris

т. е., какъ я понимаю 1-ую строфу (слѣдуя Пеерлькампу и Бентли, и не раздѣляя замѣчанія Шютца),

Душою *ровенъ* будь, когда пришлося *круто*:
Не даромъ, Деллій мой, пока ты счастливъ былъ,
Веселья дерзкаго обуздывалъ ты пылъ,
Всѣ жребіи одна сравняетъ намъ минута,
Угрюмо-ль дни твои текли, *какъ на подборъ.*

I, 4.

Г. Порфировъ пишетъ въ примѣчаніяхъ: «Горацій, путемъ историческихъ примѣровъ, *убѣждаетъ нѣкоего Ксантія изъ Фокиды не стыдиться* своей любви къ Филлидѣ, рабынѣ-служанкѣ» и ниже:

«*Двѣ послѣднія строфы*, (?) конечно, имѣютъ лишь значеніе безобидной шутки».

Едва-ли многіе рѣшатся видѣть дидактизмъ въ этой шутливой одѣ, гдѣ иронія красиво оттѣняется юморомъ послѣдней строфы (Горацій вспоминаетъ о своихъ сорока годахъ). Если шутку видѣть въ двухъ послѣднихъ строфахъ только, то, пожалуй, предметомъ ея оказывается Филлида — это уже совсѣмъ плохо.

II, 6.

Въ послѣдней строфѣ Гораціанское favillam calentem, т. е. еще не остывшій пепелъ замѣнено *бреннымъ* пепломъ. Конецъ и этой оды пропадаетъ, какъ столькихъ одъ у г. Порфирова.

II, 7.

Про боговъ сказано, что ихъ *не пріемлетъ сырая могила* — ничего подобнаго, конечно, не могло быть у Горація.

II, 12.

Испорченъ конецъ (двѣ строфы):

num tu quae tenuit dives Achaemenes,
aut pinguis Phrygiae Mygdonias opes,
permutare velis crine Licymniae
plenas aut Arabum domos,
cum flagrantia detorquet ad oscula
cervicem aut facili saevitia negat
quae poscente magis gaudeat eripi
interdum rapere occupat.

Г. Порфировъ не понялъ картины:

Ужли бы отдалъ ты за пышный блескъ царей
Востока иль за *тукъ* (?!) всѣхъ пажитей фригійскихъ
Иль за сокровища чертоговъ аравійскихъ
Хоть *волосокъ* ея кудрей (?!!)
Въ тотъ мигъ, когда она для страстнаго лобзанья
Закинетъ голову (?!) иль, *на призывъ нѣма* (?),
Но втайнѣ радуясь, *не слушаетъ признанья*
И поцѣлуетъ вдругъ сама.

Волосокъ ея кудрей совершенная безсмыслица. Рѣчь идетъ не о какомъ-то *культѣ* любимаго существа, а объ интенсивности наслажденія; crinis — волосы въ собирательномъ смыслѣ, въ моментъ, когда, оторвавшись въ какой-то непонятной дикости отъ поцѣлуевъ любовника, Ликимнія *отворачивается* (cervicem detorquet) и его flagrantia oscula попадаютъ на эти волосы. Ихъ золотой цвѣтъ и роскошная густота вызываютъ на сравненіе съ сокровищами Ахемена, Мидаса фригійскаго (нашего переводчика смутило слово *pinguis*, — отсюда несчастный *тукъ*) или Арабовъ

(intacti (= pleni) thesauri Arabum). Между тѣмъ дикость Ликимніи — только инстинктивно примѣняемое ею средство еще болѣе разжечь своего друга, а въ борьбѣ мимоходомъ и самой сорвать поцѣлуй, защищаясь или мстя.

Cum въ началѣ строфы какъ бы объединяетъ всѣ три момента detorquet.. negat.. occupat (такъ я читаю съ Бентли), и эти моменты, заходя одинъ въ другой, даютъ очаровательное, мелькающее сочетаніе, которое я, однако, признаю себя не въ силахъ передать стихами. Полная негодность перевода г. Порфирова на лицо.

II, 13.

Въ 4-ой строфѣ.

Пунійскій мореходъ
Дрожитъ входя въ Босфоръ, а *глядь* судьба слѣпая
Нежданно и *не здѣсь* несчастіе несетъ.
Не понимаю, на чтó же *глядь*, если *не здѣсь*.

II, 14.

У г. Порфирова *Постумій* вм. Постумъ (какъ и у Фета, будто nomen gentis то же, что cognomen).

Жизнью святой
Морщинъ не замедлишь — выраженіе странное.

Въ послѣдней строфѣ.

А *ловкій* наслѣдникъ осушитъ цекубское
Что сотней замковъ охранялъ ты всегда,
И на полъ прольетъ онъ вино драгоцѣнное,
Какого и жрецъ не пивалъ никогда.

(У Фета — смышленый, но у Горація *dignior*: это слово нельзя измѣнять — въ немъ соль пьесы)

absumet heres Caecuba *dignior*
servata centum clavibus et mero
tinguet pavimentum superbo
pontificum potiore cenis.

т. е., въ размѣрѣ г. Порфирова,

но съ полными риѳмами:

Струею Цекуба тобой затаенною
Окрасить наслѣдникъ помосты дворца:
Достойный тебя онъ упиться *надменною*,
Какой баловалъ ты едва-ль и жреца.

II, 16.

Совершенно не удалась 7-ая строфа.

У Горація читается такъ:

(ст. 25 слл.)

laetus in praesens animus quod ultra est
oderit curare et amara lento
temperet risu: nihil est ab omni
parte beatum.

Г. Порфировъ переводитъ

Кто *веселъ каждый мигъ* (?) не тяготится думой
Что будетъ впереди, а въ *горестной бѣдѣ*
Спокойнымъ смѣхомъ онъ *разсѣетъ день угрюмый*:
Нѣтъ счастья полнаго нигдѣ.

Здѣсь стерты чисто Гораціанскія черты, и изображеніе является неточнымъ и шаблоннымъ.

Веселъ каждый мигъ — есть ли такой кузнечикъ, не то что человѣкъ?

lento risu, какъ превосходно объяснилъ Кисслингъ, не обозначаетъ ни *задушевности* смѣха, что было-бы совершенно неестественно, ни *легкомыслія* человѣка, который равно: detrimenta, fugas servorum, incendia ridet, — рѣчь идетъ объ усмѣшкѣ человѣка, который много испыталъ et qui fait bonne mine à mauvais jeux, такъ какъ сознаетъ и несовершенство и мимолетность того, что людямъ кажется счастьемъ.

II, 17, 15 сл.

День гонитъ день *другой*, кипитъ *круговоротъ*, (?!)

И новая луна спѣшитъ къ ущербу съ ними, (?).

Не понятъ текстъ.

II, 20, 6 сл.

Не понято

non ego quem vocas,
dilecte Maecenas,

Кого возлюбленнымъ зовешь ты, Меценатъ.

III, 1, 33 слл.

Вотъ рыбы чувствуютъ, — стѣснилася пучина
Отъ *вторгшихся* въ моря *воздвигнутыхъ* громадъ:
Для *ненасытнаго землею* властелина
Подрядчиковъ рабы *щебенкой дно* бутятъ.

Далѣе:

Забота... таится *въ сѣдлѣ*...
громоздитъ порталъ.

2, вторая строфа и далѣе:

Тогда-то глядя въ бой съ *враждующей* стѣны
Невѣста — дочь царя — съ царицею блѣдны
Промолвятъ, трепетно вздыхая:
Ахъ, только бъ не вступилъ женихъ *нашъ* слабый (?) въ бой
(rudis agminum)
Съ львомъ страшнымъ, *если кто* его при встрѣчѣ тронетъ,
Чей кровожадный гнѣвъ его въ пылъ сѣчи гонитъ
Неудержимо *за собой* (?)

Это *черновикъ* перевода, а не переводъ. Какъ это можно гнать *за* собой?

III, 3.

Въ примѣчаніи читаемъ: «Содержаніе — похвала справедливости и неустрашимости. Только путемъ этихъ добродѣтелей можно бы достигнуть *вожделѣннаго общенія съ небожителями.* Въ справедливости — сила и процвѣтанія государствъ. Пренебреженіе справедливостью причина паденія ихъ».

Вмѣсто этого общаго и ничего не объясняющаго мѣста, было бы полезнѣе объяснить читателю центральныя слова оды:

«dum longus inter saeviat Ilion
Romamque pontus».

Въ связи съ планомъ Цезаря и мечтой Антонія о перенесеніи столицы.

Хотя переводъ этой оды сдѣланъ и внимательно, но онъ мало обработанъ. Вотъ, напримѣръ, послѣдняя строфа.

И хоть трижды возстанетъ стѣна, возведенная
Феба *дланями* (?!) трижды *отъ* (?) Грековъ моихъ
Ниспровергнется, трижды *троянка плѣненная*
О супругѣ восплачетъ и дѣтяхъ своихъ. (?).

III, 4.

Невозможно передана предпослѣдняя строфа:

Исправляя явную опечатку
гнетъ вмѣсто *гнететъ*,

читаемъ:

Земля со скорбію *гнететъ* своихъ *чудовищъ*
И тужитъ о *сынахъ*, *кого* Зевесъ послалъ
Въ Оркъ блѣдный молніей; огонь *быстротекущій*
Гнетущей Этны не пожралъ.

III, 6.

Третья строфа:

Монэзъ и *съ нимъ* Пакоръ два наши нападенья
Богамъ противныя
(non auspicatos-sine auspiciis susceptos) съ успѣхомъ *отбивалъ* (невозможно ед. ч. !)
И скудныя свои мѣшая украшенья
Съ добычей пышною, въ восторгѣ ликовалъ...

Въ такомъ видѣ эта строфа во 1) непонятна; во 2) неправильно передана.

Монэзъ и Пакоръ, повидимому, отличались въ разныхъ сраженьяхъ (Cf. Mommsen, Mon. Anc. 125; ap. Kiessl. p. 245): Пакоръ въ 714 г., а Монэзъ въ 718, такъ что *а съ нимъ* — произвольно; во-вторыхъ, *torquibus exiquis* вовсе не *скудныя украшенья*, это στρεπτοί — цѣпочки, игравшія роль орденовъ.

3) *Богамъ противныя* тоже слишкомъ сгущено — сраженья только были начаты *безъ ауспицій*.

Я бы перевелъ такъ:

И дважды, то Монэсъ, то Пáкоръ подъятыя
Безъ бога Римскія знамена осмѣялъ:
Значками нашими отличьемъ добытыя
Цѣпочки скромныя украсивъ, врагъ сіялъ.

II, 8.

Конецъ переданъ до крайности небрежно

И весело лови *даръ быстраго мгновенья* (?!)
Оставь свой *гнетъ* (?)
dona praesentis cape laetus hora
linque severa.

III, 9.

(carmen amoebaeum)
multi Lydia *nominis*
Воспѣтая *громко* тобою.

Какъ будто всѣ оды о Лидіи сливаются въ одну.

Пятая строфа:

Что если былая вернется любовь,
Разбредшихся вѣчнымъ союзомъ сближая,
И русую Хлою *опять* (?) покидая
Открою *для Лидіи* (?) двери я вновь...

quid si prisca redit Venus
diductosque iugo cogit aeneo,
Si flava excutitur Chloe,
reiectaeque patet ianua Lydiae.

Но во 1) «Разбредшихся» нельзя сказать про двоихъ; во 2) откуда же видно, что Горацій *ужъ измѣнялъ* Хлоѣ? въ 3) Lydiae едва ли dativus. Дѣйствіе должно происходить передъ окномъ Лидіи. Не Лидія же приходитъ пѣть къ Горацію серенаду, а ученикъ Хлои приходитъ къ Лидіи отъ своей учительницы, которая

dulcis docta modos et citharae sciens.

Прощенья надо выпрашивать Горацію, а не Лидіи, ей принадлежитъ и послѣднее слово.

Сохраняя ритмъ г. Порфирова, я сказалъ бы

А что какъ былая любовь наяву
Ярмомъ разлученныхъ да мѣднымъ поборетъ,
А что какъ я возжи у Хлои порву,
(вспомнимъ выше me nunc
Thressa *regit Chloe* — непремѣнно
такъ (чтеніе Пеерлькампа): т. е.
Хлоя водитъ меня на возжахъ)
Забытая жъ Лидія двери отворитъ?. .

Одинъ курьезъ: вмѣсто *Өурійца* (отъ Θούριοι) г. Порфировъ пишетъ *Туринца*.

Въ родѣ этого въ слѣдующей одѣ —

Не Пенелопой же родилась неизмѣнной
Ты отъ *Таррентскаго* отца вм. *Тирренскаго*.

Въ этомъ же родѣ.

Въ 12-ой одѣ *Венера* называется *Цитерой*, а *Нирей* (красавецъ Нирей!) совсѣмъ некстати обратился въ *Нерея*.

III, 12.

Начало

Miserarum est neque amori dare ludum neque dulci
malo vino lavere aut exanimari metuentis
patruae verbera linguae.

Доля дѣвушекъ злосчастныхъ ни любви не отдаваться,
Ни топить въ винѣ отрадномъ грусть, *иль* послѣ волноваться,
Вдругъ какъ дядя забранитъ.

Дѣло въ томъ что aut здѣсь вовсе не *или* а *въ противномъ случаѣ*, *иначе*

(Cf. III, 24,24 peccare nefas, *aut* pretium est mori) *exanimari* менѣе всего значитъ *волноваться*.

«Вдругъ какъ дядя *забранитъ*»

требовало бы объясненія.

III, 15.

Переводъ неудаченъ

Вотъ начало:

Жена разореннаго Ивика!
Пора, наконецъ, отъ распутства отстать,
Забыть про *уловки безстыдныя*:
Вѣдь смерть за плечами

fige modum — у насъ есть вполнѣ соотвѣтствующая метафора — *поставить точку;* famosis laboribus вовсе не безстыдныя уловки, — это скорѣе *муки* туалета, которыя уже всѣмъ извѣстны, и ихъ нельзя скрыть

pour réparer des ans l'irréparable outrage.

Совершенно не поняты слова Горація ст. 8 сля.

filia *rectius*
expugnat iuvenum domos,
pulsa Thyias uti concita tympano:
illam cogit amor Nothi
lascivae similem ludere capreae.

Г. Порфировъ переводитъ:

Знай, дочь
Скорѣе проникнетъ въ домъ юношей
Вакханкой безумной при звонѣ въ тимпанъ.
Пусть страсть ея къ Нøту безумствуетъ
Рѣзвушкой-козой *на привольѣ полянѣ.*

Я понимаю слова Горація иначе: *съ большимъ*

твоя беретъ приступомъ двери юношей, точно вакханка, которую раздражили удары гулкой мѣди. Вѣдь ее играть, какъ похотливую козу, заставляетъ любовь къ Ноѳу (эта страсть сильнѣе ея).

III, 16.

Переводъ *совершенно необработанъ:*

Чѣмъ больше кто себѣ *откажетъ*, *приметъ столько*
Отъ вышнихъ: *къ ничего* не жаждущимъ стремлюсь
Я въ лагерь *голый самъ*...

или

Однако я далекъ отъ бѣдности гнетущей:
Желалъ-бы, въ большемъ ты не отказалъ бы мнѣ.
(т. е. Желай я ?)
Сдержавъ лишь страсть свою, себя сдержать могущій,
Доходъ умножу въ тишинѣ
Вѣрнѣй...

III, 19.

Кто воду *грѣть займется*:
трехъ сестеръ
Обнявшихся *четою* (?!) голой.
Я *ненавижу* жадныхъ *дланей*.

III, 20.

Переводъ неудаченъ:

Не видишь развѣ, Пирръ, какъ страшно и *какъ трудно*
У *дикой* львицы брать изъ логовища львятъ?
Мигъ и — помчишься ты *сразившись безразсудно*, (?)
По[illegible]ъ трепетный назадъ.

Гор[illegible] *брать трудно*, ни *сразившись безразсудно*.
[illegible] *брать* безразсудно, а сражаться *трудно*
то[illegible]

[illegible] *quanto*[illegible]

[illegible] — Неа[illegible] pugnae (у г. Порфирова

невѣрно — *рѣшитель* боя) въ знакъ презрѣнія наступившій на пальмовую вѣтку — плохо удалась г. Порфирову.

Онъ обнаженною *на пальму сталъ ногою.*
Хоть бы какое-нибудь объясненіе!

III, 21, 14 сл.

tu sapientum
curas et arcanum iocoso
consilio retegis Lyaeo,

т. е. ты, открывая, отдаешь на жертву шутнику Ліэю (Вакху узорѣшителю) мысли и затаенныя *соображенія* (да!) мудрецовъ.

у г. Порфирова совсѣмъ не то

Порой раскрываешь
Съ шутливымъ Ліэемъ *тревоги,* читаешь (?)
У хитрыхъ (?) всѣ *тайны невѣдомыхъ* думъ.

При чемъ тутъ *тревоги* и *хитрые?* Рѣчь идетъ о философѣ Корвинѣ, котораго Горацій хотѣлъ бы подпоить и проситъ объ этомъ боговъ, а наипаче *piam* testam.

III, 22.

Женъ *трижды молящихся* въ мукахъ родовъ *ter vocata*
Не измѣняя ритма, можно спасти смыслъ:
трижды взывающихъ.

III, 23.

Если къ жертвеннику *косныя* притронутся десницы,
Вѣдь не лучше пышной жертвою онѣ
Умягчатъ пенатовъ гнѣвныхъ, чѣмъ ячмень благочестивыхъ
Иль крупинки соли скачущей въ огнѣ.
И это стихи!

Ода превосходна объяснена проф. Зѣлинскимъ. И все-таки г. Порфировъ называетъ Фидилу *поселянкой* (?) а *immunes* переводитъ какимъ-то *косныя* (!)

III, 24.

Переводъ не обработанъ.

Отдѣльныя выраженія странны:

Пусть *сотретъ* онъ *разнузданность*, *надуваетъ* друзей, *горы безчестныя*.

III, 25 17 сл.

nil parvum aut humili modo
nil mortale loquar

Ни обыденнаго, иль *низкими стихами* (?),
Ни *смертнаго* я пѣть не буду.

И это Горацій!

Я понимаю мѣсто иначе:

Отнынѣ ничего *ничтожнаго*, ни слова
Что *въ уровень съ землей*, ни замысла, чтобъ былъ
Онъ *всякому* доступенъ.

«*Вѣнчающій* чело зеленою *лозой*»

Какимъ это образомъ?

Языкъ III, 27 не обработанъ.

Вотъ сравненіе Фетовскаго перевода этой трудной и красивой оды съ новымъ.

Ст. 25 слл.	Фетъ.
Sic et Europe niveum doloso	Тамъ и Европа быку чародѣю,
credidit tauro latus et scatentem	Ношу довѣривъ роскошнаго тѣла,
belluis pontum mediasque fraudes	Въ морѣ объята толпою чудовищъ,
palluit audax	Вдругъ поблѣднѣла.
nuper in pratis studiosa florum est	Въ полѣ цвѣты собиравшая прежде
debitae Nymphis opifex coronae	Нимфѣ въ вѣнокъ благовонія полный

nocte sablustri nihil astra praeter	Только и видитъ при сумракѣ ночи
vidit et undas	Звѣзды да волны.

Г. Порфировъ.

Послушай: нѣкогда довѣрила Европа
Коварному быку свой бѣлый *станъ*, но *вдругъ* (?)
Блѣднѣя, смѣлая увидѣла, что бездна
Чудовищъ тьмой кишитъ вокругъ.

т. е. выходитъ: будто не успѣла она *довѣрить*, какъ увидѣла бездну и чудовищъ —

Въ лугахъ *сбиравшая* цвѣты еще недавно
И нимфъ *дарившая* обѣщаннымъ вѣнкомъ
Въ чуть *брезжущей* ночи не видитъ *ничего-то*
Помимо звѣздъ да волнъ кругомъ.

Странно сочетаніе предложеній далѣе:

О если бъ *слышали мое желанье* боги,
Теперь одной межъ львовъ блуждать.

IV, 2.

Переводъ написанъ какимъ-то страннымъ тономъ: торжественная рѣчь сбивается на слащаво идиллическую. Вотъ конецъ оды:

И какъ пойдетъ онъ въ тріумфѣ торжественномъ.
— «Слава о, слава! — нашъ кличъ многогрозной
Хлынетъ и *взыдетъ* къ богамъ благодѣтелямъ
Дымъ ароматный.
Десять быковъ ты заколешь съ моленіемъ,
Столько жъ телицъ; я — бычка молодого:
Отнятъ отъ матери бродитъ средь *пастбищъ*
Онъ *заливного.*
Рожки его — будто *рожки* у мѣсяца,
Трижды всходящаго вновь надъ землею (?),

Лобъ съ бѣлоснѣжною *лысинкой*, весь же онъ
Рыжій собою (?!)

IV, 3.

Когда прохожій *мановеньемъ* (?)
Укажетъ на меня.
О Муза, рыбамъ безсловеснымъ
Пѣснь лебединую *могущая* внушить.

IV, 4.

Строфы несогласованы между собою, напр.:
Точь въ точь *какъ козочка*, чье все вниманье *травка*,
Лужайки свѣтлыя, вдругъ видитъ средь полей
Льва, отнятаго лишь отъ желтогривой львицы,
И ждетъ погибели своей,
Такимъ увидѣли у Друза винделики...

А вотъ переводъ 49 ст.

dixit que tandem perfidus Hannibal
cervi, luporum praeda rapacium,
sectamur ultro quos opimus
fallere et effugere est triumpus.

Тогда то Ганнибалъ промолвилъ вѣроломный
«Олени, злыхъ волковъ добыча — *мы идемъ*,
«*Мы сами лѣземъ* къ тѣмъ, кого избѣгнуть только
Должно явиться торжествомъ.

Нѣкоторыя строфы IV 4-й и 5-й нельзя даже понять безъ текста.

IV, 4.

Такъ Рима молодежь росла и возвышалась,
Въ счастливыхъ подвигахъ и храмы, отъ враговъ
Отъ пунновъ (sic!) пострадавъ, въ разгромѣ беззаконномъ
Возстановили (?) вновь боговъ (?!)

IV, 5.

Какъ юношу, кого *застигъ* въ Карпатскомъ морѣ,
Сверхъ срока *задержалъ* завидующій Нотъ,
Далеко отъ семьи родимой на просторѣ,
Мать безпокойно *ждетъ* и *ждетъ*.

IV, 6, 9 слл.

ille mordaci velut icta ferro
pinus aut impulsa cupressus Euro
procidit late posuit collum in
pulvere Teucro.

У г. Порфирова.

Но какъ подрубленная острымъ топоромъ,
(діэреза?)
Сосна иль кипарисъ, что вырванъ бурей злою
Онъ *тяжко рухнулся*, и на брегу чужомъ
Склонился *долу* головой
(это рухнувши-то!)

Картина *широко разметавшагося стройнаго Ахилла, у котораго шея тонетъ въ троянскомъ прахѣ*, очевидно, не рисовалась передъ г. Порфировымъ.

Еще страннѣе переводъ

37 слл.:

rite Latonae puerum canentes,
rite crescentem face Noctilucam
prosperam frugum celeremque pronos
volvere mensis.

Начнемте отрока Латоны величать,
И дѣву полночи въ сіяніи лампады,
Кто ростъ даетъ плодамъ и *властна измѣнять*
Бѣгущихъ мѣсяцевъ плеяды (?!)

Откуда эта несообразность?

IV, 7.

immortalia ne speres, monet annus et almum
quae rapit hora diem

т. е.

не надѣйся на безсмертіе: объ этомъ напоминаетъ тебѣ годъ, объ этомъ твердитъ тебѣ и часъ, похищая день.

А у г. Порфирова.

Нѣтъ безсмертія *здѣсь* — *учитъ* время (?) тебя
День за днемъ благодатнымъ губя.

Конецъ пятой строфы совершенно не понятъ переводчикомъ.

cuncta manus avidas fugient heredis, *amico*
quae dederis *animo*.

Г. Порфировъ переводитъ:

Лишь уйдетъ отъ наслѣдника жадныхъ когтей,
Что дашь *другу* при жизни своей.

Но вѣдь здѣсь не *amico*, а *amico animo* — грецизмъ φίλον ἦτορ = свое сердце — самъ.

IV, 7.

Переводъ небреженъ.

Вотъ конецъ первой строфы и вторая:
а самый лучшій даръ
Тебѣ бы, если мнѣ принадлежать *могли бы*
Работы Скопаса, Паррасія творцовъ.
Тотъ (?) краской жидкою, *другой* изъ твердой глыбы
Творятъ (?!) искусные то смертныхъ, то боговъ.

Это *настоящее время* совершенно необъяснимо.

Хоть бы примѣчаніе.

Далѣе

sed non haec mihi vis, nec tibi talium
res est aut animus deliciarum egens.

ст. 9 сл.

Но *нищъ я*, и тебѣ, я знаю, — безъ сомнѣнья (?)
Амфоры съ чашами *не любы, не нужны*
Слишкомъ не точно, и гдѣ же res?

IV, 9.

Переводъ небреженъ. Вотъ начало:

Ne forte credas interitura, quae
longe sonantem natus ad Aufidum
non ante volgatas per artis
verba loquor socianda chordis.

Не думай, нѣтъ, что стихъ, на лирѣ пѣтый мною,
Питомцемъ Ауфида, что далеко *гудетъ*,
Стихъ неисторженный ничьей еще рукою
Въ потомствѣ, можетъ быть, умреть.

А гдѣ же *verba loquor?*.

IV, 11.

Крылатый конь...
Примѣръ суроваго урока (?)

IV, 12.

Курьезныя строчки въ началѣ 5-й строфы
И *крошка баночка его достать всесильна* (!?)
Въ сульпицкихъ погребахъ тебѣ *кувшинъ вина*.

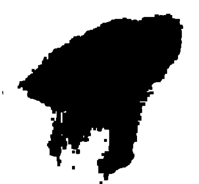
IV, 14.

Переводъ небреженъ.

Вотъ, напр., 8-ая строфа.

Такъ Клавдій къ варварамъ въ желѣзные отряды
Ворвался натискомъ неудержимымъ *вдругъ*
Переднихъ, заднихъ всѣхъ косилъ онъ безъ пощады,
Тѣлами долъ покрылъ вокругъ.

Здѣсь рядъ плеоназмовъ, прибавленъ какой-то *долъ*, покрытый *вокругъ*, между тѣмъ *vasto* не переведено; *sine clade victor* тоже.



На стр. 204 нѣсколько странное примѣчаніе: «Божества рѣкъ *вслѣдствіе рева волнъ* изображались во образѣ *быковъ*».

Если бы вопросы художественной миѳологіи, дѣйствительно, рѣшались такъ просто!

Въ Carmen saeculare

41 слл.

Тѣ, кому въ пламени Трои пылавшей
Правилъ Эней безупречный, отчизну свою переживвшій
(sine fraude? или castus?)
Путь по свободной стихіи, иную судьбу прозрѣвавшій
Лучшую бывшей.

Неясно безъ текста, съ текстомъ неточно.

Напрасно прибавлено про молитву Августа *Съ искренней вѣрой* (у Горація ни намека).

Совершенно не переданъ римскій колоритъ

ст. 66 слл.

remque Romanam Latium felix
alterum in lustrum meliusque semper
prorogat aevum
Онъ Рима могучее счастье
И благоденствіе наше (?) продлитъ до поры отдаленной
Полный участья (?).

ВЫВОДЫ.

1. Г. Порфировъ работалъ, повидимому, довольно много и надъ текстомъ Горація, и надъ структурой стиха, но часть своей работы издалъ слишкомъ рано (особенно много одъ въ послѣднихъ двухъ книгахъ), — это черновики прилежнаго и добросовѣстнаго переводчика, но не только не поэтическіе, а иногда едва ли даже литературные переводы.

2. Тринадцать одъ переведено хорошо и одъ пятнадцать посредственно, въ остальныхъ отмѣчается или небрежность языка, необработанность стиха, или недостаточное углубленіе въ текстъ.

3. Повидимому, г. Порфировъ руководствовался главнымъ образомъ Лукіаномъ Миллеромъ; я не замѣтилъ у него пользованія Кисслингомъ и Шютцемъ: эти книги, особенно Кисслингъ, предохранили бы его отъ многихъ промаховъ. Напрасно также г. Порфировъ не воспользовался полнѣе переводомъ Фета, т. е. не считался съ несомнѣнной поэтической интуиціей своего предшественника.

4. Языкъ г. Порфирова въ общемъ проще Фетовскаго, но зато и безмѣрно прозаичнѣе его. Особенно часты у него плеоназмы, которые придаютъ стилю переводчика безцвѣтность. Зато у него мало неологизмовъ и нѣтъ провинціализмовъ.

5. Довольно часто страдаетъ въ стихахъ г. Порфирова благозвучіе.

6. Тщательное изученіе труда г. Порфирова убѣдило меня въ *полной добросовѣстности* переводчика, т. е. въ томъ, что онъ старался какъ можно *полнѣе* и *точнѣе* передать Горація, *не фантазируя* и не увлекаясь личнымъ творчествомъ, и также въ его несомнѣнной любви къ Горацію. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, а также лестное мнѣніе о трудѣ г. Порфирова нашего маститаго знатока Горація, И. В. Помяловскаго, я, съ своей стороны, считалъ бы возможнымъ ходатайствовать передъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ о почетномъ отзывѣ для г. Порфирова.

И. Анненскій.

VIII.

М. Гюйо. Стихи философа. Переводъ И. И. Тхоржевскаго. 1901 г. С.-Петербургъ.

Два вопроса неизбѣжно возникаютъ при оцѣнкѣ каждаго переводнаго литературнаго труда: заслуживаетъ ли перевода предлагаемое читателямъ произведеніе и вѣрно ли передано его содержаніе? — и насколько приближается къ подлиннику и вообще насколько совершенна форма передачи оригинала?

Скончавшійся въ 1888 г. въ возрастѣ тридцати трехъ лѣтъ, отъ издавна подтачивавшей его силы чахотки, Гюйо, сознавая скудость «судьбой отсчитанныхъ дней», наполнилъ ихъ неустаннымъ и разнообразнымъ трудомъ. Сочиненія его, вызвавшія рядъ толкованій и критическихъ очерковъ, между которыми особенно замѣчательны статьи Альфреда Фуллье, руководившаго юношескимъ воспитаніемъ покойнаго философа, — касаются глубочайшихъ вопросовъ *личной и общественной нравственности* (La Morale d'Epicure, — la Morale anglaise contemporaine, — Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction), *задачъ искусства* (Les problèmes de l'Esthétique contemporaine, — L'Art au poinde vue sociologique), *вопросовъ воспитанія* (Hérédité et Education) и *метафизическихъ* изслѣдованій (La génèse de l'idée de Temps и L'Irréligion de l'Avenir). Всѣ она изложены блестящимъ

и, подчасъ, увлекательнымъ языкомъ, всѣ они проникнуты оригинальностью и смѣлостью мысли, увѣренной въ своихъ силахъ и безбоязненной въ своемъ полетѣ къ жадно-искомой правдѣ.

Сильный интересъ, возбужденный трудами Гюйо повсюду, особенно въ Италіи и Англіи, создалъ ему почетную извѣстность, какъ мыслителю, который, принимая со стоическимъ спокойствіемъ неизбѣжность безповоротнаго уничтоженія *личнаго* существованія, радостно вѣритъ въ *безсмертіе добра и истины*, составляющихъ наслѣдіе человѣчества, пріобщить къ которому свою долю исполненнаго долга и осуществленной любви дано каждому человѣку. Поэтому и появленіе его стихотвореній, изданныхъ подъ названіемъ *«стиховъ философа»*, возбудило къ себѣ живѣйшее вниманіе. Подобно В. С. Соловьеву, но лишь систематичнѣе и въ болѣе широкихъ рамкахъ, онъ изложилъ свое философское міросозерцаніе въ поэтическихъ образахъ и картинахъ, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, доступнымъ и понятнымъ бо̀льшему числу читателей.

«Стихи философа», раскрывая внутреннюю работу мысли автора, посвящаютъ читателя въ его задушевныя мечты, надежды и страданія и, безъ сомнѣнія, заставляютъ внимательнѣе вдуматься въ вопросы, стучащіеся въ душу современнаго человѣка и тревожащіе ее. Даже и не соглашаясь съ авторомъ, можно многому научиться отъ него въ смыслѣ ясной постановки и способа разрѣшенія такого рода вопросовъ. Гюйо не могъ не предвидѣть замѣчанія, что абстрактныя построенія философіи не созданы для языка стиховъ. Но это его не смущало. «Самый глубокій смыслъ», говоритъ онъ, «принадлежитъ часто самымъ простымъ словамъ». Философія нашего времени стремится разъяснить смыслъ человѣческаго бытія и назначенія, — но къ этому же постоянно стремилась и религія, которая всегда была однимъ изъ величайшихъ источниковъ поэзіи. Поэтому, отчего же поэзіи не быть выразительницею философскаго мышленія? Почему не пытаться отыскивать *ту же* истину — только подъ другой формой и другими путями, и при непремѣнномъ условіи настой-

чиваго стремленія къ вѣрности мышленія, искренности ощущенія, естественности и точности выраженія...

«Стихи философа» распадаются на четыре книги: Мысль, Любовь, Искусство и Природа и Человѣчество. Это раздѣленіе не выдержано однако вполнѣ, и стихи одной книги нерѣдко вплетаются въ другія книги, слѣдуя приливу и отливу мысли автора, возвращающейся къ одному и тому же вопросу и лишь освѣщающей его съ новой стороны. Исканіе правды, хотя бы эта правда и была куплена цѣною жизни, всегда связано у Гюйо съ сомнѣніемъ. «Сомнѣніе» — говоритъ онъ — «есть долгъ мыслящаго человѣка — le Devoir du Doute — и оно останется въ моемъ мятежномъ сердцѣ, пока на землѣ будетъ существовать страданіе». Онъ рано начинаетъ вглядываться въ людскую скорбь — и, несмотря на свою молодость, приходитъ въ ужасъ отъ того равнодушія, съ которымъ люди относятся къ чужому личному горю причемъ, по словамъ русскаго поэта, «безъ слезъ имъ горе не понятно, безъ смѣха радость не видна». Вотъ какъ онъ описываетъ такое отношеніе къ личному горю:

Садъ — цѣлый лѣсъ почти — взбѣгалъ густой дубравой
На холмъ, гдѣ нѣкогда былъ замокъ величавый;
За садомъ — кладбище; они раздѣлены
Лишь каменной стѣной, и блещетъ съ вышины
Одинъ и тотъ же день — надъ чуткими листами,
Надъ мраморомъ гробницъ и строгими крестами.
Безъ цѣли я бродилъ въ саду, дыша весной,
Любуясь зеленью; вдали, передо мной,
Шла тихо женщина подъ темными вѣтвями —
Слегка дрожавшими, неровными шагами...
Что было съ ней? — какъ знать? лица я не видалъ.
Вдругъ рѣзкій трепетъ въ ней мгновенно пробѣжалъ;
Казалось, что она смѣется — нервно, сухо.
Ускорилъ я шаги; отрывисто и глухо
Вновь звуки хохота какъ будто донеслись;
Вокругъ все вмѣстѣ съ ней смѣялось, и лились
Рулады звонкія съ акацій и орѣха;
Закрыла пальцами лицо она отъ смѣха...

Я ближе подошелъ — и вдругъ увидѣлъ тутъ,
Что слезы у нея межъ пальцами текутъ...
Я понялъ: горькій плачъ былъ этимъ смѣхомъ страннымъ
И эта женщина въ саду благоуханномъ
Шла съ кладбища.

Слеза, дрожащая въ очахъ,
Рыданіе, какъ смѣхъ звенящее въ ушахъ,
И только — вотъ печаль! вотъ все, что намъ открыто
Тамъ, гдѣ, быть можетъ, жизнь, гдѣ сердце все разбито!
Лишь въ этихъ призракахъ на мигъ мы узнаемъ
То безконечное, что горемъ мы зовемъ!
Всю силу радости, всю глубину мученья
Намъ можетъ выразить лишь нервовъ сотрясенье;
Бездушный воздухъ намъ лишь звукъ передаетъ;
А что въ немъ вырвалось, — скорбь, радость... Онъ скользнетъ
И, неразгаданный, умолкнетъ, замирая.
Исчезла женщина въ аллеѣ, — все рыдая,
Рыдая безъ конца. Внушала ужасъ мнѣ
Живая эта скорбь! Я думалъ въ тишинѣ:
Вѣкъ одинокіе, хотя весь вѣкъ съ другими,
Какъ страшно сердцемъ мы привыкли быть глухими!
Всѣмъ, даже мнѣ чужда, — ушла она, скорбя...
Ушла!... и съ грустью я почувствовалъ себя
Такимъ заброшеннымъ людьми и небесами,
Что и мои глаза наполнились слезами!

Постоянная борьба человѣка за существованіе, вѣчная жертва имъ собою за дневное пропитаніе — вызываютъ у Гюйо рядъ прекрасныхъ и прочувствованныхъ стихотвореній, между которыми особенно выдѣляется озаглавленное «Роскошь» и описывающее красавицу, въ сонной грезѣ постигающую мрачный контрастъ между блескомъ сапфировъ и жемчуговъ на ея груди — и картиной физическихъ мученій, сопровождающихъ ихъ добываніе, ради куска хлѣба, при чемъ, когда она просыпается, каждый перлъ сорваннаго ею съ себя колье кажется ей *застывшею слезой*. — Не менѣе отягощаетъ его душу и властно приковываетъ къ себѣ его вниманіе безконечная цѣпь страданій,

пережитыхъ и переживаемыхъ всѣмъ человѣчествомъ отъ ожесточенной борьбы политическихъ страстей и отъ войнъ. Отзывчивостью къ такимъ страданіямъ полны его четыре стихотворенія на извѣстныя группы Микель Анджело во Флоренціи. Вотъ одно изъ нихъ — «Вечеръ»:

Нѣтъ силъ, онъ изнемогъ; напрасный конченъ бой:
Поникъ челомъ къ землѣ, безсильно свѣсивъ руки,
Поверженный герой, — разбитый, полный муки, —
И въ грудь усталую вползаетъ мракъ ночной.
Онъ преданъ! Гдѣ же Богъ, — Богъ истины святой!?
Не хочетъ вѣрить онъ. Но меркнутъ упованья.
Какъ небеса, предъ нимъ грядущее темно.
— И нѣтъ забвенія! и прошлыя страданья
Все ярче, все страшнѣй!... Увы! такъ суждено:
Тамъ, гдѣ ужъ *нѣтъ надеждъ, насъ ждутъ воспоминанья.*

Воспоминаніе о тяжкихъ для Франціи дняхъ войны 1870—71 гг., когда казалось, что «погибли навсегда отечество и справедливость», заставляетъ его оплакивать живучесть ненависти и страшную плодовитость несправедливости и зла, рождающихъ себѣ подобныхъ. Онъ спрашиваетъ себя, когда же наступитъ вѣкъ, которому суждено разорвать этотъ роковой кругъ?

Когда, какой народъ откроетъ міру новый,
Широкій горизонтъ и остановитъ кровь?
Не знаю я; но все, мой трудъ, мою любовь
Несу заранѣе великому народу.
О, будь благословенъ! ты призванъ міръ спасти, —
Ты долженъ знаменемъ взять Право и Свободу
И человѣчность къ намъ съ собою принести! *(Война).*

Смущенная тѣмъ, что приходится видѣть и вокругъ, и сквозь даль вѣковъ, — увлекаемая «долгомъ сомнѣнія», мысль поэта ищетъ найти разрѣшеніе своихъ тревогъ въ идеалахъ высшаго порядка, стоящихъ внѣ времени и пространства. Но она не вступаетъ въ эту область довѣрчиво и робко, а вооруженная все тѣмъ же сомнѣніемъ, ищущимъ «солнца правды» во что бы то

ни стало. Это исканіе истины изображено Гюйо въ трогательномъ стихотвореніи:

Капля росы пріютилась
Ночью подъ спящимъ листкомъ
И, съ пробудившимся днемъ,
Грустно безъ солнца томилась.

«О, если бъ только могла я
Видѣть сверкающій день!»
Капля шептала, вздыхая,...
«Если бъ покинуть мнѣ тѣнь!»

Капля разсталася съ тѣнью;
Рвется она къ упоенью,
Къ солнцу, восторга полна, —

Солнце ей смерть посылаетъ
И въ небеса улетаетъ
Струйкою пара она.

Я, какъ росинка ночная, —
Хрупкій, дрожащій алмазъ, —
Страстно томлюсь, призывая:
Свѣтъ! заблести мнѣ хоть разъ!

Вѣчной измученъ я тьмою,
Правды я, — солнца хочу!
Жадно стремлюсь я душою
Вверхъ къ золотому лучу.

Вѣра моя и святыня
Ты, лишь, о Правда-богиня!
Дай же взглянуть на себя!

Знаю: приносишь ты горе...
Можетъ быть, смерть въ этомъ взорѣ...
— Что жъ! Толькобъ увидѣть тебя!

(Сладкая смерть).

Однако, поэтъ «сынъ скептическаго вѣка» и поэтому изъ своего «трансцедентальнаго полета» онъ возвращается съ разбитыми надеждами.

Какъ лиственница — вдругъ, съ наставшею зимой
Вся, съ первымъ вечеромъ, уборъ листвы веселой
Роняетъ трепетно на землю подъ собой
И на зарѣ стоитъ уже нѣмой и голой, —
Такъ сразу всѣ мечты ребяческихъ годинъ,
Надежды, чаянья — передо мной смущеннымъ
Осыпалися вдругъ на сердцѣ потрясенномъ;
И я остался нагъ, покинутый, одинъ
Подъ небомъ сумрачнымъ, подъ вѣтромъ разъяреннымъ.
Но дерево стоитъ и, мужество храня,
Все съ той же силою стремится къ выси гордо...
Такъ продолжаю я смотрѣть на небо твердо,
Хоть небо пусто для меня.

(Лиственница).

Но лиственница, «смотря на небо твердо», все же корнями упирается въ землю. На землю приходится спуститься и поэту и на ней искать себѣ опоры. На землѣ, кромѣ личныхъ и человѣческихъ страданій, есть личное счастье, любовь, искусство, безмятежность созерцанія. Въ книгѣ, носящей названіе — «Любовь», — особенно сказывается нѣжная и тонкая душевная организація поэта. Не матеріальная, преходящая, хотя и яркая сторона любви привлекаетъ его мысль и чувство. *Единеніе* упорныхъ стремленій и горячихъ порывовъ, единеніе радостей и страданій, составляющее, съ теченіемъ времени, неразрываемую страницу воспоминаній — является предметомъ его мечты, а неосуществимость его — причиной его скорби. Еще во вступленіи къ *«стихамъ философа»* онъ пишетъ:

Сердце полно боязни, и сладкой и смутной;
Такъ влюбленный, раскрывши объятья свои,
Вдругъ смущается, полонъ тревоги минутной,
Видя цѣпи любви.
Но зачѣмъ этотъ страхъ? Или высшее счастье
Не узнать на землѣ ни любви, ни цѣпей?
Нѣтъ! гдѣ сердце у сердца встрѣчаетъ участье,
Тамъ живется вольнѣй!

(Servus Apollo).

Въ рядѣ прелестныхъ стихотвореній — (напр. «При отблескѣ очага», «Къ серебряной свадьбѣ», «Еще при отблескѣ очага») онъ рисуетъ теплыми красками тихія радости семейной жизни и неувядаемость красоты — при условіи неувядаемости чувства.

Она смотрѣла вдаль и, мужа поджидая,
Стояла у дверей; а на нее, блуждая,
Ложились отблески: то огонекъ внутри
Пылалъ на очагѣ, врываясь въ сумракъ ночи.
Бѣлѣлъ высокій станъ, свѣтились нѣжно очи,
И вся была она — прекраснѣе зари.
Чтобъ разглядѣть ее, поближе я подкрался,
И я увидѣлъ въ ней — поблекшія черты.
Коснулось время ихъ, и только слѣдъ остался
На нихъ отъ прошлаго, отъ прежней красоты.
Но отблескъ очага, мѣняя впечатлѣнье,
Преображалъ ее, какъ нѣжный ореолъ;
И воскресало вновь волшебное видѣнье,
И снова юность въ ней, любуясь, я нашелъ.
— Я думалъ: «можетъ мнѣ такой она казаться,
А мужу кажется всегда она такой;
Въ ея лицѣ должны скользить и отражаться,
Какъ пламя, отблески ихъ страсти молодой.
Съ любовью смотритъ онъ, — и все ему въ ней мило:
Вѣдь красота другой — она у насъ въ очахъ;
Всѣ прелести ничто, когда любовь остыла;
А теплится любовь, — и вѣчно, до могилы
Сіяетъ молодость на дорогихъ чертахъ!
Когда живутъ вдвоемъ, другъ друга обожая,
Мужъ и жена весь вѣкъ, — имъ прошлое блеститъ,
Бросаетъ лучъ на нихъ и, все преображая,
Зарею юности чело ихъ золотитъ».

Ему кажется, что «великая любовь увѣрена въ себѣ», что, когда говорится «на вѣкъ!» и «все для тебя», то люди......

Входятъ въ жизнь довѣрчиво и нѣжно,
И распускается въ ихъ сердцѣ молодомъ
Безсмертная любовь безхитростнымъ цвѣткомъ.

Для нихъ грядущее, какъ небеса безбрежно,
Какъ небеса свѣтло...

Спрашивая судьбу: удастся ли ему расцвѣсть измученной душой *въ такой гармоніи* — Гюйо, въ своихъ грезахъ, рисуетъ черты той, которая можетъ и должна дать ему счастье.

Любовь! вѣдь ты «сильна, какъ пламя»,
«Сильна, какъ смерть», — въ глазахъ людей;
Какое жъ ты поднимешь знамя
Въ душѣ возлюбленной моей?

Зажжешь ли въ ней мои стремленья?
И, страстью насъ соединивъ,
Сольешь ли наши настроенья
Въ одинъ восторженный порывъ?

И, замечтавшися, — порою —
Мы съ нею будемъ ли вдвоемъ
Парить въ безбрежности душою,
И божество себѣ найдемъ?

— О, незнакомка дорогая,
Кому я грезы эти шлю,
Кого люблю, еще не зная,
Дай мнѣ найти въ тебѣ, молю,

Духъ благородный и прекрасный,
Открытый истинѣ святой,
Какъ солнца лучъ — прямой и ясный
И столь же теплый и живой!

(Лица и Души).

Проникнутыя сильнымъ субъективнымъ элементомъ, прекрасныя по формѣ и музыкальности, стихотворенія: «Близко и далеко» и «Подъ окномъ», написанныя во Флоренціи, указываютъ, что поэту показалось, что онъ нашелъ, наконецъ, ту, которую «любилъ еще не зная». Онъ жалѣетъ, что нельзя пѣть, какъ когда-то «*при всѣхъ* — тебя люблю я» и тоскуетъ, что «пора тревожиться, страдать — для ясныхъ глазокъ не настала»; — и онъ проситъ деревья, травы и сѣрыя скалы разсказать *ей*,

какъ онъ ввѣрялъ имъ наполнявшую его душу мечту любви къ ней.

О, блескъ природы необъятной,
Во всемъ глубокій и простой,
Слети къ намъ лаской благодатной
И ей любовь мою открой! —

Но наступаетъ горькая дѣйствительность.. Оказывается, что въ изящныхъ формахъ нѣтъ идеи, — что не найти Пигмаліона, который вложилъ бы душу въ одну изъ многочисленныхъ «игрушекъ салона» и заставилъ бы ее стать женщиною. «Для бѣдной правды нѣтъ дороги — ни въ ваше сердце, ни въ вашъ храмъ!» восклицаетъ онъ въ негодованіи.

О, хрупкая прелесть видѣнья,
Какъ быстро разбилася ты!
Одно роковое мгновенье —
И нѣтъ предо мной красоты!

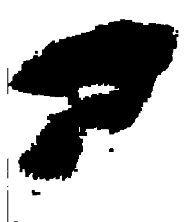
И больно за эту потерю,
И рвется на части душа!
Гляжу на нее и не вѣрю:
Она ли была хороша?

Отъ глазъ этихъ, нѣкогда милыхъ,
Въ испугѣ бѣжать я готовъ,
И вызвать опять я не въ силахъ
Созданія собственныхъ сновъ.

Я вижу, что въ жизни плачевной
Обманчиво все, какъ мечта...
Лишь нѣжности, силы душевной
Не лжетъ никогда красота!

О, еслибъ душа въ ней сквозила!
Тогда бы, какъ солнечный свѣтъ,
Въ ней сразу любовь воскресила
Всю прелесть былую... но нѣтъ!

Въ душѣ ея пусто и нѣмо,
И взоръ любопытныхъ очей
Не вспыхнетъ, какъ счастья поэма,
Алмазами чудныхъ лучей!



О, гдѣ ты, моя дорогая?
Свиданья наступитъ ли часъ?
— Оставьте меня: вы — другая,
Искалъ и любилъ я не васъ!

(Поэзія и дѣйствительность).

Книга заканчивается проникнутымъ скорбью сравненіемъ:

Въ ручьѣ, словно пѣны клочекъ бѣлоснѣжный,
Мелькаетъ перо, колыхаясь въ волнахъ...
Остатокъ крыла, — окровавленный, нѣжный, —
Кто могъ тебя выронить тамъ, въ небесахъ?

Не знаю. Все ясно въ лазури пустынной;
Молчитъ и смѣется, блестя, небосклонъ...
— Что-жъ грудь моя сжалась въ тоскѣ безпричинной?
Какою утратой я втайнѣ смущенъ?

Умчалось, исчезло перо въ отдаленьи...
Бѣгите жъ и вы, мои грезы любви,
Всѣ старыя слезы, всѣ думы, стремленья, —
Вы — тоже разбитыя крылья мои!

(Разбитое крыло).

На разбитыхъ крыльяхъ нельзя подниматься въ область мечтаній о личномъ счастіи — и поэтъ, оставляя ихъ навсегда и не вглядываясь болѣе въ окружающую его жизнь, съ ея темными сторонами и роковыми загадками, подобно Фаусту во второй части трагедіи, ищетъ успокоенія въ искусствѣ.

«Какъ мраченъ этотъ міръ для взоровъ мудреца!
Но для поэта онъ — какъ полонъ обаянья»
. . . .
На взглядъ прекрасенъ міръ; онъ словно сновидѣнье;
Все — даже горе въ немъ — артисту нѣжитъ глазъ.
Жизнь — драма стройная; — а въ драмѣ наслажденье
И видъ пролитыхъ слезъ доставитъ намъ подчасъ...

Задачи художника и поэта представляются ему особенно привлекательными. Онъ обрисовываетъ ихъ смыслъ и значеніе въ стихотвореніи «Berceuse»:

Несется громкій плачъ изъ дѣтской колыбели.
Но прибѣгаетъ мать и, обласкавъ сынка,
Наивной пѣсенкой, простой, какъ звукъ свирѣли,
Безсвязно-нѣжною, какъ вздохи вѣтерка,
Баюкаетъ дитя, и плачъ его стихаетъ,
— Сердечко лишь дрожитъ, вздымая грудь слегка, —
И, улыбаясь ей, ребенокъ засыпаетъ.
О, дѣти бѣдныя! вы всѣ въ глухую ночь
О жизни плачетесь, и душатъ васъ рыданья, —
Ктожъ, какъ не мы, пѣвцы, сумѣетъ вамъ помочь?
Кто убаюкаетъ въ васъ горькое страданье?
Мы къ вамъ склоняемся, и голосъ нашъ звучитъ,
Какъ эхо дальнее, вамъ лаской неподдѣльной.
О, пѣснь поэзіи, — будь пѣснью колыбельной:
Она сердца людей такъ сладко усыпитъ!
Дай любящимъ тебя твой миръ, успокоенье,
И на дѣйствительность рѣсницы ихъ закрой!
— Одно искусство здѣсь, одно лишь вдохновенье,
Какъ смерть могучее, намъ можетъ дать забвенье
И улыбнуться намъ безсмертія мечтой!

Мысль о примиряющемъ значеніи искусства «свѣтлаго и великодушнаго», однако, не долго врачуетъ душу поэта. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ неразгаданности будущаго, отъ тревогъ дѣйствительности и отъ горькихъ воспоминаній прошлаго. Цвѣты, выростающіе подъ вліяніемъ мимолетнаго вдохновенія, увядаютъ слишкомъ быстро и *вчерашніе стихи* ничего уже не говорятъ сердцу, которое нѣмо для *вчерашнихъ чувствъ*. Не помогаетъ и обращеніе къ тихимъ радостямъ безмятежнаго созерцанія. Въ стихотвореніи «Спиноза» — чуткое и живое сердце Гюйо отказывается найти успокоеніе въ яркой, но холодной, какъ осеннее солнце, философіи этого мыслителя, ищущаго на землѣ «не явленій, а причинъ». Поэту хочется «вѣрить этому разумному покою», «но, — заявляетъ онъ», звучитъ во мнѣ сомнѣніе порою:

Тотъ, кто сумѣетъ все понять и все простить
И кто негодованью чуждъ — тотъ можетъ ли любить?»

Жизнь представляетъ слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ — и «difficile est satyram non scribere». Поэтому Гюйо отдаетъ сатирѣ свою дань, то облекая ее въ добродушный юморъ (*«Благодарность»)*, то въ злую и бичующую иронію, направленную противъ людской глупости и рабской слѣпоты (*«Намордникъ»)*.

Примирившись съ недостижимостью личнаго счастья, поэтъ все болѣе и болѣе чувствуетъ свое родство со всѣми людьми и невозможность отмежевать свою жизнь отъ общей жизни природы и человѣчества. Спокойно наслаждаясь красотою первой и сливаясь съ послѣднимъ, Гюйо, въ порывѣ своего *пантеистическаго альтруизма*, говоритъ:

Принадлежать себѣ никто не въ состояньи;
Онъ безъ другихъ ничто. Въ природѣ всѣ равны,
Всѣ тайно связаны и въ цѣпь заключены;
Мы всѣ ея одной, всесильной, достоянье!
Я расцвѣтаю самъ съ довѣрчивымъ цвѣткомъ,
Я самъ надъ розой вьюсь съ влюбленнымъ мотылькомъ...
Быть можетъ, въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
Незримой общностью страданій и любви!
Мое — не чуждо вамъ, всё ваше — мнѣ родное,
И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое!...

Успокаивая свою неустанную въ анализѣ и исканіи мысль— созерцаніемъ природы и вѣрою въ постепенное совершенствованіе человѣчества, Гюйо повторяетъ иногда, въ формѣ стиховъ, возвышенныя страницы своего «Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction». Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній («Genetrix hominumque deumque», «Въ пути на югъ», «Въ Провансѣ», «Овернскій пейзажъ», «Лунный свѣтъ» и т. д.) онъ наслаждается сіяніемъ «вѣчной красы — равнодушной природы», рисуя яркія картины:

Земля, раскаленная, дышетъ огнемъ;
Надъ нею струятся, дрожатъ испаренья;

За мыслью несвязной слѣжу я съ трудомъ:
Мнѣ голову кружитъ туманъ опьяненья;
Я пьянъ безъ вина — опьяненъ я тепломъ.
О, сколько здѣсь солнца! Горитъ, пламенѣетъ
Безоблачный сводъ, — ослѣпителенъ онъ!
А тамъ, въ отдаленьи, то море синѣетъ;
Тамъ, глубже, чѣмъ небо, другой небосклонъ
Застылъ, безпредѣльный, и густо темнѣетъ.

(Въ Провансѣ).

А позади встаетъ изгибами вершины
Далекая гора, теряясь въ облакахъ,
Какъ завершеніе взволнованной долины,
Успокоеніе нашедшей въ небесахъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ этой категоріи онъ смотритъ на страданіе человѣка, какъ на школу, дающую знанье, на страданія человѣчества, какъ на долгую работу для будущаго счастья. Думая о вѣчныхъ трудовыхъ усиліяхъ людей, онъ описываетъ цвѣтокъ агавъ — алоэ, вырастающій во всей красѣ, нежданно, изъ темной, грубой и огромной листвы. Подобно ему, должны найти себѣ осуществленіе лучшія мечты человѣчества:

«О, человѣчество! вѣками
Пригвождено къ нагой скалѣ,
Ты, втайнѣ, бредишь небесами,
Ты все тоскуешь на землѣ.
. . . .
Ты ждешь, съ любовью молчаливой
Скопляя соки на землѣ;
Но идеалъ твой горделивый —
Вѣдь онъ взовьется въ вышинѣ?
Да! Мы согнулись надъ землею,
Но для тебя — цвѣтокъ мечты!
Чтобъ могъ раскрыться ты съ зарею
Во всемъ сіяньи красоты!

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе стихотворныхъ произведеній Гюйо, гармонически замыкающихъ въ поэтическомъ синтезѣ кругъ его философскихъ трудовъ. Интересные сами по себѣ, они пріобрѣтаютъ особое значеніе для русскаго читателя тѣмъ, что въ отдѣльныхъ звеньяхъ ихъ цѣпи часто звучатъ тѣ же выстраданныя мысли, тѣ же наболѣвшіе вопросы, которые встрѣчаются во многихъ стихотвореніяхъ Пушкина, Тютчева, Некрасова и, въ особенности, Лермонтова.

Поэтому, отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ выше вопросовъ долженъ быть, по моему мнѣнію, утвердительный. Г. Тхоржевскій ознакомилъ русскую читающую публику съ достойною вниманія и содержательною книгою, появленіе которой на нашемъ языкѣ можно привѣтствовать, какъ новый поводъ къ серьезному и вдумчивому мышленію и къ художественному наслажденію.

Переходя къ вопросу о вѣрности передачи содержанія «Стиховъ философа», надо замѣтить, что вообще мысль автора въ каждомъ стихотвореніи передана вѣрно и притомъ съ необходимой, въ виду нѣкоторой отвлеченности текста, ясностью. Есть, однако, въ этомъ отношеніи, и недостатки. Сюда относится, встрѣчаемая нерѣдко, замѣна утвердительной формы, употребляемой авторомъ, вопросительною, что нѣсколько умаляетъ силу выраженій послѣдняго. Затѣмъ иногда переводчикъ, передавая вполнѣ вѣрно смыслъ оригинала, уже слишкомъ отступаетъ отъ возможной точности въ передачѣ словъ автора. «Quel est donc ce caprice étrange, o ma pensée,... de venir ainsi palpitante et froissée—t'enfermer dans un vers?» спрашиваетъ Гюйо въ «Servus Apollo». «Отчего это, мысль моя, прихотливо... къ тропинкѣ стиха приближаясь пугливо, робко просишь цѣпей?» переводитъ г. Тхоржевскій. Еще болѣе сильное отступленіе отъ оригинала въ стихотвореніи «Близко и далеко», несмотря на прекрасную передачу настроенія автора. «Такъ близко мы — въ моемъ стремленіи — и далеко! Что сердца слабыя біенья! Въ

груди сокрытымъ глубоко — имъ не внушить тебѣ волненья! И близко мы — въ одно мгновенье — и далеко!» передаетъ переводчикъ слѣдующую строфу автора: «Que nous sommes loin l'un de l'autre — étant si près! Mon coeur bat à coté du vôtre: jusqu'a vous en vains je voudrais — enfler ses battements muets. Que nous sommes loin l'un de l'autre, étant si près...» — Въ стихотвореніи «Сомнѣнье—долгъ» — пропущена, значительная по смыслу, строка: «Heureux le coeur mobile où tout glisse et s'efface», хотя въ остальномъ переводъ безупреченъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается даже бо́льшею силою, чѣмъ подлинникъ. Тѣмъ же свойствомъ, къ слову сказать, отличается и переводъ «Вечера» въ четырехъ Флорентійскихъ группахъ. Въ «Горѣ поэта» авторъ говоритъ: «Lorsque je vois le beau, — je voudrais être deux», а въ переводѣ *прекрасное* замѣнено *искусствомъ* и говорится: «я наслаждаться имъ умѣю *лишь* вдвоемъ». Встрѣчается затѣмъ, хотя и рѣдко, у г. Тхоржевскаго замѣна словъ, идущая въ разрѣзъ съ точною мыслью автора. Такъ «*Justice*» онъ переводитъ, въ одномъ случаѣ, *Пра́вомъ*, въ другомъ *Свободой*. Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что превосходный и, почти, совершенно точный переводъ Гюйо отвѣта Микель-Анджело на эпиграмму Строцци, обращенную къ статуѣ *Ночи*, у г. Тхоржевскаго, такъ же, какъ у В. С. Соловьева, не отличается этимъ свойствомъ.

Микель Анджело:

Grato m'e il dormir e più l'esser di sasso
Mentrè chè il danno e la vergogna dura;
Non veder, non sentir m'è gran ventura;
Però non mi destar: deh! parla basso.

Гюйо:

Il m'est doux de dormir, plus doux d'être de pierre,
Tant que dure ici bas l'opprobre et la misère;
Ne rien voir, ni sentir, quel bonheur! Parle bas,
Oh! ne m'éveille pas!

Соловьевъ:

Мнѣ сладокъ сонъ и слаще камнемъ быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядѣть — одно спасенье...
Умолкни, чтобъ меня не разбудить.

Тхоржевскій:

Мнѣ сладко спать теперь, во времена паденья,
И слаще камнемъ быть. Какое наслажденье
Не знать, не чувствовать, не видѣть блеска дня!
О! Не буди меня!

Обращаясь, въ заключеніе, къ стихотворнымъ формамъ, въ которыя вылился переводъ «Стиховъ философа», необходимо признать, что разнообразіе размѣра, строгое его соблюденіе, богатство и легкость риѳмы и общее изящество перевода, сдѣланнаго съ очевиднымъ стараніемъ и любовью, дѣлаютъ его вполнѣ достойнымъ оригинала. Есть нѣсколько — очень немного — неудачныхъ риѳмъ [картинной — корзиной (стр. 57); въ моемъ стремленьѣ — въ одно мгновенье (стр. 74); явленій — отдаленьи (стр. 113); весенній — колѣни (стр. 108)] и выраженій — напр.: «дыханье нѣдръ твоихъ (природы) раздутыхъ» (стр. 74). Но они тонутъ въ общей легкости, мелодичности и стройности стиха. Этотъ стихъ отлично передаетъ и строгость думы, и глубину настроенія Гюйо, который показалъ, что поэзія можетъ воплотить въ образы то, что переживается живою философскою мыслью, являющеюся не только результатомъ холодныхъ наблюденій ума, но и потребностью сострадающаго сердца.

Въ виду изложеннаго я полагалъ бы почтить переводъ «Стиховъ философа», сдѣланный И. И. Тхоржевскимъ, при присужденіи Пушкинской преміи — почетнымъ отзывомъ отъ Императорской Академіи Наукъ.

Почетный Академикъ **А. Кони.**

IX.

Т. Щепкина-Куперникъ. — Мои Стихи. 1901 г.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ. — Изъ женскихъ писемъ. Стихотворенія. Москва, изд. Д. П. Ефимова.

Представившая на соисканіе Пушкинской преміи два сборника «Мои Стихи» и «Изъ женскихъ писемъ» г-жа Щепкина-Куперникъ — не начинающая писательница. Кромѣ вышепомянутыхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, и перепечатки болѣе раннихъ изданій, извѣстны въ литературѣ довольно многочисленныя сочиненія того же автора въ прозѣ, а также переводы драматическихъ произведеній Ростана, Гауптмана и Метерлинка. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ дарованіемъ, вполнѣ уже опредѣлившимся, о которомъ можно, стало быть, произнести окончательное сужденіе.

Содержаніе поэзіи г-жи Щепкиной-Куперникъ довольно разнообразно. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ звучатъ и гражданскіе мотивы, и философскія мысли, и лирика любви. Въ сборникѣ «Мои стихи» цѣлый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Странички жизни» посвященъ повѣствовательному роду поэзіи. Къ той же категоріи должны быть отнесены во второмъ сборникѣ стихотвореніе «Старая Сказка» и нѣкоторые отрывки «Изъ женскихъ писемъ». На-

конецъ, въ той же книжкѣ помѣщенъ переводъ изъ Ростана: «Прелестный часъ».

Если бы разбору подлежали всѣ вышедшіе въ печати труды г-жи Щепкиной-Куперникъ, я, при опредѣленіи ихъ художественнаго достоинства, на первомъ мѣстѣ поставилъ бы труды переводные, послѣ нихъ — сочиненія въ прозѣ; а затѣмъ, уже на послѣднемъ мѣстѣ, самостоятельныя произведенія въ стихахъ.

Къ сожалѣнію, г-жа Щепкина-Куперникъ представила на соисканіе Пушкинской преміи только послѣднія, а въ нихъ несомнѣнный и симпатичный талантъ писательницы является въ наименѣе выгодномъ для себя освѣщеніи. Умная и тонкая *наблюдательница жизни*, отзывчиво относящаяся къ современнымъ ея запросамъ, г-жа Щепкина-Куперникъ совершенно лишена того, трудно опредѣлимаго словомъ, но весьма опредѣленно ощутимаго свойства творчества, которое въ просторѣчіи называется *поэтичностью.* Ея звучные, гладкіе и въ большинствѣ случаевъ довольно правильные стихи производятъ, почти сплошь, впечатлѣніе риѳмованной прозы, изобилующей притомъ иностранными словами и уменьшительными, — что придаетъ имъ нѣсколько фельетонный характеръ съ примѣсью сантиментальности. Писательница съ одной стороны не останавливается передъ частымъ употребленіемъ такихъ словъ, какъ электричество, автомобиль, телефонъ, водевиль, штемпель, экстазъ и т. п. до эксплуатаціи включительно, а съ другой стороны пестритъ свою рѣчь выраженіями: глазки, ручонки, лобикъ, звѣрьки, дѣвчурка, лавченка и проч. У г-жи Щепкиной-Куперникъ вполнѣ отсутствуетъ — если такъ можно выразиться — поэтическій тактъ, т. е. чувство, которое останавливаетъ поэта передъ употребленіемъ слова, отзывающагося прозаизмомъ. Писательница совершенно свободно даетъ напр. такія изображенія:

Неяснымъ свѣтомъ чуть озарена,
Изъ-подъ большого абажура
Въ зеленомъ сумракѣ виднѣлася фигура
Склоненной женщины... (Старая Сказка);

или:

Я голову *кладу къ тебѣ на грудь*,
И мы молчали, чтобы счастья не спугнуть,
Пронизаны какимъ-то жгучимъ токомъ;
Но сжавъ меня сильнѣй, средь синей полутьмы,
Ты тихо шепчешь мнѣ: «Когда жъ пріѣдемъ мы?»
Одна твоя незначущая фраза —
И я уже полна безумнаго экстаза!
. . . .
. . . .
Какъ ярко въ сумракѣ глаза твои горятъ
И опаленныя *пересыхаютъ губы!*
Я вижу — *стиснуты твои невольно зубы*,
Прелестныхъ перловъ рядъ!
И ноздри нервныя твои слегка раздуты—
О, позабуду ли волненье той минуты!

(На станціи).

Свои картины и образы г-жа Щепкина-Куперникъ рисуетъ какъ бы не съ натуры, а съ воспроизведеній ея въ декадентской современной живописи, гдѣ, какъ извѣстно, преобладаютъ «лиловые туманы», «синія тѣни», «зеленые сумраки». Примѣрами странно-невѣрныхъ образовъ и эпитетовъ могутъ служить и такіе стихи, какъ:

На бархатѣ лазури млечный путь
Бѣлѣетъ яркой полосой жемчужной.
Въ лиловомъ сумракѣ заснувшаго купэ
Осталась я одна. . . .
Въ окна мерцаньемъ глядитъ утомленнымъ
Синій разсвѣтъ . . . .
И вноситъ прелесть чаръ *въ пейзажъ* смиренный тотъ
Поэзія небесъ и дивной ночи бѣлой.
О, сказка сѣвера, мечтательная ночь,
Съ твоею *призрачной загадочной улыбкой*,
Ты на водахъ Невы глядишься въ глади зыбкой,
Какъ будто бы боясь отъ нѣги изнемочь.

(Изъ лѣтняго альбома).

Кромѣ перечисленныхъ общихъ недостатковъ, повѣствовательныя произведенія г-жи Щепкиной-Куперникъ отличаются анекдотичностью и, такъ сказать, выдуманностью ихъ содержанія. Небольшія поэмы — Испытаніе, Изъ лѣтняго альбома, Дѣдушкинъ кисетъ, Цвѣтъ яблони, Рождественскій подарокъ, Пѣсенка дровъ и Христосъ — собранныя въ отдѣлѣ подъ общимъ заглавіемъ «Странички жизни» — именно *не странички жизни*, т. е. жизни дѣйствительной, нормальной, наблюдаемой въ ея обыкновенномъ теченіи, а скорѣе описанія необыкновенныхъ и даже мало вѣроятныхъ случаевъ, о которыхъ можно только сказать: мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ! Вся прелесть прозаическихъ разсказовъ г-жи Щепкиной-Куперникъ, заключающаяся въ тщательной рисовкѣ вѣрно схваченныхъ отдѣльныхъ штриховъ и тонко подмѣченныхъ подробностяхъ, исчезаетъ въ ея стихотворныхъ поэмахъ, такъ какъ передача такихъ штриховъ и подробностей въ стихахъ представляетъ даже для богато одаренныхъ и опытныхъ въ техникѣ стихотворства поэтовъ наибольшую трудность, преодолѣть которую г-жа Щепкина-Куперникъ очевидно не въ силахъ. Неудачная по построенію и языку, какъ бы вся скомканная, сцена встрѣчи героини съ покинувшимъ ее соблазнителемъ у «кроватки» умирающаго ребенка въ поэмѣ «Испытаніе» можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ повѣствовательномъ родѣ поэзіи дарованіе г-жи Щепкиной-Куперникъ не находитъ себѣ приложенія.

Все вышеизложенное приводитъ меня къ заключенію, что присужденіе г-жѣ Щепкиной-Куперникъ Пушкинской преміи, исключительно за представленные ею сборники стихотвореній, было бы недостаточно обосновано.

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

MATERIALIEN

ZUR

SÜDSLAVISCHEN DIALEKTOLOGIE UND ETHNOGRAPHIE.

II.

Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien,

GESAMMELT UND HERAUSGEGEBEN

VON

J. Baudouin de Courtenay.

S.-PETERSBURG.

BUCHDRUCKEREI DER KAISERLICHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.

1904.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 2.

МАТЕРІАЛЫ

для

ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

II.

Образцы языка на говорах Терских Славян в сѣверовосточной Италіи

собрал и издал
И. А. Бодуэн-де-Куртенэ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУК.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1904 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Девять лѣт тому назад вышел I-й том моих *«Матеріалов для южно-славянской діалектологіи и этнографіи»*, как изданіе 3-го, историко-филологическаго, Отдѣленія Императорской Академіи наук. Теперь, послѣ болѣе чѣм двухлѣтняго печатанія, появляется II-ой том, вошедшій в состав «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наук».

В I-ом томѣ я давал объясненія и перевод текстов на нѣмецком языкѣ; здѣсь же нѣмецкій язык замѣнен русским. Но для того, чтобы связать II-ой том с I-ым, я даю тоже и здѣсь как общее заглавіе, так и заглавія отдѣльных частей книги не только на русском, но и на нѣмецком языкѣ.

К текстам, записанным мною самим с уст народа в 1873 и 1901 г. и составляющим I-ую часть тома, мною приложены во II-ой части *«Чужіе матеріалы. Образцы языка и напѣвы, записанные другими лицами»*. Особенно слѣдует дорожить напѣвами, переданными любезно в мое распоряженіе г-жею Шульц-Адаевски (Ella von Schoultz-Adaïewski). Записанные ею резьянскіе мотивы служили настоящим украшеніем I-го тома моих «Матеріалов».

Собранные мною самим образцы терских говоров я перевел на русскій язык; записанные же г-жею Шульц тексты переведены ею или по французски, или же по италіански.

Всѣм, желающим пользоваться этим моим сборником, и вообще всѣм, интересующимся діалектологіей, я совѣтовал бы прочесть предисловіе («Vorrede») к I-му тому моих «Матеріалов для южно-славянской діалектологіи и этнографіи» (Санктпетербург, 1895). Сказанное там относится тоже вполнѣ к этому II-му тому.

К этому же II-му тому приложены такія же объяснительныя и дополнительныя прибавленія, как и к I-му тому. Нѣкоторыя однакож из помѣщенных в I-ом томѣ прибавленій (а именно «Tabellarische Uebersicht der zu den einzelnen resianischen Ortschaften gehörenden Nummern» и «Einige Lieder-Autoren») оказались здѣсь лишними. За то здѣсь приложена глава «*Относительная достовѣрность моих текстов*» (стр. XXVII—XXIX, §§ 49—53), которой, к сожалѣнію, нѣт в I-ом томѣ.

Странными и лишними могут показаться прибавленія: «*Отношеніе отдѣльных номеров печатнаго текста к тетрадям и страницам моих подлинных діалектологических записей*» и «*Хронологическая очередь номеров I-ой части*» (стр. 211—216). Не слѣдует однакож забывать, что вѣдь возможны «чудаки» и «педанты», желающіе провѣрять способ моего записыванія с уст народа и, затѣм, изданія записей. А так как мои оригинальныя записи переходят в собственность второго отдѣленія Императорской Академіи Наук и будут храниться в рукописном отдѣленіи библіотеки, то указаніе тетрадей и страниц моей рукописи может желающим как раз пригодиться.

«Предметный указатель» в этом II-ом томѣ (стр. 220—232) уступает, по достоинству отдѣлки, указателю («Index») I-го тома. Этот послѣдній, т. е. «Index» I-го тома, я позволяю себѣ считать очень хорошо составленным.

Из терских говоров, равно как и из всѣх других, мною изслѣдованных, имѣется в моих записях, кромѣ обнародованных образцов языка, тоже другой, болѣе или менѣе обильный, матеріал в видѣ отдѣльных слов, выраженій и т. д. Ими я здѣсь не воспользовался, так как они должны войти скорѣе в состав словаря или глоссарія, упорядоченнаго в алфавитном порядкѣ.

Печатаніе I-го тома длилось болѣе восьми лѣт, печатаніе этого II-го тома болѣе двух лѣт. А так как в моих записях имѣется матеріала на каких нибудь 10 (десять) таких томов, то, конечно, об их изданіи и помышлять нечего. Точно также нечего думать ни об изданіи словаря резьянских говоров, по которому у меня приготовлены кое-какіе матеріалы, ни о составленіи и изданіи списков слов и выраженій по другим изслѣдованным мною группам южно-славянских и др. говоров.

Этот II-ой том будет вѣроятно вмѣстѣ с тѣм и послѣдним. «Виною» — если вообще можно здѣсь говорить о винѣ — прежде всего мои личныя свойства: я умѣю в одно и то же время много начинать и только очень мало из начатаго доводить до конца. Затѣм, немаловажную роль играют так называемыя «неблагопріятныя обстоятельства». Мое положеніе таково, что я просто не имѣю права убивать столько времени на подобныя работы. Да это впрочем небольшая бѣда, так как на вряд ли издаваемые мною матеріалы и мои научныя изслѣдованія в этой области кому нибудь особенно нужны. Мнѣ же лично редактированіе діалектологических матеріалов, упражненіе в переводѣ их на нѣмецкій или же на русскій язык, да наконец цѣлый ряд утомительных корректур доставляют весьма сомнительное удовольствіе, т. е. не столько удовольствіе, сколько мученіе.

И. Б.-де-К.

Петербург, апрѣль 1904 г.

Объясненіе примѣненных мною сокращеній и знаков.

Erklärung der von mir angewandten Abkürzungen und Zeichen.

---

§ 1. Объясненіе нѣкоторых знаков дано в замѣткѣ, предшествующей текстам из деревни Brezja (стр. 17). Кромѣ того слѣдует помнить:

Мною примѣняются троякія скобки:

( ) для варіантов слов и выраженій, т. е. когда то, что предшествует скобкам, передано в скобках другим образом;

[ ] для прибавленій, для новых слов и выраженій, или же для объясненій того, что предшествует;

{ } для слов и выраженій лишних или же, по своей непонятности, подлежащих исключенію.

В угловатых скобках помѣщены тоже буквы, обозначающія «факультативность» данных звуков, т. е. их мыслимость без дѣйствительнаго произнесенія: №№ 24, 94, 102, 172 (см. ниже, § 46).

Между звѣздочками помѣщены в текстах, собранных в 1873 г., прибавленія, сдѣланныя в 1901 г., а именно:

(* *)—варіанты 1901 г., т. е. другой способ обозначенія того, что записано в 1873 г.,

[* *]—прибавленія и дополненія 1901 г. к записанному в 1873 г.

? или (?) выражают сомнѣніе или непониманіе, или же указывают на безсмысленность даннаго выраженія.

§ 2. Я позволил себѣ тоже нѣкоторыя нововведенія в употребленіи орѳографических знаков.

Всѣ слова и словечка, составляющія в общей сложности одно нераздѣльное синтаксическое цѣлое (синтаксическую единицу), я старался соединять посредством короткой черточки, tiret, напр.

Jàst-jòŋ-povjédàtь nò-pràvicŏ (№ 1).

Если же подобныя слова или словечка, составляющія по смыслу одно синтаксическое цѣлое, отдѣлены друг от друга другими словами, тогда мною примѣнены двойныя черточки, ⸗ ⸗ ;
напр. во фразах:

kòr mĭ-bòš⸗ tì twó ⸗pràvu (№ 5),
saŋ⸗ tlà-óku ⸗djèlu (№ 251),
nì-mə⸗ ūsta ⸗bolè (№ 261)

и т. п. слова и словечка

mĭ-bòš⸗ и ⸗pràvu,
saŋ⸗ и ⸗djèlu,
nì-mə⸗ и ⸗bolè

составляют одну синтаксическую единицу.

§ 3. По принятому вообще обычаю, постановка того же знака, только в обратном положеніи, и перед данным выраженіем и послѣ него, примѣняется только при кавычках:

„ “, « ».

Я же, слѣдуя весьма похвальному испанскому обычаю, примѣняю этот пріем, как в подлинных текстах, так и в русском пе-

реводѣ, тоже при знакѣ восклицательном и при
тельном:

¡ !
¿ ?

§ 4. В этом, II-ом, томѣ «Матеріалов дл
діалектологіи и этнографіи» я отказался от
отмѣчать особым шрифтом всѣ слова, явно
языков и говоров романских (прежде все
фурланскаго) и из языка нѣмецкаго. В I-
заимствованныя из романскаго языкового
сивом, слова же, перешедшія в говоры
среды, отмѣчены сначала готическим п
венным уставом, но с подчеркиваніем
ным шрифтом там отмѣчены архаиз
перь вышедшія из употребленія и
во II-ом томѣ, я отмѣчаю курсив
имствованныя цѣликом из ром
ліанскаго и фурланскаго), т. е
(не ассимилированныя) обп
только употребляемыя, так
с собственными словами г

Объясненіе употребл

Erklärung der v

§ 5. Мною
буквы, бе

a A
k K,
t T,

...ости хорватской и словинской,

...вующаго звонкаго согласнаго
...ое и великорусское южной діалек-
...корусское г в словах *господь*, *благо*,
...греческая буква

γ Г.

...реднеязычный звонкій, соотвѣтствую-
...ачается здѣсь буквою

ʒ.

...ѣется, что такое же отношеніе имѣется
...нетическими ассоціаціями

ʒ́ и ć

ǯ и č (см. выше, § 7).

ț Ț, ḑ Ḑ

...сь у меня ту же роль, которую в 1-ом томѣ «*Ма-*
...олняли сербскія буквы

ћ Ћ, ђ Ђ.

...дставленіем слѣдует сочетать (ассоціировать) пред-
... средне-язычных (палатальных) сжатых (смычных) со-
..., совмѣщающих в себѣ в сокращенных размѣрах эле-
... t (особое, своеобразное, среднеязычное t) и j, d и j. Про-
...еніе этих фонем колеблется в извѣстных предѣлах. Вслѣд-
... своей неопредѣленности онѣ то болѣе смахивают на средне-
... «сильносмягченныя» t′ и d′, без примѣси спирантнаго
...опять производят впечатлѣніе, для передачи кото-
... воспользоваться буквами

ć ʒ́.

ской, лужицких, т. е. всѣх, за исключеніем польской), с представленіем букв

š ž č ǯ

ассоціируется представленіе той переднеязычной работы, которой мы обязаны возникновеніем так называемых «шипящих» согласных, для которых в русской письменности, по свойственным ей графически-фонетическим ассоціаціям, имѣются графемы (представленія букв) *ш*, *ж*, *ч*, *щ* (= *шч*). Слѣдует замѣтить, что в произношеніи этих согласных в терских говорах слышится тоже извѣстная среднеязычность (палатальность, «мягкость»). С графемою ǯ сочетается представленіе согласнаго дифтонга звонкаго, соотвѣтствующаго глухому č; иначе можно бы передать этот дифтонг сочетаніем латинских букв dž, или же русских *дж*, на подобіе того как для обозначенія глухого дифтонга можно бы воспользоваться сочетаніями букв: лат. tš, русск. *тш*. Относительно самой буквы ʒ см. ниже (§ 10).

§ 8. Графема

l L

при передачѣ терскаго произношенія ассоціируется с представленіем не «твердаго» *л* русскаго произношенія, но с такою окраской этого своеобразнаго звука, какова ему свойственна в языках италіанском, нѣмецком (по господствующему произношенію), а из славянских в чешском (за исключеніем нѣкоторых говоров), в сербо-хорватском, во многих словинских говорах и в литературном словинском языкѣ, да кромѣ того во всѣх славянских говорах Италіи.

§ 9. Буквою

x

обозначается здѣсь не сочетаніе ks (*кс*) или gz (*гз*), но заднеязычный глухой спирант, ch, нѣмецкой, польской, чешской и лу-

жицкой письменности, h письменности хорватской и словинской, *x* письменности русской.

Для обозначенія соотвѣтствующаго звонкаго согласнаго (чешско-словацкое h, малорусское и великорусское южной діалектической полосы *г*, а общевеликорусское *г* в словах *господь*, *благо*, *Бога*) мною примѣнена здѣсь греческая буква

γ Γ.

§ 10. Согласный дифтонг переднеязычный звонкій, соотвѣтствующій глухому c (ts), обозначается здѣсь буквою

ʒ.

Само собою разумѣется, что такое же отношеніе имѣется между графически-фонетическими ассоціаціями

ʒ́ и ć

ǯ и č (см. выше, § 7).

§ 11. Буквы

ʇ Ꞁ, ɖ Ɒ

исполняют здѣсь у меня ту же роль, которую в 1-ом томѣ «*Матеріалов*» исполняли сербскія буквы

ћ Ћ, ђ Ђ.

С их представленіем слѣдует сочетать (ассоціировать) представленіе средне-язычных (палатальных) сжатых (смычных) согласных, совмѣщающих в себѣ в сокращенных размѣрах элементы t (особое, своеобразное, среднеязычное t) и j, d и j. Произношеніе этих фонем колеблется в извѣстных предѣлах. Вслѣдствіе своей неопредѣленности онѣ то болѣе смахивают на среднеязычныя, «сильносмягченныя» t′ и d′, без примѣси спирантнаго элемента, то опять производят впечатлѣніе, для передачи котораго можно бы воспользоваться буквами

ć ʒ́.

§ 12. У меня здѣсь встрѣчается нѣсколько видоизмѣненій буквы n:

n . . . . обыкновенное переднеязычное n (русское *н*),

ŋ . . . . среднеязычный (палатальный) сжатый (смычной) носовой (чешское ň, польское ń, сербское њ, русское *нь*);

ꞑ . . . . заднеязычный сжатый носовой (нѣмецкое ng, нѣмецкое n перед k или g, носовой элементъ польских ę и ą перед заднеязычными согласными и т. д.).

ņ . . . . С этою графемою ассоцiировано у меня представленiе одного только раскрытiя носовых полостей и звонкаго, фонетически цѣлесообразнаго пропуска воздуха в нос. Собственно говоря, этот носовой резонанс присоединяется к произношенiю предшествующаго гласнаго, так что сочетанiе буквы гласной с этою буквой ņ можно бы замѣнить особою буквой, обозначающей в общей сложности соотвѣтствующiй носовой гласный, в родѣ напр.

aņ = ą, eņ = ę, oņ = ǫ и т. д.

Если же вмѣсто особых знаков для носовых гласных я употребляю здѣсь сочетанiя знаков чисто ртовых гласных с буквою ņ, так это главным образом по техническим соображенiям, во избѣжанiе цѣлаго множества новых знаков (если принять во вниманiе необходимость обозначать тоже различную акцентовку и длительность гласных).

Из выше изложеннаго явствует, что буква

ŋ

может встрѣчаться у меня как перед буквами гласных того же слога, так и послѣ них. Двѣ же другiя буквы

ꞑ ņ

попадаются только послѣ букв гласных того же слога.

§ 13. Очень рѣдко примѣняемая греческая буква

φ

имѣет цѣлью указать на произнесеніе в данном мѣстѣ глухого чисто-губного (билабіальнаго) спиранта. Для обозначенія же соотвѣтствующаго ему звонкаго употреблена мною буква

w.

§ 14. Кромѣ того, по чисто техническим соображеніям, буквы

w j

примѣнены мною во всѣх тѣх случаях, гдѣ, по принятому теперь в лингвистической литературѣ обычаю, слѣдовало бы ставить буквы

u̯ i̯.

Таким образом, для обозначенія гласных дифтонгов, вмѣсто сочетаній букв

u̯o, u̯ɷ, ... , au̯, eu̯, ou̯ . . . . ,

i̯e, i̯ɛ . . . . , ai̯, ei̯, oi̯ . . . .

здѣсь примѣнены:

wo, wɷ . . . . , aw, ew, ow . . . . ,

je, jɛ . . . . , aj, ej, oj . . . .

Однакож у меня встрѣчаются тоже написанія в родѣ ƀėu 28, wuȍs 11 и т. п.

§ 15. Для обозначенія гласных среднеязычнаго сближенія или среднеязычнаго съуженія полости рта, у меня, кромѣ буквы i, обозначающей крайнее вокальное съуженіе (см. выше, § 6), употреблены три буквы:

e ɛ э.

Из них буквою

ɛ

передается узкое *е* (по французской терминологіи, *е* fermé), т. е. представленіе гласнаго, средняго между *i* и *е*; буквою же

э,

наоборот, широкое *е* (*е* ouvert), т. е. представленіе положенія языка, средняго между положеніем, свойственным гласному *е*, и положеніем, свойственным гласному *а*, точнѣе говоря: представленіе того крайняго удаленія средней части языка от твердаго неба, при котором еще возможно произнесеніе гласнаго с оттѣнком *е*.

Что же касается графемы (представленія буквы)

е,

то она ассоціируется или с представленіем дѣйствительно средняго *е* (*е* moyen), средняго между узким є и широким э, или же является общим символом средняго, не крайняго съуженія полости рта при производствѣ гласнаго, т. е. может замѣнять собою тоже є и э.

§ 16. К буквам

о ѻ ѡ

в области губного округленія или губного съуженія, сопровождаемаго вторичным побужденіем к заднеязычной дѣятельности, относится совершенно то же, что в области среднеязычной было сказано о буквах

е є э:

ѻ обозначает узкое *о* (*о* fermé)

ѡ » широкое *о* (*о* ouvert)

о » или среднее *о* (среднее между ѻ и ѡ) или же *о* вообще, какой бы то ни было ширины.

§ 17. К сожалѣнію, в примѣненіи к *е* и к *о* у меня нѣт послѣдовательности и не выдержана фонетическая точность. Вслѣдствіе этой неточности может случиться, что нетолько буквами

е и *о* передаются случаи, в которых по настоящему слѣдовало бы употребить *е* или *э*, ѻ или ѡ, но тоже буква *і* может замѣнять букву *е*, а буква *и* — букву ѻ.

Впрочем, надо замѣтить, что в текстах, записанных в 1901 г., и вообще в образцах языка, болѣе тщательно записанных и редактированных, различіе, с одной стороны, между і е е э, с другой же стороны между и ѻ о ѡ выдержано довольно послѣдовательно.

§ 18. Лиш нѣсколько раз употребленная буква

ȩ

указывает на произнесеніе «глухого» *е*, т. е. такого *е*, при котором язык лежит болѣе плоско, его конец не упирает в заднюю стѣнку нижней челюсти, но лежит на нижних зубах, приближеніе к небу производится болѣе позади языка, болѣе или менѣе там, гдѣ имѣется приближеніе при русском *ы*, губы же не раздвигаются, как при обыкновенном *е* (вмѣстѣ с *е* и *э*), но как будто немножко округляются. Как видно из всѣх записанных мною случаев (см. ниже, § 45), это ȩ слышалось только в соединеніи с *l* или же с предшествующим *k*. Очевидно я его отмѣтил далеко не во всѣх случаях.

§ 19. Буквами

ɩ̊ ɪ̊

обозначено у меня і (продолженное или же долгое с нисходящим удареніем), под конец расширяющееся и производящее впечатлѣніе коротенькаго е.

§ 20. Буквы

ь ъ

употреблены мною для передачи впечатлѣнія или воспоминанія от неполно, «глухо» произнесенных кратких е (узкое *е*, среднее между *і* и *е*) и ѻ (узкое *о*, среднее между *и* и *о*). Эти обѣ

буквы в сущности равнозначны с краткими е, о:

ь = ĕ, ь̀ = è,

ъ = ŏ, ъ̀ = ò.

§ 21. Буквы согласных с «острым удареніем», т. е. со знаком ʹ, а именно

ć ʒ́ ś v́ γ́ ĺ ḿ ḱ b́,

указывают на представленіе примѣси среднеязычнаго (палатальнаго, «мягкаго») элемента в их произношеніи. В сущности то же самое передано в других случаях с помощью маленькаго i, ^{i}, приставленнаго к буквѣ сверху с правой стороны:

s^{i} t^{i}.

Впрочем оба эти способа передачи впечатлѣнія среднеязычности у меня далеко не выдержаны, и на вряд ли в этих говорах это впечатлѣніе было на столько опредѣленное, чтобы нуждалось в письменном обозначеніи.

§ 22. Кромѣ того употребленіе маленькой надстрочной буквы указывает на весьма слабое впечатлѣніе от произнесенія соотвѣтствующей фонемы:

$^{\circ}$(ſ$^{\circ}$ ṫ$^{\circ}$),

^{i}(Bjěž^{i} 965, t^{i}è 728, 730), sòws^{i}i 728, 730),

^{s}(ś^{s}-špárala 879, ś^{s}-sam brúna 884).

Очень возможно, что случаи употребленія этих маленьких букв обусловлены самообманом, что в дѣйствительности здѣсь ничего не было произнесено и в крайнем случаѣ допустима только «факультативность» звука (см. §§ 1, 46).

§ 23. Удвоеніе буквы согласной значит просто впечатлѣніе длительнаго произношенія соотвѣтствующаго ей звука; напр.

màrrtrajo (№ 105).

Надстрочные и подстрочные знаки над буквами и под буквами.

§ 24. О надстрочных знаках над буквами согласных сказано выше (§ 21); это знак акцента или же маленькое [1] для передачи впечатлѣнія среднеязычности.

Точно так же объяснено уже, какую роль играет маленькое колечко под буквою е: e̥ (§ 18).

Такое же маленькое колечко под буквами согласных, по принятому в лингвистической литературѣ обычаю, указывает на их слогообразовательность или сонантность:

m̥ n̥ ρ̥ r̥ R̥ l̥.

§ 25. Кажется, один только раз употребленный мною знак апострофа, ’, указывает на паузу между звуками:

s’mo nardîlь 254.

§ 26. Надстрочные діакритическіе знаки над буквами гласных и прочих сонантов имѣют в виду отмѣтить или различія в длительности произношенія, или же в акцентѣ (нисходящій и восходящій).

Знак ˘, по обыкновенію, обращает вниманіе на особенную краткость произношенія неударенного, неакцентованнаго, т. е. слабаго в этом отношеніи, гласнаго-сонанта:

ă ĕ ĕ ɘ̆ ŏ ʊ̆ ω̆ ĭ ŭ,

в отличіе от знака ¯, указывающаго на долготу произношенія как слабо акцентованнаго («не ударяемаго»), так и сильно акцентованнаго («ударяемаго») сонанта:

ā ē ē ɘ̄ ō ʊ̄ ω̄ ī ū r̥̄

ā̀ ḕ ḕ ɘ̄̀ ṑ ʊ̄̀ ω̄̀ ī̀ ū̀

ā́ ḗ ḗ ɘ̄́ ṓ ʊ̄́ ω̄́ ī́ ū́ r̥̄́.

Кромѣ того этот знак примѣнен мною тоже к консонанту, именно к неслогообразующему n:

n̄,

тогда как отмѣченное в одном мѣстѣ долгое r обозначено через удвоеніе буквы (см. выше, § 23).

§ 27. Знаки удареніія или акцента,

̀ ́,

должны символически указывать на двоякое удареніе:

̀ . . . . падающее или нисходящее,

́ . . . . возвышающееся или восходящее.

Одно только ̀, без знака длительности, обозначает отрывистое, усѣченное, не продолжаемое произношеніе краткаго сильно акцентованнаго гласнаго:

à è ѐ э̀ ò ѽ ѿ ì ù, ь̀ ъ̀, r̥̀,

при чем, как замѣчено выше (§ 20), ѐ = ь̀, ѽ = ъ̀;
́ же обозначает протяжное, продолжимое произношеніе такого же гласнаго.

§ 28. В соединеніи с находящимся под ними знаком долготы эти знаки удареній намекают на такое же различеніе двух родов акцента при явственно долгом произношеніи:

с одной стороны,

ā̀ ḕ ѐ̄ э̄̀ ṑ ѽ̄ ѿ̄ ī̀ ū̀,

с другой же стороны,

ā́ ḗ є̄́ э̄́ ṓ ѽ́ ѿ́ ī́ ū́ r̥̄́.

§ 29. Считаю долгом замѣтить, что в этой области, в области различенія длительности и акцентовки сонантов, примѣненное мною обозначеніе далеко не соотвѣтствует дѣйствительности и

является слѣдствіем смѣшенія понятій: понятіе длительности не достаточно отдѣлено от понятія акцента, в области же акцента понятіе относительной силы произношенія смѣшано с понятіем интонаціи. По настоящему, слѣдовало бы имѣть нетолько отдѣльные, независимые знаки для опредѣленія длительности фонем, но тоже отдѣльно обозначать степени экспираторной силы произношенія, и отдѣльно различные виды интонаціи. К сожалѣнію, это проводится только нѣкоторыми, да и то еще не удовлетворительно.

Хуже то, что мое обозначеніе этих тонкостей произношенія ниже средняго уровня. Я даже с помощью имѣвшихся в моем распоряженіи наличных средств очень часто не мог с точностью обозначить то, что слѣдовало бы обозначить. Я записывал слишком много для того, чтобы быть вполнѣ точным.

Однакож, как сказано ниже (§§ 49—51), нѣкоторые из номеров заслуживают относительнаго довѣрія и могут служить матеріалом даже для акцентологіи. За то в других номерах путаница и неувѣренность.

§ 30. Главную ошибку составляет то, что я непремѣнно хотѣл обозначать или нисходящій, или же восходящій характер ударенія или же интонаціи (это не различено), тогда как по настоящему я во многих случаях не могу поручиться за вѣрность окончательнаго рѣшенія. В таких сомнительных случаях слѣдовало прибѣгать к нейтральному, безразличному обозначенію, т. е. вмѣсто ˗̀ или ˗́ ставить или

˗̍ или же ˆ, т. е. писать или

ā̍ ē̍ ō̍ и т. д., или же

â ê ô и т. д.

Это было бы безопаснѣе и скромнѣе, так как болѣе соотвѣтствовало бы моему незнанію настоящаго характера акцентовки даннаго слова.

§ 31. Точно так же очень часто знак акцента ˊ,

á é ó . . . . ,

или указывает на просто протяжное произношеніе, или же замѣняет собою одно из комбинированных обозначеній долготы вмѣстѣ с удареніем, ̂ или ́, т. е. эти а̂ е̂ о̂ . . . . стоят или вмѣсто а̀ ѐ о̀ . . . , или же вмѣсто а́ е́ о́ . . . .

При краткости, отрывистости акцента или ударенія был бы болѣе умѣстным знак ' (а̇ ė ȯ i u̇ . . . .) или ̆ (ă ĕ ŏ ĭ ŭ . . . .), нежели принятый мною ̀ (а̀ ѐ о̀ ì ù . . . .).

Всѣ эти недостатки составляют слабую сторону издаваемых мною текстов.

§ 32. Как уже замѣчено (§§ 14, 11), отличіе принятой мною в этом томѣ передачи звуков от передачи в I-ом томѣ состоит между прочим в том, что, руководствуясь техническими и «эстетическими» соображеніями, буквы

i̭ u̯

I-го тома я замѣнил здѣсь буквами

j w,

буквы же

ħ ƀ

I-го тома буквами

ȷ ɋ.

Кромѣ того вмѣсто русских букв

з З з́ З́ з̌ З̌

здѣсь примѣнены, для обозначенія звонких дифтонгов dz (*дз*) и т. п. особыя буквы

ʒ Ʒ ʒ́ ǯ Ǯ.

Систематическій перечень установленных мною здѣсь графически-фонетических ассоціацій.

Systematische Uebersicht der von mir festgestellten graphisch-phonetischen Associationen.

§ 33. 1. Противопоставленіе сонантизма (слогообразовательности) и консонантизма (неслогообразовательности).

Представленіе сонантизма ассоціировано со слѣдующими графемами:

a e ɛ ə o ɔ ɷ i u ь ъ r̥ l̥ m̥ n̥ ŋ̥,

представленіе же консонантизма — с графемами:

p b t d ȶ ȡ k g f v s z š ž c č ʒ ǯ x γ m n ŋ ɲ r l j w,

при чем

j w

стоят иногда на рубежѣ между сонантностью и консонантностью.

§ 34. 2. Противопоставленіе локализаціи шумопроизводной работы в полости рта и отсутствія подобной локализаціи.

Представленіе шумопроизводной локализованной работы (или же полнаго безшумнаго сжатія или смычки) в полости рта ассоціировано со слѣдующими графемами:

p t ȶ k
b d ȡ g
c č
ʒ ǯ
φ f s š x
[w] v z ž γ
m n ŋ ɲ
r l;

представленіе же отсутствія подобной шумопроизводной или же шуму препятствующей работы в полости рта ассоціировано с графемами:

w j

u i

ʊ ъ є ь

o e a.

§ 35. 3. Противопоставленіе представленія звонкости, т. е. звонкаго, музыкальнаго дрожанія голосовых связок гортани, и отсутствія этого дрожанія, т. е. глухого произношенія.

Звонкими являются всѣ сонанты и всѣ фонемы без локализаціи шума в полости рта (vocales), и затѣм из локализованных в полости рта (non-vocales) фонемы, ассоціированныя со слѣдующими графемами:

b d ɖ g ʒ ǯ [w] v z ž γ

m n ŋ ɒ r l;

глухими же:

p t ʈ k c č φ f s š x.

§ 36. 4. Носовые и неносовые.

Представленіе раскрытія носа и носового резонанса ассоціировано с графемами

m ḿ n ŋ ɒ ņ

m̥ n̥ ɒ̥;

со всѣми же остальными графемами ассоціировано представленіе закрытія носа и отсутствія носового резонанса.

§ 37. 5. Между фонемами с представленіем фонаціонной локализаціи (т. е. или локализаціи шумопроизводной, или же абсолютнаго сжатія или смычки):

a) представленіе **губной работы** ассоціировано с графемами

p b m ҫ [w] *(bi-labiales)*,

f v *(denti-labiales)*,

со всѣми же остальными графемами ассоціировано представленіе отсутствія этой работы;

b) представленіе **передне-язычной работы** ассоціировано с графемами:

t d n

s z š ž

c ʒ č ǯ

r l;

c) представленіе **задне-язычной работы** ассоціировано с графемами:

k g ŋ

x γ;

d) представленіе **работы средне-язычной** ассоціировано с графемами:

[j] ȶ ȡ ŋ

ć ʒ́

γ́ k̇

ś s' t' l'

v́ b́ ḿ.

§ 38. 6. С точки зрѣнія **способа произношенія**:

a) с представленіем **сжатаго произношенія** или **смычки**, в соединеніи со слѣдующим за нею **взрывом**, ассоціированы графемы:

p t k

b d g

m n ŋ ŋ;

b) с представленіем спирантной шумопроизводной щели:

φ f s š x

[w] v z ž γ;

c) с представленіем дифтонгическаго произношенія, состоящаго в безперерывном сочетаніи короткой, непродолжительной смычки или сжатія со спирантною щелью:

c č

ʒ ǯ;

d) в двух предшествующих категоріях, b) и c), с представленіем плоскаго положенія языка, с представленіем продольной щели на его передней верхней поверхности и с представленіем производимаго этим впечатлѣнія «свистящаго» шума ассоціированы графемы:

s c

z ʒ;

e) с представленіем же загиба кончика языка вверх, образованія углубленія на его передней верхней поверхности с короткою продольною щелью на самом кончикѣ языка и производимаго через это впечатлѣнія «шипящаго» шума:

š č

ž ǯ;

f) с представленіем такого же загиба языка, как при «шипящих», но без образованія постоянной щели над кончиком языка, а за то с перемежным то прижиманіем, то отрываніем кончика языка, одним словом, с представленіем дрожанія кончика языка ассоціирована графема

r;

g) наконец, с представленіем переднеязычной смычки

или сжатія, в сопровожденіи опущенія краев языка для пропуска воздуха и производства через это своеобразнаго шума или звука, ассоціируется графема

l.

§ 39. 7. В области фонем, не локализованных фонаціонно в полости рта, т. е. в области гласных (vocales):

с представленіем губного съуженія всей полости рта, как резонатора для воздуха, приведеннаго в звонкое, музыкальное дрожаніе дѣйствіем голосовых связок гортани, равно как и с представленіем вызваннаго этою работой акустическаго эффекта, ассоціируются графемы:

w u ɷ o ǫ,

при чем к главной мѣстной иннервации и фонаціонной мобилизаціи губ присоединяется, путем рефлексивных движеній, сопутствующая иннервація задней части языка.

С представленіем среднеязычнаго (среднеязычно-небнаго) съуженія полости рта и вызваннаго этим акустическаго эффекта ассоціируются:

j i e e э.

С представленіем иннерваціи и фонаціонной мобилизаціи одной только задней части языка ассоціируется графема

a.

§ 40. 8. По степени съуженія полости рта графически-фонетическія ассоціаціи в области гласных распредѣляются в слѣдующем порядкѣ:

с представленіем крайняго вокальнаго съуженія ассоціируются графемы

w u j i.

Затѣм, полость рта все болѣе расширяется в слѣдующем порядкѣ:

ѡ e

o e

ѡ э a.

Различіе постояннаго и индивидульнаго или преходящаго в области произношенія.

Рѣдкія фонемы и рѣдкія произношенія.

§ 41. Нѣкоторыми буквами и знаками указывается на постоянныя, неизмѣняемыя фонетическія представленія, как в самом объектѣ, т. е. в носителях даннаго говора, так и со стороны впечатлѣній, производимых произношеніем на восприимательныя приспособленія записывателя. Таковыми устойчивыми и вполнѣ опредѣленными графемами являются здѣсь:

p t k, b d g, f s, v z, c ʒ, š ž č ǯ, m, r l;

менѣе устойчивы и менѣе опредѣленны:

n, ȶ ȡ, x γ.

Из графем гласных самая устойчивая и самая опредѣленная в этих текстах графема

a,

меньше

i u.

§ 42. В нѣкоторых случаях и при нѣкоторых условіях колеблется примѣненіе графем:

ȶ — ć, ȡ — ʒ́ (отчасти здѣсь различіе діалектическое: в одних мѣстностях преобладает впечатлѣніе ȶ ȡ, в других же — ć ʒ́),

s — ś — s', γ — γ́, v — v́, l — l̆,
b — b̆, k — k̆, t — t',
j — i, w — u, w — v,
φ — w — ŭ,
n — ꞑ, n — ŋ, n — ņ,
e — ȩ, e — ɛ, e — э, o — ɷ, o — ɷ,
i — ɛ, u — ɷ,
ĭ — ь, ŭ — ъ,
ĕ — ь, ŏ — ъ, ѐ — ѝ, ò — ъ̀,
r̥ — ьr — ъr..., l̥ — ьl..., n̥ — ьn..., ꞑ̥ — ьꞑ...,
m̥ — ьm...

В иных случаях можно бы указать на неустойчивость и неопредѣленность графем

γ x,

т. е. на колебаніе между написаніем соотвѣтствующих букв и полным отсутствіем всякой буквы.

§ 43. Наконец, выше (§§ 29—31) отмѣчены колебаніе, неустойчивость и неопредѣленность в употребленіи знаков длительности сонантов и акцентовки слов.

То обозначается краткость, ˘, то она вовсе не обозначается; то обозначается долгота, ¯, то вовсе не обозначается.

Затѣм колеблются в обозначеніи

` и ‘, ´ и ˎ, ´ и ˆ, ˋ и ˆ.

Об относительной достовѣрности моих текстов в этом отношеніи говорится в §§ 49—51.

§ 44. По поводу незначительнаго числа слов, заключающих в себѣ извѣстныя фонемы, являются рѣдкими в моих текстах слѣдующія буквы, представленія которых (графемы) ассоціируются с этими фонемами:

g ʒ.

§ 45. По другим же причинам, а именно по неопредѣленности произношенія, по свойству рѣчи даннаго индивида, по особому преходящему впечатлѣнію, произведенному в данную минуту на слух записывателя образцов языка, вообще вслѣдствіе значительной доли субъективизма, случайностей и т. п., встрѣчаются очень рѣдко в моих текстах слѣдующія буквы и сложныя графическія обозначенія:

φ (φčéra 446, φsjàlь 452, φprášat 554, φprašàlь 555),
ɒ,
ć; k̍, b̍, v́, ś, l̍,
γ́ (oštr̥γ́ù 834),
t[i] (t[i]è - na - Vijawníci 728, T[i]è - u Torláne .... t[i]è - u - Romándule 730),
s[i] (sòws[i]i 728, 730), ž[i] (см. ниже, [i])
l̥, r̥̄,
n̥ (móčn̥k 861),
n̄ (см. § 26),
rr (màrrtrajo 105),
ъ,
e̥ (dóle̥ 259, debḕ̥la 267, kè̥ saą̨ sljép 416),
í° ì°,
[i] (Bjèž[i] 965),
’ (s’mo-nardìlь 254,
[a] (ə́[a] - špárala 879, ə́[a] - sam brúna 884).

§ 46. Точно так же весьма рѣдко обозначены мною факультативные звуки, т. е. звуки мыслимые, представляемые, но не исполняемые. Буквы, обозначающія подобные звуки, помѣщены здѣсь в угловатых скобках:

šə̀s[t] sòwdə 24,
mŏ̀[w] - oženìtь 94,
bro[w]àdo 102,
tu-nь̀ valíci̯[ą] ‚bóškŏ 172.

§ 47. Из предшествующаго видно, что я, к сожалѣнію, должен был при передачѣ произношенія изслѣдуемых мною говоров смѣшивать двѣ точки зрѣнія: психическія представленія звуков (фонемы) и их объективное исполненіе. Для точнаго обозначенія этого послѣдняго были бы необходимы физическіе аппараты, свободные от субъективизма и измѣняющейся степени впечатлительности человѣческаго уха.

§ 48. Вообще же я должен здѣсь повторить сказанное в предисловіи к I-му тому моих «Матеріалов» (стр. VII):

«Aus alledem ergiebt sich, daß die von dem nach der absoluten Genauigkeit strebenden Dialektforscher gegebene jedesmalige Bezeichnung der Laute weiter nichts ist, als eine Resultante des Objektiven und des Subjektiven, des Beständigen und des Zufälligen, des einerseits Beabsichtigten andererseits Erwarteten und des wirklich zu stande Gebrachten und wirklich unbewußt Gehörten».

Относительная достовѣрность моих текстов

§ 49. со стороны точности обозначенія их звуковой стороны представляется в ниже указанной послѣдовательности по нисходящей лѣстницѣ:

Самыми достовѣрными, даже относительно обозначенія длительности и акцентовки сонантов, являются почти всѣ отрывки, записанные мною в 1901 г., т. е. №№.

19—67 (Platišča), 92—105 (Brezja), 135, 136, 140 (Tajpana), 314—354 и 364—401 (Viskorša), 405—412 (Karnaxta), 489—519 (Ter), 520—524 (Podbardo), 525—537 (Breg), 590—600 (Flajpana), 601—604 (Owše), 720—745 (Čerŋea).

Из этого исключаются номера, хотя и записанные в 1901 г., но содержащіе тексты, в которых подобная діалектологическая точность не возможна или в силу их спеціальнаго характера — [таковыми являются пѣсни, заимствованныя у других соплеменников,

№№ 68—70 (Platišča), 417 (Vizont),

молитвы,
№ 91 (Brezja),
и т. п.],—
или же потому, что произношеніе даннаго субъекта, пассивнаго и легко поддающагося воздѣйствію других говоров и языков, является сомнительным:

№№ 355—363, 402—404 (Viskorša).

§ 50. Затѣм, достовѣрными слѣдует считать тексты, записанные, правда, в 1873 г., но затѣм тщательно провѣренные и исправленные в 1901 г.:

№№ 1—18 (Platischis), 71—90 (Brezja);

нѣсколько менѣе достовѣрны, — или потому что родной говор разсказчика подвергся вліянію других, или же потому что, за неимѣніем времени, не было возможности провѣрить все с одинаковою аккуратностью, — №№:

106—134, 137—139, 141—154 (Tajpana, — разсказчик Piŋuč был долго в Америкѣ и его язык является теперь не совсѣм чистым и нѣсколько смѣшанным), 155—313 (Viskorša), 617—719 (Čerŋea).

Вообще нѣкоторые №№ текстов из мѣстностей Tajpana, Viskorša, Čerŋea провѣрены в 1901 г. не достаточно тщательно, с грѣхом по полам.

§ 51. Вовсе не провѣрены, но все таки болѣе или менѣе достовѣрны, №№:

418—420 (Zavarx), 421—465 (Bardo), 538—589 (Flajpana), 605—616 (Sedile), 764—1025 (Mažarola).

Из них дают относительно лучшій діалектологическій матеріал №№ 764—872 (Mažarola).

Не провѣрены и нѣсколько сомнительны №№ 466—487 (Muzac).

Не провѣрены и сомнительны по свойству самого матеріала (т. е. по содержанію)

№№ 413—414 (пѣсня, Vizont), 488 (молитва, Muzac).

Наконец, не провѣрены, да к тому же сомнительны по личным особенностям разсказчика, №№ 746—763 (Taŋebola, см. стр. 140).

§ 52. Как уже замѣчено (§ 49), обозначенiе длительности и акцентовки сонантов проведено с большею или меньшею точностью только в №№-ах, записанных мною в 1901 г., да также во многих №№-ах от 1873 г., но провѣренных в 1901 г.

§ 53. В заключенiе я должен указать на то обстоятельство, что произношенiе и формы одних и тѣх же говоров были в 1873 г. нѣсколько другiя, нежели в 1901 г. Это можно было замѣчать даже у тѣх же разсказчиков (т. е. у разсказчиков, использованных мною как в 1873, так и в 1901 г.), каковы Kormoŋs из Пластищ и Piŋuč из Тайпаны.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

DRUCKFEHLER UND BERICHTIGUNGEN.

A) **В заглавіяхъ. In den Ueberschriften.**

Стр.	Строка	Вмѣсто	Должно быть
39	1	(Viskwȍrša)	(Viskwȍ̀rša)
87	3	im J. 1873 г.	im J. 1873
88	8	Síniko	Síniko
101	7	1. *Краткіе разсказы*	*Краткіе разсказы*
136	1	*Разныя сообщенія и разговоры.*	*Разныя сообщенія и разсказы.*

B) **В подлинномъ текстѣ. In dem Original-Texte.**

Стр.	№	Строка		
6	16	1	ma májku	*ma* májku
7	20	1	Mà jə-blà	*Mà* jə-blà
23	90	1, 2	ma	*ma*
»	91	1	posvéɉenò bȍdi	posvéɉenò-bȍdi
»	»	1	tóje	tóje-
»	»	2	wašo svèto *) jȉme	wašo-svèto*)-jȉme
»	»	»	γ nàn̨ tóje	γ-nàn̨ tóje-
»	»	3	twója wȍ̀ja	twója wȍ̀ja
»	»	»	zγodì-sə	zγodí-sə
»	»	4	na nebə̏sь	na-nebə̏sь

Стр.	№	Строка	Вмѣсто	Должно быть
25	99	3	ma pȍtiŋ	*ma* pȍtiŋ
43	174	1	nə̀ tъw-	*nə̀* tъw-
»	»	»	nə̀ tow-	*nə̀* tow-
44	182	3	[*wùz mȍkə*)	[*wùz mȍkə*]
47	202	1	facolètə, [bjèlix,	facolètə, [*kȕpi facolètə, bjèlix,
48	209	3	teštьmóŋixa	teštьmónixa
52	233	2	akarȁmo	ɉakarȁmo
54	248	1	to jȍ razdjelȉ	to-jȍ-razdjelȉ
55	248	1	(*to razdelí jo*)	(*to-razdelí-jo*)
58	267	2	deb ȅ̥la:nà	debȅ̥la: nà
»	267	5	pò-ȍwjə	pő-uje
59	271	2	-Bȍna	-Bȍna (*-Bwȍna*)
64	296	1	jà jь-ɉȍŋ-	jà jь-ɉȍŋ-
70	326	2	dȑ̥ži	dȑ̥ži
78	376		Bȑ̥do	Bȑ̥do
80	391	1	nȕnito	nȕniɉo
86	417	2	ležȁt	ležȁt
131	691	1	991	691
137	730	2	Romándule	-Romándule
141	753	3	nótьr̥-w-sèni	nótr̥-w-sèni
143	765	1	kí ćmo-	kí ɉmo-
159	884	1	«é^{e}-sam brúna	ə́^{e}-sam brúna
163	908	2	¡Γéníta!	¡Γénita!
205	1137	3)	edaìse	e daìse

C) В переводѣ. In der Uebersetzung.

69	322	2	«как же он	«¿Как же он
154	844	1	принесли цѣлую	принесли домой цѣлую
»	850	1	Проснидцам (жителям	Проснидцев (жителей

Стр.	№	Строка	Вмѣсто	Должно быть
154	850	1	не довѣряет	не направит на вѣрный путь
»	851	1	Так он дѣлал (поступал)	Вот это он дѣлал
157	870		— у них только вещи (движимое имущество), — [мало денег]	у них нѣт столько имущества,
161	901	1—2	Он не хочет учить (?) менѣе других (менѣе чѣм другіе) говорить,	Он не хочет (?) как только учить других говорить (?),

D) В выносках (в подстрочных примѣчаніях). In den Fussnoten.

Стр.	Выноска	Строка.	Вмѣсто	Должно быть
186	2	3	что̀, конечно, не вѣрно,	— что̀, конечно, не вѣрно, —

E) В объясненіях. In den erklärenden Bemerkungen.

Стр.	Строка	Вмѣсто	Должно быть
201	12 сн.	trochaique	trochaïque

F) Кромѣ того на стр. 22 в подлинном текстѣ раздѣляющая черта, ________, должна быть не между №№-ами 86 и 87, но между №№-ами 85 и 86. Стало-быть, слѣдует раздвинуть №№ 85 и 86, а сдвинуть №№ 86 и 87.

ЧАСТЬ I.

Образцы языка, записанные самим собирателем со слов мѣстных жителей.

I. TEIL.

Die aus dem Munde der Lokalbewohner von dem Sammler selbst aufgezeichneten Sprachproben.

I. Пластища (Платища) (Plǝstíšča, Platíšča) (Platischis).

A. Тексты, записанные в 1873 г., свѣренные же и исправленные в 1901 г.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten und im J. 1901 verifizierten und korrigierten Texte.

Сообщил Антон Иванович Кормонс (Kormóņs Antón kóndon = kóndom Ɉovȁni), 27 лѣт.

Mitgeteilt von *Cormons Antonio quondam Giovanni*, 27 Jahre alt.

1. **Сказка. (Märchen).** *)

1 Jàst-ɟòŋ-povjédàtь nò̑-prȁvicŏ̑.

2 Dǝm-bòt je-bìw (-b̆èu) dìn-plevȁŋ, àŋ je-bьw-lwȍžu nò̑-tab̆èlo γòr-na-ŋγà-portò̑n aŋ je-bь̀w-zapísù-γòr: *«dom Pjȅro čénčǝ pensjȅro»*. **)

---

1 Я разскажу сказку (исторію).

2 Однажды был (жил) приходскій священник, и прибил доску на своих дверях и написал на ней: *«don Piero senza pensiero»* (отец Петр без думы, т. е. без забот).

*) Напечатана мною уже раньше во «Фріульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и Приложенія. Санктпетербургъ. 1878», стр. 59—60.

**) По итальянски, в обыкновенном написаніи: *don Piero senza pensiero.*

3 Àŋ je-pásù kràj pò-tej-pòtь aŋ je-vìdu tèjstŏ tab̃èlъ, aŋ
γa-je-klícù, təγà plevàna, tù-ŋəγa-palàč, àŋ γa-je-uprášù, dè
za-kwò je⸗ twò ⸗zapísù-γòr ná-ŋəγa-portòŋ, de «jàst, kь sьŋ
dəŋ-kràj, mìn velìkə pensjèrjə, an tí, ke sì dèŋ-plevàŋ, njēmaš
4 máj-dnəγa. An jàst-ti-ʃoŋ-dàtь dìn-pensjèr šè tàbə: Tì-mь
-màš-povjédàtь, kèj visokò jè tas-tlù γòr-do⸗ tə-pr̥vè ⸗zvjézdē
5 (γòr-do⸗ tьx-pr̥vix ⸗zvjézdè), kèj visokó-je. Àn mi-màš-povjédàtь,
kèj zvjézdè jè tù-firmamèntu. Àn mь-màš-povjédàtь, kwó-za
6 -dьn pensjèr bòn-mu-jàst, kòr mì-bòš⸗ tì twó ⸗pràvu. An
tùw-ose-nì tí-mь-màš twólə poviédàtь wsè-twò. Ʃe mi-nə
-bòš-kapàc povjédàtь, tə-ʃòn-lóštь-ob-γlàvo».
7 Àm plevàŋ je-šùw aŋ je-začèw-peŋsàtь, de kákò bi-mùw⸗
8 twò òn ⸗vjēdàtь. Àn mu-je-povjēdù ŋəγà-kopàri, k jə-bìw dèn
9 -mlìnər, dè «tákoľē storìte: Bjéštà tù-tolē-citàt aŋ kupìtə wìs
špàlь, kàr obrèŋʃətə, kàr γa-bò tù-tej-citàdь, aŋ zvìtə-γà tù-
(γòr-) diə-klówàc, àŋ pujtà àŋ odrjēžitə tàod-wàši-sùəkŋə nu

---

3 И проѣзжал царь этим путем и замѣтил эту доску, и позвал
его, этого священника, в свой дворец, и спросил его, почему он
это написал на своих дверях, что «я, хотя я и царь, имѣю
великія думы (много забот), а ты, состоя приходским священ-
4 ником, не имѣеш ни одной. Но я и тебѣ задам думу. Ты должен
мнѣ сказать, как высоко (далеко) от земли до первой звѣзды (до
5 первых звѣзд). И должен мнѣ сказать, сколько звѣзд на сводѣ
небесном. И должен мнѣ сказать, какая мысль будет у меня
6 тогда, когда ты мнѣ будеш это разсказывать. И через восемь
дней ты должен сказать мнѣ все это. Если не будеш в состояніи
сказать, я велю отрубить тебѣ голову».
7 И священник пошел и начал думать, как бы он мог это
8 узнать. И ему сказал его кум, который был мельником, что «вот
9 как сдѣлайте: Ступайте в тот и тот город и купите весь запас
бечевы, который там найдете, сколько его будет в этом городѣ,
и свейте ее в один клубок, и идите и отрѣжте ножницами от

10 -mòrwu tù-nem-pìču škàrjamь. Àn pr̥nesìtə mənə̀, kь-jà-sŋ̥-mlìnər, an mə̀-obljéčetjə̀ tù-waš-γwànt. An jàst-pwȍjden tò-pret-(tъ̀pret-) kràja, aŋ̨ jàst-mu-povjén».

11 An mlìnər je-šùw àŋ̨ je-wzèw téjstь špàlь tùna-dьn-wuȍs àŋ̨ γa-je-péjù tòprət-palàč, tòprət-kràja, àŋ̨ je-njèsu šè súnkŋu plәvánowu, àŋ̨ obljḗčən je-šùw tèj-plevàn.

12 Aŋ̨ kràj γà-jь-uprášù: «¿kə́j visokò jè tas-tlȕ γòr-do te-pr̥̀və zvjḗzdə̄?» An òn-mu-je-jàw: «tkèj dъ̀x, kь jè téľə (téľjə) špàlь; àn ʄe néjʄèju vjḗruwatь, nej-mjḗriju šə̀ onľ».

13 Anzàt γa-je-uprášù kràj: «¿kèj zvjḗzdè je tùw-firmamèntu?» An òn-mu-je-jàw: «Tkej-dlàk kь-jè tú-moji-súnkŋĕ (tù-mojì-súnkŋĕ), tkèj zvjēzdè jə̀ šè γòr-u-firmamèntu; kàr jĕ blò vìʄ, sьn tà-otsjèku škàrjamь».

14 Aŋ̨zàt γa-jĕ-uprášù, də «¿kwó pensàn jàst, kь̀-sьn-kràj?» An te-drȕγь mù-jĕ-jàw: «Òn (òm)-pensà, de sь̀m plevàn, *jinvə́ce* sin din-mlìnər».

Kormȍŋ̨s Antón, kóndon (kòndom)-Ɖovàni.

---

10 вашей рясы кусочек с одного конца. И принесите мнѣ, мельнику, и одѣньте меня в ваше платье. А я пойду (отправлюсь) к царю, и я ему скажу».

11 И мельник пошел и взял эту бечеву на телѣгу и потащил ее перед дворец, перед царя, и взял тоже рясу священника, и шел одѣтый как священник.

12 И царь спросил его: «¿как далеко от земли до первой звѣзды?» И он ему сказал: «так далеко, как длинна эта бечева; а если не хотите вѣрить, так сами тоже смѣрьте».

13 Затѣм царь спросил его: «¿сколько звѣзд на сводѣ небесном?» И он ему отвѣтил: «Сколько волос в моей рясѣ, столько же звѣзд на сводѣ небесном; то, что было больше (лишнее), я отрѣзал ножницами».

14 Затѣм он спросил его: «¿что я думаю теперь, я — царь?» И этот другой сказал ему: «Вы думаете, что я священник, а между тѣм я мельник».

3 Àŋ je-pášù kràj pò-tej-pòtь aŋ je-vìdu tèjstŏ taběl̀ъ, aŋ
γa-je-klícù, təγà plevàna, tù-ŋəγa-palàč, àŋ γa-je-uprášù, dè
za-kwò je⸗ twŏ ⸗zapísù-γòr ná-ŋəγa-portŏŋ, de «jàst, kь sъŋ
dəŋ-kràj, mìn velìkə pensjèrjə, an tí, ke sì dèŋ-plevàŋ, njēmaš
4 máj-dnəγa. An jàst-ti-ɉoŋ-dàtь dìn-pensjèr šè təbə: Tì-mь
-màš-povjédàtь, kèj visokò jè tas-tlù γòr-do⸗ tə-pr̥vŏ ⸗zvjězdə̄
5 (γòr-do⸗ tъx-pr̥vix ⸗zvjézdè), kèj visokó-je. Àn mi-màš-povjédàtь,
kèj zvjézdè jè tù-firmamèntu. Àn mь-màš-povjédàtь, kwó-za
6 -dьn pensjèr bòn-mu-jàst, kòr mì-bòš⸗ tì twó ⸗pràvu. An
tùw-ose-nì tí-mь-màš twólə poviédàtь wsə-twŏ. Je mi-nə
-bòš-kapàc povjédàtь, tə-ɉòn-lóštì-ob-γlàvo».
7 Àm plevàŋ je-šùw aŋ je-začěw-peŋsàtь, de kákò bi-mùw⸗
8 twŏ ōn ⸗vjēdàtь. Àn mu-je-povjēdù ŋəγà-kopàri, k jə-bìw dèn
9 -mlìnər, dè «tákoľə storìte: Bjéštə tù-toľə-citàt aŋ kupìtə wìs
špàlь, kàr obrèŋɉətə, kàr γa-bò tù-tej-citàdь, aŋ zvìtə-γà tù-
(γòr-) din-klówàc, àŋ pujtə àŋ odrjěžitə tàod-wàši-sùnkŋə nu

---

3 И проѣзжал царь этим путем и замѣтил эту доску, и позвал
его, этого священника, в свой дворец, и спросил его, почему он
это написал на своих дверях, что «я, хотя я и царь, имѣю
великія думы (много забот), а ты, состоя приходским священ-
4 ником, не имѣеш ни одной. Но я и тебѣ задам думу. Ты должен
мнѣ сказать, как высоко (далеко) от земли до первой звѣзды (до
5 первых звѣзд). И должен мнѣ сказать, сколько звѣзд на сводѣ
небесном. И должен мнѣ сказать, какая мысль будет у меня
6 тогда, когда ты мнѣ будеш это разсказывать. И через восемь
дней ты должен сказать мнѣ все это. Если не будеш в состояніи
сказать, я велю отрубить тебѣ голову».
7 И священник пошел и начал думать, как бы он мог это
8 узнать. И ему сказал его кум, который был мельником, что «вот
9 как сдѣлайте: Ступайте в тот и тот город и купите весь запас
бечевы, который там найдете, сколько его будет в этом городѣ,
и свейте ее в один клубок, и идите и отрѣжте

10 -mòrwu tù-nem-pìču škàrjamь. Àn pr̥nesìtə mənə̀, kь-jà-sŋ -mlìnər, an mə̀-obljéčetjə̀ tù-waš-γwànt. An jàst-pwŏjden tò-pret-(tъpret-) kràja, aŋ jàst-mu-povjén».

11 An mlìnər je-šùw àŋ je-wzèw téjstь špàlь tùna-dьn-wuŏs àŋ γa-je-péjù tòprət-palàč, tòprət-kràja, àŋ je-njèsu šè súnkŋu pləvánowu, àŋ obljéčən je-šùw tèj-plevàn.

12 Aŋ kràj γà-jь-uprášù: «¿kə̀j visokò jè tas-tlù γòr-do» te -pr̥və »zvjēzdə̄?» An òn-mu-je-jàw: «tkèj dъ̀x, kь jè téľə (téľjə) špàlь; àn ɟe néjɟèju vjéruwatь, nej-mjériju šə̀ onľ».

13 Anzàt γa-je-uprášù kràj: «¿kèj zvjēzdè je tùw-firmamèntu?» An òn-mu-je-jàw: «Tkej-dlàk kь-jè tú-moji-súnkŋĕ (tù -mojì-súnkŋĕ), tkèj zvjēzdè jə̀ šè γòr-u-firmamèntu; kàr jĕ blò vìɟ, sьn tà-otsjèku škàrjamь».

14 Aŋzàt γa-jĕ-uprášù, də «¿kwó pensàn jàst, kь-sьn-kràj?» An te-drùγь mù-jĕ-jàw: «Òn (òm)-pensà, de sьm plevàn, *jinvàce* sin din-mlìnər».

Kormōŋs Antón, kóndon (kòndom)-Ɖovàni.

---

10 вашей рясы кусочек с одного конца. И принесите мнѣ, мельнику, и одѣньте меня в ваше платье. А я пойду (отправлюсь) к царю, и я ему скажу».

11 И мельник пошел и взял эту бечеву на телѣгу *и потащил ее* перед дворец, перед царя, и взял тоже рясу *священника, и шел* одѣтый как священник.

12 И царь спросил его: «¿как далеко от *земли до первой звѣзды?*» И он ему сказал: «так далеко, как длинна эта бечева; а если не хотите вѣрить, так сами тоже смѣрьте».

13 Затѣм царь спросил его: *«¿сколько звѣзд на сводѣ* небесном?» И он ему отвѣтил: «Сколько [illegible] рясѣ, столько же звѣзд на [illegible] небесном; [illegible] больше (лишнее), я отр[illegible]

[illegible] царь?» И [illegible] и священник, а мельник

2. Разсказы. Отрывки из разговоров. (Erzählungen. Bruchstücke der Gespräche).

15 Tù-škwòlь njésn̥-bìw, kù no-ljèto; sЬm-preγnù májku dЬn
lìbr̥, becedàri. Ójà mè- njè-moγŭ -naxàtь tùw-škwòlь. Potìn sЬn
16 -sə̀-naučìw sàm s-swójì-γlàve. Štàmpo sЬn-znŭ prə̀j, ma májku
štàmpo, wЬ̀n-do-dwújstь ljèt, nìč drŭziγa; potìn̥ sЬn-sə̀-naŭču
šè̥ pisàtь, kàr sЬm-mù dwújstь ljèt.
17 Znàm bràtь šə̀ po-làškЬn àm po-slovèjskЬn, pisàtь májku po-làškЬn.

---

18 Ti mò̃žje so-mə̀-skušàle, de kwò̃-mĕ-jə̀-wpráŝù. Berífь (finànča) sù-pensàlь, də ví-stə̀ ot-pàpЬša špĭjò̃n (špjò̃n), dЬ̀m (dìn)-preobljéčen fàr (mášnik); sò̃-mĕ-(so-mə̀-) wprāšàlь, al-njḗ-stè-γwò̃ru čès-kràja. *)

---

15 В школѣ я был только один год; я прошел только одну книгу,
букварь. Отец не мог оставить меня в школѣ. Послѣ я научился
16 сам собственным умом. Печатное я знал (мог читать) раньше,
но только печатное, до двадцати лѣт, ничего больше; послѣ
я выучился тоже писать, когда мнѣ было двадцать лѣт.
17 Читать могу и по итальянски и по словенски, писать только по итальянски.

---

18 Эти люди допытывались у меня, о чем меня спрашивал. Таможенные думали, что вы папскій шпіон, переодѣтый поп (священник); они спрашивали меня, не говорили ли вы против короля. *)

---

*) Этот отрывок относится ко мнѣ и говорит о подозрѣніях таможенной стражи касательно моей личности и моего поведенія.

B. Тексты, записанные в 1901 г.

B. Die im J. 1901 neu aufgezeichneten Texte.

Сообщил тот-же Антон Иванович Кормонс, теперь уже 55 лѣт.

Mitgeteilt von demselben Anton Johann's Sohn *Cormons*, gegenwärtig schon 55 Jahre alt.

19 1. Od Bȍžŋə.

Na - *vínʝi* - ženȁrja *dal - setánte - nȕf* siŋ̨ - šȕw tȁot - xȉšə
nȍtr'u - Bȍžŋo, an nȍtre sim - pr̥̄šȕ *sóbit* tù - djȅlo. Dvá fjorȉna
20 pȍdne sen - mȕ. Aŋ̨ siŋ̨ - stȁw wъ̀n - do - ósin - mȁja. Mà jə - blà slába
úra: trí - tjḗdnə̀ njésèŋ̨ - narȅdu, kù dvjé - ʒornádə - am - pòw po - tjè-
21 dne. Je - bìw *sáldo* dȁš. Tkèj de na - wósim - mȁja siŋ̨ šȕw - wъ̀n,
damòw, šə bwȍj zawȍjo - ušȉ, kȍ zawȍjo - djȅla pr̥̀ - moji - xȉše.
22 Tù - pétȁk àŋ̨ tu - sabȍtu njésiŋ̨ - móγȕ vèʝ tr̥pjȅtь, zawȍjo - kъ̀
me, su - tjȅle ȕši ,snjȅsti. Pàj tu - nedȅjo siŋ̨ - jə̀ - opȁru.

---

19 О Босніи.

Двадцатаго января семьдесятдевятаго года я отправился из
дому в Боснію, и там на мѣстѣ я немедленно взялся за работу *).
20 Получал я два гульдена в сутки. И я там пробыл до восьмого
мая. Но была дурная погода: в теченіе трех недѣль я мог работать
только два с половиною дня в недѣлю. Шел постоянно дождь.
21 Так что восьмого мая я отправился отдуда домой, еще больше
по поводу вшей, нежели для ожидающихъ меня дома хозяйственных работ.
22 По пятницам и суботам я не мог болѣе выдержать, потому
что вши чуть меня не съѣли. Но по воскресеньям я их ошпаривал.

*) При постройкѣ желѣзной дороги.

23 Tkèj-də wsə-γlìx sьm-bìw-pr̥njèsu *činkwánte-trə̀* fjorìne damȍw.

24 An γòr-po-pȍtь, kь̀ sьn-šòw tù-Ʒàre, nàs-jə-blò vìȷ ko den-táwžent persȍn tù-baštimèntu, àn wsàki swȍ-jə̀-ȷéntù, zawȍjo-kь pow-lìtra vínà jə-biw wsáke pijə̀n: táko mȍȷno jə-blò víno, aη̨ šə̀s[t] sòwdə jə-kóštalo po-lìtre.

25 Anu sìm-pr̥šùw tù-Tr̥st aη̨ siη̨-šùw tòx-kȍnsulu, àn m-jə-dàw rikjéštu tù-dow-Kr̥mìn.

26 Àη̨ sьm-pr̥šùw tùna-dugànu taljànsko. Finànča me-jə̀-uprāšàla, də kwó mèη̨ tù-foγȍtu. Jàst-seη̨-jàw, de mèη̨ dew-kìlo ušì. *Alóra* me-je-poslù: *«andàte-avánti, ke non-vi-fáčjo la-vìzita, portáteli a-kàza-vòstra»*. *)

27 Aη̨ sim-pr̥šù damòw, aη̨ mà-ženà me-jə̀-mudàla trì-mjèscə, vjértə-mь, kopàri. Ano trì mjèscə njéseη̨-bìw màj lìbər ód-ušì, zawȍjo-k səm-bìw pȍwn̥ γŋìt, kь sìη̨ kōsmàt po-wsì-vìte.

---

23 Во всяком случаѣ я принес домой пятьдесят три гульдена.

24 И на возвратном пути, когда я отправлялся в Задар (в Зару), нас было болѣе чѣм тысяча лиц (человѣк) на кораблѣ, и каждый из нас пѣл свое, потому что каждый выпил пол литра вина [и опьянѣл]: столь крѣпко было это вино и стоило [только] шесть сольдов (крейцеров) литр.

25 И я пріѣхал в Тріест и отправился к консулу, и консул дал мнѣ вид для слѣдованія через Кормонс.

26 И я пришел на итальянскую таможню. Таможенные спрашивали меня, что у меня в узлѣ. Я сказал, что у меня два килограмма вшей. Тогда он меня послал (прогнал): «ступайте, ибо я не стану вас обыскивать, несите их (т. е. вшей) домой».

27 И я пришел домой, и моя жена возилась со мною втеченіе трех мѣсяцев, вѣрьте мнѣ (честное слово), кум. И втеченіе трех мѣсяцев я никогда не был свободен от вшей, ибо на мнѣ было полно гнид, так как я космат по всему тѣлу.

---

*) По итальянски, в обыкновенном написаніи: *«andate avanti, che non vi faccio la visita, portateli a casa vostra»*.

28 Tu-Bǒžŋe kь sem-bèw (bèu), sьm-vìdu ljépə xʄə̀rě, kè sò ùše
dòw-γonìle tàs-kȍtolə. Pò-košedùrax, sьm-vìduw, so-blə̀ napì-
29 čenə tà-pr̥-tə̀j. Àn̥ sьm-wprášù: «¿dèvōjka, kő-maš?» Àn̥ m-jə
-jàla po-ŋь̀x-šprà̀xi: «Tȍni, jìman ùši». Jàst túdi sьn̥-jàw po-ŋìx
-šprà̀xь: «¿zà-štȍ nə vràga zapàlьš?» «Jə̄, Tȍni», je-jàla, «ìman
30 čùda-dòsti». Jàst-sьn̥-ji-jàw po-ŋь̀x-šprà̀xь: «Pr̥-nàs jūdje
ne-pȍznajo ùšì; bòwxə jà, mà ušì nə̀, zawȍjo-ke žənə̀ čèdijo ŋèx
-famèjə àn otrokə̀; a tlə̀-pr̥-wàs stà tako špȍrkə, də wàs ʄejə̀ ùše
snjèstь žìvə».

31 Nàs-jə-blà na-kompanìja Pləstìščənə, anu smò símpre ʄən-
tàle kanconètə wsáki-sȍrtə, an̥ smo-blè na-kwartìrje blízò šìn-
32 dika,— po-ŋь̀x-šprà̀xi mu-djèjo «knès». An òn-je-tù ràdo čùtь,
áncik nas-jə̀-klícù prə̀d-ŋəγa-xìšu ʄəntàt, àn nin-jə-dàw pìtь
vìnà an̥ žgáŋà, za-twǫ-kь smò-ʄəntàlь.

33 No-nwȍʄ jə-pr̥šù tùx-nàšamo palèrjo, an̥ jə̀-wprášù nȍku
vìncà, de njéma drȍbnix denárjow za-γà-plaʄàtь, de drúγi-dàn

---

28 Когда я был в Босніи, я видѣл красивых дѣвушек, как онѣ
стряхивали вшей с юбок. По швам, я видѣл, онѣ были битком
29 набиты одна рядом с другой. И я спросил: «¿дѣвушка, что у
тебя?» И она отвѣчала на их языкѣ: «Антон, у меня вши». Я
тоже сказал на их языкѣ: «¿зачѣм к чорту их не сожжеш?» «Э,
30 Антон», сказала, «их слишком много у меня». Я ей сказал на
их языкѣ: «У нас люди не знают вшей; блох да, но вшей нѣт,
потому что женщины держат в опрятности свои семьи и своих
дѣтей; здѣсь же у вас вы столь грязны, что вас вши живыми
(живьем) съѣдят».

31 Нас, Пластищан, было цѣлое общество, и мы всегда пѣли
пѣсни всякаго рода, и у нас было помѣщеніе (мы жили) вблизи
синдика (волостного старшины), — на их языкѣ его зовут «кнês».
32 И он охотно слушал, даже нас приглашал пѣть перед его домом,
и давал нам пить вина и водки за то, что мы пѣли.

33 Однажды ночью (вечером) он пришел к нашему старостѣ и
просил продать ему одну «оку» винца, [замѣтить при этом,] что

jè-ʒimbàtь dèn-napolєjǒņ àn de γa-plàja. Àm palèr mu-jə
-dàw.
84 Jà-sьm-mu-jàw: «tì, knès, njémaš napolєjǒne nìč». Òn-mi-jə
-jàw: «Tǒni, jìman čùda napolєjóne jàst». Já-sьm-mu-jàw, de
85 «nə̀, njémaš nìč, tì, knès, napolєjǒne». On-me-je-jèw zà-dem
-bràč àn me-jə-péjù dǒwx-ŋəγà-xìše. Aņ jə-visùw tù-no
-skljèdo sám àor, aņ so-blè napolєjǒne, auštrijànske, fraņčèze, an
taljàņske anò šterlìne, prušjàne, dè ja-siņ-sə̀-čùduw velìko vídəti
tkèj-àora, kь wsè ŋəγà oblačìlo ja-njéseņ-dàw *činkwánte* sǒlt
zà-ŋe.
86 Wsa-famə̀ja ležǒ tǒna-tlù, tàza-kràwamь òl taza-koŋàmь,
87 an kùxajo tǒdì tàza-rìtjo òd-živìnə. Majǒ oγèŋ tù-xljēvè, majǒ
-za xìšo àņ za-xljèw aņ za-pastèjo àņ za-wsə̀, tkèj də *kòņ
-činkwánte-fjoríne* onь-napràvijo xramūjà ràt zà *kwalúnkwe*
famèjo.

у него нѣт мелких денег для того, чтобы заплатить за вино, но
что на слѣдующій день он размѣняет наполеондор и тогда заплатит. И староста дал ему.
84 Я ему сказал: «у тебя, князь, нѣт вовсе наполеондоров». Он
мнѣ сказал: «Антон, у меня много наполеондоров». Я ему сказал:
85 «нѣт, у тебя, князь, нѣт вовсе наполеондоров». [Тогда] он взял
меня за плечо (за руку) и повел меня к своему дому. И высыпал
на блюдо одно только золото; и были там наполеондоры, австрійскія [золотыя деньги], французскія и итальянскія, и фунты стерлинги, и прусскія, так что я очень удивлялся, видя столько
золота, потому что за все его платье я не дал бы пятидесяти
крейцеров.
86 Вся семья лежит (спит) на полу, позади коров или же позади
87 лошадей, и готовят кушанье там-же позади задницы скота. У
них огонь (плита) в хлѣву, [и одно и тоже помѣщеніе] служит
им и домом и хлѣвом и постелью и всѣм, так что на пятьдесят
гульденов они могут выстроить достаточно помѣщенія для любой
семьи.

38 Ȕšь božŋȁškə majȍ krȉš tàna-xr̥bȁtu aŋ rèp, tàj-mȍš.

39 Tȁko zbȉjəjo xlōdȁ po-dwȁ-kop, aŋzàt lȍžijo sljȅmə, aŋzàt zmétàjo-γòr slȁmo z-vílàme, òl z-bukóvin lȉstjem pokrȉjejo.

40 Kwókošè sérjȁjo dòw-po-ŋìx, a onȁ-ležȍ-zdòl tàna-tlȕ.

2. Автобіографическій разсказ. (Autobiographische Erzählung).

41 Áŋe povjȅŋ šə-nȍ-prȁvico, k-mì-sə-jȁ-γodȉla mənȁ
u-mlȁdьx-mójьx-ljȅtax, mȉslim, də u-sjȅdmьn ali w-ȍsmin ljȅte.
42 Moj-bȁrba wsáki-pētàk jə-pr̥šȕ po-xȉšax brȁt špȍjγo, an
43 telȅta, jȁrta àŋ kozlȉʧə: òŋ-jə-γonùw prodȁjat w-Wȉdən. Jà-sm̥
-wprášȕ méγa-oʧȁ: «¿kəɒ klȁdijə bárba-Štéfŋ̥ tьkȁj špȍjγə?» Mȍj
44 -oʧà mь̀-jə-jȁw: «moj-sȉn, jo-γȍni w-Wȉdən prodȁjat». Mȍ
-sьŋ-jȁw: «¿kəmù jə tkȁj prodȁ?» Ȍn-mĭ-jə-jȁw: «šjȍrjən jȍ
-prodȁ». Jà-seŋ-jȁw: «¿kȁŋ jə lȍžijo tĭkȁj, k u-wsáki-pétàk jȍ

---

38 У боснійских вшей крест на спинѣ и хвост, точно у осла.

39 [При постройкѣ] они (Боснійцы) сколачивают деревья (чурбаны) по два вмѣстѣ, затѣм кладут щипец (верх), и затѣм накидывают солому вилами, или же покрывают буковыми листьями.

40 Куры серют по ним (на них), а они лежат (спят) внизу на полу.

---

41 Теперь я разскажу еще одну исторію, случившуюся со мною в мои молодые годы, думаю, что на седьмом или восьмом году [моей жизни].

42 Мой дядя каждую пятницу ходил по домам собирать масло и телят и ягнят и козлят: он возил [все это] продавать в Удине.
43 Я спросил отца: «¿куда дѣвают дядя Степан столько масла?»
Мой отец мнѣ сказал: «мой сын, он возит продавать в Удине».
44 Я ему сказал: «¿кому он столько продает?» Он мнѣ сказал: «про-
дает его господам». Я сказал: «¿куда они дѣвают его столько, что

-žənə̀ dòw-Wìdən?» Mòj-oʄà mь̀-jə-jàw: «moj-sìn, rìt (rь̀t) sь -màžəjo ž-ŋò̆».

45 Ma-màtь jə-pustìla wsáki-bòt, k jə-zmə́tla, tə̀j no-jàjə nə̀j
46 -kŏkoši. Jàst-sn̥-wzèw to-špò̆jγo mojì-màtərə, àŋ sn̥-šùw γòrw -sjérak, aŋ sn̥⸗ br̥γèsə ⸗dòw-pŭstuw, aŋ sràkicu sn̥-γòr-wzdìγnu, àŋ sn̥-sь⸗ rь̀t ⸗namàzuw ž-ŋò̆, àŋ sn̥-sə-obù⸗ br̥γə́sə ⸗γòr, àŋ sm̥-pr̥šù dòw-xìšo, aŋ sn̥-dòw-sjèdnu tàna-mìzo.
47 Kòr jə-vìdala màtь, də špò̆jγə njḗ, jə̀-wprāšàla oʄə̀, də jə-l
48 -òn-ponŭcu. Òŋ-jə-jàw, də nə̀. Aŋzàt sù-wprāšàli mè-bràtrə, də kəŋ so-lóžlь, -ložlь̀ špò̆jγo, k so-blì stàrьjši ku jàst. Onì-so
49 -jàli, də nə-vjedò̆ za-nìč (-nь̀č). Oʄà jə-ujèw ta[γa]-velìcìγa méγa-bràtra aŋ γa-jə-začèw bŭtatь γòr-po-rìtь.
50 Te-bòt jà-sn̥-wtjèku wùm-po-pràγo, wùn-s-xìšə. Ma -màtь m-jə-vìdəla, də mь̀n wsə̀ br̥γə̀sə mókrə, zawòj-kь sò-blə̀
51 bjèlə. Àn moj-oʄà mə-klìčə nàzat. Àŋ sm̥-pr̥šùw tù-xìšu. Aŋ mь-jə-jàw, zakwò̆ sn̥-tjèku. Jàst-mo-sn̥-jàw, də jà-sn̥⸗ špò̆jγo

---

каждую пятницу он возит его в Удине?» Мой отец сказал: «мой сын, они мажут себѣ им задницу».

45 Моя мать каждый раз, как дѣлала масло, оставляла [кусо-
46 чек] в куриное яйцо. Я взял у моей матери это масло (этот кусок масла), и я отправился въ кукурузу (на поле с кукурузою), спустил штаны, поднял рубашку и намазал себѣ им (т. е. маслом) задницу; затѣмъ я надѣл штаны, пришел домой и усѣлся на лавку.

47 Когда мать замѣтила, что масла нѣт, спросила отца, не он
48 ли его употребил. Он сказал, что нѣт. Тогда спрашивали моих братьев, куда они дѣли масло, потому что они были старше меня.
49 Они отвѣтили, что ничего не знают. Отец схватилъ моего большого брата и стал трепать его по задницѣ.

50 Тогда я убѣжал вон через порог, вон из избы. Мать замѣтила, что у меня всѣ штаны мокры, ибо это были бѣлые
51 штаны. И мой отец зовет меня назад. И я вернулся в избу. И он спросил меня, почему я бѣжал. Я ему сказал, что это я взял

*wzěw. «¿Kə̀n sǐ-jo-lwȍžu?» Jàst-mo-sn̥-jàw: «rъ̀t sn̥-sъ̀
52 -namàzuw ž-ŋȍ». Te-bȍt mȍj-ojà sə̀-začěw-sməjàtь, àn̥ màtь jə-wprāšāla-mə̀, də zakwȍ sn̥-sъ* rъ̀t *namàzuw. Jà-sn̥-ji-jàw: «jə-jàw ojà, də dòl-w-Widnə̀ sǐ* šjȍrje rъ̀t *màžəjo ž-ŋȍ».
53 Jà-sm̥-mjěu wsə̀ tòwstə, bŗγěsə an̥ srākìco.
54 Ojà jə-wzěw no-vì, no-šwȍrkjo za-mə̀-ustràšǐtь, ma skrìwšə sə̀-jə-smə̀jow.

3. Отдѣльныя сообщенія. Отрывки из разговоров. (Einzelne Mitteilungen. Bruchstücke der Gespräche).

55 Njésmò-poznàli mì təγà krājà, ki je-tùw vjédə̀tь, kej jə̀ tas -tlù γor-dò* tej-pŗvə *zvjézdə. *)

---

56 Platíšča djémo təmȍ, ke wȍrajo zjěmjo ž-živìno: dŗžȍ w -rokàx, an wolъ̀ pə̀jəjo.

масло. «¿Куда ты его положил (дѣл)?» Я отвѣтил: «я намазал
52 себѣ им задницу». Тогда мой отец начал смѣяться, а мать спросила меня, почему я намазал себѣ задницу. Я ей сказал: «отец говорил, что господа в Удине мажут себѣ им задницу».
53 И штаны, и рубашка, все было у меня жирно (пропитано жиром).
54 Отец взял вѣтвь, хлыстик, чтобы меня попугать, но тайком смѣялся.

---

55 Мы не знали того царя, который хотѣл знать, как далеко от земли до первой звѣзды. *)
56 «Platišča» (плуг, соха) называем то, чѣм пашут землю со скотом (т. е. употребляя скот): [люди] держат в руках (придерживают руками), а волы тащат.

*) Относится к сказкѣ, разсказанной в 1873 г. и провѣренной в 1901 г. (№№ 1—14).

57 Pləstìšča jə̀-implantù dın-dezertə̀r tàs-Kr̥mìna, àn jə -djélu platíšča za-wə̀ratь. Aṇ za-tuə̀ djə̀jo «Pləstíšča» nə̀ši wə̀si, an vìɟ ku pə̀w sə-pìšəjo Kormə̀ṇs, zawə̀j-k jə-bìw tàs -Kr̥mìna.

58 Prjét smo-mjə̀li komújskì oficix tlə̀-u-Pləstíščax, jə̀st-ne -vjə̀ṇ, kəj ljə̀t jə̀. Pótiṇ so-γà-neslì tù-Tijpə̀nu, mà sə· *símpre* ·klìče «*komúne di Platíškiš*».

59 Tu-nə̀šeɷ-komúne je pét wasì: Pləstíšča, Prosnìt, Brjə̀zja, Oškwə̀rša aṇ Tijpə̀na.

60 Tù-Pləstíščax so dwá bórka: tè-γorə̀ŋe àṇ te-dolə̀ŋe.

61 Tù-Pləstíščax njémamo deríta za-mjə̀tь maə̀štro, zawójo-k

62 ɟè-bitì pét-stwə̀ dušìc, an tlə̀-pr̥-nàs nə̀-rivámo. Tlə̀-pr̥-nàs űčì ospwə̀t, kapəlàn, àn tu-Brjézjax, àn tu-Prosnìde. Tù Tijpə̀ne àn tu-Oškwə̀rše majə̀ maə̀štro.

---

57 Пластища основал бѣглец (бѣглый солдат) из Кормонс и дѣлал (приготовлял) сохи для паханья. Поэтому то и называют нашу деревню «Пластища», да больше чѣм у половины [жителей] фамилія «Кормонс», так как он был из Кормонс (*Cormons*).

58 Прежде волостное правленіе было у нас здѣсь, в Пластищах, не знаю, сколько лѣт тому назад. Потом его перевели в Тайнану, но волость все еще называется «*comune di Platischis*».

59 В нашей волости пять деревень: Пластища (*Platischis*), Просннд (*Prosenico*), Брѣзья (*Montemaggiore*), Вискорша (*Monteaperto*) и Тайпана (*Taipana*).

60 В Пластищах два «борга» (*borghi*) (два конца, два приселка, двѣ отдѣльныя части деревни): верхнія [Пластища] и нижнія [Пластища].

61 В Пластищах мы не имѣем права держать учительницу, потому что для этого необходимо 500 душ (жителей), а здѣсь у

62 нас не хватает. Здѣсь у нас учит священник (батюшка), капелян, точно также в Брѣзьях и в Проснидѣ. В Тайпанѣ и в Вискоршѣ имѣют учительницу.

63 Čimȍsa sə-klȉčə na-fȁša, k so-blə̀* žənə̀ *prevẽženə̀ sə̀m
64 -pod-brȁčə. Tùw-Oškwȍrši so* tàko *nosȉle, tèj tu-Rèzje. Pr̥ -nàs njébilo tə̀j užánčə. Sə̀-naɣordàn̦, də̀ so-mjèlə žənə̀ tùw-Oškwȍrše.

---

65 Tù-Prosnȉde na-trȉnajst-jȗŋa, na-svèt-Antȍni, jə-blà táka xȗda ȕra, velȉk dàš, də̀ sə* dèn̦-velȉk mjẽw *narə̀diw, jə* škȍdə *stȍruw za-dwá-tàwžent-fránkə.

---

66 Ja-znàn̦ kanconèt slovéjskix dostì-ăn-dostì, zawkə̀ u-cə̀jtu mojə̀-mladwȍsti jə-blwó-twó mwȍj-divertimə̀nt za-ȷəntə̀tь *símpre* tȍt, kь sьn̦-šȗw. Šə̀ po-noȷə̀, kè sьn̦-sə-zbȗduw tù-pastèje, sen̦-ȷəntùw.
67 Po-pləstíški-šprȁxi so tə̀-kanconétə, ma wljèkȍ nà-auštrijȁn̦sko-šprȁxo alpàj na-špjètərsko.

---

63 «Čimosa» называется поясъ, которымъ женщины перевязы-
64 вались (перепоясывались) [высоко, почти] подъ мышкой. Въ Вискоршѣ носили такъ, какъ въ Резьѣ. У насъ не было этого обычая. Помню, что это было у женщинъ въ Вискоршѣ.
65 Въ Проснидѣ тринадцатаго іюня, въ день Святого Антонія, была такая буря, такой большой дождь, что образовалась большая отмель (песчаная лавина), сдѣлавшая убытка на двѣ тысячи франковъ.
66 Я знаю очень много словенскихъ пѣсенъ, потому что во время моей молодости это было мое развлеченіе всегда пѣть, куда бы я ни шелъ. Даже ночью, когда я проснулся въ постели, я пѣлъ.
67 Эти пѣсни — на пластищскомъ языкѣ, но смахиваютъ на языкъ австрійскій (т. е. на словенскій языкъ въ Австріи) или же на свято-петровскій (т. е. на языкъ недижскихъ Славянъ).

---

4. Пѣсни. (Lieder).

1.

68 Tísto p-tu ràt,
kȉr-jo lȕbe moj-bràt,
ḱer mà dȕγə zobə̀,
kòkər kóza roγə̀.

2.

69 Prosníškə (Božŋáškə) čəčə̀
so γrózno lepə̀:
so w-rȁmanax wȍskə,
pa w-rȉt šorokə̀.

3.

70 Njɛ tájšnix duklȅt,
kȕj Prosníde jьx-jə pȅt:
kar jə cájt jem molȉt,
γréjo ráka lovȉt.

---

68 1. Ту [дѣвушку] я бы хотѣл рад (я бы хотѣл имѣть), которую любит мой брат, ибо у нея длинные зубы, как рога у козы.

69 2. Проснидскія (Боснійскія) дѣвушки ужасно (очень) красивы: в плечах узки, а в задницѣ широки.

70 3. Нѣт [нигдѣ] таких дѣвушек, как в Проснидѣ их пять: когда пора молиться, онѣ идут раков ловить.

II. Брѣзья (Brjēzja, Montemaggiore).

А. Тексты, записанные в 1873 г., свѣренные же и исправленные в 1901 г.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten und im J. 1901 verifizierten und korrigierten Texte.

№№ 71—78 и 89—91 записаны в 1873 г. со слов понамаря (múnix, *nonzolo*), Іосифа Штурмы Дебелона (Зèf Štúrma, Štúrmij, Debelòŋ, tápər Debelóne, múnix) (*Giuseppe Sturma detto Debelon*), 42 лѣт. (Умер в 1891 г., когда ему было 60 лѣт.)

№ 85 происходит от лица, мною не отмѣченнаго, но, кажется, от того-же Іосифа Штурмы Дебелона.

№№-ами 79—84 и 86—88 я обязан двум разсказчикам: Іосифу Чушину по прозв. Пирину (Зéf Čušíŋ Piríŋ, tápə̆r Pirìnu, = Зéf Piríŋ), 46 лѣт, и мѣстному трактирщику, Матѳею Томажину по прозв. Шковерту (Matíja Škovə́rt, tápə̆r Škovə́rtu, Tomažíŋ (koŋóŋ), oštjèr brjȅški), 34 лѣт.

В 1901 г. я свѣрял все это с 68-лѣтним Валентином Томажином Тоничем, со слов котораго записаны тексты 1901 г. (№№ 92—105). Его болѣе значительныя поправки и дополненія поставлены мною между звѣздочками, * *, а именно: измѣненія и поправки в кривых скобках, ( ), дополненія же в угловатых скобках, [ ].

1. **Разсказ (Erzählung).**

71 Brjẽžànь su-mjélь aŋ šeŋè majù káwžu z-Barγìncì; to-ʝe-bьtь̀ tríkat-dwá-rèdi ljèt. [*Éjŋe nə̀ finìta; sǒ-ju-wodiŋàli Brjẽžànь*].

72 Moj-bárba e-sjéku sə̀no tòw-Kũcjь; zàt su-paršlь̀ Barγìncь̀, su-γà-ustrjẽlili (*-ubwìli*) sklopàn, zàt su-γa-wljékli-dòw daŋ-kə̃s, aŋzàt su-mù* še *sjékli sьkìru nóγə, pétə, mártvəmu (mə̃r-tvəmu) (*tòw-pètə mártvəmù*); [*sǒ-mu-ložlь̀ nu-pìpu tòw-ũsta mə̃rtvə̀mu tjèw-Lopàtisi;*] z-γa-pũstìli [*éjtu*] tàna-pǒti. Pótiŋ sù-šlь tlə̀-tjé, àŋ co-γà-obrjétlь po-noʝè, aŋzàt su-γà-wár-wali po-noʝè.

73 Ə̀jtu pótcŋ (potadə̀j) še ná-Bərγìncà so-ubwìli. [*Pǒtìŋ Brjẽ-žanь sò-ubwìli tjèna-Zelènij-Dolìni,— te-bì dàn-Zjòŋ. Zàt so

---

71 У Брѣжан*) было да еще и теперь есть дѣло с Бръгинцами**); это будет уже шестьдесят лѣт. [Теперь дѣло это кончено; его выиграли Брѣжане].

72 Мой дядя косил траву в Куцьѣ[1]); тогда пришли Бръгинцы, застрѣлили (убили) его из ружья, потом тащили его вниз извѣстную часть [дороги] (на извѣстном разстояніи), и затѣм еще рубили ему, мертвому, топором ноги, пятки (рубили мертвому по пятам) [вложили трубку в рот мертвому в Лопатысѣ[1])]; оставили его [там] на дорогѣ. Послѣ они отправились туда, нашли его ночью и сторожили его ночью.

73 Послѣ этого убили тоже одного Бръгинца. [Послѣ Брѣжане убили на Зеленой Долинѣ[1]) — это был нѣкто Зіон[2]). Затѣм

---

*) т. е. у жителей деревни Брѣзья.

**) т. е. с жителями деревни Бръгин (Brgìn, *Bergogna*) в пограничной австрійской провинціи Горица (Gorica, *Görz*, *Gorizia*).

1) Названіе мѣстности.

2) Собственное имя.

-pr̥šlì Bəryıncì anò so-yà-neslì, *mà* ospwòt bəryìški on-ŋjètow
74 jьtь̀ pòŋ ˢsàɳ čes-koɳfìn*]. Tadəj (*Zàt*) su-yà-neslь̀ tàna-konfìɳ
[*àɳ co-ya-wárwalĭ. Pótiɳ ə̀-paršòw tlə̀ dàɳ, cò-ya-jéli tlə̀*]
àɳ co-ya-ynáli tow-Tumìɳ, aɳzàt pà s-Tumína tòw-Гre-
díšče.
75 Aɳzàt tadȍle tè-bi daɳ-ŋayà-kompàŋ nótre-u-paražóne.
Aɳzàt e-viljézu-wь̀n ɔ́nu e-ɖàw, kè on-ɟèˢ(k on-ɟèˢ) šé ŋəya
ˢpustítь-wь̀n, k-ó-mu-dá dwá napoleȍna (*trì napoleȍnə*). Zàt
e-ya-pústъw, òɳ-je-pr̥šòw dimwȍj.
76 Əɳzàt suˢ spȅk ˢparšlь̀ pòjŋ čàfi àn co-ya-ynáli tòw-Wì-
daɳ, àno taz Wìdna tòw-Гredíšče spȅk.
77 Zàt so-ya-wprašàli tanȍtre, de káko e-wtèku (e-šь̀w
-wь̀n). Òɳ-e-ɖàw, kь̀ to-ya-klícàlo: «¡Páwli! pójdi-wь̀n»
[*«pòj dimwȍj, so wràta otpártə»*]. [*Prətȍr ə-yà-wprášòw,

пришли Бръгинцы и унесли его, но бръгинскій священник не
хотѣл идти за ним (чтобы провожать его) сюда через гра-
74 ницу]. Тогда унесли его на границу [и сторожили его. По-
том пришел туда один *), его там схватили] и погнали в
Толмин (*Tolmino*) [1]), а затѣм из Толмина в Градище (*Gra-
disca*) [1]).
75 Затѣм там в тюрьмѣ сидѣл один из его товарищей. Затѣм он
(этот товарищ) вышел на свободу и сказал, что он тоже его
выпустит, если он ему даст два наполеондора (три наполеондора).
Послѣ он его выпустил, и тот пришел домой.
76 Затѣм опять пришли за ним жандармы и погнали его в
Удине, а из Удине опять в Градище.
77 Тогда его там спрашивали, как он убѣжал. Он сказал, что
что-то звало его: «¡Павел! ступай вон» [«иди домой, ворота

---

*) т. е. чужой человѣк, котораго поймали по подозрѣнію в убійствѣ.

1) Названія мѣстностей.

káko ə-viljèzu-wòn. Òn-ə-ḑàw: «kàr so-bə wràta otpə́rtə, sn̥-šòw»*].

78 Zàt, to-sə-vjé, žùdix ə̀-sə-wstrášew, pretòr. Tadə̀j co-mu-dàli šeŋə̀ pét fjoríne, anu-tadə̀j sù-mu-dáli šé ŋəγa čeréwje ə̀n klobùk, an-tadə̀j sù-γa posláli z-bwóγaŋ dimwòj. Sù-γa-γnàli dimwòj, sò-γa pústili líbərγa (*líbə̆rə̆γa*); àŋ je-šъw ʄantə̀ʄ dimwòj tà-xìši.

2. Краткіе разсказы; отрывки из разговоров, отдѣльныя сообщенія. (Kurze Erzählungen; Bruchstücke loser Gespräche, einzelne Mitteilungen).

79 Ma-ránca-prebàba, kì-na-mjèla čimòsu šè, te-bà nà-dobrà-ženìca, Bwòx-jej-γnàdij.

80 Nášə žənə̀ nú-maju γwànt na-vìʄ-maŋjèr sašìt: po-slovéjskiŋ anu po-làškiŋ. Slovéjski tè kòtula préz-rukavè, a po-làškiŋ te àbit z-rukawmì. Nù-majò gùḑu po-maŋjèri-slovéjskъj, anu po-

81 -làškъj nú-maju gùḑu *juštès*. Káka na-mà, káka na-njéma či-

---

отперты»]. [Судья спрашивал его, как он вышел вон. Он сказал: «так как ворота были отперты, то я и ушел»].

78 Тогда, конечно, судья испугался. Итак ему дали еще пять гульденов, да кромѣ того его сапоги и шляпу, и тогда отправили его с Богом домой. Погнали его домой, пустили его свободным; и напѣвая он ушел домой, на родину.

---

79 Моя покойная прабабка, имѣвшая (носившая) еще пояс, была добрая женщина, Бог ей будь милостив.

80 У наших женщин платье сшито на нѣсколько манер (ладов, способов): по словенски и по фурлански. По словенски это юбка без рукавов, а по фурлански платье с рукавами. На словенскій лад у них рубашка, и на фурланскій лад у них тоже рубашка.

81 У той есть [пояс], у другой нѣт пояса. У старух есть пояс.

mȍse. Tɛ-stáre nú-majù čimȍsu. Гwànt po-slovéjskъj-maŋjèrì òŋ-ə čàr; gùḑu nú-maju bjélu žənə̀ anu mȍžje.

82 Wsáku sórtu (*Wsákə sórtə*) kalȍrje ə-bì te-slovéjski ɣwànt: čàr, bjèw, zələ̀n, rȍs, anu plàw, čarŋòw.

83 Daŋ-ɣwànt ə ljèp, òŋ-mi-plažà, tɛ-drùɣi (*tɛ-drùɣe*) òŋ-mi-nè-plažà,oŋ-njè ljèp. Je-*bèŋ* ja-vjèŋ, kъ̀ oŋ-mi-plažà, bé-ja-mъ̀w sówte zá-ɣ-ukupìti.

---

84 Tъ̀w Tejpàne nú-maju cjèrkow dòl-na-Prjḗxȍde, še bȍj velìku, kuj Brjḗžànь, àn nu-majȍ tùraŋ ànu trì zwȍne tъ̀w-tùrne, anù orlòj.

---

85 Ԏe to-[j]ə̀ na-rjèč mēxnà, rántaj sə̀r, tò-sə-djè «jɛ-tíščiŋ, je-tíščiŋ sə̀r» to-mȍre reȷ̌ь̀. Tè to-jə na-rjèč rántaj (táj) bь-na -mjèla spàstь, te-bòt tò-ma-reȷ̌ь̀: «jé-tıščìŋ-ɣorè, zakì to-dòw -ne-spàdь (zák to-dòw-ne-spàdь)»; alpàj to-mȍre reȷ̌ь̀: «já

Платье на словенскій лад черно; рубашка у них бѣлая, как у женщин, так и у мужчин.

82 Всякаго рода цвѣтов (Разноцвѣтная) была словенская одежда: черная, бѣлая, зеленая, желтая, {и} синяя, красная.

83 Одно платье красиво, оно мнѣ нравится, другое мнѣ не нравится, оно не красиво. Да да, я знаю, что оно мнѣ нравится, были бы только деньги, чтобы его купить.

84 В Тайпанѣ имѣют церковь на Прѣходѣ, еще бóльшую (еще обширнѣе) чѣм Брѣжане, и имѣют колокольню и три колокола в колокольнѣ и часы.

85 Если какая нибудь вещ мягка, точно сыр, тогда говорится «я прижимаю (придавливаю), я прижимаю сыр» нужно сказать. Если это вещ точно бы она имѣла спасть (Если извѣстная вещ падает), тогда надо сказать: «я надавливаю вверх (я поддерживаю), чтобы это не упало»; или же нужно сказать: «я держу

-dəržìŋ-γorè, zakì to-dòw-ne-spàdь». Na-vìȷ-vìš se-mòre reȷь̀. *)

86 Săŋ-ǧàw anu săŋ-sè-wr̥nòw reȷь̀; «xudíȷ tь̀ òči ·nesì» sàŋ-tì -ǧàw, «kь̀ ti-ne-djélьj təγà, kì ti-sĕ-ȷì-udàriti». Kàr ti-njèsi -tòw bówγati, *magári* še-bój (-bǿj). Té, k-oŋ-néjȷe bówγati, è pintìt pȍtiŋ.

---

87 Saŋ-ǧála: «S-mí-obéjȷъw, kì tĭ-mĕ-ȷé-wzèti; sì-mĭ-dəržъ̀w -γorè trí ljèta, ánu éjŋe sì-me-pŭstu; éjŋe, kĭ si-mè-osròw, si -wzéw nu-drŭγu;—¿ál te zló-dráγo twȍ?»

---

88 Mi-pléšèmo wčàsi nà-seŋàŋ alpúr na-svèti-Mixòw, ànu wčàsi tàw-pùste. Plès mi-momò tàj-Nedížъwci.

к верху, чтобы это не упало». Различным образом можно сказать.

86 Я сказал и я вернулся сказать (я повторил); «чорт тебѣ глаза унеси» я тебѣ сказал, «чтобы ты этого не дѣлал, а то ты ушибешся». Так как ты не хотѣл слушаться, так пусть еще более (т. е. пусть бы ты еще более ушибся). Тот, кто не хочет слушаться, должен послѣ каяться.

87 Я говорила: «Ты мнѣ обѣщал, что ты меня возьмеш (что ты женишся на мнѣ); ты поддерживал со мною связь втеченіе трех лѣт, а теперь ты меня оставил; теперь, когда ты меня обосрал (компрометировал), ты взял другую; ¿развѣ это тебѣ очень дорого? (¿развѣ это тебѣ доставляетъ большое удовольствіе?)»

88 Мы танцуем иногда во время ярмарки или же на святого Михаила, а иногда на масляницѣ. Танец мы имѣем как Недижцы (Свято-Петровцы) (Славяне из *distretto San Pietro al Natisone*).

---

*) Этот отрывок (№ 85) помѣщен мною раньше во «Фріульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія. С.-Пб. 1878», стр. 59.

89 Mì pojemȍ po-lȁškiṇ, tè po-latíṇskiṇ, alpàj po-slovéjskiṇ. Mì pojemȍ šè po-lȁškiṇ; mi-znàmo pjèti po-slovéjskiṇ anú po-lȁškiṇ; po-slovéjskiṇ mí-kapimȍ bǿj, kuj po-lȁškiṇ.

90 Prédiʇu momȍ ə̀jŋɛ po-slovéjskiṇ, záki jə̀ ospwȍt Slovèŋ; ma prjèt smo mjèli ospwȍde Lȁxə, sù-prediʇȁli kùj po-lȁškiṇ, ma mí-smo-kapìli *juštès*, *skwáži* bǿj, kùj po-slovéjskiṇ.

3. Молитва Господня («Отче Наш») *(Pater noster)*.

91 Oʇe-nȁš, kìr-si w-nebə̀se (*na-nebə̀se*), posvéʇenò bȍdi tóje (*wašo svèto*) jìme, prídi γ nàṇ tóje krɛjóstwo (*wášo svèto krajóstwo*), razodí-se twója wȍja (*zγodì-sə wȁša svèta wȍja*), kòkər jè na nebə̀sь, táko [*tudi*] na-zémji (*na-zémje*). Dàj-nam Bwȍx [*danàs*] tè-wsakidáŋi krȍx. Nam- Bwȍx -otpūstì (*Naṇ-otpȕsti*) nȁše dȍwγe, kòkər mì otpȗščàmo nȁšiṇ dužnìkaṇ (*dowžnìkən*). Nàs-ne-pejì (*-ne-pə̀ji*) w-škušŋȁwu, támiʇ nàs-odrjȅši (*tàmuʇ nas- Bwȍx -odrjȅši*) od-wsəγȁ-xudjéγa (*od-wsaγȁ-xȕdəγa*). A'miṇ (*A'men*).

---

89 Мы поем (молимся) по фурлански (то-есть, по латыни) или по словенски. Мы молимся тоже по-фурлански, т. е. по-латыни; мы умѣем (можем) молиться по-словенски и по-фурлански (по-латыни); по-словенски мы понимаем болѣе, чѣм по-фурлански (т. е. по-латыни).

90 Проповѣдь у нас теперь словенская, потому что священник Словенец; но раньше у нас были священники Фурланы, они проповѣдывали только по-фурлански, но мы все равно понимали, чуть ли не лучше, чѣм по-словенски.

B. Тексты (образцы языка), записанные в 1901 г.

со слов Валентина Томажина Тонича (Tìŋ Tomažìŋ Tȍnij), 68 лѣт.

B. Die im J. 1901 aufgezeichneten Texte (Sprachproben)

aus dem Munde von *Valentino Tomasino detto Tonig*, 68 J. alt.

92 ¿Káko, àlete-písow lȅtero twoj-sìŋ tàz-Ɉermȁŋjə?
93 ¿Ale préce posjȅkow twoj-sìŋ tráwȍ?
¿Al-vi-matà kȁcəγa diélòwca?... alì diélòvicu?
94 Vì-be-mȍ[w]-oženìtь kȁcəγa tèx-sinȍw. Na-wàn-koventȁ
nȁ-žənà pàr-xìšь zà-oprȁtь, za-skȕxatь, za-omìtь, zà-paršìtь.
Na *sìmpri* koventȁ, na-žənà par-xìši; tə γárdo pres-nə-žənə̀ par
95 -xìši. *Mà* jà nȅkiji nə-kwȁžeŋ, *náŋɉej* nə-brȁniŋ; nəj-djȅlajo
twȍ, ke no-ɉè. Jà-saŋ stàr, saŋ štùf wsaγà. Ti-mlȁdi naj-sə̀
-reŋɉȁjo.
96 ¿Kȁko o-mà-stortѐ sòwsə djȅlo, woš-Tìŋ? Э-mòw-wstȁtь šə̀
Luìdjo tà-dȍma, mà to-njȅ rȅnditə za-morjȅtь stȁtь tà-dȍma; to bȍj

---

92 ¿Как же, писал ли письмо твой сын из Германіи?
93 ¿Покосил ли наконец твой сын траву?
¿Есть ли у вас какой нибудь работник? или работница?
94 Вы бы должны женить котораго нибудь из этих сыновей
(парней). Пригодится вам женщина дома (при хозяйствѣ), чтобы
стирать, готовить кушанье, помыть, пришить [что нужно]. Она
всегда пригодится, женщина, в хозяйствѣ; некрасиво (гадко) без
95 женщины в хозяйствѣ. Но я ничуть не приказываю (не заста-
вляю), ни же не воспрещаю; пусть дѣлают то, что хотят. Я
стар, мнѣ все надоѣло. Молодые пусть [сами] устраиваются.
96 ¿Как он может справиться со всей работой [один], ваш
Валентин? Должен был остаться дома тоже Людвиг, но нѣт до-

*tórna-kònt jьtь tù-Ɖermàŋjo. Tlə̀ to-njè rénditə za-stàtь tlə̀. *Olmànku* tòw-Ɖermàŋji to-sə̀* ljéwšə *stojì anò to-sə-wodiŋà
97 -kəj. Ma tlə̀ wòs-tix-kràw tò-sə-ɖevà tikàj za-sòw ano tobàk anu predjàl. Tlə̀ stojèj tò-ne-stòri jédnəγa akwíšta, zajkì tə šə̀ màlo fortùnə tòw-blàze; tò-ma-djèlatь tà na-béštja, a rénditə tə màlo.

98 A sə̀no sèjjь za-γà-prodàtь tò-nə-*tornà-kònt*, zajkь to-njè dràγo. Tə dòbər-kùp, kàr to-njè pét fràŋkə tòw-Tijpàne kwintàl; tò-nə-*tornà-kònt* γa-sèjjь zà-prodàtь.

99 Tlə̀ w-tim-pajìze sǝ tèškə djèla. To-sə-nə-stòri *náŋtej* dnəγà djèla, kè te žə̀j to-drùγə. Dan mòš wòn do *sesánte* àŋ òŋ* šə *mòre djèlatь kəj, ma pòtiŋ to-*tòja* djèlatь, nālə̀ kь to-njè dòbər vèj.

100 Pòtiŋ tàpod-nàmi sǝ* wsə̀ *narèdili cjèrkvə, kanòniko narèdili,

---

хода (но это не выгодно) быть принужденным оставаться дома; выгоднѣе отправиться в Германію. Здѣсь нѣт доходов (не выгодно) оставаться здѣсь. По крайней мѣрѣ в Германіи лучше
97 живется и кое-что зарабатывается. Но здѣсь возлѣ этих коров выручается только на соль, на табак и на подати. Оставаясь здѣсь, нельзя сдѣлать никакого пріобрѣтенія, потому что еще мало имущества в скотѣ; надо (ты должен) работать как животное, а дохода мало.

98 А сѣно косить, чтобы его продать, не стóит, потому что оно не дорого. Оно дешево, ибо в Тайнанѣ оно не стóит даже пяти франков квинтал (100 кило); не стóит косить его для продажи.

99 Здѣсь в этих мѣстах тяжелыя работы. Не успѣеш окончить одной работы, как уже приходится браться за другую. Мужчина до шестидесяти лѣт может еще кое-что работать [без затрудненія], но и послѣ приходится работать, хотя человѣк болѣе не в силах (хотя нѣт болѣе сил).

100 Затѣм здѣсь у нас вездѣ настроили церквей, приходских

prekrȉli, wsə̀ xȉšə narȅdili, wsə̀ pɷ̏ti, cjéstɷ̀: sɷ̀ spȅžə velȉkə tɷ̀w -komȕne.

101 Tòw-Fərjȕle Lȁxi nɷ-sə̀-bojȅ sűšà *frà-lis-Madónis*, ma zȁ -nas tlə̀ òŋ-stojȉ ljȅpo sȕš tè-bot, zakì òŋ-sazdrèj sjéràk.

102 Ȅjŋe sɷ̀ šə̀ dobrə̏ ljȅta, *ma*, kàr sam-bȉ mlȁt jà, sɷ-bə̀ slȁbə ljȅta; ə mȁlokrȁt sazdròw sjéràk ljȅpo. Tè-bot tə-sə̀-žȉvilo slȁbo. *Di-gráčje* ɟe ne-bà pɷlénta, *ma* tə̀ njȅbo. Sɷ-jjȅdli jȕdje krompȉr, brɷ[w]ȁdɷ, a ȅjŋe *gwȁj* dȁtь nəmɷ̀-djȅlɷwcɷ tɷ-spə̏žɷ, kь-nə -bà dəmbòt. Nɷ-ɟè⸗kòj⸗ɷsrȁtь človjȅka, anɷ̀ nɷ̀-nə-prȉjdəjɷ vȅj

103 za-djȅlɷwca. Tè-bot sɷ-djȅlalь za *vȅŋt-sɷ̏lt*, a ȅjŋe sɷ drȁzi: nɷ-ɟȅ dwá frȁŋka tɷ̀w-sjéčvine. Dam-bòt sɷ-šlȅ pó-no -brjȅmə sə̏na, a éjŋe nȕ-nə-γrɛdɷ̀, ɟe to-njȅ *pər-plažə̏j*, za nь̏č.

104 Sɷ jȕdje *máso* sȉti, sɷ̀ nawȁjəni tɷ̀w-Ɉermȁŋji píti nu jjȅstь dobrò, *antànt* nɷ-wodiŋȁjɷ šə̀ sɷ̏wtə.

домов, передѣлали крыши, всѣ дома выстроили, всѣ дороги, шоссе: большія издержки в волости.

101 Во Фріулѣ Фурланы боятся засухи к Успенію (къ 15-му августа), но нам здѣсь годится засуха на этот раз, чтобы кукуруза созрѣла.

102 Теперь хорошіе годы, но, когда я был молод, были дурные (скверные) года; кукуруза только изрѣдка созрѣвала. В то время жилось скверно. Спасибо если была полента, но (а то) и ея не бывало. Люди ѣли картофель, кислую рѣпу, а нынѣ Боже сохрани дать рабочему тѣ харчи, которыя были нѣкогда [в употребленіи]. Они сейчас же «осерют» (выругают) человѣка (нашего брата), и не

103 прійдут болѣе работать. В то время работали за двадцать крейцеров, а теперь они дороги: они хотят два франка во время косьбы. Нѣкогда (В то время) ходили за охапкою сѣна, а те-

104 перь не ходят, если не для удовольствія, ни за что. Люди [теперь] слишком сыты, в Германіи привыкли пить и ѣсть хорошо, да кромѣ того зарабатывают [там] деньги.

105 Dambòt, kь tə̀-sə-pàslo kràvə, tə-sə-rèdilo blàγo; to-njèbo tèx fadìj. Mà èjŋe, ke to-mà-redìtь nòtre, nò-sə-jùdje ˢmàr-trajo (màrrtrajo) zà-redìtь kàko kràwo.

---

105 Прежде, когда можно было пасти коров, держали (разводили) скот; тогда не было этихъ хлопот. Но теперь, когда нужно держать и кормить в коровникѣ, люди мучатся, чтобы держать хоть одну корову (люди с трудом могут держать одну корову).

III. Тайпана (Tìpāna) (Taipana).

Тексты, записанные в 1873 г., свѣренные же и исправленные в 1901 г.

Die im J. 1873 aufgezeichneten und im J. 1901 verifizierten und korrigierten Texte.

№№ 106—119, 131—145 сообщил Иван Кос по прозванію Пинюч (Žwàņ Kȍs Pьŋъ̀č), трактирщик (oštjȅr) в приселкѣ Бера (Bэ̀ra), 37 лѣт. №№ 135, 136 и 140 прибавлены тѣм же разсказчиком в 1901 г.

№№ 120—130, 146—150 записаны со слов Валентина Бера по прозв. Ри́чота (Tìņ Bэ̀ra Ričȍt = tàpar-Ričȍte) из приселка Бера (Bэ̀ra), 44 лѣт.

№№ 151—154 являются собирательным произведеніем трех непоименованных посѣтителей мѣстнаго трактира (корчмы).

Эти тексты (№№ 106—154) были в 1901 г. просмотрѣны и исправлены мною почти исключительно при содѣйствіи выше названнаго Ивана Коса Пинюча, теперь уже 65-и-лѣтняго старика, с которым мнѣ пришлось встрѣтиться три раза, два раза в Тайпанѣ и один раз в Вискоршѣ. Послѣ 1873 г. он обѣднѣл, лишился имущества и отправился в Южную Америку, гдѣ пробыл нѣсколько лѣт. Затѣм он вернулся на родину и теперь занимается мелкою торговлей в качествѣ странствующаго торговца (*mercante girovago*).

Валентина Ричота Бера я тоже застал в живых в 1901 г., но он, точно так-же как и его племянник, Бернардин Бера Ричот (Bernardìņ Bȁra Ričòt) (*Bernardino Berra*), клерик (ученик духовной семинаріи в Удине), 22 лѣт, подозрѣвал меня в чем-то нехорошем и почти не хотѣл говорить со мною.

1. Сказка (Märchen).

106 **Dam - bòt ә - bí wòwk, *kè* ә - mòw xìšɷ tjè - za - Jáŋiņ - Bàr-
daņ tjè - u - ni - jàmь. *Mà* te - bò dostь̀ wowkė̀ ukòp, àn te - wòwkь
sɷ̀ - xodìlь γorlè - u - wàs kràst òwcә, wocȍnә, krávә, kókoši, pe-
telìnә, ànu kàr sɷ - obrjètlь.
107 Ànu zàt, štúfь - *kè* - sɷ - bә̀ tlә́ - te bә̀štjә sә - vídatь jedɷ̀j od
- wowkė̀, sɷ̀ - sě - impensàlь zà - jьx - disfàtь te - wòwkә, àņ sɷ
- šlь̀ dòw - na - Jáŋe - Bàrdo, àņ su - dàlь wɷ̀n wsàke swɷ́j - *avɷ̀š*
108 (*swɷ́j - *vɷ̀š**). Petelìņ ә-jàw: «¡kíkirikí!» Wòw ә - jàw: «¡bù!» Má-
čàk (máčak) ә - jàw: «¡ŋàu!» Wocòņ ә - jàw: «¡bә̀!»
109 Wòwkь, kь̀ sɷ - čùlь tè - rumɷ̀r, sɷ̀ - sә - uštràšьlь àņ sɷ - jàlь
(* - ǵàlь*): «pɷ́jmo γlèdat, kwó to jә̀».**

---

106 **Однажды был волк, имѣвшій дом (берлогу) (жившій) за Яньим-Бердом. Но [собственно] было много волков вмѣстѣ, и эти волки ходили в деревню красть (похищать) овец, баранов, коров, кур, пѣтухов и [все,] что [только] нашли.**

107 **Затѣм, когда этим животным надоѣло смотрѣть, как их пожирают волки, они вздумали истребить волков; и [тогда] они пошли на Янье-Бердо и окликнулись каждый своим голосом (каж-
108 дый по-своему). Пѣтух сказал (запѣл): «¡кикирики!» Вол сказал (зарычал): «¡бу!» Кот сказал (замяукал): «¡няу!» Баран сказал (заблеял): «¡бә!»**

109 **Услышав этот шум, волки испугались и сказали: «пойдем посмотрѣть, что это такое».**

110 Anzàt ⸗dòw kь so-šlь̀⸗ nu-màr, su-jàlь kógь, k-om-pò̑j
γorè-u-xìšu kù̑xat mè̆so. Anù òn̨-ə̀-jə-bówγъw, ə-šъ̀w-γorə̀.
111 Tò-γore ə̀-pomə̀rkъw tъ̀w-lonàc, ə̀-mu-sə-usrъ̀w petelь̀n̨
112 dòw-žá̆-šiju (*dòw-za-šìju*), dòw-na-kopè̆tu. An̨zàt ə-šъ̀w
tjè-u-žlìčar pó-nu-žlìcu. Mācàk ə-bì tъ̀w-žlìčarjь, ə̀-mu⸗ rò̑kə
113 ⸗rasprá̆skъw. An̨zàt ə-šъw tjé-u-nénkə pò-objélo. Tačjé-za
-ninkā̀mь ə-bì wocòn̨, ə̀-mu-dàw nù-truškā̀du, ə̀-γa-wòrγъw
114 (*ə̀-γa-wā̀γrow*) dòw-za-wrā̀ta. A dòle-za-wrā̀tь ə-bì wòw,
ə̀-γa-wzèw tàna-rṑγə̆, ə̀-γa-wòrγъw (*ə̀-γa-wā̀γrow*)
wъ̀n-zù̑na.

115 An̨zàt òn̨-ə-šъ̀w dòw-γ-wówkằn, ŋəγá-kompáŋan, á̆nu wъ̀s
-wštrá̆šən (*-wstrā̀šən̨*) ə̀-jen̨-jàw (*-ɉàw*): «já jé-nə-γrén̨ vъ̀ɉ
116 γorè-u-xìšu». Onь̀ sò̑-mu-jàlь: «¿za-kwó̆ nə̀?» Ò-ə-jàw: «Tò
-γore-u-xìši sàm-pomə́rkъw tъ̀w-lonàc; γòr-u-nā̀pь tè-bi
dàn̨, kè-zmažuwòw, ə̀-mь-wòrgъw (*-wā̀γrow*) nu-ɉáču màwtə̆
117 dòw-žá-šiju (*dòw-ža-šìju*). Šằn-šъ̀w tjé-u-žlìčar pó-nu
-žlìcu; tè-bi dàn̨, ke-djélъw álipàj gérʒъw wòwnu (òwnu),

---

110 Затѣм, прошедши немножко, они сказали повару, чтобы он
пошел (отправился) в избу варить мясо. И он повиновался и по-
111 шел туда. Там он поглядѣл в горшок, и пѣтух насрал ему за ши-
112 ворот, на спину. Затѣм он отправился к корзинѣ с ложками за
113 ложкою. В корзинѣ был кот и расцарапал ему руки. Затѣм он
пошел к шкапу за сдобой (приправой). Там за шкапом был ба-
114 ран, боднул его и вытолкал за дверь. За дверью же был вол,
поднял его на рога и выбросил вон.

115 Затѣм он отправился к волкам, своим товарищам, и, весь
испуганный, сказал им: «я не пойду больше в избу». Они ему
116 сказали: «¿почему нѣт?» Онъ сказал: «Там в избѣ я поглядѣл в
горшок; над навѣсом (над плитой) кто-то мазал (бѣлил, красил) и
117 вылил мнѣ за шиворот уполовник извести. Я пошел к корзинѣ за
ложкою; там кто-то дѣлал или ворсил (чесал) шерсть, и ударил

ǝ̀-mь-dàw z-áxjamь (*mì-э-dàw nu-gerʒádu, mì-э-dàw z-gérʒamь*) dȍw-čez-rȍkǝ̆, ǝ̀-mь˒ sȍwsǝ̆ rȍkǝ̆ ˒raspráskъw.
118 Aŋzàt săŋ-šъ̀w tjé-u-néɷkэ pò-objélo, aŋ tàza nьɷkàmь ǝ̀-bi dàŋ, k-e-klòw dǝ̆rwà; ǝ̀-mь-dàw š-čwóju, ǝ̀-mэ-wòrγъw
119 (*-wàγrow*) dòw-za-wràta. Tà-dȍle te-bì dàŋ, ke-kídu γnwȍj; ǝ̀-mэ-(*mĭ-jэ-*)-popàdu tàna-vìle, ǝ̀-me-wòrgъw (*-wàγrow*) wъ̀m-pret-xìšu, ànu jà-j-ne-γrén˒ vъ̀j ˒γorǝ̀.»

2. Разсказ-анекдот (Anekdotische Erzählung).

120 Te-bì dam-bòt tjè-u-Rȅpe; su-mjélь Zanétje nā-mȕša, so-γnàlь pàst tjè-u-Rȅp. Àŋ su-mjélь šǝ̀ kozǝ̀ ànu kȕšэ ànu òwcэ.

121 Zàt э-păršȍw wòwk za-tǝ́mь-owcàmь aŋ kozàmь, aŋzàt э-pàršow wòwk za-tjéŋ-blàγaŋ. Zàt tè-uteklò wsè, a kùj daŋ kȍš ǝ̀-bi-skočъ̀w γòr-na-no-kȍpo.

меня ворсилкою (чесалкою) по рукам, [так что] мнѣ совсѣм руки
118 расцарапал. Затѣм я шел к шкапу за сдобой (приправой), а за шкапом кто-то колол дрова; он ударил меня чекмарем (коло-
119 тушкой) *) и выбросил меня за дверь. Там [за дверью] кто-то кидал навоз; он задѣл меня вилами и выбросил меня перед дом, [так что] я больше туда не пойду.»

Это было однажды в Ряпѣ (в Репѣ) **); Занетьи ***) имѣли
120 осла и погнали его пасти (на пастбище) в Ряп (в Реп). И имѣли тоже коз, козлов и овец.

Затѣм пришел волк за этими овцами и козами, и затѣм при-
121 шел волк за этим скотом. Затѣм всѣ убѣжали, и только один козел вскочил на скирду (на стог) [сѣна].

---

*) т. е. большим деревянным молотом, которым ударяют по обуху топора, для того чтобы скорѣе раскалывать дрова.

**) Мѣстность.

***) Собственное имя.

122 Э-paršъ̀w wòwk, э-tъ̀w jьtь̀ γòr-na-kṑpu šə wòwk, э́-tъw kù̆ša mjḕtь-dòw; a kò̆š э-sə̀-brā́nъ̀w, э-trū́škъw-dòw, a
123 wòwk э-skā́ku wъ̀n-x-kù̆šu. Tə̀-sə-trū́škàlo. Aɳzàt ə̀-sə-jѐw wò̆ɳ-za-róγə kù̆šu (*kúšovə̆*), э-pàršъw kù̆šu wò̆n-za-róγə š-šı̀ju, a kò̆š э-dàržu-nā̀zat, àɳ э-šъ̀w-nā̀zat z-rítju (*z-rítju*); ə̀-mu-sə-objḕsu tàza-róγə.
124 Am mò̆š э-bı̀ tà-pot-kopò̆. Zàt sò̆-sə-zwálьlь dòw-s-kṑpə tàna-mù̆ša; am mò̆š ə̀-kudàw, k-ò-ma bánəkə krā̀marjovə, э-šъ̀w
125 *índavànt*. Э̀-paršъ̀w demwó̆j-tà-xı̀šь (-tàx-xı̀še), ə̀-parnə̀su nà-niə-krā̀ju kù̆ša à tana-tiɳ-drù̆ziɳ wòwka tàna-xarbā̀tu.
126 Aɳzàt te-xı̀šne sò̆-parmə́rkalь, kè-jьm-parnə̀su (**ke* mò̆š э-parnə̀su*) to blā̀γo, su-jā̀lь (*-ɖā̀lь*): «¡γáγaγaγá!»
127 Nè-finišā̀la prā̀vica.

3. Нѣчто в родѣ загадки. (Eine Art Rätsel).

128 Te-bı̀ daɳ-mwò̆st tḕsan, tḕsan, kù̆j-na-trā̀p, dowγà ne-bà
129 nù-mı̀ju; dòwx ò-je-bı̀ nù-mı̀ju te-mwò̆st. Trí-mijā̀rje owcḕ

---

122 Прибѣжал волк и хотѣл тоже взобраться на скирду, хотѣл стащить козла; но козел защищался, бодал вниз, а волк подпры-
123 гивал к козлу. [И так] они бодались. Наконец волк схватил козла за рога, [то-есть] попал козлу шеей между рог, козел же попятился, двигаясь назад {задницей}; [так что волк] повис у него на рогах.
124 А осел был (стоял) под скирдою. Затѣм они свалились со скирды на осла; осел же думал, что на нем ящики торговца, и
125 пошел вперед. Он пришел домой, и принес на спинѣ с одной стороны козла, с другой же волка.
126 Тогда домашніе замѣтили, что осел принес им эту скотину (это добро), и сказали (засмѣялись): «¡гагагага!»
127 Сказка кончена.

---

128 Был мост тѣсный, тѣсный (узкій, узкій), как бревно; оно [, это бревно,] было длинно одну милю. Одну милю длинный был

te-mjélo pasàtь (*za-pasàtь*) tjè-čes-te-mwȍst, dnà *ala-vòlte*.
130 Aŋzàt nej-pàsajo; pocákĭmo éjŋe, nej-pàsajo.

4. Отдѣльныя сообщенія; объясненія; отрывки из разговоров и т. п. (Einzelne Mitteilungen; Erklärungen; Bruchstücke der Gespräche u. ä.).

131 Tъ̀w-Čarnȅjь nù-majȍ jezъ̀k alpàj lьɒgàč təj-mì, *nòmə* nù-majȍ dostъ̀ besjȅt làškьx, vъ̀ʃ kuj-mì; tъ̀w-Karnícax oŋ-jimьtà bwȍj nàš-jezъ̀k, kùj čarnȅjskь; tъ̀w-Subìdu nù majȍ nàš-jezъ̀k, *mà* nu-mekíŋ bwȍj-konàjskь; tъ̀w-Ʒanjébolь nù-majȍ jezъ̀k kraŋolìŋ nu-màr, mešklečàŋ; tъw-Brjȅzjax nù-majȍ bwȍj-debòw jezъ̀k, koj-mì, nù wljekȍ besjȅdo; tъ̀w-Viškwȍršь nù-majȍ *škwàži* təj-mì,—*maɒgári* táko nə̀, kì so γàrdь *kújntrъ*-nàŋ, Tijpàŋanəŋ, tə̀j-te⸗ zəlȅnь ⸗xudìʃ.

---

129 этот мост. Три тысячи овец должны были пройти через этот
130 мост, по одной за-раз. Затѣм пусть проходят; подождем теперь, пусть проходят.

---

131 В Чернеѣ (*Cergneu*) имѣют язык (говорят) как мы, только у них много фурланскихъ слов, больше чѣм у нас; [язык] в Карницах (*Monte di Prato*) походит на наш язык болѣе, нежели чернейскій; в Субидѣ (*Subit*) наш язык, но немножечко болѣе канальскій (т. е. как словинскій в Каналѣ, *Canale,* в Горицкой провинціи Австріи); в Чянеболѣ (*Canebola*) имѣют язык немножко крайнскій (т. е. словинскій в Крайнѣ), [язык] смѣшанный; в Брѣзьях (*Montemaggiore*) имѣют язык толще (грубѣе), чѣм наш, они растягивают слова; в Вискоршѣ (*Monteaperto*) имѣют (говорят) почти как мы,—дал-бы Бог, чтобы нѣт (не так), потому что по отношенію к нам, Тайпанцам, они ведут себя гадко, точно «зеленый черт».

132 Mí-zmərkȁwamo *nòme* dwá-rȅdi po-nȁšiņ, zàt po-furlájskiņ.

133 Mí-momò po-lȁškiņ prédiɉo, racjȍnь momò po-lȁškiņ. Òņ-učȉ po-lȁškiņ duntríno. Sámi smo-tjélь, k-òņ-nas-učȉ po-lȁško, k-òm-prediɉèj (-prediɉь̀j) po-lȁškiņ.

134 Nь̀č po-slovéjskiņ nè-ɉəntámo, ɉəntámo *nòme* po-lȁškiņ. Zà-sə-naučȉtь nu-màr po-lȁškiņ otrocь̀, kь̀ nu-wzómejo po-lȁškiņ [* fȁrja *].

135 [* Èŋe nu-ɉé mjétĕ nè-kuj láško, *ma* šə̀ taljàņ, aņ otrocè nu-znájo ľíwšə *taljàņ*, kuj láškə.

136 * Èŋe tlə̀ tu-nášej-wási nu-účijo sòwsə *pər-taljàņ*, tikaj tȍw cjérkvə̀, kùj tȍw-škwólə.*]

---

137 Wčȁsi mȉ-plȅšemò, kar smo *mása*-šȉtĭ, kь̀ nə-vjemő, káko stȁtь, kь nə-mȍrəmo stȁtь-*dibànt*, kь nə̀-vjemő, s-káko rȉtjo srȁtь.

---

132 Мы считаем по-нашему только до двадцати, затѣм по-фурлански.

133 У нас проповѣдь по-фурлански, молитвы по-фурлански. Он (т. е. священник) обучает катихизису по-фурлански. Мы сами хотѣли, чтобы он учил и проповѣдывал по-фурлански.

134 По-словенски мы ничего (вовсе) не поем, мы поем (молимся), только по-фурлански. Чтобы дѣти выучились немного по-фурлански, они (т. е. жители) берут по-фурлански [попа] (? берут попа из Фурлан).

135 Теперь они хотят имѣть не только по-фурлански, но тоже по-итальянски, и теперь дѣти знают лучше по-итальянски, нежели по-фурлански.

136 Теперь здѣсь в нашей деревнѣ учат все по-итальянски, как в церкви, так и в школѣ.

137 Иногда мы танцуем, когда мы слишком сыты, когда не знаем, как стать, когда не можем стоять зря, когда не знаем, какою жопой срать.

138 Mi-pléšemò pȕsta. Tə γrjȅx tù-nedȅju plēsàtь, [*Bwőx ò-nə-naγà*] nə̀-parpustì bwȍžja-juštícja, nə̀-parpustì[1]), šə *màj*

139 nà-nə-parpustì. *Mà* mi-sь· sȁmь ·jémamo libertàt. Bwőx naŋ-jə-dàw pȁmet təmò človjéku. Nə̀-parpustì plesȁtь tù-nedȅju ànu šə *màj*, ò-nə-parpustì Bwòx àŋ svȅta-cjérkъw nə̀.

140 [*Bwòx ò-ŋə· *màj* ·naγà taγà, aŋ *náŋje* svéta-cjérku*].

---

141 Te-ljȅpь mòš sə-djȅ wъ̀n-do *trànte*-àŋ; po *tránte* mòš-ordьnȁrjь, wъ̀n-do *kωránte* (**kwaránte**). Kàr ma *kωránte*, tə pòw-mòža. A kàr o-mà *čenkwánte*, na-mò· žəj ·dòw· γláwa ·stojì.

142 Kàr o-mà *sesánte*, nwòs ànu brādà (bráda) tò-mu-sə-parbližŋȕjə (-parbližŋújə). A kàr o-mà *setánte*, oŋ-mə̀rka dòw-jȁmo jьtъ̀

143 ȍlipàj dòw simitjérъx. [*Am mȁlo pȍtiŋ oŋ-γré γlȅdat simən-tjéri*].

---

144 Kь njémaŋ kadà, nə-mȍreŋ prìtь. Kar bo-(bom-) mòw

---

138 Мы танцуем на масляницѣ. Грѣшно танцовать в воскресенье, [Бог не позволяет,] не допускает [этого] Божья справедливость,

139 еще никогда она не позволяет. Но мы сами себѣ позволяем. Бог нам дал разум, [дал разум] человѣку. Не допускает танцовать в воскресенье, ни даже никогда, не допускает Бог и святая церковь.

140 Бог никогда на это не позволит, ни же святая церковь.

141 «Красивым мужчиною» зовут до тридцати лѣт; послѣ тридцати «обыкновенным мужчиною», вплоть до сорока. Когда ему сорок, тогда это пол-мужчины. А когда ему пятьдесят, [тогда] у него

142 голова внизъ наклоняется (опускается). Когда ему шестьдесят, у него [уже] нос и борода приближаются друг к другу. А когда ему семьдесят, он мѣтит уже отправиться в могилу или на клад-

143 бище. [И вскорѣ послѣ этого он идет в гости на кладбище].

144 Когда у меня нѣт времени, я не могу прійти. Когда у меня

---

[1]) *«„Parpustì“ *non è usato più, nessuno non lo usa»**. (1901).

kadà, ja-ǰòm-prìtь. Sàj jь-vjèŋ šə sàŋ za-prìtь, kàr jь-bṓ-mow kadà.

145 Wъn-dó-kъ̀ nə-bṓ-mow kadà, já-nə-mōreŋ prìtь.

---

146 Bòrk-Debə̀liš, tà-par-Debə̀lišь, òŋ-jə blìzu Tijpànə, pòw-ùrə xodà òt-Tijpànə wъnè-tàx-Debə̀lišaŋ. Za-twò Debə̀lišь nù-majò jezъ̀k, tə̀j-Tijpàŋənь, nù-wljekò pò-tijpàjskeŋ bwòj, nukwòj pò-viškwòrškeŋ.

147 Télə bòrk, tò-sə-pìšə tùw-ŋéŋ, to-jə bòrk *«di Bə̀ra»*, Berwō-
148 liǰъw. Γòr-po-krə̀j tə́γalə bórka tə šə̀ dàŋ-mìcikaŋ tjé-u-téŋ-kràjo
wódə, k-òŋ-sə-klìčə Mlìnarjə-bòrk, aŋ γòr-po-krə̀j spèka tjé-u
-teŋ-kràju wṓdə sò Požlebìščənь; aŋzàt spèka tjé-u-teŋ-kràju
149 sò Podzoràŋə̆nь. Od tə́γa bórka Prixújskəγa ni-sù tàrjь bórkъ sàŋ
-s-téŋ-kràjaŋ, sàŋ-u-teŋ-kràju wódə par-sòwnсь, sòwnčneŋ

будет время, я прійду. Вѣдь я и сам съумѣю прійти, когда у меня будет время.

145 До тѣх пор, пока у меня не будет времени, я не могу прійти.

146 Приселок Дебелиши находится вблизи Тайпаны, полчаса ходьбы от Тайпаны до Дебелишей. Поэтому у Дебелишей язык как у Тайпанцев, они тянут (смахивают) болѣе по-тайпански, нежели по-вискоршски.

147 Этот приселок, в котором пишется (в котором вы теперь
148 пишете), это приселок *«di Bera»*, [приселок] Береличев. С верхней стороны этого приселка имѣется еще один маленькій по ту сторону воды (потока), который зовут Млынарья (Мельников) приселок, а сверху в сторонѣ опять по ту сторону воды находятся Подж лебищане; затѣм опять по ту сторону имѣются Подзоранляне.
149 Начиная с этого приселка Прихуйскаго (Прѣходскаго)[1]) имѣются три приселка по сю сторону, по сю сторону воды, со стороны

---

[1]) *Borgo Coos.*

150 - kr̀ajaņ. Z - drŭziņ - kr̀ajaņ te - pàrvь bòrk tə té - Nowokĭškь; aņzàt su šə̀ dwá γòr - po - krə̀j, Mlĭnarjə àņ Podzoràjskь, tъ̀w - sjènсь s - teņ - kr̀ajaņ, sjènčniņ - kr̀ajaņ.

---

151 Čwə̀ja nə lēsəna, nasajənà γòr-na-daņ-xlə̀t ljésəņ; tò-sə-jimə za-nàsat aņ to-sə-wzdiγnŭje, aņzàt to-dája bòt dòw-na-sikjèru, à sikjèra nà-raskòje (-raskə̀je) čòk (xlə̀t).

152 Ј - ə̀ debòw čòk, dvjé čwə̀jь nə̀ - γa⸗ prə́j ⸗raskójəjo, kù - na - sàma; na - sàma tù - daņ⸗ debow ⸗čòk tə̀ màlo, *magári* (**maŋgári**) bàl - nu - bə̀ trí čwə̀je, — tə ljéwše, an tàrjь mə̀žjь kapànь za - tòwjь nə̀tre, za⸗ čòk ⸗rasklàtь. Còk o - mwə̀re sə̀ - rasklàtь èjtàko.

153 Nàsat tàpar - sikjèrь nasajə̀ņ lə̀səņ, à daņ - klínac s - sikjèrь - od - zàt, kь̀ na - sə - nə̀ - dissàdь.

154 Nàsat ə̀m - bi - tъ̀w - bьtь̀ bŭkъw, zàk - o - nə - djèlьj žarcè tu

---

150 солнца, с солнечной стороны. С другой стороны первый приселок Новокишскій (Новаков); затѣм есть еще два с верхней стороны, Млынарьев (Мельников) и Подзорайскій, в тѣни по сю сторону, с тѣнистой стороны.

151 Чекмарь (колотушка) — деревянный (сдѣлан из дерева), насаженный на деревянный кол; это берут за рукоятку и подымают вверх, затѣм это ударяетъ по топору, а топор раскалывает пень (чурбан).

152 Если пень толст, тогда два чекмаря раскалывают его раньше (легче), нежели один; одного [чекмаря] для одного толстаго пня мало (не хватает), пожалуй еслиб было даже три чекмаря, это лучше, и трое мужчин (три человѣка), способных толоч (бить, ударять), чтобы расколоть пень. Таким образом (При таких условіях) пень должен расколоться.

153 У топора насажена деревянная рукоятка (топорище), и клин сзади топора, чтобы он не расшатался [и не слетѣл с топорища].

154 Рукоятка (Топорище) должна бы быть буковая, для того

-rukù. Jь oŋ-stȍrь žarcè̆, zájtra to-nə́-bo-mow klằtь, zákь nu-ʝè̯ rȍkə ˏboljètь.

чтобы не дѣлать мозолей на рукахъ. Если она сдѣлаетъ мозоли, тогда завтра нельзя будетъ колоть, потому что руки будутъ болѣть.

IV. Вискорша (Viskwərša) (Monteaperto).

A. Тексты, записанные в 1873 г., свѣренные же и исправленные в 1901 г.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten und im J. 1901 verifizierten und korrigierten Texte.

№№ 155—173 и 262—272 записаны со слов Ивана Чушина по прозв. Вдовича (Žwàn̦ Čušín̦ Dwəvij), 15 лѣт, Валентинова сына, из Верхняго приселка (z-Гоrẽŋəγa-bórka).

№№ 174—193, 217—225 и 234—238 сообщил Наталій Пасколо по прозв. Муних (Nadál Páskul Múnix), 68 лѣт, тоже из Верхняго приселка; теперь его, конечно, уже нѣт в живых.

№№ 194—216 и 226—233 происходятъ отъ Валентина Чушина по прозв. Вдовича (Tìn̦ Čušín̦ Dwəvij), отца Ивана, ок. 40 лѣт; и в 1901 г. я его застал в Вискоршѣ.

№№ 239—261 сообщены Павлом Пасколо по прозв. Солтом (Pàuli Páskul v. Páskolo Səwt), 19 лѣт.—26-и лѣт он был приговорен за предумышленное убійство к пожизненной каторгѣ и через нѣсколько лѣт умер в тюремном заключеніи в Сардиніи.

№№-ами 273—295 я обязан Ивану Пасколо по прозв. Солту (Žwàn Páskul Səwt), 65 лѣт, из Нижняго приселка (dəw-tь-doʝẽŋen̦-bórku); в 1901 г. он был уже покойником. Кажется, в №№-ах 273—279 принимал тоже участіе только-что упомянутый Павел Пасколо Солт.

Наконец, №№ 296—313 записаны мною при общем участіи пяти непоименованных разсказчиков.

Просматривал же я и исправлял эти тексты (№№ 155—313) с помощью нѣскольких лиц, с которыми сошелся в 1901 г., каковы: Иван Чушин Вдович, Доминик Микалица Бав, Матѳей Штрояц, Петр Дебелиш Панток и пр., главным образом первый из них, Иван Чушин Вдович, с которым я, между прочим, 10-го августа (нов. ст.) 1901 г. внимательно прочитал и исправил №№ 174—193 (разсказ о неурожаѣ и голодѣ).

1. Сказка (Märchen).

155 Tə-bì daŋ dambòt, kè-xodòw na-djѐlo nu-ȕru dələ̀č ta-od
-ŋəγà-kìšə; dən-tjḗdàŋ ə-djѐlu, əzàt ə-šòw šə̀ pòw-ȕre bwò̤j
156 dələ̀č, ano ə-lóvù (-lovòw) dwárѐdь sòwte pȍdne. Anzàt tù-ne-
dѐjo ə-šòw po-pṓtь̀ zà-jĭtь̀ dimwò̤j. Эnzàt ə-čòw, kь tə̀-zwo-
njѐlo mȁjšь; anzàt ə-ɖàw, k an-ɟə̀-itь̀ mȁjšь.
157 Эŋzàt ə· spѐka ·šòw tà-po-pṓtь. Zàt ə-čòw, *ke* to· spѐka ·zwonì
158 mȁjšь. Эŋzàt ə-ɖàw: «ɟò̤-itь̀ šə̀ tьjlə̀ mȁjšь». Эŋzàt par-mȁjšь,
kàr ospwò̤t ə-pridiɟòw, ə-ɖàw: «k-on-dà dəŋ-sòwt, on-ɟə̀-mjѐtь
čѐnt za-dàn (-dàŋ)».
159 Aŋzàt ə-šòw, ə-čȁku tu-cjέrkvь, k-on-də̀j čѐnt za-dàn.

---

155 Однажды был нѣкто, ходившій на работу за час разстоянія
от его дома; одну недѣлю он работал, затѣм пошел еще полчаса
156 дальше и получал двадцать сольдов в сутки. Затѣм в воскресенье
он шел по дорогѣ, ведшей к его дому. Затѣм услышал, что
звонили к обѣднѣ; затѣм он сказал, что пойдет к обѣднѣ.
157 Затѣм он опять шел по дорогѣ. Затѣм услышал, что опять
158 звонят к обѣднѣ. Затѣм сказал: «пойду еще к этой обѣднѣ». Затѣм,
во время обѣдни, читавшій проповѣдь батюшка (священник) сказал: «если кто либо даст один сольд, будет имѣть (получит) сто
за один».
159 Затѣм он пошел [и] ждал в церкви, чтобы он (священник)

Эŋ̧zàt su-šlь̀ sòwsjь wъ̀s-cjérkvə, kɷj òn ə-rèštu sàm tu
160 -cjérkvь. Эŋ̧zàt zvə̀čə̆r sù-paršlь̀ zaprjètь církòw, anu té o-njétew
161 jitь̀ (jьtь̀) wòs-církvə, ə-tèw mjètь čènt za-dàŋ̧. Anɷ̀ onь̀ njésu -tjèlь dàtь; su-ɖàlь, *ke* om-pwɷ̀j tàx-ospwɷ̀du. Anɷ òŋ̧-ə-šɷw.
162 Anu ospwɷ̀t ə-ɖàw, k-om-pwɷ̀j tax-vèškulju. Ànu òn-ə-šòw, anɷ̀ ə̀-prosów-γà. Anu òn-ə-ɖàw, ə̀-mu-ɖàw, k-om-pwɷ̀j tàγ-Bwɷ̀γu.
163 Эŋ̧zàt ə-šòw, anɷ̀ o-njé-mu prìtь, e-rèštu tu-bóšku. Эŋ̧zàt ə-pằršù tà-ni-kìši; ə̀ŋ̧ su-ɖàli, kan (kàŋ̧) oɷ-γrè. Òn-ə-ɖàw,
164 oŋ̧ɷ-γrè tàx-Bwɷ̀γu. Эŋ̧ su-ɖàli, ɟ-om-prìdə, k-om-povjèdi, *kè* onь̀ nu-ŋ̧jémaju nь̀č ròwbe, ke nù-živè s-to-stàrɷ. An òn-ə -ɖàw, k-òn-ɟə-reɟь̀. Эŋ̧zàt drùγь-dàŋ̧ ə̀-ustòw anɷ̀ ə-šù.
165 Эŋ̧zàt zvə̀čə̆r ə̀-paršòw tùw-nu-drùγu kìšu, anɷ̀ ə-ɖàw, ɟь̀
166 ni-γa-mŏ̀rəju loštь̀ spàt. Anɷ̀ onь̀ su-ɖàlь, *kè* nu-njémaju kàŋ̧ γ-loštь̀ spàt; su-ɖàlĭ, kàn oŋ̧-γrè. Эŋ̧zàt šu-γà-ložlь̀ spàt.

дал [ему] сто за один. Затѣм всѣ ушли из церкви, только он
160 один остался в церкви. Затѣм вечером пришли запереть церковь,
161 а тот не хотѣл идти из церкви, [ибо] хотѣл имѣть сто за один. И они не хотѣли дать; они сказали, чтоб он отправился к священнику. И он пошел [к нему].
162 Священник же сказал, чтоб он пошел к епископу. И он пошел и просил его. А он (епископ) ему сказал, чтоб он отправился к Богу.
163 Затѣм он шел и не мог прійти, но остался в лѣсу. Затѣм он пришел к одному дому; и [там] сказали (спросили), куда он идет.
164 Он сказал (отвѣтил), что идет к Богу. И они сказали, что если он прійдет, так пусть скажет, что у них нѣт вовсе припасов, и что они питаются старыми. И он сказал (обѣщал), что скажет. Затѣм на слѣдующій день он встал и ушел.
165 Затѣм вечером он пришел в другой дом и сказал (спросил),
166 могут ли они его принять на ноч. И они сказали, что им негдѣ его помѣстить (пристроить на ноч); [кромѣ того] сказали (спросили), куда он идет. Затѣм уложили его спать.

167 Эŋzàt zjȗtra ə̀-ustòw γwȍda, anȍ ə-šòw. Эŋzàt ə-paršȍw
168 zvə̀čə̆r tòw-nu-drȗγu-kı̏šu. Эŋzàt ə-ɖàw, ɟè ɒ-γa-mȍrəju lošt̀ь
spàt. Эŋzàt su-ɖàlь: «jà». Anȍ zjȗtra ə̀-ustòw γwȍda anȍ ə-šòw.
169 Эŋzàt zvə̀čə̆r ə̀-pə̆ršùw tù-nu-drȗγu-kı̏šu tàna-dàŋ-portȍŋ,
ənȍ ə̀-potòwku. Эŋ su-ɖàlĭ tjézjь-nȍtre: «¿kí-to-twȍ?» Òn-ə
170 -ɖàw: «saŋ jà». — «¿À sь tı̀ tè tentatȍr?» — A òn ə-ɖàw: «nə̀,
171 njésəŋ jà té». Anù-zàt su-mù-otpə́rli ə̀ŋ su-ɖàli, ɟ-om-prı̀de
tax-Bwȍγu, k-òŋ-rec̀ь (-pros̀ь), *ke* òn kadà oŋ-mà-umrjètь.
Òn-(òŋ-) ə-ɖàw: «jà».
172 Zàt ə-šòw, ənȍ zàt ə̀-sə-bı̀-uzȗbu tu-ǹь valícĭ[ŋ] bóškŏ,
ano njému nə̀ pı̀tь, nə̀ jjèstь; anȍ trí-dni ə-stàw prez jjèstь.
173 Ə̀nu zàt ə̀-umár, aŋzàt tò-a-njé-bo vь̀ɟ.

Ǯwáŋ Čusíŋ Dwóvьɟ, z γoréŋəγa bórka.

---

167 Затѣм на слѣдующее утро он встал рано и ушел. Затѣм он
168 пришел вечером в другой дом. Затѣм сказал (спросил), могут ли
они его принять на ноч. Затѣм они сказали (отвѣтили): «да». И
на слѣдующее утро он встал рано и ушел.
169 Затѣм вечером он пришел в другой дом к воротам и постучал-
ся. Находившіеся же внутри (Обитатели же этого дома) сказали
170 (спросили): «¿что там такое?» Он сказал: «это я». — «¿Ты ли это
тот искуситель (соблазнитель)?» — А он сказал: «нѣт, я не тот».
171 Затѣмъ ему отперли и сказали, [что,] если он прійдет к Богу,
так пусть спросит, когда он должен умереть. Он сказал: «да».
172 Затѣм он шел и затѣм он потерялся (заблудился) в большом
лѣсу, и не имѣл ни пить, ни ѣсть; и три дня оставался без ѣды.
173 И затѣм он умер, и послѣ его болѣе не было.

Иван Чушин Вдович, из верхняго приселка.

2. Историческій разсказ о неурожаѣ и голодѣ (Historische Erzählung über Missernte und Hungernot).

174 *Dal-sédiš*, *dal-dižesjèt* jə-bò no-xȕdo-ljèto, *kè* to-njé
-sazdrjèlo nə̀ tъw-Farjȕle, nə̀ tow-mᴑntȁŋi; grȁŋь, sjéràk, žȉto,
175 kàr sə-wsə̀jə, jə̀-paršlò (*njè-paršlò*). Su-bə̀ velȉkə draγȉŋə od-
wsjèx -grȁnə (*ʒ̀ènerje*), *kè* to-sə-njé-moγlò obrjèstь *nàŋʃь* za
-sᴑ̀wtə. Smò-plaʃuwálь štȉrnast lȉbər kaznénьk sjérkà, ènu jȕdjь
176 njḗsu-moγlь̀ kupȉtь. Málo-katèrъ, tè-k-jə-bȉ boγàt, jə-kȕpu-kàj,
177 twᴑ̀-kĭ-jə-mŏ̀u. Sᴑ-γnȁli krȁwᴑ w-marʃàt tu-Wȉdəŋ, njésu
-móγlь jètь zȁ-ŋᴑ mȁlə sòwtə̆, *kè* su-parneslь̀ dimwŏ̀j cjèlu
krȁwᴑ za-trȉ-štȉri kaznénikə sjérkà.

178 Jȕdje, kь njésu-moγlь̀ živjètь, sŏ̀-mᴑ̀rlь tráwᴑ brȁtь anu
179 kū́xatь anu jjèstь, tьj-krȁvə, rántьj-krȁvə. Ə̀nu su-bì lȁčnь jȕdjь,
180 *kè* nь-sᴑ̀-štantȁlь wsjȁtь sjémana w-zèmju. Kàr su-wsjȁlь, tè,

---

174 В 1816—1817 был скверный год, потому что не созрѣло ни во Фріулѣ, ни в горах; зерна (хлѣб), кукуруза, пшеница, сколько было посѣяно, столько и взошло (родилось) (столько и по-
175 лучили) (*не взошло*). Была большая (чрезвычайная) дороговизна всѣх сортов хлѣба, так что нельзя было найти (получить) даже за деньги (ни за какія деньги). Мы платили по 14 фунтов (лир)
176 «казненик» (мѣрку) кукурузы, и люди не могли купить. Мало кто,
177 тот кто был богат, купил кое-что, то что мог. Гнали корову на рынок в Удине, и не могли получить за нее даже мало денег, так что иной привел домой цѣлую корову за три-четыре «казненика» кукурузы.

178 Люди, которые не могли жить (у которых не было пищи), должны были собирать (рвать) траву, варить ее и есть, точно
179 коровы. И голодали люди, так что с трудом могли посѣять сѣмена
180 в землю. Когда посѣяли, тот, кто мог дождаться, кто не умер,

kь - mōu părčàkatь, k - òn - ŋjé - umàr, *kè* jə - mōru parčàkatь, kàr jə - wsjàw, jə - bò no - boγàto - ljèto, *kè* nь - su - paršlì̆ gràŋь.

181 Kь̆ su - začèlə čarjèšŋə zdrjètь, *kè* to-bà ta - párwa šperánča, sŏ̀ jùdjь začèlь živìtь, čarjèšŋə bərŏ̀j. Sŏ̀ - parčàkalь žìto, γàrš

182 (γə̀rš). Párve dnì mjèsca - žétŋaka sŏ̀ - začèlь jùdjь γorə̀ - ujemàtь, žètь, enu so - posūšьlь, obútalь enu so - šlì̆ u - màliŋ; sù - začèlь

183 kròx pejì̆ γàržeŋ [*wùz mŏ̀kə*]. Zàt jə - začèw krampìěr za - γà - kopàtь, za - jjèstь, *kè* to - jə - bò no - ljèto - badánto (*bondánto*).

184 Ə̀nu jə̀-paršlà (*-paršlò*) zwŏ̀da; ə̀nu jùdjь sŏ̀-začèlь živjètь. Ànu kàr ni - sù - sə̀ - sačjàlь krùxa anu krampìěrja, sù - začèlь jùdjь

185 mrjètь, za - twŏ̀ - kь kwàrp su - mjèlь pràzaŋ poprə̀j (*prə̀j*). Əjtàko su - sə̀ - dьzordьnàlь tь̆w - živìle, ànu dostì̆ - jьx jə̀ - umə̀rlo, za - twŏ̀ - *kĕ* sù màsa jjèdlь, *ke* kwàrp oŋ - njèbi nawàjəŋ bьtì̆ sačjàŋ.

186 Anu tjèzjь, *kè* - nь - sù - rèštalь, *kè* - nь - njésu - umə̀rlь, sŏ̀ - parčàkalь nò - boγàto - ljèto, *kè* - nь - sə - ŋjésu - naγordàlь, nə prə̀j,

---

так что мог дождаться, посѣяв, был богатый год, так что [в большом количествѣ] взошли хлѣба.

181 Когда черешни начали созрѣвать, так как это была первая надежда, люди начали питаться, собирая черешни. Дождались

182 пшеницы, ржи. В первых числах іюля люди начали собирать, жать, и высушили, вымолотили и отправились в мельницу; начали

183 печ ржаной хлѣб [из муки]. Затѣм начали копать картофель, так что [вообще это] был обильный год.

184 И [сбор] пришел рано; и люди начали питаться. А так как они поѣдали через-чур много хлѣба и картофеля, то начали {люди} умирать, ибо прежде живот был у них пустой (порожній).

185 Таким образом они питались неправильно, и много их умерло, потому что поѣдали лишнее, ибо живот не привык-было быть сытым.

186 А тѣ, что остались, что не умерли, дождались богатаго года, так что не помнили, ни прежде (раньше), ни послѣ, такого года,

nə pòtiṇ, zà-no-tàko-ljèto, *kè* tə-tóȷalo plaȷuwàtь grànə dràγo: sjérak za *nonánte*-lìbər stàr, šə̀s-kaznènikə.

187 Ə̀nu dàṇ-ospodàr, dna-kìša tùw-Kolùnь, ə̀ṇ jь-mèw dàṇ-čentenàr stàrjə za-γà-prodàtь sjérkà; anə̀ mù-sə-njé-zdjèlo

188 šeŋè zà-ta-kùp γa-dàtь,-prodàtь. Jə-čàkъw, kə̀-pensъ̀w šéŋe jètь vъ̀ȷ, stwə̀, *cènt* lìbər stàr. Ə̀ṇzàt γa-jə̀-γnòw də̀sat-stárjə

189 tàna-plàču od-Wídna. Ə̀nu nь-sə̀-obrjètlь juštícja, *kè* sь-(tè-) sjéràk ə-bì-patišъ̀w, zakè γa-jə̀-močòw. Sə̀-γa-jèlь; ə̀nu tè,

190 k-jə-mèw tana-plàčь də̀sat-starjè, su-γà-sažgàlь. Zàt juštícja nə-šlà γlə̀dat tàγ-ŋəγa-kìšь. Sə̀-obrjètlь šeŋé *nanánte*-stárjə

191 sjérkà ànu sъ-γa-wòs-nəslь̀ tòw-kampàŋu dòws-ȷášta. Ə́jtu su-γà-sažgàlь-wòs, kàr γa-njétъw dàtь prə̀j, za-twə̀-k ə-vjè-dъw, *kè* na-djèlala plàča prjèžьx.-

192 Aṇzàt jùdjь njésu-mjèlь bьzùŋə vъ̀ȷ kupuwàtь. Ànu, kàr jə-paršlò tъ̀w-kampàŋjь, sjéràk, kàr jə-sazdrjèlo, sjérak jə̀-par-

---

когда приходилось платить дорого за зерна (за хлѣб): кукурузу по девяносто лир «стар», т. е. 6 «казнеников».

187 Один хозяин, один дом в Колоньи[1]), имѣл сто «старов» кукурузы для продажи; но ему казалось еще не выгодным продавать

188 ее по этой цѣнѣ. Он ждал, ибо надѣялся получить еще болѣе, по сто «лир» за «стар». Затѣм он повез десять «старов» на рынок

189 в Удине. Полиція же замѣтила, что эта кукуруза пострадала (была нездорова), так как он ее смачивал. Взяли (конфисковали)

190 ее; и всѣ 10 «старов», которые он имѣл на рынкѣ, сожгли. Затѣм полиція отправилась обыскать его дом (хозяйство). Нашли еще 90 «старов» кукурузы и всю снесли на поле вниз сарая.

191 Там ее всю сожгли, потому что не хотѣл дать (продать) ее раньше, ибо знал, что рынок устанавливал цѣну (цѣна зависѣла от рынка).

192 Затѣм людям не нужно было (нечего было) болѣе покупать. И что взошло на полѣ, кукуруза, что созрѣло, кукуруза спала

---

[1]) *Colonia*, деревня близь Удине.

šòw za-prjḕžьx za-ósənāst-sòwtə kaznéпьk, əjtȁko *kĕ* ə̀-vejòw vъ̀ɉ žȁkъj, kuj sjérak, *kè* jə bì tùw-ŋèŋ.

193 Te-mò̆š sə̀-objèsu, za-twȍ-k ə-vìdъw, k jə-zūbu no-tȁko šúmu monȅdə.

3. Свадьба, заключеніе брака (Hochzeit, Eheschliessen).

194 Snūba.

Гremő na-snūbu. Јъmő, dà na-nan-dà ljéšnìkə, ta-mlȁda; bȍmo-jjèdli.

195 Jì-obḗɉa ju-wzètь. Эŋzàt, kar pléšə̀ju, ju-pə̀ja plésàt; aŋ
196 pléšə̀ju zàt, dòke γȍtci γődȍ. Zàt ni-sə-wzőmə̀ju, [*sə-obḗ-
197 ɉàjo*] tà-par-ospwȍdu, zàd ni-stőrju buletìŋ. Эŋzàt sìŋ nəsə̀ buletìŋ tàx-plevȁnu, nəj-klìčə šə̀-plevȁŋ tú-ŋəa-(ŋəγa-) cjȅrkvĕ. An tūdĭ tà-par-nàs tríkat ni-klíčəju tu-cjȅrkvĕ.

(упала) в цѣнѣ на 18 сольдов за «казненик», так что болѣе стоил мѣшок, нежели кукуруза, бывшая в нем.

193 Этот человѣк повѣсился, ибо увидѣл, что потерял такую сумму денег.

---

194 Свадьба.

Идем на свадьбу. Хотим, чтобы молодая дала нам орѣхов; будем ѣсть.

195 [Жених] обѣщает взять ее (жениться на ней). Затѣм, когда танцуют, ведет ее в танец; и затѣм танцуют, пока музыканты
196 играют. Затѣм они обручаются (помолвливаются) у священника,
197 затѣм дѣлают оглашеніе [в волости]. Затѣм жених несет оглашеніе настоятелю, чтобы и настоятель оповѣстил об этом в своей церкви. И тоже у нас трижды оповѣщают в церкви.

198 Aŋzàt nò-γredȍ tòw-Čènto, sìŋ anu xʃì, γredȍ tòw-botȅγŏ.
199 Sìŋ kupi-səbə̀ nə-barγèsə anu dàŋ-korèt, ànu nu-ɖagètu, nu-srȃ́-
kicu ànu batȍne, kar γrè, anu nь̀t, [*párstə̀nə*] za-paršìtь
200 te-γwànt. Zad γrè tàx-klobučárju, òŋ-sь-kūpi šə̀ daŋ-klobȕk
201 ljȅp. Pà-ji xʃì sь̀-ŭkȕpi nə-škȁrpə, anu sь̀-ukȕpi zàt nu-kótolo,
dàŋ-γromàw ànu dàŋ-ɖagèt, dàŋ-golèt, dàŋ-facolèt ljȅp, ànu
202 nìti za-paršìtь ŋé-àbьt. Zàt kȕpi šə̀ no-mȁlo facolȅtə, [*bjȅlix,
203 čȁrnix, škarlȁtix*], àlĭ dȅsat, áli pénàsti (pénāst). Aŋzàt kȕpiju šə̀
no-malo rìza ànu šə drȕzix rečì, anu γredȍ dimwȍj, [*skȕxajo
obə̀t*].

204 Zàt-potíŋ klìčəjo aŋ-dàŋ sòwsə svə-nȕnə anu nȕncə. Ànu zàt
prìdəjo x-ŋь̀n, ànu ŋь̀x znàncь ànu kužìni.

205 Aŋzàt mȕnьx zwonì-mȁjši dam-bòt. Aŋzàt prìdəjŏ ženítkòw-
cь-wsь̀ tàx-cjȅrkve, aŋ γrédo nȍtre-u-cìrku (*tùw-cìrku*).
206 Zat nȍtre jь̀x-porowčì ospwȍt: kléknəju x-krȁju tàna-dàŋ-baŋ-

---

198 Затѣм они отправляются в Тарченто, женихъ и невѣста, идут
199 в лавку. Женихъ покупает себѣ брюки, ...?...., пиджак, ру-
башку и пуговицы, как слѣдует, и нити, [и наперстки,] чтобы
200 шить (чинить) это платье. Затѣм он идет к шляпнику и покупает
201 себѣ еще красивую шляпу. Невѣста тоже покупает себѣ башмаки,
затѣм покупает себѣ юбку, передник, жакетку, косынку, красивый
202 платок и нити для шитья своего платья. Затѣм покупает еще
нѣсколько платков [бѣлых, черных, алых (шарлаховых, багро-
203 вых)], или десять, или пятнадцать. Затѣм они покупают еще
немножко рису и еще других вещей, и возвращаются домой,
[готовят обѣд].

204 Послѣ этого приглашают к извѣстному дню всѣх своих кумо-
вей и кумушек (всѣх своих хороших знакомых). И затѣм они (при-
глашенные) приходят к ним, а также их знакомые и родственники.

205 Затѣм однажды понамарь звонит к обѣднѣ. Тогда всѣ свадеб-
206 ники идут в церковь и собираются в церкви. Затѣм батюшка
(священник) их вѣнчает: они становятся на колѣни на краю

207 kàl, [*stòri žèγaŋ čes-párstən*]. Aŋzàt záčnə màjšu-pjètь. Kar
màjša kwàžə-spjéta, o-jъx-poklìčə ókow pàž-bušnuwàt; aŋzà
208 spéka sédnəju (*kléknəjo*). Aŋzàt..... komplì zàt màjšu, vъljèzəju
209 wъs-cìrkvə tàna-plàčŏ. Aŋzàt ospwòt tə porówčənə o-jъx-klìčə
tù-kanóniкŏ; sə̀-majò-potpísàtь tàpo-dàŋ-kontràt sémplic, ànŭ
210 dwá teštьmóŋixa sə̀-potpíšə̀ju. Aŋzàt xɟì dá dàŋ-facolèt ospwòdu,
sìŋ òn-da dvjè-cváncərcə (*trì-cváŋʒγə̀rcə,-žvànʒγə*) za-màjšŏ.
211 Aŋzàt potíŋ γredò wъs-kanònikə [*tà-kìše navìča*]. Aŋzàt
sə̀-poklìčəju wsъ̀, wsъ-kòp-sə správìju, àno γrédo dimwòj
tàx-kìše ot-sìna, tā-ožéŋənăγa.
212 Aŋzàt éjtu tə̀-paraɟàno jjèstь na-mìzax. Sédnəju dòw wsъ̀
éjtŏ, kь-mòrəju, wzóməju-γòr no-žlìcu po-mòš àn jedò zàt rìs
əŋ kàr-jə, ànu pɟjo.
213 Эŋzàt potíŋ sìni ti-mlàde, ɟè nu-majò pьštòl ànu pólvə̆rja,

---

скамеечки (подножника), [*он благославляет через кольцо*].
207 Затѣм начинает читать обѣдню. Когда обѣдня близится к концу, он зовет их цѣловать икону; затѣм опять садятся (*становятся на
208 колѣни*). Затѣм .... затѣм он оканчивает обѣдню, они же выходят
209 из церкви на площадь. Затѣм священник зовет обвѣнчанных в приходскій дом (в канцелярію прихода); они должны подписаться под простым контрактом (договором, условіем), да кромѣ того
210 подписываются два свидѣтеля. Затѣм невѣста дает священнику платок, жених же дает двѣ цванцгерцы[1]) за обѣдню.
211 Послѣ этого идут из приходской канцеляріи [в дом жениха]. Затѣм приглашают всѣх, всѣ собираются и идут домой, в дом только что обвѣнчаннаго жениха.
212 Затѣм приготовлена ѣда на столах. Садятся всѣ, кто только может, берут по ложкѣ на человѣка и затѣм ѣдят рис и то, что есть, и пьют.
213 Послѣ этого молодые парни, если у них есть пистолет и

[1]) *Zwanziger*, по старому австрійскому щету, 20 прежних крейцеров, стоивших почти 20 прежних копѣек и почти 30 теперешних.

214 strējajo. Potéņ zat, *kè* su sìtь anŏ napìtь, γrejŏ zàt plèsat tjézi,
215 kь-mŏrəju, ti-mlādi, sə-vjè, dòki-ɉьjŏ. Potíņ-zàt, kь so trūdni,
216 zàt ni-pustè plesàtь. Aņzàt potéņ γrédo wsàk tà-swuj-kīše.
Aņzàt sù· ženítkə ·komplītə šə-tè.

4. Одежда; костюмы. (Tracht; Anzüge).

217 Tə-stārə-žənə̀ su-mjèlə tè-antīke-γwànt.... tə-antīkə obla-
čīla.... oblačīlo. Tò-jə-bilo panə́sino, alpàj to-jə-bilo sŏknèno
218 (sòknèno), alpàj meželānino, alpàj pártəno. Э-bī narèt po-stārьj
-užánci (-užáncь)....-módī .... krožàt ali gabáņ.
219 Tə-stārə-žənə̀ su-mjélə krožàt, meželānu àn čimŏsu po-stāriņ
220 bjèlu,.... krožàt al bjèw al čàr. Kāka nə̀-nosīla rukávə̀ škarlátòvə,
čarņelə̀; tàna-nwŏγə škárpə ali čúkulə ali cwóklьnə; sŏ-nosīle
221 xláčə panə́sinə, olì sŏknènə, olì meželāninə. Žənə̀ sŏ-nosīle xláčə

---

214 порох, стрѣляют. Затѣм, когда уже наѣдятся и напьются, идут
танцовать тѣ, кто может, молодые, конечно, — до тѣх пор пока
215 хотят. Затѣм, когда они уже устанут (утомятся), то перестают
216 танцовать. Послѣ этого расходятся всѣ по домам. И так оканчивается и эта свадьба.

---

217 У старых женщин было старинное платье .... старинныя
платья. Это было тканое, или же это было суконное, или полу-
218 шерстяное, или портяное (холстинное, полотняное). По старому
обычаю, по старой модѣ, была сдѣлана кофта (жилет) или
куртка (казакин).
219 У старых женщин была кофта, полушерстянка и опояска
220 (пояс), по старому, бѣлая, кофта или бѣлая или черная. Иная но-
сила рукава шарлаховые (пурпуровые), красные; на ногах баш-
маки или сандаліи; чулки носили тканые или суконные или по-
221 лушерстяные. Женщины носили чулки бѣлые, мужчины — бѣлые

222 bjèlə, ə mòžje bjèle enu čárnə. Zdolà su-mjèlə *nòme* srákьcu pres-kótulə (*-karpètə*). *Nòme* trí vestьméntə: srákьcu, meželànu
223 ènu krožàt. Na-γlàve nì su-mjèlə ....-nosìlə .... tə-stárə towáju ali dàŋ-facolèt partàŋ àli pjèču bjèlu, [1]) .... dàŋ-facolèt ǎrjàŋ. Pjèča nə-njé-bla rjàna, *ma nòme* bjèla.

224 Tə-mlàdə sù-nosìlə *nòme* facolèt alpàj pjèču.

225 Tùw-panèsinu nà-entrà na-trénja-pàrt prèjə .... tò-entrà šè daŋ-tjàrč prèjə, e tòw-meželànino pow-préjə, pòw-wòwnə; .... tòw-sòknò sòwsa wòwna; tòw-panèsinu dvjè-párte wòwnə a dnà prèjə.

5. Кушанье, блюда. (Essen, Speisen).

226 Polìtь polèntu š-špújγu ànu sər zratàtь, àn loštì-nòtre pévərja, nu-márcu cúkərja ànu opásə anu nu-márcu kanélə;
227 sə-zmjèša wse-mjès. Aŋzàt poléntǒ drobьmǒ-ju tùw-skljèdu

---

222 или черные. Снизу у них была только рубашка без юбки. Только
223 три платья: рубашка, полушерстянка и кофта. На головѣ онѣ, старыя [женщины], носили полотенце (косынку) или платок холстинный или кусок [матеріи] бѣлый (? косынку бѣлую),.... платок полосатый. Кусок [матеріи] не был полосатый, но только бѣлый.

224 Молодыя носили только платок или кусок [матеріи] (? косынку).

225 В ткань входит третья часть пряжи, входит еще одна треть пряжи (пряденых ниток), а в полушерстянку половина пряжи, половина шерсти; в суквѣ все шерсть; в ткани двѣ части шерсти и одна пряжи.

---

226 Облить поленту (мамалыгу) маслом и сыру наскоблить, и положить туда перцу, немножко сахару и мелкаго изюму и не-
227 множко корицы; все вмѣстѣ смѣшается. Затѣм поленту дробим

[1]) Этот отрывок (№№ 217—223) помѣщен мною раньше во «Фріульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія. С.-Пб. 1878», стр. 59.

aɳ sə̀r mjȅs. Aɳzát-γorə̀ napȍwnьmo skljȅdu kȍlmu, dȍke tə
228 polèntə za-drobìtь. Aɳzàt no-màlo špwȍjγə zdrobьmȍ [1]) tù
229 -ponówcu àlipàj tu-dàɳ-kotlь̀ɟ. Éjtŏ mь lȍžьmo γòr-na-γòŋ;
230 aɳzàt to-sə-γréjə. Kàr jəˌ špwȍjγa ˌkȕxana, mí-ju-wzómэmo
dòw-z-γoŋà; aɳzàt mí-jo-nesəmȍ tàx-polénti. Zàt kládəmo
231 dȍw-čes-polénto špwȍjγu kȕxano. Эɳzàt klíčəmo nȁšə-jȕdi anu
vìdimo, kjè-su stolь̀, stolíɟь, àlipàj ɟandréjə àli mìzə, àno obrén-
232 ɟamo perȍnə. Anzàt sédnəmo-dòw wsь̀-kȍp (-kъ̀p) óku-polȅntə,
233 aɳzàt záčnəmo jjȅstь, kar-mȍrəmo. Čè-sьmo žȅjnь, γrémo pò
-m-bokàw vínà aɳ šə-dwà; aɳzàt pɪjəmȍ ànu jjemȍ wsь-kȍp
(-kъ̀p).

(крошим) на блюдо и сыр вмѣстѣ с этим. Затѣм мы наполняем
все блюдо, пока имѣется полента для крошенія (для дробленія).
228 Затѣм немного масла мы надробим (накрошим) [1]) на сковороду
229 или же в котелок. Это мы ставим на огонь; затѣм это грѣется.
230 Когда масло уже готово (расплавлено), мы берем его с огня;
тогда мы его несем к полентѣ. Затѣм мы кладем (выливаем) на
231 поленту расплавленное масло. Затѣм мы зовем наших людей
и смотрим (ищем), гдѣ стулья, стульчики, или же лавки или ска-
232 мейки, и отыскиваем вилки. Затѣм садимся всѣ вмѣстѣ вокруг
233 поленты, и послѣ начинаем ѣсть, что (сколько) можем. Если нам
хочется пить, идем за кружкой вина или даже за двумя; и тогда
пьем и ѣдим всѣ вмѣстѣ.

---

[1]) Сюда относится тоже № 364, записанный мною в 1901 г.

6. **Краткіе разсказы; сообщенія; объясненія; отрывки разговоров. (Kurze Erzählungen; Mitteilungen; Erklärungen; Bruchstücke der Gespräche).**

234 Saņ-čòw pràvit od-làrne, *kè*-пь-sù-pokrȁdle **tu-kȉšu àli taγa-mȍža ali tȍ-žənȍ, alĭ tàpar-kȉše àli tàna pőti;.... àli ot-sašȉne.**

---

235 Po-swȍjeņ nì-ɟakarȁjo, **mí ɟakarȁmo po-nȁšiņ, sə̀-kapimő;** akarȁmo tȁkolə̀.

---

236 Jà-ɟo-wam-povjédatь, *ke* **jà njémaņ kadà za-èŋe stȁtь-z-wȁmь, zàvikè je-maņ nə́γa-mȅštr̥na, *kè* ji-mwȍreņ bьtь̀-ž-ŋìņ, ànu ejtȁko za-nàs tò nə-bò pošȉbilja, *kè* jь-bȍdi z-wȁmь,**
237 záke usè-mȍje-te-kȉšne **su-šlь̀ na djéla (*na-djȅlo*). Ènu ejtȁko ji-mwȍreņ bьtь̀ z-mȅštərnəņ zà-mu-pomátь, kàr to-mu-koventȁ.**

---

234 Я слышал разсказы о ворах, обокравших какой нибудь дом или какого-нибудь мужчину или какую-нибудь женщину, или на квартирѣ или же в дорогѣ; — или [разсказы] о разбойниках.

235 Они говорят по своему, мы говорим по нашему, понимаем друг друга; говорим вот как.

236 Я вам скажу, что мнѣ теперь некогда оставаться с вами, так как у меня мастер, и я должен быть с ним, и таким образом сегодня не будет возможности, чтобы я был с вами, потому
237 что всѣ мои домашніе пошли на работу. И таким образом я должен быть с мастером, чтобы ему помогать въ том, что ему нужно.

238 ¿Tè matə véru bьzũŋu za-mjètь kắcə̆γa-drũzə̆γa zà-poslušắ-tь, k-o-wam-prằvь twò, ka-γa-prằšatə?

---

239 Jà-san̨-kũxu mə̀štu zà-obə̀t, àn ɟьmŏ́-ju šə̀ polìtĕ, anzàt ɟьmŏ́ jĭtь̀ po-mằžu; an zà-drjèvь ɟьmŏ́-jĭtь̀ na-snũbu; ànu zájtra ɟьmŏ́-jĭtь̀ fródьj [*lístjə jesenŏ̀wo, diwjakŏ̀wo*] sèjɟ.

240 Mwoj-brằtar ə-šòw po-mằžu, on-ɟə-sažgằtĕ; zájtra

241 o-mà-jĭtь̀ spèka pŏ́-ŋu. A jà-màn̨-jьtь̀ zájtra x‚ tьj-stằrьj ‚Konằjkĭ sèjɟ sə̀no,.... sušìtĕ prə̀j, rastrosìtĕ, zàt poγrábìtĕ, stórtĕ (*naredìtь*) tu-lŏ́nìcə, azàt-potín̨ razdrjètĕ; kàr bo

242 γórko, posušìtĕ, γa-stortè-tòw-kŏ̀pu. Kàr jə sũxo, obrjèstь stožè, an̨ je-ŭpíčitĕ túw-tlà ljèpo-ráwno, àno zaklínitĕ s-kằ-muŋen̨, naj bò suγúrno, an̨zàt-potín̨ ɖàt tu-kŏ̀pu, naredìtĕ

243 óku-stožằ kŏ̀pu. Momó-obrjèstĕ dan̨-čòf (-čъf), kàr na-bo-finišằna kŏ̀pa; azàt lоštь̀ táz-gorə̀, zakè na-nə-jъmè (-jъmь̀)

---

238 ¿Дѣйствительно ли вы нуждаетесь в том, чтобы имѣть кого нибудь другого для слушанія, чтобы он вам разсказывал то, о чем вы будете его спрашивать?

239 Я готовил «мешту» к обѣду, и мы ее еще обольем [маслом], и затѣм пойдем за хворостом (?); а затѣм вечером пойдем на свадьбу; завтра же пойдем косить (ссѣкать) сухіе листья [*листье ясеня, дикаго дерева*] [па подстилку для скота].

240 Мой брат пошел за хворостом, он его сожжет; завтра он

241 должен опять идти за ним. А я должен идти завтра к этой старой Конайкѣ (?) косить сѣно (траву), — прежде высушить, разметать, затѣм сграбить, уложить в копны, затѣм разбросать (раскидать); когда будет жарко, высушить [и] сложить в скирду

242 (в стог). Когда [оно уже] сухо, найти стожар, воткнуть его в землю ровно (как слѣдует) и заколотить камнем, пусть будет прочно; послѣ этого уложить в стог (в скирду), сдѣлать кругом стожара

243 стог (скирду). Мы должны найти пучек [растеній (травы)], когда скирда будет окончена; затѣм положить его [этот пучек] сверху,

wŏ́də; pŏ̀tiŋ obrjȅstь nu-tártu an jú-wpnȅtь zȁ-’ɒ-kòw [*mŏ̀ɟno*], za-kó-ne vjȅtar jə̀-nə-nése, anu plȁs ot-snə̑γa.

244 Potъŋ (pŏ̀tъŋ) momò-obrjȅstь djélowcə anɷ tártə ànɷ vìdatь cwŏ́klìnə, jə-loštь̀ na-nwŏ̀γə aŋ wzét (*wzȅtь*) nu-pȁlicu ànu jĭtь̀ γorə̀ pŏ́-ŋe, po-sə̀no, ánu je-zvezȁtь ljȅpo; aŋzȁt je-zadenìtь na-xarbȁt, aŋzȁt je-nestь̀ dьmwŏ̀j, počiwȁtь, kar tə̀ (kar tə-ə̀) bizŭ̀ŋa; anu zàt spéka γə̀r-(*γorè-*) wzȅtь anu jĭtь̀ šə̀ no-mȁlo nȁprьt.

245 Zàt prídəmo tàx-kĭše, àŋzàt γremŏ̀ γə̀r-po-ljȅstnicax anu wɷ̀ržəmo-je tòw-toblȁt; je dizvéžəmo, aŋzát γremŏ̀ jjȅst mŏ̀šnьk.

---

246 Mə̀šta sə-klìčə ta-táɒka-pɷlènta. Mə̀šta sə̀-naredì, sə-skŭ̀xa
247 wŏz-mókə sjȅrkòvə. Sə-snjȅtь γə̀ŋ, sə̀-omìjə kotòw, sə-lŏ̀ži nŏ̀tre-u-kotòw wóda; zàt sə-nastȁvь, aŋzàt sə-skŭ̀xa mə̀šta ali
248 pɷlènta. Zàd na-sə̀-skŭ̀xa; zàt to-ju-nə́sə-dòw, to jɷ̀ razdjelì

чтобы она [скирда] не набирала в себя воды; послѣ найти лыко (лозу) и надѣть (обвить) его крѣпко на кол, чтобы вѣтер его не уносил, ни снѣжная лавина.

244 Послѣ мы должны найти работников и лыка (лозы) и поискать сандаліи, надѣть их на ноги, взять палку и идти на гору за ним, за сѣном, и связать его хорошо; затѣм взложить его на спину, затѣм нести его домой, отдыхать (отдыхая), когда надобно (нужно); послѣ опять взять (надѣть) на себя и идти еще немного вперед.

245 Послѣ прійдем домой, затѣм идем (взбираемся) по [передвижной] лѣстницѣ и кидаем его [сѣно] на сѣновал; развязываем его и идем ѣсть мучную похлебку.

246 «Мештою» зовут тонкую (жидкую) поленту. «Мешта» дѣ-
247 лается, готовится из кукурузной муки. Разводят огонь, моют котел, наливают в котел воду; затѣм приставляют [котел к огню],
248 и готовится (варится) «мешта» или полента (мамалыга). Послѣ

(*to razdelí jo*). Zàt na-sə-počŭxa; zàt to-sə snjè, šə batŭdu
249 [*mjès*]. Zàt, kar tə (tə-ə̀) sъ̀t, to-sə-γrè òli spàt, òli na djèlo.
Tò-sə-parnəsə̀ nu-màžu və̀ja sàs-Čəlà [1]); aŋzàt to-sə-ju-wàržə
-dòw. Zàt to-sə-γré jjèst paγàču [*àn batŭdu*].

---

250 Jà-sam-bì-šow wòŋ-na-Tarvìž dam-bòt na-djèlo. Zàt
251 sam-mù màlu-pàju; aŋzàt sàm-paršù-dòw. Aŋzàt saŋ tlə̀-óku
djèlu jŭdaŋ: saŋ-sjèku Žwànu Kúntĭju, aŋzàd Danjèlu, zàt Le-
252 cìjь; zàt saŋ-xódu w-špə̀jγu tùw-sabòtu. Tù-pondèjak sŏmo
jù-nəslь̀ dòw Torlàŋ. Zàt ospodàr à-je-γnòw dów-Jìdaŋ.
253 Wčə̀ra sàm-bi-šòw wŭm-pòd-Lavìca [1]). Sŏmo sə̀no vъnášalь
čjé-na-dnu-dolìno. Zàt sŏmo-γnàlь-dòw. Zàt s'mo-γa-posŭ-
254 šilь (*posušìlь*). Zàt smo-upíčьlь stožè; zàt smo-stórlь kòpu.
Zàt s'mo-nardìlь trì-brjèmana sə̀na ànu štìrъ-γràbjə.

она стряпана (готова); послѣ ее несут [с плиты] (вынимают), дѣлят ее. Послѣ она стынет; послѣ ее ѣдят, и еще пахтанье.
249 Послѣ, когда мы сыты, идем или спать, или на работу. Тогда приносим охапку сучьев (хворосту) с Чела [1]); затѣм мы ее бросаем (кидаем). Послѣ идем ѣсть «погачу» [и пахтанье].

250 Однажды я отправился в Тарвиз за работой. Там мнѣ мало
251 платили; затѣм я вернулся. Затѣм я здѣсь в окрестности работал у людей: я косил у Ивана Кунтія, затѣм у Даньеля, послѣ у
252 Леціи; послѣ я ходил за маслом (я скупал масло) в суботу. В понедѣльник мы его несли в Торлано. Послѣ хозяин вез его в Удине.

253 Вчера я ходил под Лавица [1]). Мы носили сѣно сюда на одну долину. Послѣ мы везли его вниз. Послѣ мы его высушили.
254 Послѣ мы воткнули стожар; послѣ мы сдѣлали стог (скирду). Послѣ мы сдѣлали (приготовили) три охапки сѣна и четверо граблей.

---

1) Мѣстность.

255 Aŋzàt smo-šlь̀-dòw-dьmwǒj; aŋzàt smo-snjèdlь taγìčə zà -vəčə̀rju.

---

256 Mà-kužìna na-mà nu-xjə̀r s-Fratínijaŋ [1]) čь̀w-Bàrde [2]), an nā-sìnu s-Čáfaŋ [1]) dòle-pod-Ŋìwamь [2]).

---

257 Mì pojəmȍ *pátər-nóštər*, óje-nàš, *ábe-maríja*, *krédo*, *sálve -reǵína* po-latìŋskeŋ; po-slovèjskeŋ čéščená-js-ti-krəlìca; latanìjə pojəmȍ po-slovèjskeŋ. Nь̀č-nə-pojemó po-slovèjskeŋ.
258 Prédiju momò slovèjsku; kapьmȍ wse-twǒ, kь̀ ospwǒt predijà.

---

259 Jà u-nedèju zjȕtra saŋ-spàw, pȍtiŋ saŋ-wstòw, sàŋ-sə -umòw; zàt saŋ-skȕxu obə̀t, zàt saŋ-snjèdu, zàt saŋ-sə-obljèku, saŋ-šòw-màjšь; saŋ stàw par màjšь; zàt saŋ-paršȕ (-paršòw)

---

255 Затѣм мы ушли (вернулись) домой; затѣм мы съѣли бобы (?) за ужином.
256 Моя кузина (родственница, двоюродная сестра) имѣет доч с Фратиничем [1]) из Берда [2]) и сына с Чафом [1]) из-под Нив [2]).
257 Мы поем (читаем) «*Paternoster*» («Отче-наш»), «*Ave Maria*» («Радуйся дѣва»), «*Credo*» («Вѣрую») и «*Saloe Regina*» по латыни; по словенски «*Здравствуй царица*»; литаніи (акаѳисты) поем (читаем) по словенски. Ничего не поем (не читаем) по словенски.
258 Проповѣдь имѣем словенскую, и понимаем все то, что батюшка (священник) проповѣдует.
259 В воскресенье утром я спал, послѣ я встал, умылся; затѣм я сготовил (состряпал) завтрак, затѣм я его съѣл, затѣм я одѣлся и отправился к обѣднѣ; затѣм я вернулся домой и съѣл обѣд

---

[1]) Фамиліи, собственныя имена.
[2]) Названія мѣстностей.

dimwɔ̀j, saŋ-snjèdu jůžino; zàt saŋ-šɔ̀w dɔ̀w-pod-Ŋívə, saŋ-ʒijɔ̀w ta-dólę; zàt saŋ-paršù-ɣorə̀, aŋ saŋ-šɔ̀w vičə́rnicь; zàt saŋ-paršɔ̀w-dɔ̀w, saŋ-snjèdu vəčə̀rjo; zàt saŋ-šù spàt; saŋ-spjèw rožàrь prə̀j.

260 Màŋ nā-(naɣa-) mā̀čka a nā-(a naɣa-) pьcà anu pьcìcu; ànu jen-dàjaŋ mə̀što zvə̀čər.

---

261 Tə-ràd za-nancwɔ̀j, nì-mə» ùsta »bolè ȷakarɔ̀ȷ, tьkàj nàs, cjèw-dàŋ. Mà-jtь mɔ̀wst kràvə àŋ maŋ-postəjàtь ànu vikídàtь àno zragolàtь, anzàt ȷu-jitь̀ na-snùbu.

Pàwlь Páskolo Sɔ̀wt.

---

262 Pénāst-ljèt ja-màŋ anɔ̀ *kwàže* šə̀ dàn-mjèsac, to-máŋȷa
263 ɔ̀san-dnì; sàŋ šьŋè mlàt. Kàr i-prìdəŋ stàr, ȷɔ̀ŋ-rəȷȷь̀, *ke* bàl-jь-mɔ̀w tьkàj ljèt, kь̀ sə-mɔ̀w dambɔ̀t, téj-kь nu-djèju ti-drùzjь

(пообѣдал); затѣм я пошел под Нивы, и я там играл; послѣ я пришел (вернулся) сюда и пошел к вечернѣ; затѣм я вернулся сюда и поужинал; затѣм я лег спать; но прежде я прочел молитву по четкам.

260 Я имѣю одного кота, одного кобеля и суку, и я им даю «мешту» по вечерам.

261 Довольно для сегодняшняго вечера; рот болит у меня, когда я говорю, как сегодня, цѣлый день. Я должен идти (отправиться) выдоить коров, и я должен положить подстилку и выбросить [грязь] и привести [все] в порядок, и затѣм я хочу идти (я пойду) на свадьбу.

Павел Пасколо Солт.

262 Мнѣ пятнадцать лѣт и почти еще мѣсяц, недостает восьми дней;
263 я еще молод. Когда я состарѣюсь, хочу сказать, что еслиб у меня было столько лѣт, что (?сколько) я имѣл нѣкогда, как говорят дру-

ståre, kè kår jь-snjèn tьkàj mə̀štə anò mȍšnika, kòj-onь̀, jìx -bom-vídu, ki ɉə̀š-bitь̀ šə-tì təj-mì. [1])

264 Jà ji-saŋ*(ji-sàn*) dostь̀ və̀ja *posjèku nàs, *mà* to-jə̀ šьŋè zà
265 -parnəstь̀. Anò ɉьmò-stortь̀ trí-kȍpə və̀ja àno pèt-kopè ɉȍč; àno sьmò parnəslь̀ žə́j štìri màžə, anò trí momò tana-pȍtь; àno múj
266 -oɉà ə̀-pərnèsu sèdaŋ-košè ɉȍč. Anò tə-kȍpə ɉьmò-jə̀-prodàtь dòw-Čènto tjèn kь̀-nь-majò kràvə anò mȗšə, anò ni-ɉè-dàtь dostь̀ sòwtə, nu-pèst. Anò éŋelə̀ su-ɉ̈àlì, ɉь̀ ɉьmò nəγà-mȗša. Ànu jà-nə-vjèn vь̀ɉ.

267 Éŋelə̀ nə-bá pəršlà dnà-debȩ̀la debȩ̀la xɉì; na-jə̀ šorokà àn debȩ̀la:nà-tèžì trì-čentenàrjə lìbər anò tri-ónčə-ànu-pòw; anò nà-sə* *símpri* *smējə; ano.nà-ma-jímə Ména Dréja (*Dréjowa*); léjь (*léjje*) tàlьčjé, *kь* nə̀-dòw-kléknila; éjŋelə̀ nə-bà-γorə̀ -ustàla; nə-bà-paršlà pò-òwjə anò pó-ažejt; anò sò* sóusjь mèrkalь tu-ŋó; ànu-zàt nə̀-wzèla tò-òwje anò ažèjt, anò nə̀

---

*ie, старики, что когда я съѣм столько «мешты» и мучной похлѣбки, как они, буду видѣть, что ты будеш такой же, какмы. [1])

264 Сегодня я нарѣзал довольно (много) сучьев, но их слѣдует
265 надо) еще принести. И мы сдѣлаем (уложим) три кучи (копны) сучьев (вѣтвей) и пять куч стебельков; и мы принесли уже три охапки, а три у нас на дорогѣ; а мой отец принес семь корзин
266 стебельков. Эти же копны мы продадим в Тарченто тѣм, у кого есть коровы и ослы; и они дадут довольно (много) денег, [цѣлую] горсть. И теперь они сказали (спросили), хотим ли мы одного осла. И я больше [ничего] не знаю.

267 Теперь пришла-было толстая, толстая дѣвушка; она широка и толста: она вѣсит триста фунтов и три с половиною унціи; и она всегда смѣется; и ее зовут Мена (Доминика) Дрея (Дреева); посмотрите, как она стала на колѣни; теперь она встала; она пришла-было за [прованским] маслом и за уксусом; и всѣ смотрѣли на нее; затѣм она взяла это масло и уксус, и

---

[1]) Во всем этом мало смысла; какая то несвязная, запутанная рѣч.

268 -utə́klà. Эnzàt nə-bà-paršlà na-drȕγa žənà, xȕda ànо stȁra,
ànо sȕxa tèj na-ščȉna; nə̀-ukȗpila *petróljo* anȍ na mèrka tú-nas;
ànо na-jə̀ prèz-zоbè; anȍ zát nə̀-utəklà-tà; na-njé-tjȅla *nánjte*
pomȅrkatь nȁzat.

269 An jà nàs sàn̨-ustòw γwȍda, ànо san̨-šȍw, jà ànо dan̨-drȕγь
mȍš; ən̨ smo-šlь̀ dow-mь̀s- tè-dolȅŋь -bòrk anȍ ta-mь̀s-Karnȁxtо
270 an čjé-won-mь̀z dan̨-rȍp. An̨zàt smo-pəršlь̀ tù-Brjȅzjə tanà
271 -dȅvat, àn̨ smo-stȁlь čь-dò dánȁst. An̨zàt smo-šlь̀ dò-mьz
-Bȍna [1]), an̨zàt dòw-Tijpȁnu. Smò-paršlь̀ tà-pudnȅ ən̨ smo-stȁlь
272 čь̀-do-trí-pò-puwdnȅ. Эn̨zàt tè-mȍš ə-šȍ-tačjéwon mь̀s-tь
-drȗγь rȍp, an̨ jà-sən̨-šòw dimwȍj; sə̀m-paršù nu-mə̀r γwȍda.

Ǯwán̨-Čusìn̨-Dwȍvьȷ, Гorȅŋь-bòrk, z-Гoréŋəγa-bórka.

---

273 Mȁlo sàm-mu-dàw; mȁlо pȁjо səm-mòw, ànu dostь̀ sə̀n̨

---

268 убѣжала. Затѣм пришла-было другая женщина, злая и старая,
и сухая как щепка; она купила керосину и смотрит на нас; и она
без зубов; затѣм она убѣжала; она не хотѣла ни даже оглянуться.

269 А я сегодня встал рано, и я шел, я и другой мужчина (человѣк); и мы шли туда в нижній приселок и на Карнахту и к
270 одному утесу. Затѣм мы пришли в Брѣзья к девяти часам, и
271 мы там остались до одиннадцати. Затѣм мы отправились на Бона [1])
и затѣм в Тайпану. Мы пришли туда около полудня и мы оста-
272 вались там до трех пополудни. Затѣм этот человѣк пошел туда к
другому утесу, а я вернулся домой; я пришел нѣсколько рано
(слишком рано).

Иван Чушин Вдович,—из Верхняго приселка.

273 Я ему дал мало; малую плату я имѣл, а много я потреблял

---

[1]) *Campo di Bonis*, мѣстность, большіе луга и пастбища, принадлежащіе трем деревням: Брѣзьям, Тайпанѣ и Вискоршѣ.

-košumdw. Màlo tə-mĭ-rèštalo, an tù-màlo, kь tə-mĭ-rèštalo,
274 səŋ-dàw mimò-ojé. O šə nakàj səm-bĭ-odlwòžu, san-dàw moj
-màtьre, nu-màlo rjèč pò saŋ-dàw moj-səstré.

275 Já-sam-bĭ te-zàdŋь, àŋ za-twò-kь sam-bĭ te-zàdŋi,
ò-mь-njè-dàw kùj dnaγà máčka zá-mu-leǵĭtĭmu, mwòj-ojà.

---

276 Aŋ jà-màn dnaγà-pьcà, k-oŋ-snjè nu kwàrto sjérka po
-tjèdne, ànu ma-γá-prodàtь Búco [1]); ànu mь-jə-dàtь mənà dàŋ
277 -napolejòŋ zà taγà pьcà. A máčkà já-ji-jòŋ rədìtь, zá-k-o mìšь
278 lòvь àno pantijànə. Tòŋ-kupìtь kràvə, kь nĭ-mantьŋàjtə-mənà,
za-mòwstь ŋьx-mljekò; àn jo-jə-γnàtь pàst, zà-kь nь dàjtə
279 mljekò, anò kь nь-ošparŋàjtə kàku γrĭwo, daŋ kosьj trāvə [2]). Kàr
na-prĭdə stàra, jù-prodàtь áno jètь sòwtə zá-ŋu. Ànu-zàt, jé

(поѣдал). У меня мало осталось, и эту малость, оставшуюся у
274 меня, я отдал моему отцу. И еще кое-что я отложил (приберег)
и дал своей матери, малую же вещ (незначительную же часть) я
дал своей сестрѣ.

275 Я был послѣдним [ребенком у родителей], и так как я был
послѣдним, [то] он, мой отец, дал мнѣ в наслѣдіе только одного
кота [и ничего болѣе].

276 {И} у меня собака, поѣдающая кварту кукурузы в недѣлю,
и я должен продать ее Буцу [1]); и он даст мнѣ один напо-
277 леондор за эту собаку. А кошку я удержу за собою, потому что
278 она ловит мышей и крыс. Я куплю коров, чтобы онѣ меня содер-
жали (питали), так как я буду доить их молоко; и буду их гнать
пасти, чтобы онѣ давали молоко, и чтобы онѣ оберегали (охра-
279 няли) какой-нибудь пучек, кусок травы [2]). Когда она [корова]
состарѣется, продать ее и получить деньги за нее. Затѣм (Или же),

---

[1]) Собственное имя.
[2]) Неясно.

na-nə-plažȁ ta-krȁwa, kūpltь nu-drȕγu, ànu zà ta (zàt ta) nà ǰə-bьtь̀ bwȍjša, kȕj ta-párwa.

---

280 Sàm-bi-šъ̀w spȁt snwȍjka z-nȍn-xǰərjȍn̨n, à na-mь-njé -tjȅla-naγȁtь morozȁtь; an̨zàt jə-utəklà, za-twȍ-kь sam-bì -stȁr, za-twȍ-kь san̨ stȁr.

281 ¡Nà-vəlìka špíndīja! ò-mi-jə-umár dàn otròk, ànu man̨-γà -podlošti̇̀, ànȕ o-ma-prìtь ospwȍt tàx-kìšь, ànu γa-mà-pəjȁtь nȕtrъw-sopultȕru (-sepultȕru).

282 Ti-bȍš-mu-povjédъw.

283 Горȁ-u-Plətìščax ànо tъ̀w-Brjȅzjax nu-màr po-konȁjsken̨ wlječȁ; šȁ tu-Brjȅzjax. Tu-Brjȅzjax wlječȁ pò-rozjȁn̨sken̨.

---

284 Sam-bì tòw-Viškwȍrši an̨ sam-pópu (*-popìw*) dan̨-fráklin̨ *ágadivìtsè*; an̨zàt sən̨-šъ̀w dimwȍj, sam-mwȍru-jitь̀ dimwȍj.

если она не нравится, эта корова, купить другую, и тогда эта будет лучше, чѣм первая.

280 Вчера вечером я отправился спать с одною дѣвушкой, но она не позволила мнѣ любезничать, и затѣм убѣжала, потому что я был стар, потому что я стар.

281 ¡Большія издержки! у меня умер ребенок, и я должен его похоронить, и должен прійти в мой дом (ко мнѣ) батюшка (священник), и должен провожать его в могилу.

282 Ты будеш ему разсказывать.

283 В Платищах и в Брѣзьях [язык] смахивает нѣсколько на канальскій [1]); так же и в Брѣзьях. В Брѣзьях смахивает на резьянскую рѣч.

284 Я был в Вискоршѣ и выпил там «фраклин» (мѣрку) водки, затѣм я отправился домой, я должен был идти домой.

---

[1]) т. е. на пограничный словинскій говор в провинціи Горицѣ (Gorica, *Gorizia*, *Görz*) в Австріи, на говор окрестностей Канала (Kanal, *Canale*).

285 Sàm-parš̀ъw tùw-Tijpànu, ànu sə̀m-prosə̀w, kíj o-stojì Bagàj. Aŋzàt sàə-γà-obrjètu; aŋzàt jə-paršъ̀w z-mànu, àŋ
286 smo-sь-ǰakəràlь, jà-nŭ-òn, jà-nu-Žwàn-Bagàj. Aŋzàt sьmo -storlь̀ nàšə-rə̀čь, twə̀-kь-smò-sə̀-uprašàlь; aŋzàt smo -sjédnilь-dòw ànu smo-stórlь nàšə-rə̀čь, twə̀-ke-tè (-tə̀)-koventàlo.

287 Àŋ sam-bi žèjaŋ àŋ sam-parš̀ъw ta-dnèj-fontànь, àn jə-bà
288 dobrà wóda. Ànu səŋ-sjédnъw-dòw án sam-popìw dàm-bokàw wódə; ànu saŋ-sə̀-rafreš̀čъw, ànu ji-sàŋ-snjèdu šə̀ daŋ-xljébac;
289 ànu-zàt san lјèpo stàw, aŋ-zàt saŋ-sə̀-opočъ̀w nu-màlo. Anzàt saŋ-sə̀-jьnvijъ̀w, ànu saŋ-š̀ъw tá-po-mójьj-pótь, éjtu
290 -kь-nə-mə̀-pejàla. Əŋzàt sàm-parš̀ъw tùw-nu-wàs; anzàt éjtu sàm-prosъ̀w, kь̀ nь-mə̀-ložítə spàt.

---

291 Cьtàt, dnà-cьtàt. Àə kь-nь-sə-klíčəjo: dnà tə̀ Čъwdàt; ta drùγa tə̀ Goríca; ta-drùγa tò-jə Wídaŋ, ta-drùγa tò Taržízam,

---

285 Я пришел в Тайпану и я спросил, гдѣ живет Багай. Затѣм я его нашел; затѣм он пришел ко мнѣ (встрѣтился со мною), и
286 мы разговаривали, я и он, я и Иван Багай. Затѣм мы покончили (обдѣлали) свои дѣла, то, о чем мы спрашивали друг у дружки; затѣм мы усѣлись и мы обдѣлали свои дѣла, то что было надо.
287 И меня томила жажда (И мнѣ хотѣлось пить) и я пришел к
288 одному роднику (ключу), и [там] была хорошая вода. И я усѣлся и выпил «бокал» (кувшин) воды; и я освѣжился и я съѣл булку хлѣба; и затѣм я чувствовал себя хорошо, и я отдохнул немного.
289 Затѣм я тронулся в путь и я шел по моей дорогѣ, туда, куда она
290 меня вела. Затѣм я пришел в одну деревню; затѣм там я просил, чтобы они меня уложили спать (чтобы они мнѣ позволили переночевать).
291 Город, один город. И они [города] называются: один это Чивидале (*Cividale*); другой это Горица (*Gorisia*); [опять] другой

ta-drũγa to-jə Čènta, ta-drũγa tò-jə Γumìn, ta-drũγa tò-jə Poltèba, ta-drũγa tò-jə Venčòŋ, ta-drũγa to-jə Tarvìš; ta-drũγa to-jə Travìže, čь-u Travìže; Benètka, tъw Benètkax; Polmàda; Trĭjèšt; Lubjàna; Pьčùj, dòl-u-Pьčùjə [1]); taz-dólə jə̀ (to-jə̀) Mortьjàŋ; Mwòč, tùw-Mwòčĭ; Bòwc, tùw Bówcu; Tumìŋ, tũw Tumìnə. Ànu s Tumìna tò-sə̀-γré na-Γorìcu; z-Orìcə tò-sə̀-γré dòw-na-Trĭjèšt; an s-Trĭjèšta sə-γré w Lubjànu; àŋ z-Lubjànə sə-γré tòw-Gràc; z-Gràc sə-γré na-Vjə̀nu.

---

292 Dostь̀ owcè, jьx màn dèsat, ànu sũ vére mè; ànu pèt sa-jьx-prо́dъw a pèt-jьx daržìŋ; ànu-zàt su rèštalə brèjə sòwsə pèt; anzàt sàm paršъ̀w spèka na dèsat jь̀x; *sъpúrkь* sàŋ-jьx-bì-prjèt-prődъw pèt, *tàn* saŋ- (*tànt* saŋ-) -paršъ̀w spèka na
293 -dèsat-jь̀x. Bwòx ò-mь-dàw fortũnu, *kь̀* saŋ- spèka -paršъ̀w na-dèsat-jь̀x.

это Удине (*Udine*), [опять] другой Тричезимо (*Tricesimo*), [опять] другой это Тарченто (*Tarcento*), [опять] другой это Джемона (*Gemona*), [опять] другой Понтебба (*Pontebba*), [опять] другой это Венцоне (*Venzone*), [опять] другой это Тарвиз (*Tarvis*), [опять] другой это Тревизо (*Treviso*); Венеція (*Venezia*); Пальма-нуова (*Palma-nuova*); Тріест (*Trieste*); Люблянa; Поцуоло (*Pozuólo*) [1]); внизу имѣется Мортельяно (*Mortegliano*); Моджджіо (*Moggio*); Болц (Bolc, *Plezzo*, *Flitsch*); Толмин (Tolmin, *Tolmino*, *Tolmein*). А из Толмина идем в Горицу; из Горицы идем вниз в Тріест, а из Тріеста идем в Люблянy; а из Любляны идем в Грац; из Граца идем в Вѣну.

292 Довольно (много) овец, у меня их десять, и онѣ настоящія мои; и пять их я продал, а пять их я держу (оставил за собою); затѣм всѣ пять сдѣлались суягными; затѣм я опять вернулся к десяти их; хотя я раньше и продал пять, я все таки опять вернулся
293 к десяти. Бог дал мнѣ счастье, что я опять вернулся к десяти их.

---

[1]) Мѣстность в близи Удине.

294 Bà-jь-mòw kadà, jà-bь-tъ̀w stằtь šə̀ nu-màr; *ma* njḗ-man kadà, màņ-jitъ̀ ta-mṓj-kìšь, màņ-jitъ̀ na-mṓj-obə̀t.

295 Dostъ̀ kràw, màņ-jъx šə̂st; su-mъ̀ sòwsə ....., trí su-mъ̀-storlə̀, a trí su jằlovə; ànu saņ-šъ̀w-tà, àņ sam-prṓdu dnù nə̀mu-beɟằrjo, ànu saņ-jèw dwarèdь-ànu-pèt fjorìnə za-tò-kràwo.

Maņ jъ̀x tríkat dwarèdь ànu pèt.

Žwằn Páskul Sòwt, dòw-tь-dolềŋeņ bórku.

---

296 Jà ji-mwȍrəņ-prepısàtь vъ̀ɟkrāt te-lìbrьn; jà jь-ɟȍņ-zapı-sàtь twȍ vъ̀ɟ-kùj dam-bòt. Jà jĭ-ɟòņ-pısàtь twȍ, kь tъ̀-ɟakərằš.

297 Jà-maņ-jьtъ̀ na-obə̀t, saņ lằčaņ. O-devètь-ȕrь mì-uzằmo jjèstь obə̀t [1]); kolacjȍnь mì-nə-jjemȍ.

---

294 Еслиб я имѣл когда (Еслиб у меня было время), я бы остался еще немного; но я не имѣю когда (у меня нѣт времени), я должен идти к моему дому (вернуться домой), я должен идти к моему обѣду.

295 Довольно (много) коров, у меня их шесть; всѣ ..., три сдѣлали мнѣ (отелились), а три яловы; и я пошел (отправился) туда и продал одну мяснику, и я получил двадцать пять гульденов за эту корову.

Мнѣ шестьдесят пять [лѣт].

Иван Пасколо Солт, в нижнем приселкѣ.

296 Я должен нѣсколько раз переписать эту книгу (тетрадь); я запишу это болѣе чѣм один раз. Я хочу писать (запишу) то, что ты говориш.

297 Я должен идти обѣдать, я голоден. Мы имѣем обыкновенье (У нас принято) ѣсть обѣд [1]) (обѣдать) в девять часов; завтрака мы не ѣдим.

---

[1]) Собственно это первое, утреннее кушанье.

298 Šə̀ zlaγə̀jtə; povjédьjtə nu-prâvicu. Nə-prâvьtə jédnəmù.

299 Njémaš-mješàtь kraŋolìna tamí-nas; ȷel nə̀, né-tə-ȷè-wbìtь. Ti-mə̀š· ljèpo ·dàtь.

300 Kursŏr ə̀-mjèšŏw krə̀ŋsko tu-nə̀šo, tuw-nə̀š-ləəgə̀č.

301 Meštìnu [1]) ə̀-parmə̀ŋȷъw də̀ māčə̀k; né-γa-majŏ Kə̀wčiȷь [1]), ə̀ dnaγà né-majŏ onь̀, k oŋ· *símprъ* ·plə̀čə, rántьj Kétra.

302 Эjtə̀ko nə̀š-pajìs: té-k o-njéma mūda al začə̀s objēlìtь ..., ə̀ tє-k o-ma mūt, šə mə̀sa objèlь. Té-kь-mə̀ začə̀s, objèl dobrò.

303 Šə̀ pre-sŏli jьx-mwŏrə jjèstь.

Njéma začə̀s kūpìtь dam-bwŏγь Žwə̀n Sòwt.

304 Tjèzjь mŏžje ní-jedŏ. Té nь-nə̀-jedŏ obə̀jəno, njémaju fwə̀rčə za-djèlatь.

---

298 Даже солгите; разскажите сказку. Не говорите никому [ничего].

299 Ты не должен примѣшивать крайнскаго (словинскаго) языка к нашему; если нѣт, убьют (поколотят) тебя. Ты должен дать (разсказывать) хорошо (как слѣдует).

300 Курсор (волостной разсыльный) примѣшивал крайскій язык к нашему, к нашему языку.

301 У Мештина [1]) пропал кот; его имѣют Кавчичи [1]), а одного (имѣют) тоже, который постоянно (все) плачет, точно (как) Катерина.

302 Так-то в нашем краю (у нас): у кого нѣт возможности (способа) или же не чѣм приправлять [кушанье]....., а другой, который имѣет возможность, приправит даже слишком. Тот, у кого есть чѣм, приправит (сдобит) хорошо.

303 Даже без соли должен ѣсть.

Не имѣет чего купить (Не может купить приправы, сдобы) бѣдный Иван Солт.

304 Эти мужчины (люди) ѣдят. Если они не ѣдят с приправой (со сдобой), не имѣют силы работать.

---

[1]) Собственныя имена.

305 Té-žənə̀ ní-γa-stáržəju krampìr, krampìrьj, tə-stàrə bàbə; à tə-mlàdə ní-γredə̀ pàst kràvə, ànɑ né-redé-jə, otročìjə tàpar
306 -kìšь. Krampìrjə stáržəju tə-stàrə-bábicə, né parajàwaju za -skũxàtь minə̀štru swə̀jeṇ-mə̀žaṇ.
307 Tà-barìγla nə̀-daržàla dwárkat-dwarə̀dь-an-dwà bokàla.
308 Mə̀š oṇ-jə-pìw tьkàj-kь jə-móu, tьkàj-kь jə-tъ̀w-pìtь. Mojàṇ jə bìw, zatwə̀-kь jə-pìw vincè.

---

309 Ə̀ṇ-ə-zũbu dušìcu, ə̀-sə-danъ̀w; ə̀ṇ-ə-šъ̀w tùw pakъ̀w, xudìj a-(γa-)-jə-nə̀sъw tъ̀w-pakъ̀w; ə̀ṇ-nə-prìdə vъ̀j s-paklà.
310 To-njébo bizũŋa, k ə̀ṇ-xodì tъ̀w-pakъ̀w, za-twə̀-kь jə-jjèdu bróskwə, za-twə̀-k oṇ-γrjèx djèlъw: aṇ-njé-xodъ̀w γ-màjšь ànu dotrìnь anə̀ prèdijь, kàdar ə˶ ljèpo ˶ũčъw nà-owtàrjь kapelàṇ za-nàšo-dobrò, za˶ nàšu-dũšu ˶salvàtь.

---

311 Tlə̀ to-njè jédnaγa pijánəγa; su sòwsь sinčjèri, za-twə̀-kь

---

305 Эти женщины скребут (чистят) картофель, картофелец, эти старыя бабы; а молодыя идут пасти коров, и онѣ воспитывают их,
306 дѣтей, дома. Картофель скребут (чистят) старыя бабушки, онѣ приготовляют [его, чтобы] сготовить «минештру» (густой суп) своим мужьям.
307 Этот боченок содержал сорок два бокала (42 кружки).
308 Муж (мужчина) пил столько, сколько мог, столько сколько хотѣл пить. Он был крѣпок, потому что пил винцо.
309 Он погубил [свою душу], он осудил себя; он пошел в ад,
310 черт его понес в ад; он болѣе не выйдет из ада. Не было нужды, чтобы он шел в ад за то, что ѣл колраби (брѣдовку), потому что грѣх творил (грѣшил): он не ходил ни к обѣднѣ, ни к [церковному] ученію, ни к проповѣди, когда хорошо учил у алтаря капелян ради нашего блага, чтобы спасти нашу душу.
311 Здѣсь нѣт ни одного пьяницы; всѣ трезвы, потому что мы

sù‚ màlo ‚pı̀lь vínà (vína, vınà), za-twȍ-*ke* njéma sòwtə, àno víno
812 tə *màsa* dràγo. Kàr tə dȍbar-kùp, mé-γa-pijəmȍ, təj wódə, pijə-
mő-γa prez-nȕmərja, tjȅzjь kь sù mȍʄnь sakètoņ.

---

818 Ta-čárna òwca nə̀ bownà, na-njȅ-za-nьč, na-njȅ zà-kū-
pı̀tь; jà-jь-nȅjʄoņ, za-twȍ-kь na-ʄə̀-krepàtь prə̀j-kь jȍ-par-
žənə̀ņ wȍs-tveγà-xljȅwa tàna-čòk.

мало пили вина, потому что нѣт денег, а вино слишком дорого.
312 Когда оно дешево, мы пьем его как воду, пьем его без числа,
тѣ кто крѣпок мошною.

313 Черная овца больна, она никуда не годится, ее нельзя ку-
пить; я ея не хочу, потому что она околѣет прежде чѣм я при-
веду ее из твоего хлѣва на пень [чтобы ее зарѣзать].

В. Тексты, записанные в 1901 г.

B. Die im J. 1901 neu aufgezeichneten Texte.

№№ 314—333 сообщил выше поименованный Иван Чушин Вдович (Žwàņ Ćušíņ Dwȍviʄ), теперь 43-лѣтній акцизный агент (*Zussino Giovanni di Valentino, commesso daziario*).

№№-ами 334—345 и 364 я обязан 56-лѣтнему Матѳею Штрояцу по прозв. Перину (Štrojàc Matı̀ja dèto Perı̀ņ) (*Strojazzo Matia detto Perin*), бывшему в 1873 г. волостным совѣтником (koņsəjə̃r).

№№ 365—370 продиктовал мнѣ Петр Дебелиш (Дебелис) по прозв. Панток из Вискорши (Debèliš Pjȅrь Pantòk od Viškwȍršə), ок. 60 лѣт.

№№ 346—354 и 371—385 сообщены мнѣ Домиником Ми-

калицей Бавом (Mèn Mikalìca Bàw, tjè-pr̥ Bàwe) (*Domenico Mikalissa* v. *Micalissa detto Bau*), 50 лѣт, моим провожатым из Брѣзій (*Montemaggiore*) через Карнахту (*Cornappo*) в Вискоршу (*Monteaperto*) и из Вискорши в Дебелиш (Debȇliši, *Debelis*). №№ 378—381, кажется, при участіи трактирщика Іосифа Кобая (Kobàj Zèf, *Giuseppe Cobai*), ок. 30 лѣт.

№№ 386—401 записаны мною со слов двух маленьких, 2-лѣтних или 3-лѣтних, дѣвочек, и нѣскольких женщин.

Наконец, №№ 355—363 и 402—404 происходят от Маріи Микалицы по прозв. Бав (Mȋna Mekelìca Bàw), ок. 40 лѣт, незамужней сестры моего провожатаго, Доминика Микалицы Бава. Язык ея довольно подозрителен и в нем есть очевидные слѣды словинскаго (крайнскаго) вліянія, и именно потому что эта, пассивная по природѣ и легко поддающаяся вліяніям и внушеніям женщина пробыла извѣстное время в Крайнѣ в окрестностях Каменнаго Моста (Zidan Most, *Steinbrück*).

1. Сказка (Märchen).

814 Te-bȉ dam-bòt dən-šjȍr, ke-mòw (-mù) no-γə̀rdo-žə́nȍ; *skwáši* wsáko-nwȍjj su-mjèli kuštjȍn.

815 Zàt dan-dàn̨, kar je-bȉ štȕf koštjonȍj, je-wstù-wòn zjȕtra

816 γwȍda, ə-viljèzuw wòna-pȉjȍw. Dòle-na-γoràde e-mòw den -tròp kokošȉ anu nəγa-petelȉna. An tu-γoràde bȉ šə̀ dən-famèj. Te-petelȉn ə-skàkow γòr-na-kőkòšə àno ə-kikirȉku.

---

814 Однажды был барин, у котораго была злая (скверная) жена; почти каждую ноч у них была ссора.

815 Затѣм в один день, когда ему надоѣло ссориться, он встал

816 рано утром и вышел на крыльцо. Внизу на дворѣ он имѣл стадо кур и пѣтуха. И на дворѣ был еще слуга (батрак). Пѣтух вскакивал на кур и кикирикал (пѣл по пѣтушьи).

317 Zàt famə̀j ə-ǵàw: «¿kъ̀ ti-djèlaš, zvergonʒàt? ¿à ti-ne-vȉdiš,
318 *kĕ* naš-γospodȁr ò-je žȁlostaŋ?» A petelìn ə-mu-ǵàw: «ʄe nàš
-γospodȁr ə štũpit, jà ji-njèsaŋ; ¿à ti vȉdiš? jà jì-man dən-tròp
kokošȉ anὸ wsjèn jə-stȍrin stȁtь anu jьtъ̀ tù, ki-ji-ʄòŋ; a nàš
-γospodȁr o-mà kùj dnо-žənὸ, anu šə tə̀j o-njè kapàn kwazȁtь».
319 Zàt su-mjèlь šə wolə̀ an nā-mũ̀ša, kъ̀ nu-sо-djèlalь z-ŋə̃mь.
320 *Ma* mũšu tò-sə-krešȁlo djèlatь. Zàt ə-sə-lamentòw nə̀mu-wolὸ,
a tè ə-mu-ǵàw: «Stòri sə bȍlan zájtra-zjútra; k om-prídə famə̀j
321 dajȁt jjèstь, ne-wstȁjaj-γorə̀. Àn ti-bоš-vȉdъw, *kè* ni-tə̀-nə
-žənȍ na-djèlo, anὸ nu-ti-ʄè-dȁtь kə̀j-bwȍjšəγa jjèsti».
322 Azȁt zvə̀čər, kĭ sὸ-pr̥šlì wolì dimwȍj, ə-ǵàw te-wòw mũ̀šu:
323 «¿káko nə-tъ̀-pasȁla?» Òn-ə-ǵàw: «Ljèpo; blózə̀ kь sь-mə̀-na-ŭ̇čiw èjtȁko. Ja˼ nàs ˻saŋ˼ kùj ˻ležὢw, anu sо-mi-dȁlь jjèstь sè-
mulə rȁt. ¿A nàs təbə̀ kȁko nə̀-pasȁla?»
324 A wòl (wòw) ə-mu-ǵàw: «¡γə̀rdo *lefè*! Sam mwȍru wlấčȉtь

---

317 Тогда слуга сказал: «¿что ты дѣлаеш, безстыдник? ¿развѣ
318 ты не видиш, что наш хозяин опечален?» Пѣтух же сказал ему:
«если наш хозяин глуп (дурак), то я не таков; ¿видиш-ли? у меня
стадо кур и всѣх я заставляю стоять и идти туда, куда я хочу;
а у нашего хозяина только одна жена, и даже этой он не способен приказывать».
319 Затѣм они имѣли тоже волов и ослов, которыми они рабо-
320 тали (воздѣлывали поле). Но ослу наскучило (надоѣло) работать.
Тогда он пожаловался одному волу, а тот сказал ему: «Притво-
321 рись больным завтра утром; когда слуга прійдет давать ѣсть,
не вставай. И увидиш, что они не погонят тебя на работу, и
дадут тебѣ ѣсть кое-что по-лучше».
322 Затѣм вечером, когда волы вернулись домой, этот вол сказал
323 ослу (спросил осла): «как же он [т. е. день] у тебя прошел?» Он
[осел] сказал: «Хорошо; спасибо тебѣ, что ты меня так научил.
Я сегодня только лежал, и мнѣ дали ѣсть отрубей вдоволь. ¿А у
тебя как он [день] прошел?»
324 А вол ему отвѣтил: «¡скверно ей-богу! Я должен был тащить

cjȅw - dàn̦; sàm patišȍw žȅjə anu lȁkoti, a leŋȁt, ti dorò vjȅš, nì
- majȍ bundȁncjə tjȅx».
325 Zàt mȍš ə - ɖàw wolȍ: «zájtra storь̏ šə - tȉ jəjtāko (ȅjtȁko);
326 ɟemò⸗ *mankɵ* ⸗wkòp - jȍ - preγȁŋatь tlə̀. Šə tȉ nə - wstȁjьj - γorə̀
zájtra - zjútra; dr̥̀ži nȍγə wtə̏γŋənə anȍ γlȁwɵ. Ȁnɵ ti - bȍš-vȉ-
duw, *ke* ni - tə - ɟè⸗ ljȅpo ⸗tratȁtь».
327 *Mà* drúγi - dȁn̦, kàr jə - pr̥šȍw famə̀j dȁjat jjȅstь, ə-vȉdъw, *kè*
wòl on njè - mȍrow jьtь̏ na - djȅlo; ə - ɖàw: «nàs to - mà⸗ mű̃ša ⸗ta-
328 kȁtь; ə̀ - oščəpòw ot - wčə̏ra - sàn̦». Kàr čòw twȍ mȍš, ə - ɖàw san̦
- sȁbɵn: «sèn na - mwȍj - škȍdɵ tə̀ - naŭčuw; *mà* nàs jà ji - mà - jьtь̏
na - djȅlo, anȍ ɟòn - preštudjȁtь, kȁkɵ tì - nə - bȍš⸗ šə - tȉ ⸗jə - jjȅdu
za - *dibànt*».
329 Zȁt zvə̏čər ə̀ - sə - djȅluw *símpri* znȁnac *juštə̀s*. An̦zàt àn̦ - ə
330 - ɖàw wolȍ: «¿Kȁko si - jȍ - préγnòw nàs?» A wòl ə - ɖàw: «Ljȅpo;
sȍ - mi - dȁlь kàr so - moγlì dwȍbrəγa, ànɵ sən̦⸗ ljȅpo ⸗počȉwow.
¿A tȉ kȁko si - jɵ - preγnòw?»

(пахать) цѣлый день; я страдал от жажды и голода, а палок
(ударов), ты вѣдь (хорошо) знаеш, они имѣют их в изобиліи.»
325 Тогда осел сказал волу: «завтра ты тоже сдѣлай так; по
326 крайней мѣрѣ будем его [время] вмѣстѣ здѣсь проводить. Ты
тоже не вставай завтра утром; держи ноги и голову растяну-
тыми (вытяни ноги и голову). И ты увидиш, что они будут хо-
рошо с тобой поступать».
327 Но на другой день, когда слуга пришел давать ѣсть, он уви-
дѣл, что вол не мог идти на работу; он сказал: «сегодня очередь
328 на осла; он выздоровѣл от вчерашняго дня». Когда осел услы-
хал это, сказал самому себѣ: «на мою бѣду я тебя научил (я тебѣ
посовѣтовал); но сегодня я должен идти на работу и я придумаю
[средство], что и ты тоже не будеш ѣсть даром».
329 Затѣм вечером он тѣм не менѣе все еще прикидывался дру-
гом. И тогда он спросил вола: «Как ты его [этот день] провел се-
330 годня?» А вол отвѣтил: «прекрасно; они мнѣ дали что только
могли лучшаго, и я хорошо отдыхал. ¿А ты как его провел?»

331 A mòš è-mu-ǯàw: «¡γàrdo *lefè!* jjèstь sәm-mòw màlo, *nàŋće*
pìtь ràt, ànu leŋàt tьkèj-kь sәŋ-tòw. *Mà* seŋ-čòw nо-xűdо
332 -nȍwо šә zà-tә. Nŋcwȍj, dimwȍj γrédē, sәm-vìduw γos-
podárjà ćjè-pŗ-beȷàrjо; è-ȷәkәròw òt-tәbè, ә-ǯàw: «ȷe zájtra
òn-nә-wstànә= ràdo =γorè mоj-wòl, ȷоm-prìtь tè-ovizàwat, anо
333 ti-prìdәš z-uwőžì za-γà-ubwìtь». An takovìš na-jè študjàna
zà-tә. Vìdi zȅjtra-zjútra *sùbьt* γorè-wstàtь, anо bȍdi vèsәw, ȷè
ti-màš wȍjo živìtь šè kak-dàŋ».

2. Автобіографическіе разсказы. (Autobiographische Erzählungen).

334 1) Štrojàc Matìja dèto Perìŋ.

Jà-sam-bi-šòw dòw-pret-Kròža tòw-Čižjèrjә aŋ sàm
335 -prosòw djèlo tàna-te-*lavòri*. Anu kàpo mè-acetòw, aŋ sàm

---

331 А оселъ сказалъ ему: «¡скверно ей-богу! ѣсть я имѣлъ мало, и даже пить не-достаточно, а палок сколько мнѣ было угодно (сколько влѣзет). Но я слыхалъ дурную новость (вѣсть) тоже для
332 тебя. Сегодня вечером, возвращаясь домой, я видѣлъ хозяина у мясника; он говорилъ о тебѣ и сказалъ: «если завтра мой вол не встанет охотно, я прійду извѣстить тебя, и ты прійдеш с ножами, чтобы
333 его убить (зарѣзать)». И таким образом тебѣ есть о чем подумать (дѣло твое скверно). Постарайся завтра утром сейчас-же встать и будь весел, если тебѣ хочется пожить еще нѣкоторое время».

334 1) Матвей Штрояц по произванію Перин.

Я отправился за Крожа в Чижерья и просилъ занятія при
335 работах [по постройкѣ дороги]. И завѣдывающій работами при-

336 -pr̥šòw djèlat, ano saŋ-djèlow trínāst-ʒòrnāt. *Ma* tə-bò *kòme* pàja po-ūrь: dwá-rèdi-aŋ-pét čentèzime.

337 Anu mənə̀ tàna-trinàjsto-ʒornàdo nə-mə-sə̀-socedàla na-dižgràčja, dišfortūna, kь m-jə̀-pr̥sòw dan-žlàk tù-nio-kanàli, o-dwá-métra šoròk a stjère z-dèsniŋ-kràjaŋ, ot-pót̀ь γorə̀-γrēde štjèri-mètre, a z-drūzjiŋ-kràjaŋ ōsan visokò. [1])

338 Anu jə-spàdlo-dòw wsè dam-bòt, anu tə-mə-jèlo gràwa,
339 *kè* mi-jə-pokrìla cjéləγa. Àŋ sam-mòw dan-bràč wonè; aŋ saŋ› šə̀ z-mòŋ-rokòŋ ›odnòw zèmjo ćjè-do-bràdə.

340 Aŋzàt sò-paršl̀ь jūdje, kь so-bə̀ èjtu na-djèle, *pàsə* dwá-čentenàrja judì, anu so-mə-počnèli-otkopawàtь, anò dvjé-ūre
341 so-mə̀-otkopawàlь. Aŋzàt so-mə-wzèlь-wòn ano so-mə-ložl̀ь tùw-karèto z-mjèdixaŋ-wrèt. Anò so-mε-γnàlь tòw-špetàw *prevezòri*.

342 Aŋzàt jà-sàm-prosòw mjédixa za-jьt̀ь táx-kìše, tàx-moj

нял меня, и я пришел работать, и я работал тринадцать дней.
336 Но плата была [условлена] за час: двадцать пять чентезимов.

337 И со мною на тринадцатый день случилось несчастье, ибо обрушилось (свалилось) на меня [земля] в одной канавѣ (ямѣ), широкой два метра и четыре с правой стороны (по правую руку), высокой (глубокой) же идя от дороги вверх четыре метра и восемь [метров] с другой стороны. [1])

338 И все сразу упало вниз, и меня привалил хрящ (крупный пе-
339 сок), всего меня покрывшій. И одна рука была у меня снаружи; и этою рукою я устранил землю [сверху] до подбородка.

340 Затѣм пришли люди, бывшіе там на работѣ, болѣе двух сот человѣк, и начали откапывать меня, и два часа меня откапывали.
341 Затѣм вынули меня и посадили в телѣгу вмѣстѣ с врачем. И повезли меня во временный госпиталь.

342 Затѣм я просил врача позволить мнѣ отправиться домой, в

---

[1]) Опредѣленіе этих измѣреній не вполнѣ ясно.

343 -kìše, ano mə-premetòw. An drũγi-dàn̨ *aliž-úndiš* sò-paršlь s-karèton ano so-mə-γnàlь ma-parantàt, mòj-jũdje, tà-moj -kìše tòw-Viškwòršo, *medjànt*-ma-parantàt, avokàt Perišòt, k-è abitànt tòw-Čènte.

344 Ànu twólə tə-socedàlo mjèsca-màjja na-dwarèdi-an-trí -màjja ljètos, *mìl-nuf-čènt-e-ùn*, po-powdnə *čjérge*-o-štərьx po-powdnə.

345 San-tòw-réjjъ, kь j-sə-bojìn̨ ne-morjètь xodìtь vèj, tìkə (tèjkə) sàn̨-xodòw prèj, anò ju-sə-bojìn̨ bъtь impedimèntàn za -*sìmpre*.

346 2) Mèn Mikalìca Bàw.

Dəm-bòt mòj-rànik-ojà tə-bì dəm-mòž boγàt, dan-dòbər -kontadìn. Zàt an̨-mòw n̨aγà-žənò, *ke* to-bà ma-rànca-màtь.
347 Nə-mjèla màlo dóbro γlàwo za-kìšo-dəržàtь, nə-mjèla xũdo

---

343 мой дом, и он мнѣ обѣщал. И на слѣдующій день в одиннадцать часов пріѣхали с телѣгой и повезли меня мои родственники, мои люди, в мой дом в Вискоршу, с помощью моего родственника, адвоката Перишута, живущаго в Тарченто.

344 И это случилось в маѣ мѣсяцѣ двадцать третьяго мая нынѣшняго года, 1901, по полудни около четырех часов по полудни.

345 Я хотѣл сказать, что я боюсь не быть в состояніи ходить болѣе так, как я ходил раньше, и я боюсь, что это мнѣ будет всегда мѣшать.

346 2) Доминик Микалица Бав.

Нѣкогда мой покойный отец был богатым человѣком, добрым (солидным) крестьянином. У него была жена, моя покойная мать.
347 Она имѣла не особенно хорошую голову для завѣдыванія домом

γlằwʘ. Nə-mjȅla *dьčȁr* štracȁtь, dobrò jjèstь, an nə-djȅlatь nьč. Anu na-sə̀-djȅlala *símpre* bòwna.

848 Xū̇də ljȅta sʘ-bə̀; anʘ mʘj-rȁnik-oɉà ə⸗ sjérak ⸗kū̇pu. Onà na-γa⸗ skrìwšə ⸗prwʘ́dàla an nə-wzéla špwʘ̀jγʘ anu sə̀r anʘ víǹò, aŋ nə⸗ skrìwšь ⸗jjèdla.

849 Aŋzàt mi-smo-šlь̀-dòw *sìmpri* bwʘ̄j-bȍzi. Zàt nàš-oɉà ə-šòw,

850 ə-prȍdow sòwsə twʘ̀, kь to-bò šeŋə̀. Aŋzàt ə-šòw nʘ̀tru-u -Fájštric, àŋ ta-nʘ̀tre ə-kū̇pu drū̇γʘ kìšʘ, *mà* ə⸗ slȁbo ⸗kū̇pu, nʘ-kìšʘ impotekȁnʘ, ànu ə⸗ sòwsə ⸗zū̇bu, ə-rèštow tradìt.

851 Sȅdaŋ otročìɉə ə-mòw, sòwsjь mȁlь. Anu *dal sesánta kwátre* ə-mwʘ̀ru spèkij prìtь nȁzat tow-Viškwʘ̀ršʘ. Ànu pʘ̀tiŋ mi⸗ *símpri*

852 ⸗štantȁmo. Štiri-koščíɉe su-bə⸗ šeŋə ⸗réštalə za-prodȁtь prə̀j. An tana-tìn mi-mwʘ̀rəmo živìtь.

853 *Mà* mi velìko štantȁmo, zàkь tə málo rʘ̀wbə jə. Blȁγa nьč,

---

(для веденія хозяйства), она имѣла плохую (слабую) голову. Она любила расточать, хорошо ѣсть и ничего не дѣлать. И она всегда притворялась больною.

848 Скверные годы пошли; и мой покойный отец купил кукурузу. Она ее тайком продала и взяла (купила) масло, сыр и вино, и она ѣла [это] тайком.

849 Затѣм мы становились все бѣднѣе. Тогда мой отец пошел (отправился), продал все то, что еще осталось (рѣшился продать

850 все то, что еще осталось). Затѣм он отправился в Файстриц (в Быстрицу), и там купил другой дом, но купил скверно (невыгодно), дом с гипотечными долгами, и потерял все, оказался обманутым.

851 У него было семь человѣк дѣтей, все маленькія. И в 1864 г. он должен был опять вернуться въ Вискоршу. И послѣ этого мы

852 все с трудом перебиваемся. Осталось еще четыре куска [земли] от прежней продажи. И на этом мы должны жить.

853 Но мы очень трудимся (только с большим трудом переби-

354 zàkь njémàmo šə xljèwa nə̀. Bè-mi-mjèli xljèw, mi-bi-tjèli redìtь *almánko* nə-dvjé-kozə̀; zà-no-kràwo two-nə-rivà.

355 3) Mìna Mekelìca Bàw.

Tu-kwàrpu maņ flamacjòn.

356 Za-ŋèņ-nórcàņ saņ-šlà tù-Àwštrjo, *kè* jə-mòw naγà-sìnu
357 z-mòņ-səstròņ (-sə́stròņ), prjét-ko poročìtь-jo. Azàt jə-ɟàw tùw-to-nwòγo ot-səstrə̀ [1]), k on-ɟè-mənə̀-poročìtь tùw-to
358 -nwòγo ot-səstrə̀ [1]), kь-nà-umárla. Aņzàt ə-šòw òn tù-Āwštrjo; jə-pròduw tlə̀ ŋaγà-γrùnt an tàņ-nòtrə γa-kūpuw tù-Àwštrji.
359 Aņzàt jə-póslòw lètəro ta-nòtre wòn-z-Àwštrjə, k on-ɟè-wzètь-mənə̀ tù-to-nwòγo od-mə̀j-səstrə̀ [1]), kь-nà-umàrla.

ваемся), так как мало имущества. Скота нѣт вовсе, потому что
354 нѣт даже хлѣва. Если бы у нас был хлѣв, мы держали бы (кормили бы) по крайней мѣрѣ двух коз; на корову этого не хватает.

355 3) Марія Микалица Бав.

В животѣ у меня воспаленіе.

356 За одним сумасшедшим (дураком) я отправилась в Австрію,
357 который имѣл сына с моею сестрой, до свадьбы. Затѣм он «сказал в ногу моей сестры» (? поклялся ногою моей сестры) [1]), что он женится на мнѣ «в ногу моей умершей сестры» (? в замѣн
358 моей умершей сестры) [1]). Затѣм он отправился в Австрію, про-
359 дав здѣсь свою землю, и там, в Австріи, купил другую. Затѣм послал сюда из Австріи письмо [с увѣреніями], что он женится на мнѣ «в ногу моей умершей сестры» (? в замѣн моей умершей сестры) [1]).

---

[1]) Какой то странный, для меня непонятный способ клятвоприношенія или же мотивировки поступков.

360 Azàt z-léterjamè, k-mə-jə̀-pošljow, saɳ-šlà nǿtrè-x
361 -ŋəmò̆, jà anu ŋaγa-sìn, kь-γa-mòw z-mò̆ɳ-səstrò̆ɳ. Aɳ pȍtiɳ, k smo-bì ta-nò̆tre, on-njè-tew vjédatь nь̀č zà-nas, kь smo-bì nà-nьj-pò̆tь.

362 Nə-dòwγa-jə tàle, mùj-človə̀k [1]).

363 Ta-nò̆tre smo-mwò̆rlь jьtь̀ tád-ŋəγa taγ-drȕziɳ-jȕdaɳ, am pȍtiɳ ....

3. Краткія сообщенія; объясненія; отрывки из разговоров и т. п. (Kurze Mitteilungen; Erzählungen; Bruchstücke der Gespräche).

364 Ejŋelə̀ tàna-γȍŋu nà-sə-tàjə, aɳ kàr nə ljèpo kȕxana suò̆ mizȕro, nà-sə-ulĭjə̀ dòw-mis-polènto, aɳzàt nà-sə-klìčə polènta-pȍlita. [2])

---

365 Zájtra já-jə-rèɳ od-mij-kìšə, zjútra-γwò̆da rèn wùn-z

---

360 И с письмами, которыя он посылал мнѣ, я отправилась к нему,
361 я и его сын, котораго он имѣл с моею сестрой. Послѣ же, когда мы уже там были, он не хотѣл ничего знать об нас, когда мы были в дорогѣ (еще во время нашего пути к нему).

362 Она длинна, эта [исторія], мой человѣк [1]).

363 Там мы должны были идти от него к другим людям, а послѣ. . . . .

---

364 Теперь на огнѣ оно [масло] тает, а когда оно хорошо сготовлено как раз в мѣру, его вливают в поленту, и тогда ее называют «облитою полентой». [2])

365 Завтра я иду из-дому, завтра утром иду из деревни, иду

---

[1]) «Мой человѣк» — так обращалась разсказчица ко мнѣ, записывавшему ея слова.

[2]) Дополненіе к №-у 228 от 1873 г.

866 - wàsi, rèn tjèw - Čènto. Jà ji - maŋ zájtra kupìtь nè - barèsè. Kàr jə - kũpin, ʇoŋ - jè - parnestь̀ sàŋ - w - Njèmə, ʇù - jə - dàtь žnìdarju,
867 k òŋ - mi - jə - sašè. Tòŋ - jьtь̀ tòw - no - oštarìjo, ʇù - jьtь pìt anu jjèst, aŋ ʇi bòm - mow kompanìjo, ʇòŋ - stórtь̀ šè no - partìdo.

368 Na - dèsat - avòšta jà, Debèlis - Pjèri, jà anu profesòr [1]) anu kóŋsejèr [2]), smo - pìli - wkòp tàna - oštarìjь Ʒèf - Kobàj [3]), anu vì, ki - pìšətə [4]), stə - bì *iə - kompanìje* z - nàmь.

369 Jьmò - pipàtь, jà nu profesòr, dan cìgər.

---

870 *Rè* ə - prosòw Bartóldi: «¿kwò víno tə dobrò?» Bartóldo ə - ɖàw: «twò, kь - tò - sə - pijè tòw - kìšax - ti - drũzix».

---

866 (отправляюсь) в Тарченто. Я должен завтра купить брюки. Когда я их куплю, я их принесу в Нимис, дам их портному, чтобы он
867 их мнѣ сшил. Пойду в трактир, пойду пить и ѣсть, а если найду компанію (общество), составлю тоже партію (буду играть в карты).

368 Десятаго августа я, Дебелис Петр, я и профессор [1]) и «совѣтник» (член волостного управленія) [2]), мы пили вмѣстѣ в трактирѣ Іосифа Кобая [3]), а вы, который пишете [4]), вы были в нашем обществѣ.

369 Мы будем курить сигару, я и профессор.

870 Король спрашивая Бартольдо: «¿какое вино хорошо? Бартельдо сказал: «то, которое пьется (мы пьем) в чужих домах».

---

[1]) «Профессором» назван здѣсь Доминик Матвѣевич Пасколо, преподаватель гимназіи в Павлоградѣ Екатеринославской губ. Одесскаго учебнаго округа. Он родом из Вискорши, в 1901 г., в обществѣ сестры и ея мужа, навѣстил свою родину и я там с ним встрѣтился.

[2]) Матеей Штрояц (см. №№ 334—345).

[3]) См. №№ 378—381.

[4]) Это относится ко мнѣ, как к собирателю діалектологическаго матеріала.

371 Dávь saŋ-nȅsu nu-kȁsʘ ot-finánčə tȍw-Brjȅzjə; sȍ-mĭ -dȁlĭ daŋ-frȁɒk anu pȉtь anu jjȅstь.

372 Aŋzàt saŋ-sə-nȁreduw za-dimwȍj; sàm-pr̥̊šȕw tù-nu-oš-
373tarȉjʘ tàna-Brjȅzjax, anu sam-wàs-obrjȅtu. Stə̀-mi-dàw pȉtь nu jjȅstь, *ke* j-wam-pomȁγan nosȉtь wȁšə-rə̏či čjèn-do-tu-Viš-kwȍršʘ.

374 Aŋ-xȍdi po-svə̏tu na-djȅlo za-živȉtь.

---

375 Nə-mȍrəmo jьtь̏-ìndavànt, ŧè nímàmo šȉbə tȕw-rukȕ za- pȁjkə pred-nȁmь -podə̏rjatь.

376 Jə̀ na-ȕra xódà dobrà jə po- téjlej -stázə̀ čerjès skȕzre-Bȑ̥do [1]).

377 Pòd-Bə́rdə̀ŋ [1]); dò-na-Ŋívici prȁvijʘ pod-Bárdo.

---

378 Pwȍt twȍ-sə-spijə̏ nȍtre-tòw-kȍsti, tȕw-vȉtʘ, aŋzȁt to -jȉma rafrədȍr anu kȁšij. Pwȍt = sudȍr.

---

371 Сегодня утром я принес ящик таможенных стражников в Брѣзья; они дали мнѣ один франк, да кромѣ того пить и ѣсть.

372 Затѣм я собрался домой; я пришел в трактир в Брѣзьях, и
373я [там] вас застал. Вы дали мнѣ пить и ѣсть [с тѣм], чтобы я вам помог нести ваши вещи сюда в Вискоршу.

374 Он ходит по свѣту за работою, чтобы жить (существовать).

375 Не можем идти вперед, если у нас нѣт вѣтки в руках, чтобы сбивать перед нами пауков (разрывать паутину).

376 Будет добрый час ходьбы по этой тропинкѣ через все Бердо [1]).

377 Под Бердом [1]); на Нивицѣ говорят «под Бердо».

378 Пот всасывается в кости, в тѣло, и послѣ схватываем простуду и кашель. Пот.

---

[1]) Мѣстность, возвышенность.

Sǝŋ-sǝ-spȍtuw, sǝŋ-sǝ-ssudȍw.

379 Mamò zmjéšàno nášo-špràxo.

380 Jȍŋ pomǝ̀rkatь, àl sǝ-nardìlь kǝ̀j za-jjèstь.

381 Maŋ šǝ̀ ja na-jűžìno jьtȅ tàx-kìšǝ, aŋzàt ɉoŋ-sǝ̀-wornìtь tàna-dnȍ po-powdnǝ̀, nò *incìrke*.

---

382 Nǝ-bà stára pȍt γárdà, *kè* tedőkolь tǝ-xodòw pràzan pràzan
383 šǝ dòw-u Tǝrlàn; to-sǝ-štantàlo pràzaŋ jьtȅ. Tè-kь-mow brjè-
384 mǝ ǝ-mwȍru mjètь ljèpo avertèncjo zà-nǝ-spàstь. A ŋelǝ̀ to -mȍrǝ jьtȅ šǝ spèɉ; *a-koŋfrònt* dam-bòt tò-sǝ-mȍrǝ pejàtь s -karèton nàprit tòw-Čènto.

385 Ejŋelǝ̀ ɉȍŋ-jǝ-pustìtь z-bwȍγaŋ. *Kuj-sà* (Kì-to-vjè), ɉe mь-sǝ-bȍmo˞ šǝ čàsi ˞vìdalь žìve.

---

386 Ženítkǝ; sǝ̀-oženìtь. Nǝ́-ɉȍŋ-γa.

387 Jemò-pókàti (-tȍwɉь) rȍkǝ-mù; naγa-drűzaγa pókàtь.

Я вспотѣлъ.

379 У нас смѣшанный наш язык.

380 Я посмотрю, сдѣлали-ли (приготовили-ли) какое нибудь кушанье.

381 Я тоже должен идти домой обѣдать, затѣм я вернусь к часу пополудни приблизительно.

382 Была старая скверная дорога, так что с трудом можно было идти совсѣм с пустыми руками (без всякой ноши) хотя бы только
383 в Торлано; было утомительно идти [даже] с пустыми руками. У кого была ноша, должен был хорошо смотрѣть (остерегаться), чтобы
384 не спасть. А теперь можно идти даже спя; в сравненіи с тѣм, что было нѣкогда, можно ѣхать возом (на лошадях) прямо в Тарченто.

385 Теперь я вас оставлю с богом (я с вами прощусь). Кто знает, увидимся ли мы еще когда-нибудь живыми.

386 Свадьба; жениться. Я его не хочу.

387 Будем ударять его по рукам; ударять другого.

888 Ɉəkəràj twò̮-k-oŋ-djè̮, rə̀сь.

889 ¡Ō-nunij!

Nòn. ¡Bùšnь! Tə̀ twoj-nũnij.

890 Nə-tìpi nь̀č. «Nə-znàŋ» rəсь, «nə-znàn, səm-mìcika».

Dòw-zarnì-sə.

891 Pokàži nũnito palàŋko [1]). Jə-tòw wzè̮tь. «Nə-bò̮tə-mow», rəсь, «nũnij, palàŋko». Nɔ̄, wzomь̀.

892 «Ljèpə» rəсь̀, «ljèpə».

893 «Nə̀-matə nь̀č» rəсь̀.

894 Ɉòŋ-was-bū́šnitь.

895 Xòdь, xòdь.

896 ¡*O dìjo*! kwò̮ smo-vìdalь!

897 ¡Ā-Vìda!

Nə̀-šə, nə̀-šə.

898 Ti-màš màlo γràčjo s-kanàjamь. [2])

---

888 Говори то, что он скажет, (отвѣчай на его вопросы), скажи.

889 ¡Эй, куманек (дядя)!

Кум (дядя) ¡Поцѣлуй [его]! Это твой куманек (дядя).

890 Ничего не трогай. «Не умѣю» скажи, «не умѣю [писать], я маленька».

Ложись вниз (на землю) (перевернись).

891 Покажи куманьку (дядѣ) «палянку» [1]). Он хотѣл взять «Не получите» скажи, «дядя, палянки». На, возьми.

892 «Красивыя» скажи, «красивыя».

893 «У вас ничего нѣт» скажи.

894 Я вас поцѣлую.

895 Иди, иди.

896 ¡Боже мой! (¡Ей-богу!) что мы видѣли!

897 ¡Эй, Луиза!

Нѣт еще, нѣт еще.

898 Ты не умѣеш обращаться с дѣтьми. [1])

---

[1]) Монету стоимостью 10-и чентезимов.

[2]) Это было сказано 6—7-и-лѣтней дѣвочкѣ, опрокинувшей другую, еще не кончившую двух лѣт, так что эта послѣдняя плакала.

399 Kažì bȁlə, kažì.
400 ¿Kjȅ-ti-maš facolèt? kjȅ on-jə̀?
401 Γȍrko, tə̀j daņ-*sə̀foko*.

---

402 Tə-bȁ adnà dam-bòt, na-nė-tjȅla na-djȅlo. Aņzàt jə-šow
403 mȍš tlə̀-γorə ćjȅ-po-pȍti. Zàt nə-ɖȁla: «¡Nədȁl! ¿mal-jè-nestь̀
404 dàņ-molȍņ kȕxat, mel-jè jьtь̀ γrȁbьt?». *Sibèņ* an-njéčuw mȍš,
mà onà za-nè-jьtь̀ γrȁbьt, nə-ə ejtȁko ɖjȁla za-sə-skuzȁtь bьtь̀ tà-par-kìše.

---

399 Покажи шары (?), покажи.
400 ¿Гдѣ у тебя платок? гдѣ он?
401 Жарко, точно душно.
402 Однажды была одна (женщина), не хотѣвшая работать. За-
403 тѣм шел муж там по дорогѣ. Тогда она сказала: «¡Наталь! ¿дол-
404 жна-ли я нести дыню (? тыкву) готовить? Хотя муж не слышал, но
она, чтобы не пойти грабить [сѣно], она так сказала, чтобы извиниться (в оправданіе того), что осталась дома.

V. Карнахта (Karnȁxta) (Cornappo).

Тексты, записанные в 1901 г.

Die im J. 1901 aufgezeichneten Texte.

№№ 408—412 сообщил молодой трактирщик, Иван Томажин Кобаес (Žwàn̨ Tomažìn̨ Kobajès, *Giovanni Tomasino Cobajess*), 21 года;

№№-же 405—407 записаны со слов, кажется, его брата, молодого, ок. 20-лѣтняго, охотника.

И тѣ и другіе я занес в свои записи на пути из Брѣзій (*Montemaggivre*) в Вискоршу (*Monteaperto*) в корчмѣ (oštərȉja) Ивана Кобаеса по прозв. Кампанеля (tàpr̥ Žwánu Kobajésu, Kobajès, *sopracognome* Kampanèl, tàpr̥ Kampanélu).

405 Lȁni san̨-ubòw *kwatórdiš*, sèdan̨-kokošȉ an̨ sèdan̨-petelíně,
406 sèdənajst-katȍrše, an̨ dwá-pərnȉža an̨ šə̏st-zə̏jcə. An̨ te-dìwjə-kozə̏ sȕw-utəklə̀; njésam-mòu jèti zmjèriti jèn.

---

405 В прошлом году я убил семнадцать [рябчиков], семь кур (самок) и семь пѣтухов (самцов), семнадцать перепелов, двух ку-
406 ропаток и шесть зайцев. Но дикія козы убѣжали, [так что] я не успѣл прицѣлиться в них.

407 Téle pàs jə dȍbar za zȅca γonìtь anu tìʄa. Kar obrénʄe-jə̀, sə̀-wstàvi, počàka γospodàrja, k oņ-prìdə sklopàņ. Aņ kar mu -ukwàžə, zàt vižənə̀.

---

408 Zȅjtra màņ-jьtь̀ wòņ-w-Làšovico[1]) sȅʄ sèno; an tə̀ zə̀-jtь-wòn to-prìdə-wòn trȕdan. Tò-koventà dòw-usȅdnitь, kàr to-prìdə
409 -wòn. Nà-ne-prìde wȍja za-sȅjʄь. Àn to-sječe̍ cjȅw dȁn, am
410 polénto márzlo jjȅ tòw-nàγlə[2]). Aņ zvȅčər parnestь̀-dòw dàņ-ba-
411 lèt trȃvə̀. Aņzàt to-sə-snjȅ batȕdo nu mȅšto[3]) tlə̀. Tù-sabȍto
412 tej-twȍ, a tùw-nedȅjo to-mà-loštь γràbjaņ zȍbə. Aņ bi-to-bì ljȅp tèmp zə̀-nardìtь kȍpo. À ʄe-tə də̀š, to-mà kuj tà-wonè zmarznuwàtь, mràs čàkoʄ.

---

407 Эта собака хороша (годится) для гонки зайца и птицы. Когда она их найдет, останавливается и ждет хозяина, чтобы он пришел с ружьем. И когда [хозяин] ей велит, тогда она выгоняет (выпугивает).

---

408 Завтра я должен идти в Лашовицу (на Лашовицу)[1]) косить сѣно (траву); а если пойти туда, то человѣк совсѣм устанет
409 (утомится). Слѣдует усѣсться, когда туда прійдет. Желанье косить не явится (косить не захочется). [А однакож] нужно косить цѣлый день, и приходится ѣсть в попыхах холодную поленту.
410 Вечером же [надо] принести домой связку травы. И тогда при-
411 ходится здѣсь ѣсть пахтанье и мучной завар[3]). В суботу то же са-
412 мое, а в воскресенье нужно придѣлать зубы к граблям. И еслиб еще была хорошая погода для того, чтобы сдѣлать скирду. Если же дождь, тогда приходится только зябнуть на дворѣ, дожидаясь мороза.

---

[1]) Мѣстность.

[2]) В моих записях стоит «tòw màγlə» (в туманѣ), очевидно по опискѣ.

[3]) См. №№ 246—249.

VI. Визонт (Vizònt) (Chialminis).

A. Тексты, записанные в 1873 г.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten Texte.

Кромѣ отдѣльных слов, выраженій и фраз я успѣл записать тогда только нѣсколько пѣсен, которыми я обязан молодой, приблизительно 18-и-лѣтней, дѣвушкѣ, дочери мѣстнаго трактирщика, Антонинѣ (Tunína). К сожалѣнію, это пѣсни зарубежнаго, словинскаго происхожденія, сказывающагося в них сохраненіем чисто словинских слов и особенностей языка. Вслѣдствіе этого онѣ не дают представленія о мѣстном, визонтском, говорѣ. Записанныя же мною слова, выраженія и фразы, в которых отражаются болѣе или менѣе особенности визонтскаго говора, войдут в приготовляемый мною словарь терско-славянской языковой области.

Пѣсни.

413 1.

Po-Krájski seņ-xódu, pò-Zawárški ne-šè (še-nè),
sòwse seņ-lóbu, *ma* mí šьŋe-nè (móje šŋe-né) (moje še-nè).

---

413 1.

По Крайнскому (в Крайнѣ) я хаживая, по Заверпскому (в Заверхѣ) еще нѣт; всѣх я [уже] любил, но моей еще нѣт.

414 2.

¿Kaj míslĭš, kaj rájtaš,
jas tjébe rat-máņ (kè za-nórca› te ›máņ)?
pro-zíxer verjámeņ,
za-nórca› te ›máņ.

415 3.

Seņ-xódu na-Štájersko
glédat, kaj djélajo;
píjajo-ga.

416 4.

Pérva je kénerca,
drúga je kúxarca,
trénja je lúbica
móga sĕrcă.

---

414 2.

¿Что ты думаеш, что ты полагаеш, [что] ты мнѣ нравишся ([что] я тебя люблю) (что я шучу над тобою) (что я вожу тебя за нос)? несомнѣнно я повѣрю, шучу (насмѣхаюсь) над тобою.

415 3.

Я ходил в Штирію смотрѣть, что дѣлают; пьют его (т. е. вино).

416 4.

Первая — трактирная горничная (кельнерша), вторая — кухарка, а третья — возлюбленная моего сердца.

В. Пѣсня, записанная в 1901 г.

B. Ein im J. 1901 aufgezeichnetes Lied.

Эту пѣсню продиктовала мнѣ Антонина (Tunína) урожденная Джюста (Ɉústa, *Giusta*), ок. 35 лѣт, жена трактирщика в Тайпанѣ (*Taipana*), Валентина Рогина по прозв. Коса (oštarìja Tìn̜ Roγìn̜ = Rogìn̜ = Rojìn̜ *detto* Kố̄s) (*Antonina moglie del Valentino Rogin, Giusta di Chialminis*). Она родом из Визонта (*Chialminis*), а живет въ Тайпанѣ ок. пяти-шести лѣт как вторая жена поименованнаго трактирщика и сохранила свое визонтское произношеніе. От нея я записал извѣстное количество слов, фраз и выраженій, предназначенных для словаря. В самом Визонтѣ мнѣ не удалось побывать в 1901 г.

417 Ma - máti je - ɖála:
«muj - sín, pùj ležāt»;
ɜ jà - san̜ - šow plḗsàt,
alpàj falalàt (ɉantàt).

---

417 Моя мать говорила: «мой сын, иди (ступай) спать»; а я пошел плясать (танцовать) или же пѣть.

VII. Заверх (Zavàrx) (Villanova).

Нѣсколько образцов языка, записанных в 1873 г.

Einige im J. 1873 г. niedergeschriebenen Sprachproben.

Они записаны со слов Анджела Негро по прозв. Саботича (Négro Ánǯelo sorakoŋȍn̦ Sabótiɉ), 40 лѣт.

418 ¿Kȁko oblačȉlo su-mjéle ženè tàza-Wàrxan̦?
419 Katére o-mȁ ragadȉn̦, kíšni meǯelȁnu. Dəm-bòt su-mjȅle ženè te-stȁre čemȍsu bjȅlo wȍz-wòwne; faculȅte su-mjȅle bjȅle
420 wuz-nȉtь še-tè al*púr* wùs-prȅje (alĭ wus-prȅje). Su-mjȅle še pȁs čȁr wùs-korjȁna; su-mjȅle šè kamьžȍlu po-zȉme wȕn̦z-wòwne, lь bjȅlu, lь čə́rnu, á po-ljȅte w-srákьсь w-mònajȅtax; su-mjȅle ɉamižòt čȁr po-ljȅte.

---

418 ¿Какое платье было у женщин За-Верхом?
419 У одного полосатая матерія, у другого полушерстяная. Нѣкогда старыя женщины имѣли (носили) бѣлый шерстяной пояс;
420 платки у них были бѣлые нитяные или же из пряжи. [Мужчины] носили тоже черный кожаный пояс (кушак); носили тоже зимою жакет (полукафтан) шерстяной, либо бѣлый, либо черный, лѣтом же [ходили] в рубашкѣ с рукавами; [кромѣ того] носили лѣтом черный камзол.

VIII. Бердо (Bŕdo, Bárdo) (Lusevera).

Тексты, записанные в 1873 г.

Die im J. 1873 aufgezeichneten Texte.

№№ 421—451 и 457—465 происходят от Людовика Профета дель Мьеди [Wìʒ̆i (*Luigi*) Profèt Del Mjédi (*del Medi*)], 29 лѣт.

№№ 452—456 внесены в мои записи со слов Доминика Шиника по прозв. Пизонича (Ménac (*Domenico*) Pizónij̄ Sínìko, Ménac Šinьk Pizónij̄), ок. 30 лѣт.

1. Сказки. (Märchen).

1.

421 Dambòt je-bìw daŋ-bwòj-sowdàt ànɷ òŋ-e-bìw tu-své-reʒ̆iméntu, k e-šùw tà-po-pȍtь od-nā-pajìza tùw-te-drùь.
422 Ènu òŋ-e-mjȅw-xȕdo, *mál-di-kwàrp* po lȁškiŋ, ànu ȍŋ u-njḗ-mjew káŋ itь sè-servijȁt, e-šù tù‹ nā-šjȍrja ‹ʒardìŋ.

---

421 Однажды был бѣдный солдат и, будучи (служа) в своем
422 полку, шел по дорогѣ из одного мѣста в другое. [Вдруг] ему сдѣлалось дурно, «*mal di kwarp*» (*mal di corpo*) по фурлански, и ему некуда было идти с нуждой, [так что] он зашел в сад одного барина.

423 Ànu šjȍr è-a-ulēdu, k u-djèla nótre *své-di-bizȕŋe*, àno òņ -e-paršùw pȍtiņ, ano mu-wzéw sklòp enu e-ɖàw, k o-orè-snéj
424 swuj-drèk; ʄel nè, k u-ʄ-á-ubwȕjtь (-ubwìti). Te-drȕь e-ɖàw, k ò-a-kompatišè zá-oɖèt k e-zdjèlu; *ma* tí je-ɖàw: «tì-maš -snjèstь-à; ʄe nè, ʄù-tə-ubwȕjtь». Te-drȕь e-mwȍru se-soɖetàtь
425 ènu kléknitь-dòw ànu počnètь jjèstь-à. Zàt pȍtiņ, k e-bìw -snjèdu pǿw-à (púw ŋá), e-ɖàw šjȍr, k o-ór-ustàne; *mà* k u-vìdь daņ-drȕь-bòt zà-ne-prìtь tu-ŋá-zardìņ vèʄ.

426 Sowdàt te-bòt e-wstǿw-orè, ènu wzew sklòp, zàt e-ɖàw: «šjȍr, já-sь-snjèdu púǫw-à (púw-à), *e* vì snéjte to-drȕo-púw
427 (te-drȕo-púǫw-à); ʄè ne-nè, ja-ʄó-was-ubwȕjtь». Šjȍr e -mwȍru kléknitь-dòw, ènu finišàtь snjèstь.

428 Zat-pȍtiņ sowdàt e-šǿw zà-kompanìju, ènu e-paršǿw tù
429 -pajìs tù-kompanìju. Zàt šjȍr e-šù *súbьt* za-ŋéņ, è-paršǿw
430 tù-pajìs šče šjȍr ènu e-ɖàw: «¿kí- je ʄəpetànь?» «Vì, šjȍr -ʄəpetànьx», e-ɖàw, «vàs-suwdàt è-me-zdjèluw nù-dišoléncju»,

---

423 И барин его увидѣл, что он там облегчается по своей нуждѣ, и он тогда пришел, взял его ружье и сказал, чтоб он съѣл
424 свое дерьмо; если нѣт, так он его убьет. Тот другой сказал (просил), чтобы он ему простил то, что он сдѣлал; но тот (барин) отвѣтил: «ты должен его съѣсть; если нѣт, я тебя убью». Тот другой (Солдат) должен был покориться (подчиниться), стать на ко-
425 лѣни и начать ѣсть его (дерьмо). Затѣм, когда он уже съѣл половину, барин сказал, чтобы он встал (велѣл ему встать); но чтобы он старался впредь не приходить болѣе в его сад.

426 Тогда солдат встал и, взяв ружье, сказал: «барин, я съѣл половину, а вы съѣжте другую половину; если нѣт, я вас убью».
427 Барин должен был стать на колѣни и кончить ѣсть.

428 Затѣм солдат отправился в свою роту (в свой отряд) и при-
429 шел в то мѣсто, гдѣ была его рота (его отряд). Тогда барин немедленно послѣдовал за ним, пришел в это мѣсто тоже барин и
430 сказал (спросил): «¿гдѣ капитан?» «Вы, господин капитан», ска-

šjȍr e-ɖàw. Tǝpetȁnьx e-ɖàw: «¿kȍ?» Šjȍr e-ɖàw: «nù-dišo-
431 léncju», e-ɖáw. «*Inalȍre*»—e-ɖàw ɟǝpetȁnьx sowdȁdu—«¿kwȍ sь
432 -mu-zdjȅlu, tému-šjȍrju-lȁ?» «Já» ɖàw «njésь-mu-zdjȅlu nь̀č,
šjȍr ɟǝpetȁnьx; *áncike*», je-ɖàw, «sь̀mo znȁnci, já ènu (nu) te-šjȍr,
ke dȁvĕ smò-storlь̀ kolecjȍŋ ˌkòp». *Ékolà*.

2.

433 Tò-e-bı̀w dàŋ-famȅj tùw-ni-kı̀ši, ènu óŋ-e-vı̀dъw wsáko
-nwȍjɟ, *mášimaméntrъ* túw-sabȍtu, na-rȅštala, nà-zareštȕala
434 tu-kı̀šь ospodı̀ŋa. Zàt óŋ-è-se-impensȍw, *kè* to-maˏ *máj* ˏbitь̀
twȍ, *ke* wsȁko-nwȍjɟ nà-zareštȕa ospodı̀ŋa tu-kı̀šь. «Já»,
435 e-ɖàw, «ɟù-ı̆tь̀ wȁjtat, kwȍ na-djȅla». Ènu e-vı̀dъw, *kè* naˏ zá-
derla-orè nu-lȁštru, ànu-nù naˏ wzȅla nikǝ̀j, nù-medežı̀nu, dàŋ
-oŋʒènt, ènu na-sè-umȁzala, zàt na-se-jȅla zà-ɟǝdenàč, ènu
na-šlà.

зал он, «ваш солдат сдѣлал (оказал) мнѣ дерзость», сказал барин.
431 Капитан спросил: «¿какую?» Барин сказал: «дерзость». Тогда
капитан спросил солдата: «¿что ты ему сдѣлал, вот этому барину?»
432 «Я», сказал [солдат], «я ему ничего не сдѣлал, господин капи-
тан; напротив того», сказал, «мы друзья (хорошіе знакомые), я
и этот барин, так как утром мы вмѣстѣ позавтракали». Вот ка-
ков.

---

433 Был слуга в одном домѣ, и он видѣл каждую ноч, в особен-
434 ности по суботам, что хозяйка исчезала из дому. Тогда он стал
обдумывать, что это может означать, что каждую ноч хозяйка
исчезает из дому. «Я» сказал «буду караулить (подсматривать),
435 что она дѣлает». И он увидѣл, что она приподняла каменную
доску (плиту) и что она взяла [оттуда] нѣчто в родѣ лѣкарства,
в родѣ мази, и вымазалась этим; затѣм ухватилась за задвижку
(засов) и ушла.

436 Zàt še-òņ e-ɖàw: «ɟú‹ še-já ›stortȉ tȉj-onà». Ànu e-šù šče
-òņ, ànu e-wzèw tá-oņʒínta ènu e-sè-umàzŏw ènu se-jèw zá
437 -ɟədenàč. Ànu e-šŏw, ènu se-obrjètu delèč tùw-ni‹ štráni ›pa-
jȉze. Ànu to-bò rȁt-pòwno žèņ ejtŏ, ənu te-bȉw› še-zlwŏdьj
438 ›mjȅs, ənu e-ɖàw: «¿kwŏ jɟьš tȉ, mŏš, tlə̀?». «*Má* ja» ĕ-ɖàw «maņ
gŏbo, tá zmedejàjte-mè». Zàt zlwŏdьj e-šùw-tá ànu wzèw nu
439 -nȉt ənu è-mu-ju-wsjȅku, tí poléntu. Zàt e-paršùw názat ta
-kȉšь. Pŏtiņ e-mwŏru xodȉtь ŏseņ ʒornȁt za-prȉtь-dimwŏj.

440 Zàt te-bȉw daņ-drūь mŏš, e-ɖàw: «¿kjȅ sь-sè-zmedȅju tȉ
441 two-gŏbo? kjé sь-jù-wsjȅku?» «*Ma*» ɖàw «já-sь-zdjȅlu èjtȁko:
Sì-šuw wȁjtat ènu já-sь-vȉdъw, kȁko nà-storlà má-ospodȉņa;
zàt sь› šé-ja ›zdjȅlu jitȁko, kùj-onà. Stòri še-tȉ jitȁko; zàt tь
-ne-boš-mjȅw-je vèɟ».

442 Zàt e› še-tȅ ›zdjȅlu jitȁko; zàt-pŏtiņ è›še-té è-paršŏ tù-te
443 -pajȉs-štraņjȅri delèč. Zàt e-ɖàw zlwŏdьj: «¿kwŏ ɟьš tlə̀?» Té

---

436 Тогда он {тоже} сказал: «я тоже сдѣлаю так, как она.» И он
тоже пошел и взял этой мази, вымазался и ухватился за за-
437 движку. И он ушел и нашелся далеко в чужой странѣ. И там
было очень много женщин, и вмѣстѣ [с ними] был тоже черт,
438 который спросил: «¿чего ты здѣсь хочеш, человѣк?» Тот сказал:
«у меня горб, так вылѣчите меня». Тогда черт пошел, взял нить
439 и [этою нитью] отрѣзал ему горб точно поленту. Затѣм [тот
слуга] направился обратно домой. Послѣ он должен был идти
восемь дней, чтобы прійти домой.

440 Затѣм [там] был другой человѣк [горбатый], и тот спросил:
«¿гдѣ ты излѣчил свой горб? (гдѣ ты избавился от твоего горба?)
441 гдѣ ты его отрѣзал?» Тот отвѣтил: «я вот как сдѣлал: Я отпра-
вился караулить и замѣтил, как сдѣлала моя хозяйка; тогда я сдѣ-
лал точно так же, как она. Сдѣлай тоже ты так; тогда ты его
(т. е. горба) не будеш имѣть (тогда ты от него избавишся)».

442 Затѣм и тот сдѣлал точно так же; тогда и тот пришел да-
443 леко в эту чужую страну. Тогда черт сказал: «¿чего тебѣ здѣсь

444 e-ɖàw, k ù-mu-ju-tá-ženè tu-gȍbo. *E* zlwȍdьj te-bòt è-mu
-wòrzuw ščé tu-drȕu, ščé taa-drúzaa gȍbo tà-na-tȍ, tà-na
-ŋáa. Zàt te-bój-mȍš e mwȍruw xoditь pénāst-ʒornȁd za
-pritь-dimwȍj.

2. Разсказы; сообщенія; разговоры. (Erzählungen; Mitteilungen; Gespräche).

445 Òr-u-Músci nú-majȍ *ištès* jьzьk, lɘɷgàč, kuj-mi. Mȕš-
čənь sù bojə̀-koraǯȍzni, kuj-mi, nu-ˢstrȁšiju z-besjȅdu, nú-majo
rṓzne besjȅde.

446 Já-sь-bi-šùw φčéra wùŋ-óru po-sjȅno; ànu to-è na-árda
447 -pȍt, ènu sь rȁt ˢštantòw pritь-dòw. Sь-bìw-paršòw wòs-mȍ-
kar anò trūdaŋ anò lȁčaŋ anò žèjaŋ, àno sь-mwȍru itь tá-na
448 -kȍu ne-dvjé-ūrь tímpa. Zàt sь-ustъ̀w ànu sь-bíw bwȍjšь daŋ
-tèk. Zát-pȍtiŋ sь šiŋe ˢšú kȕrȁvaŋ àno po-wódo àno sь̀

надобно?» Тот сказал (попросил), чтобы он ему устранил горб
444 (чтобы он освободил его от горба). И тогда черт накинул ему
еще другой горб, горб того другого (т. е. того слуги) на его
собственный. И тогда этот бѣдняга должен был странствовать
пятнадцать дней, прежде чѣм прійти домой.

---

445 В Музцѣ имѣют тот же язык, что и мы. Музчане храбрѣе
(внушительнѣе) нас, они пугают словом (своим произношеніем),
у них грозное (внушительное) произношеніе.

446 Я пошел вчера за сѣном; и это скверная дорога, и я очень
447 мучился, чтобы прійти обратно. Я пришел-было весь мокрый и
усталый и голодный и утомленный жаждою, и я должен был леч
448 (отдохнуть) по крайней мѣрѣ два часа. Затѣм я встал и чувствовал себя нѣсколько лучше. Послѣ этого я еще пошел к коровам

449 - staròw krampìrja. Zàt e-paršlà nwǒjj *indòt*: Zàt sь-šu -spàt.

450 Zat nàs, kè sь-ustòw, sь zdrù ènu *légre* ènu *kontènt* ènu sūx, ènu mèso tò-mь-nь-nьč-težì.

451 Tò-bь-tjèlo wsáke fátь rečì tà-nà-te-líbriŋ[1]) pisàtь, zapisàtь.

452 Smó-wčnèlì kopàtь zèmju, ènu smo-φsjàlь sjérak, ènu e-viljèzu; smò-a-opíkalь z-matìko. Póti smo-à-porūlь (-viredìlь) tí
453 ke-bìw *mása* ǒst. Póti smò-mu-dàlь zèmju óre. Pótiŋ smò-mu
454 -dàlь zèmju. Azàt e-paršǒw šūš, ènu naŋ-a-usúšuw. Sьmo -mwǒrlь itь órь-u-Múzac, wprášat Bówa,—májša e-bíla, pre-
455 pišjǒŋ,—ku Bǒγ daj dǝš, zá-kь nu-pridíte ljèpe panǒle. E pótiŋ, kè-pāršǒw dǝš, nè-pr̥šlà šè tówča ènu vjètar ènu sùwse tè
456 -na-néslo. Kój móremo mjètь šče káku panǒlu, ma drúzaa ŋi -nьč: enè razdówja, enè ràxu, enè rjépe, enè korāŋà, enè broskvì,

---

449 и за водою, и наскреб (начистил) картофеля. Затѣм настала ноч. Тогда я пошел спать.

450 Затѣм сегодня, когда я встал, я здоров и весел и доволен и сух, и мясо (тѣло) меня вовсе не тяготит (мнѣ вовсе не в тягость).

451 Надо бы всякого рода вещи записать в этой книгѣ [1]).

452 Мы начали копать землю и мы посѣяли кукурузу, и она взошла; мы ее обнесли (окопали) мотыкою. Послѣ мы ее прорѣ-
453 дили в тѣх мѣстах, гдѣ она была слишком густа. Потом мы ее обложили землею. Затѣм мы ей прибавили земли. Затѣм пришла
454 засуха и усушила ее. Мы должны были идти в Музец просить Бога, — была обѣдня, процессія (церковный ход), — чтоб Бог дал дождь, чтобы появились красивые кочаны (колосья) [куку-
455 рузы]. А послѣ, когда пришел дождь, пришел тоже град и вѣ-
456 тер, и все нам унесло (уничтожило). Только можем имѣть еще какой нибудь кочан, но ничего другого болѣе: ни винограда, ни

---

[1]) т. е. в моей тетради, куда я заносил свои записи.

énь žíta, énь ljéšnike, enè drьnáwnьc, ené kuulíne, jédne póme. To-né-nьč, to-jè tí-ʒenárja.

457 Dambòt e-bìw svjèt díwjь, e éjŋelè u-jè paršòw bojè-pítuwaŋ, àno wsáko-ljèto bójэ-nu-bójэ; ú-je pítuwaŋ svjèt bojé-kùj dambòt, zwùj-taá, k ú-se-živilupúa wsáko-ljèto.

458 Ja né-za-vjēdat ŋaà-reči, *mà* wpràšaŋ, je ná-je ŋéa-(ŋэá-) volontàt, zá-povjēdatь, skót o-jè [1]).

459 U'-ʒirà po-svètu z-niŋ-kràjaŋ nù (anù) s-ti-drúziŋ zá-živìtь. U'-ma wsákь swúj-mьštjèr: dà oŋ-xòdь komodúuj loncè, te-drùь lambrène, te-drùь kotlè, te-drùь lunìke, te-drùь pládьne.

460 Te ràt-reči za-pràvьt.

461 Ú-je-šòw kùrávaŋ nótru-klánac, ú-je-šu bràt jjèstь kùrávaŋ.

гороху, ни рѣпы, ни моркови, ни брюквы (колраби), ни пшеницы, ни орѣхов, ни дерена (ни дерновых ягод), ни можжевеловых (?) ягод (орѣшков), ни одного фрукта. Ничего нѣт, точно в январѣ.

457 Нѣкогда свѣт был дикій, а теперь он сдѣлался болѣе образованным (культурным), и из году в год все болѣе и болѣе, свѣт [теперь] болѣе образованный, чѣм нѣкогда, и это потому, что он развивается из году в год.

458 Не потому, чтобы знать ваши дѣла, но я прошу, если вам угодно, сказать, откуда вы [1]).

459 Наш брат странствует по свѣту с одного конца в другой, чтобы питаться (чтобы заработать на пропитаніе). У каждаго свое ремесло: один ходит чинить горшки, другой — зонтики, третій (другой) — котлы, четвертый — гребенки, пятый — тазы.

460 Довольно вещей чтоб разсказывать (для разсказа). (Будет с меня столько разсказывать).

461 Он пошел к коровам на гору, он пошел набрать ѣсть (корма) для коров.

---

[1]) Вопрос, обращенный ко мнѣ.

462 Já-ne-móreŋ prebráts, tò-je zavjówzno. [1])

463 Sъmò-požèli žíto s-sàrpaŋ, *mà* to-njébo *mása*-ljépo žíto ljétos.

464 Nu-djéju Làxъ [2]).... nu-nějeju štabъlìtъ ufícixe od-nášaa-ləŋgáča; nu-djéju Làxъ, *kè* naš-ləŋgàč u-sè-ne-pišúa, *kè* ne

465 -vejá-nìč. *Mà intànt* Krájncь, oné nù-pišúaju swòj-ləŋgàč. *È intànt* Krájncь nú-majò drùь slavéŋ, kuj-mì: ŋéx je bojè, ŋéx je wòs z-ni-špràxą, e nàš u-jè povìt, to-jè taljána mjès, to-è slovénca, to-è láxa, te súwse zamjèšano.

---

462 Я не могу прочитать, это неразборчиво (запутано) [1]).

463 Мы сжали пшеницу серпом, но в этом году пшеница не будет слишком красива.

464 Фурланы [2]) говорят.... они не хотят основать (завести) присутствій с нашим языком; они, Фурланы, говорят, что наш язык не пишется (не годится для письменнаго употребленія), что он ничего не стóит. Но между тѣм Крайнцы пишут на своем

465 языкѣ. А между тѣм Крайнцы имѣют другой славянскій язык, не тот что мы: их [язык] лучше, их весь из одного языка (цѣльный язык), а наш запутан (смѣшан), в нем имѣется и итальянскій, и словенскій, и фурланскій, это все смѣшано.

---

[1]) О моих записях.

[2]) В этом мѣстѣ слово Laxi значит собственно «Итальянцы».

IX. Музец (Múzac) (Musi).

Тексты, записанные в 1873 г.

Die im J. 1873 aufgezeichneten Texte.

Главный разсказчик: Петр Лендер по прозв. Камилес (Pjȅri Léndеr Kamilès, tàpar Kamilȅsu), 15 лѣт, из приселка Товьеля (tàn̦a Tovjéli, *Tanataviele*). В разговорах и мелких сообщеніях принимали участіе тоже другіе мѣстные жители.

В 1901 г. я был в Музцѣ, но успѣл там внести в свои записи не цѣльные разсказы или же сообщенія, а только отдѣльныя фразы, выраженія и слова.

1. Сказка. (Märchen).

466 Dam-bòt dàņ-oja̍ e-mjèw trí-sìne. Azàt te-sínuvь nú-ni -su-tjéli stàtь vèj ž-ŋéņ. Zàt su-ǵàlь, k-ò-jiņ-dàj ŋьx-pàrt.
467 Azàt pótьņ è-jiņ-dàw. Tẹ̀-jim-paršlò trí-sòwte po-mȍš. Azàt onè-su-šlè tàpo-ni-pȍti.

---

466 Однажды у одного отца было три сына. Затѣм эти сыновья не хотѣли болѣе жить (оставаться) с ним. Затѣм они сказали, чтоб
467 он им дал их надѣл. Послѣ этого он им дал. Тогда им пришлось по три сольда на человѣка. Затѣм они пошли по одной дорогѣ.

468 Daŋ-kòs su-šlé kùp, azàt suw-sè-raspartìlь, dàŋ z-ni -krájaŋ, te-drúь s-ti-drúziŋ.

469 Azàt dàŋ, te-párvь, e-srjétu nú-ženó. Zád ne-mu-ɖála,
470 k-ó-j-stori keretàt. Azàt-(Zàt-) pótiŋ e-ɖàw, k ʘ-ŋjéma kuj
trí-sòwte: ɟ u-dá šče tì, ne-bò-mjéw jédnaa vèɟ. Anò e-šù,
tí e-šù.

471 Zàt e-pəršù te-drúь. Zàt nè-prosíla šče-táa (-taá), k ú-j -storí keretàt. Šče tí e-šù.

472 Zàt e-paršù te-drúь. Nè-prosíla šče-táa, k ó-j-storí ke-
473 retàt. Tí-je-j-dàw daŋ-sòwt. Zàt e-šù spèka. Zàt nè-mu
-ɖála, tà-žənà, k ú-jɟь-obrjéstь nu-mìš (-mь̀š), ka ná-ɟe-pıs-
kàtь. Zàt e-šù, e-nèsu tu-mìš.

474 Əzàt e-šù, e spèka srjètu tú-ženù. Ne-ɖála, k ú-jji spèk storí keretàt. Òŋ-e-ɖàw, k u-njéma, kúj dva sòwta: ɟ u-dá šče tì za-bóa-jíme, ú-ne-bo-mjèw kuj dàŋ vèɟ.

---

468 На извѣстном разстояніи они шли вмѣстѣ, затѣм раздѣлились (разстались), один пошел в одну сторону, другой в другую.

469 Затѣм один из них, первый, встрѣтил какую-то женщину. Затѣм она ему сказала (его просила), чтоб он ей подал милостыню.
470 Тогда он сказал, что у него только три сольда: если он отдаст и их, не будет имѣть ни одного болѣе. И он ушел.

471 Затѣм пришел (подоспѣл) другой. Затѣм она просила тоже этого, чтобы он подал ей милостыню. Тоже этот ушел [,не дав ей ничего].

472 Затѣм пришел другой (третій). Она просила тоже этого, чтоб
он подал ей милостыню. Он ей дал один сольд. Потом он опять
473 шел. Затѣм она ему сказала, эта женщина, это он найдет (встрѣтит) мыш, которая будет пищать. Затѣм он шел и понес с собою эту мыш.

474 Послѣ он шел и опять встрѣтил эту женщину. Она сказала, чтоб он ей опять подал милостыню. Он отвѣтил, что у него только два сольда: если он отдаст Христа ради еще этот (еще один), у него останется только один.

475 Zàt e-šù spèka s-tú-ženó. Эzàt ne-ꞡála, k u-púj, u-ȟé
-obrjéstь dnaá-škorpjóna, šče tí u-ʄè-pɪskàtь. Эzàt e-šù spèka.
476 Эzàt spèka srjétu tu-žénu. Zàt nè-mu-ꞡála, k ú-ji-dàj
za-bóa-jíme. Zàt e-ꞡàw, k un-njéma, kúj daŋ sòwt: ʄ u-dá šče
477 tí, k ú-ne-bo-mjèw jédnaa vèʄ. Azàt nè-mu-ꞡála, k ú-ji-dàj
šče tè, kà na-ʄe-mú* dorò *povjědatь onà, káku u-má-sè-živɪt.
478 Zàt ne-ꞡála, *ke* tá-re-po-stráŋ k u-ʄé-obrjéstь nu-mráwje.
Azàt e-šù z-mɪšju ánu škarpejónaŋ ánu z-mráwjaŋ. Zàt e-se
-zívuw jitáko, e-mjèw pòwno sòwte.

Pjèrь Lénder Kamilès, tá-par Kamilèsu.

2. Краткія сообщенія. (Kurze Mitteilungen).

479 Mí-ne-zledúamo po-slovjèskeŋ, zledúamo po-furlájskeŋ.
480 Pojemó *per-latíŋ*.

---

475 Затѣм он опять шел с этою женщиной. Затѣм она сказала, чтоб он пошел, и что он найдет (встрѣтит) скорпіона, и что он тоже будет пищать.
476 Затѣм он опять встрѣтил эту женщину. Она ему сказала, чтоб он ей дал Христа ради. Затѣм он сказал, что у него только
один сольд: если он отдаст и этот, тогда у него не будет ни од-
477 ного болѣе. Затѣм она ему сказала, чтобы он ей отдал и этот, что она ему точно (на вѣрно) разскажет (объяснит), как он должен добывать себѣ пропитаніе.
478 Затѣм она сказала, что там на верху в сторонѣ он найдет (встрѣтит) муравья. Послѣ этого он шел с мышью, со скорпіоном и с муравьем. Тогда он питался таким образом и у него было полно денег.

Петр Лендер Камилес.

---

479 Мы не считаем по словѣнски, мы считаем по фурлански.
480 Молимся по-латыни.

481 Mí - je - pojьmó po - làškiņ, po - latískiņ, *vjè*.
482 Nú pojò ščé po - làškiņ tlè.
483 Jé nu - pojò, nu - pojò po - láškiņ.

---

484 Si - bìw kósti mudrásave, nu - sú že dvjé - ljèti, kàr to - príde pétnāst - bandímjaka.
485 Màņ ferídu; si - daržù špèx tàna - nòь.
486 Smo - kúpili trávu, smo - sjéklь sjèno. Zá si - bi - je - jèw kósti, *kè* to - me - boljèlo.
487 Tí - ne - bóš *màj* frának z - noó.

3. **«Отче-наш»** по латыни с началом перевода на мѣстный языкъ. (**«Paternoster»** lateinisch, mit dem Anfange einer Uebersetzung in die Lokalsprache).

488 Páter - nòšter, kvís - in - céli, sánta - ficétu nómen - túņ, odvéŋjat réŋuņ - túņ, fíjat volóntaš - túa, síkut in - céli ét in - téra; páne

---

481 Мы молимся по-фурлански, по-латыни, как прійдется.
482 Здѣсь молятся тоже по-фурлански.
483 Если молятся, молятся по-фурлански.
484 Я разбивал змѣиныя кости, пятнадцатаго октября будет [как раз] около двух лѣт тому назад.
485 У меня рана; я держал шпик (сало) на ногѣ.
486 Мы купили траву, мы косили сѣно. Затѣм я их схватил эти кости, так что у меня болѣло.
487 Ты никогда не будеш владѣть свободно ногою.

---

488 . . . .

-nóstru-kwojtidjáne dá-nobiš ódje, démita nóbiš débita-nóštra, síkut-in-nós demítimus debitóribɷš nóstrъs; én-de-nóš indúkaš íŋn-teŋtacjóne, líbera-nós málo, āmen.

Попытка разсказчика переводить:

Ója-náš — njési kopàŋ — ví-ste nebèsax, to-bȍdь-santifikáno vášo-jìme.

Отче наш.... я не в состояніи [переводить].... вы на небесахъ, пусть святится ваше имя.

X. Тер (Тэг) (Pradielis).

Образцы языка, записанные в 1901 г.

Die im J. 1901 niedergeschriebenen Sprachproben.

Разсказчица: Марья Кулета по прозв. Будюкья (Marija Kuléta Buđúkja, tà-pr̥-Buđúkax), 27-и лѣт, с сухою ногою (см. №№ 496—500, 502—504, 509).

1. Краткіе разсказы и сообщенія. (Kurze Erzählungen und Mitteilungen).

489 Mátere ŋímaŋ, jĕ-umárla, k so dvjé-ljéti; ojà je stàr, kĭ má *sesánte-dòje-áŋ*.

490 Màŋ dva-brátra, dàŋ e-umár; màŋ no-səstró, na-mà *dó-diš-áŋ*.

491 Brátar e-umár, e-mjèw *trénta-kwátre-áŋ*.

492 Já-maŋ *víŋće-sjét-áŋ*.

---

489 Матери нѣт у меня, она умерла два года тому назад; отец стар, ему 62 года.

490 У меня два брата, один умер; у меня одна сестра, ей 12 лѣт.

491 Брат умер, ему было 34 года.

492 Мнѣ 27 лѣт.

493 Smo sùsi od-naà-oɉò ano od-ni-mátərə.

494 Si láčina.

495 Ja-ɉəkəràn̦ *šklàf*, po-slovjéskin̦.

496 Tàna-láštre, tàpret-kíšo. Sì-sə-udárila tu-kwǿst. To-mə
497 -boljélo pòwno. Si-bíla tàpar-mjédixu, mi-tjèw-presjéɉi nǿu,
498 mi-tjèw-presjéɉi kwóst (kwǿst); nísi-tjéla, nísi-tjéla. Si-ɖála: «*se* màn̦-umrjéti prez-nǿə, ɉòn̦ rájši umrjéti z-nóon̦». Si-tjéla bíti umárla.

499 Nà-э súxa anu zatéŋəna.

500 Ta-dóra-nǿa. Ta-čámpna, ta-drúa na-э zdráva; ta-drúa (-drúwa) nǿa nə-zdráva.

501 Nə, nìč; to-njéblo škwólə, kadà si-mjéla ljéta za-xodíti tu škwǿlo; nə-zná(n̦)-nìč (ne-zná-nìč).

502 *Símpri* bolí, éŋɛ bolí. Kadà to-bolí vìɉ, kadà to-bolí ***mánko***.
503 Éŋe to-mə-bolí vìɉ; éŋelə mə-bolí.

504 Nə̀, nə̀, kuj sedìn̦, stojìn̦ posédŋəna.

---

493 Мы всѣ от одного отца и от одной матери.

494 Я голодна.

495 Я говорю по словѣнски.

496 На ступеньках, перед домом (перед избой). Я ударилась в
497 кость. У меня очень болѣло. Я была у врача, он хотѣл отрѣзать мнѣ ногу, хотѣл отрѣзать мнѣ кость; я не хотѣла, я не хотѣла.
498 Я сказала: «если я должна умереть без ноги, так лучше умру с ногою». Я хотѣла быть мертвою (Я хотѣла умереть).

499 Она суха и натянута.

500 Правая нога. Лѣвая, другая—здорова; другая нога здорова.

501 Нѣт, ничего; тогда не было школы, когда мнѣ шли года, чтоб ходить в школу (когда я была в школьном возрастѣ); я ничего не знаю.

502 Всегда болит, теперь болит. Иногда болит больше, иногда
503 болит меньше. Теперь у меня болит больше; как раз теперь у меня болит.

504 Нѣт, нѣт, только сижу, остаюсь в сидячем положеніи.

505 Maŋ dvá-brátra; te-pàrvi ə-umár, te-drúi u-ə žìw, anu te zádŋi brátar. Póti tí-za-ti-párviŋ te drúi, póti to-sə-račə̀ te -zádŋi brátàr.

506 Tò-ə *viŋé*-ljét, *kə*-mamo kapəlána; prej somo-xodíli ùm -Bárdo májši. Si-ba mála já, njési-xodíla májši ùm-Bárdo, si -bíla mála.

507 U-má nə-trí-četíri ŋívicə, ŋívə málə anu kíšicɷ.

508 Brátri su vénči, sùsi vénči ku já; jédaŋ, jédaŋ ə ožéŋəŋ.

509 Jòŋ-jɷ-nestì z-manɷ́ tə̀w-jámɷ.

510 Mjèw palmɷ́ne dəŋánə.

511 Nù-nə-bolé rɷ́kə.

512 No-ɉòw-bitì pét-ljét.

513 Ù-ə daŋ-Làx, u-jè taz-Vídna, blízu-Vídna, tɷ́de-ókuw ə̀, blízu-Vídna.

514 Ə̀ aŋ-dóbar kapəlàŋ; nàš-kapəlàŋ ə dɷ́bar, ə̀ brúmaŋ.

---

505 У меня два брата; первый умер, другой жив, и это послѣдній брат. Затѣм слѣдующій за первым это второй, затѣм говорится (его зовут) «послѣдній брат».

506 Это [уже] много лѣт, как у нас капелян; прежде мы ходили к обѣднѣ в Бердо. Я была мала, я не ходила к обѣднѣ в Бердо, я была мала.

507 У него каких-нибудь три-четыре нивицы, малыя нивы и домик (избушка).

508 Братья больше (старше), всѣ старше меня; ни один, ни один не женат.

509 Я унесу ее [, больную ногу,] с собою в могилу.

510 У него легкія были повреждены.

511 Руки не болят.

512 Будет пять лѣт.

513 Он Фурланин, он из Удине, близь Удине, оттуда гдѣ-то, близь Удине.

514 Он добрый капелян; наш капелян добрый, вѣжливый.

515 Nə̀, nə̀, kùj po-láškiņ kapí.*) Ə́, u-djéla *pər-furláņ* prə́dijo, po-láškiņ. Ú-jəkərà árdo.

516 Nàš-šjór-kapəlàņ; tlə nə-právimo-nìč ku «nàš kapəlàņ» **).

517 Tas-pod-Bárda nu-xodé májši tlə̀u-Tə̀r. Nàš-kapəlàņ u-ré· dam-bə̀t po-mjéscu pjét májšu ·orə̀.

518 Já, nu-pléšəjo tazíme; tə̀j-*ke* nu-škáčəjo.

519 Pàs u-má várvati kíšo, dà nu-nə-pridítə lárini tù-kíšo, záki nu-nə-pridítə lárini tu-kíšo.

---

515 Нѣт, нѣт, он понимает только по фурлански *). Да, он читает проповѣдь по фурлански. Он говорит скверно (гадко).

516 Наш господин капелян; здѣсь не говорим иначе, как только «наш капелян» **).

517 Из Подбърда ходят к обѣднѣ сюда в Тер. Наш капелян один раз в мѣсяц ходит туда читать обѣдню.

518 Да, танцуют зимою; точно прыгают (скачут).

519 Собака должна сторожить (караулить) дом (избу), чтобы не пришли (попали) воры в избу.

---

*) Отвѣт на мой вопрос, понимает-ли их капелян тоже по словѣнски.

**) Отвѣт на мой вопрос, не называют-ли священника «jего».

XI. Подбердо̀ (Podbárdo) (Cesariis).

Нѣсколько фраз, записанных в 1901 г.

Einige im J. 1901 aufgezeichneten Phrasen.

Со слов разных лиц, главным образом женщин. Между ними один слѣпой и ужасно грязный старик, ок. 65—70 лѣт.

520 Ljétos mámo pokážəno razdə̀wjə.

521 To-njé mužé, to-njé mužé, su' wsì 'šlì po-svjétu verbúwat sə̀wtə; rúdə žənə̀.

522 Stù̀j-sálda, Gráčja; te-nùn te-ɉé-nestì.

523 ¡Pajáj a!

524 Pénāst-ljét, kì saņ-sljép.

---

520 В этом году виноград испорчен.

521 Нѣт здѣсь мужчин, нѣт мужчин, всѣ пошли (разошлись) по свѣту зарабатывать деньги; [остались] однѣ только женщины.

522 Смирно, Грація; этот кум унесет (похитит) тебя.

523 ¡Веди его!

524 Пятнадцать лѣт, как я слѣп.

XII. Брѣг (Brjex, tȯw Brjėʏu) (Pers).

Образцы языка, набранные в 1901 г.

Die im J. 1901 gesammelten Sprachproben.

Разсказчица: Трактирщица Регина Саботич по прозв. Нелич (Sabótiʃ Reǵína Ŋéléʃ), ок. 35 лѣт, в приселкѣ Жгарбаны (Žgarbàņ, Žgarbáni, tàpar Žgarbána, *Sgarban*). Одна-двѣ фразы в началѣ происходят от другой женщины, ок. 60-и лѣт, из другого приселка, из Подлопаты (Podlopáta, *borgo Molinari*).

Краткія сообщенія. (Kurze Mitteilungen).

525 Nə̀-me-dála Tərézja.

526 ¿A kó ni-majo-djélat s· təmi ·róžami?

527 Xódimo májše tu-cjérkwo svétə-Maríjə-Mardalénə: Žgarbáne anu Brjéžane anu Podlopáto, Podlopáʃane, tàna-Fipláne, Fiplàn, ti-júde čjè-na-Fipláne, Frátiće, tùw-Ówšax, Wówšane, tùw-Ówšax tì-oréŋe nu tì-doléŋe, tàz-gorə̀ anu tàz-dolə̀.

---

525 Дала мнѣ Терезья.

526 ¿А что они должны дѣлать с этими цвѣтами?

527 Мы ходим к обѣднѣ в церковь святой Маріи Магдалины: Жгарбане и Брѣжане, и Подлопатяне, и Флайпанцы, Фратичи, Ольшане, верхніе и нижніе.

528 Brjéžəne smo wsè kompáŋe.

529 Wówša sò te-zádŋi Slovjéni komúna čjé-Montenárax. Òne-u-Štélax Slovéni (Slovéŋi), tij-mí. «Òne-u-Štélax» djémo-mí.

530 Nò-obrénɟatə nèč ŋelò; bòj-pózno ɟitò-obrjésti.

531 Verɟíŋja tə ŋe-máti.

532 Fijòč: — si-daržála par-véškulju; si-daržála par-kárstu. Fijóča: — momò-karstítĕ no-xɟərático; màŋ-karstítĕ no-xɟərático.

533 Màŋ-poslušátĕ za-vjédatĕ; momò-prebrátĕ.

534 Mwoj-móš ə-šòw tù-Todə́sk.

535 Mljéko — ŋjémaŋ-γà, ¿màŋ-kupítĕ? Kráwjə mljéko.

536 ¿Ma-rát ùŋ? — ¿Móreŋ loštĕ-tà?

537 ¿Mórəŋ loštь-tà, ŋelò *kə* tə-snjédow?

---

528 Мы Брѣжане всѣ одинаковы (Мы всѣ Брѣжане).

529 Ольша — это послѣдніе Словѣне здѣшней Монтенарской волости. В Штелях тоже Словѣне, как мы. Мы говорим «там в Штелях».

530 Ничего теперь не найдете; позднѣе найдете.

531 Виргинія это ея мать.

532 Крестник: — я его воспринимала при мνропомазаніи епископом; я его воспринимала при крещеніи. Крестница: — мы должны крестить дѣвочку, я должна крестить дѣвочку.

533 Я должна послушать, чтобы знать; мы должны прочесть.

534 Мой муж отправился в Австрію.

535 Молоко — у меня его нѣт, ¿должна-ли я его купить?

536 ¿Довольно-ли вам? (¿довольно-ли вы кушали?) — ¿Могу-ли я прибрать?

537 ¿Могу-ли я прибрать (принять), теперь, когда вы уже скушали?

XIII. Флайпана (Fijplána, Flipána) (Flaipana).

A. Тексты, записанные в 1873 г.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten Texte.

Главным разсказчиком является мѣстный понамарь (múnьх, по словински mêžnar), Иван Моро по прозв. Штель (Žwáŋ Móro Štél), 50-и лѣт. Ему я обязан сказкою (№№ 538—562) и большею частью мелких сообщеній (№№ 563—589). Впрочем, в разговорах, разсказах и мелких сообщеніях принимали участіе тоже другіе мѣстные жители.

1. Сказка. (Märchen).

538 Su-blѣ̀ dam-bòt tárjь-ŋéx, su-šlѣ̀ po-ni-pȍtь, anu nu-njésu
539 -mjélь jédnaa sówta. Anu sù-paršlѣ̀ tá-dnemú. Anu ú-je-ju
-prosȍw, kàŋ nu-redǿ. Anu oné-su-ɖálь, kà nu-redǿ po
540 -svétu. Anu onѣ̀-su-ɖálь, *kè* su-imbrojánь, za-twó-*ke* nu
-njémaju jédnā sówta.

---

538 Однажды было их трое, и они шли по дорогѣ и не имѣли ни
539 одного сольда (ни гроша). И пришли к одному. И он их спросил,
куда они идут. И они сказали, что идут по свѣту (что странствуют).
540 И они сказали, что они в затрудненіи (в стѣсненных обстоятельствах), ибо не имѣют ни одного сольда.

541 Te-mòš e-jьn-ɖàw, *kè*, ɟè nu-stórju tí-k u-reče òn̨, k ú-ɟe
542 -jé-naučìtь. Ezát e-jin-ɖàw: «Kòr-de vi-resté tùw-uštaríju, uštír u-ɟé was-prosìtь, *e* ví dàn̨ mate-reɟè «*pér-formádi*», *è* te-drúь mate-reɟè «*pér-režón̨*», *è* te-drúь mátę-reɟè «*per-dúɟiš-tréj*», za-wsé-trì».

543 Anò, kòr so-šlé tàna-uštaríju, uštír u-è-u-prosùw, kuó ni-uprášaju; *dúɟe* dàn̨ e-rišpondòw «*pér-formádь*», te-drúь e-rišpondòw «*pér-režón̨*», te-drúь e-ɖàw «za-sèr», *è* te-drúь e-ɖàw:
544 «za-wsé-trì». Anu uští°r (Anu te-uští°r) je-parnésu sèr anu
545 kròx anu víno, ano oné-su-pìli nu jédlь. Óndo-*ke* su-(Ondó-*ke* su-) mjéli-ràt, ezát oné-su-tówklь tana-táolu, so-klícalь uští°rja,
546 zá-k on̨ stori-*kònt*. Uští°r e-ɖàw: «¿kó vi-wprášate?» Anu, *sekóme-ke* n̨í-e-bìw-ovizù te-mòš, *kè* nu-njémaju reɟь̀ jédne besjéde *máj*, kuj twò, ka ón̨-je-réku n̨ín̨, — oné, kór de uští°r e-uprášuw, kó-e-no-tó, dàn̨ e-ɖàw «za-sèr», te-drúь «zá-ra-

---

541 Этот человѣк сказал им, что, если они сдѣлают то, что он им
542 скажет, то он их научит. Затѣм он сказал им: «Когда вы прійдете в гостинницу, хозяин спросит вас, а вы должны сказать, один (и тогда один из вас должен сказать) «*per formadi*» (за сыр), другой должен сказать «*per režon*» (справедливо), а третій должен сказать «*per dutjis trej*», «для всѣх троих»».

543 И когда они пришли в гостинницу, хозяин спросил их, чего они желают; слѣдовательно один отвѣтил «per formadi», другой отвѣтил «per režon», другой сказал «за сыр», а третій сказал
544 «для всѣх троих». И хозяин принес сыр и хлѣб и вино, и они
545 пили и ѣли. И вот когда им было довольно (когда насытились), тогда они стучали по столу, звали хозяина, чтобы он составил счет. Хозяин сказал (спросил); «¿чего вы требуете?» («¿что вам
546 угодно?»). И, так как тот человѣк им приказал, что они никогда не должны сказать другого слова, как только тѣ, которыя он им сказал, они, когда хозяин спросил их, чего они хотят, один сказал «за сыр», другой «за резон» (справедливо, как слѣдует), а

547 žoŋ», *è* te-drúь «za-súse-trì». Anѡ uští°r e-bìw w-štíčь (veleŋàŋ),
za-twó-k e-mjèw parnestí, ŋíŋ-parnestí sèr anu kròx anu vínѡ;
anu je˓ spéka ˓parnésu nu-drúu porьcjóŋ; anu su-snjédlь sèr nu
548 kròx, ánu ˓popìlь vínѡ. Nu-zát oné su˓ spéka ˓tówklь tana-táѡlu;
549 anu je-paršòw uští°r wprášat, kwó-nu-tò, kwó-nѡ-tòju. Anѡ
onь̀ so˓ spéka ˓klícalь: dàŋ e-klícu «za-sèr», te-drúь je-klícu «zá
550 -ražóŋ», *è* te-drúь «za-wsé-trì». Ezát uští°r e-sè-wstičŭ anu
e-ɖàw, *kè* nu-wzomíte lúč anu *ke* nu-*alínte* spàt, «zájtra bómo
-stórli *la-rèšt*, drúѡ». Énu onь̀-su-šlь̀ spàt.

551 Ánu uští°r e-ɖàw swóji-ženь̀: «¿Kwó mѡmo-stortь̀, *ke* tjézjь
nu-tóju májkuj sèr, a míj-a-njémamo vèʇ?—já, naŋcwój já
-man-zdrjétь wráta od-butége, anu máŋ-wkrástь sèr zá-jьn
-dátь ŋéŋ zájtra».

552 Énu-zát drúь-dáŋ, k ú-je-păršŭ ospodèŋ od-botége, o-ní
553 -obrjétu síra, *kè* so-a-ukràdlь. Anѡ óŋ ú-je-šòw lédat fárču,
554 dát notícju. Ánѡ sú-paršlь̀ pulicíja ɸprášat uští°rja, ʇ ú-ma fo-
555 rèšte. Uští°r e-ɖàw, *ké* ma trí, *ké* nu-spòju. Anu pulicíja

---

547 третій—«для всѣх троих». И хозяин сердился, так как он должен
был принести им сыр, хлѣб и вино; и опять принес другую пор-
548 цію; и они съѣли сыр и хлѣб, и выпили вино. Затѣм опять они
549 стучали по столу; и хозяин пришел спросить, чего они хотят. И
они опять кричали: один кричал «за сыр», другой причал «за ре-
550 зон» (как слѣдует), третій—«для всѣх троих». Тогда хозяин раз-
сердился и сказал, чтобы они взяли свѣчу и чтобы шли спать,
«завтра мы сдѣлаем остальное». И они пошли спать.

551 И хозяин сказал своей женѣ: «¿Что нам дѣлать, если они хо-
тят только сыру, а у нас его нѣт болѣе?—да, сегодня ночью я
должен взломать дверь в лавкѣ и украсть сыр, чтобы им дать
завтра».

552 Затѣм на слѣдующій день, когда хозяин лавки (лавочник)
553 пришел, он не нашел сыра, ибо его украли. И он отправился в
554 полицію, дать знать об этом. И полиція пришла спрашивать хо-
555 зяина гостинницы, есть ли у него чужіе. Хозяин сказал (отвѣ-

556 só - ɸprašàlь, *ké* nu - spòju, k óm - pokáže númar. Anu pulicíja
557 su - šlѣ̀ ta - ȷámerь, anѻ su - tówklь tu - wráta. *E* tjézь ta - nѻ́tre
dàn̨ je - ɖàw «za - sèr», anu pulicíja ne - ɖála: «za sèr, za sèr, jȁ».
558 Ánu te - drúь e - ɖàw «zá - ražѻ́n̨»; *é* te - drúь e - ɖàw «za - wsé - trѣ̀».
559 *Jinšúme* pulicíja nà - ni - vjédala, kó na - ma - stortѣ̀; oní nu - njésu
560 - tjélь oprjétь, *e* pulicíja né - udárьla wráta. Ánu su - je - zvezàlь,
ánu su - je - nàlь tùw - tribunàl, pretúri tuw - pèst, tuw - rȍke.
561 Anѻ pretór e - eǯəminù, é - je - uprášu, káko so - storlѣ̀; anu
onѣ̀ njésu - mjélь jédne besjéde *máj*, kuj *símpri*: dàn̨ «za - sèr»,
562 te - drúь «zá - ražón̨», *é* te - drúь «zá - wse - trѣ̀». Эzát pretór é - jin̨
- ɖàw: «¡e! pѻ́jta, pѻ́jta, *kè* ste norѣ̀, *kè* ste - od - láve, *kè* ni - vesté
- nѣ̀č, kwój právьte, kwój djélate».

Žwán̨ (Ǯwán̨) Móro Štél, tá-par Štèlѻ, múnьx.

тил), что у него трое, что они спят. И полиція спросила, гдѣ они
556 спят, пусть он покажет нумер. И полиція пошла (направилась) к
557 этой комнатѣ и постучалась в дверь. А эти там внутри один
558 сказал «за сыр», и полиція сказала: «за сыр, за сыр, да». А другой сказал: «за резон» (по справедливости), третій же сказал «для
559 всѣх троих». В концѣ концов полиція не знала, что ей дѣлать;
560 они не хотѣли отпереть и полиція взломала дверь. И их связали
и повели их в трибунал (в суд), передать их в руки претуры
(справедливости).
561 И претор (судья) допрашивал, спросил их, как они [это] сдѣлали; и они не имѣли никогда ни одного другого слова, как только
всегда: один «за сыр», другой «за резон» (по справедливости), а
562 третій «для всѣх троих». Наконец судья сказал им: «э, убирайтесь, убирайтесь, вѣдь вы дураки, вѣдь вы без головы (сумасшедшіе), вѣдь вы не знаете, что говорите».

Иван Моро Штель, попамарь.

---

2. Разсказы; сообщенія; разговоры. (Erzählungen; Mitteilungen; Gespräche).

563 Tó-je-bitì vèj kuj trídesjét-ljét, *kè* ni-njésu-plesále, *kè* to-ni-plesálo tu-Fijpláne.

564 Je réju na-ká-krèj, tù-Umíŋ, ní-so nawájenь zá-plesátь tá-pər-nás.

565 Prjé sьmo-plesálь: Naš-plés je-bìw táko, kó po-ŋémšken ta-nwótre; a tléle táko so-plesàlь; pó-rozьjáŋskeŋ nè, ní-ne-znáju pó-rozьjáŋskeŋ tlé-par-nás (tá-par-nás).

566 Čjéu-Montьnárax nu-pléšeju tá-púste; tà-par-nàs, tù-Fijpláne, sú-prejubíwale jéruve, *kè* to-ne-móre plesàtь.

567 Četírь pjésme mí-jь-pojemó (mi-jé-spojьmó) po-latíŋskьŋ: *Pátanóšter* e-spojmó, ja-spojéŋ po-latíŋskьŋ, Ávemaríju po-latíŋskьŋ, *pòr-latí*ŋ, *Krédo*, Sálverežínu; è te-drúe po-farjulájskьŋ,
568 po-láškьŋ. Té-*ke*-spojьmó po-láškьŋ, é-vьmó wsé; té-*pər-latíŋ* nè, májkuj kaku besjédu.

---

563 Будет болѣе тридцати лѣт, как не танцовали во Флайпанѣ.

564 Если они идут (отправляются) куда нибудь, в Джемону (*Gemona*) [напримѣр], они умѣют танцовать у нас (наши Флайпанцы).

565 Раньше (В прежнія времена) мы танцовали. Наш танец был какъ в Германіи, там далеко; и здѣсь так танцовали; по резьянски нѣт, они не умѣют [танцовать] по резьянски здѣсь у нас.

566 В Монтенарс (*Montenars*) танцуют на масляницѣ; здѣсь у нас, во Флайпанѣ, запрещали попы (священники), [говоря,] что не слѣдует танцовать.

567 Четыре пѣсни (молитвы) мы поем (читаем) по-латыни: *Pater noster* («Отче наш») мы поем (читаем), я пою (читаю) по-латыни, *Ave-Maria* («Богородица Дѣва радуйся») по-латыни, *Credo* («Вѣрую»), *Salve regina* («Здравствуй, царица»); а другія [молитвы]
568 по-фурлански. Тѣ, которыя читаем по-фурлански, понимаем их всѣ; эти по-латыни нѣт, [развѣ] только какое-нибудь слово.

569 Šè-(Ščè-) Furlánь nù-pojǒ ti-mì.

570 Télь kapeláŋ, *kə̀*-a-momó ŋelè, ú-učí wsè pò-furlájskьŋ, twó-*kə*-to-jə̀, racjõnь.

571 Jóŋ-itь̀ wòt. Nu-jó-se-bàtь, *kə̀* sь-spádu, *kə*-bódьŋ -spádu, *kə* bódь-perešǒw zŭwój-tá-ke-ǵàw kapeláŋ, k ó-je -me-čàkatь *infíŋ*-tana-dèsat nancwój.[1])

572 Lóžǒ tòw-kótow wódǒ. ¿Kó momo-skúfatǒ? ¿kó bomo
573 -skúfale? Poljéntǒ.—¿Kí to-íma-kúfatǒ?—Já, já-jo-(joŋ-) skúfatǒ.—Ne-kúfana; pújte jjest.

574 Ŋelè bómo-prosíli (mómo-prosíte) ospodíŋa, kó momo-djélate. Twó-ko nan-ukwáže-óŋ tjémo-djélate mí.

575 Ŋelè sǒmó-šlè, sǒmó-storlè twó, ka ste-ukwazálǒ ví; ¿kó
576 momo-stortь̀ ŋelè? twó-ka ukwázate vì, ospodèŋ.—Ŋelè ste
577 -stórli wse-twó, kь si-ukwázow-já.—Ŋelè momó-reji ŋelé,

---

569 И Фурланы поют (читают молитвы) так как мы.

570 Этот капелян, который у нас теперь, он учит все по-фурлански, все что прійдется, молитвы.

571 Я пойду рано. Они будут бояться, что я упал (свалился в пропасть), что я погиб, потому что сказал капелян, что сегодня вечером он будет ждать меня до десяти.[1])

572 Налей воды в котел. ¿Что мы должны стряпать (готовить)?
573 ¿Что будем готовить? Поленту.—¿Кто должен готовить? Я, я буду готовить.—Она уже готова; идите ѣсть (ступайте кушать).

574 Теперь спросим хозяина, что нам дѣлать. Мы будет дѣлать то, что он нам укажет.

575 Теперь мы пошли, мы сдѣлали то, что вы указали; ¿что нам
576 теперь дѣлать? то, что вы укажете, хозяин.—Теперь вы сдѣлали
577 все то, что я указал.—Теперь мы должны сказать, что мы кон-

---

[1]) Причинная связь не ясна.

578 kà sьmo finišálĭ wsé-twó, kь ste-ukwázow ví. Ŋelé momó -ŭpčnétь (-počnétь); vídimo, *ké* momo-stortè.

579 Ŋelè sečьmó sjéno. Ŋelè, kь tè-posjéčeno, momó-parnestí dimój.

580 Ja-níman ráčəŋa [*rát-šeŋə*] sjéna, já-man-sjéje sjéno; níman čeŋə́ ràt (rà).

581 Ŋelè ja-jón-finišáte satjédna storté mo-sjéno.

582 Já-ren sjéj.

583 Jə́ dan-drúь rečé: «¿ké si-bìw?», twótь se-móre-reję̀: «já -si-bìw sjéj sjéno». «¿Ké si-bìw?» «Tòw-senožète».

584 Já ŋelé si-paršòw òŋ-z-Montanaréj, sàŋ-z-Montanárja, pó-ni-pòtь, *ke nə́ŋje* kozé ne-xodí po-ŋéj, *ma* já-si-mórow -prítь, kòr si-bìw tana-ŋéj, tana-pòtь, za-prítь sàŋ-u-Fijplán.

585 Ščé za-kozé njé ta-pòt, áno mi, *ké*-smo krištjánь, mómo-xodítь pó-tь-pòtь.

---

578 чили все то, что вы указали. Теперь мы должны отдохнуть; посмотрим, что нам дѣлать.

579 Теперь мы косим сѣно (траву). Теперь, когда покошено, мы должны принести его домой.

580 Я не имѣю еще довольно сѣна, я должен косить сѣно (траву); мнѣ еще не достаточно.

581 Теперь я кончу приготовлять сѣно на этой недѣлѣ (за эту недѣлю).

582 Я иду косить.

583 Если другой скажет «¿гдѣ ты был?», тогда слѣдует сказать (отвѣтить): «я был косить сѣно». — «¿Гдѣ ты был?». «На лугу».

584 Теперь я пришел из Монтенарс *(Montenars)* по дорогѣ, по которой даже козы не ходят, но я должен был прійти, когда я

585 был на ней, на дорогѣ, чтобы прійти сюда во Флайпану. Даже для коз не годится эта дорога, а [однакож] мы, христіане, должны ходить по этой дорогѣ.

586 Óη je-paršòw sá-nat-krásjo, *ké* ϳь-bíw-spádow dó-pot-krás, e-bíw mártow; *má* je-pasów ljépo, azát je-obrjétow dám-patŏk, daη-flòm wódə.

587 Tó-je málo jére, *ké* nu-mjéjte doró sárce, za-pomátь tikáj nému-(dnému-) bózemu, ánu kuj nému-znáncu, ánu kúj nému-foréštu, k-ú-ne-vjé, káη u-ma-wljèstь.

588 Ú-je dorà sárca tikáj za-ná-bózā, kúj za-na-znánca, ánu kúj na-foréšta, k-ú-ne-vjé, kàη wljèstь.

589 Tó-bь-tjélo, k-ó-bь-mjéw intrádu velíku, tí daη-véškol; úη bь-tjèw, ljépo ,stàtь šè-te-bòь.

B. Образцы языка, записанные в 1901 г.

B. Die im J. 1901 niedergeschriebenen Sprachproben.

Этими сообщеніями я обязан Ивану Доминиковичу (сыну покойнаго Доминика) Моро по прозв. Якоп (Móro Ꞑováηi *fù* Doméniko tàpŗ Jakópo) (*Moro Giovani fu Domenico*), 51 года. Он

---

586 Он пришел сюда над пещерой [по такой дорогѣ], что если бы упал под пещеру, убил бы себя до-смерти; но он прошел (миновал) хорошо, и затѣм встрѣтил поток, теченіе воды.

587 Мало попов (священников), у которых доброе сердце, чтобы помогать как бѣдному, также точно пріятелю и [даже] чужому, незнающему куда зайти (идти).

588 У него [, у нашего капеляна,] доброе сердце, как для бѣднаго, также точно для пріятеля и [даже] для чужого, не знающаго куда зайти (попасть).

589 Нужно бы (Слѣдовало бы), чтобы он имѣл большіе доходы, как епископ; [тогда] хорошо жил бы [при нем] даже бѣдный.

работал тогда на лугу при собираніи и укладкѣ сѣна вмѣстѣ с своею невѣсткой и дочерьми, которыя иногда вмѣшивались в наш разговор. С ним вмѣстѣ я провѣрял тоже и исправлял нѣкоторые отрывки, внесенные в мои записи в 1873 г., между прочим №№ 580—583.

Краткія сообщенія. (Kurze Mitteilungen).

590 Mí-momo daŋ̧-kwàrt-úrə, kì sŏmo blížŋi; Òwšani nu-majò *vìŋć*-minùt. Kanónika ə tlə̀, pr̥̀-nas.

591 To *bə̀n*, k jə γárdo.

592 Nu-pléšəjo málo-málo, *kwáži*-nèč, ŋelə̀. Nu-proibíwajo
593 plesátĕ oštírjə, nu-néɟəjo nátɛ̆ (naátɛ). Jéro nə-mórə proibìt, *ma* nu-proibíwajo *juštə̀s*. Uštír ə˂ árdo ˂vídəŋ̧ od-jə́rə, ɟ ú-naá plesátĕ.

594 Mi-ɟantámo *nóme* po-láški, po-sloviéjski nìč.

595 Žwàŋ̧. ¿Káko jímə ti-màš? Tə-drúɛ̆ rəčə̀ «Pjə̀r», «Žwàŋ̧», tí-k u-ma jímə; «já-maŋ̧ jímə Pjə́ri».

596 Tò-me-bolí tàna-štómise. Tó-prídə orə̀ xúdo.

---

590 Мы имѣем (Нам нужно употребить) четверть часа, [чтоб прійти в церковь,] так как мы близкіе; Ольшане (жители *Cretto di sotto*) имѣют двадцать минут. Приходскій дом здѣсь у нас.

591 Конечно, гадко.

592 Они танцуют теперь очень мало, почти ничего (почти вовсе не танцуют). Запрещают танцовать хозяева [гостинницы] (ка-
593 батчики), они не хотят позволить. Поп (священник) не может запретить, но они все таки запрещают. Кабатчик на дурном счету у попа, если он позволит танцовать.

594 Мы поем (молимся) только по-фурлански, по-словѣнски вовсе не поем.

595 Иван. ¿Какое имя у тебя? Другой скажет (отвѣтит) «Петр», «Иван», смотря по тому, как его зовут; «мое имя Петр».

596 У меня болит в желудкѣ. Прійдется скверно.

597 Mamò škwólo, nà sò əžáme. Škwólo nà-učí maəštra. Sùwsə kanáə nu-mórjo itì w-škwólo; je nə̀, nu-jo-bitì multáni.

598 Ù-nə-vjè, k-u-ma-stortè te-témpli: *mo* də̀š, *mo* sònce. Əj-táko tə-jimbrojàn̨ za-šušítē sjéno.

599 «Nevjésta» djémo-mi žənà sínowa. Nevjésta na-djé «tást» ojò sínowu. Ə jĭ-oja, na-djé «ojà» mu, jé na-jəkərà ž-n̨ìn̨. Šče sìn̨ u-djé «tást» n̨é-ojò.

600 «Də̀t» mi-djémo təmu-stárəmo, ženè «bába».

---

597 Имѣем школы, сегодня экзамен. В школѣ учит учительница. Всѣ дѣти обязаны посѣщать школу; если нѣт (не ходят), штрафуются.

598 Эта погода не знает, что ей дѣлать: то дождь, то солнце. Таким образом трудно (все что то мѣшает) сушить сѣно.

599 «Невѣстой» называем жену сына. Невѣста говорит «тесть» отцу сына (парня) (т. е. ея мужа). Если ея [родной] отец, она говорит ему «отец», разговаривая с ним. Сын (Парень) (Ея муж) он тоже говорит «тесть» ея отцу.

600 «Дѣд» мы говорим старику, женщинѣ (старухѣ) «баба».

XIV. Нижнее Ольше. (Tȯ Dolėŋe Ȍwšə, Ȍwšə) (Cretto di sotto).

Нѣсколько фраз, записанных в 1901 г.

Einige im J. 1901 aufgezeichneten Phrasen.

Со слов ок. 40-а-лѣтняго мужчины.

601 Nə-kójejo-nə̀ čə́lə.
602 Já-ə-rèŋ̹, ə-rèŋ̹. Ja-ɟoŋ̹-jitè̇ (jitь̀), ja-ɟoŋ̹-tè̇, ja-ɟoŋ̹-jitè̇.
603 Nu-mə́rkajo anu nu-ɟȍ vídatĕ.
604 Wrét-wrét orə̀-pujtə̀.

---

601 Пчелы не колют.
602 Я иду. Я пойду.
603 Они смотрят и хотят видѣть (увидят).
604 Все-все (Безпрестанно) идите вверх (подымайтесь на гору).

XV. Седили (Sedile) (Sedilis).

Тексты, собранные в 1873 г.

Die im J. 1873 aufgesammelten Texte.

Всѣ эти №№ записаны в приселкѣ Велин (Vilíɲ, *borgo Velin*), кажется, со слов Доминика Балота (Méni Balòt) или же его сына. В другом приселкѣ, в приселкѣ Кьярон (Ćaróɲ, *borgo Chiaron*), из разговоров прежде всего с Петром Тизином (Pjéri Tizíɲ), ок. 40 лѣт, мною получен только матерьял для словаря, т. е. отдѣльныя слова, выраженія и отрывочныя фразы.

1. Историческое преданіе. (Historische Sage).

605 Na-blà wéra deɲ-bòt *pér-jentìk*. Azàt so-sè-disfȃlь
júdjь, azàt sò-paršlì, deɲ tlè, deɲ čjéle, popoláwat svjèt; té-štra-
606 njérjь nú-so-paršlí tlə̀. Atlə̀ na-Vilíŋь ə̀-pǎršòw deɲ-Ròš anu
deɲ-Dalmatíɲ, *kè* nu-so-blè dvi sólĭ faméji tlə̀, kò-to-bìw te

---

605 Однажды в древнія времена была война. Затѣм люди разсѣялись, пошли один сюда, другой туда, населять свѣт; иностранцы
606 (чужіе) пришли сюда. И сюда в Велинь пришел (прибыл) один Русскій и один Далматинец, так что были только двѣ семьи здѣсь,

607 -Ròš anu te-*Dálmato* (-Dalmatíņ). Aņzàt so-sè-razdelílĭ, k ù-paršòw bòrk volьk od-ŋéx, od-dvéx-faméj; tó-pāršlò ***ún-diš*** jéx.

2. Сообщенія; разговоры. (Mitteilungen; Gespräche).

608 Nú-ne-kapĭjajo, kwó to-príde réjćь, kwo˒ xódite˒ ˒dĭluć
609 ˒ókŭw-ví; ŋéņ ne-wljéže-ŋéņ tùw-làu. Nú-ne-vidò; nú-su tərdь, júdjь tərdь. Tò nibujšu nьč-ćakaràtь, kàr nu-ne-kapĭjajo [1]).

610 *Sáj*-***ke*** nu-znájo náše-kanàə pó-slavíjski, ***má*** nu-znájo šé po-lăški, za-tó-***kĕ*** jə̀-učьmó ŋelè po-lăški.

611 Mí-zledŭamo ***nóme sín***-dèsat pó-slovíjski; azát to-wljèže tùw-lăški, *pér furláņ*, *pér-furláņ per-plúj*.

612 Mí-mamó ***nóme*** furlájske ánu taljájske ćánte, slavíjskı ní-mamo-nьč.

---

607 то-есть был этот Русскій и этот Далматинец. Затѣм они раздѣлились (размножились), так что произошел большой приселок от них, от двух семей; явилось их одиннадцать [семей].

---

608 Они не понимают, что это значит, что вы ходите дѣлать около (по какому дѣлу вы так странствуете); им это никак не лѣзет (не входит) в голову (они никак не могут сообразить).
609 Они не знают; они тверды (туги на соображеніе), люди твердые. Лучше всего ничего не говорить, так как они не понимают [1]).

610 Конечно наши дѣти знают по-словѣнски, но они знают тоже по-фурлански, потому что теперь мы их учим по-фурлански.

611 Мы считаем только до десяти по-словѣнски; затѣм это переходит в фурланскій, по-фурлански большею частью.

612 Пѣсни у нас только фурланскія и итальянскія, словѣнских у нас вовсе нѣт.

[1]) *«Non giova niente parlare, quando non capiscono»*.

613 Še-tlè jérъ nu-brắnĭjo plès, *ma* mí-plěšemo *ištès*, *ké* ne
614 -xódimo za-ŋémь. Tέ, k o-ma-wȍjo plesàtь, nè-pošlű̆šamo jére.
A tέ, k o-ma-stràx, ú-ne-rè; a tέ, k o-ma-stràx jьtь̀ tà-zlü̆ᵒdju,
615 ú-ne-rè plésat. Ú-se-derȅ tέ, k u-ne-rè plέsat, ú-se-derȅ
ókuw-tà (-tàa), k u-šȍw plésat.
616 Sté-fьnьšȍw za-lítas, á u-lĭᵒtu bómo-se-vídalь spèk, ćé
ne-morjemȍ. Pújtə z-bü̇aŋ, s-svéto-Maríjo, ćè restə̀.

---

613 И здѣсь попы (священники) запрещают танец, но мы все
614 равно танцуем, ибо не идем за ними (не повинуемся им). Тѣ, кто
желают танцовать, не слушаемся попов. А тот, кто боится, тот
не идет; а тот, кто боится идти к черту, тот не идет танцовать.
615 Он кричит (ругает) тот, кто не идет танцовать, он кричит на того
(ругает того), кто пошел танцовать.
616 Вы кончили в этом году, а через год мы опять увидимся,
если не умрем. Идите с Богом, со святой Маріей, если пойдете.

XVI. Чернéя (Čeŗŋèa) (Cergneu).

A. Тексты, записанные в 1873 г., провѣренные же и исправленные в 1901.

A. Die im J. 1873 aufgezeichneten und im J. 1901 verifizierten und korrigierten Texte.

Главным и почти единственным разсказчиком является Иван Падьо Мена (Žwáņ Pàǆo Mèna, tàpar Mèṅь), 16 лѣт. Во всяком случаѣ я ему обязан сказкою (№№ 617—623) и значительным большинством остальных отрывков (№№ 624—735). В 1901 г. мнѣ называли еще двух лиц, а именно Ивана Данзуля по прозв. Арбита (*Giovanni Danzul Arbit*), находившагося в 1901 г. в Австріи, и покойнаго Ивана Ту́льё (*Giovanni Tuglio*), как моих вѣроятных разсказчиков 1873 г.; но в моих записях от того времени я не нашел их имен. Провѣрял же я и исправлял эти тексты с двумя моими чернейскими разсказчиками 1901 г.: Людовиком Штурмою по прозв. Дьерважином и Людовиком Пиконей по прозв. Сигуром.

1. Сказка (Märchen).

617 ¿Kó momo povjédatь? Povjédьmo tó (*twó*) òt-Katrjánca (*ot Kotrjánca*).

---

617 ¿Что мы должны (Что нам) разсказать? Разскажем о Котрьянцѣ.

618 Ó-je-bìw dam-bòt daɳ-sìɳ, k o-njé-tow dobrò ŋaà-má-
619 tərə; ó-jo-otòwkъw. Aɳzàd na-jokàla; na-bà *oŋь-pòk* umərla, *škwáiь* na-bà-umərla; *aɳtànt* nà-rešošitàla (*na-s-oživíla, na -s-ozdrávila*) za-dolòrjeɳ (*za-dolórje*). Aɳzàd na-oščəpàla áɳ na-njé-mola (*-ní-molà*) *máj* mu-[*nèč*]-kwazàtь.

620 O-šòw pó-nej-pótь. Aɳzàt o-spádъw, ò-se-udárъw tòw-no -nóo, *ríšćo-k* o-sь-jo-zlomè àɳ k o-umrjè (*k o-mrjè*) *suli-*
621 *štànt*. Aɳzàt ò-(*o-jè-*) oščepòw, áɳ o-paršòw mjèdьx áɳ o-mu -dàw nò-medežìno, k ó-umərn (*-umərn*) *sóbьt*.

622 Aɳzàt so-à-podložlè aɳ so-pjèlь rékŭwje (*rékvje*) za-ŋèɳ, *ʒok* o-(*oɳ-, om-*) pòj tow-svétь-rəj. Aɳzàt o-pjèw šè-òɳ
623 (*še-òɳ*) za-tóa, k-o-pjèw prèj zàŋ (*zàŋ*). Aɳzàt sò-sь-tjèlь -dobrò *símprъ*.

---

618 Однажды был сын, не любившій своей матери; он ее поко-
619 лотил. Затѣм она плакала; она чуть не умерла, почти что умерла; тѣм не менѣе она «воскресла» (пришла в себя) (ожила, выздоровѣла) от боли. Затѣм она излѣчилась (выздоровѣла) и никогда не могла ничего ему приказывать.

620 Он шел по дорогѣ. Затѣм он свалился, он ушибся (ударился)
621 в ногу, рискуя сломать ее и сейчас же умереть. Затѣм он выздоровѣл, и пришел врач и дал ему лѣкарство, так что он немедленно умер.

622 Тогда уложили его и распѣвали по нем *requiem* (служили по нем панихиду), чтоб он пошел в святой рай. Затѣм он пѣл
623 тоже он по том, кто пѣл раньше по нем. Послѣ они всегда любили друг друга (оставались в хороших отношеніях).

---

2. **Разсказы; сообщенія; объясненія; разговоры. (Erzählungen; Mitteilungen; Erklärungen; Gespräche).**

624 Sam-vìdъw nò-ženò, *kè*-na-šlà po-wȍdo s-ćerjő; nà-je -kwāzàla śćerè (*x́ʄerè*), *ma* nà-njé-tjéla (*-ni-tjéla*) ĕjtȅ (*jetè*) po-wőde.

625 Tlè je dàŋ, *kè*-o-ma dóue zȍbe aŋ krátke barèse. Tε-zȍp
626 ò-je-dòx tèj na-lopȁta. Àŋ o-xití-xití jjéstь bȕrjə; òŋ-ma zȍbə dobrə̀, k o-ʄé-rasklȁtь,-razjéstь, šè-nu-péjʄ.

627 Já-san-stòwkow néa nas; sàŋ-a-bűtow, *kè* na-mò· šè ·vi-ljȅzla krȉ.

628 Pòwx o-jə̀ tòw-xőstь, an ò· dostȅ bűrij ·dišipȁ. Kòr o-jə̀
629 tòw-čóndərjь, ò-gergerȁ, k ò-ʄe-razjéstь. Oŋ-ʄəkərȁ pó-ŋea
630 -ləŋgȁču (-jezíku), k ò-me-ʄe-oklȁtь. Ʒè to-a-naà, oŋ-mowčȉ; a ʄè to-a-típa z-njén- (*z nìn-*) xlődaŋ, ò-gergerȁ, [*ò-udə̀*].
631 Ʒè to-a-naȁ, òŋ-ne-stórь-nьč. Tlečjè ò-je dàŋ-kostàŋ, k-ò -ma wsáko-ljéto nьx-čènt pówxə; òŋ-se-klíčə «perȍŋ».

---

624 Я видѣл одну женщину, шедшую за водой вмѣстѣ с дочерью; она приказала дочери, но она (, доч,) не хотѣла идти за водой.

625 Здѣсь есть один, у котораго длинные зубы и короткіе штаны.
626 Этот зуб длинен как лопата. Он торопится (успѣвает) ѣсть каштаны; у него зубы хорошіе, так что он расколет, разгрызет даже камень.

627 Я поколотил одного сегодня; я его оттрепал [так крѣпко], что у него даже показалась кровь.

628 Соня (Суслик) живет в лѣсу, и она истребляет много кашта-
629 нов. Когда она в дуплѣ, она бормочет (ворчит), что укусит. Она
630 говорит на своем языкѣ, что она меня укусит. Если ее оставить в покоѣ, она молчит; а если ее тыкать (трогать) палкой, она бормочет (шумит) Если ее оставить в покоѣ, она ничего не сдѣ-
631 лает. Здѣсь имѣется каштановое дерево, в котором ежегодно около ста соней (сусликов); его зовут «перон» (вилка).

632 Víno tò-je dobrò, _mà_ to-jè _mása_ dráo, _màsa_; to kồšta daŋ -fràŋk pòw-(*pò-*) bokàlu. Twǿ to-ə̀ (-jə̀) _fùr-dal_-(*-_di_-*) _mùt_.
633 Oštjér ò-jə-razlìw nʊ-ṓtʊ, aŋzá to-mú-se˒ xúdo ˒zdjélo. Pótiŋ k-ò-razlìw, aŋzàt ò-pomə̀tow z-mə́tlʊ (*-mə́tlʊ*), ò-zlomòw šè-nʊ-mə́tlʊ; pótiŋ o-jṓkow.

634 Jà-saŋ obrjétъw daŋ-líbrъ, o-ɓèw aurèŋ; aŋzàt sàŋ-a˒ spék ˒zṹbъw.

635 Já-saŋ-jèw nʊ-mòwxʊ; na-j-s-, na-ɘ-sə̀-(*nà-jej-sə̀-*) ulomìla na-nṓa. Aŋzàd na˒ spè ˒ŭbježàla, [*˒ŭtəklà*]. Aŋzàt njḗsaŋ -vìdъw jédnə vèȷ.

636 Ja-màŋ dàŋ-kostàŋ, k-o-djéla dabə́lə bùrjə, aŋ já-jə-po-
637 bərə̀ŋ wsáko-ljḕto. Tò-mь-sə-zdì, kь̀ nə-pustìŋ jédnə. Jè pustìŋ kàkʊ, ò-viljéze dàŋ-pulínčьȷ, [*dàŋ-pidàl*], àŋ o-príde valìk[1]).
638 Aŋzàt à-ucjépiŋ, am-pótiŋ o-stóri bùrjə. _Ma_ ò-ma-prìtь préj valìk, òŋ-ma-pojḕtь nʊ-málo fwárčə. À ȷe [*óŋ-*]sə-wšuší, _po_

---

632 Вино хорошо, но оно слишком дорого, слишком; бокал стоит
633 один франк. Это уж через-чур. Кабатчик (Хозяин) разлил каплю, и тогда он огорчился (ему жалко стало). Послѣ того, как разлил, он подметал метлою, и сломал даже метлу; затѣм он плакал.

634 Я нашел одну книгу, она была золотая (позолоченая), и затѣм я ее опять потерял.

635 Я поймал муху; но у нея сломалась нога. Затѣм она опять убѣжала. Послѣ этого я уже больше ни одной не видѣл.

636 У меня каштановое дерево, производящее (родящее) толстые (крупные) каштаны, и я их ежегодно собираю. Мнѣ кажется, что
637 я ни одного не оставляю. Если я оставлю какой либо, [из него] выходит росток, и он становится большим[1]). Затѣм я его привью,
638 и послѣ этого он дает (производит) каштаны. Но он должен раньше сдѣлаться (стать) большим, он должен получить немного силы (окрѣпнуть). А если он засохнет, тогда у меня нѣт

---

[1]) Ср. №№ 731—733.

639 njémaņ - (*pàj nímaņ -*) nъ̀č. *Ma* màņ˟ *símprъ* ˟féjdo (*˟fédo*), k ò̜ - sə - nə - ušű̌šь (*-ušúše*). A ɉ ò-sə-ušušì, à-usječèņ (*-šječèņ*):
640 aņzàt a sažgèņ [*tàna-óŋo*]. Aņzàt sə-stórjo bȍrə, zàt o-sə-stóri
641 pə́pъw; aņzàt a-prődaņ mwój - (mwójьj -) tətè Žnidarə̀jь. À ona pȍtiņ nà - a - dà Karnjèlaņ. Karnjélь pȍtiņ nì - a - lőžьjo tòw - rắt,
642 ʒ*òke* to - príde vèɉ trắvə. Am - pótiņ jo - posjekő aņ jó - wšušé̌.
643 [*Kàr šušé̌, to - prídə séno*]. Aņzàt jo - lóžjo tòw - toblȁt. Aņzàt
644 nì - jo - dadő blȁo, kъ̀ - to - snèj. Aņzàt, *kĕ* to - šè - vesə́rjè, aņzàt
645 nь - stőrjo nwój, *ké* ṅi - lóžjo tòw-(tъ̀w -) ŋìwo. Aņzàt o - veljḗze
646 sjḗrak àņ o - stórь panȍlə (*panólo*). Pótiņ, k o - stóri panȍlə, ni - wzőməjo káko panȍlo, *kè* ni - jó - špečő (*- spekó*) tòw - őŋo.
647 Pótiņ, *kè* na - ə̀ - pəčenà tòw - őŋo, ní - jo˟ šé ˟snjedő.

648 Tlə̀ Žwániɉ ó - je (*o-jə̀*) bőlaņ, *ma - tànt* ò - bь - ne - tòw rádo
649 murjètь. Ò - ma skúlo par - kràjь od - ůst, ò - štantà jjèstь, *ma - tànt* ò - se - inʒьŋȁ.

---

639 ничего. Но я всегда надѣюсь (думаю), что он не засохнет. А если
640 он засохнет, я его срѣжу; затѣм я его сожгу на огнѣ. Тогда сдѣлаются (останутся) угли, а послѣ сдѣлается (останется) зола,
641 и тогда я ее продам моей теткѣ Жнидареѣ. Она же даст ее Карнелям. А Карнели положат (посыплют) ее на лугу (на узкой полосѣ луга между двух полей), чтобы пришло (выросло) болѣе
642 травы. И послѣ они ее (, т. е. траву,) порѣжут и усушат. Когда
643 они сушат, дѣлается сѣно. Затѣм они кладут ее (траву) на сѣно-
644 вал. Затѣм они дают ее скоту, чтобы он съѣл. И затѣм, когда он высерет, тогда они дѣлают навоз, который они кладут на поле.
645 Затѣм показывается (вырастает) кукуруза и производит кійки.
646 Затѣм, когда она произведет кійки, берут какой-либо кіек
647 и жарят его на огнѣ. Затѣм, когда он уже зажарен на огнѣ, ѣдят его.

648 Вот здѣсь Жванич болен, а все таки он не хотѣл бы уме-
649 реть. У него царапина на краю рта, и он с трудом ѣст, но все таки он себѣ помогает.

650 Náša wóda nà-ə dobrà, ná-ə frə́ska, [*-ə màrzla*]. Né-jo
-nȍsijo tòw-ɟaldjèrjo. Kák o-spadə́ ś-ɟaldjèrjь.
651 Rešɟàtь zà-*kwalúɯku* rjèč.
652 Òr-na-Subȉde o-b̆éw kolə̀ro, pótiŋ ò-paršòw (*-šòw*) dòw
653 -Malȉno. Dòw-par-Wĕkaco so-storlь̀ kazòŋ pàr-ŋəa-brájdь,
aŋzàt so-razdə̀rlь-á́; [*aŋ*] só-kudàlь Áxɟənь, k o-nósi, *kè* ni
-nósijo Subjə̀nь ànu Malíncь, *kè* ni-nósijo-dòw bòw, dòw-Wáxtaŋ.
654 *Invéce* to-je wsə̀ *pàr-volè-di-dȉjo* (*-od-Bóa*). Éjŋelə̀ nì-umar-
jő (*-mərjó*) po-štjèri (*-štjèrĕ*)-pèt pò-ʒornàdь (*pó-dne*);
ní-jə-podlőžijo *čénče*-zwonjètь (*zwonjétь*).
655 Ò-se-udárъw tòw-lào. Aŋzàt ò-obézъw [*o-jə̀-obézow*)
656 lào, *ǯòkь* nà-mò-oščepjé̄ (*oščepjè*). To-ə̀ dam-*pjéć*, daŋ-čàs,
k ò-je bőlaŋ.
657 So-spjélь rožàre, *ma* já-saŋ-zū́bъw rožàrь zawòj-wàs; za
-twő-*tànt* o-ɟé-mь (*za-twó-tànt* o-me-ɟè*) Bwóx pomátь;
za-twő to-bò, kár-bo-tu Bwòx.

---

650 Наша вода хороша, свѣжа, холодна. Ее носят в котлѣ. Любой падает (сваливается) с котлами (неся котлы).
651 Рисковать во что-бы то ни стало.
652 На Субидѣ была холера, затѣм она пришла в Малину (*Fo-*
653 *rame*). У Векаца сдѣлали (выстроили) избу (дом) рядом с его
участком (хутором), а затѣм ее сломали (снесли); Аттимцы (жители *Attimis*) же думали, что Субидцы и Малинцы носят болѣзнь к ним, в Аттимис (*Attimis*). Между тѣм это все по Божьей волѣ.
654 Теперь они мрут (умирают) по четыре, по пяти ежедневно; их хоронят не звоня.
655 Он ушибся в голову. Затѣм он обвязал себѣ голову, чтобы
656 она ему выздоровѣла. Прошло довольно много времени с тѣх
пор, как он захворал.
657 Пропѣли (Прочитали) уже «рожанец» (вечернюю, сумеречную молитву), но я прозѣвал «рожанец» изза вас; однакож Бог мнѣ поможет; итак будет то, что Бог захочет.

658 Já-saŋ-ǯujòw àŋ saŋ-wodiŋòw štjéri čentèzime; àŋ *jinvéce*
659 ò-mь-dàw dàŋ-Subìjəŋ *nóme* trí. Aŋzát saŋ-štwőrъw šè no
-partído; aŋzàt o-saŋ-zűbъw, àŋ smo-blь̀ *pàče*.

660 Ò-jə tle-dőle dàŋ, k ò-šьvьlà, *mà* o-ne-znà šьvьlàtь. O-njé
-kopàŋ jètь jédnə senícə bó ku (*bwój kuj*) daŋ-*màrč*. Oŋ *nóme*
661 šьvьlá àŋ o-njé-(*-nì-*) kopàŋ jjètь jédnə. Ò-sə-braũrь (*-xwálẹ*)
wsákь-dàŋ za-témь senícamь, aŋzát o-njé-kopàŋ jédnə jètь.

662 Tlè Pьkóŋa ò-sə-smejé (*-smǝǝ́*) *čénčə*-jédnə-ražwǒnə,
[**čéncə*-vjédatь za-kwó*].

663 Preberítə sówse-twó, *kè* ste-písъw prǝ́j.

664 Žnídər čàsi o-šíwa ljépo (*ljépo*), a čàsi o-šíwa árdo, a čàsi
štrámpo (*kríwo*), jé o-móre lè utakàtь-(*takàtь-*) òr zá-ujétь
(*za-jétь*) sòwtə.

665 Tàna-műšu ónijo žákjə tòw-máliŋ; a mwóla nà-saméjə sjẽ-
666 ràk. Aŋzàt ni-lőžijo spé žákij òr-na-műša; aŋzàt né-ženő dimwój,
667 ta-tèj-kìšь, *ke* sò-wzélь žákьj. Aŋzàt so-skúxalь polénto,

---

658 Я играл и я выиграл четыре чентезима; вмѣсто этого один
659 Субидец дал мнѣ только три. Затѣм я устроил еще одну партію
(игру); затѣм я ее проиграл, и мы сквитались.

660 Здѣсь находится один, который вабит (приманивает) [птиц],
но он не умѣет вабить. Он не в состояніи поймать ни одной сѣ-
ницой болѣе, чѣм какой-либо слабоумный (болван). Он только
661 вабит (приманивает), но он не в состояніи поймать ни одной. Он
хвастает каждый день этими синицами, но он не в состояніи пой-
мать ни одной.

662 Здѣсь Пиконя смѣется без всякаго повода, не зная почему.

663 Прочитайте все то, что вы раньше написали.

664 Портной шьет иногда красиво, а иногда он шьет гадко, а
иногда криво (на выворот), лиш бы только как нибудь ему уда-
лось получить деньги.

665 На ослѣ возят мѣшки в мельницу; а жернов смелет кукурузу.
666 Затѣм кладут опять мѣшок на осла; затѣм они везут домой, к
667 тому дому, откуда взят мѣшок. Затѣм сготовили (сварили) по-

só-jo-snjédlь, *ma ćénčə*-kompanádьxa njésо-molь̀ jé-jjèstь; sо-lwőžlь tàza-zàt, zá-daņ-drűь-bòt, (*so-ložlь̀ tàza-daņ
668 -drúь-bòt,*) za-kòr bójо-láčnь. Kor bójо láčnь ràt, ȷejò-snjèstь, à ȷe ne-né-ȷejo jé-snjèstь, nəj-naàjо stàtь.

669 Sam-b́èw tjé-u-Wáxne aņzát saņ-šòw dòw-Ravòzо.

670 Ja-réņ-tjéu-Wáxtaņ aņzát ji-príden̦ sàņ. Obrénȷeņ kúxaņ
671 -obə̀t; a ȷ ò-mь-nè-plažà, j-á-pustìņ. O-príde zàt té-k-o-a -snjè: óli prásàc, oli svíŋà, óli pàs, óli máčàk, óli *kè* (*alè *kè**)
672 dadó za-bóa-jíme. Té-bőžac, k-o-príde, k-ò-poś (*-po'ś*) za-tə-dušìcə tòw-ti-pènax òt-prekatòrьxa. Aņzàt, kór sо-sìtь, ní-ne-peņsàjо (*-márajо*) vèȷ pjètь.

673 Ò-jə dàņ tlélə (klélə), k-ò-jə kosmàt, téj-romìt (*t-aņ -remìt*), k-ò-stojí tъ̀w-xőstь tòw-jàmĕ.

674 Só-kudàlь Áxȷənь, kь̀ ne-nősijо-dòw bòw, Subjə̀nь anù Malíncь.

675 ¿Kí o-a-razdə́ru té-(*tè-*) kazòņ?

ленту, съѣли ее, но без приправы (без сдобы) не могли ѣсть ее;
668 оставили ее на послѣ, на другой раз, когда будут голодны. Когда будут достаточно голодны (проголодаются порядком), съѣдят; а если не хотят ѣсть, пусть оставят.

669 Я был в Аттимис и затѣм я пошел в Равозу.

670 Я иду в Аттимис, а послѣ я прійду сюда. Я найду готовый
671 обѣд; а если он мнѣ не понравится, я его оставлю. Послѣ прійдет тот, кто его съѣст: или боров, или свинья, или собака, или
672 кошка, или [тот, кому] дают милостыню (нищій). Бѣдный (Нищій), который прійдет, поет (молится) за души в муках чистилища. Затѣм, когда они сыты, они не думают (не стараются) болѣе пѣть (молиться).

673 Здѣсь находится один, косматый, какъ отшельник, живущій в лѣсу в пещерѣ.

674 Аттимцы думали, что Субидцы и Малинцы носят къ ним болѣзнь.

675 ¿Кто сломал (разрушил) этот «казон» (дом)?

676 O-njé-vjēdъw, kwó o-djèla tő-bot (*tá-bot*); kь̀ so-a-djèlalь, to-blò-bwój, ɟé so-blь̀-šlь̀ spàt (*spàt*).

677 Daŋ Áxɟəŋ ò-a-jə̀-razdə́ru. *A'ncь* Tőnь Kaburìŋ, té-kь-mà botègo àno oštarìjo, ò-razdə́ru, ӡ*okè* ò-jə-vìdъw, *ké* na-paršlà bòw *jьštès* tòw-Wáxtaŋ.

678 Sàŋ-finòw stwórtь mo-djèlo; éjŋə ɟó-jьtь̀ dimwój jjèst po-
679 lénto. Saŋ-stàw ót-pouná-or, jískrə poléntə, *náŋɟe*-ni-márvə;
saŋ-snjédъw *nóme* daŋ-kòš razdówja; aŋzàt sàŋ-a-tòw šьŋè jèstь,
680 *má* sam-ƀèw *mása*-sèt; njé-saŋ-mòw vь̀ɟ jèstь. Á ɟe-sam-ƀèw
-jédъw šè, saŋ-tjèw póknitь, téj-na-bùrja.

681 Z-linčìnь tò-sə-wlječe̋ (*-wlječa̋*) *dòŋɟe*-(*səbə̀, blízu*) -warxə̀, aŋzàt tò-sə-pobərə̀ čarjèšŋə.

682 Linčínь sə-narédijo wòs-xlòda, wòz-ӡeljéza šə̀; nì-so
683 dóuь, so krátcь, wsáki sórtə. Tò-jə plə́ano wòz-ӡeljéza. A té
wòs-ljésu (wòs-ljésu) òŋ-sə sám -stòrь [,*sam zrastə̀*] táko;
ò-spoženə̀ daŋ-wàrx (*-wòrx*),-waršìɟ; zát o-príde dabòw, *segònt*

---

676 Он не знал тогда, что он дѣлает; когда они его дѣлали (строили), было бы лучше, еслиб они пошли (отправились) спать.

677 Один Аттимец сломал (разрушил) его. Именно Антон Кабурин, тот, у котораго лавка и гостинница, он сломал, так как видѣл, что болѣзнь все таки пришла в Аттимис.

678 Я окончил (довершил) свою работу; теперь я пойду домой
679 ѣсть поленту. [Вѣдь] я оставался [за работой] с самаго полудня,
[у меня не было во рту] ни куска поленты, даже ни одной крохи;
я съѣл только корзину винограда; затѣм я хотѣл еще его ѣсть, но
680 я был слишком сыт; я не мог болѣе ѣсть. А если бы я еще ѣл,
я лопнул бы, какъ каштан.

681 Баграми (Крюками) притягивают к себѣ верхушки [деревьев], и тогда собирают (срывают) черешни.

682 Багры дѣлаются из дерева, а также из желѣза; они бывают
683 длинные, короткіе, всякаго рода. Это согнуто из желѣза. А тот из
дерева он сам дѣлается, сам вырастает таким; он выпускает из себя
верхушку; затѣм он становится толстым, сообразно с тѣм как его

684 -*kъ*̀ to-à-naà. Tò-a-mòre· tькàj ·nəàtь no ljéto, ko dvjé, *ólipòr maŋgárь* (*magárь*) *símprь*, *síŋk* (*sínke*, *fínke*) o-sə-ušuši.

685 Kòkoš na-djèla jájca. Petelèŋ ò-kikiríka; ò-jindalà jájca.

686 Aŋzàt ní-jə-lóžijo pot-klwòjo; aŋzàt pot-klwójo stojé trí

687 -tjédnə. Aŋzàt veljézəjo píščata àŋ zapíwkajo. Àŋ to-ma-jin -dàtь jèstь ànu pìtь ànu tèsto. *Sь* nò, ni-jé-krepàtь za-lákotjo

688 àŋ za-žejó. Kòr so sìtь, ne· šə ·sérjəjo aŋ ne-ščé.

689 Tòw-Skálь, *kè* na-jə jáma, éjtu ni-djélajo pústa. Ò-jə Ba-

690 šjàŋ [1]) anu plískə, kь ni-djélajo njézda. Sáka plíska na-djéla pét -šóst tíjə, tíjacə. [*Z-jàjc prídəjo tíjə*].

991 Óro-u-(*Óre-u-*) Bànu smo-wzélь mí kostáŋə. Àn to -wstrelílo dòw-čez daŋ-kostàŋ, nà-ustrelíla saèta, àŋ o-sə-usú-

692 šъw kostàŋ. Aŋzàt so-a-usjéklь, aŋzàt májo-à-rasklàtь áŋ majo-loštь tòw-kwótъw; aŋzàt májo-užgàtь, aŋzàt majó-warstь·

---

684 оставить. Можно его оставить как один год, так и два, или же, пожалуй, на всегда, до тѣх пор пока он не усохнет.

685 Курица несет яйца. Пѣтух «кукуричет» (поет); он оплодо-

686 творяет яйца. Послѣ кладут их под насѣдку; затѣм под насѣдкою они остаются три недѣли. Послѣ вылѣзут (выйдут) цыплята и

687 запищат. И тогда нужно им дать ѣсть и пить и тѣсто. Если нѣт,

688 они околѣют от голода и жажды. Когда они сыты, они еще серют и спат.

689 В Скалѣ, гдѣ пещера, устраивают масляницу. [Там] нахо-

690 дится Башьян [1]) и трясогузки, которыя дѣлают гнѣзда. Каждая трясогузка производит пять-шесть птичек (У каждой трясогузки бывает пять-шесть дѣтей). Из яиц выходят (появляются) птицы.

691 На Банѣ мы собрали каштаны. И в одно каштановое дерево

692 гром ударил, и оно усохло. Затѣм его срѣзали, и затѣм имѣют (хотят) его расколоть (разрубить) и положить в котел; затѣм

---

[1]) Слово непонятное; трудно даже опредѣлить, собственное ли это имя, или же нарицательное, bašjàn.

693 (*worstъ̀ˢ *) pulvìɳ ˢγòr [1]). Aɳzàt, kór to-э-kúxano, nì-a-raspá-
rajʘ, aɳzàt nì-a-lóžьjʘ tòw-košè; aɳzàt nì-a-pródajʘ kowáčʘ,
694 k-oɳˢ (k-oˢ) ǯeljézo ˢpurgáwa ànu djèla. O-djèla lopátэ wòž
-ǯeljéza; aɳzàt ó-ɟe-mjétь štíri zváncikэ óli štíri fránkэ za-dnó
-lopátʘ; — ànu pьkòna ànu matìkэ anu spíŋakэ. Tò-jэ twó, *kè*
695 ni-wórtajʘ dáskэ (*xlódэ*). Nε-zwártajʘ (*-zwórtajʘ*) čàsi;
aɳzàt nε-lóžijʘ ždrēbьj, šэ kák cvekèɟ, kòr to-njé (*-nì*) ždrébja.
696 Aɳzàt né-zatowčó (*-zatowkó*) z-màjaɳ. Aɳ *gwáj* ɟe nε-dadó
dòw-mьz-dàɳ (*dam*)-pálac; ɟé-a-sfrakuɟàtь (*-zméčkatь*)
ólipòr zmũškatь.

697 Mòš o-jíme dostъ̀ leŋàt. Majó dàm-bakэ̀t (*-xlót*) drenòw òli
wòz-drjéna, aɳzàt nε-mu-petájʘ (*-petáwajʘ*) dòw-mьz-ũxa,
698 [*olipàj dòw-mьz-xŗbát,*] olipàj a-xréstajʘ. Čàsi o-ũli, kòr
o-ré po-pótь; čàsi o-pazdì zá-fadíjʘ, óli k o-ma *màsa* pèza
[*téško*,] óli ko o-učí *màsa*, óli za-káko-rjèč.

---

693 имѣют его зажеч и посыпать порохом [1]). Затѣм, когда это сварится, его распарывают (раздирают) и кладут его в корзины; затѣм продают его кузнецу, который желѣзо чистит и дѣлает (приго-
694 товляет). Он дѣлает лопаты из желѣза; затѣм он получит четыре «цванцики» или четыре франка за одну лопату; — и [дѣлает тоже] кирки, мотыки и буравы. Это то, чѣм просверливают (пробурав-
695 ливают) доски (деревья). Иногда пробуравливают; затѣм кладут (вколачивают) гвоздь, даже какой-нибудь гвоздочек (гвоздик,
696 штифтик), если нѣт гвоздя. Тогда заколачивают молотом. И бѣда, если ударят по пальцу; это его раздавит (сплющит) или же размозжит.

697 Осел получает довольно (много) палок (ударов). Берут палочку дереновую, то-есть из дерена, и тогда бьют его по ушам,
698 или по спинѣ, или же хлещут его. Иногда он ржит, когда идет по дорогѣ; иногда он бздит от утомленія, или когда у него слишком много тяжести, или когда он бѣжит слишком скоро, или по какой нибудь другой причинѣ.

1) Не совсѣм ясно.

699 Nancwój màɳ-jьtь̀-spȁt àɳ je-màɳ pjètь aɳ sə-rakomandȁtь
700 Bóꙫ ànu svétĕ-Marȉjь. Zjútra maɳ-wstàtь zwóda aɳ má-(*màɳ-*)
jьtь̀ tòw-xóst; šè k-o-bő́di mràs, *antànt*·màɳ-jьtь̀.

701 Já-saɳ-vȉdъw náa-zȅca z-ű́xe, ànu pàs ó-učъw za-ŋèɳ.
702 Ànu ó-sə-wstáwъw čȁsi àɳ o-sə̀-olédъw, ɟ-oɳ-ré pàs [*za-ŋèɳ*];
á ɟ-o-vȉdъw, kь̀ o-ré pàs, o ó-učъw (*ò o-účow, o-bjéžów*),
kè ɟь-(*sè-*) to-bó šè *trižínte* pьcȅ-aɳ-pьcȉc (*pьcȅ ale pьcȉc*),
703 nì ní-sꙫ-a-jȅlь. Néj-sə-a-jíme aɳ nej-s-a-snjè (*nej-sə-a
704 -snjè*), kь̀ ja a-nə-mérkaɳ tòw-zȍbə. Mь̀-nə-stő́rijꙫ gólə, šè
k-o-bь-ȍéw ròšt, obéjəɳ špwǿjꙫ áninu z-grȁsaɳ ot-pòwxa òli
od-míše òli ot-pantijȁnə.

705 Jázbac o-jjé panȍlə, aɳzàt ò-jə šə̀ vesə́rjə (*vesə́rjə*); čȁsi
šə̀ pazdȉ, čȁsi ò· šə ·spȉ, a čȁsi ò-ležȉ; aɳzàt to-bježȉ.

706 Lesȉca aɳ lesják ni-xȍdijꙫ té-za-tjéɳ. Lesíca na-xȍdь za
-zȅcaɳ.

707 Pàs o-ónь rȅp, kǿr o-vȉdь pьcȉcꙫ.

---

699 Сегодня вечером я должен идти спать и я должен молиться
700 и поручить себя Богу и пресвятой Богородицѣ. Завтра я должен
встать рано и идти в лѣс; хотя бы был мороз (хотя бы было
холодно), все таки я должен идти.

701 Я видѣл одного зайца с ушами, и собака бѣжала (гналась) за
702 ним. И он останавливался по временам и оглядывался, бѣжит-ли
за ним собака; и когда он видѣл, что собака бѣжит, он гнался так
быстро, что еслиб было даже тридцать кобелей и сук (кобелей или
703 сук), они бы его не поймали. Пусть его поймают и пусть его
704 съѣдят, если мнѣ он не попадет на зубы. Он не возбуждает во
мнѣ апетита (алчности), еслиб даже он был зажарен и приправлен
с маслом или же с жиром сони (суслика) или мыши или крысы.

705 Язвец (Барсук) ѣст кійки кукурузы, затѣм он их высерет;
иногда он бздит, иногда спит, а иногда лежит; затѣм бѣжит.

706 Лисица и лиса-самец ходят одно за другим. Лисица ходит за
зайцем.

707 Кобель «гонит» («везет», подымает) хвост, когда видит суку.

708 Čèp [1]) ò-o-wláči máčko za-rèp.

709 Pádo [1]) ò-sc› *símprъ* ‹dàja *korádo*; o-mà nò-kozò, *ke* ò-jej -odletòw daŋ-sès.

710 Éjŋe na-ré na-mláda po-wódo, kь na-sь-perə̀ (*-perə̀*) nóə. Aŋ *símprъ* nà-jə-perə̀, aŋ spé na-príde kráŋa òr-mъz-nóə.

711 Lumìŋ oŋ-mà daŋ-iŋvìt, k-o-óni wòkъw; tò-sə-užgə̀ z-nìŋ -folmináŋtaŋ.

712 Já-saŋ-stàw òt-pownə́-(*ot-powná-*) òr *fí*-ŋelə̀; éjŋe nà -paršlà nwòjt, só-užgàlь lumìŋ oli (*àle*) lúč.

713 Ospodìŋa na-mà-osolìtь obə̀t anu večə̃rjo ànu jū́žino, *kwa-lúnko*-rjèč-*kè-si-sə́j*, *kè* na-bódь slána (*aŋ wsáko-rjèč, *kè* -na-koventá, *kè*-na-bódь slána*).

714 Xrū́statь zobàmь. O-xrústa polénto aŋ koràŋ àŋ oblícə àŋ oràxə (orjéxə), tьkə̀j dnò, koj drūo.

715 Tjé-u-Karnícax o-jə̀ daŋ-nòr, *kè*-so-a-zvezàlь wráta z-nó-ǰedèno; nì-mo-néǰejo› *mə̀j* ‹naátь veljéstь-wòŋ.

---

708 Чеп [1]) тащит кошку за хвост.

709 Падьо [1]) всегда храбрится; он имѣет козу, у которой отпал один сосок.

710 Ныньче идет за водой одна молодая, которая моет себѣ ноги. И всегда она их моет, и опять дѣлается грязна на ногах (между ног).

711 Фонарь имѣет фитиль, который вертится кругом; он зажигается спичкою.

712 Я стоял (сидѣл) с полудня до сих пор; ныньче пришла ноч, зажгли фонарь или свѣчу.

713 Хозяйка должна осолить завтрак и ужин и обѣд, всякую вещ, всякое кушанье, которому слѣдует быть соленым.

714 Хрустѣть (разгрызать) зубами. Он хрустит (грызет) поленту и морковь и рѣпу (?) и орѣхи, как то, так и другое.

715 В Карницах живет сумасшедшій, котораго привязали к дверям цѣпью; не позволяют ему никогда выйти из дому.

[1]) Собственныя имена, прозвища или фамиліи.

716 Éjŋelə̀ o-šòw čelòŋ, brončèɉ, [*jə-òwčow, k jə-bìw xût,*] wòŋ-mъz-ŏro, k o-šòw djéluɉ-šuŋšûr, tej-bòt; azàt o-šòw (ə-šòw) obût. [1])

717 Télə ó-daŋ-(*o-jə̀ daŋ-*) dóbar làpъš.

718 Šéznāst-ljét (**šédiš-áŋ*, *šédiš*-ljét*) jə-màŋ. Znáŋ bràtь, ***ma nóme*** tó-štampáno; ne-znáŋ pisàtь, ne bràtь té-kor-jə̆-(*tè-k-jə-*) písaŋ. Saŋ bwőžac (*bwőžac*) ta-dőma (*tàpr̥-xíše*).

719 Ò-kapí kə̀j po-slovéjske, ***ma*** sówse nə̀. Te-stàrь Doléŋənь ní-so-ɉəkəràlь po-slovéjskeŋ, ***ma*** pótiŋ nì-so-čûlь ɉəkəròɉ là-ške, só-sə-nazábьlь ɉəkəràtь po-slovéjskeŋ.

B. Тексты, записанные в 1901 г.

B. Die im J. 1901 aufgezeichneten Texte.

№№ 720—741 записаны мною со слов Людовика Штурмы по прозв. Дьерважино (Štúrma (Štúrrma) Luíǵi dèto Ɉervažíno), 40 лѣт, при участіи Валентина Матвѣевича (сына покойнаго Матвѣя) Мауро по прозв. Чеп (*Mauro Valentino fu* Matíja *detto* Čép), 66 лѣт. №№-ами же 742—745 я обязан Людовику Пиконѣ

716 Ныньче пошел (полетѣл) шмель, жужжа; он быстро летѣл, потому что был сердит; [он поднялся, взлетѣл] вверх, он летѣл дѣлая шум (шумя), как пугач (филин, сирин); затѣм он шел обутый (?). [1])

717 Это хорошій карандаш.

718 Мнѣ шестнадцать лѣт. Я умѣю (могу) читать, но только печатное; не могу писать, ни читать писанное. Я бѣдняк дома (Я от бѣдных людей).

719 Он понимает кое-что по-словѣнски, но не все. Старые (Прежніе) Доленяне (жители нижняго приселка, нижней Черней) говорили по-словѣнски, но послѣ они слышали рѣч фурланскую и забыли говорить по-словѣнски.

[1]) Во всем этом мало смысла; может быть, здѣсь игра слов: čelòn «шмель» и Čelòn «Челон» (собственное имя). Ср. № 739.

по прозв. Сигýр (Pikòŋa Víǵi Suűr) (*Picogna Luigi detto Sigur*), 43 лѣт, из приселка Поддубье (Podóbjə, *Sotto Peccole*). Раньше он был волостным совѣтником волости Нимис (*Nimis*) (koŋsəjə̀r tù komúne Njémske), но сложил с себя эту должность по болѣзни (см. №№ 744—745).

Разныя сообщенія и разговоры. (Verschiedene Mitteilungen und Erzählungen).

720 Svéta - Maríja - Madaléna jè u - ti - doléŋi - Černéi, svéta - Troíca tòw - Dóbje, svéti - Jákop tòw - Černée.

721 Dvje úre xódà (xodà, xóda) za - itè òrŭ - (òrъŭ -) Platíšća.

722 Komùŋ Njéme: I. Fracjòŋ Černéa oréŋa — bòrke: 1) Otòk = Atòk = Ótok (Ótòk), 2) tápr̥ - Cjérkve, táza - Cjérkve, 3) Oríca, 4) tàna - Frúškuje, 5) tjé - par - Šimónax, òr - par - Šimónax, 6) zàt *bòrgo* Láze, 7) tána - Rúpe — jè na - sáma xíša, se-klíče Rúpa, 8) aŋzàt je Oréŋĭna (*Nongruela*), 9) tàna-Kráse = òr - za - Rjéke, òr - za - Rekámь, tàŋ - za - Rjéke, 10) tàna - Bórko,
723 11) tàna - Burjáčo. Djémo kuj táko, kuj sáko: tikə̀j tàza - Rjéke, tikə̀j tàza - Rekámь.

---

720 Святая Марія Магдалина находится в нижней Чернеѣ, святая Троица в Дубьях, святой Іаков в Чернеѣ.

721 Два часа ходьбы чтобы прійти в Платища.

722 Волость (комун) Нѣмы (*Nimis*): I. Фракціон (община) верхняя Чернея — приселки: 1) Оток, 2) у Церкви, за Церковью, 3) Горица, 4) на Фрушковьѣ, 5) у Шимона, у Шимонов, 6) затѣм приселок Лазы, 7) на Рупах — одна только хата (только один дом), называется Рупа, 8) затѣм Горѣньина, 9) на Красѣ = за Рѣкою, за Рѣками, 10) на Боркѣ, 11) на Бурьячѣ (на Каш-
723 тановьѣ). Говорим и так и сяк: как за Рѣкою, так и за Рѣками.

724 II. Fracjòņ Pekòle = Dóbjə: 1) te-pàrvi bòrk jè Pòddóbjə, Podóbjə, 2) zàt je Dóbjə, 3) zàt je Potkobílica.

725 III. Fracjòņ Konolèɟ (*Vallemontana*) — jè daņ-sámi bòrk.

726 IV. Fracjòņ Doléŋa-Černéa (— *borghi*): 1) Viɟáwnica, Vìɟawníca (*Guancis*), 2) tu Málne (*Mulino*) = tòw-Bródo, bòrk tu-Málne, 3) tréŋɟi — doléŋa Černéa, 4) tàpo-Cr̥kuju.

727 ¿Kòj-za-na komùņ ə̀?

728 Tòw-Doléŋi-Černéi ɟakarájo sòws^{i}i (sòwsji) láške; t^{i}è-na-Vi-
ɟawníci ɟakarájo no-málo láške anu málo slovéjske; tòw-Bródo
729 je wsè láške. Tòw-Konolíɟu në-ɟəkərájo sòws^{i}i láške; tò-jix-jè,
730 *ke*-znájo šè slovéjske. T^{i}è-u-Torláne ɟəkərájo sòws^{i}i láške; t^{i}è-u
Romándule ɟəkərájo tekèj láške, kò slovéjske, tèj pr̥-nàs.

731 Kar pride wšjéčeņ, réšta čúška, a čúška zàt špoženə̀ vèɟ mé-
732 nulə alpàj vəɟ xlodé; aņzàt sə-klíčə àrm. Daņ-sàm xlót sə-klíčə
pidàl, nej bo té-ljés k-o-ɟə̀; àrm, k-o-špožənə̀ vèɟ, zàt sə-klíčə

---

724 II. Община Пеколе = Дубье: 1) первый приселок Поддубье, 2) затѣм Дубье, 3) затѣм Подкобылица.

725 III. Община Каналич — один только приселок.

726 IV. Община Нижняя Чернея: 1) Витявница, 2) в Мельницѣ = в Бродѣ, приселок в Мельницѣ, 3) третій — нижняя Чернея, 4) под Церковью.

727 ¿Что это за волость (комун)?

728 В Нижней Чернеѣ всѣ говорят по-фурлански; на Витявницѣ
говорят немного по-фурлански и немного по-словѣнски; в Бродѣ
729 все фурланское. В Каналичѣ всѣ говорят по-фурлански; есть
730 там и такіе, что знают тоже по-словѣнски. В Торлано (*Torlano*)
всѣ говорят по-фурлански; в Романдулѣ (*Romandulo*) говорят
как по-фурлански, так и по словѣнски, как у нас.

731 Когда его [, росток,] срѣжут, остается пень, и затѣм пень
выпускает из себя болѣе (нѣсколько) стебельков или деревьев;
732 и тогда он называется кустом. Одно дерево (Один росток) назы-
вается стволом (побѣгом, стеблем), все равно какого лѣса (ка-
кого вида деревьев); куст, когда выпустит из себя больше, тогда

733 ą̀rm. Valìk, zrastǝ́-šə, zrástə. Zrastə̀, kar jə-finòw; rastə̀. O-rastə̀, k-ò-ženə̀; a zdrástow to-prídə ḑátь, k-o-nòw, aṇ k-o-jə̀-pŗšòw valìk [1]).

734 Ne-bódem-mòw nìč.

735 Tò-*kь*-(*kε*-) réšta od-bór, kàr uásnejo, sə-klíčə wòwjə.

736 Tьkə̀j táko, kòj sáko.

737 Mí-zledúwamo po-láško, *mà* známo šə̀ slovéjsko, krájnsko zledúwatь.

738 Pojemő láško, wsè láško pojemő.

739 Béštja brunčí, *ma* nə̀ človə̀k; nə̀ brunčí človə̀k. Brunčí tavàṇ aṇ čəlòṇ. [2])

740 Maṇ stràx, *kè* na-príde slába-úra.

741 Svjét jə dóbər: tlə̀ príde razdòwja, prídə búrja aṇ sjérak.

---

733 называется кустом. Большой, выростет еще, выростет. Выростет, когда уже кончил [рости]; ростет. Ростет, когда выпускает из себя; а вырос значит, когда он «гнал» (поднялся вверх) и когда сдѣлался большим [1]).

734 Не буду имѣть ничего.

735 То, что остается от жара (от раскаленных углей), когда он потухнет, называется уголья.

736 И так и сяк.

737 Мы считаем по-фурлански, но умѣем считать тоже по-словѣнски, по-крайнски.

738 Поем (Молимся) по-фурлански, все поем по-фурлански.

739 Животное жужжит, но не человѣк; человѣк не жужжит. Жужжит слѣпень (овод) и шмель. [2])

740 Боюсь, что прійдет гроза.

741 Почва хороша; здѣсь родится виноград, родятся каштаны и кукуруза.

---

[1]) Ср. №№ 636—647.

[2]) Ср. № 716.

742 Žétŋaka, avóšta àn o-páske pojó májšo, sə̀-pojə̀ májša tə̀w -cjérkve ot-šantíšimi-Trinitádi.

743 Nè› šə ›kapí «trōíca», *ma* nà-ŋjé náša besjéda.

744 Prjét-ku-ŋelə̀ ò-je-bìw fabricjér ot-čərnéjskix-cjérkow: ò-počŋə̀w z-nóviŋ-ljétaŋ òd-*otànta-sjèt* àŋ o-veljézow (-pústow) *dàl-nanánte-sìs*, — aŋ wsə̀ *kòlpa*, k o-jə̀-zabolə̀w.

745 Sə̀ŋ-sə-stwóru *dal-činkwə̀ntə-vòt*, te-dáŋ na-svéti-Barnabà, k o-príde *aj-úndiš di*-jòŋ (-jòŋŋ).

---

742 В іюлѣ, в августѣ и на Пасхѣ поют (читают) обѣдню в церкви Святой Троицы.

743 Понимают здѣсь еще слово «троица», но это не наше слово.

744 Раньше он был старостой чернейских церквей: он начал (вступил в должность) с новым годом 1887 и вышел (оставил должность) в 1896 г., — и единственно только по причинѣ болѣзни.

745 Я родился в 1858 г., в день святого Варнавы, одиннадцатаго іюня.

XVII. Чянёболя. (зaŋėbola) (Canebola).

Тексты, собранные в 1873 г.

Die im J. 1873 aufgesammelten Texte.

Разсказчик: кажется, Іосиф сын покойнаго Антона Конт по прозв. Бортоль (*Giuseppe Cónt fu Antonio detto Bórtol*). Рядом с ним значится в моих записях еще двое других: Іоан Іосифович Файдутти (*Fajdútti Giovanni di Giuseppe in Canebola*) и Іосиф Іоаннович Сукко (*Succo Giuseppe di Giovanni*) («с рыжею бородой»). О №№-ах 746—754 сказано в моих записях: «до сих пор все сомнительный говор».

Анекдотическіе разсказы. (Anekdotische Erzählungen).

1.

746 Óŋ̨-je-pr̨̥šù téle člověk tù-Černiwr̥̀x, óŋ̨-jьx-jè-ŭprāšù, al
747 -jímajo dóbre skjȅre, dè-bi-wsjékli no-búkwo dòw-xȍst. Kàr so-wsjékli téle-xlȍt, óŋ̨ se-njému˛ od-ŋ́éx ˛odločȉt; ón-ьŋ̨-je

---

746 Этот человѣк пришел в Черный Верх, он их спрашивал, есть-ли у нихъ хорошіе топоры, чтобы срубить в лѣсу один бук
747 (буковое дерево). Когда они срубили это дерево, он не мог от-

748 - stwóru wréȷȷ - dòw tístь - xlȍt. Óŋ - jьŋ - jàw: «púȷmo na - drúγo
749 - mèst». Ón - ɔ - réku: «púȷmo - dòl na - tó - sьnažèt». Tám je - ušáfu nó - kopó senȁ; àŋ je‹ wsácьmo ‹vьdьru nu - málo senȁ, dèb - bli
750 - lwóžli‹ lȁu ‹nótr̥. Kȁr so - lwóžli‹ lȁu ‹nótr̥, óŋ - je - šù po - ŋéγa
751 -pȍt. Je - bìw aŋ - tȁt, aŋ - lári. Antadȁ s - je - stwóru - dȁt ot - télix - mladénču nò - oblačílo γwánta nóveγa, de bó - mu mwóȷ, zá - se‹
752 s - xudíȷaŋ ‹máγat, nóve šwólne aŋ cjélo oblačílo γwánta. Ón - jь -je narédu jámo tù - kopó, áŋ jьŋ -je-stwóru stȁt, tí koŋéŋ tù-pr̥
753 - jȁslьx, z - lawő nótr̥ - w - sèni. Áŋ so - stȁli *sȁlt* tùw - sèni òt - prednéŋ do - desétь - ȕre. Ạb - deséti on - njéso - móγli‹ vìȷ ‹stȁt
754 nótьr̥ - w - sèni, k̑ íx - e‹ sónce ‹žγȁlo. Kòr so-vьteγnìl‹ γlȁu ‹wòŋ, njéblo nè sówde, njéblo nè možá, nè xudíȷa.

2.

755 Je - bìw - pȁršù an - mùš s - Subída tù - Ťeŋébolo, je - pàršu tù -Ťeŋébolo préd - no - kìšo nè-dwóvɔ, kь tále-dwówa je-mjéla dvje

---

дѣлиться от них (он не мог их оставить); он их заставил опустить
748 (бросить) вниз это дерево. Он им сказал: «Пойдем-те на другое
749 мѣсто». Он сказал: «пойдем-те вниз на этот луг». Там он добыл (нашел) копну сѣна; и каждому из них вырвал немного сѣна,
750 чтобы они воткнули туда голову. Когда воткнули туда голову,
751 он пошел своей дорогой. Это был вор. И тогда (И вот) он велѣл этим юношам дать ему пару новаго платья, чтобы он имѣл силу, бороться с чертом, [он велѣл дать себѣ] новые башмаки и цѣлую
752 пару платья. Он им сдѣлал яму (дыру) в копнѣ и велѣл им стоять
753 (оставаться), как лошадям у яслей, с головою в сѣнѣ. И они оставались так спокойно в сѣнѣ с разсвѣта (с ранняго утра) до десяти часов. В десять часов они не могли больше оставаться в
754 сѣнѣ, так как их жгло (жарило) солнце. Когда они вытащили головы, не было ни денег, не было ни человѣка, ни черта.

---

755 Пришел-было осел из Субида в Чянеболю, он пришел в Чянеболю перед избу одной вдовы, у которой были двѣ дочери не-

756 -xȷ̑ə̀ri na-žəmbo. Sò-pr̥šlì trí-pwóbi zá-jitì-uwás tú-tole-kìšo.
757 Potlə̀ ušáfajo pret-kìšo téleγa-múša, *ke*-γléda nót-u-kìšo, kь
758 -γléda čes-práx nótь-u-kìšo z laó́. Ádanٖ télьx-pwóbu se palwȍž zá-γa-nə̀st po-ljésn̥cax w-sjéno nótr̥-u-tablàt téle-dwóve.

759 Potlə̀ stají na-víljo svétьγa-Jȕrja, na-dán̨ pret-svétin̨-Jȕrjan̨.
760 Potlə̀ cjélo-nwȍȷ je-bìw nótr̥ tú-tablȁde, je· sə́no ·jèdu.

761 Z-jútra na-dán̨-svétьγa-Jȕrja tále-dwówa γa-jè-ušáfala
762 téleγa-múša, kí-jedu sə́no. Onà-mo-jĕ-jála: «Sòn-te· zadȍst ·redíla da-svétьγa-Jȕrja jàst; sădà se-prevídь, kjer móreš».

763 Potlə̀ ženà njé-moγlà γà-vьnăt sáma.

---

756 вѣсты. Пришло три парня волокитствовать (ухаживать за дѣ-
757 вушками) в этой избѣ. Затѣм они нашли перед избой этого осла, как он глядѣл в избу, как он глядѣл (торчал) головою через по-
758 рог в избу. Один из этих парней взялся снести его (этого осла) по лѣстницѣ на сѣно в сѣновал этой вдовы.

759 Послѣ он [там] стоит на канунѣ святого Юрья, в день перед
760 святым Юрьем. Послѣ всю ноч он был в сѣновалѣ, ѣл сѣно.

761 Утром в день святого Юрья эта вдова нашла (попала) его,
762 этого осла, как он ѣл сѣно. Она ему сказала: «Я тебя довольно кормила до святого Юрья; теперь ты хлопочи о себѣ, гдѣ можеш».

763 Затѣм женщина не могла одна его выгнать.

XVIII. Мажароли (Mažarwòla) (Masarolis).

Тексты, записанные в 1873 г.

Die im J. 1873 aufgezeichneten Texte.

Главный и почти единственный разсказчик: слѣпой и хромой, 67-и-лѣтній старик, Матвѣй Дорболо по прозв. Буцилай (Matíja Dorboló, Dr̥boló, tápr̥-Bucыlájo, Bucыlàj). Впрочем нѣкоторые №№ в «Разсказах, сообщеніях, объясненіях и т. д.» (№№ 873—1025) происходят тоже от нѣскольких других лиц.

1. Миѳ о пяти пальцах. (Mythus über fünf Finger).

764 Pr̥̀st: páwac, mazínac, te-sr̥̀čnь-pr̥̀st.
765 Téle ə-jàw: «jéjmo kí». Téle ə-jàw: «¿kí ćmo-jjèst?» Téle
ə-jàw: «mátьre skríŋo zderìmo». Téle ə-jàw: «pájĭ te-mál povjé».
766 Te-mál ə-jàw: «čè povjéŋ, *mári* (*maγári*) *máj* vénč na-bìw».
Za-twó ə míckaŋ, zák ə-bìw povjédu mátьre.

---

764 Палец: большой палец, мизинец, средній (третій) палец.
**765 Этот сказал: «съѣдим-те кое-что». Этот [второй] сказал:
«¿что будем ѣсть?» Этот [третій] сказалъ: «взломаем-те материн
ящик (сундук)». Этот [четвертый] сказал: «но этот малый ска-**
**766 жет (выдаст)». Малый сказал: «если скажу, так пусть я не буду
больше (пусть я не выросту больше)». Потому он и маленькій, что
сказал матери.**

2. Шутка в стихах. (Scherz in Versen).

767 Komàr aŋ múxa stá-plesàla; komàr sə-ujézu, mùx koljéno
768 otrúplu; múxa sə-steγnìla, bábe loncè pobìla. Múxo so-potkopàl,
aŋ wsì judjè so-jó-jokàl. *)

3. Разсказы-анекдоты. (Erzählungen-Anekdoten).

1.

769 Ə-bìw əŋkràt dàŋ, ə́-biw-šù kràst wóǰe.
770 Aŋzàt sə-šù-spovjèdat; aŋ téle spovednìk γà-ə-bìw-obdužìw,
771 dè mo-jíma-dàt an-tóler, če ǰé, de γà-ošólva. Téle-tàt ə̀-uzèw
aŋ-tóler wòn-z-γajófe àŋm mo-γa-ə̀-začèw-dajàt skwózь
772 tíste željézo, *kə̆* é-predr̥̀to, kь sь̀-spovjéda skwózь ŋwȍ. Zàt tóler
njému-pasàt skwóze. Téle spovednìk mò-ə-jàw, de «okwóle dḗm
773 tóler». Téle tàt mò-ə-jàw, dè «če sam-biw-šù-okwóle, sam

---

767 Комар и муха танцовали; комар разсердился, мухѣ колѣно
768 переломил; муха растянулась, бабѣ горшки разбила. Муху похоронили, и всѣ люди по ней плакали.

---

769 Однажды был нѣкто, он пошел красть гусей.
770 Затѣм он пошел исповѣдываться; и этот исповѣдатель (духовник) потребовал с него, чтобы он дал ему талер, если хочет,
771 чтобы он его разрѣшил (ему отпустил грѣхи). Этот вор взял талер из кармана и начал ему подавать его сквозь то желѣзо продыравленное, сквозь которое исповѣдываются [т. е. через рѣ-
772 шетку у исповѣдальни]. Тогда талер не мог сквозь пройти. Этот
773 исповѣдатель сказал ему: «кругом дай мнѣ талер». Этот вор ска-

*) Этот отрывок (№№ 767—768) был помѣщен мною во «Фріульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1878», стр. 58.

774 - bìw⸗ túde ə̀st ⸗ukrȁdu wóȷe». An tóler ə - lwóžu spè tù - γajȍfo, àn̨ ə - šù damȕ.

2.

775 Sta - blà dwá - tatȗ əɷkràt, àn̨ sta - blà - ukrȁdla γorjéxe, àn̨
776 sta - šlà tjé - u - nò - ćjȅrku, kь̀ njesó⸗ še - blì - šlì spȁt judjə̀. Sə̀ - γodílo, dè - pr̥šù téle mə̀žnar zwanít no - úro noȷí. Ə - ču téleγa, *kə* ə̀ - jjȅdu γorjéxe tàn̨ - u - ćjérkve; ə - šù fámoštro prȁvьt, dь̀
777 tàn̨ - u - ćjerkvè jjé kostí nьkí. Zȁt téle fámoštr̥ ə - bìw čwótast, an̨ mə̀žnar γà - ə - klícu, dè nej - γré ž - ŋìn̨, dь̀ bó - vȉdu, ká ə tȉste.
778 Téle - drúx - tȁt ə̀ - biw - šù pó - an̨ - špèx. Prjét - ka ə - pr̥nə̀su špèx
779 tȁt, ə̀ - pr̥nə̀su mə̀žnar fȁmoštra. Te - drȗx, *kə̀* - ə - jjȅdu γorjèxe, kȁdr̥ ə - čù, dè nьsȅ, ə̀ - pen̨sù, dè - nьsè spèx; mò - ə - jàw: «¿ál - γa
780 - nesḗš? ¿ál - ə debù?» Tískr̥t fámoštr̥ ə̀-skočù dú - z - mə́žnarja, àn̨ sta - letjéla dàn̨ - bùj - ku - te - drȗx, an̨ njébiw vìȷ čwótast tènčas.

---

774 зал ему: «еслиб я обошел кругом, я бы тоже украл гусей». И, положив талер обратно в карман, ушел домой.

---

775 Однажды были два вора, и они украли орѣхи, и пошли в
776 церковь, когда люди еще не ложились спать. Случилось, что понамарь пошел (отправился) звонить (отзванивать) час ночи; он услышал того, что ѣл орѣхи в церкви, и пошел сказать [приходскому] священнику (батюшкѣ), что в церкви кто-то ѣст кости.
777 Затѣм этот священник был хромой, и понамарь звал его, чтобы
778 он пошел с ним посмотрѣть, что это такое. Тот другой вор отправился за салом (за ветчиной). Прежде чѣм вор принес сало
779 (ветчину), понамарь принес священника. Тот другой, ѣвшій орѣхи, когда услышал, что несет, подумал, что несет сало; он сказал
780 ему: «¿несеш-ли его? ¿толст (жирен) ли он?» Тогда священник соскочил (спрыгнул) с понамаря, и они бѣжали один лучше другого, и тогда он не был болѣе хромым.

3.

781 No-ljéto sam-bìw tàŋm-ŭ-Bernàse, əst an še-dàŋ, àŋ sma
782 -blà ob-nwóȷ tà-pr̥-dni-xìš, aŋ náj so-djél spàt. Potlè-kь smo
-povьčə̀rjala, mo-príde mújmu-kompàŋo tjé-po-noȷè zá-jitì
783 sràt, aŋ njému kàŋ ití. Saŋ-γa-poslù dŭ-xíšniŋ-wrátaŋ, dь̀ nej
-γré-wòŋ; àŋ njému otprjèt wràt, ə̀-pr̥šù γór-x-menè àŋ ə-jàw
784 upàš: «¿ki ȷóŋ-stwòrt? na-móreŋ otprjèt wràt». Ə̀st-mo-səŋ
-jàw, dь̀ «tù-klabŭk póserjí-se». Э-mù aŋm-pìŋast klabŭk.
785 Zàt ə-začèw mučàt, ə̀ŋ sə-ə̀-posrù tù-facòw. Aŋzàt mə-pr̥šù
786 pràvьt, dь̀ jo-ə̀-iŋžeŋù. Mò-səŋ-jàw, dь̀ kakwó. Э-jàw, dь̀ «saŋ
787 sè-posrù tù-facòw». An drúγdą, kàr sma-ustàla, γà-ь-nə̀su tjé
-u-patòk, ko nó-sjèršče, tu-pèst, tù rōkàx tà-ot sebə̀.

4.

788 Aŋkràt smo-blí-γnàl nò-prasè dùw-Čidàt γóre(?) Púpla-Matìj.
789 Àn doljè smo-blì-šlì táx-ráncemo-Čwòto ob-nwóȷ. Àt smo

---

781 В одно лѣто я был в Бернасѣ, я и еще один, и мы остались
782 ночевать в одном домѣ, и нас уложили спать. Послѣ ужина ночью
моему товарищу захотѣлось идти срать, и не имѣл куда идти (не
783 мог найти выхода). Я его послал к дверям дома, пусть идет
вон; и (но) он не мог отпереть дверей, пришел (вернулся) ко мнѣ
и сказал шепотом: «¿что мнѣ дѣлать? не могу отпереть дверей».
784 Я ему сказал: «высерись в шляпу». У него была горшкооб-
785 разная (?) (?глубокая) шляпа. Затѣм он замолк и высрался в платок. И тогда пришел мнѣ разсказать, что помог себѣ (придумал
786 средство, как выйти из затрудненія). Я его спросил, как. Он ска-
787 зал: «я высрался в платок». На слѣдующій же день, когда мы
встали, он понес его к потоку, точно кукурузную солому, в горсти
(в кулакѣ), в руках проч от себя.

---

788 Однажды мы повели поросенка в Чивидале, [поросенка] Пупла
789 Матвѣя (?). И там мы пошли ночевать к покойному Чоту. Здѣсь

-povьčə̂rjal àŋ potlè nàs-so-pejȁl spȁt γorȉje u kámbre; ə-blwó šè
790 pastȅj. Aŋ só-mjȅl wadó naprȁwjeno za-pȉt àŋ za-se-umȉt druγ
791 -dáŋ. Smò-pr̥šlì-γór. Tàŋ-u-tísteŋ-bokalóne ə-blà wadà, aŋm
792 Púpel-Matíja sə̀-poscȁw tù-tísto-wadó. Ə̀-pr̥šù dau-drȗx, làx,
ə̀-pokúsu tísto-wadó, ə̀-začȅw preklinȁt àŋm bleštemȁt. Ə̏st-səŋ
793 -sè-smejȁw. Potlə̀ mò-se-tjélo spȅ scȁt télemo Matȉj; ə-šù àŋ
794 ə-otprù škȗre tà-na-woknè, àŋ sə-poscȁw dú-na-bȍrx. Ə-šù
aŋ-láx γór-po-bȍrze, àŋ mo-sə-ə́-poscȁw dú-po-γlȁvь. Aŋ-
zát téle-láx ə-šù bleštemáje γór-po-bórze.

5.

795 Ə-bìw aŋ-fámostr̥, kə-bìw aŋm-vəlь̏k-wóxr̥nьk, àŋ ə-mù
796 no díklo, *kə* γa-ə̀-učíla stȁt brez-jjȅst. Àŋ mo-ə̀-začéla-dajȁt
wsákь-dáŋ po-málo jjȅst, aŋ wsákь-dáŋ màŋ, dь tákwo ə̀ pr̥šlwò,
797 dь̏ mo-njé-dajála-nь̏č. Əŋ tákwo nь-málo-dnȉ ə stȁw; potlə̀

мы поужинали, и послѣ этого нас повели на верх в спальни;
790 были еще [свободныя] кровати. И у них была вода приготовлена
для питья и для мытья на слѣдующій день. Мы пришли туда.
791 Там в этом кувшинѣ была вода, и Пупел Матвѣй высцался в эту
792 воду. Пришел другой, фурлан (фурлянин), попробовал этой воды
793 и начал браниться и ругаться. Я смѣялся. Послѣ ему опять захотѣлось спать, этому Матвѣю; он пошел, открыл оконныя жа-
794 люзи (ширмочки, ставни) и высцался на двор. По двору шел один фурлан, и он насцал ему на голову. И тогда этот фурлан шел по двору ругаясь.

---

795 Был один приходскій священник, который был большой скупец, и у него была служанка, учившая его оставаться без
796 ѣды. И она начала каждый день давать ему все меньше ѣсть, и каждый день меньше, так что наконец дошло до того, что не да-
797 вала ему ничего. И так он оставался нѣсколько дней; послѣ ли-

798 ə-zúbu besjédo, njému⸗ vìſ ⸗γwarìt. Tiskràt díkla ə-šlà pó-možè,
799 dь̀-ji-stȍr teštamènt. Kàr so-pr̥šlì možjé, ə̀-začéw-kazàt tjé-u
800 -díklo, dь̀ onà-ə káwža, kь̀ na-móre γwarìt. Tiskràt díkla
ə-jála, dь «sь̀da mь-púšča menè ŋeγá-blaγwó». An tákwo so
801 stwórlь teštamènt díklь. Aŋ fámœštr̥ ə̀-umrù za lákoto, potlə̀-*kə̀*
γa-ə-blà-nawádьla stȁt brez-jjèst.

6.

802 Ə-bìw dàŋ, kə̀-jimù dneγà-koŋà, àŋ γa-ə-tù-nawádьt stȁt
brez-jjèst. Dь tákwo donàs mo-njédaw-jjèst, jútre mo njédaw
803 jjèst. Kòŋ sə-ə̀ začéw-smejȁt tám-pr̥-jàslьx. Dь tákwo mo-ə̀-j
804 -živìw (mo-ə̀-živìw) ósaŋ-nì; potlə̀ mo-ə̀-krepù. Potlə̀ mə̏š
ə-jàw: «sьdà, kь̀ sə-bìw-nawádu stȁt mwoj-kòŋ, ə̀-ukrepù». *)

---

798 шился слова, не мог болѣе говорить. Тогда служанка отправилась
799 за людьми, чтобы он ей сдѣлал завѣщанье. Когда люди пришли,
он начал показывать на служанку, что она виновата в том, что
800 он не может говорить. Тогда служанка сказала: «теперь он оставляет мнѣ все свое имущество». И так составили завѣщанье в
801 пользу служанки. Священник же умер от голода, послѣ того как
она пріучила его оставаться без ѣды.

---

802 Был один, имѣвшій лошадь, которую хотѣл пріучить оставаться без ѣды. И так сегодня не дал ей ѣсть, завтра не дал ей
803 ѣсть. Лошадь начала смѣяться [, стоя] у яслей. И вот таким
804 образом она жила у него восемь дней; послѣ околѣла. Послѣ этот
человѣк сказал: «как раз теперь, когда моя лошадь привыкла
оставаться без ѣды, она околѣла».

---

*) Этот отрывок (№№ 802—804) помѣщен мною раньше во «Фріульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1878», стр. 58.

7.

805 Э-bìw dàn̨-oȷà, kà-ə-jimù no-xȷə̀r. Àn tále xȷì njé-tjela
806 nìč-djélat. Àn̨n ə-bìw-pr̥šù am-pwóp na snūbo; *ma* ŋé-oȷà mò-jo
807 -njétu-dȁt; ə-jȁw, dь jíma no-pȅȷo. Pwóp γa-ə-uprāšù, dь̀
808 kьtə́ro pȅȷo jȉma. Ŋé-oȷà ə-jȁw, dь níȷe djélat. Pwóp ə-jȁw, dь «ə̀st-jo-wzámьn̨, če njéma drúγe pȅȷe». Àn̨ jə-wzèw àn̨ jo-ə̀ pejù damȕ.

809 Jó-ə-pr̥pejù damȕ, àn̨n njé-tjéla djélat nìč.

810 Ŋe-mȍš ə-šù na-djélo; àn ə-pr̥̊šù damȕ, kàr ə-blwò nwóȷ,
811 an ə̀-póuprāšù ŋeγà mátr̥̊, dь *ké*-ə̆-djélala. Mȁt mo-ə̀-povjédala:
812 «sən̨-djélala twóle àn̨ to-drȕγe. Ón̨-ə̀-pouprāšù, dь «¿kə́-djélala moà-ženà?» Ŋéγa mȁt ə̀-povjēdala, dь njé-djélala-nìč ŋéγa-žéna.
813 Potlə̀ ə-jȁw: «ə̀st an̨ ví, mȁt, bóma-jjédla àn̨ moà-ženà nìč».
814 Druγdán̨ ə-šù spȅ na-djélo, àn̨ ə-pr̥̊šù damȕ, àn̨ ə-pouprāšù ŋéγa
815 -mátr̥̊, dь *kə̀*-ə̆-djélala. Mo-ə̀-povjédala za-ŋé-djéla. An ə̀

---

805 Был один отец, имѣвшій одну доч. И эта доч не хотѣла ни-
806 чего дѣлать (не хотѣла вовсе работать). И пришел-было один парень свататься; но ея отец не хотѣл отдать ее ему, говоря,
807 что у нея недостаток (порок). Парень спросилъ его, какой такой недостаток у нея. Ея отец отвѣтил, что она не хочет работать.
808 Парень сказал: «я ее возьму, если у нея нѣт другого недостатка». И он взял и повел ее домой.

809 Он привел ее домой, и она вовсе не хотѣла работать.

810 Ея муж пошел на работу; и он вернулся домой, когда была
811 ноч, и спросил {свою} мать, что она дѣлала. Мать ему сказала:
812 «я дѣлала то-то и то-то». Он спросил: «¿что же дѣлала моя жена?»
813 Его мать сказала, что его жена ничего не дѣлала. Послѣ он сказал: «я и вы, мать, будем ѣсть, а моя жена ничего [не получит]».
814 На слѣдующій день он опять пошел работать, и вернулся домой и спросил {свою} мать, что она дѣлала. Она ему разсказала про
815 свои работы. И тогда он спросил, что дѣлала его жена. Мать

-pouprāšù, dь *kə̀*-ə̆-djélala ŋeγá-žéna. Màt ə-povjédala, də̀-bla
816 -šlà pó-wadó. Mò̂š ə-jàw: «béŋ» ə-jàw, «bóma-jjédla ə̀st-aŋ-ví,
817 àŋ mój-ženь̀ dejté-ji nimrú-màlo». Tréjь-dáŋ ə-šù na-djélo, àn ə-pr̥šù damū, àŋn ə-pouprāšù ŋéγa mátr̥, dь̀ *kə̀*-ə̆-djélala.
818 Ə̀-uprāšù, dь̀ *kə̀*-ə-djélala ŋeγá-žena. Màt mo-ə povjēdala, də́-bla-šlà pó-wadó, də́-pomьdlà xíšo aŋ ə-blà-šlà tjé-u-xljéw daját kráwaŋ jjèst.

819 Ə̀ŋm potlə̀ ə-blà-rátala brúna àŋn djēluna àŋn ə-xodíla z-móžaŋ, k ə́-xodù z-wózaŋ.

820 Málo-cájta potlə̀ jo› ə̀-pr̥šù ›γlédat ŋé-oja̋ àŋ jó-ə
821 -vídu, kə́-djélala. Potlə̀ se-začūdu ŋé oja̋, kь̀ jo-ə-vídu djélat.

822 Potlə̀ mò̂š ə-šù z-wózaŋ damū, àŋ onà sə-ə̀-wstávīla tà-pr̥-ojь̀ àŋ mo-ə-jála: «¡oja̋! mórtь nèjst kí-damū; če nè, wáŋ-na
823 -dajó jjèst. Aŋ tákwo sə-blà-nawádīla bı̀t brúna.

---

816 сказала, что она ходила за водой. Муж сказал: «ладно», сказал,
817 «мы будем ѣсть, я и вы, а моей женѣ дайте немножко». На третій день он пошел работать, и вернулся домой и спросил
818 {свою} мать, что она дѣлала. Спросил [тоже], что дѣлала его жена. Мать ему сказала, что ходила-было за водой, что подмела комнату и что ходила в хлѣв (на скотный двор) давать ѣсть коровам.

819 И послѣ этого она стала (сдѣлалась) прилежною (порядочною) и работящею (трудолюбивою), и сопровождала мужа, когда он ходил (отправлялся) с возом.

820 Мало времени спустя пришел навѣстить ее ея отец и видѣл,
821 что она работала. Тогда удивлялся ея отец, когда видѣл ее работающею.

822 Послѣ муж отправился с возом домой, а она осталась [гостить] у отца, и сказала ему: «¡отец! вы должны нести кое-
823 -что домой; если нѣт, вам не дадут ѣсть. И так научилась (привыкла) быть прилежною (порядочною).

824 Aᶇ jjést nawȁd wsácě̆γa bȉt brũnemo, nawȁd wsácě̆γa bȉt
825 brúneγa, nawȁd wsácě̆γa bȉt brúneγa človjéka. Brúneγa človjéka
stȍr lấkot; kàr э sìt, sè-na-bojí͵ obédně̆γa ͵nìč.

4. Разсказы и подробности о пресловутом, в то время уже покойном, Проснидском капелянѣ. (Erzählungen und Einzelheiten über den berüchtigten, damals schon verstorbenen, Kapellan in Prosenicco).

826 Túča э-potúkla wšeníco, potlè э-blwò málo, jó-э-blwò málo
827 potlè. Mό-so-jȁl od-zȁt potíxo. Čè э-bìw-domȁ, njéblo-potú-
828 klo, э-dàw-zastopȉt. Э-blwó wse sjérče zasjéčeno. Гá-э-blà͵
díkla ͵zakleníla tù-kámbrο, э njému branȉt tũč.
829 Kapláᶇ Prosnȉskь э-dàw-zastopȉt judə́ᶇ, dь brȁn tũč, dь̀ na
príde, dь jí-(dь̀ jь-э̀-) brānù, *ma* njému-branȉt, zák γa-э-blà
830 -zakleníla díkla. Sь-bó-mə̀du aᶇ žeγnȁu, àᶇ dajàw zastopȉt. Sè

---

824 И ѣда научит каждаго быть прилежным, научит каждаго
825 быть прилежным (работящим) человѣком. Прилежным дѣлает
человѣка голод; когда он сыт, он совсѣм никого не боится.

---

826 Градом выбило пшеницу; послѣ было ея мало. Затѣм ему ска-
827 зали (сообщили) потихоньку [о случившемся]. Он же давал понять,
что, еслиб он был дома, не выбило бы градом. Вся кукуруза была
828 выбита (смята). Служанка [дескать] заперла его в комнатѣ, и
[он] не мог защищать от града.
829 Проснидскій капелян давал понимать людям, что защищает
от града, чтобы он не пришел, что он ему запрещал, но [в то
830 время] не мог запретить, потому что служанка его заперла. Бу-
дет метаться (ломаться, кривляться) и благословлять, и [это он]

-medè aņ žeγnàwa aņ kríže-djéla àņ wadó məta, ampotlè dajé
831 -zastopìt, de bràn tūč, de-γlíx na-mōre. Kù na-móre škòf
ubranìt, še-màŋ ubràn kapelàņ.

832 Prosnískь kapelàņ ə̀-oboγátu, zawój-k ə̀-dajàw-zastopìt teņ
-naúmniņ-judə́ņ, də óņ-jeņ-wzàme tíste, kь̀ jíņ⸗ Bwóγ ⸗dà;
833 boljézne jemáu-jéņ. Potь̀n, kь tiņ-drúziņ zdráwje dajáw, sáņ ə⸗
boljézne ⸗kupàu za-sè.

834 So-γwarìl, dè mə-ə̊-oštr̥γ́ù túdi menè; *ma* ə̀st-se-njésaņ
-nь̀č-bàw, an túdi njésaņ-šú *màj* γ-žèγnu, za-twó-kь̀ mu njésaņ
-vjéru-ə̀st.

835 Ténčas, kár sam-bìw mlàt, so⸗ búj ⸗vjérwal ná-štrijóne, kú
836 sьdà. Γaspẃódь so-tjèl, dь̀ nej-bójo-γwarìl, dь̀ so štrijòпь, dь̀
jьx-zdrâvejo γaspwódь, če-γlìx (dь-γlìx) njéso-zdráveli obéd-
837 neγa, nà-ozdrávejo⸗ obédneγa ⸗onь̀. Tíste na-dajó kú zastopìt,

---

давал понять. Он мечется и благославляет и кресты дѣлает (крестит) и кропит водою, и затѣм дает понять, что запрещает граду,
831 хотя [конечно] не может. Если епископ не может запретить [граду],
еще менѣе запретит [ему] капелян.

832 Проснидскій капелян разбогатѣл, потому что давал понять
(внушал) неразумным людям, что он отнимает у них то (освобождает их от того), что Бог им дает; болѣзни у них отнимал.
833 Послѣ того, как другим давал здоровье, сам для себя покупал
болѣзни.

834 Говорили (Разсказывали), что он заколдовал тоже меня; но
я вовсе не боялся, и тоже никогда я не ходил под благословеніе,
потому что я ему не вѣрил.

835 Тогда, когда я был молод, болѣе чѣм теперь вѣрили в
836 колдунов. Священники хотѣли, чтобы [люди] говорили, что существуют колдуны, что священники их исцѣляют (излѣчивают),
837 хотя они никого не исцѣлили, не исцѣляют они никого. Это они
только дают понимать (только внушают), чтобы богатѣть, чтобы

de bójo-onѣ-boγàtel, dѣ jim-bójo‹ šéɷke ‹nosìl ti-naúmni-judjə́, dѣ bójo-xodìl γ-žéγnɷ.

838 Njé-žéγnu zastóŋ obédnemu, se-stwóru‹ dobrò ‹plaȷàt, *ke* njé-nə́su-nѣč damū̀ [1]).

839 Tíst-*ke* vjérje γór-na-štríje aŋ γór-na-štrijṓne, tíst ə̀ na-vjérnьk, krivavjérac, prot-krìv-vjèr.

840 Tiŋ-drúγiŋ-fárjeŋ, k sò-spovedàl ób-vəlík-noȷè aŋ o-božiȷe aŋ o-svétiŋ-Lénarte, kѣ̀-majó-sxót tù-Prosníde, э‹ díkla ‹jim‹ búrje ‹dajála zá-vьčə́rjo ám batúdo; ə̀-pekjála po-wasí
841 zawój-teγà, kь njému kràw za-mjét batū̀do. Kár so-šlì damú, so-mórli jitì prosѣ̀t pó-tix-drúzix-xíšax, k so-blì làčŋ, njéso
842 -moγlì (-móγl̥) itì damū̀. Э-bìw-ušáfu no-pést γorjéxu tà-pr̥-ni-xìš; àn če nè, njébi-mū̀ itì-damū̀.

843 Э‹ túdi boγè ‹prodáju tíst kaplàŋ tù-Prosníde, э‹ boγè ‹prodáju.

неразумные люди приносили им подарки, чтобы ходили под благословеніе.

838 Никого он даром не благословил, он велѣл себѣ хорошо платить, так как ничего не нес (не уносил) домой (?) [1]).

839 Тот, кто вѣрит в колдуньей и колдунов, это и есть «невѣр», «кривовѣр» (еретик), «сторонник» (?) «кривой вѣры» (ереси).

840 Другим попам (священникам), исповѣдывавшим на Пасхѣ, на Рождествѣ и на святого Леонгарда, прислуга давала к ужину каштаны и пахтанье; нищенствовала (выпрашивала) в деревнѣ, потому что у него не было коров для того, чтобы имѣть (при-
841 готовить) пахтанье. Когда они отправлялись домой, должны были просить в других домах, потому что были голодны и не могли
842 идти домой. [Такой голодный поп] получал пригоршень орѣхов в каком нибудь домѣ (в какой нибудь хатѣ); без этого он бы не мог идти домой.

843 Тоже богов продавал этот капелян в Проснидѣ, богов продавал.

---

1) Связь послѣдняго предложенія с двумя предшествующими непонятна.

844 Kár э⸗umrù, so⸗ z-brjémanaņ sówde ⸗pŗnesli damȕ tíste, kь̀ mɷ-so-blì-ostȁl, čes-fȍwš-príče, k jьx-э̀-kupȁu.

845 Kár se-potkupȁwa, se⸗ lэ̀ ⸗γlíxa; *ma* kár se-kȕp, se-kūp cjeleγà, cjeló-príčo.

846 Če lэ̀ prebràw písmo, sé-э-mórlo plaɟā́d-γa.

847 An čè njébiw⸗ tьkэ̀j tožbè kэrvíčnьx ⸗mȕ, so-blì⸗ z-wózaņ ⸗pŗpejȁl sówde damū̀.

848 Э-bìw Slovèŋ.

849 Takwò э rát mɷ dát tьkélэ áto ɟe-bít stwórt; — aņ áminņ alpàj ecétera. [1])

850 Prosnícu nikól dáņ jь̀x-na-lȍž⸗ na-pȍt ⸗vìɟ-jь̀x [2]); э⸗ wsè ⸗vьdэ̏rbu tíst kaplàņ.

851 Túklэ э-djélu-oņ. Čè so ŋeγá-djéla (čè ŋeγá-djéla sò) dobrè, γa stwórijɷ svéteγa, bo svét; čè so slábe, bó⸗ te-drúx ⸗vídu.

---

844 Когда он умер, принесли цѣлую охапку денег, оставшихся послѣ него, благодаря ложным свидѣтелям, которых он покупал.

845 Когда подкупают, только условливаются (договариваются); но когда покупают, покупают цѣлаго (всего), цѣлаго свидѣтеля.

846 Если только прочитал письмо, нужно было платить ему. (Брал деньги за прочтеніе письма).

847 И еслиб у него не было столько несправедливых процессов (тяжебных дѣл), привезли бы деньги домой возом (на возу).

848 Он был Словѣнец.

849 Так рад (? довольно) имѣл (? ему) дать .... (?);—и амин или и так дальше. [1])

850 Проснидцам (жителям Проснида) никто болѣе не довѣряет (?); всѣх их испортил (деморализовал) этот капелян.

851 Так он дѣлал (поступал). Если его дѣла (поступки) хороши, они сдѣлают его святым, он будет святым; если они скверны (плохи), другой увидит (?).

[1]) Непонятно.

[2]) Мало понятно.

852 Krístuša ə - prodáju aŋ napoleóne ə - xránu.

853 Ŋeγà - díkla ə téj - na - ščína, -trjēskà.

854 Djélala prej sówde tàŋ, k njé - dajála - bwóγijmè - nь̀č; njé - tjéla⸗ šè wadé ⸗dàt - jíŋ za - pít, kь̀ so pr̥̄lí pó - korcé za - cjèrku.

855 Njé ku dàŋ - pakù, dne - víca aŋ dnè - nebə̀sa. Tù - pakù jьx - ə nárvij.

856 Kapelàŋ Prosnískï ə̀ - oznaŋàu, dь̀ se - njéma dajàt pētjarjaŋ bóγimè, dь̀ se - ma - dàt za - màše, dь̀ mò - príde wsè ŋemò tù - γajófo.

857 Jь̀x - ə nárvij tù-nebə̀sex, za - twó - kь̀ xudíj njéma - mjèt vìj, ku bwòx.

5. Личныя воспоминанія разсказчика. (Persönliche Erinnerungen des Erzählers).

858 Ték ma dúγo ojь̀ - ŋ - màtьr, tíst mòre kí - znàt. Tíst - kь zubì ojь̀ - aŋ - màtьr májxaŋ, ¿kadwó γa - jé - nawàdьt?

---

852 Христа продавал, а наполеондоры хранил (припрятывал).

853 Его прислуга (кухарка) точно длинное полѣно, точно щепка.

854 Она копила там раньше деньги, так как ничего не давала нищим (не давала вовсе милостыни); даже воды для питья не хотѣла дать тѣм, что пришли покрывать черепицами церковь.

855 Существует только один ад, одно чистилище и одни небеса (один рай). В аду их больше всего.

856 Просвидскій капелян провозглашал, что не слѣдует давать нищим милостыню, но что слѣдует давать на обѣдни (покупать обѣдни), чтобы все попадало ему в карман.

857 Больше всего [душ умерших] в небесах, так как черт не должен имѣть больше чѣм Бог.

---

858 Тот, у кого долго отец и мать (в живых), тот может кое-что знать. Тот, кто потеряет отца и мать маленькими, ¿кто его научит?.

859 Kár sam-mū̊ devét-desét ljét, saη̧-mwóru xodìt petjàt po
860 -svjète. Sàη̧-xodù po-Kráŋskeη̧ àη̧m po-Kràškeη̧ àη̧m po-Tr̥stè
zá-živjèt. N̥ tàη̧ me-sò-wjèl àη̧m me-sò-pr̥pejàl sàη̧-Polmàdo.
861 Эη̧ tàη̧-w-γradìšč nan-sò-dàl móčək rjédak, k e-bìw málo buj
-γə̊st kù žūpa, aη̧ málo ə* máŋ *pəku kú-γojiη̧ (kú-γojьη̧); àη̧
862 smo-γa-mwórlь jjèst. An tá-s Polmàde səm-pr̥šù damù γór-w
863 Mažərwóla. Эη̧ sàη̧-nalwóžu àη̧-kьznénik pepəla, àη̧ saη̧-γa
864 -nə̀su w-Čьdàt. Sàη̧-potēγnù štír-sówde zàŋ. Aη̧ sàη̧-kūpù
no-líbr̥co krūxa bobóveγa, aη̧ s-tístiη̧-krūxaη̧ səη̧-šù spè tjé
865 -u-Tr̥st. Эη̧ tàη̧ səη̧-stàw tíste ljéto. Эη̧zàt sàm-pr̥šù damū,
866 njéεaη̧-ušáfu nè ojь̀, nè màtr̥. Àη̧ kakwó m̥óreη̧-tjèt znát-kì,
kàr njésaη̧-mú teγà, kь̀ mə-bìw-učìw, táko ku tìstь, kь̀ majó
ojь̀-aη̧-màtr̥ do-dwójst-trídesèt-štírdesèt ljèt, àη̧ na-znájo
móre-bìt še-màŋ, kú-ə̄st (ku-əst). [1])

---

859 Когда мнѣ было девять-десять лѣт, я должен был ходить по
860 міру нищим (просить милостыни). Чтобы жить, я ходил по
Крайнѣ, по Красскому краю и по Тріесту. И там меня поймали
861 и привели сюда в Польмаду (*Palmanuova*). И там в крѣпости давали нам мучную похлебку, столь жидкую, что она была немного
гуще бульона и жгла немного меньше, чѣм огонь; и мы должны
862 были ѣсть ее. Из Польмады же я пришел домой в Мажароли.
863 И я навалил (взял на плечи) «казненик» (большой мѣшок) золы и
864 понес его в Чивидале. Я получил за него четыре сольда. И я
купил фунт бобоваго (гороховаго) хлѣба (хлѣба из бобов, из фасоли), и с этим хлѣбом я пошел опять туда в Тріест. И там я
865 оставался весь этот год. Затѣм я вернулся домой, и не застал [в
866 живых] ни отца, ни матери. И как же я могу хотѣть знать кое-что, когда у меня не было того, кто бы меня учил, как тѣх, у
которых отец и мать до двадцати-тридцати-сорока лѣт, и которые [все таки] знают, быть может, еще менѣе чѣм я.

[1]) Этот отрывок (№№ 858—866) напечатан мною раньше во «Фріульскія Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія. С.-Пб. 1878», стр. 58.

867 Smó - xodìl - prjet z - ojàŋ - aŋ - z - mátrjo.

868 Takwó, kъ saŋ - jéŋ - povjèdu àt, tíste túdi nje - nьč, vjedò.

6. Остроты. (Witze).

869 Mólьmo pò - slovéŋsko, prídγo mamó pò - slovéŋsko, dotríno mamó pò - slovéŋsko, dawkè plaĵújemo po - láško, aŋ trudĭmó - sè po - slovéŋsko, àŋ pjánĭmo - se po - láško, zawój - teγà - kъ Slovèŋ njémamo vína.

870 Kumə̀t majó málo sòwdu, njémajo ku blaγà, zá nebə̀sa kupìt.

871 Je - bít - mjét dostъ - sòwdu za màše kupuàt.

872 Kumə̀t na - mórьjo kupít nebə̀s, zak njémajo sòwdu. [1])

---

867 Мы ходили раньше с отцом и с матерью.

868 И так, то, что я вам («им») здѣсь говорил (разсказывал), это тоже ничего не стоит (не надо к этому серьезно относиться), знаете.

---

869 Мы молимся по словѣнски, проповѣдь у нас словѣнская, церковное ученіе у нас словѣнское, подати платим по фурлански (по итальянски), работаем (трудимся) же по словѣнски, а пьянствуем по фурлански (по итальянски), потому что у нас, Словѣнцев, нѣт вина.

870 У крестьян мало денег, — у них только вещи (движимое

871 имущество), — [мало денег] чтобы купить небо. Нужно имѣть много денег для того, чтобы покупать обѣдни.

872 Крестьяне не могут купить неба, так как у них нѣт денег.

---

[1]) Эта фраза (№ 872) помѣщена мною раньше во «Фріульскіе Славяне И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1878», стр. 58.

7. Разсказы; сообщенія; объясненія; разговоры с остротами и т. п. (Erzählungen; Mitteilungen; Erklärungen; witzige Gespräche u. ä.).

873 Sàm-bi-šù jiγràt́ nacó ́tu-ǰàrte àn̦ sən̦-zúbu ən̦-cváncer; ən̦ kàr sam-pr̥šù damú pó-noǰè spàt, e-blà jézna žéna, mé-vьγnála wón̦-s-pastéje, an̦ cjéw mjésac njé-γwaríla z-màno potlə̀. [1])

874 Donàs san̦-šù kráwo mūst, àn̦ mə-dála no-cabádo, ké-me-wr̥̀γla tjé-po-xljéve.

875 Tlə̀-pr̥-nàs ə̀ nawáda takwó γwarít γospwódan̦: jìm-γwarmó «ví», ne «ònь».

876 Jìx-ə dostь̀ Slavéŋu, kь̀-γwarjó po-láško, kь̀ po-slovéŋsko nà-vjedó, kí ǰe-réjǰ kéjšna besjéda.

877 Tánemsàk mə́-bi-wzèw ucè, án̦ se-sma-túkla, *kè* mь-jьx-njétu-wr̥nìt; ə-jàw, k mò-so-snjédlə pòw-kopé sená.

---

873 Сегодня вечером я пошел играть в карты, и я проиграл «цванцигер» (20 прежних крейцеров, лиру, итальянскій франк); и когда я вернулся ночью домой спать, жена сердилась, прогнала меня вон из постели, и потом цѣлый мѣсяц не говорила со мною. [1])

874 Сегодня я пошел доить корову, и она лягнула меня [так крѣпко], что повалила (опрокинула) меня в хлѣвѣ (на пол скотнаго двора).

875 Здѣсь у нас обычай вот так говорить священникам (? господам): мы им говорим «вы», не «они».

876 Имѣется много Словѣнцев, которые говорят по фурлански, которые по словѣнски не знают, что значит какое-нибудь слово.

877 Танемсак (?) похитил у меня овец, и мы дрались, потому что он не хотѣл мнѣ их вернуть; он говорил, что онѣ съѣли у него пол-копны сѣна.

---

[1]) Хронологія хромает: это случилось «сегодня вечером», стало-быть в день разсказа, а между тѣм послѣ этого жена цѣлый мѣсяц сердится.

878 Mò - žená mə - jála: «Na - xód jiγràt; če pújdьš jiγràt, tь̀ - za-
879 klə́neŋ wráta, kь̀ na - prídьš spàt. Ol γéni - xodít jiγràt, alpàj pújdьŋ tá - ót - to - xíše, dь̀ - na - bóŋ - špárala (ə́ˢ - špárala) (ə́st - špárala), an tí dь̀ - zajĭγráš wsè. Mь̀ - sь - prodàw no - ucó aŋ s-jó
880 - zajiγrŭ». — Àŋ mučь̀, sè - na - kréγьj z máno, kь̀ na - bóŋ - xódu vìɉ. —

881 Àŋ mórъš - wzét tísto alpàj obédne, čè ɉьš - bít ožə́ŋen. Tísta
882 ə brúna am pámetna àm br̥kó dóto jíma. Tále ə γr̥dà, jíma γr̥t
883 nwȍs, ə̀st - jo - níɉoŋ, γa - mà ko nò - kopìto. Če wzámeŋ tísto, mь̀ - sь - bójo’ wsí - jdjé (- jĭdjé) ’smejàl; aŋ ə̀st jo - níɉoŋ, če njémaŋ
884 - bìt *màj* ožə́ŋəŋ. Onà - djé, dь njé rjès; «é̊ˢ - sam brúna àŋ lepà, àŋ dobró dóto jímaŋ».

885 Téle - mȍš ə̀ ko m - mùš, na - vjé - nь̀č, kí γwarí aŋ kí djéla.

886 Zá’ təbə̀ ’tə-vídet, kí pensáš.

---

878 Моя жена сказала мнѣ: «Не ходи играть; если пойдеш играть, я запру двер (ворота) перед тобою, так что не прійдеш
879 спать (не попадеш в кровать). Или перестань ходить играть, или я пойду проч из твоего дома, чтобы мнѣ не приходилось береч, а тебѣ все проигрывать. Ты мнѣ продал одну овцу и ты
880 ее [т.-е. полученныя за нее деньги] проиграл». — Молчи же, не ссорься (не бранись) со мною, так как я не буду больше ходить.—

881 И ты должен взять эту [дѣвушку] или никакой, если хочеш жениться. Эта порядочна (прилежна) и умна и у нея приличное при-
882 даное. Та же дурна собою (некрасива), у нея некрасивый нос, я ея
883 не хочу, нос у нея как копыто. Если я эту возьму (женюсь на этой), всѣ люди станут надо мною смѣяться; и я ея не хочу, еслиб даже
884 мнѣ пришлось никогда не жениться. Она говорит, что это неправда; «я, [дескать,] порядочна и красива, и у меня хорошее приданое».

885 Этот человѣк точно осел, он вовсе не знает, что говорит и что дѣлает.

886 Чтобы видѣть тебя, что ты думаеш. (Чтобы посмотрѣть, как ты думаеш).

887 Sàŋ-na-woknò nà-se-pr̥šlà γlédat nà-čečà, ki djélamo tlə̀. Jó-ə-špòt, ə̀-uteklà, aŋ spé ə-pr̥šlà, àŋ smejé ə-pr̥šlà.
888 Sàŋ-jo-vídu smejé, aŋzát potlè ə̀-jokála, *kè* sь- na-móre
889 -oženìt. Zbjéra tjé-aŋ-sàŋ páj dneγa-pwóba, páj teγa drūzeγa; aŋ zdà ə-jála, dь̀ sь-na-bó-ženíla vìɉ, če-ɉè ne-príde bwóžac,
890 če-ɉè boγàt. «Maŋ-wójo molìt zá-dobrò-djēlat zá- nə-nebə́sa
891 -jitì. Àŋ mo-mát àŋ muj-oɉà ɉjó pr̥-síle, nej-sè-ožə́nm̥, aŋ ə̀st -na-máraŋ-nь̀č zá-možà, sàŋ-se-wštufála wsəγà xodít plēsàt, àŋm po-séme xodít, tù-k so γōcь̀ po-drúzix-wasjèx».
892 Saŋ-šù na-trí-seme, aŋ tàŋ u-tísteŋ-sejmò sam-v̀ídu nò -lepò-čečò; saŋ-jo-tù takwó ràt, k saŋ-tū krepát zawój-ŋè, ə-blà takwó ljépa. Ə blà *kè* svizγála.
893 Recь̀, dь nèj-postrój pastèjo, kь̀ mь-sь-ɉé-spàt. Aŋzát-napréj.

---

887 Сюда на окно пришла смотрѣть одна дѣвушка, что мы здѣсь дѣлаем. Ей стыдно, она убѣжала, и опять пришла, и смѣясь пришла.
888 Я видѣл ее смѣявшейся, и затѣм она плакала из-за того, что
889 не может выйти за-муж. Она выбирает себѣ здѣсь и там то одного парня (жениха), то опять другого; а теперь сказала, что не будет болѣе выходить за-муж, все равно прійдет ли [свататься]
890 бѣдный, или же богатый. «Мнѣ хочется [только] совершать
891 добрыя дѣла, чтобы попасть на небеса (в рай). И моя мать и мой отец хотят непремѣнно, чтобы я вышла за-муж, а я не забочусь вовсе о мужѣ (о женихѣ) (я вовсе не дорожу тѣм, чтобы выйти за-муж), мнѣ совсѣм надоѣло ходить танцовать, и ходить по праздникамъ (по балам), туда гдѣ есть музыканты в других деревнях».
892 Я ходил на три праздничных бала, и там на этом балу я видѣл красивую дѣвушку; она мнѣ так понравилась, что я хотѣл околѣть ради нея, так хороша (красива) она была. Она свистала.
893 Скажи, пусть приготовит постель, ибо мнѣ хочется спать. И так далѣе.

njé-sò žè od wčəra pîle.—

...dìt; nèj-γredó
rampjér, do-
... γnìl, né-γa

... án če nè, nèj
jaŋ. Àŋ za-jútro

...at júžine, kъ jo-ə
...t kakwóšaŋ sjérak,
-kosílo jútrě am bòp.

...ров пить, так как онѣ не
...останьте (оставьте)!
...ни ходить (шляться) туда и
пусть приготовляют (разво-
...анія) полдника (паужинка) и
когда воскресенье, к ужину.
а не варить его вмѣстѣ со всѣм

...слобойку (в маслобойную кадку),
... пусть наберут (нарвут) немножко
...я), зелья, чтобы ѣсть его с кар-
...тся приготовить пахтанье к зав-

...вала, что не идет готовить полдник, по-
...ее поколотил. И пусть торопятся дать
... онѣ клали яйца. Кукурузу мы должны
...ѣду и фасоль. Мы должны съѣ... че-
...без сдобы).

Záke wsáke djélo, kь̀ sé-podjéla, ma-bít za kéjšeŋ nũc: ál za -slábo, ál za-dobrò.

902 Daŋ-za-drúziŋ γwarít, nè wse γnȁde, za-twó-kь wčȁsïx mórejo stwórt nó-vəlíko-wekáŋe,-xodobíŋo, ku wsь̀ γnȁde

903 γwarïjó. Táŋ-wũnè tíste-čečè šé-onè ɉьjó radè kí-povjédat, *má* sь-bojijó prít tlə́-u-kámbro, zá kь búj-mladè sójo, vìɉ jix

904 -znȁjo, vìɉ pwóbu snúbijo. Za-kь̀ pr̥-téliŋ-svjetò znȁjo vìɉ te -mláde, kú te-stȁre, vìɉ icè, kù kakwóš. Zá-kь sójo pr̥-téliŋ

905 -svjetò *mása* kũštne zá-jьx prȁvьt po-ŋь̀x-krȁj. *Má*, če ɉьjó kí-povjédat, wse-γlíx nej-prídejo nȍtra, néj se-nanь̀č-bojijó télix-jidì, kь sójo tlə̀-u-kámbri.

906 Prasíca γré po-γorìc, níɉe-stát tù-kulə́to. Nalé so-jь-dȁl jést pomìjè àŋ otrȍp.

907 Žé əŋ-cájt počìwate o-pũdaŋ.

работа, которую дѣлают, должна же быть для какой-нибудь пользы: или для скверной [цѣли], или же для хорошей.

902 [Слѣдует] говорить один за другим, не всѣ вмѣстѣ, потому что иногда могут произвести большой шум, суматоху (?), когда

903 всѣ вмѣстѣ говорят. Там снаружи (на дворѣ) эти дѣвушки онѣ тоже охотно бы кое-что говорили (разсказывали), но онѣ боятся прійти в комнату, ибо чѣм онѣ моложе, тѣм болѣе их знают,

904 [тѣм болѣе] парни за ними ухаживают. Ибо в нынѣшнем поколѣніи (в теперешнее время) молодые знают больше, чѣм старики, больше яйцо, чѣм курица. Ибо нынѣшнее поколѣніе отличается в своих разговорах (разсказах) слишком вычурными

905 пріемами (?). Но, если хотят нѣчто говорить (разсказывать), все равно пусть прійдут сюда, [в комнату,] пусть не боятся вовсе тѣх людей, которые находятся здѣсь в комнатѣ.

906 Свинья идет по площади, она не хочет оставаться в хлѣву (?). Вот (? Теперь) дали ей ѣсть помои и отруби.

907 Уже нѣкоторое время отдыхаете в полдень.

908 ¡Díkla! bo-cájt γnàt kráve pít, kь njé-sò žè od wčəra pìle.—
¡Γéníta!

909 Čečè áŋ ženè njémajo-cájta zà-tjé-ni-sàŋ xodìt; nèj-γredó
-damú aŋ nèj γojèŋ paraȷájo za júžino kũxat, aŋ krampjér, do-
910 nàs ke nedèja, zá-vьčərjo. Jé-bit tà-odrjézat te γnìl, né-γa
-kũxat z-owsiŋ-tíŋ-dóbriŋ.

911 Aŋ nèj-poγlédajo tjé-u-pìŋo, al-ə̀ batũda; án če nè, nèj
uberejǿ ni-mı̀u jidríka, zéja, za-jjést s krampírjaŋ. Àŋ za-jútro
nèj-xitijǿ paraȷàt batũdo.

912 Ta-drúγa-ženà ə-jála, dè na-γré kũxat júžine, kь̀ jo-ə
913 -bìw stũku wčəra ŋe-mə̀š. Áŋ nej-xitijǿ dát kakwóšaŋ sjérak,
914 dь bójo-neslé jèjca. Blədo momó-skúxat zá-kosílo jútrĕ am bòp.
Nasláne aŋ nabéjene mamó snjèst.

---

908 ¡Дѣвка (прислуга)! пора гнать коров пить, так как онѣ не
пили еще со вчерашняго дня. — ¡Перестаньте (оставьте)!

909 У дѣвушек и женщин нѣт времени ходить (шляться) туда и
сюда; пусть отправляются домой и пусть приготовляют (разво-
дят) огонь для готовленія (стряпанія) полдника (паужинка) и
[кромѣ того] картофеля, сегодня, когда воскресенье, к ужину.
910 Надо отрѣзать (срѣзать) гнилой, а не варить его вмѣстѣ со всѣм
хорошим (здоровым).

911 И пусть посмотрят в маслобойку (в маслобойную кадку),
есть-ли пахтанье; а если нѣт, пусть наберут (нарвут) немножко
цикорія (салата из цикорья), зелья, чтобы ѣсть его с кар-
тофелем. И пусть торопятся приготовить пахтанье к зав-
трему.

912 Другая женщина сказала, что не идет готовить полдник, по-
913 тому что ея муж вчера ее поколотил. И пусть торопятся дать
914 курам кукурузу, чтобы онѣ клали яйца. Кукурузу мы должны
сготовить завтра к обѣду и фасоль. Мы должны съѣсть несоле-
ное и без приправы (без сдобы).

915 Kanája tíst-e, ɟe-réɟ, am-pwóbiɟ mìckaŋ; k ú-niɟe bówγat, mu djéjo «kanàja».

916 Štrámbasto, krìwo só-γẇarìl. Kár boš tí-pìsù, na-príde obèdaŋ γlèdat; áŋ kar bóŋ-písù ə̀st, kẹ̊ saŋ sljép, túdi na-príde obèdaŋ γlèdat.

917 Ə̀st-bь-tú-wáγat, dь télьx-čə́č-mládьx bь̀-na-blwò obédne
918 ṭlə̀, kь̀ bь-blí dnь̀-γōcь̀. Wséuse ɟьjó letjét adnà prét tѡ drū̀γo
plēsàt; àŋ osáŋ-dnì kь̀ bo-γò̄dlь, še-lə̀ jíŋ-se-ɟé-zdjét, dè э
málo te-záŋi-dáŋ, kь γéŋajo γò̄st.

919 Mrjéže ɟíjo-bìt γór-na-woknò, dь̀ na-pújdijo mìš nò̄tṛ
920 ṡjerkà jést. Aŋ kár sь lò̄š sjeràk γór-na-ɟàšt, ɟe-bìt wse-jàme
zaflekàt z-máwto, dь̀ na-bójo-xodíle jést, aŋ mā́če zaγnát nò̄trь,
dь˒ mь̀š ˒ujìme.

921 Sàŋ-kopù krampìr, aŋ sàm-ušáfu vìɟ γnileγà, ku zdráveγa. Àŋ saŋ-rú brò̄kulne, àŋ so-blí˒ wse mìš ˒snjédle.

---

915 «Каналья» значит маленькій мальчик; когда он не хочет слушаться, ему говорят «каналья».

916 Неуклюже, невѣрно говорили. Когда ты станеш писать, никто не прійдет смотрѣть; и когда я, слѣпой, стану писать, тоже никто не прійдет смотрѣть.

917 Я бы держал пари (?), что ни одной из этих молодых дѣ-
вушек не было бы здѣсь, еслиб были [гдѣ нибудь] музыканты
918 (еслиб была музыка). Всѣ одна через другую убѣгут танцовать;
и еслиб [музыканты] играли даже восемь дней, еще бы им казалось, что этого мало в послѣдній день, когда перестают играть.

919 На окнѣ должны быть рѣшетки, чтобы мыши не ходили
920 туда ѣсть кукурузу. И когда положат (насыплют) кукурузу в
амбар, необходимо заткнуть (задѣть, залить) известью [с песком],
чтобы онѣ (мыши) не ходили ѣсть, и котенка (кошку) вогнать,
чтобы он поймал (она поймала) мыш.

921 Я копал картофель, и я достал болѣе гнилого, чѣм здороваго. И я рвал «броколи» (цвѣтную капусту), и все мыши съѣли.

922 Гreņ séʝ trawò, jo prə̀ce posjḗčeņ.

923 Э-jála nà-čečà: «*maγári* mjéla facòw ljép, žídju». Э-jála nà-čečà, dь mjéla neγá* br̥̀сьγá *pwóba, ʝe-ráda-mjét.

924 ¡Toníņ! bjéž-damū̀, tə* màt *klícala.

925 Joņ bít dobrò boγàt, á na-móreņ bȉt, aņ móreņ djélat.

926 Mámo málo xȍst pr̥-nàs, mórьmo delèč xodít, itì po-və̀jь (po-və́je).

927 Málne smó-jьх-mjȅl trí, *má* jьх-njémamo; mórьmo nosít delèč u-màleņ.

928 Tála njéma zobѐ, aņ mláda э. Ѐ-uteklà, je-j-blwò špȍt;

929 ə̀-tlȉščàla-kúpe ȕ̄sta. Aņ γóre nà-čečà ma púno-rokó pr̥̀stanu. Góre tála j jézna, kь práͮvimo.

930 Tù-ni-xȉš jьх-ə̀ sédaņ pwóbu, a nímr̥ se-kréγajo, àņ prez* *máj*-ne *žené, prez* obédne *žené.

---

922 Я иду косить траву, я ее вскорѣ покошу.

923 Одна дѣвушка сказала: «еслиб я имѣла красивый, шелковый платок» («пожалуй, мнѣ пригодился бы красивый, шелковый платок»). Одна дѣвушка сказала, что у нея был хорошій парень, она рада имѣть.

924 ¡Антон! ступай домой, мать тебя звала.

925 Конечно, я хочу быть богатым, и не могу быть, и должен работать.

926 У нас мало лѣса, мы должны далеко ходить за вѣтвями (за сучьем, за хворостом).

927 У нас было три мельницы, но [теперь] их у нас нѣт; мы должны далеко носить в мельницу.

928 У этой нѣт зубов, хотя она молода. Она убѣжала, ей было

929 совѣстно (стыдно); она сжимала рот. А на верху (А там) у одной дѣвушки полная рука колец. Эта на верху (Эта вот там) сердится, что мы говорим.

930 В одном домѣ семь парней, и они постоянно ссорятся (бранятся), и нѣт вовсе ни одной женщины.

931 Tù - ni - xìš so trí - čečè, àn tu˴ obéninˌ˴ škáfo njé wadé.

932 Dóle tísta ɉé - povjédat, *má* jo - ə - špɷt. ¿Kí - ə?

933 Nà - čečà ə - blà - zubíla čeréwje, an túdi - té jьx - ə̀ - ušáfala.

934 Tá - pr̥ - devìc - Marí mólijo.

935 Smo - šlí no - debélo - úro xodà dòw - Čidȁde; so - zwanȉl no - úro noɉí, smó - pr̥šlí dòw - Čidàt.

936 Э dnà, k sĕ - žə̀n, àŋ ŋe - pwóp se - píše Xr̥bàt aŋ Ɉákuš, aŋ jíma sə́st - n̥ - dwújst pr̥̀stu.

937 Právĭta - mo šə̀. Mórь povjédat po - možə́rsko. Móre povjédat, *má* γa - ə - špɷ̀t, ŋeγá γa - ə - špɷ̀t.

938 So - šlé - damú, so - šlé dojít otrokà; jóče domá otròk.

939 Tlə - tála ma - dát˴ kráwaŋ ˴pít, *ma* ɉé - radà pošlušȁt.

940 Zdéle γrésta dwá, dáŋ γospwót àŋ dwá pьsà.

---

931 В одном домѣ три дѣвушки, и ни в одной лоханкѣ нѣт воды.

932 Эта внизу (Эта вот там) хочет говорить (разсказывать), но ей совѣстно (она стыдится). ¿Что такое?

933 Одна дѣвушка потеряла башмаки, но тоже эти она их получила (нашла).

934 У Дѣвы Маріи (В церкви Богородицы) молятся.

935 Мы шли добрый («толстый») час {ходьбы} в Чивидале; звонили час ночи, [когда] мы пришли в Чивидале.

936 Есть одна, которая выходит за муж, и·ея парень (жених) «пишется» (по фамиліи) Хрбат (Хребет) и Тякуш, и у него двадцать шесть пальцев.

937 Говорите (Разсказывайте) ему еще. Надо говорить по-мажарольски. Он может говорить, но ему совѣстно.

938 Онѣ пошли домой, онѣ пошли кормить [грудью] ребенка; ребенок дома плачет.

939 Эта вот здѣсь должна дать коровам пить, но она рада (ей хочется) слушать [,как мы здѣсь говорим].

940 Здѣсь вот идут двое, один господин (священник) и двѣ собаки.

941 ¡Núnac! nà-buxà mə̆-ə̀-oklála.

942 Эŋkràt mə‧ màt ‧ostríγla γoló-γolò.

943 Эŋkràt mə-blà-oklála na-úš.

944 Aŋkràt dàm-pastír ə-bìw-oklù nò-čečò, kъ̀ sə-ə-blà-oženíla.

945 Эŋkràt sə-ə-blà-oženíla nikína čečà (nà-čečà), ə-mjéla neγà‧ mládeγa ‧možà.

946 Эŋkràt mь-sà‧ noγà ‧zoríla; àŋ ə-šŭ‧ γnwój ‧wòn, k sà-predŗla.

947 Э-jàla: ŋí-se-zŏr noγà.

948 Γlíx-kár-jьtà povjédĭtə-mò, wsè napìše.

949 Njéma kădà, njéma cájta.

950 Oŋ-zná púno rečì.

951 Эst-úpaŋ, dъ̀ so štúfь tьkàj twóle pisàt wъ̀s-dáŋ.

---

941 ¡Дядя! блоха меня уколола (укусила).

942 Однажды мать остригла меня голым-голо (совершенно меня остригла).

943 Однажды вош меня укусила.

944 Однажды один пастух уколол-(укусил-) было дѣвушку, вышедшую за-муж.

945 Однажды вышла за-муж нѣкая дѣвушка, она имѣла молодого мужа.

946 Однажды нога у меня гноилась; и вышел гной, когда прорвалось (лопнуло).

947 Она сказала: нога у нея гноится.

948 Ровно что хотите (Ровно что вам угодно) говорите ему, он все запишет.

949 Некогда, нѣт времени.

950 Он знает полно (много) вещей.

951 Я надѣюсь (полагаю), что вы утомились, пиша {это} столько цѣлый день.

952 Ŋéx - γwaréŋe tù - ve, náše tu - ú. [1])

953 Ženà ŋjé človèk.

954 Sè˒ na - móre ˒wr̥nít. Njé˒ še ˒oščerū̆. Móre oščerát prjét, če jé - prít po - sówde sáŋ.

955 Sъ̀da znájo wse láške bleštə̀mь; γwarijó, bleštemájo po-láško, *má* na - vjedó, kí bleštemájo.

956 Sé - učijó làšk s - tístiŋ, kar prídγa fámoštr̥, aŋ, kàr finí, na - znájo - nъ̀č.

957 ¿Ál - majó dostъ̀ - dnì še pisàt, prjét - k se - utrudijő?

958 Γredé - kъ̀ - saŋ - šù, sàŋ - γwarìw ž - ŋíŋ, sàŋ - se - oγlèdч.

959 Tístě э nìč, tíst э nìč.

960 Э̀st - saŋ - trū́daŋ, na - móreŋ vìȷ djèlat, se - mwóreŋ - opočìt. Šéj se - móre - bít trū́daŋ. Šéj waŋ - səŋ - jàw.

---

952 Их произношеніе «на «вэ», наше на «у». [1])

953 Женщина не человѣк.

954 Нельзя вернуть (возвратить) (Он не может вернуться). Он еще не выздоровѣл. Он должен прежде выздоровѣть, если хочет сам прійти за деньгами.

955 Теперь знают всю фурланскую ругань (ругательныя слова); говорят, ругаются по фурлански, но не знают (не понимают), чѣм ругаются.

956 Учатся по фурлански через то (тогда), когда [приходскій] священник говорит проповѣдь; но, когда он кончит, ничего не знают.

957 ¿Много-ли еще дней прійдется вам писать, прежде чѣм вы утомитесь?

958 Когда я идя (по пути, попутно) говорил с ним, я оглянулся.

959 Это ничего.

960 Я утомлен, не могу больше работать, должен отдохнуть. Вѣдь можно быть утомленным (утомиться). Вѣдь я вам сказал.

---

[1]) Так объясняя разсказчик различіе произношенія недижскаго (свято-петровскаго) от мажарольскаго.

961 ¿*Má* kakwó se - móre nímr̥ pisȁt àn̦ γwarȉt? ¿ál se - njéma - bȉt trũdan̦ alpàj sè štufȁt?

962 Na rjéč, kь zazdrjéje prə̀сь, se - djé «ráno», «twóle ә ráno», te pr̥ve rečí. Mámo málo tьх - ránьх - rečȉ.

963 Sádje, pǿma; žȉto mi - djémo, wsemò - temò djémo žíto. Kàr
964 se - mѐje (- mѐjje), djémo žíto. Wsjen̦ tístən̦ rečán̦ djémo žíto. Àn̦ potlè dnò ә wšeŋȉca, to - drúγe ә jičmѐn̦, to - drúγe ә r̥̀š, to - drúγe djémo tà - debə́la wšenȉca, potlè sjeràk.

965 Se - mwóre obrjѐst tísto rjéč, kàr zna - bȉt. «Bjѐž[1] obréji tísto
966 rjéč» alpàj se djé «ušȁf». Obréji alpàj ušáfȉj. Γa - njésmo šè obrjѐdlь, *ma* γà - obréjemo.

967 Tjáčȉt. Potjàč tísto - rjéč. Na - mórm̥ potjàčьt, ә tr̥dwó. Γrén̦ tjàčȉt, ә *mása* mexnwó, na - móren̦ tjàčȉt, mь - γré tjé - an̦ - sàn̦.

968 San̦ - čù R̥zjáne γwarȉt, *ma* njésan̦ - zastǿpù. Sè - na - móre - γwarít ž - ŋȉm, zák se - na - zastòp.

---

961 ¿Но как это можно постоянно (все) писать и говорить? ¿развѣ не приходится утомиться или развѣ это не надоѣст?

962 О вещи, которая быстро созрѣвает, говорится «рано», «это рано», первыя вещи. У нас мало ранних вещей.

963 Фрукты; жито (хлѣб) мы говорим, все это мы называем жи-
964 том. То, что мелется, называем житом. Всѣ эти вещи называем житом. И затѣм одно пшеница, другое ячмень, другое (третье) рож, другое (четвертое) называем толстою пшеницей, затѣм кукуруза.

965 Надо найти ту вещ, какую угодно (? о которой идет рѣч).
966 Ступай найди эту вещ, или же говорится «достань». Найди или достань. Мы его не нашли, но найдем его.

967 Давить (Жать). Придави (Прижми) эту вещ. Не могу прижать, оно твердо. Иду жать (давить), [но это] слишком мягко, не могу жать, «идет мнѣ» (поддается) то туда, то сюда.

968 Я слышал, как Резьяне говорили, но я не понял. Нельзя говорить с ними, потому что не понятно.

969 Sàŋ̧-γa-ču-γwarȉt, *ma* njé-səŋ̧ zastópu nъ̀č. Sàŋ̧-γa-čú
pjèt.

970 Lȁn ə-blwò dobró-ljéto, *ma* ljétas bó xudwó-ljéto, ljétas
971 paj bó xudwó-ljéto. Э-blwò šȕš, àŋ̧ še kí-tȕče; an tákwo bómo
-mjȅl málo kí-jjȅst, àŋ̧ zawoj-tísteγa sè-nawádȉmo kí-pȁmet.
972 Njé obédna-rjéč tákwo dobrà za-nawȁdъt pȁmet, kə́ lȁkot (*kə*-ə̀
lȁkot).

973 Tù-vilážŋe ə-blwò xudwò, kъ̀ se-ŋjé-moγlò uwsjȁt, kàr se
974 -mjélo-sjȁt. Xúda vъlážŋa, vъlážъŋ (vъlážŋ̥) ə-blá xudà. Э-pr̥̄šlà
jesə́ŋ̧, tù-jə́sen smo sъ̀da (sъdà). Pasá jesə́ŋ̧, prídъmo tù-zimə̀;
pasá zȉmà, prídъmo tù-vъlȁžъŋ, potlə̀ kъ nàs-nawȁt zȉmà lepwó
z-mrȁzaŋ̧ aŋ̧ s-snjȅγaŋ̧. Zá-vъlážъŋ ə ljéto.

975 Čə́le majó dostъ̀ medú ljȅtas.

976 Sàŋ̧-pr̥̄pejù zȅt; muj zȅt. Moà xʃí ə̀-pr̥̄pejála zȅt. Njé ženȅ,
977 ə̀-umr̥̀la. Tákwo potlə̀, kъ̀ sàŋ̧-zrḗdu xʃə̀r, onà-jíma xȉšo àŋ̧

---

969 Я слышал, как он говорил, но я ничего не понял. Я слышал,
как он пѣл.

970 В прошлом году было хорошее лѣто, но в этом году будет
971 скверное лѣто. Была засуха, и еще кое-что (нѣсколько) града;
и так будем имѣть мало чего ѣсть, и вслѣдствіе этого научимся
972 уму-разуму. Нѣт ни одной вещи столь хорошей (пригодной) для
того, чтобы научить уму-разуму, как голод.

973 Весною было скверно, ибо нельзя было засѣять то, что нужно
974 было сѣять. Скверная весна, весна была скверная Пришла осень, в
осени мы теперь. Пройдет осень, прійдем в зиму (прійдет зима);
пройдет зима, прійдем в весну (прійдет весна), послѣ того как
зима проучит нас хорошо (как слѣдует) морозом и снѣгом. За
весною слѣдует лѣто.

975 У пчел много меду в этом году.

976 Я привел зятя; мой зять. Моя доч привела зятя (т. е. мой
зять приженился в мой дом). Жены [у меня] нѣт, она умерла.
977 И так затѣм, когда я воспитал доч, у нея дом и муж, а у меня,

možà, aŋ ə̀st, kь̀-sən-jь̀x zrẽdu, njémaŋ-nь̀č ku twó-k-mь̀
978 -ónь-dajȍ. Ə̀ səŋ-jo-zrẽdu. Stojíŋ ta-pr̥-zə̀t; sàŋm-pr̥jèw od
-zə̀t téle kȍs krũxa, kь̀-mь-γa-ə-dàw; stojíŋ zə́taŋ aŋ, kàr-mь
-dà, jìmaŋ.

979 Saŋ-dàw tatú moə̀-blaγwó.

980 Tù-trjebúse maŋ púno wadè; je-bìt popìt àŋm-bokàw vína,
dь̀ vьženè wadő wòn-s-trjebũxa.

981 Ə̀-umrù tù-γrjəsè, če sè-njé-spovjédu. Bít tu-γrjesè ə dnà,
982 umrjét tu-ŋéŋ ə̀ ta-drũγa. Òd-γrjẽxà je-bìt γòr-wstàt, čé se
-jè lepwó živjət; če-γlìx njé dobrò, je-bít požìvìt, kàr se-mà.

983 Téle mjésac ə̀ do-wàxt té. Ženàr, mál-mjésac, màrč, obrìw,
984 máj, júŋ, žétŋak, avòšt — za žétŋakaŋ, bəndímjak. Téle-sь̀da ə̀ do
-wàxt, wàxtnь aŋ svéteγa-Štándr̥ža. Əŋzát božíčnь mjésac.

985 Rudwó zlatwó. Čisto ə lè-zúna čísto; rudwó príde stàt wsè;

воспитавшаго их, нѣт ничего, как только то, что они мнѣ дают.
978 А я ее воспитал. Я живу у зятя; я принял (получил) от зятя тот
кусок хлѣба, который он мнѣ дал; живу с зятем и, что он мнѣ
даст, имѣю.

979 Я отдал вору мое имущество.

980 В животѣ у меня полно воды; надо попить стакан вина, чтобы
оно прогнало воду вон (проч) из живота.

981 Он умер в грѣхѣ, если не исповѣдывался. Быть (Оставаться)
982 в грѣхѣ одно, а умереть в нем другое. От грѣха слѣдует воз-
стать (освободиться), если хотим хорошо жить; хотя и не хо-
рошю [живется], надо довольствоваться (?) тѣм, что имѣется.

983 Это мѣсяц до-всѣх-святых (октябрь). Январь, «малый мѣсяц»
(февраль), март, апрѣль, май, іюнь, іюль, август — послѣ іюля,
984 сентябрь. Этот теперь до-всѣх-святых (всѣх святых) (октябрь) и
[послѣ мѣсяц] святого Андрея (ноябрь). Наконец рождественскій
мѣсяц (декабрь).

985 Безпримѣсное (чистое) золото. Чистое только снаружи
чистое; безпримѣсное значит все (цѣликом); снаружи и внутри—

zúna aņ nǒtr̥ ə̀ rudwó, čísto se-vȉd, aņ wsè sè-na-vȉd, àņ э rudwó.

986 Wrána э tísta, kь γré w-ȁjьr, fr̥̂ka. Tlé-tje γré aņ tròp kríwk. Jъ̀x-э-blwò trí tropé, trí-tropé kríwk ə̀-pasálo tlə́tje donàs.

987 Fr̥foli̇̀ se-djé tístemo, kъ̀ na-móre wtȅj; fr̥̂ka tíst kь w-ȁjьr.

988 Tù-žákjo э-nə̀su mǒkò (mǒ́ko).

989 Sr̥nà ə̀ na-žvína, *kѐ* э jézna.

990 Tlə̀ se-na- *máj* -finí, ə̀-finíta.

991 Tíste sǒ́ robwóvь, ki jímajo snožȅta Možə̀rcь γòr-po-ŋéx.

992 Э-rát sьdà.

993 Tà-na-Subȉde aņ dòl-u Melȉn sǒ̀ Slovèŋ.

994 Tà-na Purčíŋo saņm-bìw.

995 Kówa se-djé pásji pastȅj. Zá-se-pokrȉt э plaxúta, àņ če se

---

без примѣси, чистое — на вид; всего нельзя видѣть, а [однакож] оно безпримѣсное.

986 Ворона та, которая идет (летит) по воздуху, машет крыльями. Вот там летит стая галок. Их было три стаи, три стаи галок прошло здѣсь сегодня.

987 «Трепещется» говорят о том, что не может убѣжать; машет крыльями тот, что в воздухѣ.

988 В мѣшкѣ понес муку.

989 «Серна» (Тигр) — это такое злое животное (такой злой звѣрь).

990 Здѣсь никогда нельзя кончить [говорить], — и конец (и баста).

991 Это все горы (холмы), на которых Мажарольцы имѣют луга.

992 Довольно теперь.

993 На Субидѣ и в Мелинѣ живут Словѣнцы.

994 Я был на Пурчинѣ (*Porzus*).

995 «Кова» говорят о собачьей постели. Для прикрытія имѣется

jíma kóltro, se-lòž γòr-na-plaxúto, àŋ če nè, àto se trēsè člo-
996 vèk. Štramàč se-djé tístemo žákjo, kə̀ pastèja.

997 Buj-láčaŋ kь bə̀š, búj poletíš, dь bóš prjét jjèdu.

998 ¿Sь žéj pr̥šù?

999 Tjédaŋ. Šəz-dní tjédna, aŋ nedéja sə̀daŋ. Pandéjak ə̀ začétak tjédna, àŋ nedéja fьnì. Toràk, srjéda, četr̥tàk, pətàk, sabə̀ta.

1000 Senwó príde òt-travé; tù-sjéne ə wsáke-sórta tráwa.

1001 Núnac se-djé, če-γlìx nje núnac; a bótr̥ se-na-móre-rèj, če njé.

1002 Эs-kášjaŋ, núna, maŋ-káši.

1003 Bjéš s-staklə́nco pò-wadó, bómo-pìl. Bjéš po-wadó, kjér tьčé.

1004 Stjéka, kjér se-stjéka; kь príde od-vìj-kràju, príde u-kūpe, se-stjéka.

простыня; а если имѣем одѣяло, кладем его на простыню, а если
996 нѣт, тогда [от холода] трясется человѣк. Тюфяком называют тот мѣшок, на котором постель.

997 Чѣм болѣе будеш голоден, тѣм быстрѣе побѣжиш, чтобы прежде поѣсть.

998 ¿Ты уже пришел?

999 Недѣля. Шесть дней недѣли, а с воскресеньем семь. Понедѣльник составляет начало недѣли, воскресенье же заканчивает. Вторник, середа, четверг, пятница, субота.

1000 Сѣно происходит от травы; в сѣнѣ имѣется всякаго рода трава.

1001 «Дядя» говорится, хотя он и не дядя; а «кум» нельзя сказать, если он не кум.

1002 Я кашляю, тетушка, у меня кашель.

1003 Ступай с графином за водой, мы будем пить. Ступай за водой [туда], гдѣ она течет.

1004 Стекается, гдѣ стекается; когда приходит с разных мѣст, приходит вмѣстѣ (собирается), [тогда] стекается.

1005 Nardíte tíste kosílo, kъ̀ səŋ̨-štùf. Túdi ženà ə-štúfa kosílo kúxat.

1006 Э *mása* γostwó; tíste э *mása* γostwó. Plénta ə̀ γostà.

1007 ¿Э-bìw‚ Zanút ‚doljé? ¿Zanút э-bìw-doljé?

1008 Tu-sjénce sè‚ dobrò ‚stojí po-ljéte, če njé láčaŋ̨ člověk. Če láčaŋ̨, stojí slábo tu-sjènc àn ta-pr̥-sòŋ̄c.

1009 Sàŋ̨-γa vídu jjedé, kǝ̄-jjédu kròx, *má* mo-ə-bìw dóbr̥, zawój-teγà-kǝ̄-bìw láčaŋ̨.

1010 Žej dàvъ na-taščè γa-ə̀-zapísu (-zapīsù).

1011 Je-bít bówγat té-k ɟe-bít brúmaŋ̨.

1012 Гòr-u-kámbrъ se-spíje tána-pastěj.

1018 Эst-njesàŋ̨ podlóžnik obéduěγa, kú Bwóγa. ¿Čí-podlóžnĭk saŋ̨ ə̀st?

1014 ¿Òt-koγá γwarìš? ¿kí-práviš, kí-γwarìš?

1005 Сдѣлайте этот обѣд, так как я уже утомлен (мнѣ уже надоѣло). Тоже жена (женщина) утомляется, готовя обѣд (Тоже женѣ надоѣдает готовить обѣд).

1006 Слишком густо; это слишком густо. Полента густа.

1007 ¿Был-ли здѣсь Ваня? ¿Ваня был здѣсь?

1008 В тѣни хорошо лѣтом, если человѣк не голоден. Если он голоден, ему скверно и в тѣни и на солнцѣ.

1009 Я видѣл, как он ѣл, как ѣл хлѣб, но он (хлѣб) был для него хорош (но он находил его вкусным), потому что был голоден.

1010 Уже (Еще) сегодня утром на тощах он его записал.

1011 Должен слушаться (повиноваться) тот, кто хочет быть порядочным (честным).

1012 В комнатѣ на верху спят на постели.

1013 Я ничей подданный, кромѣ Бога. ¿Чей я подданный?

1014 ¿О чем ты говориш? ¿что ты разсказываеш, что ты говориш?

1015 Tále-ženà ə̀ šarokà, pájĭ téle-mŏ̀s ə̀ šaròk. ¡Ó, kokwó ə debù téle-mŏ́š! ¡Ó, kokwó ə debəla tála-ženà! Na-djélata nìč-drúzĕγa, ku pítata-sè. ¡Ó! kokwó ə debəla tísta prasìca, kokwó ə opítana.

1016 Tústa ʝe-réʝ ód-dostь̀-objéle, ne-*míγo* dostь̀-mesà. Túšča se-stéje (?-štéje) objéla, k sè-tustì.

1017 Sé-γa-mwóre-ovьzàt. Гà-ovьzá. ¿Ál-sь-γà-ovьzú? Já, saŋ -γà-ovьzú. Bén, sь-prù-stwóru, kь̀ sь-γà ovьzú. Sь̀da saŋ-γà
1018 -ovьzú; *mánku* stȍr tíste djélo, *kə̆* γà-ə-mù-stwórt. «Гá-ovьzáŋ»— pájĭ twóle odγwarí tíst, k-mo-djéjo: «ovьzáj-γa»; oŋ-djé: «γá -ovьzáŋ». Óŋ-γa-ovьzá.

1019 Tu-wsáki-wasь̀ (Tu-wsáci-wasь̀) ə̀ adàŋ, *kə̀* povjé, ti vìš pravìc(?), kí se-γája tú-wasь̀. ¿Kə́j-sə-γodílo? ¿kə́j-sə̆-ə̆-γodílo?

1020 ¿Ál-na-vjedŏ́, dь̀ saŋ-trúdaŋ?

1015 Эта женщина широка, и тоже этот мужчина широк. ¡О, как широк этот мужчина! ¡О, как широка эта женщина! Они [вдвоем] ничего другого не дѣлают, как только питаются (кормятся, жрут). ¡О! как толста эта свинья, как она откормлена.

1016 «Жирная» значит от лишней приправы (сдобы), а вовсе не от лишняго мяса. Жиром считается приправа, когда приправляется маслом.

1017 Надо ему дать знать (его предупредить). Дает ему знать. ¿Дал-ли ты ему знать? Да, я ему дал знать. Ладно, ты хорошо сдѣлал, дав ему знать. Теперь я ему дал знать; по крайней мѣрѣ он сдѣлает ту работу (справится с тою работой), которую дол-
1018 жен-был сдѣлать. «Я дам ему знать» — так именно отвѣчает тот, которому говорят: «дай ему знать»; он говорит: «я ему дам знать». Он ему даст знать.

1019 В каждой деревнѣ имѣется (найдется) один (субъект), который разскажет [о том],.....?...., что происходит в деревнѣ. ¿Что случилось?»

1020 ¿Развѣ вы не знаете, что я утомлен?»

1021 Kár ə ni-mrù zemjé, ni-mrù teγá-kə-ə̀, se-djé «ni-mrù zemjé» alpàj «γrjéba». Če u-cjéliŋ, čè u-kosò, se djé γrə́ba. Če və̀lika, ə γrə́ba; če míckana, ə γrə́pca (γrə́bĭca).

1022 Sь-čúje na-dúziŋ, delèč, tíste príde-stằt wse-dnò; twó na-dúziŋ, twó na-delečъŋ — ə wsè-γlìx, ə wsè-dnò.

1023 Γrája; twó-bod žíwa, twó-bod mr̥twà, wsè-γlìx djémo
1024 takwó: «γrája». Žíwa tá-k-rāstè; an tá-k-ə̀ wsjéčena, ə mr̥twà. Ta žíwa rāstè; tístemo djémo mi-drūz «ljésa» al*púr* «γrája» túdi
1025 tístemo. Pasí tjé-čes· tísto ·γrā́jo alpàj ·ljéso.

1021 Когда имѣется немножко земли, немножко чего бы то ни было, говорится «немножко земли» или же «глыба». Если в цѣлом, если в одном кускѣ, говорится глыба. Если большая, [тогда] она глыба; если маленькая, — глыбка.

1022 Слышно «на долгом» (на большом разстояніи), далеко, это значит все одно и тоже; на долгом-ли (на большом-ли разстояніи), издалека-ли, это все равно, все одно и то же.

1023 Изгорода (Ограда); будь она живая (самородная), будь она
1024 мертвая, все равно говорим так: «изгорода». Живая это та, что растет; а отрубленная мертва. Живая растет; это мы здѣсь на-
1025 зываем «перелаз» («пролаз») или же «изгорода» — тоже это. Проходи через эту изгороду или же через этот перелаз.

ЧАСТЬ II.

Чужіе матеріалы.

Образцы языка и напѣвы, записанные другими лицами.

II. TEIL.

Fremde Materialien.

Die von anderen Personen aufgezeichneten Sprachproben und Volksweisen.

I.

Памятник языка терских Славян.

Пособіе для духовника (исповѣдателя).

Ein Sprachdenkmal der Slaven von Torre.

Ein Hilfsbüchlein für den Beichtvater.

Эту рукопись (в видѣ тетрадки из обыкновенной почтовой бумаги, т. е. in-8⁰), составленную, как кажется, в половинѣ прошлаго, XIX-го, столѣтія, я нашел въ 1873 г. у одного из священников Тарчентскаго дистрикта (*distretto di Tarcento*), может быть, в Тайпанѣ (*Taipana*), но теперь, к сожалѣнію, забыл, там-ли именно. Тогда я ее списал весьма тщательно, но самый оригинал оставил на мѣстѣ, хотя, по всей вѣроянности, мнѣ было бы не трудно пріобрѣсти его в полную собственность. В 1901 г. я расспрашивал про него у всѣх священников этого дистрикта, но никак не мог добиться каких бы то ни было свѣдѣній. Рукопись пропала безслѣдно, так как ея владѣльцы ею вовсе не дорожили.

Эта потерянная рукопись состояла преимущественно из цѣлаго ряда вопросов исповѣдателя и отвѣтов исповѣдывающихся «грѣшников», равно как и из отдѣльных слов и разных фраз, на италіанском языкѣ с переводом на мѣстный славянскій. Здѣсь я печатаю ее по имѣющемуся у меня списку, в котором я старался сохранить всѣ ошибки, неточности и поправки списываемаго подлинника.

Звуки славянскаго языка передаются здѣсь италіанским правописаніем, и к тому же не всегда одинаково.

Два вида рукописных букв z и s, т. е. *z* и ʒ, *s* и ſ, оставлены мною здѣсь без различенія.

1026	*Che nome hai!*	Che ti mas sano ime
	Che nome ha tuo padre!	Comà sano ime tuii okià!
	e tua madre!	a tua mati!
	e tua sorella,	a tua sestrà
	e tuo fratello!	a tuoi bratar
	e tuo nono!	a tuoi testari okià
	e tuo zio!	a tuoi barba
	e tuo nipote!	a tuoi nevout
1027	*Qual è il tuo cognome!*	Che ti mas san cognon
	e sopra cognome!	a sure cognon
	Di che paese sei!	Tas cheha paisa ti sì
1028	*Quanti siete in famiglia!*	Al to uas jè dosti tou fameje
	è vivo tuo padre!	al è sziu tui okhià
1029	*Quanti hanni hai!*	Dostì liet masti
	E tua madre come si chiama di cognome!	A tua mati cako se clize [1]) di cognon
1030	*Quanto tempo è che non sei confessato*	Al jè dosti timpa che ti se niessi spovieduu
	Un anno!	No lieto
	un mese!	Dan miessaz
	quindici giorni!	Petnast dni [2])
	una settimana	Dan tiedan
	tre giorni — o jeri	Tri dni, — alì (ucera) uh-cera
1031	*Hai fatta la penitenza?*	al si sturuh penitinzu
	Hai procurato di far bene l'esame di coscienza!	Al si procuruh storti lipo esam od coscienze
1032	*Dopo l'ultima confessione in che hai offeso dio*	Po tuoi ti sadnie spovede al sì kriessuu
1033	*Raconta, con sincerità il tutto al tuo Padre Spir.* [3])	Poviedej, con sinceritat souse tvemu spovednicu

---

[1]) Над конечным *e* этого слова надписано *ie*.

[2]) Сначала было написано gni, затѣм *g* перечеркнуто и поправлено на *d*; а может быть и *d* зачеркнуто, так что осталось одно только ni.

[3]) Т. е. *spirituale*.

1034	*Abbi confidenza nella bontà e miserisordia di Dio*	Mej confidenzu tou bontat anu misericordiu Bosiu
1035	*Ho disobedito i miei genitori*	San disobeduu Okhie anu mater
	Li ho strapazzati, e fatti piangere	San je strapazuu, anu sturûu [1]) jocati
	Ho fatto loro incontro?	San jen sturâu [2]) quintri
1036	*Ho battuto mio fratello! o mia sorella!*	San toucû meha bratra, anu mu sestrù
	Ho disobedito mio zio	San disobedu meha barbe
1037	*Non ho dette le orazioni la mattina!*	Niesan spieu orazion sjutra
	Ne la sera ho detto il rosario, ne le orazioni	Ne svezar san spieu rosariha, ne orazion
1038	*Ho mancato di santificar le feste*	San mankiuh santificate fieste
	Non sono stato a Messa	Niessan biu par maisce [3])
	non a Vespri	Ne par vicernize
	Non alla predica, ne al Catechismo	Ne par predighie, ne par catechisme
1039	*Ho parlato in Chiesa fra le funzioni,*	San chiacherou tou cirque par funzione
	Sono stato di scandalo ai miei compagni.	San bi sa scandou moim compagnan
1040	*Ho guardato una persona con compiacenza*	San mercou dnu personu sgustan
1041	*Ho parlato male con una giovane*	San chiacherou hardo snu mladu
	Ho procurato di sedurla	San procurou ju ingianate
1042	*Ho detto che non è peccato quella licenza!*	San giàu che to nie riech ta libertat

[1]) Сначала было, кажется, sturou, но затѣм поправлено на sturûu.

[2]) Сначала было sturou и затѣм поправлено как будто на sturâu (со знаком французскаго «облеченнаго» акцента, *accent circonflexe,* над обѣими буквами, т е., собственно, сверху между обѣими буквами, au).

[3]) Сверху, между s и c, надписано еще одно c.

1043	*L'ho persuasa a non andar tanto a confessarsi*	San ju persuaduu ne hoditi tikaj spuvede
	Gli ho detto che sono invenzioni de' preti!	San jei giau che so invenzione tech farie
1044	*La confessione basta una volta in vita?*	Ta spuvedt al bastà dua in vite?
1045	*Ho persuasa ad aspettarmi al tal luogo alla tall' ora!*	San ju persuadou me ĉacate tien lugu, tej ure
1046	*Gli ho promesso di sposarla, e con giuramento,*	San jej prometou ju usete, enu [1]) szuramentan
1047	*Gli ho portati regali*	San jej nessou regale
	gli ho spedito il mio ritratto	San jej poslou muoj ritrat
	Gli mandai lettere amatorie	San jej poslou lettere
1048	*Era mia parente in terzo grado di consanguin.,* [2])	Teba ma parentad u tiarzen gradu
	l'assicurai che penserò per la dispensa	San ju assigurou che bon pensou sa dispensu
1049	*mi fermai in casa sua, tra solo e sola,*	San se stavou tou gne kisce, samou
	la consigliai a lasciar aperta la camera di notte	San ju consejou nahate odpertu chiameru
1050	*Ho usate sforzatamente violenze*	San ju sforzavou
	Per voler contentar mie passioni gli minaciai la morte	zSa contentati me passioni san giaou ju ubite
1051	*Ho chiamati i miei amici a seguirmi*	je san clizzov moie [3]) snanaze smano
	Ho loro palesato le mie sciaguragini	san giau gnen — moai [4])
1052	*Ho insegnata a piccoli la malizia*	San na uzou ten malin tu maliziu

[1]) Трудно разобрать на вѣрно, стоит ли в моем спискѣ enu или же anu.

[2]) Т. е. *di consanguineità*.

[3]) Написано, кажется, и в подлинникѣ, весьма нечетко: moii? moie? moiè?

[4]) Эти двѣ фразы в переводѣ (№ 1051) были вписаны послѣ карандашом.

	Ho mandato a rubare	San poslou crast
1053	*Anche io sono stato a far un furto in Chiesa*	Se jà san bisou crast tou Cirkou
1054	*Spesso pecco d'intemperanza nel bere*	Doste crat rescin sa massa pite
	Frequento l'osteria, ed i giuochi	Frequentauan [1]) ostarie anu zughe
1055	*Sono stato in maschera, ed al ballo*	San biu smaschere [2]) anu na plesse
1056	*le feste non le santifico*	Niessan santificou fiest
	Ho fatti lavori servili.	San dielou
1057	*Ho trascurati i doveri di genitore*	San trascurou dove di Okhià o di Mate
1058	*Non ho insegnato le orazioni ai figli*	Niessan uzou orazion otrocan
	Non li ho mandati ai sacramenti	Niessan jech poslou sacramentan
	Non alle prediche —	Ne predigian [3]).
1059	*Non ho proibiti loro i giuochi*	Niessan proibiu jen zughe
	Li ho lasciati in cattive compagnie	Sen je nahau slabemi companiame
1060	*Non ho usata fedeltà con mia moglie*	Niessan biu fidel muoj senè
	Ho amate altre persone—	San amou drusigh person.
1061	*Ho data libertà alla lingua —*	San dan libertat temù isicu
	di imprecare	imprecate
	di maledire	maledite
	di Bestemmiare	blestemate
	di parlare scandalosamente	Chiacherate scandalosamente

---

[1]) Сначала было написано Frequentauam, затѣм конечное m перечеркнуто и надписано n.

[2]) Начальное s слова smaschere зачеркнуто.

[3]) Сначала стояло predighian, но затѣм h перечеркнуто; кромѣ того предпослѣдняя буква вышла кляксом, так что неизвѣстно, predigian ли это, или же predigien.

1043	*L'ho persuasa a non andar tanto a confessarsi*	San ju persuaduu ne hoditi tikaj spuvede
	Gli ho detto che sono invenzioni de' preti!	San jei giau che so invenzione tech farie
1044	*La confessione basta una volta in vita?*	Ta spuvedt al bastà dua in vite?
1045	*Ho persuasa ad aspettarmi al tal luogo alla tall' ora!*	San ju persuadou me ĉacate tien lugu, tej ure
1046	*Gli ho promesso di sposarla, e con giuramento,*	San jej prometou ju usete, enu [1]) szuramentan
1047	*Gli ho portati regali*	San jej nessou regale
	gli ho spedito il mio ritratto	San jej poslou muoj ritrat
	Gli mandai lettere amatorie	San jej poslou lettere
1048	*Era mia parente in terzo grado di consanguin.,* [2])	Teba ma parentad u tiarzen gradu
	l'assicurai che penserò per la dispensa	San ju assigurou che bon pensou sa dispensu
1049	*mi fermai in casa sua, tra solo e sola,*	San se stavou tou gne kisce, samou
	la consigliai a lasciar aperta la camera di notte	San ju consejou nahate odpertu chiameru
1050	*Ho usate sforzatamente violenze*	San ju sforzavou
	Per voler contentar mie passioni gli minaciai la morte	zSa contentati me passioni san giaou ju ubite
1051	*Ho chiamati i miei amici a seguirmi*	je san clizzov moie [3]) snanaze smano
	Ho loro palesato le mie sciaguragini	san giau gnen — moai [4])
1052	*Ho insegnata a piccoli la malizia*	San na uzou ten malin tu maliziu

[1]) Трудно разобрать на вѣрно, стоит ли в моем спискѣ enu или же anu.

[2]) Т. е. *di consanguineità.*

[3]) Написано, кажется, и в подлинникѣ, весьма нечетко: moii? moie? moiè?

[4]) Эти двѣ фразы в переводѣ (№ 1051) были вписаны послѣ карандашом.

1062	*agli occhi —*	Ten ozan
	di guardare immodestamente	Mercate *idm* [1])
1063	*alle orecchie —*	Ten uhan
	di sentire — discorsi, innonesti, e di andar in cerca di sentir fatti cattivi	Sa zute discorse disoneste anu iti in cergie sa zuti fatte harde
1064	*alle mani —*	Ten rocan
	di toccare cose proibite — o sacre	tipate reze proibide, o sacre.
1065	*ai piedi di portarsi, in mille occasioni peccaminose ....*	ten nohan jete tou mil ocasion ricsne. [2])
1066	*Ho letto i libri proibiti*	San brau librine proibide
	Ho fatti canti impuri	San dielou chiante impure
	Ho composte canzoni immorali	——————————— [3])
1067	*Ho applaudito e lodato il male*	San confermou anu lodou to harde
1068	*Sono stato a parte di quella ruberia.*	San biu se ja in companie tou tej robarie
1069	*Ho mangiato di grasso i giorni proibiti*	San jedou di gras zornadah proibideh
	Ho messo in ridicolo le leggi della Chiesa	
	Ho dubitato nelle cose di fede [4])	
1070	*Ho mormorato di Sacerdoti e di persone sacre*	San mormorou od Farie, anu od person sacrih
1071	*Ho scritto contro la verità*	San pissou quintri veritade
	Ho detto il falso in testimonio	San sturou no bausiu
1072	*Ho comprati falsi testimonii*	San cupou false testimonihe
	Ho tenuto mano ai ladri —	San darsou rocu tin larinan
1073	*Ho tolto l'onore e la stima*	San useu onor anu stimu

[1]) *idem*, «то же самое», значит, что слѣдует повторить соотвѣтствующее слово италіанскаго текста: *immodestamente.*

[2]) ricsne очевидно вмѣсто riscne.

[3]) Черта означает повтореніе предыдущаго перевода.

[4]) Эти двѣ фразы оставлены без славянскаго перевода.

	Ho inventata una calunia in disonore d'una giovane	San inventou nu caluniu in disonor dne zovine
1074	*Ho invidia del bene altrui*	Man invidiu drusigh foritune [1]
	Vorrei essere stimatŏ	Desideran betè stiman
1075	*Mi dispiace che altri sieno più fortunati di me.*	To mi se displasà che ti drusi bodite boi fortunani
1076	*Ho bramata la morte de miei genitori per essere libero, assoluto padrone*	San bramou smert muoien genitorian sa bitè liber anu assolut ospodàr
	Mi sóno bramata la morte—	San si bramou smert.
1077	*Ho avuti desiderii di persone sacre*	Samou desiderihe od person sacrih
	Mi sono compiaciuto di quella occasione.	San se complasou te ocasioni
1078	*Ho strapazzato il nome di Dio invanamento* [2])	San strapazou *il non di Dio* nome Bosie [3]) invano
	Il nome della B. Vergine	Ime sveti Marie
	dei Santi — — —	Svetiche
1079	*Ho avvelenata una persona, una bestia.*	San avvelenou dnu personu, dnu bestiu
	Ho desiderata la roba altrui	San desiderou roubu tih drusigh
1080	*Non ho digiunato*	Nissan se postou
	Non ho pagato i miei sudditi	Niessan plagiou muoih sudite.

1081	*Il Capo — i capelli — la fronte*	Hlaua, lasse, musich
	le tempie, gl'occhi — le guance	ĉelò, oze, lante
	le orecchie, il naso, la bocca	uha, nues, usta
	le labbra, i denti — la lingua	Subeze, zube, isich
1082	*il palato, — il cuore, — il petto*	— serze — [4])

[1]) Конечно, описка вм. fortune.

[2]) Очевидно описка вм. *invanamente*.

[3]) В строкѣ стоит *il non di Dio*, а над ним надписано nome Bosie.

[4]) Слово serze вписано карандашом, а два других слова той же строки вовсе не переведены.

	le spalle, le braccia, le mani	ramana, brace, ruche
	le dita, i piedi, i ginocchi, le coscie	pauzi, nuhe, collina, bedre,
	il fegato, i polmoni, i nervi, le ossa [1]	
	le vene — le arterie, le cartilagini	*com. precedenti etc.* [2]
	i muscoli, le membra, il pelo	
	i mostacci, la barba, il mento,	
	ćarbat	
	la nucca, il filo della schiena,	
	le coste	
	il tessere od ano —	
1083	*Pane — polenta — focacia*	Cruh, pulenta, pinza
	Croste — suf — fagiuoli —	Scorie — muznich, fasou
	Riso — Orzo — formentone —	Ris, juzmen [3], formenton
	Fava, patate — ceci —	Bob, crampir, ceseron
1084		Taizze
	Brovada — Carote — Zucche	Bruada, coragnè, mulone [4]
	Radichio — Salata — Blede	Ledrich, salata, bleda
	Erba — Aglio — prezemoli — selino.	Trauà (*vatela in cerca*) [5]

---

[1]) Эта строка оставлена без перевода, вмѣсто котораго стоят какія то произвольныя каракули.

[2]) Этим «*com. precedenti etc*». писавшій хотѣл сказать, что в говорѣ мѣстных Славян эти слова (в № 1082) звучат точно так же, как по италіански, чтò, конечно, не вѣрно, и поэтому оставил их без перевода. Только над словом *schiena* надписано карандашом: ćarbat (гдѣ ć замѣняет собою h или ch).

[3]) Сначала было написано jut, затѣм t переправлено на z и приписано men.

[4]) Сначала написано чернилами mulene, затѣм первое e переправлено карандашом на o, да кромѣ того над словом mulone надписано, тоже карандашом, Taizzo или Taizze.

[5]) Другія слова этой строки не переведены. Поставленное в скобках «*vatela in cerca*» (вм. правильнаго «*andate cercarla*» или «*andate in cerca di lei*») является какою-то остротой.

1085	*menestra — battude — latte*	mignistra, battuda — mleco
	formaggio — scutta — Buttiro	ser, scutta — spuiha
1086	*Sir* [1]) — *Cerese — castagne*	— Cerisgne, — burie
	Pomi — Peri — Noci — susine.	Iabuca — hrusche — lisneche, cispe.
	fichi — verze — brocoli	fihe — brosque — brocoli
1087	*uova — carne — galina — colombi —*	jaiza [2]), messo — cocos, [3]) —
	ucelli — cane — lepre — gatto	Tigie, Pas [4]). Sez [5])—mazac [6]).
	volpe—tasso—sangue—	Lessizza [7]) — [8]) — Crî [7])
1088	*uauze* [9])	
	pesce — cotto — crudo — corvo	Pesc — cuhan — sierou — crocovaz [7])
	rana — lucertola — vipera	Crote [7]) — [10]) lipara [7])
1089	*bue — vacca — vitello*	uolé, craua, telêto [11])
	jare [12])	ouzza — *piore* [13])

---

1) Трудно угадать, что это за италіанское или же фурланское слово; оно и осталось без перевода. А можетъ быть это славянское sir, как второй, рядом с ser, перевод италіанскаго *formaggio* предшествующей строки.

2) Очевидно вмѣсто *uova* распрашиваемый услышал *uva* (виноград) и соотвѣтственно этому перевел. Ибо первоначально было написано карандашом Hrasdouje, и только при послѣдовавшей провѣркѣ Hrasdouje зачеркнуто и над ним надписано карандашом jaiza.

3) Под словом cocos приписано в скобках слово, весьма нечеткое и которое чрезвычайно трудно разобрать: ? pangiagalli? pangiazalli? rangiazalli?......

4) Сначала было написано чернилами (crepago), затѣм это слово зачеркнуто и надписано карандашом Pas.

5) Сначала написали карандашом cri (т. е кровь) и затѣм по этому слову проведено карандашом Sez (заяц).

6) Это слово приписано карандашом.

7) Слова, напечатанныя разрядкою, в рукописи изображены карандашом.

8) Слово *tasso* оставлено без перевода.

9) Слово uauze надписано карандашом над словом *corvo*.

10) Слово *lucertola* вовсе не переведено.

11) Конечное о имѣет вид *ǒ*; знак акцента, ^, над вторым е надписан карандашом.

12) Слово jare надписано карандашом над *agnello*.

13) Слова ouzza — *piore* надписаны над uoxonigh; *pióre* по фурлански, *pecora* по италіански.

	capra — capretto — agnello	Cosà, coslig — uozonigh — jarta[1])
	maschio, o maschia, uomo, o femina	maschio — maschia — mòs—*o*,[2]) szenà
1090	*legno — frasca — ramo — foglia*	Daruà, frasze, ramaz, — listie
	fieno — fenile — camera —	seno — toblat, chiamera
	granajo — casa — stalla	chiast — kissà[3]) — klieu[4])
	lana —, brottola — canape	ouna — brotula — conopiè
1091	*cesto — grande — piccolo —*	Zej[5]) — veligc — mau
	fanciullo, — fanciulla —	otroch — ceciza[6]) kchiere[1]) dobar[7])
	bello — buono — brutto[8]) *— cattivo*	liep — bruman — hardo[9]) — tresto[10])
	largo — lungo — stretto — corto	soroch — douh—tessan—cratag
1092	*primo — secondo — terzo — quarto*	parve, te druhe — tiarze — quarte
	bianco — Rosso — verde — giallo — torchino.	bieu[11])—russo—szellen—zal— turchin
1093	*biava — frumento — segala*	Sirag — ceniza[12]) — hars

---

[1]) Разрядка обозначает, что в рукописи слово написано карандашом.

[2]) Это *o*, вписано или, точнѣе, надписано карандашом.

[3]) Сначала было написано hissà, и затѣм начальное h передѣлано карандашом в k.

[4]) Сначала было написано hliu и затѣм карандашом передѣлано в klieu.

[5]) Сначала было написано Sej, затѣм перечеркнуто и вслѣд за ним выставлено Zej.

[6]) Сначала стояло zeziza, но два первых z передѣланы карандашом в c.

[7]) Слово dobar надписано карандашом над bruman.

[8]) Второе t с конечным o образуют в рукописи одну слитную букву. .

[9]) Конечное o этого слова приписано карандашом.

[10]) Конечное o имѣет вид *∂*.

[11]) Это bieu переправлено в bielŏ, т. е. по конечному u прописано карандашом l и прибавлено ŏ.

[12]) Сначала было написано zeniza, затѣм нижняя, подстрочная часть начальнаго (в рукописи продолговатаго) z карандашом перечеркнута и по верхней проведено c.

	Alto — basso — giovane — vecchio.	Velich — bas — mlat — star [1])
		ja sse smejen [2])
	allegro — disperato, ridere,	allegri, disperat — smejate —
		je jocen [3])
	piangere	jocate
1094		ja je jen [4]) ja je pien [4])
	mangiare — bevere —	jesti — pite
		dielu [5]) nas je spien [5])
	lavorare — dormire	dielati — spati
		ja san hodou [6]) sedia [7])
	caminare — sedere	hoditi — sedieti
		jo stoin na nuhu [8]) stoin [8])
	star in piedi — star sdrajato	stati na nuhu — stati polehgnen
1095		jo je mercan [8]) ja je scriuan [8])
	guardare — nascondere	mercate — scriuate
		ja isan [8]) ja je man [8])
	essere — avere —	bete — miete —
		je san parsou [8]) jo san sou [8])
	venire — andare	prite — jete
1096		ja aman [8]) se boin [8]) je poien [8])
	amare — temere — leggere	amate, se bate — piete —
		je zujen [8])
	— sentire	zute

---

[1]) Сначала стояло ztar, затѣмъ по начальному z проведено карандашомъ s.

[2]) Слова ja sse smejen надписаны карандашомъ надъ smejate.

[3]) je jocen (? je josen) надписано карандашомъ надъ jocate.

[4]) Слова ja je jen и ja je pien надписаны карандашомъ надъ jesti и pite.

[5]) Слова dielu nas je spien надписаны карандашомъ надъ dielati—spati.

[6]) Ja san hodou надписано карандашомъ надъ hoditi, при чемъ san (? sen) весьма неразборчиво.

[7]) sedia надписано карандашомъ надъ sedieti.

[8]) Надписаны сверху карандашомъ.

		ja je virien [1] finissou [1]
	credere — finire —	virvate — finite —
		parnessite deruà [1]
	portare	nossite
1097		asti tipu [1]
	Aprire — chiudere — toccare	odprite — zaprite — tipate [2]
	cantare — portare —	chiantate — nossite —
		asti scascû [3] braessa [1]
	cucire —	scivate
1098		asti stourŭ [1] a te usgau o-
	fare — impizzare [4] *—*	storte — usgate —
		ongh [1]
	chiudere	zaprite
		ubuite [1]
	cucire — ferire — ammazzare	Scivate — ferite — ubite
1099	*Santo — Dio — Madona —*	Svetig — Būh — Sveta Maria
	Angelo custode	Agnul custode
1100	*Pater noster*	Okhia nas
	Ave Maria	Ave Maria (*ovvero* Cescena se Maria)
	Credo—De profundis. Miserere	Viera — *De profundis — miſ*
	Salve Regina —	*idm* [5]
1101	*Cielo — terra — mare — stelle — firmamento.*	Nebessa — zemia — morie, svisde — [6]
	Strada — bosco — campagna —	Put [7] — bosch — poje
	Prato — Orto —	urat — uart
1102	*Chiesa — Altare — Tabernacolo*	Circou — altar — Tabernacul

---

1) Надписаны сверху карандашом.
2) Сначала было написано potipate, затѣм начальное po перечеркнуто.
3) Вѣроятно вм. sasceu.
4) Необыкновенное италіанское слово.
5) *Idem*, т. е. по словѣнски так же, как и по италіански.
6) Слово *firmamento* не переведено.
7) Между P и u вставлено карандашом o, так что выходит Pout.

	Sagrestia — Confessionale — batistero	*idm* [1])
	brac [2])	
	pratica — costume — superbia [3])	*idm* [1])
1103	*farsi santo — farsi damnato*	Se salvati — se dannati
	vivere pel inferno, vivere pel Paradiso.	szivieti [4]) sza pacou — szivieti za Nebessa
	pensare all' anima, pensare al mondo.	Pensate za duscizu — pensate za sviet
1104	*Quanti anni hai! quanti giorni.*	Al ti mas dosti liet! dosti dni?
	Quante ore — quanti minuti.	Dosti ur — dosti minude
	Per chi li hai impegnati fin ora!	Sa cheha se je impegnou tiedo egne.
1105	*Hai tu da continuare nel peccato.*	Masti continuate tou grisse.
	Se muori in tale stato qual sarà la tua sorte	Se ti muerjes tou ten stade, caco bŭ [5])
1106	*Sei tu creato pel Inferno, o pel Paradiso.*	Al se ti crean sza pacou, alli sza Nebessa
	Quanto hai fatto pel Paradiso.	Al si dosti sturou za Nebessa
1107	*Se muori in peccato ti perderai per sempre*	Se ti umeries tou riesse se usubis sa simpri
	Se muori in grazia, viverai per sempre in Paradiso	Se ti umeries uhrazie, ti bos zivou sa simpri — [6])
1108	*Sei contenti* [7]) *di darti oggi a Dio!*	Al si content se dati nas Bohu [8])

---

[1]) *Idem*, т. е. по словѣнски так же, как и по италіански.

[2]) Слово brac надписано карандашом над superbia.

[3]) В словѣ superbia конечное a передѣлано карандашом в o: superbio.

[4]) Сначала стояло szivete, затѣм между v и e вставлено сверху i, а конечное e передѣлано в i.

[5]) bŭ? bie. Слова *la tua sorte* не переведены.

[6]) Слово *in Paradiso* не переведено.

[7]) Очевидно описка вм. *contento*.

[8]) Конечное u подписано снизу карандашом.

	Hai tu da perseverare nel tuo proposito.	Al mas stati salt, tui promesse
1109	*Pensa che domani puoi esser morto.*	Pensej che szaitra mores biti martou
	E se avesse di essere così, non desideresti d'esser stato vissuto in grazia.	E balto sucedalo [1]) taco al te be ne desiderou bete tou hrazie
1110	*Rifletti, e domanda perdono al Signore.*	Pensej, anu prascej pardon Bohu

---

[1]) Сочетаніе букв се походит в рукописи на а и все слово на suadalo.

II.

Образцы языка на говорѣ Чянебольском

(ср. №№ 746—763), записанные въ 1877 г. Иваном Вогричем (италіянским Словѣнцем родом из Св.-Петровскаго дистрикта), отлученным католическим священником, профессором Удинскаго лицея (гимназіи), автором нѣскольких полемических антиклерикальных и др. брошюр, редактором журнала *Esaminatore Friulano*.

Sprachproben im Dialekte von Canebola.

(cf. №№ 746—763), aufgezeichnet im J. 1877 vom Herrn Giovanni Vogrić (*Vogrig*) (italienischem Slovenen, gebürtig aus *distretto di San Pietro al Natisone*), suspendirtem katholischen Priester und Professor am Lyceum (Gymnasium) in Udine, Verfasser einiger polemischer antiklerikaler u. and. Broschuren, Redakteur der Zeitschrift *Esaminatore Friulano*.

В письмѣ от 8 ноября 1877 г. г. Вогрич так объясняет происхожденіе этих текстов:

«Qui Le mando alcune cose nel dialetto di Canebola. Ho scritto dietro quello, che un uomo carbonaro di quel paese mi raccontava».

Объясненія под текстом и подстрочныя примѣчанія (перевод на италіанскій, словенскій и нѣмецкій) сдѣланы самим г. Вогричем.

1111 1. So umiel[1]) med sabo uk, mš an lesica. Mš je jala, de bo
dš; lesica je jala, 'de ga bo na plašica; uk je jau, de ga bo an
klabuk.

uk = volk.
mš *pronunciato con una vocale muta che ha un suono medio appena sensibile fra* i *ed* e.
an = ino.
jala = rekla.
dš *come* mš.
na = ena.
plašica *invece di* plošica, *diminutivo di* ploha.
jau = jal = rekel.

1112 2. Kobilca je prašala mrujico an kos, ki je bila lačna. Mruja
1113 pa je prašala kobilco, kuò je dielala ta po liete.—Zdrava sam bla,
vesela sam bla, poskakvala sam.—Ki si poskakvala an bla vesela,
tuò poskakvanje in tuò veselje jej.

prašala = uprašala.
kos — *accento lungo dall' alto al basso.*
ki = zarad ki.
kako.
ta = tam.
tuò *è un articolo* to.

1114 3. Dva Vidančanja [2]) sta bla pršla na ćačo [3]) tu Ćiniebolo, an
sta cieu [4]) dan hodila od sjutra do noći za dujačno, an niesta ma-
1115 là [5]) nič ubìt, še [6]) negà [7]) tića, de 'b biu [8]) uriedan an sòd [9]). Za
večer sta ušàfala dua ćačadorja [10]) Ćinieboca, sta kupila dvie pi-
čoće [11]) od njih an nega zeca [12]) za se storti videt ta domà, de
1116 uonà duà sta ubila, an so dal pet fiorine. — An drug je biu pršù
1117 u drugo tam z Vidna sám, je biu u ćači osan dni. Tu osam dni
je ponucu stuò an šestdeset franku, an devet dan je muoru ku-

1) *consigliavano.* 2) *Udinesi.* 3) na lov. 4) celi. 5) moglà. 6) *neppure.* 7) enega. 8) bil. 9) sold. 10) dva lovca. 11) kljunači, Schnepfen. 12) enega zaica.

pit nega zeca, de je stuoru [1]) figuri tam domà, de ga je on bu [2]), an je dau pet franki z'anj.

onà dvà
dni — *accento lungo disteso egualmente.*
devet — *l'ultimo* e *lungo, perchè abbreviato da* deveti.
kupit — *accento lungo sulla* i dall' alto al basso.

1118 4. Tretjo nedejo junja imamo senjàn [3]). Osan dni prej škompa-
1119 najo [4]). Na tist dan, ki je naš senjàn, usàk buožac će jest njegà
1120 mesò, če ima kišo [5]) prodat. Tist dan puobe ćejò imiet njih godce,
1121 magar če imajo [6]) kožo prodat. Čečè [7]) ćejò imiet njih abanco [8]),
1122 če imajo kotlo [9]) prodat. Kapelàn polada tiste sorte, ki se pačajo [10])
1123 oku godce nič [11]). Prot tistim ki imajo godce, jih darži s' pridgo
po dviè an po tri ure u cierkvi, pr maši trie ure, pr večerenci paj
1124 dvie. Če vije [12]), de so šli godce gledat, nič manj ko jih tratà ško-
1125 munikat. Kar se gredò spavjedat, jim [13]) da po duà miesca pokuo-
re [14]) na duzim [15]).

1126 5. Pr nas imajo uraže na štrijamente le kake ženè. Nesejo no
1127 srakco [16]), če je mož, pa an facolet [17]), če je ženà. Pa so hodil
h' žegnu tje u Subit h pre Baluhu [18]); on je žegnu, pa uselih je
ozdraveu le tisti, ki bi biu ozdraveu brez žegna.

1128 6. Pr nas imamo dost krav. An kmet (kumèt) [19]) bogàt jih ima
1129 do petnaist, do osanaist. Na dobrà krava da štier bokalu mlieka.

---

1) storil. 2) ubil.

3) semin. 4) tonkajo, *scampanotare.* 5) hišo. 6) *a costo che dovessero.* 7) *le ragasse.* 8) gubanico. 9) *cotola,* kikjo. 10) *intringano.*

11) Kapelàn polada tiste sorte, ki se pačajo oku godce nič. *Il cappellano invita a pranso questa sorte di persone, che non s'intrigano niente coi suonatori da ballo.*

12) savedeti. 13) *Si sente a pronunciare* jim *e più comunemente* jin *(illis).* 14) *penitensa.* 15) *Più comune è* na duzin.

16) *una camicia.* 17) *fassoletto.* 18) *al pret Baluh.*

19) *Si sente fra* k *ed* m *una vocale, che non è nè* u *nè* i, *ma è più vicina alla* u.

Kar je usè vasì mlieka dno zornado [1]), dajò našemu gaspuodu [2]),
1180 an on ser nardī. Usaka kiša dviè libarce an pou [3]) špuoige [4]) mu
1181 da, sjera pa nìč; soudu [5]) mu damó stuo an petdeset slāt [6]). Berè učenico [7]) an usè druge reč [8]). On, ki nič na djela, stojì buiš [9]) ku mi druzi.

1182 7. Dol pod vasjò prdielajo uon do petdeset starjù [10]) burji ti dobri kumete; nad vasjò neće rast od burji zavoj mraza.

uon do = *fino a.*
burja *vuol dire castagna;* burji *genitivo plurale.*
rast = rasti.
od burji = *di castagne.*

1183 8. U Ćiniebol sada petdeset liet nije blo nič ku sedandeset kiš, in sada jih je stuò in dvanast.

---

1) *tutto il latte della villa d'una giornata.* 2) *qui vuol dire al nostro prete.* 3) *due libbre e mezza.* 4) *di butirro fresco.* 5) *soldov.*

6) Soudu mu damō stuo an petdeset slāt [очевидно описка вм. zlāt]. *Di danari gli diamo cento e ciquanta ducati. (Un ducato equivale ad un fiorino d'oro antico. Poscia* slāt *fu conservato anche pei ducati d'argento, dei quali uno valeva dalle tre alle quattro lire italiane, circa un rublo).*

7) pšenico. 8) *cose.* 9) bolš.

10) *stajo.*

III.

Напѣвы и тексты, записанные г-жею Э. Шульц-Адаевски.

Die vom Fräulein Ella de Schoultz-Adaïewski aufgezeichneten Volksweisen und Texte.

Французскія и италіанскія объясненія, примѣчанія и переводы происходят от г-жи Шульц.

В записях г-жи Шульц нѣкоторыя мѣста совершенно непонятны, так что я должен был оставить их без толкованія и перевода. Язык почти всѣх этих пѣсен смѣшанный, т. е. не одного говора. Текст 2-го напѣва (II. 1), т. е. 1-й напѣв из Луживеры или Бърда (стр. 199—200)—фурланскій. Краткія веселыя пѣсенки II. 4, II. 5, II. 6, II. 7, II. 8 и II. 9 (№№ 1137, 1138, 1139, 1140, 1141, 1142) очевидно словенскаго (горицко-крайнскаго) происхожденія, и их язык носит на себѣ отпечаток этого источника.

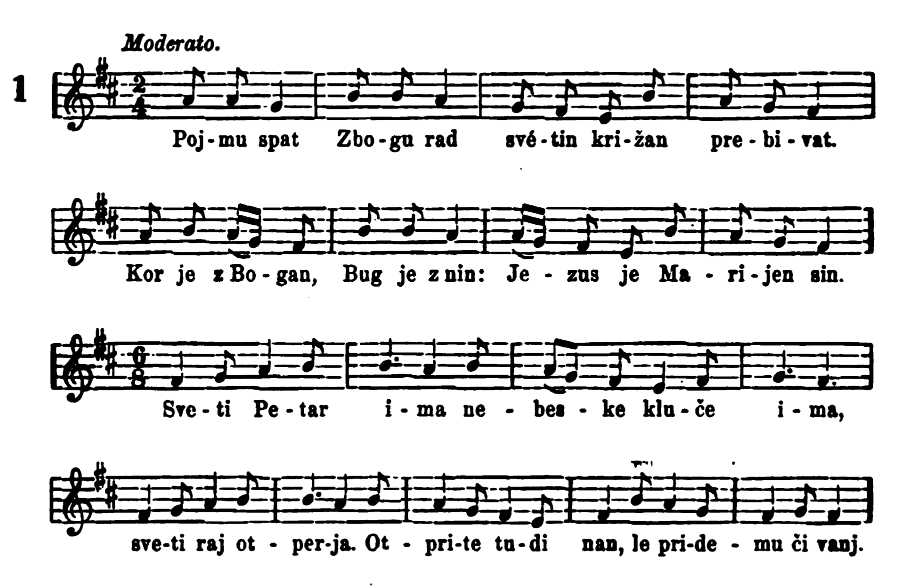
I.

«*Berceuse slovène* de la Haute Italie, chantée par Uassaz[1]) Teresa, 35 ans, mariée à Battoja, domiciliée à Vedronza, native

---

1) Эту фамилію г-жа Шульц въ письмах ко мнѣ изображает тоже через Uazzaz.

de Taïpana. commune de Platischis, district de *Tarcento*, prov. de *Udine* (Friuli slavo).



«De retour d'une excursion à Luzévera, un de ces petits *paësi* slaves, pittoresquement perchés sur quelque rocher ou enfouis dans une gorge des montagnes du haut Frioul, le long d'un torrent «blanc», j'entrai pour me reposer dans une auberge, tenue par le menuisier du village de Vedronza, district de Tarcento, et je priai sa femme—jeune encore—de me chanter une berceuse de son pays natal, Taïpana, petit village là-haut sur le versant du Monte Maggiore, au confin austro-italien. Et elle me fit entendre, après les préambules d'usage, la mélodie ci-dessus, qu'elle avait, me dit-elle, entendu chanter par sa mère».

E. de *Schoultz Adaïewsky*: La Berceuse Populaire. (Estratto dalla Rivista Musicale Italiana. Torino. t. II. fasc. 3, 1895, pg. 422(=3) [1]).

Словѣнскій текстъ этой пѣсни г-жа Шульц передает слѣдующим образом:

1184 Pojmu spat,
(z) Bogu rad (? s Bogu rad) [2]),
svétin križan prebivat.
Kor je z Bogan, Bug je z nin.

---

1) Цыфра в скобках указывает страницу отдѣльнаго оттиска.

2) Неясно; какое-то исковерканное словосочетаніе.

Jesus je Marijen sin.
Sveti Petar ima
nebeske kluče ima,
sveti raj otperja.
Otprite tudi nan,
le pridemu ci vanj (? uvanj).

В переводѣ на италіанскій:

Andiamo a dormire,
contenti con Dio,
santa croce presente.
Chi è con Dio, Dio è con lui.
Jesu è il figlio di Maria.
Santo Pietro ha
i chiavi del Cielo,
apre il santo paradiso.
Apri anche a noi altri,
e cosi andiamo anche noi da voi.

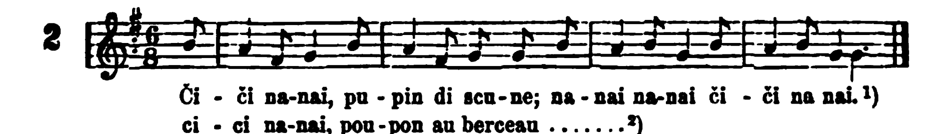
Во французском же переводѣ, в статьѣ «La Berceuse Populaire», pg. 422 (3):

Allons dormir — contents en Dieu — en présence de la Sainte Croix.— Qui est avec Dieu—Dieu est avec lui.—Jésus est le fils de Marie.—St. Pierre a les clefs du Ciel—il ouvre le Paradis.—Ouvre-nous-le aussi—et alors nous y entrerons.

II.

Chants et mélodies slaves, notés a Luzévera (Lusevera) 27 Sept. 1894.

1) *Berceuse slovène-frioulane,* chantée par une femme paysanne de 86 ans à Luzévera (district de Tarcento).

2

Une autre traduction: Dors, dors, enfant du berceau — či či nanai, či či na nai.

Ambitus mélodique — restreint, quatre notes.

Tonalité majeure (sol), avec note sensible (fa ♯).

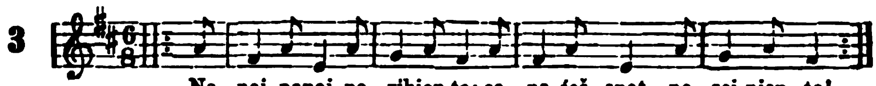
Rhythme uniforme $^6/_8$ monométrique iambique.

Architecture régulière. Période carrée.

Traits particuliers: a) *mesure initiale* avec anacrouse (temps levé, Auftakt) d'une croche; b) *mesure finale* — acatalectique, féminine.

Observations. Le *nai-nai* (ou *nenai nanai*) se trouve aussi chez les Slaves du Natisone. Ce vocable est parent évidemment au *ninna-nanna* italien, mais il a changé sa nature métrique, en déplaçant l'accent, qui chez les Italiens repose sur la première syllabe: *nìn*-na, chez les Slaves sur la seconde: na-*nâi*. Par conséquent ces derniers endorment leurs enfants avec un motif rhytmique avec anacrouse ♪| ♩, tandis que les premiers emploient le motif opposé: |♩♪, ayant l'ictus au commencement! Le Slave se sert du mètre iambique ⏑ –, l'Italien du mètre trochaique: – ⏑

Cette mélodie est à comparer avec la mélodie d'une *berceuse slovène*, entendue et recueillie à *S.-Pietro al Natisone*.

3 

(Cf. E. de *Schoultz-Adaïewsky:* La Berceuse Populaire. Estr. dalla Rivista Musicale Italiana, t. II, fasc. 3, 1895, pg. 424(= 5)[3]).

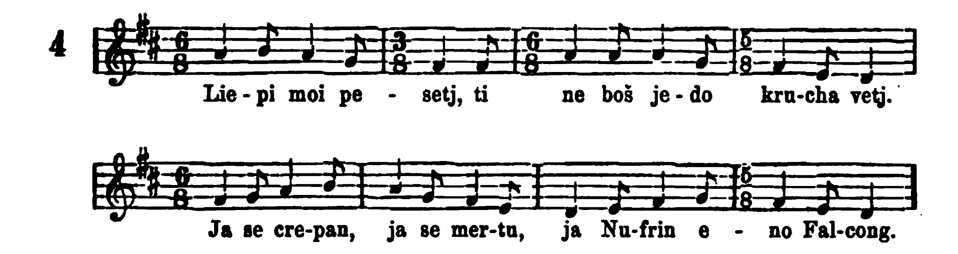
2) *Il Cane morto (o il Cane del prete)*, cantato da una donna di 45 anni, Slava, Giovanna.

---

1) Le texte frioulan.

2) Traduction française.

3) См. примѣчаніе в выноскѣ 1-ой на стр. 198.

4

Cette chanson est toute une histoire et se rapporte à un fait réel, qui s'est passé à Luzévera il y a 30—40 ans.

Un prêtre avait un chien, qui rôdait la nuit dans le village et mangeait les poules et les oeufs des paysans. Ceux-ci protestèrent et menacèrent de tuer le chien. Le prêtre répondit en menaçant de mort celui qui toucherait à son chien, et celui-ci continuait de jouir de sa liberté et de ses petites entrées dans les poulaillers. Alors les paysans mirent un piége devant le petit trou carré par où les poules faisaient leur «exit» et leurs «entrances». Le chien se prit la tête dans le lacet et fut trouvé un beau matin mort, étranglé. Alors deux paysans, dont la chanson retient les noms, Eunufrio et Falcong, portèrent le chien dans la cour du prêtre et composèrent la chanson ci-dessus, qui exprime d'une manière ironique les regrets du prêtre et lui jette un défi, en se moquant de sa menace de mort: «nous, Eunufrio et Falcong, bien vivants comme tu vois, nous voilà».

Voilà le sous-entendu du dernier vers; et c'est par ironie qu'ils chantaient: «nous sommes crevés, nous sommes morts». Mais trois jours après, me dit ma chanteuse, on porta l'un des deux moqueurs à l'hôpital où il mourut d'une mort subite.

Cette mélodie donne lieu à plusieurs observations au point de vue du rhythme.

1) La *mesure* $^6/_8$ est peu usitée chez les Slaves de la Russie, elle se trouve souvent chez les Slaves méridionaux, confinant à l'Italie et l'Allemagne.

2) Le premier et le dernier vers sont tronqués.

3) Le second vers a une mesure initiale diverse, pourvue d'anacrouse, tandis que les 3 autres vers ont l'ictus au commencement: il y a métabole rhythmique.

Liepi moi pesètj _ ⏑, _ ⏑, _′ Trimétre trochaique tronqué.

Ti ne boš jedo krucha vetj, ⏑ _, ⏑ _, ⏑ _, ⏑ _, Tetramètre iambique complet.

Jo se crepan, jo se mertu _ ⏑, _ ⏑, _ ⏑, _ ⏑ Tetram. troch. complet.

Jo Nufrin eno Falcong, _ ⏑, _ ⏑, _ ⏑, _, Tetram. troch. tronqué.

4) Il faut encore noter que ces derniers deux vers sont calqués sur l'ottonario frioulan. C'est évidemment une mélodie mixte.

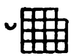
La tonalité est majeure moderne. Cependant la note sensible n'y figure pas, c.-à-d. elle n'entre pas dans *l'ambitus*, qui est d'une sixte: *re—si*.

Traits caractéristiques:

Mesures initiales protéiformes (voir observation 3-e).

Mesures finales: acatalectique, féminine, dans les 3 derniers vers, catalectique dans le premier.

Structure: irrégulière,



Текст словѣнскій этой пѣсни передается г-жей Шульц слѣдующим образом:

Liepii moi pezetj,
ty ne bosh jedo krucha vetj.
Ja se krepan, io se mertu,
ja Enufrin eno Falkong.

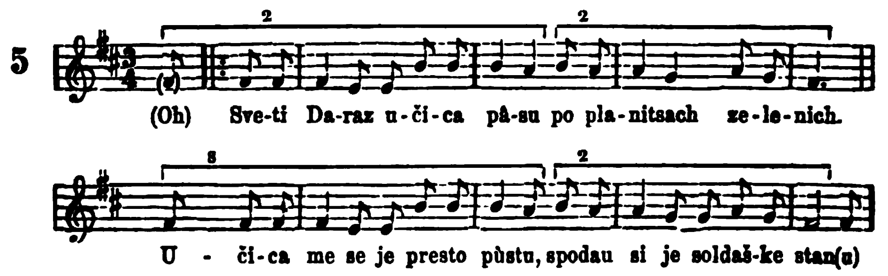
В принятом мною научном правописаніи это примет приблизительно слѣдующій вид:

1185 Ljepi moj pesej,
ti ne boš jedu kruxa vej.
Ja si krepan, ja si mertu,
ja Enufrin eno Falkoņ.

В переводѣ г-жи Шульц на италіанскій язык:

Il Cane morto.

Bello mio cane,
tu non mangierai più del mio pane.
Io son crepato, io son morto,
io Nufrin (Eunufrio) e anche Falkong.

3) *La Légende de St. Isidore*, chantée par Giovanna, 45 anni, mariée.

On voit que la mesure initiale est précédée tantôt de deux, tantôt de 3 notes, dans cet ordre: 2, 2, 3, 2. J'incline à penser qu'il y ait élipse dans le premier vers, et qu'il convient de lui restituer une croche, en disant: «*O* Sveti Daraz»,— ce qui établirait la symétrie des mesures initiales, c.-à-d. du motif rhythmique de l'anacrouse, qui s'entrelacerait alors d'une manière régulière: 3, 2, 3, 2.

Du reste la mélodie est régulièrement formée, en période carrée, les mesures finales sont alternativement féminines et masculines, en finissant par une de ces dernières.

Tonalité majeure, sans le 7-e degré.

Ambitus d'une sixte.

Traits caractéristiques:

Anacrouses mélangées: ternaires et binaires.

4 Tétramètres réguliers.

Quant au texte, la cantatrice évidemment manquait de mémoire, car il y a des lacunes sensibles, notamment entre le 6-e et le 7-e vers. Ensuite elle ne savait même pas que cette chanson se rapportait à St. Isidore: elle traduisait «Sveti Daraz»—«*Eterno padre, o eterno vecchio*»! Voici le texte tel quel: [1])

Canzone di Chiesa a mezzogiorno.

1) Sviete Dàraz ucitza pâsu
2) Po planiçach zelenich;
3) Ucitza me se ie prèsto pùstu,
4) Spodał se je soldaishki stan(u).
5) Soldaishke stanu tu bu živo
6) Dvenu tridesette liet.
7) Če za zùtra sio presto pusto
8) Če za svèčer ie vurshla blàg.
9) Če tant in kraju so spuiske pàrin
10) Je na cirkvetzach malanà
11) Tuti cirkvetze so tarje utaritze.

---

1) В письмѣ ко мнѣ от 16 марта 1903 г. г-жа Шульц-Адаевски выражается о данных в мое распоряженіе напѣвах между прочим так:

«Die wertvollste Melodie ist die «Sviete Daraz» (Hymne an den heil. Isidor), die ich aus dem Gedächtniss für Sie aufschrieb».

12) Siue ty tarje so liepo zenany
13) Te no pisantze te no pribrantze
14) Che to pisantze to cuo gorì.

В моем правописаніи приблизительно:

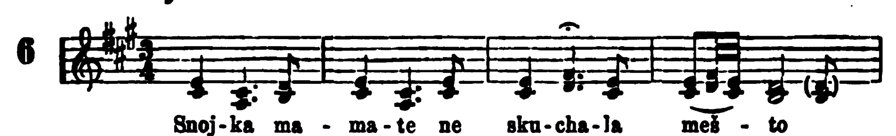
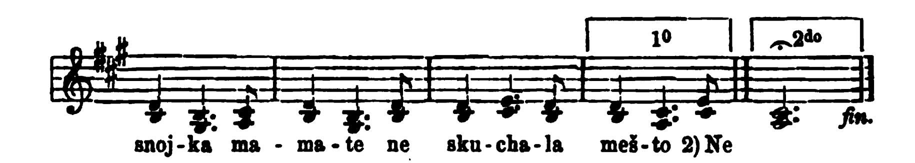
1136 Sveti Darac j učicǝ pȁsu
po planicax zelenix;
učicǝ ? je *presto* pustu,
spodaw se je w soldajški stan.
W soldajšken stanu tu bu živo (?)
dvenutridesete ljet.
Če za zutra si jo *presto* pustu,
če za zvečer je ? ?
Če w tantin kraju so ? ? ,
je na cirkveca malana,
tuw ti cirkveci so tarje utarice,
wse ti tarje so ljepo ženani;
te no pisance, te no pribrance (?).
Ke to pisance to, kwo gori (?).

В италіанском переводѣ г-жи Шульц:

1. *L'eterno vecchio padre, ho pastorà le pecore*
per le pianure verdi,
le go perse e poì le ho trovato.
2. *1) Santo Isidoro pascolava le pecore*
2) sulle montagne verdi;
3) le sue pecore le ha lasciate presto,
4) si ha dato alla carriera militare.
5) Nella carriera militare visse
6) trenta due anni.
7) La mattina le ha lasciate presto,
8) e la sera le ha trovate più grandi.
9) Di quell altra parte sono una quantità di preti,

10) C'è una chiesa pitturata,
11) In questa chiesa son tre altari,
12) tutti tre sono bene benedetti.
13) Queste scritture queste letture.
14) ? [1]).

4) *Chanson de jeune fille.*

Allegretto sostenuto.

1) Snoìca mamàte ne skùchala mèsto ·|.
2) Ne tè posabíla, mi dâte sće mêne ·|.
3) Mance ti mànce edaìse coràggio
chèta Bohtuà, che Bòh tu buàch.

T. e. вѣроятно:

1137 Snwojka mamate (?) ne skuxala mešto,
na je pozabila mi dati še mene.
Manče (?) ti, manče (?), e daj se *koraǫo*;
ke to bo to, ke bo, tu bo (?).

В переводѣ же это значит приблизительно слѣдующее:

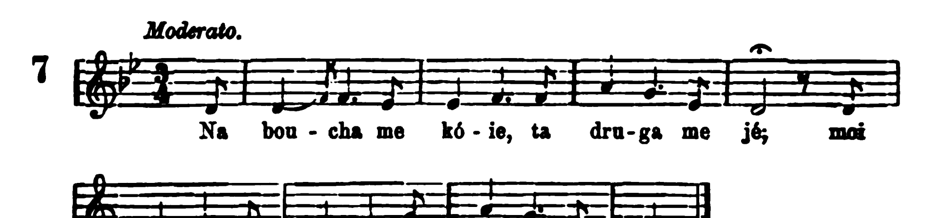
Вчера вечером мамаша сварила поленту,
она забыла дать тоже и мнѣ.

---

1) Cette traduction me fut faite, séance tenante, par la *maestra de Lusévera*, native de Gorizia, une dame très aimable et instruite.

? ? ? ты ? ? ?, и крѣпись (мужайся);
что будет, то будет (?).

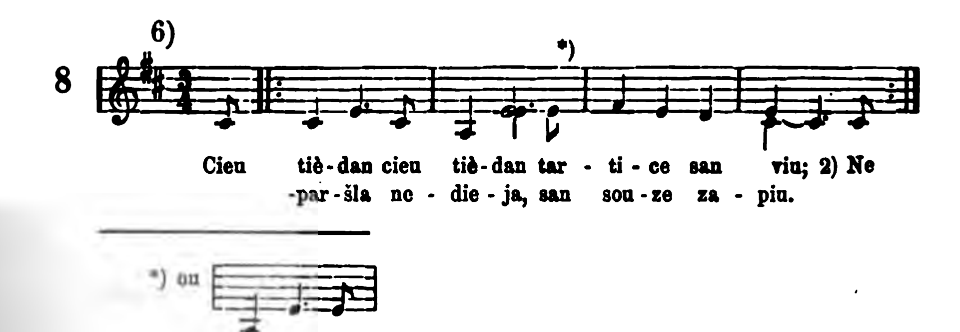
5) *Chanson de jeunes filles.*



Na boucha me koie,
ta druga me ie;
moi lu-batz me snubi,
coie-dan ne vié.

T. e.

1188 Na bowxa me koje
ta druγa me je;
moj lubac me snubi,
ko jedan ne vje.

Одна блоха меня колет,
другая меня ѣст;
мой милый сватается на мнѣ,
когда никто не знает.

Comme les 2 précédentes mélodies, celle ci est à 3 temps, formant un période carré régulier. Le caractère est le même: il reproduit celui des *Landler* ou *Schnaderhupfel* cragnolins.

Tsieu tiédang, tsieu tiédang
tartitze san viu;
ne parsla nedieja,
sang souze zapiu.

T. e.

1139 Cjew tjedaŋ, cjew tjedaŋ
tartice saŋ viw;
ne paršla nedjeja,
saŋ sowze zapiw.

Перевод:

Всю недѣлю, всю недѣлю
я вил винную лозу;
пришло воскресенье,
и я напился слез.

7)

Son chodu Goritzu,
son sritu cicitzu;
mi dala ručitza,
mi djala:«ja, ja».

T. e.

1140 San xodu w Гoricu,
san sritu čičicu;
mi dala ručicu,
mi djala: «ja ja».

Sono andato a Gorizia,
ho rincontrato una ragazza;
mi ha dato la mano,
mi ha detto: «si, si».

8) *L'istessa melodia.*

1141 Le pride, le pride,
san sama doma,
ne mati, ne vuoča
gabedna ne bo.

Vieni, vieni,
son sola a casa,
nè madre, nè padre,
nessun non sarà.

9) *L'istessa melodia.*

Mariantza san snubo,
Mariantzu san seu;
Mariantza me nechiè,
za braiterja ren.

T. e.

1142 Marjancu saą snubu,
Marjancu saą wzew;
Marjanca me neje,
za brajterja ren.

Colla Marianna ho fatto l'amore,
colla Marianna voglio sposarmi;
la Marianna non mi vuole,
vado in un altra casa (?).

10) *Il Rosario.*

1) Na kischitza slieberna, zlata, ormèna,
2) tu tte kischitze ne na míshetza,
3) tana ti mìšitze su tàriè jogri,
4) chi no dar же meroke klečì.
5) ne peršla et na duša san šliške ore.

6) ta pret te preklenska peũrata
7) druge dial Lucifer ime tu dušu lè
8) che è mi me ie neitzemo to de le
9) ne ja, ne ja che ie ne imen
10) Druga ia la se na zna te Boźie molitvice
11) tou sin svietu tu tin drusin o majo snate
12) O bode star o bodi młat.

Т. е. в моем правописаніи:

1148 Na kišica sljebarna, zlata, ormena,
tuw te kišice je na mízica,
tuna ti mizici su tarje jogri,
ki no darže me (?) roke klečé.
Ne paršla na duša san š Liške (?) ore
ta pret te peklenska wrata.
Druge (?) djal (?) Lucifer: «ime tu dušu le,
ke e mi me je nejjemo to dole;
ne ja, ne ja, ke je ne imen».
Druga jala: «se na zna te božje molitvice
tow sin svjetu, tu tin druzin o majo znate,
o bode star, o bode mlat».

Италіанскій перевод г-жи Шульц.

Il Rosario

in dialetto misto.

1) Una casetta di argento d'oro giallo,
2) in questa casetta è un tavolino,
3) su questo tavolino sono tre cacciatori
4) che stanno in ginocchioni colle mani giunte.
5) È venuta un anima da la montagna
6) davanti la porta infernale.
7) L'altro (il secondo) Diavolo Lucifer dice: prendi questa anima qui;

8) noi non la vogliamo qua giù,
9) nè io, nè io, non la prendo!
10) Quella che sa (?) questa preghiera di Dio;
11) se in questo mondo non la sa, nell altro ha da saperla,
12) che sia vecchia, che sia giovane.

Отношеніе отдѣльных номеров печатнаго текста к тетрадям и страницам моих подлинных діалектологических записей.

Verhältnis der einzelnen Nummern des Drucktextes zu den Heften und Seiten meines Originalmanuskriptes.

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.		№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.	
	Тетрадь.	Страница.		Тетрадь.	Страница.
1—14	XIX	187—190	92— 105	XLIV	108—112
15—16	—	232	106— 119	XIX	260—262
17	—	233	120— 127	—	263—264
18	—	233, 234	128— 129	—	270
19—40	XLIV	71— 76	131	—	244—245
41—54	—	100—103	132	—	275
55	—	71	133— 134	—	275—276
56—57	—	79	135— 136	(особыя прибавленія в 1901 г. на приготовленном к печати спискѣ)	
58—60	—	87— 88			
61—62	—	78			
63—64	—	90	137— 139	XIX	276—277
65	—	99	140	(особое прибавленіе в 1901 г.)	
66—67	—	77			
68—70	—	77— 78	141— 143	XIX	275
71—78	XIX	117—119	144— 145	—	274—275
79	—	173	146— 150	—	267—269
80—84	—	174—175	151— 154	—	264—265
85	—	124	155— 173	—	56— 60
86—87	—	171	174— 193	—	100—105
88	—	173	194— 216	—	29— 32
89—90	—	140—141	217— 224	—	17— 18
91	—	140	225	—	19

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.		№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.	
	Тетрадь.	Страница.		Тетрадь.	Страница.
226—233	XIX	28—29	421—432	XVIII	156—158
234—235	—	19	433—444	—	180—182
236—238	—	20—21	445	—	160
239—245	—	22—24	446—450	—	159
246—249	—	24—25	451—456	—	160—161
250—255	—	25—26	457—458	—	171
256	—	26	459—463	—	175—176
257—258	—	53—54	464—465	—	179
259—260	—	54—55	466—478	—	123—126
261	—	66	479—480		114
262—272	—	60—64	481—483	—	116—117
273—275	—	69—70	484—487	—	128
276—279	—	71—72	488	—	116
280—283	—	74—75	489—492	XLIV	12—13
284—290	—	75—77	493, 494	—	13
291	—	77—78	495	—	14
292—295	—	78—79	496—501	—	14—15
296	—	80	502—511	—	16—18
297	—	82	512, 513—516	—	13—14
298	—	83	517	—	18
299—301	—	87	518	—	13
302—308	—	90—92	519	—	16
309—310	—	92—93	520—524	—	18—19
311—312	—	94	525—526	—	20
313	—	99	527—529	—	22—23
314—333	XLIV	132—135	530—531	—	26
334—345	—	125—127	532—536	—	29—30
346—354	—	143—144	537	—	33
355—363	—	121—122	538—562	XVIII	117—123
364	—	128	563—565	—	71—72
365—369	—	123—124	566	—	73—74
370	—	125	567—571	—	1—2
371—373	—	118	572—573	—	30
374	—	145	574—583	—	34—35
375—377	—	112—113	584—585	—	39
378—381	—	142—143	586	—	40—41
382—385	—	147—148	587—589	—	188
386—401	—	139—142	590—591	XLIV	34
402—404	—	120	592—595	—	36—37
405—407	—	114—115	596	—	38
408—412	—	116—117	597—600	—	39—40
413—416	XIX	3—4	601	—	41
417	XLIV	67	602—604	—	43
418—420	XIX	10—11	605—607	XIX	339

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.		№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи	
	Тетрадь.	Страница.		Тетрадь.	Страница.
608— 609	—	337	805— 825	XX	48— 52
610	—	343	826— 839	XIX	380—383
611	—	344	840— 846	—	384—386
612	—	345	847— 851	—	386
613— 616	—	346—347	852— 854	—	387
617— 623	—	291—292	855— 857	XX	11— 12
624— 631	—	289—290	858— 868	—	5— 8
632— 664	—	292—296	869— 872	—	39— 40
665— 677	—	298—300	873— 874	XIX	358—359
678— 680	—	301—302	875— 876	—	359—360
681— 688	—	302—304	877— 893	—	362—366
689— 717	—	305—309	894— 920	—	367—372
718— 719	—	311	921— 939	—	374—377
720— 739	XLIV	46— 51	940— 950	—	378—380
740— 741	—	56	351— 952	—	383
742— 745	—	54— 55	953	—	386
746— 754	XX	81— 83	954	—	387
755— 763	—	88— 90	955— 957	—	389
764— 766	—	38— 39	958— 967	XX	18— 21
767— 768	—	1— 2	968— 985	—	22— 28
769— 774	—	8— 9	986— 989	—	29— 31
775— 780	—	9— 10	990	—	34
781— 787	—	12— 14	991— 999	—	35— 38
788— 794	—	14—15, 18	1000—1009	—	43— 45
795— 801	—	45— 47	1010—1025	—	52— 61
802— 804	—	47			

Хронологическая очередь номеров I-ой части (стр. 3—176, №№ 1—1025), т. е. очередь их послѣдовательнаго записыванія,—вмѣстѣ с соотвѣтствующими им тетрадями и страницами моих подлинных записей.

Die chronologische Reihenfolge der Nummern des I-en Teiles (pg. 3—176, №№ 1—1025), d. h. diejenige Reihenfolge, in welcher sie ursprünglich von mir aufgezeichnet worden sind,—sammt den ihnen entsprechenden Heften und Seiten meines Originalmanuskriptes.

1873 г.

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи. Тетрадь.	Страница.	№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи. Тетрадь.	Страница.
572—573	XVIII	30	413—416	XIX	3—4
574—583	—	34—35	418—420	—	10—11
584—586	—	39—41	217—225	—	17—19
563—566	—	71—74	234—235	—	19
479—480	—	114	236—256	—	20—26
488	—	116	226—233	—	28—29
481—483	—	116—117	194—216	—	29—32
538—562	—	117—123	257—260	—	53—55
466—478	—	123—126	155—173	—	56—60
484—487	—	128	262—272	—	60—64
421—432	—	156—158	261	—	66
446—450	—	159	273—279	—	69—72
445	—	160	280—296	—	74—80
451—456	—	160—161	297—298	—	82—83
457—458	—	171	299—301	—	87
459—463	—	175—176	302—312	—	90—94
464—465	—	179	313	—	99
433—444	—	180—182	174—193	—	100—105
587—589	—	188	71—78	—	117—119
567—571	—	1—2	85	—	124

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи. Тетрадь.	Страница.	№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи. Тетрадь.	Страница.
91	XIX	140	613— 616	XIX	346—347
89— 90	—	140—141	873— 876	—	358—360
86— 87	—	171	877— 920	—	362—372
79	—	173	921— 950	—	374—380
88	—	173	826— 839	—	380—383
80— 84	—	174—175	951— 952	—	383
1— 14	—	187—190	840— 846	—	384—386
15— 18	—	232—234	953	—	386
131	—	244—245	847— 851	—	386
106— 127	—	260—264	954	—	387
151— 154	—	264—265	852— 854	—	387
146— 150	—	267—269	955— 957	—	389
128— 129	—	270	767— 768	XX	1— 2
144— 145	—	274—275	858— 868	—	5— 8
132	—	275	769— 780	—	8— 10
141— 142	—	275	855— 857	—	11— 12
133— 134	—	275—276	781— 794	—	12— 18
137— 139	—	276—277	958— 989	—	18— 31
624— 631	—	289—290	990— 999	—	34— 38
617— 623	—	291—292	764— 766	—	38— 39
632— 664	—	292—296	869— 872	—	39— 40
665— 717	—	298—309	1000—1009	—	43— 45
718— 719	—	311	795— 825	—	45— 52
608— 609	—	337	1010—1025	—	52— 61
605— 607	—	339	746— 754	—	81— 83
610— 612	—	343—345	755— 763	—	88— 90

1901 г.

489— 492	XLIV	12— 13	537	—	33
518	—	13	590— 591	—	34
493	—	13	592— 601	—	36— 41
512	—	13	602— 604	—	43
494	—	13	720— 739	—	46— 51
513— 516	—	13— 14	742— 745	—	54— 55
495— 501	—	14— 15	740— 741	—	56
519	—	16	135, 136, 140	(особыя дополненія на приготовленном к печати спискѣ).	
502— 511	—	16— 18			
517	—	18			
520— 526	—	18— 20			
527— 529	—	22— 23	417	XLIV	67
530— 531	—	26	55	—	71
532— 536	—	29— 30	19— 40	—	71— 76

№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.		№№ печатнаго текста.	Мои подлинныя записи.	
	Тетрадь.	Страница.		Тетрадь.	Страница.
66— 70	XILV	77— 78	402— 404	XLIV	120
61— 62	—	78	355— 363	—	121—122
56— 57	—	79	365— 370	—	123—125
58— 60	—	87— 88	334— 345	—	125—127
63— 64	—	90	364	—	128
65	—	99	314— 333	—	132—135
41— 54	—	100—103	386— 401	—	139—142
92— 105	—	108—112	378— 381	—	142—143
375— 377	—	112—113	346— 354	—	143—144
405— 412	—	114—117	374	—	145
371— 373	—	118	382— 385	—	147—148

Алфавитный перечень поименованных здѣсь разсказчиков и разсказчиц.

Alphabetisches Verzeichnis aller hier genannten Erzähler und Erzählerinnen.

Имена, фамиліи и прозвища.	Мѣстности.	Стр.
Arbit: Giovanni Dansul Arbit.	Cerŋea.	122
Balot: Meni Balot.	Sedile-Vilin.	119
Baw: Meñ Mikalica Baw.	Viskorša.	68, 40
Baw: Mina Mekelica Baw.	»	68
Bera см. Ričot.		
Bortol: Giuseppe Cont fu Antonio detto Bortol.	Tanebola.	140
Bucilaj: Matija Dorbolo Bucilaj.	Mažarola.	143
Buǵukja: Marija Kuleta Buǵukja.	Ter.	101
Cont см. Bortol.		
Čep: *Mauro Valentino fu* Matija *detto* Čep.	Čerŋea.	135
Čušiŋ см. Dwoviȷ.		
Čušiŋ см. Piriŋ.		
Danzul см. Arbit.		
Debeliš см. Pantok.		
Debeloŋ: Ʒef Šturma Debeloŋ.	Brezja.	17
Dorbolo см. Bucilaj.		
Dwoviȷ: Žwaŋ Čušiŋ Dwoviȷ.	Viskorša.	39, 40, 67
Ɖervažino: Šturma Luiǵi Ɖervažíno.	Čerŋea.	135, 122
Ɖusta см. Kos.		

Предметный указатель.

Sachregister.

Цифры указывают не на страницы, но на номера текстов.

Географія.

Зоологія.

Ср. Анатомія, Біологія, Ботаника, Быт, Миѳологія, Патологія, Педагогика, Психологія, Физіологія.

Исторія.

Ср. Быт, Географія, Лингвистика, Личныя данныя, Миѳологія, Педагогика, Поэзія, Психологія, Религія, Семья, Экономическія данныя, Эсте-

Личныя данныя.

Метафизика.

Метеорологія.

Миѳологія.

Психологія.

Религія.

Физіологія.

Bergogna=Bargin=Brgin.
Breg = Pers *см.* Географія-Мѣстности.
Brezja = Montemaggiore *см.* Географія-Мѣстности.
Brgin=Bargin=Bergogna.
Canebola=Ćaŋebola=Ʒaŋebola *см.* Географія-Мѣстности.
Cergneu=Čerŋea.
Cesariis=Podbardo.
Ciseriis *см.* Географія-Мѣстности.
Cividale *см.* Географія-Мѣстности.
Cretto=Olše=Owše.
Crosis = Kroža *см.* Географія-Мѣстности.
Čerŋea = Cergneu *см.* Географія-Мѣстности.
Flaipana = Flipana = Fijplana *см.* Географія-Мѣстности.
Forame=Malina.
Gorica *см.* Географія-Мѣстности.
Gradisca *см.* Географія-Мѣстности.
Karnica = Monte di Prato *см.* Географія-Мѣстности.
Kroža=Crosis.
Malina = Forame *см.* Географія-Мѣстности.
Masarolis = Mažarola *см.* Географія-Мѣстности.
Missa *см.* Религія - Церковные обряды.
Monte di Prato=Karnica.
Monteaperto=Oskorša=Viskorša.
Montemaggiore=Brezja.
Montenars *см.* Географія - Мѣстности.
Musi = Muzac *см.* Географія-Мѣстности.
Natisone=Nediška dolina *см.* Географія-Мѣстности.
Olše=Owše=Cretto.
Oskorša=Viskorša=Monteaperto.
Owše = Olše = Cretto *см.* Географія-Мѣстности.
Palmanuova *см.* Географія - Мѣстности.
Pers=Breg.
Plastišča = Platišča = Platischis *см.* Географія-Мѣстности.
Podbardo = Cesariis *см.* Географія-Мѣстности.
Porzus = Purčiŋ *см.* Географія - Мѣстности.
Prosenico (Prossenicco)=Prosnid *см.* Географія-Мѣстности.
Purčiŋ=Porzus.
Qui pro quo *см.* Психологія-Юмор.
Resia = Rezja *см.* Географія-Мѣстности.
Subid = Subit *см.* Географія-Мѣстности.
Taipana = Tipana *см.* Географія-Мѣстности.
Tarcento *см.* Географія-Мѣстности.
Tipana=Taipana.
Tolmino = Tolmin = Tumin *см.* Географія-Мѣстности.
Triest *см.* Географія-Мѣстности.
Ʒaŋebola=Canebola.
Udine *см.* Географія-Мѣстности.
Viskorša = Oskorša = Monteaperto *см.* Географія-Мѣстности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

INHALTSVERZEICHNIS.

ЧАСТЬ I.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 3.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПРЕМІЙ

М. И. МИХЕЛЬСОНА

ВЪ 1903 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1904 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени М. И. Михельсона.

Отчетъ о I-мъ присужденіи *) премій, читанный въ публичномъ засѣданіи 16-го декабря 1903 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Ординарнымъ Академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году послѣдовало первое присужденіе премій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. И. Михельсона за труды въ области науки о русскомъ языкѣ.

Для сего особо образованными согласно §§ 7 и 8 Правилъ о преміяхъ Комиссіями дважды въ 1898 и 1900 гг. были предлагаемы особыя задачи по разработкѣ лексическаго состава древняго и современнаго русскаго языка и по опредѣленію заимствованныхъ въ русскомъ языкѣ элементовъ (церковно-славянскихъ, греческихъ, тюркскихъ, финскихъ, западно-европейскихъ и другихъ).

Такимъ образомъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, на настоящее конкурсное трехлѣтіе 1900—1903 гг. были назначены нижеслѣдующія четыре темы, о чемъ и было сообщено

---

*) На первый конкурсъ 1898—1900 гг. поступило всего одно сочиненіе, которое не было удостоено преміи и было возвращено автору для переработки.

въ свое время для общаго свѣдѣнія черезъ припечатаніе ихъ въ нѣсколькихъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ и разсылку списка этихъ задачъ въ разныя учрежденія и т. под.

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.— Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до средины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена премія.

3. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.

Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

На настоящій второй конкурсъ по соисканію премій Михельсона къ назначенному Правилами о присужденіи этихъ премій сроку (1-му марта 1903 г.) было представлено всего *два* сочиненія, изъ коихъ одно написано на тему, предложенную подъ № 2 п. 2, другое же являлось отвѣтомъ на тему, указанную подъ № 3.

Разсмотрѣніе представленныхъ сочиненій было поручено Ординарнымъ Академикамъ Ѳ. Е. Коршу и А. И. Соболевскому.

По полученіи отъ упомянутыхъ гг. рецензентовъ критическихъ отзывовъ, были разсмотрѣны оба представленныя сочиненія и рецензіи на нихъ Академиковъ Корша и Соболевскаго и закрытою баллотировкою были присуждены двѣ половинныя премія, по пятисотъ рублей каждая: I) магистранту Н. А. Смирнову за его рукописный трудъ подъ заглавіемъ: 1) «*Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ» (на 22 лл.) и 2) «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго» (на 449 лл.)—на основаніи рецензіи Академика А. И. Со-

болевскаго — и II) студенту Имп. Юрьевскаго Университета Д. К. Зеленину за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.» (въ рукописной тетради на 356 страницахъ) — на основаніи рецензіи Академика Ѳ. Е. Корша.

Приводимъ въ извлеченіяхъ нѣкоторыя мѣста изъ упомянутыхъ рецензій, послужившихъ основаніемъ для присужденія премій Михельсона.

I.

Отзывъ Ординарнаго Академика **А. И. Соболевскаго** о трудѣ Н. А. Смирнова.

Важнѣйшая часть *рукописнаго* труда г. Смирнова — словарь. Онъ представляетъ собою списокъ словъ западно-европейскаго происхожденія, извлеченный изъ документовъ, сочиненій и переводовъ Петровскаго времени и снабженный указаніями на значеніе этихъ словъ и на ихъ западно-европейскіе оригиналы. Хотя о полнотѣ его не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе онъ въ себѣ заключаетъ такое количество матеріала, что достаточно освѣщаетъ вопросъ о западномъ вліяніи на языкъ русскаго образованнаго общества въ самомъ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка. Сверхъ того, онъ является полезнымъ пособіемъ при чтеніи текстовъ Петровскаго времени, не всегда достаточно понятныхъ для современнаго читателя.

Словарь составленъ съ большимъ стараніемъ и тщательностію и стоилъ автору большого труда, правда, нѣсколько механическаго. Недостатки, о которыхъ ниже, не лишаютъ его значенія, но только заставляютъ относиться съ нѣкоторою осторожностью къ утвержденію автора о заимствованіи того или другого

слова *именно* въ Петровскую эпоху. Они легко объясняются и въ значительной степени извиняются отсутствіемъ какихъ бы то ни было изслѣдованій по исторіи словарнаго матеріала въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Главный недостатокъ словаря состоитъ въ томъ, что въ немъ, въ числѣ заимствованныхъ словъ Петровской эпохи, находится рядъ словъ заимствованныхъ до Петра въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ. Правда, г. Смирновъ воспользовался Книгою ратнаго строенія («Ученіе и хитрость ратнаго строенія»), изданною въ Москвѣ въ 1647 году, и не разъ, приводя какое-нибудь слово, отмѣтилъ, что оно было извѣстно еще въ XVII столѣтіи; но эта книга, какъ она ни важна, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ заимствованныхъ въ XVII вѣкѣ западно-европейскихъ словъ; сверхъ того, авторъ просмотрѣлъ ее далеко не внимательно.

Другой недостатокъ словаря г. Смирнова — неточность или невѣрность указаній на языкъ-источникъ заимствованныхъ словъ. Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ нѣтъ основанія говорить объ какомъ-нибудь одномъ языкѣ. Такъ, слово *пароль* могло попасть къ намъ и прямо изъ французскаго языка, и чрезъ посредство нѣмецкаго или польскаго; слово *профессоръ* — и прямо изъ латинскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго; слово *свита* — и прямо изъ французскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго. Но иногда звуковыя особенности слова таковы, что объ его ближайшемъ источникѣ-языкѣ можно говорить съ увѣренностью.

Вообще многія изъ приведенныхъ г. Смирновымъ западно-европейскихъ словъ встрѣчаются въ переводныхъ сочиненіяхъ Московской Руси XVII вѣка по военному дѣлу, медицинѣ, астрономіи и астрологіи, космографіи и географіи, музыкѣ, а нѣкоторое число — также въ документахъ, особенно въ описяхъ царскаго, патріаршаго и монастырскаго имущества.

Авторъ помѣстилъ при словарѣ 1) списокъ словъ Петровской эпохи, происхожденія которыхъ онъ не могъ опредѣлить, и 2) копію съ небольшого «Лексикона» заимствованныхъ словъ,

исправленнаго рукою Петра Великаго, по рукописи Академіи Наукъ.

Объ изслѣдованіи г. Смирнова, точнѣе — о предисловіи къ словарю, нѣтъ надобности распространяться. Это — очень скромная попытка сдѣлать выводъ изъ данныхъ словаря о путяхъ, которыми въ Петровскую эпоху шли въ русскій языкъ изъ западно-европейскихъ языковъ разныя слова. Мы должны указать лишь на одинъ путь, очень важный, упущенный почти совсѣмъ изъ виду авторомъ. Это — путь черезъ юго-западную Русь, черезъ Малоруссію и Бѣлоруссію, по которому въ Москву перешло, повидимому, огромное большинство польскихъ словъ. Стоитъ просмотрѣть Литовскій Статутъ въ изданіи 1588 года, и сочиненія Іоанникія Галятовскаго, чтобы увидѣть тѣснѣйшую связь между юго-западно-русскимъ словарнымъ матеріаломъ XVI—XVII вѣковъ и русскимъ Петровской эпохи. Судебно-административная терминологія особенно настойчиво обращаетъ на себя вниманіе и напрашивается на сближеніе языка юго-западно-русскихъ дѣльцовъ съ терминологіей Петровскихъ дѣятелей. Что понятно: дѣятельнѣйшіе сотрудники Петра изъ русскихъ, какъ П. Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, — были выходцы изъ южной или западной Россіи.

II.

Отзывъ Ординарнаго Академика **Ѳ. Е. Корша** о сочиненіи Д. К. Зеленина.

Трудъ г. Зеленина «*Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.*» представляетъ собою рукопись въ 356 стран. in 8°, не считая довольно обширнаго «Введенія» (стр. I—XXX), посвященнаго объясненію методовъ, которымъ авторъ слѣдовалъ при своей работѣ, и сокращеній, въ числѣ которыхъ значатся заглавія его источниковъ и пособій

(всего 28). Доказательствами иноязычнаго происхожденія разбираемыхъ имъ словъ онъ считаетъ 1) звуковыя неправильности въ отношеніи между даннымъ словомъ и его предполагаемымъ чужимъ подлинникомъ, 2) отсутствіе родичей въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Принадлежность слова древне-русскому языку, т. е., выражаясь хронологически, русскому языку до XV в., онъ опредѣляетъ какъ по времени, когда составленъ содержащій въ себѣ это слово памятникъ, такъ и по степени распространенности слова въ нарѣчіяхъ русскаго языка — великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. О послѣднемъ критеріи автору пришлось говорить гораздо подробнѣе, чѣмъ о первомъ, потому что наличность слова во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ русскаго языка объясняется иногда не унаслѣдованіемъ отъ эпохи единства русскаго языка, а заимствованіемъ изъ одного нарѣчія въ другое, и весьма вѣроятно, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, систематически поставленнаго, можно сказать, только теперь, благодаря почину М. И. Михельсона, нѣкоторыя изъ этихъ словъ, принятыхъ авторомъ въ словарь, должны будутъ перейти въ «Дополненія», гдѣ кромѣ словъ, по его мнѣнію, спорнаго происхожденія, онъ помѣстилъ и кое-какія позднѣйшія заимствованія. Чужія слова вошли въ русскій языкъ отчасти среди наслѣдія изъ общеславянской эпохи, отчасти усвоены имъ самостоятельно, по его обособленіи. Всѣ они распадаются на извѣстныя категоріи по означаемымъ ими предметамъ и по народамъ, имѣвшимъ то или иное культурное вліяніе на славянъ вообще или на русскихъ въ частности. Заимствованія бываютъ книжныя и обиходныя. Первыя вошли въ древне-русскій языкъ по большей части черезъ церковную письменность, почему г. Зеленинъ включилъ въ свой словарь много церковно-славянскихъ словъ, не привившихся на русской почвѣ даже въ искусственной рѣчи. Заимствовались между прочимъ собственныя имена, не только греческія, но и латинскія (въ число которыхъ на стр. XXIII зачѣмъ-то попало греческое *Спиридонъ*). Есть заимствованія лишь

по смыслу, иначе говоря — переводы, какъ *мученикъ* не прямо съ греч. μάρτυς = «свидѣтель», а съ германскаго отраженія этого слова, проникшаго въ германскіе языки изъ христіанской латыни, гдѣ martyr получило исключительно религіозное значеніе.

Въ словарѣ г. Зеленина читатель найдетъ приблизительно всѣ тѣ слова, возвести которыя къ ихъ германскимъ, романскимъ или латинскимъ первообразамъ пытались предшественники автора. Отыскивать заимствованія, не отмѣченныя прежде, онъ, повидимому, не старался, — можетъ быть, кромѣ нѣсколькихъ примѣровъ въ «Дополненіяхъ». Какъ противъ распредѣленія матеріала по этимъ двумъ отдѣламъ, такъ и противъ принятія такихъ словъ, какъ *Акурáтъ*, *Винтъ*, *Глянецъ*, хотя-бы только въ «Дополненія», — можно спорить. Самостоятельность автора выразилась преимущественно въ критикѣ чужихъ мнѣній, часто не ограничивающейся доводами отрицательнаго свойства; но нельзя сказать, чтобы всѣ его собственныя соображенія были удачны. Такъ напр. подъ словомъ *Бармы*, затрудняясь вопросомъ, какъ средне-нижне-нѣм. barm «плечо» могло проникнуть къ намъ, онъ считаетъ возможнымъ выводить русское слово изъ польскаго brama или bram «койма, оторочка» черезъ посредство * *барама*, немыслимаго, да и ненужнаго при существованіи др.-сканд. barm, значащаго то же, что́ польское bram.

Число такихъ примѣровъ нетрудно было бы увеличить, но можно ограничиться приведенными, достаточными для характеристики личныхъ предположеній автора, и упомянуть еще только о необыкновенной его склонности къ объясненію словъ не изъ западныхъ языковъ, откуда ихъ объясняютъ другіе, а изъ восточныхъ, которые чужды ему въ такой мѣрѣ, что онъ сплошь да рядомъ просто говоритъ: «восточное слово», или выражаетъ подозрѣніе, не съ Востока ли оно; см. напр. не только *Скарлатъ*, которое выводили оттуда и другіе (изъ тур. iskerlet, передѣланнаго изъ ит. scarlatto или изъ н.-греч. σκαρλάτον), но и *Корзно*, *Котъ*, *Мытъ* (сущ.), *Опица*, *Перецъ* (отъ *персъ!*), *Сорóчка* (отъ «сара-

цинъ»!), изъ которыхъ *Котъ* и *Перецъ* въ самомъ дѣлѣ пришли въ Европу съ Востока, только не къ намъ, — по крайней мѣрѣ, не первое. Причина этого своеобразнаго Drang nach Osten со стороны автора заключается, можетъ быть, отчасти въ нѣкоторомъ славянофильствѣ, предпочитающемъ теперь невинный передъ славянами и — главное — невѣданный Востокъ тѣснящему ихъ Западу, отчасти въ недоразумѣніи относительно истиннаго смысла сравненій славянскихъ словъ съ западными: вѣрно, что извѣстныя намъ старыя германскія или романскія формы не всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ славянскимъ отраженіямъ, но вѣдь наше знаніе западныхъ языковъ ранняго средневѣковья болѣе или менѣе случайно и отрывочно, вслѣдствіе чего мы не всегда можемъ отыскать въ памятникахъ какъ разъ тѣ формы, которыя были усвоены древними славянами. Такой случай представляется намъ при словѣ *Спудъ*, сравненіе котораго съ дат. spand и нижне-нѣм. span г. Зеленинъ отвергаетъ, не находя вѣроятнымъ сравнительно широкое распространеніе его между славянами изъ такого источника. Но если др.-норв. spann ср. р. «мѣра и вѣсъ масла и сыпучихъ тѣлъ» произошло изъ * spand (датское *nd* есть лишь орѳографическое выраженіе двойного *n*), а н.-нѣм. span восходитъ къ тому же * spand, — получается чуть ли не общегерманское слово, близкое по звукамъ къ слав. спѫдъ и употребительное, можетъ быть, въ краяхъ, граничившихъ со славянскими. Какъ-бы то ни было, самая попытка оцѣнки чужихъ взглядовъ и стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду далеко не простой сводъ уже сдѣланнаго другими. Вообще къ своей задачѣ онъ отнесся очень серьёзно и добросовѣстно, и, вѣроятно, только недостатокъ времени виноватъ въ нѣкоторыхъ недосмотрахъ, какіе попадаются тамъ и сямъ въ его трудѣ. Подозрѣніе, что авторъ торопился, подтверждается довольно значительнымъ количествомъ неточныхъ или неясныхъ выраженій и мелкихъ ошибокъ или описокъ, особенно въ иноязычныхъ словахъ. Впрочемъ нельзя не признать, что иногда

бываетъ трудно рѣшить, чѣмъ объясняется та или другая изъ такихъ погрѣшностей—поспѣшностью или иною причиной, менѣе извинительной. Дѣло въ томъ, что автора никакъ нельзя назвать языковѣдомъ. Такъ *Ва́га* онъ переводитъ по-латыни «pondo» вм. pondus, лат. galea подъ *Галея*—«щитъ» вм. шлемъ (если это не описка: «собственно: щитъ, въ какомъ значеніи родственно съ нѣм. Helm, а черезъ него и съ слав. *шлемъ*», чтó трудно уразумѣть).

Можетъ быть, въ связи съ нетвердостью въ иностранныхъ языкахъ состоитъ и двоякое написаніе сербскихъ и малорусскихъ словъ, то кириллицей, то латинкой, иногда по фонетическому правописанію, иногда по этимологическому, — очевидно, въ зависимости отъ источниковъ. Такой пріемъ дѣлаетъ честь осторожности автора, но едва ли можетъ быть признанъ научнымъ помимо выписокъ изъ памятниковъ; но именно въ послѣднемъ случаѣ г. Зеленинъ и не сообразуется съ преданіемъ, о чемъ заявляетъ самъ на стр. XXX: «орѳографія древне-русскихъ словъ принята ближайшая къ современной».

Говорить ли послѣ всѣхъ этихъ данныхъ о томъ, что г. Зеленинъ едва ли прошелъ строгую лингвистическую школу? Вотъ нѣсколько примѣровъ его научнаго языка и мышленія. Подъ *Букъ* греч. φᾱγός, φηγός — произведено прямо отъ φαγεῖν, не смотря на «праиндоевроп. *bhâgos».

И такъ, — заключаетъ г. рецензентъ — г. Зеленину далеко еще до уровня самостоятельнаго изслѣдователя, что̀ впрочемъ и совершенно естественно при его молодости; но и этотъ трудъ, не смотря на всѣ его недостатки, обнаруживаетъ въ его авторѣ какъ недюжинныя знанія и способности, такъ и умѣнье работать. Главное достоинство его словаря состоитъ *въ полнотѣ матеріала:* не только собраны чуть ли не всѣ старыя слова, объясняемыя изъ западныхъ языковъ, но и разысканы въ памятникахъ и толково сопоставлены мѣста, въ которыхъ они встрѣчаются, почему нѣкоторыя статьи представляютъ собою цѣлыя изслѣдованія (напр. *Русь* на 4 страницахъ). По устраненіи указанныхъ

выше и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей (для чего вся лингвистическая часть должна быть провѣрена до мелочей — до знаковъ долготы и удареній включительно) сочиненіе г. *Зеленина* получитъ значеніе полезной справочной книги и надежной канвы для будущихъ изслѣдователей. Потому я полагалъ бы справедливымъ, подъ условіемъ надлежащаго исправленія разобраннаго здѣсь труда, — присудить автору *премію имени Михельсона.*

I.

Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго. Н. А. Смирнова. 1903 г.

Рецензія Академика **А. И. Соболевскаго.**

Важнѣйшая часть рукописнаго труда г. Смирнова — словарь. Онъ представляетъ собою списокъ словъ западно-европейскаго происхожденія, извлеченный изъ документовъ, сочиненій и переводовъ Петровскаго времени и снабженный указаніями на значеніе этихъ словъ и на ихъ западно-европейскіе оригиналы. Хотя о полнотѣ его не можетъ быть рѣчи, тѣмъ не менѣе въ себѣ онъ заключаетъ такое количество матеріала, что достаточно освѣщаетъ вопросъ о западномъ вліяніи на языкъ русскаго образованнаго общества въ самомъ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка. Сверхъ того, онъ является полезнымъ пособіемъ при чтеніи текстовъ Петровскаго времени, не всегда достаточно понятныхъ для современнаго читателя.

Словарь составленъ съ большимъ стараніемъ и тщательностію и стоилъ автору большого труда, правда, нѣсколько механи-

ческаго. Недостатки, о которыхъ ниже, не лишаютъ его значенія, но только заставляютъ относиться съ нѣкоторою осторожностью къ утвержденію автора о заимствованіи того или другого слова именно въ Петровскую эпоху. Они легко объясняются и въ значительной степени извиняются отсутствіемъ какихъ бы то ни было изслѣдованій по исторіи словарнаго матеріала въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Главный недостатокъ словаря состоитъ въ томъ, что въ немъ, въ числѣ заимствованныхъ словъ Петровской эпохи, находится рядъ словъ заимствованныхъ до Петра въ XVII или даже въ XVI вѣкѣ. Правда, г. Смирновъ воспользовался Книгою ратнаго строенія («Ученіе и хитрость ратнаго строенія»), изданною въ Москвѣ въ 1647 году, и не разъ, приводя какое-нибудь слово, отмѣтилъ, что оно было извѣстно еще въ XVII столѣтіи, но эта книга, какъ она ни важна, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ заимствованныхъ въ XVII вѣкѣ западно-европейскихъ словъ; сверхъ того, авторъ (какъ будетъ видно ниже) просмотрѣлъ ее далеко не внимательно. Вотъ небольшое число примѣровъ.

Аптека. Это слово и его производныя такъ обычны въ московскихъ книгахъ и документахъ XVII вѣка, что мы ограничимся выпискою изъ жалованнаго слова Бориса Годунова 1604 года: да государь тебя жалуетъ — прислалъ со мною дохтура Егана да *оптекаревъ* Петра... *(Ак. Арх. Эксп. II*, *77)*.

Библія. Стоитъ въ заглавіи сборника библейскихъ книгъ новгородскаго архіепископа Геннадія по списку 1499 года.

Библіотека. Находится въ текстѣ книгъ Маккавейскихъ въ томъ же сборникѣ по тому же списку.

Бомба. Обычно въ московскихъ книгахъ и документахъ XVII вѣка.

Вахта. Находится, между прочимъ, у Котошихина.

Веницейскій. Обычно въ текстахъ не только XVII, но и XVI вѣка.

Гарусъ. Находится въ описи Никольскаго Коряжемскаго монастыря половины XVI вѣка: патрахиль..., *гарусъ* черьвчятъ (*Ак. Кал*. II, 638).

Географія. Это слово и производныя нерѣдки въ переводныхъ книгахъ XVII вѣка.

Гусаръ. Въ грамотѣ 1660 года: (москвичи) польскихъ и литовскихъ людей и *гусаръ* побили (*Ак. Арх. Эксп.* IV, 165).

Карла. Позволительно думать, что имя-прозвище писца московской купчей 1453 года и московской мѣновной 1456 года: *Карло* Малой, митрополичь діакъ *Карло* (*Ак. Кал.* II, 337, 475), —происходитъ отъ нарицательнаго. Во всякомъ случаѣ казацкіе атаманы, бывшіе въ 1667 году въ Китаѣ, пользуются этимъ словомъ, какъ общеизвѣстнымъ: видѣли... попугаевъ и павъ и *карлъ* (Поповъ, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, 435).

Комиссаръ. Въ грамотѣ 1685 года: посланы мы... на службу съ межевыми судьями и *комисары* (*Ак. Кал.* III, 484). Книга ратнаго строенія 1647 года: *кумисаръ*.

Коруна (у г. Смирнова: каруна). Находится (въ значеніи корона) въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1255 годомъ: присла папа послы честны носяще вѣнѣць, и скыпетрь, и *коруну*; оно же—въ галицкой грамотѣ 1389 года (въ сборникѣ Головацкаго). Въ московскихъ описяхъ и документахъ XVII вѣка оно обычно (рядомъ: корона, коронка; опись патріаршей ризницы 1686 года).

Куранты (газеты). Нерѣдко въ московскихъ документахъ второй половины XVII вѣка.

Ластъ. Находится въ «Статьѣ о вѣсахъ и мѣрахъ Московскаго государства Рускіе земли» (по списку Ундольскаго N 681, XVII вѣка): «*ластъ* — 12 бочекъ».

Лотъ (мѣра вѣса). Находится въ переводѣ отрывка изъ 1-й книги Царствъ, между сочиненіями Максима Грека (Горскій и Невоструевъ, Описаніе, II, 2,574).

Малмазея (вино). Находится, между прочимъ, въ лѣчебникѣ «Прохладный Вертоградъ», переведенномъ въ Москвѣ въ 1672 году (Флоринскій, Русскіе простонародные травники и лѣчебники, Каз. 1880, стр. 149; здѣсь же: романея).

Меланхолія. Находится, между прочимъ, въ томъ же

лѣчебникѣ (стр. 147; меланколіева болѣзнь, стр. 34, 48 и др.).

Мундштукъ. Находится, между прочимъ (въ видѣ *муштукъ*), въ текстѣ Псалтыри Фирсова 1683 года (Горскій и Невоструевъ, I, 195).

Оказія. Находится въ переводѣ отрывка изъ Космографіи Ботера, князя Кропоткина, 1691 года, какъ обычное слово Румянц. Муз. № 608, л. 13).

Райна, рея. Въ 1-й Новгородской лѣтописи (въ повѣсти о взятіи Царьграда латинами) по Синодальному списку: *рая*, по другимъ спискамъ: *райна* (по печатному изданію стр. 184). Въ верхотурской грамотѣ 1677 года слово райна употреблено какъ обычный терминъ (*Ак. Кал.* II, 798).

Ракета. Обычно въ московскихъ книгахъ и документахъ второй половины XVII вѣка (между прочимъ, въ документѣ 1683 года; *Ак. Юр.* 375).

Ренское (вино). Обычно въ московскихъ документахъ XVII вѣка.

Розмаринъ. Находится, между прочимъ, въ «Прохладномъ Вертоградѣ» (стр. 132).

Титла. Нерѣдко въ московскихъ документахъ XVII вѣка; восходитъ къ церковно-славянскому титло, титла, находящемуся въ евангельскомъ текстѣ (начиная съ Остромирова Евангелія) и другихъ текстахъ.

Умбра (краска). Находится, между прочимъ въ документѣ 1672 года (*Доп. къ Ак. Ист.* VI, 195).

Урина. Находится, между прочимъ, въ «Прохладномъ Вертоградѣ» (не разъ).

Фигура. Находится, между прочимъ, въ Книгѣ ратнаго строенія («*фигуры* или чертежи»); московскій документъ 1676 года: безъ *фигуры* (*Ак. Кал.* III, 90).

Фіалка. О фіалкѣ, ея цвѣтѣ, корнѣ говоритъ только что упомянутый лѣчебникъ (стр. 96). Документъ 1633 года называетъ сиропъ *фіалковъ* (*Ак. Ист.* III, 474).

Форма. Находится, между прочимъ, въ «Воинской книгѣ» въ переводѣ Онисима Михайлова 1607 — 1620 г. (Публ. Библ. F. IX, 3): имати *формы* льяницы, олово и свинецъ.

Шкатула. Обычно въ описяхъ и другихъ документахъ XVII вѣка.

Вообще многія изъ приведенныхъ г. Смирновымъ западно-европейскихъ словъ встрѣчаются въ переводныхъ сочиненіяхъ Московской Руси XVII вѣка по военному дѣлу, медицинѣ, астрономіи и астрологіи, космографіи и географіи, музыкѣ[1]), а нѣкоторое число — также въ документахъ, особенно въ описяхъ царскаго, патріаршаго и монастырскаго имуществъ.

Другой недостатокъ словаря г. Смирнова — неточность или невѣрность указаній на языкъ-источникъ заимствованныхъ словъ. Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ нѣтъ основаній говорить объ какомъ-нибудь одномъ языкѣ. Такъ, слово **пароль** могло попасть къ намъ и прямо изъ французскаго языка, и чрезъ посредство нѣмецкаго или польскаго; слово **профессоръ** — и прямо изъ латинскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго; слово **свита** — и прямо изъ французскаго, и чрезъ посредство тѣхъ же нѣмецкаго или польскаго. Но иногда звуковыя особенности слова таковы, что объ его ближайшемъ источникѣ-языкѣ можно говорить съ увѣренностью.

Такъ, *з* въ **дефензія, диверзія, зала, залфъ, карказъ, контроверзія, конверзація, сервизъ, траверза, универзалъ** и друг. говоритъ рѣшительно за заимствованіе этихъ словъ изъ нѣмецкаго языка; *и* въ **гренадиръ, дезертиръ, квартира, кирасиръ, трактиръ** и т. п. и *ф* въ **залфъ** и т. п. также указываютъ на нѣмецкій языкъ; это можно сказать и объ ударяемомъ *е* въ **батарея, галантерея, галлерея, лотерея** и т. п. Сохраненіе конечныхъ согласныхъ въ **банкетъ** (франц. banquet), **кабинетъ, кадетъ, концертъ, пакетъ, пикетъ, курь-**

1) Объ нихъ см. въ нашей книгѣ: «Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вѣковъ», Спб. 1903, и въ книгѣ д-ра **Змѣева**, «Русскіе врачебники, Спб. 1895 Памятники Древней Писменности, № CXII).

еръ, дискурсъ и друг. рѣшаетъ вопросъ *не* въ пользу французскаго языка. Само собою разумѣется, звуки въ емвуей (франц. envoyé), регентъ (франц. régent), почтальонъ (франц. postillon), панціонеръ (франц. pensionnaire) и вицерой (vice-roi) говорятъ за заимствованіе *не* изъ французскаго языка, въ крейсеръ, крюйсеръ (нѣм. kreuzer)—за заимствованіе *не* изъ нѣмецкаго, въ капелла — за заимствованіе не изъ польскаго, въ ингенерале—за заимствованіе *не* изъ итальянскаго, въ картузъ — за заимствованіе *не* изъ польскаго и *не* изъ французскаго, какъ думаетъ авторъ. Г. Смирновъ помѣщаетъ подъ одной рубрикой слова съ разными звуками: гренадеръ и гренадиръ, квартера и квартира, суксесъ и сукцесъ, универсалъ и универзалъ, гаубица и гоубица, галздукъ и галстукъ, ундеръ-офицеръ и унтеръ-офицеръ. Иногда, въ словахъ подобныхъ приведеннымъ, двойственность звуковъ происходитъ отъ двойственности звуковъ въ языкѣ-источникѣ, и соединеніе вмѣстѣ различающихся по звукамъ словъ не имѣетъ значенія; но въ другихъ случаяхъ различіе въ звукахъ свидѣтельствуетъ о заимствованіи слова одновременно изъ двухъ или болѣе языковъ. При томъ смѣшеніи вліяній, какое было на Московскую Русь XVII и первой половины XVIII вѣковъ, естественно, что могли оказать дѣйствіе одновременно языки латинскій, польскій, нѣмецкій, голландскій. Таковы слова: гафенъ, матрозъ и гавенъ (откуда гавань), матросъ, два первыя изъ нѣмецкаго языка, два вторыя изъ голландскаго; маистръ, махина и майстеръ, машина, первыя изъ латинскаго, вторыя изъ нѣмецкаго; емблема и емблима, магазинъ и магазейнъ, магацынъ, шиперъ и шкиперъ, шхиперъ.

Необходимо отмѣтить нѣсколько ошибокъ, допущенныхъ г. Смирновымъ.

Ассигнація въ документахъ Петровскаго времени означаетъ не письменный видъ, какъ онъ думаетъ, а ассигновку, приказъ въ кассу объ уплатѣ денегъ.

Сельдерей, по автору, — извѣстное растеніе. Но въ Морскомъ Уставѣ, на который онъ дѣлаетъ ссылку, читается: *серде-*

лый большихъ бочка. Ясно, рѣчь идетъ о рыбѣ *сардель* = нѣм. sardelle.

Цедра, по автору, восходитъ къ лат. cedrus, франц. cèdre кедровое дерево. Но въ документѣ, которымъ онъ пользуется, рѣчь идетъ о *цедрѣ лимонной*!

Вольте не имѣетъ никакого отношенія къ нѣм. wollen. Въ письмѣ князя Куракина, откуда взято это слово, читается: *вольте* приказать, т. е. извольте, повел. накл.

Безлюдный, корка, трупъ не заимствованныя, а исконныя русскія слова.

Тюкъ едва ли есть основаніе производить отъ нѣм. stück, шандалъ, шенданъ (подсвѣчникъ) — отъ франц. chandelle, chandellier. Миклошичъ (Die türkischen Elemente in den südos- und osteuropäischen Sprachen, II, 38) представляетъ данныя въ пользу восточнаго происхожденія послѣдняго слова. Кстати замѣтимъ, что оно (въ видѣ шанданъ), встрѣчается въ московскихъ документахъ въ теченіе всего XVII вѣка.

Шталтъ образецъ — не что иное, какъ польск. kształt.

Мы бы, на мѣстѣ автора, выбросили изъ словаря рядъ словъ разнаго происхожденія (въ родѣ пропре, сепаре, тотешки, трезоръ), извлеченныхъ имъ изъ бумагъ князя Куракина, такъ какъ эти слова — субъективная особенность языка только этого лица; у другихъ дѣятелей Петровской эпохи они не встрѣчаются.

Авторъ помѣстилъ при словарѣ 1) списокъ словъ Петровской эпохи, происхожденія которыхъ онъ не могъ опредѣлить[1]), и 2) копію съ небольшого «Лексикона» заимствованныхъ словъ, исправленнаго рукою Петра Великаго, по рукописи Академіи Наукъ. Мы, конечно, не въ состояніи оказать ему значительную помощь при объясненіи неясныхъ словъ, но закромъ, по нашему мнѣнію, — исконное русское слово, крыхберсень (крыжовникъ) въ сходныхъ по звукамъ формахъ встрѣчается и теперь въ русскихъ центральныхъ губерніяхъ (у *Даля* крыжъ-бер-

1) Часть ихъ, кажется, — опечатки.

сень, подъ *крыжъ*), гульфарба восходитъ къ нѣм. goldfarbe, а кенастеръ—не что иное, какъ нѣмецкое или голландское knaster, названіе знаменитаго въ XVIII вѣкѣ сорта табака (объ его происхожденіи см. Kluge, Et. Wörterbuch der deutschen Sprache), проклемовать — не что иное, какъ пол. proklamować, лат. proclamare; что до торель, тарель, то это, конечно,—предокъ современнаго русскаго тарелка, обычное слово для Москвы всего XVII вѣка (имъ пользуется, между прочимъ, царь Алексѣй Михайловичъ; *Ак. Арх. Эксп.* IV, 83); названіе краски шишгиль (откуда, вѣроятно, современное шижголь сволочь, *Даль*) встрѣчается въ документахъ XVII вѣка въ видѣ *шизгель* виницѣйской, *шишьгель* (*Доп. къ Акт. Ист.* VI, 192, 195, 1672 года).

«Лексиконъ» — нѣчто очень цѣнное и любопытное; надо думать, что Петръ имѣлъ въ виду издать его или отдѣльно, или при какой-нибудь книгѣ; сравни «Толкованіе иностранныхъ рѣчей», находящихся въ Генеральномъ Регламентѣ, напечатанное при изданіи этого Регламента 1720 г. и *не* перепечатанное при текстѣ Регламента въ Полномъ Собраніи законовъ[1]). Г. Смирновъ послѣднимъ, къ сожалѣнію, не воспользовался, какъ не воспользовался словарикомъ въ сборникѣ библіотеки графовъ Уваровыхъ № 1931, около 1730 года, съ названіемъ: «Различная реченія иностранная противъ славено-россійскихъ» (около 40 словъ).

Объ изслѣдованіи г. Смирнова, точнѣе — о предисловіи къ словарю, нѣтъ надобности распространяться. Это — очень скромная попытка сдѣлать выводъ изъ данныхъ словаря о путяхъ, которыми въ Петровскую эпоху шли въ русскій языкъ изъ западно-европейскихъ языковъ разныя слова. Мы должны указать лишь на одинъ путь, очень важный, упущенный почти совсѣмъ изъ виду авторомъ. Это — путь черезъ юго-западную Русь, черезъ Малоруссію и Бѣлоруссію, по которому въ Москву перешло, повидимому, огромное большинство польскихъ словъ. Стоитъ бѣгло просмотрѣть Литовскій Статутъ въ изданіи 1588 года и русскія

1) Пекарскій, Наука и литература, II, № 435.

сочиненія Іоанникія Галятовскаго, чтобъ увидѣть тѣснѣйшую связь между юго-западно-русскимъ словарнымъ матеріаломъ XVI — XVII вѣковъ и русскимъ Петровской эпохи. Судебно-административная терминологія юго-западно-русскихъ дѣльцовъ особенно настойчиво обращаетъ на себя вниманіе и напрашивается на сближеніе съ терминологіей петровскихъ дѣятелей. Что понятно: дѣятельнѣйшіе сотрудники Петра изъ русскихъ, какъ П. Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеодосій Яновскій, — были выходцы изъ южной или западной Россіи.

II.

Отчетъ академика **Ѳ. Е. Корша** о сочиненіи Д. К. Зеленина, представленномъ на премію М. И. Михельсона.

Трудъ г. Зеленина «Германскіе, романскіе и латинскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV в.» представляетъ собою рукопись въ 356 страницъ, не считая довольно обширнаго «Введенія» (стр. I—XXX), посвященнаго объясненію методовъ, которымъ авторъ слѣдовалъ при своей работѣ, и сокращеній, въ числѣ которыхъ значатся заглавія его источниковъ и пособій (всего 28). Доказательствомъ иноязычнаго происхожденія разбираемыхъ имъ словъ онъ считаетъ 1) звуковыя неправильности въ отношеніи между даннымъ словомъ и его предполагаемымъ чужимъ подлинникомъ, 2) отсутствіе родичей въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Принадлежность слова древнерусскому языку, т. е., выражаясь хронологически, русскому языку до XV в., онъ опредѣляетъ какъ по времени, когда составленъ содержащій въ себѣ это слово памятникъ, такъ и по степени распространенности слова въ нарѣчіяхъ русскаго языка — великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. О послѣднемъ критеріи автору пришлось говорить гораздо подробнѣе, чѣмъ о первомъ, потому что наличность слова во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ русскаго языка объясняется иногда не унаслѣдованіемъ изъ эпохи

единства русскаго языка, а заимствованіемъ изъ одного нарѣчія въ другое, и весьма вѣроятно, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о заимствованныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, систематически поставленнаго, можемъ сказать, только теперь, благодаря почину и щедрости М. И. Михельсона, нѣкоторыя изъ словъ, принятыхъ авторомъ въ словарь, должны будутъ перейти въ «Дополненія», гдѣ кромѣ словъ, по его мнѣнію, спорнаго происхожденія онъ помѣстилъ и кое-какія позднѣйшія заимствованія. Чужія слова вошли въ русскій языкъ отчасти среди наслѣдія изъ общеславянской эпохи, отчасти усвоены имъ самостоятельно, по его обособленіи. Всѣ они распадаются на извѣстныя категоріи по означаемымъ ими предметамъ и по народамъ, имѣвшимъ то или иное культурное вліяніе на Славянъ вообще или на Русскихъ въ частности. Заимствованія бываютъ книжныя и обиходныя. Первыя вошли въ древне-русскій языкъ по большей части черезъ церковную письменность, почему г. Зеленинъ включилъ въ свой словарь много церковно-славянскихъ словъ, не привившихся на русской почвѣ даже въ искусственной рѣчи. Заимствовались между прочимъ собственныя имена, не только греческія, но и латинскія (въ число которыхъ на стр. XXIII зачѣмъ-то попало греческое *Спиридонъ* = Σπυρίδων). Есть заимствованія лишь по смыслу, иначе говоря — переводы, какъ *мученикъ* не прямо съ греч. μάρτυς «свидѣтель», а съ германскаго отраженія этого слова, проникшаго въ германскіе языки изъ христіанской латыни, гдѣ martyr получило исключительно религіозное значеніе.

Въ словарѣ г. Зеленина читатель найдетъ приблизительно всѣ тѣ слова, возвести которыя къ ихъ германскимъ, романскимъ или латинскимъ первообразамъ пытались предшественники автора. Отъискивать заимствованія, не отмѣченныя прежде, онъ, по видимому, не старался, — можетъ быть, кромѣ нѣсколькихъ примѣровъ въ «Дополненіяхъ». Какъ противъ распредѣленія матеріала по этимъ двумъ отдѣламъ, такъ и противъ принятія такихъ словъ, какъ *Акура́тъ*, *Винтъ*, *Гля́нецъ* хотя-бы только въ «До-

полненія» можно спорить. Самостоятельность автора выразилась преимущественно въ критикѣ чужихъ мнѣній, часто не ограничивающейся доводами отрицательнаго свойства, но нельзя сказать, чтобы всѣ его собственныя соображенія были удачны.

Такъ напр. подъ словомъ *Бармы*, затрудняясь вопросомъ, какъ средненижне-нѣм. barm «плечо» могло проникнуть къ намъ, онъ считаетъ возможнымъ выводить русское слово изъ польскаго brama или bram «кайма, оторочка» черезъ посредство **барама*, немыслимаго, да и ненужнаго при существованіи др.-сканд. barmr, значащаго то-же, что̀ польское bram.

Подъ *Бодня* онъ роднитъ это слово съ *бондарь* путемъ предположенія перестановки вслѣдствіе «примѣненія къ звукоподражательному *бон!*» (не проще-ли контаминація съ Binder?).

Подъ *Бочка* онъ объясняетъ *бочаръ* аналогіей словъ *гвоздáрь, лопáрь, пискáрь, кобзáрь* и т. п. и далѣе *пéкарь, пáхарь, сýдарь*, «а потомъ такихъ, какъ гончáръ, овчáръ. Макáръ, комáръ», при чемъ смѣшаны два разныхъ наставки — *-яръ* въ *бочáръ, гончáръ* и *овчáръ* (ср. *столяръ* и заимствованное *маляръ* вслѣдствіе мягкости l въ польск. malarz — нѣм. Maler) и *-áрь* въ *гвоздáрь* и пр. (ср. *столáрь* и заимствованное *грабáрь* вслѣдствіе твердости b въ польск. grabarz — нѣм. Gräber), и это смѣшеніе еще осложнена прибавкой *комарá* и *Макáра*, стоящихъ съ предъидущими примѣрами приблизительно въ такой-же связи, какъ *гусáръ, омáръ, Омáръ, кошмáръ, фуляръ, футляръ, амбáръ, базáръ, бульвáръ* и т. п.

При *Броня* г. Зеленинъ замѣчаетъ: «Русская (неполногласная) форма объясняется изъ древняго гласнаго r», но невидно, откуда-бы такому r было взяться, такъ какъ изъ приведенныхъ тутъ-же гот. brunjō или др.-в.-н. brunja должно было въ праславянскомъ явиться **брънěя*, что̀ подтверждается и русскимъ *броня*, если она совершенно независимо отъ польскаго broń, преобразованнаго, можетъ быть по bronić.

Подъ *Виногрáдъ* онъ ставитъ вопросъ: «не явилась ли ц.-слав. форма слова въ русскомъ языкѣ на смѣну иной, соб-

ственно — русской?» — словно винодѣліе было исконнымъ занятіемъ Русскихъ!

Едва-ли больше сочувствія въ читателѣ могутъ возбудить и вопросы подъ *Воронъ*: «не относится ли также сюда вр. (» = великорусское«) «нахрапомъ взять»—силою..., предполагая примѣненіе къ «храпѣть»?» (ср. взять на шарапъ) и подъ *Гонести*: «не сюда ли вр. *гоношить?*».

Въ объясненіе *г* вмѣсто ожидаемаго *з* въ словѣ *Гусь* г. Зеленинъ замѣчаетъ: «можно также думать о примѣненіи къ звукоподражательному го — га (крикъ гусей, см. наши «Этимологическія замѣтки» въ Ф. З. 1903)».

Въ словѣ *Король* онъ готовъ объяснить полногласіе изъ венгерскаго (király, котораго онъ впрочемъ не приводитъ).

За этимологіей слова *Муръ* = лат. murus съ производными слѣдуетъ замѣчаніе: «срв. вр. обл. *моровать (морую)* — тихо дѣлать что..., вр. *муравленый*» (сближенія только по звукамъ безо всякаго вниманія къ значенію, какъ и во многихъ другихъ этимологіяхъ автора).

Связь слова *Овинъ* съ бѣлор. *евня, ёвня, ёвна* кажется ему не совсѣмъ ясной, а допускать родство съ лит. jauja, по его мнѣнію, «не позволяютъ звуки», и потому онъ производитъ *овинъ* отъ сканд. ofn печь, противъ чего звуки возстаютъ уже гораздо рѣшительнѣе.

Въ словѣ *Овощъ* авторъ склоненъ объяснять *в* вмѣсто ожидаемаго *б* «примѣненіемъ» къ слову *воскъ*, опять-таки безъ вниманія къ значенію и безъ необходимости, такъ какъ это слово основывается не на др.-в.-н. obaz, а на формѣ, болѣе близкой къ современному Obst, которая могла звучать *oβast съ общегерманскимъ β, т. е. чисто-губнымъ *v* изъ *b* между гласными.

Подъ словомъ *Русальи* онъ производитъ малор. *мавка*, синонимъ нашего *русалка* — которое онъ сближаетъ со словомъ «*русло*» — отъ глагола *мыть*, какъ *плыть* — *плавить*, *ныть* — *навить*, *слыть* — *славить*, упустивъ изъ виду, что всѣ глаголы

первообразные, допускающіе при себѣ винословную форму съ *-ав-*, какъ еще *быть* — *бавить*, имѣютъ непереходное значеніе.

При *Скалвы* «вѣсы» производимомъ отъ древне-нѣм. schala (ново-нѣм. Schale), указано на церк.-слав. *сколька*, *скалька* раковина, древне-русск. *скала* кора (? у Дювернуа), откуда выводъ: «Не исключена возможность, что заимствовано только значеніе», хотя относящіяся сюда германскія слова означаютъ чашку вообще, а не только вѣсовъ, не говоря уже о формѣ *скалвы* (ср. *буква*, *смоква* и діалектическія *церква*, *морква* и т. п.).

Къ этимологіи слова *Скарбъ* прибавлено: «Срв. вр. областное (м. пр., нашъ отчетъ)[1]) *шара́бара*, *хара́бара* мелочь, мелкія вещи; можно думать о томже («sic») *скарбъ* (?) и о примѣненіи къ *ша́рить*, *шарабо́шить*» (слова въ родѣ *та́ры-ба́ры*, *шу́ры-му́ры*, *та́ни-ба́ни*, *кале́чина-мале́чина*, получившія, какъ два первыхъ изъ этихъ примѣровъ, болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ; ср. *харабо́рки* тряпье, обноски и т. п.).

Въ «Добавленіяхъ» слово *Брады* (род. *брадьве*), серб. *бра̀два* (а не «бра̀два») г. Зеленинъ склоненъ считать славянскимъ словомъ, а не заимствованнымъ съ германскаго (др.-в.-нѣм. barta, ср.-в.-нѣм. bartê, др.-сканд. barda), не смотря на подозрительное образованіе (ср. выше при *Скалвы*) и на позднѣйшія *бердышъ* и *протазанъ* (фр. pertuisane; ср. также чув. *порда́* топоръ, вот. *пурт* ножъ, можетъ быть, черезъ литовское посредство).

Вопити онъ считаетъ не заимствованнымъ съ гот. vōpjan, а звукоподражаніемъ, можетъ быть, вслѣдствіе предположенія, совершенно правильнаго, что vōpjan дала-бы у Славянъ **упити*, откуда впрочемъ слабая форма была-бы *въпити*.

Го́монъ и *угомо́нъ* (чуть-ли не вѣрнѣе *угамонъ*) признаны также звукоподражательными словами, что̀ относительно перваго можетъ быть и вѣрно, но второе относится къ малор. *гамова́ти*, пол. hamować унимать.

---

1) О поѣздкѣ въ Вятскую губернію.

Илемъ есть, по мнѣнію автора, не др.-в.-нѣм. ëlm (-boum), а «законный родичъ» лат. ulmus, при чемъ не объяснено звуковое отношеніе и не принято въ расчетъ, что ëlm изъ *ilm.

Подъ словомъ *Картофель* г. Зеленинъ, кажется, самостоятельно произвелъ отъ ит. tartufalo русское *трюфель*, что̀ отъ нѣм. Trüffel.

Кмѣтъ, *къмѣтъ* (sic!) объяснено не изъ лат. comes, а слѣдующимъ образомъ: «Вѣрнѣе видѣть слав. корень *мѣт* — *мет* (откуда *замѣчательный*, *замѣтный*, и префиксъ *къ*—(срв. къвредик у Срезн. I). См. наши «Этимологическія Замѣтки. I въ Ф. З. 1902» (при чемъ нѣтъ ни сербской, ни словѣнской, ни чешской формъ). Пбчему *Любистокъ* «врядъ ли» изъ пол. lubistek, неясно. *Мыто* авторъ отдѣляетъ отъ гот. môta, др.-в.-нѣм. mûta, потому что ô дало-бы по славянски *у*, что̀ справедливо, но изъ û вышло-бы *ы*, какъ въ *тынъ* изъ герм. *tūn- (галл. dūno-m). При словѣ *Попъ* допущена возможность происхожденія отъ παπᾶς въ виду *попадья* — παπαδιά, но «развѣ только при книжномъ заимствованіи», потому что иначе ударяемое *а* не пропало-бы, а за тѣмъ слѣдуетъ излюбленная авторомъ формула оговорки, вводящая, къ сожалѣнію, по большей части нѣчто мало вѣроятное: «Не исключена возможность» другой греческой формы — совершенно излишнее предположеніе, такъ какъ отъ παπᾶς род. падежъ звучитъ παπᾶ, вин. — παπᾶν, что̀ по-русски *попá*. *Рю́мить* будто-бы «Взято (?) изъ греч. ῥεύμα» (т. е. ῥεῦμα, что̀ впрочемъ значитъ «теченіе»), а потомъ подверглось вліянію исл. rymja ревѣть, кричать, гдѣ вопросительный знакъ послѣ «Взято» можно понять въ смыслѣ намека на возможность исконнаго родства. О словѣ *Труба* сказано, что его «выводятъ обычно. . . изъ дрв. trumba, срвн. trumel, trumbel, нѣм. Trommel», откуда ит. tromba, фр. trompe, однако «Не исключена возможность и обратнаго заимствованія — отъ славянъ къ нѣмцамъ», что̀ тѣмъ менѣе вѣроятно, что герм. trumba произошло, по видимому, изъ лат. tuba подъ вліяніемъ такихъ германскихъ словъ, какъ др.-сканд. þruma шумѣть, þrymr трескъ, грохотъ, откуда и ср.-в.-нѣм.

trumel, швед. trumma, англ. drum барабанъ и далѣе — фр. trompette съ н.-в.-нѣм. Trompete, шв. trumpeta, слов. trobenta изъ *трѫб-е(н)та.

При *Химостить* «ворожить, врать» приведены малор. *химорда* колдовство, *химородникъ* колдунъ, которыя Потебня производилъ отъ нѣм. ge-heim, но самъ г. Зеленинъ спрашиваетъ: «Нельзя ли начально («sic!») *хи-* сравнить съ *ки-ки*, *ши-ши* въ *кикимора*?» (не замѣшаны-ли здѣсь *хúмія* и *химéра*?). Число такихъ примѣровъ нетрудно было-бы увеличить, но ограничимся приведенными, достаточными для характеристики личныхъ предположеній автора, упомянувъ еще только о необыкновенной его склонности къ объясненію словъ не изъ западныхъ языковъ, откуда ихъ объясняютъ другіе, а изъ восточныхъ, которые чужды ему въ такой мѣрѣ, что онъ сплошь да рядомъ просто говоритъ: «восточное слово» или выражаетъ подозрѣніе, не съ Востока-ли оно; см. напр. не только *Скарлатъ*, которое выводили оттуда и другіе (изъ тур. iskerlet, передѣланнаго изъ ит. scarlatto или изъ н. греч. σκαρλάτον), но и *Корзно*, *Котъ*, *Мыть* (сущ.), *Опица*, *Перецъ* (отъ *персъ*!), *Сорбчка* (отъ «сарацинъ!»), изъ которыхъ *Котъ* и *Перецъ* въ самомъ дѣлѣ пришли въ Европу съ Востока, только не къ намъ. Вообще изъ, такъ сказать, слѣпыхъ ссылокъ автора на таинственный Востокъ ему удалась, чуть-ли не одна, да и то неожиданнымъ для него образомъ: *Карма́нъ* есть въ самомъ дѣлѣ не лат. crumena, а — мадярское karmány рукавъ (отъ kar рука кромѣ кисти; ср. рукава японскаго халата, киримоно, служащіе и карманами). Причина этого своеобразнаго Drang nach Osten со стороны автора заключается, можетъ быть, отчасти въ нѣкоторомъ славянофильствѣ, предпочитающемъ теперь невинный передъ Славянами и — главное — невѣдомый Востокъ тѣснящему ихъ Западу, отчасти въ недоразумѣніи относительно истиннаго смысла сравненій славянскихъ словъ съ западными: вѣрно, что извѣстныя намъ старыя германскія или романскія формы не всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ славянскимъ отраженіямъ, но вѣдь наше знаніе западныхъ язы-

ковъ ранняго средневѣковья болѣе или менѣе случайно и отрывочно, вслѣдствіе чего мы не всегда можемъ отыскать въ памятникахъ какъ разъ тѣ формы, которыя были усвоены древними Славянами. Такой случай представляется намъ, кромѣ упомянутаго *Овощь*, при словѣ *Спудъ*, сравненіе котораго съ дат. Spand и нижне-нѣм. span г. Зеленинъ отвергаетъ, не находя вѣроятнымъ сравнительно широкое распространеніе его между Славянами изъ такого источника. Но если др. норв. spann ср. р. «мѣра и вѣсъ масла и сыпучихъ тѣлъ» произошло изъ *spand (датское *nd* есть лишь ороографическое выраженіе двойного *n*), а н.-нѣм. span восходитъ къ тому-же *spand, получается чуть-ли не общегерманское слово, близкое по звукамъ къ слав. спѫдъ и употребительное, быть можетъ, въ краяхъ, граничившихъ со славянскими. Какъ-бы то ни было, самая попытка оцѣнки чужихъ взглядовъ и стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду далеко не простой сводъ уже сдѣланнаго другими. Вообще къ своей задачѣ онъ отнесся очень серьёзно и добросовѣстно, и, вѣроятно, только недостатокъ времени виноватъ въ нѣкоторыхъ недосмотрахъ, какіе попадаются тамъ и сямъ въ его трудѣ. Подозрѣніе, что авторъ торопился, подтверждается довольно значительнымъ количествомъ неточныхъ или неясныхъ выраженій и мелкихъ ошибокъ или описокъ, особенно въ иноязычныхъ словахъ. Такъ напр. мало понятны замѣчанія при *Брага*, *Витязь*, *Князь* (безъ отличія отъ *кнѧсъ*), *Кумъ* (гдѣ «серб. kmotš», т. е., вѣроятно, лужицкое), *Усерѧзь* и др. Есть пропуски словъ, о которыхъ идетъ рѣчь, напр. шв. kong при *Князь*, нѣм. Rathmann при *Ратманъ*. Впрочемъ нельзя не признать, что иногда бываетъ трудно рѣшить, чѣмъ объясняется та или другая изъ такихъ погрѣшностей — поспѣшностью или иною причиною, менѣе извинительной. Дѣло въ томъ, что автора никакъ нельзя назвать языковѣдомъ. Такъ *Бровстъ*, *провстъ*, по его словамъ, восходитъ «къ лат.-романск. praepositus, лат. propositus», тогда какъ форма съ prae- есть древняя, а съ pro- — средневѣковая, *Ва́га* онъ переводитъ по-латыни «pondo» вм.

pondus, лат. galea подъ *Галея* — «щитъ» вм. шлемъ (если это не описка: «собственно: щитъ, въ какомъ значеніи родственно съ нѣм. Helm, а черезъ него и съ слав. *шлемъ*», что̀ трудно уразумѣть), при *Глазъ* значится греч. «βλέπτω» вм. βλέπω, при *Ирха* — лат. «coricum» вм. corium, при *Келяхъ* — ит. «kalége» и ср.-лат. «calese» (?), при *Мастеръ* — лат. mahister» вм. magister (дважды) и то-же при *Местеръ*, при *Осьлъ* — *Осѣлокъ* — «*острый*, скр. akštrus», вѣроятно, вм. лит. aszrùs или asztrùs (скр. aštra-m остріе, жало), при *Оцѣтъ* — «ἐσμιρνισμένον οἶνος» вм. ἐσμυρνισμένος οἶνος, при *Пáва* — «τάως» вм. ταώς, при *Роменъ* — лат. «chramomilla» вм. chamomilla, при *Сентябрь* — греч. «σεπτέμβριον» вм. σεπτέμβριος, при *Скáтерть* — лат. (!) переводъ «mappa ubrus» (т. е. лат. mappa и слав. *убрусъ*), при *Скутъ* — нѣм. «Schotz» вм. Schosz, при *Стерхъ* — греч. «πολαργός и др. в.-н. «starah» вм. πελαργός и storah, при *Судáрь* — лат. «sudum — потъ» вм. sudum жара (или sudor потъ), при *Вира* — лат. «vīr» вм. vir (= vĭr), при *Дроздъ* — «птица tardus» вм. turdus, при *Дружи́на* — лат. «carvatim» вм. catervatim (?), при *Мыто* — лат. «protorium» вм. portorium, при *Тысяча* — лат. «millium» вм. mille, при *Тюрьма* — лат. переводъ «cella penaria», что́ значитъ «житница, амбаръ» (отъ penus запасъ, а не отъ poena, какъ, вѣроятно, думалъ авторъ), при производствѣ слова *Тябло* отъ τέμπλον его «затрудняетъ media *б* на мѣстѣ ожидаемой tenuis *p*» (sic), которая однако послѣ *м* въ позднемъ греческомъ выговорѣ всегда переходитъ въ *б*, при *фальшь* — польск. «falsz» вм. fałsz (не описка, такъ какъ русское слово производится авторомъ отъ польскаго, а не отъ нѣмецкаго).

Можетъ быть, въ связи съ нетвердостью въ иностранныхъ языкахъ состоитъ и двоякое написаніе сербскихъ и малорусскихъ словъ, то кириллицей, то латинкой, иногда по фонетическому правописанію, иногда по этимологическому, — очевидно, въ зависимости отъ источниковъ. Такой пріемъ дѣлаетъ честь осторожности автора, но едва-ли можетъ быть признанъ научнымъ помимо выписокъ изъ памятниковъ; однако именно въ послѣднемъ случаѣ

г. Зеленинъ и не сообразуется съ преданіемъ, о чемъ заявляетъ самъ на стр. XXX: «Орѳографія древнерусскихъ словъ принята ближайшая къ современной».

Говорить-ли послѣ всѣхъ этихъ данныхъ о томъ, что г. Зеленинъ едва-ли прошелъ строгую лингвистическую школу? Вотъ нѣсколько примѣровъ его научнаго языка и мышленія. Подъ *Букъ* греч. φᾱγός, φηγός произведено прямо отъ φαγεῖν, не смотря на «праиндоевроп. *bhâgos». *Клевретъ* «Восходитъ къ лат. collibertus (отъ cum и libero)» вм. cum и libertus. При *Льсть* на ряду съ польск. leść, lściwy, чеш. lest, lstivý поставлено серб. *ла́скати*. Подъ *Нута* читаемъ: «сканд. naut (pecus), англ.-сакс. neat, др.-в.-н. nôz (jumentum), что производятъ отъ гот. niutan (uti, нѣм. geniesen)» (такъ буквально; въ самомъ др.-сканд. есть не только naut ср. р. скотъ, но и naut или nautn ж. р. пользованіе и глаголъ njóta пользоваться). При *Олта́рь* — «лат. altāre (alta ara)» (какъ понять прибавку въ скобкахъ?). Въ словѣ *Осетръ* (котораго онъ называетъ по-латыни accipenser вм. acipenser) смущаетъ автора *о*, потому что въ другихъ славянскихъ языкахъ здѣсь *je-*, а не *е-*. При *Стягъ* — «др. швед. stang, др. сканд. stöng» и также при *Судъ* — «изъ скандинавск. sund, швед. sund» и при *Ябетникъ* — «др. сканд. emboetti, др. швед. oembiti (др.-сканд. вм. др.-норв. или исл.). *Тузъ* карточный произведено отъ польск. tus = нѣм. Daus, но *тузъ* ударъ, *тузи́ть* и польск. tusować (ср. дать *стусана́*) поставлено въ родство съ лат. tundo.

Въ собственномъ языкѣ автора желательно было-бы устранить *ирійскій* вмѣсто *ирскій* (напр. подъ *Лъкъ* и *Тынъ*), *заикаться* въ смыслѣ «упоминать нерѣшительно» (подъ *Готовъ*: «Проф. Брандтъ заикается о корнѣ *тыти*»), *нужно* вмѣсто *надобно* или *слѣдуетъ* (подъ *Дратва*: «Русское слово нужно выводить изъ польск.» ср. подъ *Ершъ*, *Жупелъ*, *Ирха*, *Кобелъ*, *Коро́ль*, *Котыцъ* дважды, *Ку́бокъ* и др.).

И такъ г. Зеленину далеко еще до уровня самостоятельнаго изслѣдователя, что̀ впрочемъ и совершенно естественно при его молодости; но и этотъ трудъ, не смотря на всѣ его недостатки,

обнаруживаетъ въ его авторѣ какъ недюжинныя знанія и способности, такъ и умѣнье работать. Главное достоинство его словаря состоитъ въ полнотѣ матеріала: не только собраны чуть-ли не всѣ старыя слова, объясняемыя изъ западныхъ языковъ, но и разъисканы въ памятникахъ и толково сопоставлены мѣста, въ которыхъ они встрѣчаются, почему нѣкоторыя статьи представляютъ собою цѣлыя изслѣдованія (напр. *Русь* на 4 страницахъ). По устраненіи указанныхъ выше и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей (для чего вся лингвистическая часть должна быть провѣрена до мелочей—до знаковъ долготы и удареній включительно) сочиненіе г. Зеленина получитъ значеніе полезной справочной книги и надежной канвы для будущихъ изслѣдователей. Потому я полагалъ-бы справедливымъ, подъ условіемъ надлежащаго исправленія разобраннаго здѣсь труда, присудить автору полную премію имени М. И. Михельсона.

Ѳ. Коршъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

Читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
29-го декабря 1903 года

ординарнымъ академикомъ Н. П. КОНДАКОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1903 года

Ординарнымъ академикомъ Н. П. Кондаковымъ.

Въ настоящемъ году присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого принадлежало Отдѣленію русскаго языка и словесности. На соисканіе упомянутыхъ премій было принято шесть сочиненій, которыя и подлежали разсмотрѣнію образованной согласно § 15-му Правилъ о сихъ преміяхъ Коммиссіи.

Въ трудахъ этой Коммиссіи приняли участіе всѣ члены Отдѣленія; послѣднею были разсмотрѣны какъ представленныя сочиненія, такъ и поступившія къ сроку рецензіи на нихъ, которыя были написаны частію членами Отдѣленія, а также и приглашенными для этого посторонними учеными. Рецензіи, послужившія основаніемъ для присужденія самыхъ премій, приводятся ниже въ извлеченіи.

I.

«*Письма Н. В. Гоголя*. Редакція **В. И. Шенрока**. Томъ *первый*—стр. XI—628, Томъ *второй*—стр. 587, Томъ *третій*—стр. 499, Томъ *четвертый*—стр. 539. (Безъ обозначенія года). С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса».

Критическое размотрѣніе означеннаго труда было въ свое время поручено: 1) покойному чл.-корр. проф. Императорскаго Московскаго Университета А. И. Кирпичникову, успѣвшему доставить въ Отдѣленіе свой вполнѣ сочувственный трудамъ и дѣятельности г. Шенрока по изученію біографіи Гоголя въ связи съ его произведеніями, лишь краткій отзывъ, и 2) сверхъ того Отдѣленіе поручило разсмотрѣть трудъ г. Шенрока — своему члену-корреспонденту профессору Императорскаго Университета Св. Владиміра Н. П. Дашкевичу.

1.

Рецензія А. И. Кирпичникова.

Указавъ на то, что изданіе писемъ Гоголя, исполненное г. Шенрокомъ, сдѣлало совершенно ненужнымъ устарѣвшее изданіе П. А. Кулиша и что теперь всякій, кого интересуетъ Гоголь, имѣетъ, благодаря г. Шенроку, прекрасный комментарій къ произведеніямъ русскаго великаго юмориста, комментарій, который слѣдующимъ поколѣніямъ придется только пополнять и совершенствовать, покойный рецензентъ отмѣчаетъ, что уже одной этой заслуги вполнѣ достаточно, чтобы претендовать на высшую академическую награду; если же къ этому фактическому комментарію, *научно изданному*, присоединены примѣчанія, болѣе или менѣе умѣло составленныя, претензія переходитъ въ *право*, передъ которымъ всѣ иныя права должны смолкнуть почтительно.

Должно сказать, что изъ 2153 страницъ В. И. Шенрокъ потерялъ по крайней мѣрѣ 153 (если не болѣе) совершенно не-

производительно, употребивъ ихъ на *примѣчанія*, ровно ничего не дающія читателю. Такъ, когда онъ приводитъ невѣрныя или неполныя чтенія у Кулиша въ V и VI томахъ изданія 1857 года, онъ сообщаетъ ему также мало новаго и поучительнаго, какъ и тогда, когда онъ приводитъ случайно-невѣрныя чтенія въ изданіяхъ Пономарева, «Вѣстника Европы», «Русской Старины» и т. п.; въ такихъ случаяхъ принято молча исправлять чужую или даже свою собственную ошибку, и *только*. Если какое-либо письмо Гоголя, болѣе или менѣе важное для уразумѣнія его характера, а стало быть, и его литературной дѣятельности, перепечатывалось пять-шесть разъ и съ разноообразными или даже съ одною и тою же ошибкою, ужели г. Шенрокъ сталъ бы отмѣчать всѣ эти 5 или 6 разъ, еслибъ даже всѣ они исходили изъ одного Кулиша? Конечно, нѣтъ, дабы не уподобиться Кутейкину изъ комедіи «Недоросль», который считаетъ, что разныя изданія Псалтыри суть «многія книги». А въ такомъ случаѣ для чего же отмѣчать эти случайно-невѣрныя разночтенія, имѣя въ виду читателя, которому нуженъ по возможности вѣрный текстъ писемъ Гоголя?!

Далѣе, очень много строкъ *примѣчаній* въ изданіи В. И. Шенрока, особенно въ двухъ первыхъ томахъ, когда Гоголь еще вовсе не думалъ собирать свои письма и писалъ ихъ *пріятелямъ*, какъ попало, уходитъ исключительно на то, что издатель отмѣчаетъ внизу: *не дописано*, а наверху въ скобкахъ печатаетъ по своему предположенію (большею частію, конечно, вполнѣ вѣрному) окончаніе слова. Было бы совершенно достаточно упомянуть объ этомъ одинъ разъ въ предисловіи передъ первымъ томомъ, тѣмъ болѣе, что печатать въ скобкахъ буквы, дополняемыя по догадкѣ, принято и вообще, и въ частности Н. С. Тихонравовымъ въ изданіи, которое началъ онъ, а окончилъ В. И. Шенрокъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на многіе промахи въ текстѣ самыхъ писемъ и недостатки въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя, рецензентъ глубоко убѣжденъ, что В. И. Шенрокъ, какъ

издатель этихъ писемъ, заслуживаетъ *полной Пушкинской преміи* на слѣдующихъ основаніяхъ.

Во-первыхъ, только многолѣтніе труды г. Шенрока надъ изученіемъ Гоголя сдѣлали его, В. И. Шенрока, способнымъ въ такое сравнительно небольшое количество времени (менѣе двухъ лѣтъ) дать столь полное и столь удовлетворительное въ общемъ изданіе этихъ 4-хъ томовъ, и никто другой, кромѣ г. Шенрока, который всѣхъ оставшихся въ живыхъ родныхъ и пріятелей Гоголя узналъ лучше, чѣмъ своихъ собственныхъ, не могъ бы исполнить и на половину такъ хорошо этой задачи.

Во-вторыхъ, В. И. Шенрокъ при исполненіи этого важнаго дѣла пустилъ въ ходъ всѣ свои знанія и всѣ свои способности, не говоря уже о своей великой любви къ Гоголю, и исполнилъ свою задачу, какъ только *онъ* (много лѣтъ изучавшій Гоголя и безгранично его возлюбившій) могъ лучше.

Въ-третьихъ,—и это самое важное основаніе—если мы сравнимъ положеніе лицъ, занимающихся гоголевскимъ періодомъ русской литературы до 1902 г., т. е. до появленія новаго изданія писемъ Гоголя, и послѣ него, мы увидимъ между тѣмъ и другимъ огромное различіе, обусловленное исключительно трудомъ г. Шенрока, изданіе котораго рецензентъ имѣлъ честь разбирать по порученію Академіи. Но объ этомъ уже было говорено въ началѣ разбора и въ разныхъ мѣстахъ его.

Мы еще не дожили (и долго не доживемъ) до критическаго и вполнѣ всѣмъ по цѣнѣ и объему доступнаго изданія писемъ Гоголя, который и въ первую половину своей жизни писалъ много и охотно, а во вторую — всю душу свою (искренно или односторонне — другой вопросъ) открывалъ въ многочисленныхъ письмахъ своихъ; но мы не можемъ не признать, что В. И. Шенрокъ настоящимъ изданіемъ положилъ прочное и солидное основаніе этому благому дѣлу; а большей заслуги по изученію новой русской литературы, по мнѣнію рецензента, и придумать нельзя.

2.

Рецензія Н. П. Дашкевича.

При изученіи душевнаго склада Гоголя обильная переписка, оставшаяся послѣ этого писателя, является матеріаломъ первостепенной важности. Это замѣтилъ уже первый біографъ Гоголя П. А. Кулишъ, который недаромъ включилъ его письма въ послѣдніе два тома своего изданія сочиненій этого поэта.

Въ настоящее время, благодаря В. И. Шенроку, читатели Гоголя имѣютъ передъ собою новое изданіе тѣхъ же писемъ, превосходящее своими размѣрами почти вдвое первое собраніе писемъ Гоголя, напечатанное Кулишемъ.

Принявъ на себя нелегкій трудъ этого новаго изданія, г. Шенрокъ, безъ сомнѣнія, руководился, подобно Кулишу, справедливою мыслью о важности этого матеріала, на которую и самъ онъ указывалъ ранѣе[1]), отступая отъ взгляда изслѣдователей, умаляющихъ значеніе писемъ Гоголя.

Сводному изданію писемъ Гоголя, выпущенному г. Шенрокомъ и содержащему, по заявленію издателя, «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», должно бы принадлежать почетное мѣсто въ ряду трудовъ послѣдняго времени, посвященныхъ изученію и изданію матеріаловъ для біографіи нашихъ великихъ писателей, и нельзя не поблагодарить г. Шенрока за то, что онъ, завершивъ изданіе сочиненій Гоголя, начатое Н. С. Тихонравовымъ, собралъ во едино и извѣстныя доселѣ письма Гоголя, снабдивъ ихъ введеніями и примѣчаніями. Но для вполнѣ вѣрной оцѣнки указанной заслуги г. Шенрока, должно предварительно рѣшить вопросы: 1) о степени полноты разсматриваемаго изданія; 2) о системѣ, принятой въ немъ; 3) о точности

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I. М. 1892, стр. 17—18: «если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».

въ воспроизведеніи подлинниковъ и, наконецъ, 4) объ удовлетворительности объясненій, предложенныхъ издателемъ. Лишь послѣ разсмотрѣнія изданія г. Шенрока во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, возможно будетъ составить надлежащее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ его труда[1]).

Идея труда г. Шенрока, задавшагося новымъ распредѣленіемъ, перепечаткою и объясненіемъ всѣхъ доселѣ изданныхъ писемъ Гоголя съ присоединеніемъ «нѣкоторыхъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ», заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ дорожащихъ успѣхами изученія великихъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, въ ряду которыхъ Гоголь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но изданіе за-ново переписки Гоголя сопряжено было съ весьма многими затрудненіями по причинѣ разбросанности, указываемой самимъ г. Шенрокомъ — «крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ», а также сложности работы по изданію переписки, являющемуся во многомъ дѣломъ отличнымъ отъ редактированія произведеній писателя. Вслѣдствіе всего этого, покойный издатель сочиненій Гоголя Н. С. Тихонравовъ не взялъ на себя столь нелегкаго дѣла по воспроизведенію переписки этого поэта, г. же Шенрокъ не убоялся трудностей. Къ сожалѣнію, выполненіе принятой имъ на себя важной задачи въ отношеніи къ письмамъ Гоголя далеко отъ безукоризненности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться образцовымъ.

Г. Шенрокъ затратилъ, безъ сомнѣнія, много упорнаго труда на собираніе оригиналовъ писемъ, на провѣрку печатнаго текста ихъ и на хронологическое пріуроченіе тѣхъ изъ нихъ, которыя лишены даты, но не достигъ ни полноты въ своемъ изданіи, ни надлежащей точности, ни правильности въ объясненіяхъ. Повидимому, г. Шенрокъ посвятилъ этой работѣ не все то количество времени, какое было необходимо для успѣшнаго завершенія ея. Оттуда отчасти небрежность въ провѣркѣ напе-

1) На всѣ перечисленные вопросы имѣются въ полной рецензіи проф. Дашкевича обстоятельные отвѣты.

чатанныхъ ранѣе текстовъ по оригиналамъ писемъ; оттуда утвержденія, либо слабо обоснованныя, либо прямо невѣрныя въ общихъ обзорахъ группъ, на которыя распредѣлены издателемъ письма Гоголя; оттуда, наконецъ, невѣрныя и сомнительныя пріуроченія нѣкоторыхъ изъ писемъ, не содержащихъ годовой даты. Прискорбнѣе всего, что издатель отнесся къ матеріалу, бывшему въ его распоряженіи, не какъ ученый, тщательно и точно воспроизводящій обнародываемые имъ документы, а какъ преподаватель словесности, усердно выправляющій ученическіе промахи въ стилѣ и правописаніи. Оттого нерѣдко текстъ писемъ Гоголя, напечатанный г. Шенрокомъ, не можетъ быть признанъ воспроизведеннымъ съ соблюденіемъ правилъ научнаго обращенія съ источниками. Это тѣмъ досаднѣе, что, конечно, изданные г. Шенрокомъ тексты писемъ сослужатъ долгую службу и будутъ настольною книгою при изученіи жизни, воззрѣній и творчества Гоголя, потомучто въ его перепискѣ содержится наилучшее объясненіе многихъ особенностей въ ходѣ развитія этого великаго юмориста-обличителя пошлости человѣческой жизни и страстнаго провозвѣстника нравственнаго обновленія личности.

«Въ виду всего этого — заключаетъ рецензентъ — нельзя не признать изданіе г. Шенрока не вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ строгой научности, но тѣмъ не менѣе заслуживающимъ поощренія.

II.

Приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго Университета **А. П. Кадлубовскаго**: *«Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ». 1 — 5.* (Варшава, 1902).

Рецензія академика Е. Е. Голубинскаго.

Очерки г. Кадлубовскаго посвящены двумъ группамъ житій русскихъ святыхъ и вообще русскихъ агіобіографическихъ

сказаній, именно — во-первыхъ, такимъ житіямъ и сказаніямъ, легендарное содержаніе которыхъ, по его — г. Кадлубовскаго мнѣнію, сложилось подъ вліяніемъ житій и сказаній греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ тѣхъ и другихъ; во-вторыхъ, такимъ житіямъ извѣстнаго періода времени, въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли. Первую группу составляютъ три житія и одинъ сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ; вторую группу составляютъ всѣ житія XV—XVI вѣковъ.

Три житія, легендарное содержаніе которыхъ, по мнѣнію г. Кадлубовскаго, сложилось подъ вліяніемъ житій греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ этихъ послѣднихъ житій, суть: житіе преп. Аврамія Ростовскаго, имѣющее, по нему, своимъ греческимъ прототипомъ житіе преп. Аврамія Сирскаго; житіе Меркурія, мученика Смоленскаго, имѣющее своимъ греческимъ прототипомъ житіе Меркурія, мученика Кесарійскаго, и житіе Никиты, столпника Переяславскаго, до нѣкоторой степени отражающее въ себѣ житіе Никиты, епископа-мученика Готескаго. Сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ, составленный по подобію патериковъ греческихъ, а отчасти, какъ думаетъ г. Кадлубовскій, и съ прямымъ изъ нихъ заимствованіемъ, есть патерикъ Волоколамскій.

Дѣлая общій отзывъ о сочиненіи, мы должны сказать, замѣчаетъ почтенный рецензентъ, — что при нашемъ несогласіи во многомъ съ г. Кадлубовскимъ, мы тѣмъ не менѣе усердно привѣтствуемъ его изслѣдованіе, а его самого какъ ученаго изслѣдователя.

Г. Кадлубовскій взялъ на себя задачу изучить предметъ съ той его стороны, съ которой этотъ послѣдній доселѣ оставался неизученнымъ, и хотя ему, по нашему мнѣнію, не удалось пока выполнить задачи совсѣмъ удовлетворительно, но уже на-

мѣреніе заслуживаетъ полнаго одобренія. Затѣмъ, долженъ быть принятъ во вниманіе очень большой трудъ, который положенъ авторомъ на изученіе его сложнаго и обширнаго предмета. Наконецъ, нельзя сказать о сочиненіи и того, чтобы оно ничего не давало. Въ первой половинѣ «Очерковъ» г. Кадлубовскій дѣлаетъ общеизвѣстнымъ дотолѣ малоизвѣстное содержаніе патерика Волоколамскаго. А во второй половинѣ «Очерковъ» дается имъ и полное, хотя и не въ желаемой степени отчетливое и обстоятельное изслѣдованіе предмета. Вообще мы находимъ, что г. Кадлубовскій вполнѣ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за свое сочиненіе малой Толстовской денежной преміи.

III.

П. А. Сырку: «*Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ*. Житіе св. Николая Софійскаго по единственной рукописи XVI вѣка». (Спб. 1901 г.).

Рецензія профессора М. С. Дринова.

Означенная книга состоитъ изъ двухъ частей: а) изъ обширнаго введенія и б) изъ текстовъ *службы* и пространнаго *житія* св. Николая Софійскаго, а также *похвалы* ему и другимъ софійскимъ мученикамъ. Названные тексты умѣстились на 160-ти страницахъ книги;—что же касается введенія, то оно поражаетъ своимъ внѣшнимъ объемомъ, занимая 346 страницъ. — Почтенный авторъ первоначально думалъ ограничиться въ немъ лишь описаніемъ *Софійскаго кодекса*, въ которомъ сохранились изданные имъ тексты, и литературнымъ обзоромъ этихъ текстовъ. Но потомъ, въ виду того, что Софійскій кодексъ, составленный въ болгарской странѣ, писанъ сербскимъ правописаніемъ, онъ счелъ нужнымъ разъяснить и этотъ вопросъ въ своемъ введеніи, въ которомъ вслѣдствіе этого появилась громадная, въ 175 стра-

ницъ, вставка подъ именемъ: «Очерковъ изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ». Очерки эти, писанные, нужно сказать, довольно поспѣшно и при какихъ-то «тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ», далеки отъ совершенства, что признаетъ и самъ авторъ (09—010). Въ нихъ лишь слегка затронуты существенныя стороны весьма сложнаго и любопытнаго, но малоизслѣдованнаго еще вопроса, а явленіямъ частнымъ и болѣе или менѣе уже выясненнымъ отведено слишкомъ много мѣста. Болѣе двухъ третей этихъ очерковъ посвящено хорошо извѣстнымъ трудамъ болгарскаго философа Константина Костенчскаго и Владислава Грамматика. Особенно долго профессоръ Сырку останавливается на сочиненіи Константина о *письменехъ* и излагаетъ его содержаніе, пользуясь при этомъ относящимися сюда прекрасными изслѣдованіями и объясненіями академика Ягича. Нашъ авторъ пытался тутъ объяснить и нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ этого сочиненія, которыя оставлены г. Ягичемъ безъ объясненія, но эту попытку его нельзя назвать удачною. Владиславу Грамматику профессоръ Сырку также посвятилъ не мало страницъ, болѣе сорока, но прибавилъ немного новаго къ тому, что уже было извѣстно изъ трудовъ Даничича, Неофита Рильскаго, проф. Иречка, проф. Сперанскаго и др. Онъ тоже, какъ и только что названные его предшественники, останавливается лишь на хорошо извѣстныхъ двухъ сборникахъ, писанныхъ Владиславомъ въ 1469 и 1479 г. въ Жеглиговской (Кумановской) области сѣверной Македоніи. Ему остался неизвѣстнымъ третій подобный же трудъ Владислава, снабженный драгоцѣнной записью, гласящей такъ; «въ лѣто 6965 (= 1457) Владислав діакъ писа сію книгу от Новаго брьда». Памятникъ этотъ, хранящійся въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета, сдѣлался извѣстнымъ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ изъ «Описанія рукописей В. И. Григоровича», составленнаго профессоромъ Мочульскимъ. Сообщенныя тутъ краткія выдержки изъ него помогли бы нашему автору нѣсколько разобраться въ цѣломъ рядѣ

затронутыхъ имъ, но оставленныхъ безъ отвѣта вопросовъ касательно личности Владислава, его научнаго ценза, литературныхъ пріемовъ и пр. Онъ бы нашелъ тутъ и нѣкоторое подтвержденіе одному своему мнѣнію, касающемуся отношенія Владислава къ Константину философу.

Указанныя несовершенства занимающихъ насъ здѣсь *Очерковъ* искупаются приведенными въ концѣ ихъ выписками изъ множества памятниковъ рукописныхъ собраній Рильскаго монастыря, Св. Синода болгарской церкви и Болгарской Народной Библіотеки, выписками, на основаніи которыхъ авторъ доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что правописаніе Константина Костенчскаго было очень распространено въ западныхъ болгарскихъ странахъ въ XV—XVII вѣкахъ и что главными центрами духовнаго просвѣщенія въ названныхъ странахъ были тогда Рильскій монастырь и города Софія и Кратово. Сказанное тутъ о Софіи можно было бы подтвердить и свидѣтельствомъ ученаго нѣмецкаго богослова Ст. Герлаха, который путешествовалъ по Балканскому полуострову и жилъ тамъ между 1575—1578 г. Въ своемъ дневникѣ Герлахъ два раза указываетъ, что въ Софіи существовали двѣ славянскія школы, въ которыхъ получала свое образованіе большая часть священниковъ Софійской епархіи. Одного такого Софійскаго питомца онъ встрѣтилъ и въ селѣ Вѣтренѣ, находившемся въ Самоковской епархіи, которая была отдана незадолго передъ тѣмъ извѣстнымъ визиремъ Мехмѣдомъ Соколовичемъ сербскому патріаршеству, тогда же и возстановленному названнымъ визиремъ.

Переходя къ первоначальнымъ, основнымъ частямъ *Введенія*, мы можемъ сказать, что онѣ отдѣланы весьма старательно и съ знаніемъ дѣла. Прежде всего тутъ представлено обстоятельное описаніе *Софійскаго кодекса* со стороны его содержанія и палеографическихъ особенностей, а также особенностей языка, фонетическихъ, морфологическихъ и словарныхъ. Въ этомъ описаніи собрано и объяснено множество фактовъ, нерѣдко весьма интересныхъ. Только немногія изъ относящихся сюда объясненій

автора даютъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ. Такъ же старательно и умѣло обработанъ и литературный обзоръ изданныхъ авторомъ памятниковъ. Въ этомъ обзорѣ профессору Сырку приходилось имѣть дѣло не только съ чисто историко-литературными темами, касающимися авторовъ только что названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же софійскихъ памятниковъ, (Матѳея Грамматика, Попа Пѣя и пр.), но и съ указаніями культурно-историческаго и политическаго свойства. Весь этотъ матеріалъ заботливо и не безуспѣшно объясненъ и освѣщенъ авторомъ, на сколько это было возможно.

При изданіи текстовъ авторъ придерживался строго научнаго пріема, старался воспроизвести ихъ съ полною точностію и съ сохраненіемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ.

Открытіемъ, изданіемъ и объясненіемъ этихъ важныхъ и по языку и по содержанію памятниковъ профессоръ Сырку оказалъ существенную услугу исторіи южно-славянской письменности XVI-го вѣка и, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ награжденія преміею имени графа Д. А. Толстого.

IV.

Изслѣдованіе экстра-ординарн. проф. Имп. Университета Св. Владимира **В. Н. Перетца**: «*Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды*. Вып. I. Къ исторіи Громника и Вып. II. Къ исторіи Лунника» (СПБ. 1899—1901), — было разсмотрѣно ордин. академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Авторъ задался очень скромною задачею — говоритъ почтенный рецензентъ — дать нѣкоторое количество матеріаловъ для изученія апокрифическихъ, какъ онъ называетъ, или гадательныхъ, какъ слѣдовало бы предпочесть называть, книгъ православнаго славянства, съ прибавленіемъ вводныхъ статей, знакомящихъ съ этими книгами и нѣкоторыхъ выводовъ. Ни на пол-

ноту, ни на широкое изученіе онъ не претендуетъ, предоставляя это будущему. Отсюда почти полное отсутствіе греческаго матеріала; авторъ не пользуется даже новѣйшимъ «Catalogus codicum astrologorum graecorum». Отсюда же игнорированіе вопросовъ о времени происхожденія греческихъ текстовъ и ихъ перевода на церковно-славянскій языкъ и о судьбахъ славянскихъ текстовъ. Отсюда же, наконецъ, слабость его попытокъ исправить и вообще привести въ удобопонятный видъ интересующіе его тексты.

Такимъ образомъ вниманіе автора сосредоточивается на матеріалахъ. Должно отдать ему справедливость: онъ издалъ рядъ очень цѣнныхъ текстовъ, дающихъ много новаго. Конечно, можно бы, сверхъ всего этого, къ изданнымъ у него текстамъ прибавить еще нѣсколько мелкихъ статей и выписокъ, но занятія рукописнымъ славянскимъ матеріаломъ русскихъ и не-русскихъ библіотекъ представляютъ такъ много разныхъ затрудненій и неудобствъ, что пока невозможно требовать какой бы то ни было полноты.

V.

М. Азбукинъ: «*Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (XI—XIV вѣка)*» (Варшава, 1898).

Рецензія ордин. акад. Е. Е. Голубинскаго.

Брошюра или книжка г. Азбукина — говоритъ г. рецензентъ — по своему содержанію, есть не очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества, а нѣчто другое.

Обладая нерядовою способностію противорѣчить самому себѣ, г. Азбукинъ сначала говоритъ, что духовенство наше усиленно вело литературную борьбу съ остатками язычества (стр. 11 сл.),

а потомъ, — что борьбы этой не было, по причинѣ непосильности ея для нашего духовенства. Правду или неправду составляетъ послѣднее, но дѣйствительно, неизвѣстно ни памятниковъ борьбы, ни свидѣтельствъ о ней. А при неизвѣстности памятниковъ борьбы и свидѣтельствъ о ней, само собою разумѣется, не могло быть написано и ея очерка.

Судя по заглавію брошюры, надлежало бы ожидать, что г. Азбукинъ, не говоря о борьбѣ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, дастъ въ ней изслѣдованіе о сохранившихся литературныхъ памятникахъ, которые сполна или отчасти посвящены того или иного характера рѣчамъ объ остаткахъ язычества въ народѣ. Но и это вовсе не составляетъ содержанія брошюры г. Азбукина. Онъ даетъ въ ней очеркъ самыхъ остатковъ язычества въ народѣ, противъ которыхъ духовенство должно было бы вести борьбу.

О не соотвѣтствующемъ заглавію брошюры очеркѣ, который дается г. Азбукинымъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень плохъ, но вовсе не можетъ быть сказано и того, чтобы онъ былъ положительно хорошъ. Не будучи ни худъ, ни хорошъ, онъ представляетъ собою посредственное (заурядное) повтореніе давно извѣстнаго.

«Мы указали выше — говоритъ почтенный рецензентъ — на примѣръ выдающейся способности автора противорѣчить самому себѣ. Могутъ быть указаны и другіе примѣры этой способности.

«Небрежность автора въ языкѣ простирается до того, что иногда онъ забываетъ про самую грамматику.

«До неизвинительности небреженъ авторъ и въ цитаціи книгъ, которыми пользуется.

«Не можемъ мы признать сочиненіе г. Азбукина заслуживающимъ денежной преміи графа Д. А. Толстого. Но если бы не оказалось у него болѣе его достойныхъ конкуррентовъ, то по нашему мнѣнію, могла бы быть присуждена ему медаль въ 150—250 рублей».

Разсмотрѣвъ представленныя на настоящее соисканіе премій графа Д. А. Толстого сочиненія, а также представленные къ сроку на нихъ отзывы и рецензіи, Комиссія посредствомъ закрытой баллотировки присудила: 1) двѣ половинныя денежныя награды имени графа Д. А. Толстого, по четыреста рублей каждая, гг. Шенроку и Кадлубовскому и 2) почетныя золотыя медали имени графа Д. А. Толстого гг.: 1) П. А. Сырку— первую золотую медаль, цѣнностью въ триста рублей, 2) В. Н. Перетцу—вторую золотую медаль въ двѣсти пятьдесятъ рублей и 3) М. Азбукину—третью золотую медаль въ сто пятьдесятъ рублей.

Настоящее заключеніе Комиссіи Отдѣленіе Русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность всѣмъ гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію сочиненія, представленныя на конкурсъ по соисканію премій графа Д. А. Толстого.

Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого по Отдѣленію русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ послѣдуетъ въ 1906 году; срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-е мая 1906 года.

I.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Томъ первый, стр. XI + 628; второй — 587; третій — 499; четвертый + 539. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса.

Отзывъ профессора А. И. Кирпичникова.

Когда около 4-хъ лѣтъ назадъ нижеподписавшійся получилъ отъ Академіи Наукъ порученіе составить рецензію на трудъ В. И. Шенрока: *Матеріалы для біографіи Гоголя* (Москва, томы I—IV, 1892—1897), онъ почувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ (какъ для этой работы, такъ и для послѣдующихъ о Н. В. Гоголѣ), пріобрѣтя въ одно изъ воскресеній подъ Сухаревой башней 5-й и 6-й тома *Сочиненій и писемъ* Н. В. Гоголя, изд. П. А. Кулиша въ 1857 г. Букинистъ запросилъ съ него за чистые и порядочно переплетенные тома 4 рубля; но если бъ онъ потребовалъ 14, или даже 24 рубля, то будущій рецензентъ далъ бы ихъ въ концѣ концовъ, такъ какъ онъ могъ пользоваться этими томами только въ единственномъ экземплярѣ Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ, гдѣ онъ весьма часто надобился публикѣ. Нынѣ, въ виду изданія тѣмъ же трудолюбивымъ В. И. Шенрокомъ *всѣхъ* писемъ Н. В. Гоголя, ему, В. И. Шенроку, доступныхъ, сильно устарѣвшее изданіе П. А. Кулиша стало совершенно ненужнымъ и имѣетъ свое значеніе только для исторіи дѣла. Нынѣ, благодаря г. Шенроку, всякій,

кого интересуетъ Н. В. Гоголь, имѣетъ за 4 рубля, заплаченныхъ въ любомъ книжномъ магазинѣ, прекрасный комментарій къ произведеніямъ русскаго великаго юмориста, комментарій, который слѣдующимъ поколѣніямъ придется только пополнять и совершенствовать. Уже одной этой заслуги вполнѣ достаточно, чтобы претендовать на высшую академическую награду; если же къ этому фактическому комментарію, *научно изданному*, присоединены примѣчанія, болѣе или менѣе умѣло составленныя, претензія переходитъ въ *право*, передъ которымъ всѣ иныя права должны смолкнуть почтительно.

Предисловіе къ *первому тому* Писемъ В. И. Шенрокъ начинаетъ такими словами:

«Настоящее изданіе, заключая въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, по своему объему *почти вдвое* больше прежняго, Кулишовскаго [1]). Если, несмотря на то, и оно не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ, то можно смѣло утверждать, что такихъ не появившихся пока въ печати писемъ должно быть очень немного. Во всякомъ случаѣ относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано все возможное, причемъ въ него вошли нѣкоторыя нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма. Затѣмъ, въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста, мы поставили своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Намъ удалось это выполнить, однако не безусловно, хотя и въ огромномъ большинствѣ случаевъ».

Далѣе В. И. Шенрокъ обстоятельно перечисляетъ 1) письма, которыя вновь или въ первый разъ были у него въ рукахъ при настоящемъ изданіи, 2) письма, которыхъ копіи, весьма исправ-

---

1) 4 компактныхъ тома ровно вдвое больше 2-хъ; примѣчаній у В. И. Шенрока значительно больше; объемъ его страницъ меньше, но шрифтъ его значительно мельче; и если *по числу* добавлено меньше $1/_3$ писемъ, то въ письмахъ, напечатанныхъ Кулишемъ, сдѣланы значительные пропуски, огромное большинство которыхъ заполнено В. И. Шенрокомъ.

ныя, нашелъ онъ въ Румянцевскомъ музеѣ и 3) письма, имъ прежде напечатанныя по подлинникамъ, относительно которыхъ онъ имѣлъ свои записи, составленныя имъ въ то время, когда онъ имѣлъ въ рукахъ подлинники (послѣднее, пожалуй, и излишне, такъ какъ читатель не въ состояніи судить, насколько издатель былъ осмотрителенъ и подготовленъ), дѣлаетъ рядъ замѣчаній pro domo sua, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и въ заключеніе выражаетъ свою благодарность академикамъ А. Н. Пыпину и покойному Л. Н. Майкову, извѣстному издателю П. А. Ефремову, а также и лицамъ, «любезно предоставившимъ въ «его» распоряженіе подлинныя письма Гоголя».

Послѣ этого краткаго предисловія В. И. Шенрокъ приступаетъ къ изданію самыхъ писемъ; къ до-нѣжинскому періоду онъ относитъ только 3 письма и, въ виду упоминанія въ будто бы полтавскомъ письмѣ директора Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Ивана Семеновича (Орлая), никто и ничто не въ состояніи защитить неосновательнаго предположенія П. А. Кулиша. Но первое *нѣжинское* письмо ученика Гоголя-Яновскаго (у В. И. Шенрока I, 10), помѣченное *13 августа 1821 года*, настолько неопредѣленно по своему содержанію и настолько противорѣчитъ тономъ своимъ письму отъ *14 августа* того же года, что лучше бы его вовсе не печатать безъ новой проверки въ числѣ другихъ несомнѣнныхъ писемъ Н. В. Гоголя.

Всѣхъ *нѣжинскихъ* писемъ у В. И. Шенрока 83 (I, стр. 10—109), а у П. А. Кулиша—69; но, какъ было выше сказано, существенная разница заключается не въ 14 лишнихъ письмахъ, которыя В. И. Шенрокъ заимствовалъ изъ «Вѣстника Европы», «Р. Старины» и «Р. Архива», а въ его пополненіяхъ и примѣчаніяхъ, взятыхъ преимущественно изъ тѣхъ же журналовъ (въ особенности изъ «Р. Старины») и служащихъ превосходнымъ комментаріемъ къ этому фактическому матеріалу-комментарію. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ рецензентъ не можетъ не признать, что В. И. Шенрокъ безусловно правъ, приводя именно такую выписку и именно въ такой формѣ; но встрѣчается

2*

не мало и такихъ мѣстъ, гдѣ рецензентъ позволилъ бы себѣ измѣнить ту или другую; а именно:

На стр. 11 къ примѣч. № 2 слѣдуетъ добавить отвѣтъ О. Д. Трощинской, которая собиралась «выдрать уши» Василію Аѳанасьевичу Гоголю-Яновскому за то, что преувеличенная болѣзнь сына, скучавшаго въ учебномъ заведеніи, произвела въ немъ болѣзнь серьозную. Правда, письмо это до сихъ поръ остается неизданнымъ, и № 2 «Истор. Вѣстн.» за 1902 годъ (стр. 520, статья П. Е. Щеголева) вышелъ послѣ I тома писемъ Н. В. Гоголя въ изданіи В. И. Шенрока, но въ 4-й томъ послѣдняго письмо О. Д. Трощинской, весьма характерное для Гоголя-отца, могло бы быть вставлено.

На стр. 15 и 16 (прим. 2-ое) В. И. Шенрокъ могъ бы выразиться несравненно короче.

На стр. 17 слѣдуетъ отмѣтить содержаніе *Вѣстника Европы* за 1821 годъ и за 1822 г., который могъ просить Гоголь у родителей изъ Кибинецкой библіотеки[1]).

Къ стр. 19 необходимо прибавить слѣд. примѣчанія: *Бѣдность и благородство души*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Авг. Коцебу, М., въ Универс. типографіи, 1798 г.; то же, изд. 2-ое, Орелъ, въ Губерн. т., 1817 г. (Смирдинъ № 7021); *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* — то же, въ 5 дѣйствіяхъ, перевелъ съ нѣм. *Ив. Репьевъ*, СПБ., въ т. Брейткопфа, 1792 г.; то же, изд. 3-ье, Смоленскъ, въ т. Губернскаго Пр., 1812 г. (Смирдинъ № 7222). Пьеса держалась на русской сценѣ до конца 40-хъ гг., какъ видно изъ романа Писемскаго «Тысяча Душъ». Комедія въ

---

1) Въ эти года журналъ М. Каченовскаго явно клонился къ упадку и для нѣжинской молодежи, очевидно, былъ *скученъ*. Составъ его: переводъ Георгикъ Виргилія, переводы съ франц. изъ *Бейрона (Джяуръ*, Абид. Невѣста, Оскаръ Альвскій и пр.), переводы кн. Вл. Одоевскаго, его же переписка съ Лужницкимъ Старцемъ, стихи Ст. Шевырева, М. Дмитріева, А. Писарева, В. Пушкина и др., повѣсти *Булы*, дѣльныя, но слишкомъ серьозныя статьи самого редактора, статьи Калайдовича, В. Перевощикова, разборъ книги Н. И. Греча (Опытъ исторіи Росс. Словесности); Каченовскому изъ современныхъ ему поэтовъ, кромѣ Байрона, нравится В. Скоттъ; всего лучше ведетъ онъ отдѣлъ политики и, попрежнему, *благотворенія*.

5-ти дѣйствіяхъ Мих. Загоскина: *Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ*, изд. въ Петербургѣ, въ Театральной т., въ 1817 г. (Смирдинъ № 7065; 2-ое изд. въ Москвѣ, въ Университетской т., въ 1825 г.). *Эдипъ въ Аѳинахъ* Влад. Озерова изданъ отдѣльно, въ Морской т., въ 1805 г. (Смирдинъ № 6983; 3-ье изд., въ т. Глазунова, 1823 г.).

На стр. 21 слѣдуетъ въ примѣчаніи разъяснить довольно сложную исторію возникновенія книги: «Собраніе Образцовыхъ Сочиненій»; судя по стихамъ и по «портретамъ авторовъ», Гоголь имѣлъ въ виду изданіе Общества Любителей отечественной словесности отъ 1815 до 1817 года.

На стр. 24 нижеподписавшійся въ выраженіи Гоголя-сына: «Вы, я думаю,не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ», 'видитъ скорѣе довольно тонкую иронію, нежели «самоувѣренность», какъ В. В. Каллашъ («Р. Мысль», февр. 1902 г.; въ отд. оттискѣ стр. 17). Простой и веселый слогъ Гоголя-сына въ письмахъ къ отцу, въ особенности въ противуположность оффиціально-риторическому слогу въ перепискѣ съ матерью (напр. см. 22—23), служитъ наилучшимъ доказательствомъ хорошихъ отношеній между сыномъ и отцомъ не задолго до смерти послѣдняго.

Судя по распоряженію Конференціи Гимназіи (VII. 1 дек. 1821 г. И. А. Сребницкій, стр. 132), которое запрещаетъ имѣть ученикамъ *свои* книги безъ «разрѣшенія инспекціи», Гоголь-Яновскій 23 апр. 1825 г. (I, 27) не могъ чувствовать особой нужды въ пріобрѣтеніи «Курса Россійской Словесности», о которомъ онъ говоритъ въ Post-Scriptum'ѣ къ письму на стр. 27 [1]).

«Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи» А. Востокова, который Гоголь забылъ у матери лѣтомъ 1825 г., какъ онъ говоритъ на стр. 35 (ср. то же на стр. 36), очевидно, есть «*изданіе 2-е, ис-*

1) Да и трудно сказать, какой это *Курсъ*; если «Курсъ Россійской Словесности для дѣвицъ» *Ивана Левитскаго* (Смирдинъ № 6024), то онъ стоилъ всего 5 рублей.

правленное и дополненное, СПБ., въ Морской т.», о которомъ Смирдинъ говоритъ подъ № 6073.

Имя К. С. Павлова взято В. И. Шенрокомъ изъ книги Н. А. Лавровскаго, и упоминаніе на стр. 327 VI-го тома 10-го изд. рисовальнаго учителя слишкомъ обще для того, чтобы комментаторъ могъ пріурочить его именно къ Павлову.

Примѣчаніе 3-ье на стр. 40 взято г. Шенрокомъ изъ 5-го тома изд. П. А. Кулиша (стр. 32); но откуда взялъ его Кулишъ, мнѣ неизвѣстно.

Послѣднее выраженіе Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 12 сентября 1826 г. (стр. 49) свидѣтельствуетъ, что въ 17 лѣтъ будущій юмористъ шутилъ неровно и иногда грубо.

Выраженіе въ письмѣ къ матери отъ 30 сентября 1826 г. (стр. 49): «я теперь поставилъ себѣ за правило: что должно сдѣлать, то дѣлать тотъ же часъ, не откладывая», указываетъ на нѣкоторую перемѣну въ міровоззрѣніи Гоголя.

Въ письмѣ отъ 15 октября того же года (стр. 51) нижеподписавшійся не видитъ, какъ г. Каллашъ (стр. 25 l. c.), «очевиднаго нежеланія вводить Трощинскаго въ святая святыхъ своей души»: въ этотъ періодъ *сочиненія* Гоголя еще не вводятъ читателя въ святая святыхъ[1]).

Перерывъ въ перепискѣ меньше мѣсяца никакъ нельзя назвать «довольно продолжительнымъ» (стр. 54, прим. 3): М. И. Гоголь-Яновская просто забыла о письмахъ сына отъ ноября.

Переписка Гоголя съ Г. И. Высоцкимъ чрезвычайно важна для исторіи умственнаго развитія перваго: нѣтъ сомнѣнія, что изъ нея первый заимствовалъ идею ѣхать сперва въ Петербургъ, потомъ за границу; и она же намъ показываетъ внутреннюю, неофиціальную сторону души его[2]); но въ ней покамѣстъ много для насъ темнаго.

---

1) Объ этихъ *сочиненіяхъ* въ письмахъ отъ 23 ноября (стр. 54) самъ авторъ говоритъ, что «новый переворотъ постигнулъ ихъ: *родъ* ихъ теперь совершенно особенный».

2) См. 1-ое письмо Гоголя къ Высоцкому, особенно стр. 55.

Къ стр. 59 необходимо сдѣлать примѣчаніе, что комедія Я. Княжнина: *Неудачный примиритель*, повидимому[1]), отдѣльно издана не была, но помѣщается во всѣхъ собраніяхъ его произведеній; комедія *Лукавинъ* (въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная съ англ. *Александромъ Писаревымъ*, изд. въ М., въ Театр. т., 1823 г.) есть передѣлка знаменитой *Школы Злословія*; а 1-актная комедія (вслѣдствіе счастливаго окончанія) Авг. Коцебу: *Береговое право*, переведена М. Каченовскимъ и издана въ 1819 г.

Выраженіе: *роспиську за деньги* (на стр. 67), есть несомнѣнный провинціализмъ. Изъ письма отъ 24 марта 1827 года (стр. 68) видно, что до поступленія въ учебное заведеніе Н. В. Гоголь чувствовалъ страсть къ *садоводству*. Это занятіе пріятно ему и 18 лѣтъ, такъ какъ напоминаетъ ему умершаго отца, котораго онъ теперь сильно идеализируетъ (ibid.).

Къ письму на имя Г. И. Высоцкаго отъ 26 іюня 1827 г., въ которомъ Гоголь отличаетъ себя отъ нѣжинскихъ существователей, къ стр. 75, слѣдовало бы сдѣлать примѣчаніе съ перечисленіемъ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ книгъ и журналовъ, которые *могли* читать нѣжинскіе ученики Гимназіи Высшихъ Наукъ, и въ томъ числѣ Гоголь (какъ выше сказано, *Вѣстникъ Европы* доживалъ въ это время свои послѣдніе годы; *Сынъ Отечества* Н. И. Греча пользовался несравненно бо́льшимъ успѣхомъ у молодежи; съ 1825 г. въ немъ участвуетъ и быстро вошедшій въ моду новый писатель Ѳ. В. Булгаринъ, собственный журналъ котораго *Сѣверный Архивъ* удовлетворялъ потребности въ болѣе серьозномъ историческомъ чтеніи; *Московскій Телеграфъ* Н. Полевого, задуманный еще въ срединѣ 1824 г., почти сразу достигаетъ небывалой у насъ до тѣхъ поръ цифры подписчиковъ; *Московскій Вѣстникъ* М. П. Погодина возбуждаетъ толки съ конца 1826 г. и начинаетъ выходить въ 1827 г. при непосредственномъ участіи А. С. Пушкина и при

1) Судя по каталогу Смирдина.

постоянномъ сотрудничествѣ молодого и талантливаго, какъ тогда говорили, критика С. П. Шевырева. Рядомъ съ журналами стояли въ то время и многочисленные альманахи, изъ которыхъ послѣдними и важнѣйшими были: *Сѣверные Цвѣты* бар. Дельвига, *Уранія* М. П. Погодина, *Невскій Альманахъ* Е. Аладьина, *Календарь Музъ* А. Измайлова. и др.).

Ранней осенью 1827 г., когда Н. В. Гоголь обыкновенно возвращался въ Нѣжинъ, произошло нѣчто необыкновенное, если вѣрить датамъ, которыя В. И. Шенрокъ разставляетъ въ скобкахъ или безъ нихъ на письмахъ Гоголя: 30 августа Гоголь пишетъ матери (стр. 81), повидимому, изъ Нѣжина, гдѣ онъ находится уже «болѣе двухъ недѣль», а 3-ьяго сентября — дядѣ Павлу Петр. Косяровскому изъ Васильевки (стр. 82) и 13 сентября ему же изъ Нѣжина, одновременно съ его братомъ Петромъ Петр., которому сообщаетъ о полученіи 5-ой части *Ручной математической энциклопедіи* (стр. 85), что было возможно, конечно, только въ Нѣжинѣ. А всего затруднительнѣе то, что письмо къ матери 19 сентября (1827) (стр. 86—87) названо въ примѣчаніи *не имѣющимъ даты* и разсказываетъ о пріѣздѣ въ Нѣжинъ *18-го въ вечеру поздно*, отъ какового числа уже прошло столько дней, что Н. В. Гоголь успѣлъ болѣе или менѣе обдумать и свое лѣтнее положеніе, и осеннее, нѣжинское. Очевидно, самъ В. И. Шенрокъ затруднялся размѣщеніемъ этихъ писемъ, но не подѣлился съ читателемъ своимъ затрудненіемъ.

В. В. Каллашъ называетъ (l. c. стр. 30 — 31) письмо Гоголя къ дядѣ Петру Петр. Косяровскому отъ 3 окт. 1827 г. (стр. 88 — 90) *искреннимъ* и *сильнымъ*, «насколько вообще онъ могъ быть откровененъ и искрененъ безъ моментовъ рефлексіи и критики»; нижеподписавшійся видитъ здѣсь юношески-преувеличенную силу, когда показавшееся автору правдивымъ выражается безъ всякихъ границъ, когда *нѣкоторое* вниманіе къ правамъ другихъ народовъ, усвояемымъ обязательно, называется *постояннымъ изученіемъ*, и т. д. Письмо это, дѣйствительно, весьма важно, какъ признаетъ и В. И. Шенрокъ во 2-мъ при-

мѣчаніи на стр. 89, но потому, что въ немъ юноша Гоголь раскрываетъ свою душу старшему и уважаемому имъ родственнику, который для него до извѣстной степени замѣнилъ рано потеряннаго отца.

Bibliothèque (universelle) des dames (Voyages. T. I—XVIII), о которой Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Павлу Петр. Косяровскому (на стр. 92), упомянута въ Гоголевскомъ Сборникѣ проф. Сперанскаго подъ № 875; книга *Алексѣя Мартоса*, о которой Гоголь говоритъ въ томъ же письмѣ,—подъ № 877[1]), а между ними, подъ № 876, поминается *Ручная математическая энциклопедія*, но уже въ 6 частяхъ, а не въ 5, о которыхъ пишетъ Гоголь Петру Косяровскому (стр. 85).

На стр. 96 напечатано: *и когда*; но нижеподписавшійся имѣетъ доказательство, что В. И. Шенрокъ исправилъ въ послѣдней корректурѣ это мѣсто на *никогда* (какъ объ этомъ догадывается В. В. Каллашъ на стр. 33, въ 1-мъ прим. l. c.). Письма Гоголя къ матери отъ 1 марта (стр. 96—99) и др. 30 марта (98—99) указываютъ на несравненно большую зрѣлость писавшаго, изъ чего, повидимому, явствуетъ, что Гоголь въ эту зимнюю вакацію успѣлъ написать своего Ганца Кюхельгартена.

Въ примѣчаніи 3-ьемъ на стр. 98 В. И. Шенрокъ называетъ письмо № LXIX сентябрьскимъ, хотя на стр. 86 считалъ его лишеннымъ даты. Упоминаніе въ письмѣ отъ 16 мая 1828 г. (стр. 102) «пространнаго экипажа», «въ которомъ я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ», указываетъ, повидимому, на то, что письмо № LXIX писано немедленно по возвращеніи въ Нѣжинъ въ августѣ 1827 г.

Записка Гоголя къ Данилевскому на стр. 103, въ которой, по словамъ В. И. Шенрока, «цифра неясна» (прим. 4-ое), никакъ не укладывается въ 17 августа 1828 г.; зачѣмъ въ этомъ году Гоголь могъ попасть въ августѣ въ обидѣвшую его Гимназію Высшихъ Наукъ?!

---

1) У Смирдина № 3681.

Три последнія письма Гоголя къ Петру Петр. Косяровскому расположены не совсѣмъ, гдѣ слѣдуетъ: во 1-хъ письма №№ LXXXIV и LXXXV помѣщены впервые въ «Р. Старинѣ» не въ 1875, а въ 1876 г. (Н. П. Косяровскимъ), а во 2-хъ письмо отъ 9 сентября тамъ имѣетъ 1828 г. въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно относится не къ этому году, а къ позднѣйшему пріѣзду Гоголя изъ Петербурга въ 1832 г.[1]).

Письмо подъ № LXXXVI, напечатанное впервые В. И. Шенрокомъ (перваго изд. Указателя у меня нѣтъ подъ руками, но имѣются его Матеріалы I, 147—8), существуетъ только какъ его приписка къ письму матери.

О родствѣ священника Меркурія Яновскаго съ Н. В. Гоголемъ (которое едва ли можно назвать *дальнимъ*, какъ это дѣлаетъ В. И. Шенрокъ на стр. 106, прим. 7-ое) см. «Р. Архивъ» 1902 г., № 4, стр. 705.

Переходимъ къ *петербургскимъ* письмамъ Н. В. Гоголя (Кулишъ V, 77 и слѣд., Шенрокъ I, 114 и слѣд.). Въ нихъ опять-таки цѣнны дополненія В. И. Шенрока изъ «Р. Старины», «Кіевской Старины», «Р. Архива», «Вѣстн. Европы» и т. д., исправленія и дополненія по рукописямъ Гоголя и примѣчанія г. Шенрока. Къ послѣднимъ слѣдуетъ добавить и въ нихъ исправить: на стр. 114 къ имени Л. И. Голенищева-Кутузова, что онъ род. въ 1769 г., скончался въ 1845; съ 1827 г. состоялъ предсѣдателемъ Ученаго Комитета Морского Министерства и предпринималъ много научныхъ изданій (въ 1829 г. см. № 140 «С. Пчелы», гдѣ находится рецензія на его Собраніе писемъ Петра Великаго).

На стр. 116: Д. П. Трощинскій скончался не «въ самомъ началѣ 1829 года», а именно 26 февраля этого года. См. «Кіевская Старина» 1898 г., іюль-августъ, стр. 116.

1) Именно въ 1828 г. Петръ Косяровскій не могъ знать, какъ адресовать Гоголю письма, такъ какъ этого не зналъ и самъ Н. В. Гоголь.

Изъ текста стр. 119 очевидно, что письмо, начатое Гоголемъ 30 апрѣля, окончено имъ послѣ 1 мая.

Едва ли вѣрно, что письмомъ 22 мая Гоголь «постепенно подготовляетъ мать къ мысли о заграничной поѣздкѣ» (стр. 121, прим. 4), такъ какъ онъ тутъ же проситъ у нея весьма настоятельно 300 рублей (чтобы уплатить въ типографію за «Ганца Кюхельгартена», на котораго цензурное дозволеніе подписано 7 мая 1829 г.?) и на стр. 122 пишетъ: «И такъ я остаюсь теперь въ Петербургѣ».

Не слѣдуетъ думать, что письмомъ отъ 24 іюля Гоголь «подготовляетъ мать къ извѣстію о предполагаемой имъ поѣздкѣ за границу» (стр. 123, прим. 2), такъ какъ намъ положительно извѣстно («Лит. Вѣстн.» 1902, № 1, стр. 60), что наканунѣ, 23 іюля 1829 г., Гоголь далъ довѣренность на имя матери въ Гражданской Палатѣ. Стало быть, не надо было *подготовлять* къ тому, что онъ уже *началъ дѣлать*. На стр. 125 (прим. 1-ое) В. И. Шенрокъ ошибочно называетъ неудачу «Ганца» *одною* изъ причинъ внезапнаго отъѣзда Гоголя за границу (она была несомнѣнно самою главною) и еще болѣе ошибочно приписываетъ Н. Полевому рецензію въ № 87 «С. Пчелы», 20 іюля (Н. С. Тихонравовъ V, 542 не говоритъ ничего подобнаго).

Изъ Post-Scriptum'а въ томъ же письмѣ (стр. 128) очевидно, что Гоголь при отъѣздѣ за границу уже успѣлъ обдумать въ общихъ чертахъ свои будущіе «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Мѣстà изъ сочиненій Гоголя, служащія параллелями для писемъ, слѣдовало бы приводить цѣликомъ (изъ «Авт. Исповѣди» Шенр. I, 130, прим. 1-е; ср. I, 124, прим. 3): потеря текста была бы очень невелика, а читателю было бы несравненно выгоднѣй.

Едва ли можно чѣмъ бы то ни было оправдать совершенно ненужное повтореніе на стр. 136 прим. 1 (ср. прим. 1 на стр. 125).

Въ очень печальномъ письмѣ отъ 1 января 1830 г., стр. 141

(Кулишъ V, 100), не слѣдуетъ ли читать *поговорили* вм. *проговорили*?

Къ той же страницѣ слѣдуетъ дополнить, что проектъ Александровской *колонны* (прежде былъ задуманъ *обелискъ*) Монферрана былъ утвержденъ въ сентябрѣ 1829 г.; колонна была открыта 30 августа 1834 г. Объ этомъ открытіи см. письмо Гоголя къ Максимовичу отъ 23 авг. 1834 г. (въ изд. писемъ Шенрока I, 321).

Къ стр. 145 (прим. 4-ое) надо добавить, что Ник. Ѳед. Арендтъ род. въ 1786 г. въ Казани, окончилъ курсъ въ Медицинской Академіи въ 1805 г., былъ съ 1821 г. почетнымъ докторомъ медицины и хирургіи, съ 1829 г. — лейбъ-медикомъ; сконч. въ Петербургѣ въ 1859 году.

На стр. 146 (прим. 3-ье) В. И. Шенрокъ повторяетъ *предположеніе* (Ф. А. Витберга, «Ист. Вѣст.» 1892, № 8, стр. 395), что неизвѣстный *вельможа*, которому Гоголь хочетъ *прислужиться* малороссійскими древностями, есть Свиньинъ, редакторъ «Отеч. Записокъ»; изъ даннаго мѣста не видно, насколько г. Шенрокъ сочувствуетъ этому предположенію. Но Пав. Петр. Свиньинъ былъ такъ мало похожъ на *вельможу*, и къ тому же 2 февраля уже былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» Гоголевъ «Басаврюкъ», (и напечатанъ плохо), такъ что догадка г. Витберга не выдерживаетъ критики. Не есть ли этотъ вельможа-фонъ-Фоккъ, или Гоголь обманывалъ и въ данномъ случаѣ свою мать, приспособляясь къ ея понятіямъ?

О какихъ *турецкихъ посланникахъ* идетъ рѣчь въ томъ же письмѣ, неизвѣстно.

Въ письмѣ отъ 2 апр. 1830 г. къ матери (стр. 147 — 154) Гоголь высказываетъ готовность покинуть Петербургъ и переселиться въ провинцію, какой онъ на самомъ дѣлѣ не чувствовалъ вовсе. Поэтому и В. И. Шенрокъ не имѣлъ права ссылаться (на стр. 169) на то, что Гоголь «подумывалъ объ оставленіи Петербурга».

Письмо Гоголя къ матери отъ 3 іюня 1830 г. (стр. 154—

161) написано очень умно и ловко: вполнѣ сообразно съ характеромъ матери, Гоголь льститъ ей за ея обѣщаніе высылать ему деньги, пока она будетъ въ состояніи, остроумно мылитъ ей голову за нѣкоего г. Гижилинскаго, который на службѣ и службою составилъ себѣ состояніе, и кстати разсказываетъ ей о своемъ времяпрепровожденіи (стр. 158 и слѣд., Кулишъ V, 115 и т. д).

Къ стр. 167: П. П. Свиньинъ, какъ авторъ комедіи: «Свѣтскій Бытъ» и романа: «Якубъ Скупаловъ», говоритъ самъ за себя, а объ Владимірѣ Петровичѣ Бурнашевѣ (1809—1888) см. С. А. Венгерова: Источники словаря русскихъ писателей, I, 389, СПБ. 1900 г.

Къ стр. 172 (прим. 1) слѣдуетъ добавить, что цензурное разрѣшеніе на альманахъ бар. Дельвига: «Сѣверные Цвѣты на 1831 г.», гдѣ напечатана глава *историческаго романа* Гоголя за псевдонимомъ 0000, подписано 18 декабря; что № 1 «Литературной Газеты», гдѣ напечатана глава изъ романа Гоголя «Учитель» (подписано: *П. Глечикъ*) и нѣсколько мыслей о «преподаваніи дѣтямъ географіи» (подписано *Г. Яновъ*) вышла 1 января 1831 г. и что № 4 той же газеты, гдѣ напечатана статья «Женщина», уже прямо подписанная: *Н. Гоголь*, вышелъ 16 января 1831 г. (изд. Н. С. Тихонравова, V, 546). Въ этомъ примѣчаніи В. И. Шенрокъ явно впадаетъ въ противорѣчіе съ своимъ же примѣчаніемъ 3-ьимъ на стр. 177. Впрочемъ, въ оправданіе ему, нижеподписавшійся долженъ замѣтить, что статья Н. А. Бѣлозерской въ «Р. Стар.» 1887 г. (IV, 741) не вполнѣ сходится съ данными, помѣщенными въ «Р. Мысли» проф. И. А. Линниченкомъ. Сущность дѣла въ томъ, что февраля 6-го Л. К. Вистингаузенъ вошла съ предложеніемъ о назначеніи Н. Гоголя учителемъ съ жалованьемъ 400 рублей въ годъ и что тою же раннею весною онъ былъ перемѣщенъ изъ Департамента Удѣловъ въ Патріотическій Институтъ (подробнѣй см. изд. И. Д. Сытина, Хронол. Канва, стр. XIII).

На стр. 178 (прим. 2-ое) было бы достаточно, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, указать на 4-ое прим. къ стр. 145.

Едва ли удобно назвать *немалою неловкостью* (стр. 179, прим. 7-ое) со стороны школьнаго товарища отсутствіе въ сохранившихся письмахъ благодарности за присланную книжку.

На стр. 183 текстъ слѣдовало бы исправить и вм. *въ Петербургѣ* читать *въ Петербургъ*: *ѣ* и *ъ* въ рукоп. очень похожи другъ на друга, а письмо, какъ говоритъ В. И. Шенрокъ (прим. 1-ое), «во многихъ мѣстахъ проколото при карантинномъ досмотрѣ»; въ Петербургѣ смысла не имѣетъ.

Къ стр. 185, прим. 1-е. Нижеподписавшійся иначе понимаетъ порученіе, которое далъ Пушкинъ Гоголю относительно *Повѣстей Бѣлкина*, нежели В. И. Шенрокъ, и увѣренъ въ справедливости своего пониманія. Во 1-хъ Гоголь не имѣлъ такихъ средствъ, чтобы при тогдашнихъ условіяхъ разъѣзжать изъ Царскаго Села въ Петербургъ и обратно; во 2-хъ повидимому свиданіе Пушкина съ Гоголемъ въ Петербургѣ произошло не 8 августа, а 8 сентября, и въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому (на стр. 189) отъ 10 сентября есть небольшой недосмотръ, вполнѣ понятный (прежній мѣсяцъ, которымъ онъ *привыкъ* надписывать письма, поставленъ вмѣсто нынѣшняго): до половины августа, когда Гоголь только собирался переселяться въ Петербургъ и заявилъ Пушкину, что онъ навѣрно будетъ у Плетнева, Пушкинъ попросилъ Гоголя заѣхать къ нему въ Царское за *Повѣстями Бѣлкина*; Гоголь обѣщалъ, но не исполнилъ своего обѣщанія, такъ какъ ѣхалъ не одинъ и не мимо Пушкина, о чемъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ и написалъ Пушкину, прося его передать пакетъ посланному Васильчиковой, которая ѣдетъ въ Петербургъ въ среду (стр. 183); ей же (точнѣе—ея посланному) можно было передать и пакетъ съ деньгами отъ матери Гоголя. 21 августа Гоголь извѣщаетъ Пушкина, что порученіе его исполнено, что онъ, Гоголь, имѣлъ любопытное «свиданіе съ типографіей», и предлагаетъ ему остроумную выходку противъ Булгарина. Пушкинъ отвѣчалъ ему на это письмо 25 августа (№ 307, изд. Фонда VII, 289). 8 сентября

они встрѣтились на Вознесенскомъ проспектѣ, о чемъ Гоголь и написалъ Жуковскому (стр. 189).

В. И. Шенрокъ вѣритъ этому письму Гоголя къ Жуковскому вполнѣ (хотя писать 10 *сентября*: «Это была радостная; *она уже прошла*; это случилось 8 августа»,—странно, да и странно было бы со стороны памятливаго Пушкина, если бъ онъ, разсказавъ на словахъ 8 *августа* о творческихъ трудахъ Жуковскаго, мимоходомъ упомянулъ объ нихъ, какъ о новости, въ письмѣ 25 августа), и кромѣ того, по его представленію, Гоголь зачѣмъ-то *Повѣсти Бѣлкина* возилъ съ собой въ Павловскъ, который лежитъ отъ Петербурга дальше Царскаго Села.

Нижеподписавшійся не понимаетъ, почему В. В. Каллашъ (l. c. стр. 43) слова Гоголя (письмо къ матери отъ 19 окт. 1831 г., стр. 190): «она понравилась здѣсь всѣмъ», которыя В. И. Шенрокъ справедливо относитъ ко всей первой части «Вечеровъ» относитъ къ *одной изъ повѣстей* его.

Слова Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 9 октября (стр. 192): «Директоръ Опекунскаго Совѣта мнѣ незнакомъ, и мнѣ (а мнѣ?), можетъ быть, очень бы легко удалось склонить его къ отсрочкѣ», конечно, не имѣютъ никакой «связи съ долгомъ, сдѣланнымъ Гоголемъ передъ первой поѣздкой за границу», о которой думаетъ В. И. Шенрокъ (прим. 2-ое): этотъ долгъ былъ слишкомъ не великъ, и Гоголь покрылъ его уже больше года назадъ. На стр. 204 (прим. 4-ое) необходимо уничтожить слово *повидимому*: оно совершенно излишне.

Къ стр. 220 (прим. 1-ое) слѣдуетъ прибавить для московскаго д-ра Дядьковскаго указаніе на стр. 222, гдѣ Гоголь писалъ объ его пилюляхъ.

На стр. 224 излишне къ слову: «20 октября», прибавлено въ скобкахъ sic: читатель имѣетъ полное право подумать, что издатель не вѣритъ въ октябрь, тогда какъ Гоголь разумѣлъ дѣйствительно этотъ мѣсяцъ.

На стр. 227 (прим. 1-ое) напрасно В. И. Шенрокъ говоритъ объ *отпускѣ* изъ Патріотическаго Института, о которомъ

будто бы мечталъ Гоголь; все это письмо (малороссійски хитрое) написано Гоголемъ съ цѣлію доказать Погодину, что на этотъ годъ ему нечего и думать переходить на службу въ Москву (чего ему на самомъ дѣлѣ и не хотѣлось): слишкомъ впѣпился въ его педагогическія способности Петербургъ!

Къ стр. 229 (прим. 1-ое) слѣдуетъ по крайней мѣрѣ добавить: кн. Одоевскій, Вл. Ѳед., род. въ Москвѣ 30 іюня 1803 г., воспитывался въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, дѣятельно сотрудничалъ въ *Вѣстникѣ Европы* Мих. Каченовскаго («Письма къ Лужницкому Старцу») и издавалъ въ 1824—25 годахъ вмѣстѣ съ Вильг. Кюхельбеккеромъ альманахъ «Мнемозина»; въ 1826 г. переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій (скончался сенаторомъ въ Москвѣ 1869 г. 27 февраля). Въ эпоху изданія «Вечеровъ» и «Миргорода» Гоголемъ, кн. Одоевскій былъ однимъ изъ выдающихся петербургскихъ писателей, соединявшихъ, подобно Гоголю, сильную фантазію съ глубокою мыслію и чувствомъ. Онъ подписывался въ это время *Безгласный* (о немъ см. въ «Лит. Мечтаніяхъ» Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова I, 385 и слѣд.

Относительно того же кн. Одоевскаго на стр. 241, вмѣсто прим., слѣдуетъ привести письмо Пушкина отъ 1833 г. 30 окт. (№ 361), гдѣ тотъ отвѣчаетъ на письмо Одоевскаго отъ 28 сентября: «Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ — распишусь; не тутъ-то было! Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь, барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже! Не дожидайтесь Бѣлкина: не на шутку, видно, онъ покойникъ: не бывать ему на на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться!..... Кланяюсь Гоголю. Что его комедія, въ ней же есть *закорючка*». Къ этому письму въ изд. Фонда (VII, 332) имѣются 2 примѣчанія:

1) Говорится объ альманахѣ: *Тройчатка*, или альманахъ въ

три этажа, который предполагали издавать подъ своими псевдонимами: Одоевскій (Гомозѣйка), Гоголь (Рудый Панько) и Пушкинъ (Бѣлкинъ), причемъ каждый бралъ себѣ особый этажъ.

2) Это слово (въ ней же есть *закорючка*) ввелось тогда въ пріятельскомъ кружкѣ для означенія чего-либо, заслуживающаго особаго вниманія..... (Примѣчаніе кн. Одоевскаго).

Къ стр. 237 необходимо сдѣлать дополненіе: во-первыхъ, выписать полное заглавіе изданнаго Погодинымъ и пересланнаго Гоголю *Беттигера*[1]); а во-вторыхъ не худо отмѣтить, что объ этомъ переводѣ говоритъ Н. П. Барсуковъ въ IV томѣ своего изслѣдованія: «Жизнь и Труды М. П. Погодина» (СПБ. 1891), на стр. 112 (1832 г.), 172 и 173, гдѣ сказано, между прочимъ, о суровомъ отзывѣ Н. Полевого относительно этой книги. Не лишнее будетъ и отмѣтить тутъ же стр. 245 (письмо къ Погодину же отъ 20 февраля 1833 г.), гдѣ Гоголь снова возвращается къ Беттигеру.

На стр. 249 (прим. 1-ое) — очевидное lapsus calami.

Примѣчанія на стр. 255 (2-ое) и 256 (3-ье) было бы гораздо удобнѣе соединить вмѣстѣ (у Кулиша письмо помѣщено V, 242—3).

На стр. 267 примѣчаніе 2-ое едва ли умѣстно въ цѣломъ: что кожевенная фабрика затѣяна *по милости* зятя Гоголя, есть только необоснованная догадка В. И. Шенрока, а пріѣздъ провинціальнаго свойственника въ Петербургъ безъ всякой особой нужды не могъ быть вообще пріятенъ сильно занятому Гоголю.

На стр. 276 ко 2-ой строкѣ необходимо сдѣлать примѣчаніе,

---

1) Всеобщая исторія. Гимназическій курсъ. Сочиненіе Эрлангенскаго профессора *Беттигера*. Переводъ съ нѣмецкаго. М. Въ Университетской типографіи. 1832. Цензурная помѣта: 18 августа 1832 г. Въ предисловіи издатель, т. е. М. П. Погодинъ, говоритъ: «Переводъ исполненъ подъ моимъ надзоромъ нашими студентами». Предисловіе подписано 1 ноября. Стр. II и 432. Послѣднее событіе, о которомъ упоминается въ краткомъ хронологическомъ обозрѣніи, есть капитуляція Акрополя Аѳинскаго 5 іюня 1827 года. Очевидно, что Гоголь, спрашивающій въ письмѣ 20 февраля (245 стр.): «имѣется ли у него и новая исторія?», даже не перелисталъ всей книги.

что *скучать за кѣмъ* есть провинціализмъ, до сихъ поръ употребительный въ Слободской Украйнѣ.

О (Георгіи) Конисскомъ (къ стр. 279) см. у Пушкина изд. Фонда V, 133 и V, 287; VII, 397. Послѣ статьи Лазаревскаго («Кіевск. Стар.» 1891 г., № 4) *Исторія руссовъ* не считается ему принадлежащею. О Д. Н. Бантышѣ-Каменскомъ, историкѣ Малороссіи (къ стр. 280), который род. въ Москвѣ въ 1788 г., а сконч. въ Петербургѣ въ 1850 г. 25 января, см. Указатель къ Пушкину, изд. Фонда, при VII т.

Бодрый тонъ письма Гоголя къ матери отъ 9 марта 1834 г. нижеподписавшійся объясняетъ себѣ не столько «утѣшительными вѣстями изъ дому о дѣлахъ фабрики» (стр. 280, прим. 6-ое): онъ плохо вѣрилъ оптимисткѣ Марьѣ Ивановнѣ,—сколько удачнымъ ходомъ дѣлъ самого Гоголя.

Въ заключеніе нижеподписавшійся долженъ сказать, что изъ 2153 стр. В. И. Шенрокъ потерялъ по крайней мѣрѣ 153, если не болѣе, совершенно непроизводительно, употребивъ ихъ на *примѣчанія*, ровно ничего не дающія читателю. Такъ, когда онъ приводитъ невѣрныя или неполныя чтенія у Кулиша въ V и VI томахъ изданія 1857 года, онъ сообщаетъ ему такъ же мало новаго и поучительнаго, какъ и тогда, когда онъ приводитъ случайно-невѣрныя чтенія въ изданіяхъ Пономарева, «Вѣстника Европы», «Русской Старины» и т. д.; въ такихъ случаяхъ принято молча исправлять чужую или даже свою собственную ошибку и *только*. Если какое-либо письмо Гоголя, болѣе или менѣе важное для уразумѣнія его характера, а, стало быть, и его литературной дѣятельности, перепечатывалось 5—6 разъ, и съ разнообразными или даже съ одною и тою же ошибкою, ужели г. Шенрокъ сталъ бы отмѣчать всѣ эти 5 или 6 разъ, если бъ даже всѣ онѣ исходили изъ одного Кулиша? Конечно, нѣтъ, дабы не уподобиться Кутейкину изъ комедіи «Недоросль», который считаетъ, что разныя изданія Псалтыри суть «многія книги». А въ такомъ случаѣ для чего же отмѣчать эти случайно-невѣр-

ныя разночтенія, имѣя въ виду читателя, которому нуженъ по возможности вѣрный текстъ писемъ Гоголя?!

Далѣе, очень много строкъ *примѣчаній* въ изд. В. И. Шенрока, особенно въ 2-хъ первыхъ томахъ, когда Гоголь еще вовсе не думалъ собирать свои письма и писалъ ихъ *пріятелямъ*, какъ попало,—уходитъ исключительно на то, что издатель отмѣчаетъ внизу: *не дописано*, а наверху въ скобкахъ печатаетъ по своему предположенію (большею частію, конечно, вполнѣ вѣрному) окончаніе слова; было бы совершенно достаточно упомянуть объ этомъ одинъ разъ въ предисловіи передъ первымъ томомъ, тѣмъ болѣе, что печатать въ скобкахъ буквы, дополняемыя по догадкѣ, принято и вообще, и въ частности Н. С. Тихонравовымъ въ изданіи, которое началъ онъ, а окончилъ В. И. Шенрокъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на многіе промахи въ текстѣ самыхъ писемъ и недостатки въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Гоголя[1]), нижеподписавшійся глубоко убѣжденъ, что В. И. Шенрокъ, какъ издатель этихъ писемъ, заслуживаетъ *полной преміи* на слѣдующихъ основаніяхъ:

Во-первыхъ, только многолѣтніе труды г. Шенрока надъ изученіемъ Гоголя сдѣлали его, В. И. Шенрока, способнымъ въ такое сравнительно небольшое количество времени (менѣе двухъ лѣтъ) дать столь полное и столь удовлетворительное въ общемъ изданіе этихъ 4-хъ томовъ, и никто другой, кромѣ г. Шенрока, который всѣхъ оставшихся въ живыхъ родныхъ и пріятелей Гоголя узналъ лучше, чѣмъ своихъ собственныхъ, не могъ бы исполнить и на половину такъ хорошо этой задачи.

Во-вторыхъ, В. И. Шенрокъ при исполненіи этого важнаго

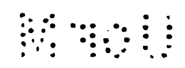
1) Число указаній на недостатки нижеподписавшійся могъ бы легко увеличить не безъ пользы для дѣла, если бъ онъ имѣлъ возможность справляться не только съ своими книгами и иногда съ книгами Румянцевскаго музея, а также съ книгами университетской библіотеки, музея Историческаго, Англійскаго клуба и особенно съ изданіями, принадлежащими Императорской Публичной Библіотекѣ, управленіе которой всегда было чрезвычайно любезно къ людямъ, работающимъ по порученію Академіи Наукъ.

дѣла пустилъ въ ходъ всѣ свои знанія и всѣ свои способности, не говоря уже о своей великой любви къ Гоголю, и исполнилъ свою задачу, какъ только *онъ* (много лѣтъ изучавшій Гоголя и безгранично его возлюбившій) могъ лучше.

Въ-третьихъ,—и это самое важное основаніе: если мы сравнимъ положеніе лицъ, занимающихся гоголевскимъ періодомъ русской литературы до 1902 г., т. е. до появленія новаго изданія писемъ Гоголя, и послѣ него, мы увидимъ между тѣмъ и другимъ огромное различіе, обусловленное исключительно трудомъ г. Шенрока, изданіе котораго я имѣлъ честь разбирать по порученію Академіи. Но объ этомъ уже говорено въ началѣ разбора и въ разныхъ мѣстахъ его.

Мы еще не дожили (и долго не доживемъ) до критическаго и вполнѣ всѣмъ по цѣнѣ и объему доступнаго изданія писемъ Гоголя, который и въ первую половину своей жизни писалъ много и охотно, а во вторую — всю душу свою (искренно или односторонне—другой вопросъ) открывалъ въ многочисленныхъ письмахъ своихъ; но мы не можемъ не признать, что В. И. Шенрокъ настоящимъ изданіемъ положилъ прочное и солидное основаніе этому благому дѣлу; а бо̀льшей заслуги по изученію новой русской литературы, по мнѣнію нижеподписавшагося, и придумать нельзя.

Москва, февраля 25 дня.



II.

„Письма Н. В. Гоголя. Т. I—IV. С.-Петербургъ, изданіе А. Ф. Маркса“.

Отзывъ объ изданіи В. И. Шенрока, составленный проф. Н. П. Дашкевичемъ.

Рядъ великихъ и вмѣстѣ почти во всемъ истинно оригинальныхъ русскихъ писателей XIX-го вѣка открывается Гоголемъ: онъ первый вполнѣ отчетливо и всесторонне началъ изображать неприглядную русскую дѣйствительность и одновременно стремиться къ уясненію высшихъ идеаловъ, рисующихся обыкновенно не вполнѣ ясными чертами душѣ русскаго человѣка, напр. идеала нравственнаго самоусовершенствованія, либо идеала самопожертвованія[1]). Изъ русскихъ писателей Гоголь первый создалъ поэтическія произведенія, встрѣтившія довольно скоро признаніе и за предѣлами ихъ родины, — не только въ славянскихъ, но и въ другихъ странахъ[2]), въ качествѣ цѣнныхъ въ высокой степени и самобытныхъ созданій русскаго творчества.

Все это объясняется въ значительной мѣрѣ мощью личности Гоголя, сравнительно мало подпадавшаго подавляющимъ иноземнымъ вліяніямъ и претворявшаго послѣднія въ свое истинное достояніе, какъ то и подобаетъ геніальнымъ натурамъ. Личность Гоголя была до такой степени оригинальна, что ее мало пони-

---

1) Послѣдній воплощенъ Гоголемъ уже въ женѣ Бульбы и въ самомъ Тарасѣ. R. M. Meyer въ обзорѣ нѣмецкой литературы XIX в. выразился, что Гоголь — der erste «moderne» Autor Россіи.

2) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и «Тарасъ Бульба» вызывали почти всеобщее одобреніе.

мали и считали странною даже нѣкоторые изъ его ближайшихъ друзей. «Біографія Гоголя заключаетъ въ себѣ особую, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ», писалъ С. Т. Аксаковъ годъ спустя послѣ смерти поэта. «Натура Гоголя, лирически художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовію къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру,—такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты и искренни его слова и поступки».

Объяснять странности послѣднихъ психическою болѣзнью Гоголя, къ чему склонялись иные уже въ его дни и что̀ продолжаютъ повторять теперь, значило бы отдѣлываться легкимъ, мало обоснованнымъ и мало пригоднымъ предположеніемъ.

Истинно научное отношеніе къ предмету требуетъ, прежде чѣмъ обращаться къ подобнымъ обвиненіямъ, присматриваться повнимательнѣе къ изучаемой личности, исходя изъ того наблюденія, что не всѣ личности подходятъ подъ обычную мѣрку и геніальныя натуры могутъ быть подогнаны подъ нее менѣе всѣхъ другихъ.

При изученіи душевнаго склада Гоголя обильная переписка, оставшаяся послѣ этого писателя, является матеріаломъ первостепенной важности. Это замѣтилъ уже первый біографъ Гоголя, П. А. Кулишъ, который не даромъ включилъ его письма въ послѣдніе два тома своего изданія сочиненій этого поэта.

Въ настоящее время, благодаря В. И. Шенроку, читатели Гоголя имѣютъ передъ собою новое изданіе тѣхъ писемъ, превосходящее своими размѣрами почти на одну треть первое собраніе писемъ Гоголя, напечатанное Кулишемъ.

Принявъ на себя нелегкій трудъ этого новаго изданія, г. Шенрокъ, безъ сомнѣнія, руководился подобно Кулишу справедливою мыслью о важности этого матеріала, на которую и самъ онъ указывалъ ранѣе[1]), отступая отъ взгляда изслѣдователей, умаляющихъ значеніе писемъ Гоголя. Въ числѣ этихъ изслѣдователей оказался такой авторитетный ученый, какъ О. Ѳ. Миллеръ, по мнѣнію котораго Гоголь, «при сильно развитомъ воображеніи, говоря о себѣ, невольно вдавался въ преувеличенія и даже въ выдумки, составлявшія своего рода самообманъ его непомѣрнаго самолюбія[2])». Г. Шенрокъ, напротивъ, считаетъ Гоголя искреннимъ въ перепискѣ, правильно оцѣнивая въ то же время стиль его писемъ, не чуждый резонерства и реторики: «резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юношескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушили его»[3]). Само собою разумѣется, что признаніе реторизма въ нѣкоторыхъ письмахъ Гоголя и необходимости провѣрки ихъ другими данными въ отношеніи факти-

---

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, М. 1892, стр. 17—18: «если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы конечно еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».

2) Русская Старина 1875, № 9: *О. Миллеръ*, Николай Васильевичъ Гоголь, I. Гоголь въ своихъ письмахъ (1820—1842), стр. 104.

3) Матеріалы I, 120—121.

ческихъ подробностей и общей оцѣнки людей и явленій [1]), не исключаетъ высокой важности этихъ писемъ, какъ матеріала для изученія ихъ автора.

Повторяемъ, переписка Гоголя является главнымъ пособіемъ и весьма часто единственнымъ ключемъ къ пониманію оригинальной личности этого великаго писателя, особенностей его міровоззрѣнія и творчества, обусловленнаго послѣднимъ. Письма Гоголя—почти единственный источникъ для раскрытія той «душевной драмы», которую переживалъ Гоголь и которая примѣчательна въ высокой степени.

Не удивительно, что печатное собраніе писемъ Гоголя, явившееся весьма скоро послѣ его смерти въ изданіи Кулиша, постоянно пополнялось матеріалами, вновь помѣщавшимися въ журналахъ и историко-литературныхъ ежегодникахъ, при чемъ впервые выникавшія на свѣтъ письма были снабжаемы со стороны издателей болѣе или менѣе обстоятельными примѣчаніями.

Мало по малу составился цѣлый рядъ такихъ прибавленій къ изданію Кулиша, а это послѣднее не могло болѣе удовлетворять изслѣдователей не только вслѣдствіе своей неполноты, но

1) Въ послѣднее время эта провѣрка была выполнена въ отношеніи къ цѣлому ряду писемъ Гоголя покойнымъ *А. И. Кирпичниковымъ* въ статьяхъ: «Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя»—Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесности Императ. Ак. Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 2 и 4, т. VII (1902), кн. 1. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Къ вопросу о творчествѣ Гоголя (Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Харьк. 1903 г., стр. 149 — 150), замѣтилъ, что письма Гоголя—«матеріалъ важный, но въ приложеніи къ Гоголю чрезвычайно скользкій», такъ какъ «въ письмахъ Гоголя множество противорѣчій, много такого, что вызываетъ сомнѣніе и требуетъ большой и осторожной провѣрки. Многія письма написаны съ несомнѣннымъ расчетомъ на то, что они будутъ многими прочитаны... Особенно осторожно нужно относиться къ тѣмъ письмамъ Гоголя, весьма многочисленнымъ, гдѣ онъ выставляетъ свои пороки, недостатки — или осуждаетъ себя и кается». Всѣмъ этимъ врядъ ли умаляется значеніе писемъ Гоголя, какъ первостепеннаго источника для исторіи его внутренней жизни даже въ томъ случаѣ, если признать вмѣстѣ съ г. Сумцовымъ, что эти письма «производятъ тяжелое впечатлѣніе по нравственной туманности, назойливому однообразному дидактизму, мѣстами по очевидному самомнѣнію и лицемѣрію.... Для Гоголя письмо — или проповѣдь, или самобичеваніе».

также и въ силу «тѣхъ пропусковъ и сокращеній, которые такъ часто попадаются въ письмахъ, напечатанныхъ Кулишемъ, едва ли не руководившимся при этихъ пропускахъ, между прочимъ, и своими панегиристическими отношеніями къ Гоголю»[1]), а равно вслѣдствіе частой невѣрности произвольно поставленныхъ датъ.

Въ виду всего этого сводному изданію писемъ Гоголя, выпущенному г. Шенрокомъ и содержащему, по заявленію издателя, «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», должно бы принадлежать почетное мѣсто въ ряду трудовъ послѣдняго времени, посвященныхъ изученію и изданію матеріаловъ для біографіи нашихъ великихъ писателей, и нельзя не поблагодарить г. Шенрока за то, что онъ, завершивъ изданіе сочиненій Гоголя, начатое Н. С. Тихонравовымъ, собралъ воедино и извѣстныя доселѣ письма Гоголя, снабдивъ ихъ введеніями и примѣчаніями.

Но для вполнѣ вѣрной оцѣнки указанной заслуги г. Шенрока должно предварительно рѣшить вопросы: 1) о степени полноты разсматриваемаго изданія; 2) о системѣ, принятой въ немъ; 3) о точности въ воспроизведеніи подлинниковъ и, наконецъ, 4) объ удовлетворительности объясненій, предложенныхъ издателемъ. Лишь послѣ разсмотрѣнія изданія г. Шенрока во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, возможно будетъ составить надлежащее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ его труда.

I.

Полнота собранія матеріала въ изданіи г. Шенрока.

Несомнѣнно, что издатель отнесся весьма любовно къ своей задачѣ, къ выполненію которой былъ подготовленъ какъ нельзя лучше своими предшествовавшими трудами по изученію Гоголя. Мы готовы повѣрить г. Шенроку на слово въ томъ, что «относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано возможное, при

[1]) О. Миллеръ, о. с., 99.

чемъ въ него вошли нѣкоторыя, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма». Но, «несмотря на то», какъ призналъ самъ г. Шенрокъ, и его изданіе «не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ»[1]).

Правда, юбилейная литература, посвященная Гоголю, выдвинула на свѣтъ сравнительно немного писемъ его, не вошедшихъ въ изданіе г. Шенрока[2]), но, тѣмъ не менѣе, врядъ ли вѣрно преждевременное утвержденіе г. Шенрока, что «не появившихся въ печати писемъ должно быть очень немного». Хотя собраніе писемъ Гоголя въ изданіи Шенрока по объему на одну треть больше изданнаго Кулишемъ, но, принимая во вниманіе многочисленность лицъ, съ которыми переписывался Гоголь, и разбросанность его корреспонденціи, можно ожидать, что въ будущемъ выникнетъ на свѣтъ еще немалое количество писемъ Гоголя, которыми обогатятся послѣдующія изданія ихъ. Такъ, напр., въ изданіи г. Шенрока мы не находимъ писемъ Гоголя къ извѣстному архим. Ѳеодору (Бухареву), а между тѣмъ книга послѣдняго о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» не могла не вызвать переписки Гоголя съ авторомъ, и послѣдняя, по слухамъ, не исчезнула безслѣдно и т. д.

На ряду съ неполнотою собранія писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока, объясняющеюся быть можетъ отчасти тѣмъ, что собиратель исчерпалъ не всѣ средства къ сосредоточенію въ своемъ изданіи возможно большаго количества не опубликованныхъ доселѣ

1) Письма Н. В. Гоголя (впредь мы будемъ обозначать это изданіе лишь буквою П), I, предисловіе, I.

2) Отмѣтимъ прежде всего интересное юношеское письмо Гоголя къ матери, посланное изъ Нѣжина зимою 1827—1828 г. и напечатанное г. Чаговцемъ въ сборникѣ «Памяти Гоголя», изданномъ Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца (=Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. XVI, вып. 1—3, К. 1902, отд. III, стр. 57—58). См. далѣе «одно изъ *послѣднихъ* писемъ Гоголя» (по опредѣленію проф. М. Н. Сперанскаго), напечатанное въ «Гоголевскомъ Сборникѣ, изданномъ состоящей при Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко Гоголевской Комиссіей подъ ред. проф. М. Сперанскаго» К. 1902, стр. 9—10. Въ № 1 «Литературнаго Вѣстника» 1902 г. напечатано письмо Гоголя «съ автографа изъ собранія П. Я. Дашкова» и т. д.

писемъ, надлежитъ отмѣтить нѣкоторое также излишество: стараясь внести въ свое изданіе «всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя», г. Шенрокъ включилъ туда матеріалы, которые не могутъ быть причислены собственно къ письмамъ. Такова, напр., замѣтка, вписанная въ альбомъ старшаго лицейскаго товарища Гоголя, Любича-Романовича (1826 г.)[1]), «дружеское шутливое пари» (1835 или 1836)[2]), строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины, и т. п. Появленіе этихъ замѣтокъ и записокъ въ ряду «писемъ Н. В. Гоголя» тѣмъ удивительнѣе, что онѣ были незадолго передъ тѣмъ напечатаны тѣмъ же издателемъ въ общедоступныхъ изданіяхъ, что̀ отмѣтилъ онъ самъ въ примѣчаніяхъ къ указаннымъ перепечаткамъ.

II.

Распредѣленіе писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока.

По словамъ издателя, «порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго-хронологическій, какъ единственный, удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій»: при такомъ только распредѣленіи «представляется возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ духовной жизни писателя, что̀ особенно важно при изученіи Гоголя»[3]).

Совершенно вѣрно, что, при изученіи роста личности и творчества Гоголя, какъ и другихъ великихъ писателей, однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ такимъ изслѣдованіемъ, является выслѣживаніе постепеннаго духовнаго развитія писателя, и распредѣленіе въ соотвѣтственномъ порядкѣ столь важнаго въ этомъ отношеніи матеріала, какимъ оказываются письма, должно быть признано наиболѣе цѣлесообразнымъ.

---

1) П., I, 43.
2) П., I, 337.
3) П., I, предисловіе, IV.

Но при этомъ возникаетъ прежде всего вопросъ о правильности того или иного указанія періодовъ, на которые распадается душевная жизнь извѣстнаго писателя, и о хронологическихъ граняхъ этихъ періодовъ.

Г. Шенрокъ принимаетъ какъ бы цѣлый рядъ такихъ періодовъ жизни Гоголя, потому что дѣлитъ собранный матеріалъ на слѣдующіе отдѣлы: «I. Полтавскія и Нѣжинскія письма; II. Петербургскія письма: 1829—1830 годовъ; 1831 г.; 1832 г.; 1833 и и 1834 гг.; 1835 г.; 1836 г.; III. Заграничныя письма: 1836—1839 г.; IV. Письма изъ Россіи: 1839—1840; V. Письма изъ-за границы (1840—1841); VI. Письма изъ Россіи (1841—1842); VII. Заграничныя письма (1842—1848) и VIII. Письма послѣднихъ лѣтъ изъ Россіи (1848—1852)».

При разсмотрѣніи этого подраздѣленія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что принципъ, по которому оно произведено, не проведенъ систематически: письма Гоголя распредѣлены то по мѣстамъ написанія, то какъ будто по періодамъ жизни Гоголя, смѣны которыхъ не всегда же совпадали съ перемѣнами мѣстъ его жительства, да и общія наименованія писемъ по тѣмъ или инымъ мѣстностямъ, откуда они были высланы, не всегда выдержаны: такъ, названіе «Нѣжинскихъ» не подходитъ къ письмамъ второй половины 1828 г. [1]), названіе «Петербургскихъ» не можетъ быть дано письмамъ, написаннымъ къ матери изъ-за границы въ 1829 г. [2]) и т. д. Далѣе, дѣленіе, принятое г. Шенрокомъ, кажется намъ по мѣстамъ слишкомъ дробнымъ и не вполнѣ соотвѣтствующимъ процессамъ духовной жизни Гоголя, примѣнительно къ которымъ и должно было быть установлено распредѣленіе его писемъ.

Безспорно, могутъ быть выдѣляемы періоды жизни Гоголя: Полтавскій и Нѣжинскій какъ время его дѣтства и юности, Петербургскій 1829—1836 гг., какъ время, въ которое начало окончательно слагаться міровоззрѣніе Гоголя, какъ писателя, но

1) П., I, 104—109.
2) П., I.

подраздѣлять Петербургскій періодъ на шесть стадій, а послѣдующіе годы — время зрѣлости мысли и таланта Гоголя — на нѣсколько періодовъ нѣтъ, кажется, достаточныхъ основаній.

Послѣдовательные фазисы духовной жизни Гоголя въ Петербургскій періодъ не совпадали съ календарнымъ дѣленіемъ лѣтъ. Со времени же сценической постановки «Ревизора» и потрясеній, испытанныхъ поэтомъ вслѣдствіе постигшей его тогда неудачи, мысль Гоголя получила окончательную выработку и приняла то направленіе, въ которомъ и стала работать далѣе, постепенно углубляясь и расширяясь. Подраздѣлять жизнь и творчество Гоголя съ 1836 г. до кончины его, предполагая въ немъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, рѣзкій переломъ въ началѣ 40-хъ годовъ [1]) врядъ ли правильно, если придерживаться данныхъ, содержащихся въ перепискѣ Гоголя.

Перелома въ мысли его, который оправдывалъ бы такое разсѣченіе духовной дѣятельности Гоголя, не было. Это давно уже замѣтили нѣкоторые изслѣдователи, между проч. А. Н. Пыпинъ. Отправляясь отъ такого взгляда, давно уже говорили: «Критики и біографы Гоголя еще ничего не сдѣлали, доказавъ, что въ его жизни не было «перелома», что мотивы заблужденій, погубившихъ его талантъ, встрѣчаются въ самую блестящую эпоху творчества и замѣтны даже въ дѣтскихъ письмахъ къ матери. Это доказываетъ только, что всякимъ чувствомъ и убѣжденіемъ можно «пересолить», всякимъ предметомъ можно отравиться. Надобно выяснить роль общества въ заблужденіяхъ Гоголя; надо показать, какъ оно всѣмъ своимъ строемъ наталкивало Гоголя на пагубную дорогу и, давъ ему элементы для поэтическаго творчества, подъ конецъ заключивъ Гоголя въ пустоту общественнаго содержанія, отняло у него «божественное пламя таланта» [2]). Съ точки зрѣнія послѣдователей такого мнѣнія про-

1) Усматривая крутой переломъ въ Гоголѣ, жизнь послѣдняго дѣлятъ на два періода, принимая гранью 1842 годъ.

2) *Ѳ. Уманецъ*, Неизданныя письма Н. В. Гоголя—Древняя и новая Россія 1879, № 1, стр. 59.

цессъ духовной жизни Гоголя представляется постепеннымъ возрастаніемъ «пересола» и «самоотравленіемъ», но во всякомъ случаѣ цѣлостнымъ. Въ этомъ процессѣ, конечно, не сразу достигли завершенія излюбленныя идеи и чувства Гоголя, въ развитіи ихъ была извѣстная послѣдовательность, но установить предѣльныя грани смѣнъ, принимаемыхъ, повидимому, г. Шенрокомъ, трудно. Лишь моментъ рокового столкновенія Гоголя съ Бѣлинскимъ выдѣляется какъ нѣсколько поворотный пунктъ въ развитіи міросозерцанія, выступившаго со всею отчетливостію въ «Перепискѣ съ друзьями».

Такимъ образомъ, распредѣляя письма Гоголя по главнымъ эпохамъ жизни послѣдняго, удобнѣе было бы принять годы 1829-й,1836-й и 1848-й, или, лучше сказать, переѣздъ Гоголя изъ Малороссіи въ Петербургъ, второй отъѣздъ за границу и нѣкоторую временную растерянность послѣ столкновенія съ Бѣлинскимъ, какъ замѣтные пункты поворотовъ въ душевной жизни Гоголя, а слѣдовательно и въ его письмахъ.

На ряду съ распредѣленіемъ писемъ Гоголя по періодамъ жизни послѣдняго особую трудность представляетъ расчисленіе по годамъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ опредѣленной даты, а такихъ немало, благодаря извѣстной небрежности Гоголя въ перепискѣ.

«Извѣстно, говоритъ г. Шенрокъ, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты, что̀, конечно, не могло не представлять огромнаго камня преткновенія для перваго издателя писемъ, безъ сомнѣнія затратившаго бездну упорнаго труда и остроумія не только на весьма нелегкое и неблагодарное дѣло отыскиванія и собиранія писемъ (это надо испытать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить), но особенно на достиженіе стройнаго порядка среди невообразимаго хаоса, который представляла груда еще не разсортированныхъ писемъ. Если въ настоящее время, по прошествіи почти уже полустолѣтія, когда въ печати явилось огромное множество писемъ, не

бывшихъ въ рукахъ Кулиша, и собрано не мало новыхъ матеріаловъ, все-таки не малую трудность представляетъ безусловно точное выясненіе датъ, — то можно представить себѣ, какой грандіозный трудъ выпалъ на долю Кулиша. Достаточно сказать, что именно эта сторона работы потребовала и отъ насъ теперь особенно много упорныхъ усилій, при чемъ мы все-таки вынуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, ограничиваться лишь приблизительнымъ разъясненіемъ времени, къ которому они должны быть отнесены». «Очень много трудностей въ отношеніи датъ представляетъ переписка Гоголя съ 1848 г., когда число писемъ значительно сокращается и самыя письма часто не заключаютъ въ себѣ указаній на какіе-либо опредѣленные факты, и притомъ уменьшается съ другой стороны количество писемъ корреспондентовъ Гоголя, а письма къ нему Смирновой становятся до того однообразными, что почти совсѣмъ не помогаютъ установленію точныхъ датъ [1])».

Послѣ Кулиша подвинулъ впередъ установленіе точной даты нѣкоторыхъ писемъ, не имѣющихъ таковой, А. И. Кирпичниковъ [2]), и г. Шенрокъ призналъ «очень вѣроятнымъ» предположеніе послѣдняго касательно письма, ошибочно помѣченнаго издателями 9-мъ іюня 1831 г., между тѣмъ какъ оно относится къ 1832 г. [3]).

Г. Шенрокъ, работавшій послѣ указанныхъ предшественниковъ надъ размѣщеніемъ писемъ Гоголя по годамъ, пытался сдѣлать нужныя исправленія и достигнуть большей точности въ опредѣленіи датъ, но, къ сожалѣнію, какъ самъ сознается, онъ «большею частью» повторялъ даты, поставленныя Кулишемъ [4]), и, подобно послѣднимъ, иныя изъ пріуроченій, находя-

1) П., I, Предисл., IV, VIII.

2) См. указанныя выше статьи Кирпичникова, напр. Извѣстія отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. V, кн. 2, стр. 593—596.

3) П., IV, 475. Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщено въ П., I, 180.

4) Извѣстія Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., VII (1902), кн. 2, стр. 70.

щихся въ изданіи г. Шенрока, остаются не убѣдительными и нуждаются въ поправкахъ со стороны критики посторонней.

Нѣкоторыя изъ такихъ поправокъ, относящихся къ изданію Кулиша и вмѣстѣ къ разсматриваемому здѣсь, потому что, какъ сказано только что, г. Шенрокъ принималъ неоднократно даты, находящіяся у Кулиша, предложены уже въ статьѣ г. Заболотскаго: «Опытъ обзора матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя въ юношескую пору» [1]). Г. Шенрокъ въ замѣчаніяхъ, которыя присоединилъ къ этой статьѣ [2]), «высказываетъ нѣсколько соображеній по поводу цѣнныхъ замѣтокъ г. Заболотскаго». Онъ признаетъ, что «въ отдѣлѣ дѣтскихъ писемъ Гоголя по крайнему недостатку данныхъ нерѣдко встрѣчается цѣлый лабиринтъ затрудненій и притомъ въ отношеніи данныхъ слишкомъ микроскопическаго свойства. Встрѣчаясь съ этими затрудненіями, мы не высказывали своихъ соображеній pro и contra въ нашихъ примѣчаніяхъ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было положительныхъ основаній для измѣненія даты. Теперь, въ виду замѣтокъ г. Заболотскаго, считаемъ напротивъ необходимымъ войти отчасти въ мелочныя подробности и высказать всѣ относящіяся къ затронутымъ вопросамъ соображенія».

Нѣкоторыя изъ замѣтокъ г. Заболотскаго г. Шенрокъ оспариваетъ. «Наиболѣе спорнымъ и запутаннымъ» г. Шенрокъ считаетъ вопросъ касательно письма къ Павлу Петровичу Косяровскому отъ 2 сентября безъ годовой даты [3]). Г. Заболотскій относитъ это письмо къ 1828 г., а не къ 1827 (какъ значится въ изданіяхъ Кулиша и г. Шенрока). Послѣдній въ концѣ своего разбора доказательства, приведеннаго г. Заболотскимъ, замѣчаетъ: «впрочемъ вопросъ крайне запутанный, и для исправленія Кулишевской даты въ данномъ случаѣ по меньшей мѣрѣ отнюдь не находимъ твердыхъ основаній». Намъ кажется однако, что таковыя имѣются. По словамъ г. Шенрока, «мы не имѣемъ

1) Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., VII (1902), кн. 2, стр. 40—44.
2) Тамъ же, 70—78.
3) П., I, 81—82.

никакихъ данныхъ въ пользу предположенія, что Павелъ Петровичъ Косяровскій былъ въ Васильевкѣ *и лѣтомъ 1828 г.*», но въ письмѣ Гоголя отъ 16 мая 1828 г. къ матери читаемъ: «Отъ всей души радъ, что Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ теперь у насъ. Какъ бы мнѣ желательно ихъ увидѣть еще у насъ дома»[1])! Правда, черезъ нѣсколько строчекъ какъ будто говорится о предстоявшемъ скоромъ отъѣздѣ Косяровскихъ изъ Васильевки: «вы меня такъ напугали скорымъ ихъ выѣздомъ, что я не знаю, застало ли бы письмо мое ихъ. Ахъ, еслибы они подождали мѣсяца два! Зачѣмъ уѣзжать въ такое прекрасное время?» Гоголь не терялъ надежды на возможность провести лѣто 1828 г. въ Васильевкѣ вмѣстѣ съ обоими дядями: «Мнѣ все кажется, что мы проведемъ вмѣстѣ это время всѣ и многолюднѣе, и шумнѣе, и веселѣе, чѣмъ когда-либо. Дай Богъ, чтобы это сбылось!» Можно думать, что надежда юноши исполнилась: въ указываемомъ г. Заболотскимъ письмѣ отъ 8 сентября 1828 г., дата котораго, по словамъ г. Шенрока[2]), «не подлежитъ сомнѣнію», «явно говорится объ *очень недавнемъ отъѣздѣ*» Петра Петровича Косяровскаго изъ Васильевки, какъ замѣтилъ самъ г. Шенрокъ[3]).

Второе возраженіе г. Шенрока касается «письма къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 9 сентября безъ годовой даты». Г. Заболотскій полагаетъ, что оно относится не къ 1828 г., къ которому его отнесъ сынъ Косяровскаго при печатаніи этихъ писемъ въ «Русской Старинѣ» въ 1875 г. и вслѣдъ за нимъ г. Шенрокъ, «а къ тридцатымъ годамъ». И это возраженіе г. Шенрока не вполнѣ рѣшительно и заканчивается признаніемъ «положительныхъ достоинствъ» «за вѣскими соображеніями» г. Заболотскаго «и попыткой разобраться въ столь запутанныхъ вопросахъ»[4]). И дѣйствительно, вѣскость и положительность присущи аргументаціи г. Заболотскаго и въ разборѣ вопроса о

1) П., I, 102.
2) Изв., VII, 2, 74.
3) Тамъ же, 75.
4) Тамъ же, 76.

письмѣ отъ 9 сентября; указанія же г. Шенрока, «отнюдь не думающаго, по его словамъ, дѣлать упрековъ г. Заболотскому», не могутъ склонить въ пользу даты 1828 г., принятой издателями. Письмо отъ 9 сентября врядъ ли можетъ быть признано «припиской о забытомъ обстоятельствѣ», врядъ ли «было отправлено вмѣстѣ съ письмомъ отъ 8 сентября». Далѣе, судя по письму съ *несомнѣнной* датой 8 сентября 1828 г., отъѣздъ Петра П. Косяровскаго изъ Васильевки въ 1828 г., какъ замѣтилъ и г. Шенрокъ, произошелъ не за «два дни» до 9-го сентября, о которыхъ говорится въ письмѣ отъ этого послѣдняго числа, а значительно раньше: Гоголь извиняется передъ дядей, очевидно, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго и, между прочимъ, пишетъ: «разъ засталъ я нашу рѣдкую маменьку въ слезахъ надъ письмомъ вашимъ, въ которомъ, по словамъ ея, заключался упрекъ на молчаніе, между тѣмъ какъ она *давно уже* отправила письмо къ вамъ»; письмо же отъ 9 сентября производитъ впечатлѣніе написаннаго *вскорѣ*, можетъ быть даже именно черезъ нѣсколько дней послѣ разлуки. Болѣзнь сестеръ, не упомянутая въ этомъ письмѣ и о которой Гоголь сообщалъ Плетневу въ письмѣ отъ 11 сентября 1832 г., могла выясниться послѣ отправки письма 9 сентября и т. д.

Пытаясь отстоять унаслѣдованную отъ прежнихъ издателей датировку писемъ къ Косяровскому отъ 2 и 9 сентября и въ то же время признавая «вѣскость соображеній» критика, отвергающаго эту датировку, г. Шенрокъ затѣмъ, по его собственнымъ словамъ, «долженъ согласиться съ нимъ не только относительно двухъ оспариваемыхъ имъ (т. е. г. Заболотскимъ) датъ у Кулиша (и у послѣдовавшаго за Кулишемъ г. Шенрока), но и относительно одного письма безъ даты». При этомъ г. Шенрокъ оправдывается тѣмъ, что у Кулиша «*всюду* сомнительныя данныя, выставленныя лишь по предположенію, заключены въ скобки и *только* въ письмахъ къ матери онъ поступалъ иначе», и г. Шенрокъ «не рѣшался измѣнять тѣ даты, которыя безъ скобокъ. Теперь, когда, по полученіи отъ племянника Гоголя,

В. Я. Головни (къ сожалѣнію сильно запоздалымъ) многихъ подлинныхъ писемъ къ матери, установлено, что этимъ датамъ не всегда можно вѣрить», онъ «долженъ согласиться» и т. д. [1]). Изъ этого оправданія, которое ранѣе было предпослано г. Шенрокомъ и въ самомъ изданіи писемъ Гоголя [2]), видно, что, во всякомъ случаѣ, г. Шенрокъ приступилъ къ своему изданію спѣшно, безъ надлежащаго изученія и не дождавшись подлинниковъ писемъ, которые могъ бы добыть, и полагался на предыдущихъ издателей, откуда произошли не только вовсе не «незначительныя неточности» въ датировкѣ, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи.

Къ только что указаннымъ промахамъ въ распредѣленіи писемъ можно бы прибавить другія плохо и неубѣдительно обоснованныя датировки.

III.

Степень точности воспроизведенія подлинныхъ текстовъ писемъ Гоголя въ изданіи г. Шенрока.

При изданіи текстовъ особую важность представляетъ точное воспроизведеніе ихъ. Въ этомъ отношеніи изданіе г. Шенрока оставляетъ желать многаго.

Г. Шенрокъ «въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста» «поставилъ своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ». Ему удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и въ «огромномъ большинствѣ случаевъ». Такъ, въ его «распоряженіи были письма Гоголя къ матери (въ количествѣ 91 письма, полученныхъ отъ племянника

1) Изв., VII, 2, 76.

2) П., I, Предисл., V. Въ примѣчаніи на той же страницѣ издатель указываетъ на «также сравнительно позднее полученіе писемъ къ Н. Н. Шереметевой и къ М. П. Погодину», вслѣдствіе чего «нѣкоторые варіанты и письма пришлось отнести въ приложеніе».

Гоголя В. Я. Головни, и около десяти писемъ, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ)», къ А. А. Иванову, къ Н. Я. Прокоповичу, къ М. А. Максимовичу, къ А. О. Смирновой, къ П. А. Плетневу, къ А. С. Данилевскому и проч.[1]), но немало г. Шенрокъ напечаталъ или, лучше сказать, перепечаталъ и такихъ писемъ, оригиналовъ которыхъ не видалъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалось невозможнымъ добыть эти оригиналы. Издатель сообщаетъ иногда о томъ, иногда же умалчиваетъ о причинахъ, по которымъ не ознакомился съ подлинниками тѣхъ или иныхъ писемъ. Потому читатель остается въ невѣдѣніи; прилагалъ ли г. Шенрокъ стараніе получить для провѣрки текста и всѣ тѣ письма, которыя перепечаталъ изъ прежнихъ изданій безъ сличенія съ оригиналами[2]). Очень жаль, что г. Шенрокъ не предпослалъ своему изданію систематическаго перечня всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ и учрежденій, во владѣніи которыхъ находятся теперь письма Гоголя, и не помѣстилъ при каждомъ изъ писемъ точныхъ свѣдѣній о текстѣ (рукописномъ или печатномъ), послужившемъ оригиналомъ для перепечатки въ изданіи г. Шенрока.

Во всякомъ случаѣ далеко не всѣ письма Гоголя явились у г. Шенрока въ воспроизведеніи, за точность котораго онъ могъ бы ручаться.

Но даже и тѣ, подлинники которыхъ г. Шенроку удалось видѣть, воспроизведены у него съ нарушеніемъ правилъ научной точности. Изданіе писемъ Гоголя, предпринятое г. Шенрокомъ, врядъ ли предназначалось для очень большой публики, и, слѣдовательно, не представлялось никакой надобности въ подгонкѣ писемъ Гоголя къ обычному правописанію и словоупотребленію. Г. же Шенрокъ почему-то иного мнѣнія, заявляя, напр., въ предисловіи: «мы рѣшительно отвергаемъ ни къ чему не ведущее соблюденіе яко бы Гоголевскаго правописанія, котораго въ сущности и не

1) См. П., I, Предисл., I—II.

2) См., напр. П., II, 317, прим. 2. Страницы II и III предисловія не разъясняютъ вопроса.

было (съ основательностью этого принципа единогласно согласились всѣ рецензенты редактированныхъ нами VI и VII томовъ X изданія сочиненій Гоголя) и только мѣстахъ въ двухъ—трехъ отмѣтили выдающіяся странности»[1]). Намъ не ясны принципы, которыми руководился въ этомъ случаѣ издатель. Произведенія писателя, печатаемыя для болѣе или менѣе значительнаго круга читателей — одно, а его переписка, представляющая главнымъ образомъ историческій матеріалъ, цѣнный прежде всего для его біографовъ и вообще для изслѣдователей, — дѣло совсѣмъ другое, въ особенности если въ ней немало «странностей», какъ назвалъ г. Шенрокъ Гоголевскія отклоненія отъ обычнаго правописанія. Если для изученія психическихъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ авторѣ писемъ, признано умѣстнымъ и нужнымъ тщательное воспроизведеніе самыхъ мелочныхъ варіантовъ, при чемъ издатель, по его собственнымъ словамъ, «не останавливался даже передъ педантическою точностью»[2]), напр. передъ оговорками касательно недописанныхъ словъ, описокъ и т. п., то непонятно, какое нашлось основаніе для принципіальнаго отрицанія значенія точной передачи оригиналовъ со всѣми особенностями орѳографіи, иногда повторяющимися, можно сказать — до конца жизни автора. Несомнѣнно, что Гоголь нерѣдко нарушалъ правила орѳографіи и впадалъ въ «безграмотность», если считать таковою отсутствіе принятыхъ знаковъ препинанія въ его письмахъ, но иногда у него замѣчается систематическое употребленіе того или иного написанія.

Какъ бы то ни было, неточности въ изданіи г. Шенрока не ограничиваются внесеніемъ поправокъ въ Гоголевское правописаніе. Онѣ простираются на передачу словъ[3]) и цѣлыхъ фразъ[4]).

---

1) П., I, Предисл., VIII—IX.

2) П., I, Предисл., VIII.

3) Напр., г. Шенрокъ вмѣсто «самодоволія» поставилъ въ текстѣ «самодовольствія».

4) «Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣт.», кн. XVI, вып. 1—3, отд. III, стр 55—56. Г. Якушкинъ въ рецензіи на изданіе г. Шенрока, Р. Вѣдомости 1901 г., № 348, также замѣтилъ: «Очень тщательно (sic) воспроизводя текстъ Гоголя,

На это справедливо жаловался г. Чаговецъ. Сличивъ письма Гоголя въ изданіи г. Шенрока съ оригиналами, пожертвованными сестрою поэта О. В. Головней Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, мы присоединяемся къ замѣчаніямъ г. Чаговца и отмѣтимъ съ своей стороны рядъ неточностей въ воспроизведеніи этихъ писемъ.

Записка Гоголя къ матери отъ 28 апрѣля 1831 г.[1]) не заключаетъ помѣтки года, которая стоитъ у г. Шенрока, равно у послѣдняго «прибитіи» исправлено въ «прибытіи». Подпись не содержитъ полнаго имени, такъ что и въ приложеніяхъ въ концѣ изданія, гдѣ приводятся варіанты и дополненія[2]), находимъ неточности.

Письмо къ матери отъ 3 декабря 1832 г.[3]) напечатано съ постоянными *не оговоренными* поправками въ правописаніи; именно читаемъ:

у г. Шенрока:	а въ оригиналѣ:
опекунскомъ	Опекунскомъ
нечего	нѣчего
безпокоиться	беспокоится
вамъ	Вамъ
губернское	Губернское
, что	что
требуетъ	требуитъ
соберетесь	не соберетесь
губернаторъ	Губернаторъ
, что вы	что вы
неурожая	неурожаю
, и васъ	и васъ

изданіе иногда исправляетъ этотъ текстъ тамъ, гдѣ очень можно было бы обойтись безъ такого исправленія (напр., см. I томъ, стр. 124, II т.—259), хотя и оговореннаго».

1) П., I, 178.

2) П., IV, 458.

3) П., I, 229—230.

, положенное вами	вами положенное [1])
Впрочемъ	впрочемъ
, и потому, вы, вѣрно	. И потому вы вѣрно
, и тѣмъ	и тѣмъ
, —ѣздить	ѣздить
губернатору	Губернатору.
поле	Поле
клѣткахъ	клеткахъ
быть	(нѣтъ) и т. п.

Изъ этого примѣра видно, что г. Шенрокъ позволилъ себѣ постоянно исправлять правописаніе Гоголя, слѣдовавшее иногда систематически извѣстнымъ правиламъ: такъ наименованія должностныхъ лицъ и учрежденій Гоголь начиналъ прописными буквами. Нѣкоторыя изъ ошибокъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать небрежности письма, сказывающейся и въ передѣлкахъ, поправкахъ и помаркахъ, не всегда разборчиво написанныхъ, откуда иногда различныя чтенія. Г. Шенрокъ не стѣсняется исправлять всѣ погрѣшности, допущенныя, по его мнѣнію, Гоголемъ: подгоняетъ правописаніе послѣдняго къ нынѣшнему, измѣняетъ порядокъ словъ и опускаетъ либо прибавляетъ тѣ или иныя слова. Приводить полностью въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ такого рода отступленія г. Шенрока отъ оригиналовъ писемъ, бывшихъ у насъ подъ руками благодаря любезности О. В. и В. Я. Головни, которымъ считаемъ долгомъ выразить здѣсь признательность, находимъ излишнимъ. Въ дальнѣйшемъ перечнѣ допущенныхъ г. Шенрокомъ отклоненій мы ограничимся указаніемъ лишь наиболѣе существенныхъ отмѣнъ, оставляя въ сторонѣ почти всѣ поправки въ орѳографіи, выраженіяхъ и т. п.

Въ сейчасъ указанномъ письмѣ варіантъ, находящійся у Кулиша: «на палкѣ» правильнѣе стоящаго у г. Шенрока: «на полкѣ»; равнымъ образомъ варіантъ изданія въ «Вѣстникѣ Европы»: «начато» правильнѣе, чѣмъ Шенроковскій: «напечатано».

1) Такъ стоитъ въ текстѣ, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1896, VI, 733, и это чтеніе правильно.

Въ адресѣ передъ словами «Адмиралтейской части» опущено у г. Шенрока: «II-й»[1]). Не отмѣчены, наконецъ, зачеркнутыя слова и не указано, что на письмѣ имѣется такая надпись: «Безцѣнной Маминькѣ Маріи Ивановнѣ Гоголь-Яновской».

Въ мартовскомъ письмѣ 1833 г. къ матери[2]) годовая дата не выставлена, число марта написано не совсѣмъ разборчиво вслѣдствіе неясной поправки: кажется, 23 исправлено въ 26, какъ стоитъ въ «Вѣстникѣ Европы», у г. же Шенрока: 23.

Въ письмѣ отъ 22 ноября 1833 г. [3]) годъ не выставленъ въ оригиналѣ; г. Шенрокомъ выбраны неподходящія чтенія: правильнѣе читать согласно съ Кулишомъ «пановъ», а не «поповъ»; вмѣсто: «Но слѣдующій» у г. Шенрока напечатано: «на слѣдующій», вмѣсто «Маминька» — «маменька»[4]). Въ концѣ не прочитано слово.

Въ оригиналѣ апрѣльскаго письма къ матери 1834 г. [5]) нѣтъ годовой даты; стоитъ, какъ у Кулиша, «съ наступающими праздниками», а не «съ наступающимъ праздникомъ», какъ напечаталъ г. Шенрокъ, — «хотя» какъ у Кулиша, а не «хоть», какъ у г. Шенрока, дважды написано «Маминька», а не «маменька»;—«они вѣрно написали вамъ», а у г. Шенрока: «онѣ бы, вѣрно, и написали вамъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ матери [6]) у г. Шенрока вмѣсто слова «занимательная» напечатано «замѣчательная», не отмѣчено слово («нужно»?), не прочитанное вслѣдъ за выраженіемъ: «особеннымъ родомъ».

Въ письмѣ отъ 15 декабря 1834 г.[7]) вмѣсто «сестру» напечатано «сестрицу».

---

1) Въ письмѣ къ Максимовичу (П., I, 231) также: «второй Адмиралтейской части».

2) П., I, 246—247.

3) П., I, 264—266.

4) «Маменька» встрѣчаемъ впервые въ письмѣ изъ Лозанны отъ 21 сентября 1836 г., но въ двухъ другихъ мѣстахъ того же письма все еще написано: «маминька».

5) П., I, 292—293. 6) П., I, 294. 7) П., I, 328.

Въ письмѣ отъ 22 сентября 1835 г. [1]) слово «прежнія» написано цѣликомъ, какъ напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», а не недокончено, какъ утверждаетъ г. Шенрокъ вслѣдъ за Кулишомъ; въ оригиналѣ стоитъ «не теперь», а у г. Шенрока «теперь»; наконецъ, въ оригиналѣ «Еким».

Въ примѣчаніи 7-мъ къ письму отъ 1 октября 1835 г. можно бы ограничиться послѣднею фразою, потому что именно слово «Чарнышу» неразборчиво. «Николай» написано такъ, что подходитъ къ малороссійской формѣ «Микола».

Въ письмѣ отъ 19 ноября 1835 г. находимъ «желая», а не «желаю».

Въ письмѣ отъ 10 февраля 1836 г. чтеніе Кулиша «другому» вѣрнѣе, чѣмъ «другой», какъ напечатано у г. Шенрока; слово «почтительный» такъ неразборчиво, что трудно настаивать на такомъ чтеніи, и, кажется, вѣрнѣе читать «послушный», какъ стоитъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Въ оригиналѣ письма отъ 22 февраля 1836 г. [2]) не «заплатать», какъ стоитъ у г. Шенрока, а малороссійское слово «залатать» [3]); «слѣдовалъ», а не «слѣдую».

Въ письмѣ отъ 21 сентября 1836 г. [4]) правиленъ варіантъ «Вѣстника Европы» («писали»), а не чтеніе («написали»), принятое г. Шенрокомъ вслѣдъ за Кулишомъ; далѣе въ оригиналѣ стоитъ «сообщил», а не «сообщаете», какъ напечатано у г. Шенрока; «крушиться», какъ прочелъ Кулишъ, а не «кручиниться», какъ написалъ г. Шенрокъ.

И т. д., и т. д.

Думаемъ, что всѣ эти данныя склоняютъ къ предположенію о спѣшности работы г. Шенрока. Во всякомъ случаѣ указанныя небрежности въ его изданіи не позволяютъ признать послѣднее вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ строгой научности.

---

1) П., I, 351. 2) П., I, 366.

3) Если исправлено это слово, то почему не исправлена форма «церкву» (П., I, 389)?

4) П., I, 397.

IV.

Объясненія къ письмамъ Гоголя, составленныя г. Шенрокомъ.

Не ограничиваясь перепечаткою опубликованныхъ доселѣ писемъ Гоголя и изданіемъ нѣкоторыхъ, собранныхъ вновь, г. Шенрокъ предпослалъ каждому изъ отдѣловъ, на которые распредѣлилъ эти письма, краткіе общіе очерки внѣшней и внутренней жизни Гоголя въ годы, къ которымъ относятся письма, собранныя въ извѣстномъ отдѣлѣ, и сверхъ того присоединилъ объяснительныя примѣчанія къ каждому изъ писемъ въ отдѣльности. Въ этихъ поясненіяхъ находимъ указанія варіантовъ. «Послѣдніе, по словамъ г. Шенрока, могутъ быть очень полезны какъ въ *отрицательномъ смыслѣ*, устраняя возможность многихъ произвольныхъ догадокъ и предположеній, на которыя особенно падки люди, подходящіе къ изученію писателя съ предвзятыми намѣреніями и взглядами, такъ особенно въ *положительномъ*, начиная отъ мелочей — въ родѣ ассигновки на раздачу бѣднымъ, сначала на большую сумму, затѣмъ на уменьшенную, — до тонкихъ психологическихъ соображеній по разнымъ поводамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, безспорно, ближе вводятъ въ душевное состояніе автора и въ самый процессъ его мысли» [1]). «Затѣмъ, ради существенной важности вопроса о томъ, насколько и когда можно считать Гоголя искреннимъ, чтобы поставить въ данномъ случаѣ сужденія на болѣе твердую и правильную почву», г. Шенрокъ «усиленно приводитъ въ примѣчаніяхъ относящіяся сюда сопоставленія, а болѣе важныя изъ нихъ позволялъ себѣ напоминать, чтобы они не промелькнули безслѣдно» [2]). Такимъ образомъ, г. Шенрокъ неоднократно указывалъ на совпаденія въ письмахъ Гоголя съ тѣми или иными подробностями его произведеній. Эти сближенія не лишены цѣны, но были бы еще полезнѣе читателю, если бы издатель высказы-

---

1) П., I, Предисл., IX. 2) Тамъ же, X.

валъ и свои соображенія по поводу отмѣчаемыхъ имъ совпаденій. Это можно сказать, напр., о сопоставленіяхъ раннихъ Петербургскихъ писемъ Гоголя съ его «Авторскою исповѣдью» [1]), благодаря чему выясняются весьма интересные факты очень ранняго появленія въ Гоголѣ мыслей, выступившихъ гораздо рельефнѣе въ годы, къ которымъ относятъ развитіе душевной болѣзненности въ Гоголѣ. Г. Шенрокъ однако, «въ виду фактическаго характера» своихъ «замѣчаній», полагалъ, что ему «не можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ навязываніи своихъ взглядовъ и мнѣній».

Внимательному читателю изданія Шенрока остается провѣрить, дѣйствительно ли авторъ введеній и примѣчаній къ письмамъ Гоголя можетъ быть свободенъ отъ этого упрека, и каковы предлагаемыя имъ объясненія? вѣрны ли они и вносятъ ли что-нибудь цѣнаго новаго въ пониманіе личности, міровоззрѣнія и произведеній Гоголя? Мы вправѣ ставить эти вопросы между проч. и потому, что г. Шенрокъ давно уже занимается біографіею Гоголя и его произведеніями.

Къ сожалѣнію, на поставленные только что вопросы приходится иногда давать отвѣты не положительные, а отрицательные.

Заботясь, какъ бы не подвергнуться «упреку въ навязываніи своихъ взглядовъ и мнѣній», г. Шенрокъ, тѣмъ не менѣе, не соблюлъ должнаго безпристрастія. Такъ, въ одномъ изъ примѣчаній г. Шенрокъ говоритъ: «Презирая «вялыхъ профессоровъ», Гоголь, однакоже, собирался читать лекціи по чужимъ профессорскимъ запискамъ» [2]). Это заключеніе на нашъ взглядъ, не вытекаетъ изъ словъ Гоголя въ письмѣ къ Погодину отъ 23 іюля 1834 г.: «Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты взамѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно,

---

1) П., I, 124, прим. 3. 2) П., I, 315, примѣч.

еслибы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы черезъ Рѣдкина мнѣ теперь же»[1]). Можно только думать, что Гоголь просто хотѣлъ ознакомиться съ пріемами преподаванія Погодина, но отсюда еще далеко до присваиванія лекцій послѣдняго, тѣмъ болѣе, что Гоголь предполагалъ послать Погодину взамѣнъ и свои лекціи. Вдобавокъ онъ собирался печатать свой курсъ впослѣдствіи, какъ это видно изъ письма отъ 2 ноября: «Пожалуйста, печатай скорѣе хоть новую исторію, которую ты, какъ говоришь, составилъ. Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ, — тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли.... Но я не раньше, какъ черезъ годъ, пріймусь писать»[2]).

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется не разъ еще отмѣчать нарушеніе г. Шенрокомъ обѣщанія не «навязывать своихъ взглядовъ и мнѣній». Покамѣстъ мы ограничимся приведеннымъ примѣромъ и займемся теперь разсмотрѣніемъ комментаріевъ г. Шенрока въ послѣдовательномъ порядкѣ періодовъ, которые можно усматривать во внутренней жизни Гоголя.

1. Время дѣтства и ранней юности (до окончанія курса Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ).

Общая характеристика данныхъ, въ письмахъ Гоголя, относящихся къ этому періоду его жизни, и самого Гоголя по его письмамъ намъ кажется блѣдною, неполною и скудною[3]).

Прежде всего не выяснено, насколько вѣрно и разносторонне этотъ матеріалъ освѣщаетъ личность автора писемъ и окружавшія его условія и обстановку.

А между тѣмъ личность Гоголя уже въ то раннее время его жизни предстаетъ со свойственными ей чертами характера, не-

1) Тамъ же, 314—315. 2) Тамъ же, 325.

3) Ср. характеристику, данную въ этюдѣ М. Н. Сперанскаго: Гимназія высшихъ наукъ. Нѣжинскій періодъ жизни Гоголя, К. 1902. См. еще въ ст. В. В. Каллаша: «Н. В. Гоголь и его письма»—Русская Мысль 1902, №№ 2, 3 и 6.

рѣдко ставимыми ей въ вину: скрытностію [1]), «нерѣшительностью, неувѣренностью въ себѣ» на ряду съ «огнемъ гордаго самосознанія» [2]), тщеславіемъ [3]) и вмѣстѣ «униженнымъ смиреніемъ» [4]). Юный Гоголь со свойственнымъ юности самообольщеніемъ еще вѣрилъ въ себя и нерѣдко смотрѣлъ свысока на все окружающее; самопознаніе юноши было еще невелико. Потому, конечно, и письма этого періода не могли выдавать всего богатства внутренней жизни юноши [5]), которое однако сквозитъ въ его неоднократныхъ намекахъ на присущую ему энергію, настойчивость, отожествляемую имъ съ упрямствомъ, благородный энтузіазмъ къ прекрасному и великому, стремленіе постоянно расширять свои знанія и не терять понапрасну ни одной минуты въ жизни: «я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага» [6]).

Съ точки зрѣнія возвышенныхъ требованій и идеала ничтожными уже тогда должны были казаться Гоголю какъ общество школы, такъ и другіе люди, съ которыми онъ встрѣчался. Оттуда, быть можетъ, излишне строгій иногда судъ о школѣ [7]), о Нѣжинцахъ, о товарищахъ и знакомыхъ. Но въ правѣ ли мы предполагать ходульность въ такихъ отзывахъ, напыщенность и риторизмъ?

Во всякомъ случаѣ достопримѣчательно, что будущій обличитель пошлости и поборникъ простоты и непосредственности культуры уже въ годы пребыванія въ Нѣжинѣ испытывалъ «ядовитое истомленіе, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки», тяготился «игомъ школьнаго педантизма» [8]), находилъ болѣе полное удовлетворе-

---

1) См. хотя бы П., I, 89.

2) П., I, 68, Ср. П., I, 130: о «дерзкой самонадѣянности» и 136: о «гордыхъ помыслахъ юности».

3) П., I, 24: «Вы, я думаю, не допустите погибнуть *столько* себя прославившимъ рисункамъ»; I, 54: «Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ ..»

4) П. I, 130.

5) Г. Шенрокъ говоритъ, что Петру Петровичу Косяровскому «были повѣрены тайныя мечты и широкіе замыслы» (стр. 6), но поэтъ выражался о послѣднихъ слишкомъ неопредѣленно.

6) П., I, 89. 7) Тамъ же, 97. 8) П., I, 97.

ніе въ деревенской жизни и въ исторіи родного края[1]) и «никогда не угашалъ вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ[2]) и роднымъ»,

1) Врядъ ли возможно согласиться съ замѣчаніемъ г. Шенрока о письмахъ 1829—1830 годовъ: «Гоголя живо занимаютъ *теперь* (курсивъ нашъ) украинскія думы и пѣсни, сказки и повѣрья, народныя игры, старинные обычаи, обряды и костюмы» (П., I, 118). Можно предложить вопросъ, не было ли этого и раньше? Самъ же г. Шенрокъ издалъ (Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Н. Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ, т. VII, Спб. 1896, стр. 873 и слѣд.—Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ мы будемъ обозначать это X-е изданіе сочиненій Гоголя буквою С) описаніе «Книги всякой всячины, или подручной энциклопедіи составл. Н. Г. — Нѣжинъ 1826», въ которую занесены не только выдержки изъ писемъ отъ домашнихъ (см. П., I, 123, прим. 1), свидѣтельствующія объ интересѣ Гоголя къ украинскому фольклору, во время пребыванія въ Петербургѣ, но и другія записи, выказывающія любовь Гоголя къ Малороссіи, напр. слова для «Лекс. Малор.», и «этотъ отдѣлъ ведется подъ всѣми буквами «Энциклопедіи», кромѣ буквы Ѣ». На стр. 80-й и первой половинѣ 81-й записаны выбранные изъ разныхъ произведеній «эпиграфы», характеризующіе литературное чтеніе Гоголя въ школѣ, между прочимъ—изъ Енеиды Котляревскаго (см. М. Н. Сперанскаго, Замѣтки къ исторіи «Энеиды» И. П. Котляревскаго, Льв. 1902) и т. д. Но, конечно, замыслъ написать «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» созрѣлъ у Гоголя въ Петербургѣ.

2) П., I, 43. Въ іюнѣ 1824 г. Гоголь писалъ родителямъ: «Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ-сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій»... «Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей» (П, I, 20—21). Спустя годъ съ лишнимъ (30 сентября 1825 г.) онъ выражалъ то же сосредоточеніе привязанностей на родномъ домѣ: «Я только какъ-то и оживляюсь вашимъ письмомъ, котораго я теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что вы меня извѣстите о нашемъ краѣ хотя немного; но родной и дымъ пріятенъ» (П., I, 36). Не задолго до конца предпослѣдняго года пребыванія въ Нѣжинѣ, въ мартѣ 1827 г. Гоголь писалъ матери: «Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провесть его. Это напоминаетъ мнѣ времена дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія» (П., I, 68). И дѣйствительно, Гоголь до конца жизни любилъ это занятіе. Въ са-

причемъ однако на 18-мъ году жизни сталъ проникаться нетерпѣніемъ скорѣе «видѣть счастіе: зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители» [1])... Все это въ значительной степени объясняетъ послѣдующую литературную дѣятельность Гоголя, его романтическое настроеніе, выборъ темъ первыхъ произведеній изъ сельской либо изъ прошлой жизни родного края и, наконецъ, веселье, чарующую живость и прелесть его «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь всѣмъ своимъ предшествующимъ развитіемъ былъ подготовленъ къ произведеніямъ, прославившимъ его послѣ первыхъ же шаговъ его на литературномъ поприщѣ, и обстоятельство, указываемое имъ въ письмѣ изъ Петербурга отъ 30 апрѣля 1829 г.: «здѣсь такъ занимаетъ все малороссійское» [2]) имѣло значеніе лишь мотива, завершившаго остальные.

Равнымъ образомъ, въ годы юности Гоголя зарождались и многіе другіе задатки его дальнѣйшей литературной дѣятельности. Будущій драматургъ и тщательный наблюдатель дѣйствительности уже замѣтенъ въ юномъ страстномъ любителѣ театра; послѣдній

момъ концѣ того же года опять встрѣчаемъ выраженіе страстнаго порыванія въ деревню (26 іюня 1827 г.): «Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣньемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ не предстанетъ снова истомленному» (П., I, 79). Въ письмѣ изъ С.-Петербурга отъ 2 февраля 1830 г. находимъ приблизительно то же стремленіе въ деревню: «Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни: но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина» (П., I, 145). См. еще П., I, 175: «въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу, столько можно найти удовольствій веселости, какихъ не представитъ ни одна столица» и т. д. Ср. еще П. I, 341.

1) П., I, 55.

2) П., I, 121. Это признавалъ и самъ г. Шенрокъ въ «Матеріалахъ», I.

былъ постоянно его «любимымъ развлеченіемъ» [1]). Будущій широко *образованный писатель заявлялъ себя уже въ юности* жаждой образованія и постояннымъ писательствомъ.

Нѣжинскія письма Гоголя знакомятъ насъ съ первыми стадіями изученія имъ западныхъ языковъ и литературъ, литературы русской и начинавшей развиваться ново-украинской. Эти изученія происходили одновременно и параллельно и сообщали значительную разносторонность литературнымъ вкусамъ юноши.

«Я теперь со всякимъ стараніемъ предаюсь французскому языку», писалъ Гоголь уже въ 1822 г. [2]). Прибывъ въ Нѣжинъ въ послѣдній годъ ученья тамъ, Гоголь «укоренился въ свое мѣстопребываніе съ новою твердостью, съ новою силою, крѣпостью къ своимъ занятіямъ» [3]). Въ этотъ послѣдній годъ житья въ Нѣжинѣ Гоголь пребывалъ «въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена» была его «жизнь» [4]). Онъ не помышлялъ еще при этомъ отдать себя писательскому призванію: «Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества» [5]) и т. д. «Я теперь совершенный затворникъ», читаемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ [6]).

Гоголь изучалъ писателей родныхъ и иностранныхъ, въ числѣ послѣднихъ — Мольера, Флоріана и Коцебу [7]). Но въ особенности обращаетъ на себя вниманіе увлеченіе его Шиллеромъ. Въ виду несомнѣннаго вліянія этого поэта на мысль Гоголя [8]),

1) «Театръ нашъ готовъ совершенно, а съ нимъ вмѣстѣ—сколько удовольствій!» писалъ однажды Гоголь (П., I, 57).

2) П., I, 14. 3) Тамъ же, 86. 4) Тамъ же, 93.

5) Тамъ же, 89. 6) Тамъ же, 94. 7) Тамъ жс, 59, 61.

8) Это можно сказать, напр., объ идеѣ Шиллера касательно воспитанія человѣчества, касательно послѣдней цѣли, достиженія которой человѣкъ могъ бы желать. Шиллеръ ставилъ духовное освобожденіе личности единственно возможною цѣлью культуры, вмѣстѣ съ которою человѣчество можетъ достигнуть «человѣчности». Нравственно-эстетическую культуру личности выше всего ставилъ и Гоголь.

жаль, что, повторяя[1]) примѣчаніе Кулиша: «Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ языкѣ Шиллера, и что то́ было только минутное увлеченіе», г. Шенрокъ оставилъ безъ критики это врядъ ли вполнѣ достовѣрное извѣстіе. Вообще біографы до послѣдняго времени преувеличиваютъ плохое знакомство Гоголя съ иностранными языками. Дѣйствительно, до поѣздки за границу Гоголь не владѣлъ разговорною рѣчью на иностранныхъ языкахъ, какъ то показываетъ хотя бы его письмо изъ Гамбурга отъ 16-го іюня 1836 г.: «Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться»[2]). Но съ книжною рѣчью, по крайней мѣрѣ—на двухъ иностранныхъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, Гоголь былъ хорошо знакомъ уже въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ оставилъ безъ объясненія весьма интересныя мѣста писемъ Гоголя, имѣющія отношеніе къ вопросу о знакомствѣ Гоголя съ иностранными языками и вообще объ образованіи его.

Наконецъ, въ юношескихъ письмахъ Гоголя рано замѣчаются слѣды его живого литературнаго интереса: напр., юный Гоголь просилъ о присылкѣ ему книгъ и журналовъ[3]).

Всѣ эти занятія литературой совпадали въ юношѣ со стремленіемъ къ собственному сочинительству. Мать поощряла сына къ писательству, выказывая живой интересъ къ его сочиненіямъ и прося привозить ихъ[4]). Въ концѣ 1826 г. Гоголь какъ будто уже прошелъ первую стадію литературныхъ опытовъ и вступалъ во вторую. «Сочиненій моихъ вы не узнаете, писалъ онъ тогда: новый переворотъ постигнулъ ихъ. Родъ ихъ теперь совершенно

1) П., I, 69, примѣч. 5. 2) Тамъ же, 385.

3) П., I, 22: «Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради съ стихами и одна «Эдипъ», которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онѣгина»; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите» и др.

4) См., напр., П., I, 47.

особенный» [1]). Жаль, что г. Шенрокъ не присоединилъ объяснительныхъ примѣчаній къ этимъ неопредѣленнымъ упоминаніямъ [2]).

Осмѣивая напыщенность, отъ которой самъ былъ прежде не свободенъ [3]), Гоголь сталъ романтикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, соединяя романтическій идеализмъ съ южно-русскимъ реализмомъ. Первоначально Гоголевскій реализмъ совпадалъ съ недовольствомъ окружающимъ и съ сатиризмомъ и насмѣшливостью, рано развившимися въ юношѣ, что́ и отмѣтилъ г. Шенрокъ [4]), говоря: «Послѣ смерти отца, весной 1825 года, характеръ и содержаніе писемъ совершенно измѣняются... увлеченія книгами, рисованьемъ, театромъ становятся серьезнѣе и значительно расширяются. Нѣсколько позднѣе въ Гоголѣ начинаетъ замѣтно обозначаться наклонность къ юмору и сатирѣ» и т. д. Въ чемъ именно начала «замѣтно обозначаться наклонность къ юмору», г. Шенрокъ не указалъ [5]), а между тѣмъ это было бы тѣмъ желательнѣе, что юморъ является б. ч. достояніемъ болѣе

---

1) Тамъ же, 54.

2) Ср. у П. В. Владимірова: Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя, К. 1890, стр. 12—14.

3) П., I, 47, прим. 3.

4) П., I, 5. Употребленное г. Шенрокомъ не совсѣмъ опредѣленное выраженіе: «нѣсколько позднѣе» могло бы быть замѣнено болѣе точными указаніями. Въ письмѣ къ Высоцкому отъ 17 января 1827 г. (П., I, 55) читаемъ: «Глупости людскія рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ». См. далѣе П., I. 45.(20 августа 1826): «Говорилъ бы вамъ о своихъ, но совершенно ничего нѣтъ, все пусто, и Нѣжинъ нашъ заснулъ въ бездѣйствіи». См. еще насмѣшливую выходку въ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ того: «Каковы у насъ дѣла хозяйственныя? Павелъ Петровичъ пишетъ, что отыскалась на томъ баштанѣ, что за прудомъ (который весь высохъ), дыня съ пупкомъ, а не съ хвостомъ. Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотѣлъ бы я знать причину» (П., I, 8). Гоголь сочинялъ въ Нѣжинѣ насмѣшливые стихи (П., I, 62, прим. 9) и піесы (тамъ же, 65) и съ презрѣніемъ глядѣлъ на «существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ» (П., I, 75).

5) Г. Шенрокъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду двѣ главы изъ малороссійской повѣсти «Страшный Кабанъ» (С., V, 48—60), но принадлежность ихъ къ этому времени—недоказанное предположеніе (См. С., VII, 952). Въ Нѣжинскихъ письмахъ Гоголя есть упоминанія о сочиненіяхъ послѣдняго, но г. Шенрокъ оставилъ эти упоминанія безъ разъясненій.

зрѣлаго возраста и міросозерцанія [1]). Правда, уже и въ Нѣжинскій періодъ Гоголь «удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ, встрѣтившись съ нимъ». Но лишь подъ самый конецъ пребыванія въ Нѣжинѣ Гоголь отчетливо подвелъ итоги тому, какъ много онъ «поиспыталъ горя и нужды.... былъ прижимаемъ зломъ. Врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.». «Я все выносилъ, говоритъ Гоголь, безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя... я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на-вѣкъ неизгладимыми, и они — вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро» [2]). Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ воздержался отъ разъясненій и касательно этихъ чрезвычайно важныхъ признаній Гоголя, хотя, вѣроятно, ему извѣстны данныя для этихъ разъясненій.

Сводя во-едино всѣ приведенные факты, можно, кажется, сказать, что, оставляя Нѣжинъ, Гоголь былъ одновременно и романтикомъ, стремившимся въ неясную и туманную даль, и реалистомъ, начинавшимъ склоняться къ юмору. Онъ вынесъ стремленіе къ «постоянному пріобрѣтенію знаній» [3]) и къ литературнымъ занятіямъ. Передъ нимъ лишь начиналъ раскрываться необъятный горизонтъ жизни, и выработка болѣе или менѣе полнаго и зрѣлаго міросозерцанія предстояла въ сравнительно далекомъ будущемъ.

---

1) Объ опредѣленіяхъ юмора см. въ нашемъ этюдѣ «Значеніе мысли и творчества Гоголя» (начало этого этюда помѣщено въ XVI-й книгѣ «Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца», К. 1902).

2) П., I, 58 и 97—98.

3) Тамъ же, 106—107.

2. Время начальной литературной дѣятельности Гоголя (— космополитическаго романтизма до „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“).

Мѣсяцы, въ которые Гоголь писалъ поэму «Ганцъ Кюхельгартенъ» (вторая половина 1828 г. и первая 1829 г.[1]) и напоминалъ этого своего героя (до возвращенія изъ первой заграничной поѣздки), не выдѣлены г. Шенрокомъ, а между тѣмъ ихъ, какъ особый замѣтный періодъ въ развитіи міросозерцанія Гоголя, надлежитъ разсматривать въ отдѣльности. Этотъ періодъ можно полагать съ того момента, когда у Гоголя началъ слагаться планъ заграничной поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ сохранился отчетливый намекъ объ этомъ планѣ[2]), но г. Шенрокъ не говоритъ о томъ ни слова въ примѣчаніяхъ, и лишь во введеніи къ «Письмамъ 1829—1830 годовъ» замѣчаетъ вскользь, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, что Гоголь увлекся «*новымъ* юношескимъ порывомъ» и что его поѣздка за границу была «результатомъ *давно* лелѣянныхъ юныхъ фантастическихъ грезъ»[3]). Конечною же гранью разсматриваемаго періода можно считать время послѣднихъ отголосковъ Кюхельгартеновскаго настроенія по возвращеніи Гоголя изъ-за границы (приблизит. до 10 декабря 1829 г.), совпадающихъ съ началомъ созданія «Вечеровъ на хуторѣ» и въ частности первой изъ этихъ повѣстей, озаглавленной «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»[4]).

---

1) См. этюдъ И. В. Шаровольскаго: «Юношеская идиллія Гоголя», помѣщенный въ упом. выше книгѣ «Чтеній въ Ист. Общ. Нестора-лѣт.» и вышедшій также отдѣльно.

2) П., I, 106 (8 сентября 1828 г.): «Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (*это и есть мое намѣреніе*), обо мнѣ не будетъ и слуху...».

3) П., I, 113.

4) Напечатана въ февральской и мартовской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина 1830 г. Первый намекъ на интересъ Гоголя къ сюжетамъ «Вечеровъ» находимъ въ письмѣ его къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г., гдѣ Гоголь выражалъ такую просьбу: «теперь васъ прошу... сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много

Сопоставленіе писемъ Гоголя за это время (за вторую половину 1828-го года и за 1829-й) съ «Ганцемъ Кюхельгартеномъ» доставило бы чрезвычайно интересный матеріалъ для біографіи Гоголя, но, къ сожалѣнію, г. Шенрокъ въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ совсѣмъ не коснулся любопытныхъ соотношеній, дающихъ возможность разграничить Wahrheit und Dichtung въ поэмѣ Гоголя и въ его душевной жизни въ первые моменты его вступленія въ свѣтъ [1]).

Въ Гоголѣ совершался въ то время «переломъ», о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 24-го іюля 1829 г. [2]) и который незадолго до того былъ поэтически изображенъ имъ въ судьбѣ Ганца Кюхельгартена, послѣ двухлѣтняго странствованія покончившаго съ неясными грезами и «коварными мечтами» юношескаго романтизма и обрѣтшаго новыя рѣшенія. Въ письмахъ Гоголя, относящихся ко времени его первой заграничной поѣздки, содержатся весьма интересныя данныя для характеристики этого перелома, дающія, какъ сказано, неоцѣненный матеріалъ для біографіи Гоголя.

Гоголь признавался «отъ чистаго сердца» (и этому мы можемъ повѣрить вполнѣ), что «имѣлъ дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ», что «сердцу, можетъ, единственному, по крайней мѣрѣ рѣдкому въ мірѣ, душѣ чистой, пламенѣющей жаркой любовью ко всему высокому и прекрасному, Богъ далъ грубую оболочку, одѣлъ все это въ страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго сми-

знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно.... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ» (П. I, 119—120). 24-го іюля работа надъ «Вечерами» повидимому, уже была въ ходу: «Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ» (тамъ же, 128), сообщалъ Гоголь матери.

1) Въ книжкѣ: «Ученическіе годы Гоголя», изд. второе, М. 1898, стр. 120 и слѣд. г. Шенрокъ отмѣтилъ нѣкоторыя совпаденія въ идилліи и въ письмахъ 1827 года.

2) П., I, 127.

ренія» [1]). Юноша давалъ обѣты, исполнившись новой душевной силы, какъ бы вступить на новый путь: «передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности».

Эти горькія признанія въ высшей степени важны для пониманія нравственнаго склада личности Гоголя и всей послѣдующей личной его жизни, постоянно уже съ той поры направлявшейся къ неустанной работѣ надъ собою для претворенія «грубой оболочки», которую находилъ въ себѣ поэтъ, и для преодолѣванія замѣчаемыхъ имъ въ себѣ «противорѣчій». Уже тогда начиналась значительная ломка гордости, несомнѣнно составлявшей одно изъ прирожденныхъ качествъ Гоголя [2]). Уже тогда душа «несчастнаго» поэта была «изрыта и опустошена бурями», и онъ могъ бы «разсказать тяжкую повѣсть о себѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ его «бренный разумъ» былъ «не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго» [3]).

Величіе этой души сказалось уже и тогда въ повтореніи ею, несмотря на всю угнетавшую ее сумятицу, обѣта, впервые даннаго еще въ ранней юности: отрекшись отъ личнаго счастья, «всю жизнь посвятить для счастія себѣ подобныхъ» [4]). Обѣтъ этотъ былъ исполненъ ненарушимо поэтомъ въ теченіе всей послѣдующей его жизни, въ которой, дѣйствительно, не было личнаго счастія.

Но, конечно, эта душа, какъ указалъ самъ Гоголь, была надѣлена «противорѣчіями», и они выступаютъ въ разсматриваемыхъ письмахъ, напр., въ тѣхъ постоянно измѣнявшихся объясненіяхъ, какія давалъ Гоголь своей матери относительно своей первой заграничной поѣздки, ради которой онъ допустилъ неиз-

1) Тамъ же. Ср. I, 260: «Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ». См. затѣмъ I, 130.

2) П., I, 139: «не думайте найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ».

3) П., I, 130. 4) Тамъ же, 127—128.

винительный въ глазахъ многихъ поступокъ—«воспользовался деньгами, присланными для уплаты въ опекунскій совѣтъ».

Изъ примѣчаній, разсѣянныхъ г. Шенрокомъ въ различныхъ мѣстахъ этого отдѣла писемъ, какъ будто вытекаетъ, что Гоголь для оправданія своего поступка прибѣгалъ неоднократно къ «невѣрнымъ объясненіямъ» [1]), изворачиваясь передъ матерью: г. Шенрокъ, напр., приводитъ безъ всякихъ оговорокъ поясненія А. С. Данилевскаго о томъ, что «не было ничего подобнаго» тому, что сообщалъ Гоголь [2]).

Несомнѣнно, что въ данномъ событіи мы имѣемъ дѣло съ психическимъ фактомъ, требующимъ весьма тонкой критики—во всякомъ случаѣ болѣе вдумчивой, чѣмъ простое констатированіе факта: «для объясненія побудительной причины, вызвавшей поѣздку, Гоголь ссылается то на неудачу, то на любовь, то на болѣзнь, не заботясь даже о послѣдовательности въ объясненіяхъ» [3]), или же замѣчаніе къ словамъ письма Гоголя о столицѣ въ лѣтнее время, которая «пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Немудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе; я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку» [4]). Поѣздка Гоголя была вызвана цѣлымъ рядомъ тонкихъ психическихъ процессовъ, изъяснить которые было весьма не легко, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, высланное два дня спустя по возвращеніи изъ Гамбурга: «Я не въ силахъ теперь извѣстить васъ о главныхъ причинахъ, скопившихся,

1) П., I, 113.

2) Тамъ же, 121, прим. 4; 137, прим. 2.

3) Тамъ же, 126, прим. 1.

4) П., I, 145; въ прим. 5 г. Шенрокъ говоритъ: «Здѣсь, слѣдовательно, Гоголь даетъ новое и, конечно, искреннее объясненіе своей первой заграничной поѣздки, хотя, конечно, здѣсь указывается лишь одна изъ причинъ, обусловливавшихъ тогдашнее смутное настроеніе его души».

которыя бы, можетъ быть, оправдали меня, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыханія» [1]). Потому г. Шенрокъ справедливо выразился во вступительномъ замѣчаніи, что и самъ Гоголь «едва ли могъ дать себѣ ясный прозаическій отчетъ въ томъ, что явилось результатомъ давно лелѣянныхъ юныхъ фантастическихъ грезъ» [2]). Могла имѣть долю участія и любовь, о которой говорится въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г. [3]). Г. Шенрокъ относится съ недовѣріемъ и къ упоминанію о любви Гоголя въ письмѣ отъ 10 марта 1832 г., [4]), но вѣдь симпатіи Гоголя къ Россетъ, впослѣдствіи Смирновой, были вполнѣ возможны въ 1831—1832 гг. [5]). Въ примѣчаніи къ словамъ письма къ А. С. Данилевскому отъ 20 декабря 1832 г.: «Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому то, къ спасенію моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ—любовь; а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ», г. Шенрокъ говоритъ: «Эти слова важны потому, что здѣсь Гоголь *самъ* опровергаетъ свои слова въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля 1829 г. о какой-то фантастической любви своей» [6]), но спрашивается, почему Гоголь упоминаетъ о твердой волѣ, «*два раза* отводившей его отъ желанія заглянуть

1) П., I, 138.

2) Тамъ же, стр. 113. Ср. выше.

3) Не къ этому ли времени относится первый набросокъ статьи «Женщина» (С., V, 61—65)? Вспомнимъ роль любви и въ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». Въ основныхъ идеяхъ статьи о женщинѣ и разсказа о любви, содержащагося въ названномъ письмѣ, есть нѣкоторыя совпаденія.

4) П., I, 207.

5) О посылкѣ ей экземпляра «Вечеровъ» см. П., I, 188.

6) Тамъ же, 232.

въ пропасть»? Г. Шенрокъ оставилъ это выраженіе безъ разъясненія.

Непонятно также, какъ г. Шенрокъ уже въ предисловіи къ «письмамъ *1828—1830 годовъ*» могъ сказать: «познакомившись съ Дельвигомъ и ставъ сотрудникомъ его «Литературной Газеты», Гоголь мало-по-малу знакомится съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Пушкинымъ и изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства, вступивъ въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями современной литературы» [1]). Вѣдь въ примѣчаніи къ словамъ письма отъ 10 февраля 1831 года: «Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» г. Шенрокъ говоритъ: «Въ это время Гоголь уже былъ сотрудникомъ «Литературной Газеты» Дельвига и былъ знакомъ съ Дельвигомъ; см. въ «Воспоминаніяхъ о В. И. Далѣ» Мельникова (Печерскаго) въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1873, III, 295—296, и въ статьѣ Гаевскаго о Дельвигѣ («Современникъ», 1854, IX, 7—8), и хотя 14 января того же года Дельвигъ уже умеръ, но Гоголь *вскоръ* познакомился съ Плетневымъ, Жуковскимъ и другими» [2]); равнымъ образомъ самъ же г. Шенрокъ [3]) признаетъ, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ «слѣдуетъ отнести къ маю 1831 г.» Слѣдовательно, настоящее вступленіе Гоголя «въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями современной литературы» произошло не въ 1829 и 1830 гг., а въ 1831 г., и упоминаніе о томъ въ предисловіи къ письмамъ Гоголя 1829 и 1830 гг. излишне.

Время перваго — юношескаго — романтизма, носившаго подобно романтизму Ганца Кюхельгартена въ значительной степени космополитическій характеръ, протекло безъ такого общенія, доставившаго Гоголю свѣтлые моменты радостнаго сознанія своего истиннаго призванія. Это призваніе выяснилось, когда на смѣну юношескаго романтизма въ Гоголѣ выступилъ болѣе зрѣлый романтизмъ — украинофильскій.

1) Тамъ же, 114. 2) Тамъ же, 172, прим.
3) Тамъ же, 183, прим. 1.

3. Годы украинофильскаго романтизма Гоголя и перваго обращенія послѣдняго къ реализму (1829—1834).

«Переломъ», происшедшій въ юномъ Гоголѣ послѣ цѣлаго ряда неудачъ и огорченій, начавшись лѣтомъ 1829 г., закончился къ 1830-му году душевнымъ успокоеніемъ на нѣсколько лѣтъ, и 10 февраля 1831 г. совсѣмъ уже окрѣпшій нравственно поэтъ писалъ матери: «какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ *воспитаніемъ*, какого я думаю рѣдкій царь могъ имѣть. Зато *какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ*! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей. Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза» [1]). «Спокойствіе въ моей груди величайшее», читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ [2]).

Ясно отсюда, какъ неосновательно замѣчаніе г. Шенрока въ «Краткомъ обзорѣ содержанія писемъ Гоголя въ *1836* г.»: «Уже въ эту пору въ его письмахъ начинаютъ проявляться аскетическіе взгляды и впервые заходитъ рѣчь о внутреннемъ «воспитаніи» и о благодарности Провидѣнію за ниспосланныя непріятности и огорченія» [3]). Въ примѣчаніи къ словамъ письма отъ 16 іюня 1836 г.: «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія!» г. Шенрокъ говоритъ: «Нѣкоторые полагали (въ томъ числѣ г. Авенаріусъ), что мистицизмъ явился у Гоголя только послѣ смерти Пушкина, но онъ замѣчается ясно еще въ 1835 г. (см. «Вѣстн. Евр.», 1885, т. VIII, стр. 773) и здѣсь, а это писано было при жизни Пушкина» [4]). Дѣйствительно, въ іюлѣ 1835 г. Гоголь писалъ:

1) П., I, 171—172. 2) П. I, 175. 3) Тамъ же, 360.
4) Тамъ же, 384, прим. 10.

«что-то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все, что ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо» [1]), но взглядъ на невзгоды житейскія, какъ на орудіе воспитанія, употребляемое Вышней Десницей, какъ мы сейчасъ видѣли, высказывался Гоголемъ уже въ 1829 г., т. е. задолго до 1836 г. Въ одномъ изъ писемъ 1833 г. есть даже выраженіе «наука жизни» [2]).

Равнымъ образомъ, въ разсматриваемые теперь нами годы съ 1832 г. мы слышимъ отъ Гоголя и частыя жалобы на нездоровье въ родѣ слѣдующихъ: «Совершеннаго здоровья не надѣюсь скоро дождаться» [3]); »что-то значитъ хилое здоровье!» [4]) «Удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина мое болѣзненное состояніе» [5]). «Творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ» [6]). Въ письмахъ 1833 г. находимъ цѣлый рядъ сѣтованій о бездѣйствіи и непроизводительности: «я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно!» «Я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Однимъ словомъ, умственный запоръ. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ» [7]). — «...Ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ страшномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что не могутъ собраться въ одно цѣлое» [7]). — «Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только»... «скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ» [8]). «Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновенье — не знаю» [9]). Г. Шенрокъ замѣтилъ по поводу этихъ словъ: «1833 годъ былъ очень не производителенъ для Гоголя въ отношеніи творчества» [10]). Ср. однако данныя о творчествѣ Гоголя въ 1833 г. [11]), приведенныя въ другомъ мѣстѣ самимъ г. Шенрокомъ. «Старосвѣтскіе по-

1) Тамъ же, 349. 2) Тамъ же, 260. 3) Тамъ же, 220.
4) Тамъ же, 221. 5) Тамъ же, 227. 6) П., I, 235 и 237.
7) Тамъ же, 240. 8) Тамъ же, 254. 9) Тамъ же, 255.
10) Тамъ же, прим. 1. 11) С., VII, 954.

мѣщики» — несомнѣнно chef d'oeuvre Гоголевскаго творчества, и г. Шенрокъ готовъ отнести это произведеніе къ 1833 г., хотя говоритъ, что «положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ». Это послѣднее замѣчаніе опровергается нѣсколько выраженіемъ Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 17 ноября 1831 г.: «Жаль, что у насъ нѣтъ сосѣдей какихъ-нибудь старосвѣтскихъ людей» [1]). Г. Шенрокъ въ разсматриваемомъ изданіи писемъ Гоголя справедливо обратилъ вниманіе на это выраженіе, отмѣтивъ его курсивомъ [2]). Дѣйствительно, оно является какъ будто terminus a quo въ исторіи замысла повѣсти о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». — Во 2-хъ, о комедіи «Владиміръ 3-ьей степени» 20 февраля того же 1833 года Гоголь писалъ: «Уже и *сюжетъ* было *на дняхъ началъ составляться*, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ьей степени», и сколько злости, смѣха и соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А чтó изъ того, когда піеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ» [3]). Наконецъ, самъ г. Шенрокъ призналъ все-таки и въ разсматриваемомъ изданіи, что «1833 годъ былъ... богатъ художественными замыслами» [4]). Не забудемъ еще, что въ томъ году Гоголь занимался исторіею Малороссіи и всеобщею исторіею [5]), и эти занятія на ряду съ преподавательскою дѣятельностію должны были отнимать у него массу времени, энергіи и труда. Изъ всего этого видно, съ какою осторожностію надо относиться къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ Гоголя о самомъ себѣ даже въ такое время расцвѣта силъ, какимъ были разсматриваемые годы, а тѣмъ болѣе подъ конецъ его жизни, когда его силы были значительно

---

1) П., I, 197.

2) Тамъ же, 179, прим. 2.

3) П., I, 245. Ср. С., VI, 545 и слѣд. 4) Тамъ же, 234.

5) Уже въ первомъ изъ писемъ 1833 г., помѣщенныхъ въ изданіи г. Шенрока (10 января — П., I, 234), Гоголь писалъ Погодину: «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее».

подорваны. Гоголь уже съ дѣтства не отличался крѣпостію здоровья, а напряженные труды и душевныя безпокойства въ силу кризисовъ, которые переживала его мысль, усиливали недомоганія. Потому понятно, что онъ не могъ работать съ такою быстротою, съ какою желалъ бы, и жаловался уже въ 24 года: «Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объемъ, то вдругъ зиждется новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесэтъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ— другъ. Но не могу, не въ силахъ... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени» [1]). Прежде всего переутомленіемъ надо объяснять и то состояніе, которое Гоголь называлъ въ себѣ лѣнью; напр.,—въ одномъ письмѣ 1833 г.: «все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ» [2]); въ письмѣ 1834 года: «лѣнь проклятая одолѣла, и я сѣлъ на одномъ приступѣ: лѣтомъ я ничего больше не дѣлаю, кромѣ лежанія; къ тому же еще и болѣзнь меня безпокоитъ» [3]). Въ іюлѣ 1835 г. «здоровье, кажется, уже отъ однихъ переѣздовъ поправилось» [4]), но, тѣмъ не менѣе, Гоголь писалъ: «Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находитъ столбнякъ» [5]).

Не взирая на тягостное состояніе, которое, такимъ образомъ, Гоголь испытывалъ по временамъ отъ неудачъ и мнимаго безсилія въ творчествѣ, онъ не падалъ духомъ, потому что въ немъ уже тогда сложился оптимизмъ, приближающійся къ тому, который такъ наполняетъ его письма въ годы, когда слагалась его «Переписка съ друзьями»: «Живите какъ можно веселѣе, читаемъ въ одномъ изъ писемъ, прогоняйте отъ себя непріятности, по край-

1) П., I, 244—245. 2) Тамъ же, 258. 3) Тамъ же, 301.
4) Тамъ же, 348. 5) Тамъ же, 350.

ней мѣрѣ не смущайтесь ими: все пройдетъ, все будетъ хорошо. Неужели вы не замѣчаете чудной воли высшей? Все это дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастіе» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь началъ приходить къ ясному сознанію своего истиннаго призванія, чего не отмѣтилъ г. Шенрокъ въ «Краткомъ обзорѣ содержанія писемъ 1831 г.» «Я, писалъ Гоголь 16 апрѣля 1831 г., душевно былъ радъ оставить.... ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Богъ знаетъ, за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ» [2]).

На первыхъ порахъ Гоголь усматривалъ свой путь въ творчествѣ преимущественно изъ области украинской жизни въ ея настоящемъ и прошломъ.

Г. Шенрокъ объясняетъ обращеніе Гоголя къ украинскимъ сюжетамъ такъ: «чувство неудовлетворенности ожиданія, обостряемое безпощадными неудачами со всѣхъ сторонъ, заставляетъ Гоголя съ упоеніемъ переноситься мыслями въ ту самую родную Малороссію, откуда еще недавно его мысль такъ страстно стремилась на негостепріимный сѣверъ» [3]).

Врядъ ли однако процессъ этихъ занятій Гоголя былъ вызванъ «чувствомъ неудовлетворенности ожиданія». Г. Шенрокъ оставилъ безъ должнаго вниманія чисто литературные въ этомъ случаѣ воздѣйствія [4]), замыслы и интересы Гоголя къ роднымъ сюжетамъ, на которые намекаетъ самъ Гоголь въ письмѣ отъ 30-го апрѣля 1829 г., и влеченіе къ малороссійскимъ темамъ, проявлявшееся еще въ Нѣжинѣ [5]), что признаетъ и г. Шенрокъ. Да и въ то время, когда Гоголь началъ просить о присылкѣ различныхъ

---

1) Тамъ же, 172.
2) П., I, 174. 3) Тамъ же, 113.
4) Ср. въ ст. Каллаша въ «Кіевской Старинѣ» 1900, № 5.
5) См. «Главу изъ историческаго романа» (С., V, 130 — 140), которую Гоголь, по его собственнымъ словамъ, «писалъ, бывши еще въ Нѣжинской гимназіи», для матери (П., I, 184); ср. С., VII, 952.

свѣдѣній о Малороссіи, онъ едва ли еще занимался «Вечерами». О перемѣщеніи въ Малороссію онъ не думалъ, какъ видно изъ письма отъ 2 апрѣля 1830 г. [1]). Быть мож., не вполнѣ также точно указаніе на интересъ Гоголя къ «думамъ и пѣснямъ» въ 1829—30 гг. На эти произведенія народной словесности Гоголь началъ обращать усиленное вниманіе позднѣе [2]). Покамѣстъ его занимали колядки [3]) и хороводныя пѣсни [4]). Въ письмѣ же отъ 19 сентября 1831 г. говорится уже о пѣсняхъ вообще: «А сказки, пѣсни, происшествія, можете посылать въ письмахъ или небольшихъ посылкахъ» [5]).

Мало-по-малу украинскій патріотизмъ Гоголя разгорѣлся до того, что 2-го іюля 1833 г. онъ писалъ Максимовичу: «Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы право, какъ разсудишь хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Ѣдемъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ» [6]). «Я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ — не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Тамъ можно обновиться всѣми силами» [7]).

Полюбивъ родную старину болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, Гоголь «принялся за исторію нашей единственной, бѣдной Украйны» [8]). Теперь только онъ оцѣнилъ все значеніе историческихъ пѣсенъ Малороссіи по сравненію со скудными ея лѣтописями, которыя не давали ему того, чего онъ искалъ, хорошо понимая задачи истинной исторіи: «Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что̀ хотѣлъ бы отыскать. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями» [9]). Очевидно, Гоголь отдавалъ пред-

---

1) П., I, 152.
2) Интересъ къ пѣснямъ замѣчается въ Гоголѣ еще и въ 1835 г.: П., I, 352.
3) Тамъ же, I, 120. 4) Тамъ же, 123. 5) Тамъ же, I, 191.
6) Тамъ же, I, 254. 7) Тамъ же, I, 268. 8) Тамъ же, I, 263.
9) П., I, 278. Разумѣется время до уніи.

почтеніе пѣснямъ не потому только, что, какъ говоритъ г. Шенрокъ [1]), въ сравненіи съ ними «лѣтописи казались ему слишкомъ черствыми и прозаическими». О черствости лѣтописей Гоголь писалъ Максимовичу: «Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что̀ всѣ черствыя лѣтописи [2]), въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже похабныя; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедшихъ людей... Прощайте, милый, дышащій прежнимъ временемъ землякъ»... [3]).

Ясно изъ этихъ строкъ, что Гоголь увлекался прошлымъ Украины, изученіе котораго дѣйствовало на него успокоительно въ пору душевныхъ тревогъ: «Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія», писалъ онъ Максимовичу [4]). Слѣдовательно, не вполнѣ вѣрно утвержденіе г. Шенрока [5]), что Гоголь, дѣлившій «свои задушевные интересы между исторіей и драмой (собственно комедіей)», «скоро долженъ былъ убѣдиться, что въ этомъ соперничествѣ исторія обыкновенно отступала у него на второй планъ». Это замѣчаніе вѣрно лишь въ отношеніи всеобщей исторіи и касательно момента письма къ Погодину 20 февраля 1833 г., въ которомъ читаемъ: «за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту. И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей» [6]). Въ январѣ же 1834 г. онъ писалъ [7]) Погодину: «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую

1) П., I, 234.

2) Въ письмѣ къ Срезневскому читаемъ: «ни одного (польскаго) лѣтописца съ нечерствою душою, мыслями...» (П., I, 278); «Каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о протекшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи»...

3) П., I, 264.

4) Тамъ же, I, 263. Немного погодя онъ опять писалъ о занятіяхъ исторіею: «Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ» (тамъ же, I, 274).

5) П., I, 234. 6) Тамъ же, I, 245. 7) П., I, 274.

и всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться». Въ особенности плѣняла Гоголя малороссійская исторія богатствомъ своихъ событій и драматизмомъ: «Народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движеній, котораго невольно (еслибъ онъ даже былъ совершенно недѣятеленъ отъ природы) сосѣди, положеніе земли, опасность бытія выводили на дѣла и подвиги, этотъ народъ... Я недоволенъ польскими историками: они очень мало говорятъ объ этихъ подвигахъ.... Еслибы крымцы и турки имѣли литературу, я былъ бы увѣренъ, что ни одного самостоятельнаго тогда народа въ Европѣ не была бы такъ интересна исторія, какъ казаковъ»[1]).

Возвеличивая «древній, прекрасный Кіевъ», «спокойное, уютное и святое мѣсто»[2]), Гоголь въ тѣ годы не особенно долюбливалъ Москву: «Что жъ, ѣдешь, или нѣтъ? спрашивалъ онъ Максимовича 12 марта 1834 г., — влюбился же въ — эту старую, толстую бабу—Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь!»[3]) Предубѣжденіе относительно Москвы отзывалось еще и потомъ въ Гоголѣ. Такъ, 20 февраля 1835 г. онъ писалъ: «Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе... Москва невинна въ немъ»[4]). Оставшись по неволѣ въ «чухонскомъ» Петербургѣ, Гоголь сообщалъ, что его душа «сильно тоскуетъ за Украиной»[5]). Да и вообще Русь представлялась Гоголю «старою, рыжею бородою», которой онъ задавалъ вопросъ: «когда ты поумнѣешь?»[6])

Этимъ же разсматриваемымъ нами теперь годамъ созрѣванія идей Гоголя принадлежатъ зачатки основныхъ мыслей послѣдующаго періода творчества этого писателя, т. е. времени созданія «Мертвыхъ душъ». Такова, напр., его основная моралистическая тенденція, скрывающаяся подъ обозначеніемъ «науки жизни»[7]). Гоголь началъ уже въ эти годы считать себя учителемъ жизни, хорошо узнавъ людей, что онъ доказывалъ, какъ замѣтилъ г. Шенрокъ, «проницательностію и глубокой справед-

1) Тамъ же, I, 278. 2) Тамъ же, I, 268 и 308. 3) П., I, 281. 4) П., I, 335. 5) П., I, 318. 6) П., I, 230. 7) П., I, 260.

ливостью своихъ совѣтовъ матери»[1]). Это видно, напр., изъ его письма къ матери отъ 2 октября 1833 г. о воспитаніи сестры, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ *заблуждаются люди*. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ не дѣлаютъ ничего. *Хотѣлъ бы кажется помочь имъ*, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ»[2]). Уже тогда Гоголь стыдился своихъ прежнихъ произведеній, напр., «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», о которой онъ писалъ Максимовичу, что о ней «совсѣмъ-было позабылъ» и «стыдится назвать ее своею»[3]). Отказываясь прислать что-нибудь Максимовичу въ задуманный послѣднимъ альманахъ «Денницу», Гоголь обѣщалъ ему 9 ноября 1833 г.: «Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь. Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили *страшные перевороты*, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я *пережегъ*, сколько перестрадалъ!»[4]) Повидимому, въ Гоголѣ начинался новый кризисъ. Но и изъ этого новаго колебанія нашъ писатель вышелъ побѣдителемъ, благодаря чудной эластичности своей натуры. Для него «всѣ непріятности и огорченія.... имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, говоритъ Гоголь, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ»[5]).

---

1) П., I, 283. 2) П., I, 261. 3) П., I, 262. 4) П., I, 263.
5) П., I, 384.

4. а. Годы созрѣванія мысли и творчества Гоголя (съ лѣта 1834 г. до неудачи «Ревизора» и отъѣзда за границу въ 1836 г.).

Послѣ второго кризиса, ознаменовавшаго 1833 годъ и закончившаго четырехлѣтіе перваго, чисто романтическаго подъема творческой дѣятельности Гоголя [1]), послѣдній вновь началъ проникаться спокойствіемъ въ отношеніи къ *житейскимъ невзгодамъ* [2]), и 27-го іюня 1834 г. писалъ Максимовичу: «Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь... умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и — —(слѣдуютъ два непечатныя слова). Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая» [3]). Другими словами: Гоголь пришелъ къ мысли о томъ, что, вооружившись терпѣніемъ и хладнокровіемъ и сохраняя спокойствіе, не слѣдуетъ принимать къ сердцу житейскія

1) Объ этой дѣятельности см. нашу статью, имѣющую явиться въ «Чтеніяхъ въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. XVIII.

2) П., I, 274 — 275 (11 января 1834 г.): «это (занятіе исторіей) сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ этого я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства». Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ 1833 г. Гоголя вывели изъ спокойствія житейскія обстоятельства? Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ оставилъ безъ разъясненія тревожное состояніе Гоголя въ 1833 г. Что все дѣло сводилось къ житейскимъ невзгодамъ, подтверждается и письмомъ къ Максимовичу отъ 14 августа 1834 г., въ которомъ Гоголь, потерпѣвшій неудачу въ хлопотахъ о назначеніи въ университетъ св. Владиміра, писалъ: «я, который долженъ остаться въ чухонскомъ городѣ, плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь, грусть хотѣла-было сильно подступить ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пидплесня, что она задрала ноги».

3) П., I, 306 и 308.

невзгоды. Въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь повторялъ тотъ же совѣтъ, при чемъ смыслъ его наставленій становится яснѣе: Гоголь склонялъ «быть поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ, у котораго онъ подъ ногами и употребляется на обтирку ногъ его». По мнѣнію Кулиша, Гоголь въ приведенныхъ словахъ разумѣлъ Пушкина, сказавшаго:

Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ[1]).

22 марта 1835 г. Гоголь писалъ: «Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ»[2]). Гоголь совѣтовалъ «упиваться весною, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни»[3]). Въ письмѣ отъ 1 октября 1835 г. читаемъ: «Я здоровъ и спокоенъ; прочее все пустое и трынъ-трава»[4]). Это воззрѣніе Гоголя не означало наклонности къ квіетизму. Напротивъ, Гоголь не уставалъ въ трудѣ надъ выработкою своихъ воззрѣній и писалъ: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки... предо мною раздвигается природа и человѣкъ»[5]). Изложенный взглядъ Гоголя на жизнь согласовался съ его прежнимъ христіанскимъ оптимизмомъ, который теперь получилъ существенную поправку. Послѣдняя сводилась къ признанію значенія нашихъ личныхъ усилій. «Богу никакъ нельзя приписать нашихъ неудачъ», писалъ Гоголь матери 10 іюля 1834 г. «Богъ милостивъ и всякому, кто трудится съ благоразуміемъ и съ осмотрительностью принимается за дѣло, онъ всегда оказываетъ всемогущую помощь. «Береженаго и Богъ бережетъ», говоритъ старинная пословица... я вижу ясно Божію помощь»[6]). При этомъ Гоголь

---

1) П., I, 310. 2) П., I, 340. 3) П., I, 341.
4) П., I, 352. 5) П., I, 327.
6) П., I, 311; ср. тамъ же, 367: «я потвердилъ старую свою истину, которой я всегда слѣдовалъ, что человѣкъ долженъ возлагать надежду только на Бога и на себя» (текстъ этихъ словъ исправленъ нами по оригиналу).

придавалъ уже значеніе молитвамъ и благодарилъ мать за молитвы, которыя она возсылала о немъ [1]).

Съ указаннымъ міровоззрѣніемъ Гоголя согласовалось и преобладающее значеніе, какое онъ удѣлялъ въ эти годы смѣху: «Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ! Да и вездѣ недурно нашпиговать имъ листки. И, главное, никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ» [2]). «Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!» [3]) Гоголь называлъ себя теперь «писателемъ современнымъ, писателемъ комическимъ, писателемъ нравовъ» [4]).

Съ этимъ временемъ нѣкотораго новаго успокоенія (лѣтомъ 1834 г.) совпадаетъ заключеніе романтическаго періода и работы надъ «Миргородомъ», разрѣшеннымъ къ печати 29 декабря 1834 г., и надъ «Ревизоромъ» [5]). Въ 1835 г. Гоголь началъ писать «Мертвыя души» и въ октябрѣ дошелъ до III-й главы, но идея ихъ еще не вызрѣла тогда [6]). Сверхъ того онъ хотѣлъ еще заняться какой-нибудь комедіей — «куда смѣшнѣе чорта!» [7])

Вообще въ разсматриваемые годы Гоголь значительно расширилъ свой кругозоръ, и въ этомъ отношеніи была весьма плодотворна для него и профессорская дѣятельность, несмотря на то, что она не удалась поэту. Относительно ея г. Шенрокъ замѣтилъ: «Лекціи Гоголя, какъ извѣстно, были, кромѣ двухъ, весьма неблистательны, да и взгляды на обязанности профессоровъ, высказываемые имъ въ письмахъ къ Максимовичу, къ Погодину и пр., уже сами по себѣ достаточно объясняютъ причину его неуспѣховъ на каѳедрѣ» [8]). Конечно, Гоголь очутился въ довольно смѣшномъ положеніи, занявъ университетскую каѳедру и собираясь à la Хлестаковъ «хватить среднюю исторію томиковъ въ 8 или 9, если Богъ поможетъ» [9]). Онъ самъ потомъ при-

1) П., I, 293. 2) П., I, 324. 3) П., I, 357. 4) П., I, 370.

5) Гоголь писалъ изъ Петербурга 14 августа 1834 г.: «На театръ здѣшній я ставлю пьесу (разумѣется «Женитьба»)..., да еще готовлю изъ подъ полы другую» (П., I, 319).

6) П., I, 358—7 октября. 7) П., I, 354. 8) П., I, 327, пр. 1.

9) П., I, 382, 331.

зналъ, что «эти полтора года—годы» его «безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся». Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его письмѣ читаемъ, что онъ «неузнанный взошелъ на каѳедру и неузнанный» сошелъ «съ нея», однако въ тѣ «полтора года много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души.... высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали» его[1]). Этому мы можемъ повѣрить вполнѣ и полагаемъ, что Гоголя какъ профессора не понимали надлежащимъ образомъ. Онъ былъ не неправъ, думая, что и при учености можно быть въ сущности невѣждой[2]). Во всякомъ случаѣ въ годы профессорства Гоголь пріобрѣлъ болѣе широкій кругозоръ. Между прочимъ у него замѣчается въ то время интересъ къ «славянщинѣ, исторіи и литературѣ»[3]) и уменьшеніе чрезмѣрности украинофильства[4]).

Творчество Гоголя все еще не дошло до полной зрѣлости, и лишь достигли полной выработки его теоретическія воззрѣнія въ духѣ романтизма: мы слышимъ возвышенную квалификацію «высокихъ мыслей», посѣщавшихъ поэта: онѣ названы «небесными гостьями, наводившими божественныя минуты». Поэтъ «опустилъ ихъ на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнетесь, писалъ онъ, съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь»[5]). Очевидно, самосознаніе поэта возросло.

6. Годы зрѣлости мысли и творчества Гоголя (1836—1847).

«Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ», писалъ Гоголь Погодину 10 мая 1836 г., незадолго до второго своего выѣзда за границу[6]). Эта мысль можетъ быть признана девизомъ поры зрѣлаго творчества Гоголя, наступившей послѣ

1) П., I, 357. 2) П., I, 357.
3) П., I, 365; ср. тамъ же 295 и 362.
4) Гоголь говорилъ еще о землячествѣ: П., I, 369. 5) П., I, 357.
6) Ср. П., I, 384 (16 іюня 1836 г.): «пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ».

«неудовольствія» со стороны «всѣхъ сословій». Эти неудовольствія со стороны «соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь», были испытаны Гоголемъ при постановкѣ «Ревизора»; послѣдній «надѣлалъ чрезвычайно много шума, пріобрѣлъ» автору «новыхъ благопріятелей и еще бо́льшее число неблагопріятелей» 1). «Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ», «уединюсь и займусь», читаемъ въ томъ же письмѣ 2).

Всѣ эти рѣшенія, ознаменовавшія начало новаго періода въ жизни и творчествѣ Гоголя, были приняты имъ послѣ испытаннаго вновь глубокаго потрясенія «вслѣдствіе разныхъ волненій, досадъ и прочаго». Въ «тревожномъ состояніи», имъ пережитомъ, мысли поэта, впавшаго въ тоску 3), «такъ разсѣялись», что онъ, по его словамъ, былъ «не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ». Онъ чувствовалъ необходимость «поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься, и потомъ избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе» 4), тѣмъ болѣе, что онъ былъ «многимъ недоволенъ» и въ «Ревизорѣ» 5).

Согласно съ указаннымъ поворотомъ въ мысли Гоголя, съ той поры въ его творчествѣ начинаетъ преобладать не чувство 6) и фантазія, а рефлексія, умѣряющая тѣ обѣ душевныя силы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ напряженные труды и потрясенія, испытанныя въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ юности, не прошли даромъ, и не удивительно, что хилый уже отъ рожденія Гоголь начинаетъ все чаще и чаще жаловаться на болѣзни.

Но, руководясь оптимизмомъ, выработаннымъ, какъ мы видѣли, ранѣе, поэтъ-христіанинъ мужественно переноситъ впредь всѣ невзгоды 7), и слова его въ письмѣ, написанномъ незадолго

1) П., I, 380. 2) П., I, 371—372.

3) П., I, 370: «размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники»; 375: «не хочу показаться вамъ скучнымъ»; 378: «ѣду разгулять свою тоску». Ср. о «тоскѣ» выше стр. 63 и ниже стр. 91.

4) П., I, 371—372. 5) П., I, 375.

6) П., I, 343: «Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства».

7) П., I, 384: «Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро».

до выѣзда за границу: «Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня» [1]), являются какъ бы основной темой всѣхъ болѣе пространныхъ разсужденій, которыя наполнятъ не разъ письма Гоголя во всѣ послѣдующіе годы его жизни, начиная съ перваго же письма, высланнаго послѣ переѣзда границы. Въ этомъ письмѣ (16 іюня 1836 г.) также читаемъ: «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія!... нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества.... послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое» [2]).

Со времени переѣзда за границу Гоголь сразу начинаетъ говорить объ особомъ своемъ призваніи и о высокомъ значеніи своей внутренней жизни: «Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ... Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни». «Все написанное до сихъ поръ» показалось Гоголю «давнею тетрадью ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница за которую похвалитъ только учитель провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ». Понятно, что переживавшій такія мысли и чувства Гоголь смотрѣлъ на этотъ моментъ своей

---

1) П., I, 378. 2) П., I, 384.

жизни, какъ на «великій переломъ, великую эпоху жизни» своей [1]).

Соотвѣтственно этому перелому измѣнился и планъ «Мертвыхъ Душъ», «которыхъ» Гоголь «было началъ въ Петербургѣ» и которыя составили главный предметъ занятій поэта во все послѣдующее время его жизни: онъ «все начатое передѣлалъ вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь велъ его спокойно какъ лѣтопись». Гоголю теперь въ «Мертвыхъ Душахъ» рисовался «огромный, оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! *Вся Русь* явится въ немъ» [2]), между тѣмъ какъ прежде авторъ предполагалъ «въ этомъ романѣ показать *хотя съ одного боку* всю Русь» [3]). Создавшій рядъ уже весьма цѣнныхъ произведеній думалъ теперь о «Мертвыхъ Душахъ», что «это будетъ» его «первая порядочная вещь,—вещь, которая вынесетъ имя» его [4]).

И на чужбинѣ Гоголь былъ полонъ живыми воспоминаніями и впечатлѣніями далекой родины, необходимыми для успѣшнаго выполненія той грандіозной картины, мысль о которой лелѣялъ. «Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь, — одна только прекрасная Русь», писалъ Гоголь Погодину 10 сентября 1836 г. [5]). 17 дней спустя въ письмѣ къ Прокоповичу поэтъ уже готовъ былъ восхищаться неприглядною родиною предпочтительно передъ красотами западной природы: «Чтò тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды, такіе, что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ становится тошно, и если бы

---

1) П., I, 383 — 384; ср. 425: «я на «Ревизора» — плевать. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ» и т. д

2) П., I, 414.

3) П., I, 354: 7 октября 1835. Г. Шенрокъ справедливо замѣтилъ (П., I, 414, пр. 3): «Здѣсь, очевидно, планъ Гоголя уже значительно расширился». Ср. П., I, 415: «Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его» и 416: «Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились».

4) П., I, 414.

5) П., I, 396. Ср. I, 412: «Я даже сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ, въ Веве, и это все произошло оттого, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было оставилъ...».

мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться» [1]). По прошествіи двухъ мѣсяцевъ опять находимъ отчетливое упоминаніе о томъ, что душою поэтъ виталъ въ родномъ краю: «мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ» [2]). Напрасно потому г. Шенрокъ увѣряетъ, что «во время путешествія Гоголь отдается захватывающей его новизнѣ впечатлѣній, и открывшійся передъ нимъ незнакомый міръ отвлекаетъ его на время отъ грустныхъ воспоминаній и аскетическихъ думъ» [3]).

Такія думы можно открыть, напримѣръ, въ христіанскомъ стоицизмѣ, который Гоголь старался внушить своей матери по поводу понесенной ею утраты въ лицѣ умершаго Трушковскаго. Этотъ стоицизмъ былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ спокойнаго отношенія къ житейскимъ невзгодамъ, къ которому Гоголь силился прійти въ предыдущемъ періодѣ своей жизни и которое, какъ мы видѣли, онъ пытался уже тогда привить другимъ. Уже въ письмѣ изъ Лозанны отъ 21 сентября 1836 г. [4]) читаемъ поученія, которыя будутъ разростаться болѣе и болѣе въ послѣдующихъ письмахъ Гоголя до 1848 г., и встрѣчаемъ довольно рѣзкія выраженія: «Ваши догадки (не разсердитесь, маминька) всегда были не впопадъ» и т. п. [5]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь какъ бы сразу провидѣлъ, что впереди ему оставалось немного радостей, и будущее сулило мало новаго: «Увы, писалъ онъ Прокоповичу 27 сентября 1836 г., мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему.

1) П., I, 401. 2) П., I, 415. 3) П., I, 360. 4) П., I, 397.

5) Замѣтимъ кстати, что въ подлинникѣ передъ словами: «наблюдаютъ діэту» стоитъ выраженіе: «при этомъ», пропущенное у г. Шенрока. Ср. П., I, 419.

Какъ быть! но прекрасно старое» [1]). И одновременно съ этимъ прорывалось мистическое сознаніе своего высокаго и вмѣстѣ тяжелаго предназначенія: «Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него? божественныя вкушу минуты... Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ произнесутъ примиреніе моей тѣни» [2]). Гоголь ожидалъ бурь въ будущемъ и готовился *терпѣливо* встрѣтить ихъ.

Но поэта уже начинали одолѣвать физическіе недуги [3]), и онъ начиналъ обнаруживать значительную податливость ко внѣшнимъ физическимъ воздѣйствіямъ, и не безъ связи со всѣмъ этимъ появлялись по временамъ приступы тоски. «Наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно», писалъ Гоголь въ ноябрѣ 1836 г. В. А. Жуковскому. «Комната моя была нимало не тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ тогда живѣе представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвыя Души», я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтовалъ перемѣнить мѣсто» [4]). И т. д.

Было бы слишкомъ долго и, быть можетъ, утомительно для читателей настоящаго разбора подбирать разроставшійся все

1) П., I, 400; ср. 421. 2) П., I, 415—416; ср. 425.
3) См., напр., жалобы на желудокъ: П., I, 401, 412.
4) П., I, 414; ср. 420.

болѣе и болѣе въ письмахъ Гоголя матеріалъ для характеристики процессовъ его душевной жизни, намѣченныхъ вскользь въ предыдущемъ изложеніи, и мы не станемъ вдаваться въ анализъ послѣдующихъ писемъ, относящихся къ выдѣленному сейчасъ періоду дѣятельности Гоголя, а также къ послѣднимъ годамъ его жизни (1848 — 1852): это будетъ умѣстнѣе въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ нами памяти Гоголя.

Полагаю, что и представленныхъ доселѣ выборокъ данныхъ и разборовъ присоединенныхъ г. Шенрокомъ объясненій этихъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, съ одной стороны, какой богатый и цѣнный матеріалъ содержится въ разсматриваемомъ изданіи, а съ другой—насколько, на ряду съ вѣрными и удачными наблюденіями надъ этимъ матеріаломъ, у г. Шенрока встрѣчаются замѣчанія, не совсѣмъ правильныя и не совсѣмъ удовлетворительныя какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ взглядѣ на личность Гоголя. Безъ сомнѣнія, послѣднему было присуще множество недостатковъ, но не все въ его характерѣ было такъ дурно и болѣзненно, какъ кажется многимъ, и иные изъ бросающихся въ глаза недостатковъ и странностей оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, необходимою принадлежностью высшаго духовнаго склада, какимъ былъ надѣленъ творецъ цѣлаго ряда дивныхъ художественныхъ созданій.

V.

Общее заключеніе объ изданіи г. Шенрока.

Идея труда г. Шенрока, задавшагося новымъ распредѣленіемъ, перепечаткою и объясненіемъ всѣхъ доселѣ изданныхъ писемъ Гоголя съ присоединеніемъ «нѣкоторыхъ, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ», заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ дорожащихъ успѣхами изученія великихъ русскихъ писателей XIX-го вѣка, въ ряду которыхъ Гоголь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но изданіе за-ново переписки Гоголя было сопряжено съ весьма многими затрудненіями по причинѣ разбросанности, указываемой самимъ г. Шенрокомъ «крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ», а также сложности работы по изданію писемъ, являющемуся во многомъ дѣломъ, отличнымъ отъ редактированія число литературныхъ произведеній писателя. Вслѣдствіе всего этого покойный издатель сочиненій Гоголя Н. С. Тихонравовъ не взялъ на себя столь нелегкаго дѣла по воспроизведенію писемъ этого поэта. Г. же Шенрокъ не убоялся трудностей. Къ сожалѣнію, выполненіе принятой имъ на себя важной задачи въ отношеніи къ письмамъ Гоголя далеко отъ безукоризненности и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться образцовымъ.

Г. Шенрокъ затратилъ, безъ сомнѣнія, много упорнаго труда на собираніе оригиналовъ писемъ, на провѣрку печатнаго текста ихъ и на хронологическое пріуроченіе тѣхъ изъ нихъ, которыя лишены даты, но не достигъ ни полноты въ своемъ изданіи, ни надлежащей точности, ни правильности въ объясненіяхъ. Повидимому, г. Шенрокъ посвятилъ этой работѣ не все то количество времени, какое было необходимо для успѣшнаго завершенія ея, и спѣшилъ. Оттуда отчасти небрежность въ провѣркѣ напечатанныхъ ранѣе текстовъ по оригиналамъ писемъ; оттуда утвержденія, либо слабо обоснованныя, либо прямо невѣрныя въ общихъ обзорахъ группъ, на которыя распредѣлены издателемъ письма Гоголя; оттуда, наконецъ, невѣрныя и сомнительныя пріуроченія нѣкоторыхъ изъ писемъ, не содержащихъ годовой даты. Прискорбнѣе всего, что издатель отнесся къ матеріалу, бывшему въ его распоряженіи, не какъ ученый, тщательно и точно воспроизводящій обнародываемые имъ документы, а какъ преподаватель словесности, усердно выправляющій ученическіе промахи въ стилѣ и правописаніи. Оттого иногда текстъ писемъ Гоголя, напечатанный г. Шенрокомъ, не можетъ быть признанъ воспроизведеннымъ съ соблюденіемъ правилъ научнаго обращенія съ источниками. Это тѣмъ досаднѣе, что, конечно, изданные

г. Шепрокомъ тексты писемъ сослужатъ долгую службу и будутъ настольною книгою при изученіи жизни, воззрѣній и творчества Гоголя, потому что въ письмахъ послѣдняго содержится наилучшее объясненіе многихъ особенностей въ ходѣ развитія этого великаго юмориста — обличителя пошлости человѣческой жизни и страстнаго провозвѣстника нравственнаго обновленія личности.

Въ виду всего этого слѣдуетъ признать изданіе г. Шенрока не вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ строгой научности, но, тѣмъ не менѣе, заслуживающимъ поощренія.

III.

Отзывъ объ изслѣдованіи привать-доцента Императорскаго Харьковскаго Университета А. П. Кадлубовскаго подъ заглавіемъ: Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, I—V (Варшава, 1902 г.), представленномъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе премій имени Ломоносова въ 1903-мъ году.

Ординарнаго академика Е. Е. Голубинскаго.

Очерки г. Кадлубовскаго посвящены двумъ группамъ житій русскихъ святыхъ и вообще русскихъ агіобіографическихъ сказаній; именно—во-первыхъ, такимъ житіямъ и сказаніямъ, легендарное содержаніе которыхъ, по его, Кадлубовскаго, мнѣнію, сложилось подъ вліяніемъ житій и сказаній греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ тѣхъ и другихъ; во-вторыхъ, такимъ житіямъ извѣстнаго періода времени, въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли. Первую группу составляютъ три житія и одинъ сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ; вторую группу составляютъ всѣ житія XV—XVI вѣковъ.

Три житія, легендарное содержаніе которыхъ, по мнѣнію г. Кадлубовскаго, сложилось подъ вліяніемъ житій греческихъ, а отчасти и прямо заимствовано изъ этихъ послѣднихъ житій,

суть: житіе преп. Аврамія Ростовскаго, имѣющее, по нему, своимъ греческимъ прототипомъ житіе преп. Аврамія Сирскаго; житіе Меркурія мученика Смоленскаго, имѣющее своимъ греческимъ прототипомъ житіе Меркурія мученика Кесарійскаго, и житіе Никиты столпника Переяславскаго, до нѣкоторой степени отражающее въ себѣ житіе Никиты епископа-мученика Готоскаго. Сборникъ сказаній, представляющій собою патерикъ, составленный по подобію патериковъ греческихъ, а отчасти, какъ думаетъ г. Кадлубовскій, и съ прямымъ изъ нихъ заимствованіемъ, есть патерикъ Волоколамскій.

Мы должны сказать, что относительно этой группы житій и патерика мы вовсе несогласны съ г. Кадлубовскимъ. Аврамію Ростовскому празднуется въ одинъ день съ Авраміемъ Сирскимъ (29-го октября), Меркурію Смоленскому празднуется въ одинъ день съ Меркуріемъ Кесарійскимъ (24-го ноября); Аврамію Ростовскому усвояется дѣяніе, сходное съ дѣяніемъ, которое совершено Авраміемъ Сирскимъ, а Меркурію Смоленскому усвояется дѣяніе, сходное съ дѣяніемъ, которое совершено Меркуріемъ Кесарійскимъ, — и у г. Кадлубовскаго является наклонность думать, что легенды русскихъ житій обязаны своимъ происхожденіемъ житіямъ греческимъ. Но празднованіе русскимъ святымъ въ одинъ день съ греческими святыми вовсе не указываетъ на то, чтобы житія первыхъ находились въ зависимости отъ житій вторыхъ, а значитъ то, что неизвѣстны дни кончины русскихъ святыхъ: у насъ было правиломъ, чтобы при неизвѣстности дня кончины святаго назначать память ему въ одинъ день съ какимъ-либо соименнымъ ему греческимъ святымъ. А что касается до усвояемыхъ русскимъ святымъ дѣяній, сходныхъ съ дѣяніями, которыя совершены были греческими святыми, то при сходствѣ въ общемъ дѣянія настолько не сходны въ подробностяхъ, что вовсе не указываютъ на зависимость разсказовъ объ однихъ изъ нихъ отъ разсказовъ о другихъ, такъ что сходство должно быть признано просто за случайное. Преп. Аврамій Сирскій обратилъ въ своей епископіи изъ язычества въ христіанство жителей од-

ного селенія; преп. Аврамій Ростовскій обратилъ изъ язычества въ христіанство часть жителей Ростова; это, конечно, сходство; но возьмите подробности разсказовъ объ одномъ и о другомъ дѣяніи, и вы увидите, что нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы разсказъ объ одномъ дѣяніи находился въ зависимости отъ разсказа о другомъ. Меркурій Кесарійскій поразилъ на войнѣ враговъ; то же сдѣлалъ и Меркурій Смоленскій; это опять, конечно, сходство; но возьмите опять подробности, и вы увидите еще большее отсутствіе какого-либо намека на зависимость разсказа объ одномъ дѣяніи отъ разсказа о другомъ дѣяніи. Въ житіи Аврамія Ростовскаго, правда, есть одна частность, общая съ житіемъ Аврамія Сирскаго: язычники, пока не обратилъ онъ ихъ въ христіанство, творили пакости его монастырю, какъ язычники сирскіе творили пакости самому Аврамію. Но что язычники творили пакости являвшимся среди нихъ проповѣдникамъ христіанства, доколѣ послѣдніе не обращали ихъ въ христіанство, это есть общее мѣсто въ житіяхъ святыхъ, занимавшихся проповѣдію христіанства язычникамъ (это, напр., говорится въ житіяхъ занимавшихся сейчасъ указанною проповѣдію русскихъ святыхъ Стефана Пермскаго и Трифона Печенгскаго).

Не согласны мы съ г. Кадлубовскимъ и относительно образованія обѣихъ легендъ, т. е. какъ Ростовской, такъ и Смоленской. Въ Ростовской легендѣ главное есть чудесное сокрушеніе преп. Авраміемъ идола Велеса, котораго чтили жители Чудскаго конца города Ростова, а откуда это главное, г. Кадлубовскій вовсе и не говоритъ. Необходимо думать, что чудесное возникло тутъ изъ естественнаго, — что Чудскій конецъ Ростова, т. е. конецъ его, въ которомъ жили коренные обитатели города, остававшіеся не обрусѣлыми мерянами и до XIV вѣка, когда жилъ преп. Аврамій, или совсѣмъ еще оставались язычниками и чтили камень, принимавшійся ими за ихъ бога Велеса, или что бывъ крещены, они оставались еще полуязычниками и продолжали чтить каменнаго Велеса вмѣстѣ съ Христомъ, и что преп. Аврамій такъ или иначе, или разбивъ, или закопавъ камень въ землю,

лишилъ язычниковъ или полуязычниковъ ихъ бога (въ сосѣднемъ съ Ростовомъ Переяславлѣ Залѣсскомъ, какъ сообщается въ сказаніи объ Иринархѣ Ростовскомъ, даже въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго пользовался отъ той или другой части жителей города суевѣрнымъ почитаніемъ, бывъ принимаемъ за жилище бѣса или какого-то языческаго бога, лежавшій въ одномъ оврагѣ большой камень, каковое почитаніе было прекращено тѣмъ способомъ, что камень былъ сваленъ въ выкопанную яму и засыпанъ). Что касается до жезла Іоанна Богослова, который, по легендѣ, чудесно принесенъ былъ Аврамію изъ Константинополя самимъ Іоанномъ Богословомъ, и которымъ онъ сокрушилъ идола Велеса, то мы, имѣя рѣшительную наклонность видѣть въ преп. Авраміи того игумена ростовскаго Аврамія Низкаго, который въ 1385-мъ году сопутствовалъ митр. Пимину въ Константинополь, понимаемъ дѣло такъ, что Аврамій принесъ изъ Константинополя копію или снимокъ съ находившагося тамъ и пользовавшагося тамъ почитаніемъ жезла Іоанна Богослова (можетъ быть, жезла Іоанна Предтечи, о которомъ имѣются положительныя свѣдѣнія и который потомъ почему-либо превращенъ былъ въ жезлъ Іоанна Богослова). Изъ нахожденія въ монастырѣ Авраміевомъ этой копіи жезла и могло возникнуть въ легендѣ сказаніе о доставленіи его Аврамію Іоанномъ Богословомъ и о сокрушеніи Авраміемъ при его помощи идола Велеса.

Что касается до Смоленской легенды, то г. Кадлубовскій понимаетъ дѣло такъ, что сначала Смольяне приписали свое чудесное спасеніе отъ полчищъ Батыя Меркурію Кесарійскому, а что потомъ созданъ былъ (подразумѣвается, фантазіей) и собственный Меркурій Смоленскій. Считая такое представленіе дѣла вовсе неосновательнымъ, мы полагаемъ, что легенда имѣетъ въ своей основѣ дѣйствительный фактъ, — что къ Смоленску подступалъ отдѣльный отрядъ изъ полчищъ Батыевыхъ, когда этотъ возвращался съ сѣвера Россіи на югъ, — что отрядъ былъ отраженъ смольянами, при чемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ,

главнымъ героемъ былъ преп. Меркурій, который въ битвѣ съ монголами сложилъ и свою голову. Относительно той частности въ легендѣ, что преп. Меркурій самъ принесъ въ Смоленскъ свою отрубленную голову, весьма правдоподобно объясненіе, даваемое г. Кадлубовскимъ по указанію одного французскаго ученаго, именно — что Меркурій, какъ мученикъ и въ знакъ того, что онъ мученикъ, былъ изображаемъ на иконахъ по обычаю западному, который могъ проникнуть въ близкій къ западу Смоленскъ, съ отрубленной головой въ рукахъ, и что это иконное символическое изображеніе и подало поводъ къ сочиненію той частности въ легендѣ, что онъ пришелъ въ Смоленскъ со своей отрубленной головой въ рукахъ. (Возможно, что и названіе Меркурія римляниномъ имѣетъ связь съ западнымъ, римскимъ, способомъ его изображенія на иконахъ).

Г. Кадлубовскій не поднимаетъ общаго вопроса о томъ, какъ образовывались и образуются легенды. Но если бы онъ задался этимъ общимъ вопросомъ, то едва ли бы усвоилъ житіямъ греческихъ святыхъ то значеніе въ образованіи легендъ о русскихъ святыхъ, которое онъ усвояетъ имъ, и, нужно думать, различалъ бы прямыя заимствованія, дѣланныя составителями житій нашихъ русскихъ святыхъ изъ житій греческихъ святыхъ, отъ вліянія послѣднихъ житій на образованіе легендъ о русскихъ святыхъ. Заимствованіе есть именно простое заимствованіе, а что касается до легендъ, то онѣ не являются какъ простое заимствованіе, а возникаютъ съ какихъ-нибудь поводовъ, представляемыхъ дѣйствительностью, и только при своемъ постепенномъ расширеніи въ объемѣ (при своемъ образованіи въ законченныя цѣлыя) могутъ быть дополняемы и распространяемы (украшаемы) частностями, откуда-либо заимствованными.

Относительно житій Никиты Готѳскаго и Никиты Переяславскаго самъ г. Кадлубовскій говоритъ, что въ общемъ они весьма отличаются одно отъ другаго. Но, утверждаетъ онъ затѣмъ, насильственная смерть сближаетъ до нѣкоторой степени обоихъ святыхъ, (а) въ большей степени сближаетъ ихъ борьба

съ діаволомъ. Однако насильственныя смерти одного и другаго не имѣютъ между собой ничего общаго по тѣмъ причинамъ, которыми онѣ обусловливались: Никита Готѳскій потерпѣлъ мученическую смерть за вѣру отъ язычниковъ; Никита Переяславскій потерпѣлъ насильственную смерть отъ разбойниковъ изъ-за мнимой драгоцѣнности его веригъ. Что касается до борьбы съ діаволомъ, то съ демоноборствомъ Никиты Готѳскаго, составляющимъ, какъ извѣстно, его нарочитое призваніе, г. Кадлубовскій сопоставляетъ два случая борьбы съ діаволомъ Никиты Переяславскаго. Но если на основаніи двухъ случаевъ борьбы дѣлать сопоставленіе, то нужно будетъ сопоставлять съ житіемъ Никиты Готѳскаго житія значительно многихъ русскихъ святыхъ, ибо въ житіяхъ значительно многихъ изъ нихъ найдется по два случая борьбы съ діаволомъ. Да и во всякомъ случаѣ г. Кадлубовскій не утверждаетъ того, чтобы два разсказа въ житіи Никиты Переяславскаго о борьбѣ его съ діаволомъ образовались подъ бóльшимъ или меньшимъ вліяніемъ разсказовъ, читаемыхъ въ житіи Никиты Готѳскаго. А если Никита столпникъ, подобно Никитѣ мученику, призывается иногда въ заговорахъ противъ діавола, то могли подать къ этому поводъ тѣ читаемыя въ его житіи два разсказа о торжествѣ его надъ діаволомъ, о которыхъ мы упомянули; а также возможно и то, что онъ смѣшивается съ Никитою мученикомъ. Что авторъ житія Никиты столпника знаетъ и помнитъ Никиту мученика и въ одномъ своемъ разсказѣ о побѣдѣ перваго надъ діаволомъ заставляетъ его обращаться съ молитвою ко второму, то, конечно, это никакъ не основаніе ставить сказанія объ одномъ въ зависимость отъ сказаній о другомъ. Совершенно естественно, что авторъ житія Никиты столпника заставляетъ его при вступленія въ борьбу съ діаволомъ обратиться съ молитвою о помощи къ нарочитому демоноборцу, каковъ Никита мученикъ.

Патерикъ Волоколамскій, содержащій, подобно патерикамъ греческимъ, во-первыхъ — нравоучительныя изреченія, усвояемыя преподобнымъ Пафнутію Боровскому и Іосифу Волоколам-

скому, во-вторыхъ — краткіе разсказы о замѣчательныхъ, наибольшею частію отличающихся характеромъ чудеснаго случаяхъ или происшествіяхъ, усвояемые тѣмъ же Пафнутію и Іосифу, г. Кадлубовскій далеко неосновательно ставитъ въ одну группу съ житіями, которыя написаны подъ вліяніемъ греческихъ житій и отчасти прямо заимствуютъ содержаніе изъ сихъ послѣднихъ (причемъ должно быть подразумѣваемо, какъ сейчасъ было говорено, что и самыя житія, которыя имъ указываются, къ группѣ этой не принадлежатъ). Что патерикъ Волоколамскій по своей формѣ представляетъ собой подражаніе патерикамъ греческимъ, это, конечно, есть фактъ несомнѣнный; объ этомъ прямо и ясно говоритъ и самъ составитель патерика. Но другое дѣло — его содержаніе, о которомъ у насъ въ данномъ случаѣ рѣчь. Чтобы своимъ содержаніемъ онъ болѣе или менѣе зависѣлъ отъ патериковъ греческихъ, иначе сказать — чтобы содержащіеся въ немъ разсказы о чудесныхъ случаяхъ представляли собой большее или меньшее воспроизведеніе разсказовъ, читаемыхъ въ патерикахъ греческихъ, проще говоря — чтобы нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе были заимствованы изъ патериковъ греческихъ, выписаны изъ послѣднихъ или «списаны» съ нихъ, утверждать это не представляется сколько-нибудь основательнымъ. Г. Кадлубовскій говоритъ: «A priori можно думать, что вліяніе (переводныхъ патериковъ) отразилось и на характерѣ и содержаніи разсказовъ русскаго патерика, что въ извѣстныхъ случаяхъ разсказы переводныхъ патериковъ являются прямымъ источникомъ для волоколамскихъ сказаній». Что вліяніе переводныхъ патериковъ отразилось на характерѣ разсказовъ русскаго патерика, т. е. что этотъ послѣдній составленъ изъ такихъ разсказовъ, которые по своему характеру шли именно въ патерикъ, это не только можно думать a priori, но самымъ положительнымъ образомъ извѣстно и a posteriori, изъ сличенія разсказовъ волоколамскаго патерика въ отношеніи къ характеру съ разсказами переводныхъ патериковъ. Но предполагать, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ разсказы переводныхъ патериковъ явля-

лись прямымъ источникомъ волоколамскихъ сказаній, иначе говоря — чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ воспроизводились въ волоколамскомъ патерикѣ разсказы переводныхъ патериковъ, какъ уже мы сказали, нѣтъ основаній, и именно нѣтъ основаній въ данномъ случаѣ или въ приложеніи къ патерику именно Волоколамскому. Чтобы былъ составленъ русскій патерикъ посредствомъ большей или меньшей выписки разсказовъ изъ патериковъ греческихъ, это, допустимъ, могло имѣть мѣсто и могло случиться. Но рѣшительнымъ образомъ невѣроятно думать этого относительно патерика Волоколамскаго. Онъ составленъ былъ въ средѣ людей, которые начитаны были въ переводныхъ патерикахъ и которые не потерпѣли бы, чтобы плагіатъ изъ переводныхъ патериковъ былъ усвояемъ преподобнымъ Пафнутію и Іосифу, отъ лица которыхъ передаются разсказы патерика. Г. Кадлубовскій говоритъ, что въ одномъ случаѣ онъ нашелъ совпаденіе въ подробностяхъ почти полное одного разсказа Волоколамскаго патерика съ однимъ патеричнымъ разсказомъ переводнымъ, свидѣтельствующее о пріуроченіи къ русской средѣ и обстановкѣ повѣсти, взятой изъ переводнаго патерика. Но чудесные и вообще замѣчательные чѣмъ-либо случаи, имѣвшіе мѣсто среди монаховъ греческихъ, весьма могли повторяться среди монаховъ нашихъ; и какое же основаніе предполагать заимствованный разсказъ о случаѣ, а не видѣть простое сходство его съ случаемъ греческимъ?—Монахи наши и подвижники наши видѣли свой образецъ въ монахахъ и подвижникахъ греческихъ; естественно, что съ ними могли повторяться случаи, имѣвшіе мѣсто съ монахами и подвижниками греческими.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Кадлубовскаго объ отношеніи патерика Волоколамскаго къ патерикамъ переводнымъ, мы должны принести ему благодарность за то, что онъ довольно подробно излагаетъ содержаніе нашего патерика. Читаемый въ единственной рукописи и въ наибольшей части своей остающійся не напечатаннымъ, патерикъ Волоколамскій доселѣ оставался очень мало извѣстнымъ по своему содержанію. Г. Кадлубовскому

мы обязаны тѣмъ, что теперь онъ становится достаточно извѣстнымъ.

Обращаемся къ другой группѣ житій, составляющихъ предметъ очерковъ г. Кадлубовскаго, именно—житій XV—XVI вв., въ повѣствованіяхъ которыхъ о святыхъ отображается то или иное нравственно-религіозное міровоззрѣніе и которыя такимъ образомъ представляютъ собою одинъ изъ источниковъ для изученія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли.

Въ продолженіе XV—XVI вѣковъ господствовали въ русскомъ монашествѣ два направленія религіозной мысли, родоначальными представителями которыхъ были преп. Іосифъ Волоцкій и преп. Нилъ Сорскій («іосифлянъ» и «заволжскихъ старцевъ»). Сообразно съ симъ, и въ житіяхъ святыхъ даннаго времени — два теченія, смотря по тому, къ которой сторонѣ принадлежали святой и его жизнеописатель, а именно—святые изображаются въ нихъ съ индивидуальнымъ нравственнымъ обличіемъ того или другого направленія. Показать, какими именно индивидуальными чертами того или другаго направленія изображается святой, и поставляетъ своею задачею г. Кадлубовскій, причемъ начинаетъ обзоръ житій нѣсколько съ предшествующаго образованію двухъ направленій житія преп. Сергія Радонежскаго, принадлежащаго Епифанію Премудрому, и ведетъ его до конца XVI вѣка, давая характеристики святыхъ изъ двадцати пяти житій.

Къ задачѣ, которую принялъ на себя г. Кадлубовскій, нельзя отнестись иначе какъ съ полнымъ одобреніемъ. Къ сожалѣнію, не можетъ быть сказано того же о выполненіи имъ задачи. Свои характеристики святыхъ онъ дѣлаетъ самъ отъ себя, вовсе не подтверждая себя документальными, такъ сказать, выписками подлежащихъ мѣстъ изъ житій; затѣмъ, эти характеристики у него очень уже общи и, можно сказать, поверхностны. Вслѣдствіе сего, во-первыхъ, читатель не можетъ освободиться отъ по-

дозрѣнія, что авторъ дѣлаетъ свои характеристики святыхъ, руководясь предзанятой мыслью, т. е. что онъ усвояетъ святому тѣ или иныя качества не столько на основаніи самаго житія, сколько по предзанятой мысли, что принадлежа къ такой-то сторонѣ, онъ долженъ былъ имѣть и такія-то качества. Во-вторыхъ, самыя характеристики очень уже однообразны и тусклы или блѣдны, такъ что невольно является мысль о безполезности ихъ множества, вполнѣ замѣнимаго тѣми общими характеристиками обоихъ направленій, которыя онъ даетъ въ своихъ выводахъ изъ разбора житій.

Эти выводы изъ разбора житій, т. е. именно житій второй группы, посвященные общимъ рѣчамъ о двухъ направленіяхъ религіозной мысли, господствовавшихъ въ средѣ нашего монашества въ продолженіе XV — XVI вѣковъ, подразумѣвается — Ниловомъ и Іосифовомъ, или заволжскихъ старцевъ и іосифлянъ, и трактующіе вопросъ о нихъ съ достаточной полнотой, не прибавляютъ чего-нибудь къ разработкѣ предмета со стороны фактической и не освѣщаютъ его какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, но тѣмъ не менѣе представляютъ экскурсъ о немъ, о которомъ должно отозваться не иначе, какъ съ похвалой.

Дѣлая общій отзывъ о сочиненіи, мы должны сказать, что, при нашемъ несогласіи во многомъ съ г. Кадлубовскимъ, мы тѣмъ не менѣе усердно привѣтствуемъ его изслѣдованіе, а его самого, какъ ученаго изслѣдователя. Г. Кадлубовскій взялъ на себя задачу изучить предметъ съ той его стороны, съ которой этотъ послѣдній доселѣ оставался не изученнымъ, и хотя ему, по нашему мнѣнію, не удалось пока выполнить задачи совсѣмъ удовлетворительно, но уже намѣреніе заслуживаетъ полнаго одобренія. Затѣмъ, долженъ быть принятъ во вниманіе очень большой трудъ, который положенъ авторомъ на изученіе его сложнаго и обширнаго предмета. Наконецъ, нельзя сказать о сочиненіи и того, чтобы оно ничего не давало. Въ первой половинѣ Очерковъ, какъ мы указывали, г. Кадлубовскій дѣлаетъ общеизвѣстнымъ дотолѣ малоизвѣстное содержаніе патерика Волоко-

ламскаго. А во второй половинѣ Очерковъ дается имъ и полное, *хотя и не въ желаемой степени отчетливое и обстоятельное, изслѣдованіе предмета*. Вообще мы находимъ, что г. Кадлубовскій вполнѣ заслуживаетъ быть удостоеннымъ за свое сочиненіе награжденія.

IV.

П. А. Сырку: Очерки изъ исторіи взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Софійскаго по единственной рукописи XVI в. Спб. 1901 г. Стр. 01—012+I—CCCXLVI+1—176.

Отзывъ профессора М. С. Дринова.

Означенная книга состоитъ изъ двухъ частей: а) изъ обширнаго *Введенія* и б) изъ текстовъ *службы* и пространнаго *Житія* св. Николая Софійскаго, а также *похвалы* ему и другимъ Софійскимъ мученикамъ. Названные тексты умѣстились на 160-ти страницахъ книги; что же касается Введенія, то оно поражаетъ своимъ внѣшнимъ объемомъ, занимая 346 страницъ.—Почтенный авторъ первоначально думалъ ограничиться въ немъ лишь описаніемъ *Софійскаго Кодекса,* въ которомъ сохранились изданные имъ тексты, и литературнымъ обзоромъ этихъ текстовъ. Но потомъ, въ виду того, что Софійскій Кодексъ, составленный въ болгарской странѣ, писанъ сербскимъ правописаніемъ, онъ счелъ нужнымъ разъяснить и этотъ вопросъ въ своемъ Введеніи, въ которомъ вслѣдствіе этого появилась громадная, въ 175 страницъ, вставка подъ именемъ Очерковъ изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Очерки эти, писанные, нужно сказать, довольно поспѣшно и при какихъ-то «тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ», далеки отъ совершенства, чтò признаетъ и самъ авторъ (09—010). Въ нихъ лишь слегка затронуты существенныя стороны

весьма сложнаго и любопытнаго, но мало изслѣдованнаго еще вопроса, а явленіямъ частнымъ и болѣе или менѣе уже выясненнымъ отведено слишкомъ много мѣста. — Болѣе двухъ третей этихъ очерковъ посвящено хорошо извѣстнымъ трудамъ болгарскаго философа Константина Костенчскаго и Владислава Грамматика. Особенно долго профессоръ Сырку останавливается на сочиненіи Константина о *письменехъ* и излагаетъ его содержаніе, пользуясь при этомъ относящимися сюда прекрасными изслѣдованіями и объясненіями академика Ягича. Нашъ авторъ пытался тутъ объяснить и нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ этого сочиненія, которыя оставлены г-мъ Ягичемъ безъ объясненія, но эту попытку его нельзя назвать удачною. Такъ, напр., Константинъ, обличая нѣкоторые *еретическіе* обычаи, господствовавшіе въ его время между христіанами Сербіи, упоминаетъ въ числѣ такихъ обычаевъ и какое-то *по црквах Божіих разрушеніе на въскрсеніе*. Проф. Ягичъ отказался отъ объясненія этого мѣста, замѣтивъ: «въ чемъ именно заключалось это разрушеніе, для меня не ясно». Нашъ же авторъ нашелъ возможнымъ объяснить дѣло такъ: «по всей вѣроятности, говоритъ онъ, Константинъ имѣлъ въ виду здѣсь обычай стрѣлять въ церквахъ (?) въ особенно торжественные дни, обычай, существующій и по нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православнаго востока и между прочимъ на Балканскомъ полуостровѣ». Такое объясненіе оказывается, однако, невозможнымъ уже потому, что около 1420 года, когда было писано занимающее насъ обличеніе, у сербскихъ поселянъ, да и у горожанъ не имѣлось еще ручного огнестрѣльнаго оружія, каковымъ стрѣляютъ теперь въ нѣкоторыхъ православныхъ странахъ въ торжественные дни.

На основаніи своихъ изслѣдованій грамматической части сочиненія Константина, г. Сырку утверждаетъ, что этимъ сочиненіемъ Константинъ выработалъ *ресавскій* изводъ сербской редакціи, который распространился на Срѣдецкую область, на сѣверную Македонію и пр.—Намъ кажется, что это утвержденіе было бы ближе къ истинѣ, если бы въ немъ говорилось не о ре-

савскомъ изводѣ, а лишь о правописной реформѣ Константина, касавшейся только внѣшней стороны славянской письменности, т. е. графики. Что касается ресавскаго извода, о которомъ съ похвалою отзывались старые наши книжники, то онъ, повидимому, отличался, главнымъ образомъ, исправностію текстовъ, приготовленіемъ которыхъ занимались по побужденію Деспота Стефана Лазаревича сначала аѳонскіе монахи (знаменитый Григорій, болгаринъ Герасимъ и пр.), а затѣмъ и тѣ просвѣщенные иноки, которыми названный ученолюбивый Деспотъ постарался населить построенный имъ Ресавскій монастырь. Занимался ли и Константинъ изготовленіемъ такихъ исправныхъ текстовъ, мы не знаемъ, какъ не знаемъ даже и того, жилъ ли онъ въ Ресавскомъ монастырѣ. — То обстоятельство, что Константинъ полемизируетъ постоянно съ бѣлградскими писателями, даетъ поводъ думать, что онъ пребывалъ большею частію въ Бѣлградѣ.

Владиславу Грамматику профессоръ Сырку также посвятилъ немало страницъ, болѣе сорока, но прибавилъ немного новаго къ тому, что уже было извѣстно изъ трудовъ Даничича, Неофита Рильскаго, Иречка, проф. Сперанскаго и др. — Онъ тоже, какъ и только что названные его предшественники, останавливается лишь на хорошо извѣстныхъ двухъ сборникахъ, писанныхъ Владиславомъ въ 1469 и 1479 г. въ Жеглиговской (Кумановской) области сѣверной Македоніи. Ему остался неизвѣстнымъ третій подобный же трудъ Владислава, снабженный драгоцѣнною записью, гласящей такъ: «въ лѣто 6965 (= 1457) Владислав діак писа сію книгу от Нового брьда». Памятникъ этотъ, хранящійся въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета, сдѣлался извѣстнымъ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ изъ «Описанія рукописей В. И. Григоровича», составленнаго проф. Мочульскимъ. Сообщенныя тутъ краткія выдержки изъ него помогли бы нашему автору нѣсколько разобраться въ цѣломъ рядѣ затронутыхъ имъ, но оставленныхъ безъ отвѣта вопросовъ касательно личности Владислава, его научнаго ценза, литератур-

ныхъ пріемовъ и пр. — Онъ бы нашелъ тутъ и нѣкоторое подтвержденіе одному своему мнѣнію, касающемуся отношенія Владислава къ Константину философу. Года три тому назадъ профессоръ Сперанскій, указывая на сходство графики Владислава и Константина, усматривалъ тутъ несомнѣнное доказательство того, что оба эти писателя являются представителями одной и той же орѳографической школы. Нашъ же авторъ не соглашается съ мнѣніемъ г-на Сперанскаго и нѣсколько иначе объясняетъ указанное сходство, полагая, что Владиславъ былъ ученикомъ Константина. Это положеніе, не подтвержденное имъ сколько-нибудь убѣдительными данными, получаетъ значительную поддержку въ указанной записи Одесскаго памятника, изъ которой узнаемъ, что Владиславъ былъ родомъ изъ *Нова брда* и что въ 1457 г. онъ уже занимался перепискою книгъ. Послѣдняя дата даетъ поводъ думать, что отроческіе годы Владислава совпадали со временемъ учительской и писательской дѣятельности Константина въ Сербіи, въ предѣлахъ которой, нужно припомнить, тогда находился и родной городъ Владислава.

Указанныя несовершенства занимающихъ насъ здѣсь *Очерковъ* искупаются приведенными въ концѣ ихъ выписками изъ множества памятниковъ рукописныхъ собраній Рильскаго монастыря, св. Синода болгарской церкви и Болгарской Народной Библіотеки, выписками, на основаніи которыхъ авторъ доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что правописаніе Константина Костенчскаго было очень распространено въ западныхъ болгарскихъ странахъ въ XV—XVII вѣкахъ и что главными центрами духовнаго просвѣщенія въ названныхъ странахъ были тогда Рильскій монастырь и города Софія и Кратово. Сказанное тутъ о Софіи можно было бы подтвердить и свидѣтельствомъ ученаго нѣмецкаго богослова Ст. Герлаха, который путешествовалъ по Балканскому полуострову и жилъ тамъ между 1575—1578 г. — Въ своемъ дневникѣ Герлахъ два раза указываетъ, что въ Софіи существовали двѣ славянскія школы, въ которыхъ получала свое образованіе большая часть священниковъ Софій-

ской епархіи. Одного такого софійскаго питомца онъ встрѣтилъ и въ селѣ Вѣтренѣ, находившемся въ Самоковской епархіи, которая была отдана незадолго передъ тѣмъ извѣстнымъ визиремъ Мехмедомъ Соколовичемъ сербскому патріаршеству, тогда же и возстановленному названнымъ визиремъ.

Переходя къ первоначальнымъ, основнымъ частямъ *Введенія*, мы можемъ сказать, что онѣ отдѣланы весьма старательно и съ знаніемъ дѣла. Прежде всего тутъ представлено обстоятельное описаніе *Софійскаго Кодекса* со стороны его содержанія и палеографическихъ особенностей, а также особенностей языка фонетическихъ, морфологическихъ и словарныхъ. Въ этомъ описаніи собрано и объяснено множество фактовъ, нерѣдко весьма интересныхъ. Только немногія изъ относящихся сюда объясненій автора даютъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ. Такъ же старательно и умѣло обработанъ и литературный обзоръ изданныхъ авторомъ памятниковъ. Въ этомъ обзорѣ профессору Сырку приходилось имѣть дѣло не только съ чисто историко-литературными темами, касающимися авторовъ только что названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ же софійскихъ памятниковъ (Матѳея Грамматика, попа Пѣя и пр.), но и съ указаніями культурно-историческаго и политическаго свойства. Эти указанія, каковыми очень богато житіе св. Николая Софійскаго, касаются внутренней жизни Софіи, одного изъ самыхъ большихъ болгарскихъ городовъ XVI вѣка, отношеній между христіанскими и магометанскими жителями этого города, сношеній между Болгаріею и Валахіею, положенія вещей въ Валахіи, поведенія тогдашнихъ ея правителей-воеводъ, отношенія послѣднихъ къ турецкому правительству и пр. Весь этотъ матеріалъ заботливо и не безуспѣшно объясненъ и освѣщенъ авторомъ, насколько это было возможно. Изъ менѣе удачныхъ его объясненій въ этомъ отдѣлѣ мы тутъ позволимъ себѣ отмѣтить лишь то, въ которомъ доказывается, что св. Николай былъ албанскаго происхожденія. По нашему мнѣнію, доводы автора по этому вопросу построены на весьма шаткихъ основахъ.

При изданіи текстовъ авторъ придерживался строго научнаго пріема, старался воспроизвести ихъ съ полною точностью и съ сохраненіемъ всѣхъ надстрочныхъ знаковъ. Кромѣ того, онъ отмѣчалъ старательно листы рукописи съ лицевой и оборотной стороны цифрами на поляхъ, чтобы можно было легко провѣрить его печатное изданіе текста съ рукописнымъ.—За неимѣніемъ подъ рукою Софійскаго Кодекса мы лишены были возможности заняться такою провѣркою, но имѣемъ основанія думать, что памятники изданы хорошо, съ возможною точностью.

Открытіемъ, изданіемъ и объясненіемъ этихъ важныхъ и по языку, и по содержанію памятниковъ профессоръ Сырку оказалъ существенную услугу исторіи южно-славянской письменности XVI-го вѣка и, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ награжденія преміею имени графа Д. А. Толстого.

V.

В. Н. Перетцъ: Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. СПб. 1899. II. Къ исторіи Лунника. Введеніе и славянскіе тексты. Дополненія къ исторіи Громника и указатели къ вып. I и II. СПб. 1901.

Рецензія академика А. И. Соболевскаго.

I.

Авторъ задался очень скромной задачей — дать нѣкоторое количество матеріаловъ для изученія апокрифическихъ, какъ онъ называетъ, или гадательныхъ, какъ мы бы предпочли называть, книгъ православнаго славянства, съ прибавленіемъ вводныхъ статей, знакомящихъ съ этими книгами, и нѣкоторыхъ выводовъ. Ни на полноту, ни на широкое изученіе онъ не претендуетъ, предоставляя это будущему. Отсюда почти полное отсутствіе греческаго матеріала; авторъ не пользуется даже новѣйшимъ Catalogus codicum astrologorum graecorum[1]). Отсюда же игнорированіе вопросовъ о времени происхожденія греческихъ текстовъ и ихъ перевода на церковно-славянскій языкъ и о судьбахъ славянскихъ текстовъ. Отсюда же наконецъ слабость его попытокъ исправить и вообще привести въ удобопонятный видъ интересующіе его тексты. Такимъ образомъ, вниманіе автора со-

1) Catalogus codicum astrologorum. I. Codices Florentinos descripsit A. Olivieri. II. Codices Venetos descripserunt G. Kroll et A. Olivieri. III. Codices Mediolanenses descripserunt Ae. Martini et D. Bassi. Bruxellis, 1898—1901.

средоточивается на матеріалахъ. Должно отдать ему справедливость: онъ издалъ рядъ очень цѣнныхъ текстовъ, дающихъ много новаго. Именно, мы находимъ у него: 1) три Громника изъ молдавской рукописи XV—XVI в. собранія Григоровича (I, стр. 54 сл.), два Громника изъ сербскаго Часослова конца XV в. Іерусалимской Патріаршей библіотеки (II, стр.150 сл.) и два Громника изъ русскаго Лѣчебника Имп. Публичной библіотеки (II, стр. 153—154); 2) Лунникъ изъ западно-русскаго сборника 1483 г. Кіевскаго Михайловскаго монастыря (II, стр. 62 сл.), Лунникъ изъ русскаго сборника XV в. Имп. Публичной библіотеки (II, стр. 92 сл.), Лунникъ по русскому списку XVIII в. Кіевской Духовной Академіи (II, стр. 125 сл.), два Лунника изъ упомянутаго уже сербскаго Часослова (II, стр. 132 сл.); сверхъ всего этого, нѣсколько мелкихъ статей и выписокъ. Конечно, можно бы къ изданнымъ у него текстамъ прибавить еще нѣсколько, напримѣръ, три Громника и Лунникъ изъ сербскаго сборника попа Драголя XIII в., очень важные уже по своей древности[1]), и Лунникъ изъ западно-русскаго сборника Виленской Публичной библіотеки половины XVI в. № 222, дающій рядъ полезныхъ варіантовъ къ Луннику 1483 г.; но занятія рукописнымъ славянскимъ матеріаломъ русскихъ и не-русскихъ библіотекъ представляютъ такъ много разныхъ затрудненій и неудобствъ, что пока невозможно требовать какой бы то ни было полноты.

II.

В. Н. Перетцъ дѣлитъ дошедшіе до насъ славянскіе тексты Громника на шесть редакцій (II, стр. 156).

Къ первой редакціи онъ относитъ тѣ коротенькіе русскіе тексты, которые даютъ предсказанія смотря по тому, откуда

1) Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, М. 1888, стр. 11—13. — *Споменик* Сербской Академіи, вып. V, 1890 г., стр. 5—7.—Сборникъ попа Драголя, прежде составлявшій собственность профессора П. Сречковича, теперь находится въ библіотекѣ Сербской Академіи.

(съ востока, запада и т. д.) слышится громъ. По его мнѣнію (I, стр. 42), этотъ текстъ — сокращеніе или извлеченіе изъ болѣе обширнаго памятника. Дѣйствительно, это — несомнѣнное извлеченіе, само по себѣ имѣющее мало смысла (не указано время гремѣнія); всего скорѣе, оно взято изъ гадательной статьи о новолѣтіи (срв. у В. Н. Перетца I, стр. 67) или о Рождествѣ Христовѣ (=Колядника или Коледарника).

Второю редакціею онъ называетъ коротенькій русскій текстъ, изданный въ *Кіевской Старинѣ* 1892 г., № 3, по южно-русскому списку половины XVIII в., съ заглавіемъ: Преданіе о громѣ *Моисея Громовидца*. По его мнѣнію (I, стр. 38), это — или извлеченіе изъ большого Громника, или самостоятельный памятникъ, переведенный съ греческаго. Повидимому, вѣроятнѣе смотрѣть на эту редакцію какъ на текстъ, возникшій уже на русской почвѣ на основаніи другой или даже другихъ редакцій.

Третьею редакціею авторъ называетъ поздній русскій текстъ Громника медицинскаго характера (II, 153). Въ немъ указываются примѣты, повидимому, только на 1-ое число мѣсяца [1]). Вѣроятно, этотъ Громникъ — сокращеніе какого-то неизвѣстнаго большого Громника.

Четвертую редакцію, по автору, представляютъ тексты Громника, осложненные добавленіями изъ Лунника или изъ Лунника и Сейсмологія (II, 156). Кажется, эту редакцію необходимо раздѣлить по крайней мѣрѣ на двѣ подредакціи. Одна изъ нихъ — молдавскій Громникъ, изданный въ двухъ варіантахъ В. Н. Перетцемъ въ I выпускѣ, стр. 54, 56. Другая — сербскій Громникъ, изданный во II выпускѣ, стр. 151—152 [2]). Дѣйствительно, всѣ эти тексты связаны съ Лунникомъ, въ нихъ есть данныя изъ Сейсмологія, но они настолько отличны другъ отъ друга, что мы затрудняемся предположить для нихъ одинъ греческій оригиналъ.

1) Сравни сербскій Громникъ у В. Н. Перетца во II выпускѣ, стр. 150.

2) Третью мы видимъ въ коротенькомъ Громникѣ (въ связи съ фазами луны) рукописи Чешскаго Музея (Шафарика) № 14, л. 179.

Пятая редакція, по В. Н. Перетцу,—тотъ молдавскій Громникъ, который изданъ имъ въ I выпускѣ, стр. 60 — 80. Дѣйствительно, онъ — нѣчто вполнѣ отличное отъ другихъ Громниковъ. Въ немъ во 1) силенъ политическій элементъ и во 2) много названій народовъ и городовъ. Судя по многочисленнымъ упоминаніямъ о персахъ, саракинахъ, Египтѣ, Палестинѣ[1]), судя по тому, что египетскій царь отличается отъ саракинскаго царя (стр. 77), греческій оригиналъ сербскаго текста долженъ быть много старше XV в., къ которому относится единственный дошедшій до насъ сильно искаженный[2]) и въ нѣсколькихъ мѣстахъ интерполированный списокъ. Авторъ не сомнѣвается, что этотъ Громникъ переведенъ съ греческаго языка. Конечно, греческія слова *евтинія*, *кефалія*, на которыя онъ указываетъ какъ на доказательство, имѣютъ мало значенія при существованіи ихъ въ южно-славянскихъ живыхъ языкахъ и при сильномъ подновленіи текста; но данныхъ въ пользу западнаго происхожденія нѣтъ. Упоминанія о персахъ, саракинахъ и пр., при отсутствіи интереса къ Царьграду и царскому дворцу, позволяютъ предполагать, что греческій оригиналъ получилъ окончательную обработку гдѣ-нибудь въ Малой Азіи или (въ виду очень частыхъ упоминаній о разбойникахъ) на одномъ изъ острововъ Архипелага.

Къ шестой редакціи В. Н. Перетцъ относитъ тотъ Громникъ, который изданъ И. В. Ягичемъ въ X книгѣ загребскихъ Starin'ъ (стр. 119). По его словамъ, это — Громникъ «сводный изъ одной изъ первыхъ двухъ редакцій» (?). Но напечатанный И. В. Ягичемъ на стр. 119 Starin'ъ текстъ — тотъ самый, который дошелъ въ особенно большомъ числѣ списковъ сербскихъ и русскихъ и изданъ Тихонравовымъ въ «Памятникахъ отреченной русской литературы», II, стр. 363—366, 369—374, Архангельскимъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и словесн. Имп.

1) Любопытно упоминаніе о *Бабыльской* землѣ (стр. 66, 69, 77). Повидимому, это — *земля Вавилонская*.

2) Не разъ *колибица* вмѣсто *кобылица* = кобылка, и т. п.

Ак. Наукъ», т. IV (1899), и Новаковичемъ въ «Пример'ахъ књижевности и језика старога и српско-словенскога», стр. 524, 526 [1]). Его особенности: 1) связь грома съ знаками зодіака (передъ Громникомъ обыкновенно находится статья, указывающая простецу читателю, какіе дни мѣсяца какому знаку зодіака принадлежатъ; Тихонравовъ, II, стр. 361; Архангельскій; Ягичъ; Новаковичъ, стр. 526 прим.), и 2) принадлежность «Ираклію царю» (Тихонравовъ, II, стр. 361, 369; Новаковичъ, стр. 524; Соколовъ, стр. 13) или «Ираклію царю перскому» (Увар. № 1865 [2]); Рум. Муз. № 1558; Тверск. Муз. № 131). Греческій оригиналъ, можетъ быть, до насъ дошелъ; во всякомъ случаѣ въ одной парижской рукописи отмѣченъ «Βροντολόγιον τῶν ιβ' ζῳδίων συνταχθὲν ὑπὸ Ἡρακλείου βασιλέως ἐκ τῆς ἀστρῴας κινήσεως» (I. L. Lydi Liber de ostentis, edid. C. Wachsmuth, 1863 г., стр. XXXII) и въ одной аѳонской *пергаменной* рукописи указанъ Громникъ съ тѣмъ же именемъ автора (*Труды Кіевской Дух. Акад.* 1861 г., т. III, стр. 232 [3])). Судя по интересу къ Царьграду, царствующему граду, царскому двору, царю, этотъ Громникъ получилъ окончательную редакцію въ Царьградѣ, въ придворныхъ сферахъ. Переводъ его на церковно-славянскій языкъ долженъ быть отнесенъ ко времени не позднѣе XII в. (старшій списокъ, сборникъ попа Драголя, — XIII в.). Этотъ Громникъ, по нашему мнѣнію, совершенно отличенъ отъ другихъ и не можетъ быть названъ сводныиъ.

Должно замѣтить, что В. Н. Перетцемъ оставленъ безъ вниманія Громникъ («Крговникъ всему лѣту»), изданный Архангельскимъ въ цѣломъ видѣ и Радченкомъ изъ средне-болгарскаго

1) Онъ же въ сербскихъ рукописяхъ Чешскаго Музея (Шафарика) № 11, л. 142 об., и № 14, л. 176.

2) Изданъ Тихонравовымъ (II, стр. 372) безъ заглавія.

3) Нѣсколько сходенъ съ этимъ Громникомъ Громникъ въ одномъ миланскомъ сборникѣ XVI в., приписываемый Льву Мудрому, окончательная редакція котораго, судя по намекамъ на войну съ болгарами и Варду Склира, относится къ X—XI в. *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, III. Codices Mediolanenses, стр. 4, 25 сл.

сборника 1337—1355 г., собранія Яцимирскаго, въ отрывкѣ, съ сильнымъ политическимъ элементомъ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ изданныхъ Громниковъ. Судя по упоминаніямъ объ Египтѣ, Аравитской землѣ, Вавилонѣ и отсутствію намековъ на Царьградъ, его греческій оригиналъ, довольно древній, — малоазіатскаго происхожденія. Этотъ Громникъ можетъ быть названъ седьмой редакціей [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее ознакомленіе съ библіографически уже извѣстными текстами дастъ намъ еще по крайней мѣрѣ одну редакцію Громника [2]).

Теперь нѣсколько мелкихъ замѣчаній о Громникѣ.

Перечисляя списки Громника, В. Н. Перетцъ упоминаетъ о сборникѣ Чешскаго Музея *около 1390 г.* (I, стр. 33). Дѣйствительно, бывшій собственникъ этого сборника Шафарикъ относилъ его къ этому году; но уже И. В. Ягичъ, издавшій изъ него нѣсколько статей въ Starin'ахъ, книга X, отнесъ его къ половинѣ XV в., а составитель описанія рукописей Шафарика М. Н. Сперанскій готовъ отнести его къ еще болѣе позднему времени. Дѣйствительно, Ходошскій сборникъ (№ 14, не разъ указанный нами выше) относится только къ XVI в.

У автора указаны, какъ разные тексты, три Громника собранія Григоровича (Румянц. Музея) и Громникъ, «списанный Ундольскимъ съ болгарскаго подлинника принадлежавшаго проф. В. И. Григоровичу» (I, стр. 34). Списокъ Ундольскаго сдѣланъ именно съ той рукописи Григоровича, которая теперь находится въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Собирая данныя по исторіи Громника на русской почвѣ, авторъ упустилъ изъ виду очень важное упоминаніе объ этой

---

1) В. Н. Перетцъ не воспользовался также Громникомъ въ сербскомъ сборникѣ Вѣнской Придворной библіотеки, описаннымъ А. Н. Пыпинымъ въ его статьѣ въ «Архивѣ» Калачова, вып. I, 1860—1861 г.

2) Объ обиліи греческихъ текстовъ Громника и другихъ гадательныхъ книгъ см. I. L. Lydi Liber de ostentis, edid. C. Wachsmuth, 1863 г., стр. XXXIII прим. — Не изданный ранѣе текстъ Лидійца Περὶ βροντῶν увидѣлъ свѣтъ въ *Byzant. Zeitschrift*, т. V, статья Wünsch'a.

статьѣ въ русскомъ поученіи, изданномъ Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ», IV, стр. 105. Поученіе взято имъ изъ Софійскаго сборника конца XIV в. № 1262, повидимому псковского происхожденія, но написано, судя по языку, значительно раньше, можетъ быть въ XII в. Впрочемъ, нельзя ручаться, что мѣсто, гдѣ говорится о Громникѣ, принадлежитъ составителю поученія.

III.

Издавая матеріалы по исторіи Лунника, В. Н. Перетцъ не совсѣмъ ясно опредѣлилъ свою задачу. Онъ говоритъ о гадательномъ Лунникѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова, говоритъ о другихъ гадательныхъ статьяхъ, спеціально посвященныхъ лунѣ, но сверхъ того, предлагаетъ рядъ отрывковъ изъ русскихъ книгъ астрологическаго содержанія вообще, въ которыхъ луна играетъ значительную роль. Между тѣмъ какъ Лунникъ восходитъ къ греческому оригиналу, астрологическія книги, обращавшіяся въ Россіи, въ значительномъ большинствѣ — западно-европейскаго происхожденія. Нельзя сказать, чтобы такое смѣшеніе разнородныхъ текстовъ, не снабженное необходимыми объясненіями, служило къ разъясненію исторіи Лунника.

Авторъ относитъ къ одной редакціи всѣ подробные тексты Лунника (II, стр. 157). Но по его мнѣнію, русскіе списки съ одной стороны и южно-славянскіе съ другой «представляютъ различные переводы съ разныхъ оригиналовъ, хотя и сходныхъ вслѣдствіе принадлежности къ одной редакціи». Мы думаемъ, что отношенія этихъ списковъ нѣсколько иныя. Нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ русскихъ первоначальный церковно-славянскій текстъ сохранившимся въ неприкосновенности. Такіе памятники, какъ Лунникъ, имѣвшій нѣкоторое практическое значеніе, постоянно измѣнялись читателями, всего болѣе въ языкѣ, въ цѣляхъ ясности и удобопримѣнимости. Отсюда разница между списками великорусскимъ (у Тихонравова), и бѣлорусскимъ (у автора и въ рукописи Виленской Публичной библіотеки, упомянутой

нами выше), отсюда же разница между этими списками и сербскими. Послѣдніе представляютъ не только измѣненный первоначальный церковно-славянскій переводъ, но и сильно сокращенный; тѣмъ не менѣе въ нихъ есть рядъ фразъ и словъ тѣхъ же, что въ русскихъ спискахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

1-й день луны. И русскіе и сербскіе списки имѣютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ однѣ и тѣ же фразы: «на путь ходити», «егда сонъ видить, въ радость ей будеть» (русск.), «аще ли сьнь видиши, радость имать» (сербск.).

3-й день луны. И тѣ и другіе списки имѣютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ: «осуженаго ради Каина» (русск. у Тихонр.), «осужденаго Каина» (сербск.).

6-й день луны. Начало: «Невродъ родися, стрелецъ родися и ловецъ» (русск., Вил. Публ. б.), «(Не)врать родисе стрѣльць и ловьць» (сербск.).

Итакъ, мы считаемъ всѣ списки Лунника восходящими къ одному церковно-славянскому переводу. В. Н. Перетцъ говоритъ о большой древности перевода Лунника; онъ находитъ въ немъ даже моравизмы (II, стр. 157). Дѣйствительно, въ спискахъ есть такія рѣдкія церковно-славянскія слова, какъ *пещера* въ значеніи: печь (Тихонр., 27-й день), *кыпръ* (Тих., 13-й день), *рѣснота*, *рѣснотивъ* (Кіевск. сп., 8-й и 7-й дни), *сонъмъ* собраніе, *орудіе* дѣло, *бѣденъ* несчастливъ; слово *рѣчь* одинъ разъ употреблено повидимому съ значеніемъ дѣло: (жена) во всѣхъ рѣчехъ полезна (Кіевск., 17-й день).

Греческій оригиналъ Лунника указанъ въ одной флорентинской рукописи, съ заглавіемъ: «Περὶ τῶν ἡμερῶν τῆς σελήνης», и съ начальными словами: «Ἡμέρα α΄ τῆς σελήνης Ἀδὰμ ἐπλάσθη» [1]).

В. Н. Перетцъ не останавливается на именахъ тѣхъ лицъ, которымъ приписывается Лунникъ; а одно изъ нихъ заслужи-

1) *Catalogus codicum astr. graec.*, II, стр. 74. Другой текстъ Лунника, изъ миланской рукописи XIII в., изданъ цѣликомъ въ *Catalogus*, III, стр. 32. Въ немъ еще сохраняются классическія имена (иногда рядомъ съ библейскими). Такъ, въ 6-й день луны «Ἄρτεμις ἐγεννήθη, Νεβρὼδ ἐγεννήθη», въ 7-й «Ἀπόλλων ἐγεννήθη ἐκ Διός, Κάϊν τὸν ἴδιον ἀδελφὸν ἐφόνευσεν».

ваетъ вниманія. Это имя *Филона нѣкоего* въ текстѣ Флоринскаго (судя по всему XVII в.). Трудно сказать, что это за лицо; но не мѣшаетъ отмѣтить, что въ русскихъ лѣчебникахъ, въ спискахъ XVI и XVII вв., мы встрѣчаемъ статью «*Филона врача* и Упократія[1]), седми верстъ рече быти человѣку...» (Публ. библ. О. I. 64, XVI в., л. 168; Син. библ. № 481, XVII в., л. 31), переведенную съ греческаго и притомъ въ древности.

Мы не желаемъ останавливаться, вслѣдъ за В. Н. Перетцемъ, на мелкихъ гадательныхъ статьяхъ о лунѣ. Кажется, достаточно упомянуть о слѣдующемъ: оставшаяся ему неизвѣстною статья съ предсказаніями исхода болѣзни въ сборникѣ попа Драголя (Соколовъ, стр. 12) имѣетъ сходство съ греческою статьею миланскаго сборника XIII в. (см. выше, стр. 119, прим.), изданною въ *Catalogus* III, стр. 39 — 40. Онъ умалчиваетъ объ очень своеобразной статьѣ о пусканіи крови и др., изданной М. И. Соколовымъ, по Софійскому сборнику XVI в. № 1462, въ *Живой Старинѣ* 1891 г., № 3, стр. 214—215; повидимому, она вполнѣ русскаго происхожденія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о *скарѣ*.

В. Н. Перетцъ нашелъ его въ календарныхъ (не гадательныхъ) Лунникахъ, обычныхъ въ старопечатныхъ книгахъ XVI и XVII вв. «Не есть ли это, спрашиваетъ онъ (II, стр. 141),— оригиналъ таинственнаго *Схаріи*, котораго считаютъ проповѣдникомъ и насадителемъ ереси жидовствующихъ?» Этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, можно разрѣшить только въ отрицательномъ смыслѣ. Прежде всего, въ Лунникахъ старопечатныхъ книгъ иногда говорится о «скарѣ Дамаскиновѣ», т. е. Іоанна Дамаскина[2]); затѣмъ въ львовскомъ Ирмолоѣ 1700 г. (а вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ книгахъ) мы читаемъ: «скара альбо реестръ». Дѣйствительно, *скара* есть не что иное какъ позднее греческое *σχάρα*, перешедшее къ южнымъ славянамъ.

1) Послѣднее слово, безъ сомнѣнія, = греч. Ἱπποκράτειος, принадлежащій къ школѣ Гиппократа.

2) Въ цетинской Псалтыри 1495 г.: «Пасхаліа с луновникомь... сложенное от *скары Дамаскиновы*».

VI.

Отзывъ о сочиненіи М. Азбукина: «Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ XI—XIV вѣка» (Варшава, 1898), представленномъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе преміи графа Толстого.

Ординарнаго академика Е. Е. Голубинскаго.

Брошюра или книжка г. Азбукина по своему содержанію есть не очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества, а нѣчто другое.

Обладая нерядовою способностью противорѣчить самому себѣ, г. Азбукинъ сначала говоритъ, что духовенство наше усиленно вело литературную борьбу съ остатками язычества (ст. II 394), а потомъ, — что борьбы этой не было, по причинѣ непосильности ея для нашего духовенства. Правду или неправду составляетъ послѣднее, но дѣйствительно неизвѣстно ни памятниковъ борьбы, ни свидѣтельствъ о ней. А при неизвѣстности памятниковъ борьбы и свидѣтельствъ о ней, само собою разумѣется, не могло быть написано и ея очерка.

Судя по заглавію брошюры, надлежало бы ожидать, что г. Азбукинъ, не говоря о борьбѣ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, дастъ въ ней изслѣдованіе о сохранившихся литературныхъ памятникахъ, которые сполна или отчасти посвящены того или иного характера рѣчамъ объ остаткахъ язычества въ народѣ. Но и это вовсе не составляетъ содержанія бро-

шюры г. Азбукина. Онъ даетъ въ ней очеркъ самыхъ остатковъ язычества въ народѣ, противъ которыхъ духовенство должно было бы вести борьбу.

О несоотвѣтствующемъ заглавію брошюры очеркѣ, который дается г. Азбукинымъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень плохъ, но вовсе не можетъ быть сказано и того, чтобы онъ былъ положительно хорошъ. Не будучи ни худъ, ни хорошъ, онъ представляетъ собою посредственное (заурядное) повтореніе давно извѣстнаго.

Мы указали выше на примѣръ выдающейся способности автора противорѣчить самому себѣ. Могутъ быть указаны и другіе примѣры этой способности.

Небрежность автора въ языкѣ простирается до того, что иногда онъ забываетъ про самую грамматику.

До неизвинительности небреженъ авторъ и въ цитаціи книгъ, которыми пользуется.

Не можемъ мы признать сочиненіе г. Азбукина заслуживающимъ денежной преміи гр. Толстого, но если бы не оказалось у него болѣе его достойныхъ конкурентовъ, то, по нашему мнѣнію, могла бы быть присуждена ему медаль въ 150—250 рублей.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVIII, № 5.

Е. В. Аничковъ.

ВЕСЕННЯЯ ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ

НА ЗАПАДѢ И У СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ II.

ОТЪ ПѢСНИ КЪ ПОЭЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь, 1905 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историко-культурныя проблеммы могутъ ставиться и разрѣшаться различно.

Тѣмъ изслѣдователямъ, которые, робѣя передъ обобщающей силой разума, удерживаютъ проявленіе своей личности, всякая индукція представляется еще не достаточно полной; гдѣ-то все еще чуется фактъ или даже цѣлый рядъ фактовъ, таящихъ въ себѣ ключъ къ цѣлому. Работа стремится тогда стать лишь сборомъ матеріаловъ. Она строго выжидательна. Она только обѣщаетъ, вся проникнутая чаяніемъ будущаго обобщенія.

Такой пріемъ работы властвовалъ надъ умами особенно въ періодъ увлеченія чистымъ историзмомъ въ нравственныхъ наукахъ, совпавшій съ обожаніемъ точныхъ знаній.

Но съ возродившимся стремленіемъ къ философскому осмысленію, составляющимъ одну изъ наиболѣе существенныхъ чертъ настроенія нашихъ дней, такая строгая добросовѣстность, такая исключительная пытливость должна усугубиться еще новымъ умственнымъ напряженіемъ, уже не терпящимъ промедленія и въ данную минуту, при данныхъ условіяхъ знанія, требующимъ конечныхъ выводовъ, безъ заботы о томъ, каковы будутъ выводы тѣхъ, кто пройдетъ по тому же полю изслѣдованія когда-нибудь позднѣе. Самое молитвенное отношеніе къ полнотѣ фактовъ отнюдь не можетъ въ такомъ случаѣ замѣнить полной до-

сказанности выводовъ, а эти послѣдніе должны возникнуть еще и при опредѣленномъ свѣточѣ мудрости, укладываясь въ одну систему, подчиняясь одной опредѣленной теоріи. Всякая научная книга будетъ тогда кирпичемъ научнаго строительства не какого-то иного и грядущаго, а напротивъ, уже существующаго, отвѣчающаго современнымъ запросамъ и умственнымъ волненіямъ.

Настоящая работа по мѣрѣ своего приближенія отъ перваго типа ко второму съ одной стороны вышла за предѣлы фольклора и исторіи литературы, оказавшись на службѣ уже у эволюціонной эстетики, а съ другой стороны старалась превзойти простую группировку тщательно собранныхъ и провѣренныхъ фактовъ. Превозмогая всѣ трудности въ собираніи и обслѣдованіи матеріала, она никогда не укрывалась никакимъ пессимизмомъ знанія. Она принимала его для своихъ общихъ цѣлей такимъ, какимъ оно представилось сознанію, какимъ оно мыслилось. Работа эта поэтому не приметъ возраженій, основанныхъ на общихъ сужденіяхъ о поспѣшности выводовъ или о возможности когда либо впредь, или теперь же при новыхъ и болѣе счастливыхъ поискахъ, установить новые ряды фактовъ, произвести новые экскурсы въ частностяхъ. Открыто идя къ широкому обобщенію, она наоборотъ должна была скорѣе сводить къ цѣлостности и стройности уже добытое въ ученой литературѣ, чѣмъ стоять на мѣстѣ, озираясь и выискивая. Замѣчаніе это касается въ особенности развитія средневѣковой лирической поэзіи. Тутъ принималось въ разсчетъ то, что сдѣлано. Оттого пришлось миновать мелкія гипотезы, высказанныя частичными изслѣдователями. Подолго разбираться въ ихъ часто призрачной продуктивности и еще болѣе призрачной доказуемости было бы ошибкой.

Происхожденіе личной поэзіи въ средніе вѣка важно было для большого вопроса о зарожденіи личной поэзіи вообще, при чемъ на этой почвѣ, въ этой связи частное объяснилось общимъ гораздо болѣе, чѣмъ общее частнымъ.

Нечего говорить, однако, что по отношенію къ эпической поэзіи настоящая книга скорѣе бросаетъ гипотезу, чѣмъ устанавливаетъ ее. Происхожденіе эпоса осталось неразсмотрѣннымъ вовсе. Тутъ будущему изслѣдователю даже не расчищенъ путь. Только сообразовываться съ высказанными здѣсь мною предположеніями этотъ будущій изслѣдователь долженъ будетъ поневолѣ, и заранѣе можно сказать, что происхожденіе поэзіи, которому предстоитъ быть предложеннымъ тогда, прійдется помѣститься гдѣ-нибудь на равнодѣйствующей высказанныхъ тутъ и имѣющихъ быть высказанными тогда обобщеній.

Книга эта заканчивалась при грустныхъ обстоятельствахъ— и не только личныхъ. Пока она печаталась, не стало дорогого ея автору ученаго и мыслителя, Гастона Париса. Міръ праху этого искренняго, добросовѣстнаго и неустанно пытливаго изслѣдователя, для столькихъ поколѣній романистовъ всѣхъ націй умѣвшаго стать такимъ вдохновлявшимъ, внимательнымъ и добрымъ учителемъ! Блестѣвшая мнѣ на пути работы мысль принести эту книгу въ его рабочій кабинетъ, гдѣ такъ бодро и дѣятельно работалось и намъ, его разноплеменнымъ ученикамъ, должна погаснуть. Послѣднее спасибо за всѣ совѣты и поощренія, за все участіе и довѣріе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Любовные мотивы въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ, стр. 100—209

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весеннія игры и забавы.

Почти всѣ обрядовыя дѣйствія, разобранныя въ первой части этой книги, сопровождаются шумнымъ весельемъ пѣсенъ, плясокъ, игръ и забавъ. Ихъ связь съ обрядовымъ обиходомъ и ихъ прикладное назначеніе въ обрядѣ мнѣ пришлось разъяснить раньше, чѣмъ стало возможнымъ приступить къ ихъ описанію. Мы видѣли, что въ основѣ своей и онѣ составляютъ необходимую принадлежность сакральнаго дѣйства. Но самое ихъ содержаніе опредѣляется не ихъ чисто прикладнымъ назначеньемъ. Оно развилось само собою по тому пути человѣческой самодѣятельности, который ведетъ не къ дальнѣйшему росту религіознаго сознанія, а къ появленію художественно-поэтическаго творчества. Собранный и обслѣдованный до сихъ поръ матеріалъ позволилъ намъ ознакомиться лишь съ зарожденіемъ узко обрядовой пѣсни; весеннія игры, пляски и забавы дадутъ намъ возможность прослѣдить развитіе обрядовой пѣсни болѣе широкаго примѣненія. Конечнымъ моментомъ этого развитія будетъ уже нарожденіе искусственной, личной поэзіи.

Художественно-поэтическое народное творчество находится въ такой же зависимости отъ бытовыхъ условій, какъ и религіозно-поэтическое.

Передъ началомъ лѣтней страды между послѣднимъ, позднимъ засѣвомъ яроваго и началомъ сѣнокоса всегда есть небольшой промежутокъ времени, когда народъ до извѣстной степени свободенъ. Тамъ, гдѣ земля уже не родитъ безъ удобренія, нѣкоторое время уходитъ на навозницу, но и послѣ этого всетаки остается еще съ недѣльку или болѣе времени, чтобы погулять и набраться силъ. Такой-же промежутокъ сравнительно менѣе занятаго времени находится и раньше между первой запашкой и засѣвомъ. Вотъ въ эти-то дни относительной свободы и располагаются оба цикла весеннихъ праздниковъ. Вотъ тутъ-то и происходитъ кромѣ уже разобранныхъ выше обрядовъ еще игры и забавы: водятъ хороводы, пляшутъ, поютъ.

Въ эти моменты отдыха красавица-весна нашептываетъ свою пѣснь ликованія и веселія. Тогда идутъ уже не въ поле, а на лужокъ или къ опушкѣ лѣса. Тогда есть мѣсто и поэтическому воззрѣнію на природу. Красоты ея первобытный умъ, конечно, воспринимаетъ по своему; онъ мало любуется ими, ему хочется скорѣе покрасоваться самому; убранствомъ свѣжей зеленью, пестрыми вѣнками, свѣтлыми одеждами, гуломъ музыки и пѣсень, задоромъ всякихъ игръ и плясокъ отвѣчаетъ первобытный человѣкъ на призывный голосъ весны. Въ эти моменты онъ чувствуетъ не одно только, религіозно-обрядовое значеніе переживаемой поры; цвѣты ему нужны и своей заманчивой яркостью; онъ борется въ эти моменты съ природой, старается заполучить отъ нея побольше выгодъ, но при этомъ онъ живетъ въ полной гармоніи съ ней, какъ отдѣльная часть могучаго и всепоглащающаго цѣлаго.

Разгульная радость народныхъ праздниковъ теперь почти повсемѣстно затихла; тамъ, гдѣ закоптѣлыя фабрики покрыли цѣлыя десятины разными отбросами, уничтожили кругомъ всякую растительность и поставили уродливыя и однообразныя домики для своихъ рабочихъ, отъ нея не осталось и помину. Если нашъ вѣкъ до извѣстной степени поднялъ простого человѣка на общественной лѣстницѣ, если онъ далъ ему нѣкоторую обезпе-

ченность а кое-когда и достатокъ, то по странному противорѣчію онъ убилъ въ немъ всякую эстетическую самодѣятельность и разрушилъ непосредственно связанный съ нею обиходъ праздничныхъ забавъ. Крестьянинъ «стараго режима», изможденный, запуганный и безпомощный, ходилъ въ рабочее время въ лаптяхъ, бахилкахъ, балахонахъ и сермягахъ, жестоко презираемыхъ его современнымъ потомкомъ, но въ праздничное время, и бабы, и мужики, и дѣвушки, и парни щеголяли въ пестрыхъ, дорогихъ нарядахъ, наслѣдственная роскошь которыхъ теперь уже незнакома и недоступна. Современный крестьянинъ смѣется надъ ней, но наряжается неумѣло и неуклюже. Экономисты умѣютъ объяснить это противорѣчіе; но для историка культуры и для теоретика искусства здѣсь таится еще неизвѣданный законъ художественнаго творчества.

I.

Зимнія забавы крестьянской молодежи: досвітки, посѣдки, болгарскія сѣденки и сербскія прела[1]), французскія veillées[2]), нѣмецкія Spinnstuben[3]), все это прекращается, какъ только наступаетъ великій постъ. Уже столько столѣтій послѣ забавныхъ проводовъ масляницы наступало на цѣлые полтора мѣсяца полное затишье. Умолкали пѣсни, прекращались всякія игры, и томительно тянулось время полнаго воздержанія и серьезнаго молитвеннаго настроенія. Естественно поэтому, что на Пасху долгое напряженное затворничество разражалось притокомъ новаго, бьющаго ключемъ веселья. Пасха въ народномъ быту считается

1) См. статью Сумцова въ *Кіевской Старинѣ*, 1886, мартъ; Шапкаревъ, Сборн. отъ бълг. нар. умотв. ч. III, отд. 1-ый и 2-ой, кн. VII, стр. 192.

2) Sébillot, L. p. d. t. n. XXII, p. 270 et 277; Le Lorrain peint par lui même (Almanach) Metz, 1854; Guechot, Les Fêtes pop. p. 142—149.

3) Böckel, D. Vl. aus Oberhessen, s. CXXIII—CXXVIII.

особенно радостнымъ праздникомъ даже помимо ея христіанскаго значенія. Во множествѣ мѣстностей Россіи и у южныхъ славянъ (въ Архангельской губерніи, въ Бѣлоруссіи, въ Подоліи, у Поляковъ, у Болгаръ, у Сербовъ, у Словинцевъ и у Ново-грековъ) весенніе хороводы начинаются съ Пасхи[1]) и тянутся черезъ всѣ весенніе праздники: Юрьевъ день, Троицу и Духовъ день, Семикъ, Радуницу, Русальную недѣлю[2]). Мы имѣемъ такимъ образомъ опять два цикла весеннихъ обрядовъ: циклъ ранній и поздній.

Въ историческихъ извѣстіяхъ, свидѣтельствующихъ о хороводныхъ играхъ въ XVI и XVII вѣкахъ, упоминается обыкновенно только болѣе блестяще справляемый второй циклъ. Такъ челобитная старца Григорія, иконописца изъ Вязьмы, царю Алексѣю Михайловичу, поданная въ 1651 году упоминаетъ «игрище о Троичномъ дни», когда «за городъ на курганя ходятъ и неподобная творятъ»[3]). Равнымъ образомъ словакская проповѣдь 1585 года предостерегаетъ противъ танцевъ поздней весной[4]).

Въ первомъ изъ этихъ свидѣтельствъ древности интересны слова «на курганя ходятъ»; они какъ бы иллюстрируютъ извѣстное названіе Ѳомина воскресенья или кануна Юрьева дня

---

1) Сахаровъ, Сказ. Р. н. II, стр. 173 и 181 — 183; *Этн. Сб.* II, стр. 34; Ефименко, Мат. *Тр. Этн. Отд. И. О. Л. Е. А. Э.* кн. V, в. 2-ой, стр. 141; Шадринъ, Л. и з. гул. Шенк. н. *Тр. Арх. Стат. Комит.* 1865, стр. 61 — 62; Радченко, Гом. п. стр. XXVII; *Гродн. Губ. Вѣд.* 1891, №№ 33 и 34; Шейковскій, Бытъ Подолянъ, I, стр. 8; Чолоковъ, Бълг. нар. сб. стр. 35 и 102—103; Ястребовъ, Об. и п. стр. 114—141; Милојевић, П. и об. стр. 92—99 и 125—126; Головацкій, П. Гал. и Уг. Руси, III,2, стр. 7; Stajanović, Slike iz dom. ž. sl. n. str. 46; Schneider, Z kraju Huculòw, *Lud.* V (1899) str. 214—217.

2) Сахаровъ, l. c. II, стр. 52 — 53; Снегиревъ, Пр. пр. III, стр. 117 — 126 и 140 и слѣд.; Терещенко, Бытъ, VI; Чубинскій, Труды, III, стр. 29; Ш. Мюзкр. I, стр. 129 и слѣд.; Ш. В. стр. 337—370; Качановскій, Пам. болг. н. тв. стр. 10—11; Каравеловъ, Б. болг. н. стр. 212—214; Ястребовъ, l. c. стр. 156—163; Милојевић, l. c. стр. 151—158; Gloger, Pieśni ludu, str. 16, Bernh. Schmidt, Vl. der Nourgiechen, s. 67 и др.

3) *Живая Старина* вып. 1-ый, (1890) отд. II, стр. 129.

4) *Lad. Bartolomaeides,* Memorabilia prov. Csetnik, 1799, стр. 222 srv. Lumír, 1855, str. 526, приведено у Zibrt'a, Staroč. vyr. obyčeje, str. 115.

«Красная Горка»[1]). Мы видѣли, что высокія мѣста избираются обыкновенно для заклинанія весны[2]). Хороводы водятся на толокѣ, на деревенской улицѣ, на лугу близь рѣчки, на погостѣ или въ церковной оградѣ и пр., но въ Сѣверной Россіи особенно распространенъ выборъ для праздничныхъ забавъ какого-нибудь расположеннаго не подалеку отъ села пригорка. Тамъ скоро просыхаетъ, а особенно ранней весной, естественно искать для хоровода мѣстечка повыше. Въ Ярославской губерніи встрѣчается выраженіе совершенно параллельное Красной Горкѣ и оттѣняющее предлагаемое реалистическое ея объясненіе. Масляничныя забавы здѣсь зовутся «горькой» или «кочкой»[3]).

Хороводы, танки, ора или кола которыя и до сихъ поръ водитъ молодежь почти повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ и у насъ въ Россіи, какъ и остальныя черты весенней обрядности, встрѣчаются и въ другихъ циклахъ годовыхъ праздниковъ. Они составляютъ собственно только одинъ изъ самыхъ старыхъ, коренныхъ видовъ славянскихъ народныхъ танцевъ[4]). Исполненіе ихъ весною обставлено однако особой торжественностью; хороводы составляютъ въ это время года, такъ сказать, главный танецъ, танецъ центральный, останавливающій на себѣ все вниманіе. Передъ хороводнымъ весельемъ какъ то особенно трудно устоять, къ нему тянетъ особенно властно и неудержимо. Народная поэзія изображаетъ эту привлекательность весенней пляски и весеннихъ игръ, заставивъ даже старыхъ бабъ вспоминать въ это время свою угасшую юность; чешская пѣсня говоритъ поэтому:

---

1) Снегиревъ, Пр. р. пр. III, стр. 17, 21—23 и 26; Чубинскій, Труды, III, стр. 29.

2) См. выше I, стр. 89—90.

3) *Ярославльск. Губ. Вѣд.* (часть неоф.) 1890, стр. 17.

4) Самое старое упоминаніе о хороводныхъ играхъ у славянъ находится въ путешествіи Никифора Грегора въ XIV в. черезъ Македонію и Сербію на Пасху приведено у Ягича въ статьѣ о славянской народной поэзіи *Славянскій Ежегодникъ*, 1878, стр. 234.

Každá babička stará
je veselejší z jara:
vezme svou berličku
sedne na sluníčku;
myslísi: «Kýž jsem mladší
ach, což bych byla radši!»[1])

Нѣсколько дальше идетъ средневѣковый поэтъ Нейдгардтъ изображающій старуху стремящуюся весною въ хороводъ[2]).

Старая русская пѣсня изъ сборника Чулкова характеризуетъ также весну, какъ время плясокъ и забавъ:

Красно лѣто подоспѣло
Соловьи съ моря слетѣли,
Соловьи съ моря слетѣли,
Молодымъ гулять велѣли (bis)
На зеленомъ на лугу (bis)
На крутомъ берегу,
Тамо дѣвушки танцуютъ
И молодчики горцуютъ,
Танцовали, горцовали,
Молодцовъ всѣхъ призывали:
Вы придите молодцы
Посмотрите наши танцы,
Наши танцы веселые,
У насъ дѣвки молодыя
На нихъ шубы голевыя (bis)
Соболямъ опушены[3]).

Какъ извѣстно, хороводъ не есть вовсе особенность славянскаго танца. Въ средніе вѣка онъ существовалъ и въ Западной Европѣ, въ Германіи и Франціи, и какъ мы это увидимъ, даже въ самыхъ изысканныхъ свѣтскихъ кругахъ въ замкахъ королей

1) Erben, Proston. č. písně, I, str. 70, № 1.
2) ed. Haupt, 3,22; 4,31; 9,13.
3) Собр. русск. пѣсень, 2-ое изд. II, стр. 126, № 87.

и герцоговъ рыцари и дамы водили танцы, вполнѣ схожіе съ хороводной пляской[1]). Обыкновенно для того, чтобы установить общераспространенность этого вида танца у индо-европейскихъ народовъ указывается и на описаніе хоровода у Гомера[2]):

Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты и ихъ чистотой, какъ елеемъ сіяютъ.
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные всѣхъ украшаютъ,
Сихъ золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они и ногами искусными, то закружатся,
То разовьются и пляшутъ рядами одни за другими.
Куча селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ[3]).

Въ современномъ европейскомъ фольклорѣ отъ весеннихъ хороводовъ не осталось и помину. Въ весенніе праздники молодежь лишь въ самыхъ отдаленныхъ отъ центровъ мѣстностяхъ все еще поетъ пѣсни болѣе или менѣе народнаго склада и примѣненія; происходятъ въ эти праздники и танцы; но въ нихъ уже нѣтъ никакихъ чисто обрядовыхъ чертъ. Только рѣдко удается подслушать въ нихъ слова отражающія нѣчто традиціонное, завѣтное. О майскомъ или духоводенскомъ весельи говоритъ напр. въ непосредственныхъ и чисто народныхъ выраженіяхъ одна старая швейцарская пѣсня:

Heida! die liebe Maiezit
Alle Herze Freude git[4]).

—

1) G. Paris въ Journal des Savants, 1892, pp. 407—425.

2) Mowat, Origine antique d'une danse chorale contemporaine; *Mélusine*, I, pp. 298—300 et 513—518.

3) Переводъ Гнѣдича, Илліада, XVIII, 593,51, СПБ. 1884, стр. 377.

4) Tobler, Schw. Volksl. I, s. 150, № 55; приведена и у Erk-Böhme, D. Lh. № 967, II, s. 786.

Jo, und die Maiezit isch do,
's Mareili mues a'n Tanz mitcho

—

Der Tanz, der Abend tanz!
Mi Maeitli treit e Chranz.

—

Den Chranz, den mues i ha,
Sus blib i en arme Ma.

—

«Sä, min Bues, do hesch e Chranz
Und chum mit mir a'n Abend tanz!»

(Милое майское время радуетъ каждое сердце! — Да вотъ насталъ Май, такъ что Mareili должна также придти танцовать. — О танцы, о вечерніе танцы! Моя Meitli несетъ вѣнокъ. — Этотъ вѣнокъ долженъ получить я, иначе я останусь несчастнымъ человѣкомъ. — «Вотъ возьми, мой паренекъ, на тебѣ вѣнокъ и приди со мной на вечерніе танцы!»).

Этотъ вѣнокъ, о которомъ говорится въ пѣсни, придаетъ ей уже нѣсколько обрядовой характеръ. Мы видѣли какую роль играютъ вѣнки въ весенней обрядности. Здѣсь онъ имѣетъ еще и особый символическій смыслъ: вмѣстѣ съ вѣнкомъ Mareili отдаетъ очевидно и свою любовь. Обращеніе къ «Mareili» напоминаетъ приведенную выше также швейцарскую поздравительную пѣсню, гдѣ говорилось о томъ, какъ танцуетъ «Maireesele»[1]). Судя по сѣверно-нѣмецкому варіанту той же самой поздравительной пѣсни, «Maierrösslein», или, что очевидно тоже «Pfingstblume», тутъ же передъ хозяевами того дома, гдѣ производится весеннее поздравленіе, исполняетъ какую то фигуру особой пляски. Можетъ быть мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пережиткомъ стараго весенняго танца, сохранившагося только въ связи съ обрядомъ привѣтствія и помимо него совершенно вышедшаго изъ употребленія.

1) Ibid. изъ Schweiz. Kührr. und Volkl. 3-te Aufl. Bern. 1818, s. 56—57; см. выше I, стр. 190—191.

Отъ всего разнообразнаго весенняго хороводнаго веселья, о которомъ мы можемъ судить по его славянскимъ образцамъ, у современнаго европейскаго простонародья сохранились собственно только одни пляски кругомъ майскаго столба. Бёме въ своей исторіи нѣмецкихъ танцевъ этотъ родъ хоровода и называетъ Pfingsttanz. Онъ производится въ Бранденбургской Маркѣ, въ Швабіи и Баваріи, на Майнѣ и Рейнѣ и др. мѣстахъ[1]). Весело скачутъ какъ мы видѣли вокругъ майскаго столба и въ Англіи.

Въ Швеціи такія же пляски происходятъ и вокругъ зажигаемыхъ на 1-е мая огней. О нихъ поется въ одной пѣсенкѣ переведенной въ книгѣ Du Chaillu:

«Такъ мы вышли гулять наканунѣ Вальпургіева дня, чтобы поплясать;

«Такъ пошли мы на самую высокую гору. О, будемте веселы!

«Я наигрался наканунѣ Вальпургіева дня; я вышелъ гулять въ шляпѣ и въ перчаткахъ.

«Какъ весело поплясать; мы вмѣстѣ съ другими вошли въ хороводъ; мы всѣ пляшемъ кругомъ; огонь горитъ на скалѣ; какъ весело плясать!»[2]).

Тамъ, гдѣ сохранился обрядъ внесенія весенняго дерева во Франціи, Португаліи и Италіи, кругомъ него также иногда пляшутъ взявшись за руки. Но пѣсенъ присущихъ именно этой пляскѣ болѣе почти не сохранилось[3]).

---

1) **Böhme**, Gesch. d. T. in Deutschl. II, s. 154; ср. **Engelien**, Das Volksm. s. 230—231; v. **Leoprechting**, Lechrein, s. 177; **Berlinger**, Aus Schwaben II, s. 92; **Halm**, Skizzen aus Frankenl. s. 76; *Am Urquell*, IV (1892) s. 237; **Mannhardt**, W. u. Fk. I, s. 169 и 448.

2) The land of the Midnight sun. II, p. 411—414, London, 1881, приведено въ *F. L. R.* V, p. 163.

3) **Smith** въ *Romania* II, p. 65; *R. d. tr. p.* III, p. 246—248; **Braga**, O povo p. II, p. 286—288; de **Santa Anna Nery**, F. l. brasilien, p. 64; **Rezasco**, Maggio pp. 9—14 e 18.

Если отъ этихъ скудныхъ пережитковъ весеннихъ плясокъ въ современномъ быту европейскаго крестьянства восходить постепенно въ глубь старины, упоминанія о весеннихъ хороводныхъ забавахъ, станутъ многочисленнѣе и самое праздничное веселье представится въ болѣе разнообразномъ, пышномъ видѣ полномъ бытовымъ и обрядовымъ содержаніемъ. Мы подойдемъ также къ формамъ весенняго веселья болѣе близкимъ къ тѣмъ, которыя въ такой сравнительной полнотѣ переживаютъ до нашихъ дней въ славянскихъ земляхъ. Еще разъ тотъ обликъ народной обрядности, который удастся подсмотрѣть черезъ посредство его отраженій въ средневѣковой искусственной поэзіи Франціи и Германіи, окажется содержащимъ не мало чертъ схожихъ съ данными славяно-русскаго фольклора.

Уже календарь XVI вѣка характеризуетъ весеннія забавы въ выраженіяхъ прямо намекающихъ на хороводное дѣйство:

Sant Jörg der edel ritter schon
der bringet uns den maien,
dass die frawen und die man
gen miteinander reien
bald nach der österlichen zeit
im garten und im haus[1]).

О хороводахъ въ средніе вѣка сохранилось множество извѣстій; сотни разъ упоминаютъ средневѣковые трубадуры, труверы и миннезингеры о «caroles» или «reigen», какъ объ излюбленномъ удовольствіи. Даже въ замкахъ сеньоровъ, хотя и въ тѣ отдаленныя времена существовало различіе между великосвѣтскими и народными забавами, рыцари и дамы еще не чуждались и этого завѣтнаго вида пляски[2]).

Главные хороводы происходили совершенно также, какъ и въ славяно-русскомъ мірѣ, именно весною, во время весеннихъ

1) Приведено у Liliencron'a, Deutsches Leben, s. 136.

2) Böhme, Gesch. d. Tanzes, I, s. 33; G. Paris въ *Journal des Savants*, 1892, p. 410—411.

праздниковъ. Радостное настроеніе и неудержимый призывъ къ играмъ и пляскамъ охватывалъ на Пасху даже и духовныхъ. И они водили хороводы на монастырскомъ дворѣ, а въ дождь даже и въ церкви[1]). Можетъ быть, для этихъ именно забавъ клериковъ и были сочинены плясовыя пѣсни по латыни:

Congaudentes ludite
choros simul ducite!
Juvenes sunt lepidi
Senes sunt decrepiti
    Audi, *bela mia*,
    mille modos Veneris
    da hize valeria
Militemus Veneri
nos qui sumus teneri!
Veneris tentoria
res est amatoria
    Audi, et ct.[2]).

Другое также часто приводимое церковное извѣстіе упоминаетъ объ хороводныхъ играхъ и на Пасху и на Духовъ день, изображая при томъ эти забавы молодыхъ клериковъ въ несовсѣмъ скромныхъ чертахъ: «Sacerdotes ceteraeque ecclesiasticae personae cum universo populo in solennitatibus paschae et pentecostes aliquam ex sacerdotum concubinis purparatam ac diademate renitentem in eminentiori solio constitutam et cortinis velatam reginam creabant, et coram ea assistentes in *choreis tympanis* et alliis musicalibus instrumentis tota die psallebant et quasi idolatrae effecti ipsam tamquam idolum colebant»[3]). Re-

1) Wetzer und Welte, Kirchlich. Lexicon. Berlin, 1881, B. IV, s. 1415; Bielschowsky, Gesch. d. h. dorfp. s. 2, приводитъ еще извѣстіе изъ Monumenta Germaniae edit. Pertz, in fol⁰, t. IV (= Legum t. II) 2 p. Capitularia Benedicti (IX вѣка) l. II, § 205, но здѣсь говорится просто о пляскѣ въ воскресенье, также какъ и въ фабльо d'Aloul ed. Raynaud et Montaiglon, I, № 24, v. 664.

2) Carmina Burana, p. 166, № 79; ср. p. 117, № 33.

3) Приведено у Mogk'a (Paul's, Grundriss, I, s. 1102).

gina, о которой здѣсь говорится, конечно, такая же королева мая, какъ та, которую водятъ съ собой во Франціи и Италіи во время привѣтственныхъ обходовъ. О ея участіи въ майскихъ забавахъ иногда вмѣстѣ съ королемъ, намъ еще прійдется услышать.

Если такъ проводили время духовные, то свѣтскіе люди имѣли тѣмъ болѣе основанія называть весенніе праздники

. . . . . Une feste joiant
Que meinent joie li petit et li grant[1]).

Два романа XII вѣка «Flamenca»[2]) и «Guillaume de Dôle»[3]), одинъ провансальскій, а другой французскій (лотарингскаго происхожденія) знакомятъ насъ съ народными весенними забавами. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается:

El pais fon acostumat
Qu'el pascor, quant hom a sopat,
Tota li gent balla e tresca,
E, segon lo temps, si refresca.
Cella nuh las maias giteron
E per so plus s'i deporteron.
Guillems e l'ostes s'en issiron
En un vergier, d'aqui auziron
Devas la vila las cansos
E deforas los ausellons
Que canton de sot la vert foilla.
(V. 2669—2680).

(«Въ этой мѣстности было обыкновеніемъ на Пасху послѣ ужина плясать, веселиться и предаваться всевозможнымъ развлеченіямъ, соотвѣтствующимъ времени года. Въ эту ночь принесли майскія вѣтви и поэтому веселились больше обыкновеннаго.

1) Girard de Viane ed. Tarbé, p. 6; ap. Bartsch R. u. P. I,13 (R. Bibl. № 1032).
2) ed. P. Meyer, Paris, 1860, см. p. 80—81 et 324.
3) ed. Servois (*S. d. a. t. fr.*) Paris, 1892.

Гильемъ и его хозяинъ пошли въ садъ и оттуда слушали (пѣвшіяся) за городомъ пѣсни, (при чемъ) имъ вторили птички въ зеленой листвѣ»).

Романъ Guillaume de Dôle, изъ котораго я уже почерпнулъ описаніе внесенія въ городъ майскаго дерева, только вскользь замѣчаетъ, что, раньше чѣмъ начать убранство улицъ и домовъ свѣжей листвой, граждане Майнца «воспѣли май»[1]). Нѣсколько раньше анонимный авторъ однако подробно знакомитъ насъ съ хороводными играми средневѣковой молодежи, какъ онѣ производились на травѣ подъ сѣнью лѣса[2]); описанный хороводъ происходитъ собственно не въ одинъ изъ весеннихъ праздниковъ, а

En esté quant il est sesons
De deduire en prez et en bois

(V. 140—141).

т. е. собственно вообще лѣтомъ или поздней весной.

Начинаются танцы и здѣсь также, какъ и въ провансальскомъ романѣ, уже подъ вечеръ послѣ того, какъ вдоволь поѣли и попили. Они происходятъ на зеленомъ лугу. Хороводъ водятъ дѣвицы и совсѣмъ молодые юноши, не достигшіе еще посвященія въ рыцари. Изъ круга выдвигается дама, одѣтая въ червленное платье, и первая запѣваетъ пѣсню плясового склада:

C'est tot la gieus en mi les prez
— vos ne sentez mie les maus d'amer —
dames i vont por caroler.
— remirez voz bras. —
vos ne sentez mie les maus d'amer,
si comge faz[3]).

---

1) Стихи 4135—4170 въ изд. Servois, pp. 124—125.

2) Стихи 491 — 550 въ изд. Servois, pp. 16 — 18; на основаніи главнымъ образомъ этого мѣста описалъ средневѣковую хороводную пляску и Бедье см. Les fêtes de mai въ *Revue des deux Mondes*, 1896, 1-er mai, p. 154—156.

3) См. въ изд. Servois, ibid.

(Тамъ далеко на зеленомъ лугу — Вы не чувствуете вовсе любовныхъ страданій — Туда дамы идутъ, чтобы водить хороводъ. Смотрите, держите руки — Вы не чувствуете любовныхъ страданій, какъ это чувствую я). Вслѣдъ за этой пѣсней поетъ прислужникъ Эспирскаго прево. Пѣсня его начинается схожимъ типичнымъ запѣвомъ:

c'est la jus desoz l'olive.

Она разсказываетъ, какъ уводитъ свою возлюбленную пастушокъ Робинъ. Не успѣлъ хороводъ кончить и трехъ обходовъ, какъ новую пѣсенку затянулъ своимъ чистымъ голосомъ сынъ графа Обура, а послѣ него стала пѣть прелестная герцогиня Австріи, которой всѣ такъ много восхищались. Эти два послѣдніе пѣвца спѣли пѣсню объ Аэлисъ, какъ она рано утромъ вымылась бѣлешенько и нарядно одѣлась.

Кромѣ этихъ отрывковъ изъ романовъ хороводную пляску описываетъ и приблизительно современное имъ латинское стихотвореніе школьнаго происхожденія:

Ludunt super gramina
virgines decorę,
quorum nova carmina
dulci sonant ore.
Annuunt favore
volucres canorę,
«favet» et odore
tellus picta flore [1]).

Приведенныя здѣсь извѣстія средневѣковой поэзіи особенно наглядны и убѣдительны. Хороводная игра указана здѣсь категорически, а въ извѣстіи изъ «Фламенки» она вполнѣ точно пріурочена и въ календарномъ отношеніи. Въ обоихъ разсказахъ совершенно опредѣленно отмѣчена и та среда, въ которой происходятъ игры. Фламенка говоритъ о городскомъ мѣщанствѣ, о

1) Carmina Burana, p. 191, № 116,a, ср. p. 117, № 33.

жителяхъ небольшого мѣстечка, расположеннаго у замка сеньора. Описаніе майскаго праздника въ романѣ Guillaume de Dôle разумѣетъ горожанъ и дворянство средней руки. Латинская пѣсня клериковъ также, вѣрнѣе всего, имѣетъ въ виду городское населеніе.

Одна интересная группа старофранцузскихъ «пастурелей» XIII в., сочиненная въ сѣверной Франціи труверами славнаго въ то время своей литературной жизнью Арраса, позволяетъ намъ подсмотрѣть весеннія забавы и сельскаго люда, вилланов. Подъ видомъ пастушковъ труверы Арраса любили выводить передъ нами настоящихъ крестьянъ и зачастую разсказывали, какъ во время своихъ поѣздочекъ весною чаще всего на первое мая они наблюдали за ихъ забавами на опушкѣ лѣса, залитой привѣтливыми лучами весенняго солнца. Пастушки пляшутъ на травѣ, подъ звуки волынки, взявшись за руки и припѣвая задорные припѣвы. Каждый изъ нихъ ведетъ съ собою и свою возлюбленную пастушку. Танцы ихъ были по преимуществу хороводными; но рядомъ съ ними они забавлялись и разными играми въ родѣ игры въ короля. Среди этихъ забавъ нѣкоторые шутники смѣшили своихъ товарищей, изображая то паломника, то обжору, то ночного сторожа, то нѣмого, а то и показывая «robardel'a». Такими полукомическими сценками оживляли однообразіе своихъ условныхъ и традиціонныхъ пастурелей: Жанъ Эраръ, Жильберъ де Берневиль, Жанъ де Ренти, Гильомъ ли Винье, поэты періода разцвѣта пикардской школы [1]).

Въ томъ же духѣ и совершенно схоже съ ними, а, можетъ быть, отчасти и подъ вліяніемъ того же самаго направленія въ труверскомъ искусствѣ [2]), подобныя же сценки изъ майскихъ деревенскихъ увеселеній описывалъ и Нитгартъ вмѣстѣ съ дру-

---

1) Объ этихъ пастуреляхъ см. Е. В. Аничковъ, Очеркъ литературной исторіи Арраса въ XIII вѣкѣ *Ж. М. Н. Пр.* 1900, № 2, стр. 267—272. Въ Барчевскомъ сборникѣ онѣ носятъ слѣдующіе №№ II 22, 30, 36, 41, 58, 73, 77; III 15, 21, 22, 24, 27, 29, 30, 41.

2) Schönbach, Die Anf. des d. Minnes. ss. 21—22.

гими средне-верхне-нѣмецкими миннезингерами, принадлежащими къ его школѣ. Въ ихъ пьесахъ упоминается то «des meien ein vil michel tanz», то «daz osterspiel» [1]). Самъ Нитгартъ во множествѣ такъ называемыхъ лѣтнихъ пѣсенъ даже зоветъ молодежь въ хороводъ, какъ приглашаютъ и наши «наборныя пѣсни».

Der walt
aber mit maneger Kleiner süezer stimme erhillet:
diu vogelîn sint ir sanges ungestillet;
diu habent ir trûren ûf gegeben
mit vreuden leben
den meien!
ir megede, ir sult iuch zweien.
So hebet
sich aber an der strâze vreude von den Kinden.
wir suln den sommer kiesen bî den linden.
diu ist niuwes loubes rîch,
gar wunneclîch
ir tolden
ir habt den meien holden!
Daz tou
an der wise den bluomen in ir ougen vellet.
ir stolze megde, belîbt niht ungesellet:
ir zieret wol den juwern lîp!
ir jungin wîp
sult reien
gein diesem süzem meien [2]).

(«Лѣсъ наполняется маленькими сладкими голосами: птицы поютъ безпрестанно, онѣ оставили свою печаль и радуются маю! Вы, дѣвушки, вамъ надо спариться. Поднялось теперь на улицѣ веселіе молодежи. Подъ липами покрытыми новой богатой

---

1) Haupt, N. s. XXV, v. 10 и der v. Stamhein, M. S. H. II, s. 78, № 88,11.
2) Ed. Haupt, 28,1—21; ср. 5,8; 6,1; 6,19; 15,21 и др.

листвой, мы должны отвѣдать лѣта; вы листья, вамъ нѣжно милъ май! Роса на лужайкѣ падаетъ въ глазки цвѣтовъ. Гордыя дѣвушки, вы не должны оставаться однѣ безъ возлюбленныхъ: вы прелестно принарядились! Вы молодыя женщины, вамъ пристало водить хороводъ въ сладостный мѣсяцъ май»). Особенно характерно упоминаніе о весеннемъ хороводѣ у одного мало извѣстнаго подражателя Нейдгарда:

Swer nu kluoge
tenze welle schouwen
und ein dinck,
des e die wisen waren ungewon:
nu habent ez die jungen uf gebrouwen,
daz man ein niuwez mœre sag' da von.
Da ist genuoge
junge manne unt vrouwen,
min gelink
muoz da grisen; si tuont mir gedon,
die da mit dem pfluoge solten brouwen,
die wellen reien uf des meien lon[1]).

(«Кто захочетъ видѣть искуссные танцы и еще нѣчто, къ чему не привычны были луга? Молодежь постаралась, чтобы о томъ была снова заведена рѣчь. Довольно тамъ и мужчинъ и женщинъ умъ мой нѣмѣетъ; они задали мнѣ работу. Тѣ, которые должны бы были ходить за плугомъ, тѣ хотятъ теперь водить хороводъ въ прославленіе мая»). Послѣднія двѣ строчки этой пѣсни приводятся часто, какъ наглядный показатель того, какъ интересовались миннезингеры чисто народнымъ весельемъ. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о знати, а о простонародьи. Это самое древнее прямое указаніе на хороводное игрище у нѣмецкаго крестьянства.

1) M. S. H. B. III, s. 287 «St. Polten alnmosen» строфа 4-ая; приведено у Bielschowskij'аго, Gesch. der d. Dp. s. 8.

Весенніе и лѣтніе праздники въ жизни средневѣкового общества имѣли повидимому еще значеніе чего то въ родѣ свѣтскаго сезона. Мало того, что въ мѣщанской и крестьянской средѣ водили въ это время хороводы и всячески рѣзвились на лужку, весеннія пѣсни раздавались и въ замкахъ феодальной знати; и рыцарей тянуло въ хороводы; Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде приглашаетъ въ маѣ:

Uns wil schiere wol gelingen.
wir suln sîn gemeit
Tanzen lachen unde singen
âne dörperheit[1]).

Нитгартъ также говоритъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ:

Sich hebt, als ir wol habt vernommen
ein tanz von höfschen Kinden[2]);

выраженіе «höfisch» показываетъ, что поэтъ разумѣетъ свѣтскую молодежь. Умершій въ 1230 году Леопольдъ Австрійскій считался знаменитымъ танцоромъ и повидимому самъ водилъ хороводы, потому что оплакивая его смерть анонимный поэтъ выкликаетъ:

Wer singe uns nû vor
Zu Wiene ûf dem kor
Als er vil dicke hat getân?
Wer stift uns nû den reien
in dem herbst und in dem meien[3]).

(«Кто будетъ теперь запѣвать намъ пѣсни въ Вѣнѣ во время хорового пѣнія, какъ онъ это часто дѣлалъ? Кто поведетъ намъ хороводъ осенью и въ маѣ?»)

То же происходило, конечно, и во Франціи.

---

1) Walter v. d. Vogelweide L. 15, 18 ed. Paul, s. 49, № 25, строфа 2-ая.
2) Ed. Haupt, 15, 35—36.
3) Приведено у Böhme, Gesch. d. Tanzes, I, s. 26.

Въ одной старинной chanson de toile, приведенной въ романѣ Guillaume de Dôle, описывается хороводъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Souz un chastel qu'en apele Biaucler
En mout poi d'eure i ot granz bauz levez.
Ces demoiseles i vont por caroler,
Cil escuier i vont por bohorder
Cil chevalier i vont por esgarder;
Vont i cez dames por lor cors deporter [1]).

(«Около замка, по имени Боклеръ, скоро начались танцы. Дѣвушки шли туда, чтобы водить хороводы, конюхи (отроки), чтобы метать копья; рыцари чтобы посмотрѣть, а дамы, чтобы прогуляться и развлечься»). Слова эти ясно оттѣняютъ ту среду, къ которой принадлежатъ участники празднества. — Происходитъ этотъ балъ на открытомъ воздухѣ и, какъ обозначено въ началѣ пѣсни, когда

.... vienent Pasques les beles en avril
Florissent bois, cil pré sont raverdi;
Cez douces eves retraient en lor fil;
Cil oisel chantent au soir et au matin [2]).

(«.... пришла Пасха красивая въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Зацвѣли рощи, зазеленѣли луга, ручьи вошли въ свои русла; птицы стали пѣть и вечеромъ и утромъ»). Также точно и въ приведенномъ мною отрывкѣ изъ романа «Guillaume de Dôle», въ которомъ заключается описаніе хороводнаго дѣйства на лонѣ природы, оно происходитъ во время чего то въ родѣ пикника, устраиваемаго самимъ императоромъ. Въ хороводѣ пляшетъ такимъ образомъ молодежь, принадлежащая къ цвѣту феодальной знати.

И феодальная знать не только принимала участіе въ весеннихъ играхъ и забавахъ; она вторила народному весеннему ве-

---

1) R. Bibl. № 1032; Bartsch, R. u. P. I, 13; Guillaume de Dôle ed. Servois, p. 155, v. 5174—5194.

2) Ibid.

селью своими собственными свѣтскими развлеченіями. Весна была сезономъ средневѣкового большого свѣта. Въ эту пору года оживлялась и придворная жизнь. Какъ справедливо замѣтилъ Вильмансъ, «зимою люди сидѣли одиноко въ своихъ отдѣльныхъ дворахъ, а лѣто собирало ихъ вмѣстѣ» [1]).

Старо-французскіе романы изображаютъ обыкновенно феодальныхъ владѣльцевъ «держащими дворъ» на Духовъ день. Весною торжественно принимаютъ своихъ вассаловъ и Артуръ [2]) и Александръ Македонскій [3]). Романы Кретьена де Труа начинаются зачастую слѣдующимъ стереотипнымъ запѣвомъ:

Ce fu entor la pentecoste
Scele feste qui tant coste [4])

Весною устраиваетъ въ своемъ замкѣ празднество и герой романа «Flamenca» Арчимбаутъ [5]). Весною возвращается домой отъ двора французскаго короля и герой старинной chanson d'histoire Рено [6]).

Сохраненіе въ памятникахъ извѣстій о весеннемъ хороводномъ весельи объясняется тѣмъ, что средневѣковыя великосвѣтскія забавы отражались своимъ веселымъ и шумнымъ разгуломъ и на судьбахъ литературной жизни того времени. Трубадуры, труверы и миннезингеры вращались почти исключительно въ великосвѣтскихъ сферахъ, находили тамъ покровителей и почитателей, черпали въ взглядахъ и понятіяхъ феодальной знати свое вдохновеніе. Знатныя дамы того времени, Элеонора Пуату, жена Генриха Плантагенета, ея дочь отъ перваго брака съ королемъ Людовикомъ VII, Марія графиня Шампанская, графиня Фландрская и другія дамы любили окружать себя труверами и труба-

---

1) Willmans, Walter v. d. V. W. s. 171.
2) Ivain ed. Foerster, Halle, 1887, v. 1—7.
3) Roman d'Alexandre ed. Michelan. Stuttgart. 1846, p. 506.
4) Ivain l. c. примѣчаніе Фёрстера къ стиху 5-ому, стр. 273.
5) Стихи 184—186 ed. P. Meyer, p. 7.
6) Raynaud, Bibl. № 2037; нап. у Paul Meyer'a Recueil, 365 и у Барча, Rom. u. Past. I, 1.

дурами и сыграли потому не маловажную роль въ литературной исторіи средневѣковой Франціи. Свѣтскіе круги были одновременно и литературными центрами [1]). Поэтъ Гюйо изъ Прованса въ своей знаменитой поэтической «Библіи», ссылаясь въ разбивку то на Ричарда Львиное Сердце, то на Фридриха Барбароссу, то на Тибо изъ Наварры, то на Филиппа Фландрскаго, то на Альфонса Аррагонскаго, такъ живо изображаетъ намъ этотъ литературно-свѣтскій космополитизмъ XII вѣка [2]), въ которомъ воспитались и получили поэтическое выраженіе идеи дворянства и доблести. Каждый новый турниръ, каждое новое празднество въ замкахъ «rics oms e baros», какъ называли въ Провансѣ феодальную знать, были поэтому особенно дороги средневѣковымъ поэтамъ. Къ этимъ торжествамъ готовили они свои лирическія пьесы, пріѣзжая, такъ сказать, во всеоружіи своего таланта. Они являлись на празднества обыкновенно и не одни, а въ сопровожденіи жонглеровъ, которые должны были исполнять ихъ новыя пьесы и пустить ихъ такимъ образомъ въ свѣтъ раньше, чѣмъ, переписанныя на пергаментные листки, онѣ станутъ ходить по рукамъ. Для трувера весною наступалъ такимъ образомъ также сезонъ, къ которому онъ подготовлялся и въ которомъ онъ не могъ не стремиться блеснуть. Такъ біографія провансальскаго трубадура, Guiraut de Borneil, составленная не позже конца XIII вѣка, разсказываетъ про него, что онъ зимою учился школьной мудрости, а лѣтомъ бродилъ по дворамъ своихъ покровителей феодальныхъ владѣльцевъ и пѣлъ свои пѣсни [3]). Даже торжественныя засѣданія средневѣковыхъ литературныхъ сообществъ (puys) происходили на тотъ же Духовъ день, когда по свидѣтельству романовъ обыкновенно устраивались празднества. По крайней мѣрѣ знаменитое въ XIII в. Аррасское

1) G. Paris, La Poésie du moyen age. 2-ond série. Paris. 1898, p. 1—44 (La littérature franç. au XII s.); см. также его же статью о романѣ Кретьена де Труа «Le conte de la charette», *Romania* XII (1883) p. 531—533.

2) Нап. у Méon, Fabliaux et contes Paris. 1808, II, p. 307 etc.

3) Chabaneau, Biographies des Troubadours. Toulouse. 1885, p. 14.

литературное сообщество (пюи), для засѣданій котораго сочинено было такъ много труверскихъ пѣсенъ, собиралось всего вѣроятнѣе именно въ этотъ день[1]).

На то, что пѣсни трубадуровъ и труверовъ зачастую подготавливались именно къ этому сроку, т. е. къ весеннимъ праздникамъ, указываетъ особенно ясно envoi одной старо-французской retrouenge. Анонимный поэтъ заканчиваетъ свою пѣсню обращеніемъ къ какому то Гонтье, можетъ быть, къ труверу этого имени, Гонтье де-Суаньи, а, можетъ быть, и къ его тѣскѣ, какому-нибудь жонглеру, и проситъ его спѣть эту retrouenge на Пасху, когда будетъ цвѣсти жимолость, чтобы послѣ него ея пѣніемъ стали развлекаться рыцари:

Tres or veul ma rotrowange definir
Gontier pri mout k'il la chant et faice oïr
En pascor, quant on vairait lou bruel florir;
Chevalier la chanteront por esbaudir[2]).

И отъ успѣха трубадура или трувера во время весенняго и лѣтняго сезона зависѣла его судьба зимою. Весною и лѣтомъ онъ такъ или иначе всегда могъ прокормиться, но въ суровые зимніе мѣсяцы устроиться было гораздо труднѣе: не одинъ труверъ, конечно, могъ сказать про себя:

Quant je voi yver retorner,
lors me voudroie sejourner,
se je povie oste trover[3]).

---

1) На Духовъ день падаютъ записи одного изъ трехъ годичныхъ засѣданій аррасской «Confrerie des jongleurs et des bourgeois». Засѣданія пюи, гдѣ однажды былъ разыгранъ «Jeu de la Feuillée» Адама де ла Галя, судя по этому названію, происходили также весною. При близости обоихъ учрежденій возможно, что и засѣданія пюи имѣли мѣсто также на Духовъ день. См. мой Очеркъ лит. ист. Арраса въ XIII в. *Ж. М. Н. Пр.* 1900, февраль, стр. 246—250; Guy, Essai sur la vie et les œuvres litt. du tr. A. d. l. H. Paris. 1898, p. XL, 337 и 347 и мою рецензію на эту книгу, *Кіевскія Унив. Извѣстія*, 1900, мартъ, Крит. и Библ. стр. 19.

2) R. Bibl. № 1411; нап. P. Meyer, Recueil 376; ср. R. Bibl. №№ 893 и 1298; см. пьесу Colin Muset, R. Bibl. 582, нап. у J. Bédier de N. M. p. 119.

3) R. Bibl. № 893, напечатана у Jeanroy, Orig. de la p. l. p. 565.

Зимой очевидно уже трудно было вести ту бродячую жизнь, которая была возможна весною и лѣтомъ во время сезона.

Вѣроятно именно тѣмъ обстоятельствомъ, что литературный и свѣтскій сезонъ открывался въ средніе вѣка главными весенними празднествами, объясняется и обыкновеніе трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ снабжать свои пѣсни коротенькими вступленіями, заключающими въ себѣ описаніе или просто упоминаніе весны [1]). Этимъ традиціоннымъ весеннимъ запѣвомъ начинались главнымъ образомъ лирическія пѣсни и только самое ничтожное число романовъ или chansons de geste имѣютъ ту же самую особенность [2]).

Запѣвы эти упоминаютъ обыкновенно либо весну вообще, либо весенніе праздники: Пасху, Духовъ день, 1-е мая. Они особенно распространены у самыхъ старыхъ провансальскихъ трубадуровъ: Вильгельма IX, графа Пуату, Серкальмона, Маркабрю, Пейра д'Альвернь, Жофра Рюделя, Бернара Вентардорна, Бертрана де-Борна и другихъ [3]). Эти поэты зачастую прямо начинаютъ свои пѣсни заявленіемъ, что пришла весна и

---

1) Эта мысль была уже мною высказана *L. f. r. u. g. Ph.* 1898, s. 70; Такъ объяснялъ происхожденіе весенняго запѣва и Вильмансъ: «Im Winter, писалъ онъ, sassen die Leute einsam auf ihren einsamen Höfe, der Sommer führte sie zusammen und dann erschien in der fröhlichen Gesellschaft der Sänger, um nach den leiden Wintertagen zu Lust und Freude zu mahnen. Es war also natürlich, wenn er seinen Vortrag mit dem Hinweis auf die aller erlösende Jahreszeit begann». W. v. d. V. W. s. 171.

2) Таковы произведенія Bueves de Commarchis, Adenes li Rois et Berte au grand pied. ed. Scheler Bruxelles. 1874 (оба).

3) Bartsch, Verz: 183, 1, 6, 8, 11; 112, 4; 293, 2, 3, 8, 11, 24, 28, 29, 42; 323, 5, 6, 7, 19, 20, 23; 262, 1, 2, 5, 6; 70, 7, 9, 10, 24, 28, 29, 33, 34, 39, 40, 41, 42, 43; 80, 5, 7a (= 233, 1) 32, 34, 35, 38; на преобладаніе весеннихъ запѣвовъ у самыхъ старыхъ трубадуровъ указалъ уже давно Сушье въ *J. f. r. u. e. L.* XIV, p. 290. О названныхъ трубадурахъ см. Halland und Keller, Die Lieder, G. IX. Berlin, 1857; Suchier, M. *J. f. r. u. e. L.* XIV, 119; *Romania* VII, 9; Bischof, Biographie des Bd. V. Berlin. 1873; Carducci въ *Antologia*, 1881, 15 Gen. e 1 Marzo, id. Studj. Setterari 1893; Mahn въ *J. f. r. u. e. L.* I, 83 и *Romania* VI, 115; Stimming, B. d. B. 2 Ausg. 1892; A. Thomas, Poésies compl. de Bd. B. Toulouse, 1888; Stimming, Der tr. J. R. Kiel. 1873; G. Paris въ *Revue historique*, 1892; E. Monaci, Ancora di J. R. Roma, 1894.

поэтому своевременно сложить пѣсню. Такъ поетъ Маркабрю въ одномъ изъ своихъ моральныхъ сирвентовъ:

Al departir del brau tempier,
quant per la branca puejal sucs,
don reviu la genestrel brucx,
e floreyson li presseguier
e la rana chant el vivier
e brotal sauzes el saues
contral termini ques yssucs
suy d'un vers far en cossirier [1])

Схоже съ этимъ начинается и знаменитая пѣсня Жофра Рюделя, гдѣ идетъ рѣчь о его «любви изъ дальнихъ странъ».

Quan lo rius de la fontana
s'esclarzis, si cum far sol
e par la flors aiglentina,
el rossinholetz el ram
volf e refranh et aplana
son doutz chantar et afina,
dreitz es qu'ieu lo mieu refranha [2])

(«Когда струя ручья становится такой же прозрачной, какъ всегда, и бѣлѣютъ цвѣты на шиповникѣ, когда на вѣткѣ соловей свою нѣжную пѣсню тянетъ, повторяетъ и заставляетъ замирать и выводитъ все тоньше и тоньше, тогда долженъ и я запѣть мою [пѣсню]»).

Это обязательство или эта потребность пѣть весною на поэтическомъ языкѣ трубадуровъ выражались и особымъ условнымъ терминомъ «joi» (= радость): поэтъ вмѣсто того, чтобы говорить о своемъ желаніи пѣть весною, говорилъ объ охватившей его весенней радости: Бернаръ де Вентадорнъ восклицаетъ въ одной изъ своихъ пьесъ:

1) Bartsch, Verz. 293, s; текстъ по Mahn'y Ged. 202.

2) Bartsch, Verz. 262, s; A. Stimming, Der troub. J. R. s. 45, p. B. Verz. 70, 41 и 355, 14.

Quant l'erba fresqu' e·l fuelha par
e la flors botona el verian,
e·l rossinhols autet e clar
leva sa votz e mou son chan,
ioy ai de luy et ioy ai de la flor
e ioy de me e de midons maior! [1]).

(«Когда свѣжѣетъ трава и показываются листья, когда цвѣты скоро начнутъ распускаться въ саду, и соловей подымаетъ свой высокій и ясный голосокъ и заводитъ свою пѣсню, тогда и я радуюсь соловью и радуюсь цвѣтамъ и радуюсь о себѣ и болѣе всего о моей дамѣ»). Слово «joi» было несомнѣнно терминомъ. Это видно изъ того, что трубадуры употребляютъ именно эту его сѣверную форму, только рѣдко прибѣгая къ формамъ «gaug» или «jai», несомнѣнно болѣе распространеннымъ въ южныхъ діалектахъ. Терминъ этотъ создался такимъ образомъ гдѣ-нибудь въ промежуточной полосѣ между Франціей и Провансомъ на родинѣ первыхъ извѣстныхъ намъ трубадуровъ Вильгельма графа Пуату и Маркабрю; отсюда онъ циркулировалъ уже повсюду, гдѣ звучала лимузинская рѣчь [2]).

На особенное специфическое значеніе у трубадуровъ слова joi было указано давно [3]), но истинное его значеніе объяснилъ Гастонъ Парисъ, когда впервые высказалъ мысль о вліяніи весенней обрядности и весенней обрядовой пѣсни на поэтику средневѣковой лирики. «Весеннія пѣсни, пишетъ онъ, выражаютъ радость, веселіе, ликованіе, присущія этому времени года. И какъ разъ эти свойства заняли такое мѣсто въ провансальской лирикѣ, что слово «joi» стало, такъ сказать, синонимомъ поэзіи; именно отсюда произошли названія «gai saber» и «gaia ciencia» [4]) (веселое знаніе, веселая наука) для обозначенія поэзіи. Въ смыслѣ

---

1) B. Verz. 70, 39; текстъ Appel'a, Prov. Chrest. s. 58, № 18.

2) *Romania* XIX, p. 159 (Гастонъ Парисъ).

3) См. у Поля Мейера въ его изданіи «Фламенки» подъ словомъ joi въ словарѣ.

4) *Journal des Savants*, 1892, p. 425.

поэзіи или вдохновенія къ поэзіи употребляетъ слово «joi» трубадуръ Бернаръ де Вентадорнъ, когда онъ говоритъ:

Jeu qu'ai plus de joy en mon cor
Deg ben chantar, car tug li mei jornal
Son joy e chan, qu'ieu nom pens de ren al[1])

(«Я, конечно, долженъ пѣть, разъ у меня въ сердцѣ больше радости, (чѣмъ у другого); вѣдь вся моя работа заключается въ радости и пѣньи, такъ что мнѣ не надо думать ни о чемъ другомъ»). Что эта радость есть именно радость весенняя, видно ясно изъ пѣсни трубадура Пейра д'Альвернь; говоря о веснѣ, поэтъ выражается такъ:

..... ara chanten cavalier,
que chans aporta alegrier,
e pert de son segle lo mays
qui seguon sazo non es guays[2]).

(«Теперь поютъ рыцари, потому что пѣсня доставляетъ веселье; тотъ теряетъ въ жизни самое лучшее, кто не радуется сообразно времени года»). Исходя изъ этихъ представленій, что весенняя радость есть лучшее вдохновеніе къ поэзіи и что весна есть сезонъ для поэта, началъ одну изъ своихъ пѣсней и трубадуръ Жоффръ Рюдель словами:

Pro ai del chan essenhadors
entorn mi et ensenhairitz:
pratz e vergiers, albres e flors,
voutas d'auzelhs, e lais, e critz
per lo dous termini suau,
qu'en un petit de joi m'estau[3]);

(«Хорошіе у меня учителя и учительницы вокругъ меня: поля и сады, деревья и цвѣты, голоса птицъ и ихъ пѣніе и крики въ

1) B. Verz. 70, 41; текстъ по Mahn'у, Werke, I, s. 44.
2) B. Verz. 323, 20; текстъ Appel'a, Provenz Inedita, s. 28.
3) B. Verz. 262, 4; текстъ у Stimming'a, Der tr. J. R. s. 47.

продолженіе нѣжнаго сладостнаго времени года; поэтому я нахожусь въ нѣсколько радостномъ (= вдохновенномъ) настроеніи»). Одинъ совершенно неизвѣстный сѣверно-французскій труверъ Гилльомъ высказываетъ ту же мысль въ нѣсколько болѣе наивномъ видѣ; онъ удивляется тому, что ему хочется пѣть, хотя этому нѣтъ никакой другой причины кромѣ нѣжнаго времени года, когда онъ видитъ, какъ возрождается все то, что приноситъ ему утѣху и радость, когда утромъ такъ звонко поютъ птицы, каждая на свой ладъ:

> Merveilles est que touz jors vueille chanter,
> quant je n'ai pas raison que chanter doie
> fors d'un douz tens que voi renoveler
> de qui je ai confort, solas et joie [1]).

Тему воспѣванія или упоминанія весны средневѣковые поэты, конечно, разнообразили на множество ладовъ, стараясь оживить и обновить этотъ начавшій надоѣдать затверженный поэтическій пріемъ: рядомъ съ весной запѣвали и упоминаніями объ осени, о томъ какъ увядаетъ растительность и начинается непогода [2]); говорили и о своемъ собственномъ отношеніи къ весеннимъ радостямъ, о соотвѣтствіи или противорѣчіи своего настроенія съ окружающими картинами природы [3]).

Къ тому времени, когда были составлены біографіи трубадуровъ въ XIII вѣкѣ, мода на весенніе запѣвы повидимому уже прошла: по крайней мѣрѣ въ біографіи стараго трубадура Пейра де-Валейра о немъ говорится съ презрѣніемъ, что онъ «сочинялъ стихи невысокаго достоинства, такіе, какъ

---

1) R. Bibl. № 834; текстъ по рукописи.

2) У названныхъ выше трубадуровъ старшаго поколѣнія осенній запѣвъ встрѣчается еще сравнительно рѣдко: Bartsch, Verz. 112, 2; 293, 4, 12, 13, 14, 21, 31, 38; 70, 25, 26; довольно многочисленны эти запѣвы такимъ образомъ только у одного Маркабрю съ его склонностью къ парадоксу; Маркабрю заявляетъ также въ одной пѣснѣ, что можетъ пѣть во всякую погоду (см. B. Vez. 293, 28, текстъ этой пьесы нап. у Appel'a, Prov. Chrest. s. 54, № 14).

3) Объ этомъ смотри въ слѣдующей главѣ, когда мнѣ снова прійдется вернуться къ весеннимъ запѣвамъ.

дѣлали нѣкогда: о листвѣ, о цвѣтахъ и о пѣніи птицъ»[1]). Болѣе поздніе трубадуры дѣйствительно и не пользуются уже этимъ поэтическимъ пріемомъ: у Гиро Рикье изъ восьмидесяти девяти пѣсенъ всего двѣ пьесы начинаются весеннимъ запѣвомъ[2]); у Гаусельма Файдита четыре пьесы на шестьдесятъ пять[3]); у Пейра Кардиналя изъ семидисяти только одна[4]); у Пейра Видаля три изъ пятидесяти[5]); у Понса де-Капдойля двѣ изъ двадцати семи[6]); у Гви д'Уизеля, Монтаудонскаго монаха и Фольке де-Марсейля нѣтъ даже ни одной пѣсни съ этимъ запѣвомъ.

И даже тѣ изъ запѣвовъ, которые встрѣчаются у этихъ поэтовъ, носятъ совершенно особый характеръ. Поэтъ зачастую прямо заявляетъ, что поетъ вовсе не потому, что наступила весна. Онъ нерѣдко отрицаетъ даже весеннюю радость, говоря, что его настроеніе вовсе не можетъ зависѣть отъ погоды. Подобную мысль высказываетъ напр. Пейръ Видаль:

Ges car estius es bels e gens
no sui jauzens, qu'us marrimens
mi ven de lai
don soli'aver mon cor gai;
per que pretz pauc abril ni mai[7])....

(«Я вовсе не радуюсь потому, что лѣто мило и прекрасно: грустное извѣстіе пришло мнѣ оттуда, гдѣ когда-то ликовало мое сердце; поэтому я мало придаю цѣны апрѣлю и маю»). Гораздо категоричнѣе выражается Гиро де-Борнейль въ запѣвѣ одной политической пѣсни:

---

1) Chabaneau, Biographie des troubadours, p. 10; приведено уже у Jeanroy, Origines de la p. l. au m. a. p. 390.

2) Bartsch, Verz. 248, 1 и 47.

3) B. V. 167, 10, 45, 49, 50.

4) B. V. 335, 4.

5) B. V. 364, 11, 29, 25; кромѣ этого двѣ 364, 24 и 30 осенніи.

6) B. V. 375, 19 и 25.

7) Bartsch., Verz. 364, 29; текстъ Bartsch'a P. V. Berlin. 1857, p. 55, № 28, ср. p. 52, № 27.

Chant en broil ni flors en verjen,
Ni gentz temps can l'amen abrils,
Ni vertz herba ni blancha flors
Tan nom ananza nim atrai
Vas vers far. . . . . . . [1]).

(«Ни пѣніе въ листвѣ, ни цвѣты въ саду, ни прелестная погода, которую приводитъ съ собою апрѣль, ни зеленая трава, усыпанная бѣлыми цвѣтами, ничто меня такъ не воодушевляетъ и не побуждаетъ сложить пѣсню, какъ поведеніе моего синьора»). Мало извѣстный трубадуръ Пейръ Милонъ еще болѣе открещивается отъ старой затверженной весенней радости:

Per pratz vertz ni per amor
non chant ni per bosc foillutz,
ni per mai, ni per pascor,
ni per clar rius c'ai vegutz,
ni per chant d'auzel, ni critz
ni per vergier q'es floritz [2]).

(«Я не пою ради зеленыхъ луговъ и любви, ради чащи лѣса, покрытой листвой, ради мая или Пасхи; я не пою ради прозрачныхъ ручьевъ и ради пѣнія и крика птицъ и ради сада усыпаннаго цвѣтами»). Эти слова особенно интересно противопоставить приведеннымъ выше словами Жоффра Рюделя. Разсужденіе Пейра Милона уже прямо подводитъ къ мнѣнію сѣверо-французскаго трувера Тибо графа Шампаньи, короля Наварры, по которому листва и цвѣты ничего не стоютъ въ поэзіи:

Feuilles ne flors ne vaut riens en chantant [3]).

Здѣсь поэтъ какъ бы открещивается отъ всякаго вліянія весенней пѣсни. Шампанскій труверъ стоитъ уже совершенно на той же точкѣ зрѣнія, что и провансальскій біографъ Пейра де-Валейра.

1) B. Verz. 242, 29; нап. въ *R. de l. r.* XXV, p. 207 (Chabaneau).
2) B. Verz. 349, 4; нап. въ *R. de l. r.* XXXIX, p. 185 (Appel).
3) R. Bibl. № 324.

На рубежѣ XII и XIII вѣка весенній запѣвъ однако еще царилъ, и никто повидимому не сомнѣвался еще въ изысканности производимаго имъ впечатлѣнія. Романъ Guillaume de Dôle, на который мнѣ такъ часто приходится ссылаться, представляетъ лучшій показатель того, что въ это время еще мода на весенній запѣвъ не поколебалась. Онъ былъ сочиненъ неизвѣстнымъ намъ лицомъ въ Лотарингіи приблизительно около 1200 года, и авторъ его заявляетъ, что ввелъ въ свой текстъ такія пѣсенки, которыя можетъ оцѣнить только человѣкъ, искусившійся во всѣхъ тонкостяхъ куртуазіи[1]). И вотъ въ этомъ то романѣ, написанномъ для самыхъ утонченныхъ читателей, цѣлыхъ шесть пѣсенъ начинаются традиціоннымъ упоминаніемъ весны. Авторъ романа Guillaume de Dôle находится еще всецѣло подъ вліяніемъ старой школы трубадуровъ: онъ любитъ приводить пѣсни Жоффра Рюделя и Бернара де-Вантадорна иногда въ французскихъ переложеніяхъ[2]); сѣверо-французскіе поэты, которыхъ онъ упоминаетъ: Гонтье де-Суаньи, Гасъ Брюле, Ги де-Куси, принадлежатъ также относительно весенняго запѣва къ тому же направленію[3]). У Гонтье де-Суаньи изъ тридцати дошедшихъ до насъ пьесъ весеннимъ запѣвомъ начинается двѣнадцать[4]), у Ги де-Куси восемь весеннихъ запѣвовъ на тридцать одну пьесу[5]), у Гаса Брюле на девяносто одну пѣсню ихъ четырнадцать[6]). Художественные пріемы трубадуровъ и труверовъ въ XII вѣкѣ были такимъ образомъ одинаковы.

---

1) Стихъ 15-ый, ed. Servois, p. 1.

2) Стихи: 1299 (J. Rudel), 4639 и 5198 (Bd. Ventadorn); см. также предисловіе Г. Париса, p. CXV, ed. Servois.

3) Упоминаніемъ весны начинаются слѣдующія ихъ пьесы, вошедшія въ романъ: R. Bibl. 857 (=ст. 2018 въ G. de D.), 986 (=ст. 922), 2086 (=ст. 4117), 1323 bis (=ст. 5218); одна пьеса знаетъ и осенній запѣвъ R. Bibl. 1779 (ст. 845). О личностяхъ этихъ труверовъ см. пред. Г. Париса.

4) R. Bibl. №№ 34, 1753, 2081, 2082, 2115 и 175, 354, 619, 1404, 1650, 1777, 2031.

5) R. Bibl. №№ 40, 590, 986, 1559, 1754, 1913, 1983, 2086; см. Fath, Ch. de C. Heidelberg. 1885.

6) R. Bibl. №№ 183, 283, 437, 550, 620, 633, 838, 857, 1304, 1387, 1754, 1757, 1893, 1977, 2086.

Въ сѣверной Франціи весенній запѣвъ продержался даже дольше, чѣмъ въ Провансѣ. Если и здѣсь цѣлый рядъ труверовъ, какъ Тибо графъ Шампаньи, его либо прямо отбрасываютъ и порицаютъ, либо перефразируютъ, заявляя, что поютъ вовсе не подъ вліяніемъ наступленія весеннихъ радостей [1]), то напротивъ у нѣкоторыхъ изъ представителей мѣщанской поэзіи Арраса-Моньо изъ Арраса, Андріе Контреди и др. запѣвъ этотъ все еще попадается [2]). Попадается онъ и у труверовъ не принадлежащихъ къ Пикардской школѣ, какъ Жакъ де Сизуань и Перрэнъ д'Ажанкуръ [3]). Напротивъ въ Провансѣ весенній запѣвъ повидимому былъ совершенно изгнанъ и даже забытъ: у позднихъ итальянскихъ трубадуровъ, у Бертоломе Зорджи и у Сорделло о немъ нѣтъ уже и помину [4]).

Параллельно съ весенними запѣвами провансальскихъ и французскихъ пѣсенъ такими же краткими описаніями весны начинались и пѣсни средне-верхне-нѣмецкаго миннезанга. Въ женскихъ строфахъ Кюрнбергскаго склада они правда еще не встрѣчаются [5]), зато въ Carmina Burana они широко распространены и въ латинскихъ и въ нѣмецкихъ пѣсняхъ [6]). Изъ раннихъ миннезингеровъ весеннимъ запѣвомъ пользуются Генрихъ фонъ Фельдеке

---

1) R. Bibl. №№ 131 (Willaume li Viniers), 283 (Baduins Desertans), 825 (Henri Amion), 2055 (Jean Erars), 2122 (Le chanoine de St. Quentin), 2116 (Eustache li Peintre), 2117 (Jehan de Louvois) и др.

2) R. Bibl. №№ 553, 1306, 1392, 2004 и 449, 490, 590, 647, 892, 1452, 1754, 1897. Объ этихъ поэтахъ см. у P. Paris'a, Histoire littéraire de la France, XXIII, pp. 524—525 и 690; они принадлежатъ скорѣе къ 1-ой половинѣ XIII в.

3) R. Bibl. №№ 179, 256, 930, 1148, 1305, 1647, 1912 и 172, 288, 460, 1243, 1692, 1767, 2118; ср. еще R. Bibl. №№ 985, 1649, 2086; у Моньо и у Пьеркэна встрѣчаются и отрицательные запѣвы см. R. Bibl. №№ 288, 739, 1528, 1912; ихъ біографію см. P. Paris, Histoire Littéraire de la France, XXIII, p. 632 — 634 et 665—666.

4) О нихъ см. E. Levy, B. Z. Berlin. 1882 и de Lollis Vita e poesie di S. Halle. 1896.

5) См. M. F. 7 — 10; о немъ см. Joseph, Die frühzeit des deutschen minnesanges, I, 1896 (Ausg. u. Abhandl.).

6) См. №№ 43, 44, 51, 52, 53, 56, 57, 62, 63, 79, 88, 95, 96, 100, 101a, 103, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 113, 115, 118, 120, 121, 122, 123a, 130a, 135, 140, 143a (pp. 132—216).

и рядомъ съ нимъ Дитмаръ фонъ Эйстъ, Ульрихъ фонъ Гутенбургъ, Рудольфъ фонъ Фенисъ, Альбрехтъ фонъ Іогансдорфъ, Генрихъ фонъ Ругге, Рейнмаръ, старшій и др.[1]). Этотъ пріемъ любилъ и Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде [2]), а Нитгардтъ фонъ Рюенталь и его подражатели начинаютъ имъ почти всѣ свои «лѣтнія пѣсни» [3]).

Потребность обновить пѣсню по веснѣ высказываетъ Бурграфъ фонъ Ритенбургъ:

Sît sich verwandelt hât diu zît
des vil manic herze ist frô,
. . . .
noch ist mîn guot rât,
daz ich niuwe mînen save[4]).

(«Съ тѣхъ поръ какъ перемѣнилось время года, отчего возрадовались сердца многихъ . . . . мнѣ слѣдуетъ обновить мою пѣсню»). Такъ же какъ и въ романскихъ пѣсняхъ, миннезингеры говорятъ часто и о «весенней радости»; въ одной анонимной пьесѣ самаго стараго склада напримѣръ поется:

Sich vröwent aber di guoten,
die dâ hôhe sint gemuot,
daz der sumer komen sol.
seht wie wol daz menegen herzen tuot[5]).

Ту же мысль высказываетъ и Генрихъ фонъ Морунгенъ:

Ich hôrte ûf der heide
lûte stimme und suezen sanc.
dâ von wart ich beide
froiden rîch und trûrens kranc[6])

---

1) M. F. 33, 15; 34, 3; 56, 1; 57, 10; 59, 23; 60, 29; 62, 25; 64, 17; 65, 18; 66, 1; 67, 9; 77, 36; 83, 36; 90, 36; 99, 29; 167, 31; 183, 33; 203, 24.

2) Lachmann, W. v. d. V., 39, 1; 45, 37; 51, 13; 64, 13; 75, 25; 75, 3; 92, 9; 94, 11; 114, 23.

3) Ed. Haupt, ss. 1—34.

4) M. F. 19, 7—13.

5) M. F. 4, 13.

6) M. F. 139, 19—22.

(«Я слышалъ въ рощѣ громкіе голоса и сладостное пѣніе. Отъ этого мнѣ было вмѣстѣ и радостно и горько»).

Представленіе о веснѣ, какъ о времени веселомъ, даже присуще миннезангу гораздо болѣе, чѣмъ поэзіи трубадуровъ и труверовъ. У миннезингеровъ весенняя радость то гармонируетъ съ настроеніемъ поэта [1]), то напротивъ находится въ противорѣчіи съ охватившей его грустью [2]); и далѣе стремленіе разнообразить по возможности эту основную тему привело логически къ представленію объ осенней грусти [3]) или о радости, которую не можетъ поколебать увяданіе природы [4]).

Но какъ и у романскихъ народовъ, и у нѣмцевъ со временемъ весенній запѣвъ сталъ однако также вырождаться въ условный поэтическій пріемъ и постепенно выходить изъ моды. Еще раньше, чѣмъ Вальтеръ-фонъ-деръ-Фогельвейде, влилъ въ весенній запѣвъ новую свѣжесть, а Нитгартъ оживилъ его струйкой простонароднаго веселья, Рейнмаръ, старшій, въ одной пьесѣ высказывается совершенно такъ же отрицательно объ весеннемъ запѣвѣ, какъ и Тибо графъ Шампаньи. Онъ говоритъ:

Mirst ein nôt vor allem mînem leide,
doch durch dîsen winter niht.
waz dar umbe, valwent gruene heide?
solher dinge vil geschiht;
der ich aller muoz gedagen:
ich hân mê ze tuonne danne bluomen klagen [5]).

(«У меня есть забота, превосходящая всѣ мои несчастья; но это не оттого, что теперь зима. Что изъ того, что желтѣетъ зеленый

1) M. F. 6, 14; 33, 15; 34, 3 и 11; 35, 16; 58, 23; 59, 23; 62, 25; 64, 17; 65, 28; 66, 1; 67, 9; 90, 32; 107, 7; 108, 6; C. B. 98a; 104a; 123a; 107a; 101a; 103a; 100a; 102a; 139a; 141a; 143a.

2) M. F. 3, 17; 4, 13; 14, 1; 16, 15; 19, 7; 56, 1; 65, 13; 77, 36; 83, 25 и 36.

3) M. F. 4, 1; 37, 18; 59, 11; 82, 26; 99, 29; 106, 24; 108, 4; C. B. 142a.

4) M. F. 6, 5; 18, 17; 37, 30; 39, 30; 40, 3; 64, 26; 140, 32; 216, 1; эти примѣры собраны Бергеромъ въ *Z. f. d. Ph.* XIX (1886), s. 445.

5) M. F. 169, 9—15; ср. M. F. 155, 4; на это мѣсто указалъ и Berger въ *Z. f. d. Ph.* XIX (1886), s. 445.

лѣсъ? Это дѣло обычное. Я долженъ подумать о томъ, что у меня есть дѣло поважнѣе, чѣмъ сожалѣть о цвѣтахъ»).

Повсемѣстно, и у трубадуровъ, и у труверовъ, и у миннезингеровъ весенніе запѣвы возникли такимъ образомъ изъ представленія о веснѣ, какъ о литературно-свѣтскомъ сезонѣ, но мало по малу послѣ долгихъ попытокъ ихъ обновленія стали уже надоѣдать и наконецъ окончательно вышли изъ употребленія. Въ томъ видѣ, какъ мы находимъ ихъ у средневѣковыхъ поэтовъ это—чисто условный, искусственный пріемъ поэтическаго творчества. Однако самъ литературно-свѣтскій сезонъ, который отражаютъ собою весенніе запѣвы, вѣдь ничто иное, какъ разновидность народныхъ весеннихъ игръ и забавъ. Равнымъ образомъ и «весенняя радость», этотъ закостенѣвшій терминъ средневѣковой поэзіи, въ основѣ своей всетаки обозначаетъ общенародное весеннее веселье. Это наглядно объясняетъ Нитгартъ какъ мы видѣли зачастую призывавшій къ чисто народнымъ весеннимъ потѣхамъ; отъ лица деревенской дѣвушки онъ характеризуетъ весну, какъ пору увеселеній.

Der walt mit loube stât'
sprach ein meit: éz mac wol mîner sorgen werden rât.
brinc mir mîn liehte wât.
der von Riuwental uns niuwiu liet gesungen hât.
ich hoer in dort singen vor den Kinden:
jâne wil ich nimmer des erwinden,
ich springe an sîner hende zuo den linden [1]).

Еще яснѣе высказывается Нитгартъ въ другой пьесѣ.

Schouwet an den walt wier niuwes loubes rîchet,
Wie wol er sîniu grüeniu kleider en sich strichet.
der hât im der meie
vil gesant.
mägede, sô man reie,

1) Haupt, 20, 38—21, 5.

sô sît gemant
alle
daz wir diu rosenkrenzel—
gewinnen
soz tou dar an gevalle.

—

Hei sumer waz herzen gegen dîner kunft erlachet!
die vogele die der winder trûric het gemachet
die singent wunniclîchen
ir gesanc,
welnt in aber tîchen
den sumer lanc.
schalles
phlegent sî des morgens:
gein âbent
spil wir kint des balles

—

Vreude und Kurzewîle sul wir hiwer uns nieten [1]).

(«Посмотрите на лѣсъ, какъ на немъ прибываетъ свѣжая листва, какъ прекрасно онъ одѣвается въ свое зеленое убранство. Ему прислалъ его въ изобиліи май... Дѣвушки, пока водятъ хороводы, пусть будетъ рѣшено, что всѣ мы получимъ вѣнки изъ розъ съ упавшей на нихъ росой. — Ахъ лѣто, какъ ликуетъ сердце твоему возвращенію! птицы, которыя были грустны всю зиму, поютъ радостно свою пѣсню и собираются упражняться въ ней все лѣто; пусть утро будетъ посвящено пѣнію: къ вечеру мы станемъ играть, какъ участники бала.—Мы должны теперь доставить себѣ радость и веселіе»).

Запѣвъ здѣсь уже отражаетъ болѣе прозрачно чисто бытовыя данныя. Радость, о которой говоритъ Нитгартъ, уже не условная, фиктивная радость, какою она стала у трубадуровъ;

1) Ed. Haupt, 19, 7—27.

это еще чисто реальная радость, основанная на народномъ обрядовомъ веселыи.

Коренное значеніе термина: весенняя радость, сохранившееся у Нитрата поможетъ намъ глубже вдуматься и въ значеніе весеннихъ запѣвовъ. Если весенній запѣвъ въ основѣ своей отвѣчалъ тѣмъ особымъ условіямъ, въ которыхъ жила и развивалась средневѣковая поэзія, онъ, конечно, не былъ вполнѣ искусственно измышленъ и введенъ въ пѣсню. Онъ создался изъ элементовъ народно-поэтическаго творчества, и черезъ его посредство мы будемъ поэтому въ состояніи возстановить кое что о недошедшей до насъ народной весенней пѣсни средне-вѣковой Европы. При естественной для того времени близости между привычками деревни и замка, простонародья и великосвѣтской феодальной знати, носительницы куртуазнаго идеала, народная пѣсня была далеко не чужда и средѣ сеньоровъ. И если вспомнить о выдающемся значеніи, какое имѣла весна съ ея хороводными играми и иными забавами для средневѣковаго общества, то будетъ вполнѣ очевиднымъ, что именно весеннія пѣсни, соотвѣтствующія нашимъ веснянкамъ, не могли быть забыты. Онѣ звучали слишкомъ близко; слишкомъ многозначительно выражали онѣ собою эту «весеннюю радость», призывающую поэтовъ къ вдохновенію и такъ напряженно ожидаемую въ теченіе великаго поста всѣмъ, что только было еще молодо и стремилось къ веселью и потѣхамъ. Съ особенной силой настаивалъ на огромномъ вліяніи специально веснянокъ, отложившемся на всей поэзіи трубадуровъ и труверовъ, Г. Парисъ въ своей обширной рецензіи на книгу профессора Жанруа о происхожденіи средневѣковой лирики[1]). Параллельно Парису туже мысль высказалъ относительно миннезанга Біельшовскій[2]).

---

1) *Journal des Savants*, 1892, p. 686—688; мысль Париса повторили за нимъ Jeanroy въ Histoire de la langue et de la litt. fr. pp. Petit de Jullevile, I, p. 364, Gorra, Delle orig. della poesia lir. del m. evo. Torino. 1895, p. 29, Groeber въ Grundriss'ѣ, II, 1, s. 663.

2) Bielschowsky, Gesch. der d. Dorfpoesie, ss. 13; это говорилъ уже раньше него Шереръ: «das tanzlied besonders als lied zu den Jahreszeitenfesten

Лучшимъ примѣромъ того, что народная пѣсня и преимущественно хороводная, плясовая пѣсня была до извѣстной степени въ ходу и въ куртуазныхъ кругахъ, служатъ приведенныя мною выше пѣсенки изъ романа Guillaume de Dôle[1]). Можетъ быть онѣ нѣсколько и передѣланы, отчасти уже подвергшись вліянію труверскаго искусства, но близость ихъ къ чисто народной пѣснѣ очевидна: запѣвъ ихъ: «c'est tot la gieus enmi les prez» слышится до сихъ поръ въ народной французской пѣснѣ[2]). Этотъ запѣвъ органическій, природный. Такого же чисто народнаго происхожденія и пѣсня объ Аэлисъ, основной мотивъ которой я уже имѣлъ случай поставить въ связь съ схожими мотивами несомнѣнныхъ народныхъ пѣсенъ[3]).

Пѣсня, которая вѣроятно вполнѣ соотвѣтствовала нашимъ веснянкамъ, называлась по старо-французски «reverdie»[4]). Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время мы можемъ только догадываться о складѣ и содержаніи этихъ reverdie. Рукописи не сохранили намъ ни одной пьесы, которая носила бы это названіе.

Чтобы представить себѣ, что такое эти загадочныя веснянки французскаго средневѣковья, приходится обратиться поэтому лишь къ сроднымъ пѣснямъ.

Можетъ быть наиболѣе близко къ первоначальной народной весенней пѣснѣ стоитъ одна нѣмецкая плясовая пѣсня, сохранив-

---

wobei die beschränkung auf den naturanlass nahe lag, mag mit den festen selbst in die adeliche Gesellschaft längst naiverer zeit eingedrungen sein». *Z. f. d. Alt. th.* XIX, Anzeiger, s. 202.

1) Ed. Servois, p. 125—126 и 16—17.

2) Стихъ 513; p. 16, ed. Servois; cp. Puymaigre, Ch. p. de Messin, II, p. 65 et 85 et Tarbé, Rom. de Champagne, II, p. 41.

3) См. выше I, стр. 150—152.

4) Свѣдѣнія о «reverdie» собраны у Groeber'a, Gesch. der franz. Grundriss, II, 1, s. 663; ихъ близость къ труверскимъ пѣснямъ очевидна хотя бы изъ того, что Тибо графъ Шампаньи заявляетъ:

Si cuid je faire encor maint jus parti
E maint sonet et mainte renverdie

(Tarbé, Chanson d. Th. de Ch. p. 126, № 81).

шаяся среди латинскихъ пѣсенъ въ сборникѣ Carmina Burana: «Всѣмъ намъ надо ликовать, поется здѣсь; и начать это время пѣснями, мы видимъ, что все въ цвѣту, роща стала прелестна; давайте танцовать, водить хороводы, плясать съ радостью и весельемъ; вотъ, что подходитъ славнымъ ребятамъ».

Nu süln wir alle froude han,
die zit mit senge wol began,
wir sehen blumen stan;
diu heide is wunneclich getan.
Tanzen, reien, springen wir
mit froude und ouch mit schalle,
daz zimet guten chinden als iz sol[1]) etc.

Вотъ при помощи этой пѣсни и приведенныхъ только что пространныхъ запѣвовъ Нитгарта, можно мнѣ кажется составить себѣ понятіе о томъ, каковы были не дошедшія до насъ старофранцузскія reverdies простонароднаго склада. Онѣ очевидно, какъ и презираемыя біографами трубадуровъ стихи Пейра де-Валейра пѣли «о листвѣ, о цвѣтахъ и о пѣніи птицъ» и при этомъ призывали къ истинному реальному весеннему веселью. Изъ этихъ-то элементовъ и возникъ условный запѣвъ, стянувшій въ себя содержаніе, котораго нѣкогда хватало на цѣлую пѣсню.

Мотивы схожіе съ весенними средневѣковыми запѣвами можно подыскать и въ пѣсенномъ достояніи Восточной Европы. Нѣчто подобное слышится даже въ пѣсенкѣ пастушка Пѣсни Пѣсней:

«Встань, моя милая, моя красавица и приди... Потому что, вотъ, прошла зима, перестали дожди, ... на землѣ стали показываться цвѣты; приближается время пѣсенъ; уже слышится голосъ голубки въ поляхъ; начинаютъ краснѣть молодые побѣги фиговаго дерева; виноградники всѣ

1) Carmina Burana, s. 181—182, № 103.

въ цвѣту и наполняютъ воздухъ своимъ благоуханьемъ. Встань, моя милая, моя красавица, и приди» [1]).

Среди малорусскихъ пѣсенъ весеннимъ запѣвомъ начинается пѣсня, принадлежащая по содержанію къ одному изъ наиболѣе распространенныхъ мотивовъ хороводныхъ пѣсенъ. Запѣвъ ея совершенно совпадаетъ съ Нитгартовскими:

И ўже весна й уже красна
Пора роставати
Пора нашимъ парубкамъ
Селомъ мандрувати [2]).

Рядомъ съ нимъ можно поставить и запѣвъ кипрской пѣсни, сообщенной Либрехтомъ въ нѣмецкомъ переводѣ:

«Май насталъ и май прошелъ, наступилъ іюнь — май пришелъ съ розами, а іюнь съ яблочками — И августъ съ дождикомъ и свѣжими цвѣтами — Разступитесь немного въ хороводѣ и впустите дѣвушекъ! — Пусть онѣ споютъ майскую пѣсню [3]).

Эти примѣры весенняго запѣва въ народныхъ пѣсняхъ независимыхъ отъ труверскаго вліянія правда стоятъ одиноко, но не принять ихъ въ соображеніе было бы едва ли не ошибкой; они показываютъ, что въ существѣ своемъ запѣвъ этотъ во всякомъ случаѣ возможенъ въ народномъ пѣсенномъ стилѣ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что весна, пора хороводныхъ игрищъ въ народномъ быту современнаго крестьянства Востока, а отчасти и Запада Европы, когда-то въ далекія средніе вѣка была и литературно-свѣтскимъ сезономъ западнаго феодальнаго общества. И это обстоятельство намъ оказалось особенно важно: возникшія на почвѣ этого весенняго литературно-свѣтскаго се-

1) Привожу по тексту Ренана, Le cantique des cantiques par. E. Renan. Paris. 1870, p. 186.
2) Чубинскій, Труды, III, стр. 111, № 38.
3) Liebrecht, Zur Volkskunde, s. 176.

зона средневѣковые весенніе запѣвы позволили намъ представить себѣ, каковы были и недошедшія до насъ средневѣковыя весеннія пѣсни, чисто народныя. Весна — время по преимуществу посвященное веселью. Это сезонъ современнаго крестьянства. Сезономъ была весна и для феодальной знати. Тогда особенно пестро, шумно и многолюдно справляли разныя игрища и хороводы. Тогда пѣлись и пѣсни. Пѣсня здѣсь была особенно умѣстна и надолго на все томительное время лѣтняго зноя и зимней стужи запоминались ея слова.

II.

Весеннее гулянье я старался представить покамѣстъ, какъ сезонъ, мнѣ хотѣлось оттѣнить его веселый, потѣшный характеръ. Значенью весеннихъ игръ и забавъ, какъ захватывающаго разгула, и будетъ посвящена вся эта глава. Сообразно этому я остановлюсь здѣсь на тѣхъ пѣсняхъ, которыя либо знакомятъ насъ съ общимъ укладомъ хороводныхъ игрищъ, либо отвѣчаютъ своими образами тому наплыву веселія и радости, подъ вліяніемъ котораго тянетъ въ эту пору года и стараго, и малаго поплясать на лужайкѣ, либо на улицѣ. Даже когда содержаніе ихъ осложняется, пополняется образами, и образами зачастую невеселыми, говорящими о житейской тяготѣ, и тогда, если вдуматься въ нихъ поглубже, онѣ имѣютъ въ виду прежде всего игры и забавы.

Начнемъ съ пѣсенъ, относящихся къ первому отдѣлу. Ихъ сравнительно немного.

Начало хороводныхъ игръ обыкновенно констатируется особыми пѣснями. Мы видѣли, что таково содержаніе многихъ «лѣтнихъ пѣсенъ» Нитгарта, поющихъ о весенней радости и такова именно и нѣмецкая анонимная пѣсня изъ сборника Car-

mina Burana, вѣроятно схожая и съ недошедшими до насъ старо-французскими raverdies. Въ Сербіи съ наступленіемъ весеннихъ праздниковъ припѣваютъ слѣдующій коротенькій стишокъ:

Бери се голем саборе,
Да би се голем набраjа!
Од сваке куће по мома,
Од попов' куће три моме [1]).

(«Собирайся большое собраніе, чтобы собралося большое! отъ всякой семьи по дѣвушкѣ, отъ поповской семьи три дѣвушки»). Схоже поется и въ малорусской пѣсенькѣ:

Ой выйдити, безштаньны
Заспивайте веснянкы!
    Клоччя пряльы, весны ждалы
    Не спивалы.
Ой выйдите зъ штанами
Заспиваемъ изъ вамы!
    Клоччя пряльы, весны ждалы,
    Не спивалы [2]).

Въ русскихъ пѣсняхъ подобное приглашеніе выражается болѣе фигурально:

По улицѣ по широкой
Скакалъ, плясалъ воробышекъ
Сзывалъ, скликалъ красныхъ дѣвицъ:
Подьте, дѣвушки, подьте красныя,
На игрище, на гульбище, и т. д. [3]).

Такія пѣсни называются «сборными»; ихъ сохранилось только очень немного. Записаны онѣ исключительно собирателями соро-

1) Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 119.
2) Гринченко, № 175, стр. 91.
3) Снегиревъ, Пр. р. пр. III, стр. 149, № 12.

ковыхъ годовъ [1]). Иногда «сборныя пѣсни» связаны и съ настоящимъ приглашеніемъ дѣвушекъ и парней въ хороводъ. Тогда между прочимъ поютъ:

Ахъ братцы мало насъ
Голубчики немножко.
Вы сбирайтесь молодые
Вы сходитесь холостые,
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало [2]).

Такой же смыслъ имѣетъ и одна сербская пѣсня, приведенная у Милојевић'а.

Долетеше два сокола,
Низ Босна
Низ Босна
Ге ми пада на сред села
На црква
На црква
И ми вика те јунаци:
На собор
На собор.
«Берите се ми јунаци!
На собор
На собор.
Ви јунаци млади момци
Не жен'ти
Не жен'ти

1) Сахаровъ, Сказ. 1-ое изд. отд. хороводныхъ п. стр. 27, № 1 и стр. 37, № 32; Студитскій, Нар. п. въ Вологод. и Олонецкой губ. стр. 7—10; приведено у Ш. В. стр. 53—54 пр. Самъ Шейнъ сообщаетъ только шуточныя пѣсни подобнаго склада; я разумѣю тѣ, которыя кончаются словами: «Пожалуйте въ хороводъ!» стр. 57, №№ 295, 297, 298 и 300, стр. 58, № 301 и 59—60, №№ 314, 320 и 322.

2) Ш. В. стр. 54 прим.

Ол'се собор без јунаци
Не бере
Не бере [1]).

(«Прилетѣло два сокола изъ Босніи, они спустились среди села на церкви и стали звать парней на собраніе: «Собирайтесь на собраніе, молодые парни, молодые ребята, неженатые. Безъ парней не собирается собраніе»). Далѣе пѣсня замѣчаетъ, что никуда не годятся безъ парней ни коло, ни пѣсня, и даже вообще дѣвушкамъ не быть безъ парней. Во второмъ отдѣлѣ этой пѣсни то же самое mutatis mutandis поется и о дѣвушкахъ, при чемъ на село прилетаютъ вмѣсто двухъ соколовъ два голубя.

Въ современномъ нѣмецкомъ пѣсенномъ репертуарѣ изъ числа «сборныхъ пѣсенъ» мнѣ извѣстенъ только одинъ коротенькій стишокъ изъ Альзаса:

Jetzt kome-n ihr Maide!
Zum spiele zum Tanz!
Der Pfingstequack springet
Im grünen Kranz [2]).

Но въ XVI вѣкѣ ихъ повидимому было еще не мало. Протестантскіе составители духовныхъ пѣсенъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи старой еще средневѣковой привычкѣ, зачастую пользовались мотивами свѣтскихъ пѣсенъ и, пародируя имъ, сочиняли свои гимны; подобныхъ духовно-нравственныхъ пародій сохранилось много [3]); и вотъ среди нихъ-то нѣкоторыя несомнѣнно передѣланы изъ пѣсней «сборныхъ». Я разумѣю такіе запѣвы, какъ:

Kommt her ihr lieben Schwester lein
Ihr allerliebsten Gespielen mein

1) Милојевић, П. и об. стр. 143, № 195.
2) Изъ «*Gartenlaube*», 1874, приведено у Erk-Böhme, D. Lh. II, s. 736, № 968.
3) Erk-Böhme, l. c. №№ 932—950.

Wir wolln singen ein Aben drein
Von unserm Heren Jesulein [1]).

или:

Wie steht ihr hie und seht mich an?
Ihr meint ich soll eur Vorsinger sein [2]).

Такой же смыслъ имѣетъ запѣвъ и одной изъ пѣсней Блауера (XVI в.), очевидно также пародирующей народную хороводную пѣсенку:

Ich frag, was üch wöll gfallen,
ob mir gebür
Das ich vor andern allen
den reygen für? [3]).

Такъ же, какъ и въ предшествующей, запѣвала или головщица спрашиваетъ такимъ образомъ молодежь, начинать ли хороводное дѣйство. Вопросъ этотъ конечно фикція, формула, считавшаяся обязательной для начала. По своему примѣненію она вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ сборнымъ пѣснямъ.

Если подняться еще выше до средне-вѣковой поэзіи, то и тутъ можно найти дошедшіе до насъ остатки сборной пѣсни. О ней даютъ уже понятіе запѣвы Нитгарта, какъ мы видѣли [4]) приглашающія дѣвушекъ «воздать честь маю» пѣснями и плясками. Но и помимо этихъ подражаній сборной пѣсни въ искусственной поэзіи въ памятникахъ средне-вѣковой поэзіи сохра-

---

1) Niklas Herman, der alte Cantor Die Historien von der Sindfludt Ioachimstal 1562, пѣсня носитъ весьма характерное названіе: Ein Abendreien v. Herrn Christo, für christliche Jungfreuelein, vorzusingen; прив. у Erk-Böhme, № 939, II B. s. 717; cp. Ibid. № 940, изъ другого сборника того же кантора Германа: Sonntags-Evangelia Wittenberg 1562, озаглавленная: «Ein christlicher Abendreien, vom Leben und Ampt Iohannis des Täufers, fur christliche, züchtige Jungfrauen».

2) Нап. впервые въ Vier geistliche Reienlieder. Nurnberg 1530—1550; потомъ въ Geistliche Ringeltentze. Magdeburg 1550, № 11, прив. у Erk-Böhme, D. Lh. № 934.

3) Wackernagel, Das d. Kirchenl. III, s. 602, № 671.

4) См. выше стр. 16 и 35.

нились и отрывки народной пѣсни подобнаго назначенія. Знаменитая пьеса Адама де-ла-Галь «Jeu de Robin et de Marion» кончается пляской-игрой, которую ведетъ Робинъ. Двѣ строчки, которыя поэтъ приводитъ изъ нея, конечно, не сочинены имъ самимъ. Это слова народной пѣсни:

Venes apres mi, venes lė sentelle
Le sentelle, le sentelle les le bos [1]).

Схожій съ нашими сборными пѣснями смыслъ имѣетъ и слѣдующая старинная нѣмецкая пѣсенка, уцѣлѣвшая среди латинскихъ пьесъ въ сборникѣ Carmina Burana:

Springen wir den reigen
nu, vrouwe nûn!
Vröun uns gegen den meigen,
uns Kumet sîn schîn [2]).

Между хороводными пѣснями есть и такія, которыя относятся къ послѣднему моменту гулянья, къ его концу. Пѣсни эти называются «разборными» или «разводными». Чаще всего подобныя русскія пѣсни недавней записи также, какъ современныя сборныя пѣсни, своему прямому смыслу болѣе не соотвѣтствуютъ и говорятъ чаще о поцѣлуяхъ, чѣмъ о настоящей разлукѣ [3]). Болѣе благоразумна подобная пѣсня у сербовъ; она напоминаетъ молодой женщинѣ объ ея оставшихся дома малыхъ дѣтяхъ:

Расипи оро, Радо невесто!
Пojди си дома.
Пojди си дома, Радо невесто!
Дете ти плачет.
Ако ми плачет, мили другачки,
Нека ми пукнет! [4]).

1) Le Jeu de R. et M. p. par Langlois, p. 124, v. 778—778.
2) C. B. ed. Schmeller, s. 178.
3) Ш. В., стр. 117—127, №№ 478—527.
4) Ястребовъ, Об. и пѣсни тур. сербовъ, стр. 139.

Схожая пѣсенка, записанная въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ варіантахъ, спроваживаетъ по домамъ и дѣвушекъ, хотя ихъ и не ждутъ въ избѣ малые ребята; въ Бѣльскомъ уѣздѣ она звучитъ такъ:

Положу кладку
Вэрбову, вэрбову,
Ой рано, рано
Вэрбову, вэрбову;
Часъ вамъ, діѣвуоньки,
До дому, до дому и т. д. [1]).

Какъ «сборныя», такъ и «разборныя» пѣсни не связаны ни съ какимъ дѣйствіемъ и могутъ быть спѣты и каждый день, какъ только начинается или кончается хороводное игрище. Но рядомъ съ этимъ мнѣ встрѣтился и обрядовой актъ, знаменующій собою начало весеннихъ забавъ. Въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губ. такой смыслъ приданъ теперь обряду «тянуть колодку», который мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ. Парни накидываютъ на 1-ой недѣлѣ великаго поста на дѣвушекъ колодку въ знакъ того, что онѣ должны явиться въ хороводное игрище, когда оно начнется на Пасху. При этомъ не явившаяся дѣвушка теряетъ право на участіе въ играхъ и забавахъ [2]).

Послѣ того какъ отошли «сборныя пѣсни», начинается собственно главный актъ хороводнаго дѣйства. Сюда входитъ все то огромное разнообразіе всевозможныхъ пѣсенъ и игръ, подробное разсмотрѣніе которыхъ едва ли можетъ отвѣтить цѣлямъ этого изслѣдованія. Молодежь, рѣзвясь и забавляясь въ хороводѣ, зачастую поетъ пѣсни совершенно безразличныя въ обрядовомъ отношеніи. Добиваться опредѣленія спеціально весенняго смысла многихъ изъ нихъ было бы совершенно напрасно. Это очень

1) Изъ Тростянца Бѣльскаго уѣзда, *Гродн. Губ. Вѣд.* (часть неоф.) 1891, № 33; ср. Чубинскій, Труды, III, стр. 130–131, № 26; Радченко, Гом. пѣсни, стр. 27, № 72; Метлинскій, Южно-русскія пѣсни, стр. 302.

2) *Вил. Вѣстникъ*, 1890, № 47, сообщ. въ *Этн. Об.* 1890 г. № 2, стр. 217.

часто просто пѣсни шуточныя [1]). Такова напр. общеизвѣстная малорусская пѣсенка съ забавнымъ припѣвомъ: «чоботы, чоботы вы мои» [2]). Что это пѣсня хороводная, видно ясно изъ ея конечныхъ словъ:

«Сама піду молода й у танокъ»;

Но какому спеціально весеннему представленію она соотвѣтствуетъ, кромѣ общаго весенняго настроенія проникнутаго позывомъ къ пляскѣ? Никакого отношенія къ весеннему игрищу не имѣетъ и сѣверно-русская пѣсня—игра о Чернецѣ, какъ онъ варилъ пиво [3]). Тотъ же безразличный въ обрядовомъ отношеніи

---

1) Таковы напр. Ш. Мюскр. I, № 165, стр. 177 и № 175, стр. 183; Радченко, Гом. п. № 26, стр. 48; Галько, Нар. зв. и обр. I, стр. 97, № 2, стр. 102, № 8, стр. 103, № 9 и стр. 105, № 11—13.

2) Гулакъ-Артемовскій, Нар. укр. пісні, стр. 30—31.

3) Пользуюсь случаемъ, чтобы привести текстъ этой пѣсни въ томъ видѣ, какъ она поется на моей родинѣ (Боровичскій уѣздъ, Новгородской губерніи), такъ какъ записанные ея варіанты всѣ не полны: Ш. В. № 380, стр. 78; Ш. Рп. стр. 110, № 61; Васнецовъ, стр. 200, № 14; Якушкинъ, Нар. русск. пѣсни, стр. 273. Среди хоровода ходитъ парень или дѣвушка, изображающая черника. Въ пѣснѣ поется:

На улицѣ было
Варилъ чёрникъ пиво
Черничекъ ты мой
Да гóринъ, черникъ молодой (*припѣвъ*).

Черниково пиво
Разъемчиво было
—

Попала хмѣлинка
Во мою головку (дѣвушка берется за голову и пляска прекращается).
—

Ни дастъ мни тряхнутцы
Ни дастъ ворохнутцы
—

Пойду я тряхнуси
Пойду ворохнуси (дѣвушка пляшетъ разбитнымъ казачкомъ).
—

Далѣе пѣсня повторяется, при чемъ «хмѣлинка» попадаетъ «во мои плечинки» (дѣвушка кладетъ руки на плечи), «во мои бочинки» (руки въ боки), «во мои колинки» (дѣвушка становится на колѣни) и наконецъ «во мои составы» (дѣвушка садится).

смыслъ имѣютъ и другія мимическія пѣсни-пляски въ родѣ «Заинекъ»[1]), «Дремы»[2]) «Елыньки»[3]), и другихъ.

Далеко не всѣ хороводныя пѣсни также поются только весною. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются и въ другихъ циклахъ. Особенно тѣ пѣсни, которыя намъ предстоитъ разсмотрѣть въ этой главѣ, естественно могутъ быть спѣты въ каждый циклъ хороводныхъ игръ и особенно на святки, когда тоже самое веселіе охватываетъ деревенскую молодежь. Если я позволяю себѣ отнести ихъ къ веснѣ, то это потому, что весеннее хороводное гулянье есть гулянье по преимуществу; какъ мы видѣли, поздняя весна знаменуется играми и забавами почти у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ; весенніе праздники справляются особенно шумно; весенніе хороводы самые главные въ году. Поэтому къ веснѣ нельзя прежде всего не пріурочить пѣсни, иносказательно возбуждающія къ смѣху и радости.

Разгулъ весенняго хороводнаго веселія образно изображаетъ одна пѣсенка, которую поютъ въ Россіи почти повсемѣстно:

Травка-муравка зеленая
Чомъ ти такая потоплана?
Ой чи тебе гуси пощипали,
Ой чи тебе коні потоптали?
— Ні се гуси мене пощипали,
Ні се коні мене потоптали
Ой се дівки танцювали

---

1) Ш. В., стр. 64—67, №№ 348—353; Сахаровъ, Пр. н. VII, 20; Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, стр. 12; Пальчиковъ, Крест. п. дер. Николаевки, №№ 20 и 21; Кокосовъ, Круг. игры, *З. И. Р. Г. О.* III, стр. 140 и слѣд.; Римскій-Корсаковъ, Сб. р. н. п. № 66; Галлеръ, Рай, № 42; Шадринъ, Л. и з. гулянья Шенк. н. стр. 91.

2) Терещенко, Бытъ р. н. IV, стр. 166—167; Р. Б. сб. стр. 33; Пальчиковъ, l. с. №№ 2 и 3; Фенютинъ, Увеселенія г. Мологи, *Тр. Яр. Ст. Ком.* в. 1-ый, стр. 125; Дембовецкій, Оп. Могил. губ. III, стр. 531; Кокосовъ, l. с. стр. 409; Абрамышевъ, Сб. р. н. п. стр. 62—63, № 31; Славянская, Вечера пѣнія, IV, 2.

3) Ш. Рп. стр. 212—230; Магнитскій, П. кр. с. Бѣлов. стр. 90; Пальчиковъ, l. с. № 8.

Золотими підківками
Мене потоптали [1]).

Путемъ болѣе осложненной идеализаціи отражаютъ хороводное веселье нѣсколько пѣсенныхъ мотивовъ, извѣстныхъ въ пѣсенной литературѣ и востока и запада Европы. На нихъ я остановлюсь нѣсколько дольше. Заключающіеся въ нихъ повѣствовательные элементы развились изъ самой психологіи хороводныхъ игрищъ. Они какъ бы невольно напросились, возникли совершенно естественно путемъ самаго незначительнаго напряженія фантазіи. Въ нихъ заключается какой-то задорный символизмъ веселія.

Въ своихъ иносказаніяхъ весенняя пѣсня любитъ прежде всего останавливаться на семейномъ положеніи участниковъ игръ и забавъ; она любитъ прослѣдить, какъ веселится въ хороводѣ: дѣвушка, молодица и даже старушка. Въ великорусской пѣснѣ, начинающейся запѣвомъ:

Селезéнко, сѣръ, во саду поплынь
Поближе, самъ послушай [2]),

изображается послѣдовательно, какъ «соиграютъ» и тѣ, и другія, и третьи. О старушкахъ говорится, конечно, въ самыхъ отрицательныхъ выраженіяхъ:

Цёртъ бы имъ надо — не игрище!
Знали бы старухи, — за зыбкою сидѣли,
Знали бы старухи — молодыхъ робятъ кацяли.

---

1) Чубинскій, Труды, III, стр. 179, № 122, ср. тамъ же № 70, стр. 158; Ш. Мисакр. I,1, стр. 187, №№ 181 и 182, стр. 189, № 185; Снегиревъ, Пр. р. пр. III, стр. 150, № 14 и Пальчиковъ, Кр. п. д. Ник. № 34.

2) Истоминъ, П. Р. Н. стр. 140, № 2; ср. Пальчиковъ, Кр. п. запис. въ с. Николаевкѣ, № 23; схожая пѣсня съ запѣвомъ:

Какъ у нашихъ, у нашихъ
У новыхъ дворовъ,
Какъ скачетъ и пляшетъ
Малъ воробей

у Ш. В. № 378, стр. 77 (хороводная).

Молодицы «соиграютъ» по словамъ пѣсни можетъ быть и не хуже дѣвушекъ, но сердце у нихъ неспокойно: онѣ участвуютъ въ хороводѣ:

Складци бѣлы руцьки къ ретливому сердецьку:
Какъ менѣ тошно на цюжой сторонки,
У цюжого батьки, у цюжой у мамки.

Очевидно всецѣло могутъ отдаться радости только дѣвушки. Онѣ весело восклицаютъ:

Воля намъ, воля, батюшкина воля!
Нѣга намъ, нѣга, матушкина нѣга,
Ходить красоваться душой красной дѣвицей!

Тема о дѣвичьей волѣ — тема излюбленная въ весеннихъ пѣсняхъ. Она высказывается на всѣ лады. Въ одной малорусской пѣснѣ сами родители говорятъ дочери:

Гуляй, доню, скилько хочешъ:
Замижъ пидешъ то и забудешъ
Двичи молода не будешъ;
Добра будешъ—мене не осудышъ [1]).

Тоже самое въ видѣ сентенціи высказываетъ и бѣлорусская пѣсня:

Чому дуба не рубати, що дубъ дублеватый;
Чому дѣвицѣ не гуляти, що родная мати;
И постѐла постель бѣлу, зъ макового цвѣту:
Ложись, доню, и спи, доню, до бѣлого свѣту [2]).

Даже грозные родители не страшны; дѣвушка не боится отца, и когда онъ по словамъ великорусской пѣсни «шелкову плеть приноситъ», она говоритъ:

1) Гринченко, Этн. мат. собр. въ Черниг. губ. III, стр. 81, № 146.
2) Радченко, Гом. п. стр. 14, № 36; ср. Чуб. Тр. III, стр. 170, № 103.

Мой батюшка не чужой,
Мой родимый не лихой.
Побьетъ, пожалѣетъ.
Съ двора сгонитъ, опять возьметъ [1]).

Потому-то въ великорусской пѣснѣ именно въ силу этой «дѣвичьей воли» или «батюшкиной воли» и «матушкиной нѣги» преимущественно дѣвушки и призываются въ хороводное веселье. Пѣсня какъ бы совѣтуетъ дѣвушкамъ нагуляться вдоволь.

Выходили красны дѣвицы
Изъ воротъ гулять на улицу,
Выносили соловеюшко на бѣлыхъ рукахъ.
Соловеюшко разсвищется,
Красныя дѣвушки разыграются.
Поиграйте, красны дѣвушки, кружкомъ,
Доколь весело во дѣвицахъ,
Доколь замужъ васъ не выдадутъ!
Не ровенъ да чортъ навернется:
Либо старой-отъ, удушливой-отъ,
Либо малой-отъ, не дошливой-отъ;
Либо ровнюшка хорошенькая [2]).

Дальше пѣсня эта сбивается на другой мотивъ какъ только при рѣчи о суженомъ она заговорила было о старомъ, о маломъ и о ровнѣ, она какъ-бы свернула въ сторону, и ей осталось только выставить отношеніе невѣсты къ этимъ тремъ тради-

1) Магнитскій, П. кр. села Бѣловолжскаго, стр. 112—113, № 2. Тема о «дѣвичьей волѣ» встрѣчается разумѣется въ пѣсняхъ или другихъ цикловъ или не пріуроченныхъ вовсе къ какому-нибудь моменту нар. кал. см. напр. у Соболевскаго, В. р. нар. п. III, №№ 79—81 и Истомина, П. Р. Н. стр. 139 и др.

2) Поповъ, Нар. п. Чард. уѣзда, стр. 36—37, № 14; ср. Терещенко, IV, стр. 137 и VII, стр. 216; Якушкинъ, стр. 183; Шадринъ, стр. 70; Лаговскій, 23; Пальчиковъ, №№ 1 и 28; Ш. Рп. стр. 108; Васнецовъ, стр. 218, № 31 и Ш. В. стр. 86, №№ 402—403 и стр. 357, № 1232; Соболевскій, В. н. п. III, № 184, стр. 107.

ціоннымъ типамъ будущихъ мужей. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно поэтому только начало пѣсни, самое констатированіе, что весело только въ дѣвушкахъ, что съ точки зрѣнія участія въ играхъ и забавахъ бракъ есть нѣчто нежелательное, грустное, почти неизбѣжное зло.

Эту мысль мы встрѣтимъ во множествѣ пѣсень, и ее намъ прійдется теперь разсмотрѣть подробно. Логически отправляясь отъ этой мысли, хороводная пѣсня очень много говоритъ о бракѣ. Если дѣвушкѣ среди веселья случится задуматься о суженомъ, ее сейчасъ же берутъ грустныя мысли:

Калинушка съ малиною
  Ранешенько расцвѣла —
На ту пору матушка
  Меня замужъ отдала.
Гуляй, гуляй, дѣвушка
  Покуль воля дана.
Уймутъ дѣвки волюшку, —
  Наложатъ заботушку [1]).

И подобную же мысль высказываетъ и болгарская лазарская пѣсня, изображающая діалогъ между лазарицами и молодой женщиной: на вопросъ, не скучаетъ ли «нивястѫ» по своимъ бывшимъ подругамъ, она отвѣчаетъ утвердительно, ей грустно, что не прійдется болѣе принять участія въ веселомъ обходѣ лазарицъ:

Нивястице, уруглице,
Жал ли ти іé зѫ момитé,
Зѫ момитê, зѫ лазѫрѫ?
Нивястѫ им удгуварѫ:
— Леле моми, леле дружки,
И жал ми іè, и ни ми іé:

1) Ш. В. стр. 360, № 1238; ср. также сербскую пѣсню у Ястребова, Об. и п. стр. 115—116; тоже поется и въ свадебныхъ пѣсняхъ; см. напр. Чуб. Тр. IV, 73 и 74.

Нѫ майка ми твѫрдѐ жалбѫ,
Чи мѫ младѫ уженилѫ;
Уженилѫ зѫчернилѫ,
Дѫ ни берѫ малки моми
Дѫ ни игрѫм лазѫрицѫ,
Дѫ ни им сѫм кѐіѐница [1]).

Особенно характерно выражаетъ «дѣвичью волю» въ противоположность «забутушкѣ» замужней женщины бѣлорусская веснянка изъ Гродненской губерніи. Она спрашиваетъ:

Кому вуольно, кому вуольно,
На гулоньку выти?
Кому вуольно да и поговорити?

и сама отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

Дiѣвкамъ вуольно, дiѣвкамъ вуольно
На гулоньку выти:
На гулоньку выти, да й поговорити

—

Молодицямъ, молодицямъ
Нэ такая воля,
Молодицямъ нэ такая воля:

—

Дитя плаче, дитя плаче
Въ новуй колубэли
Дитя плаче въ новуй колубэли.

—

Свiѣкръ лежитъ, свiѣкръ лежитъ
На бiѣлуй постэли и т. д. [2])

1) Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 210, № 155.

2) *Гродн. Губ. Вѣд.* 1891, часть неоф. № 34; въ другихъ варіантахъ подобный взглядъ высказывается соловьемъ: Сахаровъ, П. р. н. II, стр. 41; Чуб. Тр. III, стр. 58—59; Р. Б. сб. стр. 267—268; у Соболевскаго (В. н. п. III, № 87) помѣщенъ очень плохой варіантъ этой пѣсни изъ сб. Пальчикова, № 58; тотъ же мотивъ см. Ш. В. стр. 338, № 1182; Варенцовъ, стр. 196, № 19 и Р. Б. сб. I, стр. 267, № 17.

Эта пѣсня позволяетъ намъ уже сдѣлать шагъ впередъ въ разсмотрѣніи разбираемой здѣсь пѣсенной темы, которую можно было бы назвать «темой о семейномъ положеніи участницъ хороводныхъ игръ». Слѣдующій этапъ пѣсенной логики составляетъ въ ней грустная повѣсть о замужествѣ, разработанная уже самостоятельно безъ противоположенія дѣвичьей волѣ. Пѣсни подробно и охотно разрабатываютъ этотъ мотивъ.

Причины «неволи» въ брачной жизни пѣсни указываютъ прежде всего самыя реальныя. На первомъ мѣстѣ среди нихъ естественно стоятъ обязанности матери. Когда приведенная только что бѣлорусская пѣсня говоритъ:

Дитя плаче, дитя плаче
Въ новуй колыбели,

она даетъ намъ указаніе на чисто бытовыя условія, заставляющія молодицъ уступать мѣсто дѣвушкамъ въ деревенскихъ забавахъ. Это основаніе приводятъ и еще нѣсколько пѣсенъ. Такъ въ другой бѣлорусской пѣснѣ поется:

Ты молодая, молодочка, тиха твоя походочка,
Чомъ на улицу не выходишь, дѣвкамъ танки́ не заводишь?
— Ой якъ я маю выходить, дѣвкамъ танки заводить?
У мене дитятко маленькое,
Некому стати поколыхати;
Свекрухна лежить не пожалѣе,
Нехай лежить, хоть околѣе;
Свекорь лежить, не поколыше,
Нехай лежить, хотя и не дыше;
Мойго дитятки Богъ пожалѣе [1]).

Еще характернѣе выражаетъ эту фактическую невозможность молодой бабы отдаться веселью малорусская пѣсня, въ которой молодица сама просится къ «дівкамъ на улицю»:

1) Радченко, Гом. нар. п. *З. И. Р. Г. О.* XIII,2, стр. 5, № 13; ср. Б. Бп. стр. 47, № 87 (купальская).

«Свекру, батеньку,
Пусти на улоньку».
—Хочъ же я й пущу
Свекруха не пустить;
Хоть свекруха пустить,
Діверко не пустить;
Хоть діверко пустить,
Зовичка не пустить;
Хоть зовичка пустить,
Твій милый не пустить;
Хоть миленькій пустить,
Дитина не пустить [1]).

Все это длинное перечисленіе родни, которое приписываетъ пѣсня свекру, сдѣлано, конечно, только для краснаго словца; это такъ сказать чисто ритмическое перечисленіе; оно только подготовляетъ слушателя къ конечному и главному основанію, почему молодица должна остаться дома; такимъ пріемомъ причина: «дитина не пустить» оттѣняется особенно ярко. Возня съ дѣтьми, которой и то нельзя отдаться цѣликомъ среди множества работъ и занятій, тяготѣющихъ надъ крестьянкой, не даетъ ей возможности отдохнуть даже и въ свободное время. Она утомляетъ больше, чѣмъ забота о роднѣ мужа.

Ты не журь, свекорка, невѣхны молодой,
Сжуритъ ее дитятко малое [2]),

поется въ пѣснѣ.

Вмѣстѣ съ новыми заботами приходитъ естественно и конецъ молодости; деревенская красота вянетъ скоро, въ большинствѣ случаевъ преждевременно; къ разгульному веселью не лежитъ у молодицъ часто и сердце. Прежней воли и прежнихъ радостей

---

1) Чуб. Труды III, стр. 140, № 45.
2) Радченко, Гом. п. *З. И. Р. Г. О.* XIII, 2, стр. 3, № 6.

уже не вернуть. Это образно представляютъ народныя пѣсни типично-весенняго склада.

Зъ ве̂лико̂дне̂ до̂ пётра
Зёле̂нѣет̆ъ яво̂ръ до̂ камля —
Чаму е̂му зе̂ле̂ному не̂ быт̆ь,
На е̂го мо̂розы не̂ были.
А нёхай жа мо̂розы по̂будут̆ь,
По̂ло̂вину листа о̂тбуд̆еть,
Боли хворосту прибуд̆ёт̆ь;
Мо̂ло̂д̆енька наша Зе̂нŏчка,
Чаму ты у мамŏньки не была?
Чаму ты вѣночка нё звила?
Чаму ты таночка нё завёла?
Якъ по̂шла къ свёкратку мо̂ло̂да
По̂ло̂вину красы о̂тбыло,
А боли клопоту прибыло [1]).

Еще трогательнѣе говоритъ молодка въ литовской пѣснѣ, когда молодецъ (мужъ?) предлагаетъ ей «погулять» въ хороводѣ:

Эхъ ты насмѣшникъ,
Что я буду дѣлать въ хороводѣ?
Деревенскія дѣвушки
Пляшутъ, поютъ,
А ужъ я, молодая,
На лавочкѣ сижу (какъ замужняя).
Деревенскія дѣвушки
Съ вѣночками,
А ужъ я, молодая,
Съ наметочками (чепчикомъ) [2]).

Великорусская пѣсня, которую поютъ въ лѣсу во время Троицкаго гулянья и завиванья вѣнковъ, выражаетъ тоже самое уже

1) Дембовецкій, Оп. Мог. губ. I, стр. 536, № 16.
2) Миллеръ, Лит. нар. п. стр. 141, ср. 145.

болѣе образно. Пѣсня эта чисто лирическаго склада и о хороводныхъ играхъ здѣсь не упоминается вовсе:

Кабы знала я, вѣдала,
Молоденька, чаяла
Свою горьку долю,
Несчастье замужества,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы:
Пустила бы долю
По чистому полю,
Пустила бы красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ,
Отдала бы я черны брови
Ясному соколу:
Красуйся, красота,
По цвѣтамъ лазоревымъ,
Гуляй, гуляй, воля
По чистому полю,
Бѣлѣйся, бѣлета,
По бѣлой березѣ!
Чернѣйтеся, очи,
У чернаго ворона [1]).

Тоска по увядшей красотѣ и улетѣвшей волѣ не можетъ быть выражена болѣе художественно.

На этомъ мы собственно можемъ покончить съ темой о семейномъ положеніи участницъ въ хороводныхъ играхъ. Теперь уже все сказано: мы знаемъ, что дѣвушкѣ принадлежитъ первое мѣсто въ хороводѣ, что молодку удерживаютъ зачастую обязанности матери и работницы въ домѣ и ей грустно и скучно: воля миновала, а съ волей и возможность повеселиться.

1) Ш. В. стр. 343, № 1197.

Самый мотивъ о неволѣ замужней женщины однако далеко не исчерпанъ. Намъ предстоитъ разсмотрѣть еще одну его фазу. Въ ней онъ какъ бы переходитъ уже въ другой мотивъ, въ мотивъ о горестяхъ супружеской жизни. На простомъ, прозаическомъ констатированіи бытовыхъ условій, опредѣляющихъ различное участіе въ весеннихъ играхъ и забавахъ дѣвушекъ и молодицъ народное творчество закоченѣть не можетъ. Если въ основѣ разобранной темы лежатъ чисто бытовыя данныя, то, при ихъ художественномъ воспроизведеніи, воображеніе заставляетъ ихъ облекаться въ причудливые, иносказательные образы. Рядомъ съ хороводнымъ мотивомъ о неволѣ замужней женщины стоялъ исконный свадебный мотивъ, въ которомъ бракъ изображался гореваньемъ на далекой чужбинѣ, среди недруговъ, насильственнымъ увозомъ и даже гибелью [1]). Такое представленіе о замужествѣ указало путь цѣлому ряду пѣсенныхъ преувеличеній. Молодица стала выставляться, какъ страдалица; она тщетно рвется на улицу погулять, какъ прежде съ подружками, но сердитый мужъ или родня мужа противятся не пускаютъ. И этимъ преувеличиваньемъ и самое хороводное веселіе получаетъ больше блеска, выставляется въ самомъ неудержимо привлекательномъ видѣ и семья, помѣха этому веселью, естественно должна очерчиваться самыми мрачными красками, какъ начало зловѣщее, гнетущее, враждебное всякой радости.

Подобной пѣсенной фикціи опытъ жизни, конечно, даетъ богатый, можно сказать, неисчерпаемый матеріалъ. Настроеніе выливается въ образы чисто реальные, за которыми стоитъ непривлекательная и суровая дѣйствительность; но вызвало эту дѣйствительность въ поэтическое воспроизведеніе особое настроеніе, особый уголъ зрѣнія, извѣстная условность и предвзятость.

---

1) Сумцовъ, О свад. обр. справедливо замѣчаетъ: «Умыканіе и купля невѣсты сказались въ глубоко - тоскливомъ тонѣ свадебныхъ пѣсенъ», стр. 30—31.

Если искренность хороводной темы о горестяхъ замужней женщины можно такимъ образомъ заподозрить, если въ ней нельзя не увидѣть сознательное, художественное преувеличеніе, навѣянное отчасти мотивомъ объ умыканіи въ свадебныхъ обрядахъ, то на ту же мысль наводитъ и то обстоятельство, что столкновенія съ мужемъ и его родней происходятъ въ пѣсняхъ именно изъ-за игръ и забавъ, куда тянетъ молодую женщину. Когда молодицѣ вздумается спроситься на улицу погулять, она вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ получаетъ угрозы самаго грубаго свойства, и отъ свекра, и отъ свекрови, и отъ мужа. Въ пѣснѣ, въ которой это испрашиваніе разрѣшенія изображается въ лицахъ поклономъ дѣвушки, стоящей въ серединѣ хоровода, то той, то другой изъ подружекъ, за каждымъ поклономъ слѣдуютъ слова:

Хоть отпущена — шкура спущена.
Шкура волочится — гулять хочется[1])

Даже, когда молодица восклицаетъ:

Теперь намъ воля, воля, переволя
Ходити гуляти, скаки плясати,

потому что «мужа дома нѣту», она невольно останавливается въ своей радости:

Гроза его дома — шелковая плетка.
Шелковая плетка въ клитушкѣ на спичкѣ,
Въ клитушкѣ на спичкѣ, закрыто трепичкой.

Эта плетка пускается въ ходъ чаще всего именно изъ-за неисправимаго желанья молодицы погулять. Одинъ варіантъ той же пѣсни объясняетъ это самымъ наглядным образомъ:

За что, млада, бита
За что она мучена,

1) Ш. В. стр. 356, № 1228; Сахаровъ, II, № 16, стр. 32; Варенцовъ, стр. 97; Пальчиковъ, № 32; Магнитскій, стр. 105, № 9; ср. Чуб. Труды, III, стр. 85, № 24 и Магнитскій, стр. 90, № 2.

Къ чему она учена?
—За дѣвичій обычай.
«Дѣвичій обычай
Умру не забуду,
Плясать, играть буду [1]).

Какъ видно изъ послѣднихъ словъ пѣсни, гроза мужа остаться дома молодицу заставить все-таки не можетъ. Оно и естественно: ей вѣдь также принадлежитъ мѣсто во время игръ и забавъ, она не хочетъ бросить свой «дѣвичій обычай» и возмущается противъ своихъ притѣснителей.

Якъ я выйду на вуличку,
Якъ удару въ ладоночки,
Объ золотые пярсьцёночки,

задорно поетъ молодица въ бѣлорусской пѣснѣ; и напрасно свекръ хочетъ удержать ее; напрасно онъ говоритъ: «по малу, по малу нявѣстуньки»; почувствовавъ себя вновь вольной, молодица не признаетъ больше власти мужниной семьи; она считаетъ себя вновь зависящей только отъ своихъ родителей; вотъ почему она отвѣчаетъ на совѣтъ «не побить себѣ ладоночки, не поломать пярсцянечакъ»:

Ховаў ладонки, мой татулька,
Ховаў ладонки, мой родненьки,
Спраўляў пярсцёнки, мой брацитка [2]).

Тоже возмущеніе молодой женщины, пользуясь другими образами, рисуетъ намъ и извѣстная великорусская пѣсня:

Какъ подъ бѣлою подъ березою,
Подъ грушею подъ садовою —

1) Ш. В. стр. 351, № 12014 и стр. 108, № 456.

2) Ш. Мнсзкр. I,1, стр. 179, № 169; Р. Б. сб. I, стр. 265, № 11; Б. Бп. стр. 83, № 180 (купальская); Чуб. Тр. III, стр. 189, № 6; ср. схожія по сюжету великорусск. Ш. В. стр. 107, № 453, стр. 108, № 455 и стр. 347, № 1206.

Дѣвки сѣютъ, разсѣваютъ
Конопелюшко [1]).

Здѣсь молодица горько жалуется:

Всѣ кумы-подруженьки
На игрище ушли,
А меня младу-младешеньку
Не отпустили.

Не отпустили молодицу, потому что каждый изъ членовъ семьи накладываетъ на нее какую-нибудь работу: свекръ заставляетъ «овинъ сушить», свекровушка: «красна основать», деверь осѣдлать коня, золовка расчесать волосы и заплесть косу. Но молодица вовсе не хочетъ прислуживать роднѣ мужа и при каждомъ названіи работы она восклицаетъ:

Я во сердце-то войду,
Во ретивое войду,
Сама на игрище уйду.

Молодица торжествуетъ такимъ образомъ свою побѣду. Появившись на улицѣ, она побѣдила всѣ трудности, постояла за себя, отвоевала себѣ обратно свою дѣвичью волю и свой дѣвичій обычай.

Мотивъ о горестяхъ замужней жизни въ этой своей фазѣ не имѣетъ уже ничего общаго съ темой о семейномъ положеніи участницъ хороводныхъ игръ. Онъ отвѣчаетъ теперь совершенно другой пѣсенной идеализаціи. Мы переходимъ здѣсь къ темѣ «о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками».

Веселое, гульливое настроеніе заставляетъ участниковъ хороводныхъ игръ относиться задорно ко всему, что становится имъ помѣхой, и захватывающій разгулъ весеннихъ праздниковъ

1) Поповъ, стр. 20—22, № 7; Сахаровъ, II, стр. 85 и 230, № 7; Снегиревъ, Пр. р. вр. II, стр. 99, № 9 и Ш. В. стр. 310—311, №№ 1048—1051, обѣ среди святочныхъ.

они охотно представляютъ себѣ, какъ отвоеванное съ большимъ трудомъ пріобрѣтеніе. Когда хороводному веселью противоставляютъ препятствующія ему обстоятельства жизни, оно какъ бы болѣе отчетливо вырисовывается, ощущается болѣе осязательно, болѣе сильно притягиваетъ къ себѣ вниманіе. Вслѣдствіе подобной игры воображенія отъ противоположнаго среди хороводныхъ пѣсенъ и занимаютъ чуть не первенствующее мѣсто зачастую такія пѣсни, содержаніе которыхъ скорѣе грустно и тоскливо; но достаточно ближе къ нимъ приглядѣться, чтобы увидѣть, въ какомъ вопіющемъ противорѣчіи стоитъ ихъ грустный замыселъ не только съ той обстановкой, въ какой она поется, но и съ тѣмъ внутреннимъ скрытымъ смысломъ, который лежитъ въ ихъ основѣ. О горестяхъ замужней жизни поютъ участницы хороводныхъ игрищъ, и дѣвушки, и молодицы, чтобы побудить себя къ радости, чтобы раззодорить, раздразнить себя, чтобы внушить себѣ упоеніе гульбой и забавными играми. Горестной и тяжелой изображается здѣсь семейная жизнь, потому что она противница хороводнаго веселья. Зато ее и поносятъ, за то на нее и клевещутъ. И не надо думать, чтобы пѣсни о горестяхъ замужества были пѣснями по преимуществу женщинъ толкующихъ о погибшей «дѣвичьей воли». Вовсе нѣтъ, мы увидимъ дальше, что основная участница въ хороводѣ именно дѣвушка. Это дѣвушка и поетъ о «мужней плеткѣ», о «дитинѣ», о суровой мужней роднѣ. Она поетъ обо всемъ этомъ, чтобы сильнѣе проникнуться своей «дѣвичьей волей». Все это будущіе враги хороводнаго веселья и съ ними она какъ бы и мѣрится своими расходившимися силами.

Но хороводнаго веселья и родственной ему дѣвичьей воли есть и еще другой противникъ, не ожидаемый, а уже теперь существующій.

Въ Малороссіи напримѣръ поютъ:

Ой чи було літо, чи минулося,
А я, молода, літа не знала;
Мене моя мати гулять не пускала;

Да въ комору да зачіняла,
Трома защіпками да защіпала,
Трома замочками да замикала.
«Пусти мене, мати, сей вечеръ гуляти,
Всю челядоньку да побачити».
— Ой не пущу, суко, нерабітнице,
Да свому добру не кукібнице»,
Мати свою дочку держала въ куточку:
«Сиди, суко, сиди, пряди сорочку» [1]).

Краски еще сгущаются, когда дѣло идетъ уже не о строгой матери, не пустившей погулять, а о злой мачехѣ отдающей насильно въ монахини. Объ этомъ поется въ бѣлорусской хороводной пѣснѣ:

Чомъ вы, конопельки, не зелены стоите?
Якъ же намъ, конопелькамъ, зеленымъ стояти,
Сверху конопельки клюють воробьи,
Съ йсподу конопельки вода подмыла,
А въ серединѣ конопельки хвила зломила.
Чомъ ты, дѣвочка, не веселая въ танку?
Якъ же мнѣ веселою въ танку стояти;
Батюшка каже — за князя отдать,
Мамочка каже — въ черныя чернушки.
Ой стукавъ, погрукавъ во тесовыя ворота;
Мнѣ бачца, мой батька съ князьми — зъ боярьми;
Ажъ то моя мамка съ черными чернушками.
Скидай, моя дѣтка, цвѣтное платье,
Надѣвай, дитя мое, черную рясу,
Покидай, дитя мое, дѣвоцку красу [2]).

---

1) Чуб. Труды, III, стр. 132, № 29; другіе варіанты ibid. Чуб. Тр. стр. 134, № 33; Р. Б. сб. I и II, стр. 265, № 12; Ш. Бп. стр. 405, № 175; Радченко, Гом. п. стр. 2, № 5; Б. Бп. стр. 157, № 170 (среди масляничныхъ) и Римскій-Корсаковъ, № 88.

2) Радченко, Гом. п. стр. 37 — 38, № 6; Снегиревъ, Пр. р. нр. III, стр. 152, № 17 = Сахаровъ, П. р. н. IV, стр. 379 (семицкая).

Что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ иносказаніемъ, съ пѣсенной фикціей видно уже изъ того, что обѣ пѣсни поются во время хороводовъ. Это особенно ясно изъ второй пѣсни; очевидно, ни запиранья въ комору, ни насильственнаго пострига въ сущности не произошло, разъ дѣвушка, о которой поется въ пѣснѣ, все-таки находится въ хороводѣ.

Первая изъ приведенныхъ пѣсенъ принадлежитъ къ одной изъ разновидностей такъ называемыхъ «споровъ матери и дочери» [1]). Подобныя пѣсни существуютъ у сербовъ, нѣмцевъ, французовъ, португальцевъ и итальянцевъ. На Западѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, кромѣ современной народной пѣсни, мотивъ этотъ слышится и у средневѣковыхъ поэтовъ, заимствовавшихъ его въ пѣсенномъ достояніи тогдашняго европейскаго крестьянства. Въ основѣ этого мотива повидимому лежитъ монологъ дѣвушки, высказывающей желаніе пойти поплясать. Такой видъ имѣетъ онъ въ старой португальской пѣснѣ изъ сборника короля Дениса. Дѣвушка здѣсь на всѣ лады повторяетъ, что ей дома не сидится, что ее влечетъ къ пляскамъ и утѣхамъ любви:

Mha madre velida!
Vou-m' a la bailia
do amor
Mha madre loada!
Vou-m' a la bailada
do amor [2]) и т. д.

Далѣе на сцену появляется и мать, и выходитъ споръ или діалогъ, быть можетъ, отразившійся въ амобейномъ исполненіи пѣсни, столь распространенномъ въ народномъ художественномъ творчествѣ. Аргументы матери въ большинствѣ случаевъ тѣже,

1) Другой родъ такихъ споровъ, гдѣ дочь проситъ мужа или объявляетъ о своей помолвкѣ, въ западно-европейскихъ пѣсняхъ недавно изучилъ Renier Il contrasto tra la madre e la figliuola въ Сборникѣ *Rossi-Teiss*. Къ нему мы обратимся въ слѣдующей главѣ.

2) Lang, Liederbuch des König Denis, s. 92—93, № CXVI.

что и въ приведенной пѣснѣ: «Ой чи було літо чи минулося»; она обвиняетъ дочь въ лѣни, хочетъ засадить ее за работу. Но на этомъ эпизодѣ пѣсня рѣдко останавливается, она стремится и еще дальше къ желанному концу, къ тому, что можно было бы назвать побѣдой хороводнаго веселья: удержать дочь дома матери обыкновенно не удается; слова благоразумія ее не трогаютъ; ей не утерпѣть, не устоять передъ захватывающимъ разгуломъ хороводнаго веселія, и побѣда въ спорѣ такимъ образомъ остается за строптивой плясуньей. Такъ въ подобной великорусской пѣснѣ дѣвушка прямо заявляетъ:

Родимая моя мать
Тебѣ меня не унять:
Сама была такова [1]),

и тоже самое говоритъ своей матери и молодая француженка, стремящаяся на ярмарку:

J'aimerai mieux manquer de pain
Que de manquer à la foire demain [2]).

Не послушавшись матери, уходитъ изъ дому дочка и въ одной сербской пѣснѣ [3]).

Основной смыслъ разбираемаго мотива и лежитъ очевидно въ той борьбѣ, какую пришлось выдержать участницамъ хороводныхъ игрищъ. Онъ представляетъ собою несомнѣнно одну изъ разновидностей той пѣсенной темы, которую я предложилъ назвать темой о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками.

Мнѣ не трудно будетъ показать, что къ той же темѣ относится и вторая приведенная мною пѣсня, пѣсня на мотивъ о черничкѣ. Въ русскихъ и нѣмецкихъ хороводныхъ пѣсняхъ монахъ и монахиня, какъ это ни странно, составляютъ довольно распро-

1) Магнитскій, стр. 111, № 1.
2) Fleury, Litt. or. de la Basse-Norm. *L. L. p. d. t. l. n.* XI, p. 305.
3) Ястребовъ, Об. и п. тур. сербовъ, стр. 114—115.

страненныя фигуры. «Монахъ и монахиня» или «священникъ и монахиня» называется нижненѣмецкая майская хороводная пѣсня, извѣстная и въ шведскихъ и голландскихъ варіантахъ [1]). У насъ въ Россіи о монашенкахъ разыгрываютъ во время хоровода игру, называемую «Старецъ» или «Игуменъ» [2]). Эта игра мнѣ кажется и объяснитъ психологію возникновенія этого мотива. Одинъ изъ играющихъ избирается игуменомъ и садится посреди хоровода. Остальные ходятъ кругомъ и поютъ:

Чернички мои,
Сестрички мои!
Попляшемтя,
Поскачемтя!
Мы безъ игумена свово,
Безъ канальи его.
Ужъ игуменъ-то
Меня, молоду, стрижеть,
Въ черну рясу кладеть [3]).

Послѣ этихъ словъ начинается опросъ играющаго роль привратника, гдѣ игуменъ; и сначала оказывается, что его нѣтъ дома; послѣ второго опроса мы узнаемъ, что игуменъ идетъ въ баню; потомъ отправляется отдыхать и т. д. Наконецъ игуменъ является и спрашиваетъ:

«Ну мать, что дѣлала?»
— Молилась, постилась, душой смирилась —
«А гдѣ четки?»
— Ахти, плясала да потеряла! [4]).

При этихъ словахъ игуменъ начинаетъ ловить тѣхъ, кто водилъ вокругъ него хороводъ, и кого можетъ достать, бьетъ жгутомъ.

1) Erk-Böhme, D. Lh. № 977 a и b. II, s. 743—744.
2) Ш. Рп. стр. 381—382; Ш. В. стр. 315, №№ 1064—1067; Р. Б. сб. I и II, стр. 442, № 19; Радченко, Гом. п. стр. 36, № 4.
3) Ш. В. № 1065.
4) Ibid.

Игра эта разъигрывается и иначе: она изображаетъ черничку спящей. Хороводъ тогда поетъ:

Я по келійку хожу,
Черничку бужу:
«Черничка встань!
Молодая встань!» [1]).

Оказывается, что черничка встанетъ только, чтобы плясать.

Между этой игрой и приведенной выше пѣсней о насильственномъ постригѣ связь самая близкая. Ее ясно показываютъ слѣдующія слова одной изъ разновидностей игры въ игумена:

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному:
Младешеньку въ чернички стрегутъ,
Зеленешинькую подстригиваютъ,
«Не мое-бы дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое-бы дѣло молебны служить,
Только мое-бы дѣло скакать и плясать
Только мое-бы дѣло игрища собирать [2]).

Высказывается-ли дѣвушкой протестъ противъ насильственнаго пострига, потому что онъ станетъ препятствіемъ къ участію въ хороводномъ весельи, либо уже постриженная безъ всякаго призванія монахиня все-таки рвется на свободу поиграть съ подружками, въ сущности безразлично. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ той же самой борьбой хороводнаго веселья съ его противниками, что и въ мотивѣ о спорѣ матери и дочери. Образъ монаха или монахини въ хороводной пляскѣ также возникъ путемъ представленія отъ противоположнаго. Народному воображенію стало нравиться называть монахинями и монахами тѣхъ, кто въ увлеченіи плясокъ и забавъ всего менѣе походитъ въ эту минуту на отшельниковъ.

1) Ibid. № 1069.
2) Ibid. № 1064.

5*

Къ темѣ о борьбѣ хороводнаго веселія съ его противниками мнѣ остается теперь прибавить только еще одну разновидность. До сихъ поръ въ обоихъ разобранныхъ мотивахъ перевѣсъ оказывался на сторонѣ игрища; весенняя радость и молодость побѣждали и родительское благоразуміе, и суровую аскезу монашества. Хороводное веселіе представлялось свѣтлымъ началомъ; всѣ симпатіи были на его сторонѣ. Но возможно и противоположное, возможно, конечно, стать и на точку зрѣнія противниковъ. Въ хороводную пѣсню можетъ проникнуть извѣстное сомнѣніе, она можетъ поколебаться въ своей самоувѣренности. Тогда родительское наставленіе представится въ совершенно другомъ свѣтѣ, именно оно зальется тогда свѣтомъ, а игрище станетъ рисоваться въ темныхъ зловѣщихъ краскахъ. Церковное наставленіе, искони преслѣдовавшее подобныя забавы, вдругъ получитъ тогда небывалую силу. Подобное настроеніе можетъ кое-когда появиться даже и въ самомъ хороводѣ. Оно отвѣчаетъ потребности въ дерзкомъ задорѣ, въ удальствѣ, граничащемъ уже съ отчаяніемъ. Поэтическій замыселъ станетъ тогда уже трагическимъ. Сосредоточенію вниманія на хороводномъ игрищѣ, на обрядовыхъ играхъ и забавахъ послужитъ тогда возбужденіе не смѣхомъ, а ужасомъ.

Подобному настроенію отвѣчаетъ болгарская пасхальная пѣсня, въ которой молодой Нено собирается на собраніе. Два брата ему сѣдлаютъ коня, двѣ снохи готовятъ обѣдъ, двѣ сестры расчесываютъ хохолъ, а отецъ отсчитываетъ ему деньги. Мать предостерегаетъ его, прося не разгорячить вороного коня, не стрѣлять изъ желѣзнаго ружья и не снимать бобровой шапки:

«Мили Нено, мили сыну!
Нарачала ненова-та,
Ненова-та мила тетка:
«Да дойдешъ, Нено, да дойдешъ
На хубави день Великденъ:
Голѣмъ ся соборъ собира —

Отъ деветъ села момя-те,
Десето село — наше-то».
Кога было день Великденъ,
Походи Нено да иде,
Два му брата коня седлатъ,
Две му снахи ручокъ готватъ,
Две му сестри перчикъ решлятъ;
Баща му пари броеше,
Майкя го тихомъ учеше:
«Мили Нено, мили сыну!
Кога прійдешъ при соборо,
Не разигруй враня коня
Не прихвжрлюй тепки пушки
Не дигай си самуръ колпакъ
Не распущай руси перчикъ».

Это мудрое наставленіе Нено однако забываетъ и даетъ вдоволь на себя наглядѣться. Тогда предсказаніе матери осуществляется, и онъ гибнетъ отъ дурного глаза: очи Нена закатываются, и онъ падаетъ съ коня и отдаетъ душу:

Егле, Нено очи хвана —
Отъ конь пада;
Тамо Нено душа даде! [1]).

Въ нѣсколько смягченномъ видѣ встрѣчается тотъ же мотивъ и у Сербовъ. Мать предостерегаетъ здѣсь дочь отъ молодого Томаша. Но Мара ея не слушаетъ; она довѣрчиво идетъ плясать съ Томашемъ. Тогда сбывается предсказаніе: Томашъ зоветъ своихъ слугъ, велитъ привести двухъ коней, сажаетъ ее на одного изъ нихъ и увозитъ. Когда они уже были въ чистомъ полѣ одни, онъ начинаетъ ее пугать: «посмотри, говоритъ онъ ей, вонъ сухой яворъ, на немъ я хочу тебя повѣсить, вороны будутъ пить твои очи, а орлы бить тебя крыльями». Мара начинаетъ плакать:

1) Чолоковъ, Б. Сб. стр. 102—103; ср. Качановскій, стр. 99, № 31.

Боже мой, вотъ, что бываетъ съ дѣвушкой, не слушающей своей матери! — Дѣло оказывается однако не такъ ужасно; Томашъ тотчасъ утѣшаетъ свою спутницу: сухой яворъ оказывается бѣлымъ дворомъ Томаша; тамъ будетъ Мара его возлюбленной, и тамъ станетъ она мести ему дворъ:

Мајка Мару ситно плела,
Од петоро, деветоро,
Плетући је сјетовала:
«Чујеш Маро, кћери моја!
«Кад ти пођеш дол'у поље
«Дол'у поље дол'у коло,
«Не ватај се до Томаша;
«Томаш момче нежењено,
«А ти Мара неудата».
Мара мајке не слушала:
Она оде дол'у поље,
Дол'у поље, дол у коло,
Ували се до Томаша.
Томаш колом узмахује,
А на слуге домигује:
Прикучите коње колу
И алата и дората;
То се слуге досјетише,
Прикучише коње колу
И алата и дората;
Пак се ману преко поља,
Као зв'језда преко неба.
Кад је био накрај поља,
Томаш Мари говорио:
«Видиш, Маро, суви јавор?
«Онђе ђу те објесити,
«Вране ће ти очи пити,
«А орлови крил'ма бити».

Стаде Мара јаукати:
«Iао мени и до Бога!
«'Вако било свакој друзи!
«Која мајке не слушала».
Тјешио је Томаш момче:
«Не бој ми се, Маро моја!
«Није оно суви јавор,
«Већ су оно б'јели двори;
«Онђе ћеш ми, љуба, бити
«Овђе ћеш ми дворе мести»[1]).

Въ приведенныхъ пѣсняхъ мать собственно только совѣтуетъ осторожность: ни Нено, ни Мара не должны вовсе оставаться дома, имъ рекомендуется скорѣе скромность. Болѣе отчетливо выраженъ трагическій ужасъ въ воспроизведеніи игрища въ извѣстной французской пѣснѣ «Pont du Nord»[2]). Не послушавшіеся матери братъ съ сестрой, отправившіеся несмотря на запрещеніе поплясать на мосту, гибнутъ, потому что мостъ провалился. Смыслъ этой пѣсни уже былъ указанъ давно профессоромъ Жанруа. Провалъ моста есть подробность, придуманная довольно невѣроятно развязка; дѣло прежде всего сводится, конечно, къ наставленію, что надо слушаться матери. Но этого мало; само это наставленіе преслѣдуетъ вовсе не педагогическія цѣли; оно есть не болѣе какъ, пріемъ художественнаго выраженія, имѣющій ввиду изобразить хороводное веселіе въ трагическомъ освѣщеніи.

---

1) Караџић, Србске нар. пј. I, стр. 297—299, № 385, ср. у Давидовић'а, № 41.

2) Jeanroy, Les origines de la p. l. p. 206; пѣсню см. Puymaigre I, p. 122; Rolland, Recueil, I, p. 299; Changfleury, 120; Bujeand, I, 154; *Romania* X, 36.

III.

Разсмотрѣнныя нами только что игры и пѣсни всѣ по преимуществу женскія. Онѣ кладутъ миролюбивый, почти слащавый отпечатокъ на весеннее веселье. Мужская удаль здѣсь забыта; забыты и смѣлость и сила; негдѣ здѣсь показать свое молодечество. Теперь намъ предстоитъ перейти напротивъ къ чисто мужскимъ потѣхамъ. На примѣрѣ болгарской пѣсни о Нено мы уже сейчасъ видѣли, что и имъ есть мѣсто рядомъ съ невинными дѣвичьими хороводными игрищами.

Чтобы вникнуть въ бытовой смыслъ и понять коренное значеніе молодецкихъ мужскихъ игрищъ, намъ прійдется прежде всего заглянуть за толстыя стѣны и окопы средневѣковыхъ городовъ. Весеннія мужскія развлеченія перешли сюда, конечно, изъ феодальнаго замка. Городская культура съ ея мейстерзангомъ, поэтическими состязаніями, Artushof'ами и проч. вся была ничѣмъ инымъ, какъ запоздалымъ подражаніемъ нравамъ феодальной аристократіи[1]). Однако, заведя рѣчь о мужскихъ весеннихъ играхъ, мнѣ прійдется обратиться главнымъ образомъ къ бытованью именно городского мѣщанства; здѣсь эти игры запечатлѣны въ цѣломъ рядѣ историческихъ памятниковъ, дающихъ возможность ознакомиться съ ихъ основными чертами гораздо подробнѣе, чѣмъ болѣе скудныя извѣстія о жизни средневѣковой знати.

Феодальное общество было прежде всего обществомъ военнымъ. Въ его забавахъ воинскія упражненія стояли естественно на первомъ планѣ. Безъ турнировъ не обходилось ни одно праздество. Турниръ стоялъ, такъ сказать, въ центрѣ всей свѣтской жизни. Во всѣхъ приведенныхъ выше извѣстіяхъ о весеннихъ

---

1) Переходъ свѣтскихъ и литературныхъ вкусовъ феодальнаго общества въ городскую среду на почвѣ Франціи я постарался прослѣдить въ Очеркѣ литер. исторіи Арраса въ XIII в. *Ж. М. Н. Пр.* 1900, февраль, стр. 229 и слѣд.

развлеченіяхъ въ средніе вѣка описаніямъ турнировъ отводится еще больше мѣста, чѣмъ описаніямъ танцевъ; такъ въ романахъ «Flamenca» и «Guillaume de Dôle» танцы устраиваются только послѣ обѣда къ вечеру. Все утро отъ обѣдни до полудня было напротивъ занято турниромъ. Тутъ успѣхъ приносилъ съ собой истинную славу. Рыцари брались за руки, чтобы водить хороводы, только послѣ того, какъ они всласть намаялись копьемъ и мечомъ. Сами дамы цѣнили больше ловкость и отвагу въ ратномъ бою, чѣмъ грацію въ танцахъ. На 1-е мая въ средніе вѣка при дворахъ феодальныхъ владѣльцевъ повидимому происходила еще какая-то особая военная майская поѣздка. По крайней мѣрѣ въ Австрійской хроникѣ подъ 1308 годомъ мы читаемъ объ германскомъ императорѣ Альбрехтѣ, что онъ «хотѣлъ самъ держать дворъ, который называется майской поѣздкой (Maienvart) согласно старинному обыкновенію, относящемуся къ первому дню мая мѣсяца»[1]). Этотъ обычай, когда нравы феодальной знати стала копировать крупная городская буржуазія, сдѣлался однимъ изъ любимыхъ ея празднествъ; его стали справлять всей общиной, и о немъ до насъ дошло довольно много извѣстій. Тутъ появляется уже и майскій графъ или майскій король, который предводительствовалъ всей кавалькадой. Быть выбраннымъ въ него стало особой честью. Это избраніе стало наградой за первенство въ различныхъ воинскихъ упражненіяхъ.

Свѣдѣнія о «Mairitt'ахъ» въ нѣмецкихъ городахъ прилежно собраны ревельскимъ историкомъ Пабстомъ. Онъ почерпнулъ ихъ преимущественно въ гильдейскихъ статутахъ XV и XVI вѣковъ, въ которыхъ зачастую даже находятся подробныя правила о томъ, какъ избирать майскаго графа[2]). Оказывается, что это долженъ былъ избираться богатый молодой человѣкъ, такъ какъ

1) Hagens Oesterr. Chronik (Pez, Script. rerum austr. I, 1134) прив. у Uhland'a, Schriften, III, s. 47.
2) Pabst, Volksf. des Maigrafen, s. 12, 32—35 и 42.

всѣ угощенія и вообще всѣ расходы во время кавалькады производились зачастую на его счетъ [1]). Гильдія принимала на себя устройство этихъ забавъ въ Данцигѣ [2]). Въ другихъ городахъ: въ Ригѣ, Ревелѣ, Штральзундѣ это лежало на обязанности такихъ обществъ, какъ Kindergilt, Kompanie der Kaufleute, Artushof [3]). Кавалькада производилась торжественно во всемъ боевомъ облаченіи, при стеченіи множества народа. Въ ней участвовала вся знать города, а иногда и войско [4]). Майскій графъ ѣхалъ, конечно, во главѣ, украшенный вѣнкомъ [5]). Отъ этого въ Мекленбургѣ и южной Швеціи онъ назывался даже Blumengraf [6]). Онъ считался какъ бы должностнымъ лицомъ города и участвовалъ не только въ гильдейскихъ, но и въ религіозныхъ процессіяхъ. Въ Ревельскихъ актахъ упоминается даже о какихъ-то свѣчахъ майскаго графа [7]). Близость къ духовенству объясняется, конечно, тѣмъ, что эти торжества имѣли мѣсто не только въ свѣтскій праздникъ 1-го мая, но и вообще во все протяженіе этого мѣсяца; они происходили, какъ въ Поммернѣ и Грейсвальдѣ, еще и на Духовъ день [8]) и какъ бы входили въ ритуалъ этого праздника.

Строгая реформація, которая, какъ мы видѣли выше, положила конецъ майскимъ деревьямъ въ Англіи, нанесла ударъ и этимъ забавамъ нѣмецкаго городского мѣщанства [9]). Съ XVI вѣка майская процессія становится уже дѣтской забавой. Такъ случилось въ Кельнѣ и въ Грейсвальдѣ; до начала этого вѣка майскую поѣздку справляютъ въ Швабіи, въ Гессенѣ, въ Марбургѣ и

1) Ibid. s. 35 и 42.
2) Ibid. s. 20.
3) Ibid. ss. 3, 7—8, 25.
4) Ibid. s. 42.
5) Ibid. ss. 25, 27—28.
6) Bartsch, S. S. u. Gebr. aus Meklenburg, II, s. 281—283.
7) Pabst, l. l. s. 7—8.
8) Ibid. ss. 13 и 20.
9) Bertold, Gesch. der deutschen Städten. Leipzig. 1853. IV, s. 416; Pabst, l. c. s. 50.

въ другихъ мѣстахъ преимущественно дѣти [1]); кое-гдѣ однако, какъ въ Гильдесгеймѣ и Висмарѣ, ею не гнушались еще въ XVIII вѣкѣ и взрослые [2]).

Майская поѣздка подъ предводительствомъ майскаго графа, конечно, не исключительно нѣмецкій обычай, мы находимъ его напр. въ Сициліи, гдѣ процессія кончается цѣлой битвой, въ которой берутъ плѣнныхъ и приводятъ ихъ домой [3]). Рядомъ съ вполнѣ достовѣрными историческими извѣстіями о майской воинской потѣхѣ въ нѣмецкихъ городахъ, отражающимъ также вполнѣ реальный, дѣйствительно существовавшій въ Италіи обычай представится и разсказъ старинной стихотворной новеллы Джованни да-Прато «Giuoco d'amore», который привелъ А. Н. Веселовскій въ своей «Виллѣ Алберти». А. Н. уже высказалъ предположеніе, что «подъ риторической оболочкой наброшенной поэтомъ» нельзя не увидѣть народную «giostra», болѣе древнюю, чѣмъ современныя итальянскіе «maggi» [4]). Въ Швеціи и Даніи о майскихъ поѣздкахъ мы слышимъ, также какъ и въ Германіи, съ XV вѣка [5]). Въ Англіи, гдѣ, какъ впрочемъ кое-гдѣ и въ Германіи [6]), этотъ обрядъ слился со внесеніемъ въ городъ майскаго деревца, онъ также заканчивается иногда (Глостерширъ) настоящимъ сраженіемъ [7]).

Не осталось чуждо этимъ развлеченіямъ и славянство. Майскій король на Духовъ день разъѣзжаетъ со своей свитой у Чеховъ и венгерскихъ словаковъ [8]). Сюда этотъ обрядъ несо-

---

1) Ibid. ss. 30 и 52; Lynker, D. S. u. S. aus Hessen, ss. 246—248; Birlinger, Aus Schwaben, II, s. 86—90; Kolbe, Heidn. Alterth. aus Oberhessen, s. 15.

2) Pabst, l. c. ss. 29 и 39; Bartsch, S. S. u. Gebr. II, s. 282.

3) Avolio, Canti pop. di Noto, p. 336; прив. у Mannhardt'a, W. u. Fk. I, s. 347.

4) Вилла Алберти, стр. 153—159; о «maggi» см. у d'Ancona, Origini del teatro italiano, v. I.

5) Pabst, l. c. ss. 58—61 и *Z. f. V.* III, ss. 428—470.

6) Lynker, l. c. s. 248.

7) Brand-Ellis, Pop. Ant. I, p. 246; Dyer, Brit. pop. cust. pp. 228—229, 246 & 260; County F. L. ed. Hartland, p. 38—39, № 1.

8) Kolar, Narodnié spiew. II, str. 71; Erben, Prost. p. I, str. 72—74.

мнѣнно перешелъ отъ нѣмцевъ. Зибртъ не такъ давно въ журналѣ Česki Lid посвятилъ длинную статью этой «ѣздѣ короля». Имъ приведены извѣстія изъ цѣлаго ряда мѣстностей и игра разсказана во всѣхъ подробностяхъ. Особенно любопытны приложенныя здѣсь фотографіи, изображающія кавалькаду въ полномъ сборѣ, со всѣми входящими въ ея составъ должностными лицами. Она была изображена также на большомъ полотнѣ одного чешскаго художника, выставлявшемся и въ Петербургѣ на Австрійской картинной выставкѣ 1899 г. и въ Парижѣ среди чешскаго отдѣла Большого Дворца художествъ на послѣдней Всемірной выставкѣ. На первомъ планѣ изображены здѣсь парни въ національныхъ костюмахъ, убранные цвѣтами и лентами. Они сидятъ верхами на красивыхъ коняхъ въ блестящей сбруѣ. Въ рукахъ они держатъ деревянные мечи [1]).

Майскую поѣздку, вслѣдъ за Гриммомъ и Уландомъ, обыкновенно считали переживаніемъ спора зимы и лѣта [2]). Это мнѣніе повторялъ и Либрехтъ [3]). Уландъ основывалъ свое мнѣніе на томъ, что въ книгѣ Olai Magni XVI вѣка о сѣверныхъ народахъ разсказывается схожій обычай, дѣйствительно принявшій форму спора зимы и лѣта [4]). Это, конечно, возможно [5]), какъ возможно и сліяніе нашей майской кавалькады съ обрядомъ внесенія дерева. Однако Пабстъ былъ вполнѣ правъ, когда указывалъ на то, что въ цѣломъ множествѣ мѣстностей нѣтъ и помину о какой-нибудь борьбѣ или битвѣ, такъ что эта послѣдняя должна быть признана скорѣе дальнѣйшимъ развитіемъ обычая поѣздки, чѣмъ его исконной принадлежностью [6]). Такого же точно воззрѣнія при-

---

1) Zibrt, Jizda «králů» o letnicich v zémich česko-slovenskych. Č. L. II (1893) str. 105—129; картину я разумѣю Іора Упрка «Поѣздка короля».

2) Grimm, D. M. a. п. p. 777 и Uhland, Schriften, III, s. 31.

3) Liebrecht, Zur Volkskunde, s. 378.

4) Olaus Magnus, Historia de gentium septentrionalium variis conditionibus. Basel 1567 fol. cap. VII et IX приведено у Grimm'a, l. c. p. 775 и Pabst'a l. c. s. 77.

5) Ср. и у Brand-Ellis'a, I, pp. 245—246.

6) L. c. ss. 34—35, 54 и 81.

держивался и Маннгардтъ, полагавшій, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Maienreiten и сопровождалось чѣмъ-то въ родѣ шуточной войны, въ ней нужно видѣть «только военное бахвальство (Soldatenprahlerei), а вовсе не остатокъ воспроизведенія борьбы съ силами зимы; хотя тѣмъ не менѣе эта послѣдняя могла быть введена въ эту игру въ нѣкоторыхъ частныхъ формахъ обряда»[1]).

Объясненіе обряда Maienreiten, предложенное самимъ Маннгардтомъ, основано на сопоставленіи его съ обходами Pfingstl'a, Laubkönig'a, Wasservogel'a и проч. фигуръ. Маннгардтъ разсматривалъ Meienreiten въ главѣ озаглавленной: «Антропоморфическіе лѣсные и древесные духи, какъ демоны растительности». Онъ обратилъ такимъ образомъ все свое вниманіе на самую фигуру майскаго короля, а военный характеръ его поѣздки считалъ просто воздаваніемъ королевскихъ почестей[2]). Поэтому къ обслѣдованнымъ Пабстомъ сѣверо-нѣмецкимъ, датскимъ и шведскимъ городскимъ обрядамъ онъ подходилъ уже послѣ разсмотрѣнія схожихъ съ ними деревенскихъ нѣмецкихъ процессій[3]) и англійскаго обычая to go a maying[4]). Въ Тюрингіи, Швабіи и Верхней Баваріи въ поѣздкѣ майскаго короля или графа, которой также придается воинскій характеръ, дѣйствительно участвуетъ извѣстная намъ фигура одѣтаго листвою и вѣтками парня, при чемъ кромѣ нея ѣдутъ еще ряженые: поваръ, палачъ, докторъ, мавританскій король, ночной сторожъ, чортъ, Hanswurst, Hänsel und Gretele, вѣдьма и проч.; иногда кромѣ фигуры покрытой листвой везутъ еще такую же куклу или майское деревцо. Человѣка или куклу съ ногъ до головы одѣтую зеленью такъ же, какъ и Pfingstl'a бросаютъ въ воду, либо казнятъ, отрубая ему голову[5]). Поѣздка майскаго графа такимъ образомъ какъ бы

1) W. u. Fk. I, s. 367.
2) Ibid. ss. 366 и 377.
3) Ibid. ss. 347—353.
4) Ibid. s. 368.
5) Ibid. ss. 347—353; свѣдѣнія, которыми пользуется здѣсь Маннгардтъ, взяты имъ преимущественно у Birlinger'a, Volkst. aus Schwaben, II, ss. 122—

слита здѣсь съ знакомыми намъ обрядами внесенія въ село символа растительности, заклинанія влаги и проч. Исходя изъ этихъ обрядовыхъ представленій, и построено Маннгардтомъ объясненіе майской поѣздки: она есть ничто иное, какъ «болѣе торжественная форма введенія зеленаго человѣка или майскаго короля»[1]), какъ мы видѣли, представляющаго собою по мнѣнію Маннгардта антропоморфическій образъ духа растительности[2]). Только установивши это, Маннгардтъ и заводитъ рѣчь уже объ самихъ военныхъ майскихъ поѣздкахъ XIV и XV вѣковъ, съ которыми познакомилъ насъ Пабстъ. Онѣ естественно оказались лишь пережиткомъ болѣе примитивной деревенской формы обряда. Въ нихъ по мнѣнію Маннгардта основной смыслъ обряда забытъ, забытъ и Pfingstl, и о немъ напоминаютъ только вѣнокъ на головѣ майскаго графа, убранство цвѣтами сбруи коней и надѣтыя черезъ плечо гирлянды, украшающія участниковъ кавалькады. Очевидно деревенскій праздникъ, проникши въ городъ, здѣсь совершенно перелицованъ, измѣненъ и искаженъ. Маннгардтъ постарался даже опредѣлить, когда и какимъ образомъ собственно произошелъ этотъ переходъ нашего обряда изъ деревни въ городъ[3]).

Теорія Маннгардта, конечно, требовала именно такого объясненія разбираемыхъ обрядовъ. Увлеченный постоянно носившейся передъ нимъ фантастической миѳологіей растительности, иначе разсуждать Маннгардтъ и не могъ. При болѣе хладнокровномъ отношеніи къ указаннымъ здѣсь фактамъ, нельзя однако не замѣтить, что самая воинская поѣздка, самый разгулъ остался собственно вовсе незатронутымъ предложенной имъ интерпретаціей. Дѣйствительно, что говорятъ собственно эти слова: воинская процессія есть только воздаяніе королевскихъ почестей

160, Reimann'a, Deutsche Volksf. s. 157—159, Waldmann'a, Eichsfeldsche Gebr. u. Sagen, s. 8 и Wintzschel, S. u. Gebr. aus d. Umg. v. Eisenach, s. 13.

1) W. u. Fk. I, s. 366.

2) См. выше, I, стр. 251—253.

3) Ibid. s. 377—379.

майскому графу? Воздать почести можно было бы и иначе. Будь это только воздаяніе почестей, оно въ разныхъ мѣстностяхъ производилось бы различно. Кромѣ этого собственно *введенія* майскаго графа мы въ разсмотрѣнныхъ обрядахъ вовсе не находимъ: кавалькада выѣзжаетъ изъ города и возвращается въ него, ничего въ сущности новаго съ собою не привозя. Если въ деревенскихъ формахъ мы находимъ рядомъ съ майскимъ графомъ еще Pfingstl'а обливаемаго водою, обезглавленнаго и проч. въ концѣ игры, то это еще вопросъ, не проникъ ли со стороны Pfingtl въ наши кавалькады. Почему въ актахъ XV и XVI вѣковъ о немъ нѣтъ и рѣчи?

Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось замѣчать, что пренебрегать хронологіей не слѣдуетъ даже въ изслѣдованіи фольклористическомъ. Болѣе старая форма обряда, конечно, слишкомъ часто бываетъ въ тоже время и болѣе примитивной. Въ XV вѣкѣ, когда ритуалъ нашей весенней кавалькады заносился въ гильдейскіе акты, она скорѣе могла сохранить черты осмысленнаго сознательно исполняемаго обряда, чѣмъ въ современной деревнѣ, гдѣ она имѣетъ завѣдомо шуточный маскарадный характеръ. Что въ деревенской ея формѣ встрѣчается Pfingstl, это, конечно, вполнѣ естественно. Воинскія потѣхи мѣщанства свободныхъ городовъ здѣсь утратили ужъ всякій смыслъ. Напротивъ Pfingstl'а крестьяне знаютъ хорошо и вполнѣ понимаютъ его назначеніе. Онъ необходимъ по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ, и для заклинанія дождя и для внесенія въ село весенняго блага. Введеніе его въ утратившую всякій смыслъ весеннюю военную процессію поэтому какъ бы само напрашивалось. Pfingstl явился чѣмъ-то вродѣ объясненія ея post factum. Онъ заново осмыслилъ и видоизмѣнилъ обрядъ. Только воинскія черты его сохранились отъ его старой формы, и имъ осталось лишь выродиться въ шутовство, въ глумную потѣху, въ простую игру безъ всякаго бытового смысла.

Какъ въ старинныхъ рукописяхъ непонятое и потому искаженное переписчикомъ слово зачастую именно и есть слово

особенно дорогое, особенно цѣнное для языковѣда, такъ и военный характеръ поѣздки майскаго графа составляетъ ея самую сущность. Это вовсе не есть подробность обстановки, какъ думалъ Маннгардтъ. Наша игра въ основѣ своей есть игра чисто военная, коренящаяся, въ обычаяхъ средневѣкового общества, для котораго воинскія потѣхи, какъ и военная дѣятельность были близки по самой сущности вещей.

Если пріурочиваются эти потѣхи къ веснѣ и главнымъ образомъ къ концу ея, то этому есть основаніе въ самихъ условіяхъ быта. Такое пріуроченіе встрѣчается и не въ одной только западной Европѣ.

Если обычай выбирать на зеленыя святки «rusadleho Kral'a», отмѣченный Щитницкимъ евангельскимъ соборомъ 1591 года, и, по словамъ одного этнографа словака, сохранившійся у восточныхъ словаковъ до XVIII вѣка[1]), можно еще считать отраженіемъ указанныхъ западныхъ обычаевъ, то какъ быть съ другими схожими русальными обрядами, о которыхъ такія интересныя свѣдѣнія собралъ А. Н. Веселовскій[2]). Какъ быть съ маскарадной битвой христіанъ и турокъ устраиваемой на Русаліи въ Паргѣ[3])? Томашекъ объяснялъ это, какъ изображеніе спора зимы и лѣта[4]); но, что доказываетъ, что турки замѣнили зиму или людей одѣтыхъ въ зимнее платье, какъ въ шведскомъ обрядѣ, разсказанномъ Олафомъ Магнусомъ? Такое объясненіе тѣмъ болѣе произвольно, что, какъ мы видѣли, о спорахъ зимы и лѣта въ восточной Европѣ не идетъ вовсе и рѣчи. Какъ быть еще съ военной пляской rusalet исполняемой на Пасху калабрійскими албанцами[5])? Какъ быть съ сходной пляской румынскихъ caluczenii, описанной Кантеміромъ[6])?

1) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, стр. 148; Sb. slov. nar. piesni etc. výd. Matica Slov. str. 197—198.

2) Разыск. XIV, стр. 262—264 и 271—280.

3) Ἀραβαντηνός Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου. Ἀθῆναις. 1857, II, p. 191.

4) Ueber Brum. u. Rosalia, s. 371.

5) Веселовскій, Разыск. XIV, стр. 263.

6) Operele principelui Demetria Cantemira, t. I. Descriptio Moldaviae. Bucaresci, 1872, p. 129—130.

Какъ понять наконецъ ту военную игру, требующую цѣлаго войска и кончающуюся чуть не смертнымъ боемъ, когда двѣ партіи играющихъ сходятся вмѣстѣ, которая обнаружена Шапкаревымъ въ Македоніи[1]). Эта послѣдняя игра производится правда зимой, но называется она Русалии, какъ и перечисленныя весеннія военныя забавы.

Объясненіе всѣхъ этихъ игръ можетъ быть только одно. Оно логически вытекаетъ изъ самыхъ условій быта народовъ, для которыхъ война есть не временное дѣйствіе, не временное отвлеченіе отъ постоянныхъ занятій, а одно изъ отправленій каждодневной жизни, заставляющее готовиться къ нему съ любовью и стараніемъ, постоянно въ немъ упражняться и вѣчно быть на готовѣ, потому что безъ успѣха въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть достигнуто свободное пользованіе своими средствами къ существованію. Въ подобномъ быту весна играетъ важную роль. Именно тогда начинаются военныя дѣйствія. Зимой простое чувство предосторожности, а иногда и полная невозможность передвигаться съ мѣста на мѣсто на далекія разстоянія заставляетъ людей сидѣть спокойно и не браться за оружіе. Весна и особенно поздняя весна, т. е. какъ разъ тотъ періодъ времени, пока не начались еще лѣтнія работы, есть моментъ, когда человѣку, живущему натуральнымъ хозяйствомъ, всего удобнѣе свести свои счеты съ сосѣдомъ, расправиться съ утѣснителемъ или напасть на того, у кого что-либо приглянулось.

Именно этимъ военнымъ значеніемъ весны объясняется то, что старинная провансальская пѣсня, восхваляющая войну и приписываемая нѣкоторыми рукописями самому воинственному поэту средневѣкового рыцарства Бертрану де-Борну, начинается такимъ яркимъ и полнымъ удали сопоставленіемъ весенняго пробужденія природы и воинскихъ похожденій:

1) Въ самомъ заглавіи посвященной этому брошюры Шапкаревъ называетъ Русаліи: «обычай запазенъ и до днесь въ южна Македония».

Bem platz lo gais temps de pascor
Que fai folhas e flors venir,
E platz mi quant aug la baudor
Dels auzels que fan retentir
Lor chan per lo boschatge,
E platz mi quan vei per los pratz
Tendas e pabalhos fermatz,
E ai grant alegratge
Quan vei per champanha renjatz
Chavaliers e chavaus armatz.
E platz mi quan li coredor
Fan las gens e l'aver fugir,
E platz mi quan vei après lor
Granré d'armatz ensems venir,
E platz mi en mon coratge
Quan vei fortz chastels assetjatz
Els barris rotz e esfondratz
E vei l'ost el ribatge
Qu'es tot entorn claus de fossatz
Ab lissas de fortz pals seratz[1]).

(«Очень нравится мнѣ веселое время пасхи, заставляющее возвращаться листву и цвѣты, и нравится мнѣ, когда я слышу веселіе птицъ наполняющихъ своимъ пѣніемъ рощи, и нравится мнѣ, когда я вижу на лугахъ палатки и шалаши, и большую радость доставляетъ видѣть на поляхъ ряды вооруженныхъ рыцарей и боевыхъ коней».

«И нравится мнѣ, когда передъ развѣдчиками спасаются бѣгствомъ и люди и ихъ имущества, и любо мнѣ, когда за ними я вижу стройную великую силу ратниковъ, и веселится мое сердце при видѣ осады сильныхъ замковъ, и разгромѣ переднихъ укрѣпленій».

1) Bartsch. Verz. 233,1; Poésies compl. de B. de B. p. p. A. Thomas, p. 133.

«И при видѣ войска на берегу окруженнаго со всѣхъ сторонъ рвами съ палисадниковъ изъ крѣпкаго частокола»).

Этотъ весенній призывъ къ войнѣ звучитъ далеко не одиноко. Такъ-же точно восклицаетъ въ одной пѣснѣ XV вѣка анонимный поэтъ, очевидно служившій въ императорскомъ войскѣ. Онъ призываетъ къ оружію своихъ соратниковъ-земляковъ: бургундовъ и пиккардцевъ:

Reveillez vous, Piccars, Piccars et Bourgignons
Et trouvez la manière d'avoir de bons bastons,
Car veez cy le printemps et ausez la saison
Pour aller à la guerre donner des horrions[1]).

(«Проснитесь Пиккардцы, Пиккардцы и Бургунды и найдите себѣ способъ завести хорошее дубье (древки къ копьямъ), потому что смотрите, вотъ — весна, а также и время идти на войну раздавать удары»). Весенній запѣвъ подобнаго военнаго склада мы находимъ и въ нѣмецкихъ военныхъ пѣсняхъ XVI в. Въ одной изъ нихъ поется:

Es geht wol zu der Sommerzeit,
Der Winter fährt dahin,
Mancher Soldat zu Felde leit,
Wie ich berichtet bin etc.[2])

(«Дѣло идетъ къ лѣту, проходитъ зима, много солдатъ торопится на поле брани, какъ это мнѣ хорошо извѣстно...») Такое же представленіе о веснѣ, какъ началѣ военныхъ дѣйствій находится еще въ одной сербо-лужицкой пѣсенькѣ, о которой мнѣ уже пришлось упомянуть потому, что она переведена съ нѣмец-

1) G. Paris, Chansons du XV s. № CXXXVIII, p. 140; см. его прим. къ этой пѣснѣ относительно ея автора.

2) Эта пѣсня взята изъ Летучаго Листка: «Zwey Schöne Newe Lieder.., 1622» (см. Erk-Böhme, D. Lh. № 1310); Бёме приводитъ цѣликомъ другой позднѣйшій текстъ 1690 г. но указываетъ на существованіе того же запѣва въ одной исторической пѣснѣ 1525 г. (нап. у Lilienkron'a D. L. № 397); ср. также слова шестого товарища въ извѣстной пѣснѣ «Die Sieben Stallbrüder aus Sachsen» (см. Erk-Böhme, D. Lh. № 1293).

каго[1]). Это — пѣсня любовная и намъ интересенъ только ея запѣвъ:

Dyž so nam naljećje pšibližuje,
Haj, haj, pšibližuje,
Ća'nu wojacy do kraja nuts[2]).

(«Когда вотъ приближается къ намъ весна, — гей, гей приближается — тогда выходятъ солдаты въ страну (очевидно изъ города, гдѣ они зимовали)». Въ извѣстномъ мнѣ нѣмецкомъ варіантѣ эти слова отсутствуютъ, но они были, конечно, въ той версіи, съ которой переведена или перефразирована эта пѣсня по лужицки[3]).

Прислушавшись къ этимъ пѣсеннымъ представленіямъ, отражающимъ вполнѣ реальныя условія военнаго быта, невольно отнесешься съ особеннымъ вниманіемъ и къ сербской пословицѣ, по которой: Ђурђев данак хајдучки састанак — Митров данак хајдучки растанак[4]). Время, когда лѣсъ стоитъ безъ листвы прозрачный и непривѣтливый, когда быстрыя передвиженья затруднены, а ночью немудрено и замерзнуть, мало благопріятно и для разбоевъ. Потому сойдясь на вешняго Егорья гайдуки находятъ лучшимъ разойтись на Дмитріевъ день на зимовки. Такъ поступаютъ и воины у современныхъ дикарей[5]).

---

1) См. выше I, стр. 23.

2) Haupt-Smolerj Pj. hornych a dolnych Luž Serbow, str. 168—169, № CXLIV; ср. *Z. f. O. Vk.* III (1897) s. 3, Böckel, Hess. Vl. s. 71, № 87 и Tobler, Schw. Vl. s. 150, № 54.

3) Едва ли не нѣмецкаго происхожденія и русская солдатская пѣсня съ подобнымъ-же запѣвомъ:

Весна ребята настаетъ,
Трепещетъ врагъ лукавый,
Насъ князь великій поведетъ
Искать побѣды, славы и т. д.

Пѣсню эту я слышалъ въ Петергофѣ въ Лейбъ-Гв. Уланскомъ Полку.

4) Караџић, Српске нар. посл. стр. 78; Каравеловъ, Пам. стр. 194 относитъ начало разбоевъ на Благовѣщенье. Этимъ объясняется и сообщаемый Каравеловымъ (стр. 195) предразсудокъ воровъ, что если удалась кража на Благовѣщенье, то весь годъ будетъ удачный.

5) Foreman, The Philipine Islands, London, 1890, p. 212.

Въ древнемъ Римѣ 17 марта происходилъ праздникъ, который Макробій называетъ agonium Martiale; въ немъ принимали дѣятельное участіе Саліи; а два дня спустя тѣ-же Саліи опять исполняли въ присутствіи жрецовъ свой танецъ и одновременно съ этимъ производилось еще такъ называемое armilustrium т. е. очищеніе оружія[1]). Пляску саліевъ Мюлленгофъ справедливо сблизилъ съ пляской меча германцевъ и древне-греческихъ куретовъ аполлоновскаго культа[2]), а Маннгардтъ сопоставилъ ее еще и съ европейской весенней поѣздкой только что разобраннаго типа. Античный обрядъ, схожій и съ германскимъ обрядомъ, оказался такимъ образомъ опять-таки одной изъ разновидностей введенія геніевъ весны или растительнаго духа[3]). Это воззрѣніе принялъ и Рошеръ, но принялъ однако не вполнѣ; онъ дѣлаетъ маленькую оговорку, которая является по моему въ высшей степени цѣннымъ указаніемъ на военное значеніе весны. «Надо имѣть ввиду, говоритъ Рошеръ[4]), что мартъ не есть только время возрожденія весны, это еще и мѣсяцъ, въ которомъ послѣ зимней тишины начинаются военныя дѣйствія». Еще болѣе опредѣленно проводитъ эту точку зрѣнія на пляску саліевъ Гильбертъ: «Оружіе всю зиму находящееся въ полномъ спокойствіи, пишетъ онъ, въ мартѣ мѣсяцѣ берется въ руки, имъ упражняются, и оно подвергается очищенію, для того, чтобы лѣтомъ — во время военныхъ дѣйствій имъ можно было бы воспользоваться. Для этой цѣли и служатъ мартовскія процессіи: главнѣйшій день былъ поэтому праздникомъ очищенія 19 марта, называемый Quinquartus (quinquare = lustrare). Черезъ нѣсколько дней происходило и tubilustrium очищеніе военной трубы, а 24 марта за этимъ слѣдовалъ наконецъ большой смотръ войскъ

1) Preller-Iordan, Röm. Myth.³ I, s. 363—364; Roscher, Ausf. Lex. II,2 col. 2402,3—30.

2) Müllenhoff, Ueber die Schwerttänze, Berlin, 1871, s. 660 u. ff.; Mannhardt, Wald. u. Feldk. I, s. 546; Usener въ *Rhein. Mus.* 1894, s. 461 u. ff.

3) Mythol. Forsch. s. 198.

4) Ausf. Lex., статья самого Рошера о Марсѣ, II,2 col. 2406.

чѣмъ и заканчивались церемоніи Саліевъ. Теперь начиналась уже въ серьезъ сама война, къ которой эти шествія были только приготовленіемъ»[1]). И невольно думается, что если Марсъ изъ бога весны или начала хозяйственнаго года, какимъ мы его видѣли при разборѣ сельскихъ обрядовъ, сталъ богомъ войны, то причину этому именно и надо искать въ военномъ значеніи весны. Такой же процессъ превратилъ когда-то въ бога войны и Аполлона[2]).

Приведенные здѣсь факты показываютъ, мнѣ кажется, въ достаточной степени, что никакихъ миѳологическихъ построеній для объясненія весенней военной поѣздки, или весенней военной пляски вовсе не нужно. Она объясняется чисто бытовыми данными. Весною, когда возрождается вся природа, не только оживлялись и пахари и пастухи, готовые примѣнить свою энергію къ вновь призывающему ихъ новому труду; воинъ также не могъ остаться спокоенъ. Какъ мы видѣли изъ приведенной мной старой провансальской пѣсни, при видѣ первыхъ признаковъ весны не сидѣлось спокойно и ему. Его уже тянуло на просторъ въ поле, его манили къ себѣ новые подвиги, новыя похожденія.

Аналогичныя чувства весна пробуждаетъ и у болѣе мирныхъ жителей. И въ такія времена, когда молодечество ищетъ себѣ исхода ужъ не въ лихомъ набѣгѣ и не въ грабежѣ, весною наступаетъ пора раздолья для всякихъ спортовъ и удалыхъ забавъ. Охоту на пушнаго звѣря, разумѣется, удобнѣе начать, когда оголится лѣсъ, и особенно, когда можно проворно скользить на лыжахъ по снѣгу; тогда подкрадывается охотникъ къ берлогѣ медвѣдя, вабитъ волка, караулитъ лисицу. Но для соколинаго охотника нужна твердая и гладкая почва; онъ ждетъ именно поздней весны, чтобы съ этого времени на все лѣто отдаться своей потѣхѣ. И лѣтомъ пожалуй еще мѣшаютъ неубран-

1) Gilbert, Gesch. u. Topographie Roms, I,142; прив. у Рошера, l. c. col. 2406.
2) Ausf. Lex. II,2, col. 2421.

ныя поля, не скошенные луга; поздняя весна пожалуй удобнѣе лѣта. Только съ введеніемъ правильной охоты ея сезонъ передвинулся исключительно на осень. Въ средніе вѣка безъ огнестрѣльнаго оружія было, конечно, труднѣе взять перо, и порой скрещеваній тогдашній хищный охотникъ пользовался безъ стѣсненія. Этимъ я объясняю себѣ попавшіяся мнѣ на иллюстраціяхъ календарей XIV и XV вѣковъ, изображенія мая мѣсяца въ видѣ молодого рыцаря верхомъ на конѣ, очевидно впервые выѣхавшаго на охоту. Онъ разодѣтъ въ роскошное платье и безоруженъ; на правой рукѣ онъ несетъ своего сокола[1]).

Во время майской поѣздки, а иногда и помимо нея, но на тѣже праздники на 1-е мая и на Духовъ день и происходили праздники стрѣлковъ: въ Германіи такъ называемые Papagaischiessen, а въ Англіи Targetshooting. Въ Висмарѣ въ XIV вѣкѣ была даже особая «Papagaien companie» со своимъ статутомъ[2]). Это традиціонное стрѣлянье въ цѣль производилось подъ предводительствомъ майскаго графа, обязанность котораго на этотъ разъ исполнялъ стрѣлокъ оказавшійся наиболѣе ловкимъ въ состязаніяхъ предшествующаго года[3]). Такая традиціонная стрѣльба въ цѣль производилась въ XV вѣкѣ въ Ревелѣ, Данцигѣ, въ Висмарѣ и др. мѣстахъ[4]). Въ Аальборгѣ (на Ютландіи) майскій графъ носилъ еще названіе Papageienkönig[5]). Развлеченія эти продержались до XIX вѣка въ Висмарѣ и Ростокѣ[6]). Въ Англіи они производились въ XVI вѣкѣ въ окрестностяхъ Лондона, и одно извѣстіе сообщаетъ намъ, что на такихъ играхъ присутствовалъ и король Генрихъ VIII. Мы узнаемъ отсюда, что въ 1516 г. были устроены майскія игры, и въ нихъ принимала участіе и королевская гвардія. Во время нихъ король, разъѣзжая вмѣстѣ

1) Musée Cluny salle, III, № 1885, calendrier du XIV et XV s.; см. также «Heures et Coutumes» 1553.

2) Pabst, Die Feste des Maigrafen, s. 32—35.

3) Ibid. s. 9.

4) Ibid. ss. 9 и 20—21.

5) Ibid. s. 60.

6) Bartsch, S. S. u. Gebr. aus Meklenburg, II, s. 282—283.

съ королевой, наткнулись на толпу въ 200 іоменовъ одѣтыхъ въ зеленое платье. Они стрѣляли въ цѣль и пригласили короля полюбоваться ихъ искусствомъ. По возвращеніи въ Лондонъ, Генрихъ VIII встрѣтилъ и телѣгу, на которой возсѣдала королева мая[1]).

На стрѣлянье изъ лука въ Маѣ мѣсяцѣ можно указать коегдѣ и помимо Германіи и Англіи. Это вѣроятно былъ обычай широко распространенный повсемѣстно. Такъ на французскихъ календарныхъ виньеткахъ XV и XVI вв.[2]), изображающихъ ритуалъ майскаго праздника обыкновенно гдѣ-нибудь происходитъ и стрѣлянье изъ луковъ въ цѣль. Фигура птицы посажена высоко на шестѣ подъ крышей вѣтряной мельницы и въ нее мѣтятъ одна за другой стрѣлы. Вѣроятно лишь вслѣдствіи введенія закона объ охотѣ находимъ мы теперь эти игры перенесенными во Франціи на Августъ мѣсяцъ[3]). Залетѣли эти забавы и къ славянамъ; въ Познани, гдѣ онѣ происходили еще недавно, онѣ называются «Strzelanie do Kurka»[4]). Такое же значеніе имѣетъ и стрѣльба на «манычъ-чеканъ» Абхазскихъ Абазинъ[5]).

Предложенное мною объясненіе спортивныхъ весеннихъ забавъ одинаково относится, конечно, и къ весенней скачкѣ или бѣганью въ запуски. Маннгардтъ и въ этомъ обычаѣ, согласно своей теоріи, видѣлъ тоже самое, что и въ весенней военной процессіи: «Бѣганье въ запуски, пишетъ онъ, изображаетъ стремительный въѣздъ растительныхъ геніевъ въ лѣсъ и поле», и онъ прибавляетъ еще, что внесеніе ихъ въ село или деревню людьми надо поэтому представлять себѣ уже вторымъ актомъ драмы. Основаніемъ для такого толкованія Маннгардтъ усматривалъ въ

---

1) These are people's sports. Hall, fol. LVI,6, прив. у Child'a, The engl. & scott. pop. ballads, V, p. 44, прим. третье.

2) Campier, Les anc. Alm. et cal. illustrés, p. 28; *R. de tr. pop.* IV (1889) p. 258.

3) Orain, Le folklore de l'Ille et Vilaine. *L. L. P. D. T. L. N.* XXIII.

4) *Lud* IX,1, str. 139—140 и X, str. 203.

5) Дубровинъ, Ист. в. и вл. русскихъ на Кавказѣ, т. I, вып. 2, стр. 12, 15 и др.

томъ, что скачка или бѣганье въ запуски производится обыкновенно къ майскому дереву и первый прибывшій получаетъ вѣнокъ или вѣтку, а послѣдній, напротивъ, прутикъ, какъ бы въ знакъ того, что зимняя застывшая отъ стужи растительность осталась позади[1]). Увлекшись своей теоріей, Манвгардтъ не видѣлъ ей возраженія ни въ томъ, что скачка производится и къ кучкѣ съ костями или просто къ повѣшанной шапкѣ, ни въ томъ, что всадникъ, подскакавшій къ цѣли послѣднимъ иногда покрывается съ ногъ до головы зелеными вѣтками и предназначается очевидно въ наказаніе къ исполненію не совсѣмъ пріятной роли Wasservogel'а[2]). Вѣдь въ этомъ случаѣ и послѣдній скакунъ получаетъ тѣ же аттрибуты, что и первый, и тогда вся теорія окончательно рушится.

Какъ и всѣ остальныя толкованія обрядовъ Маннгардта и это, несмотря на ея очевидную натянутость, была однако признана Рошеромъ и онъ примѣнилъ ее и къ мартовскимъ бѣгамъ въ древнемъ Римѣ[3]).

Возраженія послышались однако не такъ давно со стороны Вейнгольда[4]). Самъ Вейнгольдъ смотритъ впрочемъ на дѣло не менѣе странно. Исходя изъ того, что состязанія играли такую видную роль въ культахъ древнихъ, онъ полагаетъ, что и въ весеннихъ ристаніяхъ современныхъ народовъ нужно видѣть скорѣе всего остатокъ древняго культа[5]). Что существовала связь между воинскими или вообще спортивными упражненіями и языческимъ богослуженіемъ, это, конечно, такъ; но основной бытовой смыслъ спеціальнаго пріуроченія бѣговъ къ веснѣ, мнѣ кажется, до того ясно и просто объясняется тѣмъ значеніемъ, какое имѣло это время года въ глазахъ воина и охотника, что никакого иного объясненія искать незачѣмъ. Военное же значе-

1) W. u. Fk. I, s. 392 и Myth. Forsch. s. 173 u. ff.
2) Ibid. s. 393—394.
3) Roscher's, Ausf. Lex. II,2 col. 2411,32—45.
4) *Z. d. f. Vk.* III (1893) s. 3—4.
5) Ibid. s. 2—3.

ніе бѣганья въ запуски допускаетъ и Вейнгольдъ, когда онъ говоритъ, что быстроногость была однимъ изъ важныхъ преимуществъ воина[1]).

Весеннія ристанія также вовсе не исключительно нѣмецкій обычай. Мы только что видѣли, что Рошеръ сопоставлялъ ихъ съ играми на Марсовомъ полѣ въ древнемъ Римѣ, имѣвшими мѣсто въ Мартѣ[2]). Въ червонной Руси принято ѣздить верхами на Св. Егорья[3]). Въ Дагестанѣ при праздновапіи выѣзда въ поле плуга устраиваются скачки[4]). Тоже дѣлаютъ на праздникъ сабанъ и чуваши[5]). Въ Индіи, осенью (соотвѣтствующей въ хозяйственномъ отношеніи нашей веснѣ), во время торжественнаго жертвоприношенія, называемаго Vâjapeya происходятъ бѣга, при чемъ побѣдитель называется господиномъ въ теченіи всего года совершенно такъ же, какъ нѣмецкій майскій графъ[6]).

Самое старинное извѣстіе о весенней скачкѣ, какое Вейнгольдъ приводитъ для Германіи, относится къ 1296 году. Въ этомъ году были установлены эти игры на ярмаркахъ въ маѣ и ноябрѣ, т. е. какъ разъ въ два предѣльные срока для того, что Гильбертъ называлъ военнымъ временемъ у римлянъ. Разрѣшеніе на это ярмарочное упражненіе было подтверждено въ XIV вѣкѣ герцогомъ Альбрехтомъ, и эти скачки продолжались до XVI вѣка, когда ихъ запретилъ Фердинандъ I[7]).

Начиная съ XV вѣка мы имѣемъ еще по словамъ Вейнгольда цѣлое множество данныхъ о бѣганьѣ въ запуски, при чемъ онъ отмѣчаетъ въ нихъ странное для насъ участіе женщинъ. Эго свѣдѣніе поможетъ намъ понять нѣкоторыя черты современныхъ

1) Ibid. s. 2.
2) Ausf. Lex. II,2 col. 2411,38—45.
3) Терещенко, Бытъ, VI, стр. 29.
4) Дубровинъ, Война и влад. русск. на Кавказѣ, I,1, стр. 529—531.
5) Магнитскій, Матеріалы, стр. 21—23.
6) Статьи Weber'a въ Sitzungsb. der Preuss. Akad. № XXXIX, 1892; прив. у Weinhold'a, l. c. s. 22.
7) Schlager, Wiener Skizzen, у Weingold'a, l. c. s. 19—20.

пережитковъ этой потѣхи вѣроятно въ старину имѣвшей самый серьезный смыслъ[1]).

До середины этого вѣка весенняя скачка и весеннее бѣганье въ запуски сохранилось въ Альтмаркѣ, въ Вестфаліи, въ Франконіи, въ Тюрингіи, въ Силезіи, въ Швабіи и въ Баваріи[2]). Въ деревняхъ она производится въ связи съ первымъ выгономъ скота на пастбище, что пріурочивается обыкновенно на Западѣ къ 1-му мая или къ Духову дню. Вслѣдствіе этого эти деревенскія скачки получили даже названіе: поѣздка на майскую росу, очевидно считающуюся такой-же полезной, какъ и юрьева роса въ Россіи.

Въ формахъ самаго соблюденія этой обрядовой скачки можно различить три разныхъ типа, представляющіе собою, мнѣ кажется, три стадіи ея переживанья. Совершенно такъ-же, какъ мы это видѣли и при разсмотрѣніи средневѣковыхъ воинскихъ весеннихъ потѣхъ, послѣдней стадіей будутъ чисто крестьянскіе типы обряда, соблюдаемые въ современной деревнѣ.

Скачка производится во первыхъ къ шесту, на которомъ виситъ либо шапка, либо вѣнокъ, либо какой-нибудь призъ; иногда парни должны еще сбить вѣнокъ съ шеста или попасть въ замѣнившія вѣнокъ кольца[3]). Къ этому-же типу принадлежитъ и указанная среди заклинаній дождя игра сбиванья подвѣшеннаго на шестѣ ведра съ водою, при чемъ каждый всадникъ долженъ ловко умчаться, чтобы не быть облитымъ. Побѣдитель въ этихъ играхъ становится королемъ и выбираетъ себѣ

1) Ibid. s. 19.

2) Kuhn, Westf. S. II, s. 160—165 и 451—461; его же Märkische S. s. 323, 325; его же вмѣстѣ съ Шварцемъ Nordd. S. s. 379—386; Pröhle, Harzb. s. 66; Birlinger, Volksth. aus Schwaben, II, s. 135 — 160; Rank, Aus dem Böhmenwalde, s. 81—86; Panzer, Bayerishe S. u. Gebr. I, s. 234—239 и II, s. 81—90; см. также Mannh. W. u. Fk. I, s. 382—391 и Weinhold, l. c. s. 4—10.

3) Объ этихъ играхъ свѣдѣнія по Куну, Прёле и Ранку собр. у Маннгардта, W. u. Fk. I, s. 387—388; см. у Schroller'a, Schlesien, III, s. 265—272; прив. Weinhold'a, l. c. s. 6—7; ср. также Bartsch, S. S. u. Gebr. aus Meklenburg, II, s. 273—276 и 284.

королеву, какъ въ Papagaienschiessen нижне-нѣмецкихъ городовъ. Въ такомъ видѣ обрядъ этотъ производится въ Вестфаліи, Силезіи и Баваріи. Съ моей точки зрѣнія это самая примитивная и первоначальная форма, въ какой сохранился обрядъ.

Дѣло значительно усложняется, когда, какъ въ деревняхъ Силезіи, Альтмаркѣ, Вестфаліи, Швабіи и Саксоніи, игра эта подобно весенней воинской поѣздочкѣ связывается съ внесеніемъ дерева и съ объѣздомъ Pfingstl'а и Wasservogel'а. Цѣлью для скачки тогда бываетъ майскій кустъ или майское дерево. Побѣдитель получаетъ вѣтку еще совсѣмъ мокрую отъ росы Dewetstrüch (= Taustrauch) и провозглашается королемъ. Его лошади убираются цвѣтами и свѣжими вѣтками. Онъ носитъ также названіе Dauslöper. Напротивъ тотъ, кто прибылъ послѣднимъ, получаетъ кличку Pingskaem, и его неизмѣнно выбираютъ въ Pfingstl'и и Wasservogel'и; такимъ образомъ обрядъ становится способомъ опредѣлить, кому взять на себя обязанность быть нещадно обливаемымъ водою[1]). Вейнгольдъ справедливо назвалъ этотъ видъ скачки «смѣшеніемъ выгона скота и скачки»[2]). Въ немъ нельзя не увидѣть исканіе чего-то въ родѣ объясненія post factum, которое такъ часто извращаетъ народные обычаи, утратившіе въ глазахъ современнаго крестьянства всякій смыслъ. Стараясь уяснить себѣ значеніе этой обрядовой скачки, народъ понялъ ее, какъ торопливый выѣздъ на майскую росу; при этомъ побѣдитель и получалъ признакъ этой росы, на того-же, кто прозѣвалъ утреннюю росу или просто запоздалъ, накладывается подходящее ему наказаніе: ему предстоитъ весь день ходить въ зелени и подвергаться обливанію.

Третій типъ обрядовой весенней скачки составляетъ бѣганье въ запуски, въ которомъ участвуютъ и дѣвушки. Онъ также самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ выгономъ скота въ поле.

---

1) Свѣдѣнія по Куну и Панцеру см. у Маннгардта W. u. Fk. I, s. 282—285; тоже и Weingold'а, l. c. s. 6, 8—9 съ прибавл. данныхъ Бирлингера.

2) Ibid. s. 6, Anm. 2.

Здѣсь дѣло идетъ о томъ, кто первый выгонетъ въ поле къ условному мѣсту свою корову. Прибывшая первой дѣвушка или ея корова носитъ тоже названіе (Dausleipe), что и парень побѣдившій на скачкахъ[1]).

Послѣдніе два типа обрядовой скачки окончательно перевели насъ такимъ образомъ отъ воинскихъ занятій средневѣковья въ мирную среду крестьянства безсознательнаго хранителя завѣтныхъ обычаевъ старины; въ выгонѣ скота, оказывается, сохранились отголоски древнихъ ристаній. Такой процессъ превращенія когда-то имѣвшаго смыслъ обычая въ простую игру, конечно, не одинокъ; рядомъ съ нимъ мнѣ хотѣлось бы теперь поставить и нѣсколько плясокъ или прямо шуточныхъ процессій являющихся еще болѣе далекимъ отраженіемъ мужественныхъ военныхъ игръ и забавъ.

Сюда прежде всего относятся майскія маскарадныя пляски, справляемыя въ Англіи; я разумѣю hobby horse'а и Робинъ Гуда Въ томъ приведенномъ мною выше извѣстіи, гдѣ разсказывается, какъ Генрихъ VIII отправился посмотрѣть на майскія забавы, говорится, что стрѣлками изъ луковъ предводительствовалъ человѣкъ, назвавшійся Робинъ Гудомъ. Это извѣстіе, мнѣ кажется, какъ нельзя лучше объясняетъ проникновеніе Робинъ Гуда въ майскія забавы. Сначала въ реальную и вовсе нешуточную военную потѣху была введена заимствованная изъ балладъ маскарадная фигура. Стрѣлкамъ захотѣлось вообразить себя подъ начальствомъ знаменитаго балладнаго героя, идеальнаго атамана всѣхъ браконьеровъ и лихихъ людей. Но на этомъ дѣло не остановилось. Когда весеннее стрѣлянье естественно вышло изъ употребленія, имя Робина Гуда не было забыто, и онъ сталъ появляться уже и во время танцевъ[2]). Цѣлое множество извѣстій XVI вѣка упоминаетъ о немъ, какъ о необхо-

---

1) Mannh. W. u. Fk. I, s. 389 — 391 по тѣмъ же источникамъ; ср. также Bartsch, l. c. II, s. 270—279 и Birlinger, l. c. II, s. 94—98.

2) Child E. & Sc. ballads V, p. 44, прим. 3 и p. 44—45.

димой фигурѣ майскаго маскарада[1]). Какова собственно была его роль, мы точно не знаемъ[2]); извѣстно только, что онъ входилъ въ такъ называемый may game, т. е. самую майскую игру. Рядомъ съ нимъ въ той-же игрѣ участвовали вѣроятно, и Маленькій Джонъ, и монахъ, и Maid Marian, хотя эти двѣ послѣднія фигуры входили въ необходимый составъ другого танца Morris-dance[3]). Вѣрнѣе всего лицо переодѣтое Робинъ Гудомъ изображало въ лицахъ какую-нибудь балладу; объ этомъ вольномъ стрѣлкѣ, на это у насъ есть самое достовѣрное указаніе. Къ Копландовскому изданію «Geste of Robin Hood» (1550) прибавлена маленькая драматическая передѣлка балладнаго эпизода о Робинъ Гудѣ и монахѣ съ слѣдующей характерной отмѣткой: «very proper to be played in May games»[4]).

Относительно появленія Робинъ Гуда въ майскихъ маскарадныхъ плясках, мы стоимъ такимъ образомъ на довольно твердой почвѣ установленныхъ фактовъ. Въ немъ ясно видно вырожденіе воинской забавы сначала въ игру съ переодѣваньемъ, затѣмъ въ нѣчто вродѣ театрально-маскараднаго представленія и затѣмъ, наконецъ, и просто въ пляску. Весьма вѣроятно, что можно предположить нѣчто подобное и относительно hobby-

1) Ibid. p. 44.

2) Ibid. p. 45—46.

3) На одномъ цвѣтномъ окнѣ 1460—70 гг. изображенъ may-game и Morris dance; фигура Робинъ Гуда здѣсь однако отсутствуетъ, хотя и монахъ и Maid Marian на лицо; это обстоятельство привело Child'а къ слѣдующему выводу: «Maid Marian is a personage in the Maygame & morris who is not infrequently paired with. R. H. under what relation in either case, we cannot precisely say» (l. c. p. 46). Такому взгляду противорѣчитъ однако сходство Robin & Marian съ французскими Robin et Marion, какъ на это указываетъ и самъ Чайльдъ. Robin et Marion герои знаменитой пьески Adam'a de la Hale повидимому фигуры народнаго пѣсеннаго репертуара (см. Langlois, Le Jeu de R. et M. pp. 27—30 и мой Очеркъ лит. ист. Арраса *Ж. М. Н. Пр.* 1900, февраль, стр. 277—279). На распространеніе въ Англіи именъ R. et M. указываетъ пьеса R. Henryson'a Robyn & Makyne XV в. см. English Pastorals sel. by E. K. Chambers, London, 1895, pp. 1—5.

4) A Mery Geste of R. H. etc. London. W. Capland, n. d. 1548—1550 [Brit. Mus. C. 21 c.] прив. у Child'a, l. c. p. 44.

horse'a. Hobby horse, входящій иногда въ такъ называемый Morris dance или изображаемый самостоятельно, представляетъ собою деревянную фигуру лошади, которую человѣкъ навѣшываетъ на себя, такъ, чтобы онъ казался сидящимъ на ней[1]). Ноги его закрыты чѣмъ-то вродѣ юбки, а по бокамъ коня привѣшаны маленькія также деревянныя ножки. Человѣкъ такимъ образомъ изображаетъ всадника. Иногда всадникъ этотъ снабженъ и лукомъ и стрѣлами. Что же значитъ эта фигура? Почему также она носитъ названіе hobby-horse? Если позволительно принять Hobby за уменьшительное отъ Hubert такъ же, какъ Old Nick отъ Old Iniquity[2]), то наша плясовая фигура будетъ далекимъ изображеніемъ св. Губерта, покровителя охотниковъ, вылѣчивающаго отъ укушенія бѣшеной собаки[3]). Въ данномъ случаѣ, конечно, важно только первое значеніе святого. Въ May game'ахъ появлялся нѣкогда св. Георгій[4]), почему же не предположить, что рядомъ съ нимъ когда-то въ нихъ изображался и св. Губертъ, выродившійся впослѣдствіи въ простую глумную фигуру? Я показываю здѣсь впрочемъ скорѣе путь, слѣдуя по которому можно доискаться основного смысла Hobby horse'a, чѣмъ предлагаю вполнѣ обработанную гипотезу.

Появленіе лошади въ весеннихъ играхъ и помимо св. Губерта объясняется всего правдоподобнѣе изъ тѣхъ спортивныхъ развлеченій, разборомъ которыхъ мы были заняты на этихъ послѣднихъ страницахъ. Во всякомъ случаѣ такъ надо объяснить нашу русскую «бѣсовскую кобылку», противъ которой ополчался Верхотурскій воевода Рафъ Всеволожскій[5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи весною молодежь дѣлаетъ коня; два парня кладутъ себѣ на плечи жерди и убираютъ ихъ соломой, реднами, парусомъ и т. д. чѣмъ прійдется, для того, чтобы при-

1) Brand-Ellis, Pop. Antiquitces, I, pp. 267—271.
2) Ward, Old English Drama Okford, 1892, p. 119.
3) О немъ см. книгу Gaidoz'a, La rage de st. Hubert.
4) Child, l. c. p. 44.
5) Прив. у Фаминцына, Бож. др. сл. стр. 209—210.

дать этимъ жердямъ фигуру коня; хвостъ при этомъ изображаетъ метла, а голову иногда настоящій конскій черепъ. Забава состоитъ въ томъ, что на «коня» садится паренекъ, либо играющій на дудкѣ, либо простыми прибаутками потѣшающій народъ. Иногда устраивается и турниръ: когда два коня изъ разныхъ деревень сходятся вмѣстѣ, они вступаютъ въ бой; при этомъ интересъ игры сводится къ тому, какой изъ парней, сидящихъ на жердяхъ раньше свалится[1]). Конь этотъ въ Саратовской губерніи носитъ загадочное названіе «Русалки», и его строятъ даже, какъ мы видѣли, при изгнаніи русалокъ[2]). Если и словацкій поздравительный весенній обходъ съ такимъ же конемъ называемымъ Rusa, также есть отраженіе названія Русалка[3]), мнѣ кажется, нѣтъ основанія въ этомъ видѣть ничего кромѣ перехода наименованія праздника на падающую и на него, но вовсе спеціально съ нимъ не связанную игру[4]). Мы видѣли вѣдь Русальныя воинскія игры. Именно наименованіе коня русской игры русалкой лучше всего показываетъ поэтому, что наша игра есть вырожденіе или перерожденіе ристаній. Въ этомъ отношеніи поучителенъ древне-русскій переводъ греческаго ἱπποδρόμιαι словомъ русаліи[5]). Во всякомъ случаѣ для объясненія этого названія тревожить божества древнихъ славянъ не представляется ни малѣйшаго повода[6]).

Конь-Русалка, Робинъ Гудъ и hobby-horse представляютъ собою уже самый послѣдній этапъ вырожденія весеннихъ воин-

---

1) Терещенко, Бытъ, VI, стр. 191; Аѳан. Поэт. Воззр. III, стр. 164; Ефименко, О Ярилѣ, *З. И. Р. Г. О.* II (1869) стр. 86—87; Минхъ, Нар. об. обр., суев. и предр. кр. Сарат. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX,2, стр. 105; *Живая Старина*, 1891, вып. IV, стр. 199.

2) Въ прив. изв. у Аѳанасьева и Минха; см. выше, I, стр. 280.

3) Веселовскій, Разыск. XIV, стр. 267; Pajek, Črtice, etc. str. 212.

4) Объ этомъ см. у Веселовскаго, l. c. стр. 277—278, гдѣ онъ сопоставляетъ коня-русалку съ руссаліями-воинами Македонскаго обряда описаннаго Шапкаревымъ (см. выше стр.).

5) Приведено изъ одного изъ поученій Златоуста у Веселовскаго, Раз. XIV, стр. 278 и Фаминцына, Бож. др. славянъ, стр. 212.

6) Фаминцынъ, l. c. стр. 211 и слѣд.

скихъ упражненій или, какъ я выразился раньше: мужескихъ весеннихъ потѣхъ. Мы видѣли сначала, какъ изъ бытовыхъ условій возникли извѣстныя дѣйствія, имѣвшія первоначально вполнѣ опредѣленное и весьма существенное значеніе: весна есть начало военнаго времени и къ весеннимъ праздникамъ пріурочились поэтому военныя кавалькады, упражненія въ стрѣльбѣ, конскія и пѣшія ристанія; но по мѣрѣ того, какъ въ жизни европейскихъ народовъ военное ремесло становилось спеціальнымъ и постояннымъ занятіемъ особаго класса людей, эти воинскія упражненія начали вырождаться сначала въ удалыя потѣхи, а потомъ либо въ потѣхи деревенскія, принявшія хозяйственное обрядовое обличье, либо просто въ пляску и маскарадную игру чисто шуточную, уже не связанную рѣшительно ни съ какимъ бытовымъ представленіемъ. Тутъ заканчивается процессъ вырожденія и переживанія; послѣ этого остается только одно: полное и окончательное забвеніе когда-то важныхъ и дорогихъ представленій.

Путемъ такого-же вырожденія когда-то раціональныхъ обычаевъ въ игры и забавы, мы можемъ теперь объяснить и еще одну традиціонную фигуру майскаго праздника. О ней рѣчь шла преимущественно въ первой части этой работы, но только теперь мы приблизились къ ея пониманію. Я разумѣю короля и королеву Мая — этихъ неизмѣнныхъ предводителей весенняго внесенія деревца и поздравительныхъ пѣсенъ на всемъ протяженіи западно-европейскаго фольклора. Послѣ того какъ должность майскаго короля или майскаго графа вполнѣ естественно объяснилась изъ весеннихъ ристаній, стало уже, мнѣ кажется, достаточно очевидно, что отождествленіе его съ Pfingstl'емъ или иной фигурой весенняго заклинанія совершенно невозможно. Майскій король или графъ въ основѣ своей побѣдитель и начальникъ на весеннемъ спортивно-военномъ праздникѣ. Онъ возникъ вѣроятно на Западѣ въ городской средѣ. Оттого на Востокѣ Европы о немъ нѣтъ и помину. Только путемъ перехода военно-спортивныхъ весеннихъ забавъ въ мірный обиходъ деревни май-

скій король утратилъ свое основное значеніе. И простой процессъ усугубленія символа заставилъ прибавить ему еще и королеву. Когда же женская весенняя игра стала привлекать къ себѣ уже цѣликомъ все вниманіе, эта королева вытѣснила изъ народнаго сознанія и короля и осталась уже совершенно одна ввидѣ reine de may, may-lady и даже сербской краловны.

Раньше чѣмъ оставить эти мужественныя потѣхи, мнѣ хотѣлось бы предложить и еще одно соображеніе. А. Н. Веселовскій придаетъ особое значеніе тому обстоятельству, что сливающіеся съ существующимъ у всѣхъ народовъ побратимствомъ (compagnonage, fóstbroethralag) обряды кумовства въ Россіи и сербскіе Ружичало или Дружичало совпадаютъ въ календарномъ пріуроченіи съ культомъ предковъ[1]). Кумовство въ Россіи производится на зеленыя святки и на Ивановъ день, въ Сербіи на Троицкой недѣлѣ[2]), въ Италіи кумуются отъ Иванова до Петрова дня и при этомъ св. Іоаннъ въ легендахъ оказывается главнымъ покровителемъ кумовства[3]). Пріуроченіе Iohannis minne въ Германіи также къ 24 іюню показываетъ, что и здѣсь когда-то существовало то-же, что и въ Сициліи и Сардиніи[4]). При возможности смѣшенія лѣтняго и весенняго цикловъ[5]) мы имѣемъ для кумовства приблизительно тѣже пріуроченія, что и для Русалій, для весенняго поминанія родителей, для молитвы на жальникахъ и въ убогихъ домахъ и пр., съ которыми мы ознакомились въ первой части этой книги. А. Н. Веселовскій изслѣдовалъ кумовство и побратимство еще и въ самой тѣсной связи съ эротическими обрядами. Поводомъ къ этому служили кумовства между

---

1) Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ куп. обр. *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 2, стр. 287 и слѣд.; о побратимствѣ на западѣ см. статью Flach'а въ Etudes rom. dédiées à Gaston Paris. Paris, 1891, p. 141 etc. и *Z. d. V. f. Volksk.* III, s. 103.

2) Krauss, S. u. G. der Südsl. s. 619 u. v.; Бобчекъ, О побр. посестр. *Жив. Стар.* II, вып. 2, стр. 31 и Веселовскій, l. c. стр. 303.

3) Ibid. стр. 292—295.

4) Ibid. стр. 298—303.

5) Ibid. стр. 310.

лицами разнаго пола, что имѣетъ мѣсто въ Италіи и въ Россіи. Этому отвѣчаютъ еще и купальскія и весеннія пары: Адонисъ и Афродита, Иванъ и Купалочка, Иванъ да Марья, Hans und Gretel и т. д.[1]). Всѣ эти сопоставленія повели А. Н. Веселовскаго къ слѣдующему выводу относительно древняго значенія купальской обрядности: «въ началѣ, пишетъ А. Н. Веселовскій, это общинно-бытовой праздникъ, знаменовавшійся браками и принятіемъ въ родъ, въ общеніе предковъ»[2]).

Я не хочу вовсе отрицать того, что кумовство есть принятіе въ родъ, и что поэтому оно связано съ культомъ предковъ. А. Н. Веселовскій привелъ цѣлый рядъ доказательствъ къ тому, что даже присяга, лежащая, конечно, въ основѣ всякаго кумовства, всякаго принятія въ родъ совершалась не безъ участія предковъ: присягающаго напримѣръ ставятъ у тушинъ на могилы и проч.[3]), мнѣ хотѣлось бы только высказать предположеніе о томъ, что если то военное кумовство, побратимство, compagnonage, fóstbroethralag и проч. существующее въ военномъ быту всѣхъ народовъ міра кое-гдѣ, какъ напримѣръ въ Сербіи, пріурочилось къ веснѣ, можетъ быть, на это повліяли тѣ чисто военные обряды, которые мною только-что были здѣсь сгруппированы.. Вѣдь именно въ началѣ военныхъ дѣйствій передъ выходомъ въ походъ всего логичнѣе и естественнѣе заключить побратимство съ своимъ товарищемъ по оружію.

---

1) Ibid. стр. 289—290, 292—298, 308—311, 316.
2) Ibid. стр. 317.
3) Ibid. стр. 317 прим.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Любовные мотивы въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ.

Среди веселья игръ и забавъ, среди угрожающаго возбужденія воинскихъ ристаній шумно справляются весенніе праздники. И молодежь болѣе чѣмъ когда-либо проводитъ время вмѣстѣ. Удальство парней манитъ къ себѣ полюбовныя думы дѣвушекъ. Красивыя плавныя движенія молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ дразнятъ воображеніе мужчинъ. Только чисто искусственно можно было выдѣлить изъ весеннихъ игръ и забавъ мотивы чистаго веселья. Въ дѣйствительности они естественно и неудержимо переходятъ въ любовные мотивы.

Въ нихъ намъ и предстоитъ разобраться.

Но какъ только мы перейдемъ къ любовнымъ мотивамъ, намъ придется глубоко вдуматься въ нихъ. Мы увидимъ, что они не только составляютъ красивый узоръ, обрамляющій хороводное дѣйство, оживляющій свѣтлый фонъ того весенняго праздничнаго сезона, на которомъ совершается весенняя обрядность. Любовь царитъ и властвуетъ въ весеннихъ пѣсняхъ; ея жгучее дыханіе чувствуется и въ самой обрядности. И тутъ возникнетъ вопросъ: не составляетъ ли весна пору высшаго напряженія любовныхъ желаній? Этотъ вопросъ представляетъ и историко-литературный интересъ, и интересъ чисто антропологическій. Оттого и около него пришлось сгруппировать цѣлый рядъ самихъ по себѣ мало

значущихъ фактовъ, множество наблюденій, отрывочныхъ замѣчаній и гипотезъ.

И тутъ мы попутно опять подойдемъ къ изслѣдованію происхожденія отдѣльныхъ родовъ первоначальной пѣсни-пляски, на первый взглядъ не имѣющихъ какъ-будто ничего общаго съ народнымъ календаремъ. Въ предшествующей главѣ мы вѣдь видѣли, какъ изъ самаго обрядового обихода, превратившаго весенніе праздники въ сезонъ игръ и забавъ, создался разнообразный циклъ пѣсенъ, будящихъ и возбуждающихъ своими образами народное веселье. И, какъ мы видѣли, этотъ сезонъ веселья одновременно и начало военнаго сезона. Лишь недостаточный подборъ дошедшихъ до насъ отъ древности военныхъ пѣсенъ помѣшалъ намъ такимъ образомъ представить схожее возникновеніе и пѣсни, возбуждающей къ войнѣ, а можетъ быть и къ охотѣ. Плясовая и военно-охотничья пѣсня оказались свободно возникнувшими изъ обрядового обихода. Теперь тоже самое мы увидимъ и относительно еще одного разряда пѣсенъ: пѣсенъ любовныхъ. Въ заключительныхъ строкахъ первой части этого изслѣдованія я старался слѣдъ за Шереромъ вывести любовную пѣсню изъ особой разновидности заклинанія, котораго самый типичный примѣръ представляетъ собою автралійская пѣсня на праздникѣ Кааро. Теперь мнѣ необходимо уже обставить свою мысль болѣе полнымъ фактическимъ матеріаломъ. Дѣйствительно, только въ томъ случаѣ высказанное мною предположеніе окажется правдоподобнымъ, если намъ удастся подсмотрѣть въ быту первобытнаго человѣчества такіе моменты, когда любовныя стремленія напрягаются особенно властно. Вопросъ о любовныхъ мотивахъ въ весенней обрядовой пѣснѣ есть такимъ образомъ вопросъ существенно важный и для тѣхъ теоретическихъ разсужденій объ источникахъ поэтическаго творчества, которыя преслѣдуетъ настоящее изслѣдованіе.

I.

Народное поэтическое творчество любитъ иносказаніе. Оно всего менѣе склонно къ непосредственному воспроизведенію дѣйствительности. Во всякомъ явленіи есть всегда одинъ какой-нибудь основной признакъ, и на немъ-то и сосредоточивается вниманіе. Такое «pars pro toto» лежитъ и въ основѣ художественнаго замысла большинства хороводныхъ пѣсенъ. Въ нихъ чаще всего вмѣсто самаго хороводнаго веселія идетъ рѣчь о миломъ сердечномъ дружкѣ, котораго увидитъ дѣвушка или молодица въ хороводѣ, или о заманчивой красавицѣ, если пѣсня поется отъ лица парня. Подобный мотивъ вплетается въ тему о борьбѣ хороводнаго веселія съ его противниками. До сихъ поръ мы пользовались ею только отчасти; мы далеко не исчерпали всего богатства принадлежащихъ къ ней поэтическихъ образовъ; теперь намъ предстоитъ вновь вернуться къ нимъ. Отъ отдѣльныхъ мотивовъ этой послѣдней темы мы и перейдемъ всего проще къ любовнымъ сюжетамъ весеннихъ пѣсенъ.

Вернемся сначала къ мотиву о спорѣ матери съ дочерью, стремящейся въ хороводъ.

Что милъ-сердечный другъ есть основная приманка въ хороводъ, что безъ него и радость не въ радость, это образно изображаютъ нѣмецкія и сербскія пѣсни на мотивъ спора матери и дочери. Въ сербской пѣснѣ дѣвушка проситъ свою мать пустить ее поплясать въ хороводъ у Видина; мать не протестуетъ и предлагаетъ дочери пойти съ братомъ; но дочь не согласна повеселиться съ братомъ: она не пойдетъ; не пойдетъ она также ни съ сестрой, ни съ отцомъ; совсѣмъ другое дѣло, когда мать предлагаетъ пойти съ милъ-сердечнымъ другомъ, съ нимъ только и хочется дѣвушкѣ поплясать:

Играло коло под Видин, под Видин;
Пусти ме, мајко, да видим. —

Ето ти брата, иди с њим —
Нека ми брата, не ћу с њим.

—

Играло коло под Видин;
Пусти ме, мајко, да видим. —
Ето ти сестре, иди с њом —
Нека ми сестре, не ћу с њом.

—

Играло коло под Видин;
Пусти ме, мајко, да видим. —
Ето ти оца, иди с њим —
Нека ми оца, не ћу с њим.

—

Играло коло под Видин;
Пусти ме, мајко, да видим. —
Ето ти драгог, иди с њим —
Нека ми драгог, оћу с њим [1]).

Въ нѣмецкомъ Langtanz'ѣ XVII в., вѣроятно, уже тогда считавшемся стариннымъ, дѣйствіе нѣсколько болѣе сложно: сначала дочь высказываетъ желаніе пойти на вечерній танецъ и говоритъ:

Ach, Mömeken, min leve Moder,
Mochte ick aldar tom (Aventdanze) gan,
Dar ick höre Pipen gan
Und de leven Trummen schlan?»

На это мать совѣтуетъ лучше пойти спать, но дочь заявляетъ категорически:

Kame ick tom Aventdanze nicht,
So mot ick sterven dot.

1) Караџић, Српске нар. пј. I, № 265.

Только послѣ этой угрозы мать склоняется отпустить дочь и лишь не хочетъ позволить ей идти одной. Тутъ начинаетъ развиваться споръ, какъ въ сербской пѣсни: мать предлагаетъ взять съ собой брата, но братъ еще мальчикъ, и дѣвушка предпочитаетъ кого-то другого, потому что съ нимъ она можетъ разговаривать. И въ послѣднемъ куплетѣ мы узнаемъ, что этотъ другой — никто иной, какъ ожидающій дѣвушку въ хороводѣ рыцарь; онъ сниметъ шляпу и поцѣлуетъ ее передъ хороводомъ:

De Rüter de was gut,
He toch af sinen Hot,
He Kussede se vor den Munt
An dem Danze, dar se stund [1]).

Очевидно именно рыцарь и былъ чуть не главной приманкой; «разговоръ» съ нимъ, какъ pars pro toto, концентрируетъ въ себѣ все хороводное веселье. Въ португальской пѣснѣ танецъ даже называется «la bailia do amor», а современная малорусская пѣсенка увѣряетъ, что и хороводъ не важенъ и дѣвушка согласна выйти изъ дому и послѣ того, какъ кончится игрище, потому что казакъ ея дождется [2]). Въ остальныхъ относящихся сюда пѣсняхъ встрѣча должна произойти именно во время хоровода, какъ будто иначе увидѣться съ милъ-сердечнымъ другомъ невозможно.

Вотъ почему въ варіантахъ пѣсни «Ой чи було літо, чи минулося», кромѣ приведеннаго дѣвушка говоритъ:

Выбію я, выбію болоночку,
Гляну я, гляну на вулочку:
Ажъ ну мой милый танокъ водзя,
Ды и зъ моей даўный подружичкый [3]).

1) Hans Detlef, Ergänzungen zu Neocarus Chronik des Landes Ditmarschen ed. Dahlmann, II, s. 569; Erk-Böhme D. Lh. № 949, II, s. 722 и раньше у Уланда, Volskl. I, 81 и Мюленгофа, S. M. и L. aus Schlesw. s. 482.

2) Гринченко, № 91, ср. № 93.

3) Ш. Бп. стр. 406, № 175; ср. Радченко, Гом. п. стр. 2, № 5; Р. Беб. стр. 266, № 12; см. выше стр. 63.

Та же самая подстановка веселія-пляски милъ-сердечнымъ дружкомъ сказывается и во французской пѣснѣ, гдѣ дѣвушка собирается пойти на ярмарку. Послѣдній аргументъ дѣвушки состоитъ въ томъ, что

Le gros François, notre voisin,
M'a promis bonbons et bon vin,
Si je me rends à la foire demain
Si je vais à la foire [1]).

Этотъ типъ споровъ матери и дочери встрѣчается довольно часто у Нидгарта фонъ-Рюенталя. Средневѣковый миннезингеръ любилъ изображать подобный разговоръ и вложилъ въ него и живость, и разнообразіе [2]). Пѣсни его обыкновенно начинаются длиннымъ весеннимъ запѣвомъ, служащимъ чѣмъ-то въ родѣ приглашенія въ хороводъ, а непосредственно за нимъ начинаетъ говорить дѣвушка, заявляющая, что настала весна, и пора въ хороводъ. Въ одной пьесѣ она ласково проситъ свою мать:

Muoter lâtz âne melde.
jâ wil ich komen ze velde
und wil den reien springen [3]).

но черезъ двѣ-три строфы мы узнаемъ, что главную приманку въ хороводѣ составляетъ ожидающій ее красивый рыцарь [4]). Въ другихъ пьесахъ дѣвушка восклицаетъ:

mirst geseit
hiuwer alrerst von des knappen singen [5]).

или

Merze vor den reien spranc:
bî dem solt dû mich vinden [6]).

---

1) Fleury, l. c. 305.
2) Ed. Haupt: 3, 22; 6, 19; 7, 11; 8, 12; 18, 4; 19, 7; 20, 38; 21, 34; 24, 18; 26, 23.
3) Ibid. 4, 5—8.
4) Стихи 15—20.
5) Ibid. 6, 25—26.
6) Ibid. 7, 17—19.

Только въ одной пьесѣ ни о какомъ любовномъ приключеніи не идетъ рѣчи, и дѣвушка жалуется на мать за то, что она не позволяетъ ей подвязать подвязки, хотя ей необходимо бѣжать вмѣстѣ съ молодежью къ липамъ [1]). Въ этой послѣдней пьесѣ и мать удерживаетъ ее дома, только предлагая ей пришить свой оторвавшійся рукавъ и приговаривая: куда тебѣ, маленькая букашка? Сиди себѣ въ гнѣздѣ:

vil kleine grasemügge,
wâ wilt dû hupfen hin
ab dem neste?
sitze und beste
mir den ermel wider in [2]).

Въ остальныхъ матери боятся главнымъ образомъ за честь своей дочери: по ихъ мнѣнію милъ-сердечный другъ, рыцарь или паренекъ, ожидающій дѣвушку въ хороводѣ, не только напрасно вскружитъ голову дочери, но и обезчеститъ, обезславитъ и потомъ броситъ ее [3]). Такъ случилось по словамъ другой пьесы съ Юте, которую мать также совершенно напрасно упрашивала остаться дома [4]).

Въ подобныхъ подозрѣніяхъ нѣмецкія матери въ произведеніяхъ Нидгарта вполнѣ солидарны съ матерью въ только-что приведенной, французской современной пѣсни, описывающей въ назиданіе дочери самымъ подробнымъ образомъ весь позоръ беременности, какой ей предстоитъ, если она отправится на ярмарку со своимъ сосѣдомъ толстымъ Франсуа [5]).

Исходя изъ подобнаго представленія пьесы Нидгарта заставляютъ матерей совѣтовать молодымъ дѣвушкамъ «поступать согласно обѣту» [6]), такъ что въ одной пьесѣ даже прямо гово-

1) Ibid. 8, 20—27.
2) Ibid. 8, 31—35.
3) Ibid. пьеса 20, 38.
4) Ibid. пьеса 18, 14.
5) Fleury, l. c. p. 305 послѣдняя строфа.
6) Ed. Haupt, пьеса 21, 34, стихъ 22, 37.

рится о женихѣ, котораго не надо забывать ради приглянувшагося рыцаря, ожидающаго въ хороводѣ: «Доченька, говоритъ мать, не отдавайся ему (рыцарю), если ты будешь увлекать въ хороводѣ рыцарей, которые тебѣ не ровня, доченька, съ тобой случится бѣда»; но голова дочери уже окончательно вскружена; она говоритъ: «неужели мужикъ будетъ моимъ мужемъ»? и не хочетъ слышать о женихѣ:

«Tohterlîn, lâ dich sîn niht gelangen.
wil dû die ritter an dem reien drangen,
die dir niht ze mâze ensulen sîn,
tohterlîn,
du wirst an dem schaden wol ervunden.
der junge meier muotet dîn».
— Giezet mir den meier an die versen.
jâ trûwe ich einem ritter wol gehersen.
zwiu sol ein gebûwer mir ze man? — [1])

Таковы эти споры: дѣвушка то говоритъ мягко, то задорно; нѣтъ недостатка и въ побояхъ со стороны матерей [2]). Нидгартъ какъ бы смакуетъ такія сцены. «Послушай, говоритъ онъ въ одной пьесѣ уже отъ себя, что съ ней (съ дѣвушкой) случилось» [3]), и описываетъ настоящую потасовку. Въ другой пьесѣ развивающейся особенно живо дочь проситъ ключа, чтобы вынуть свои наряды, но мать не даетъ его; тогда дочь замѣчаетъ, что наряды она справила сама и что мать не имѣетъ поэтому никакого права распоряжаться ими; сундукъ, гдѣ спрятано платье, она поэтому самовольно взламываетъ, наскоро одѣвается и убѣгаетъ [4]).

Въ сторонѣ отъ разобранныхъ произведеній стоитъ пѣсня, въ которой Нидгартъ слилъ мотивъ спора матери съ дочерью

1) Ibid. пьеса 27, 15—28.
2) Ibid. пьесы 3, 22; 6, 19; 7, 11; 8, 12.
3) Ibid. пьеса 8, 4.
4) Ibid. пьеса 24, 18.

съ мотивомъ старухи, стремящейся принять участіе въ хороводномъ весельи, о которомъ было упомянуто выше[1]). Дѣйствіе развивается здѣсь, какъ и въ прочихъ пѣсняхъ, но только мать вмѣсто того, чтобы удерживать свою дочь дома предлагаетъ ей идти вмѣстѣ на игрище; при этомъ она увѣряетъ, что, несмотря на свои сѣдые волосы, она еще совсѣмъ ребенокъ и поэтому и ей хочется надѣть пестрый головной уборъ. На это уже дочь говоритъ слова благоразумія: «длинное головное покрывало, говоритъ дѣвушка, я уже взяла раньше васъ, его носить подходитъ скорѣе молодой, чѣмъ старой, во время хороводовъ; кто похитилъ у васъ разумъ? Спите. Вы вѣрно во снѣ видѣли плясуновъ въ хороводахъ, что вы хотите по новому нарядиться».

Muoter, die rîsen die hân ich vor iu behalten;
diu zimt einer jungen baz dan einer alten
ze tragen umbe ir houbet
an der schar.
wer hât iuch beroubet
der sinne gar?
slâfet,
waz ob iu nû ringer
getroumet,
daz ir iuch anders zâfet? [2])

Произведенія Нидгарта, конечно, не входятъ въ составъ народной поэзіи. Какъ бы близко ни стоялъ этотъ миннезингеръ къ народной средѣ, когда, какъ это доказываютъ нѣкоторые историки литературы, онъ самъ въ молодости былъ не прочь поплясать съ деревенскими дѣвушками и для нихъ и складывалъ эти пьесы[3]); онѣ все-таки носятъ чисто искусственный, литературный характеръ. Самая ихъ композиція ничего не имѣетъ общаго съ народной пѣсней: споръ только вводится, какъ сценка, а раз-

1) Ibid. пьеса 19, 7.
2) Ibid. пьеса 20, 18—27.
3) Bielschowsky, Gesch. der d. Dorfp. s. 182—183 и 50—53.

витіе его бьетъ на оригинальность, стремится обновить мотивъ новыми штрихами. Кромѣ этого авторъ вводитъ еще самого себя: рыцарь привлекающій сельскихъ красавицъ на игрище зачастую названъ «von Riuwental»[1]). Онъ самъ причина несчастій бѣдной Юты; онъ же подноситъ и поясокъ, и красные чулочки, которыми наряжаются дѣвушки. Все это, конечно, изысканно и искусственно.

Я остановился однако такъ долго на пьесахъ Нидгарта, потому что мотивы ихъ все-таки чисто народные. И въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ для насъ большую важность. Онѣ свидѣтельствуютъ о существованіи разбираемой темы въ обиходѣ народныхъ пѣсенъ еще въ XII и началѣ XIII вв. Вѣдь на то, что Нидгартъ охотно черпалъ вдохновеніе въ народномъ творчествѣ, мнѣ приходилось уже не разъ указывать. Въ этомъ и не сомнѣвался никто кромѣ Вильманса[2]). Что касается въ частности мотива о спорѣ матери и дочери, то главнымъ основаніемъ для признанія этого мотива народнымъ считается приведенный мною нѣмецкій Langtanz XVII в. Біельшовскій вслѣдъ за другими полагаетъ, что сходство съ нимъ имѣетъ рѣшающее значеніе[3]). Въ примѣчаніи Бьельшовскій правда заговариваетъ о возможности предположить, что Langtanz XVII есть отраженіе пьесъ Нидгарта: но весеннія пьесы этого поэта, по мнѣнію Бьельшовскаго, были настолько мало распространены, что сохранились онѣ лишь въ шести рукописяхъ изъ двѣнадцати, и при этомъ никакое извѣстіе о Нидгартѣ не подымается къ сѣверу отъ линіи Циттау, Магдебургъ, Минденъ. Какъ же могло тогда, спрашиваетъ Бьельшовскій, его вліяніе сказаться въ Голштиніи, откуда происходитъ Langtanz[4])?

Самое сходство съ Langtanz'емъ однако ничего не доказываетъ. Біельшовскій забылъ о средневѣковыхъ подражателяхъ

1) Пьесы ed. Haupt 3, 22; 19, 7; 20, 38; 24, 13 и 26, 23.
2) Библіографію по этому поводу см. у Bielschowsky, l. c. s. 103.
3) Ibid. s. 111.
4) Ibid. ss. 111—112.

Нидгарта. Въ изданіи Гаупта приведено цѣлыхъ четыре пьесы на тотъ же мотивъ, принадлежность которыхъ нашему миннезингеру оспаривается самымъ категорическимъ образомъ[1]). Онѣ совершенно очевидно свидѣтельствуютъ о томъ, что наоборотъ эти пьесы Нидгарта были довольно распространены и несомнѣнно тотчасъ же вызвали подражанія.

И приведенный мною Langtanz XVII в. по самому своему складу слишкомъ близко напоминаетъ манеру Нидгарта, чтобы можно было не заподозрить хотя бы отдаленное его вліяніе. Разговоръ матери и дочери также составляетъ лишь сценку; дѣвушку ждетъ на игрищѣ «ein rüter», даже вставка «sprac en magd» характерна для пѣсенъ нашего миннезингера. Эта пѣсня представляется мнѣ поэтому отраженіемъ литературныхъ образцовъ, введенныхъ Нидгартомъ. И, какъ многія темы средневѣковой поэзіи — и она лишь спустилась въ народную пѣсню.

Если столь распространенный у Нидгарта мотивъ о спорѣ матери и дочери надо тѣмъ не менѣе считать принадлежащимъ къ чисто народной завѣтной традиціи, то доказываютъ это, именно славянскія параллели. По столько по сколько славяно-русская пѣсенная литература можетъ считаться независимой отъ средневѣковой западно-европейской пѣсни, существованіе въ ней какой-нибудь пѣсенной темы всегда должно быть принято во вниманіе, при сужденіи о томъ, почерпнута ли эта тема изъ народной традиціи или сочинена самими труверами и миннезингерами. И подходя къ Langtanz'у XVII в. именно отъ его славяно-русскихъ параллелей, несомнѣнно придется убѣдиться въ томъ, что несмотря на свою зависимость отъ манеры Нидгарта, онъ почерпнулъ кое-что и изъ народной пѣсенной традиціи; такой народной чертой представляется мнѣ отказъ дѣвушки идти въ хороводъ съ кѣмъ бы то ни было кромѣ милъ-сердечнаго дружка. Вѣдь на этомъ основана и приведенная мною сербская пѣсенка. Въ Langtanz'ѣ ея смыслъ, носящій отчасти иносказа-

1) Пьесы: XIV, 1; XLVI, 20; L, 6 и LI, 1.

тельный почти символическій характеръ, правда нѣсколько измѣненъ. Тутъ дѣло было понято такъ, что дѣвушкѣ просто на просто хочется отдѣлаться отъ брата, чтобы быть болѣе свободной; очевидно когда составляющее самую суть этого мотива перечисленіе родни было забыто, иначе объяснить себѣ это упоминаніе матери о сынѣ своемъ т. е. о братѣ дѣвушки стало трудно.

Мы ознакомились такимъ образомъ съ новой разновидностью мотива о спорѣ матери съ дочерью, по которой главной приманкой въ хороводѣ оказывается милъ-сердечный другъ или вообще интересующій дѣвушку парень. И черезъ посредство древняго миннезингера Нидгарта фонъ-Рюенталь и пѣсенъ созданныхъ подъ его вліяніемъ мы убѣдились въ томъ, что эта разновидность остановившаго наше вниманіе мотива была извѣстна и въ средневѣковой народной пѣснѣ запада.

Такимъ же путемъ можно попытаться возстановить забытыя уже хороводныя пѣсни о монахиняхъ и монахахъ, стремящихся на игрище не только ради него самого, но и съ цѣлью любовнаго похожденія. Это будетъ второй мотивъ на тему о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками, гдѣ самому веселью подставленъ образъ милъ-сердечнаго дружка. Въ французскихъ chansons à personnages и сродныхъ пѣсняхъ монахиня изображается зачастую либо влюбленной, либо полной полюбовной тоски [1]). Авторы этихъ пьесъ разсказываютъ намъ, какъ имъ пришлось быть очевидцами разговоровъ, гдѣ монахини высказываютъ подобныя чувства. Хороводный мотивъ при этомъ никогда ни въ одной изъ такихъ пѣсенокъ не встрѣчается. Но, можетъ быть, если мы найдемъ его среди соотвѣтственныхъ русскихъ пѣсенъ, то будетъ вполнѣ законнымъ предположеніе, что тѣ народныя пѣсни, изъ которыхъ почерпнули и этотъ мотивъ средневѣковые поэты, были также хороводными. О влюбленной монахинѣ рус-

---

1) Напр. Bartsch, Rom. u. Past., I, 34; ср. *Romania*, IV, pp. 446; Novati, Studj crit. e lett. Torino, 1889, p. 248; Propugnatore, N. S. II, pp. 258—260, etc.

ская хороводная пѣсня, какъ мы видѣли, пользующаяся въ своемъ иносказаніи и образомъ черничекъ, правда, не знаетъ, но монахъ представляется часто ищущимъ именно женской красоты въ хороводѣ. Достаточно вспомнить извѣстную пѣсню: «Какъ во городѣ было во Казани». Молодой монахъ выходитъ здѣсь изъ своей кельи «погуляти»; онъ встрѣчаетъ въ хороводѣ то старыхъ женщинъ, то молодицъ, то красныхъ дѣвокъ. При видѣ первыхъ онъ надвигаетъ глубже свой клобукъ, при видѣ вторыхъ «черничище клобучище приподнимаетъ», а повстрѣчавшись съ послѣдними онъ готовъ даже совсѣмъ сбросить свой клобукъ [1]).

Тотъ же мотивъ любовныхъ мечтаній, который мы видѣли въ темахъ о спорѣ матери съ дочерью и о монашенкѣ вторгается въ сродную съ темой борьбы хороводнаго веселья съ его противниками тему о несчастьи въ замужествѣ. Выйдя на улицу и освободившись отъ гнета мужа и его семьи, молодица естественно сама становится аггресивной. Она готова теперь отомстить за всѣ притѣсненія. Въ захватывающемъ разгулѣ хороводной игры мужъ и его семья представляются чѣмъ-то уже прямо ненавистнымъ и враждебнымъ. Молодица теперь уже не боится мужней грозы, не печалится о своей горькой долѣ; она открыто шлетъ проклятіе мужу и ищетъ себѣ беззастѣнчиво и смѣло утѣшенія съ неженатымъ парнемъ. Что онъ явится ея милымъ, это само собою разумѣется.

На этомъ мотивъ о несчастьи въ замужествѣ переходитъ уже въ новый мотивъ. Его можно назвать мотивомъ о семейномъ разладѣ. Онъ доходитъ и до измѣны мужу, изображенной согласно обычному пѣсенному преувеличенію въ самыхъ рѣзкихъ, почти циничныхъ выраженіяхъ. Переходной ступенью въ эту новую фазу намъ послужитъ извѣстная новогреческая пѣсня о томъ, какъ пляшетъ Маріора:

1) Снегиревъ, Пр. р. пр. II, стр. 100; ср. схожую пѣсню у Магницкаго, Пѣсни села Бѣловолжскаго, стр. 120, № 10.

«О сосѣдка, твой мужъ хочетъ пить!»—Если его мучитъ жажда, мнѣ это безразлично; пляска идетъ хорошо. Въ кувшинѣ есть вода, пусть онъ попьетъ.—

«О сосѣдка, твой мужъ проголодался!»—Если онъ проголодался, мнѣ это все равно, хорошо идетъ пляска. Въ шкапу найдется что-нибудь, пусть онъ поѣстъ!—

«О, сосѣдка! твой мужъ померъ!» — Если онъ померъ, мнѣ все равно; пусть бабы поплачутъ надъ нимъ, пусть пѣвчіе его отпѣваютъ и попы похоронятъ, пусть съѣдятъ его черви!— [1])

Совершенно такое же отношеніе выказываетъ къ своему мужу и молодая баба въ одной сербской хороводной весенней пѣснѣ. Здѣсь происходитъ разговоръ между снохой и золовкой. «Пойдемъ въ коло», зоветъ молодая женщина сестру мужа; но напрасно; золовка ссылается на то, что брата ея нѣтъ дома: онъ ушелъ «на војску». Для снохи это не отговорка, она высказываетъ пожеланіе, чтобы мужъ ея вовсе не вернулся. Сноха ее стыдитъ: «не проклинай моего брата, онъ дастъ Богъ, придетъ домой и принесетъ намъ серебряный ножъ и вязаныя туфельки»:

Ајд' у коло, сејо, моја!
«Немам каде, снашо моја!
«Отиш'о ми брат на војску».—
«Еда Бог да, те не дађе!»—
«Не куп', снашо, брата мога,
«Еда Бог да, те нам дађе!
«Донеће нам сребрн ножић
«И везене папучице». [2])

Также мало нѣжности испытываютъ къ своимъ мужьямъ и русскія молодицы. Въ Пензенскомъ уѣздѣ во время обряда убран-

1) Pineau et Georgeakis, Le FL. de Lesbos, *L. P. d. t. l. n.* XXXI, p. 161.
2) Караџић, Српске нар. пј. стр. 183, № 258.

ства березки на Семикъ поется слѣдующая пѣсня, вводящая мотивъ о ненависти къ мужу самымъ неожиданнымъ образомъ:

Гей ты березка, бѣлая, кудрявая,
Въ полѣ на долинѣ стояла;
Мы тебя срубили,
Мы тебя сгубили,
Сгуби и ты мужа,
Сломи ему голову
На правую сторону,
Съ правой да на лѣвую!
Семикъ честной,
Семикъ радостный!
Ужъ ты кумушка кума,
Расхорошая моя,
Не сворись, не бранись,
Ко мнѣ въ гости ходи! [1])

Эти слова съ самымъ обрядомъ не имѣютъ очевидно ничего общаго. Параллелизмъ:

Мы тебя сгубили,
Сгуби и ты мужа

помогъ мотиву о ненависти къ мужу проникнуть въ пѣсню и перестроить ее, но самъ этотъ мотивъ пришелъ со стороны; онъ забрелъ въ пѣсню, предназначенную для обряда снаряженія березки, потому что тутъ же во время хороводовъ онъ имѣлъ самое широкое распространеніе. Среди хороводныхъ пѣсенъ дѣйствительно находятся такія, гдѣ молодица въ своей борьбѣ противъ притѣснителя мужа доходитъ до выраженій ненависти и въ то же время прямо заговариваетъ и о посторонней привязанности, очевидно вынесенной изъ хоровода.

Въ одной пѣснѣ, которую сборники правда не пріурочиваютъ спеціально къ веснѣ, послѣ типично хороводнаго запѣва:

---

1) Ш. В. стр. 346, № 1202.

Голова болитъ
Плохо можится
Гулять хочется

молодица напѣваетъ:

Я украдуся,
Нагуляюся
Съ милымъ дружкомъ
Навидаюся [1]),

послѣ чего уже слѣдуетъ описаніе возвращенія домой и ожидающая невѣрную жену гроза мужа, изображенная въ обычной грубой сценѣ побоевъ. Другая хороводная игра представляетъ въ лицахъ сцену полнаго семейнаго разлада, происшедшаго также по поводу уличныхъ развлеченій. По хороводу разгуливаетъ парень и дѣвушка изображающіе мужа и жену. Текстъ пѣсни въ томъ видѣ, какъ Шейнъ извлекъ его изъ архивовъ Географическаго общества, полонъ несообразностей. Общій смыслъ однако довольно понятенъ. Въ началѣ мужъ и жена разговариваютъ довольпо мирно о томъ, какъ

Много денежекъ нажить
Хлѣба соли накупить;

но нѣсколько дальше совершенно неожиданно слѣдуютъ такія слова:

Поскорѣе мужа сжить
Подъ оврагъ его стащить:
Со живого кожу снять.

Дѣвушка, изображающая жену, при этихъ словахъ беретъ платокъ и стелетъ его на полъ. Послѣ этого она выбираетъ другого парня и ходитъ уже внѣ круга. Слова, которыя тутъ поются,

1) Ш. В. стр. 1191, № 459; ср. Варенцовъ, стр. 196, № 10; Студитскій, стр. 29—35, № X; эта пѣсня развивается и по другому направленію, переходя въ мотивъ, о которомъ рѣчь впереди, Ш. В. №№ 462 и 463; Соболевскій II, №№ 524—537; Р. Бсб. стр. 263, № 3.

превосходятъ своей грубостью и то, что было спѣто до сихъ поръ:

Съ живого кожу снять
Подъ себя её постлать,
Чтобы мягче было спать,
Веселѣе утромъ встать.
— Какъ моя-то ли жена
Со чужимъ гулять пошла,
Съ Иванушкой щегольцомъ.
Старый мужъ увидалъ
Къ хороводу подбѣжалъ
Ее за руку схватилъ [1]).

Сообразно этимъ словамъ парень, играющій роль мужа, опять беретъ за руку дѣвушку, и игра опять кончается изображеніемъ побоевъ, которыми отплачиваетъ оскорбленный супругъ за свое безчестіе.

Эта незамысловатая игра особенно второй своей частью близко напоминаетъ малорусскую пѣсню-игру, носящую названіе: «чоловікъ та жінка» [2]), тождественную съ знакомой намъ игрой старецъ. Въ ней мужъ также является на игрище. Онъ старается поймать свою жену и отвести ее домой. Дѣвушка или парень, играющій его роль, находится внутри хоровода, а жена бѣгаетъ за кругомъ. Мужъ ловитъ жену, при чемъ хороводъ удерживаетъ его и вообще разумѣется стоитъ на сторонѣ убѣжавшей изъ дому «жінки». Слова, которыя поетъ при этомъ хоръ, особаго интереса не представляютъ: они либо схожи съ другой широко распространенной игрой-пѣсней: «А мы просо сѣяли», о которой рѣчь

1) Ш. В. стр. 112—113, № 465 (хороводная).

2) Чубинскій, Труды, III, стр. 46, № 4 и 69, № 13; ср. еще Шейковскій, Бытъ подолянъ, стр. 31, № 15 и *Zb. Wiad*, XI (1887) Mat. Etn. str. 165—166; схожая игра-пѣсня въ Бѣлор. и Великор. называется «Игуменъ и Черница»: Ш. Рп. стр. 381—382, Ш. В. стр. 315, №№ 1066 и 1067, Р. Бсб. стр. 442, № 19, Радченко, Гом. п. *З. И. Р. Г. О.* XIII,з, стр. 36, № 4, *Этн. Обозр.* 1891, № 4, стр. 144—145; объ этой темѣ см. у Веселовскаго, Эпическія повторенія, *Ж. М. Н. Пр.* 1897, апрѣль, стр. 280—281.

впереди, либо говорятъ то за мужа, то за жену, изображая ихъ перебранку.

Изъ пѣсенъ на мотивъ о семейномъ разладѣ я сознательно подобралъ покамѣсть только тѣ, въ которыхъ связь съ хороводнымъ весельемъ особенно очевидна. Такимъ способомъ мотивъ этотъ занялъ мѣсто рядомъ съ чисто хороводными сюжетами, съ темами о семейномъ положеніи участницъ въ хороводѣ и о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками, такъ ярко выраженными въ этихъ переходящихъ другъ въ друга мотивахъ: о дѣвичьей волѣ и о несчастьи въ замужествѣ съ одной стороны и о монашенкѣ и маменькиной дочкѣ съ другой. Вмѣстѣ съ ними и мотивъ о семейномъ разладѣ оказался основаннымъ на типично плясовыхъ, праздничныхъ представленіяхъ; и въ немъ явилась поэтому возможность заподозрить преувеличеніе; мотивъ о семейномъ разладѣ представился намъ дальнѣйшимъ развитіемъ мотива о несчастьи въ замужествѣ, естественно возникшемъ, когда хороводное веселье стало символизироваться милъ-сердечнымъ дружкомъ.

Такимъ-же точно образомъ, можетъ быть, объяснится и нѣсколько иной западный пѣсенный сюжетъ, отвѣчающій тому же мотиву о семейномъ разладѣ, и также носящій явные признаки принадлежности къ хороводному игрищу. Вернемся однако прежде къ мотиву о горестяхъ замужества.

Мотивы о дѣвичьей волѣ и о горестяхъ замужней женщины въ пѣсенной литературѣ запада встрѣчаются не часто. Совершенно въ такомъ же примѣненіи, какъ и у насъ, поется однако о замужней неволѣ во Франціи во время свадьбы. Дѣвушки какъ бы предупреждаютъ подружку о томъ, что ее ждетъ въ ближайшемъ будущемъ; и среди этихъ далеко не соблазнительныхъ предсказаній онѣ между прочимъ говорятъ:

Adieu le sans-souci
La liberté jolie!
Adieu le temps chéri

De vot'bachélerie;
Adieu les beaux discours
Qui se font dans l'amours.

—

Vous n'irez plus au bal
Madam'la mariée;
Vous aurez l'air sérieux
Devant les compagnées
Vous gard'rez la maison
Pendant que nous irons[1])

Эти слова близко напоминаютъ приведенную выше болгарскую лазарицу. Такая же мысль встрѣтилась мнѣ и въ одной нѣмецкой пѣснѣ, не имѣющей уже вовсе никакого пріуроченія. Предупрежденія о томъ, что волѣ дѣвушки придетъ конецъ, если она выйдетъ замужъ, вложено въ ней въ уста матери. Подобно отцу въ малорусской веснянкѣ изъ Черниговской губ. мать подзадориваетъ свою дочку пока-что нагуляться всласть:

Ach Tochter willst du freien
Es wird dich schon gereuen
Gereuen wird es dich
Wenn du verheirat 'bist!

—

Wenn andre schöne, junge Mädchen
Wohl auf den Tanzabod'n gehn

—

So musst du schönes junges Weibchen
Wohl an der Wiege stehn[2]).

Рядомъ съ этими двумя одинокими пьесами только вскользь намекающими на существованіе и на западѣ темы о семейномъ

1) Bujeaud, Ch. pop. des prov. de l'Ouest, II, pp. 28 et 88.

2) Köhler, Volksl. v. d. Mosel ed. J. Meier, № 142, s. 148; ср. Erk-Böhme, D. Lh. № 576; другіе варіанты — у Köhler'a o. c. s. 407; см. также выше, стр. 52—56.

положеніи участницъ въ хороводахъ, если не гоняться и за упоминаніемъ уличнаго веселья, можно привести еще и пѣсенку извѣстную во французскихъ и итальянскихъ варіантахъ, гдѣ несчастья замужества предсказываетъ соловей [1]).

Вотъ все, что сохранилось на западѣ отъ темы о семейномъ положеніи участницъ въ хороводѣ; но она существовала и тутъ.

Напротивъ мотивъ о несчастьѣ въ замужествѣ, возникшій изъ темы о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками и перешедшій далѣе въ мотивъ о семейномъ разладѣ, оставилъ слѣды еще въ средневѣковой поэзіи и переживаетъ до сихъ поръ въ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ пѣсняхъ полународнаго склада. Онъ издавна носитъ на западѣ названіе «la mal mariée». Его можно прослѣдить съ самаго его зарожденія въ народной поэзіи средневѣковья, гдѣ онъ, какъ мы увидимъ, принадлежалъ къ излюбленнѣйшимъ сюжетамъ именно хороводныхъ пѣсенъ.

О mal mariée пѣли сѣверно-французскіе труверы въ своихъ chansons à personnages [2]). Въ нихъ поэтъ разсказывалъ, какъ во время своей поѣздки онъ подслушалъ признанія дамы, жаловавшейся на своего мужа жалкаго виллана, который ее бьетъ и всячески притѣсняетъ. Дама говоритъ о своемъ несчастьи либо наединѣ [3]), либо своему возлюбленному славному и знатному рыцарю [4]), либо подругѣ [5]). Иногда ссора съ мужемъ происходитъ также на глазахъ поэта [6]).

---

1) Rolland, R. de ch. pop. I, p. 51 et II, p. 50; ср. также Nigra, C. p. p. 445—447.

2) Это названіе введено Г. Парисомъ въ *J. des Savants*, 1891, p. 681; Jeanroy, Les origines ch. IV, p. 84 называлъ ихъ «chansons dramatiques», а Groeber, Rom. u. Past. s. 10: «sons d'amours»; это послѣднее названіе Groeber предпочитаетъ и до сихъ поръ, см. его статью въ *Grundriss'ѣ der rom. phil.* II,1, s. 669.

3) Bartsch, Rom. u. Past. I, 51, 68, 72.

4) Ibid. I, 38, 65.

5) Ibid. I, 36, 47, 48, 67.

6) Ibid. I, 35, 41, 42, 45.

Характерную особенность этихъ пьесъ составляетъ последовательно и безъ малѣйшихъ колебаній проведенная эротическая теорія, по которой оправдывается адюльтеръ. Стремленіе жены виллана имѣть другомъ сердца рыцаря считается не только похвальнымъ, но и законнымъ. Любви между супругами не существуетъ и существовать не можетъ. Любовь есть высшее чувство, доступное только избраннымъ натурамъ изъ высшаго класса общества; среди нихъ и надо искать любовника. Мужъ, неизмѣнно оказывающійся вилланомъ, можетъ вызвать одно только презрѣніе и отвращеніе.

Когда старо-французскія пьесы о mal mariée были впервые собраны вмѣстѣ и изданы Барчемъ, Грёберъ, тогда еще очень молодой, въ своемъ разборѣ Барчевскаго сборника понялъ похожденія mal mariée въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Презираемый мужъ, «vilain» этихъ пьесъ, по его мнѣнію мужъ-буржуа; его жена увлечена естественно рыцаремъ, потому что ее привлекаетъ блескъ, мужество, знатность; подобныя семейныя драмы или комедіи должны были происходить особенно часто въ концѣ XII в. послѣ крестовыхъ походовъ, когда произошла окончательная дифференціація между дворянствомъ и городскимъ сословіемъ; вслѣдствіе этого «у рыцарства развился вкусъ къ галантнымъ похожденіямъ, у женщинъ городского сословія появилась потребность къ «ami» и это обстоятельство вызвало къ жизни особый жанръ sons d'amors; тѣ изъ этихъ пьесъ, гдѣ авторъ остается постороннимъ свидѣтелемъ разсказываемой имъ сценки, сочинены вѣроятно менестрелями; другія-же, гдѣ онъ самъ выставляетъ себя рыцаремъ, заставляютъ предположить авторство человѣка благороднаго происхожденія»[1]). Немного дальше пошелъ въ своемъ пониманіи этой темы и Жанруа. Полемизируя съ статьей Гребера, онъ вмѣстѣ съ нимъ понимаетъ также буквально слово «vilain». Поэтъ, по его мнѣнію, обыкновенно предполагаетъ, что женщина, несчастія которой онъ описываетъ,

1) Gröber, Rom. und Pastourellen, s. 14.

есть благородная дѣвушка совершившая «мезальянсъ» [1]). Только нѣсколько дальше Жанруа толкуетъ этого «vilain» уже совершенно правильно, какъ условную фигуру идеальнаго съ точки зрѣнія куртуазной поэзіи мужа [2]).

При обоихъ объясненіяхъ мотивъ «mal mariée» оказывается специфически средневѣковый труверскій. Разсѣявъ наивныя историко-культурныя построенія Гребера, пр. Жанруа понялъ разбираемую тему болѣе литературно, какъ художественную фикцію. И дѣйствительно, весь этотъ странный кодексъ морали, который развертывается передъ нами въ chansons à personnages, знакомъ каждому, кто мало-мальски начитанъ въ средневѣковой поэзіи; это только нѣсколько грубовато выраженная куртуазія, вдохновлявшая средневѣковыхъ лириковъ и романистовъ и такъ послѣдовательно изложенная Андреемъ Капелланомъ [3]). Что chansons à personnages на тему о mal mariée есть поэтому въ высшей степени искусственный видъ поэзіи, въ этомъ едва-ли кто-нибудь теперь сомнѣвается. О свободномъ народномъ творчествѣ тутъ какъ будто-бы не можетъ быть и помину. Пѣсни эти — поэзія и поэзія, вычурная, предназначенная для избраннаго и сравнительно узкаго круга читателей или слушателей.

Чисто литературными соображеніями и руководился пр. Жанруа въ своей попыткѣ опредѣлить ихъ возникновеніе. Ему казалось, что тема mal mariée вызвана извѣстнымъ настроеніемъ, исходящимъ изъ общаго направленія мысли, руководившаго труверской поэтикой: «понятное дѣло, пишетъ онъ, что поэты находили удовольствіе отплатить за столько напрасно испущенныхъ собственныхъ вздоховъ, показавъ намъ женщинъ, нѣкогда несговорныхъ, взывающими теперь къ безчувственнымъ возлюб-

---

1) Les origines etc. p. 92.

2) Ibid. p. 156; относительно употребленія слова «Vilain» въ средневѣковой лирикѣ см. замѣтку Г. Париса въ *Romania*, XXIV (1895), p. 143.

3) De amore libritres ed. Trojel. Havniae, 1892; о ней см. *Grundriss der rom. Phil.* II,₂, s. 17; о средневѣковой эротикѣ тамъ же s. 28—34.

леннымъ»[1]). И изъ этой мысли слѣдуетъ естественно и еще одна: тема о mal mariée есть тема исключительно французская. Если мы имѣемъ здѣсь дѣло съ измышленіемъ французскихъ труверовъ, то, разумѣется, найдя ту же тему напр. въ Италіи, мы будемъ смотрѣть на воспроизводящія ее пьесы, какъ на подражанія образцамъ французской лирики[2]).

Соображенія пр. Жанруа относительно mal mariée, какъ большинство мыслей, на которыхъ построена его книга, самымъ радикальнымъ образомъ разрушилъ въ своей знаменитой рецензіи на его книгу Гастонъ Парисъ. По мнѣнію Париса, какъ мнѣ уже пришлось указывать, основныя темы средневѣковой лирики всѣ происхожденія чисто народнаго, всѣ принадлежали когда-то къ исчезнувшей въ настоящее время весенней и преимущественно майской хороводной пѣснѣ; даже самая куртуазія, самая условность трубадурской и труверской поэтической эротики, и она есть также ни что иное, какъ болѣе развитой и усовершенствованный видъ мотивовъ майской плясовой пѣсни. И мотивъ mal mariée въ этихъ построеніяхъ Париса занимаетъ чуть ли не центральное мѣсто. Именно эта-то тема и объясняетъ происхожденіе узаконеннаго въ средневѣковой поэтикѣ адюльтера. Мотивъ о mal mariée есть такимъ образомъ не результатъ куртуазіи, а наоборотъ первая ячейка, изъ которой дальше возникли воззрѣнія, лежащія въ основѣ пѣсенъ Бернара де-Вентадорна, Тибо Шампанскаго и даже самаго Петрарки вмѣстѣ съ ихъ безчисленными ранними и поздними подражателями.

«Въ майскій праздникъ, писалъ Г. Парисъ, дѣвушки освобождаются отъ попечительства матерей, молодыя женщины возмущаются противъ докучной власти мужей; онѣ бѣгутъ на луга, берутся за руки и въ пѣсняхъ, сопровождающихъ ихъ хороводы, онѣ воспѣваютъ любовь избранную по доброй волѣ и горько надсмѣхаются надъ игомъ, сбросить которое, какъ онѣ хорошо по-

1) Jeanroy, Les Origines, p. 99.
2) Ibid. p. 153.

нимаютъ, онѣ не могутъ иначе, какъ на словахъ. Принимать въ буквальномъ смыслѣ эти легкомысленныя дерзости было бы, конечно, ошибкой; онѣ принадлежатъ къ условности почти литургической, примѣровъ которой намъ такъ много доставляетъ исторія общественныхъ развлеченій и празднествъ. Условность майскихъ пѣсенъ (maieroles) на майскія календы заключалась именно въ томъ, чтобы изображать замужество рабствомъ, справедливо вызывающимъ протестъ женщины, а мужа ревнивцемъ, врагомъ, противъ котораго все позволено. Это вовсе не только тема o mal mariée, какъ это нѣсколько разъ говоритъ Жанруа; во множествѣ пѣсенъ мужу не дѣлается никакихъ упрековъ, кромѣ именно того, что онъ мужъ: это шуточная теорія, противоставляющая свободную любовь гнету брачныхъ узъ. Точку отправленія всѣхъ этихъ пьесъ составляютъ пѣсни женщинъ, танцующихъ между собою и возбуждающихся въ отсутствіи мужчинъ; ихъ вольности разрѣшаетъ праздничная безнаказанность»[1]).

Такое представленіе о происхожденіи средневѣковаго мотива o mal mariée уже вводитъ его естественно въ кругъ тѣхъ пѣсенныхъ мотивовъ, которые я старался вывести на основаніи преимущественно русскаго матеріала изъ самой психологіи хороводнаго веселья. Въ противность мнѣнію Жанруа, оно заставляетъ насъ также предположить вмѣстѣ съ Чезарео[2]) возможность его возникновенія у различныхъ народовъ.

Мнѣ остается только добавить къ этому объясненію Г. Париса, что судя по разобраннымъ только что схожимъ славянорусскимъ пѣснямъ и въ недошедшихъ до насъ западныхъ весеннихъ пѣсняхъ среднихъ вѣковъ, сюжетами которыхъ такъ своеобразно воспользовались труверы, дѣло шло не о «свободной любви» и «праздничной безнаказанности», противополагаемыхъ супружеской вѣрности. Ей противополагались здѣсь именно хороводныя забавы. Любовь явилась здѣсь потому, что молодой

1) *Journ. des sav.* 1892, p. 417.
2) Cesareo, Orig. della p. lyr. italiana, p. 63—70.

паренекъ, танцующій въ хороводѣ, сталъ символизировать самое веселье. Что мотивъ mal mariée преимущественно, если не исключительно плясовой, въ этомъ можно убѣдиться и оставаясь на почвѣ западно-европейскаго средневѣковья. Онъ попадается зачастую въ такъ называемомъ «refrains», которымъ со времени романа Guillaume de Dôle (1190—1200 года) вошло въ моду уснащать поэтическія произведенія [1]). По общему признанію историковъ литературы эти refrains ни что иное, какъ ловко подобранные отрывки модныхъ плясовыхъ пѣсенъ [2]), что впрочемъ совершенно очевидно изъ самаго бѣглаго знакомства съ ихъ текстомъ. И вотъ, въ этихъ-то припѣвахъ ненависть къ мужу, «vilain», составляетъ самую распространенную и обычную тему. Молодая женщина либо проклинаетъ тѣхъ, кто выдалъ ее замужъ:

honis soit qui a vilain me fist doner!
j'aim mult mels un poi de joie a demener
que mil mars d'argent avoir et puis plorer [3])

либо жалуется на побои:

Ci le me foule, foule, foule
Ci le me foule le vilain [4]).

Иногда высказывается и нравственная сентенція, стоящая вполнѣ на сторонѣ жены и сознательно задорная, въ родѣ слѣдующей:

Dame qui a mal mari
s'el fet ami
n'en fet pas a blasmer [5])

---

1) Jeanroy, Les origines de la pl. p. 115—116 и ср. мой Очеркъ литер. истор. Арраса въ XIII в. *Ж. М. Н. Пр.* 1900, февраль.

2) Jeanroy, l. c. pp 111—113 и Очеркъ лит. ист. Арраса.

3) Bartsch, Rom. u. Past. I, 49, строфа 4-ая и 68 (Moniot de Paris).

4) Chatelaine de St. Gille, строфа 2-ая Montaiglon et Raynaud, Recueil gen. et complets de fabliaux. Paris, 1872—1888, I, p. 135 и Bartsch, R. u. P. I, 67 строфа, послѣдняя.

5) Ibid. I, 48, стр. 3-ья и 61 (Richart de Semili).

Особенно, если принять въ соображеніе, что refrains нерѣдко рѣшающимъ образомъ вліяли на содержаніе chansons à personnage, тему mal mariée нельзя не отнести на ихъ счетъ и не счесть се за одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ пляски. Вескимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ и то, что «la mal mariée» встрѣчается, какъ названіе пляски въ перечисленіи излюбленныхъ танцевъ, находящемся въ XXXIII главѣ пятой книги Пантагрюэля [1]).

Въ связи съ этими фактами вовсе не «anormale», какъ ее называлъ Реньеръ, представится и любопытная итальянская пѣсня XV в., напечатанная въ маленькомъ частномъ изданіи Novati [2]). Въ ней молодая баба увѣряетъ насъ, будто мужъ ея, удрученный тѣмъ, что околѣла его кобыла, не хочетъ пустить свою жену поплясать. Но женѣ дѣла нѣтъ до несчастья постигшаго ея супруга: пропади у него волъ, она и то пошла бы танцовать. Эта послѣдняя фраза составляетъ даже припѣвъ пѣсни. Страстная плясунья намъ перечисляетъ во всѣхъ послѣдующихъ куплетахъ, какіе она знаетъ танцы. Репертуаръ ея оказывается огромный. Очевидно это перечисленіе и составляетъ главный интересъ данной пьесы; но основной смыслъ ея, конечно, коренится въ сродныхъ ей народныхъ пѣсняхъ на тему о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками.

Я приведу эту пѣсню цѣликомъ, такъ какъ изданіе, въ которомъ она напечатана, въ продажу не поступало и извѣстно однимъ личнымъ знакомымъ Новати.

Me mari non vol che bala,
chè l'è morta la cavala;
se ge fuse morto un bo,

1) Этотъ аргументъ привелъ Tiersot, Hist. de la ch. pop. p. 112.

2) Malmaritata canzone a ballo lombarda (по мантуанской рук.) Ad. Al. d'Ancona, pp. 12—15 (я пользовался экземпляромъ этого маленькаго изданія, находящимся въ библіотекѣ Гастона Париса); объ этой пѣснѣ Renier въ Miscelanea Rossi-Teiss, p. 27 говоритъ: «Anormale l'exemplaro prodotto dal N. in cui la malmaritata si lagna perchè il marito non la lascia ballare».

per dispeto io balirò.
Voii balar sira e matina,
ch 'ogni bal mi sò balare;
so balar la Ramazina,
Di za da Po, di là dal mare;
E quel passo io sò ben fare
che va inanze e driè pian pian:
E che an piglia gazan
con la Zopa ben faró;
se ge fuse etc
Scio balar la stradiota,
Bertonzina, passa Po;
Trota, trota, Margarota;
Nicolò, sigula un po';
Anchor ben balar mi so
Scaramela, fa la gala;
E s'è morta la cavala
che ve ho far? el danno è so:
se ge fuse etc
Scio balar: O trenta lora
Trenta lora trenta lira;
Et: Ho quela traditora,
Do, che la mi fa morire;
pero voglio sempre gire
per dispeto ad ogni festa;
me mari grosa ha la testa,
se balare io non vorò;
se ge fuse etc
E balar mi piace tanto
che balar sempre voria;
al mari mio lasio il pianto:
morta è la cavala? E sia!
Io non vo' malanchonia:
chi la vole se la piglia;

basta assaũ ch'io fo 'vigilia
di quel che dir non si pó:
se ge fuse etc.
Tacia pur il mio marito
el mal an che me da' a torto;
son conducta al mal partito,
che a ogna scrocha invidia porto:
el me dà questo conforto,
che l'è morta la cavala,
e per ciò non vol che bala;
guarda pur se à groso il co'!
se ge fuse etc
S'io volese far palese
el mal anno che 'l me dà,
superesti a tante offese,
che ad ognor costui me fà.
Hor che 'l facia ben se 'l sà,
et che 'l non me da piu inpazo,
poii ch'io non ho già solazo
altro che 'l balar ch'io fo.
se ge fuse etc.

Новати сообщаетъ и современный коротенькій варіантъ, уцѣлѣвшій до середины этого вѣка въ Ломбардіи.

Ih totò, bel cavalin,
Su'n tel prà de me cosin.
El me cosin no vol che balla
Perch'e mort la so cavalla;
Che sia mort anca'l so bo,
Ballarò anca a dispetto so [1]).

Рядомъ съ этой пѣсней можно вѣроятно поставить и упомянутую въ ней плясовую тему: «trota, trota, Margarota». Новати

1) N. Bolognini, Usi e costumi del Trentino in *Ann. della soc. degli Alpin. tridentini.* Roverto, 1886, vol. XII, p. 115, приведено у Novati, l. c. p. 12.

говоритъ, что эта пляска ему неизвѣстна, и только приводитъ куплетъ дѣтской пѣсеньки изъ Reggio d'Emilia, упоминающій имя Margarota. Но, можетъ быть, здѣсь какъ разъ можно видѣть итальянскій подлинникъ приведенной мною греческой пѣсни о Маріоръ. Ея плясовой характеръ выступаетъ вполнѣ выпукло и близость съ итальянской пѣсней ничего не представляетъ неправдоподобнаго. Во всякомъ случаѣ тема схожая съ пѣсней о Маріоръ существуетъ въ Пьемонтѣ [1]). Мы находимъ ее и въ Германіи [2]). Въ четырехъ варіантахъ, помѣщенныхъ у Бöме, въ запѣвѣ отанцахъ ничего не говорится: кто-то сообщаетъ гульливой бабѣ, что мужъ ея при смерти, и она должна идти домой; за этимъ слѣдуетъ длинный рядъ однообразныхъ переспросовъ и категорическихъ отказовъ вернуться. Послѣ трехъ-четырехъ строфъ подобной перебранки оказывается, что мужъ и умеръ и погребенъ, при чемъ по тремъ варіантамъ въ домѣ остался молодой монахъ, а по одному какой-то «Andrer». Это послѣднее обстоятельство измѣняетъ дѣло, и баба бѣжитъ домой, чтобы застать монашка. Конецъ этотъ, мнѣ кажется, совершенно очевидно присталъ къ мотиву и общаго съ нимъ ничего не имѣетъ. Онъ сталъ необходимъ, чтобы объяснить, почему баба не идетъ домой къ мужу и ждетъ его смерти; первоначально баба несомнѣнно упрямилась просто изъ-за страсти поплясать; въ двухъ варіантахъ даже сохранился припѣвъ:

Noch a Tänzerl oder zween
und dann wer i glei heimet gehn.

Пѣсня эта такимъ образомъ также плясовая и соотвѣтствуетъ совершенно тому же смыслу, что и русская пѣсня-пляска «Игуменъ».

Подобный мотивъ своеобразно развивается и въ одной современной французской пѣснѣ. Молодица слышитъ скрипку и хо-

---

1) Ibid. p. 7, ср. Nigra, Canti di Piemonte, pp. 469—470.
2) Erk-Böhme, D. Lb. №№ 910a—d II, s. 696—699.

четъ идти танцовать. Удерживаетъ ее мать, напоминая объ неминуемо угрожающихъ побояхъ мужа [1]).

Если эти нѣсколько примѣровъ старыхъ и новыхъ пѣсенъ убѣдили насъ въ томъ, что западный мотивъ о «mal mariée» органически связанъ съ народными плясками, знаменитая провансальская пьеса «A l'entrade del tens clar» [2]) дастъ намъ возможность выслѣдить эволюцію и всего болѣе общаго мотива о превратностяхъ замужней жизни. Процессъ этотъ окажется совершенно такимъ же, какой мы видѣли, изучая великорусскія пѣсни. Мотивъ о «mal mariée» и тутъ стоитъ въ концѣ его, только какъ отдѣльный эпизодъ или, вѣрнѣе, какъ дальнѣйшее развитіе одного изъ эпизодовъ.

Проф. Жанруа видѣлъ и въ пьесѣ «A l'entrade del tens clar» отраженіе куртуазныхъ понятій [3]), напротивъ Гастонъ Парисъ именно на основаніи этого произведенія [4]) и составилъ себѣ представленіе о происхожденіи разбираемаго пѣсеннаго мотива, приблизительно совпадающее съ тѣмъ, на который наводитъ знакомство съ соотвѣтственными русскими пѣснями. «A l'entrade del tens clar», со своимъ архаичнымъ припѣвомъ и стихосложеніемъ [5]), относится скорѣе всего къ періоду, предшествующему широкому распространенію куртуазной поэтики. Это пѣсня народная. Для насъ особенно важно то, что она не только несомнѣнно плясовая, но еще весенняя плясовая [6]). Гастонъ Парисъ полагалъ даже, что «regine», играющая въ ней главную роль, обозначаетъ обрядовую фигуру, соотвѣтствующую современной

1) Scheffler, Die franz. Volksd. u. Sage, I, s. 219; см. эту пѣсню у Champfleury, p. 188 и Cénac-Moncaut, p. 366—367.

2) Bartsch, Verz. 461, 18 лучшій текстъ Appel, Chrest. s. 86—87, № 48; ср. также Bartsch, Verz. 461, 69 и 201 Appel, Chr. s. 85—86, №№ 45 и 46.

3) Les Origines, p. 95.

4) *Journal des Savants*, 1892, pp. 416.

5) Rozières, Le refrain dans la litt. du moyen age. *Revue des trad. populaire*, 1888, p. 3; стихосложеніе типа 7a 7a 7a 7a 7b.

6) Такъ поняли ее г. Бедье въ *Revue des deux Monde*, 1896, 1-er mai, p. 158—159 и А. Н. Веселовскій, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1897, апрѣль, стр. 280—281.

майской королевѣ. На эту мысль навело его въ особенности выраженіе «la regine avrillouse» [1]).

И при такомъ народномъ складѣ пьесы въ ней нельзя не различить и нѣсколько менѣе застывшую, своеобразную форму мотива mal mariée. Дѣйствительно, мужъ называется въ ней не vilain, какъ во всѣхъ остальныхъ пьесахъ этого рода, а совершенно иначе; очевидно, типично куртуазное, условное слово vilain еще не проникло въ этотъ пѣсенный мотивъ. Мужъ здѣсь наоборотъ — «lo reis»; онъ вполнѣ достоинъ своей супруги; недостатки его заключаются лишь въ ревности и старости: въ другомъ мѣстѣ пѣсня его называетъ: «viellart». Король провансальской пьесы такимъ образомъ какъ-бы соотвѣтствуетъ «старчищу» нашихъ хороводныхъ игръ. Про него мы слышимъ, что онъ приходитъ въ хороводъ вслѣдъ за королевой, что онъ разстраиваетъ танцы и сердится, потому что хороводъ защищаетъ «апрѣльскую королеву», т. е. пришедшую въ настроеніе, соотвѣтствующее апрѣлю. Считать ее «королевой мая» такимъ образомъ нѣтъ основанія [2]).

Lo reis i vent d'autre part — eya
pir la dance destorbar — eya
que il est en cremetar, — eya
que on ne vuelle emblar — eya
la regine avrillouse — eya [3]).

Нельзя не вспомнить при этихъ словахъ малорусской игры, «чоловікъ та жінка»: во время того, какъ пѣлись эти слова, «апрѣльская королева» вѣроятно и тутъ дѣйствительно убѣгала отъ мужа, и хороводъ стоялъ на ея сторонѣ.

Такъ же своеобразно изображается здѣсь и измѣна королевы своему разгнѣванному супругу: вѣдь измѣна въ этой пѣснѣ явно

1) *Journal des Savants*, 1892, p. 416.

2) См. Godefroy, Dict. de l'anc. l. française, I, p. 542.

3) «Пришелъ туда съ другой стороны король, чтобы помѣшать пляскѣ, ибо онъ боится, что у него хотятъ похитить апрѣльскую королеву», переводъ А. Н. Веселовскаго.

потѣшная, не идущая дальше хороводнаго веселья; это видно съ самой первой строфы пѣсни:

A l'entrade del tens clar — eya
pir ioie recomençar — eya
e pir ialous irritar — eya
vol la regine mostrar — eya
k'ele est si amourouse [1]).

Развѣ не очевидно изъ этихъ словъ, что, пока они поются, королева ходитъ по кругу и принимаетъ влюбленный видъ, а хоръ между тѣмъ поетъ:

a la vi', a la vie, ialous!
lassaz nos, lassaz nos
ballar entre nos, entre nos [2]).

Эти «мы» хоровода, увлекающіе съ собой королеву, очевидно «pucele e bachelar», замыкающіе кругъ. Всего вѣроятнѣе и сама королева на самомъ дѣлѣ изображалась дѣвушкой.

Но особенно характерно для этой пьесы, что въ своемъ недовольствѣ ревнивцемъ королева помышляетъ не о доблестномъ рыцарѣ, а о простомъ парнѣ. Такъ, когда мужъ ворвался таки въ хороводъ, или еще только старается пробиться сквозь рядъ играющихъ, держащихся за руку, про королеву поется:

Mas pir neient lo vol far — eya
k'ele n'a soing de viellart — eya
mais d'un legeir bachelar — eya
ki ben sache solaçar — eya
la donne savorousse — eya [3])

1) «Наступило ясное время года — ай люли; для начала веселья — ай люли, чтобы подразнить ревнивца — ай люли, королева хочетъ показать, что она исполнена любви», переводъ А. Н. Веселовскаго.

2) «Прочь, прочь, ревнивецъ, оставь насъ, оставь, дай намъ поплясать другъ съ другомъ, другъ съ другомъ» (тоже).

3) «А ей это не по сердцу, нечего ей дѣлать со старикомъ, охота до ловкаго парня, который сумѣлъ бы какъ слѣдуетъ утѣшить прекрасную даму» (тоже).

Что увлеченіе проворнымъ парнемъ здѣсь надо понять именно чисто условно и что въ утѣшеніи, которое онъ доставляетъ королевѣ, нѣтъ ничего предосудительнаго для чести ея мужа, это совершенно очевидно. Дѣло идетъ только о пляскѣ и веселіи. Въ послѣдней строфѣ поэтому и говорится только о томъ, какъ весело и беззаботно пляшетъ королева, отдѣлавшись отъ ревниваго мужа.

Г. Парисъ былъ совершенно правъ, когда съ этой пьесой сопоставилъ одинъ сѣверо-французскій motet. Въ немъ только нѣсколько болѣе рѣзко выражено негодованіе противъ ревнивцевъ: ихъ дразнятъ рогами, имъ обѣщаютъ не только встрѣтить ихъ съ бранью, но по приказанію королевы награждать еще и палочными ударами и прогонять вонъ, какъ негодяевъ. «И если они войдутъ въ танцы, — заключаетъ эта пьеса, — бейте ихъ ногой, какъ низкихъ людей».

Li jalous par tout sunt fustat
Et portent corne en mi le front;
Par tout doivent estre huat.
La regine le commendat
Que d'un baston soient frapat
Et chacié hors comme larron:
Si en dançade veillent entrar
Fier le du pié comme garçon [1]).

Мнѣ кажется однако гораздо интереснѣе вспомнить другую пьесу, несравненно лучше отражающую хороводное дѣйство: «Терпи мужъ, поется здѣсь, и пусть тебѣ это не будетъ непріятно: я буду завтра твоею, а эту ночь я принадлежу сердечному другу. И не смѣй говорить ни слова, я тебѣ это запрещаю: терпи мужъ и пусть тебѣ это не будетъ непріятно. — Ночь коротка и утромъ я буду твоею, послѣ того какъ навеселится мой другъ. Терпи, мужъ, и пусть это тебя не безпокоитъ, завтра я буду твоею, а сегодня я принадлежу своему другу».

---

1) Raynaud, Rec. de motets I, CXXV, p. 151.

'Soufrés, maris, et si ne vous anuit:
demain m'arés et mes amis anuit.
je vous deffenc k'un seul mot n'en parlés:
soufrés, maris, et si ne vous annuit.
La nuis est courte, aparmains me rarés,
qant mes amis ara fait sen deduit.
soufrés, maris, et si ne vous annuit:
demain m'arés et mes amis anuit[1]).

Было бы, конечно, наивно понимать эту пьесу, какъ циничное заявленіе объ измѣнѣ супружеской вѣрности. Сердечный другъ, о которомъ такъ откровенно говоритъ своему мужу молодая женщина, это такой же «legeir bachelar», какъ и въ провансальской пѣснѣ, его права, конечно, не заходятъ за предѣлы хороводной игры.

Въ пьесахъ «soufrés, maris» и «a l'entrade del tens clar» возмущеніе противъ мужа такимъ образомъ еще довольно умѣренное, до открытой ненависти дѣло не дошло. Въ этомъ отношеніи наши хороводы заходятъ гораздо дальше. Выраженія схожія съ ихъ грубымъ реализмомъ впрочемъ встрѣчаются иногда и въ «refrains», какъ было указано, происшедшихъ также изъ хороводныхъ пѣсенъ. Тутъ мы находимъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

ne me bates mie
maleuroz maris
Vos ne m'aveis pas norrie[2])

или

se dieu plaist li jalos morra
si s'avrai m'amie[3])

1) Текстъ по Raynaud, Rec. de motets, II, p. 129, XIX; тоже у Bartsch'a, Rom. u. Past. I, 22.
2) Bartsch, R. u. P. I, 45 и II, 27, строфа 5-ая, ср. I, 23.
3) Ibid. I, 38, строфа 5-ая, ср. I, 51.

Но и эти рѣзкости надо, конечно, понимать, какъ сознательное пѣсенное преувеличеніе.

Въ этомъ отношеніи важно установить коренное различіе между мотивомъ о супружескомъ разладѣ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ изъ русскихъ хороводныхъ пѣсенъ и старинныхъ средневѣковыхъ пьесъ такого-же рода, и типичной mal mariée, изображенной труверами въ chansons à personnage. Въ послѣднихъ всякая связь съ общей темой о семейномъ положеніи участницъ въ хороводахъ уже исчезла и забытой разъ навсегда оказалась и чисто праздничная забавная причина розни между супругами. Въ первыхъ напротивъ, несмотря на самыя рѣзкія выраженія по отношенію къ мужьямъ, нѣтъ ни проповѣди свободной любви, ни прямого подрыванія семейныхъ устоевъ.

Прежде всего мужъ въ этихъ пьесахъ изображается старымъ, не ровней [1]); пѣсня сознательно сгущаетъ краски, она какъ бы чувствуетъ, что для правдоподобія изображаемаго конфликта необходимо извѣстное своеобразное освѣщеніе фигуры мужа; молодой мужъ, можетъ быть, и отпустилъ бы на игрище. По крайней мѣрѣ въ одной великорусской пѣснѣ молодица восклицаетъ:

Ужъ вы кумушки мои, голубки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обѣщалися?
Что у васъ-то мужья молодые;
У меня-ли у младеньки старчище.
Не пускаетъ старчище на игрище [2]).

Другая, на этотъ разъ, малорусская пѣсня, начинающаяся съ горереванья о прошедшей дѣвичьей волѣ и съ констатированья главной помѣхи въ развлеченіяхъ для молодицы, состоящей въ томъ, что

1) См. напр. слѣд. пьесы Ш. В. № 404, стр. 87 и Поповъ, стр. 70, № 34; Радченко, № 48, стр. 18; Ш. Бп. стр. 404, № 170.
2) Ш. В. № 1052, стр. 310.

. . . . дома
Дытына маленька

кончается идилліей: молодица возвращается домой, смотрить

Та не въ дверi
А въ віконенько
А мій милый
Дытіну колыше[1]).

Даже грозная плетка, заставляющая замужнюю женщину дорого расплачиваться за веселіе на улицѣ, и та въ одной пѣснѣ изображается чуть не любовно, и противополагается даже отцовской грозѣ. Молодица поетъ про себя:

А я, молоденька
А я веселенька
Охоча скакати
Охоча плясати

За эти «поскакушки» и «поплясушки» ее билъ батюшка «лозою», а она

. . . недѣлю лежала
А другую стенала,

напротивъ, когда милый билъ

Онъ не легкимъ не тяжелымъ:
Что вязовою дубиною,

молодица

Недѣлю скакала
А другую плясала[2])

Что мудренаго поэтому, если въ извѣстной пѣснѣ «Какъ у на-

1) Гулакъ-Артемовскій, стр. 29—30, № 23.

2) Пѣсенникъ 1780 г. = Соболевскій, IV, № 849, стр. 678—4, тоже у Прача (1790 г.) стр. 101 (плясовая) = Соболевскій, IV, 848; ср. ibid. №№ 850 и 851 и Сахаровъ, II, стр. 428—429, эти послѣднія съ указаніемъ на «станокъ».

шихъ у воротъ» молодица совершенно хладнокровно говоритъ объ ожидаемыхъ ею за гулянье побояхъ, а въ томъ варіантѣ, гдѣ деверь долженъ проводить ее къ мужу, она надѣется и на ласковую встрѣчу. Она поэтому заранѣе предупреждаетъ деверя, говоря о мужѣ:

Бить-то станетъ — отойми
Цѣловать-то станетъ — прочь поди[1])

Даже такая пѣсня, какъ упомянутая выше:

Скажу матушкѣ
Голова болитъ,
Худо можется,
Гулять хочется,

въ которой по наущенью своей родни мужъ до крови бьетъ свою гульливую жену, она останавливаетъ его словами:

Охъ ты милый мой,
Мужъ хорошенькій!
Возлюби меня,
Ты не бей меня,
Поцѣлуй меня[2]).

Очевидно кончилось хороводное веселіе, кончилось и задорное отношеніе къ мужу. Обыденная, каждодневная жизнь входитъ въ свои права. Невольно вспоминаются слова старо-французской пѣсенки:

Soufres, maris, et si ne vos anuit:
demain m'ares et mes amis anuit.

Такого примиряющаго тона въ типичныхъ mal mariée и обыденныхъ пѣсняхъ на мотивъ о семейной распрѣ уже не встрѣтится. Эти пѣсни носятъ уже совершенно иной характеръ. Се-

1) Магнитскій, стр. 114, № 4; ср. Поповъ, стр. 74, № 36 и Сахаровъ, II, № 53, стр. 104—106 и 252—253; Варенцовъ, стр. 115, № 3.
2) Ш. В. № 463, стр. 112.

мейная распря занимаетъ въ нихъ центральное положеніе. На ней и только на ней сосредоточивается весь интересъ. Ссора съ мужемъ и измѣна ему здѣсь не служитъ только фономъ, на мрачной темнотѣ котораго ярче выступаютъ пестрыя краски хороводнаго веселья. Напротивъ, ими исчерпывается весь художественный замыселъ. Эти пѣсни можно было-бы назвать пѣснями балладно-шансонеточнаго склада. Успѣхъ ихъ зависитъ отъ наиболѣе рѣзкаго, циничнаго и остроумнаго изображенія семейныхъ распрей. И если принять мои соображенія о возникновеніи разбираемаго мотива изъ самой психологіи деревенскаго веселья, прійдется естественно допустить, что въ пѣсни балладно-шансонеточнаго склада этотъ мотивъ проникъ путемъ выдѣленія изъ репертуара хороводныхъ игръ и забавъ.

Возможность и вѣроятность такого процесса въ пѣсенной эволюціи мнѣ и предстоитъ теперь представить.

Первый шагъ по пути подобнаго отпаденія отъ своего первоначальнаго примѣненія дѣлаютъ, мнѣ кажется, тѣ хороводныя пѣсни, въ которыхъ типичный плясовой запѣвъ, либо вообще упоминаніе о хороводѣ забыты или измѣнены. Такихъ пѣсенъ можно указать не мало[1]). Въ такомъ упрощенномъ видѣ онѣ могутъ распѣваться, конечно, и какъ обыденныя пѣсни. Наиболѣе наглядный примѣръ этого рода представляетъ собою пѣсня, изъ которой я привелъ слова молодицы:

Я украдуся, нагуляюся
Съ милымъ дружкомъ
Навидаюся[2]).

Запѣвъ этой пѣсни явно хороводный:

Родная матушка,
Голова болитъ,

1) Ш. В. №№ 1185—1187; Радченко, Гом. п. стр. 18, № 32 и Ш. Мсакр. I, 1, № 134; Радченко, № 33 и Б. Бп. стр. 49, № 89; Радченко, стр. 16, № 43 и стр. 18, № 48.

2) Ш. В. №№ 459 и 463, стр. 109—111;

Плохо можется,
Гулять хочется.

Одинъ варіантъ ея однако начинается иначе:

У насъ подъ бѣлою
Подъ березою
Мужъ жену училъ
Мужъ угрюмую [1]).

Въ бѣлорусскихъ варіантахъ запѣвъ той же пѣсни опять мѣняется и основанъ уже на параллелизмѣ:

Не стой вербонька надъ водою,
Горька водица подъ тобою,
Я молода горьчѣй за тебѣ;
Мене нелюбый, что день, такъ бье [2]).

Съ измѣненіемъ запѣва здѣсь исчезло и изображеніе жены возвращающейся изъ хоровода, и ничего уже не мѣшало пѣснѣ стать бытовой [3]).

Можетъ быть, совершенно аналогичнымъ процессомъ выдѣлилась изъ репертуара хороводныхъ пѣсенъ и извѣстная пѣсенка амобейнаго склада «Les Repliques de Marion». Въ ней изображается діалогъ мужа, только что вернувшагося домой, и жены, скрывающей своего любовника. Мужъ перечисляетъ одинъ за другимъ атрибуты мужчины, жена отрицаетъ существованіе этихъ атрибутовъ, увѣряя, что это совершенно другія вещи. Эта тема извѣстна и въ нашемъ пѣсенномъ репертуарѣ. Такова великорусская пѣсня съ припѣвомъ, вложеннымъ въ уста мужа: «Акулина, это что?» [4]) Разбираясь въ относящихся сюда пѣсняхъ,

1) Ibid. № 462.

2) Радченко, стр. 16, № 43 и Р. Бсб. стр. 263, № 3; другіе варіанты: Студитскій, № X, стр. 29—35, Варенцовъ, стр. 196, № 10; Соболевскій, II, №№ 524—537.

3) См. варіанты той же пѣсни: Ш. В. № 462; Студитскій, № X, стр. 29—35; Варенцовъ, стр. 196, № 10 и Соболевскій, В. н. п. II, №№ 524—537.

4) Ш. В. №№ 466—472; Nigra, Canti di Piemonte, pp. 422—426; итальянскіе кромѣ версій Нигры Ferraro, C. pop. Monf. 93, Bernoni, C. Pop. V. IX, 8;

Nigra указываетъ на существованіе двухъ типовъ: трагическаго, кончающагося убійствомъ невѣрной жены и другого шуточнаго, стремящагося къ выводу, подобному тому, какой дѣлаетъ одинъ датскій варіантъ: «тогда не найдутъ бабы быстраго возраженія, когда высохнетъ нѣмецкое море». Нигра считаетъ этотъ шуточный типъ разбираемой пѣсни ея вырожденіемъ. Мнѣ кажется наоборотъ, что трагическій конецъ есть скорѣе поздній, чисто балладный надстрой. Въ началѣ дѣйствіе состояло изъ шуточной перебранки, изображаемой амобейно въ лицахъ. Если дать вѣру сообщенію графа Пюимэгра, что въ Лотарингіи эту сценку разыгрывала парочка, пришедшая на первое мая съ поздравительной пѣсней, можно предположить, что сюда, въ привѣтственный обходъ она попала именно изъ стариннаго репертуара хороводныхъ игръ и забавъ, теперь уже покинутыхъ для иныхъ болѣе модныхъ развлеченій.

Но возможенъ, конечно, и другой процессъ. Когда мотивъ о семейной распрѣ окончательно сложился и такъ сказать закочепѣлъ, на него могли начать слагать и совсѣмъ новыя пѣсни, вовсе не предназначенныя для плясокъ и не пріурочиваемыя ни къ какому обряду, ни къ какому циклу игръ и забавъ. Такое обновленіе разбираемаго мотива произошло напр. въ средніе вѣка во Франціи, когда онъ былъ занесенъ въ искусственную поэзію, какъ мы видѣли, почерпавшую зачастую свои вдохновенія изъ весенней народной пѣсни. Аристократизмъ средневѣковаго общества требовалъ, чтобы всѣ тѣ человѣческія слабости, которыя не допускаются рыцарскимъ и куртуазнымъ идеаломъ, были признаны свойствами презираемаго вилана. Vilain стало названіемъ антипода courtois chevalier. Согласно этому при обновленіи тру-

---

французскія: Rolland II, p. 208 etc., Arbaud, II, 152, Daymard, Bd. l. S. des études du Lot 7878 2 fosc. Atger, 53; Bladé, P. p. de la Gasc. II, 117; *R. de tr. p.* I, 71 et II, 29, 64—71; Tarbé, II, 96; C-te de Puymaigre, Ch. pop. Mess. I, 265; *Romania*, IX, 566; испанскія: Milà y Fontanals, Romanc. 241, № 254; Woff-Hoffman, Primavera, II, 52—58; сѣверныя: Child, E. & Scott. b. III, 157 и нѣмецкія: Erk-Böhme, D. Lh. № 900, II, s. 167.

верами народнаго мотива о семейномъ разладѣ возлюбленный, ради котораго молодица бросаетъ мужа, этотъ legier bacheler, увлекающій ее за собой въ хороводномъ весельи, облекся въ рыцарскіе доспѣхи и пріобрѣлъ изысканную утонченность дворжества. Иначе успѣхъ его въ свѣтскомъ обществѣ, которому старались угодить труверы, былъ бы совершенно непонятенъ. Сообразно съ этимъ обманутому мужу, vielart'у провансальской пѣсни, осталось только напялить брезгливо изгоняемую изъ порядочнаго общества полосатую cote de burel вилана. И если мужья вообще среди средневѣковой знати считались недостойными любви своихъ женъ, то мужъ vilain долженъ былъ представляться чѣмъ-то ужъ прямо ненавистнымъ.

Такъ пристала къ разбираемому мотиву та совсѣмъ чуждая ему вначалѣ соціальная окраска, на которую только и обратили вниманіе Грӧберъ и Жанруа; этимъ мотивъ о mal mariée получалъ уже прямо шансонеточное примѣненіе. Оставалось только ввести типичный труверскій запѣвъ о поѣздочкѣ поэта, присущій и пастурелямъ и такимъ шуточнымъ пьесамъ, какъ провансальская En Alverne part Lemozi — Вильгельма Пуату [1]). Новый жанръ или труверская разновидность mal mariée кульминируетъ въ Chatelaine de St. Gille [2]).

Отъ французскихъ труверовъ mal mariée этого особаго типа перешла и въ Италію [3]), а въ самой Франціи она кое когда встрѣчается еще въ пѣсняхъ XV и XVI вв. [4]). Но рядомъ съ труверской версіей и въ Италіи, и во Франціи очевидно продолжали еще распѣвать и народныя пѣсни о семейномъ разладѣ.

---

1) Пастурели см. въ сборникѣ Барча книги II и III; пьеса Вильгельма Bartsch, Verz. 183, 12, нап. у Appel'a, Chrest, № 60; литературу по этому вопросу см. въ моемъ Очеркѣ литер. исторіи Арраса въ XIII в. *Ж. М. Н. Пр.* 1900, февраль.

2) Montaiglon et Raynaud, Rec. gen. et complet de fabliaux, Paris, 1883, I, p. 135.

3) Monaci, Crestomzia pp. 19 (Compagneto da Prato), 97 e 285.

4) G. Paris, Ch. du XV s. № CIV, p. 106—107 и Weckerlin, L'anc. ch. pop. pp. 250, 261 et 314.

Ихъ отзвукъ слышится еще въ пьесахъ XV в. Здѣсь о виланѣ уже не идетъ больше и рѣчи; ненавистный мужъ изображается вновь «старчищемъ», и пѣсня поется непосредственно отъ лица самой молодицы; она зачастую взываетъ при этомъ къ своей матери, обвиняя ее за то, что ей приходится коротать вѣкъ съ неровней. Только подчеркиванье неспособности мужа къ супружеской жизни намекаетъ на нѣсколько уже шансонеточный путь, на который успѣли встать эти пьесы[1]). Одна изъ нихъ придѣлываетъ еще и трагическій конецъ: мать послѣ тщетныхъ попытокъ уговорить дочь и примирить ее съ постигшей ее участью, сама убиваетъ недостойнаго мужа[2]). Подобныя пьесы (безъ этой очевидно какъ-то случайно напросившейся развязки) можно указать и среди современныхъ французскихъ народныхъ пѣсенъ[3]).

Въ большинствѣ случаевъ семейная распря изображается въ народныхъ пѣсняхъ однако болѣе сложно. Обыкновенно вводится какая-нибудь сценка, какое-нибудь исключительное забавно-трагическое положеніе. Прослѣдить каждую изъ разновидностей интересующей насъ темы здѣсь, конечно, невозможно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Я постараюсь только указать на чисто случайные неожиданные перебои обрядно-пѣсенныхъ мотивовъ, вслѣдствіе которыхъ тема о семейной распрѣ обогатилась двумя-тремя своеобразными положеніями.

Особенно наглядно подобный перестрой сюжета можно прослѣдить на пѣснѣ, поющейся въ Пермской губерніи при обрядѣ плетенія вѣнковъ и убиранья березки. Ея запѣвъ совершенно ясно указываетъ на принадлежность этой пѣсни къ обряду:

Подъ яблоней, подъ кудрявой, зеленой
Стоитъ дѣвка съ молодцами,

1) Monaci, Crest. p. 285; *Propugnatore*, N. S. v. II (1889), pp. 364—367, №№ XXXIX—XLII ed. Cazini; Ferrari, Bibl. di lett. pop. it. v. I, pp. 337—339, № 6—7; G. Paris, Ch. du XV s. №№ V et CXVIII, Weckerlin, L'anc. ch. pop. pp. 137, 158, 186, 343 et 359.

2) Ferrari, l. c. № 7.

3) См. напр. у Rolland, Rec. de ch. I, p. 79, II, p. 75 et V, pp. 3—4.

Рвала травку со цвѣтами,
Вила вѣнки съ городками.
Сама къ винку говорила:
«Кому винъ достанется?»[1])

Дѣвушка очевидно будетъ гадать о томъ, кто ея суженый. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ характеръ этого весенняго гаданья; о его распространенности въ связи съ обрядомъ, который я назвалъ «по цвѣточки», уже было сказано нѣсколько словъ[2]). Я не забѣгу поэтому впередъ, если скажу, что при гаданіи дѣвушка, конечно, хочетъ выйти за ровню и боится оказаться женой «стараго мужа». Этому послѣднему она поэтому угрожаетъ:

. . . . . слать
Про стара постелюшку —
Въ три ряда каменьяца,
Въ четвертый — кирпичу каленаго,
А во зголовья класть — колода дубовая.

Если же ей случится выйти за молодого, дѣвушка, напротивъ, собирается ему постелить самую мягкую и удобную постель, какую только можетъ придумать воображеніе крестьянки:

Про млада постеля слать —
Въ три ряда, въ три войлочка,
Во четвертый рядъ — перина перовая,
А во зголовья класть — подушка пуховая...

Судя по запѣву мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пѣсней типично весенней, и запѣвъ этотъ содержитъ въ себѣ элементы, изъ которыхъ возникла пѣсня молодицы съ возмущеніемъ противъ нелюбимаго стараго мужа и лаской по отношенію къ милому ровнѣ. Но вотъ вторая половина пѣсни была забыта, а къ первой былъ

1) Ш. В. стр. 352, № 1217; ср. Поповъ, стр. 28, № 11.
2) См. выше I, стр. 144—149.

придѣланъ совершенно другой запѣвъ, наводящій мрачное, тоскливое настроеніе:

Какъ на морѣ валы бьютъ
Черный воронъ воду пилъ
Онъ не пилъ возмутилъ
Возмутивши говорилъ [1])

Тогда «карканье» замужества и обѣщанье дѣвушки старому, ненавистному мужу не стлать другой постели кромѣ идеально жесткой уже составятъ единственное содержаніе пѣсни, при чемъ она будетъ имѣть вполнѣ законченный видъ. Въ такомъ видѣ пѣсня могла съ одной стороны занять мѣсто рядомъ съ разобранными выше, изображающими самое отрицательное отношеніе къ замужней жизни, а съ другой она не лишена и общаго интереса, остроуміемъ угрозы молодицы своему нелюбимому супругу, такъ что можетъ занять мѣсто и среди бытовыхъ пѣсенъ.

Первоначальный характеръ данной пѣсни однако остался очевиденъ и въ ея новомъ примѣненіи. Случайная передѣлка пѣсни не повела къ полному ея перестрою; мы имѣемъ здѣсь дѣло скорѣе съ простымъ извращеніемъ стараго мотива, чѣмъ со сложнымъ перерожденіемъ его въ новый. Процессъ передѣлки какъ бы остановился на полпути.

Можетъ быть лучшимъ примѣромъ типичной mal mariée совершенно случайнаго и въ значительной степени неожиданнаго происхожденія послужатъ намъ тѣ великорусскія пѣсенки, гдѣ молодица изображается лежащей въ объятіяхъ стараго мужа, а милъ-сердечный другъ напрасно взывающимъ къ ней подъ окошкомъ [2]). Этотъ странный діалогъ между любовникомъ и замужней

---

1) Ш. В. № 404, стр. 87 и № 1154, стр. 328; ср. Поповъ, стр. 70, № 4. Другіе подобные примѣры представляютъ собою пѣсни: Чуб. Тр. III, стр. 118, № 10; Ш. В. стр. 118, № 475 и тамъ же стр. 155, № 601; Поповъ, стр. 5, № 1; Пальчиковъ, №№ 35 и 34,1.

2) Соболевскій, Велик. пѣсни, III, №№ 110—115; слѣдующіе №№ 115—122 представляютъ собою осложненіе этого мотива: сердечный другъ намѣревается убить мужа.

женщиной, происходящій тутъ же при мужѣ въ такихъ невѣроятныхъ условіяхъ, можетъ быть, и кажется особенно пикантнымъ теперешнимъ слушателямъ этой пѣсни, но придумать нарочно такое положеніе мнѣ кажется совершенно невозможно. Тутъ чувствуется что-то недоговоренное, случайное, сбивчивое. И вотъ невольно приходитъ на мысль, нельзя ли въ этой русской пѣснѣ видѣть далекое отраженіе пѣсни схожей съ той французской пѣсенькой, гдѣ это причудливое дѣйствіе объясняется совершенно просто и понятно. Я разумѣю пѣсню начинающуюся словами: «Sur le pont d'Avignon, j'ai oui chanter la belle»[1]). Она также еще далеко не ясна; ея замыселъ также спутанъ; но до ея основного смысла добраться уже не трудно. Въ наиболѣе полныхъ варіантахъ пѣсня эта раздѣляется на двѣ части. Въ первой части дѣвушка сообщаетъ:

J'ai perdu mes amours, je ne puis les requerre

и кто-то сейчасъ ее спрашиваетъ, что дадите вы, если эту любовь вамъ вернутъ. Далѣе слѣдуетъ обѣщаніе награды и непосредственно за ней слова:

Bridez cheval morron et lui mettez la selle,
Dignez-le à l'ép'ron au logis de la belle.

Очевидно это говоритъ тому, находящемуся далеко возлюбленному, котораго утратила дѣвушка, лицо, вызвавшееся его «requerre». Возлюбленный повидимому сдѣлалъ такъ, какъ ему сказали: сѣлъ на коня и поѣхалъ, потому что во второй части пѣсни мы его застаемъ толкующимъ съ своей милой: она лежитъ въ постелѣ вмѣстѣ съ мужемъ, а возлюбленный стоитъ подъ окномъ или у двери совершенно такъ же, какъ и въ русскихъ пѣсняхъ. Но только тутъ находится и разгадка всей задачи: милая оказывается новобрачной, и когда она открываетъ дверь, она впускаетъ вовсе не рыцаря, а своихъ подружекъ, приносящихъ ей

---

1) Rolland, Recueil IV, pp. 65—69; см. также Scheffler, Franz. D. u. S. I, s. 180—182 = Beaurepaire, p. 25 etc.

цвѣты. Оно и естественно: это пѣсня свадебная; ее поютъ либо, когда свадебный поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому изъ церкви, либо на слѣдующее утро, какъ «chanson d'oreiller»[1]). Въ первомъ случаѣ роль невѣсты и жениха играютъ подружки.

Въ этой обрядовой обстановкѣ, конечно, все совершенно становится ясно. Хоръ приходитъ на слѣдующее утро послѣ свадьбы будить молодую: но она лежитъ въ объятіяхъ мужа и не можетъ встать. Это простое незамысловатое положеніе, отражающее самую сущность вещей, и составляетъ, конечно, основное содержаніе пѣсни. Прежній, дѣвичій возлюбленный явился только, чтобы придать большую занимательность пѣсни; подружки, какъ-бы поддразнивая молодого мужа, поютъ отъ лица вовсе не существующаго прежняго вздыхателя. Для этого и введена первая часть пѣсни, придающая ей балладный характеръ, и заставляющая сохранившійся почти безъ измѣненія и поэтому еще строго обрядовой конецъ ея звучать совершенно неожиданно и странно. Онъ оказывается уже какимъ-то надстроемъ, какимъ-то постороннимъ дополненіемъ, и естественно долженъ былъ даже вовсе исчезнуть, какъ только пошатнулась связь пѣсни съ ея обрядовымъ примѣненіемъ. Въ этомъ послѣднемъ, уже переработанномъ видѣ и стала циркулировать пѣсня, понимаемая, какъ шансонетка-баллада. Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ видѣ она даже просто залетѣла къ намъ изъ Франціи черезъ посредство полу-литературныхъ и подражательныхъ пѣсенниковъ?

Этими нѣсколькими разборами пѣсенъ о семейномъ разладѣ балладно-шансонеточнаго склада я и закончу обзоръ общей пѣсенной темы о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками, къ которой мнѣ пришлось вторично вернуться. Онъ показалъ, мнѣ кажется, съ достаточной убѣдительностью, что существованіе на эту тему обыденныхъ пѣсенъ не противорѣчитъ вовсе гипотезѣ о ея возникновеніи изъ самой психологіи игръ и забавъ. Одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей народнаго пѣсен-

---

1) Scheffler, l. c. и Bujeaud, II, p. 6.

наго творчества составляетъ гибкость и подвижность его произведеній. Пѣсня можетъ свободно претворяться въ какой-нибудь мотивъ изъ другого смежнаго; она можетъ по произволу своего стоустнаго творца то порывать, то возстановлять свою связь съ какимъ-нибудь обрядовымъ дѣйствіемъ и устойчивымъ пѣсеннымъ типомъ. И сколько самыхъ причудливыхъ ея образовъ, самыхъ замысловатыхъ представленій мнѣ еще прійдется отнести на счетъ чисто обрядового иносказанія! Какъ часто обрядъ либо та или иная бытовая черта окажутся совершенно очевидной разгадкой запутанной пѣсенной символики! Обрядовое дѣйствіе есть та канва, на которой естественно нанизываются разноцвѣтные узоры народной фантазіи; оно представляется мнѣ коренной основой, на которой зиждется народное поэтическое творчество.

Однако любовные мотивы въ общей темѣ о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками самой связью съ этой темой оказываются скорѣе плясовой фикціей, чѣмъ отраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній; на нихъ очевидно нельзя ссылаться, какъ на показателей напряженности въ пору хороводнаго сезона любовной эмоціи. Для этого намъ прійдется обратиться уже къ матеріалу совершенно иного характера.

II.

Весенній призывъ къ любви или констатированіе любовнаго настроенія, потому что появились первые признаки весенняго пробужденія природы, есть одна изъ излюбленныхъ темъ тѣхъ «весеннихъ запѣвовъ» въ средне-вѣковой лирикѣ, о которыхъ была уже рѣчь въ предшествующей главѣ.

Мы видѣли, что этотъ весенній запѣвъ, особенно въ томъ видѣ, какъ имъ пользовался миннезингеръ Нитгартъ, долженъ быть признанъ отраженіемъ народной весенней обрядности и на-

родныхъ весеннихъ пѣсенъ. Съ другой стороны мы видѣли, что чисто условный запѣвъ, гдѣ поэтъ говоритъ о своемъ желаніи пѣть, о своей «радости», потому что настала весна, могъ явиться результатомъ и того, что весна была по преимуществу сезономъ въ свѣтской и литературной жизни высшаго феодальнаго общества. Теперь, изучая новую разновидность весенняго запѣва, намъ предстоитъ дознаться, какъ она въ свою очередь относится къ весенней народной поэзіи, нужно ли признать ее отраженіемъ народной пѣсни или она навѣяна скорѣе извѣстной лутературной традиціей, движеніями мысли въ средѣ высшаго сословія, ужъ порвавшаго съ народомъ и живущаго интересами, чуждыми народу. Изученіе новой разновидности весенняго запѣва въ средневѣковой лирикѣ требуетъ такимъ образомъ отвѣта на вопросъ о томъ, присуще ли народному сознанію представленіе о весеннемъ любовномъ настроеніи?

Я начну разсмотрѣніе этого типа весеннихъ запѣвовъ съ его первыхъ примѣровъ у трубадуровъ Прованса. И, какъ и раньше, когда мнѣ пришлось ужъ коснуться весенняго запѣва, я буду пользоваться преимущественно указаніями наиболѣе выдающихся трубадуровъ, жизнь которыхъ болѣе извѣстна и можетъ быть хронологически пріурочена болѣе точно.

Спеціально любовное значеніе весны уже стало ходячимъ общимъ мѣстомъ еще во времена Маркабрю. Этотъ трубадуръ уже скорѣе подразумѣваетъ его, чѣмъ высказываетъ; въ одной пьесѣ эта мысль соскользнула у него однако съ языка въ формѣ сентенціи.

Qan l'aura doussana bufa
e. l gais desotz lo brondel
fai d'orguoill cogot e bufa
e son ombriu li ramel,
ladoncs deuria hom chausir
verai amor ses mentir[1]).

1) **Bartsch**, Verz. 293, 42; текстъ по **de Lollis**, *St. d. i. f. r.* III, № 67.

(«Когда вѣетъ нѣжный вѣтерокъ и соя подъ вѣткой горделиво и смѣшно попрыгиваетъ, когда дубравы становятся тѣнисты, тогда каждый человѣкъ долженъ избрать себѣ вѣрную любовь безъ обмана»). То же самое только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ говоритъ и Бернаръ де-Вентадорнъ.

La doussa votz ai auzida
Del rossinholet salvatge,
Et es m'ins el cor salhida,
Si que tot lo cossirier
E'ls malstraitz qu'amors mi dona
Me levia e m'asazona[1]).

(«Я услышалъ нѣжный голосокъ лѣсного соловья, и онъ проникъ въ мое сердце такъ же, какъ и тѣ помыслы и тѣ сердечныя муки, которыя любовь мнѣ даетъ, облегчаетъ и заставляетъ зрѣть»). Оба поэта въ представленныхъ запѣвахъ выразились такимъ образомъ вполнѣ опредѣленно: они говорятъ либо безлично: «весна принесла и надо любить», либо болѣе субъективно: «какъ только я почувствовалъ приближеніе весны, во мнѣ проснулись любовные помыслы». Чаще всего поэты Прованса и особенно этотъ самый Бернаръ де-Вентадорнъ для выраженія подобной мысли прибѣгаютъ еще и къ нѣкоторому ухищренію, къ своеобразной, условной терминологіи. Мы уже видѣли, что «радость» или «веселье» (joi, gaug, jai), о которыхъ такъ естественно было говорить весною въ самый разгаръ хороводныхъ игръ и забавъ, у трубадуровъ приняли особый смыслъ; вліяніе весенней пѣсни (raverdie) на складъ лирической поэзіи было таково, что значеніе встрѣчавшагося въ ней часто слова: «joi» растянулось и имъ стали называть вообще поэзію[2]). Перебой значенія слова «joi» пошелъ и еще гораздо дальше. Подъ вліяніемъ частыхъ соедине-

1) Bartsch, Verz. 70, 23; Mahn, Werke I, 30; ср. еще B. Verz: 293, 24; 262, 4 и 70, 9, 22, 23 и 33, въ пѣсняхъ Маркабрю, Бернара де-Вентадорна и Жофра Рюделя.

2) См. выше стр. 25.

ній со словомъ «amors» (любовь) «joi» стало означать еще и любовь[1]). Когда трубадуръ говорилъ о своей радости, онъ разумѣлъ при этомъ и свою выспреннюю любовь къ дамѣ своего сердца. Любовь есть высшая радость. Облагораживающее и столь цѣнное въ нравственномъ отношеніи чувство любви само по себѣ уже радостно; поэтому любовь и радость одно и то же: человѣкъ, любящій настоящею любовью, и не можетъ не ликовать. Это категорически говоритъ Гиро де-Борнейль.

A cui non platz
Jois ni solatz,
Non es amatz
Ni amaire[2]).

(«Кому не нравится ни радость, ни утѣшеніе, тотъ не любимъ и самъ вовсе не любитъ»).

Путемъ подобной казуистики, въ которой такъ сильны были трубадуры, установилось характерное для ихъ искусства выраженіе: «amors, joi e joven»; оно обозначало одновременно и поэзію, и истинную любовь (amors verai), основной предметъ поэзіи, и наконецъ даже нравственное совершенство, потому что дворжество (cortoisie), вызываемое поэзіей, присуще всякому утонченному и искусившемуся сердцу (fin cuer leal). Если слово радость стало обозначать любовь, то путемъ такого же перебоя значенія и любовь въ свою очередь оказалась въ концѣ концовъ какимъ-то приподнятымъ и возвышеннымъ чувствомъ, радостнымъ и томнымъ, не знающимъ иного исхода кромѣ поэзіи. Отсюда любовь такъ же, какъ и радость, стала синонимомъ поэзіи. Вотъ почему законы и правила трубадурской поэзіи называются одновременно и «Leis d'amors» и «Leis del gai saber»[3]).

---

1) Settegast, Ueber di *Joi*. s. 123 (B. Verz. 70, 23), ср. s. 103—125.

2) B. Verz. 242, 12; ср. Жофръ Рюдель, B. Verz. 262, 4, строфа 2-ая, и Бернаръ де-Вентадорнъ, B. Verz. 70, 41.

3) Settegast, l. c. и G. Paris, Les origines de la poesie lyrique en Fr. au m. age *J. des S*. 1892, p. 425.

Когда трубадуры говорятъ о своей «весенней радости», они имѣютъ поэтому въ виду «весеннюю любовь», возрождающуюся въ эту пору года вмѣстѣ съ пѣсней. Это видно напримѣръ въ слѣдующемъ запѣвѣ Жоффра Рюделя:

Quand lo rossinhols el folhos
dona d'amor en quier en pren
e mou son chant jauzen jojos
e remira sa par soven;
eil riu son clar eil prat son gen,
pel novel deport, que renha,
mi ven al cor grans jois jazer [1]).

(«Когда соловей въ листвѣ и даритъ, и требуетъ, и присваиваетъ себѣ любовь, когда онъ, ликуя своей радостью, выводитъ пѣсню и часто какъ бы любуется собою, когда рѣки прозрачны и милы поля подъ вліяніемъ новаго царящаго всюду веселія, и въ мое сердце проникаетъ радость, чтобы я возликовалъ ею»). Такую же мысль высказываетъ и приведенный уже мною выше казуистическій запѣвъ пѣсни Бернара де-Вентадорна, гдѣ онъ играетъ различными примѣненіями словъ «joi» и «gaug». Мы будемъ теперь въ состояніи понять всѣ субтильные оттѣнки мысли, которую хотѣлъ выразить поэтъ.

Qant l'erba fresqu' e·l fuelha par
e la flors botona el verian,
e·l rossinhols autet e clar
leva sa votz e mou son chan,
ioy ai de luy e ioy ai de la flor
e ioy de me e de midons maior;
daus totas partz suy de ioy claus e sens,
mas sel es ioys que totz autres ioys vens [2]).

1) B. Verz. 262, 6; ed. Stimming, s. 42; ср. графъ Пуату, B. Verz. 183, 8 и 11, Маркабрю, 293, 2, 8, 11, 24, 29, Жоффръ Рюдель, 262, 2 и 4; Бернаръ де Вентадорнъ, 70, 9, 28, 33, 38, 39, 41 и 42, Бертранъ де Борнъ, 80, 38, Гильемъ де Кабестанъ, 213, 3 и 7 и Гиро де Борнейль, 242, 12 и 15.

2) B. Verz. 70, 39; текстъ Appel'a, Prov. Chrest. s. 58, № 18; см. выше стр. 25.

(«Когда свѣжѣютъ травы и показывается листва, когда цвѣты скоро начнутъ распускаться въ саду, и соловей подымаетъ свой высокій и ясный голосокъ и заводитъ свою пѣсню, тогда и я радуюсь и соловью и листамъ, и радуюсь о себѣ, и всего болѣе о моей долѣ. Я окруженъ со всѣхъ сторонъ радостями, но эта радость есть та, которая побѣждаетъ всѣ остальныя»). Послѣдняя радость, конечно, любовь и даже любовь несчастная, потому что уже слѣдующую строку поэтъ начинаетъ словомъ: «Увы, я умираю отъ своихъ думъ». Радостью называли однако и взаимную любовь, противополагая ее любви, оставшейся безъ отвѣта. Этимъ картина, конечно, осложняется; оказывается, что весною не ликуетъ и грустенъ только одинъ поэтъ. Такъ поетъ въ одной пѣснѣ тотъ же Бернаръ де-Вентадорнъ:

Lo gens temps de pascor,
Ab la fresca verdor,
Nos adui fuelh e flor
De diversa color:
Per que tug amador
Son guay e cantador;
Mas ieu, que plang e plor,
Cui jois non a sabor [1]).

(«Милое пасхальное время съ свѣжей зеленью приноситъ намъ съ собою листья и цвѣты разныхъ красокъ: объ этомъ радуются и поютъ пѣсни всѣ тѣ, кто любитъ; но я, я жалуюсь на свою судьбу и плачу, потому что *моя радость лишена всякой прелести*»).

Дальнѣйшія разнообразія въ эту тему вводятъ осенніе запѣвы. Ихъ любили въ особенности болѣе поздніе трубадуры, когда весенній запѣвъ уже сталъ надоѣдать и считаться старомоднымъ. Запѣвая упоминаніемъ осени, можно было, конечно, либо гово-

1) B. Verz. 70, 28; текстъ Мана, Werke I, s. 18; ср. его же B. Verz. 70, 48, Бертранъ де Борнъ: 80, 33 и Гиро де Борнейль, 242, 49 и 61 и др.

рить о соотвѣтствіи между грустью осенней природы и томной тоской любви безъ взаимности, либо противопоставить радость любви и грусть осени. Первая встрѣчается у трубадуровъ рѣдко; только Бернаръ де-Вентадорнъ въ одной пѣснѣ увѣряетъ, будто видъ поблекшей осенней природы ему нисколько не непріятенъ, потому что его дама «возгордилась» относительно его [1]). Напротивъ презрѣніе къ увяданію весенняго убранства и завѣренье, что любовь доставляетъ радость и осенью, вошло въ большую моду. Оно развивается вмѣстѣ съ той болѣе поздней манерой, которую я назвалъ «отрицательнымъ весеннимъ запѣвомъ». Въ такомъ духѣ поетъ Фольсетъ де-Романъ:

Cantar vuoill amorosamen,
si tut no vei fuoglia ni flor,
ce frec no'm fai ni gels paor,
tant ai lo cor gai e gausen [2]);

(«И не видя ни листьевъ ни цвѣтовъ, я хочу пѣть исполненный любви; мое сердце такъ весело и радостно, что меня не страшитъ ни холодъ, ни морозъ»).

Совершенно такія же мысли подчасъ, только выраженныя въ болѣе рѣзкой формѣ, высказываются и въ запѣвахъ пѣсенъ миннезингеровъ и труверовъ. Что весною, когда на липѣ поютъ птички, нельзя не подумать о милой, говоритъ Дитмаръ фонъ-Эйстъ:

Uf der linden óbené
  dâ sanc ein kleinez vogellîn
vor dem walde wart ez lût:
  dô huop sich aber daz herze mîn
an eine stat da'z ê dâ was.
  ich sach die rôsenbluomen stân:

1) B. Verz. 70, 25 см. Mahn, Werke I, 14; ср. Gavauda, 174, 2.

2) B. Verz. 156, 3 текстъ Appel, Prov. In. s. 96; ср. Cereamon, B. Verz. 112, 2; Guiraut de Borneil, 242, 10; Guiraut Riquier, 248, 89; Peire Rogier, 355, 2; Peire Vidal, 364, 24 и Raimbaut de Vaqueiras, 392, 4.

die manent mich der gedante vil
die ich hin zeiner frouwen hân[1]).

(«На липѣ высоко, тамъ поетъ маленькая птичка; на опушкѣ лѣса слышны голоса; тогда воспрянуло мое сердце такъ высоко, какъ никогда; я увидѣлъ цвѣтущія розы: онѣ навели меня на мысли всецѣло заняться одной дамой»); такъ же точно поетъ и Генрихъ фонъ Фельдеке:

In den zîten von dem jâre
daz die tage sîen lanc
und daz weter wider klâre,
sô verniuwet offenbâre
diu merlikîne iren sanc,
die uns bringeht liebiu mâre.
Gote mag ers wizzen danc,
swer hât rehte minne
sunder riuwe und âne wanc[2]).

(«Въ такое время года, когда дни становятся долгими и погода проясняется, тогда обновляетъ дроздъ свою пѣсню, наводящую насъ на сладостные помыслы; ей долженъ быть благодаренъ каждый кто любитъ честно безъ сожалѣнія и безъ измѣны»).

Самая старая извѣстная намъ сѣверно-французская пьеса, съ весеннимъ любовнымъ запѣвомъ, есть та, которую неизвѣстный труверъ передѣлалъ въ крестоносческую пѣсню (chanson d'outrée) передъ началомъ второго крестоваго похода:

Vos ki ameis de vraie amor,
esveilliez vos, ne dormeis mais;
l'aluëte nos trait lou jor
et si nos dist an ses refrais
ke venus est li jors de pais[3]),

1) M. F. 34, 4.

2) M. F. 59, 23; ср. его же M. F. 60, 29; 62, 20; 65, 29; Albreht v. Johansdorf M. F. 90, 32; Walter v. d. vogelweide ed. Lachman, 63, 32.

3) Raynaud, Bibl. № 1967; текстъ Bartsch-Horning'a, Chrest[6]. col. 243.

поется въ началѣ этой пѣсни, въ томъ видѣ какъ она дошла до насъ. Г. Парисъ полагаетъ, что слово «pais» вѣроятно замѣнило здѣсь при передѣлкѣ «mais» т. е. май (мѣсяцъ). При лотарингскомъ происхожденіи пѣсни могло стоять вмѣсто перваго «mais» (=болѣе) «pais» (=pas отриц.); такимъ образомъ получалась риөма —pais, —mais; отр. «pas» звучало въ діалектѣ Лотарингіи: «pais», потому что *a* подъ удареніемъ произносилось, какъ ai. Пѣсня, по которой составлена эта chanson d'outrée звучала такимъ образомъ первоначально такъ:

Vos ki ameis de vraie amor,
esveilliez vos, ne dormeis pais;
l'aluëte nos trait lou jor
et si nos dist an ses refrais
ke venus est li jors de mais [1]).

(«Вы, которые любите настоящей любовью, проснитесь не спите; жаворонокъ приноситъ намъ день и этимъ говоритъ намъ въ своихъ перепѣвахъ, что пришелъ теперь день мая (= 1-е мая)»). Эта пѣсня была переложена для крестоваго похода Людовика VII, т. е. восходитъ еще къ серединѣ XII в. Почти на полвѣка моложе ея пѣсня, которую напѣваетъ въ романѣ Guillaume de Dôle императоръ:

Quant de la foelle espoissent li vergier,
Que l'erbe est vert et la rose espanie,
Et au matin oi le chant commencier
Dou rossignol qui par le bois s'escrie,
Lors ne me sai vers amors consellier,
Car onques n'oi d'autre richece envie
Fors que d'amors,
Ne rien [fors li] ne m'en puet fere aïe [2]).

---

1) Сообщ. имъ на лекціи въ Ecole des hautes étude въ осеннемъ семестрѣ 1897 г.

2) B. Bibl. № 1319; ed. Servois, p. 96, v. 3170—3179.

(«Когда листва убираетъ сады, и зеленѣетъ трава, и распустились розы, и я слышу утромъ, какъ начинаетъ пѣть соловей, который своимъ голосомъ наполняетъ лѣса, тогда я не знаю, что мнѣ дѣлать отъ охватившей меня любви, потому что я не хочу тогда никакого другого богатства»). То же говоритъ и пѣсня, которую бернская рукопись приписываетъ извѣстному уже намъ труверу Гонтье де Суаньи:

Kant li tens torne a verdure
a comencement d'esteit,
cil aient bone aventure
ki aiment et sont ameit[1]).

(«Когда все начинаетъ зеленѣть въ началѣ лѣта, для тѣхъ, кто любитъ и, кто любимъ, наступаетъ хорошее время»). Гонтье въ другой пѣснѣ поетъ и о любовной тоскѣ, охватившей его весною.

Lorsque florist la bruiere
Que voi les prez raverdoier,
Que chantent en lor maniere
Cil oisillon el ramier,
Lors sospir en mon corage,
Quant cele me fet irier
Vers qui ma longue proiere
Ne m'i pot avoir mestier[2]).

(«Когда цвѣтетъ кустарникъ, и я вижу, какъ зеленѣютъ луга, когда поютъ по своему птицы на вѣтвяхъ, тогда я вздыхаю, потому что та, у кого мои долгія мольбы не могутъ имѣть никакого значенія, приводитъ меня въ трепетъ»).

---

1) Raynaud, Bibl. № 2185; см. Scheler, Trouv. belges, II, 58; ср. Châtelain de Coussi, R. Bibl. №№ 590, 620, 986, 1982; Gontier de Soignie, R. Bibl. №№ 34, 480, 619, 2081, 2081, 2082; Gace Brulet, R. Bibl. №№ 683, 857, 1893; Tiebaut de Champagne, R. Bibl. № 1620 и въ одной пьесѣ изъ Guillaume de Dôle ed. Servois, p. 96: R. Bibl. № 1319.

2) R. Bibl. № 1323 bis; G. de D. ed. Servois, p. 157, v. 5218.

Труверы и миннезингеры играютъ и словомъ радость совершенно такъ же, какъ это дѣлали трубадуры. И у нихъ весенній запѣвъ проходитъ черезъ всѣ тѣ же этапы мысли, черезъ тотъ же рядъ образовъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ запѣвовъ старо-французскихъ и средне-верхне-нѣмецкихъ пѣсенъ совершенно схожихъ съ тѣми провансальскими запѣвами, которые мы видѣли выше:

Sich vröwent aber die guoten,
die dâ hôhe sint gemuot,
daz der sumer komen sol.
seht wie wol daz menegen herzen tuot[1]).

(«Лучшіе люди, исполненные достоинства, радуются тому, что должно настать лѣто; посмотрите, какое это доставляетъ удовольствіе многимъ сердцамъ»). Такъ поетъ одна изъ стариннѣйшихъ средне-вѣковыхъ нѣмецкихъ пѣсенокъ. Труверъ Моньо изъ Арраса также напѣваетъ весеннюю радость:

Quant voi bois et prez reverdir
Et j'oy ces oiseaux resjoïr
Par soir et par matinee,
Lores me vuil esbaudir
Por la douce savoree
A cui n'os mun cuer jeïr[2]).

(«Когда я вижу, какъ зеленѣютъ лѣса и луга, я слышу утромъ и вечеромъ веселое пѣніе птицъ, тогда и я хочу возрадоваться ради той столь нѣжной и привлекательной, кому я не смѣю открыть мое сердце»). Напротивъ у Гаса Брюле до самой осени тянется тоска любви безъ отвѣта, и онъ поетъ, чтобы утѣшиться:

---

1) M. F. 4, 18; cp. Dietmar v. Eist, M. F. 38, 15; Burggrave v. Rietenburg, M. F. 19, 7; Heinrich v. Veldegge, M. F. 62, 25; 64, 17; 67, 9; 57, 10; Heinrich v. Rugge, M. F. 107, 7 и 108, 6; Walter v. d. Vogelweide ed. Lachmann, 92, 9.

2) R. Bibl. № 1452; см. *R. d. l. r.* XXXIX, p. 247, ed. Jeanroy; cp. Gontier de Soignies, R. Bibl. № 1753; Colin Muset, R. Bibl. №№ 48 и 428; Jacques de Cisoing, R. Bibl. №№ 930 и 1647.

Quant voile tans bel e cler
ainz que soit noif ne gelee,
chant pour moi reconforter
car trop ai joie oubliee.
Merveil moi com puis durer
quant ades me veut grever
du monde la mieuz amee [1]).

(«Когда я вижу ясную и прекрасную погоду раньше, чѣмъ пойдетъ снѣгъ и наступятъ морозы, я пою, чтобы утѣшиться, я слишкомъ забылъ всякую радость; я удивляюсь, какъ я могъ такъ долго стерпѣть, потому что теперь та, которая любима (мною) больше всего на свѣтѣ, хочетъ меня опечалить»). Такъ же точно противополагаетъ ликованію весенней природы свою любовную тоску и Генрихъ фонъ Фельдегге:

Ez sint guotiu niuwe mâre
daz die vogel offenbâre
singent dâ man bluomen siet.
zuo den zîten in dem jâre
stüende wol daz man frô wâre:
leider des enbin ich niet.
mîn tumbez herze mich verriet [2]).

(«Хороши эти новыя мечты, о которыхъ поютъ открыто птички тамъ, гдѣ видны цвѣты; къ этому времени года хорошо подошло бы быть веселѣе, но, увы, я чувствую себя не такъ, мое глупое сердце печалитъ меня»). Болѣе сильно и въ болѣе счастливыхъ выраженіяхъ эта мысль въ одной анонимной старо-французской пѣсенкѣ:

Au nouviau tens toute riens s'esjoïst,
Cil oisillon comencent nouviaux sons,

1) R. Bibl. № 838; текстъ по рук. № 844, Нац. Библ. f. 25.

2) M. F. 56, 1; ср. его же M. F. 58, 9 (строфа 2-ая), Uolrich v. Guotenberg, M. F. 77, 36; Ruodolf v. Fenis, M. F. 83, 25 и 36; Walter v. d. Vogelweide, M. F. ed. Lachmann, 114, 23.

En ces vergiers violete florist
Et par amours chantent amanz chançons.
Si ne m'est pas: toute joie me nuist;
Quant pas n'atent a avoir guerison
De la bele, mes souvent a larron,
De cuer plore et souspire [1]).

(«Все ликуетъ въ это новое время года; эти птички заново начинаютъ пѣть; въ этихъ садахъ цвѣтетъ фіалка, и влюбленные поютъ пѣсни о своей любви; иное происходитъ во мнѣ: мнѣ тяжела всякая радость; чѣмъ больше я вижу ее, тѣмъ меньше она подходитъ къ моему настроенію, потому что я не жду утѣшенія отъ красавицы, но часто тайно сердцемъ плачу и вздыхаю»).

Такъ разнообразится весенній запѣвъ у труверовъ и миннезингеровъ. Если бы я не боялся чрезмѣрно распространиться объ этомъ, я легко могъ бы указать на цѣлый рядъ еще другихъ новыхъ оттѣнковъ пѣсни, новыхъ субтильностей модной въ тѣ времена любовной казуистики.

И этотъ банальный весенній запѣвъ средневѣковые поэты сумѣли провести по разнымъ направленіямъ черезъ всѣ этапы его логическаго развитія, вплоть до той его отрицательной формы, которую мы видѣли раньше въ пѣсняхъ Тибо графа Шампани и Реймара. Относительно любовной разновидности весенняго запѣва отрицаніе шло однако менѣе далеко. Самое основное положеніе, на которомъ зиждется этотъ запѣвъ, т. е. представленіе о томъ, что весна есть время любви, не отрицалось. Труверы и миннезингеры стали только увѣрять, что поютъ не только потому, что настала весна, что ихъ вдохновляетъ ихъ любовь, а вовсе не весенній ландшафтъ. Такъ же, какъ и трубадуры, они стали пѣть и объ «осенней любви» [2]), о соотвѣтствіи

1) R. Bibl. № 1645, ed. Jeanroy въ *R. d. l. r.* XXXIX, p. 265.

2) На то, что любовь осенняя есть только продолженіе весенней показываютъ такія замѣчанія, какъ слѣд.:

или несоотвѣтствіи ихъ любовнаго настроенія съ поблекшей осенней природой. Любовь, освободившуюся отъ всякаго вліянія нѣжныхъ дуновеній весны, прославляетъ одна пѣсня, которую одна рукопись приписываетъ Гасу Брюле; неизвѣстный поэтъ восклицаетъ:

Por verdure ne por pree
Ne por fuelle ne por flor,
Nul chancon ne m'agree
Se ne vient de fine amor;
Mais li faignant proieor
Dont ja dame n'iert amee
Ne chantent fors en pascor,
Lors se plaignent sen dolor [1]).

(«Ни ради луговъ, ни ради листвы и цвѣтовъ мнѣ никакая пѣсня (не можетъ) понравиться, если она не идетъ отъ утонченной любви; лишь притворные соискатели, которые никогда не любили своихъ дамъ, они поютъ только на пасху и тогда жалуются на свою любовную тоску»). Поэтъ такимъ образомъ открещивается только отъ весенняго запѣва. Отрицательное отно-

---

ienoch stêt daz herze min in ir gewalt
der ich den sumer gedienet hân. Dietm. v. Eist, M. F. 38, 1—2.

или

Ki sert boine amor
Ne crient la froidure. G. de Soignie, R. Bibl. 1852 (Sh. II, 32)

ср. еще старо-фр. его же R. Bibl. № 2082; Tiebaut de Champagne, R. Bibl. №№ 179 и 1987; Jaques de Cisoing, R. Bibl. №№ 179 et 1987; нѣмецкія Dietmar v. Eist, M. F. 35, 16; 39, 30; 40, 8; H. v. Vedkegge, M. F. 64, 26; см. также статью Berger'а въ *Z. f. d. Ph.* XIX (1886), s. 445.

1) R. Bibl. № 549; нап. у Fath'a, Die Lied. des Cast. v. Coucy, s. 86; Bédier, De Nic. Mus. p. 27, указываетъ еще на пьесу Eustache de Reims, R. Bibl. № 2116:

Cil qui chantent de flor ne de verdure
Ne sentent pas la douleur que je sent:
Ainz sont amanz auzi com d'aventure.

Къ этому можно прибавить еще 3 пьесы: Tiebaut de Ch. R. Bibl. №№ 455 и 1562; Moniot d'Arras, R. Bibl. № 739.

шеніе къ весеннему запѣву объясняется здѣсь скорѣе измѣнившейся модой на конструкцію пѣсни, на пѣсенный пріемъ. Самое представленіе о томъ, что весна есть время любви, не отрицалось вовсе; оно установилось надолго и царитъ особенно въ аллегорической поэзіи XIII—XIV вв.

Въ пастуреляхъ и chansons à personnages, этихъ шансонеткахъ среднихъ вѣковъ, любовное похожденіе трувера всегда происходитъ весною въ саду, куда дама, дѣвушка или пастушка отправилась 1-го мая по цвѣточки[1]). Въ этотъ день перваго мая случалось труверамъ увидѣть и самое богиню любви Венеру[2]). 1-ое мая день, когда весеннія птицы держатъ судъ и расправу надъ вассалами Амура, леннаго властелина всѣхъ истинныхъ любовниковъ[3]). 1-го мая изрекла и Марія графиня Шампани свое знаменитое сужденіе, что любовь не можетъ существовать между мужемъ и женой[4]). Аллегорическія поэмы, излагающія правила любви начинаются поэтому непремѣнно весною и снабжены длиннымъ весеннимъ запѣвомъ[5]). Вслѣдствіе этого установившагося въ средневѣковой поэзіи правила, Бокаччьо объявилъ въ своей жизни Данте, что именно въ этотъ день увидѣлъ впервые великій тосканскій поэтъ свою Беатриче[6]). По той же причинѣ и главнѣйшія событія романа Боккаччіо, «Тезеида», происходятъ также 1-го мая[7]). Согласно традиціи весною заставляетъ и Кл. Маро своего купидона обозрѣвать своихъ подданныхъ.

---

1) R. Bibl. №№ 13, 85, 86, 88, 89, 94, 95, 569; 573—580, 583, 584, 968, 982, 987, 1192, 1203, 1275, 1375, 1394, 1718, 1916, 1979, 1984, 2002, 2005, 2007, 2008, 2009, 2101, 2103; всѣ эти пьесы нап. у Bartsch'а, Rom. u. Past.

2) De Venus la Deesse d'amour. ed. Förster, Bonn, 1880, строфы 3—5 и 126—140.

3) Langlois, Origines et sources du Roman de la Rose, Paris, 1890, p. 18.

4) Andreae Capellani de amore libri tres, ed. Trojel, Havniae, 1892, p. 152—155.

5) Roman de la Rose par Jean de Meung et G. de Lorris, *S. d. a. t. fr.* p. 3—4; Venus la deesse d'Amour, l. c. строфа 4—5; Fablel dou dieu d'amour, ed. Jubinal, p. 16.

6) Vita di Dante, ed. Scartazzini, Firenze, 1888.

7) Teseide, II v. 25—95; V, 77—91; ср. также разсказъ рыцаря въ Кентерберійскихъ разсказахъ Чоусера, стихи 175—234, 631—670 и 805—841.

Sur le printemps que la belle Flora
Les champs couverts de diverse flour a
Et son zéphyrus les esvente
Quand doulcement en l'air souspire et vente,
Ce jeune enfant Cupido, dieu d'aymer
Les yeulx bendez commenda deffermer,
Pour contempler de son throsne celeste
Tous les amants qu'il attainct et moleste [1]).

Весенній запѣвъ эротической пѣсни былъ также забытъ не скоро. Онъ слышится еще часто въ XIV в. Къ нему нерѣдко прибѣгаетъ Дешанъ въ своихъ балладахъ [2]). Нѣсколько примѣровъ подобнаго запѣва можно найти и у Кристины де Пизанъ [3]). Въ XV в. кое-когда о веснѣ, какъ о времени любви, вспоминалъ и герцогъ Орлеанскій [4]). Примѣры весенняго запѣва можно найти даже и гораздо позже: въ XVI в., пока наставленія Плеяды не покончатъ съ поэтической традиціей среднихъ вѣковъ. Имъ не побрезгалъ даже Кл. Маро. Въ двухъ пѣсняхъ религіозно-нравственнаго содержанія [5]) Маро противополагаетъ плотской любви, которая возродилась въ маѣ, высшую христіанскую любовь.

Весенніе запѣвы, поющіе о напряженности любовнаго чувства, встрѣчаются и въ старой итальянской лирикѣ. Въ пѣсняхъ Райнальда изъ Акино и Джіакомо Пульезе поэтъ также какъ будто охваченъ страстью и возрождается къ новой любви, потому что наступила весна [6]).

Едва ли не этой живучестью и общепризнанностью любовнаго весенняго запѣва объясняется и его распространенность въ

1) Cl. Marot, Oeuvres 2-nd, ed. par Jannet, Paris, 1873, 16°, v. I, p. 8.
2) Eust. Deschamps, Oeuvres, ed. Queux de St. Hilaire, *S. d. a. t. fr.* t. II, p. 193 et III, pp. 224, 296, 342.
3) Oeuvres poét. de Chr. de Pisan, ed. M. Roy, *S. d. a. t. fr.* I, p. 35.
4) Poésies compl. de Ch. d'Orléans, pp. Ch. d'Hericault, Paris, 1874, 18°, v. I, ball. LXI et LXII; v. II, chansons I, XI et XXIX; rondeaux LXI—LXIV.
5) Oeuvres ed. Janet, v. II, p. 101—102; другіе примѣры въ поэзіи отъ XIV до XIX, см. у Rosière'a, Recherches sur la p. cont. p. 357 etc.
6) Monaci, Chrest it. p. 84, III; p. 88, I; p. 97, IV; p. 99.

французскихъ и нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ. Во всякомъ случаѣ мотивъ этотъ въ пѣсняхъ XV и XVI вв. было бы странно не сопоставить съ родственными ему мотивами тогдашней искусственной поэзіи[1]). Пѣсеньки этого времени, если онѣ запѣваютъ о любви въ маѣ, очевидно черпаютъ подобное представленіе въ той же чисто литературной средневѣковой традиціи, которой проникнута вся поэзія XVI в. до самаго момента обновленія вкусовъ и пріемовъ творчества, внесеннаго дѣятелями Плеяды.

Тѣсная связь весеннихъ пѣсенъ XV и XVI вв. съ лирикой трубадуровъ всего нагляднѣе видна изъ частаго упоминанія этихъ условныхъ фигуръ: «les mesdisans», «les faulx envieux», «loyal amant», «loyaulx amoureux»[2]), играющихъ такую выдающуюся роль въ средневѣковой поэзіи. Зачастую въ этихъ пѣсняхъ изображается также условная прогулка влюбленнаго въ лѣсъ, гдѣ онъ встрѣчается со своей милой[3]). Это вполнѣ въ стилѣ средневѣковыхъ «chansons à personnages».

Самый замыселъ этихъ пѣсенокъ, въ общемъ схожій съ поэзіей труверовъ, подъ вліяніемъ той новой среды, куда она была занесена, начинаетъ получать лишь и кое-какія наслоенія реалистическаго склада. Вмѣсто рыцаря возлюбленнымъ оказывается «парень въ шелковой рубашкѣ»[4]); вмѣсто грусти о несчастной любви по поводу возвращенія весны въ одной пѣснѣ поется:

---

1) Переходной стадіей между народной пѣсныю и искусственной поэзіей служатъ, конечно, такіе пѣсенники, какъ «Venusgärtheіn», ed. Waldberg, см. s. 25 и v. «Bergreihen», ed. John Meier, №№ 7, 13, 18, 24 и др. Подобные пѣсенники французскіе еще мало обслѣдованы и отдѣльно ни одинъ изъ нихъ не переизданъ, см. ихъ библіографію у Weckerlin, L'anc. ch. pop. en France, pp. XV—XXXIX.

2) G. Paris, Ch. du XV s. №№ XLIX, LXXX, CXV; Gasté, Ch. norm. № XXVIII; Weckerlin, L'anc. ch. pop. pp. 55, 154, 247, 443.

3) Приб. еще Gaston Paris, Ch. du XV s. № VIII и Gasté, Ch. norm. № LXXXI; Erk-Böhme, D. Lh. № 380.

4) Lilienkron, Deutsches Leben, № 91, s. 268—269; пѣсня взята изъ пьесы Ганса Сакса «Der Neidhard mit dem Feyhel».

Ce joly moys de may
me donne grand es may,
(ne vous vueille desplaire).
car ung denier je n'ay
pour avoir le cueur gay
et aux dames complaire[1]).

(«Этотъ прекрасный мѣсяцъ май приводитъ меня въ великую тревогу. [Я не хочу васъ огорчить], потому что у меня нѣтъ ни гроша, чтобы возрадовалось мое сердце и я могъ бы понравиться дамамъ»).

Вспоминаются въ этихъ пѣсняхъ и народные обычаи, относящіеся къ веснѣ. Здѣсь о нихъ говорится въ несравненно болѣе точныхъ выраженіяхъ, чѣмъ у средневѣковыхъ поэтовъ. Обычаи упоминаются уже не случайно, а вполнѣ сознательно. Особенно часто идетъ рѣчь объ обычаѣ: «enmaiement», съ которымъ намъ еще предстоитъ ознакомиться. Такъ въ одной пѣснѣ говорится въ обращеніи къ дѣвушкѣ:

A votre porte on boute en Mai
Bouquets, couronnes et le mai[2]);

а въ другой припѣвъ пѣсни состоитъ изъ словъ:

Laissez-moy planter le may
Moy qui suis genti gallant[3]).

Болѣе подробно описываетъ майскія забавы одна нѣмецкая пѣсня XVI в., которой мнѣ уже пришлось воспользоваться по другому поводу:

Der Kuckuk mit seim Schreien
Macht fröhlich jedermann!

---

1) Haupt, Franz. Volksl. p. 18 и Weckerlin, L'anc. ch. p. 56.
2) Tarbé, Rom. de Ch. II, p. 51; ср. G. Paris, La ch. du XV s., № XLVI и Gasté, Ch. Norm. № XCIV.
3) Weckerlin, L'anc. Ch. pop. p. 155.

Des Abends fröhlich reihen,
Die Meidlein wolgethan;
Spazieren zu den Brunnen
Pflegt man in dieser Zeit,
All Welt sucht Freud und Wunne
Mit reisen fern und weit[1]).

(«Кукушка своимъ пѣніемъ радуетъ всякаго! вечеромъ весело кружатся милыя дѣвицы; пойти погулять къ колодцамъ полагается въ это время; весь свѣтъ ищетъ веселія и радости и вдали и вблизи»). Эта пѣсня кончается и реалистическимъ замѣчаніемъ, схожимъ съ тѣмъ,. которое мы только что видѣли во французской пѣсенкѣ: поэту хочется воспользоваться веселымъ временемъ года сообразно полнотѣ своего кошелька:

Der Zeit will ich geniessen,
Dieweil ich Pfennig hab[2]).

Переходъ весенняго мотива изъ пѣсенниковъ XV и XVI вв. въ современную народную пѣсню помогаетъ установить нѣмецкая пѣсенка «Mein Rösslein», изъ знаменитаго пѣсенника «Bicinia gallica, latina et germanica» 1545-го года, встрѣчающаяся и въ сборникахъ XIX в. съ нѣсколько измѣненнымъ текстомъ и инымъ мотивомъ[3]). То же самое можно прослѣдить и во французской народной пѣсенной литературѣ. Въ одной пѣсенкѣ XV в., записанной въ рукописномъ сборникѣ «Bayeux et Vire», поется такъ:

Vecy le may, le jolly moys de may
Qui nous demaine!
Au jardin mon père entray etc[4]).

По замыслу это такимъ образомъ нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ «chanson à personnages». Другая пѣсня XV в. не сохранившая

1) Erk-Böhme, D. Lh. № 379 изъ пѣсенника Bicinia 1545 г. строфа 3-ья.
2) Ibid., строфа 7-ая.
3) Erk-Böhme, D. Lh. № 379.
4) Gasté, La ch. norm. № LXXXI.

только болѣе весенняго запѣва разсказываетъ то же самое[1]). Въ такомъ же приблизительно видѣ эта пѣсенка встрѣчается и вѣкомъ позже въ пѣсенникѣ 1530 г.

Voicy le may le joly moys de may,
Qui nous demaine.
Par ung matin my levay,
Voicy le may le joly moys de may,
En ung jardin men entray
A la bonne estraine:
Voicy le may, le joly moys de may
Qui nous demaine[2]).

Въ современномъ народно-пѣсенномъ обиходѣ полностью эта пѣсня мнѣ не встрѣтилась; но запѣвъ сохранился и до нашего времени въ пѣснѣ, основной смыслъ которой сводится къ тому, что въ маѣ надо пойти навѣстить свою милую; только мѣстомъ встрѣчи оказывается уже болѣе не «садикъ отца», а домъ, гдѣ живетъ дѣвушка. Милый идетъ къ ней въ полночь и несетъ ей «май», такой большой, что у него отвисло плечо; эта забота о возлюбленной вполнѣ кстати, она не спала и думала о немъ. Пѣсенка эта начинается словами:

Voici le mois de Mai
Il ne faut plus dormir,
Faut aller voir sa mie
A l'heure de minut[3]).

Тотъ же запѣвъ встрѣчается и въ одной пѣсенкѣ на діалектѣ Франшъ-Конте.

Vekia veni lo zouli ma
La kee de ma méia d'za.
D'za la kee de ma méia,

1) G. Paris, La ch. du XV s., № VIII.
2) Weckerlin, L'anc. ch. p. 485.
3) Tarbé, Rom. de Ch. II, p. 55.

La kee de ma méia d'za,
Pindue à me ceinture[1]).

(«Вотъ приходитъ прелестный май; у меня ключъ отъ моей милой; у меня ключъ отъ моей милой виситъ на кушакѣ»). Далѣе совершенно тождественно начинается одна плясовая современная пѣсня[2]) и даже одна «trimonzette», обычнаго склада[3]).

Это послѣднее обстоятельство стоитъ отмѣтить. Пѣсенная традиція передала условный старинный запѣвъ не только вообще современной пѣснѣ, но даже пѣснѣ обрядовой, пѣснѣ, которую можно считать, казалось бы, стоящей въ сторонѣ отъ полукнижнаго вліянія пѣсенниковъ.

Совершенно категорически высказываютъ современныя пѣсни, что весна есть время любви и помимо всякой традиціи или во всякомъ случаѣ вдали отъ нея и при томъ въ представленіяхъ чисто народныхъ. Такъ въ коротенькихъ австрійскихъ пѣсенкахъ поется:

Zwischen Ostern und Pfingsten
Is die lustige Zeit;
Schaft der Bue ba sein Diendlan
Bis es Vögeln schreit[4]).

(«Веселое время между Пасхой и Духовымъ днемъ; тогда достаетъ парень свою дѣвушку, пока еще поютъ птички»).

Разсмотрѣвши въ исторической перспективѣ ту разновидность средневѣковаго весенняго запѣва, которая построена на представленіи о веснѣ, какъ о времени любви, мы подошли теперь къ вопросу о томъ, надо ли и ее признать въ основѣ своей та-

1) Beauquier, Ch. pop. rec. en Fr. Conté, p. 357; та же у Weckerlin, Fêtes et ch. du primt, p. 19.
2) *Revue des tr. pop.* IV, (1889), p. 265.
3) Ibid. p. 250; cp. Bladé, Ch. de la G. *Llpdtln*. VI, p. 298; относительно близости плясовыхъ и поздравительныхъ пѣсенъ въ Германіи ср. Erk-Böhme, D. Lh. № 960, первыя 4 строфы.
4) Pogatschnigg und Herrmann, Vl. aus Kärnten, № 854, I, s. 191; cp. №№ 1 и 3, I, s. 1.

кимъ же отраженіемъ поэтическихъ пріемовъ народной пѣсни, какимъ мы признали выше запѣвы Нитгардта, поющіе о веселіи весеннихъ игръ и забавъ. Историки средневѣковой литературы обыкновенно не различали вовсе тѣхъ трехъ основныхъ типовъ весенняго запѣва, которые я постарался установить, и сообразно съ этимъ считали вообще всякіе запѣвы съ упоминаніемъ весны проникшими въ средневѣковую поэзію изъ народной пѣсни. Со времени Уланда[1]) и Дица[2]) это мнѣніе считается не подлежащей сомнѣнію историко-литературной аксіомой. Тѣ, кто отстаиваетъ возникновеніе французской и нѣмецкой средневѣковой лирики независимо другъ отъ друга, думаютъ, что весенніе запѣвы были искони въ ходу вообще въ народныхъ пѣсняхъ центральной Европы[3]). Приверженцы первенствующей роли трубадуровъ въ эволюціи лирической поэзіи видятъ въ нихъ пережитокъ художественнаго пріема, присущаго южно-французской пѣснѣ[4]).

Народное происхожденіе весенняго запѣва Шереръ постарался доказать его аналогіями въ пѣсенномъ стилѣ другихъ народовъ. Онъ понималъ при этомъ весенній запѣвъ, какъ «психологическій параллелизмъ»[5]). Параллелизмъ между какимъ-либо явленіемъ природы и настроеніемъ или поступкомъ героя пѣсни или самого пѣвца составляетъ дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ художественныхъ пріемовъ, который встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ почти всѣхъ народовъ міра. Онъ извѣстенъ и въ современной нѣмецкой пѣснѣ и въ самыхъ старыхъ пѣсняхъ средневѣковой Германіи. Въ старину прибѣгали къ параллелизму особенно въ такъ называемыхъ «любовныхъ посланіяхъ» (Lieber

1) Schriften, III, s. 384.

2) Poesie der Troub. ed. Bartsch, s. 108—109.

3) R. Meyer въ *Z. f. d. A.* XXIX (1885), s. 192 и Berger въ *Z. f. d. Ph.* XIX, s. 441—444.

4) Schönbach, Die Anf. des d. Minnes, s. 23 и раньше него Willmanns, W. v. d. Vogelweide, s. 173.

5) *Anz. f. d. A.* I, 199, II, 324; ср. также Berger въ *Z. f. d. Ph.* XIX (1886), s. 444.

grüsse[1]). Такъ еще въ романѣ Руотлибъ герой проситъ гонца передать своей дамѣ:

Tantundem *liebes* veniat quatum modo *loubes*,
Et volucrum *wunna* quot sind tot dic sibi *minna*.
Graminis et florum quantum sit, dic et honorem[2]).

Въ нѣмецкихъ словахъ, введенныхъ здѣсь поэтомъ въ латинскій текстъ, выраженъ, конечно, такой же параллелизмъ, какъ въ современной пѣснѣ. Параллелизмомъ пользуется и запѣвъ слѣдующей старой средневѣковой пѣсеньки еще народнаго склада:

Diu linde ist an dem ende
  nû jârlanc sleht unde blôz.
mich vêhet mîn geselle:
  nû engilte ich des ich nie genôz[3]).

(«Липа стоитъ въ концѣ годами гнилая и безъ листьевъ, меня не любитъ мой возлюбленный: я страдаю за то, чѣмъ никогда не возрадовалась»). Такой же параллелизмъ встрѣчается и въ одной пьесѣ Мейнлоха фонъ Севелина:

Ich sach boten des summeres:
daz wâren bluomen alsô rôt.
weist du, schoene frouwe
waz dir ein ritter enbôt[4]).

(«Я видѣлъ вѣстниковъ весны: то были алые цвѣточки. Знаешь ли ты, прелестная дама, что посылаетъ тебѣ сказать одинъ рыцарь?»)

Примѣры подобнаго параллелизма даже съ прямымъ отношеніемъ къ веснѣ не трудно найти и въ русской пѣснѣ. Это поэтическій пріемъ несомнѣнно чисто народный[5]).

---

1) См. Willmanns, Walter v. d. Vogelweide, s. 293.

2) Fragm. XVI, s. 10; впервые на это мѣсто указалъ Uhland, Schriften, III, s. 383; ср. R. Meyer въ *Z. f. d. A.* XXIX (1885), ss. 128—130.

3) Haupt., M. F. 4,1.

4) M. F. 14,1—4.

5) Литературу о параллелизмѣ кромѣ упомянутой статьи Шерера см. Böckel, Hess. Vl. s. LXXXII и f. и особенно А. Н. Веселовскій, Психологи-

Но дѣло именно въ томъ, что весенній запѣвъ средневѣковой лирики, какъ это замѣтилъ въ статьѣ спеціально посвященной параллелизму народной пѣсни А. Н. Веселовскій, вовсе не есть параллелизмъ [1]). Весенній запѣвъ вовсе не противополагаетъ явленію природы душевное состояніе человѣка. Во всѣхъ трехъ указанныхъ мною типахъ онъ прямо относитъ дѣйствіе къ веснѣ и въ этомъ смыслѣ и перечисляетъ главнѣйшіе весенніе признаки. И всего менѣе похожи на параллелизмъ тѣ весенніе запѣвы, въ которыхъ весна упоминается, какъ время любви. Если средневѣковые поэты говорили: природа ликуетъ вокругъ меня, а я грустенъ, потому что моя любовь не знаетъ себѣ отвѣта въ сердцѣ моей возлюбленной, — они вовсе не противополагали веселіе въ природѣ своей грусти, они хотѣли сказать: «настала весна, это веселое время, посвященное любви, но для меня это время грустное, потому что любовь моя несчастна». Въ основѣ ихъ разсужденій такимъ образомъ нѣтъ и помину о томъ, что называется параллелизмомъ.

Чтобы рѣшить, народнаго ли происхожденія запѣвы разбираемаго типа весеннихъ запѣвовъ, надо прежде всего выяснить, дѣйствительно ли присуще народному сознанію самое представленіе о веснѣ, какъ о времени особаго напряженія любовной эмоціи. На эту единственно вѣрную и единственно возможную точку зрѣнія сталъ Гастонъ Парисъ, когда онъ старался прослѣдить отношеніе средневѣковой лирики къ весенней обрядности. Онъ говоритъ: «Майскіе праздники восходятъ, конечно, къ временамъ язычества, и они сохранили его печать. Это были праздники, посвященные Венерѣ; во время нихъ праздновалось вліяніе этой богини на человѣческія сердца, преподавались ея наста-

---

ческій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля, *Ж. М. Н. Пр.* 1898, мартъ. Здѣсь собрано множество примѣровъ изъ пѣсенной литературы всѣхъ народовъ.

1) Псих. пар., стр. 40—42 отд. оттиска; А. Н. Веселовскій говоритъ, что средневѣковые поэты только «идутъ навстрѣчу народно-пѣсенному параллелизму».

вленія. «Pervigilium Veneris», это артистическое подражаніе пѣснямъ, пѣвшимся въ эти праздники, ясно показываетъ намъ ихъ духъ:

Cras amet qui nunquam amavit, quique amavit cras amet!

Поэтому естественно, что любовь торжествовала весною въ пѣсняхъ, сопровождавшихъ майскіе танцы»[1]). Маститый романистъ предполагалъ такимъ образомъ, что неолатинскіе народы въ глубинѣ своего сознанія сохранили воспоминаніе объ античномъ культѣ богини любви и что этимъ именно и объясняется эротическій характеръ весенней пѣсни и весеннихъ запѣвовъ.

Празднество Венеры въ древнемъ Римѣ падало дѣйствительно на 1-е апрѣля и весь этотъ мѣсяцъ былъ посвященъ этой богинѣ[2]). Говоря объ эротизмѣ весенней обрядности неолатинскихъ народовъ, этого, конечно, не надо забывать. Если бы дѣйствительно воспоминанія или пережитки культа этой богини могли сохраниться въ христіанскую пору, то этимъ объяснилось бы, конечно, всего лучше то воззрѣніе на весну, которое выражаютъ собою весеннія пѣсни и весенніе запѣвы разбираемаго типа.

Я разсмотрю поэтому нѣсколько подробнѣе римскій весенній культъ Венеры, насколько онъ извѣстенъ намъ по свидѣтельству памятниковъ. И знакомство съ нимъ дастъ намъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ нашемъ изслѣдованіи. Весенній культъ Венеры наведетъ насъ на настоящіе источники того положенія средневѣковой эротики, что весна есть время любви по преимуществу.

Въ древнемъ Римѣ, какъ уже было указано, торжественныя моленія Венерѣ совершались 1-го апрѣля. Къ богинѣ любви обращались въ этотъ день и замужнія женщины, и гетеры и даже евфебы[3]). Рядомъ съ этимъ праздникомъ отъ конца марта черезъ

---

1) *Journal des Savants*, 1892, p. 416.

2) У Mommsen'a въ C. J. L. I, p. 392 собранъ цѣлый рядъ относящихся сюда надписей; Preller, Röm. Myth. d. Jordan, I, s. 449—450.

3) Preller-Jordan, Röm. Myth. [3] I, s. 450.

весь апрѣль тянулись и другія эротическія празднества, справлявшіяся оргіями, торжественными процессіями и маскарадами; это были чествованія Изиды, Кюбеле и Матери Боговъ[1]). Жрецы этихъ богинь были евнухи, одѣтые въ женское платье. Большинство изъ нихъ были греки изъ Малой Азіи и Египта. Они носили восточное платье, отпускали себѣ волосы[2]). Что культы богинь Изиды, Кюбеле и Матери Боговъ пришли съ востока, это никогда не было забыто въ Римѣ. Ихъ восточное происхожденіе было слишкомъ очевидно. Мода на нихъ распространилась среди горожанъ и притомъ главнымъ образомъ среди высшаго сословія[3]) въ этотъ періодъ упадка древней римской религіи, когда Римъ ненасытно стремился къ новымъ культамъ. И ихъ въ изобиліи поставлялъ именно востокъ. Это прямо говорятъ сатирики[4]). Такой же пришлый восточный характеръ имѣло и празднество Венеры, какъ его изображаетъ Pervigilium Veneris[5]). Старому строгому Риму были вовсе незнакомы оргіи. Явленіемъ позднимъ, наноснымъ, чуждымъ бытовымъ устоямъ древняго Рима были и оргіи обновленныхъ Флоралій[6]).

Новшествомъ были и не только весенніе эротическіе праздники въ честь восточныхъ богинь. Такимъ былъ въ сущности и самый весенній культъ Венерѣ[7]). Апрѣль мѣсяцъ былъ посвященъ ей довольно поздно. Это знаетъ и Цинцій, котораго мнѣніе по этому поводу приводитъ Макробій и самъ Овидій. «Цинцій въ оставшейся отъ него книгѣ о фастахъ, сообщаетъ Макробій, говоритъ, что нѣкоторые полагаютъ безъ особыхъ основаній, будто мѣсяцъ апрѣль названъ древними по Венерѣ; въ этомъ мѣсяцѣ нѣтъ ни одного дня, ни одного важнаго жертвоприношенія,

---

1) Ibid. II, s. 381 и 387—390; ср. также Goehler, De Matris Magnae apud Romanos cultu.

2) Boissier, La Rel. rom. I, p. 433—434.

3) Ibid. II, p. 274.

4) См. 6-ую сатиру Ювенала ср. Roscher's, Aus f. Lex. I, s. 791,40—60.

5) Piazza, St. critico int. al Perv. Veneris, § 7.

6) Daremberg et Saglio, Dict. de l'Ant. p. 1190.

7) Preller-Jordan, Röm. Myth. I, s. 449.

которое будучи посвящено Венерѣ, было бы установлено въ древности»[1]). Вѣроятно намекая на мнѣніе любителей старины и на пуристовъ въ дѣлѣ религіи, восклицаетъ и Овидій по поводу посвященія апрѣля Венерѣ:

Quo Livor abit sunt qui tibi mensis honorem
Eripuisse velint invideuntque Venus[2]).

Эти замѣчанія Цинція и Овидія намъ въ высшей степени важны. Они-то и должны значительно видоизмѣнить приведенное выше воззрѣніе Париса о происхожденіи весенняго запѣва разбираемаго нами теперь типа.

Дѣйствительно. Если весенній культъ Венеры не былъ вовсе народнымъ праздникомъ, вовсе не принадлежалъ всецѣло народному сознанію можно-ли признать его отраженіемъ или пережиткомъ представленія о любовномъ характерѣ весны у нео-латинскихъ народовъ? Не гораздо ли правдоподобнѣе предположить, что это представленіе передалось новымъ народамъ не, какъ безсознательное органическое наслѣдіе, а какъ извѣстная традиція сохранившаяся внѣ народнаго сознанія и скорѣе путемъ чисто литературнымъ? Вѣдь совершенно параллельно распространенію разныхъ эротическихъ культовъ съ востока также черезъ посредство грековъ создаются путемъ чисто литературнаго взаимодѣйствія эротическія воззрѣнія и поэтовъ. Уже Роде въ своей исторіи греческаго романа указалъ на огромное вліяніе эротической греческой литературы на римскихъ поэтовъ Августа. Этимъ путемъ распространилось множество различныхъ эротическихъ правилъ и изрѣченій, и именно латинскіе поэты передали ихъ и новымъ народамъ[3]).

Къ такимъ-то общимъ мѣстамъ принадлежитъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, и представленіе о веснѣ, какъ о времени любви.

1) Macrobii, Sat. I, xii, 12—13.
2) Fasti, IV, 85.
3) Rohde, Gesch. des griech. romans, s. 28 и 56; cp. Conat, Poesie Alex. p. 144; Jeanroy, De nostrat. poet. p. 189 и *R. d. l. r.* XX, p. 57.

Его высказываютъ не разъ древне-греческіе лирики. Теогнисъ въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ говоритъ, что одновременно наступаетъ весна и приходитъ эротъ, когда земля украшается весенними цвѣтами; покинувъ Кипръ, этотъ чудесный островъ, идетъ богъ любви разбрасываетъ свои сѣмена

Ὡραῖος καὶ Ἔρως ἐπιτέλλεται, ἡνίκαπερ γῆ
ἄνθεσιν εἰαρινοῖς θάλλει ἀεξομένη·
τῆμος Ἔρως προλιπὼν Κύπρον περικαλλέα νῆσον,
εἶσιν ἐπ' ἀνθρώπους σπέρμα φέρων κατὰ γῆς [1]).

Исходя изъ того-же представленія называла и Сафо соловья вѣстникомъ любви [2]). Ибикъ послѣ плѣнительнаго описанія весны, когда яблони освѣжились водой ручейковъ, когда усыпаны цвѣтами дѣвственныя рощи нимфъ и цвѣтетъ въ тѣнистой чащѣ дикій виноградъ, жалуется на неистовства Эрота; онъ приходитъ тогда отъ Киприды подобный Фракійской бурѣ и потрясаетъ наши сердца не давая ни на минуту успокоиться ихъ истощающимъ безумствамъ:

Ἦρι μὲν αἵτε Κυδώνιαι
μαλίδες ἀρδόμεναι ῥοᾶν
ἐκ ποταμῶν, ἵνα παρθένων
κᾶπος ἀκήρατος, αἵ τ' οἰνανθίδες
αὐξόμεναι σκιεροῖσιν ὑφ' ἕρνεσιν
οἰναρέοις θαλέθοισιν· ἐμοὶ δ' ἔρος
οὐδεμίαν κατάκοιτος ὥραν ἄθ' ὑπο στεροπᾶς φλέγων
Θρηίκιος βορέας ἀίσσων παρὰ Κύπριδος ἀζαλέαις μανίαισιν
ἐρεμνὸς (ἀστεμφὴς) κραταιῶς (πε)δόθεν (τι)νάσσει
ἀμετέρας φρένος [3]).

1) Bergk-Hiller, Ant. Lyr. p. 117; приведенные здѣсь отрывки изъ греческихъ лириковъ собраны у Biese, Das Naturg. bei den Griechen, s. 24—30.
2) Fragm. 39.
3) Ibycus fr. 1; Bergk-Hiller, Ant. Lyr. p. 210.

Изъ римскихъ писателей ту-же мысль высказываетъ въ одномъ мѣстѣ Кальпурній:

. . . Vere novo cum iam tinnire volucres
Incipient, nidosque reversa lutabit hirundo;
Protinus hiberno pecus omne movebis ovili.
Tunc etenim melior vernanti germine silva
Pullat et aestivas reparabilis inhoat umbras;
Tunc florent segetes viridisque renascitur annus.
Tunc Venus et calidi scintillat fervor amoris
Lascivumque pecus salientes accipit hircos[1]).

Представленіе объ особой силѣ Эрота весною легло въ основаніе и одного изъ разсужденій Овидіевой Ars Amatoria. Поэтъ разъясняетъ, что не всегда возможно «teneres captare puellas». Любовникъ долженъ знать свое время, какъ знаетъ морякъ, когда можно выѣхать въ море и хлѣбопашецъ, когда своевременно довѣрить пашнѣ драгоцѣнное сѣмя. Зимою и даже въ мартѣ не слѣдуетъ начинать ухаживанія; поэтъ говоритъ:

Differ opus: tunc tristis hiems, tunc Pliades instant
Tunc tener æquorea mergitur Hædus aqua;
. . . .
Tu licet incipias qua flebilis Allia luce
Vulneribus Latiis sanguinolenta fuit;
Quaque die redeunt, rebus minus apta gerendis,
Culta Palæstino septima festa Syro[2]).

Какое огромное вліяніе имѣлъ Овидій въ средніе вѣка указывалось часто. Ars Amatoria Овидія было ходячей и любимой книгой въ средніе вѣка[3]). Трубадуры знали ее во всѣхъ подробностяхъ и зачастую черпали изъ нея всевозможныя мысли иногда

1) Calpurnius, Bucolica V, 16 sq.; ср. и у Овидія Fasti, I, 151 sq.

2) Ars. Amat, I, 400—415.

3) О вліяніи Овидія въ средніе вѣка см. у G. Paris'a, Hist. Litt. XXIX, p. 455 etc. и Manuel d'anc. fr. 2, I, § 57; ср. также Langlois, Les sources du Roman de la Rose, pp. 21—23.

переиначивая ихъ сообразно своему собственному не совсѣмъ вѣрному пониманію латинскаго текста[1]). Не мало было въ средніе вѣка и подражаній Овидію вродѣ поэмы Памфила, «Concile de Ramirmont»[2]) и др. Доступными особенно въ трубадурской средѣ, гдѣ знаніе латинскаго языка не было вѣроятно особенно распространено, были, конечно, прежде всего переводы Овидія. Ихъ въ средніе вѣка было нѣсколько[3]). Древнѣйшій былъ сдѣланъ какимъ-то Maistre Elie. Онъ восходитъ еще къ XII вѣку т. е. относится къ тому моменту, когда трубадурская и труверская лирика только что еще создавалась.

Въ этомъ старомъ переводѣ приведенное нами мѣсто Овидія плохо понято и передано довольно запутано.

. . . . . doie par estuide
Garder le tens et la saison
Cil qui v(u)elt amer par raison
Com font autre gaaigneor,
Marinier et laboreor.
N'est pas adès tans de semer
Ne de nagier parmi la mer,
Ne ne doit pas tenir ades
Li am(i)erre(s) s'amie près
Que sovent mielz en parlera
A un jor que il li metra[4]).

Однако когда поэтъ говоритъ «garder le tens et la saison» онъ повидимому всетаки вѣрно понялъ Овидія и страннымъ ему показалась скорѣе та связь, въ которой выражена у Овидія эта мысль.

---

1) Diez, Poesie der troubadours ed. Bartsch, s. 117; ср. однако s. 113—114 и особенно Jeanroy въ *R. d. l. r.* XXXIX (1896), p. 244.

2) Pamphile, de l'art d'estre aimé pp. Baudoin, Paris, 1874 et Concilium Romiricimontis, *Z. f. d. A.* VII, p. 160 и IX, p. 65.

3) Самый знаменитый переводъ принадлежитъ Jacques'y, d'Amiens ed. Körting, Leipzig, 1868; см. объ этомъ у Langlois, l. c. Ch. II.

4) M. E. S. Ueberarbeitung des ältesten französischen uebertragung Artis amat. ed. Stengel, Marburg, 1886, *Ausg. u. Abh.* s. 41.

Представленіе о веснѣ, какъ о времени любви, составлявшее одно изъ общихъ мѣстъ греческой и латинской эротической поэзіи, такимъ образомъ могло проникнуть къ трубадурамъ и путемъ чисто литературной передачи. Если оно заняло мѣсто въ условномъ весеннемъ запѣвѣ, то это, конечно, могло произойти совершенно естественно изъ желанія обновить однообразную тему описанія весны. Еще болѣе притягивало это представленіе въ весенній запѣвъ, то особое значеніе какое приняло слово «joi» въ поэтической и любовной казуистикѣ того времени.

Предлагая такое чисто историко-литературное объясненіе появленія весенняго запѣва разбираемаго типа, я, конечно, далекъ отъ того, чтобы заключать отсюда вмѣстѣ съ Розьеромъ, что поэзія трубадуровъ вся цѣликомъ вышла изъ подражанія латинскимъ образцамъ[1]). Ея народные источники не подлежатъ сомнѣнію. Народнаго происхожденія въ своей основѣ и весенній запѣвъ. Только распространенность его или вѣрнѣе его общеобязательность въ серединѣ XII вѣка у трубадуровъ и въ концѣ того-же вѣка у труверовъ и миннезингеровъ должна быть объяснена особыми бытовыми условіями, въ которыхъ развилась въ средніе вѣка поэзія. Въ особую моду вошелъ весенній запѣвъ подъ вліяніемъ того, что весенніе праздники имѣли для феодальнаго общества, въ которомъ возникла средневѣковая поэзія, особенно важное для поэтовъ значеніе свѣтскаго и литературнаго сезона. Отношеніе къ весеннимъ праздникамъ а отсюда и къ ихъ хороводнымъ играмъ, изъ основного замысла которыхъ естественно возникали любовные мотивы, способствовало напряженно-эротическому характеру вообще всей лирической поэзіи. И вотъ къ этому-то традиціонному народному эротизму плясокъ и игръ, къ которому намъ еще прійдется вернуться, особенно сильно приковывало мысль и придавало ему сознательность, то

---

1) Rozière, Recherches sur la poésie, p. 367. Здѣсь есть особый этюдъ о весеннемъ запѣвѣ по поводу подражаній ему и Обанеля. Розіеръ высказываетъ въ немъ эту странную мысль: «La poésie provençale est à la poesie latine, ce que la langue d'oc est au latin» (!!).

старое правило, усвоенное въ эротической литературѣ древности, что весна есть время любви. Черезъ призму этого положенія смотрѣли трубадуры на народную весеннюю поэзію, подъ вліяніемъ его заимствовали они изъ народнаго творчества только то, что могло подходить къ ихъ навѣянной книжной литературой эротической поэтикѣ, стремящейся къ идеалу «joi, amors e joven».

III.

Съ весенними играми и забавами тѣсно связанъ одинъ красивый обычай, распространенный почти повсемѣстно въ Юго-Западной части Европейскаго материка. Въ ночь на 1-е мая молодые люди приносятъ изъ лѣсу свѣжія вѣтки и украшаютъ ими двери или окна тѣхъ домовъ, гдѣ живутъ ихъ возлюбленныя. Обыкновенно для этого служитъ цвѣтущая вѣтвь шиповника. Если же какая-нибудь дѣвушка плохо вела себя или ей хотятъ нанести по той или другой причинѣ оскорбленіе, тогда вмѣсто цвѣтовъ или гирлянды къ ея дому прикрѣпляется пучекъ сучьевъ.

Этотъ обычай соблюдается до сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи[1]) и Бельгіи[2]). Онъ называется обыкновенно «planter le mai» или «enmaier», а по старофранцузски говорили еще «esmaier» или «enmaioler»[3]). Слово это встрѣчается довольно часто въ памятникахъ старины то въ прямомъ, то въ переносномъ смыслѣ. Такъ въ одномъ документѣ 1375 года

1) Sebillot, Contes pop. de la h. Bretagne *Llpdtln.* XXII, pp. 188—189; Orain, F. L. de Ville et Vilaine. Ibid. XXXIII, p. 92; *R. de tr. pop.* III, p. 248—249; Boissonade, Les fêtes de vill. en Poitou et Angoumois, p. 7.

2) Reinsberg-Düringsfeld, Le cal. belge I, p. 279 et 280; Mannh. W. u. Fk. I, s. 164—165; *R. de tr. pop.* IX, p. 246.

3) Godefroy, Dict. de l'anc. langue française подъ всѣми этими словами.

разсказывается, что «молодежь наканунѣ 1-го мая отправилась «enmaioler les dites filles»[1]). Въ другомъ актѣ 1367 года какая-то дѣвушка жалуется, что нѣкто Карошель прибилъ къ ея двери вѣтку бузины и этимъ жестоко обидѣлъ ее, такъ какъ она вовсе не воняетъ подобно этому скверному растенію[2]). Въ мемуарахъ Пьера де-Фенепъ (XVI в.) разсказывается также, какъ Гекторъ Бурбонскій пригрозилъ жителямъ Компіеня, что онъ придетъ ихъ «esmaier» (игра словъ—«испугать» и «украсить маемъ»). Когда настало 1-е мая, онъ дѣйствительно и явился у воротъ города съ отрядомъ вооруженныхъ людей. Всадники и ихъ лошади были всѣ украшены зелеными вѣтками, а впереди несли еще большой кудрявый «май»; такъ исполнилъ онъ свое обѣщаніе[3]).

Въ Италіи обрядъ enmaiement вошелъ даже въ пословицу: «appicare il Maio ad ogni uscio» значитъ ухаживать напропалую за первой попавшейся женщиной. Его соблюдаютъ здѣсь до сихъ поръ и называютъ также, какъ во Франціи: piantare il maio[4]). Въ Романьи парни украшаютъ на 1-ое мая окна своихъ милыхъ вѣтками акаціи; въ Брешіи вѣшаютъ еще вѣнки. Тоже дѣлается и въ Фріулѣ послѣ того, какъ молодежь вернется рано утромъ изъ лѣса, вся нагруженная свѣжей листвой. Подобный обычай справляется еще и въ Тосканѣ, въ Перуджіано и въ сѣверной Италіи[5]). Въ паше время онъ, конечно, уже выходитъ изъ употребленія и вспоминается только время отъ времени его отрицательная форма, позорящая честь дѣвушекъ[6]). Въ XVI в. об-

1) Ibid. III, p. 200 (Arch. JJ. 107 pièce 140).

2) Ibid. III, p. 489; см. выше .

3) J. le Fevre, Chron. I, p. 160, p. p. Morand, Paris, 1876. *Soc. de l'hist. de Fr.*; Mémoires de P. de Fenin, p. 40, ibid.

4) Buti, Comm. al Purg. XXVIII, прив. у d'Ancona, Origini del. t. it. I, p. 248 прим.

5) Rezasco, Maggio, p. 31—33 e 15; Bagli, Nuovo Saggio in R. p. 42; Rosa, Dial. e cost. e trad. nella pr. di Brescia, p. 280; Marcotti, Don. e Mon. p. 383; Tigri, Canti tosc. p. LV; Pitrè въ журналѣ *La tradition*, 1890, p. 11.

6) *A. p. l. st. d. tr. p.* IX, p. 87.

рядъ этотъ былъ однако еще въ полномъ блескѣ; тогда его соблюдали и среди высшихъ классовъ общества; о немъ говорятъ, напримѣръ, канцоны Лоренцо Медичи и Микель Анджело[1]).

Въ Испаніи самое старое упоминаніе этого обычая встрѣчается въ «Poema d'Alexandro»; здѣсь говорится:

Achilles por Patroco fazie subeio duelo,
Cuemo si fuesse su padre o fuesse su auuelo
Los rios de la sangre corrien por el suelo,
Dezien que auie Ector plantado mal maiuolo[2]).

Объ обрядѣ поднесенія любимой дѣвушкѣ свѣжей вѣтки нѣмецкая поговорка схожая съ итальянской говоритъ: Wem mr gut is, dem stieht mrn Mai[3]) (къ кому кто расположенъ, тому онъ ставитъ май). Самое старое извѣстіе объ этомъ обычаѣ, Maienstecken въ Германіи восходитъ еще къ XV вѣку[4]). Въ современномъ быту подобное чествованіе любимой дѣвушки Маннгардтъ отмѣтилъ въ Гарцѣ, Саксоніи, Тюрингіи, Фойгтландѣ[5]). Къ этому можно прибавить еще извѣстія изъ окрестностей Марбурга, изъ Рейнской провинціи, изъ восточной Пруссіи и у нѣмецкаго поселенія Седмиградіи[6]). По свидѣтельству Куна въ Вестфаліи этотъ обычай справляется и на Духовъ день одновременно съ прочими весенними забавами[7]). Нѣмецкіе колонисты Саратовской губ. подносятъ дѣвушкамъ свой май на Троицу[8]).

1) Прим. у Rezesco, l. c. p. 16.

2) Poetos Castellanos anteriores al s. XV. Madrid. 1864, p. 166; *Bibl. de aut. españoles* LVII.

3) Kehrein, Vspr. Vs. in Nassau, s. 155.

4) Kiegk, D. Burgerth. im Mittelalt. II, s. 451—452.

5) W. u. Fk. I, s. 164—165 прим.; *Z. s. f. d. M.* I, s. 80; Sommer, Sag. u. Märch. s. 151; Pröhle, Harzb. s. 67; его же Kirchl. Sitten, s. 261; Köhler, Vbr. im Voigtl. s. 175 и др.

6) Kolbe, Heidn. Alterth. in Oberhessen, s. 15; *Am Urquell*, IV, s. 239; Spee, V. v. Niederrhein H. 2, s. 30; Lemke, Vth. aus Ostpreussen 1-er th., s. 17—18; Wlislocki, V. u. Vbr. der Siebenb. s. 71.

7) Kuhn, Westf., s. II, s. 164, 168 и 169.

8) Минхъ, Нар. об. и пр. кр. Сар. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX,2, стр. 105.

Вѣроятно отъ нѣмцевъ проникъ обрядъ Maienstecken и къ западнымъ славянамъ. Въ Моравіи май ставится на день Филиппа и Якова[1]). Словенцы соблюдаютъ этотъ обычай на праздникъ Божьяго тѣла[2]). У чеховъ онъ имѣетъ мѣсто такъ-же, какъ и у романскихъ народовъ, на 1-ое мая[3]). При этомъ самый обрядъ совершается съ большой торжественностью. При поднесеніи мая парни не уходятъ, а стараются пѣснью вызвать дѣвушку изъ дома:

Má zlatá panenko,
Stavíme ti maje,
Otevři okenko,
Podívey se na ně[4]).

Даже когда ставятъ май рано утромъ, пока еще не разсвѣло, парни напѣваютъ пожеланіе, чтобы всякій зналъ, въ какомъ домѣ каждый изъ нихъ поднесъ разукрашенную вѣтку:

Na rozloučení,
mé potěšení!
postavím pod okny máj:
aby věděli
falešni lidi
že jsem ja chodíval k vám[5]).

И на этомъ дѣло еще не кончается: въ первое-же воскресенье чешскіе парни опять возвращаются къ домамъ своихъ милыхъ, причемъ одинъ изъ нихъ несетъ впереди новый майикъ. Каждый изъ нихъ подноситъ своей дѣвушкѣ на подносѣ пиво и приглашаетъ ее съ собою; дѣвушка выпиваетъ пиво и положивъ какой нибудь подарокъ на подносъ, слѣдуетъ за своимъ милымъ.

1) Kulda, Mor. nar. poh. II, str. 299 и 301.
2) Pajek, Črt., str. 94.
3) Václavek, Mor. Val. D. I, str. 81.
4) Č. L. IV (1894), str. 2.
5) Erben, P. a. ř. str. 71; ср. Hanuš, Baj. kal. str. 145.

Такимъ образомъ увеличивается число участниковъ процессіи, пока не будетъ обойдена вся деревня[1]). Этотъ обычай напоминаетъ поднесеніе дѣвушками парнямъ zuccherini, которое мы видѣли въ итальянскомъ обходѣ съ поздравительными пѣснями.

Если во французской, итальянской и нѣмецкой формахъ этого обряда не сохранилось пѣсенъ, это, конечно, насъ не должно удивлять. Мы уже много разъ замѣчали, что обрядъ оказывается болѣе устойчивымъ, чѣмъ пѣсня. Болѣе памятливый славянскій фольклоръ оказался и здѣсь богаче пѣсеннымъ содержаніемъ.

Во Франціи и Италіи поется, впрочемъ, нѣсколько пѣсенъ, косвенно относящихся къ этому обычаю или вѣрнѣе упоминающихъ объ немъ. Въ нихъ говорится, что вотъ, вотъ наступитъ желанный день 1-го мая и тогда пойдутъ въ лѣсъ нарубать зеленыхъ вѣтокъ. Пьемонтская пѣсня, вѣроятно, болѣе близкая первоначальному тексту, на вопросы о томъ, передъ чьей дверью поставить май, называетъ даже имя красавицъ. Май здѣсь какъ-будто представляется очень драгоцѣннымъ, потому что для охраны его пѣсня высказываетъ пожеланіе поставить часоваго; но это только хитрая уловка; часовой не слишкомъ-то долженъ заботиться о судьбѣ деревца: пусть онъ заснетъ, тогда выйдетъ дѣвушка и возьметъ его себѣ.

S'a n'en ven ël prim dì de mà van tajè lo mà;
Van tajè-lo ant cul boschin, duv a s'leva'l sul la matin
Quand a'l l'an bin tajè: — Duv l'an deremo portè?
Lo porteruma an cula badia, denans la cà d'Ana Maria
Chi büteruma maia guarnè? Büterema na sentinela.
Buna seira la bela! — Quand na ven la mezenóit,
La santinela resta andürmia. L'àn roba-je l'mä a Ana Maria[2]).

1) Sobotka, Rostlinstvo, str. 105.
2) Nigra, C. del P., p. 499—500.

Пьемонтская пѣсня на этомъ и обрывается. Французскіе варіанты, напротивъ, идутъ дальше, хотятъ обогатить это незатѣйливое содержаніе. Значеніе часоваго они перестали понимать и потому на вопросъ о томъ, кто будетъ сторожить май, они отвѣчаютъ:

ce s'ra le galant de la belle [1]).

Этотъ galant, однако, напротивъ простоитъ здѣсь подъ окнами милой; если она увидитъ его, она только разсердится: она выходитъ замужъ за другого, за богатаго. Ожиданія мая наводятъ такимъ образомъ на грустныя мысли.

Невеселѣе и другая французская пѣсенька, несмотря на ея шуточный тонъ. Здѣсь на поднесеніи мая дѣло не останавливается:

Tout en plantant le mai
Nous demand'rons la fille,

говоритъ пѣсня. Это предложеніе относится къ младшей изъ двухъ сестеръ и поэтому старшая плачетъ, боясь какъ-бы ей не пришлось остаться старой дѣвой. Родители утѣшаютъ свою некрасивую дочку и обѣщаютъ ей богатаго мужа; они просватаютъ ее:

A un vendeur d'oignons
Et marchant de pomm' cuites

—

Qui vous servira bien
Quand la viande s'ra cuite [2]).

Обычай «attacar il maio» или «enmaiement» по теоріи Маннгардта, видѣвшаго неизмѣнно во всякой зеленой вѣткѣ символическое изображеніе духа растительности, какъ и слѣдовало ожидать, зиждется на вѣрѣ въ его оплодотворяющую силу [3]). При

---

1) Haupt, Franz. Volkslieder, s. 159; *R. d. tr. pop.* II, p. 200.

2) *R. d. tr. pop.* IV, p. 260; Rolland, Recueil d. ch. pop. I, p. 59; de Puymaigre, Chants pop. rec. dans le Pays Messin, I, p. 262 (неполный варіантъ).

3) Mannh. W. u. Fk. I, p. 163; Frazer, G. B. I, p. 73.

разборѣ обрядовъ внесенія въ городъ, село или отдѣльный домъ майскаго деревца или майской вѣтки, мнѣ кажется уже достаточно было выяснено, почему я не могу принять подобной интерпретаціи этихъ обрядовъ. Что разбираемая теперь форма внесенія мая, въ существѣ своемъ, несомнѣнно отвѣчаетъ тому-же самому обрядовому представленію, что и разобранные въ первой части этой книги подобные майскіе и духоводенскіе обычаи, на этомъ едва-ли нужно настаивать. Сходство ихъ слишкомъ очевидно. И здѣсь поэтому надо остановиться въ объясненіи разбираемаго теперь обряда на указаніи о томъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ пережиткомъ одного изъ ритуаловъ весенняго культа священныхъ рощъ или разновидность весенняго заклинанія. Обращается разобранный только-что обрядъ далеко не исключительно къ однимъ лишь дѣвушкамъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ XVI в. ставили май передъ домами именитыхъ людей[1]). Въ XVIII вѣкѣ въ Генуѣ его приносили знатнымъ жителямъ города и даже украшали его гербами тѣхъ лицъ, для кого онъ предназначался[2]). По свидѣтельству Амальфи въ Соренто майское деревцо увѣшенное фруктами и различными украшеніями посылалось епископу[3]). Когда Гекторъ Бурбонъ обѣщалъ «esmaier» городъ Компіень, онъ также разумѣлъ, конечно, не одно только женское населеніе.

Въ своемъ болѣе широкомъ примѣненіи обычай enmaiement, такимъ образомъ, совершенно параллеленъ поздравительной пѣснѣ и внесенію дерева. Можетъ быть было-бы поэтому логичнѣе разобрать его раньше тогда, когда шла рѣчь о сохранившихся въ современномъ быту пережиткахъ культа деревьевъ. Въ подобной связи этотъ обрядъ оказался-бы разновидностью убранства зеленью домовъ. Если я предпочелъ отвести ему мѣсто

1) Извѣстіе это приведено и Mannhardt'омъ, l. c. I, s. 167 прим.

2) Padre Carmeli, Storia di varj costumi sacri e profani. Venezia, 1778, II, p. 141.

3) Amalfi въ *Arch. delle tr. pop.* VIII, p. 248; Pitrè въ журн. *La Tradition*, 1889, Decembre, p. 359.

въ этой главѣ, я имѣлъ въ виду именно эту его эротическую форму, которая только и переживаетъ до нашихъ дней. Она обращается къ дѣвушкѣ, знаменуетъ собою любовное настроеніе, подчеркиваетъ ухаживаніе, исканіе взаимности и этимъ роднится съ другими эротическими обрядами.

Цѣлый рядъ другихъ обрядовыхъ дѣйствій отвѣчаютъ въ это время года тому же точно стремленію. Разсмотрѣніе ихъ вернетъ насъ и къ хороводной игрѣ. Таковы прежде всего нѣмецкіе «Mailehen» или «Lehen ausrufen» или «Maieliehen».

На нижнемъ теченіи Рейна Mailehen производитъ выбираемый на 1-ое мая «король». Старый, прошлогодній король вмѣстѣ съ новымъ только-что избраннымъ вновь составляютъ списки имѣющейся на лицо молодежи. Для этого обыкновенно пополняется и исправляется старый списокъ: вычеркиваются вышедшіе замужъ дѣвушки и женившіеся парни, вписываются пришедшіе въ возрастъ. На слѣдующій день послѣ этого каждый парень выбираетъ себѣ дѣвушку по вкусу и ставитъ ей май[1]). Послѣ этого дѣвушка, такъ сказать, принадлежитъ избравшему ее парню до конца сезона. Въ другой части Рейнской провинціи, а также и въ Вестфаліи, Эйфлѣ и Гессенѣ дѣло происходитъ иначе: составляется списокъ наличнымъ дѣвушкамъ и производится въ кабакѣ продажа ихъ съ публичнаго торга. Это называется «Mädchen steigern». Парни на перерывъ выкрикиваютъ цѣну, которую они даютъ за понравившуюся имъ дѣвицу и тотъ, кто дастъ больше, имѣетъ право плясать съ ней во время всѣхъ весеннихъ забавъ. Дѣвушка, за которую подняли цѣну всего выше, провозглашается «королевой»[2]). Еще нѣсколько иначе производится Maielien около Марбурга. Дѣвушки и парни выходятъ въ поле и одинъ изъ парней становится поодаль и приговариваетъ коротенькую присказку, указывающую на про-

1) Montanus, D. Vf. s. 30; *Am Urquell*, IV, s. 227—232.

2) Schmitz, S. u. Br. des Eifler V. I, s. 32; Mannh. W. u. Fk. I, s. 449—452.

дажу съ торговъ. Онъ говоритъ: я здѣсь стою, на горкѣ и выкрикиваю продажу, обратите вниманіе, господа, кому это достанется:

Hier steh ich auf der Höhn
und rufe aus das Lehn,
dass es di Herren recht wohl verstehn,
Wem soll das sein?

Послѣ этого парень называетъ имя дѣвушки. На это толпа отвѣчаетъ именемъ парня и приговариваетъ:

Heute zu Lehen
Morgen zur Ehen,
über ein Jahr
zu einem Paar[1]).

Куплю здѣсь служитъ такимъ образомъ къ образованію новой четы, которая вступитъ въ бракъ черезъ годъ. Покамѣстъ парочка будетъ плясать вмѣстѣ всю весну.

Обычай Maielien восходитъ по свидѣтельству Бöме и Уланда еще къ XIV в., когда онъ совершался такъ-же, какъ около Марбурга, при помощи особой пѣсеньки.

Wem scholl ichs geben
Ze fröden seinem leben?
Was ist das? Sagt uns, herre, was?
— Es ist fro Gredel Erenfluoch;
Wem fuogt sey bas? —
Anders niempt dann mir
Sey ist meines herzen gir и т. д.[2])

Уландъ вспоминаетъ по поводу этого обычая еще и строчку изъ одной средневѣковой лирической пьесы, гдѣ говорится:

1) Kolbe, Heidn. Alterth. aus Oberhessen, s. 22—23.
2) Erk-Böhme, D. Lh. II, s. 733, № 965, ср. ibid. №№ 966 и варіанты.

des wil ich disen sumerlanc
sîn slâfgeselle sîn[1]).

Въ параллель къ разбираемому нами обряду приводитъ Уландъ и еще одно извѣстіе, почерпнутое имъ изъ путевыхъ записокъ Ганса Вальдгейма, разсказывающаго о своемъ пребываніи въ 1474 году на теплыхъ купаньяхъ въ Ааргау: «господинъ Гансъ фонъ-Эмсъ, пишетъ Вальдгеймъ, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, оказалъ мнѣ много чести и сдѣлалъ много добра; онъ далъ мнѣ также свою хозяйку въ подруги Мая (Maienbuhle)»[2]).

Эти послѣдніе два извѣстія о весеннихъ возлюбленныхъ представляются какъ будто чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простое совмѣстное участіе въ танцахъ; мнѣ кажется, однако, что ихъ можно всетаки включить въ ту-же категорію, что и Maielien; въ основѣ своей это всетаки родъ игры, скорѣе забавное эротическое дѣйство, чѣмъ показатель распущенности нравовъ, коренящейся въ обрядовой традиціи. Въ такомъ-же смыслѣ я понимаю и французскій весенній обычай, намекъ, на который можно видѣть въ одномъ изъ самыхъ старыхъ рыцарскихъ романовъ: «Гиппомедонѣ» Гюона де-Ротланда. Герой этого романа принимаетъ здѣсь какой-то придворный титулъ «druz la reine», при чемъ самъ онъ любитъ вовсе не королеву, а совершенно другую особу[3]). Онъ становится съ королевой въ какіе-то условно-забавныя отношенія ухаживанья, вполнѣ платоническія и вовсе не

1) Von der Hagen, Minnes. III, 217; Uhland, Schriften III, s. 390 и v. Willmanns, Walter v. d. Vogelweide, s. 17 видитъ намекъ на обрядъ «maielichen» и въ слѣдующемъ Spruch'ѣ изъ сборника Carmina Burana:

Swaz hie gât umbe
daz sint allez megede,
die wollent âne man
allen disen sumer gân (№ 129[a]).

2) Uhland, l. c. s. 391.

3) Этотъ отрывокъ романа напечатанъ въ Catalogue of romances Wright'a, I, p. 741; на это мѣсто изъ романа *Huon de Rotelande* обратилъ вниманіе Гастонъ Парисъ на одной изъ своихъ лекцій въ College de France въ зимнемъ семестрѣ 1898; въ разговорѣ съ нимъ я сообщилъ ему мое объясненіе этого страннаго мѣста и Г. Парисъ нашелъ его вполнѣ правдоподобнымъ.

зазорныя для чести королевы. О томъ, въ чемъ заключалась обязанность этого возлюбленнаго королевы, романъ, къ сожалѣнію, не говоритъ.

Весеннія парочки, образовавшіяся отъ шуточной продажи дѣвушекъ съ публичнаго торга напоминаютъ близко и справляемый 22 февраля обрядъ Валентиновъ, о которомъ въ Англіи въ XVI в. пѣлась нескромная пѣсенька, вспоминавшаяся такъ некстати несчастной Офеліи[1]).

Обряды «enmaiement» и «maielehen» вводятъ насъ какъ бы то ни было уже въ особый отдѣлъ или типъ весеннихъ эротическихъ игръ и забавъ. При разборѣ хороводныхъ пѣсенъ мы видѣли, какъ тема о борьбѣ хороводнаго веселья съ его противниками видоизмѣнялась путемъ введенія полюбовныхъ помысловъ. Милъ-сердечный другъ, ожидающій въ хороводѣ, составляетъ его главную приманку. Безъ милаго и радость не въ радость; только съ нимъ и согласна дѣвушка пойти на игрище. О миломъ другѣ помышляетъ и молодица, когда она вырывается изъ подъ опеки мужа и его семьи. Указанные только что обрядовыя дѣйствія еще болѣе подчеркиваютъ эротизмъ хороводовъ. Любовная тема здѣсь принадлежитъ несомнѣнно чисто народной средѣ и характеръ ея совершенно ясенъ: время хороводовъ такимъ образомъ очевидно — время любви. Особенно типично выражаютъ это эротическое значеніе хороводовъ слова Нейдгарта дѣвушкамъ «ir sult iuch zweien» или «blîbt nicht ungesellet» въ той пьесѣ, которая приведена въ самомъ началѣ послѣдней главы.

Въ русскомъ хороводномъ игрищѣ такимъ любовнымъ забавамъ соотвѣтствуетъ «выборъ дѣвушекъ въ хороводѣ», одна изъ темъ, такъ называемыхъ, наборныхъ пѣсенъ. Шейнъ привелъ нѣсколько образцовъ подобныхъ пѣсенекъ шуточнаго склада; онѣ кончаются вмѣсто обычнаго наборнаго конца:

---

1) Объ этомъ обрядѣ въ Англіи у Brand'a и Dyer'a; во Франціи (въ Вогезахъ) онъ описанъ у Sauvé, F. L. d. p. d. H. V. *Lipdtln*. XXIX, p. 42—50.

Пожалуйте въ хороводъ

замѣчаніемъ о томъ, что

Молодецъ дѣвицу выбираетъ [1]).

Такъ въ красивой пѣснѣ изъ Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ., поется:

Не шелковая травушка
Вкругъ бережка вьется,
Ждетъ красавица дружка,
Долго не дождется.
Ждала годъ два мѣсяца,
Подожди денечекъ:
Не воротится-ль назадъ
Миленькій дружечекъ?
Взойди, взойди, миленькій,
Въ нашу круговую,
Выбирай-ко, миленькій,
Дѣвушку любую,
Любую и другую,
И сударушку свою [2]).

Другія пѣсни не приглашаютъ парня выбрать дѣвушку, а только говорятъ о томъ, что это дѣлается во время хороводныхъ игръ; такъ поется въ одной пѣснѣ изъ той-же мѣстности:

Я хожу, хожу по пашенькѣ,
Я взойду, взойду во гореньку,
Какъ во горенькѣ два стульчика стоятъ,
А на стульчикѣ два голубя сидятъ,
Промежъ себя они ничего не говорятъ,
А голубка разговариваетъ:
Завтра праздникъ гуляньице

1) Ш. В. №№ 290, 291, 294, 302, 305, 306, 307, 317, 330.
2) Ш. В. № 307.

А намъ дѣвушкамъ собираньице,
Мой миленькій гулять пошелъ,
Меня, дѣвушку, за рученьку повелъ.
«Размолодчикъ молоденькій,
«Бери дѣвушку хорошенькую»[1]).

Тоже изображаютъ двѣ также Тверскія пѣсни въ формахъ психологическаго параллелизма:

«Вейся, ты вейся, капуста,
Завивайся, бѣлая?
— Какъ-же мнѣ, капустѣ, не виться,
Какъ-же мнѣ, бѣлой, не клубиться?
Вечоръ на капусту,
Вечоръ на бѣлую
Выпалъ частый дождикъ.
Сильный дождикъ поливаетъ,
Бѣлую капусту ломаетъ,
Молодецъ дѣвицу выбираетъ[2]).

Я привелъ эти три пѣсеньки потому, что въ нихъ тема выбора дѣвушки сказалась особенно наглядно. Если же не гоняться за самымъ выраженіемъ «выборъ» и включить сюда всѣ хороводныя пѣсни, поющія о любви добраго молодца къ дѣвушкѣ или наоборотъ, то пришлось-бы перечислить почти всѣ безъ исключенія мотивы, встрѣчающіеся во время хороводныхъ игръ. Даже тѣ игры, сюжеты которыхъ, казалось бы, можно объяснить изъ условій быта, какъ «сѣяніе проса», «король», «Воротарь», «мужъ и жена» и проч. также прежде всего исполнены самаго напряженнаго любовнаго настроенія.

И эротизмъ есть исконный и неотъемлимый эротизмъ вообще всякихъ плясокъ и танцевъ[3]). Мы увидимъ это наглядно, обра-

1) Ibid. № 306.
2) Ш. В. № 291, ср. 290.
3) Объ эротизмѣ вообще всякой пляски какъ таковой см. Klemm, Allg. Kulturg. I, s. 259, II, 121, III, 64; ср. статью Kulischer'а въ *Z. f. Ethn.* XVIII, s. 143—147 и Schultze, Psych. der Naturv. s. 161—162.

тившимъ къ увеселеніямъ среднихъ вѣковъ. Описывая танцы, которые по предложенія короля были устроены послѣ обѣда и въ самой залѣ, провансальскій романъ «Flamenca» характеризуетъ ихъ въ выраженіяхъ, указывающихъ на то, что и фигуры средневѣковыхъ танцевъ имѣли также эротическій смыслъ:

Las donnas soen si remiron
E fan lur amorosas feinchas
Con dia las ha si atenchas
C'a penas si deinhon suffrir
L'esgart, o monstran el sospir,
E contra sel genos uezat.
Amors lur a tal join donat
Que a cascus fon ben avis
Que totz vius fos em Paradis[1]).

(Дамы часто бросали взгляды [по сторонамъ] и своими любовными ужимками [дѣлали видъ] будто дневной свѣтъ ихъ такъ ослѣпляетъ, что онѣ едва могутъ вынести взгляды и смотрятъ внизъ; это онѣ показывали своими вздохами. Богъ любви ихъ привелъ въ такую радость, что онѣ ко всякому обращаются съ одинаковымъ привѣтомъ и каждый невольно спрашивалъ себя, не попалъ-ли онъ живымъ въ рай). Такой-же любовной фикціи отвѣчаетъ и упомянутая уже выше знаменитая, провансальская пѣсня «A l'entrada del temps clar», гдѣ апрѣльская королева какъ-будто совсѣмъ забываетъ во время пляски о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ мужу, называетъ его ревнивцемъ, и мечтаетъ о «молодчикѣ»[2]).

Таковы-же и излюбленные въ средніе вѣка особые эротическіе refrains, эти своеобразные часто мѣняющіеся припѣвы, которые вводили въ свои пѣсни труверы. Они произошли, какъ мною уже было нѣсколько разъ указано, изъ модныхъ плясо-

1) Flamenca ed. P. Meyer, pp. 23 et 286.
2) Bartsch, Verz. 461, 12; текстъ Appel'a Prov. Chrest. s. 86, № 48.

выхъ пѣсенъ. Эти пѣсенки, конечно, не вполнѣ народныя, ихъ уже совершенно передѣлали труверы согласно требованіямъ своей особой чисто условной поэтики, но въ основѣ ихъ все таки лежатъ элементы, почерпнутые изъ народной плясовой пѣсни[1]). Среди этихъ refrains встрѣчаются напримѣръ такіе краснорѣчивыя выраженія, какъ:

ne touches pas à mon chains, sir chevalier.

Изъ этихъ словъ вѣдь безъ особой игры воображенія естественно возникаетъ представленіе чисто эротической фигуры въ танцѣ и притомъ фигуры скорѣе рискованной. Нѣтъ сомнѣнія, что такова же была и народная плясовая пѣсня; и она могла, конечно, своими сюжетами вызвать такую же ревность, какую испытываетъ въ романѣ «Фламенка» Арчамбаутъ, пока жена его танцуетъ съ королемъ; и въ ней вѣроятно совершенно такъ же, какъ въ слѣдующемъ припѣвѣ, призывали къ пляскѣ всѣхъ, кто умѣетъ любить:

Espringuiez et balez cointement
Vous qui par amor amez léanment[2])

можетъ быть и народная пѣсня съ позоромъ изгоняла также того, кто любить не умѣетъ:

pur deu, trahez vous en la
vus ki ne amez mie[3]).

По крайней мѣрѣ совершенно въ томъ-же духѣ поется и въ одной сербской хороводной пѣснѣ:

1) Jeanroy, Les or. de la p. lyr. pp. 119 et 123 — 124; ср. Gröber, Franz. Litt. Groeber's, Grundriss, II, 1, s.

2) Взято изъ fabliau «Chastelaine de St. Gille» см. Montaiglon et Raynaud, Rec. géneral de f. Paris, 1872—83, v. I, p. 144; ср.:

Ales bielcment qui d'amer ne dueil

или

Ensi va ki bien ainme

Le Roman de la Violette ed, Fr. Michel, Paris, 1834, p. 38.

3) Bartsch, Rom. und Past. II, 85 объ этомъ припѣвѣ см. тамъ же стр. 376.

Фатајте се, б'јеле руке,
Гледајте се, црне очи.
Ко не љуби црке очи
Пада ли му сан на очи
Ол' му јади на срдахцу?[1])

(Беритесь, бѣлыя руки, глядите черныя очи; кто не цѣлуетъ черныхъ очей, развѣ ему сонъ сомкнулъ глаза или ему грустно на сердцѣ?)

Характеризовавъ это любовное направленіе въ весеннихъ забавахъ, мы должны вернуться и къ темѣ «по цвѣточкѣ», о которой уже шла рѣчь по другому поводу. Мы видѣли тогда, что весною на 1-ое мая, на Духовъ день, на Семикъ, на Троицу, на Юрьевъ день дѣвушки отправляются въ лѣсъ и плетутъ тамъ вѣнки. Этотъ обрядъ, отмѣченный въ современномъ быту, отразился на Руси и у славянъ, какъ мы это видѣли, и въ поэзіи трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ[2]). На него намекаетъ и полународная средневѣковая пѣсенка объ Аэлисъ[3]). Что весеннее заклинаніе здѣсь сливается съ чисто любовнымъ символизмомъ, это обнаружится совершенно наглядно въ русскихъ и славянскихъ забавахъ вѣнками на Семикъ, Троицу и Юрьевъ день, а равно и въ упоминаніяхъ вѣночка въ средневѣковыхъ весеннихъ пѣсенкахъ.

Одна изъ великорусскихъ пѣсенъ, относящихся къ завиванію березки, напѣваетъ:

Какъ по лугу, лугу,
Лугу зеленому
Ходили, гуляли
Красны дѣвицы;

---

1) Караџић, Пј. I, стр. 182, № 256.
2) См. выше ч. I, стр.
3) Bartsch, Rom. und Past. II, 80—88; о ней см. статью G. Paris'a въ *Mélanges Wahlund*, p. 1 etc.

Рвали сорывали
Со лугу цвѣточки;
Вили, совивали
Золотые вѣночки;
Клали, надѣвали
На буйну головку.
Встань я, встану
Напротивъ старова;
Какъ старый-итъ взглянитъ,
Золотъ вѣнокъ вянитъ:
Вянитъ онъ, вянитъ,
Въ полѣ засыхаетъ,
У дѣвушки сердце
Ноитъ занываетъ
. . . . (Повторяется сначала)
Какъ миленькій взглянетъ, —
Вѣнокъ разгоратца,
Вѣнокъ разгоратца:
Велятъ цѣловатца[1]).

Любовный смыслъ хожденія въ лѣсъ по цвѣточки и плетеніе вѣнковъ хорошо знаютъ и средневѣковые refrains, которые въ началѣ XIII в. вошло въ моду вставлять въ видѣ припѣва даже въ пастурели, chansons à personnages и пр. произведенія труверской поэзіи. Одинъ изъ такихъ отрывковъ прямо заявляетъ, что никто не долженъ ходить по лѣсу безъ своей подруги:

nus ne doit les le bois aler
sans sa compaignete[2]),

1) Магнитскій, Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, стр. 97, № 7; ср. «ганнку» изъ сборника Галька, I, стр. 100, № 5.

2) Bartsch, Rom. u. Past. I, 49, ст. 14, ср. Châtelaine de St. Gille ed. Montaiglon et Raynaud, Recueil, I, p. 142.

а въ другомъ дѣвушкѣ обѣщаетъ, что какъ только настанетъ весна, она пойдетъ рвать цвѣточки съ милъ-сердечнымъ другомъ:

Vez ci le dous tens ou vient
ke reverdist la pree:
S'irons moi et mon ami
coillir la flor novelle[1]).

Милъ-сердечный другъ долженъ непремѣнно поднести вѣнокъ своей подругѣ:

«mes amis mignos,
qui m'a en sa baillie,
deust ore flors cueillir
et un chapelet bastir
a mes biaus cheveus tenir:
s'en fusse plus jolie»[2]).

Счастливая любовь поэтому и символизируется вѣнкомъ:

J'aim mieux . i . chapele de flors
Que mauvais mariage[3]),

говоритъ дама, которой въ супружествѣ не посчастливилось.

Совершенно такіе-же мотивы встрѣчаются и у миннезингера Нидгарта и его подражателей несомнѣнно широко черпавшихъ свое вдохновеніе изъ народной весенней поэзіи. Такъ въ одномъ изъ этихъ споровъ матери и дочери, которыя разобраны въ предшествующей главѣ, гдѣ мать упрашиваетъ дочку не идти на

---

1) Bartsch, Rom. u. Past. I, 35, ст. 29 и слѣд.

2) Ibid. II, 109, ст. 9—13, ср.:

bien doit quellir violete
qui par amours aime. Ibid. I, 71.

3) Chastelaine de St. Gille ed. Montaiglon et Raynaud, Récueil, I, p. 136, ср.:

J'ai le capelet d'argent
Et bel ami a mon talen.

весеннюю пляску Нидгартъ влагаетъ въ уста молодой дѣвушкѣ слѣдующія слова:

Komen ist uns ein liehtiu ougenweide:
man siht der rôsen wunder ûf der heide;
die bluomen dringent durch das grass.
Wie schône ein wise getouwet was,
dâ mir mîn geselle zeinem kranze las! [1])

Еще болѣе опредѣленно выражается дѣвушка въ одной анонимной пѣснѣ:

man siht ûf dem anger vil der bluomen mangerleie.
der brich ich zwei krenzelîn
mir und dem gesellen mîn [2]).

Даже старуха, которая въ пѣсни Нидгарта вмѣсто того, чтобы удерживать дочь, сама исполнена неудержимаго влеченія къ любовнымъ весеннимъ забавамъ, восклицаетъ, разумѣя, конечно, своего возлюбленнаго:

Wir suln nâch bluomen beide gan [3]).

Въ славяно-русскомъ обрядовомъ обиходѣ любовное значеніе вѣнка выражено и особымъ обрядомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи и Бѣлоруссіи, Польши, Сербіи и другихъ славянскихъ странахъ, когда вьютъ вѣнки около рѣчки, ихъ пускаютъ по теченію и потому, скоро-ли потонетъ вѣнокъ, судятъ о суженомъ [4]). Великорусская пѣсня даже описываетъ этотъ обрядъ:

Во лѣсу, во лѣсочку
На желтинкомъ песочку
На мягкой травы,

1) Ed. Haupt, 24, 18—22.
2) Ibid. XIV, 14—16.
3) Ibid. 25, 18.
4) Снегиревъ, Русск. прост. пр. III, стр. 106, 117, 132; Ш. В. стр. 352 и 366; Ш. Мюзкр. I, стр. 185; Gloger, P. L., str. 19; Милојевић, П. и об. стр. 110—120 и др.

Тамъ и дѣвушки гуляли
Съ лужки цвѣточки,
Цвѣточки собирали,
Вѣночки плели.
На вѣнкахъ гадали,
Вѣнки въ рѣку,
Въ рѣку побрасали
Чей вѣнокъ всплыветъ
Про ту милый вспоминетъ[1]).

Другая также великорусская пѣсня изображаетъ гадающей по вѣнку и молодую женщину; ея мысли далеко въ Москвѣ съ ушедшимъ туда на работу мужемъ. Молодица обращается къ своимъ подругамъ:

Вы пойдете въ садъ гулять
Возьмите меня,
Вы будете цвѣточки рвать,
Сорвите и мнѣ;
Вы будете вѣнки плести
Сплетите и мнѣ;
Когда пойдете къ Дунай-рѣкѣ,
Возьмите меня.
Вы будете вѣнки спушать,
Спустите и мнѣ.
Какъ всѣ вѣнки наверхъ воды,
Одинъ мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья съ Москвы пришли,
Одинъ мой не бывалъ.
Остался милый зиму зимовать,
Осталась милая горе горевать[2]).

1) Ш. В. № 1245, стр. 362; ср. ibid. № 1244; Ш. Рп. стр. 396 — 399, №№ 2, 3, 5; Соболевскій, Великор. н. п. IV, №№ 27 и 28 и др.

2) Сообщ. Ефименкомъ въ замѣткѣ къ статьѣ Шадрина, Лѣтнія и зимнія гулянья Шенкурскаго народа *Тр. Арханг. Стат. Ком.* за 1865, стр. 121—122.

О миломъ дружкѣ думаютъ и сербскія дѣвушки, когда пускаютъ на водѣ свои вѣнки, во время уже разобраннаго выше обряда «на ранило»[1]). Пѣсни, которыя тутъ поются изображаютъ проходъ войска черезъ рѣчки Марицу, Сербицу или Быстрицу. Дѣвушки просятъ не мутить воды конскими копытами:

Воде су нам потребне,

говорятъ онѣ,

За те наше венцове.
Наше венце и цвеће
И те наше рабрене,
За јунаке млађане
Нежењене те војне[2]).

Въ Польшѣ этотъ обычай считающійся въ Россіи типично Троицкимъ совершается позже: на Ивановъ день. При этомъ дѣвушки бросаютъ въ воду вѣнки вовсе не для того, чтобы по нимъ только загадывать о будущемъ: парни ѣздятъ все время на лодкахъ и ловятъ вѣнки тѣхъ дѣвушекъ, которыя ближе ихъ сердцу. Глогеръ, разсказавшій эту особую форму пусканія по водѣ вѣнковъ, приводитъ и цѣлый десятокъ относящихся къ нему пѣсенъ[3]). Среди нихъ надо прежде всего отмѣтить тѣ коротенькія четверостишія, которыя, какъ это вполнѣ въ стилѣ обрядовой пѣсни, спрашиваютъ, иногда обращаясь къ олицетворенному празднику, что̀ тутъ дѣлается, и сами отвѣчаютъ краткимъ упоминаніемъ обряда. Такъ одна пѣсня, напоминающая пѣсенныя обращенія къ Великаночкѣ, къ Марьяночкѣ или веснѣ справляется, что̀ новаго принесъ Янъ и сообщаетъ, что Янъ принесъ росу паробкамъ на косы и цвѣты на вѣнки дѣвушкамъ:

1) Милојевић, П. и об. стр. 119—120, №№ 180—183.
2) Ibid. № 181, стр. 120.
3) Gloger, P. L., str. 19—31.

Janie, Janie, święty Janie
Cóżeś nam przyniósł nowego,
Cóześ nam przyniosł pięknego,
Janie, Janie, święty Janie.

—

Przyniosłem ja rosy,
Parobkam na kosy,
Dałem macierzanki
Panienkom na wianki[1]).

Другая пѣсня проще: что̀ это дѣлается, спрашиваютъ въ ней и отвѣчаютъ: дѣвушки топятъ вѣнки свои въ озерѣ:

A co tam robią, hej te dzieweczki
Co robią, co robią?
A dyć w jeziorze swoje wianeczki
Oj topią, oj topią![2]).

Назначеніе пущеннаго въ воду вѣнка польская пѣсня опредѣляетъ вполнѣ ясно: красавица дѣвушка стала на бережку и пускаетъ два вѣночка, вѣнки плывутъ, вѣнки тонутъ и Марыся груститъ, плачетъ: какъ будто ужъ не вернется къ ней ея Ясь. Тогда она бросаетъ и третій вѣнокъ:

Wianek wypłynął na dunaj
Gdzie Jasieńko się zadumał[3]),

и дѣло кончается бракомъ обоихъ возлюбленныхъ. Чаще однако настроеніе пѣсни грустное; только одна пѣсня просто констатируетъ, что вѣнокъ поплылъ и спрашиваетъ, чей онъ[4]). Другія двѣ поютъ о томъ, что вѣнки унесены Богъ вѣсть куда:

1) Ibid. № 44, str. 26.
2) Ibid. № 34, str. 20.
3) Ibid. № 46, str. 26.
4) Ibid. № 49, str. 30.

Zaniosła, zaniosła,
Już go nie przyniesie,
Bom go zostawiła
W kalinowym lesie [1]).

Въ судьбѣ вѣнка виновата такимъ образомъ рѣчка; зачѣмъ она занесла его въ дебри лѣса туда, откуда не будетъ отвѣта на любовные помыслы дѣвушки. Въ двухъ варіантахъ той-же пѣсни краски даже еще сгущаются: тонетъ уже не вѣнокъ, а сама дѣвушка [2]); какое значеніе имѣетъ это утопаніе, мы это узнаемъ ниже; оно не можетъ насъ опечалить: дѣвушкѣ очевидно суждено выйти замужъ.

Любовное значеніе весеннихъ цвѣтовъ сказалось и въ одной сербской пѣснѣ изъ сборника Милојевић'а. Дѣвушки нарвали цвѣтовъ на Юрьевъ день и тщетно предлагаютъ ихъ матерямъ, отцамъ, братьямъ, сестрамъ; имъ, конечно, надо было бы сразу обратиться къ милымъ сердечнымъ дружкамъ; пѣсня заключаетъ поэтому:

Ђурђево цвеће цветало.
Девојке цвеће берају,
Драгоме своме давау.
Драго јим цвеће прифати
Весело драго запева:
«И моје цвеће и дева» [3]).

(Майскіе цвѣточки разцвѣтаютъ; дѣвушки берутъ цвѣты и даютъ ихъ своимъ возлюбленнымъ. Милъ-сердечный другъ беретъ цвѣты, весело поетъ милъ-сердечный другъ: «Мои, цвѣты — моя и дѣвушка»).

Сходное представленіе встрѣчается и въ одной великорусской пѣснѣ. Она выливается изъ устъ парня:

---

1) Ibid. № 89, ср. № 37.
2) Ibid. №№ 36 и 45.
3) Милојевић, П. и об., стр. 152, № 203; ср. Ястребовъ, стр. 156—164.

Ужъ ты вѣнчикъ, мой вѣнчикъ,
Ай да вѣночикъ!
Вѣнокъ-синенькій цвѣточикъ,
Ай да цвѣточикъ!
Кому вѣнчикъ подарити?
Ай да подарити,
На ково-жъ мнѣ положити?
Ай да положити.
Положу-ль я на головку,
Ай да на головку,
Что на красную на дѣвицу,
Ай да на дѣвицу.
Что не кумъ съ кумою покумился,
Ай да покумился, —
Молодецъ съ дѣвицей подружился,
Ай да подружился:
Гдѣ не сойдемся, — пріобоймемся,
Ай да пріобоймемся;
Пріобоймемся, поцалуемся,
Ай да поцалуемся,
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся [1]).

Любовный символизмъ вѣнка здѣсь выраженъ также отчетливо, какъ и въ сербской пѣснѣ, но въ тоже время здѣсь сказывается и нѣчто новое, пѣсня и вводитъ насъ въ новый кругъ обрядовыхъ представленій, въ особый типъ Троицкаго и Семикскаго обрядоваго дѣйства, въ кумовство.

Въ Россіи кумятся весною на Тройцу, на Семикъ или на Вознесенье. Самый ритуалъ заключается въ томъ, что дѣвушки или молодыя женщины, когда свиты во время Троицкаго гулянья

1) Ш. В. № 484, стр. 119—120; таже пѣсня у Шишонька, Отрывки нар. тв. Пермской губ. № 12 поставлена среди *свадебныхъ*; ср. Ш. В. №№ 483, 485, 486 и 489.

вѣнки цѣлуются черезъ нихъ и дарятъ другъ другу яйца, а иногда мѣняются и крестами[1]). При этомъ они приговариваютъ:

Ой, мы съ тобой кумушка покумимся,
Да Лилё, Лилё Лилё (повторяется послѣ каждаго стиха)
Ой, покумимся, поголубимся,
Ой, скрозь вѣнецъ
Ой, черезъ златъ вѣнецъ } поцѣлуемся[2]).

Иногда этотъ обрядъ связанъ еще съ крещеніемъ кумушки. Тогда приговариваютъ еще:

«Ты кумушка ряба»,
«Кому ты кума?»[3]).

Подобный обрядъ существуетъ и въ Сербіи на Ѳомино воскресенье. Онъ называется Ружичало или Дружичало. Производится онъ совершенно такъ же, какъ и въ Россіи[4]). Милойевичъ сообщаетъ и пѣсню, которую при этомъ поютъ. Въ ней высказывается пожеланіе, чтобы эта заключенная въ этотъ день дружба, которая должна продолжаться весь годъ, не увяла, какъ не увянетъ и цвѣтокъ:

Невен невен мило цвеће!
Лељ Лељу,
Мили Боже! (повторяется послѣ каждаго стиха)
Лепо цвеће жуто цвеће!
Неувени наша слога,

1) Сахаровъ, Сказанія, II, стр. 198—199; Снегиревъ, Русск. Прост. Празд. III, стр. 96—98 и 103—105; Минхъ, Нар. обыч. Сарат. губ. *З. И. Р. Г. О.* XIX, 2, стр. 104; *Живая Старина*, IV, (1891), стр. 201; Ш. В. стр. 345; *Московскія Вѣд*. 1894, № 145, фельет.

2) Пальчиковъ, Крест. пѣсни зап. въ Николаевкѣ, № 34, стр. 91; ср. Терещенко, Бытъ, VI, стр. 163, 190; Римскій Корсаковъ, 50; Ш. В. № 1201; Снегиревъ, l. c. III, стр. 97 и др.

3) Ш. В. № 1196.

4) Карапиħ, Ж. и об. стр. 27; Милиħевиħ, Ж. срба сељ. стр. 108, § 11; Милојевиħ, П. и об. стр. 126—127.

Неувени наша љубов,
Неувело наше братство[1]).

Всякая попытка разсмотрѣть обычай кумовства во всѣхъ его разновидныхъ формахъ и примѣненіяхъ завела-бы насъ, конечно, слишкомъ далеко и едва-ли была-бы здѣсь умѣстна. Отношенія побратимства, средневѣковаго «compagnage», кумовства и проч. формъ, такъ называемаго, искусственнаго родства возникаютъ при свадьбахъ и крестинахъ, возникаютъ и внѣ всякаго обрядоваго ритуала. Я ограничусь поэтому указаніемъ на недавнюю статью А. Н. Веселовскаго, гдѣ онъ такъ подробно разсмотрѣлъ кумовство и побратимство въ обрядѣ, пѣснѣ и легендѣ[2]). Въ центрѣ своего изслѣдованія проф. Веселовскій поставилъ сардинскія, сицилійскія и южно-германскія формы кумовства производимыя и до сихъ поръ на Ивановъ день (Comparatico di san Jiovanni). Отъ этихъ обрядовыхъ дѣйствъ и связанныхъ съ ними легендъ онъ перешелъ къ разсмотрѣнію старой нѣмецкой «Iohannis minne» или «Iohannis segen» и чешской «milost» или «laska sv. Iana». Ивановское вино, которое отвращаетъ отъ градобитія и другихъ напастей, закрѣпляетъ договоры и пр., освящается чаще всего 27 января[3]); однако при параллелизмѣ обоихъ Ивановыхъ дней (27 января и 24 іюня) и обоихъ солнцестояній, лѣтняго и зимняго, по мнѣнію проф. Веселовскаго, можно предположить, что съ одной стороны, одно и тоже обрядовое представленіе лежитъ въ основѣ обоихъ пріуроченій, а съ другой, что обычаи кумовства когда-то существовали и въ Германіи на Ивановъ день[4]). Въ этотъ праздникъ кумуются и Сербохорваты. Сербское кумовство и побратимство (при замиреніи) для отвращенія родовой мести или въ минуту опасности, когда испрашивается помощь, производится только

1) Милоjевић, П. и об. стр. 127, № 191.

2) Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности, *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 2, стр. 287—317.

3) Ibid. стр. 299.

4) Ibid. стр. 302—303.

во имя св. Іоанна. У Болгаръ для побратимства назначается день св. Іоанна Крестителя[1]). Эти сопоставленія достаточно показываютъ, что въ народномъ сознаніи Іоаннъ Креститель считается покровителемъ духовнаго родства. Произошло подобное представленіе, отчасти подъ вліяніемъ особаго пониманія извѣстныхъ словъ Христа Богоматери «се сынъ твой», сказанныхъ объ евангелистѣ Іоаннѣ. Этотъ намекъ на духовное родство Спасителя и его ученика Іоанна могло mutatis mutandis привести къ подобному-же представленію объ отношеніяхъ его и къ его Воспріемнику, также Іоанну[2]).

Пріуроченіе обряда кумовства и побратимства къ купальскому циклу основано такимъ образомъ на христіанскихъ представленіяхъ. Совершенно иначе объясняется ихъ проникновеніе въ ритуалъ весеннихъ праздниковъ. Если кумовство искони присуще купальской обрядности, возможно, конечно, предположить простое заимствованіе одного обрядоваго цикла у другого: когда Троицынъ день падаетъ на середину іюня, подобный переходъ обрядовъ можетъ произойти совершенно естественно путемъ простаго смѣшенія[3]). Я предпочитаю, однако, постараться подъискать менѣе случайную причину пріуроченія кумовства къ веснѣ. Мнѣ кажется, что и кумовство на Семикъ или Троицу бытуетъ рядомъ съ другими обрядами, разбираемыми мною въ этой главѣ, потому что оно вызвано совершенно одинаковыми съ ними психологическими побужденіями.

Въ русской и сербской весенней обрядности кумуются дѣвушки и женщины другъ съ другомъ, а парни отдѣльно, также между собою. Напротивъ въ итальянскомъ comparatico di san Jiovanni бываютъ кумовья и разныхъ половъ. Легенды о вожделеніи къ кумѣ, которыхъ привелъ довольно много А. К. Веселовскій, указываютъ также, что кумовство происходило часто

1) Ibid. стр. 303 и 306.
2) Ibid. стр. 298.
3) Ibid. стр. 310.

между мужчинами и женщинами[1]). Такой особый видъ кумовства въ Витебской губ. сообщилъ А. Н. Веселовскому г. Романовъ. Это производится на Петровъ день, въ той избѣ, гдѣ зимой происходили супрядки. Молодежь устраиваетъ пирушку, играетъ въ разныя игры и даже проводитъ вмѣстѣ ночь, улегшись въ повалку, на полу, совершенно также, какъ ночуютъ послѣ досвітокъ въ Малороссіи[2]). На кумовство между дѣвушками и парнями въ Россіи указываютъ варіанты, при приведенной мною выше великорусской пѣсни, въ нихъ говорится:

Еще ты мой кумъ, еще я твоя кума[3]).

Если же такимъ образомъ весеннее кумовство производилось и между парнями и дѣвушками, то не надо ли поставить его рядомъ съ обрядами enmaiement и maieliehen? Въ началѣ новаго сезона, или въ самый разгаръ его, какъ разъ своевременно подъискать себѣ пару, намѣтить себѣ товарища по играмъ. Кумовство вспомнилось тутъ, вѣрнѣе всего, какъ одна изъ затверженныхъ формъ общенія и дружбы. Оно вошло въ обиходъ весеннихъ игръ и забавъ лишь, какъ одна изъ формъ шуточнаго эротическаго дѣйствія. Въ связи съ приведенными выше обрядами и пѣснями явно эротическаго свойства обряды весенняго кумовства еще усиливаютъ эротическій характеръ весеннихъ игръ и забавъ.

— * —

Я собралъ въ этой главѣ всѣ тѣ черты весенней обрядности, на основаніи которыхъ весна считается временемъ, когда любовное чувство особенно напряжено, когда естественно встрѣтить въ народномъ быту не только отзвуки любовныхъ вожделеній, но и пережитки гетеризма. Первое слышится обыкновенно въ весеннихъ пѣсняхъ, съ ихъ мечтаніями о миломъ сердечномъ

1) Ibid. стр. 302 и 315.
2) Ibid. стр. 316 прим.
3) Ш. В. №№ 483, 484, 485, 486 и 489.

дружкѣ, о суженомъ и проч. второе изслѣдователи старались увидѣть въ нѣкоторыхъ чертахъ обрядовъ, особенно, когда описаніе ихъ принадлежало къ краснорѣчію книжника, не боявшагося для краснаго словца нѣсколько сгустить краски или пуританскаго проповѣдника, громившаго въ народной обрядности пережитки того, что ему казалось язычествомъ. Дѣйствительно. Вѣдь съ особенной силой подчеркиваютъ эротическій характеръ весеннихъ забавъ знаменитый эрудитъ, дю-Канжъ, и пуританскій проповѣдникъ XVI в. англичанинъ Стăббсъ. Первый прибавляетъ къ приведенному мною извѣстію о внесеніи Мая въ XV в. во Франціи: «notandum est quod corylus ad aedem honestae puellae non assonebatur»[1]), а второй въ также приведенномъ мною отрывкѣ изъ его «Анатоміи злоупотребленій»[2]), прямо говоритъ, что болѣе трети дѣвушекъ при соблюденіи обряда «a maing» теряли невинность. Оба эти замѣчанія часто цитировались въ доказательство эротизма весеннихъ игръ и забавъ[3]). Болѣе другихъ настаивалъ на немъ Маннгардтъ. Ему казалось, что эротизмъ весною символизировалъ производительность духа растительности, при чемъ женщины изображали собою силу, воспринимающую и выращивающую пассивную дѣятельность земли[4]).

Мнѣніе, что весна время любви широко распространено и считается чѣмъ-то въ родѣ аксіомы. Обыкновенно полагаютъ, что причины тутъ чисто физіологическія; если человѣкъ, какъ замѣтилъ еще въ древности Сократъ, отличается отъ прочихъ животныхъ тѣмъ, что боги надѣлили его способностью постоянно наслаждаться любовью, или какъ говорилъ Бомарше, тѣмъ что, «онъ можетъ пить, не испытывая жажды и любить во всякое

1) du-Cange, Gloss. mediae et infimae latinitates etc. cum suppl. Carpenteri подъ словомъ «maius».

2) Прив. у Strutt'a, Sp. & past. p. 352 — 353 и Brand-Ellis, Pop. Ant. I, стр. 213.

3) См. напр. у Аѳанасьева Поэт. воззр. III, стр. 691; А. Н. Веселовскій, Три главы, стр. 27 отд. отт.; Bielschowsky, Gesch. d. d. Dorfp. s. 12—13 и мн. др.

4) W. u. Fk. I, s. 171, Anm. und 492—494.

время года», это происходитъ у человѣка такъ же, какъ и у домашнихъ животныхъ только потому, что жизнь его отдалилась отъ природы. Чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ болѣе на него вліяетъ весна, тѣмъ болѣе его любовныя потребности возрастаютъ въ это время года. Вѣрность этого мнѣнія постарался недавно провѣрить Вестермаркъ въ своей исторіи брака. Его интересовало выяснить «были-ли половыя способности человѣка или его получеловѣческихъ предковъ ограничены извѣстнымъ временемъ года»[1]). Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ однако прежде всего отбрасываетъ общераспространенный предразсудокъ о томъ, будто-бы весна время производительности всѣхъ млекопитающихся животныхъ. У каждой породы свое время для скрещиванія. Когда-же происходили скрещиванія у первобытнаго человѣка? Вслѣдъ за Кулишеромъ[2]) Вестермаркъ за отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратился къ даннымъ статистики.

По вычисленіямъ Ваппэуса, Майра и Беукеманна у европейскихъ народовъ замѣчается въ году неровное распредѣленіе рожденій: ихъ количество усиливается два раза въ годъ. Въ средней Европѣ эти увеличиванія рождаемости замѣчаются на февраль — мартъ и сентябрь — октябрь[3]). Въ Массачузентсѣ они попадаютъ на мартъ и сентябрь, въ Чили на октябрь (по климатическимъ условіямъ соотвѣтствующій нашему началу весны)[4]). По наблюденіямъ Гилля у индѣйцевъ Аллагабада наиболѣе богатые рожденіями мѣсяцы октябрь и сентябрь[5]). И къ этому надо еще прибавить, что подобная періодичность гораздо болѣе отчет-

1) Westermarck, The history of human marriage, pp. 25 & 28.

2) Kulischer, D. geschl. Zuchtw. bei den Menschen, *Z. f. Ethn.* XVIII, (1876), s. 156—157.

3) Wappäus, Allgemeine Bevölkerungsstatistik Lpz. 1859 — 61, B. I, s. 237; Mayr, Die Gesetzmässigkeit im Gesellshaftsleben. Munchen. 1877, s. 240; Beukemann, Ein Beitr. zur Untersuchung über die Vertheilung der Geburten nach Monaten. Göttingen, 1881, pp. 15—22; Westermarck, l. c. pp. 31—32.

4) Wappäus, l. c. I, 250 & 237.

5) Hill, The Lifestat. of Indian Provinces. Nature, XXXVIII, p. 250.

лива въ земледѣльческихъ странахъ, чѣмъ въ промышленныхъ, и въ Швеціи напр. въ серединѣ прошлаго вѣка она была несравненно болѣе устойчива, чѣмъ теперь [1]).

Увеличеніе числа рожденій въ февралѣ — мартѣ и особенно увеличеніе рожденія внѣ брака статистики обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что половой инстинктъ усиливается въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, т. е. въ маѣ, іюнѣ (и сентябрь въ Чили). Это объясненіе принимаетъ и Вестермаркъ. Усиленіе въ маѣ—іюнѣ половыхъ потребностей человѣка объясняется, по его мнѣнію, какъ «пережитокъ древняго періода скрещиваній зависящаго отъ того же самаго закона, который управляетъ и остальнымъ животнымъ царствомъ... Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ питается злаками и корнеплодами и животной пищей,.. весна для него время пробужденія природы, когда наступаетъ изобиліе овощей и пастбищъ. Отсюда дѣти, младенчество которыхъ совпадало съ этимъ временемъ года, выживали болѣе, чѣмъ рожденные въ иную пору... Мы можемъ представить себѣ такимъ образомъ, что постепенно подъ вліяніемъ естественнаго подбора образовалось племя, скрещивавшееся преимущественно или исключительно въ наиболѣе выгодное для сохраненія рода время года» [2]). Схоже съ этимъ предлагаетъ Вестермаркъ объяснить и второй періодъ скрещиваній у человѣка, періодъ зимній. Дѣти, рожденные осенью имѣли также извѣстное преимущество, такъ какъ осень для земледѣльца время изобилія, а въ лѣсныхъ мѣстностяхъ всегда есть возможность спастись и отъ холода [3]).

Выводы Вестермарка относительно существовавшаго нѣкогда у человѣка періода скрещиванія, попадавшаго на весну, конечно, съ необыкновенной стройностью гармонируетъ съ сведенными выше данными объ весеннихъ эротическихъ обрядахъ. Эти послѣдніе оказываются отраженіемъ періода скрещиваній

1) Wappäus, l. c. I, ss. 246, 247 und 343; Westermarck, l. c. p. 38.
2) Westermarck, l. c. p. 34—35.
3) Ibid. p. 34.

въ обрядовомъ обиходѣ. Общепринятое толкованіе весны, какъ времени особаго напряженія эротическаго настроенія пріобрѣтаетъ этимъ новую силу, подтверждается новымъ рядомъ данныхъ еще не бывшихъ въ обращеніи. Къ этому склоняется и самъ Вестермаркъ, основывающійся относительно весенней обрядности на тѣхъ страницахъ Маннгардта, гдѣ маститый фольклористъ говоритъ maieliehen, enmaiement, Iohannis minne и пр. 1).

При ближайшемъ наблюденіи, значеніе выводовъ Вестермарка приходится однако ослабить. Предполагаемый имъ періодъ скрещиванія май — іюнь занимаетъ только самый конецъ весенняго цикла обрядовъ и начало лѣтняго. Онъ находится такимъ образомъ, какъ бы на перепутьи между весеннимъ и купальскимъ циклами. Если принять въ соображеніе, что другой періодъ скрещиванія совпадаетъ съ серединой зимы, самая весна окажется скорѣе промежуточнымъ временемъ между этими двумя сроками эротизма; она представится временемъ скорѣе безразличнымъ въ этомъ отношеніи. Это соображеніе вполнѣ подтверждается и свидѣтельствомъ тѣхъ обрядовъ, которые сведены мною въ этой главѣ. Такіе обряды, какъ кумовство между лицами разныхъ половъ, какъ «maibule» и проч., которыя наиболѣе поддаются толкованію, какъ пережитки «скрещиваній», принадлежатъ къ послѣднему, заключительному акту весенняго обрядоваго дѣйства: къ маю мѣсяцу, къ Духову дню и Троицѣ; и они еще болѣе отчетливо засвидѣтельствованы въ слѣдующемъ циклѣ обрядности, въ циклѣ Купальскомъ. Вполнѣ естественно поэтому возникаетъ вопросъ о томъ, куда собственно отнести ихъ, принадлежатъ-ли они дѣйствительно къ обрядамъ типично весеннимъ или они проникли сюда путемъ смѣшенія различныхъ типовъ обрядности. Естественно возникаетъ также необходимость приглядѣться къ нимъ ближе, разобраться въ нихъ болѣе подробно, чтобы съ большей увѣренностью судить о томъ скрытомъ и въ боль-

1) Ibid. p. 30.

шинствѣ случаевъ забытомъ смыслѣ, который лежитъ въ ихъ основѣ.

Всѣ эти сомнѣнія, возникающія изъ включенія въ кругъ нашихъ наблюденій фактовъ собранныхъ Вестермаркомъ, ведутъ такимъ образомъ скорѣе къ дальнѣйшему изслѣдованію, чѣмъ непосредственно къ выводамъ. Раньше, чѣмъ вынести общее заключеніе объ эротическомъ значеніи весенней обрядности, очевидно надо поставить данныя о немъ въ связи съ какими нибудь другими, новыми фактами, которые, можетъ быть, и освѣтятъ ихъ болѣе ярко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношеніе весенней обрядности къ браку.

При изслѣдованіи главнѣйшихъ мотивовъ весеннихъ обрядовъ и содержащихся въ весеннихъ пѣсняхъ поэтическихъ образовъ, съ которыми мнѣ пришлось вѣдаться до сихъ поръ, я все время старался прежде всего держаться возможно ближе къ даннымъ хозяйственнаго быта. Этимъ способомъ не одинъ разъ уже удавалось найти подчасъ ускользающую изъ подъ ногъ почву. Тѣже бытовыя данныя дадутъ намъ теперь возможность провѣрить колебанія народной мысли и въ отношеніи къ весеннему эротизму.

Вѣдь въ народномъ быту, при неустанной и тяжелой борьбѣ за существованіе, хозяйственные интересы стоятъ всегда на первомъ планѣ. Вліяніе ихъ сказывается во всѣхъ проявленіяхъ, во всѣхъ поступкахъ и мысляхъ человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ. Оно отражается даже тамъ, гдѣ его менѣе всего можно было-бы ожидать. Если, встрѣтившись съ какимъ-нибудь воззрѣніемъ или съ какой-нибудь на первый взглядъ даже совсѣмъ ничтожной подробностью народнаго сознанія, хорошенько вдуматься въ тѣ особыя условія, среди которыхъ она возникла и бытуетъ до сихъ поръ, чаще всего непремѣнно удастся открыть ея тѣсную связь съ чисто хозяйственными интересами. Даже забавныя и эстетическія представленія, проникшія тѣмъ или инымъ путемъ въ народное сознаніе, могли сжиться съ нимъ

только постолько, посколько они не противорѣчатъ, а, напротивъ, отвѣчаютъ хозяйственнымъ укладамъ народной жизни.

Чтобы дать себѣ отчетъ въ бытовыхъ устояхъ весенней эротики, я постараюсь поэтому прослѣдить ея отношенія къ браку. При помощи ихъ, можетъ быть, и объяснится символизмъ цѣлаго ряда любовныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, и обнаружатся ихъ дѣйствительныя побужденія, а подчасъ и ихъ преувеличенія. Можетъ быть, разсматривая весенція пѣсни именно съ этой точки зрѣнія, удастся открыть искомую хозяйственно-бытовую основу справляемыхъ весною любовныхъ игръ и забавъ.

И осмысленіе этихъ любовныхъ мотивовъ дастъ намъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ той разбившейся на два этапа эволюціи: *отъ обряда къ пѣсни* и *отъ пѣсни къ поэзіи*, которую старается прослѣдить настоящее изслѣдованіе. Подойдя къ весеннимъ играмъ и забавамъ сначала, какъ къ бурному порыву обрядовой «радости», окружавшей своимъ экстазомъ весеннее заклинаніе, мы принуждены были различить въ немъ и еще нѣчто другое. Сразу-же среди разгула обрядового веселія мы натолкнулись на военно-спортивныя потѣхи и пѣсни и, увидѣвъ, что они коренятся въ самихъ условіяхъ быта и потому именно и пріурочены къ веснѣ, мы не могли и ихъ не включить въ кругъ весеннихъ обрядовыхъ пѣсенъ и тѣмъ самымъ допустить возможность обрядового происхожденія военныхъ пѣсенъ вообще. Далѣе изъ самыхъ мотивовъ весеннихъ игръ и забавъ объяснились и нѣкоторыя чисто бытовыя пѣсенныя темы, какъ «дѣвичья воля» и «несчастья въ замужествѣ». Теперь если наши сближенія брачныхъ отношеній и весенней обрядности приведутъ наконецъ къ установленію бытовой основы весенняго эротизма, то обрядового происхожденія окажутся, нѣсколько неожиданно, и любовныя пѣсни.

I.

Бракъ есть одно изъ серьёзныхъ хозяйственныхъ отправленій простого человѣка; въ основѣ своей онъ — хозяйственное предпріятіе и финансовая сдѣлка. Въ первобытной семьѣ-общинѣ заключеніе новыхъ браковъ съ одной стороны вызываетъ значительные расходы т. е. поглащаетъ большое количество припасенныхъ продуктовъ потребленія, а съ другой вводитъ новую рабочую силу, т. е. умножаетъ работоспособность данной хозяйственной единицы и этимъ ведетъ къ возможности въ будущемъ расширить производство.

Вотъ почему, какъ мы это увидимъ, въ колядахъ и весеннихъ поздравительныхъ пѣсняхъ главѣ семейства напѣваютъ женитьбу его сыновей и замужество дочерей совершенно такъ же, какъ и хорошій урожай.

При существенно важномъ значеніи брака въ чисто хозяйственномъ смыслѣ, онъ и долженъ былъ естественно пріурочиться къ опредѣленному времени года. Свадьбы также занимаютъ свое мѣсто въ народномъ календарѣ. Это знаетъ всякій, кто маломальски близко наблюдалъ народную жизнь. Не трудно также замѣтить и то, что и въ этомъ отношеніи, какъ и во множествѣ другихъ, требованія народнаго календаря вполнѣ отвѣчаютъ даннымъ календаря христіанскаго. Взаимное проникновеніе религіозныхъ и хозяйственныхъ воззрѣній именно въ отношеніи къ браку и супружеской жизни отмѣтилъ такъ близко знавшій русскаго крестьянина Глѣбъ Успенскій[1]). Онъ лучше другихъ съумѣлъ вдуматься въ тѣ сокровенныя и тѣсныя узы, которыя связываютъ въ народномъ сознаніи требованія православной обрядности и морали съ потребностями сельско-хозяйственнаго труда: почти всѣ тѣ мѣсяцы, когда нельзя по церковнымъ уставамъ жениться, совпадаютъ съ самымъ неудобнымъ въ этомъ

1) См. его «Народный календарь». Собр. Соч. т. II.

отношеніи временемъ для человѣка, зависящаго отъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Глѣбъ Успенскій показалъ совершенно наглядно, почему въ великомъ посту жениться грѣшно не только съ православной, но и съ хозяйственной точки зрѣнія. Крестьянинъ соображаетъ даже время рожденій и старается, чтобы беременность бабъ не совпадала съ рабочей порой. И народный календарь въ этомъ отношеніи идетъ даже гораздо дальше церковнаго, онъ еще болѣе сокращаетъ то время, когда можно жениться. Такихъ моментовъ въ году очень мало, ихъ всего нѣсколько. Существуетъ даже такая часть года, которая спеціально отводится свадьбамъ, такъ что на остальное время падаютъ только исключительные случаи. На Руси въ XV в. время около масляницы прямо называлось «свадьбами»[1]). На зимнихъ святкахъ происходитъ и до сихъ поръ большинство свадебъ среди простаго народа.

Приблизительно около этого-же самаго времени праздновали въ древнихъ Афинахъ ἱερὸς γάμος или Θεογάμια: свадьбу Зевса и Геры. Мѣсяцъ, когда это происходило, назывался «Гамелій» и былъ посвященъ Герѣ, покровительницѣ брака. Одновременно съ предполагаемымъ бракомъ боговъ справлялись въ Аѳинахъ, по словамъ Момзена, и свадьбы смертныхъ[2]). Такое-же жизненное примѣненіе имѣли и древне-римскія представленія о женитьбѣ Марса съ Нерреей, покровительницей брака. Небесная свадьба молодого бога весенняго плодородія съ этой старой богиней, совершенно утерявшей опредѣленный индивидуальный обликъ, идеализировала и поощряла земные браки. Богъ совершалъ самъ обрядъ, подобно тому, какъ въ русскихъ пѣсняхъ обрядъ совершаютъ тѣ святые, къ которымъ прибѣгаютъ въ молитвенномъ обращеніи[3]).

---

1) Новгородская лѣтопись подъ 1402 г.; приведено у Вс. Миллера, Русск. масляница и Западно-Евр. карнавалъ, стр. 22.

2) Mommsen, Feste des St. Athen. s. 382; Farnell, Cults of greek states, v. I, p. 184 etc.

3) Roscher's, Ausf. Lex. II, 2 col. 2410—2412; Usener, It. Mythen. *Rheinisches Museum*, XXX, s. 221—225 и 227—228.

Если обѣ свадьбы небожителей Зевса съ Герой и Марса съ Нерреей указываютъ, такимъ образомъ, на начало марта, какъ на время свадебъ человѣческихъ, таковъ уже совершенно несомнѣнно и смыслъ праздника въ честь Марса и Анны Перенны, какъ его разсказываетъ Овидій въ Фастахъ. Въ честь этой женитьбы Марса 15-го марта простой народъ располагался не далеко отъ Тибра парочками или прямо на травѣ или подъ шалашами. Тутъ они возлежали, стараясь выпить столько кубковъ вина, сколько осталось прожить лѣтъ [1]).

Idibus est Annae festum geniale Perennae.
 Haud procul a ripis, advena Thybri, tuis
Plebs venit ac virides passim disiecta per herbas
 Potat, et accumbit cum pare quisque sua.
Sub Jove pars durat, pauci tentoria ponunt,
 Sunt quibus e ramis frondea facta casa est.
Pars, ubi pro rigidis calamos statuere calumnis,
 Desuper extentas imposuere togas.
Sole tamen vinoque calent, annosque precantur,
 Quot sumant cyathos, ad numerumque bibunt.
Inveniens illic qui Nestoris ebibat annos
 Quae sit per calices facta Sibylla suos.
Illic et cantant quidquid didicere theatris,
 Et iactant faciles ad sua verba manus;
Et ducunt posito duras cratere choreas,
 Cultaque diffusi saltat amica comis.

(Fasti III, 523—539).

Можетъ быть, съ этими античными представленіями можно сопоставить и индѣйскій обрядъ Рали-ка-мела: въ Каанагрѣ въ мартѣ—апрѣлѣ дѣвушки носятъ въ опредѣленное мѣсто корзины травы (dûb) и цвѣтовъ и сваливаютъ ихъ въ кучу. Послѣ этого онѣ становятся вокругъ и поютъ. Эта церемонія совершается

1) Usener, l. c. s. 206—207.

десять дней подрядъ, пока кучка не достигнетъ извѣстной вышины. Тогда дѣвушки ставятъ на нее двѣ рогатки изъ свѣжихъ вѣтокъ. На нихъ устанавливаются двѣ глиняныя фигуры изображающія Сиву и Паарвати. Когда это сдѣлано, начинается торжественное вѣнчаніе этихъ фигуръ. Фигуры остаются послѣ этого нѣкоторое время на кучѣ изъ цвѣтовъ, но на слѣдующій «sankrânt» (Baisâkh) ихъ бросаютъ въ воду и оплакиваютъ въ особыхъ пѣсняхъ [1]). Индѣйскія дѣвушки, такимъ образомъ, какъ будто ознаменовывали время свадебъ бракосочетаніемъ бога и послѣ этого провожали этотъ періодъ времени обычнымъ для народнаго обрядоваго обихода его изгнаніемъ или топленіемъ. Если этотъ послѣдній актъ описаннаго обрядоваго дѣйства падаетъ на мартъ и апрѣль, самая пора свадебъ очевидно занимаетъ болѣе ранніе мѣсяцы. Тогда приведенное толкованіе праздника каанагрскихъ дѣвушекъ не противорѣчитъ и свидѣтельству обрядовъ горныхъ племенъ сѣверной Индіи. Дольтонъ разсказываетъ о племени Хосъ, что въ январѣ у нихъ происходитъ большое празднество, «когда закрома полны хлѣба, и народъ, какъ онъ самъ говоритъ про себя, способенъ на всякую чертовщину..... Поэтому празднество это дѣйствительно настоящая сатурналія» [2]); во время него дѣвушкамъ предоставляется полная свобода. Такія же празднества справляютъ въ это же время и Пунджа [3]) и Котары [4]). У Саталовъ эти сатурналіи происходятъ въ теченіи шести дней, и послѣ этого начинается время свадебъ [5]). Если и у другихъ только что перечисленныхъ племенъ также гетерическими обрядами открывается періодъ времени отведенный для свадебъ, этотъ послѣдній расположится между концомъ

---

1) Temple въ *Indian Antiquary*, XI (1882), p. 297 & sq.; приведено у Frazer'a, Golden Bough, I, p. 277.

2) Dalton, Descript. Ethn. of Bengal, pp. 196 & sq.

3) Shrott въ *Transactions of the Ethnol. Soc.* New series, v. VI, p. 259.

4) Ibid. VII, p. 282.

5) Watson & Key, The people of India, I, № 2; Rowney, Tribes of India, p. 76; приведено у Westermark'a, The hist. of hum. marriage, p. 29.

января и концомъ марта, совершенно такъ же, какъ было нѣкогда и въ Россіи, и у древнихъ.

Съ сатурналіями горныхъ индѣйскихъ племенъ и съ простонароднымъ римскимъ обрядомъ, во время котораго повидимому также пѣлись пѣсни самаго распущеннаго склада (Fasti III, 575 и слѣд.) можетъ быть, небезъинтересно сблизить и бѣлорусскую игру «Женитьба Терешки», свѣдѣнія о которой собралъ Шейнъ. Эта игра производится отъ Рождества до Великаго поста т. е. какъ разъ во время «свадебъ» [1]).

Изъ помѣщенныхъ у Шейна трехъ описаній этой игры изъ разныхъ мѣстностей Витебской, Минской и Виленской губерній, ея общій остовъ можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: прежде всего избираются «бацька съ маткой», назначеніе которыхъ наглядно выражаютъ слова поющейся при этомъ подъ аккомпаниментъ скрипки присказки:

А мой ты, дзѣдулька,
Я твоя бабулька!
Будземъ мы пиво варпць
Будземъ сыноў жаниць,
Будземъ горэлку гнать,
Дочакъ замужъ оддавацъ:
Сынульку Янульку
Дочульку Ганульку [2]).

Самое сватаніе сводится къ тому, что каждый, присутствующій во время игры парень выбираетъ себѣ дѣвушку. Иногда для этого молодежь становится въ два ряда, парни съ одной стороны, а дѣвушки съ другой, и выборъ производитъ матка, кривляясь и припѣвая разные смѣшные стишки вродѣ слѣдующихъ:

Цярешка волочицца
Яму жанитца хочецца,

1) Ш. Мсэкр. I, стр. 99 и 108.
2) Ibid. стр. 108—109; ср. стр. 103 и 105.

Волочицца, выглядаиць,
Кого-то енъ поймаиць?[1])

Игра кончается бѣганьемъ сформированныхъ парочекъ въ нѣчто вродѣ горѣлокъ: сначала дѣвушки ловятъ парней, а потомъ парни дѣвушекъ. При этомъ дѣвушки поютъ:

Ой пойду я по гордзѣ
На дзявоцкомъ хороводѣ
Рыбачку лапаючи
Милаго шукаючи и т. д.

Въ томъ-же родѣ поютъ и парни, когда ловятъ дѣвушекъ:

Дзѣвочки пролѣсачки
Няйдзиця по орѣшачки,
Ой няйдзиця вы сами,
Споткацися съ воуками[2]) и т. д.

Женитьба Терешки производится зачастую въ корчмѣ, и ее организуетъ шинкарь. Во время игры парни усиленно угощаютъ дѣвушекъ, и дѣло кончается иногда не совсѣмъ скромными потѣхами. Вообще, по словамъ Шейна, эта игра считается скорѣе предосудительной, и многія дѣвушки, когда она начинается, предпочитаютъ разойтись по домамъ[3]). Женитьба Терешки содержитъ въ себѣ такимъ образомъ элементы какихъ-то полугетерическихъ отношеній или, можетъ быть, скрываетъ въ себѣ какой-то отголосокъ старыхъ браковъ, заключаемыхъ при условіяхъ, совершенно чуждыхъ современнымъ понятіямъ. На то, что игра эта отражаетъ именно обрядовое представленіе близкое браку, указываетъ, можетъ быть, и ея чешское и польское названіе «muži a ženy»[4]). Не лишено значенія и замѣчаніе польскаго *Luda*,

1) Ibid. стр. 105.
2) Ibid. стр. 107.
3) Ibid. стр. 103—104.
4) Č. *L.* IV (1894), str. 297.

что въ игрѣ этой принимаютъ участіе молодожены, которыхъ въ это время не мало[1]).

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ Подольской губ. корчмарь также устраиваетъ на Масляницу игру, схожую съ Женитьбой Терешки. Только здѣсь дѣвушки и парни сходятся, какъ и въ нѣмецкомъ maieliehen, при помощи фиктивной продажи съ торговъ. Отношенія, завязавшіяся во время игры, при этомъ не прекращаются: дѣвушка должна доставить своему парню на Пасху копу крашанокъ, а иногда все дѣло кончается даже настоящимъ бракомъ[2]).

Что Масляница время по преимуществу предназначенное молодоженамъ видно и изъ того, что въ масляничныхъ забавахъ именно молодоженамъ принадлежитъ первое мѣсто. Во время катанія молодые супруги показываются первый разъ вмѣстѣ. Когда скатываются съ ледяныхъ горъ, каждый молодой мужъ долженъ прокатить свою жену, а иногда по требованію зрителей еще и поцѣловаться съ нею[3]).

Молодоженовъ чествовали также на Ѳомино воскресенье и на святой особымъ обрядомъ Вьюнца (=вѣнокъ). Этотъ обычай отмѣчаетъ на Радуницу и Стоглавъ (вопр. 25-й)[4]). Сахаровъ разсказываетъ, какъ совершается вьюнецъ въ Семеновскомъ уѣздѣ (Нижегор. губ.) въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ селеніяхъ Нерехтинскаго уѣзда и въ Галичѣ[5]). Обрядъ этотъ заключается въ томъ, что толпа поздравителей поетъ свои пѣсни подъ окнами молодоженовъ, суля имъ благополучіе и вымагая себѣ за это

---

1) *Lud.* IX, str. 128.

2) *День*, 1891, № 1348, приведено въ *Этн. Обозр.* 1892, XIII—XIV, стр. 41. Критика и библіографія.

3) Вс. Миллеръ, Русская масляница и западно-евр. карнавалъ, стр. 25; Ефименко, Матеріалы, стр. 140; *Этногр. Сб.* I, стр. 279.

4) Буслаевъ, Истор. Хрестом., стр. 242; о значеніи слова вьюнецъ см. у Соболевскаго, Велик. нар. пѣсни, IV, Словарь, стр. 716 и пѣсню № 294; см. также пѣсни Ш. Рип. стр. 141—143.

5) Сахаровъ, Сказанія, II, стр. 187; Снегиревъ, Простон. р. праздники III, стр. 28.

крашанки; въ длинной пѣсни приведенной Сахаровымъ послѣ описанія идеальной свадьбы поется:

Противъ косящатаго окна
Выростало деревцо трехъ-угодливое
. . . .
Не сшибите деревца
Трехъ-угодливаго —
Еще первая угода
Подъ корень деревца,
А друга-то угода —
Посередъ деревца,
А третья-то угода
Подъ вершину деревца.
Соловей гнѣздо вьетъ
Онъ и яицы несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ
Посередъ деревца
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меду наносятъ.
Подъ корень деревца
Кровать нова тесова,
Перенушка пухова[1])...

Схожій съ этимъ обрядъ совершается и въ Польшѣ[2]). У сербовъ на Пасху только что вышедшія замужъ женщины идутъ первый разъ въ церковь[3]).

Вьюнецъ торжественно заключаетъ собою періодъ свадебъ. Теперь съ нимъ сведены всѣ счеты. Одна бѣлорусская веснянка изображаетъ даже дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто въ селѣ наступало полное затишье и дѣвокъ больше совсѣмъ не осталось, въ ней поется:

---

1) Сахаровъ, Пѣсни русск. народа, IV, стр. 385—387, ср. стр. 384—385.
2) Fedorowsky, Lud z okolic Żarek a t. d. str. 153—155.
3) Ястребовъ, Обычаи и п. србск. нар. стр. 114.

«Ахъ што ты сяло, Боже милы, сяло Святкоўськая, ни вясела,
—Охъ якъ жа мнѣ сялу, Боже милы, сялу Святкоўському, вясе-
—Што были дзѣўки, Боже милы замужъ пошли, [лому быць:
—Только засталося, Боже милы, молодзенька Усьцинька,—
—И тая казала, Боже мы: «и я тутъ ни буду,
«По сялу ходзици, Боже милы, сяло вяселици,
«И я замужъ пойду за двыранина, Боже милы,
За двыранина за молодого, Боже милы»[1]).

Въ Болгаріи, по словамъ Каравелова, дѣвушки, не вышедшія замужъ, во время періода свадебъ, когда моютъ посуду на чистый понедѣльникъ, машутъ тряпкой и брызгаютъ ею въ воздухѣ. Онѣ дѣлаютъ это, чтобы предать проклятію годъ, не принесшій имъ съ собою суженнаго. При этомъ дѣвушки приговариваютъ:

Кѫшъ, кѫшъ, пущино
И тасъ година пуста остала[2]).

Своеобразно характеризуетъ конецъ свадебъ на масляницу, также имѣя въ виду не молодоженовъ, а парней и дѣвушекъ, тасканье колодки.

Въ Малороссіи «въ воскресенье въ послѣдній день масляницы, разсказываетъ Чубинскій,... женщины идутъ по домамъ и привязываютъ дѣвушкамъ и парнямъ небольшую палку (колодку) къ ногѣ, въ наказаніе за то, что не вступили въ бракъ въ послѣдній мясоѣдъ. Дѣвушки тоже навязываютъ колодку обшитую ленточками паробкамъ, и эти послѣдніе должны платить за это выкупъ»[3]). Сходный обрядъ производится и въ Германіи. Въ среду на 1-ой недѣлѣ Великаго Поста Aschenmittwoch тридцатилѣтнимъ дѣвушкамъ за то, что онѣ не вышли замужъ, навязывали въ наказаніе на спину снятую съ петель дверь[4]). Въ Лейпцигѣ на мас-

1) Ш. Мсвкр. I, № 132, стр. 130; ср. Б. Бп. № 180, стр. 165.

2) Пам. болг. нар. быта, стр. 191.

3) Чубинскій, Труды, III, стр. 8; ср. Б. Бп. стр. 134; ср. *Zb. Wiad.* XI (1887), M. Etn. str. 157.

4) Nork, Festkal. s. 830; прив. у Вс. Миллера, Русск. масл. и западно-евр. карнавалъ, стр. 24.

ляницу при объѣздѣ съ плугомъ парни встарину впрягали въ него дѣвушекъ, какъ выражается хроникеръ «hoc veluti ludicro poenam expetentes abiis, quae innuptae ad eam usque diem mansissent»[1]). Въ Польшѣ таскаютъ въ среду на 1-ой недѣлѣ Великаго Поста черезъ деревню чурку и впрягаютъ, чтобы везти ее, тѣхъ дѣвушекъ и парней, которые не поженились на масляницу. Послѣ этого пляшутъ около этой чурки и поютъ:

A jadę ja z daleka,
Wiozę kloc dla czlowieka,
By we Wstępną środę włóczył,
Żeby drugich nauczył
Jak oni mają czynić,
Swoje syny pożenić,
Córeczki powydawać,
Bo nam tego potrzeba,
Byśmy kloc włoczyli
Żesmy się nie żenili[2]).

(«Я ѣду издалека, везу чурку для хозяина. Пусть-ка онъ потаскаетъ чурку въ первую великопостную среду, чтобы поучить другихъ, что дѣлать: сыновей женить, а дочерей выдавать замужъ. Намъ это нужно, потому что и мы таскали за то, что не женились»).

Другая пѣсня такого-же шуточнаго характера. Одна изъ нихъ обращается къ Бартошу и спрашиваетъ, почему онъ не женился. Оказывается, что когда кварта пива стоила всего грошъ, а не такъ, какъ теперь, когда она стоитъ цѣлыхъ четыре, дѣвушки не хотѣли итти за него, потому что онъ старъ. Дальше пѣсня спрашиваетъ Байтала, почему и онъ не женился. Байталъ отвѣчаетъ, что дѣвушки не хотѣли и его. На это пѣсня говоритъ ему, что онъ самъ виноватъ: надо было жениться, пока онъ былъ еще молодъ.

1) Ibid.
2) Gloger, Pieśni Ludu, str. 8, № 6.

Czemu żeś się nie ożenil, Bartoszu?
Kiedy była kwarta piwa po groszu,
A teraz jest kwarta piwa po cztery,
Nie będą cię panny chciały, boś stary.
Czemużeś się nie ożenił, Bajtała?
Bo mnie żadna piękna panna nie chciała.
Czemużeś nie ożenił z młodych lat,
A teraz cię panny nie chcą, boś już dziad [1]).

Тому-же самому представленію отвѣчаетъ и сѣтованіе одной польской поздравительной пѣсни, зачѣмъ прошелъ мясопустъ, а дѣвушки не вышли замужъ: теперь онѣ рады-бы пойти и за стариковъ.

Mięsopusti zesły
Diewki za mąż niesły,
a terazby rady
choć za stare dziady [2]).

Только бѣлорусская коротенькая весенняя присказка, считаетъ, что гораздо лучше дѣвушкѣ быть осмотрительной и не стремиться поскорѣе обвѣнчаться какъ попало:

А уже, дѣвочки, весна пришла, дурная дѣвка замужъ пошла,
А разумная засталася, болѣй разуму набралася,
Ой болѣй, болѣй за дѣвочакъ, да за молоденькихъ молодочакъ [3]).

Ту-же мысль высказываетъ описательно полушуточная пѣсня, сохранившаяся во множествѣ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ варіантовъ. Эту пѣсню собиратели записываютъ то въ числѣ весеннихъ, то среди хороводныхъ вообще, то среди святочныхъ. Въ сѣверно-русскомъ варіантѣ она звучитъ такъ:

1) Ibid. str. 9, № 9.
2) *Lud.* V, 1, str. 264.
3) Р. Бсб. I и II, стр. 264, № 7; ср. Ш. Мсвкр. I, 1, стр. 130, № 182; малор. варіантъ у Гринченка, Этногр. Мат. III, стр. 83, № 149, ср. также № 154.

Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси мальцы дешевы—
Первый молодецъ хоть бы дровъ костеръ,
Другой молодецъ хоть бы лыкъ пучекъ,
Третій молодецъ хоть бы дегтю кувшинъ!
Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси дѣвки дороги—
Перва дѣвка во сто рублей,
Друга дѣвка во тысячу,
А третьей дѣвицѣ цѣны нѣту-ти [1])!

Дѣвушки вздорожали очевидно оттого, что онѣ повыходили замужъ, и въ деревняхъ ихъ осталось уже немного. Едва ли не такой-же смыслъ имѣла когда-то и сходная французская пѣсенная тема о томъ, что «les garçons» или «les filles» «ne valent rien». Эта пѣсня, впрочемъ, сбивается на слишкомъ благоразумный совѣтъ:

Filles, croyez moi n'aymez point,
Car les garçons ne valent rien [2]).

Если дѣвушки поторопились выйти замужъ до наступленія Великаго Поста, это объясняется, конечно, не условіемъ цер-

---

1) Ш. В. стр. 77, № 377; Сахаровъ, П. р. н. II, стр. 48; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 138 и 302—303; Шадринъ, Лѣтнія и зимнія увес. Шенкурск. нар. стр. 88; Пальчиковъ, Крест. пѣсни, стр. 36—37, № 9; Ш. В. № 1207, стр. 348; подобныя пѣсни собраны и у Соболевскаго, Велик. нар. пѣсни, I, стр. 361—366, №№ 472 (текстъ XVIII вѣка), 473, 474 (здѣсь дѣвушкамъ противопол. старухи), 475, 476 (здѣсь дешевы дѣвушки), 477 (ходячій варіантъ) и VI, №№ 485—492 (№ 485 = Пѣсенникъ 1780, ч. I, стр. 151, Прагъ, изд. 1790 г. № 33 и Пѣсенникъ 1819, ч. II, стр. 18); бѣлорусскія варіанты см. у Радченки, Гом. пѣсни, *З. И. Р. Г. О.* XIII, 2, стр. 29, Б. Бп. стр. 84, № 135 (зимою дешевы дѣвушки), № 79 и Р. Бсб. стр. 264, № 8; малор. в. у Чубинскаго, Труды, IV, № 99; схожа съ этими пѣснями и одна болгарская хороводная пѣсня; Безсоновъ, Болг. пѣсни, II, стр. 36—36, № 83.

2) Нѣсколько такихъ пѣсенокъ собрано у Rolland, Recueil de ch. pop. I, p. 45—50.

ковнаго календаря. По церковнымъ уставамъ стоитъ только дождаться до Пасхи и тогда до самого Петровскаго поста еще много времени для свадебъ. Но по народному календарю эти свадьбы на Красную Горку не пользуются хорошей славой. Согласно широко распространенному предразсудку, восходящему еще къ древности, жениться въ маѣ не полагается. Французская пѣсня категорически предостерегаетъ противъ майскихъ браковъ:

N'prenez jamais femme
Dans le mois de maie
Ma j'en ai pris une
Qui s'est fichu de moille [1]).

Дальше пѣсня сбивается; поющій въ ней супругъ «майской жены» разсказываетъ о разладѣ въ своей супружеской жизни. Послѣднее, конечно, ничего общаго съ весенней обрядностью не имѣетъ. Какъ большинство французскихъ народныхъ пѣсенъ, и эта сбилась на шансонетку, на смѣхотворный забавный сюжетъ, который можно при случаѣ и изобразить въ лицахъ. Весенній характеръ сохранилъ однако припѣвъ:

J'ai ouï le coucou, moille, moille, moille
J'ai ouï le coucou, moille tost.

Пословицы разныхъ народовъ, предостерегающія противъ браковъ въ маѣ, собралъ недавно журналъ «Mélusine» [2]). Май мѣсяцъ упоминается во всѣхъ этихъ поговоркахъ конечно только, какъ мѣсяцъ типично весенній. Дѣло вовсе не въ немъ, и не въ представленіи о немъ надо искать причину этого запрета свадебъ. По условіямъ человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ, не надо жениться вообще весною. Въ эту пору года и дѣла предстоитъ множество, и запасы, прибереженные съ прош-

---

1) Ibid. V, p. 41.

2) Mélusine, III, 107, VIII, 98 и IX, 94 etc.; ср. также Gregor, Notes on the F. L. of North-East of Scotland, p. 88 и Walsch, Cur. of pop. cust. p. 681.

логодняго урожая, уже поистощились. Мы видѣли уже, что пословицы устойчиво характеризуютъ весну, какъ время голодовки и тяжкихъ лишеній. Всякое празднество въ эту пору года сильно отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ. Эта чисто экономическая или вѣрнѣе хозяйственная причина неудобоисполнимости свадебъ весною высказывается совершенно ясно въ одной бѣлорусской веснянкѣ:

Ня ходзи, кума, весной замужъ:
Весною хлѣба нѣтуци,
А ходзи, кума, замужъ восенью:
Восенью кума пирогоў напекуць[1]).

Народная мысль высказывается здѣсь совершенно ясно. Свадьба на Красную Горку, допускаемая церковью, и до сихъ поръ входу только среди горожанъ. Съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ въ это время года можетъ жениться только человѣкъ богатый, у котораго припасено всякаго добра гораздо больше, чѣмъ нужно, чтобы прожить до слѣдующаго урожая. Вотъ почему среди крупныхъ землевладѣльцевъ, какими были феодальные сеньеры среднихъ вѣковъ, свадьбы производились и въ весенніе праздники вмѣстѣ съ турнирами и прочими забавами. Литературные памятники того времени зачастую отражаютъ это обыкновеніе. Поэтъ Фортунатъ воспѣваетъ свадьбу франкскаго короля Сигиберта, когда

Vere novo, tellus fuerit dumexata pruinis
Se pecturato gramine vestit ager;
Longius extendent frondosa cacumine montes
Et renovat virides arbor opaeca comas[2]).

Одна chanson de toile, сочиненная въ XIII в. труверомъ Audefroi le Bastard начинается словами:

---

1) Ш. Мсзкр. I, 1, стр. 192, № 194; см. также выше I, стр. 66—68.
2) Fortunatus, VI, 1.

Au novel tens pascor ke florist l'aube espine
esposa li cuens Guis la bien faite Argentine[1]).

(«Въ новое время на пасху, когда цвѣтетъ боярышникъ, поженился графъ Гвидонъ съ прекрасно сложенной Аржантиной»). На пасху изображаетъ свадьбу и восходящая еще къ XII в. анонимная chanson de toile[2]).

Полюбовныя думы дѣвушекъ и парней изъ простого народа весною могутъ только загадывать о далекой свадьбѣ. Долгое время, отдѣляющее весенніе помыслы отъ «свадебъ», образно выражено въ той бѣлорусской пѣснѣ, гдѣ дочь восклицаетъ:

Ой мати, я замужъ хочу[3]),

а мать перечисляетъ всѣ работы необходимыя для того, чтобы изъ посѣяннаго мягкаго сѣмени выдѣлать полотно на приданое. Онѣ какъ разъ заполняютъ промежутокъ времени съ ранней весны до масляницы.

Если изъ многочисленныхъ любовныхъ забавъ и любовныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, видно, что настроеніе весною по преимуществу любовное, если весною всѣ помыслы дѣвушекъ направлены на милъ-сердечныхъ дружковъ, эти милъ-сердечные дружки всегда представляются однако именно ввидѣ суженыхъ. Какъ-бы ни было далеко до ихъ исполненія, мечты о женитьбѣ не покидаютъ весною ни на ми-

---

1) Raynaud, Bibl. № 1378; Brakelman, Les plus anc. ch. II, 96.

2) Raynaud, Bibl. № 1032; Guillaume de Dôle ed. Servois, v. 5174—5194, p. 155.

3) Радченко, Гом. пѣсни, *З. И. Р. Г. О.* XIII, 2, № 25, стр. 10; по своему замыслу, эта пѣсня принадлежитъ къ отдѣлу «споровъ» между матерью и дочерью, одинъ изъ мотивовъ котораго былъ разобранъ выше уже два раза (см. II, стр. 64—65 и 102—110); въ данномъ случаѣ мы имѣемъ споры дѣвушки съ матерью о свадьбѣ, изученные Renier'омъ въ сборникѣ *Rossi-Teiss* (см. выше стр. 64, 1-ое прим.). Въ западныхъ спорахъ мать всегда упрашиваетъ дочь не торопиться выходомъ замужъ и подождать нѣсколько лѣтъ. Можетъ быть, бѣлорусская пѣсня составляетъ болѣе древній типъ, и просьба подождать свадьбой въ основѣ своей также обрядового происхожденія.

нуту. Одна бѣлорусская веснянка высказывается въ этомъ смыслѣ даже слишкомъ беззастѣнчиво: какъ зрѣлая пшеница, будто взываетъ:

Не могу я стояти, колоса держати:

такъ и дѣвушка проситъ отца своего

. . . . . . таточко родненькій,
Хоть за дворъ отдавайте, хоть у примы примайте,
Не могу ходити русой косы носити[1]).

Въ болѣе красивой формѣ, но средствами схожаго и довольно прозрачнаго символизма говоритъ о своемъ желаніи выйти замужъ и кипрская гречанка въ очевидно плясовой весенней пѣснѣ, приведенной Либрехтомъ въ нѣмецкомъ переводѣ[2]). Мнѣ уже пришлось упомянуть эту пѣсню вслѣдствіе сходства ея запѣва съ запѣвами средневѣковой лирики[3]).

«Май насталъ и Май прошелъ, и наступилъ Іюнь; — Май пришелъ съ розами и Іюнь съ яблоками — И Августъ съ дождикомъ и свѣжими цвѣтами. — Разступитесь немного въ хороводѣ и впустите дѣвушекъ. — Пусть онѣ споютъ майскую пѣсню и загадаютъ впередъ о своей будущности. — Что ихъ ждетъ въ будущемъ? — Ихъ ждетъ натѣльный крестъ и кольцо. — Я положила его въ карманъ и принесла его своей матери: — Матушка, если ты мнѣ мать, а я тебѣ дочь, — Вскипяти воду и вымой серебрянный тазъ. — И въ серебрянный тазъ брось серебрянный ножикъ. — Ты надѣнь мнѣ шапочку въ тридцать уголковъ, — У которой тридцать уголковъ и столько же уголочковъ, — А кругомъ нея, чтобы были птички, а въ серединѣ голубка. — Голубокъ, голубокъ,

1) Радченко, Гом. пѣсни, *З. И. Р. Г. О.* XII, з, стр. 32, № 88.
2) Sakellarios, Сборникъ напеч. въ Аѳинахъ 1868 года; у Liebrecht'a, Zur Volksk. s. 176.
3) См. выше, II, стр. 39.

снеси меня туда, — Чтобы я увидѣла своего свекра багровой зарей, а отца мѣсяцемъ — И чтобы я увидѣла своего старшаго брата верхомъ на мулѣ, — Пусть онъ отряхиваетъ рукава, пока не станетъ сыпаться золото. — Возьми себѣ отруби, я возьму муку. — Я хочу справить моему братцу стрѣлы и лукъ, — Онъ застрѣлитъ тогда орла на высокой горѣ».

Теперь мнѣ кажется совершенно ясно объясняется и самый запѣвъ, имѣющій ввиду вовсе не одну весну. Запѣвъ этотъ относитъ къ веснѣ полюбовныя думы дѣвушки, но заставляетъ ее загадывать объ осени, объ этомъ дождливомъ Августѣ, когда уже можно подумать и о свадьбѣ со своимъ орломъ-суженымъ, котораго подстрѣлитъ братъ дѣвушки изъ даннаго ему дѣвушкой лука.

При этомъ стремленіи найти себѣ счастье въ замужествѣ, только очень немногія пѣсни упоминаютъ объ опредѣленномъ возлюбленномъ, на которомъ остановился ихъ выборъ. Въ такомъ смыслѣ высказывается напримѣръ одна малорусская пѣсня, сохранившаяся въ болѣе полномъ бѣлорусскомъ варіантѣ. Здѣсь дѣвушка говоритъ въ стилѣ обычнаго пѣсеннаго параллелизма:

Ой пій, мати, тую воду, что я наносила,
Зови, мати, того зятемъ, что я полюбила [1]).

Но желанія дѣвушки въ такихъ случаяхъ чаще всего не сходятся съ намѣреніями родителей. У нихъ свои взгляды, свои расчеты. Напрасно дѣвушка въ упоминаемой пѣснѣ хочетъ убѣдить мать, говоритъ ей, mutatis mutandis, пользуясь тѣмъ-же художественнымъ пріемомъ:

Не разливай, мати, воды, бо тяжко носити,
Не разлучай зъ казакомъ, мати, тебѣ съ нимъ не жити.

1) Радченко, Гом. Пѣсни, *З. И. Р. Г. О.* XII, 2, стр. 7, № 17; ср. Чубинскаго, Труды, III, стр. 123, № 17 В.

Только въ шуточной бѣлорусской пѣснѣ мать предоставляетъ дочери выборъ и подсмѣивается надъ ней, что она

Выбирала, да не выбрала
—Знать не доля твоя [1]).

Болгарская пѣсня изъ сборника Каченовскаго также рѣзко обрывается на томъ, что отецъ отказывается выдать дочь за сердечнаго друга [2]).

Болѣе многочисленны тѣ пѣсни, которыя отражаютъ въ эту пору скорѣе настроеніе выжидательное. Дѣвушка съ тревогой въ сердцѣ спрашиваетъ себя, кто тотъ суженый, котораго, какъ извѣстно, конемъ не объѣдешь. Она мечтаетъ, какъ-бы ему быть не «старымъ» и не «малымъ», а быть ему «ровней»; боязнь за будущее не покидаетъ дѣвушку:

На рѣчечцѣ на быстренькой,
На колодцѣ на зыбкенькой,
Тамъ Палажка бѣль бѣлила
И съ своимъ личенькомъ говорила:
Ой личенько мое бѣлéнькое,
Кому ты будешь милéнькое,
Ти малóму, ти старому
Ти козаку молодому [3])?

Эту тревогу образно выражаетъ сербская пѣсня, которую поютъ на 1-ое мая; дѣвушка сидитъ въ саду и вышиваетъ бѣлый платочекъ; пока она работаетъ, она разговариваетъ съ платкомъ и спрашиваетъ его, знаетъ ли онъ кто имъ воспользуется? Если быть ей за старикомъ, за нелюбымъ, она станетъ вышивать платокъ синими и зелеными нитками; если напротивъ ее ждетъ бракъ съ молодымъ паренькомъ, она вышьетъ платокъ шелками и украситъ его серебромъ:

---

1) Ibid. стр. 28, № 74.
2) Пам. Болг. нар. творчества, стр. 100, № 32.
3) Радченко, l. c. стр. 3, № 4.

Седит мома в градината
И ми везет бел тестеган.
С тестеган се разговарат:
Тестегане, добре моје!
Ја да си знош кој ћа т'лубит!
Ак'те лубит старо аро,
Ћа те везем се со сино,
Ћа те везем се со зелено.
Ак'те лубит момче младо,
Ћа те везем со коприна
Ћа те лоза се со срма[1]).

Тотъ же самый образъ и въ томъ же смыслѣ встрѣчается часто и въ русскихъ пѣсняхъ. Дѣвушка также зачастую задумывается, вышивая то «шелковый коверъ», то поясокъ, кому онъ достанется; если онъ достанется старому, дѣвушка бѣдуетъ:

Старому мужу коверъ не износити
Мнѣ, младой дѣвицѣ не издержати[2]).

Если правда дѣвушкѣ быть за старымъ мужемъ, она угрожаетъ въ шуточной пѣснѣ, что не будетъ ему съ ней счастья. Предстоящій бракъ здѣсь выражается уже много разъ встрѣчавшимся символизмомъ вѣнка, а семейная жизнь — постелью, которую жена стелетъ для мужа. Мы возвращаемся къ пѣснѣ, уже упомянутой среди хороводныхъ, чтобы оттѣнить отношеніе дѣвушки къ «старчищу», этому главному противнику весенней радости, заставляющему смотрѣть на бракъ съ предубѣжденіемъ[3]):

. . дѣвка съ молодыми
Рвала травку со цвѣтами,

---

1) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни тур. србовъ, стр. 165—166.
2) Ш. В. стр. 357, № 1231; ср. Сахаровъ, Р. нар. п. IV, стр. 374—375, № 1; Роговъ, Пермскій сборникъ, стр. 27 (поясъ вмѣсто ковра) и 32—33.
3) См. выше II, стр. 141—142.

Вила вѣнки съ городками,
Сама къ вѣнку говорила:
«Кому винъ достанется?»
Доставался винецъ старому мужу.
Мнѣ пора, младенькѣ, стлать
Про стараго постелюшку —
Въ три ряда каменьица,
Въ четвертый — кирпичу каленаго,
А въ изголовья класть — колода дубовая.
Одежу я шубою ежовою,
Притреплю я дубиною вязовою.
Спи, мой старъ, спи отнынѣ до вѣку [1]).

Рядомъ съ этимъ опасеніемъ воображеніе убаюкиваетъ однако и обѣщаніемъ счастья. Та же пѣсня допускаетъ возможность, что вѣнокъ достанется и молодому. Тогда настроеніе мѣняется, изъ мрачнаго, угрожающаго оно становится привѣтливымъ, радостнымъ. Мѣняются и намѣренія дѣвушекъ относительно постели, которую ей придется постлать:

Про млада постель стлать —
Въ три ряда, въ три войлочка,
Во четвертый — перинка пуховая,
А во изголовья класть — подушка пуховая,
Одежу я одѣялышкомъ бархатнымъ,
Притреплю я своей правой рученькой:
Спи, мой младъ, съ вечера до утра.

О миломъ другѣ, молодомъ любимомъ мужѣ мечтаетъ и сербская веснянка изъ Призрѣна, которую поютъ на Юрьевъ день. Здѣсь разсказывается, какъ молодая дѣвушка заснула подъ вѣт-

1) Ш. В. стр. 352, № 1217; ср. Ш. Рп. стр. 398, № 4; Поповъ, Нар. пѣсни Чард. уѣзда, стр. 28, № 11; тема постели: Ш. В. стр. 87, № 404 и 328; ср. также № 1154; Васнецовъ, Пѣсни Сѣверо-Вост. Россіи, стр. 192, № 12. Сходно загадываетъ дѣвушка, когда вьетъ вѣнокъ и въ сербской пѣснѣ Караџиħ, Пј. I, № 334, стр. 250.

вями маслины; но вотъ вѣтеръ дунулъ съ моря, вѣтки всколыхнулись и ударили дѣвушку по лицу. Она проснулась, и какъ жаль! Горько пеняетъ она вѣтру, что онъ прервалъ такой чудный сонъ: къ ней приходило во снѣ три неженатыхъ парня; одинъ принесъ яблоко, другой золотое кольцо, третій желтый дукатъ; тому, что принесъ яблоко, быть ея кумомъ, тому, что далъ колечко, быть ея деверемъ, а кто подарилъ ей дукатъ, тотъ, конечно, будетъ ея милымъ:

Заспала мома при Мору
    Мајчице моја (повторяется послѣ каждаго стиха)
Под једном граном маслином.
Дуну ми ветар низ море,
Искрши грану маслину,
Удари мому низ образ,
Разбуди мому од с'на.
Љуто га мома куњаше:
Бог тебе, ветре, убио!
Сад ли ми наће да дуваш,
Те да ми санак прекинеш?
Чудан сам санак ја снила:
Троица на сан дођоше,
Сви троица су бећари.
Први ми даде јабуку,
Други ми даде злат прстен,
Трећи ми даде жут дукат.
Тај што ми даде јабуку,
Он ће ми бити мили кум;
Тај што ми даде злат прстен,
Он ће ми бити мил девер,
Тај што ми даде жут дукат,
Онъ ће ми бити мил драги[1]).

1) Ястребовъ, Об. и п. тур. сербовъ, стр. 153—154; ср. Шапкаревъ, Сб. отъ нар. умотв. I, 1, стр. 97, № 108.

Нѣсколько иначе выражена та же мысль въ другомъ варіантѣ той же пѣсни. Дѣвушка видитъ бѣлый дворъ и посреди него пестрые столы; на столахъ стоятъ серебряныя чаши съ изжелта краснымъ виномъ; рядомъ съ чашами пучки васильковъ. Это видѣніе подруга дѣвушки толкуетъ ей, какъ предстоящую свадьбу: всѣ тѣ предметы, которые видѣла дѣвушка, изображаютъ свекровь, золовокъ, деверей и ихъ женъ, пучки васильковъ — это милъ сердечный другъ:

Санак је снила девојка:
У поље бели дворови,
У дворе столи шарени,
На столи чаша стребрна,
У чаши вино руjано,
Руjано вино црвено.
У вино кита босиљака.
Санак ми каза другарка.
Товарка бела ми вила,
Санак ми каза толкуjе:
«Тај што су двори пребели
То су ти миле јетрве.
Тај што су столи шарени,
То су ти мили девери.
Тај што је чаша стребрна,
Стребрна чаша бисерна,
Тај ти је мила сверкрва.
Тај што је вино црвено,
То су ти миле заове.
Тај што је кита босиљака,
Тај ти је мило и драго[1]).

О мечтаньи парня найти себѣ счастье въ семейной жизни говорится въ сербской пѣснѣ изъ Призрена. Такой именно скры-

1) Милојевић, П. и об. стр. 101, № 146.

тый смыслъ имѣетъ въ ней разсказъ парня, какъ онъ ѣздилъ до самой зари и даже до вечера и, вернувшись домой, нашелъ на постели запеленатаго ребенка, а вблизи дома среди розъ, гвоздики и васильковъ спящую молодую красавицу. Она очевидно заснула, поджидая его[1]):

Зајде ме сонце, мале ле, мајко!
На врв планика,
Једне ме зајде, мале ле, мајко,
Друго ме огреја.
Тога ми текна, мале ле, мајко,
Али је вечер.
Заилиф коња, мале ле, мајко,
Дојдов си дома,
Дојдов си дома, мале ле, мајко,
В петлини доби,
Порти си најдов, мале ле, мајко,
Се затворени.
Заилиф коња, мале ле, мајко,
Прескочив порти,
От си се качив, мале ле, мајко,
На високъ диван.
Оту си најдов, мале ле, мајко,
Пуста постеља,
Како послана, мале ле, мајко,
А не кренатa.
До постељата, мале ле, мајко,
Мошко-но дете,
Как повијено, мале ле, мајко,
Неразвијено.
От си излегов, мале ле, мајко,
На мали врата.

1) Ястребовъ, Об. и пѣсни, стр. 184—185; Милојевић, стр. 154—155, № 209 и ibid. №№ 210—212.

Оту си најдов, мале ле, мајко,
Млада невеста.
Главата клала, мале ле, мајко,
Во трандафилот.
Нозите клала, мале ле, мајко,
Во каранфилот.
Роци те клала, мале ле, мајко,
Во босилекотъ.

Основная тема приведенныхъ до сихъ поръ пѣсенъ есть такимъ образомъ загадываніе о будущемъ. Оно выражается и прямымъ гаданіемъ. Правда, какъ множество другихъ весеннихъ обрядовъ, и гаданіе о женихахъ не исключительно пріурочено къ веснѣ; онѣ въ большомъ ходу и во время зимнихъ святокъ на Рождество и на Масляницу; и это естественно: надъ чѣмъ и призадуматься дѣвушкѣ, какъ не надъ тѣмъ, что ее ждетъ въ будущемъ? Пока она пользуется своей «дѣвичьей волей», жизнь ея идетъ скорѣе беззаботно; работа ей дается полегче; забавы и игры принадлежатъ ей по праву; не то ждетъ ее послѣ брака, когда уже настанетъ тяжкая забота о мужѣ, о дѣтяхъ, о хозяйствѣ; мысли объ этомъ нельзя отогнать: на жизнь въ замужествѣ пойдутъ всѣ припасенныя въ дѣвичествѣ силы. Дѣвушка поэтому постоянно колеблется между охотой погулять еще годокъ и почти столь же властнымъ стремленіемъ выйти поскорѣе замужъ. О томъ, выйдутъ ли онѣ замужъ въ предстоящемъ году, итальянскія дѣвушки гадаютъ по цвѣтамъ на 1-ое мая[1]). Болгарки дѣлаютъ то же самое, когда ходятъ собирать цвѣты на Благовѣщенье[2]); въ Дагестанѣ и у Абхазцевъ гадаютъ о женихахъ наканунѣ перваго дня весны[3]). У насъ подобныя загадыванія о суженомъ приняты главнымъ образомъ на Троицу во

1) Rezasco, Maggio, pp. 24—26.
2) Каравеловъ, Пам. нар. быта болгаръ, стр. 195.
3) Дубровинъ, Исторія войны и влад. русск. на Кавказѣ, I, 1, стр. 529; ср. II, 2, стр. 18—19.

время завиванія вѣнковъ. Вѣдь вѣнокъ, если ему, какъ мы видѣли, зачастую придается и общее любовное значеніе, въ основѣ своей все таки символизируетъ брачныя узы. «Троицкій вѣнокъ, говоритъ Сахаровъ, считается неизмѣннымъ вѣстникомъ брачнаго обѣта»[1]).

Поставивши любовныя темы весеннихъ обрядовыхъ пѣсенъ въ связь съ брачными отношеніями и главнымъ образомъ съ тѣмъ мѣстомъ, какое занимаютъ свадьбы въ народномъ календарѣ, мы, такимъ образомъ, сразу получили возможность объяснить одну существенную черту весеннихъ игръ и забавъ: плетеніе вѣнковъ. Мы разсматривали его до сихъ поръ то, какъ разновидность весенняго заклинанія вмѣстѣ съ хожденіемъ и по цвѣточки и завиваніемъ березки, то, какъ эротическій обрядъ, сливающійся съ побратимствомъ и кумовствомъ[2]). Теперь наконецъ выяснился окончательно коренной смыслъ и календарное пріуроченіе этого символическаго плетенія вѣнковъ, распространеннаго весною когда-то по всему лицу европейскаго фольклора.

II.

Разбираясь въ лазарскихъ и кралицкихъ пѣсняхъ, мы видѣли, что рядомъ съ завѣтными, основными мотивами въ нихъ слышатся зачастую и другіе, оказывающіеся посторонними хозяйственными заботами и надеждами; таковы пѣсни, обращающіяся къ дѣвушкамъ, къ парнямъ и къ ихъ родителямъ. Эти пѣсни напѣваютъ молодежи будущее семейное счастье, а старикамъ радость видѣть своихъ дѣтей женатыми и замужними. Подобная

1) Сказанія, II, стр. 200.
2) См. выше I, стр. 144—149 и II, стр. 98—99 и 191—202.

тема, разумѣется, не случайна, она конечно не вторглась въ разбираемые типы пѣсенъ откуда-то со стороны. Схожія темы мы видѣли и въ сербскихъ пѣсняхъ «на ранило», и въ пѣсняхъ, принадлежащихъ къ «закликанію весны», и въ западно-европейскихъ майскихъ привѣтственныхъ пѣсняхъ. Онѣ сказываются и въ нѣсколько обособленномъ, какъ бы стоящемъ въ сторонѣ отдѣлѣ бѣлорусскихъ великодныхъ или волочобныхъ пѣсенъ. И мало еще этого: мечтанья о суженомъ, о предстоящемъ бракѣ, какъ мы видѣли, отложились и на самыхъ тѣхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыми сопровождается весенняя поздравительная или привѣтственная пѣсня. Я разумѣю французскую «mariée», итальянскую «sposa» и нѣмецкую «Maibraut» или «Pfingstbraut», которыхъ водятъ съ собою поздравители [1]).

Теперь мы уже знаемъ, почему именно весною подобные мотивы возникаютъ съ особой силой; мы знаемъ также, въ какомъ соотношеніи находятся они со всѣмъ укладомъ весенняго обрядового обихода. Привѣтственныя пѣсни, напѣвающія парнямъ и дѣвушкамъ счастливое замужество, позволятъ намъ сдѣлать въ этомъ направленіи еще шагъ впередъ. Хозяйственныя соображенія заставляютъ весною только мечтать о предстоящемъ бракѣ, они дѣлаютъ невозможнымъ заключеніе брака весною. Сельско-хозяйственная тягота оказывается такимъ образомъ силой, сдерживающей естественные порывы молодости. Это показалъ намъ цѣлый рядъ пѣсенъ и обрядовъ. Весеннія привѣтственныя пѣсни объяснятъ намъ теперь, почему по мнѣнію самаго народа супружество считается дѣломъ важнымъ, почему напѣваніе брака вполнѣ умѣстно рядомъ съ общимъ напѣваніемъ счастья, довольства. Въ подобныхъ пѣсняхъ подчеркивается дѣловая хозяйственная сторона брака. Эту черту можно лучше всего прослѣдить на сербскихъ и болгарскихъ кралицкихъ и лазарскихъ пѣсняхъ.

---

1) См. выше I, стр. 98—99, 173—174, 176, 181, 187—188 и 239—240.

Начнемъ однако съ наиболѣе несложныхъ пѣсенныхъ темъ, гдѣ напѣваніе брака приняло даже шуточный характеръ.

Когда при обходѣ съ кралицей или при лазарваніи сербскія дѣвушки входятъ въ такой домъ, гдѣ есть дѣвица на выданьи, онѣ обыкновенно поютъ:

Овде нама кажу:
Деву неудату.
Је л'је ви удајте
Је л'је нама дајте?
Ми ћемо је дати.... [1])

(«Здѣсь, намъ говорятъ, есть еще не просватанная дѣвушка, выдайте ее замужъ или отдайте намъ, мы ее просватаемъ»). Далѣе эта пѣсня сбивается на шуточный тонъ и увѣряетъ, что хоръ поздравителей выдастъ дѣвушку за грамотея, который-де сумѣетъ изобразить перомъ ея неописанную красоту. Схоже поется и парню; пѣсня говоритъ, что если не хотятъ женить парня, то пусть отдадутъ его поздравителямъ; они найдутъ, кому его просватать: невѣста налицо; за парня согласна пойти сама кралица:

Овде нама кажу;
Момче нежењено:
Је л'га ви жените
Је л'га нама дајте?
Ми ћемо му дати
Краљицу царицу и т. д. [2])

Въ лазарской пѣснѣ кралицу замѣнила въ подобной пѣснѣ сестра Лазаря, оказавшаяся единственной достойной парня:

1) Милојевић, П. и об. ук. нар. србскаго, стр. 176, № 244, ср. стр. 180, № 251; тоже: Караџић, Жив. и об. стр. 38, № 3 и Пјесме, I, стр. 101, № 161; Ястребовъ, Об. и пѣсни стр. 111.

2) Милојевић, l. c. стр. 175, № 243, ср. № 252 (безъ мотива объ женитьбѣ на кралицѣ); тоже: Караџић, Жив. и об. стр. 40, № 6 и Пјесме, I, стр. 103, № 164.

Овде јунак не женен.
Што га, мајко, не жениш?
— «Женила ба, женила,
Нема слика, прилика».
— «Ево слика, прилика
У нашега Лазара,
Лазарова сестрица[1]).

Болѣе категорически того же требуетъ одна болгарская лазарская пѣсня, не указывающая впрочемъ, гдѣ взять невѣсту:

Овде, юнак нéженет
Онде, мóма хубава,
Смисли да го óжениш;
На Велигден збóрви го,
На Гюргьевден сѫрши го,
На Пéтровден жéни го[2]).

Эти назойливыя требованія выдать дѣвушекъ замужъ и женить парней пѣсни высказываютъ не спроста. Тутъ мы подходимъ уже къ серьезной сторонѣ дѣла.

Со свойственной народно-поэтическому замыслу обстоятельностью, пѣсня сейчасъ же готова и доказать, что совѣтуетъ она не худо и что кромѣ добра отъ заключенія новыхъ брачныхъ узъ ничего быть не можетъ. Кралицкая сербская пѣсня, гдѣ парню предлагается въ жены сама «кралица-царица», увѣряетъ, что такая важная невѣста принесетъ въ семью много всякаго добра (товаръ блага) своего издѣлія[3]). Чаще однако появленіе въ домѣ молодухи представляется выгоднымъ съ другой точки зрѣнія; молодая женщина — новая рабочая сила, «одмена» матери. Такою ее изображаетъ цѣлый рядъ лазарскихъ пѣсенъ изъ турецкой Сербіи.

1) Ястребовъ, Об. и п. тур. сербовъ, стр. 99—100.
2) Шапкаревъ, Сб. отъ нар. умотв. I, 1, стр. 87, № 83.
3) Милојевић, П. и об. №№ 243 и 252; Караџић, Жив. и об. стр. 39, № 5 и Пјесме, I, стр. 102, № 163.

Лудо идет от бања
Мома идет от вода.
Да ја фати за рока,
Води, води дур дома:
«На ти, мајко, одмена,
«Татку бела промена,
«Сестре косми чешљани,
«Брату перче чешљано,
«Мене топла постеља[1]).

(«Парень идетъ съ купанья, дѣвушка идетъ съ рѣчки. Онъ схватитъ ее за руку и поведетъ до самаго дома. «Вотъ тебѣ, матушка, замѣна-подмога; отцу чистое бѣлье, сестрѣ расчесаны косы, брату расчесаны волосы, а мнѣ теплая постель»). Появленіе въ домѣ молодухи сейчасъ же замѣтно; оно сказывается во внѣшнемъ видѣ двора: болгарскія лазарки увѣряютъ, что, пока не было ея въ домѣ, дворъ былъ не метенъ, и столы не мыты, а теперь любо глядѣть:

Годинава дойдофме,
И невеста найдофме,
И метени дворови
И метени столови[2]).

Если заключеніе новыхъ браковъ отражается такимъ образомъ на благополучіи всего дома (кучи), то понятно, почему старикамъ привѣтственная пѣсня такъ часто напѣваетъ многочисленную семью и взрослыхъ, женатыхъ сыновей. Такъ одна болгарская пѣсня лазарицъ, изображающая стараго Янко возсѣдающимъ «на высоки те дивани», говоритъ про него:

До него Янко'ица,
Околу него сину'и му,

1) Ястребовъ, Об. и п. стр. 111, ср. 98, 102—103 и 112.
2) Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 247, № 202; ср. Качановскій, Памятн. стр. 12.

Сино'и му слуга служать,
А сна'и му ручекъ готвать
Да сѣ радвѣть и веселять[1]).

Хозяйственную выгоду отъ многолюдной семьи образно изображаетъ другая болгарская пѣсня, которую поютъ самому хозяину Павлу. Слава о его богатствѣ дошла до самого царя и онъ призываетъ Павла къ себѣ, чтобы спросить, правда ли, что у него такъ все роскошно устроено въ домѣ. На это богатый Павелъ отвѣчаетъ:

Шту ми сѫ, царіо,
Порти жилязни,
Тува сѫм, царіо,
Сѫми сѫм язé;
Шту ми іѐ, царіо,
Пузлатну вéдро,
Тва ми іé, царіо,
Пѫрвуту либé,
Шту ми сѫ, царіо,
Деветъ пѫун,
Тва ми сѫ, царіо,
Дéвéття син;
Шту си сѫ, царіо,
Девет пѫунки,
Тва ми сѫ, царіо,
Девеття снѫи,
Шту ми сѫ, царіо,
Дребни пѫунчет,
Тва ми сѫ, царіо,
Дребни фнучетѫ[2]).

(«Что у меня желѣзныя ворота—то я самъ, что у меня золоченыя ведра — то жена моя, что у меня девять павлиновъ — то у меня

1) Милодиновци, Блг. нар. п.², стр. 502, № 628.
2) Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. стр. 192, № 188.

девять сыновей, что у меня девять павлинокъ—то у меня девять снохъ, что у меня маленькіе павлинчики — то у меня маленькіе внучата»).

Напѣваніе родителямъ счастья въ дѣтяхъ служитъ, такимъ образомъ, какъ бы звеномъ между пѣснями, предвѣщающими бракъ и разобранными выше хозяйственными мотивами привѣтственныхъ и величальныхъ пѣсенъ. Но это лишь — исходный пунктъ, первоначальный этапъ пѣсенной логики; отдаляясь отъ него, пѣсня постепенно переходитъ уже въ мотивы чисто брачные, сродные и свадебнымъ пѣснямъ. Здѣсь уже вниманіе начинаетъ сосредоточиваться на самомъ образѣ; его символическій смыслъ привлекаетъ къ себѣ уже своимъ чисто поэтическимъ, художественнымъ значеніемъ. Всякія хозяйственныя соображенія при этомъ уже забыты. Бракъ изображается въ тѣхъ традиціонныхъ и чисто условныхъ краскахъ, въ которыхъ еще до сихъ поръ переживаютъ въ видѣ поэтической фикціи безслѣдно исчезнувшія изъ жизни, реальныя условія древняго быта.

При изученіи пѣсенъ подобнаго рода, намъ и предстоитъ раскрыть ихъ причудливый символизмъ и прослѣдить за ихъ главнѣйшими мотивами во всемъ разнообразіи ихъ перелицевокъ. При этомъ прійдется зачастую заглянуть и въ колядки, и въ свадебныя пѣсни, и въ весеннія пѣсни, связанныя съ другого рода обрядами. Нѣкоторые пѣсенные мотивы выведутъ насъ и совсѣмъ за предѣлы обрядоваго обихода. Символическій пѣсенный мотивъ, по той или иной причинѣ утративъ съ нимъ всякую связь, нерѣдко сталъ пониматься, какъ повѣствованіе, какъ тема эпическая; разсказываемое въ немъ событіе перестраивается тогда въ этомъ новомъ примѣненіи, и пѣсня принимаетъ внѣшнее обличье баллады. Мы вновь наталкиваемся, такимъ образомъ, на тоже выдѣленіе бытовой пѣсни изъ обрядовой, на которое я уже обращалъ вниманіе при разсмотрѣніи пѣсенъ хороводныхъ. Именно слѣдя за тѣми пѣсенными темами, которыя подлежатъ разсмотрѣнію въ этой главѣ, я и постараюсь показать теперь съ

еще большей увѣренностью, что нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ лирико-эпическихъ пѣсенъ чисто балладнаго характера вѣроятнѣе всего происходятъ изъ пѣсенъ обрядовыхъ. Мы увидимъ воочію, что разсказанный въ нихъ эпизодъ въ существѣ своемъ когда-то имѣлъ смыслъ исключительно символическій и что только впослѣдствіи, когда этотъ символъ утратилъ совсѣмъ всякое значеніе, пѣсенный раціонализмъ вызвалъ переработку его въ реалистическомъ направленіи.

Работа надъ символикой основныхъ мотивовъ нашей и славянской народной пѣсни, разумѣется, значительно облегчается капитальными изслѣдованіями Потебни. Богатство и разнообразіе сведеннаго имъ матеріала даетъ возможность сразу найти себѣ дорогу сквозь темныя дебри подчасъ слишкомъ запутаннаго иносказанія народныхъ пѣсенъ [1]). Въ этой главѣ мнѣ предстоитъ поэтому въ сущности только слѣдовать по уже проложенному пути. При этомъ нечего однако говорить, что если трудъ Потебни обнимаетъ почти все разнообразіе славяно-русской пѣсни, мнѣ, не ограничивая себя правда этнографическими границами, прійдется вѣдаться почти исключительно съ темами, встрѣчающимися въ лазарскихъ, кралицкихъ и волочобныхъ пѣсняхъ. Кругъ наблюденій надъ народной символикой этимъ, конечно, съузится; самое изслѣдованіе народно-поэтическаго стиля пріобрѣтая невольно характеръ случайности, не будетъ стремиться къ полнотѣ. Однако на общемъ фонѣ всѣхъ моихъ построеній, можетъ быть, отчетливѣе, чѣмъ у Потебни выступитъ этотъ переходъ отъ символа къ сюжету, который намъ будетъ въ высшей степени важенъ для нѣкоторыхъ чисто теоретическихъ построеній.

Въ причудливый міръ традиціоннаго народнаго символизма насъ сразу введетъ слѣдующая бѣлорусская волочобная пѣсня. Я приведу ее цѣликомъ.

---

1) Я разумѣю его «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ». На этотъ трудъ я и буду ссылаться всего чаще въ настоящей главѣ.

А луги, луги ўсё зялёные,
Ходзили кóни ўсе ворóные,
Шоўкомъ яны ўсё запутаны,
Серябромъ яны позамузданы.
Нихто тыхъ кóній ни поймаиць
Ни поймаиць, ни замуздаиць,
Ни замуздаиць, ни распутаиць,
Ни распустаиць, ни осѣдлаиць,
И ни осѣдлаиць и ни поѣдзиць.
Откуль ўзяўся круты Пахомокъ,
Круты Пахомокъ, панскій дзѣценокъ,
Панскій дзѣценокъ, панычъ Михалутка.
Ёнъ и поймаиць и замуздаиць,
И замуздаиць и осѣдлаиць,
И осѣдлаиць, сядзиць, поѣдзиць.
Ѣдзиць ёнъ поле, ѣдзиць другое,
Ўзъѣзжаючи ёнъ на трецце.
На треццимъ поли стоиць же древо
Тонко, высоко, листомъ широко.
На томъ-же древѣ сядзиць-же птица,
Орёлъ-жа птица, жоўта лисица.
Хоцѣў-жа ёнъ яе застрѣлици,
Стала яна яму говорйци:
Панычъ Михалочка да не стрѣляй мяне!
Да я къ табе, да пригожуся.
Будзишь-жа ты, брацець, и за водами, и за рѣками,
А я табѣ, брацець, да й паравязу,
Дружку твою на сизомъ хвосту,
Дзѣвоньку твою на лѣвомъ крылу
Табе молойца на правомъ крылу [1]).

Въ этой пѣснѣ сведено вмѣстѣ два совершенно различныхъ

1) Ш. Бп. № 152, ср. №№ 153, 154; тоже: Б. Бп. №№ 11, 12, 13 (и 14); Ш. Рп. стр. 389, № 1; Ш. В. стр. 341, № 1191.

мотива. Оба они въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ и существуютъ отдѣльно.

Мотивъ укрощенія парнемъ коня, по замѣчанію Потебни, «какъ самостоятельный или главный, не встрѣчается»[1]). Однако въ схожей пѣснѣ у Чубинскаго, послѣ того какъ парень укротилъ «сиваго коня», онъ просто ѣдетъ къ тестю, гдѣ его принимаютъ съ почетомъ[2]).

На пониманіе того, что означаетъ это восхваленіе молодца, какъ ѣздока-охотника, наведетъ насъ другая схожая волочобная пѣсня, построенная на «параллелизмѣ»; здѣсь поется, что «на поплавѣ», или на улицѣ, или на морѣ либо ходитъ, либо плыветъ стадо куропатокъ или утокъ. Откуда-то взялся воронъ или селезень и схватилъ находившуюся среди стада зозулю или галочку. Это первый членъ параллелизма; изъ второго мы узнаемъ, что парень такъ же рѣшительно похитилъ изъ хоровода дѣвушку и сдѣлалъ ее своей женой[3]). Похищеніе — охота, такимъ образомъ, — символъ брака. На это еще яснѣе указываетъ одна болгарская пѣсня, близкая нашей волочобной пѣснѣ по комбинаціи охотника-ѣздока:

Вяхналъ юнакъ бѫрза коня,
Тá отишла честа гора,
Честа гора Богданова,
Три дни ходилъ, три дни ловилъ

---

1) Объясн. м. и ср. п. II, стр. 691; Потебня указалъ на слѣд. параллели: Головацкій, IV, стр. 46; Чуб. III, стр. 274—275, № 3 (колядка); Б. Бп. № 15 (волочобная) и № 122 (колядка). Съ этой послѣдней вполнѣ схожа и пѣсня Ш. Мсзкр. I, стр. 74—75, № 64; ср. также Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 250, № 207.

2) Чубинскій, Тр. III, стр. 274—275, № 3 (колядка).

3) Б. Бп. №№ 22—24; Ш. Бп. №№ 175, стр. 466; Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 261, № 228; ср. также у Милодиновцевъ, Блг. н. п.[2] №№ 599 и 618; что женщина изображ. лошадью въ русск. пѣсняхъ, см. въ сборникѣ Абрамычева, № 5, стр. 10—11. Вмѣсто парня охотникомъ м. б. и его символъ, соколъ, треплющій голубицу, ср. болг. пѣсни у Илиева, l. c. № 223, стр. 261, др. примѣры у Потебни, l. c. II, глава XXXIV.

Нищо лова не изловилъ;
Изловилъ іе малка мома,
Променена, наредена,
Како китка накитана,
Како перо наросено [1]).

Очевидно охота добраго молодца и здѣсь не настоящая; если три дня онъ ничего не поймалъ, то потому только, что не о дичи онъ и мечталъ; онъ хотѣлъ словить себѣ дѣвушку, разряженную какъ букетъ цвѣтовъ, и въ этомъ онъ вполнѣ успѣлъ.

Изъ сопоставленія приведенныхъ пѣсенъ мы видимъ, что въ разбираемой бѣлорусской пѣснѣ въ сущности оба эпизода говорятъ иносказаніемъ то же самое: добрый молодецъ укротилъ коня, значитъ, пріобрѣлъ любовь дѣвушки; онъ пошелъ на охоту, значитъ, также сталъ добиваться любви, свататься. Во второмъ случаѣ однако развязка иная; символизмъ усложнился, перешелъ въ новый сюжетъ, только впослѣдствіи случайно приставшій къ первому, родственному съ нимъ въ своей основѣ.

Въ приведенной выше волочобной пѣснѣ, послужившей намъ исходной точкой, мотивъ ѣздока-укротителя и введенъ лишь для усиленія впечатлѣнія. Вся суть во второмъ эпизодѣ. Онъ и является гораздо болѣе распространеннымъ. Отъ мотива объ *охотникѣ-ѣздокѣ* мы и перейдемъ, такимъ образомъ, къ мотиву о *стрѣлкѣ-охотникѣ*.

Отдѣльно отъ мотива укрощенія коня сюжетъ о стрѣляніи въ сокола встрѣчается въ болгарскихъ лазарскихъ пѣсняхъ [2]),

1) Миладиновци, Блъг. н. п. ² №№ 599 и 618, ср. пѣсни указ. у Потебни, l. c. II, стр. 286.

2) Миладиновци, l. c. стр. 492, № 592; Каравеловъ, Пам. стр. 203; Шапкаревъ, Сб. отъ н. ум. I, 1, стр. 88, № 86 (ср. и Милад. l. c. упом. у Потебни, II, стр. 279) и Качановскій, Пам. I, стр. 205, № 97 (осложненная постор. мотивами).

въ сербской свадебной[1]), въ украинскихъ колядкахъ[2]), въ польской веснянкѣ[3]) и въ трехъ сербо-хорватскихъ шуточныхъ пѣсенкахъ[4]). Кромѣ болгарской лазарской пѣсни, всюду дѣло происходитъ совершенно такъ же, какъ и въ приведенной бѣлорусской. Болгарскія лазарицы на эту тему поютъ старому человѣку и изображаютъ его сидящимъ у себя дома за столомъ и пьющимъ вино или кофе. Пролетаютъ два сокола и мѣшаютъ ему; тогда онъ зоветъ своихъ сыновей и велитъ имъ застрѣлить соколовъ. Но соколы останавливаютъ стрѣлковъ заявляя, что они прилетѣли за дѣломъ, что они намѣреваются сосватать сыновей старика; они говорятъ ему въ стилѣ сватовства:

Цар-от имат мила керка (дѣвушка),
А ти имаш мила сина;
Оба да сѣ сусватите....[5])

Потебня назвалъ разбираемый нами сюжетъ: «Соколъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ»[6]). Это обозначеніе мнѣ кажется однако не вполнѣ удачнымъ: въ нашей пѣсенной темѣ собственно два эпизода, и опредѣленіе Потебни совершенно игнорируетъ первый изъ нихъ, гдѣ соколъ, орелъ или гадюка просятъ не убивать ихъ.

Въ этомъ эпизодѣ между тѣмъ вся суть, и символъ: соколъ-сватъ — лишь одна изъ возможныхъ развязокъ. Я назвалъ поэтому разбираемый мотивъ—мотивомъ о стрѣлкѣ-охотникѣ. Его, можетъ быть, правильнѣе было бы назвать мотивомъ о живот-

1) Караџић, Пј. I, стр. 11, № 15.

2) Головацкій, Пѣсни II, 2, стр. 60, № 11 и 68, № 22, III, 39—40 (загадки); ср. у Гринченко, Этн. Мат. III, №№ 20 и 21 (въ колядкахъ) и 58 (въ щедривкахъ).

3) Gloger, Piesni Ludu, стр. 16, № 26 (ср. Ш. Бп. № 156 о змѣѣ).

4) Plohl-Herdvigov, Krv. n. p. 7, 38 и Kuhač. Južno — slav. n. popjevke, II, str. 2, № 566; эти послѣднія прив. у Потебни, l. c. II, стр. 275—276; отд. стоятъ: Чуб. III, стр. 465 и прив. у Потебни, ibid. I, стр. 273—274.

5) Миладиновци, Блгр. нар. п. [2] стр. 492, № 592.

6) Объясн. м. и ср. п. II, глава XIX, стр. 266 и слѣд.

номъ просящемъ пощады; но названіе: о стрѣлкѣ-охотникѣ, отмежовываетъ его отъ мотива объ ѣздокѣ-охотникѣ, гдѣ ловъ и стрѣляніе означаютъ бракъ непосредственно безъ всякаго осложненія. Какъ не малочисленны были приведенныя пѣсни этого простѣйшаго типа, онѣ указываютъ на точку отправленія: охотиться значитъ уже жениться, но пѣсня еще осложняетъ иносказаніе. Мотивъ этотъ наиболѣе характерно выразился въ другомъ, также разобранномъ Потебней[1]), подборѣ пѣсенъ: въ пѣсняхъ объ оленѣ или лани, которая тоже проситъ охотника не стрѣлять, потому что и она можетъ ему понадобиться; эта разновидность мотива объ стрѣлкѣ-охотникѣ встрѣчается преимущественно въ свадебныхъ пѣсняхъ. Привожу подобную пѣсню въ ходячемъ варіантѣ Лапатинскаго пѣсенника:

Не разливайся, мой тихій Дунай,
Не заливай зеленые луга!
Во тѣхъ-то лугахъ ходилъ бѣлый олень,
Ходилъ бѣлый олень золотые рога.
Мимо тутъ ѣхалъ Иванъ господинъ
И ударилъ оленюшку плетушкой.
Какъ взговоритъ ему бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
— Не бей меня, Иванъ господинъ,
Свѣтъ государь Ивановичъ.
Въ нѣкое время пригожусь я тебѣ и т. д.[2]).

Эту пѣсню занимавшіеся даннымъ мотивомъ Потебня и Сумцовъ[3]) сближаютъ со странной пѣсенной темой, встрѣчающейся въ угрорусской и польской колядкахъ и въ сербской и болгарской лазарской пѣснѣ; тутъ также говорится объ оленѣ:

1) Ibid. глава XX.

2) Полн. нар. пѣсенникъ (изд. Сытина), стр. 172, № 137; ср. Ш. Рп. стр. 448, № 22, Ш. В. стр. 83, № 391; Варенцовъ, Сб. и. п. Сам. кр. 144 и т. д.; проч. примѣры см. у Потебни, l. c. II, стр. 284—285 и 287.

3) Объясн. м. и ср. п. I, стр. 338 и слѣд. и Культ. переж. стр. 4 и слѣд.

Елен пливат по море
Златни му се рогови,
На рогови троніови,
На троніови постели,
На постели терзия (портной)
Чисти свити кровуват
Сам со себе здоруват.
То дочула невеста
От шарени разбои (ткацкій станокъ)
Му говоритъ невеста:
«Кровувай, кровувай, юнако,
Оба кя и кердосаме[1]).

Въ такомъ видѣ эта странная пѣсня поется портному; въ другихъ варіантахъ на мѣстѣ «терзия» сидитъ либо «млад іунак» либо «мошко-дете». Мотивъ охоты здѣсь отсутствуетъ. Мнѣ кажется, однако, что въ основѣ развитія этой пѣсенной темы лежитъ все-таки представленіе объ охотѣ за оленемъ и что оно имѣетъ по своему примѣненію тотъ же самый символическій смыслъ, что и укрощеніе или стрѣляніе въ птицу (орла, сокола), т. е. оно тоже намекаетъ на вступленіе въ бракъ. Это въ народно-поэтической рѣчи вполнѣ возможно; такое непосредственное значеніе толкованія охоты на оленя видно изъ одной сербской же свадебной пѣсни, гдѣ парень гонится за оленемъ со своимъ братомъ, а сестра выглядывающая изъ окна говоритъ ему:

«Није то звере у гори расло,
«Веће је расло код миле мајка,
«Код миле мајке, код драге браће,
«Код свега рода, код родитеља[2]).

---

1) Илиевъ, Сб. отъ н. ум. I, стр. 245, № 200; ср. Шапкаревъ, Сб. отъ нар. умотв. I, № 80, стр. 86, Ястребовъ, Об. и п. стр. 110; Милод. 466; Караџић, Пј. № 243, стр. 173, Mažuranič, Hrv. n. p., 161; Головацкій, н. п. IV, 103; II, 84 и 612; Kolberg, Pokucie I, 108.

2) Караџић, Пј. I, стр. 22, № 35.

(«Звѣрь этотъ выросъ не въ лѣсу, а при родной матери и дорогихъ братьяхъ, при своемъ родѣ, при своихъ родителяхъ»). При замѣнѣ сокола оленемъ мы, такимъ образомъ, также имѣемъ простѣйшій замыселъ, соотвѣтствующій мотиву «охотникъ-ѣздокъ».

Въ первоначальномъ видѣ всѣ три отмѣченныя до сихъ поръ разновидности обоихъ сплетающихся мотивовъ: укрощеніе коня, стрѣляніе въ птицу и охота за оленемъ преслѣдуютъ, такимъ образомъ, одну и ту же величальную цѣль: напѣваніе брака. Первый изъ нихъ остался на первоначальной стадіи и только присталъ къ другимъ мотивамъ; обѣ разновидности другого напротивъ пошли далѣе; но что преслѣдуемое животное — невѣста, было забыто, и тогда-то вторгся въ пѣсню посторонній сюжетъ о томъ, что животное, которому угрожаетъ охотникъ, останавливается и проситъ не убивать его.

Если это животное олень, то подобное осложненіе вполнѣ естественно. Пр. Сумцовъ совершенно справедливо указалъ, по поводу этой пѣсенной темы, на тотъ характеръ, какой получилъ олень въ христіанской символикѣ[1]). Олень животное священное; оно изображаетъ собою Христа. О немъ издавна разсказывалась легенда, совершенно схожая съ разбираемой пѣсенной темой. По словамъ Ивана Дамаскина, римскій сотникъ Плакида погнался однажды на охотѣ за особенно большимъ и красивымъ оленемъ. Послѣ долгаго и опаснаго преслѣдованія онъ наконецъ увидѣлъ своего оленя вверху на скалѣ, и между его рогъ свѣтился крестъ. Тогда олень заговорилъ человѣческимъ голосомъ: «почему преслѣдуешь ты меня, Плакида? Я знаю тебя по твоимъ добрымъ дѣламъ, но ты долженъ принадлежать мнѣ совсѣмъ». Плакида понялъ, что съ нимъ говорилъ Христосъ, и увѣровалъ. Въ крещеніи онъ получилъ имя Евстафія и при императорѣ Адріанѣ сподобился вѣнца мученичества. Церковь причислила его къ лику святыхъ[2]).

---

1) Культ. Переж. стр. 6 и слѣд.

2) Gaidoz, La rage de S. Hubert, p. 44—45; у Сумцова, по др. ист. стр. 8—11; ср. также аналогичный буддійскій разсказъ о Гомбу Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, Москва, 1899, стр. 627 и слѣд.

Впослѣдствіи то же чудо объ оленѣ было приписано и покровителю охоты святому Арденновъ Губерту, уже знакомому намъ покровителю охоты [1]).

Преслѣдованіе оленя кончается появленіемъ у него между рогами креста и въ одной болгарской колядкѣ, приведенной Потебней. Здѣсь олень говоритъ охотнику:

«Я вѣрни се, рабар юнак
«Я вѣрни се, негони ме;
«Мен ме варди самси Господь,
«На глава ми распете»! [2])

Пр. Потебня счелъ эту черту пѣсни «наносной»; мнѣ, напротивъ, кажется, что мы имѣемъ здѣсь въ высшей степени цѣнное указаніе для опредѣленія позднѣйшихъ наслоеній на коренной пѣсенный мотивъ охоты за оленемъ или инымъ звѣремъ, какъ символомъ сватанья. Приведенная болгарская колядка показываетъ во всякомъ случаѣ, что основныя черты легенды о св. Евстафіи или Губертѣ вошли въ обиходъ славянскихъ пѣсенныхъ темъ.

Измѣнивши, такимъ образомъ, мотивъ охоты, сюжетъ объ оленѣ отсюда и подвергся дальнѣйшимъ перебоямъ. Они направились по двумъ путямъ, сходящимся вмѣстѣ въ своемъ конечномъ символическомъ примѣненіи. Удерживая терминологію Потебни, одинъ изъ нихъ можно назвать «олень — користь» охотнику, а другой «на рогахъ у оленя то-то».

Въ первомъ направленіи заставляетъ двигаться разбираемый мотивъ съ одной стороны самый обрядъ, въ которомъ поется пѣсня: охотникъ непремѣнно долженъ получить какую-нибудь «користь» отъ оленя, потому что къ напѣванію какого-либо блага и клонится величальная или привѣтственная пѣсня; съ другой

1) Tarbé, Romancero I, p. 161; Kuhn, S. Wf., *Z. f. d. Ph.* I, s. 144; *Z. f. V. Ps.* XVII, s. 231; см. выше стр. 95.

2) Період. спис. 4-ое теч. Кн. XIII (1883), стр. 144; Потебня, l. c. II, стр. 332—333.

стороны, если олень проситъ пощадить его, то за дарованную ему жизнь онъ, очевидно, чѣмъ-нибудь отплачиваетъ. Подыскивая эти «користи», пѣсня и вводитъ ихъ соотвѣтственно ея примѣненію. Наиболѣе простую незамысловатую користь отъ стрѣляемаго животнаго представляютъ его рога. Олень готовъ отдать ихъ и говоритъ стрѣлку:

Будемъ на роги вѣшать шаты,
А на пороги ясную сбрую[1]).

Болѣе сложную корысть олень доставляетъ уже въ связи съ дивомъ, находящимся на его рогахъ, замѣнившимъ распятіе приведенной болгарской колядки. Такъ въ указанной у Потебни небольшой семьѣ болгарскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ только одна полная, олень заставляетъ течь рѣки.

Идна река̂ — мети и маслу,
Втора река̂ — руйно вину,
Трекя река̂ — бело житу[2]).

Это уже корысть осязательная. Одинаково связана съ чудеснымъ видомъ оленя приведенная выше русская свадебная пѣсня: олень пригодится на свадьбѣ тѣмъ, что онъ освятитъ весь дворъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ пѣсня уже возвращается къ напѣванію брака, составляющему, какъ мы видѣли, ея первоначальное назначеніе, лишь на время поколебленное введеніемъ легендарной просьбы оленя не стрѣлять въ него. Къ той же цѣли, т. е. къ напѣванію брака стремится и странное описаніе дива на рогахъ оленя въ сербскихъ и болгарскихъ лазарскихъ пѣсняхъ, гдѣ эпизода охоты нѣтъ вовсе. Здѣсь все построено только на трехъ элементахъ: вспомнилось начало пѣсни: тамъ-то ходитъ олень и диво на его рогахъ; по традиціи эту пѣсню надо было также

---

1) Головацкій, Нар. п. II, стр. 603—605, №№ 40 и 41 (ср. стр. 48, № 15) и IV, стр. 18, № 23 (колядки).

2) *Період. Списание на Бълг. книжн. дружество*, I (1870), кн. 2, стр. 106—107; прив. у Потебни, l. c. II, стр. 331.

спѣть молодому парню или дѣвушкѣ на выданьи, и вотъ диво на рогахъ оленя, какъ это ни удивительно, оказалось брачной постелью[1]).

Совершенно параллельно съ темой объ оленѣ, а, какъ мнѣ кажется, и по аналогіи съ нею, стала просить въ пѣснѣ пощады и птица или гадюка. Тутъ также воображенію предстояло поэтому подыскать «користь», которую она можетъ доставить, и, согласно исконному обрядовому примѣненію, эта користь должна была имѣть отношеніе къ предстоящему браку. Въ народнопѣсенной традиціи для такого надстроя надъ пѣсней элементы и оказались налицо. Птица соколъ или орелъ искони считалась вѣстникомъ полюбовныхъ помысловъ, а отъ вѣстника любви одинъ шагъ и до сватовства. Потебня привелъ нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ и два-три собранныхъ Уландомъ примѣра въ пѣсенной литературѣ Запада, гдѣ птица соколъ или воронъ оказываются сватами совершенно такъ же, какъ и въ пересказанной выше болгарской лазарской пѣснѣ многосемейному старику[2]). На этомъ представленіи основана и слѣдующая болгарская лазарская пѣсня изъ сборника Илиева:

Дойке Белугорке
Тѫ шту ти сѫ, Дойке,
Двори рѫзметени
Порти рѫстворѫни?
Я Дойкѫ им каже:
—Моми, малки моми,
Сношти ми дойдуѫ
Лувджий уд ловѫ,
Тѫ ми сѫ дунели
Два сиви суколѫ,

1) Какъ и въ болгарской пѣснѣ Илиевъ, № 200.

2) Объясн. м. и ср. п. II, стр. 278—282, прим.; нѣмецкія пѣсни: Erk-Böhme, D. Lh. №№ 834, 880 и др.; пѣсня лазарицъ Миладиновци [2], № 592; см. о птицѣ — вѣстникѣ любви у Nigra, Canti del Piem. pp. 338—339.

Три бяли лебѫдѫ:
Суколе фрѫкнѫѫ
Порти рѫстворие̂;
Лебеди фрѫкнѫѫ
Двори рѫзметуѫ[1]).

Два сивыхъ сокола и три бѣлыхъ лебедя, которыхъ загналъ на дворъ ловчій, конечно, сваты и ихъ спутники. Они отворили ворота, потому что сватовство состоялось и остается только ждать свадебнаго поѣзда.

Нѣсколько болѣе сложная цѣпь представленій привела къ образу птицы, переносящей черезъ рѣку или черезъ море жениха и невѣсту, какъ въ приведенной бѣлорусской волочобной пѣснѣ[2]); этотъ мотивъ отразился и на темѣ объ оленѣ: Потебня привелъ посидѣлочную сербскую пѣсню, гдѣ олень перекидываетъ дѣвушку на рогахъ черезъ воду[3]). О бракѣ здѣсь не говорится ни слова, но смыслъ пѣсни вполнѣ понятенъ: дѣвушкѣ предстоитъ выйти замужъ. Въ существѣ своемъ переправа черезъ воду, какъ символъ брака, есть образъ, основанный на томъ же самомъ представленіи, изъ котораго объясняется менѣе сложный образъ охоты или укрощенія, какъ мы видѣли, означающихъ въ пѣсенномъ стилѣ бракъ. Охота или укрощеніе есть первый этапъ, черезъ который проходитъ переживающая до сихъ поръ въ символикѣ свадебныхъ обычаевъ и различныхъ обрядовыхъ пѣсенъ фикція «умыканія невѣсты». За ними слѣдуетъ уже цѣлый рядъ другихъ образовъ и выраженій, и первое мѣсто между ними принадлежитъ именно воображаемому перенесенію черезъ воду[4]). Похищенную невѣсту женихъ уводитъ далеко, такъ что ея роду племени не достать ея. Онъ увлекаетъ ее за море и за рѣку. Въ одной русской свадебной пѣснѣ невѣста спрашиваетъ:

---

1) Иліевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 222, № 169.
2) См. выше стр. 244.
3) Караџић, Пj. I, стр. 174, № 244.
4) Сумцовъ, О свад. обр. стр. 5—8.

Есть-ли здѣсь перевозчики
Кто-бъ перевезъ на ту сторону?[1])

и послѣ ряда неудачныхъ способовъ, предлагаемыхъ женихомъ, пѣсня обрывается на его словахъ:

Я за тобой, Настася-свѣтъ, соколомъ прилечу,
Я тебя, свѣтъ-Павловна, подъ крыломъ унесу.

Здѣсь соколомъ оказывается самъ женихъ и онъ самъ перевозитъ невѣсту черезъ воду. Эту обязанность можетъ исполнить и невѣста; такъ въ одной сербской свадебной пѣснѣ она переправляетъ сватовъ на вѣнкѣ, а жениха на вѣткѣ розмарина:

Возар беше, госпоћа девојка;
Све сватове на венцу превезе,
Младожењу на струк' рузмарина[2]).

Фикція прихода изъ-за моря сватовъ и жениха мнѣ встрѣтилась и во французской свадебной пѣснѣ изъ Вандеи; здѣсь при входѣ свадебнаго поѣзда въ домъ невѣсты поютъ:

Sont trois pigeons ramés
Qui avons pris leur volée.
Ouvrez la porte, ouvrez,
Nouvelle mariée

—

L'ont pris si haut si loin
La mer ont traversée[3]).

Изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій надъ народно-поэтической символикой мы, такимъ образомъ, еще болѣе убѣдились въ томъ, что въ разбираемой бѣлорусской волочобной

---

1) *Русск. Беседа*, 1861, стр. 139—141; прив. у Потебни, l. c. II, стр. 447.
2) Караџић, Пј. I, стр. 45, № 74; указана Потебней, l. c. II, стр. 450.
3) Trébucq, Ch. pop. de la Vendée, p. 201; ср. также нѣмецкую пѣсню XVI, Erk-Böhme, D. L. h. № 880[a].

пѣснѣ оба сюжета имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ; бракъ разумѣетъ мотивъ укрощенія коня, и тотъ же бракъ, конечно, предсказываетъ и предложеніе сокола воспользоваться его услугами для переправы черезъ рѣку. Пѣсня нисколько не теряетъ отъ того, что сведенные вмѣстѣ эти два мотива противорѣчатъ другъ другу. Они вовсе не предсказываютъ парню двѣ свадьбы. Они усиливаютъ выразительность, заставляя все болѣе и болѣе сосредоточиваться мыслью и чувствомъ на бракѣ.

Самая услуга оказываемая орломъ, котораго пощадилъ охотникъ, переводитъ насъ теперь въ другой типъ величальныхъ мотивовъ. Въ основѣ его лежитъ уже не символъ охоты, а символъ *переправы*. Мотивъ переправы, какъ символъ брака, разнообразится на множество ладовъ[1]), переходя то въ мотивъ *мостика*, который настилаетъ невѣста[2]), то въ мотивъ *мореплавателя* или *рыболова*, увозящаго съ собою дѣвушку. Это послѣднее видоизмѣненіе символа переправы намъ и предстоитъ теперь разсмотрѣть.

И слѣдя за судьбой именно этой темы, намъ придется нѣсколько разъ оставлять почву славянской народной пѣсни. Дальнѣйшая эволюція этого символа заведетъ насъ въ западно-европейскія пѣсни, уже оторвавшіяся отъ обряда; въ нихъ-то символическая тема и станетъ уже сюжетомъ, при чемъ пѣсня приметъ внѣшнее обличье баллады.

Въ центрѣ многочисленной семьи пѣсенъ о мореплавателѣ или рыболовѣ, которому достается дѣвушка, стоитъ бѣлорусская волочобная пѣсня, аналогичная со многими лазарскими и

---

1) Такъ при дальнѣйшемъ развитіи этого символа, если милый не протягиваетъ руку, чтобы помочь при переправѣ, это значитъ свадьба разстроилась, Радченко, Гом. П. *З. И. Р. Г. О.* XIII, з, № 77, стр. 28—29.

2) Потебня, l. c. I, стр. 127—164 и II, стр. 445; приб. къ собранному имъ, пѣсенному матеріалу: Сахаровъ, Пр. н. II, 35; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 149, Поповъ, 134, Магнитскій, стр. 99. Идти въ бродъ а не «по переходу» стало значить: жить внѣ брака, снискать себѣ худую славу: Радченко, l. c. № 59, стр. 23; Чубинскій, Труды, III, № 21, стр. 122; Ž. Pauli. P. l. R. I, № 3, str. 45.

кралевскими пѣснями сербовъ и болгаръ, въ ней поется слѣдующее:

Летѣли два голубочки
Зронили два жолудочки.
Тамъ выросли два дубочки.
Зъ подъ тыхъ дубочковъ рѣчка цяче,
Ена цяче — ручьемъ ліе.
Тамъ дѣвочка бѣль — бѣлила,
Да й перстень свой выронила.
Пошла жъ ена по за рѣчейку,
Перстенька того шукаючи;
Стрѣла ена три малойчики,
Ены были рыболоучики.
«Да закиньте вы шеукоу неводъ,
«Да зловиця золоты перстень».
— Красная дѣвушка! Чтожъ ты намъ обѣщаешь?
«Першему хуста бѣленька,
«Другому золоты перстень,
«А третьему я сама молоденька.
«Хуста бѣленька на витанейко,
«Золоты перстень на мянянейко,
«Сама молодзенька на вѣнчанейко . . .»[1])

Чтобы понять осложненный и отчасти уже извратившійся символизмъ пѣсенъ подобнаго содержанія, нерѣдко нагромождающихъ и еще нѣсколько иныхъ, плохо согласованныхъ другъ съ другомъ образовъ, надо продумать цѣлый длинный рядъ различныхъ видоизмѣненій темы «умыканія при водѣ»[2]), т. е. переправы черезъ воду; но прежде, чѣмъ приступить къ этому, надо освоиться съ мыслію, что совершенно такой же смыслъ, какъ переправа

1) *Виленскій Вѣстн.* 1891, № 93; ср. Ш. Бп. № 162, Ш. Мсвкр. I, № 157, Б. Бп. № 25.

2) Максимъ Ковалевскій, Перв. Пр. II, гл. VI, стр. 83—106; Westermark, The h. of human mariage, p. 383—389.

черезъ рѣчку, можетъ имѣть и *утопаніе* въ ней. На это совершенно наглядно указываетъ другая бѣлорусская волочобная пѣсня изъ сборника Шейна:

Послала мяне маци
На Дунай воды браци.
Я воды ни брала,
Коло виру скакала,
Ў виру скочила
Водой замутила
И пяскомъ закруцила.
Ня жди мене, маци,
Къ обѣду зъ водою,
Къ вечери зъ судами.
А жди мяне, маци,
На дзевятоя лѣто,
На дзесятую зиму,
А у лѣта у чоуночку,
А у зиму у возочку,
Зъ бѣленькимъ сыромъ,
Зъ маленькимъ сыномъ,
Зъ молодымъ зяцемъ,
Зъ милымъ дзицяцемъ[1]).

Мотивъ утопанія, какъ символъ женитьбы, встрѣчается также и въ свадебныхъ пѣсняхъ, при чемъ мать говоритъ тонущей дочери, какъ это вполнѣ и логично:

Я цебе не вратую
Ніхай цябе Богъ ратуя.
Нісама туды увайшла
Цябе далечко унясла[2])

1) Ш. Бп. № 169.
2) *Сб. сев. края*, 267, прив. у Потебни, l. c. I, стр. 192.

и все таки оплакиваетъ покидающую ее дочь въ противоположность мачехи, которой жаль только плахты[1]), погибшей вмѣстѣ съ дѣвушкой и символизирующей разумѣется приданое.

Эта вставка въ мотивѣ объ утопаніи дѣвушки, т. е. слова, говоримыя при этомъ ея матерью, заставили нашу пѣсенную тему видоизмѣниться еще разъ. Съ введеніемъ бесѣды между утопающей дѣвушкой и ея матерью все вниманіе сосредоточилось на впечатлѣніи, производимомъ гибелью дѣвушки на ея близкихъ; символическій смыслъ утопанія вслѣдствіе этого нѣсколько затмился, и на его иносказаніи перестали мысленно останавливаться; тогда эпизодъ разговора тонущей дѣвушки съ матерью осложнился еще введеніемъ «милаго сердечнаго дружка»: захотѣлось узнать, какъ же онъ отнесся къ гибели дѣвушки, что сказалъ бы или какъ поступилъ бы влюбленный парень, если бы у него на глазахъ его возлюбленная оказалась въ опасности. Остаться безучастнымъ онъ, разумѣется, не могъ бы. Но какой поступокъ приписать ему? Согласно основному символическому смыслу утопанія, женихъ долженъ бы былъ повидимому погибнуть вмѣстѣ съ ней, либо явиться въ образѣ, схожемъ съ Лермонтовскимъ Каспіемъ, принимающимъ на свое лоно утонувшую казачку; но разъ было забыто, что значитъ тонуть, пѣсня естественно представила жениха единственнымъ спасителемъ дѣвушки. Быть можетъ такой новый надстрой на разбираемой темѣ и былъ облегченъ существованіемъ близкаго ему по духу представленія объ символической переправѣ черезъ воду, гдѣ, какъ мы видѣли, либо женихъ, либо невѣста исполняютъ должность перевозчика.

Символъ: спаситель дѣвушки — женихъ, встрѣчается въ пѣснѣ XVI в. изданной Потебней. Дѣвушка говоритъ здѣсь:

---

1) *Этн. Сб.* III, стр. 265 и Головацкій, Нар. п. 460 и 467 обѣ прив. у Потебни, ibid. стр. 198—199; приб. еще польскую пѣсню Gloger, P. L. № 35; здѣсь утопаніе взято въ прямомъ смыслѣ, такъ что пѣсня построена на параллелизмѣ: утонуть — выйти замужъ.

А хто мнѣ доплинет, его я буду [1]).

Схоже поется и въ свадебныхъ пѣсняхъ:

Авдотья потопала
Ручки подавала:
«Да кто-жъ меня вынетъ
«Изъ синяго моря?»
«Изъ великаго горя?»
Кидался, бросался
Старый старчища —
Сѣдая бородища.
«На дно моря тону
«За тебя замужъ не йду».
. . . .
Кидался, бросался
Андреянъ съ поѣздомъ
Васильевичъ съ большимъ:
«Съ дна моря выду,
«За тебя замужъ пойду» [2]).

Въ такомъ видѣ тема объ утопаніи дѣвушки стала темой о ея спасеніи; интересъ перешелъ уже на этотъ послѣдній моментъ и по поводу него оказалось возможнымъ и поморализировать. Если пѣсни, кончающіяся гибелью—бракомъ невѣсты, представляютъ наглядную параллель между чувствомъ матери и мачехи, при конечномъ спасеніи дѣвушки вслѣдствіи самоотверженности милаго было выведено заключеніе, что

Ліпший милейкий, якъ братъ ріднейкий [3]).

Пѣсенное развитіе этой напросившейся и естественно возникшей сентенціи мы увидимъ дальше въ связи съ новой семьей симво-

---

1) Малорусская пѣсня по списку XVI в. *Филол. Зап.* 1877, стр. 3 отд. оттиска. См. выше I, стр. 7.
2) Ш. Р. н. п. стр. 415, № 5.
3) Головацкій, Н. п. II, 80.

ловъ; но покамѣстъ остановимся на уже пріобрѣтенныхъ результатахъ.

Мы знаемъ теперь, что и утопаніе, и спасеніе одинаково означаютъ въ народной пѣснѣ: вступленіе парня или дѣвушки въ бракъ; въ послужившей мнѣ вторымъ исходнымъ пунктомъ бѣлорусской волочобной пѣснѣ: «Летѣли два голубочки»[1]) налицо оба образа: въ началѣ пѣсни говорится объ утопаніи = роняніи въ воду перестня, а въ концѣ о его спасеніи. Особенность пѣсни составляетъ, такимъ образомъ, только то обстоятельство, что топится и роняется въ воду не сама дѣвушка, а кольцо. На этой особенности разбираемаго пѣсеннаго мотива мнѣ и прійдется теперь остановиться. Мы увидимъ, что черта эта не существенна, что въ основѣ своей этимъ дѣло не мѣняется, что о кольцѣ сплошь да рядомъ поется совершенно то же самое, что и о дѣвушкѣ: кольцо теряютъ и оплакиваютъ, поручаютъ разыскать своему суженому.

То же самое при совершенно аналогичныхъ обстоятельствахъ происходитъ и съ вѣнкомъ. При этомъ въ запѣвѣ пѣсни дѣло осложняется только особымъ постороннимъ эпизодомъ:

Литала пава размовиста
Троўка, муроўка зяленая!
Роняла перъя, позлацистыя.
Тамъ Агапка гуляла, перъя збирала,
Перъя збирала, ў рукавокъ клала,
А зъ рукаўка беря, вяночекъ плила,
Свіўши вяночекъ, пошла ў таночекъ.
А ў таночку похвялилася:
Похвялилася, поклонилася:
«Мойго вянчика вѣтры ня звіюць,
«Вѣтры ня звіюць, дожджи ня змочуць».
Ўзнялися буйные вѣтры,

1) См. выше стр. 257.

Буйные вѣтры, дробные дожджи,
Ўздули, змяли пярловы вянокъ.
Пошла Агапка шукаючи,
Шукаючи да пытаючи и т. д. [1]).

Далѣе вѣночекъ попадаетъ въ море и на сцену являются «рыболовы молодые», спасающіе въ концѣ концовъ вѣнокъ.

Этотъ странный образъ павы, которая роняетъ перья, и дѣвушки, вьющей изъ нихъ вѣнокъ, независимо отъ остальныхъ мотивовъ разбираемой пѣсенной темы встрѣчается въ весеннихъ пѣсняхъ различнаго примѣненія почти у всѣхъ славянскихъ народовъ; это, такимъ образомъ, какой-то коренной весенній образъ; иногда онъ даже символизируетъ собою весеннее благо вообще, какъ бы изображая павлина разсѣвающимъ общую радость и довольство [2]). Такъ въ болгарской пѣснѣ при закликаніи весны поется:

«Я дай ми, Боже, ситна росица —
Пó горѣ руйно, пó полѣ ситно,
Трѣва да расте, паунъ да пасе,
Паунъ да пасе, перья да рони,
Перья да рони, моми да бератъ,
Моми да бератъ, китки да віятъ
Китки да віятъ, момци да зиматъ [3]).

Этотъ сюжетъ встрѣчается въ такомъ видѣ и въ сербскихъ «на ранило», и въ болгарскихъ лазарскихъ пѣсняхъ, и въ запѣвахъ цѣлаго ряда веснянокъ [4]). Вѣнокъ всюду предназначается, ко-

1) Ш. Мсзкр. I, стр. 161, № 152; ср. Б. Бп. №№ 26 и 27; Р. Бсб. стр. 560, № 11; Ш. Бп. №№ 160, 161, 163, 164; въ пѣсняхъ Б. Бп. № 18 и Р. Бсб. стр. 450, № 2 упущенъ образъ потопленія вѣнка. То же самое поется и въ колядкахъ: Ž. Pauli, P. L .R. I, стр. 3—4; Головацкій, II, 85, 91, III, а, 94, IV, 82; Чубинскій, Труды, III, 392; Караџиħ, Пj. I, 381; Sušil, M. п. р. р. 747, № 396.

2) См. выше I, стр. 105—106.

3) Качановскій, Памятники, I, № 40, стр. 110.

4) Въ пѣсняхъ «на ранило», напр. у Милиħевиħ'а, Жив. стр. 95; въ лазарскихъ: Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 238; № 189 и 224, № 171, Каравеловъ, Бытъ, стр. 205; въ веснянкахъ: Gloger, P. L. str. 16, № 27, Ш. В.

нечно, для милаго. Вѣнокъ или перстень въ символикѣ всѣхъ народовъ искони обозначаетъ, какъ мы не разъ уже видѣли, бракъ [1]). Церковь закрѣпила ихъ значеніе, основавши на нихъ самое таинство, и оттого даже въ разговорной обыденной рѣчи мы слишкомъ часто употребляемъ слова «обрученіе» и «итти подъ вѣнецъ», чтобы, найдя въ пѣснѣ упоминаніе объ этихъ неизмѣнныхъ атрибутахъ, не понять сразу, о чемъ идетъ рѣчь.

Символъ вѣнка или кольца вызвалъ и помимо мотива объ утопаніи совершенно самостоятельные образы въ русской подблюдной пѣснѣ, въ болгарской лазарской и въ нѣмецкой свадебной. Лазарицы поютъ въ Болгаріи дѣвушкѣ на выданьи:

Мела мома рамни двори
Та измела златно перо
Та го дала на златаря:
— Айде, златар, брет да ми си,
Да ми ковет златен пояс;
Што юстане ют поясо,
Да ми ковеш златки гривни;
Што юстане ют гривните,
Да ми ковеш златен гердан;
Што юстане ют гердано,
Да ми ковеш златен пржстен,
Златен пржстен заменовник [2]).

стр. 351, № 1216, Качановскій, l. c. стр. 109—110. Ср. также знаменитую русскую пѣсню «Какъ по морю, морю синему» Сахаровъ, П. р. н. II, стр. 34, № 17, Лопатинъ, Полн. народн. пѣсенникъ (изд. Сытина), стр. 200, Р. Бсб. 436, №№ 9, 10 и 11, Магнитскій, стр. 100, № 10, Варенцовъ, стр. 122, № 8, Васнецовъ, стр. 192, № 4. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ дѣвушка собираетъ перья не для того, чтобы свить вѣнокъ, она предназначаетъ ихъ на подушку милому, такова пѣсня, напечатанная въ *Гродн. Губ. Вѣд.* 1891, № 33; ср. Потебня, l. c. т. II, стр. 552.

1) Сумцовъ, О свад. обр. стр. 77—78 и 79—87, у Потебни, l. c. II, стр. 202—203, вмѣсто кольца — ключъ; ключъ, какъ символъ любовныхъ сношеній, извѣстенъ и во французскихъ пѣсняхъ; ср. такія выраженія, какъ «la clef de m'amie a» Scheffler, Fr. Vd. и S. II, s. 144.

2) Илиевъ, Сб. отъ нар. умотв. I, стр. 260, № 221, ср. ibid. стр. 29, № 15.

Нечего и говорить, что приведенная пѣсенка несомнѣнно должна напомнить извѣстную русскую подблюдную пѣсню «Идетъ кузнецъ изъ кузницы»[1]), которую считаю излишнимъ приводить. То же говорится и въ старинной нѣмецкой свадебной пѣснѣ, извѣстной въ нѣсколькихъ варіантахъ, начиная съ середины XVI в. Здѣсь заказываетъ вѣнокъ и перстень кукушка, только что просушившая на солнышкѣ свои перья:

De Kuckuk breed sin Feddern ut
Und flog wol awert Goldschmeds Hus

—

«Guten Tag, guten Tag, lieber Goldschmed mein,
Schmied meinem Schatz ein Ringelein

—

Schmied meinem Schatz einen Rosenkranz
Einen Rosenkranz zum Abendtanz!

—

Der Abendtanz der dauert nicht lang
Er dauert kleinen Sommer lang»[2]).

Согласно обычной пѣсенной манерѣ, далѣе вѣроятно слѣдовало заявленіе, что кольцо предназначается для брачной жизни, длящейся всю жизнь, но этого второго члена пѣсеннаго противоположенія не сохранилъ ни одинъ изъ извѣстныхъ варіантовъ. Нѣмецкая пѣсня о златомъ вѣнчикѣ и колечкѣ особенно интересна этимъ участіемъ кукушки. Упоминаніе о птицѣ, можетъ быть, есть уже слабый слѣдъ забытаго мотива о теряньи перьевъ, совершенно такъ же, какъ и образъ дѣвушки выметающей перья со двора въ болгарской лазарицѣ. Всѣхъ забывчивѣе оказалась, такимъ образомъ, русская пѣсня «Идетъ кузнецъ изъ кузницы».

1) Сахаровъ, Сказ. р. н. I (больш. изд.), 3, 12, 18.
2) Erk-Böhme, D. L. h. № 880^{b}, подъ тѣмъ же № тутъ приведено нѣсколько варіантовъ этой пѣсни.

Совершенно своеобразно символизмъ вѣнка въ значеніи брака выраженъ въ одной также болгарской лазарицѣ. Здѣсь Лазарь раздаетъ лазарицамъ вѣнки и обходитъ одну изъ нихъ. При этомъ онъ утѣшаетъ ее:

«Мѫлчи Кальо, не плачи,
Пакъ въ година ке дойдемъ,
Семъ лазарки по венецъ
Тебѣ, Кальо, два венца».
Кога дойде година
Калья найде мѫжена;
На бунище седеше,
Венчаница кинеше,
Мѫжу гащи кѫрпеше
Мѫшко дете леляше[1]).

Такъ же вразумительно говоритъ и нѣмецкая свадебная пѣсня:

Ich gieng mir in ein Stüblein klein,
Darin da was die Lieb allein,
Wollt freundlich mit mir kosen;
Da band sie mir ein kränzelein
Von Veil und rothen Rosen.

—

Ich nahm den kranz in meine Hand
Gab ihr mein Trau zu einem Pfand
Von ihr wollt ich nit weichen...[2]) etc.

Этимъ мы можемъ и закончить разборъ пѣсни «Летѣли два голубочки» до того момента, когда дѣвушка обращается къ рыболовамъ. Но раньше чѣмъ перейти къ послѣднему эпизоду пѣсни, необходимо еще два замѣчанія. Мы видѣли, что обронить въ воду перстень или вѣнокъ—значитъ выйти замужъ и что тоже

1) Миладиновци, ², стр. 487, № 576.
2) Erk-Böhme, D. L. h. № 866, ср. №№ 872 и 873.

значеніе имѣетъ и — поймать, вытащить изъ воды вѣнокъ или дѣвушку. Въ слѣдующей бѣлорусской пѣснѣ то и другое какъ будто означаетъ потерю невинности:

У нядельку рано мати доньку била:
«На што ты, шельма, вѣнчикъ стратила»?
— На Дунаю бѣлы хусты мыла,
Тамъ свой вѣнчикъ стратила. —
«Будемъ, донька, недѣли чакати,
Будемъ, донька, людей собирати,
Будемъ у доньки праўды пытати».
— На што намъ, мати, людей собирати?
Лѣпѣй, мати, ўсю праўду сказати:
На Дунаю бѣлы хусты мыла,
Туды ѣхаў хлопчикъ молодéнькій,
Изняў вѣнчикъ золотéнькій [1]). —

Другое видоизмѣненіе въ значеніи символа утопанія выведетъ насъ уже вообще изъ области обрядовыхъ пѣсенъ въ область лирико-эпическихъ т. е. балладъ. На образѣ упавшаго въ воду кольца и его спасенья парнемъ основана знаменитая французская пѣсенька, которую со времени Уланда стали сближать съ Шиллеровскимъ «Кубкомъ» [2]). Это — пѣсня, озаглавливаемая обыкновенно: «L'anneau perdu». Къ нашимъ обрядовымъ пѣснямъ всего ближе стоитъ варіантъ начала этого вѣка, записанный Шамиссо. Здѣсь

La fill' du roi d'Espagne
Veut apprendre un métier.

Ремесло это оказывается мытьемъ бѣлья; но, увы, при первомъ опытѣ съ руки царевны въ воду падаетъ кольцо. Тогда на сцену

1) Б. Бп. стр. 164, № 178 (среди маслечныхъ); ср. Ш. Мезкр. I, стр. 171, № 160 и 172, № 161; смежнаго сюжета пѣсни собраны въ сборникѣ проф. Соболевскаго, IV, стр. 639—642.

2) См. *Mélusine*, II, p. 228 и слѣд.

является рыцарь и за поцѣлуй соглашается нырнуть и вытащить кольцо:

A la première plonge
Il n'y a rien trouvé.

—

A la seconde plonge
L'anneau a brindillé,
A la troisième plonge
Le chevalier fut noyé [1]).

Въ данномъ варіантѣ дѣло кончается слезами дѣвушки и ея нелѣпымъ рѣшеніемъ послѣ такого горькаго опыта никакимъ ремесломъ болѣе не заниматься. Въ другихъ варіантахъ, гдѣ также прибавлены концы, разбивающіе весь символическій смыслъ пѣсни, дѣвушка съ горя еще зарѣзывается шпагой или кинжаломъ. Такимъ образомъ образуется какъ будто цѣлый сюжетъ. Этотъ конецъ, какъ мы увидимъ дальше, находится и въ другихъ балладахъ, также цѣликомъ построенныхъ на обрядовыхъ символическихъ образахъ [2]).

Сопоставляя другъ съ другомъ пѣсню за пѣсней, мы, мнѣ кажется, пришли теперь къ всестороннему и полному освѣщенію символизма бѣлорусской волочобной пѣсни «Летѣли два голубки», приведенной мною по варіанту «Виленскаго Вѣстника». Намъ остается только разсмотрѣть послѣдній ея эпизодъ: обращеніе дѣвушки къ рыболовамъ. Онъ послужитъ намъ также поводомъ

---

1) Приведено у Scheffler'a, Franz. Vd. и s. II, s. 142, ср. 138—139; наибольшее число варіантовъ этой пѣсни собрано въ *Mélusine'ѣ*, l. c.; приб. еще Weckerlin, Anc. ch. pop. p. 75—76; *R. d. tr. pop.* I, p. и Bourgault-Ducoubray, p. 32.

2) См. текстъ Bearepaire'a, p. 54 и Chamfleury, p. 215; объ этомъ концѣ Шефлеръ замѣчаетъ l. c. II, s. 139: что «unzweifelhaft stellt sich dieser Schluss als ein späterer Zusatz heraus»; по его мнѣнію: «die Schlussverse (sind) den Verführungs liedern entnommen»; я постараюсь показать, что быть можетъ въ нихъ заключается и символическій смыслъ, довольно скабрезный, впадающій уже въ шансонеточный тонъ.

къ ряду интересныхъ соображеній и опять подведетъ къ балладамъ.

Этотъ эпизодъ поется двояко. Въ большинствѣ случаевъ, какъ въ приведенномъ варіантѣ, вѣнокъ спасаютъ рыболовы. Но въ одномъ изъ нихъ дѣвушка, раньше чѣмъ обратиться къ рыболовамъ, проситъ спасти ея утерянный вѣнокъ сначала мать, а потомъ и отца:

Пошла Маланька,
Плача и тужа,
Рученьки ломя,
Послала она
Свою мамухну
Вѣнка искать
Перловаго;
Мамухна пришла
Вѣнка не нашла[1]).

Дѣвушка посылаетъ затѣмъ своего «татухну», и тотъ тоже не нашелъ, рыболовы появляются только послѣ того.

Этотъ вставочный эпизодъ, который мы только что встрѣтили въ сродныхъ пѣсняхъ, намекаетъ на цѣлую семью русскихъ и нѣмецкихъ пѣсенъ, развивающихъ тему о спасеніи дѣвушки на морѣ. Потебня назвалъ его со словъ одной галицко-русской колядки: «лішший милейкій, якъ братъ ріднейкій»[2]). Самостоятельно отъ темы о плетеніи и потерѣ вѣнка онъ встрѣчается въ колядкахъ, свадебныхъ и хороводныхъ пѣсняхъ. Спасается здѣсь уже не вѣнокъ или кольцо, а сама дѣвушка. Въ одной великорусской хороводной весенней пѣснѣ

Всплакала дѣвонюшка на морѣ
На бѣломъ, горючемъ на камнѣ.
По бережку батюшка гуляетъ.

1) Б. Бп. № 27.
2) Потебня, l. c. I, стр. 190—194 и II, стр. 553—557.

— Гуляй, гуляй, батюшко, здорово.
Сойми меня, дѣвицу, съ моря
Со бѣла горючаго камня.
У батюшки жалости не было:
Не снялъ меня дѣвицу съ моря,
Со бѣла, горючаго камня.

Далѣе то же поется о матушкѣ, братцѣ, сестричкѣ и только, когда дѣло доходитъ до милаго, пѣсня измѣняетъ послѣднія строки и заявляетъ отъ имени дѣвушки, что

У милаго жалости было
Снялъ меня дѣвицу со моря,
Со бѣла, горючаго камня [1]).

Варіантъ, который я привелъ, уже нѣсколько отклонился отъ традиціоннаго символа, тѣмъ что дѣвушка собственно не тонетъ, а сидитъ среди моря на «бѣломъ горючемъ камнѣ». Еще своеобразнѣе разработанъ этотъ мотивъ нѣмецкой пѣсней «die Lossgekaufte», извѣстной въ цѣломъ рядѣ варіантовъ. Дѣвушка находится въ рукахъ мореплавателей, и они грозятъ потопить ее, если не получатъ выкупъ. Дѣвушка тщетно обращается ко всей своей роднѣ: никто не хочетъ позаботиться о ней; приноситъ требуемый выкупъ только «милъ сердечный другъ». Пѣсня такимъ образомъ дѣлаетъ изъ мореплавателя нѣчто вродѣ пирата и заставляетъ несчастную дѣвушку тщетно взывать:

Halt, Schiffer, halt!

Но напрасно ссылается она то на отца, то на мать, то на сестру, то на брата, прося заложить за нее черный сюртукъ, коричневое

1) Поповъ, стр. 7—8, № 2; ср. колядки: Головацкій, II, стр. 80, 726, 161 и IV, 88—89, 141—142; свадебныя: Головацкій, IV, стр. 316, Чубинскій, Труды, IV, 138, *Этн. Сб.* III, 240, Ш. Рнп. 415; хороводныя: Dazon, Болгарск. пѣсни, №№ 98—99, Радченко, стр. 4, № 10, и 43—44, № 17 и Haupt-Schmaler, I, стр. 357, № LXXIV (пѣсня малорусская).

платье, лошадь или башмачки. Родня цинично отвѣчаетъ на все это:

Dein junges Leben rett ich nicht.
Ach, Schiffmann, lass nur sinken!
Die schöne Magdelen die soll ertrinken [1]).

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ, надо помнить, что подобное же заявленіе со стороны матери мы видѣли и въ русской свадебной пѣснѣ, гдѣ оно обозначаю вполнѣ похвальную рѣшимость разстаться съ дочерью и выдать ее замужъ [2]). Мы видѣли также, что введеніемъ въ аналогичный сюжетъ суженаго хладнокровное отношеніе родни къ утопанью дѣвушки объяснилось еще лучше, и пѣсня естественно дошла до нравоучительной сентенціи, что «лішший милейкий, якъ братъ рiднейкий» именно въ томъ смыслѣ, что съ мужемъ, а не съ родней коротать дѣвушкѣ весь вѣкъ [3]).

Приведенная нѣмецкая пѣсенка обыкновенно заносится собирателями въ разрядъ балладъ, и въ ней видятъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда морскіе разбойники составляли еще явленіе обычное. Однако дѣйствительно ли «Schiffer» приведенной пѣсенки пиратъ? Можетъ быть, гораздо правдоподобнѣе понять его въ смыслѣ иносказанія, видѣть въ немъ символъ. Раскрыть его поможетъ намъ второй наиболѣе распространенный конецъ пѣсни: «Летѣли два голубки», т. е. эпизодъ о рыболовахъ. Мореплаватель нѣмецкой пѣсни очевидно тождественъ рыболовамъ русской, и, какъ тотъ, такъ и другіе, въ основѣ своей

1) Erk-Böhme, D. L. h. №№ 78 a—c & 79, I, s. 271 u. v. см. также Köhler-Meyer, Vl. v. d. Mosel und Saar № 97 и библіографія стр. 393; у Erk-Böhme, l. c. s. 278 указаны еще датскія, шведскія и сербо-лужицкія параллели; въ послѣдней Haupt-Schmaler, I, s. 109—111, №№ LXXX и LXXVII, мотива корабельщика собственно нѣтъ и выкупаетъ наоборотъ дѣвушка парня изъ рукъ властей; я предпочелъ бы однако эту послѣднюю пѣсню отнести совсѣмъ къ другой рубрикѣ, сблизивъ ее съ франц. старыми пѣснями Weckerlin, L'anc. ch. pop. № 1530, p. 106.

2) См. выше стр. 258—259.

3) См. выше стр. 260.

отражаютъ представленіе объ умыканіи при водѣ, которое, какъ мы уже видѣли, заставило выраженія «мостить мосты», «переправить», «passer l'eau» обозначать собою женитьбу. Въ нѣмецкой пѣснѣ «Die Lossgekaufte» смыслъ мореплавателя оказался уже забытымъ, и суженымъ явился больше не онъ. Напротивъ въ темѣ о рыболовахъ волочобной пѣсни иносказаніе еще живо и вполнѣ прозрачно.

Мореплавателемъ называется женихъ или возлюбленный и въ цѣломъ рядѣ французскихъ и нѣмецкихъ пѣсенъ. Такъ запѣвъ: «mon père a fait faire trois bateau sur l'eau» означаетъ въ одной пѣснѣ XVI вѣка «отецъ предложилъ мнѣ три партіи», и дѣвушка безъ малѣйшаго поясненія спрашиваетъ себя:

De trois amoureux lequel je prendray? [1])

Отвѣтъ, находящійся въ слѣдующей строфѣ, пользуясь тѣмъ же символизмомъ переправы, говоритъ, что дѣвушка предпочитаетъ богатому и молодому какихъ-то лодочниковъ, что очевидно имѣетъ уже скабрёзный смыслъ. Она поетъ про нихъ:

Et ces battelliers, ils ont le cœur tant gay,
Quand ils sont sur mer, ils crient à haute voix
Si je tenois mamie, je la baiserois [2]).

Мореплавателемъ изображается возлюбленный и въ запѣвѣ одной старой нѣмецкой пѣсенки, также уже балладнаго характера. Сюжетъ ея вертится на томъ, что парень побрезгалъ дѣвушкой, не женился на ней, и она съ отчаянія пошла въ монахини. Тогда раскаяніе беретъ ея возлюбленнаго, и онъ самъ идетъ за нею, но теперь уже поздно: дѣвушка не вернется въ міръ. Эта пѣсенка начинается запѣвомъ, звучащимъ въ отрывкѣ XVI вѣка такъ:

1) Weckerlin, L'anc. ch. pop. p. 318 и 319.
2) Ibid.

Ich sass auf einem hohen Berg
Sah unter ins tiefe Tahl
(Da sah ich ein schifflein schweben)
Darin drei Grafen sass'n

—

Der allerjungst der drunter war,
Die in dem Schifflein sass'n
Der gebot seiner Lieben zu trinken
Aus einem vendischen Glas[1]).

Молодой графъ, такимъ образомъ, сидитъ въ кораблик̂ со своей возлюбленной. Такой образъ встрѣчается и въ цѣломъ рядѣ русскихъ пѣсенъ подобнаго же склада[2]). Такой же смыслъ имѣетъ «le batelier du rivage» въ одной современной французской пѣснѣ, полной еще свѣжаго, непринужденнаго символизма, и ищущей, какъ и наши пѣсни, настроенія, а не сухого балладнаго разсказа или шансонеточнаго задора:

Batelier du rivage
Veux-tu nous passer l'eau,
et l'eau et la rivière
bien vite et promptement
pour passer mon amant?

—

Ne fut pas dans la barque
qu'ell' s'est mise à crier.
— Que pleurez-vous, la belle,
qui vous fait chagriner,
c'est-il mes amitiés?

—

1) Erk-Böhme, D. Lh. № 89.

2) См. Вс. Миллеръ, Лит. п. стр. 19—21; Снегиревъ, Р. пр. пр. II. стр. 101; Ш. В. стр. 133, № 86; Лопатинъ, Полн. нар. пѣсенн. стр. 28, № 17 и Соболевскій, Р. н. п., IV, №№ 573 и 574.

«Si je pleur' je surpleure,
«j'en ai bien la raison.
«Preunez mon cœur en gage,
«vous me l'avez gagné
«là-bas dans ce beau pré[1]).

Лодочникъ здѣсь, такимъ образомъ, оказывается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, его профессія просто одно изъ обозначеній возлюбленнаго. О немъ упоминается поэтому безъ поясненій, и въ такихъ выраженіяхъ, что о дѣйствительной переправѣ черезъ рѣку не можетъ быть и рѣчи. Однако стоитъ только сказаться обычному пѣсенному самозабвенію, стоитъ только пѣснѣ попасть въ среду, не знающую всѣхъ тонкостей народно-пѣсеннаго иносказанія, и мореплаватель опять окажется такимъ же насильникомъ и почти пиратомъ, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ «Die Lossgekaufte». Я разумѣю пѣсенку «Le jeune marinier»[2]). Дѣвушка ходитъ по берегу и видитъ въ кораблѣ тридцать мореплавателей. Самый молодой изъ нихъ затягиваетъ пѣсню. Дѣвушкѣ хотѣлось бы научиться такъ прекрасно пѣть какъ онъ, и она не отказывается войти въ лодку. Это, конечно, шагъ опасный. Вѣдь, что значитъ научить пѣть дѣвушку, извѣстно; это терминъ достаточно твердо установившіяся въ порнографической литературѣ почти всѣхъ народовъ. Заставивши красавицу войти на корабль или лодку, пѣсня могла бы, такимъ образомъ, и остановиться, не подыскивая никакого эффектнаго конца. Это было бы вполнѣ въ народно-пѣсенномъ стилѣ. Нѣсколько варіантовъ

1) Rolland, Rec. de ch. pop. v. II, p. 40.

2) Ibid. v. II, p. 38; самый старый примѣръ этого мотива относится къ 1615 см. у Weckerlin, L'anc. ch. pop. p. 318; здѣсь символизмъ вполнѣ прозраченъ, но пѣсня имѣетъ чисто шансонеточный характеръ; мотивъ обученія пѣнію здѣсь отсутствуетъ; другіе варіанты Weckerlin, l. c. p. 41; Champfleury, p. 215; Rolland, II, pp. 38, 39, I, p. 28, III, p. 63 et 67; Smith, въ Romania, II, pp. 25—26 et 67—71; скандинавскій варіантъ подобной же пѣсни: «о гордой Каринѣ» см. въ книгѣ Du Chaillu, The Land of the Midnight sun II, p. 411—414, прив. въ Folk-Lore Record, V, p. 163.

такъ и поступаютъ: дѣвушка только оплакиваетъ потерю невинности [1]).

Иначе представится, конечно, если забыть символизмъ всей разобранной главной части пѣсни. Слезы дѣвушки окажутся тогда въ центрѣ разсказа, и, развивая этотъ эпизодъ, пѣсня либо какъ бретонскіе варіанты, пересоздастся въ мрачную, и почти что историческую балладу о покушеніи на честь красавицы англійскихъ моряковъ и заставитъ ее, какъ въ пѣснѣ «l'Anneau perdu», зарѣзаться ножомъ, чтобы спасти честь и не достаться нелюбу [2]), либо поддѣлается подъ тонъ шансонетки, изобразитъ въ смѣшномъ видѣ мореплавателей, «пропустившихъ случай» [3]). Оба конца — и трагическій, и комическій одинаково подстроены, чтобы придать занимательный конецъ сюжету, смыслъ котораго былъ уже забытъ.

— * —

Символическое выраженіе весеннихъ полюбовныхъ думъ, такимъ образомъ, стремится внушить представленіе о будущемъ семейномъ счастьи. Оттого символы весеннихъ поздравительныхъ пѣсенъ и стоятъ въ самомъ близкомъ сродствѣ съ мотивами свадебныхъ пѣсенъ. Отсюда эти пѣсни должны были пріучить насъ къ мысли, что въ основѣ весеннихъ полюбовныхъ думъ, поскольку онѣ отражаются въ обрядовомъ обиходѣ, также лежитъ расчетъ, хозяйственное соображеніе: привлеченіе въ домъ путемъ брака новой рабочей силы.

---

1) Въ подобныхъ варіантахъ напр. Rolland, II, p. 38, дѣвушка только оплакиваетъ «son petit cœur en gage», потому что

celà ne peut se rendre
comm' de l'argent prêté.

2) Rolland, III, p. 63 и 67; воспоминаніе о исконномъ символизмѣ пѣсни сохранилось и здѣсь въ послѣднихъ словахъ корабельщика:

Sans la maudite dague
Je serais mariée. Weckerlin, l. c. p. 42.

3) Rolland, I, p. 28. О темѣ «L'occasion manquée», см. выше: Введеніе, часть I, стр. 13, прим. 4-ое.

Я закончу разборъ символовъ весенней поздравительной пѣсни, приведя схожую съ ними хороводную пѣсенку. Она покажетъ, въ какихъ условіяхъ полюбовныя думы дѣвушки могутъ весною приблизиться къ осуществленію. Въ этой пѣснѣ послѣ запѣва о «келейкѣ» поется:

По синему по морю
Три судныпка плывутъ
Первое судёнышко
Съ егерямъ, некрутамъ,
Другое судёнышко
Въ атласомъ съ бархатомъ,
Третье суденышко
Съ добрымъ молодцомъ
«Маменька, маменька,
Родимая матушка,
Какъ-бы судно удержать,
Молодца въ гости позвать?»
— Ахъ ты дочка умная,
Подожди, разумная.
Пора времячко придетъ
Само судно приплыветъ,
Молодецъ въ гости придетъ.
Въ хороводъ тебя возьметъ,
Въ хороводъ тебя возьметъ,
Поцѣлуетъ обоймѣтъ [1]).

---

1) Ш. В. стр. 81, № 387.

III.

Пѣсня, упоминаніемъ которой я закончилъ рѣчь о брачной символикѣ весенней привѣтственной пѣсни, вернула насъ, такимъ образомъ, къ хороводу: упоминаніе о немъ здѣсь однако еще какъ будто случайное: молодецъ поведетъ въ хороводъ; откуда возьмется онъ, объ этомъ пѣсня говоритъ, пользуясь символомъ мореплавателя. На вопросъ о томъ, откуда ждать дѣвушкѣ появленія суженаго, уже совершенно иначе отвѣчаетъ другая также великорусская пѣсня, гдѣ о своихъ брачныхъ намѣреніяхъ говоритъ не дѣвушка, а парень. Парень восклицаетъ:

На улицѣ, матушка,
На улицѣ, родная,
Дѣвокъ хороводъ.
А я у те, матушка,
А я у те, родная,
Холостъ не женатъ.

На это мать отвѣчаетъ:

Женись, женись, дитятко
Женись, женись, милое,
Бери, кого хошь [1]).

Выходитъ, какъ будто мать совѣтуетъ пріискать себѣ жену въ хороводѣ. Парень на это и соглашается и объявляетъ только, что не возьметъ за себя ни купеческую дочь, ни поповну, а возьметъ дочь крестьянскую; только она, говоритъ парень матери:

Въ полѣ работница
Твоимъ бѣлымъ рученькамъ
Твоимъ рѣзвымъ ноженькамъ
Въ работѣ замѣнушка.

---

1) Васнецовъ, Пѣсни Сѣверо-вост. Россіи, стр. 199, № 13; ср. у Соболевскаго, Великорусск. н. п. III, № 287, стр. 287 (Изъ сб. Попова).

Это указаніе матери сыну повидимому далеко не случайно; оно вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ быта: весною во время хороводныхъ игръ, когда парни, какъ мы видѣли, приглядываютъ, «выбираютъ дѣвушекъ», ихъ выборъ можетъ естественно остановиться на какой-нибудь дѣвушкѣ, и отсюда — предложеніе или сватовство. Болгаре думаютъ, что надо приглядѣть «огледовать» дѣвушку непремѣнно 21 мая въ день св. Константина и «Семи дѣвъ». «Огледанная» въ этотъ день дѣвушка будетъ по мнѣнію болгаръ хорошей женой и принесетъ много сыновей[1]). По словамъ Ястребова у сербовъ въ маѣ уже многія дѣвушки становятся невѣстами[2]). Обычай дѣлать предложеніе въ маѣ существуетъ и у чеховъ[3]). Въ Сициліи на 1-ое мая женихъ идетъ съ родителями въ домъ невѣсты и старается утащить что-нибудь изъ ея вещей. Если не удастся взять что-нибудь, онъ удовлетворяется однимъ цвѣткомъ изъ тѣхъ, которыми убрана комната. Черезъ нѣсколько дней женихъ присылаетъ взятую вещь обратно, присоединивъ какой-нибудь подарокъ или гостинецъ[4]). Интересное извѣстіе объ этомъ майскомъ весеннемъ предложеніи въ Германіи привелъ Рохольцъ изъ стихотворной «vita Bilihildis». Поэтъ разсказываетъ здѣсь, что женщины около Майнца плясали въ этотъ день совершенно «голыя», и мужчины выбирали себѣ среди нихъ женъ. Рохольцъ справедливо замѣчаетъ, что «голыя», конечно, преувеличеніе: остается извѣстіе о выборѣ невѣсты въ маѣ, что вполнѣ сходится съ приведенными только что извѣстіями изъ другихъ странъ[5]). Свадьбы поэтъ, схоже съ данными славянскаго фольклора, относитъ на зиму.

---

1) Каравеловъ, Пом. нар. быта болгаръ, стр. 225—227.

2) Обычаи и пѣсни тур. сербовъ, стр. 165.

3) Reinsberg-Düringsfeld, Festkalender der Böhmen, s. 124, прив. у Mannhardt'а, W. u. Fk. I, s. 165 прим.

4) Rezasco, Maggio, p. 27—28.

5) Heberle, Vita metrica St. Bilhidis нап. у Gropp'а, Collectio novissima script. et rerum wircenburgensium etc. Francofurti 1741, in 4⁰ v. I, p. 792, строфа 4-ая. Извѣстіе относится къ XIII в.; ср. Rochholtz, Die Gaugöttinnen, s. 37—39.

Этому положенію, что предложеніе дѣлается въ хороводѣ, разумѣется, самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчащему даннымъ современной дѣйствительности, возраженія дѣлаетъ только одна великорусская пѣсня, гдѣ парень говоритъ:

Видѣлъ я, батюшко, дѣвицъ караводъ
Выбиралъ я, батюшко, невѣсту себѣ,

на что отецъ совѣтуетъ:

Выбирай невѣстъ въ чистомъ полѣ
Въ чистомъ полѣ по постатію,
Кто широку постать гонитъ! [1])

Утилитарное хозяйственное воззрѣніе на бракъ беретъ здѣсь верхъ надъ обрядовой традиціей.

Отношеніе предложенія къ веснѣ и вообще къ народному календарю совершенно ясно показываетъ однако одна французская весенняя пѣсня. Символизмъ ея настолько прозраченъ, что онъ не требуетъ почти никакого комментарія:

Nous voici à Pâques
Au joli printemps
Où la violette
Fleurit dans les champs!
J'vas à la ballade
Prendre du bon temps.
En entrant en danse
J'ai faît-z-un amant.
En sortant de danse
M'a fait un présent:
Tenez, tenez belle

1) Магнитскій, Пѣсни Чебокс. уѣзда стр. 110, № 8; перепечатана у Соболевскаго, Великор. нар. п. III, стр. 237, № 288; ср. бѣлорусскую пѣсню: Б. Бп. стр. 159, № 173.

Vous voilà des gants!
Vous n'les portrez, belle,
Rein que trois fois l'an.
La première à Pâques,
L'autre à la St. Jean,
La troisième à vos noces,
La bell' quand ell' s'ront,
Les vot' et les miennes
S'f'ront en même temps.

Бюжо, изъ сборника котораго заимствована эта пѣсня, поясняетъ, что прежде среди крестьянъ подарокъ перчатокъ невѣстѣ считался обязательнымъ [1]). Что подарить перчатки означаетъ въ этой пѣснѣ сдѣлать предложеніе, это можно было догадаться и по самому смыслу пѣсни. Дѣвушка надѣнетъ третій разъ перчатки на своей свадьбѣ, на свадьбѣ ея и того, кто поднесъ ей этотъ подарокъ. Но передъ этимъ ей еще два раза пощеголять въ перчаткахъ, первый разъ на Пасху, когда онѣ ей очевидно и поднесены, и второй разъ на Ивановъ день. Упоминаніе этихъ двухъ праздниковъ въ высшей степени поучительно; они соотвѣтствуютъ двумъ основнымъ цикламъ хороводовъ. Пѣсня ясно говоритъ намъ, такимъ образомъ, что предложеніе сдѣлано во время весеннихъ хороводовъ, но что справлять свадьбу надо подождать еще довольно долго. Пройдетъ и Ивановъ день, и все-таки еще нельзя жениться. Чтобы сыграть свадьбу, надо ждать, какъ это говорится и въ приведенныхъ выше бѣлорусскихъ пѣсняхъ, до осени. Тогда будетъ уже убранъ хлѣбъ, тогда можно подумать и о созданіи новаго хозяйства или о расширеніи стараго.

Что крестьянскія свадьбы начинаются обыкновенно съ осени, есть явленіе слишкомъ общеизвѣстное, чтобы стоило въ доказа-

1) Bujeaud, Chants et chansons pop. des prov. de l'Ouest. I, p. 180; ср. ibid. 182, въ этомъ варіантѣ смыслъ перчатокъ уже забытъ; объясненіе пѣсни ibid. pp. 181—182.

тельство его приводить факты изъ этнографическихъ сборниковъ. На это явленіе указывали уже не разъ [1]). Я приведу однако кое-какія замѣчанія по этому поводу въ самихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ отнесеніе свадьбы на осень выражено образно и совершенно схоже съ французской пѣсней.

Въ извѣстной великорусской свадебной пѣснѣ именно такое значеніе имѣетъ обращеніе къ Козьмѣ и Демьяну:

И Кузьма Святой
Искуй намъ свадьбу
Крѣпко, твердо, накрѣпко [2]).

Какъ и въ большинствѣ упоминаній святыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, св. Кузьма упомянутъ здѣсь въ календарномъ смыслѣ: онъ куетъ свадьбы потому, что на его праздникъ начинается свадебный сезонъ.

Особенно вразумительна съ точки зрѣнія календарнаго пріуроченія свадебъ одна сербская пѣсенка; въ ней, какъ и во французской пѣснѣ, расположены календарно всѣ идеальныя событія, ведущія къ свадьбѣ.

Стигнала ми се Бела Марија
Стигнала ми се на ден Велик — день,
На день Ђурђевдењ ми ја крстије,
Ми ја крстије, гости је брајe.
На Спасовдењ ми заодела,
И заодела, и завезала;
На ден Петровдењ стројци дојдоје,
Стројци дојдоје, и ја дадоје,
На ден Илиндењ ја оможије [3]).

---

1) Сумцовъ, О свад. обрядахъ стр. 65—67.

2) Ш. Рп. стр. 547, № 2; ср. 1 и 3-ій; смотри также у Терещенки, Бытъ, II, стр. 448 и Аѳан. Поэт. воззр. I, стр. 466.

3) Ястребовъ, Об. и пѣсни тур. с. стр. 129; ср. Шапкаревъ, Бълг. Сб. I, стр. 87, № 83 (лазарская).

Сваты (стројци) неизмѣнно должны ждать до Ильина дня, т. е. до исхода лѣта, чтобы закончить дѣло, затѣянное Божіей Матерью еще на Пасху, т. е. при самомъ началѣ весеннихъ игръ и забавъ.

Время весеннихъ хороводовъ имѣетъ, стало быть, съ точки зрѣнія брака вполнѣ опредѣленное значеніе. Молодежь сходится вмѣстѣ среди игръ и забавъ, знакомится другъ съ другомъ, а это знакомство ведетъ и къ предложеніямъ. Такія свидѣтельства, какъ указаніе въ приведенной мною современной французской пѣснѣ, вполнѣ подтверждаютъ то, что обычай дѣлать предложеніе въ маѣ или вообще весною коренится глубоко въ народномъ сознаніи.

То же показываютъ косвенно и многія хороводныя пѣсни-игры. Ихъ символизмъ изображаетъ зачастую именно предложеніе, выборъ себѣ парнемъ невѣсты. А. Н. Веселовскій недавно привелъ два примѣра «сюжетовъ сватовства» въ хороводныхъ играхъ: русскую игру, «А мы просо сѣяли» и малорусскую «Царенко»[1]). Обѣ онѣ настолько схожи между собою, что менѣе распространенную вторую игру можно въ сущности счесть за варіантъ первой. Знаменитая пѣсня о сѣяніи проса находится еще въ сборникѣ XVIII вѣка «Русская Эрота (С. П. Б. 1792), а теперь записана въ цѣломъ множествѣ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ варіантовъ[2]). Во всѣхъ нихъ содержаніе приблизительно одинаково. Хороводъ дѣлится на два хора, при чемъ иногда одна часть состоитъ изъ парней, а другая изъ

1) Три главы изъ истор. поэтики, *Ж. М. Н. Пр.* 1898.

2) Сахаровъ, Пр. нар. р. п. II, стр. 4—5, № 2; Снегиревъ, Р. пр. пр. III, стр. 30—34; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 305 и V, стр. 19; *Этн. Сб.* V, стр. 107; Якушкинъ, Пѣсни, стр. 286; Шадринъ, 79; Фенюшинъ, стр. 38; Прагъ, I, № 1; Ш. Рп. стр. 201, № 147; Магнитскій, стр. 107, № 22; Ш. В. стр. 78, № 382—385 и стр. 353, № 1221; Б. Бп. стр. 81, № 126; Радченко, стр. 34—35, № 1; Р. Бсб. стр. 436, № 6; Чубинскій, III, стр. 65—67, № 11; Lud. V (1899), str. 214—217; ср. также музыкальные сборники: Пальчиковъ, № 12; Аѳанасьевъ, № 28, стр. 23; Балакиревъ, 8, 9; Бернардъ, III, 7; Галлеръ, 38; Гуриловъ, 42; Лаговскій, 103—105; Римскій-Корсаковъ, № 48, стр. 16.

дѣвушекъ[1]). Каждый хоръ выстраивается въ линію и нѣсколько разъ то сходится, то расходится. Пѣсня поется амобейно. Одинъ хоръ говоритъ въ болѣе полныхъ варіантахъ о томъ, какъ приготовляется пашня, какъ сѣется просо и, когда поспѣетъ, сжинается. Другой хоръ угрожаетъ выпустить стадо коней, чтобы вытоптать поле. Первый хоръ на это отвѣчаетъ заявленіемъ, что онъ загонитъ стадо. Тогда начинается торгъ: второй хоръ предлагаетъ различные выкупы, которые всѣ отвергаетъ первый хоръ, пока ему не предложатъ дѣвушку. На это предложеніе слѣдуетъ согласіе, и первый хоръ перетягиваетъ къ себѣ дѣвушку. Тѣмъ же порядкомъ игра повторяется нѣсколько разъ, пока первый хоръ не переведетъ къ себѣ цѣликомъ всѣхъ участницъ второго.

Смыслъ этой игры совершенно очевиденъ, и я не понимаю, почему проф. Потебня видѣлъ въ ней запутанность[2]). Не надо только, разумѣется, доискиваться символическаго смысла каждаго слова пѣсни, какъ это дѣлалъ Потебня. То обстоятельство, что въ одной свадебной пѣснѣ топчетъ посѣянный дѣвушкой ленъ парень и въ видѣ выкупа предлагаетъ самъ себя[3]), заставило Потебню предположить, что въ нашей пѣснѣ только впослѣдствіи роли перемѣнились: въ началѣ должны были сѣять дѣвушки, а топтать поле молодцы, такъ что и выкупъ составлялъ парень, а не дѣвушка. Но вѣдь самъ проф. Потебня въ примѣчаніи къ этой самой пѣснѣ указалъ на то, что одинъ и тотъ же символъ зачастую въ народныхъ пѣсняхъ употребляется въ противорѣчащемъ другъ другу смыслѣ[4]). Мнѣ кажется однако, что въ нашей пѣснѣ символъ вовсе не въ самомъ сѣяніи, топтаніи и т. д.; символическій образъ, лежащій въ основѣ ея, есть самый антагонизмъ, самая борьба между воздѣлывающими поле съ одной стороны и старающимися испортить работу съ

1) Напр Ш. В. № 385 и Б. Бп. № 126.
2) Объясн. мал. и ср. пѣсенъ, I, стр. 40 и 45.
3) Ш. Рп. стр. 148—150.
4) Объясн. мал. и ср. пѣсенъ, I, стр. 41, прим.

другой. Антагонизмъ или борьбу, выражающіеся самыми разнообразными способами, мы увидимъ почти во всѣхъ хороводныхъ пѣсняхъ-играхъ, имѣющихъ тотъ же основной смыслъ. Этотъ споръ или эта борьба изображается нарочно, чтобы разрѣшить дѣло примиріемъ, т. е. переходомъ дѣвушки въ станъ парней или наоборотъ.

Весь смыслъ подобныхъ пѣсенъ заключается именно въ ихъ конечномъ актѣ, въ заполученіи дѣвушки, такъ что первая часть служитъ только какъ бы введеніемъ, подобраннымъ предлогомъ потребовать дѣвушку и ея образы вовсе не такъ существенно важны, даже если по самому смыслу своему они содержатъ въ себѣ тотъ же символизмъ, что и вся пѣсня. Въ данномъ случаѣ этотъ символизмъ уже забытъ и въ расчетъ не идетъ.

Еще отчетливѣе, чѣмъ пѣсня-игра о Сѣяніи Проса, указываетъ на бракъ символизмъ западно-славянской игры, совершенно схожей съ сѣяніемъ проса; на близость обѣихъ игръ указалъ еще Шафарикъ[1]). Приведенная въ упомянутой выше статьѣ Веселовскаго малорусская пѣсня-игра «Царенко»[2]) есть только менѣе полный варіантъ этой пѣсни. Въ пѣснѣ «Царенко» слова «мостіте мости» и «вже-помостили» лишены всякаго смысла. Въ словенскомъ варіантѣ Шафарика также забытъ символизмъ моста: дѣвушку выдаютъ въ уплату за привезенные для моста камни. Напротивъ въ хорватскомъ и другомъ словенскомъ варіантахъ дѣвушка идетъ въ уплату за право перейти черезъ мостъ: здѣсь поется съ повторяющимся послѣ каждой строки припѣвомъ: «Hoja Duńdă hoja!»:

Poslala nás kralóvná
Načo že vás poslala?

1) P. J. Ssaffařjk a Jan Blahoslaw, Pisne sw. lidu slowenskeho, II, № 1, стр. 31—32.

2) Чубинскій, Труды, III, стр. 83, № 21; ср. бѣл. варіантъ Р. Бсб. стр. 438, № 12.

Po tri vozy kamenia.
Načo vám to kamenia?
Zlaté mosty stavati.
Či sú mosty hotové?
Už sú mosty hotové.
Z čohože sú stavané?
Z toho marvaň-kameňa.
Či nás ces ne pustíte?
Čo nám za dar nesiete?
Černooké dievcâtko[1]).

Символизмъ моста, перехода, переправы черезъ рѣчку и проч., который мы уже видѣли, какъ обозначающій бракъ въ поздравительныхъ пѣсняхъ[2]), здѣсь вполнѣ выдержанъ. Чтобы перейти черезъ мостъ т. е. жениться, надо, конечно, заполучить дѣвушку.

На весеннее пріуроченіе пѣсни указываетъ здѣсь упоминаніе королевны. Шафарикъ совершенно справедливо отождествилъ эту королевну, приказывающую мостить мостъ, съ сербской «кралевной». Это та самая весенняя королевна, которая играетъ такую выдающуюся роль въ весенней обрядности всѣхъ народовъ Европы. Только что, начиная разборъ новой серіи поздравительныхъ пѣсенъ, мы видѣли, что всѣ эти обрядовыя: sposa, mariée, Maibraut—невѣсты, напѣвающія счастье въ бракѣ. Царевна малорусской пѣсни (въ параллель къ которой введенъ и царенокъ), очевидно, ни что иное, какъ совершенно утратившее смыслъ отраженіе королевны.

Первый вводный эпизодъ пѣсни, т. е. эпизодъ самого снятія проса опускаетъ и третій типъ разбираемой игры, извѣстный

1) Dobšinský, Proston. ob. pov. a hry slovenské, str. 152—153, № 39; cp. Sb. Matice slov. str. 144; Kurelac, Jáčke ili nar. p. Hrv. na Ugrah 293, прив. у Потебни, l. c. I, стр. 131—132; Sušil, Nar. p. 731.

2) См. выше стр. 254 и слѣд. и у Потебни, l. c. II, отдѣлъ «Мосты», стр. 127—135.

мнѣ въ великорусскихъ и сербскихъ варіантахъ [1]). Въ этомъ типѣ разбираемой темы дѣло идетъ уже не о дѣвушкѣ вообще, а прямо о невѣстѣ. У Караджича эта пѣсня помѣщена даже среди свадебныхъ. Въ великорусскомъ варіантѣ, который поется, какъ продолженіе пѣсни о сѣяніи проса, игра начинается вопросомъ:

Бояре, да вы зачѣмъ пришли
Молодые, вы зачѣмъ пришли?

на что слѣдуетъ отвѣтъ:

Бояре, да мы невѣстъ смотрѣть
Молодые, да мы невѣстъ смотрѣть.

Но невѣста достается хору, изображающему парней, въ этомъ изводѣ пѣсни не такъ легко, какъ въ первомъ, и споръ, съ котораго начинается игра о сѣяніи проса, такъ сказать перенесенъ въ конецъ.

Съ упомянутой только что сербской пѣснью изъ сборника Караджича сопоставилъ пѣсню о сѣяніи проса и Потебня [2]). Этотъ варіантъ интересенъ особенно тѣмъ, что въ немъ въ самомъ концѣ игра дополняется новой фигурой — воротами:

А ви два свата, два уводника,
Отвор'те ворота,

поетъ первый хоръ, на что второй отвѣчаетъ:

Отворена су јоште с вечера
И пометена [3]).

---

1) Ш. В. № 1222, стр. 354; ср. №№ 1058 и 1063; Караџић, Српске нар. пјесме, I, № 2, стр. 2; Милојевић, П. и об. № 130, стр. 92—93; Ястребовъ, Об. и п. тур. серб. стр. 160—161.

2) Объясн. мал. и ср. п. I, стр. 48.

3) Србске нар. пј. I, стр. 2, № 2.

Послѣ этого двое играющихъ дѣлаютъ «ворота», т. е. поднимаютъ руки, и противный хоръ, держась за руки, вереницей пробѣгаетъ сквозь ворота, при чемъ послѣднюю дѣвушку не пропускаютъ и она переходитъ въ чужой «полкъ». Такъ продолжается игра, пока не перейдутъ въ чужой полкъ всѣ дѣвушки. Эта послѣдняя фигура извѣстна и въ великорусскихъ изводахъ пѣсни о сѣяніи проса. Въ варіантѣ изъ Сольвычегодскаго уѣзда (Вол. губ.) поется[1]):

Что же вамъ надобѣ?
Намъ надобѣ дѣвица.
Вамъ которая дѣвица?
Намъ надо крайняя,
У насъ крайняя въ золотѣ.
Намъ надо въ жемчугѣ.
У насъ нѣтъ такой.
Давайте намъ ворота найдемъ.

Изъ текста видно только, что въ ворота проходятъ не избираемыя дѣвушки, а парни, которые, пробѣгая черезъ ворота, ухитряются схватить дѣвушку. Совершенно схоже съ сербской кончается однако другой великорусскій варіантъ сѣянія проса. Одна изъ крайнихъ паръ поднимаетъ руки и въ «ворота» пробѣгаетъ противный хоръ подъ пѣсню:

Вокругъ города, вокругъ Архангельскаго
Островъ мой, да зеленъ мой.
Были трое ворота, трои широкія
Какъ во первые ворота сундуки провезли,
Какъ во вторые ворота бояре прошли,
Какъ во трети то ворота женихи прошли
Женихи прошли и невѣстъ провели.

---

1) Ш. В. стр. 80, № 385.

Ужъ какъ кто-то сына женитъ, у кого дочь беретъ?
А N сына женитъ, у N дочь беретъ [1]).

Этотъ конецъ игръ разбираемаго типа вводитъ насъ въ другую группу хороводныхъ плясовыхъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ великорусскихъ и малорусскихъ варіантахъ. Сюда относятся «Володарь» или «Воротарь» и «Король»; здѣсь главный актъ заключается именно въ пропусканіи «черезъ ворота» и задерживаніи одной изъ дѣвушекъ. Символизмъ этой пѣсни-игры также очевидно ведетъ къ браку, какъ и символизмъ первой пѣсни. Потебня показалъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ свадебныхъ пѣсенъ, что «отворять ворота значитъ любить, брать за себя, затворять — переставать забывать» [2]). Пѣсни о Воротахъ, въ малорусскихъ варіантахъ которыхъ упоминается князя Романа царя Александра, «Михайлови слуги, князеви служебники» и проч. [3]), вызвали и предположеніе объ историческихъ воспоминаніяхъ въ этой пѣснѣ [4]). Костомаровъ и Потебня искали и миөологическаго объясненія. Костомаровъ полагалъ, что «Мезинее дитя», которое предлагаютъ въ даръ тѣ, «хто воритъ кліче», означало символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года, считающагося съ весны [5]). Потебня понялъ это дитя совершенно иначе: вовсе не, какъ малаго ребенка, а «какъ младшую дочь», за которой приходитъ Царенко въ упомянутой малорусской пѣснѣ того-же имени и въ соотвѣтствующей ей великорусской пѣснѣ также родственной разбираемому типу. Дѣвушка еще слишкомъ молодая, чтобы ее можно было сватать, на-

---

1) Гуляевъ, Этногр. Очеркъ южной Сибири стр. 74—75, прив. у Потебни, l. c. I, стр. 45 и 92.

2) Ibid. стр. 53.

3) Чубинскій, Труды, III, стр. 38 и слѣд. № 2; ср. Головацкій, Нар. Пѣсни Галицкой и Угр. Руси, II, стр. 695 и IV, стр. 159, 165 и 175; Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. п. I, стр. 38—42, 70, 328—330.

4) Антоновичъ и Драгомановъ, l. c. стр. 330.

5) См. статью Костомарова въ *Вѣстникѣ Европы*, 1874, декабрь, стр. 586—590.

звана здѣсь, по мнѣнію Потебни, вмѣсто «меньшенькой», какъ въ Царенкѣ, «мезинее дитя» [1]). При этомъ объясненіи брачный смыслъ пѣсни уже не подлежитъ сомнѣнію: «Царскіе служки» приходятъ къ воротамъ несомнѣнно также «невѣстъ смотрѣть», какъ въ великорусской параллели «Царенка». Установивъ это объясненіе пѣсенъ Потебня на немъ однако не останавливается. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, такое раціоналистическое объясненіе, оставившее слѣдъ въ самой пѣсни, касается лишь предполагаемаго позднѣйшаго наслоенія пѣсни и потому не исключаетъ другого миѳологическаго объясненія» [2]). Исходя изъ этой точки зрѣнія Потебня не отрицаетъ и историческаго объясненія. Онъ полагаетъ, что въ пѣснѣ вполнѣ естественно могло сохраниться имя Русскаго князя XII в., но историческое наслоеніе онъ считаетъ не существеннымъ [3]) и ведетъ насъ черезъ цѣлое множество сближеній, символовъ и образовъ славянской и литовской пѣсенной литературы къ своему окончательному чисто миѳологическому толкованію. «Первоначальная сцена здѣсь не земля, — пишетъ Потебня, — а небо. Ворота — суть небесныя ворота, въ которыхъ восходитъ и заходитъ солнце и другіе свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отмыкаетъ ключами и замыкаетъ зоря (а можетъ быть и мужескій образъ того-же явленія), выпуская

---

1) Потебня, Объясн. мал. и сродныхъ п. I, стр. 57; о пѣсняхъ Царенко и сл. вел. р. варіантѣ (Чубинскій, l. c. стр. 83 и Ш. В. № 1222) см. выше стр. 283. Слова пѣсни «Царенко», на которыя ссылается Потебня, звучатъ такъ:

— Царівно, ми ваши гостіе
«Царенку, зачимъ ви, гості?»
— Царівно за дівчиною.
«Царенку, за которою?»
— Царівно, за меньшенькою,
«Царенку, такъ не зряжена».
— Царівно, такъ ми й зрядимо.

2) Объясн. мал. и ср. п. I, стр. 93.

3) Ibid. стр. 57. Объ историческомъ мотивѣ этой пѣсни см. изслѣдованіе проф. Жданова Русскій былевой эпосъ. СПБ. 1895. Останавливаться на немъ я также не вижу основанія.

при этомъ росу, отождествляемую по одному воззрѣнію съ ключами зори, по другому съ медомъ»[1]).

Миѳологическія толкованія вродѣ только что приведеннаго, ищущія отраженія даже не какого-либо вполнѣ опредѣленнаго миѳа, извѣстнаго намъ у того или иного родственнаго народа, а какого-то воображаемаго миѳологически-поэтическаго воззрѣнія на природу, всегда въ основѣ своей зиждятся на одномъ какомъ нибудь чисто апріорномъ утвержденіи, подсказанномъ теоріей, системой, разъ навсегда установленной и опредѣляющей собою методологическіе пріемы. Такъ и въ данномъ толкованіи. Построенія Потебни всѣ исходятъ изъ чисто отвлеченнаго и предвзятого признанія, что «червонное яблочко» ничто иное, какъ солнце; а отсюда, такъ какъ «аттрибуты миѳической личности изображаютъ тоже явленіе, что и она сама», и дитя = «дѣвица» также солнце[2]). Разъ это установлено, конечно, можно привлечь къ сопоставленію латышскія пѣсни о женитьбѣ дочери солнца; но почему яблоко — солнце? Если въ какой нибудь пѣснѣ или рядѣ пѣсенъ солнце названо яблокомъ, развѣ мы должны неминуемо, каждый разъ какъ въ пѣснѣ встрѣчается слово яблоко, считать, что здѣсь подразумѣвается солнце?

Чтобы уяснить себѣ смыслъ какой нибудь пѣсни, дошедшей въ такихъ сбивчивыхъ варіантахъ съ иногда совершенно случайно нагроможденными другъ на друга образами, необходимо имѣть въ виду прежде всего общій остовъ, общій замыселъ пѣсни, а не такую случайную подробность какъ та, изъ которой исходитъ Потебня. Что проходъ черезъ ворота, или по мосту или вообще проникновеніе куда нибудь означаетъ сватовство, въ этомъ мы убѣдились, какъ изъ разобранныхъ раньше пѣсенъ-игръ, такъ и изъ сопоставленія Потебни съ свадебными пѣснями. Такой смыслъ ясно выраженъ и въ пѣснѣ-игрѣ о королѣ или царѣ: въ ней поется теперь уже поколебавшимся амобейнымъ складомъ:

1) Ibid. стр. 93.

2) Ibid. стр. 58—62 и особенно 58.

Ходитъ царь, ходитъ царь
Вкругъ-Нова-города,
Вкругъ-Нова-широка.
Ищетъ царь, ищетъ царь,—
Онъ царевну свою,
Королеву свою:
«Гдѣ вы видали? Гдѣ вы видали—
Царевну мою,
Королеву мою?
—Вотъ гдѣ она, вотъ гдѣ она!
Въ Новѣ-городѣ,
Въ Новѣ-широкомъ
Золотымъ вѣнцомъ
Просіяла она,
Золотыми ключами
Побрякивала:
«Отворяйтеся
Широки́ воротà!
Пропускайте
Царевича и т. д.[1])

При этомъ дѣвушка, изображающая царя, проникаетъ въ хороводъ. Въ соотвѣтствующей мало-русской игрѣ дѣвушки идутъ вереницей подъ поднятыми руками стоящихъ впереди паръ и поютъ:

Отчиняй ворота
Не суши живота и т. д.[2])

Тотъ-же смыслъ имѣетъ и другая сродная великорусская пѣсня, совершенно утратившая всѣ признаки амобейности:

---

1) Ш. В. стр. 313, № 1059; ср. №№ 1060, 1062 и 1058; Сахаровъ, П. р. н. II, стр. 60 и слѣд. №№ 29, 30, 31; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 170—172; Кокосовъ въ *З. И. Р. Г. О.* II, стр. 2—3 отд. отт.

2) Чубинскій, Труды, III, стр. 43.

Подойду, подступлю
  Подъ Иванъ-городъ каменный;
Выломлю, вышиблю
  Чеботомъ стѣну каменну;
Ростворю, ростворю
  Колыванскіе ворота;
Выведу, выведу
  Душу красну дѣвицу [1]).

Малорусская пѣсня-игра, Вороторь, напротивъ сохранила почти неприкосновеннымъ амобейный складъ, и поэтому при проникновеніи черезъ ворота происходитъ споръ: защищающіе ворота спрашиваютъ, отъ кого и съ чѣмъ пришли. Это совсѣмъ въ духѣ свадебнаго діалога. Оказывается, что пришли съ ребенкомъ [2]). Толкованіе Потебни, что ребенокъ есть младшая дочь, мнѣ кажется натянутымъ, вѣдь ребенокъ вводится и въ игру. Дѣвушки устраиваютъ изъ рукъ мостъ такой-же, какой мы знаемъ изъ пѣсни «Колосокъ» [3]), и по нему идетъ ребенокъ [4]). О немъ очевидно и поется. Съ точки зрѣнія «раціоналистическаго объясненія», которое казалось недостаточнымъ Потебни, идеальное принесеніе «мизиннаго дитя» тѣми, кто хочетъ пройти черезъ «ворота» т. е. жениться, однако не можетъ не быть до очевидности естественнымъ. Бракъ приноситъ дѣтей: это вполнѣ логично

1) Ш. В. № 1055, стр. 312; ср. Ш. В. № 1054; Магнитскій, № 21 и Снегиревъ, Прн. р. пр. III, стр. 45.

2) Находящіеся въ городѣ спрашиваютъ:

Що жъ ви намъ придаете?

и слышатъ въ отвѣтъ отъ пришедшихъ и осаждающихъ «царскихъ служечекъ»:

Мезинее дитя! Чуб. Труды, III, стр. 89.

3) См. ч. I, стр. 359—360.

4) Головацкій, Н. п. Г. и У. Р. II, стр. 695; Потебня l. c. стр. 57—58 полагалъ, что эта фигура и вызвала появленіе «малаго ребенка»; это вполнѣ возможно, хотя такимъ образомъ трудно объяснить себѣ появленіе ребенка въ варіантахъ, незнающихъ данной фигуры. Объ этой фигурѣ въ другихъ играхъ см. въ концѣ этой главы.

и понятно, и едвали нужно еще какое-нибудь болѣе сложное объясненіе.

Едва-ли также нужно объяснять символически и самое описаніе ребенка. Оно сдѣлано въ тѣхъ же преувеличенныхъ роскошныхъ краскахъ, какъ всѣ вообще описанія въ пѣсняхъ. Эту черту пѣсеннаго стиля я уже имѣлъ случай отмѣтить, а отчасти и объяснить, когда рѣчь шла о весеннемъ пѣсенномъ привѣтствіи; такъ какъ ребенокъ здѣсь изображается желательнымъ, — вѣдь передъ нимъ отворяютъ ворота, — о немъ и говорится, что онъ «гетманское дитя», что онъ въ «сріблі въ злоті», что онъ сидитъ на «золотімъ кресельку» и играетъ «золотимъ яблокомъ». Народное воображеніе не боится позолоты, а напротивъ, готово покрыть имъ всѣ предметы, находящіеся передъ глазами. Такая же идеализація «мизиннаго дитя» ведетъ и къ другому его описанію; про него поютъ:

«Що воно робля?
—Шиэ, вишиваэ
«Що воно идае?
—Весь пшеничный хлібъ.
«А що воно пивае?
—Все сладкій медъ
«А въ чемъ воно сипляе?
—Въ пуховихъ подушкахъ»[1]).

Здѣсь, конечно, уже меньше роскоши; многимъ это описаніе покажется даже блѣднымъ, и только сладкій медъ представится нѣсколько праздничнымъ, избраннымъ угощеніемъ; но для поющихъ его будущихъ матерей или отцовъ каждое слово въ этомъ описаніи вызываетъ представленіе о такомъ довольствѣ, котораго онѣ не видѣли въ домѣ своихъ родителей, не увидятъ, увы, и послѣ, въ своемъ собственномъ домѣ.

1) Чуб. I. с. стр. 40—41, варіантъ Д.

Такъ объясняется, мнѣ кажется, эта игра въ «Вороторя» при сопоставленіи съ другими схожими пѣснями-играми. Общій смыслъ ея вполнѣ ясно представленъ коротенькимъ варіантомъ изъ сборника Головацкаго:

Воротерю, воротнику.
Отвори ми воротонька—
Ой що-жъ то ми за панъ ѣде?
Ой що-жъ то ми за даръ везе?
Крайнее детятенько,
Золотое зернятенко [1]).

Въ послѣднихъ двухъ типахъ хороводныхъ игръ мы видѣли тѣже символы для обозначенія брака, что и въ привѣтственныхъ пѣсняхъ соотвѣтственнаго склада. Бракъ въ нихъ изображается, какъ настойчивое проникновеніе черезъ ворота или по мосту, при чемъ допускаются лишь тѣ, кто внесъ дань, уплатилъ выкупъ, либо принесъ подарки, и такая же идеальная борьба или торгъ, какъ мы видѣли, лежитъ въ основѣ и знаменитой пѣсни-игры: «А мы просо сѣяли». Я остановлюсь теперь на другомъ символѣ предложенія. Онъ введетъ насъ въ новый рядъ хороводныхъ пѣсенъ.

На этотъ разъ бракъ символизуется уже не борьбой, а подчиненіемъ дѣвушки парню. Такова велико-русская пѣсня, начинающаяся словами:

Ѣхалъ панъ
Отъ князя, отъ барина;
Сронилъ панъ
Свою шляпу черную [2]).

---

1) Головацкій, l. c. II, стр. 695.

2) Пальчиковъ, Крест. п. собр. въ Николаевкѣ, стр. 47, № 14; ср. Ш. В. №№ 415 и 1200 (оба извращены); Терещенко, Бытъ, IV, стр. 158; Магнитскій, П. кр. села Бѣловолжскаго, стр. 95, № 5; Балакиревъ, 15 и др.

Подъ звуки этой пѣсни въ хороводъ входитъ парень и вызываетъ дѣвушку. Онъ проситъ ее при этомъ поднять его шляпу. Дѣвушка сначала не соглашается, заявляя гордо:

Я пану,
Я пану не служенька,
Служенька
Родимыя матушки.

Тогда пѣсня поется снова, и на этотъ разъ дѣвушка оказывается уже не такой непокорной: она кланяется низко, поднимаетъ «шляпу черную» и сама называетъ себя «служенькой».

Второй актъ этого хороводнаго дѣйства, конечно, изображаетъ бракъ. Это видно въ особенности изъ сопоставленія данной игры съ знаменитой пѣсныо «Какъ по морю, морю синему». Мнѣ уже пришлось раскрыть одинъ изъ заключающихся въ ней символовъ. Подобно сербскимъ «на ранило» и цѣлому ряду волочобныхъ бѣло-русскихъ пѣсенъ, дѣвушка здѣсь собираетъ перья на берегу моря. Какъ мы видѣли, это означаетъ, что она ждетъ суженнаго. Когда этотъ суженный явится, дѣвушка однако, очевидно, его не узнаетъ: на его привѣтствіе она

Не склонилась,
Не поклонилась.

На такую дерзость парень отвѣчаетъ ей угрозой:

Зашлю я свата, засватаю тебя,
Засватаю, засватаю,
Возьму замужъ за себя;
Будешь стоять у постелюшки моей
Будешь лить, будешь лить,
Будешь лить, горючи слезы.

Эти слова парня и мѣняютъ совершенно настроеніе дѣвушки; теперь она уже покорно кланяется парню и извиняется передъ нимъ:

Я вѣдь думала: не ты сударь, идешь,
Не ты идешь, низко кланяешься[1]).

Послѣ этихъ примирительныхъ словъ дѣвушки игра кончается тѣмъ, что она нѣжно цѣлуется съ парнемъ.

Въ пѣсни, «какъ по морю, морю синему» смыслъ нашего символа уже совершенно ясенъ: подчиниться значитъ выйти замужъ. Вотъ почему схожій съ только-что указаннымъ мотивъ встрѣчается и въ свадебныхъ пѣсняхъ; въ одной изъ нихъ поется:

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсичка темнаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжитъ;
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ,
У воротичекъ Настасьюшка стоитъ.
—«Настасьюшка! перейми моего коня!
Павловна перейми моего добра!»

Въ первый разъ, что Настасьюшка слышитъ эту просьбу она отвѣчаетъ отказомъ и только, когда пѣсню споютъ второй разъ, она готова повиноваться:

---

1) Кокосовъ, Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ, *З. И. Р. Г. О.* II (1868), стр. 8—9 отд. оттиска; ср. Сахаровъ, П. р. н. II, № 17, стр. 84; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 228; Варенцовъ, стр. 122, № 8; Студитскій, стр. 22, VI; Смирновъ, стр. 120, № 5; Шадринъ, стр. 95, № 8; Фенютинъ, 86; Поповъ, стр. 119; Магницкій, стр. 100, № 10; Васнецовъ, стр. 192, № 4; Лопатинъ, П. н. п. стр. 200, № 168; Истоминъ, П. р. н. Вологд. г. стр. 110 и 148—149; Пальчиковъ, № 5; Вильбоа, 90; Галлеръ, 26; Аѳанасьевъ, 50; Балакиревъ, 3 и др. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвушка говоритъ еще, что она приняла парня за Алешу Поповича. Такова версія Сахарова. Объ этомъ см. у А. Н. Веселовскаго, Южно-русскія былины, III—XI, стр. 397—8.

Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь Божья, да твоя! [1]).

Символическое изображеніе брачныхъ узъ покорностью или подчиненіемъ знаетъ и одна малорусская пѣсня. Въ ней на просьбу парня напоить коня дѣвушка отвѣчаетъ:

— Не напою, козаченьку,
Бо ще й не твоя;
Якъ буду твоя,
Напою и два
Изъ новоі криниченьки
Холодноі водиченьки
Зъ повнаго відра [2]).

Если подчиненіе или покорность есть символъ брака, по этому поводу можно и поморализировать. Такъ одна бѣло-русская пѣсня угрожаетъ непокорной богатой дѣвушкѣ, что не найдетъ она себѣ жениховъ въ то время, когда «убогую», но покладистую, уже идутъ сватать [3]). Широко распространенная велико-русская хороводная пѣсня-игра, исходя изъ того же положенія, противополагаетъ непокорность вдовы услужливости дѣвушки [4]).

Нѣсколько иначе, дѣйствіе схожее съ темой: выйти замужъ = покориться, развивается въ другой великорусской хороводной пѣснѣ-игрѣ. Здѣсь играетъ роль одна только дѣвушка, и она мѣняетъ свое настроеніе въ концѣ игры совершенно такъ же, какъ и въ пѣснѣ «Ходилъ панъ», только въ началѣ она оказывается

1) Лопатинъ, Полн. нар. пѣс. изд. Сытина, стр. 175, № 140.

2) Чубинскій, Труды, III, стр. 125—126, № 18; ср. также стр. 111, № 3.

3) Радченко, Гом. П. *З. И. Р. Г. О.* XII, 1, стр. 3, № 8.

4) Сахаровъ, П. р. н. II, № 8; Терещенко, Бытъ, IV, стр. 265—272; Ш. Рп. стр. 157 и 184—190; Студитскій, стр. 27, № 9; Варенцовъ, стр. 112; Ш. В. №№ 412 (неполн.), 413 и 414. Лопатинъ, Полн. нар. пѣс. изд. Сытина, стр. 206, № 174; Вильбоа, № 18; Прачъ, стр. 1, № 2; Смирновъ, стр. 129, № 7 и др.

какой-то удалой силачкой, которая способна сбить спѣсь съ кичливаго парня, требующаго ея покорности.

Дѣвица молодца поборола;
Черную шабку съ кудрей сшибла,
Русыя кудри столочила,
Рубашечку изорвала,
А кафтанчикъ замарала.
Пошелъ молодецъ невеселъ
Буйную голову повѣсилъ [1]).

Пристыженный своей слабостью и своимъ безчестьемъ при «всемъ дѣвичьемъ хороводѣ» парень идетъ обыкновенно жаловаться на удалую дѣвушку своей матери. Тогда дѣло мѣняется; мать парня уговариваетъ дѣвушку, и та начинаетъ уже жалѣть его: она поднимаетъ его черную шляпу, причесываетъ черные кудри, зашиваетъ рубашку, чиститъ кафтанъ [2]). Этимъ и кончается эта странная пѣсня.

Мотивы предложенія въ хороводныхъ играхъ заставили насъ оставаться нѣкоторое время въ области исключительно русскихъ пѣсенъ. При тѣхъ жалкихъ обломкахъ западно-европейскихъ «reihen» и «caroles», которыя тѣмъ или инымъ способомъ дошли до насъ, уяснить себѣ ихъ основные сюжеты, конечно, невозможно. Что и тамъ танцы имѣли однако схожій любовный характеръ, это мы видѣли. Одна знаменитая нѣмецкая хороводная игра XV в., «Der Schäfer von Neustadt», изображаетъ въ вполнѣ отчетливыхъ выраженіяхъ и предложеніе. Ее поэтому нельзя не назвать рядомъ съ только что разобранными русскими хороводами. Какъ бы одиноко она не стояла, она несомнѣнно свидѣ-

1) Соболевскій, В. н. п. VI, № 597, стр. 502.

2) Ibid.; ср. Якушкинъ, стр. 266; Шадринъ, стр. 105; Фенютинъ, стр. 40; Ш. Рп. стр. 439, № 14; Ш. В. стр. 172, №№ 365—371; Студитскій, стр. 15, IV = Соболевскій, VI, № 593; Смирновъ, стр. 187, № 9; Варенцовъ, стр. 134, № 18; Пальчиковъ, № 13 = Соболевскій, VI, № 596; Вильбоа, № 4 и Филиповъ, 34 = Соболевскій, VI, № 598; Балакиревъ, 6.

тельствуетъ о томъ, что любовные мотивы весеннихъ плясокъ и на Западѣ разумѣли, особенно среди простого народа, любовь, находящую себѣ исходъ въ бракѣ. Пѣсня «Der Schäfer von Neustadt»[1]) уцѣлѣла лишь въ отрывкѣ: сохранился только одинъ куплетъ, но весьма вѣроятно, что дойди до насъ пѣсня цѣликомъ, она оказалась бы «споромъ матери и дочери». Въ сохранившемся куплетѣ поется отъ имени матери дѣвушки; мать высказываетъ согласіе отдать свою дочь замужъ за Неуштадтскаго пастуха. На то, что это предложеніе изображалось и въ лицахъ танцующей молодежью, даетъ указаніе замѣчаніе объ этой пляскѣ въ «Epistolae obscurorum virorum» (1515). Здѣсь Туттенъ разсказываетъ, какъ онъ танцовалъ подъ звуки «cantilenae de pastore de nova civitate»: «тотчасъ схватили танцоры своихъ дѣвушекъ, какъ это полагается; и я также прижималъ свою къ моей груди»[2]).

Намекаютъ на заключеніе новыхъ браковъ, и именно на ожидаемыя дѣвушками предложенія, и сербскія и болгарскія лазарскія игры. Въ нихъ прибѣгаютъ къ символическому дѣйствію, уже знакомому намъ: мы видѣли, какъ дѣвушки, устраивая изъ своихъ рукъ живой мостъ, ведутъ по нему «колосокъ», мы видѣли также, какъ такимъ-же способомъ изображается въ малорусской хороводной игрѣ и шествіе «мизиньнаго дитятки». И то и другое есть, разумѣется, ничто иное, какъ символическое изображеніе торжественнаго шествія какого нибудь блага. Такое-то шествіе и устраиваютъ сербскія и болгарскія дѣвушки на Лазареву субботу при открытіи кольскихъ игръ: онѣ ставятъ къ себѣ на руки мальчика, называютъ его Лазаремъ и поютъ ему:

Лазарь, Лазарь полѣзай,
До меня ты долѣзай,
Захватись-ка за меня
За мой шелковый рукавъ

1) Erk-Böhme, D. Lh. № 983, II, s. 714.
2) Ibid. II, s. 714—715.

И за шелковый платокъ
За узористый передникъ![1])

Что изображаетъ этотъ Лазарь, конечно, понятно: онъ олицетворяетъ собою праздникъ и то, что праздникъ этотъ приноситъ, т. е. предложеніе. При разборѣ Лазарскихъ пѣсенъ мы вѣдь видѣли, что Лазарь приноситъ съ собой между прочимъ и любовь парня т. е. сватовство.

Если эротическіе весенніе обряды представляютъ собою въ современномъ быту жениховавье т. е. предложеніе, естественно возникаетъ теперь вопросъ о томъ, надо ли давать вѣру тому укоренившемуся взгляду на второй циклъ весеннихъ праздниковъ и на непосредственно слѣдующіе за нимъ лѣтніе праздники, по которому это время года есть пора распущенности и нѣкотораго гетеризма; естественно спросить себя, имѣемъ ли мы право подозрѣвать что нѣкогда въ основѣ эротическихъ забавъ лежали свободныя половыя отношенія. Опредѣливши весенній эротизмъ, какъ жениховавіе, я какъ будто призналъ, что онъ вовсе не основанъ на избыткѣ любовныхъ похотей, ищущихъ себѣ свободнаго выхода; я постарался представить его коренящимся въ бытовыхъ условіяхъ жизни людей, живущихъ натуральнымъ хозяйствомъ. Женихуютъ и невѣстятся тѣ, кому подоспѣло вступить въ бракъ; допускаютъ жениховавье и невѣстенье домохозяева, которымъ нужно обставить свою семью новыми женатыми и замужними членами. Еще разъ весна оказывается временемъ скорѣе ожиданій и надеждъ, чѣмъ осуществившихся радостей.

---

1) Березинъ, Хорв., Слав., Далм. и Военн. Граница, II, стр. 545 и Каравеловъ, Пам. стр. 202.

Этому послѣднему замѣчанію противорѣчатъ однако тѣ соображенія Вестермарка[1]), по которымъ конецъ весны и начало лѣта были когда то періодомъ скрещиваній для доисторическаго человѣка.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ я свелъ всѣ тѣ мотивы въ весеннихъ играхъ и забавахъ, въ которыхъ выразился эротическій характеръ весенней обрядности. Слѣдя шагъ за шагомъ за весеннимъ эротизмомъ мы видѣли, что любовные мотивы искони лежатъ въ основѣ цѣлаго ряда обрядовъ и забавъ справляемыхъ въ это время года. Въ средневѣковой поэзіи любовные весенніе мотивы обновились и еще одной струей. Литературная традиція принесла унаслѣдованное ею отъ античной миѳологіи и древнихъ греческихъ эротиковъ представленіе о томъ, что весна есть по преимуществу пора любви. Спустившись изъ поэзіи труверовъ и миннезингеровъ въ народную пѣсню, это пришлое представленіе уложилось здѣсь рядомъ съ исконной обрядовой эротикой.

Весенній обрядовой эротизмъ я постарался изслѣдовать и съ точки зрѣнія его отношеній къ браку. Оказалось, что въ основѣ своей онъ есть ничто иное, какъ жениховánье, что оба періода хороводныхъ игръ и забавъ, какъ зимніе святки, такъ святки «зеленые» представляютъ собою пору нѣсколько предшествующую времени, спеціально отведенному въ народномъ календарѣ для заключенія новыхъ браковъ. Кстати сказать, мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, еще новый примѣръ того сходства между зимней и весенней обрядностями, которое мнѣ казалось возможнымъ констатировать по другому поводу. Такъ обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія данныхъ фольклора, и у насъ нѣтъ основаній ни для какихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Если же однако показанія современной статистики отмѣчаютъ отраженія періодовъ скрещиваній, сохранившіяся и до нашего времени, тогда, конечно, въ эротическихъ играхъ и забавахъ, какъ совпадающихъ съ этой порой года, нельзя не подо-

1) Hist. of human marriage, pp. 28—34.

зрѣвать по крайней мѣрѣ, что касается отдаленнаго прошлаго, и значительной доли гетеризма, а если это такъ, то опять таки спрашивается, можно ли назвать эти игры и забавы жениховань-емъ, не впадая въ ошибку: pars pro toto?

Эти сомнѣнія, мнѣ кажется, могутъ быть разсѣяны только въ зависимости отъ нѣкоторыхъ соображеній по исторіи брачныхъ отношеній. Если, дѣйствительно, будетъ доказано, что и индо-европейскіе народы прошли черезъ такія «формы отношеній между полами, при которыхъ женщины состоятъ въ половомъ сожитіи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного съ ними стаднаго соединенія»[1]), тогда, опираясь на приведенныя мною данныя, можно думать, что весною въ періодъ скрещиваній имѣлъ когда-то мѣсто и гетеризмъ самого распущеннаго характера. Тогда ни о какомъ жениховании не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ предавался въ это время играмъ, схожимъ съ весенней игрой австралійскихъ Ватшандіевъ въ ихъ праздникъ Кааро, когда они толпою суютъ бревно въ яму, окруженную кустарникомъ и припѣваютъ:

Pulli nira, pulli nira,
Pulli nira, wataka![2])

Подобныя пѣсни должны тогда быть признаны также обрядовыми и объясненіе ихъ происхожденія оказывается совершенно схожимъ съ объясненіемъ происхожденія и пѣсенъ заклинаній. Эти пѣсни имѣютъ ввиду возбудить, усилить, внушить уже возникшее любовное чувство, чтобы отдаться ему сильнѣе и беззавѣтнѣе. И происхожденіе любовной пѣсни тогда можно видѣть въ пѣснѣ обрядовой, пріуроченной къ календарю. Въ одно опредѣленное время года первобытный человѣкъ удовлетворялъ обуявшей его страсти,

---

1) Ковалевскій, Перв. Право, II, стр. 18, ср. 28; ср. однако Westermark, Hist. of hum. marriage, chapters, V & VI и Mucke, Horde und Familie, s. 63—93.

2) (Non fossa (3) sed vulva) Schultze, Psych. der Naturv. s. 161. Ср. ч. I, стр. 389.

тутъ же напропалую сходясь съ любой женщиной изъ той же орды. Быть можетъ, пережиткомъ чего нибудь подобнаго и были эти «connubia communia», о которыхъ говоритъ Кузьма Пражскій [1]). Тогда можно дать вѣру и замѣчанію Стоглава о «навечеріи Рождества Христова и Богоявленія» [2]) и игумна Памфила объ Ивановомъ днѣ. Объ этомъ послѣднемъ праздникѣ Памфилъ говоритъ категорически: «туже есть мужемъ же и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, но яко на женское и дѣвическое шатаніе блудное имъ възрѣніе, тако же и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе» [3]). Можетъ быть, старинный гетеризмъ, унаслѣдованный отъ періода «безпорядочныхъ половыхъ сношеній», все еще держался и напоминалъ о себѣ въ моменты скрещиваній.

Я позволю себѣ однако другое предположеніе, также точно указывающее на обрядовое происхожденіе любовныхъ пѣсенъ, но не требующее непремѣнно допущенія и у индо-европейскихъ народовъ такихъ «отношеній между полами, при которыхъ женщины состоятъ въ половомъ сожитіи со всѣми и каждымъ изъ мужчинъ одного стаднаго соединенія». Мнѣ представляется, что дѣвушки, отпраздновавшія передъ всѣми родичами свои первыя менструаціи, и парни, только что принятые въ число мужчинъ [4]), весною, въ началѣ новаго сезона искали себѣ не временнаго сожительства, но уже женъ или супруговъ. Тутъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, они «схожахуся на игрища, на плясанья... и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся» [5]). На первобытной стадіи общества выборъ, при заключеніи браковъ, какъ предполагаетъ Вестермаркъ, предоставлялся самой молодежи, такъ какъ никакія имущественныя соображенія этому не препятствовали [6]).

---

1) Приведено у Ковалевскаго, Anc. Law. p. 10.

2) Буслаевъ, Русск. Хрестом. 3-ье изд. стр. 242, Стоглавъ, вопросъ 24-ый.

3) Прив. у Аѳан. Поэт. воззр. I, стр. 444 и у Веселовскаго, Гетеризмъ и Побрат. *Ж. М. Н. Пр.* 1894, № 2, стр. 311.

4) См. выше стр. 184.

5) Буслаевъ Русск. Хрест. изд. 3-ье, стр. 26.

6) Hist. of hum. marriage, p. 215—233.

М. М. Ковалевскій также допускаетъ, основываясь на словахъ Кузьмы Пражскаго и французскаго путешественника, Beauplan'a, что подобный свободный выборъ оставался въ полной силѣ у чеховъ и въ Малороссіи до XVII в.[1]). При такомъ положеніи вещей именно «выборъ невѣстъ» въ весеннихъ хороводахъ пріобрѣтаетъ чисто реальное значеніе: впервые сойдясь вмѣстѣ послѣ зимняго уединенія, молодежь узнаетъ другъ друга и во второй серіи весеннихъ праздниковъ начинаетъ невѣститься и жениховать. Если въ это время переходъ къ чисто хлѣбопашескому быту еще не произошелъ, то возможно, что ожиданія свадебъ, которое я старался отмѣтить въ хороводныхъ пѣсняхъ, не должно было еще сильно сказываться. Тогда можно было и не ждать до осени, а слѣдовательно и въ этотъ періодъ возбуждающая, воодушевляющая пѣсня была у мѣста. Напротивъ съ переходомъ къ хлѣбопашеству и съ установленіемъ хозяйственнаго житья-бытья, соотвѣтствующаго и современной крестьянской жизни, наступало, для этихъ хороводовъ новая эра. Они начинали имѣть исключительно значеніе «жениханья». Бракъ весною или лѣтомъ сталъ невозможенъ для огромнаго большинства семей. Наперекоръ природѣ его приходилось откладывать изъ хозяйственныхъ побужденій. Отнесеніе свадьбы на осень не мѣшало однако молодежи сходиться весною и, такимъ образомъ, самыя свадьбы справлять уже post factum. Но постепенно рядомъ съ этимъ «выборъ невѣсты или жениха» въ хороводныхъ играхъ сталъ пріобрѣтать все болѣе условный, забавный характеръ. При заключеніи браковъ большее значеніе стало также имѣть сватовство; свобода выбора ограничилась желаніемъ семьи или ея главы, потребностями чисто хозяйственными, различными посторонними соображеніями. Тогда весенній эротизмъ свелся уже въ еще болѣе значительной мѣрѣ къ простымъ играмъ и забавамъ.

Что же касается до гетеризма и половой распущенности, то они тутъ не будутъ уже чисто обрядового характера; они будутъ

1) Ancient Law. p. 15—17.

скорѣе нарушеніемъ традиціоннаго уклада бытовыхъ отношеній, чѣмъ его исполненіемъ. Въ нихъ можно, конечно, видѣть нѣкоторый атавизмъ, и объяснять ихъ съ этой точки зрѣнія, но въ общемъ это уже явленіе, отражающее скорѣе разложеніе старинныхъ брачныхъ отношеній, чѣмъ моменты ихъ развитія. Гетеризмъ долженъ интересовать поэтому скорѣе проповѣдника, моралиста, censor'a morum, чѣмъ антрополога.

Придавать же значеніе свидѣтельству вродѣ разоблаченій Памфила едвали благоразумно. Слова его звучатъ такъ же гнѣвно, какъ и другія рѣчи проповѣдниковъ напр. пуританскихъ, когда они говорятъ о народной обрядности[1]). Главныя участницы хороводнаго веселья, какъ мы видѣли, дѣвушки и самую игру «мужъ и жена» или mal mariée намъ также пришлось признать дѣвичьей[2]). Вспомнимъ при этомъ и эти слова старинной французской chanson de toile:

Ces *demoiseles* i vont por caroler,
. . . .
Vont i cez *dames* por lor cors deporter[3]).

---

1) Ср. выше стр. 205.
2) Стр. 49—67, 102—109, 114—117, 129—132.
3) Стр. 19.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Происхожденіе поэзіи.

Въ концѣ первой части этой книги передъ нами возникъ совершенно естественно вопросъ о зарожденіи первобытной народной пѣсни, стоящей въ самой тѣсной связи съ обрядомъ.

Это былъ первый этапъ вытекающихъ изъ настоящаго изслѣдованія общихъ выводовъ. Теперь намъ предстоитъ сдѣлать еще шагъ впередъ въ томъ же самомъ направленіи. Новое изученіе пѣсенъ и притомъ пѣсенъ совсѣмъ другого склада и примѣненія, съ одной стороны, позволитъ болѣе опредѣленно формулировать уже высказанныя раньше соображенія, а съ другой, дастъ возможность прослѣдить возникновеніе уже не только пѣсни, но и вообще всего поэтическаго творчества. Оттого, если до сихъ поръ мы двигались *отъ обряда къ пѣснѣ*, теперь нами фактически пройденъ уже гораздо болѣе сложный и долгій путь *отъ пѣсни къ поэзіи*.

I.

Въ разсмотрѣнныхъ нами въ предшествующей главѣ краліцахъ, лазарицахъ и волочобныхъ пѣсняхъ, напѣвающихъ дѣвушкамъ жениховъ, а парнямъ невѣстъ, мы еще разъ, какъ и

въ первой части этой книги, имѣли дѣло съ пѣснями-заклинаніями[1]). На этотъ разъ заклинаніе оказалось только выраженнымъ болѣе образно, а самое счастье-довольство, напѣваемое хозяевамъ, уже перестало быть строго хозяйственнымъ. Болѣе сложный замыселъ вторилъ тутъ и болѣе сложной бытовой основѣ. Къ тому же отдѣлу пѣсенъ-заклинаній относятся и тѣ пѣсни, побуждающія къ шумному экстазу праздничнаго разгула и окружающія собою обрядовое заклинаніе, къ открытію которыхъ стремится первая глава этой части. Таковы — тѣ древнѣйшія средневѣковыя, французскія и нѣмецкія пѣсни, исконное существованіе которыхъ мы могли предположить, основываясь на наблюденіяхъ надъ средневѣковымъ весеннимъ запѣвомъ. Всего ближе должны были подходить къ нимъ приведенныя мною пьесы миннезингера Нидгарта фонъ Рюенталь. Можетъ быть, также пѣснями-заклинаніями, похожими на наши закликанія весны, были и эти загадочныя старо-французскія reverdies[2]), если только о нихъ можно судить по одному ихъ названію.

Но тутъ мы уже должны окончательно разстаться съ пѣснейзаклинаніемъ.

Остальныя пѣсни, разобранныя нами здѣсь, представляютъ собою нѣчто совершенно иное. Это пѣсни — шуточныя или плясовыя, любовныя или военныя. Забѣжавъ нѣсколько впередъ, я уже вводилъ схожія съ ними пѣсни дикихъ въ предложенную мною теорію зарожденія поэзіи[3]). Теперь послѣ подробнаго разсмотрѣнія подобныхъ пѣсенъ уже европейскихъ, и стало, мнѣ кажется, вполнѣ ясно, что и эти пѣсни можно отнести къ обрядовымъ, что и онѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленное календарное пріуроченіе.

Дѣйствительно. Развѣ не шуточныя пѣсни и не пѣсни чистаго

---

1) См. стр. 237—242 и слѣд.
2) См. выше стр. 34—38.
3) I, стр. 388—392.

веселья звучать во время нашихъ хороводовъ? Такія пѣсни, какъ: «Кому вуольно, кому вуольно» бѣлоруссовъ, какъ: «Чомъ ты травка потоптана»[1]) и вообще вся эта типично-хороводная тема: «борьба хороводнаго веселья съ его противниками» со всѣми ея мотивами,—о злосчастьи въ замужествѣ, о монашенкѣ, о спорѣ матери съ дочкой и проч.,—все это вѣдь стремится возбудить, расшевелить, раззадорить, настраивая на веселіе, пляски и шутки[2]). А рядомъ съ подобными пѣснями поются еще и прямо шуточныя вродѣ—«Заинекъ», «Дремы» и проч.[3]). И по аналогіи съ русскими и славянскими хороводными пѣснями я старался возстановить и средневѣковую плясовую пѣсню, не только схожую съ нашей по своему основному складу, но состоявшую нѣкогда въ значительной степени изъ тѣхъ же мотивовъ или сюжетовъ[4]).

И хороводное веселіе носитъ чисто обрядовой характеръ, объясняющійся и помимо этой связи его съ самымъ дѣйствомъ сакральнаго весенняго заклинанія, напѣвающаго счастье-довольство. Какъ намъ пришлось въ этомъ убѣдиться изъ предшествующей главы, хороводъ—не просто праздничная потѣха; онъ не только развлеченіе. Время хороводовъ, этотъ сезонъ сельскаго люда, есть время жениховапья, пора, предшествующая періоду браковъ[5]). Здѣсь въ хороводѣ предстоитъ дѣвушкамъ поневѣститься, а парнямъ попаробковать и пожениховаться. Оттого хороводное веселіе въ иносказаніи пѣсни такъ часто замѣняется милъ-сердечнымъ дружкомъ, откуда и создаются новыя разновидности мотивовъ о семейномъ разладѣ, о спорѣ матери и дочери и о черничкѣ[6]). Оттого также, и пляска, и самая пѣсня хороводная носятъ такой яркій, чисто эротическій

1) II, стр. 48—54.
2) Ibid. стр. 58, 61, 65—68.
3) Ibid. стр. 46—48.
4) Ibid. стр. 7—20, 43—45, 64, 109, 117, 111—112, 119—129 и др.
5) Ibid. стр. 220—222 и 277—281.
6) Ibid. стр. 102—123.

отпечатокъ не только своей темой о выборѣ невѣсты[1]), но и всѣмъ своимъ складомъ, всѣми своими призывами къ любовной радости. Каковы бы ни были въ самой дѣйствительности совершаемыя при этомъ эротическія дѣйства, доходило ли на этихъ «игрищахъ межю селъ» до чего-нибудь достойнаго бичеванія проповѣдниковъ, или дѣло шло лишь о предложеньи, какъ во французской пѣсенкѣ о перчаткахъ[2]), во всякомъ случаѣ эротическое назначеніе хороводовъ опредѣлилось достаточно ясно. И вотъ этому-то эротическому назначенію хороводовъ и отвѣчало эротическое же возбужденіе ритмомъ и словами пѣсни. Когда, какъ въ старо-французскихъ refrains, изгонялись тѣ, кто не любитъ, когда пѣсня подставляла хороводному веселью молодого парня-плясуна, пѣсня напѣвала любовныя грезы, возбуждала любовную эмоцію, увлекала и призывала къ любви.

Рядомъ съ любовно-хороводной пѣсней надо поставить и весеннюю военную пѣсню, признаки существованія которой мы видѣли при разборѣ средневѣковыхъ весеннихъ, военно-спортивныхъ потѣхъ. Такія пѣсни, какъ та задорная провантальская канцона, которую рукописи приписываютъ Бертрану де Борну:

Be·m platz lo gais tens de pascor

или пѣсня пикардскихъ и бургундскихъ солдатъ въ войскѣ Карла V, естественно требуютъ сопоставленія съ воинственными пѣснями-плясками дикихъ, служившими возбужденію воинской ярости, удали и отваги[3]).

Таковы — разобранныя въ этой части настоящаго труда весеннія обрядовыя пѣсни.

Ознакомленіе съ ними, очевидно, должно было еще болѣе укрѣпить насъ въ убѣжденіи, что отнюдь, не слѣдуя за Шереромъ и другими современными поборниками теоріи пѣсни-пляски-

1) Ibid. стр. 300—302.
2) Ibid. стр. 278—279.
3) Ibid. стр. 81 и слѣд.

игры, можно прослѣдить зарожденіе пѣснетворчества[1]). Отчасти выйдя изъ предложенныхъ мною въ первой части соображеній относительно пѣсенъ-заклинаній, отчасти развивъ взгляды Бюхера въ его изслѣдованіи рабочихъ пѣсенъ, я постарался показать, что ритмъ, эта главная основа пѣснетворчества, какъ выразился Ницше, «есть принужденіе»[2]). И стимулируя мускульное и психическое возбужденіе, ритмъ преслѣдуетъ чисто практическія цѣли. Пѣсня, будь это пѣсня-пляска или пѣсня-работа или пѣсня-заклинаніе, оказалась, стало быть, отнюдь не результатомъ какого-то особаго безполезнаго и безцѣльнаго напряженія жизненной энергіи, уже болѣе не нужной въ борьбѣ за существованіе, а какъ разъ наоборотъ, пѣсня — одинъ изъ основныхъ способовъ направленія и укрѣпленія полезной и цѣлесообразной дѣятельности. Она достигаетъ этого сосредоточеніемъ вниманія на одномъ какомъ-нибудь порядкѣ идей или представленій, понуждая къ этому человѣка своимъ всесильнымъ ритмомъ.

Въ ритмѣ коренится та побѣждающая и зиздущая *сила* человѣка, которая дѣлаетъ его самымъ мощнымъ и властнымъ изъ всѣхъ животныхъ. Теперь мы можемъ съ большимъ еще правомъ спросить вмѣстѣ съ Ницше: «да и было ли для древняго суевѣрнаго людского племени что-либо болѣе *полезное*, чѣмъ ритмъ? Съ его помощью все можно было сдѣлать: магически помочь работѣ, принудить бога явиться, приблизиться и выслушать, можно было исправить будущее по своей волѣ, освободить свою душу отъ какой-нибудь ненормальности и не только собственную душу, но и душу злѣйшаго изъ демоновъ; — безъ стиха человѣкъ былъ ничто, а со стихомъ онъ становился почти богомъ»[3]). Съ своей стороны мы еще должны только прибавить, что при помощи того же ритма можно было еще привести себя

1) I, стр. 382—390.
2) Веселая наука, Москва, 1901, стр. 168.
3) Веселая наука, стр. 168—169.

и въ воинственный и въ любовный аффектъ, возбудить въ себѣ радость и веселіе либо гнѣвъ и ненависть, заставить себя полюбить или храбро броситься на врага. И мало этого. Еще помимо всякаго представленія о божествѣ или о духовной сущности человѣка при помощи того же ритма человѣкъ сталъ способенъ и излѣчить тѣло и даже вызвать или отвратить явленія природы сообразно своимъ потребностямъ.

Что такое чисто практическое значеніе первобытной пѣсни особенно сильно подтверждается установленной во второй части этой работы связью съ обрядомъ даже военныхъ, любовныхъ и шуточныхъ пѣсенъ, это слишкомъ очевидно, чтобы на этомъ надо было вновь долго настаивать.

Черезъ всю эту книгу красной нитью проходитъ та мысль, что обрядъ находится въ самой тѣсной зависимости отъ хозяйственныхъ потребностей человѣка, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ. Обрядъ оказался вѣдь вовсе не какимъ то причудливымъ узоромъ, тянущимся по канвѣ чисто дѣловой хозяйственной жизни народа, а напротивъ, обрядъ поглощается этой жизнью, отвѣчая ея важнѣйшимъ и насущнѣйшимъ потребностямъ[1]). Обрядъ совпадаетъ съ работой при посѣвѣ, при жатвѣ, при сборѣ винограда[2]); онъ воспроизводитъ рабочія движенія, какъ ритуалъ культа боговъ, а еще раньше установленія богопочитанія, своими движеніями, словами и звуками онъ магически способствовалъ человѣческому благосостоянію. И совершенно такъ же, какъ весною нуженъ дождь, какъ весною нужно, чтобы брошенное въ земляную глыбу сѣмя поскорѣе и подружнѣе пустило щетину ростковъ, по столь же дѣловымъ, хозяйственнымъ соображеніямъ необходимо весною возбудить и любовное настроеніе юношества и могущую понадобиться воинскую отвагу. Что въ первомъ случаѣ, т. е. при вызываніи дождя или ростка

1) См. въ особенности I, стр. 64, 85—86, 164—168, 243—244, 250—251, 259—260, 307 и слѣд. II, стр. 2, 81 и 230—234.

2) Бюхеръ, Ритмъ и работа, стр. 73—78 русск. пер.

полезнаго растенія, ритмъ старается воздѣйствовать на природу, отъ него ни мало не зависящую, и, такимъ образомъ, совершается поступокъ ирраціональный, а во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ воздѣйствіемъ возможнымъ и естественнымъ, такія соображенія первобытному человѣку были совершенно чужды, и онъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ считалъ себя поступающимъ вполнѣ раціонально.

Итакъ, я позволю себѣ еще разъ и теперь уже окончательно формулировать предлагаемую здѣсь теорію перваго зарожденія пѣсни.

Пѣсни *рабочія* возникли изъ болѣе или менѣе инстинктивной потребности направленія и возбужденія ритмомъ мускульной энергіи человѣка. Пѣсни *военныя* и *любовныя* при помощи того же ритма и соотвѣтствующихъ словъ и представленій способствуютъ тому состоянію эмоціональнаго возбужденія, какое необходимо для борьбы съ угрожающимъ врагомъ и для любовныхъ исканій. Ту же самую испытанную силу ритмическаго возбужденія пускаетъ въ ходъ первобытный человѣкъ и тогда, когда, основываясь на своемъ эгоцентрическомъ міросозерцаніи, онъ стремится подчинить своимъ желаніямъ враждебныя силы природы или вообще вызвать тѣ блага, которыхъ ему или его близкимъ хотѣлось бы достигнуть. Употребляя эти выраженія въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы можемъ сказать на этотъ разъ уже прямо словами Ницше: *«заговоры и заклинанія — такова первоначальная форма поэзіи»*[1]).

Это опредѣленіе представляется мнѣ особенно важнымъ тѣмъ, что оно объясняетъ ту близость первобытной поэзіи и первобытной религіи, которую я старался установить въ заключительной главѣ первой части этого изслѣдованія[2]). Можетъ быть, въ этомъ то и состоитъ главное пріобрѣтеніе настоящаго труда. Это пріобрѣтеніе отдѣляетъ высказываемые здѣсь взгляды на

---

1) Веселая наука, р. пер. стр. 168.
2) I, стр. 376—382.

зарожденіе поэзіи и отъ болѣе близко стоящихъ къ нимъ, такъ сказать, смежныхъ взглядовъ Грооса, Бюхера, Ирьё Хирна и др.[1]).

Признаніе тѣсной связи религіознаго сознанія съ возникновеніемъ поэзіи лежитъ въ самой основѣ моихъ построеній. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь именно убѣдившись въ той важной роли, какую играетъ ритмъ при магическомъ заклинаніи—этой первой стадіи религіозныхъ дѣйствъ, мы пришли къ теоріи поэзіи, какъ способу мускульнаго и духовнаго возбужденія. Пѣсня-заклинаніе и подвела насъ сначала къ пѣснямъ рабочимъ, а потомъ и къ любовнымъ, военнымъ и шуточнымъ пѣснямъ. Еще на самой ранней ступени поэтическаго творчества начинается, стало быть, то взаимодѣйствіе между поэзіей и религіознымъ сознаніемъ, которое затянется на столько вѣковъ и еще въ классическую пору греческой литературы такъ ярко скажется близостью культа и основныхъ видовъ поэзіи. Взаимодѣйствіе это коренится уже въ томъ эмбріональномъ міросозерцаніи, когда еще не можетъ быть и рѣчи ни о религіи, ни о художественномъ творчествѣ, какъ объ окончательно сложившихся состояніяхъ нашего сознанія. Но если бы въ наши задачи входило здѣсь прослѣдить дальнѣйшую эволюцію религіи, мы увидѣли бы, что сакральная поэзія не только сопутствуетъ ей въ этой эволюціи, но и участвуетъ въ ней. Даже въ буддизмѣ, этой самой раціоналистической изъ всѣхъ религій, не могло обойтись безъ взаимодѣйствія религіознаго наставленія и религіознаго таинства съ поэзіей.

Въ зарожденіи поэзіи участвуютъ, такимъ образомъ, обѣ великія сферы умственной дѣятельности человѣка, съ одной стороны, — его способность прямого воздѣйствія на явленія природы, т. е. на внѣшній міръ, въ которомъ надо было человѣку осуществить его желанія, а съ другой стороны, и всѣ тѣ попытки человѣка согласовать внѣшній и внутренній міры, тѣ «я»

1) На этой когда-то весьма распространенной мысли недавно настаивалъ только Левъ Толстой въ своей книгѣ «Что такое искусство?».

и «не я», которыя составляютъ главную и величайшую задачу человѣческаго духа. Пѣсня-заклинаніе есть первая ячейка религіознаго проявленія человѣка, какъ рабочая пѣсня — первая ячейка той трудовой практической дѣятельности его, въ силу которой онъ такъ гордо назоветъ себя впослѣдствіи царемъ и властителемъ природы, а еще позднѣе самодовлѣющей трудовой единицей, имѣющей всѣ безконечныя человѣческія права именно въ силу этого труда, этой работы.

Если же вѣрно было опредѣлено мною и первое зарожденіе эпической пѣсни, въ основаніи которой лежитъ наивная и житейская пѣсня-разсказъ самоѣда и другихъ первобытныхъ народовъ [1]), то той же пѣсней, какъ ритмическимъ управленіемъ вниманія и поддержкой его, овладѣлъ человѣкъ и своимъ еще неподатливымъ и расплывчатымъ думающимъ «я».

Поэзія не должна быть однако разсматриваема совершенно отдѣльно и внѣ всякой связи съ остальными видами художественнаго творчества во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Пѣсня-пляска есть, конечно, первая ячейка и музыки [2]), при чемъ отбивающій тактъ тамбуринъ можно назвать первымъ и простѣйшимъ музыкальнымъ инструментомъ [3]). Но остаются еще архитектура, зодчество, живопись. Схожъ ли процессъ и ихъ возникновенія съ представленнымъ мною процессомъ нарожденія поэзіи? — вотъ вопросъ возникающій самъ собою. Обойти его значитъ поставить поэзію внѣ связи съ общимъ эстетическимъ сознаніемъ и съ общей художественной дѣятельностью человѣка.

---

1) II, стр. 389.

2) Bosanquet (History of Aesthetic. London. 1892, p. 441) говоритъ, что вокальное происхожденіе музыки было впервые указано Гербертомъ Спенсеромъ. Тоже мнѣніе высказывалъ однако еще въ 1849 г. Рихардъ Вагнеръ въ своемъ «Искусствѣ будущаго». См. H. Lichtenberger, Richard Wagner, poète et penseur. 3-ème ed. Paris, 1902, pp. 208—211.

3) Бюхеръ, Работа и Ритмъ, р. пер., стр. 80—81.

Чтобы установить болѣе цѣлостное теоретическое обоснованіе высказанному здѣсь взгляду на первые шаги художественной дѣятельности человѣка, такимъ образомъ совершенно необходимо отдать себѣ отчетъ въ значеніи и этихъ изобразительныхъ и прикладныхъ искусствъ для первобытнаго міросозерцанія и бытованія.

Отвѣтъ на поставленный только что вопросъ въ значительной степени облегчится намъ, если мы вдумаемся въ отношенія художественнаго искусства къ искусству вообще.

Искусство въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ, конечно, не одно только художественное творчество. Мы и теперь говоримъ объ искусствѣ инженера или врача, объ искусствѣ даже какого-либо ремесленника, хотя въ настоящее время инженернымъ и врачебнымъ дѣломъ почти цѣликомъ овладѣла наука, а ремесла, когда ихъ не замѣнило машинное производство, свелись къ заученнымъ, чисто механически примѣняемымъ пріемамъ техники. Но въ далекія отъ насъ времена дѣтскаго состоянія науки и исключительно ручного труда, все это составляло предметъ искусства. Категорія искусства въ широкомъ смыслѣ охватываетъ даже вообще всѣ поступки и всю дѣятельность человѣка. Если молодое животное въ первый же день своего появленія на свѣтъ становится на ноги, то для человѣка самое его выпрямленное положеніе есть уже, напротивъ, результатъ упражненія, т. е. искусства. Болѣе осложненныя же движенія: бѣганье, лазанье, плаванье, требуетъ значительнаго напряженія, и дается все это какъ результатъ не только навыка, но и прямо ловкости, т. е. искуснаго управленія своими членами. Лишь искусствомъ достигъ человѣкъ также и того, что сталъ охотникомъ, рыболовомъ и воиномъ. Искусствомъ достигъ онъ и пользованія такъ называемыми домашними животными, не только приручивъ ихъ, но развивъ въ нихъ ради своихъ цѣлей ихъ прирожденныя способности. Еще большаго искусства потребовала отъ человѣка уже помощь себѣ самому во время болѣзней и несчастныхъ случаевъ, — зародышъ медицины. Но даже искусившійся въ управленіи своими членами

человѣкъ не могъ стать ни охотникомъ, ни рыболовомъ, ни скотоводомъ или земледѣльцемъ безъ того, чтобы не вступить на путь уже *созданія новыхъ формъ*. Первое возникновеніе оружія и орудій, конечно, должно быть отнесено къ области искусства. Когда человѣкъ строитъ себѣ жилище, изобрѣтаетъ одежду, лодку, сѣдло, иго, болѣе сложныя орудія и способы передвиженія, — все это онъ создаетъ своимъ искусствомъ. И все это искусство—искусство полезное, возникшее ради болѣе успѣшной борьбы за существованіе. Тому человѣчеству, которое не было способно къ этимъ изобрѣтеніямъ, оставалось только вымирать или быть вытѣсненнымъ болѣе смышлеными и изобрѣтательными племенами.

Съ постройкой жилищъ и особенно съ одеждой даже въ самыхъ примитивныхъ ея видахъ мы однако приблизились уже къ первымъ зачаткамъ художественнаго искусства, къ явленію болѣе сложному, къ *украшенію*, которое играетъ въ жизни современнаго дикаря такую важную роль. Множествомъ знаковъ, изображающихъ животныхъ, людей, цѣлыя сцены его жизни, современный дикарь неизмѣнно украшаетъ себя, свое жилище, свою утварь, свою одежду и свое оружіе.

И вотъ тутъ-то и возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣть на эту его дѣятельность? когда первобытный человѣкъ, сдѣлавъ себѣ какое-либо орудіе или какой-либо предметъ утвари, тщательно украшаетъ его причудливымъ орнаментомъ, вступаетъ ли онъ этимъ самымъ уже въ совершенно иную сферу, т. е., покончивъ съ удовлетвореніемъ своимъ потребностямъ, дѣлаетъ ли онъ нѣчто придаточное, лишнее, нѣчто, что должно вызывать лишь восхищеніе, или онъ продолжаетъ въ сущности ту же работу, преслѣдующую полезность, такъ что украшеніе составляетъ нѣчто неотъемлемое отъ самой формы предмета? Только признавши правильнымъ второе предположеніе, мы сблизимъ происхожденіе прочихъ искусствъ съ установленнымъ нами происхожденіемъ поэзіи. Какъ же смотритъ на эти украшенія современная исторія искусства?

Начнемъ съ одежды, татуировки и вообще убранства человѣческаго тѣла. Во всемъ этомъ видѣли прежде способъ показыванія своего превосходства или какой нибудь военный либо половой условный знакъ. Украшеніе, въ существѣ дѣла — эстетическое, считалось, такимъ образомъ, лишь направленнымъ на постороннія цѣли [1]). Но вотъ проф. Вестермаркъ, какъ мнѣ кажется, воочію показалъ, что одежда первоначально преслѣдуетъ лишь цѣли полового возбужденія. Это доказывается тѣмъ, что первоначально половыя части гораздо болѣе украшались, чѣмъ прикрывались и что женщины дикихъ изъ стыдливости (напр., передъ посторонними) готовы скорѣе обнажиться, чѣмъ надѣть на себя платье [2]). Равнымъ образомъ и татуировка оказалась вовсе не украшеніемъ, а покрытіемъ тѣла сокральными знаками, безъ которыхъ обойтись даже опасно. Это видно изъ того, напр., что дѣти, рожденныя отъ не татуированныхъ женщинъ, убиваются [3]); на нихъ смотрятъ, какъ на нечисть. Убранствомъ своего тѣла человѣкъ старался пріобрѣсти большую жизненность и жизнестойкость. И то же самое надо сказать и о прическѣ и вкладываніи въ носъ и уши костяныхъ украшеній. Все это теперь приходится считать тѣмъ же понужденіемъ, тѣмъ же самымъ искусствомъ-возбужденіемъ жизненной энергіи, какимъ мы признали и пѣсню-пляску. И дѣло, конечно, идетъ тутъ не объ одномъ только возбужденіи любовной эмоціи и не только объ очистительно-сакральномъ обереганіи своего тѣла отъ нечисти, какъ при татуировкѣ. Теперь понятно и украшеніе, какъ знакъ власти или профессіи. Тѣ смѣшныя и чудовищныя маски, какія мы находимъ въ такомъ распространеніи у дикихъ народовъ, что это, какъ не способъ возбужденія эмоцій? Зачѣмъ именно старшій, военноначальникъ, вождь, король дикихъ украшаетъ себя, какъ не для того, чтобы возбудить уваженіе? Зачѣмъ

1) Yryö Hirn. The Origins of art. London. 1900, pp. 220—227.

2) Westermark, History, of marriage. pp. 195, 200—201.

3) См. слово «Татуировка» въ Энциклоп. Словарѣ Эфронъ-Брокгауза; статья г. Штернберга.

воинъ надѣваетъ военный нарядъ, какъ не для того, чтобы устрашить врага, а себя сдѣлать храбрымъ, мощнымъ, яростнымъ?

Въ особенности же не надо упускать изъ виду того, что костюмъ это одна изъ принадлежностей пѣсни-пляски. Онъ связанъ съ ней самымъ тѣснымъ образомъ. Когда пляска преслѣдуетъ цѣли любовныя, того же хочетъ достигнуть и убранство; когда пляска воинственна, воинственѣнъ и ужасенъ нарядъ. Когда же пѣсня-пляска есть пѣсня-заклинаніе, тогда такимъ же полнымъ магическаго значенія является и костюмъ. Это ясно видно напримѣръ изъ той рыбачьей пѣсни-пляски ново-гвинейцевъ, которой я закончилъ мое введеніе къ первой части этого труда [1]).

Такъ же точно обстоитъ дѣло и относительно прочихъ разновидностей изобразительныхъ искусствъ, неслужащихъ болѣе цѣлямъ убранства своего собственнаго тѣла.

Совершенно такъ же, какъ ритмическимъ возбужденіемъ пѣснетворчества, постарался человѣкъ осуществить свое желаніе и подчинить себѣ это неподдатливое и таинственное «не я», въ борьбѣ съ которымъ проходила вся его жизнь; совершенно такъ же онъ покрывалъ свое оружіе и всѣ прочіе предметы своего каждодневнаго употребленія тотемистическими и иными знаками таинственнаго магическаго значенія, чтобы заклинать себѣ счастье-довольство на охотѣ, во время рыбной ловли, на войнѣ и проч., или чтобы отвратить отъ себя всякую напасть и всякую скверну. Такой сакральный смыслъ орнаментики дикарей былъ впервые указанъ Ридомъ и Стольпе и теперь онъ считается уже общепринятымъ [2]). И подобный же смыслъ не трудно открыть

1) I, стр. 85.

2) Stolpe, Utvecklingsföreteelser i naturfolkens ornamentik. Ymer. 1890–91; англ. пер. въ *Transactions of the Rochdale Literary and Scientific Society* 1891; Read, On the Origin and Sacred Character of Certain Ornam. of the S. E. Pacific, *Journ. Anthrop. Inst.* XXI; March, Polynesian Ornament, a Mythology, тамъ же XXII; прив. у Yrjö Hirn'a l. c. p. 10.

и въ орнаментѣ европейскомъ со всѣми его сказочными животными, взятыми изъ «Физіолога». Даже, когда изобразительныя искусства отдѣлятся отъ своего первоначальнаго прикладного значенія, и тогда въ нихъ еще очень долго и гораздо дольше, чѣмъ въ поэзіи, сохранится этотъ завѣтный, религіозно-магическій смыслъ. Свѣтская живопись и свѣтская лѣпка или рѣзьба — позднія пріобрѣтенія человѣчества. Изображенія боговъ, составляющія основную задачу искусствъ, и въ древности, и въ средніе вѣка, конечно, не должны быть понимаемы исключительно, какъ воспроизведеніе или воплощеніе божественныхъ ликовъ и фигуръ. Изображеніе есть прежде всего созданіе магическаго предмета, помогающаго заклинанію [1]). Обладать изображеніемъ значитъ уже пріобрѣсти власть надъ изображаемымъ, пріобрѣсти способъ повелѣвать имъ. Оттого, рядомъ съ ублаженіемъ божка различнымъ угощеніемъ, первобытный человѣкъ еще наказываетъ своего бога, если онъ не слушается молитвы, и такое отношеніе къ изображенію запечатлѣно и въ христіанскихъ легендахъ по отношенію къ иконамъ.

Не только поэзія, но и художество вообще представляется мнѣ, такимъ образомъ, коренящимся въ чисто жизненныхъ потребностяхъ человѣка. Искусство народилось потому, что оно было нужно *для жизни*, потому что при помощи его жизнь развивалась, ширилась и распространялась.

II.

Формулируя такъ категорически религіозно-бытовое назначеніе первыхъ шаговъ поэтическаго творчества, я вполнѣ сознаю, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ оно ведетъ съ точки

1) См. у Ирьё Хирна l. c. главу «Art and magic».

зрѣнія общаго осмысленія эстетическаго сознанія. Первобытная пѣсня, родоначальница поэзіи, представляется этимъ принадлежащей лишь къ искусству въ широкомъ смыслѣ, т. е. вовсе не отвѣчающей нашему эстетическому сознанію; она оказывается анти-эстетической, какъ анти-эстетично или, скажемъ уже сразу, до-эстетично и все первобытное художественное творчество. Искусство, стало быть, вызвано къ жизни не эстетическимъ сознаніемъ, совершенно незнакомымъ первобытному человѣку, а напротивъ, именно искусство-то и привело къ нарожденію этого сознанія, которое мы отнюдь не должны считать первоначальной и прирожденной способностью нашей духовной сущности.

Прослѣдить процессъ развитія первобытной пѣсни въ поэзію и значитъ показать, какъ на почвѣ этой сферы художественной дѣятельности возникаетъ эстетическое сознаніе. Прибѣгая къ терминологіи Канта, такой точной и ясной, процессъ этотъ можно назвать образованіемъ эстетической или *безцѣльной цѣлесообразности* поэзіи. До-эстетическая, раціонально, а иногда и нераціонально съ нашей точки зрѣнія, цѣлесообразная пѣсня становится постепенно безцѣльной, но одновременно и цѣлесообразной поэзіей. Сущность процесса сводится, такимъ образомъ, къ нарожденію совершенно новой особенной цѣлесообразности, раньше не существовавшей ни для самаго человѣка, ни, тѣмъ болѣе, внѣ его.

Дѣло объяснится всего лучше на примѣрѣ. Соглашаясь съ Гюйо, что преслѣдованіе опредѣленной цѣли не можетъ быть помѣхой эстетическому впечатлѣнію, Ирьё Хирнъ говоритъ: «было бы нелѣпо утверждать, что пѣсня Тайльфера утратила свое эстетическое значеніе, потому что онъ пѣлъ ее во время битвы при Гастингсѣ» [1]). Мнѣ вопросъ представляется совершенно иначе. «Пѣсня о Роландѣ» Тайльфера, спѣтая имъ самимъ во время битвы, особенно въ тѣхъ изъ насъ, у кого развитъ вкусъ къ средневѣковью, вѣроятно, вызвала бы высшее художественное

1) The origins of art. p. 9.

наслажденіе, но намъ важно вовсе не это. Намъ гораздо существеннѣе спросить себя: имѣлъ ли въ виду Тайльферъ произвести художественный эффектъ своей пѣсней и достигъ ли онъ именно его во время сраженія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ, конечно, отрицательный. Впечатлѣніе отъ пѣсни Тайльфера при Гастингсѣ было исключительно практически-воинское; это было высшее возбужденіе отваги, и только позднѣе или, во всякомъ случаѣ, въ мирное время, передъ очагомъ въ залѣ феодальнаго замка, таже пѣсня вызывала и эстетическое наслажденіе, при чемъ, чѣмъ менѣе она предназначалась для непосредственнаго возбужденія воинскаго духа, тѣмъ болѣе развивалась она въ особомъ спеціально для этого эстетическаго наслажденія приспособленномъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ, утрачивая свою первоначальную цѣлесообразность, она и пріобрѣтала новую эстетическую или безцѣльную цѣлесообразность.

Подъ терминомъ «цѣлесообразность безъ цѣли» Кантъ разумѣлъ собственно красоту, и преимущественно красоту природы[1]). Эстетическое сужденіе, въ системѣ Канта не имѣющее ничего общаго съ сужденіемъ о полезности предметовъ, направлено исключительно на ихъ форму безъ всякаго отношенія къ сущности. Въ формѣ предметовъ эстетическое сужденіе и открываетъ красоту, которая хотя сама по себѣ и должна быть признана безцѣльной, тѣмъ не менѣе, какъ выражается Кантъ, «вводитъ съ собою цѣлесообразность», такъ какъ признанный красивымъ предметъ, повидимому, «какъ бы заранѣе предназначается для нашей способности сужденія»[2]). Это послѣднее замѣчаніе придаетъ «цѣлесообразности безъ цѣли» какъ-будто-бы нѣсколько метафизическій характеръ, и поскольку красота въ искусствѣ, по мнѣнію Канта, должна быть такъ же объективна и общеобязательна[3]), какъ и красота природы, этотъ метафизи-

1) Критика Способности Сужденія, русск. пер. Смирнова. СПб. 1898, стр. 84—85, ср. 64—66.

2) Ibid. стр. 98.

3) Ibid. стр. 178 и 183—184.

ческій характеръ распространяется и на самое художественное творчество.

Нѣсколько иначе представляется однако этотъ терминъ, «цѣлесообразность безъ цѣли», съ точки зрѣнія современной психологической эстетики, усвоившей себѣ лишь самый критицизмъ Канта и развившей его психологически. Для психологической эстетики важно теперь уже не то, *что* воспринимается эстетически, а то *какъ* воспринимается. Эстетика, расширенная уже усиліями Гюйо[1]), теперь, такъ сказать, заходитъ за предѣлы красоты. Она стала поэтому уже не наукой о красотѣ и искусствѣ, а наукой объ эстетическомъ сознаніи[2]). Отсюда и эстетическая или «безцѣльная цѣлесообразность» оказалась лишь особымъ состояніемъ сознанія, вызываемымъ художественнымъ наслажденіемъ, и отъ ея прежняго метафизическаго значенія теперь не осталось болѣе и помину.

Въ основѣ эстетическаго наслажденія вслѣдъ за Гюйо[3]) признается теперь прежде всего *симпатія*, на эстетическое значеніе которой уже не разъ было обращаемо вниманіе, преимущественно во Франціи[4]). «Всякое эстетическое наслажденіе основано единственно и исключительно на симпатіи», — говоритъ одинъ изъ лучшихъ эстетиковъ-психологовъ нашего времени, Липпсъ[5]). Симпатія вызываетъ въ насъ особую способность сочувственно *переживать* или *сживаться* (miterleben) съ воспринимаемыми явленіями, будь то душевныя состоянія или аффекты, будь то движенія, характеры или даже чистыя формы, т. е. сочетанія линій, красокъ и звуковъ. Способность *сочувственнаго пере-*

---

1) Гюйо говоритъ: «nous avons essayé de reculer de plus en plus les frontières de l'esthétique». L'art au point de vue sociologique. Paris, 1889, p. 8.

2) Groos, Введеніе въ эстетику (1892), русск. пер. Кіевъ-Харьковъ, 1899, стр. 154—156, и его же Der aesthetische Genuss. Giessen. 1902, S. 159—160.

3) См. особенно Problemmes d'esthétique contemporaine. Paris 1884.

4) Я разумѣю: Véron. L'esthétique. Paris 1878 и Sully-Prudhomme. De l'expression dans les beaux arts. Paris 1883.

5) Lipps, Komik und Humor. Lpz. 1898 S. 224; ср. его же Raumästhetique. Lpz. 1897.

живанія, составляющая, по словамъ другого выдающагося современнаго эстетика, Грооса[1]), «центръ эстетическаго наслажденія», какъ бы «уноситъ насъ въ другой міръ, освобождая насъ отъ насъ самихъ и отъ всей нашей постылой каждодневной жизни»[2]). Благодаря этой способности, мы можемъ воскликнуть, какъ Гёте: «назадъ въ золотой міръ искусства». Въ этомъ-то и заключается «безцѣльная цѣлесообразность». Каковъ тотъ міръ искусства, куда насъ влечетъ эта способность сочувственнаго переживанія, есть ли это міръ красиваго или некрасиваго, это уже не такъ важно: лишь бы то, что мы найдемъ тамъ, «не противорѣчило постольку нашимъ врожденнымъ и усвоеннымъ нами потребностямъ, чтобы удовольствіе отъ самаго дѣйствія сочувственнаго переживанія могло пересилить могущее возникнуть недовольство»[3]), — каждый разъ какъ мы смотримъ, чтобы смотрѣть, и слушаемъ, чтобы слушать, не преслѣдуя при этомъ никакихъ практическихъ цѣлей и наслаждаясь лишь игрою эмоціональнаго возбужденія, эстетическая цѣлесообразность или цѣлесообразность безъ цѣли — на лицо.

Но этимъ еще далеко не все сказано. «Симпатическое переживаніе» въ свою очередь отражается въ нашей психикѣ тѣмъ своеобразнымъ процессомъ, на который указалъ еще Аристотель, когда назвалъ трагедію: «δὶ ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν». (Poet. cap. VI). Это знаменитое мѣсто Аристотелевской поэтики, вызвавшее столько толкованій, а самимъ Аристотелемъ, какъ думаютъ нѣкоторые, брошенное только для того, чтобы защитить трагедію отъ несправедливаго отношенія къ ней Платона[4]), со времени Лессинга толкуется, какъ *очищеніе* и *разряженіе* вызываемыхъ

1) Groos. Der aesthetische Genuss. S. 183, ср. S. 210.
2) Ibid. S. 239—240.
3) Ibid. S. 114.
4) Zimmermann. Geschichte der Aesthetik. Wien. 1858. S. 104 и Berger. A'.s Poetik, uebers. v. Th. Gomperz. Lpz. 1897. S. 97.

трагедіей страха и жалости доведеніемъ этихъ аффектовъ до своего высшаго напряженія [1]).

Самый терминъ κάθαρσις, какъ это показалъ Бернайсъ [2]), есть правда терминъ медицинскій, и поэтому мы, собственно говоря, имѣемъ здѣсь дѣло съ понятіемъ не строго эстетическимъ. Ницше въ своей «Веселой Наукѣ» и толкуетъ катарсисъ совершенно такъ же не-эстетически, какъ не-эстетически онъ толкуетъ и вліяніе ритма. По его мнѣнію, греки «признавали за музыкой силу освобождать отъ аффектовъ, очищать душу, смягчать ferociam animae,—именно посредствомъ музыкальнаго ритма» [3]). Искусство и въ частности музыка можетъ, такимъ образомъ, служить какъ бы средствомъ примѣняемымъ въ цѣляхъ нравственной гигіены.

> «Когда терялось нормальное настроеніе и гармонія души, — говоритъ Ницше, — надо было танцовать подъ тактъ пѣвца, — таковъ былъ рецептъ этой медицины. Ею Тернандеръ утишилъ мятежъ, ею Эмпедоклъ укротилъ бѣсноватаго, Дамонъ очистилъ любострастнаго юношу; ею же принялись лѣчить и дикихъ мстительныхъ боговъ. И прежде всего—тѣмъ, что доводили до высшихъ предѣловъ опьяненіе и распущенность ихъ аффектовъ, слѣдовательно, дѣлая бѣснующагося безумнымъ, и мстительнаго пресыщая местью: — всѣ оргіастическіе культы стремятся сразу отнять у божества ferociam, превративъ ее въ оргію, съ тѣмъ, чтобы потомъ это божество чувствовало себя свободнѣе и покойнѣе и оставило человѣка въ покоѣ» [4]).

Однако катарсисъ Аристотеля уже такъ давно занялъ почетное мѣсто въ эстетикѣ, что его трудно отдѣлить отъ эстетиче-

---

1) Bosanquet, Hist. of. Aesth. p. 64—65; ср. Zimmermann l. c. S. 95—96 и 776 прим.

2) Bernays, Zwei Abhandlungen über in A—sche Teorie d. Drama. Breslau, 1857 и Berlin, 1880.

3) См. русск. пер., стр. 166—167.

4) Ibid. стр. 167.

скаго сознанія. Не упоминая Аристотеля, подобное вліяніе искусства подробно разбираетъ и Ирьё Хирнъ въ главѣ озаглавленной: «Art the reliever»[1]). И дѣйствительно. Если въ основу эстетическаго наслажденія полагать «симпатическое переживаніе», какъ такое состояніе сознанія, которое возможно вызвать только при помощи художества, и если оно-то и составляетъ самую сущность эстетическаго воспріятія, то естественно и «силу освобождать отъ аффектовъ» и «очищать душу, смягчая ferociam animae», надо также признать присущей эстетической дѣятельности. Ирьё Хирнъ очерчиваетъ именно катарсисъ, когда онъ ссылается на знаменитое признаніе Гёте о томъ, какъ «Жалобы молодого Вертера», въ которыхъ онъ излилъ свою юношескую меланхолію, сдѣлали его вновь «свободнымъ и радостнымъ и способнымъ къ новой жизни»[2]). Онъ, такимъ образомъ, останавливается правда лишь на катарсисѣ поэтическаго творчества, но вѣдь то же самое имѣетъ мѣсто и при воспріятіи напр. музыки, этого самаго эмоціональнаго изъ всѣхъ искусствъ[3]). То же самое даетъ, конечно, и поэзія, и даже живопись.

Способность освобождаться отъ аффектовъ есть, стало быть, особый психическій процессъ, сопутствующій эстетическому наслажденію и составляющій какъ бы звѣно между жизненной тяготой, среди которой мятется человѣкъ, и сладостнымъ забвеніемъ «золотого міра искусства».

Если теперь вслѣдъ за этими соображеніями общаго эстетическаго характера мы спросимъ себя, каково то психическое состояніе, безъ котораго эта игра эмоціональнаго возбужденія, вызывающая «симпатическое переживаніе», совершенно невозможна и которое составляетъ поэтому ея первое условіе, то таковымъ окажется *произвольное вниманіе*. Художественное наслажденіе невозможно безъ *созерцанія*, т. е. безъ вполнѣ сознатель-

1) The origins of Art, p. 104 etc.
2) Ibid. p. 105.
3) Ibid. p. 107.

наго и интенсивнаго сосредоточенія на произведеніяхъ природы или искусства. «Мы можемъ — говоритъ Гюйо, — по желанію переводить одно и то же ощущеніе изъ области простыхъ удовольствій въ область удовольствія эстетическаго и обратно. Если напримѣръ вы слышите музыку, не слушая ея и думая о другомъ, она будетъ для васъ лишь пріятнымъ шумомъ, чѣмъ-то вродѣ случайно воспринятаго пріятнаго запаха; но начните слушать, и тогда удовольствіе станетъ эстетическимъ, потому что оно вызоветъ отзвукъ во всемъ вашемъ сознаніи; сдѣлайтесь вновь разсѣянны, и ощущеніе, изолируясь и закрываясь, вновь станетъ просто пріятнымъ. Совершенно такъ же стоя передъ пейзажемъ, который глазъ нашъ воспринимаетъ съ банальнымъ чувствомъ довольства, нужно возбудить въ себѣ сознаніе и волю, чтобы возникло истинно эстетическое чувство»[1]).

Это послѣднее замѣчаніе окажется намъ особенно важнымъ въ томъ случаѣ, если мы вспомнимъ, что требуемое для эстетического созерцанія напряженіе произвольнаго вниманія само по себѣ отнюдь не можетъ считаться чѣмъ-то даннымъ и первоначальнымъ. Само произвольное вниманіе есть результатъ упражненія. Рибо даже называетъ его явленіемъ по существу вовсе не нормальнымъ. Къ нему не способенъ дикарь[2]). Ребенокъ также находится цѣликомъ во власти непроизвольнаго вниманія, постоянно отвлекающаго его то въ ту, то въ другую сторону[3]).

Оттого искусство прежде всего и должно неминуемо стремиться къ сосредоточенію на своихъ образахъ вниманія. Независимо отъ того, что бы ни изображало искусство, что бы оно ни заставляло насъ переживать (miterleben) первое условіе его есть *выразительность*, т. е. именно привлеченіе вниманія къ тому, что хочетъ намъ сообщить художникъ своими зрительными или

---

1) L'art au point de vue sociol., p. 10.

2) Психологія вниманія русск. пер. Кіевъ. Харьковъ, стр. 48, 49, 55—59 и 5.

3) Джэмсъ, Психологія, русск. пер. 4-ое изд. СПб. 1902, стр. 178.

слуховыми образами. «Художественное воспроизведеніе, — справедливо говоритъ Гроосъ, — имѣетъ всегда въ виду облегчить намъ сосредоточеніе на томъ, что хочетъ намъ представить художникъ»[1]). Дѣйствительно. Развѣ не сводятся всѣ эти теоріи характернаго и типичнаго, какъ особенностей прекраснаго, о которыхъ мы слышимъ со времени Гёте, именно вотъ къ этому «облегченію нашего сосредоточенія»? Они вѣдь и составляютъ самую сущность «выразительности», безъ которой эстетическое впечатлѣніе не можетъ вовсе захватить насъ. Ирьё Хирнъ справедливо толкуетъ именно въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ способствующей нашему сосредоточенію выразительности тэновскую теорію преобладающаго свойства[2]). Эстетическое значеніе тэновской теоріи, конечно, лишь въ особенной разновидности характернаго, т. е. выразительнаго.

Состояніе эстетическаго созерцанія обыкновенно характеризуется, какъ состояніе свободы. Для того, чтобы отдаться цѣликомъ созерцанію, надо забыть о своихъ каждодневныхъ заботахъ. Это освобожденное отъ жизненныхъ интересовъ состояніе эстетическаго воспріятія Липпсъ описываетъ въ такихъ выраженіяхъ: «То, что во мнѣ самомъ становится поперекъ этой самодѣятельности, что влечетъ меня по другимъ направленіямъ или вызываетъ во мнѣ внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою, мѣшая мнѣ т. обр. стать свободнымъ, все это подавляется или отталкивается въ сторону всепобѣждающей силы объективнаго отношенія. Чѣмъ сильнѣе испытываемое мною впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣе оно сосредоточиваетъ меня на одномъ пунктѣ»[3]). Шопенгауэръ и противополагалъ обыкновеннаго человѣка, «этотъ фабричный товаръ природы», генію, способному къ «чистому познанію» въ томъ смыслѣ, что геній не довольствуется отношеніями явленій, достаточныхъ для того, чтобы пользоваться ими, а

1) Der aesthetische Genuss. S. 258.

2) Origins of Art. pp. 119—130.

3) Die Aesthetische Einfüllung. *Ztschr. für Psych. u. Phys. der Sinnesorg.* XXII S. 428; прив. у Groos'a Der aesth. Genuss. S. 21—22.

созерцаетъ ихъ самихъ, свободный отъ всякой мысли о пользѣ[1]). Геній, такимъ образомъ, свободенъ отъ интересовъ жизни, и оттого-то онъ и воспринимаетъ явленія эстетически. Однако это состояніе незаинтересованности, происходящее отъ «сосредоточенія на одномъ пунктѣ», т. е., выражаясь языкомъ психологовъ, отъ «суженія поля сознанія», было бы, конечно, правильнѣе опредѣлять не терминомъ: свобода, а противоположнымъ ему терминомъ: порабощеніе. Искусство не только «облегчаетъ» намъ созерцаніе, какъ говоритъ Гроосъ; мало этого; оно порабощаетъ его. Оно вырабатываетъ въ себѣ способы той могучей «задержки», которая необходима, чтобы вниманіе не отвлеклось въ сторону. И оно этимъ самымъ и воспитываетъ, пріучаетъ къ себѣ, чтобы позднѣе вызывать наконецъ уже *потребность* художественнаго созерцанія, и когда народится эта потребность, тогда народится и эстетическая цѣлесообразность или «цѣлесообразность безъ цѣли» т. е. народится самое эстетическое сознаніе.

Мнѣ можно, конечно, возразить, что произвольное вниманіе не бываетъ непосредственно[2]) и что, если искусство привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, то лишь вслѣдствіе существованія въ насъ эстетической потребности. Вѣдь современный психологъ непремѣнно долженъ сказать (я возвращаюсь къ положенію Шопенгауэра), что не вниманіе создаетъ генія, а геній создаетъ внимательность[3]); иными словами, не порабощенное и безцѣльное сосредоточеніе на произведеніи искусства можетъ вызвать эстетическое созерцаніе, а, напротивъ, позывъ къ этому послѣднему заставитъ сосредоточиться на созданіи художника или природы. Но вотъ тутъ-то мы и подходимъ къ главному и основному моменту моихъ разсужденій. Указанное только что положеніе, совершенно справедливое относительно нашего отношенія къ искус-

---

1) Міръ какъ воля и представленіе, русск. пер. Айхенвальда. М. 1900, I, стр. 190—194.

2) Джэмсъ. Психологія, стр. 172.

3) Ibid. стр. 178.

ству, отнюдь не можетъ быть принимаемо въ расчетъ при разсмотрѣніи эстетическаго воспріятія съ исторической точки зрѣнія. Во весь долгій до-историческій періодъ своего развитія искусство несомнѣнно служило однимъ лишь средствомъ привлеченія вниманія, при чемъ побудительной силой были религіозно-бытовыя потребности, а объектомъ вниманія какое-либо дѣйствіе, чувство, или вообще душевное состояніе. Только гораздо позднѣе, при особыхъ исключительныхъ условіяхъ, вниманіе начинаетъ концентрироваться на самихъ образахъ искусства, и тогда-то и начинается это эстетическое воспитаніе человѣка искусствомъ, заканчивающееся въ тотъ моментъ, когда на самое природу человѣкъ научится смотрѣть такъ, какъ онъ уже привыкъ смотрѣть на произведенія искусства. Только тогда эстетическое созерцаніе перестанетъ быть чѣмъ-то вызваннымъ чисто искусственно, а, напротивъ, станетъ уже потребностью. Но какъ поздно это случится, видно уже изъ того, какъ поздно научится человѣчество эстетическому воспріятію природы[1]).

Переходъ отъ цѣлесообразности первобытной пѣсни къ «безцѣльной цѣлесообразности» поэзіи есть, стало быть, въ основѣ своей переходъ нашего вниманія отъ преслѣдуемой пѣснью цѣли на нее самое, а отсюда и превращеніе сопряженнаго съ ея воспріятіемъ непроизвольнаго вниманія въ произвольное.

Убѣдиться въ томъ, что первобытная пѣсня дѣйствительно воспринималась лишь дѣйствіемъ непроизвольнаго вниманія, при чемъ произвольное вниманіе было направлено не на нее, а на извѣстную жизненно-необходимую цѣль, легче всего, прослѣдивъ впечатлѣніе, получаемое отъ рабочей пѣсни. Что пѣснью этой во время самой работы не заслушиваются, а что, напротивъ, она воспринимается даже не только непроизвольно, но и почти безсознательно, я думаю, это ясно каждому, кто вспомнитъ, какъ относился онъ къ музыкѣ, когда ему приходилось либо танцовать, либо маршировать подъ ея звуки. Тутъ именно слышатъ музыку

1) См. I, стр. 74.

хотя и не слушають ея, при чемъ тутъ она только не просто «пріятный звукъ», но своимъ ритмомъ и побудительная сила. Одного побужденія ритмомъ однако слишкомъ мало, чтобы удерживать за работой неустойчивую волю первобытнаго человѣка[1]). Ритмъ только до извѣстной степени можетъ привести въ то «аффективное состояніе», которое требуется для поддержки вниманія[2]). Правда, состояніе это можетъ быть обусловлено и просто непосредственной потребностью, удовлетворяемой работой, какъ напримѣръ размолъ зерна, когда хочется ѣсть, что вполнѣ возможно у первобытнаго человѣка[3]), но это — случай рѣдкій. Въ болѣе сложныхъ обстоятельствахъ, поглощающая вниманіе работа сопряжена съ усиліемъ воли. Это сознательная воля направляетъ всѣ силы на работу, сама же воля есть не что иное, какъ «господство въ нашемъ сознаніи» опредѣленной идеи, т. е. опять таки сосредоточеніе вниманія[4]). Этого послѣдняго и достигаютъ уже слова пѣсни, приводящія въ требуемый побудительный аффектъ. Пѣсня формулируетъ ту идею или то представленіе, которое должно «господствовать въ области сознанія» во все время работы, и путемъ многократнаго повторенія она «задерживаетъ» эту идею или это представленіе, достигая этимъ извѣстнаго моноидеизма и не пропуская въ область сознанія никакихъ иныхъ представленій, которыя нарушили бы аффектъ и тѣмъ дали возможность развлечься вниманію. Пѣсня и самыми своими словами, такимъ образомъ, не привлекаетъ вниманія къ себѣ самой, а лишь направляетъ его.

Каковы тѣ аффекты, которые внушаютъ рабочія пѣсни, это будетъ видно лучше всего на примѣрахъ. Возьмемъ самый грубый изъ нихъ. Вотъ суданская пѣсня при молотьи зерна:

«Трудитесь спорко и мелите; надсмотрщики сильны, и если мы не работаемъ, то бьютъ насъ палками; а если нѣтъ

1) Бюхеръ, Работа и Ритмъ, стр. 3—6; Рибо, Псих. вниманія, стр. 56.
2) Ibid. стр. 95.
3) Бюхеръ l. c. стр. 9.
4) Джэмсъ, Психологія, стр. 9.

у нихъ палокъ, то стрѣляютъ изъ ружей; трудитесь, мелите изо всѣхъ силъ!»[1]).

Пѣсня откровенно формулируетъ здѣсь побужденіе къ работѣ: это палка надсмотрщика; на представленіи о ней и поддерживается во все время работы вниманіе, пока ритмъ регулируетъ и направляетъ силы. Менѣе грубо то же самое съ психологической точки зрѣнія имѣетъ въ виду и пѣсня при молотьи на волшебной мельницѣ Фроди изъ младшей «Эдды». Въ нѣмецкомъ переводѣ она говоритъ:

Wir malen den Frodi
Macht und Reichtum
Und goldenes Gut auf des Glückes Mühle.
Er sitz ihm im Schooss und schlaf' auf Daunen
Nach Wunsch erwachend: das ist wohl gemalen[2]).

Побужденіе здѣсь формулируется уже, какъ самый результатъ работы: счастье — довольство того Фроди, которому принадлежитъ зерно. Совершенно такимъ же представляется мнѣ и основной смыслъ содержанія старо-французскихъ chansons de toile[3]). Только тутъ связь эта уже нѣсколько отдаленнѣе. Старинныя chansons de toile поютъ обыкновенно о предстоящемъ замужествѣ дѣвушки, и черезъ коротко разсказанныя перипетіи и опасности, размолвку или внѣбрачную беременность дѣвушки, дѣло приходитъ въ нихъ къ счастливому концу. Если вспомнить, какое значеніе имѣетъ пряжа для дѣвушки, живущей натуральнымъ хозяйствомъ, то этотъ сюжетъ о бракѣ, разумѣется, долженъ представиться тѣмъ же самымъ сосредоточеніемъ вниманія на цѣляхъ работы, т. е. на счастьѣ-довольствѣ, преслѣдуемомъ этой работой. Пряжу прядетъ дѣвушка чаще всего для себя самой, для своего приданаго. Чтобы возбудить себя къ

1) Бюхеръ, Работа и Ритмъ, стр. 28.

2) Die Edda ... übers. v. K. Simrock, 6-te Aufl. Stuttgart, 1876, s. 314.

3) Bartsch. Rom. и Past. I, 1, 2, 3 и 5; о нихъ смотри мой Очеркъ литер. исторіи Арраса. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1900, февраль, стр. 257—259.

работѣ, о чемъ же тогда и думать дѣвушкѣ, какъ не о замужествѣ, особенно, если оно можетъ представиться еще замужествомъ съ милымъ?

Такова роль вниманія въ основной разновидности первобытной пѣсни, въ пѣснѣ рабочей. Пѣсня эта несомнѣнно воспринимается еще посредствомъ *непроизвольнаго вниманія*, при чемъ *вниманіе произвольное* очевидно направлено на работу, если только эта послѣдняя не совершается машинально, и тогда вниманіе въ сущности разсѣяно. Пѣсня дѣйствуетъ тутъ на насъ именно какъ музыка, когда мы ее не слушаемъ, какъ запахъ, который мы почуяли невзначай.

Насколько подобное впечатлѣніе отъ произведенія искусства разнится отъ того, что мы называемъ эстетическимъ впечатлѣніемъ или вообще художественнымъ воспріятіемъ, станетъ немедленно совершенно понятно, если только мы представимъ себѣ подобное же отношеніе съ созданію современнаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что каждый разъ какъ и теперь мы воспринимаемъ музыку или пѣсню такимъ именно образомъ, т. е., слыша и не слушая, въ насъ возникаетъ впечатлѣніе не-эстетическое. Заслушанный маршъ, который эстетически намъ былъ бы только непріятенъ, доставляетъ удовольствіе тѣмъ, что заставляетъ насъ идти бодрѣе и ровнѣе. Даже за поглощающей умственной работой, заслышавъ звуки пѣсни, романса или аріи, мы можемъ поддаться и эмоціональному впечатлѣнію. Намъ станетъ грустно или радостно, и мы не сразу даже поймемъ, почему произошла такая перемѣна настроенія. Звуки повліяли на насъ вовсе безъ участія нашего сознанія. Назовемъ ли мы подобное впечатлѣніе эстетическимъ? Разумѣется, нѣтъ. Здѣсь нѣтъ иллюзіи. Тутъ не «симпатическіе переживаніе», а самая эмоція, какъ таковая. Впечатлѣніе здѣсь то же, что и отъ настоящихъ слезъ и настоящей радости.

Эти послѣднія замѣчанія уже ввели насъ въ другую, особую область психическихъ явленій, самымъ тѣснымъ образомъ связанныхъ съ вниманіемъ и поэтому, какъ мы сейчасъ увидимъ, из-

мѣняющихся въ эволюціи искусства параллельно съ перебоемъ вниманія. На нихъ намъ и нужно теперь сосредоточиться на нѣкоторое время.

Я разумѣю *внушеніе* въ бодрственномъ состояніи и въ состояніи *гипноза*, занявшее теперь не малое мѣсто въ эстетическихъ изслѣдованіяхъ. Подъ внушеніемъ я понимаю то, что этимъ терминомъ опредѣляетъ пр. Бехтеревъ. Внушеніе, говоритъ онъ: «есть нечто иное, какъ воздѣйствіе одного лица на другое путемъ непосредственнаго прививанія идеи, чувства, эмоціи и другихъ психическихъ состояній», которое, можетъ проявляться легче всего въ томъ случаѣ, когда оно проникаетъ въ психическую сферу незамѣтно, вкрадчиво, при отсутствіи сопротивленія со стороны «я» субъекта, или по крайней мѣрѣ, при пассивномъ отношеніи послѣдняго къ предмету внушенія, или же, когда оно сразу подавляетъ психическое «я», устраняя всякое сопротивленіе со стороны послѣдняго»[1]). Когда дѣло идетъ о внушеніи средствами искусства, мнѣ только кажется, что не надо упускать изъ виду огромное значеніе *самовнушенія* или во всякомъ случаѣ то, что «очень часто проявленіе даже гипнотическаго внушенія обозначаетъ не только согласіе индивидуума на содержаніе этого внушенія, но и сознательный волевой актъ»[2]).

Изучая пѣсню-заклинаніе, какъ основную разновидность пѣснетворчества, я уже старался показать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ явленіемъ, которое по основнымъ своимъ признакамъ вполнѣ совпадаетъ съ внушеніемъ въ состояніи гипноза[3]).

---

1) Бехтеревъ, Внушеніе и его роль въ общественной жизни. СПб. 1904, стр. 24.

2) Левенфельдъ, Гипнотизмъ, русск. пер. Саратовъ. 1903, стр. 37. Ср. по этому поводу также то, что говоритъ Левенфельдъ о внушеніи такъ называемыхъ «лабораторныхъ преступленій», въ особенности стр. 385 — 387; см. также стр. 47—49 и Бехтеревъ, l. c., стр. 26.

3) I, стр. 369—373. Ср. Левенфельдъ, l. c., стр. 1 и 25; Левенфельдъ ссылается при этомъ на работу Stoll'a, Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie Lpz. 1894. Описывая гипнотическое дѣйствіе шаманской пѣсни, я назвалъ состояніе и заклинателя, и паціента, и публики экстазомъ.

И если пѣсня оказалась способствующей гипнотическому врачеванію у современныхъ шамановъ, то не такъ давно нѣкоторые врачи-гипнотизеры, какъ напр. Месмеръ, схоже прибѣгали для своихъ цѣлей къ дѣйствію музыки[1]). Что внушеніе имѣетъ мѣсто и при рабочей пѣснѣ, на это указываетъ интересный разсказъ путешественника Сальвадо, приведенный Хирномъ[2]). Дѣло идетъ объ Австралійцахъ:

«Какъ часто, — разсказываетъ Сальвадо, — я пользовался ихъ плясовыми пѣснями, чтобы поощрить ихъ къ труду. Не разъ, а тысячи разъ, я видѣлъ ихъ изнуренными отъ работы, и однако, какъ только они заслышатъ мой голосъ, поющій ихъ любимую плясовую пѣсню Макіелò — Макіелè, они уступаютъ неотразимому влеченію встать и присоединить свои голоса къ моему. Они начнутъ даже весело и увлеченно плясать, особенно, если я плясалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними ихъ дикую пляску-пѣсню. Послѣ нѣсколькихъ минутъ я и не пропускалъ случая, чтобы бодрымъ голосомъ закричать: Минго! Минго! — слово означающее дыханіе, но имѣющее значеніе и поощренія. Послѣ этого они уже опять брались за работу и такъ охотно и ретиво, что, казалось бы, пѣсня, Макіело — Макіеле, придала имъ свѣжія силы».

Если пѣсня, Макіело—Макіеле, сама по себѣ и не имѣетъ ничего общаго съ работой, мы всетаки получаемъ здѣсь въ высшей степени интересное свидѣтельство о внушающемъ значеніи пѣсни

Этотъ терминъ я заимствовалъ у Суріо, раздѣлявшаго состояніе гипноза во 1-ыхъ на летаргію, во 2-ыхъ на экстазъ и въ 3-ихъ на полную безсознательность (La suggestion dans l'art. Paris. 1893, p. 61). Теперь это подраздѣленіе мнѣ кажется совершенно произвольнымъ, и находящимися въ экстазѣ я назвалъ бы лишь самого заклинателя и окружающую публику; паціентъ же представляется мнѣ приведеннымъ въ состояніе обыкновеннаго гипноза, такъ что въ общемъ мы и имѣемъ здѣсь дѣло съ внушеніемъ при гипнозѣ.

1) Левенфельдъ, l. c., стр. 10.

2) Salvado, Voyage en Australie. Traduit de l'italien. Paris. 1861; см. Yrjö Hirn. l. c. p. 253—254.

при работѣ. Тотъ же Ирьё Хирнъ, собравшій интересный подборъ фактовъ и для любовныхъ и военныхъ пѣсенъ, характеризуетъ ихъ въ такихъ выраженіяхъ, что впечатлѣніе отъ нихъ оказывается вполнѣ подходящимъ подъ опредѣленіе внушенія, данное проф. Бехтеревымъ[1]). И при всѣхъ этихъ пѣсняхъ рабочихъ, любовныхъ и военныхъ мы имѣемъ дѣло и съ состояніемъ гипноза. Это тотъ особенный гипнозъ, который можно было бы назвать гипнозомъ *соціальнымъ* и на которомъ такъ часто останавливаются теперь и психологи и психіатры, чтобы показать приподнятую внушаемость толпы, объясняющую массовыя увлеченія, а иногда и преступленія[2]). Подобный соціальный гипнозъ я и имѣлъ въ виду, когда старался представить праздничныя игры и пляски, какъ такое дѣйство сопутствующее заклинанію, которое не только вторитъ, но помогаетъ ему[3]).

Бергсонъ и Сурьо, первые обратившіе вниманіе на соотношенія внушенія и эстетическаго сознанія, находили возможнымъ толковать и впечатлѣніе отъ современнаго искусства, какъ родъ внушенія. Бергсонъ подчеркиваетъ въ художественномъ воспріятіи «состояніе полной покорности, когда мы осуществляемъ внушаемую намъ идею»[4]), и еще болѣе опредѣленно говоритъ Сурьо; по его мнѣнію, «то, что намъ всего болѣе нравится при эстетическомъ созерцаніи, это самое состояніе созерцанія, т. е. гипнозъ»[5]). Мнѣ кажется, однако, что подобную точку зрѣнія отнюдь нельзя считать правильной. Внушеніе несомнѣнно имѣетъ мѣсто и въ эстетическомъ сознаніи, но роль его скорѣе подчиненная. Имъ только достигается еще болѣе это «симпатическое переживаніе», лежащее въ основѣ эстетической эмоціи. Внушеніе, нѣкогда составлявшее цѣль искусства и являвшееся источникомъ

1) Ibid. см. особенно стр. 233—238, 247 и 263—277.

2) См. у Бехтерева, l. c. стр. 43 и слѣд. и 133—140; Левенфельда l. c. ст. 408—415; ср. также Lechalas, Etudes esthétiques, Paris. 1902, p. 131—132.

3) I, стр. 392.

4) Bergson, Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris. 1889, p. 11 etc.

5) Touriau l. c. p. 61.

побужденія къ совершенію извѣстныхъ поступковъ, въ современномъ искусствѣ стало однимъ изъ средствъ достиженія эстетическаго наслажденія.

Самый простой и наглядный примѣръ подобнаго эстетическаго внушенія приведенъ самимъ Сурьо. Это внушеніе зрительное. «Вотъ рисунокъ женской руки,—пишетъ Сурьо.—Какъ выразить то, что это не плоская вырѣзка бумаги, а нѣчто закругленное, рельефное? Если бы только на рукѣ былъ браслетъ! Я тотчасъ изображаю браслетъ, и немедленно рука округляется»![1]) Здѣсь, конечно, закругленная форма браслета внушила закругленность руки. Въ поэзіи подобные же, хотя и болѣе сложные, примѣры внушенія представляютъ собою эти столько разъ приводимыя сцены изъ Шекспировскаго «Гамлета», когда Гамлетъ видитъ тѣнь своего отца, и изъ Метерлинковскаго Interieur'а, гдѣ старикъ внушаетъ намъ ощущенія семьи, тамъ за стекломъ окна спокойно коротающей вечеръ[2]). Въ обоихъ случаяхъ прибѣгнуть къ внушенію было необходимо. Въ первомъ случаѣ внушеніе намъ Гамлетомъ своихъ видѣній должно побѣдить нашъ скептицизмъ къ привидѣніямъ; во второмъ случаѣ авторъ хотѣлъ заставить насъ глубоко прочувствовать ужасъ обыденнѣйшаго событія, и здѣсь, совершенно также, только внушеніемъ могло быть подавлено наше предубѣжденіе.

Во всѣхъ трехъ приведенныхъ примѣрахъ внушеніе т. обр. лишь служитъ выразительности того, что хотѣлъ изобразить художникъ. Его дѣйствіе поэтому и окзывается совершенно параллельнымъ сосредоточенію вниманія.

Намъ остается теперь только спросить себя, при какихъ же это особыхъ и исключительныхъ условіяхъ и какимъ образомъ искусство, а въ частности поэзія перестаетъ возбуждать и направлять наше сознаніе на какую-либо цѣль, опредѣляемую нашими религіозно-бытовыми потребностями, и вмѣсто того цѣ-

1) Ibid. p. 120—121.
2) Оба примѣра приведены у Lechalas'a l. c. p. 135.

ликомъ сосредоточиваетъ насъ на своихъ образахъ, становящихся тутъ, какъ выразился Кантъ, «безцѣльной цѣлесообразностью»?

III.

Предложенная мною теорія происхожденія первыхъ зачатковъ пѣснетворчества явилась результатомъ сложныхъ сближеній и сопоставленій, давшихъ возможность проникнуть черезъ обрядъ и пѣсню европейскаго крестьянства въ далекую глубь самаго первобытнаго міросозерцанія. Первоначальный типъ пѣсни-заклинанія выяснился только тогда, когда онъ былъ сопоставленъ съ пѣсней шаманской. Судить о рабочей пѣсни намъ удалось, только благодаря книгѣ пр. Бюхера, изучившаго условія труда у современныхъ дикарей. Основной смыслъ военной пѣсни-пляски, самое существованіе которой у европейскихъ народовъ мы могли лишь предположить съ извѣстной долей вѣроятія, судя по кое-какимъ отголоскамъ ея въ обрядѣ и пѣсняхъ рыцарей и солдатъ, намъ открыли воинственныя пѣсни-пляски дикарей. Только при помощи пристальнаго наблюденія надъ хороводнымъ игрищемъ удалось также разглядѣть, позади его бросающагося въ глаза эротизма, его дѣловитый брачный характеръ, связанный съ устоями хозяйственной жизни.

Право на исканіе такого жизненнаго смысла всѣхъ занимавшихъ насъ обрядовъ дало намъ, правда, дѣловито-благочестивое настроеніе волочобныхъ и царинныхъ пѣсенъ, нѣкоторыхъ кралицъ и лазарицъ, нѣкоторыхъ canzoni del ovo и trimouzettes[1]). Но вѣдь во всѣхъ остальныхъ обрядахъ мы, конечно, имѣли дѣло только съ однѣми играми и забавами.

---

1) I, стр. 170—171, 178, 190, 197, 223 и 251.

Игру, забаву, потѣху представляютъ собою наши обряды. И не только теперь народъ понимаетъ ихъ почти исключительно въ этомъ смыслѣ. Такъ было и нѣсколько столѣтій тому назадъ; весьма вѣроятно, что такъ же точно смотрѣли на все это уже и въ средніе вѣка. Со смѣхомъ и радостью исполнялись всѣ эти обряды, и простая шутка—вотъ, что считалось уже давно единственнымъ назначеніемъ многихъ изъ нихъ. Заклинаніе дождя путемъ обливанія или купанья кое-гдѣ и теперь, какъ мы видѣли, исполняется еще съ самыми серьезными намѣреніями[1]). Но когда ходятъ и ходили «po dyngusie», когда парни обливаютъ дѣвокъ, а дѣвки парней, когда снаряжаютъ Wasservogel'а, когда заплетаютъ вѣнки или березки и пускаютъ вѣнки по водѣ, когда поютъ подъ окнами и проч., молодежь во всемъ этомъ видитъ только одну праздничную потѣху[2]). Совершенно такъ же и въ какой-нибудь хороводной пѣснѣ-игрѣ въ родѣ «А мы просо сѣяли» женихи и невѣсты кажутся теперь только сюжетомъ, и веселитъ самая пѣсня-пляска. Интернаціональныя игры: «Мужъ та жинка», «Игуменъ и игуменья» — забавны также самой своей бѣготней, да еще комическими ужимками при изображеніи страха жены или гнѣва мужа[3]).

Но рядомъ со смѣхомъ-весельемъ появилась въ самомъ обрядѣ и еще одна черта, уже значительно измѣняющая дѣло. Понять ее поможетъ намъ лучше всего описаніе средневѣкового автора Guillaume de Dôle'а праздника 1-го мая:

Qui la fu, il pot mout bien dire
C'onques, en lieu ou il alast,
Ne vist tant richece a gast
Aler, com il a la alé;
Les rues de lonc et de lé
Sont portendues de cortines;

1) Ibid. стр. 245.
2) Ibid. стр. 138—141, 171, 178—179, 193—194, 210 и др.
3) Ibid. стр.

De cendaus, de penes hermines,
De baudequins de ciglatons
Ont toz les pignos des mesons
Fet par richece encortenir;
L'en n'i pooit nul lieu trover
Nule part se richece non[1]).

Поэтъ здѣсь не думаетъ вовсе объ обрядовомъ значеніи праздника. Праздникъ изображается также не только веселымъ. Эта роскошь, которую такъ подчеркиваетъ поэтъ и которая его такъ восхищаетъ, синонимъ *красоты*. Красивымъ хотѣлъ поэтъ представить весеннее убранство. Красотой своей, конечно, и привлекалъ къ себѣ сердца праздникъ 1-го мая. Красивымъ считали и англичане свое «to go a-maying». Украшеніе березками, вѣнками, цвѣточными гирляндами, играющее такую важную роль въ весенней обрядности, убранство майскаго *деревца*, своего жилища и себя самихъ, все это также уже подводитъ насъ къ красотѣ. Когда въ старо-французскомъ refrain дѣвушка говоритъ по веснѣ:

mes amis mignos,
qui m'a en sa baillie,
deust ore flors cueillir
et un chapelet bastir
a mes biaus cheveus tenir:
s'en fusse plus jolie[2]),

она и отмѣчаетъ въ этихъ словахъ въ высшей степени *важный* для насъ перебой въ значеніи самаго праздника. Я уже указывалъ въ самомъ началѣ этой работы на то, что красота цвѣтовъ есть единственная несомнѣнная и общеобязательная красота, въ сужденіи о которой сходится все человѣчество цѣликомъ отъ

1) Quill. de Dôle, ed. *Servois* vers 4166—4178 pp. 126, русск. пер. см. выше I, стр. 124.
2) Bartsch, Rom. u. Past. II, 102.

дикаря до современнаго эстета. Оттого весенніе цвѣты, помимо своего сакральнаго значенія, до нѣкоторой степени издавна отвѣчаютъ и чисто эстетическому спросу просто, какъ красивая вещь, какъ естественно напрашивающееся средство убранства[1]).

Цвѣточный праздникъ, это общинное заклинаніе цвѣта полезныхъ злаковъ, этотъ важный и опасный моментъ сельскохозяйственнаго обрядового круговорота, это время жениховства и удалыхъ потѣхъ, навѣвающихъ отвагу, долженъ былъ неминуемо стать моментомъ первыхъ проблесковъ эстетическаго самосознанія. Это — особая, независимая отъ всего остального, его *цѣлесообразность*. Что этой цѣлесообразности вполнѣ подходитъ и опредѣленіе *цѣлесообразность безъ цѣли*, явствуетъ не только изъ того, что она не имѣетъ ничего общаго съ какою-либо полезностью; кромѣ этого, первенствующее значеніе имѣетъ здѣсь и культурно-историческій моментъ. Красота весенняго цвѣточнаго праздника съ его хороводами, пѣснями и плясками ярче всего обнаруживается, когда этотъ праздникъ уже утрачиваетъ свое сакрально-бытовое значеніе. Тогда вниманіе естественно сосредоточивается на немъ самомъ, на праздникѣ per se, на его собственномъ весельи и на его собственныхъ признакахъ. Праздникъ, такъ сказать, переходитъ изъ «общаго сознанія» въ «сознаніе личное», освободившееся теперь отъ жизненныхъ и хозяйственныхъ заботъ.

И вотъ тутъ-то среди этой праздничной радости, ставшей эстетической, эстетической становится и раздающаяся на немъ пѣсня. Художественное искусство есть искусство *праздничное*. Во время праздника вниманіе начинаетъ сосредоточиваться на самой пѣснѣ или, что вѣрнѣе, на воспроизводимыхъ пѣсней поэтическихъ образахъ, получающихъ теперь цѣнность сами по себѣ. А выраженные пѣсней образы и составляютъ сущность поэзіи. Вѣдь именно воспріятіе образовъ и вызываетъ то «со-

---

1) I, стр. 77—78.

чувственное переживаніе», въ которомъ мы условились видѣть сущность эстетической эмоціи.

Чтобы понять, какъ это происходитъ, и отчего именно среди праздничнаго разгула должна была поэтическая образность пріобрѣсти самостоятельное значеніе, намъ надо однако еще вникнуть въ то, что такое поэтическій образъ, изображаемый пѣсней.

Мы видѣли, что весенніе обряды объясняются психологически страстнымъ напряженіемъ желанія[1]). Желаніе приводитъ во время весеннихъ праздниковъ въ эмоціональное возбужденіе, а «при сильномъ эмоціональномъ возбужденіи мы бываемъ склонны вызывать въ себѣ только тѣ представленія, которыя благопріятствуютъ нашей страсти»[2]). «Желаемое», т. е. счастье-довольство— вотъ, что цѣликомъ и «заполняетъ сознаніе» въ экстазѣ древняго празднества, и оно-то получаетъ свое выраженіе въ пѣснетворчествѣ. Каждый разъ, какъ пѣсня не ограничивается простымъ констатированіемъ совершаемаго обряда, она именно воспроизводитъ «желаемое» и иногда такъ непосредственно и прямо, какъ въ той сербской додолицѣ, гдѣ поется:

Мы идемо преко села
А облаци преко неба[3]).

Гораздо чаще эмоціональное возбужденіе приводитъ однако къ чему-то болѣе сложному. Мы подошли теперь къ такой психической дѣятельности человѣка, которая играетъ первенствующую роль въ эстетической эмоціи. Я разумѣю *воображеніе*. Въ напряженномъ экстазѣ празднества воображеніе, всегда усиливающееся въ гипнозѣ[4]), выражаетъ «желаемое» въ причудливыхъ и сложныхъ образахъ. Такъ, въ волочобной пѣснѣ мы имѣемъ либо образъ святыхъ, работающихъ въ полѣ на хозяина, либо

1) I, стр. 376—377.
2) Джэмсъ, Психологія, стр. 377.
3) Караџић, Пјесме, I, стр. 117—118, № 187.
4) Souriau, La suggestion, p. 73, ср. 336 прим.

самое счастье-довольство, изображенное въ своеобразномъ поэтическомъ преувеличеніи:

Гдѣ гора, тамъ жита копа,
Гдѣ лужокъ, тамъ сѣна стожокъ,
Гдѣ долинка, тамъ жита скирда.
Якъ на небѣ звѣзды часты,
Такъ на поли коны густы[1]).

Желаніе привело и къ разсказу болгарской пѣсни о юнакѣ, какъ онъ

Три дни ходилъ, три дни ловилъ
Нищо лова не изловилъ;
Изловилъ іе малка мома,
Променена, наредена,
Како китка накитана
Како перо наросено[2]).

И то же самое mutatis mutandis представляютъ собою и хороводныя пѣсни. Основная ихъ тема, это несомнѣнно — также порывъ бурныхъ желаній. Объясняя возникновеніе основной темы хороводныхъ пѣсенъ-плясокъ: «борьбы хороводнаго веселья съ его противниками» во всѣхъ ея различныхъ мотивахъ: о спорѣ матери съ дочерью, о монашенкѣ и монахѣ, о горестяхъ семейной жизни и о семейномъ разладѣ, я старался показать, что тема эта есть лишь трагическое выраженіе того же самаго призыва къ праздничной радости, что и пѣсни въ родѣ:

Травка-муравка зеленая,
Чомъ ти такая потоптана![3])

Дѣйствительно. Трагизмъ вѣдь тутъ не болѣе, какъ способъ выраженія. Картины ужасовъ семейнаго гнета, насильственнаго

1) *Виленск. Вѣстн.* 1891, № 93.
2) Миладиновци, Бълг. н. п.[2] № 599.
3) Чуб., Труды III, стр. 179 № 122; см. выше II, стр. 61–62.

пострига и грозы нелюбимаго мужа развертываются здѣсь только потому, что, противополагая все это хороводному веселію, пѣсня еще рѣзче выражала его, еще болѣе привлекала къ нему вниманіе. По мнѣнію Липпса, такое значеніе имѣетъ и вообще всякій трагизмъ въ искусствѣ. Какъ «цѣнный предметъ кажется намъ еще дороже, если онъ сломанъ», какъ «другъ, котораго мы потеряли, представляется намъ въ идеализованномъ видѣ», такъ же точно дѣйствуетъ на насъ и поэтическая видимость въ трагическомъ освѣщеніи[1]). Въ хороводной пѣснѣ, несмотря на трагизмъ ихъ сюжетовъ, мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло также ни съ чѣмъ другимъ, какъ съ идеей, заполняющей наше сознаніе, или, иначе говоря, съ воспроизведеніемъ «желаемаго».

Эти замѣчанія казались мнѣ важными потому, что, если намъ удастся убѣдиться въ праздничномъ происхожденіи эстетической эмоціи, т. е. въ томъ, что эстетической пѣсня стала впервые въ обиходѣ празднества, уже утратившаго свое первоначальное религіозно-бытовое значеніе, это положеніе не должно уже казаться случайнымъ, разъ мы установили, что самое воображеніе, составляющее центръ эстетической эмоціи, такъ тѣсно и искони связано съ праздничной психологіей. Обрядовой экстазъ, это необходимое условіе успѣшности обряда, самъ собою ведетъ въ проявленію воображенія, т. е. къ важнѣйшему элементу эстетическаго сознанія.

Это особое значеніе праздничнаго эмоціональнаго возбужденія, дѣлающее его колыбелью поэтической образности, уже давно и выразилъ Ницше на одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ своего «Происхожденія Трагедіи»[2]).

> «Шиллеръ, — говоритъ Ницше, — освѣтилъ намъ процессъ своего поэтическаго творчества необъяснимымъ для него самого, но, повидимому, вѣрнымъ психологическимъ

1) Lipps, Komik und Humor S. 228; ср. его же Die Streit über die Tragoedie. Lpz. 1898.

2) См. русск. пер. Москва. 1900. стр. 63—65; у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою перевода г. Антоновскаго.

наблюденіемъ; онъ утверждаетъ, что состояніе, предшествующее акту поэтическаго творчества, является у него не рядомъ проходящихъ у него передъ глазами образовъ вмѣстѣ со стоящими между собою въ причинной связи мыслями, но скорѣе какимъ-то *музыкальнымъ настроеніемъ*. Если мы присовокупимъ теперь къ этому важнѣйшій феноменъ всей лирической поэзіи древняго міра — считавшееся, повсюду естественнымъ соединеніе, скажемъ больше тождество *лирическаго поэта съ музыкантомъ*, который въ сравненіи съ нашей новѣйшей лирикой представляется статуей бога безъ головы, то мы можемъ на основаніи представленной нами метафизики такъ опредѣлить лирическаго поэта: сначала онъ, какъ художникъ въ духѣ Діониса, совершенно сливается съ первобытно-единымъ, его скорбью и противорѣчіемъ и снимаетъ копію съ этого первобытно-единаго посредствомъ музыки, если только эта послѣдняя по справедливости считается эхомъ міра и снимкомъ съ него; но затѣмъ эта же самая музыка, какъ будто бы въ какомъ-то символическомъ изображеніи, видимомъ во снѣ и подъ вліяніемъ сна, относящагося къ искусству Аполлона, является ему въ видимыхъ образахъ».

Въ этихъ строкахъ съ ослѣпительной ясностью выступаетъ соотношеніе эмоціональнаго и образнаго начала въ искусствѣ, и намъ достаточно вспомнить, какъ были объяснены почти всѣ образы разслѣдованныхъ въ настоящемъ трудѣ пѣсенъ, чтобы эта мысль Ницше приняла уже и конкретное выраженіе.

Родившись на лонѣ празднества изъ того самаго возбужденія, которое и составитъ «праздничную радость», дѣлающую празднество не только эстетическимъ, но и красивымъ, поэтическая образность, разумѣется, какъ бы выступаетъ на первый планъ, когда отъ стародавняго утилитарнаго пониманія праздничной возбужденности не остается и помину.

Всего быстрѣе этотъ процессъ долженъ случиться однако именно на хороводныхъ пѣсняхъ. Эти послѣднія, хотя и изобра-

жаютъ также «желаемое», какъ и пѣсни-заклинанія, но самое-то желаемое, изображаемое ими, вѣдь и составляетъ празднично-плясовую радость. Въ этихъ пѣсняхъ желаемое достигается въ самый моментъ его формулировки. Впечатлѣніе отъ хороводной пѣсни и отъ празднества, на которомъ она поется, въ сущности даже почти тождественны. Оттого, если художественное значеніе получаетъ праздникъ, то такое же художественное значеніе получаетъ теперь и хороводная пѣсня-пляска, особенно если ее разсматривать, какъ одно неразрывное цѣлое, состоящее и изъ напѣва, и изъ поэтическаго выраженія, и изъ размѣренныхъ тѣлодвиженій. Все это уже составляетъ теперь главную часть празднества, и своей самодовлѣющей привлекательностью все это есть уже художественное произведеніе, т. е. «цѣлесообразность безъ цѣли», какъ ее понималъ Кантъ. Образы пѣсни теперь уже сами собою притягиваютъ къ себѣ вниманіе; они входятъ въ сознаніе участниковъ празднества и создаютъ въ немъ особое «симпатическое переживаніе», уносятъ въ свой собственный «золотой міръ поэзіи».

И рядомъ съ хороводной пѣсней на той же самой стадіи приближенія уже къ самому эстетическому наслажденію, какъ таковому, надо поставить и привѣтственныя пѣсни, родственныя свадебнымъ, т. е. волочобныя пѣсни, лазарицы и кралицы, поскольку онѣ уже утратили значеніе заклинанія и даже величанія и стали просто такимъ моментомъ весенняго ритуала, когда хозяева дома ждутъ поздравителей для—ради самой ихъ пѣсни. Поздравители въ этой формѣ обрядового обхода вѣдь являются уже съ голыми руками. Они ничего не приносятъ въ домъ; на нихъ нѣтъ символическихъ знаковъ молодой растительности; ихъ не обливаютъ въ цѣляхъ заклинанія дождя. Ихъ поэтому уже не только слышатъ, но и слушаютъ. Въ этомъ отношеніи эти пѣсни приближаются даже еще гораздо ближе къ поэзіи, чѣмъ пѣсни хороводныя. Хороводная пѣсня, когда она утратила свое значеніе заклинанія, когда забытымъ оказался и бытовой смыслъ ея эротизма, все-таки еще не предполагаетъ слушателя, посторонняго

исполнителямъ. Въ ней нѣтъ еще достаточныхъ элементовъ для той дифференціаціи пѣвца и слушателя, какъ въ пѣсняхъ поздравителей. Не оттого ли хороводная пѣсня и дала меньше сюжетовъ пѣснѣ обыденной? Изъ нея выдѣлились только мотивы о черничкѣ и о плохо вышедшей замужъ женщинѣ, подхваченные средневѣковыми поэтами; выдѣлились изъ нея и такія шуточныя темы, какъ «чего стоятъ парни и дѣвушки», но это почти-что все. Изъ хороводныхъ темъ, правда, широкое развитіе получили еще и темы о горестяхъ мужней жены и о семейномъ разладѣ, но подобныя пѣсни остались эмоціонально-лирическими. Напротивъ, поздравительныя пѣсни, вмѣстѣ съ родственными имъ свадебными, дали намъ цѣлый рядъ уже строго лирико-эпическихъ сюжетовъ, изъ которыхъ главные—эти «L'anneau perdu» и «Le Jeune Marinier». Въ нихъ символъ, чуть намѣченный и вполнѣ достаточный для возбужденія брачнаго настроенія и брачныхъ грёзъ, разрабатывается уже, какъ повѣствованіе.

Этотъ перестрой пѣсни, которому она подвергается, оторвавшись вовсе отъ обряда, и составляетъ конечной предѣлъ разсматриваемой нами эволюціи. Теперь вниманіе уже окончательно поглощено образомъ, и сама музыка служитъ лишь усиленію впечатлѣнія. Пѣсня становится уже вполнѣ поэзіей, даетъ намъ наслажденіе сладостнымъ и жуткимъ переживаніемъ чего-то чужого и далекаго, вырывающаго нашу душу изъ страды жизни.

IV.

Наблюденія надъ лирической и лирико-эпической пѣснью привели насъ, стало быть, къ признанію того, что эстетическое сознаніе нарождается среди традиціоннаго обихода праздниковъ, при чемъ тутъ-то и получаетъ пѣсня послѣдній толчокъ, превращающій ее въ поэзію. Если-бы эти заключительныя страницы моего изслѣдо-

ванія были написаны при другихъ обстоятельствахъ, я обставилъ бы это положеніе фактами эволюціи и другихъ родовъ поэтическаго творчества, въ связи съ другими, уже не исключительно только весенними и отчасти зимними праздниками. Не трудно было бы напр. показать, что на почвѣ старо-французскихъ chansons de geste довольно ясно вырисовывается значеніе мѣстныхъ, преимущественно храмовыхъ праздниковъ съ ихъ ярмарками и обширными сборищами богомольцевъ. Такъ, давно уже было указано на то, что напр. «Pélérinage de Charlemagne» и родственный ему по сюжету «Fierabras» пѣлись на ярмаркѣ въ St. Denis, и содержаніе ихъ носитъ явные слѣды этого пріуроченія[1]). Этотъ фактъ имѣетъ особенно важное значеніе теперь, что покойный Гастонъ Парисъ въ послѣдній годъ своей жизни указалъ на Ронсевальскій монастырь, гдѣ отдыхали путники, шедшіе поклониться св. Якову Кампостельскому, какъ на колыбель «Пѣсни о Роландѣ». Такая точка зрѣнія могла бы опереться и на значеніе гильдейскихъ праздниковъ для развитія старинной средневѣковой драмы и въ особенности на связь этой послѣдней съ всенародными очищеніями послѣ какихъ-либо общихъ бѣдствій[2]). Подобные же факты могла бы доставить и поэзія античная со своими Олимпійскими играми и празднествами.

Что касается собственно лирической поэзіи среднихъ вѣковъ, то тутъ формулированная мною праздничная гипотеза идетъ уже прямо навстрѣчу послужившему исходной точкой моего труда положенію, по которому искусственная, личная средневѣковая поэзія трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ испытала на себѣ сильное вліяніе весенней народной пѣсни. Параллельно съ тѣмъ, какъ весенняя пѣсня, преимущественно поздравительная, схожая съ величальной свадебной, породила независимую отъ обряда лирико-эпическую пѣсню—балладу, параллельно съ этимъ

---

1) *Romania*, XVII (1888), pp. 34—37.

2) Hermann Suchier und Adolf Birch-Hirschfeld, Geschichte der französischen Litteratur. Lpz. 1900, ss. 271—272, 280, 281 и 284. Ten-Brink, Gesch. der englisch. Litteratur. Strassburg, 1893, II, s. 249.

весенняя хороводная пѣсня доставила цѣлый рядъ сюжетовъ и образовъ и для искусственной поэзіи. Она поспособствовала, такимъ образомъ, тому процессу, который А. Н. Веселовскій въ обнародованныхъ имъ главахъ своей «Поэтики» назвалъ: *«отъ пѣвца къ поэту»*.

Вотъ къ этому-то значенію весеннихъ праздниковъ мнѣ и предстоитъ теперь обратиться, предупредивъ, что воспользоваться я буду въ состояніи при этомъ опять-таки только тѣми фактами, которые по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ упомянуты уже мною въ этомъ трудѣ.

Что у всѣхъ народовъ Европы искони и во все время ихъ исторической жизни пѣлись пѣсни, измѣнявшіяся въ своемъ строѣ вмѣстѣ съ измѣненіями языка, въ этомъ въ настоящее время едва-ли кто-нибудь сомнѣвается. Самъ пр. Жанруа въ своихъ послѣднихъ рецензіяхъ на новыя изслѣдованія, утверждаетъ только, что судить объ этой древнѣйшей поэзіи X и XI вв. мы не имѣемъ возможности; въ самомъ же ея существованіи онъ болѣе не сомнѣвается[1]). Исходя изъ этого положенія о повсемѣстномъ существованіи народной пѣсни, я и старался этимъ трудомъ отвѣтить на вопросъ о томъ, какова же была эта древняя народная пѣсня, раздававшаяся какъ у германскихъ, такъ и у романскихъ народовъ. Что и у тѣхъ и у другихъ она была въ высшей степени схожа, какъ схоже вообще народное пѣснетворчество и у болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, это подтверждалось, мнѣ кажется, каждой новой страницей этой книги.

Въ самомъ началѣ моего изслѣдованія я уже перечислилъ и тѣ извѣстія, какія мы имѣемъ о народной пѣснѣ Запада, не прибѣгая еще къ тому сравнительному методу, которымъ такъ широко пришлось пользоваться лично мнѣ[2]). Въ настоящее время эти немногія данныя должны однако послужить намъ развѣ только канвой. Наши

1) *Romania*, XX (1900) 129.
2) I, стр. 21.

свѣдѣнія уже значительно обогатились. Средневѣковая народная пѣсня, предшествующая вліянію трубадуровъ и, по мнѣнію Жанруа, безслѣдно исчезнувшая[1]), для всякаго, кто вчитался въ эту книгу, должна, мнѣ кажется, ожить теперь во множествѣ образовъ, мотивовъ, примѣненій и пѣсенныхъ складовъ. Съ историко-литературной точки зрѣнія въ этомъ и заключается наше главное пріобрѣтеніе, и потому, если бы кромѣ всего, что уже сдѣлано, мнѣ удалось бы еще собрать и какія-нибудь, ускользнувшія отъ историковъ литературы, новыя указанія въ житіяхъ святыхъ, въ проповѣдяхъ или иныхъ историческихъ источникахъ, упоминавшихъ о средневѣковой лирикѣ, это пополнило бы нашу канву, можетъ быть, прибавило бы вѣсскости въ аргументаціи, но очень мало, разумѣется, дало бы намъ для главнаго: для нашей попытки возстановленія погибшей народной поэзіи среднихъ вѣковъ — родоначальницы поэзіи трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ.

Я постараюсь свести вмѣстѣ эти наши пріобрѣтенія, попутно пополняя ихъ по мѣрѣ возможности тѣмъ, чего по основному своему замыслу эта книга не могла касаться.

Изъ рабочихъ пѣсенъ мы знаемъ посидѣлочную пѣсню пряхъ, которую пѣли нѣкогда «дамы и королевы»[2]) и которая вѣроятно и есть типичная женская пѣсня: «puellarum cantica»[3]), поскольку это выраженіе разумѣетъ не плясовую пѣсню. Сюжетомъ рабочей пѣсни служило загадыванье о суженомъ или миломъ[4]), причемъ тотъ же законъ трагическаго освѣщенія, какъ сосредоточенія вниманія, дѣйствіе котораго мы констатировали только что по отношенію къ хороводнымъ пѣснямъ, заставлялъ изображать перипетіи любви проходящими черезъ размолвку, преждевремен-

1) Les origines etc., p. 443—444.

2) Bartsch, Rom. u. Past. I, 1, 2, 3, 5 и 11—18; ср. замѣчанія G. Paris'a Guil. de D. ed. Servois, p. XCII—XCIV.

3) Кöгель, въ Paul's Grundriss, II, S. 170.

4) См. мою статью «Лит. ист. Арраса», *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1900. Февраль, стр. 257—259.

ную беременность, сопротивленіе браку со стороны родителей и проч. Рабочія пѣсни женщинъ были вѣроятно и эти «uinileode», любовныя пѣсенки, запрещаемыя монашенкамъ[1]). И невольно думается, что мотивъ женскаго «amor da lonh», который мы находимъ въ пѣснѣ г-жи du Fael или въ пѣсняхъ «манеры Кюренберга», надо также включить именно сюда же[2]). Любовный характеръ носили и пѣсни, сопровождавшія обряды «по цвѣточки» съ ихъ завиваніемъ вѣнковъ и загадываніемъ о суженомъ[3]). Тотъ же любовный замыселъ преобладалъ вѣроятно и въ привѣтственной зимней и весенней пѣснѣ, когда она не напѣвала, подобно англо-нормандскому «Noel»[4]), счастья-довольства. Тутъ, какъ въ свадебной величальной пѣснѣ, то подъ видомъ моряка, увозящаго дѣвушку за море или спасающаго ее или колечко, то въ видѣ молодца-охотника или наѣздника, воспѣвался будущій женихъ дѣвушки. Мотивы эти мы, правда, нашли на Западѣ только въ формѣ баллады, но въ средніе вѣка они, очевидно, и тамъ раздавались совершенно такъ же, какъ еще теперь о нихъ поютъ на славяно-русскомъ Востокѣ[5]). О разлукѣ съ милымъ повидимому пѣли свадебныя «chansons d'oreiller»[6]), по самому своему характеру вѣроятно близкія и съ утренней пѣсней ночного сторожа[7]) (alba), заняться которой въ настоящемъ трудѣ не представлялось надобности.

---

1) Кögель, ibid.

2) Эту мысль я уже высказалъ въ моемъ очеркѣ «Лит. ист. Арраса» l. c. Пѣсня г-жи дю Фаэль, нап. у P. Meyer'a Recueil II, p. 368—369; пѣсни Кюренберга: M. F. 7—10.

3) Ср. пѣсню о прекрасной «Aalis» (*Mélanges Wahlund* p. 1, etc.) и особенно такіе refrains, какъ

bien doit quellir violete
qui par amours aime

см. выше II, стр. 193—195 и I, стр. 151—153.

4) P. Meyer, Recueil, p. 382; ср. *Romania* VI, 271; ср. также trimouzettes о всходѣ овса I, стр. 169, 190, 250 и 255—256.

5) См. I, стр. 173—176, 181, 187—188, 200 и II, стр. 237, 250 и слѣд.

6) II, стр. 143—145.

7) Groeber, Gesch. d. fr. lit. Groeber's Grundriss II, s. 663.

Несравненно болѣе подробно и полно можемъ мы представить себѣ эти «choros secularium», «caroles» или «maieroles», т. е. хороводныя пѣсни, запѣвавшія либо своимъ собственнымъ запѣвомъ въ родѣ: «Tout la gieus sor rive mer» или весеннимъ призывомъ[1]). Кромѣ сборныхъ пѣсенъ и мотивовъ чистаго веселья, говорившихъ о дѣвичьей волѣ, да о томъ, какъ дороги по веснѣ стали дѣвушки теперь, что ихъ столько вышло замужъ на масленицу, тутъ мы знаемъ теперь не объ одной «mal mariée» или, вѣрнѣе, объ «апрѣльской королевѣ», убѣжавшей отъ грозы мужа порѣзвиться съ удалымъ паренькомъ. Это только одинъ эпизодъ цѣлаго ряда представленій борьбы хороводнаго веселья съ его типичными противниками: замужней долей, строгой матерью, постригомъ и мужемъ старчищемъ. Всѣ эти мотивы мы не только можемъ предположить въ средневѣковой хороводной пѣснѣ по аналогіи съ нашими хороводными играми и забавами, мало этого, мы нашли ихъ слѣды и въ пѣсенномъ достояніи самихъ среднихъ вѣковъ[2]). Эротическій замыселъ этихъ пѣсенъ и отразился всего болѣе въ искусственной средневѣковой поэзіи.

Совершенно въ сторонѣ отъ эротизма стоитъ лишь военная пѣсня, можетъ быть, нѣкогда также—пѣсня-пляска. Ея содержаніе мы можемъ лишь смутно угадывать и притомъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Намъ стало только ясно, что и эта пѣсня имѣла органическій, въ силу вещей возникшій весенній запѣвъ[3]). Рядомъ съ военной пѣсней надо поставить и хвастливую застольную пѣсню, по характеру, быть можетъ, похожую на ту «gab», на которую указалъ пр. Жанруа[4]), какъ породившую «chansons à personnages».

Такою мы должны представить себѣ народную пѣсню среднихъ вѣковъ, одинъ отдѣлъ которой отразился уже и на личной

1) II, стр. 13—16 и 34—38.
2) Ibid. стр. 43—45, 64, 104—109, 111—112, 117—119, 120—134.
3) Ibid. стр. 79—84 и 93—98.
4) Les origines d. l. poésie lyr. en Fr. au m. âge, p. 23.

искусственной поэзіи. Процессъ возникновенія этой послѣдней намъ и надо теперь прослѣдить.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами: поэзія трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ вышла изъ народной поэзіи, при чемъ всего болѣе отразилось на нихъ вліяніе весеннихъ пѣсенъ, надо прежде всего вникнуть въ то, какъ вообще относится народный пѣвецъ къ поэту, въ чемъ заключается основное сходство и различіе между ними.

Когда трубадуръ, труверъ или миннезингеръ слагалъ новую пѣсню, принадлежащую къ тому или иному отдѣлу народной поэзіи, тогда очевидно вовсе еще не совершалось этого искомаго нарожденія личной поэзіи; поэтъ тогда оставался еще пѣвцомъ. Пѣвцомъ должны мы поэтому назвать автора какой нибудь новой военной пѣсни вродѣ: «Be·m platz lo gais tems de pascor». Пѣвцами должны мы назвать и неизвѣстныхъ намъ авторовъ chansons de toile, дошедшихъ до насъ въ лотарингскомъ сборникѣ, носящемъ теперь названіе Сентъ-Жерменскаго[1]). Когда Вильгельмъ IX графъ Пуату сочинялъ свою типичнѣйшую застольную «gab»: «En Alvern part Lemozi»[2]), съ ея чудовищными преувеличеніями любовныхъ наслажденій, съ ея упоминаніемъ о какихъ-то извѣстныхъ слушателямъ дамахъ и забавными подробностями, встрѣчающимися и въ новеллахъ, онъ былъ еще совершенно такимъ же пѣвцомъ, какъ и тогда, когда по дорогѣ изъ крестоваго похода распѣвалъ о немъ пѣсню въ замкахъ своихъ друзей, «rics oms e baros»[3]). Пѣвцомъ былъ и Кюренбергъ, женскія пѣсни котораго такъ же, какъ и пѣсню г-жи

1) См. изд. Société des anciens textes français.

2) Bartsch, Verz. 183,12; нап. у Appel'a, Chrest. № 60.

3) Orderici Vitalis, Historia ecclesiastica, lib. X; прив. у Chabaneau, Biographies des Troubadours. Toulouse, 1885, p. 6.

дю-Фаэль, едва ли не пѣли, какъ мы это только что видѣли, подъ шумъ веретена. Даже позднѣе самъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, какъ авторъ знаменитой пьесы «Under den linden an der Haide»[1]) можетъ скорѣе считаться поэтомъ, чѣмъ пѣвцомъ. И еще позднѣе Адамъ де-ла-Галь, слагавшій рождественскій Noel[2]), студенческія пѣсни и вообще, какъ о немъ отзывается Jeu du Pélérin, умѣвшій распространять въ широкой публикѣ свои музыкально-поэтическія дѣтища, потому что они были «facile à retener», въ этомъ отношеніи все еще беретъ на себя дѣло народнаго пѣвца[3]). Поэтами становятся Вильгельмъ IX, Бертранъ де-Борнъ, Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде и Адамъ де-ла-Галь лишь, какъ авторы тѣхъ пѣсенъ, которыя только *пользуются* традиціоннымъ содержаніемъ народной поэзіи, чтобы, претворивъ его заново, создать новыя формы поэтическаго творчества, новые мотивы и новые образы. Только эта дѣятельность трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ представляетъ собою моментъ возникновенія личной поэзіи.

Это соображеніе и заставитъ насъ цѣликомъ сосредоточиться теперь лишь на типично-трубадурской поэзіи, не беря вовсе въ соображеніе тѣхъ пьесъ, гдѣ поэтъ не гнушается еще формами народной пѣсни.

Къ такому же выводу приводятъ насъ и кое-какія хронологическія соображенія. Что формы народной поэзіи продолжали очень долго жить бокъ о бокъ съ новыми формами поэзіи трубадурской, обновляясь въ средѣ литературно-образованной знати кое-какими новыми штрихами, это всего нагляднѣе видно все на томъ же романѣ Guillaume de Dôle, на который я уже столько разъ ссылался. Авторъ его съ одной стороны хвалится тѣмъ, что его произведеніе пойметъ лишь тотъ, кто насквозь

1) Lachman, W. v. d. V 39,11 = ed. Paul, 14,1—36.

2) Oeuvres compl. d'Ad. d. l. H. p. p. de Coussemacker, Paris, 1872, p. 235 и *Rom.* VI, 271; H. Guy, Essai sur Adan de le Hale. Paris, 1898, pp. 289—293 и 79—85.

3) Jeu du Pélérin см. у Fr. Michel'a, Theâtre fr. du m. a. Paris, 1865.

проникся модной поэзіей[1]), а въ тоже время приводитъ народно-плясовыя пѣсни, пѣсню о прекрасной Аэлисъ[2]) и даже заставляетъ старую даму пѣть chansons de toile[3]), при чемъ она сама характеризуетъ эти пѣсни, какъ старинныя и полузабытыя. Поэтъ, такимъ образомъ, какъ-бы щеголяетъ даже своей симпатіей къ старинному полународному пѣснетворчеству. И вотъ тутъ-то и получается возможность всмотрѣться попристальнѣе въ взаимныя отношенія обоихъ типовъ средневѣковой поэзіи. Эта терпимость автора Guillaume de Dôle'а къ традиціонной поэзіи есть именно то новое, что̀ вноситъ этотъ романъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ болѣе позднимъ этапомъ средневѣковой поэзіи. Его результаты сказываются особенно въ XIII в. въ поэзіи Арраса[4]), въ этихъ своеобразныхъ пастуреляхъ, изображающихъ настоящихъ пастуховъ, пасшихъ стада на равнинахъ Пикардіи[5]). Мы видимъ ихъ и въ пьесѣ Адама де-ла-Галя «Robin et Marion»[6]), и въ пѣсняхъ парижскихъ студентовъ того же автора[7]). Подъ этимъ вліяніемъ онъ вѣроятно и сочинилъ свой Noel. Тоже направленіе несомнѣнно отразилось и на Вальтерѣ фонъ-деръ-Фогельвейде съ его: «Unter den linden an der Haide», и гораздо сильнѣе мы видимъ его на Нидгартѣ фонъ Рюенталѣ, этомъ загадочномъ представителѣ какой-то «мужицкой моды»[8]), сочинявшемъ свои шуточныя лѣтнія и зимнія пѣсни. Противъ крайностей этой «мужицкой моды» и негодовалъ незашедшій такъ далеко Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде. Оттого, когда онъ призывалъ къ «весенней радости»:

---

1) См. стихъ 15-ый ed. Servois, p. 1.

2) Ibid. стихи 491—550 и 4155 и слѣд. стр. 16—18 и 125.

3) Ibid. стихи 5155 и слѣд. p. 154—155.

4) См. мой очеркъ «Лит. ист. Арраса», *Ж. М. Н. Пр.* 1900, № 2, стр. 267 и слѣд.; ср. выше стр. 15.

5) Bartsch, Rom. u. Past. II, 22, 30, 36, 41, 58, 73, 77; III, 15, 21, 22, 24, 27, 29, 30, 41.

6) ed. Langlois, pp. 18 и 29.

7) Raynaud, Rec. de motets, pp. 214, 216, 255 и 264.

8) Schönbach, Die Auf. des d. Minnes, ss. 21—22.

wir suln sîn gemeit
tanzen, lâchen unde zingen,

онъ оговаривается однако:

âne dorperkeit[1]).

Въ этотъ же отдѣлъ я отнесъ бы и знаменитую: «Rosa fresca aulentissima», Чулло д'Алькама[2]), связь которой съ пастурелью, мнѣ кажется, была указана съ полнымъ основаніемъ[3]). Ея амобейный складъ, вводящій ее въ категорію «споровъ», эту особую разновидность народной поэзіи, коснуться которой мы имѣли случай только по поводу «Споровъ Зимы и Лѣта»[4]), конечно, совершенно напрасно заставлялъ видѣть въ ней чуть не сохранившійся цѣлые вѣка перепѣвъ псевдо-Теокритовскаго «Аориста». Родственная ей пьеса ютится вѣдь среди тѣхъ же пастурелей Арраса[5]), въ свою очередь роднясь съ шотландской «Robyn and Makyne» Генрисона[6]) уже XV в.

Обозрѣвая средневѣковую лирическую поэзію, мы можемъ, такимъ образомъ, выдѣлить въ ней покамѣстъ два момента. Сначала это — народная традиціонная поэзія и подобныя ей пьесы, сочиненныя и нѣкоторыми поэтами, иногда оставшимися неизвѣстными, а иногда напротивъ, какъ Вильгельмъ IX, и весьма знаменитыми. Затѣмъ уже гораздо позднѣе въ XIII в. вновь замѣчается какой-то возвратъ интереса къ народной поэзіи. Это — «мужицкія моды» Арраса и Нидгарта. Тутъ поэты особенно охотно *пользуются* мотивами народной пѣсни, а иногда, какъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде и Адамъ де-ла-Галь, они не прочь и *подражать* ея завѣтнымъ формамъ.

---

1) Lachman, W. v. d. V. 15,18 = ed. Paul, 25, 10—13,5, 49.

2) Monaci, Crest. ital. p. 106—109.

3) Caix, Ciullo d'Alcamo, *Nuova Antologia*, XXX (1875), pp. 485—488 etc.

4) См. II, стр. 291.

5) Bartsch, Rom. u. Past. II, 47; болѣе подробный разборъ этой пьесы см. въ моемъ очеркѣ «Лит. ист. Арраса» l. c. стр. 273—274.

6) Chambers, English Pastorals, London, 1895, p. 1—5.

Для настоящей нашей цѣли оба эти момента намъ совершенно не нужны. Такого рода произведеніями приходилось широко пользоваться для возстановленія погибшей средневѣковой народной поэзіи, но для возникновенія поэзіи личной все это вовсе не важно, и мнѣ необходимо оговориться, что во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ отнюдь не надо видѣть какую-то передаточную стадію между поэзіей личной и поэзіей народной.

Намъ надо теперь имѣть въ виду исключительно тотъ моментъ развитія средневѣковой поэзіи, который какъ бы занимаетъ промежуточное мѣсто между двумя только что указанными. Этотъ моментъ и есть типично-трубадурская поэзія съ ея основными видами: любовной канцоной, «классической», какъ выражался Г. Парисъ, пастурелью, съ ея chansons à personnages и тенцонами, занятыми разработкой эротической казуистики. Возникновеніе личной поэзіи въ средніе есть возникновеніе именно этихъ ея разновидностей. И если это возникновеніе нельзя хронологически опредѣлить точнѣе, чѣмъ указавши на XI в., то географически оно пріурочивается довольно точно. Вѣдь никто, повидимому, не сомнѣвается теперь въ томъ, что лирическая поэзія, основанная на теоріи «amors, joi e joven», увлеченная куртуазіей и создавшая образы: «fin amor», «fin cuer leial», «les envieux», «le faux jalous», «Neider», «Mermer», «Schähen» и т. д. происхожденія провансальскаго[1]). То положеніе, по которому языкъ юга Франціи подходитъ лучше для чисто лирической поэзіи, а языкъ сѣвера для лирико-эпической, такъ наглядно указываетъ на это незабытое средневѣковыми поэтами первенство трубадуровъ передъ труверами и миннезингерами[2]). За это говорятъ и переводы пьесъ Жофра Рюделя и другихъ, которыя мы находимъ напр. въ романѣ Guillaume Dôle; на это же указываетъ и названіе «sons poitevins», позволяющее даже еще съузить географически моментъ появленія личной

1) Впервые это было высказано Поль Мейеромъ въ *Romania*, V, p. 287; см. также лат. дисс. Jeanroy, De nostrat. poetis etc. Парижъ, 1890.

2) См. у Stimming'a, Prov. Lit. Groeber's, Grundriss, II,2, s. 13.

поэзіи, отнеся его къ средней зонѣ между югомъ и сѣверомъ, къ Пуату, откуда происходитъ и самое это классическое выраженіе «joi», ставшее синонимомъ поэтическаго вдохновенія [1]). Вѣдь именно графъ Пуату, Вильгельмъ IX,— первый извѣстный намъ трубадуръ, и никто иной, какъ его внучка знаменитая Элеонора, жена Людовика VII, а послѣ Генриха II Плантагенета, покровительница Бернарда де-Вентадорна и Бертрана де-Борна, способствуетъ распространенію южныхъ модъ на сѣверѣ [2]). Ея дочь Марія Шампанская считается особенно строгимъ судьей въ дѣлахъ поэзіи и заставляетъ дрожать ранняго сѣвернаго подражателя трубадурамъ Конона изъ Бетюна [3]). Для нея пишетъ свои уже типично куртуазные романы и Кретьенъ де Труа [4]), а ея капелланъ, Андрей, создаетъ энциклопедію этихъ южно-французскихъ эротическихъ воззрѣній, заслуживъ этимъ даже названіе современнаго Овидія [5]).

Итакъ моментъ нарожденія личной поэзіи въ средніе вѣка есть моментъ нарожденія самой условной и выспренней поэзіи трубадуровъ, при чемъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для установленія какихъ либо посредствующихъ звѣньевъ между этой народившейся новой поэзіи и поэзіей народной. Произошло это нарожденіе личнаго поэтическаго творчества въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ то въ Пуату и Гаскони. Его отнюдь нельзя поэтому разсматривать, какъ нѣчто длительное и постепенное. Напротивъ, мы имѣемъ тутъ дѣло скорѣе съ какимъ-то рѣзкимъ кризисомъ, съ какой-то вспышкой новыхъ потребностей, вкусовъ и художественныхъ побужденій.

---

1) Гастонъ Парисъ въ G. d. D. ed. Servois, ср. выше II, стр. 24—25 и 148—149.

2) *Romania*, XII, (1883), p. 531—533 (Г. Парисъ) и его же La Poésie du m. âge. 2 ud série, Paris, 1898, p. 1—44.

3) Les chansons de C. de B. ed. Wallenskõld, Helsingfors, 1891, p. 223, ср. 5.

4) *Romania*, XII, (1883), p. 531.

5) Pio Rajna, Corti d'amore. Torino, 1891; книга Андрея «de amore libri tres», ed. Trojel, Havniae, 1892.

Характеръ кризиса еще рѣзче выступаетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что новая поэзія трубадуровъ — поэзія строго аристократическая. Она прежде всего презираетъ и крестьянина, и городского мѣщанина. Это—поэзія чисто феодальная, поэзія, созданная исключительно для «rics oms e baros». И въ значительной степени къ нимъ принадлежатъ и первые поэты. Ранѣе другихъ мы слышимъ вѣдь въ Провансѣ о поэтической дѣятельности Вильгельма, графа Пуату, а для сѣверной Франціи наиболѣе старымъ поэтомъ является Гюонъ д'Ойзи, также знатный человѣкъ, про котораго Кононъ изъ Бетюна говоритъ: «Ki m'a apris a canter des enfanche»[1]). Если Серкамонъ, Маркабрю и Жанъ Бодель люди не знатные, то во всякомъ случаѣ они обращаются въ своихъ пѣсняхъ только къ знати.

Какимъ же образомъ, спрашивается, возникла эта аристократическая, исключительная по своимъ симпатіямъ и по пріемамъ творчества поэзія изъ весенней народной пѣсни? Какъ совершился этотъ рѣзкій перебой, этотъ острый кризисъ въ традиціонномъ пѣснетворчествѣ?

Когда мы изучали «весенніе запѣвы» средневѣковой лирической поэзіи, мы обнаружили въ нихъ съ одной стороны отзвуки обрядовой «весенней радости» и традиціоннаго весенняго эротизма, а съ другой воспоминаніе о старомъ правилѣ античной эротики, что весна есть время любви[2]). Эта особенность весеннихъ запѣвовъ стоитъ далеко не одинако; она составляетъ лишь одинъ эпизодъ взаимодѣйствія двухъ различныхъ теченій, вліяніе которыхъ сказывается на трубадурахъ. Чѣмъ ближе изучались ихъ пѣсни, тѣмъ больше обнаруживалось у нихъ отдѣльныхъ выраженій и образовъ, несомнѣнно заимствованныхъ изъ школь-

1) Les ch. de C. de B. ed. Wallenskõld, p. 231.
2) II, стр. 176—177.

ныхъ занятій латинскими эротиками[1]). И главнѣйшаго изъ нихъ Овидія переводитъ еще Maistre Elie въ началѣ XII в.[2]) Классическія реминиссенціи однако отнюдь нельзя было признать рѣшающими, и эти наблюденія ничуть не поколебали установленной зависимости средневѣковой лирики отъ народной пѣсни.

Подобныя явленія А. Н. Веселовскій эти послѣдніе годы сталъ называть «встрѣчными теченіями»[3]).

Выраженіе это мнѣ кажется однако не совсѣмъ удачнымъ и даже скорѣе затемняющимъ смыслъ разсматриваемаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ: «встрѣчныя теченія», мы думаемъ о чемъ-то, что уже шло другъ другу на встрѣчу и, стало быть, неминуемо при нормальныхъ условіяхъ должно было встрѣтиться. Совершенно иначе представляется дѣло въ данномъ случаѣ. Античная эротика и эротизмъ весенней пѣсни встрѣтились только потому, что трубадуры напряженіемъ сознательнаго поэтическаго исканія и свободно черпая свои мысли и образы, то тутъ, то тамъ, создали нѣчто новое и небывалое. Такъ создали они сначала обязательный, а послѣ надоѣвшій весенній запѣвъ, эти пѣсни «о листвѣ, и цвѣтахъ, и пѣніи птицъ», проникнутыя жаромъ любовныхъ волненій. Также точно и у античныхъ эротиковъ и у весенней пѣсни, какъ мы видѣли въ сущности всецѣло дѣвичьей, они взяли одни только мотивы о мужней женѣ и о черничкѣ, и при этомъ любовныя увлеченья мужней жены, приводящія къ распрѣ съ мужемъ, они возвели даже въ основу всѣхъ основъ, создавъ цѣлую эпопею адюльтера, отрицающую любовь между супругами и полюбовные помыслы посылающую только къ сердцу дамы[4]). Совершенно такимъ же

1) Jeanroy, De nostrat. poet. p. 189, *R. d. l. r.* XX, p. 57 и мн. др.

2) II, стр. 175.

3) См. мою статью «Заимствованія» (теорія о з.) въ Энциклоп. Словарѣ Евфронъ-Брокгауза.

4) См. рѣшеніе Маріи Шампанской у Андрея Капеллана, ed. Trojel, p. 152—155.

творческимъ процессомъ народно-плясового мужа-старчища съ его забавной ревностью они окружили злоязычными и навѣтчиками классической эротики[1]), хотя то и другое вовсе не подходитъ и не можетъ подходить другъ къ другу. И мало этого, разрабатывая свою завѣтную застольную «gab», трубадуры ввели въ нее не только черничку, страдалицу отъ насильственнаго пострига и сгорающую отъ безысходной любви, какъ въ хороводной пѣснѣ, или жену думающую объ удаломъ молодчикѣ и угрожающую ревнивому мужу, сюда же введены были ими и условные пастушки и пастушки, отдаленные потомки героевъ эклогъ[2]).

Выраженіе «встрѣчныя теченія» поэтому было бы правильнѣе замѣнить выраженіемъ: «встрѣтившіяся теченія». Этимъ былъ бы подчеркнутъ творческій элементъ въ нарожденіи поэзіи трубадуровъ т. е. именно тотъ характеръ явленія, который я хотѣлъ оттѣнить, назвавъ его рѣзкимъ перебоемъ или кризисомъ.

И если раньше мы опредѣлили лишь внѣшній характеръ этого кризиса, заключающагося въ интересѣ къ образамъ народной хороводной пѣсни со стороны презирающаго вилана феодальнаго аристократическаго общества, то теперь мы можемъ осмыслить и его внутренній характеръ, сводящійся именно къ тому, что въ той-же народной хороводной пѣснѣ позаимствовался также и школьно образованный, а потому въ свою очередь смотрѣвшій сверху внизъ на вилана поэтъ. Нарожденіе личной поэзіи въ средніе вѣка есть, такимъ образомъ, моментъ столкновенія поэта-клерика и поэта-сирвена съ разгульной радостью весенняго хоровода. Клерикъ-сирвенъ[3]), какъ можно назвать

1) Ихъ античное происхожденіе указано между прочимъ А. Н. Веселовскимъ, Три главы истор. поэтики.

2) Такой взглядъ на происхожденіе пастурели см. въ моемъ «Очеркѣ лит. ист. Арраса» стр. 275; ср. I, стр. 13—14.

3) О сирвентѣ см. Settegast, Ueber die Ehre in den Liedern der troubadours. *Ausg. und Abh.*; ср. Groeber, Franz. Lit. Groeber's, Grundriss, II, 1 (въ отд. лир. поэзіи).

трубадура одновременно, и школьно образованнаго, и служащаго какому либо феодальному барону, не только появился тутъ на весеннемъ праздникѣ, въ качествѣ его благосклоннаго участника, онъ проникся образами раздававшихся на немъ пѣсенъ и пріобщилъ ихъ въ сознательномъ актѣ исканія новыхъ формъ къ своимъ школьнымъ вдохновеніямъ.

Теперь, что мы знаемъ о воинскомъ значеніи весеннихъ праздниковъ съ ихъ турнирами, военными процессіями и ристаніями, участіе въ нихъ высшаго общества, законодателя литературныхъ модъ, объясняется, конечно, само собою. Намъ не надо даже ссылаться на то, что весенніе праздники были сезономъ феодальнаго общества[1]). Сами тѣ факты, которые были приведены мною въ доказательство этого положенія, не болѣе, какъ слѣдствіе военнаго значенія весны. Тутъ уже все сказано и этимъ совершенно ясно, почему поэтъ-клерикъ, если только онъ сирвенъ, не можетъ, какъ праздничный человѣкъ, не занять подобающаго ему мѣста на весеннемъ праздникѣ. Общество, которому онъ служитъ, нуждается именно тутъ въ его пѣснѣ-сирвентѣ, въ его призывѣ къ воинской отвагѣ, въ оцѣнкѣ политическаго положенія. Все это вполнѣ ясно. Но почему захотѣло общество слушать и пѣсни полныя весенняго эротизма, почему гордые феодалы рукоплескали чуть ли не возведенію въ принципъ и добродѣтель условнаго адюльтера народно-весенней пѣсни? Отъ участія въ военныхъ упражненіяхъ и потѣхахъ праздника, до такого проникновенія сюжетами его пѣсенъ еще очень далеко. Для такого сліянія воинскаго праздника съ праздникомъ народнымъ, и даже деревенскимъ или мѣщанскимъ, надо предположить особыя условія, особый культурно-историческій моментъ.

Но вотъ такой-то именно моментъ и насталъ, мнѣ кажется, въ центральной Франціи въ X и XI вв., когда чуть не каждый феодалъ сталъ играть политическую роль, и когда, при на-

1) II, стр. 19—23.

ставшей полной децентрализаціи, феодальное общество какъ бы засѣло на мѣстахъ, въ своихъ помѣстьяхъ (villae), укрѣпленныхъ теперь по военному, окруженныхъ подвластнымъ населеніемъ и только теперь дѣйствительно ставшихъ замками (castella)[1]). Въ этотъ періодъ времени деревенскіе весенніе праздники неминуемо должны были какъ бы всплыть наружу и привлечь къ себѣ вниманіе. Такъ бываетъ всегда съ деревенскими праздниками въ моменты децентрализаціи, въ моменты, когда утрачиваютъ свою поглащающую, притягательность общегосударственныя празднества. Такъ было и въ первые вѣка христіанства, когда календари начинаютъ вдругъ отмѣчать различныя Rosaria, Parentalia, dies rosae и dies violae, segetes lustrantur, lustratio ad flumen и пр., о чемъ они и не думали раньше, занятые днями Августа, большими Флораліями и праздниками главныхъ боговъ[2]). Такъ было и въ средніе вѣка съ скромнымъ деревенскимъ 1-ымъ Мая, съ деревенскимъ значеніемъ Пасхи и Духова дня.

Только при такихъ особыхъ, совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ могла возникнуть поэзія трубадуровъ, поэзія, прежде всего провинціально-феодальная или аристократически-деревенская, прислушивавшаяся къ хороводному веселью крестьянъ и городского мѣщанства и въ тоже время презиравшая тѣхъ и другихъ, помнящая школьную выучку, но слагавшая новыя мысли-звуки уже по народному, на народномъ языкѣ и даже на мѣстномъ народномъ говорѣ. Только что теперь бряцаніе оружія стало сливаться съ звуками любовныхъ деревенскихъ пѣсенъ и «весенняя радость» дѣйствительно охватила все и вся, отсюда— пѣсни о «листвѣ, и цвѣтахъ, и пѣніи птицъ», о «весельи, любви и молодости». И тутъ постепенно первое мѣсто само собою должно было достаться не клерику-книжнику, а скорѣе клерику-

1) Flach, Les origines de l'ancienne France, Paris, 1886—1903, v. I, p. 317 ss. и 445 ss., v. II, p. 81 ss.

2) I, стр. 302.

сирвену, не тому, кто весь отдался ученой древней литературѣ и подражалъ ей, какъ поэты временъ Карла Великаго, а тому, кто проникался военной доблестью феодальнаго общества и въ комъ въ тоже время пѣла музыка народной рѣчи и звучали мотивы народной пѣсни, какъ что-то родное, близкое, свое.

Такъ представляю я себѣ начало дѣятельности этихъ поэтовъ-искателей, трубадуровъ, основавшихъ новую поэзію, возродившуюся на развалинахъ старой латинской образованности.

V.

До сихъ поръ я еще почти вовсе не касался того особаго идейнаго содержанія средневѣковой лирической поэзіи, которое составляетъ самую характерную и своеобразную черту созданныхъ трубадурами образовъ и представленій. Я еще не затрагивалъ ихъ поэтическаго міросозерцанія.

Теорія «amors, joi e joven» немедленно вслѣдъ за своимъ нарожденіемъ стала стремиться къ созданію особаго идеала куртуазіи или, какъ ее назвали славянскіе переводчики рыцарскихъ романовъ, дворжества. Дворжество должно было занять въ сердцѣ рыцаря мѣсто равное съ доблестью. Оно производило цѣлый переворотъ и въ усвоенномъ трубадурами эротизмѣ; воспѣваемый ими адюльтеръ получилъ теперь своеобразное, платоническое освѣщеніе, и сама любовь стала пониматься, какъ нравственный подвигъ, требующій возвышенности чувствъ беззавѣтной преданности дамѣ, вѣрности, самоотреченія и доблести. Поэзія стала иносказаніемъ, «скрывающимъ стихомъ» (vers cluz). Идеалъ дворжества и доблести и разрабатывался въ тенцонахъ, занималъ участниковъ пюи и «судилищъ любви». Въ немъ ко-

ренятся мысли и чувства, выражавшіяся въ канцонахъ, и ради него герои кельтскихъ и византійскихъ сказаній превращались въ рыцарей Круглаго Стола. Теперь, что появилось современное изданіе книги Андрея Капеллана: «De amore libri tres», мы имѣемъ и систематическое изложеніе этого идеала дворжества, восходящее къ классической порѣ средневѣковой поэзіи[1]).

Но намъ въ данномъ случаѣ важны не столько сами дворжество и доблесть, какъ то направленіе поэтической мысли, которое сказывается съ самаго нарожденія поэзіи трубадуровъ и логически ведетъ къ иносказанію «скрывающаго стиха» и къ идеалу куртуазіи. Этотъ послѣдній складывался не сразу и окончательная, вполнѣ послѣдовательная его формулировка дана скорѣе труверами сѣверной Франціи, чѣмъ трубадурами[2]). Въ сѣверной Франціи у Маріи Шампанской вѣдь и жилъ Андрей Капелланъ. Vers cluz есть также осложненіе, также болѣе поздній моментъ развитія поэзіи[3]). Но появленіе того и другого было логически необходимо и неизбѣжно, какъ результатъ совершенно самостоятельной работы мыслей трубадуровъ даже тѣхъ временъ, когда они пѣли «и о листвѣ, и о цвѣтахъ, и о пѣніи птицъ». Въ основѣ художественной дѣятельности трубадуровъ даже самой ранней поры уже лежитъ извѣстная неудовлетворенность одной образностью и музыкой словъ, ведущая къ смутно еще понимаемому художественному идеализму, сродному эстетической проповѣди Плотина, блаженнаго Августина и Скота Еригены[4]). Трубадуры вѣдь сразу пошли по тому пути художественной дѣятельности, который ведетъ къ опредѣленію искусства Өомы Аквината:

1) Со времени Poesie der troubadours Дица вся эта теорія уже много разъ излагалась историками литературы; см. напр. Restori, Leter. prov. (Manuali Hoepli), Milano. 1891, pp. 46—53 и Prov. lit. въ Groeber's Grundriss II, ss. 28—34.

2) Я разумѣю романы Кретьена де Труа и пѣсни Тибо, графа Шампани.

3) См. Canello, Arnaldo Daniello. Lpz. 1886.

4) Объ эстетическомъ идеализмѣ въ средніе вѣка см. Bosanquet, Hist. of Aesth., глава VI, см. особенно pp. 131—143 & 146—150.

«resplendentia formae super partes materiae proportionatas vel super diversas vires, vel actiones». Имъ также казалось, что «pulchrum nunquam separatur a bono, sicut pulchrum corporis a bono corporis, et pulchrum animae a bono animae»[1]). Эти слова можно было бы даже поставить эпиграфомъ всей средневѣковой поэтики.

И если идеалы доблести и куртуазіи сами по себѣ были идеалами классовыми, то создавшая ихъ поэзія, стремившаяся къ «resplendentiae formae», поэзія иносказательнаго, «скрывающаго стиха» должна быть названа поэзіей уже не только классовой, но и групповой. Виланами звали поэты далеко не только однихъ крестьянъ; противополагая слову «vilain» слова «fin cuer leal» и «fin cuer corteis», они выказывали презрѣніе и къ людямъ того класса, которому они служили, если они не проникались этимъ «прекраснодушіемъ», въ которомъ добро сливалось съ красотой, доблесть съ милосердіемъ и любовь съ высшимъ цѣломудріемъ[2]). Трубадуръ былъ въ полномъ смыслѣ, какъ выразился бы Гюйо, создателемъ «новой общественной среды». И это особенно рѣзко должно было сказываться именно въ самую раннюю пору возникновенія средневѣковой поэзіи, когда трубадуръ только смутно предчувствовалъ будущее вполнѣ разработанное пониманіе создаваемаго имъ идеала. Тогда трубадуръ вѣдь, конечно, былъ не только поэтомъ-художникомъ, но и поэтомъ-мыслителемъ, умѣвшимъ «найти» это новое, чему предстояло такое широкое развитіе и что содержало въ себѣ элементы даже не одной только средневѣковой рыцарской поэзіи, но и поэзіи ранняго итальянскаго Возрожденія.

Это нахожденіе новаго не только въ отношеніи формы, но и въ отношеніи къ опредѣляющимъ форму идеямъ и чувствуется сразу же у самыхъ первыхъ трубадуровъ Про-

1) Knight, The philosophy of the Beautiful. London, 1891, I, pp. 45—46; ср. трактатъ Өомы Аквината «De pulchro».

2) *Romania*, XXIV, (1895), p. 148 (Г. Парисъ).

ванса, у Вильгельма IX, графа Пуату, у Серкамона и у Маркабрю.

Если, какъ выражается Сушье «современная литература была призвана къ жизни примѣромъ такого богато одареннаго, но безнравственнаго человѣка»[1]), какимъ былъ графъ Пуату, и его пѣсни полны лишь знойныхъ, чисто чувственныхъ любовныхъ стремленій, то вѣдь онъ всетаки принадлежалъ къ семьѣ, гдѣ два поколѣнія подрядъ холились литературныя традиціи умиравшей латинской образованности[2]), и, можетъ быть, оттого даже въ самыхъ жгучихъ любовныхъ пѣсняхъ его мы всегда имѣемъ дѣло съ разсужденіемъ, хотя бы и строго личнымъ, но всетаки далеко ушедшимъ отъ исключительнаго преобладанія настроенія, свойственнаго народной лирикѣ. Вильгельмъ разсуждаетъ и въ пѣснѣ: «Ab la dolchor del temps novel», когда онъ восклицаетъ:

Qu'eu non ai soing de lor lati
que·m parta de mon Bon-Vezi[3]),

намекая, очевидно, на моралистовъ, на церковь, ставившую преграды его увлеченіямъ. Разсуждаетъ Вильгельмъ даже въ пѣснѣ: «Farai chansoneta nueva», когда убѣждая свою даму полюбить его, онъ говоритъ:

Qual pro y auretz s'ieu m'enclostre
e no·m retenetz per vostre?
totz lo joys del mon es nostre,
dompna, s'amduy nos amam[4]).

(«Что вамъ добра отъ того, что я стану монахомъ, и вы не удержите меня при себѣ? Вся радость міра, сударыня,—наша, если

1) Suchier, Gesch. d. fr. Litt. s. 59.
2) Ibid. s. 57.
3) Appel, Pov. Chrest. № 10, s. 51.
4) Ibid. № 12, s. 52.

мы станемъ любить другъ друга»). Развѣ въ обѣихъ этихъ пьесахъ нашъ поэтъ не выступаетъ теоретикомъ любви, поборникомъ эротики, сознательнымъ проповѣдникомъ свободныхъ любовныхъ радостей, не останавливающимся и передъ борьбой за свои чувства съ требованіями аскезы?

Но еще болѣе теоретики и уже въ новомъ, особомъ смыслѣ— Серкамонъ и Маркабрю.

Въ одной пьесѣ, также вошедшей въ хрестоматію, какъ и извѣстнѣйшія, приведенныя мною пьесы Вильгельма, Серкамонъ соединяетъ уже добро и любовь; онъ увѣряетъ, что его дама можетъ сдѣлать его невѣрнымъ или вѣрнымъ, справедливымъ или полнымъ коварства, совсѣмъ виланомъ или напротивъ совершенно куртуазнымъ:

Per lieys serai totz fals o fis,
o vertadiers o ples d'enian,
o totz vilas o totz cortes[1]).

Мысли Маркабрю, этого моралиста и сатирика, пѣсни котораго до сихъ поръ плохо поддаются изученію, труднаго, подчасъ даже неуловимаго поэта, опредѣлить правда почти невозможно; онѣ въ значительной степени остаются для насъ загадкой; но вѣдь уже это свойство его таланта свидѣтельствуетъ объ своеобразномъ идейномъ содержаніи его поэзіи. Именно Маркабрю показываетъ особенно наглядно, что личная поэзія Прованса народилась среди трепетнаго и напряженнаго поэтическаго раздумья. Что и Маркабрю, при всей своей оригинальности, по своему также стоитъ на перепутьи между народно-обрядовымъ эротизмомъ весенней пѣсни и нарождавшимся новымъ эротизмомъ куртуазной лирики, это покажутъ намъ слѣдующія три строфы одной изъ его пьесъ, нѣсколько болѣе доступныя для нашего пониманія:

1) Ibid. № 13, в. 53.

Quan l'aura doussana bufa
e·l gais desotz lo brondel
fai d'orguoill, cogot e bufa
e son ombriv li ramel,
la doncs deuri hom chauzir
verai amor ses mentir,
c·ab son amic non baraills.

—

Jovens triatz a la vida,
que ferit l'ant dui cairel,
malvestatz e cobeida,
la inz entre·l cor e·l fel,
et es ne greus adissir,
que no s'en laissa garir
d'avoleza e de nuailla.

—

E·l jelos bada e muza
e fai badiv badarel,
car qui l'autrui bon capusa,
lo sieu tramet a·l mazel,
e qui l'est[r]aing vol sentir,
lo seu fai en le con ir
e met en la comunailla[1]).

(«Когда вѣетъ сладкій вѣтерокъ и жаворонокъ на вѣткѣ гордо красуется, нахохливается и напрягается [чтобы пѣть], когда тѣнисты кусты, тогда долженъ себѣ выбрать человѣкъ предметъ любви, искренно, такъ чтобы не было столкновенія съ другомъ.— Молодость утратила жизнь, потому что ее поразило два дротика въ самое сердце и въ печень, это — злоба и скупость, и велика невзгода, что она не излѣчивается отъ низости и ничтожества.—

---

1) Bartsch, Verz. 293,42, рук. A и I: 5—A deuria, 8—A Jovens triatz non a vida, I E jovens triatz la vida, 11—A d'entre, 12—Jaissir, 15—A liuta e musa, 17—A non, I con.

А ревнивецъ и зѣваетъ и прогадываетъ и очень смѣшенъ [?], потому что, кто зарится на чужое добро, свое отдаетъ на разграбленіе, и кто хочетъ поиспытать то, что ему не принадлежитъ, свое посылаетъ въ . . . . . и дѣлаетъ общимъ достояніемъ»)[1]).

Личный починъ въ поэзіи трубадуровъ былъ, такимъ образомъ, личнымъ починомъ не только въ художественныхъ формахъ и образахъ, но и въ художественныхъ идеяхъ, и вотъ это-то мнѣ и хотѣлось подчеркнуть теперь съ особой силой.

Именно художественныя идеи трубадуровъ и есть то творческое и долговѣчное, что̀ они дали міровой поэзіи. Поскольку они овладѣли одной только внѣшностью поэзіи, они творили *искусство*, которому очень скоро предстояло вымираніе, которое влачитъ самое жалкое существованіе, пока оно прозябаетъ ввидѣ мейстерзанга и галантной лирики въ Германіи, въ пѣсняхъ разныхъ Генриховъ Орлеанскихъ и иныхъ позднихъ подражателей труверовъ во Франціи, а въ Провансѣ служитъ педантической забавой на Тулузскихъ jeux floraux. Но напротивъ, когда трубадуры выковывали свой «скрывающій стихъ» и искали «возсіянія формы» въ идеалѣ дворжества и доблести, они были провозвѣстниками поэтическихъ думъ итальянскаго trecento, отдаленными учителями безконечно превзошедшихъ ихъ Данте и Петрарки[2]), создателей уже такого высокаго момента поэзіи нашей эры, котораго ей не часто случалось достигнуть.

И оттого, только вникнувъ въ это особое идейное значеніе поэтической дѣятельности трубадуровъ, мы и поймемъ истинный смыслъ нарожденія личнаго художественнаго творчества. Переходъ отъ народной поэзіи къ поэзіи искусственной есть начало новой эры въ эволюціи словеснаго художества, и только, *памятуя*

---

1) Относительно сужденія о ревнивцахъ ср. также Peire d'Alverne y Дица, Leben und Werke der tr. s. 63—64.

2) О значеніи поэзіи Прованса для итальянскаго trecento см. А. Н. Веселовскаго, Боккаччо, I, СПБ. 1893, стр. 62—66; ср. также G. Cassi, Dell' influenza dell' ascentismo medievale sulla lirica amorosa del dolce stil nuovo. Verona. 1900, его выводы: pp. 90—91.

о религіозной основѣ первобытнаго пѣснетворчества, на которой я такъ долго и упорно настаивалъ, можно оцѣнить его во всей полнотѣ.

Мы подошли теперь уже къ послѣднему этапу моихъ разсужденій. Пройдя его, мы достигнемъ того окончательнаго обобщенія, къ которому стремилось настоящее изслѣдованіе. Сложная задача его будетъ достигнута: изученіе весеннихъ обрядовыхъ пѣсенъ европейскаго крестьянства, въ связи съ средневѣковой лирикой, окажется давшимъ возможность осмыслить происхожденіе поэзіи въ ея самомъ возвышенномъ и «важномъ для жизни» пониманіи.

Когда мы слѣдили за перипетіями основныхъ мотивовъ хороводныхъ пѣсенъ передъ нами все яснѣе и яснѣе вырисовывалась одна характерная черта пѣснетворчества: его крайняя подвижность и неустойчивость. Я не съумѣю очертить это свойство народной пѣсни лучше, чѣмъ это сдѣлано покойнымъ Л. Н. Майковымъ въ частномъ письмѣ къ Ѳ. Д. Батюшкову:

«Я однажды сравнивалъ въ разговорѣ съ Вами,— писалъ Леон. Ник.,—народный устный эпосъ съ поверхностью волнующагося моря. Сходство здѣсь въ полномъ отсутствіи устойчивости, въ безпрерывномъ пониженіи и повышеніи того жидкаго тѣла, которое мы называемъ — въ одномъ случаѣ водою, а въ другомъ текстомъ народной пѣсни. И то и другое постоянно мѣняется, частью въ силу внѣшнихъ, частью въ силу внутреннихъ причинъ. Въ народной пѣснѣ это выражается постояннымъ измѣненіемъ ея текста, пропусками, замѣною однихъ словъ другими, и все это происходитъ—частью отъ забвенія (причина внѣшняя, случайная), частью отъ того, что поющій пѣсню или сказывающій былину вноситъ въ

нихъ долю своего личнаго творчества (причина внутренняя)» [1]).

Личное творчество пѣвца, о которомъ говоритъ здѣсь Л. Н. Майковъ однако совершенно своеобразно. Народный пѣвецъ, вѣчно обновляющій, перестраивающій и пересоздающій текстъ пѣсни, отнюдь не стремится проявить свою индивидуальность. Это вовсе не приходитъ ему въ голову. Напротивъ, онъ даже тщательно скрывается за текстомъ пѣсни. Успѣхъ пѣсни зависитъ прежде всего отъ затверженности ея образовъ, отъ ея обыденности, отъ ея банальности, сказали бы мы, ставши на точку зрѣнія современнаго личнаго художественнаго творчества. Банальность — вожделѣнный идеалъ народнаго пѣснетворчества, и мы современные люди, научившіеся эстетически воспринимать народную пѣсню, какъ мы научились наслаждаться и красотою природы, именно въ этой банальности пѣсни и находимъ особую прелесть, хотя въ своемъ собственномъ искусствѣ мы не потерпѣли бы ничего подобнаго.

И эта послѣдняя особенность народной пѣсни, тѣсно связанная съ первой, эта своеобразная комбинація неустойчивости текста пѣсенъ съ устойчивостью и затверженностью составляющихъ его образовъ и выраженій объяснится совершенно ясно и просто, если только мы вспомнимъ о самомъ назначеніи пѣсни.

Народная пѣсня преслѣдуетъ вѣдь не эстетическія, а религіозно-бытовыя цѣли. Интересъ въ ней сосредоточенъ не на ней самой, а на той жизненной цѣлесообразности, которой она служитъ. Отсюда вполнѣ понятно, что творческое начало и проникаетъ въ пѣсню какъ бы со стороны, изъ міра полезности, и разъ возникъ одинъ комплексъ представленій, въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворяющій связаннымъ съ нимъ потребностямъ, пѣсня уже естественно не нуждается ни въ какомъ новшествѣ,

1) Ө. Батюшковъ, Критическіе очерки и замѣтки, ч. II, СПБ. 1902, стр. 235.

не ищетъ ни новыхъ формъ, ни новыхъ образовъ. Вновь возрождается пѣснетворчество только тогда, когда происходитъ какой-нибудь перебой въ сознаніи той религіозно-бытовой среды, къ которой обращается пѣсня. Тутъ опять становятся необходимыми творческія усилія, и тутъ личный починъ или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ личныхъ починовъ, такъ или иначе связанныхъ между собою, уже необходимо идетъ навстрѣчу новымъ запросамъ, принося съ собою и новыя формы, и новыя представленія, и новый ритмъ.

Оттого-то,—и это намъ теперь важнѣе всего,—какъ только пѣсня порвала съ обрядомъ т. е. со своей религіозно-бытовой основой, ей неминуемо остается только переживать, закостенѣвъ въ замкнутомъ кругѣ все тѣхъ же самыхъ представленій, и отсюда естественно слѣдуетъ и ея неизбѣжное вымираніе.

Вымираніе народной пѣсни вѣдь несомнѣнно—явленіе вполнѣ закономѣрное, вытекающее изъ сущности вещей, и поэтому его странно и незачѣмъ оплакивать. Когда мы видимъ, что даже не только народная пѣсня, но вообще все народное искусство исчезаетъ, не оставляя послѣ себя въ народномъ сознаніи ничего кромѣ совершенно пустого мѣста, какой-то эстетической tabula rasa, не имѣющей однако ничего общаго съ художественной бездарностью, потому что, не создавая искусства, народная среда даетъ намъ тѣмъ не менѣе, и пѣвцовъ, и художниковъ, а отъ времени до времени, и поэтовъ, подобное явленіе ни въ коемъ случаѣ нельзя считать чѣмъ-то временнымъ, особеннымъ или случайнымъ, чѣмъ-то, чему можно было воспрепятствовать, что при иныхъ условіяхъ могло бы и не случиться. Спасти народное искусство можно только, обновивши его религіозно-бытовой укладъ. Только хлыстовство, духоборчество, штунда развиваютъ дальше своими своеобразными псалмами нашу народную словесность.

Пѣсня исчезаетъ потому, что она больше не нужна, потому что она стала безцѣльна, съ тѣхъ поръ какъ исчезла своеобразная религія «власти земли», выносившая пѣсню на своемъ лонѣ

и влившая въ нее со времени распространенія христіанства немало новыхъ своеструнныхъ мыслей-звуковъ. Теперь пѣсней не управляетъ больше никакой другой законъ кромѣ забвенія. Творчество развѣ въ импровизаціи частушекъ, этой поэзіи каждодневности, именно, благодаря этой каждодневности, сохранившей нѣкоторую свѣжесть.

Печать будущаго вымиранія, на западѣ закончившагося, какъ мнѣ кажется, еще въ XVII в., когда окончательно распространилась полу-литературная пѣсня изъ печатныхъ пѣсенниковъ, мы и видѣли на самыхъ образцахъ упоминавшихся здѣсь западно-европейскихъ пѣсенъ. Для этого я и доводилъ каждый пѣсенный мотивъ до его послѣдняго шансонеточнаго этапа такъ же точно, какъ до его послѣдняго издыханія въ простой забавѣ я старался прослѣживать и самые обряды. Для этого я бережно подбиралъ на пути работы и совсѣмъ искрошившіеся упадочные пережитки обрядовыхъ пѣсенъ. И вотъ теперь, если эти черты народной поэзіи, т. е. ея закономѣрное вымираніе, слѣдствіе ея безличности, мы сопоставимъ съ тѣми идейными особенностями вышедшей изъ нея поэзіи трубадуровъ, которыя сближаютъ ее съ поэтикой Θомы Аквината, то мы и уяснимъ себѣ основное эстетическое значеніе нарожденія личнаго художественнаго творчества.

Все обслѣдованное протяженіе эволюціи отъ пѣсни къ поэзіи представляется теперь какъ бы прошедшимъ черезъ три различныхъ періода. Вначалѣ мы имѣемъ до-эстетическую религіозно-бытовую пѣсню, вполнѣ цѣлесообразную, т. е. служащую жизненной полезности въ самомъ широкомъ смыслѣ. За нею идетъ уже эстетическая, «праздничная» пѣсня-поэзія, жизненно безполезная, но отвѣчающая своей собственной «цѣлесообразности безъ цѣли». Третій періодъ — это личная поэзія, эстетика которой существенно разнится отъ эстетики народной поэзіи

тѣмъ, что она отвѣчаетъ еще какой то новой идейной «цѣлесообразности безъ цѣли», названной мною этимъ терминомъ Ѳомы Аквината: «возсіяніе формы свыше пропорціональности частей». И этимъ-то своимъ свойствомъ личная поэзія оказалась совершенно такой же творящей и жизнестойкой, какъ и первобытная до-эстетическая пѣсня, въ противоположность эстетической, праздничной народной поэзіи, носящей на себѣ печать вымиранія. Весь процессъ происхожденія или, какъ теперь было бы правильнѣе выразиться, *созданія поэзіи*, распадается, такимъ образомъ, на два творческихъ періода и одинъ средній періодъ робкаго прозябанія, когда поэзія какъ бы томится и тоскуетъ, въ ожиданіи, что вотъ, вотъ народится поэтъ и вдохнетъ въ нее духъ жизни и возрожденія.

Эти соображенія, къ которымъ привело насъ сопоставленіе трубадурской поэзіи съ обѣими разновидностями народной пѣсни, конечно, должны уже внести значительное измѣненіе въ самую теорію эстетической или «безцѣльной цѣлесообразности», заимствованную нами у современной психологической эстетики. Передъ нами встала еще какая-то идейная «цѣлесообразность безъ цѣли», и намъ очевидно прійдется теперь заново передумать чисто эстетическіе выводы этой книги.

Праздничная, эстетическая поэзія несомнѣнно вполнѣ подходитъ подъ предложенное выше опредѣленіе эстетической цѣлесообразности безъ цѣли. Всякій современный человѣкъ, въ душѣ котораго живетъ хоть капля художественнаго чувства, не можетъ не любить народныхъ пѣсенъ, не считать ихъ красивыми, не искать ихъ своеобразной прелести. Въ развитіи современнаго искусства, отъ далекихъ временъ Гёте до современныхъ поэтовъ-«символистовъ», до Вьеле-Грифина во Франціи и Валерія Брюсова въ Россіи народная пѣсня сыграла роль такой же матери-земли, обновляющей силы поэта-Антея, какую для живописи сыграла природа. Но мало этого. Если мы присмотримся къ впечатлѣнію производимому народной пѣсней на того простого мало задѣтаго образованностью человѣка, для ко-

тораго она есть нѣчто болѣе близкое, чѣмъ для насъ, мы увидимъ, что пѣсня вызываетъ именно «симпатическое переживаніе», приводящее какъ разъ въ это особое состояніе эмоціональнаго возбужденія, служащее душевной гигіенѣ, которое было подробно разъяснено выше, т. е. въ состояніе Аристотелевскаго катарсиса, какъ его объяснилъ намъ Бернайсъ и какъ этимъ понятіемъ пользуется современная психологическая эстетика.

Въ подтвержденіе этому я приведу, минуя «Пѣвцы» Тургенева, извѣстное описаніе впечатлѣнія отъ народной пѣсни въ «Тоскѣ» Горькаго, конечно, не утратившаго чисто народное, присущее ему съ дѣтства чувство къ пѣснѣ. Когда купецъ, ищущій исхода своей острой и давящей тоскѣ, такъ упивается пѣснями безрукаго, онъ восклицаетъ:

> «Братцы! Больше не могу! Христа ради, больше не могу!» «Душу мою пронзили! Будетъ — тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце, то есть часу у меня такого не было еще въ жизни!» «Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя — ахъ какъ! Въ огонь бы полѣзъ».

Что это, какъ не необыкновенно мѣткое и психологически точное, художественное воспроизведеніе того, что мы привыкли теперь понимать подъ этими словами: «δι' ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν?»

Но дѣло именно въ томъ, что къ вымиранію идетъ пѣсня, несмотря на то, что она вызываетъ наслажденіе «симпатическаго переживанія», что отъ вымиранія не спасаетъ пѣсню и это особое, производимое ею эмоціональное возбужденіе, доводящее и грусть, и радость, и любовь, и тоску до ихъ крайняго напряженія и тѣмъ вселяющее душевный покой. То и другое только задерживаетъ вымираніе пѣсни. Ради него пѣсня продолжаетъ еще жить и даже нѣсколько обновляется, воспринимая кое-какія освѣжающія струи; но чтобы возникло истинное

пѣснетворчество этого еще мало; для этого нужно кромѣ чисто эстетической цѣлесообразности еще нѣчто большее.

Для всякаго, кто знакомъ съ Кантовской эстетикой должно быть совершенно ясно, что передъ нами открылась теперь таже самая дилемма, которая предстала и уму Канта, когда, перейдя отъ аналитики эстетическаго сужденія къ дедукціи, онъ ясно увидѣлъ, что его первоначальная теорія «цѣлесообразности безъ цѣли» не можетъ объяснить художественнаго творчества. Чтобы осмыслить уже не эстетическое воспріятіе, а эстетическое творчество, Кантъ и прибѣгъ къ понятію о *геніи*, сказавъ, что «изящное искусство есть искусство генія»[1]). Этимъ онъ разставался уже съ формализмомъ и полагалъ основаніе эстетическому идеализму[2]).

Теорія «генія», нѣсколько неожиданно введенная Кантомъ и неимѣющая ничего общаго со всѣми предшествующими его построеніями, правда считается обыкновенно какимъ-то отклоненіемъ въ сторону или какимъ-то насильственнымъ введеніемъ философскаго deus'a ex machina[3]). Однако такъ ли это? Мнѣ кажется, что, напротивъ, Кантъ былъ и тутъ вполнѣ послѣдователенъ и введеніе понятія о геніи было неизбѣжно и необходимо. Чтобы объяснить оба проявленія эстетическаго сознанія т. е. и воспріятіе, и творчество, нужно непремѣнно имѣть ввиду обѣ основныя точки зрѣнія въ эстетикѣ т. е. и формальную и идеалистическую, при чемъ первая имѣетъ коренное значеніе, пока рѣчь идетъ о воспріятіи, а вторая есть необходимое условіе разрѣшенія вопроса о творчествѣ. Оттого и мы, идя совершенно другимъ путемъ, чѣмъ Кантъ, и значительно расширивъ также его формализмъ, основанный на отождествленіи красиваго и эстетическаго, неминуемо должны были прійти къ той же самой дилеммѣ.

---

1) Критика Спос. Сужд. русск. пер. стр. 178.

2) См. v. Hartmann, Die deutsche Aesthetik seit Kant. Lpz. 1886, ss. 14—24.

3) Basch, L'Esthetique de Kant. Paris, 1896, pp. 525—552; см. особенно pp. 547 и 549.

Въ самомъ дѣлѣ. Эстетическими становятся созданія искусства вѣдь только въ воспринимающемъ ихъ сознаніи; только при извѣстномъ отношеніи къ нимъ утрачиваютъ они свою первоначальную цѣлесообразность и пріобрѣтаютъ новую «праздничную» или эстетическую цѣлесообразность. Не ясно ли отсюда, что покамѣстъ эстетической стала одна только форма того, что создало искусство? Эстетическое воспріятіе тутъ какъ бы играетъ произведеніями искусства, поскольку игра есть именно форма цѣлесообразныхъ поступковъ. И оттого-то тутъ нѣтъ еще мѣста творческимъ побужденіямъ, кромѣ развѣ желанія, играя, подражать все тѣмъ же затверженнымъ и привычнымъ формамъ, которыя стали теперь нравиться сами по себѣ. Чтобы возникло истинное художественное творчество, способное создавать уже и новыя формы, для этого необходимо еще какой-то особый импульсъ и при этомъ импульсъ къ созданію вовсе не формы, а того содержанія, которое и опредѣляетъ собою форму.

Вотъ осмысленіе этого-то импульса и должно неминуемо вести къ идеализму въ эстетикѣ.

Древнее, цѣлесообразное, общенародное искусство было, какъ мы видѣли, результатомъ бурнаго возбужденія, вызываемаго назрѣвшими потребностями т. е. возбужденіемъ желанія. Каждое новое искусство требуетъ для своего созданія совершенно такого же возбужденія, но теперь — это такое интенсивное и экспансивное напряженіе нашей духовной сущности, которое уже совершенно свободно отъ желанія. При немъ уже не ставится ни какихъ цѣлей кромѣ художественныхъ. То, что должно излиться во время этого возбужденія должно служить только одному праздничво-эстетическому наслажденію. Оно, такимъ образомъ, безконечно незначительнѣе древняго искусства, по словамъ Ницше, дѣлавшаго человѣка богомъ. Правда мы, конечно, и можемъ, и даже должны задуматься о смыслѣ или назначеніи также и новаго искусства. И оно едвали окажется нужнымъ только для того, чтобы дать намъ утѣху разставанія,

хоть на время, съ страдой жизни. Но теперь мы можемъ только спросить себя, каково жизненное назначеніе самаго эстетическаго сознанія, вызываемаго искусствомъ. Какъ бы мы ни старались сблизить запросы жизни съ эстетикой, искусство всетаки будетъ служить только одному эстетическому сознанію, и всякія постороннія цѣли и заботы останутся ему совершенно чужды. Искусство служитъ самому интенсивному и экспансивному напряженію нашей духовной сущности, при полномъ спокойствіи нашихъ желаній. Оттого намъ и предстоитъ теперь разрѣшить эту чисто психологическую задачу: каково же это интенсивное и экспансивное напряженіе нашей духовной сущности, при условіи полнаго спокойствія нашихъ желаній, каковъ тотъ внутренній процессъ, который опредѣляется этими словами, въ чемъ онъ собственно состоитъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть, мнѣ кажется, только одинъ: это возбужденіе относится не къ нашей личности, т. е. не къ «чувству внутренной активности», а исключительно къ нашему «я», сводящемуся, по словамъ Джэмса, къ «мышленію, которое содержитъ въ себѣ въ каждый моментъ нѣчто различное, но implicite заключаетъ въ себѣ, какъ все прежнее, такъ и то, что въ свою очередь заключается въ этомъ прежнемъ» [1]).

Это послѣднее замѣчаніе и вводитъ насъ уже въ кругъ чисто идеалистическихъ построеній, попутно объясняя и то, почему эстетическое искусство можетъ быть только строго индивидуальнымъ. Дѣйствительно. Если прежде новую форму создавало желаніе, т. е. именно нѣчто касающееся нашей личности, схожей съ окружающими насъ другими личностями, то теперь вся сила оказалась въ *идеѣ*, единственно принадлежащей лишь нашему узко духовному, мыслящему по своему «я». И идея-то, составляя главное содержаніе формы, и обусловливаетъ ея обновленіе. Напряженіе идей, ихъ возникновеніе, хотя и смутное — таково назначеніе современной поэзіи, и съ другой стороны тоже хотя

1) Психологія, русск. пер. стр. 168.

бы смутное напряженіе идей и ведетъ къ созданію поэтическихъ формъ, опредѣляя ихъ и создавая ихъ еще небывалыя, новыя разновидности. И при этомъ способность такого возбужденія нашего «я», т. е. силы, творящей и переживающей идеи и есть тотъ геній, безъ котораго, по мысли Канта, впрочемъ до азбучности очевидной, и невозможно появленіе искусства. Подобное возбужденіе мы называемъ вдохновеніемъ. Его-то и описалъ Шиллеръ въ томъ отрывкѣ, которымъ такъ мѣтко воспользовался Ницше.

Намъ приходится теперь только отмежевать искусство отъ другой идеальной дѣятельности человѣческаго духа, отъ пересилившей врожденную образность нашего мышленія науки. Этимъ лучше всего опредѣлится современное жизненное назначеніе поэзіи. Геній-художникъ находится цѣликомъ во власти воображенія. Эту особенность его и опредѣлилъ Кантъ, назвавши генія создателемъ *эстетическихъ идей*. «Подъ эстетической идеей,— писалъ Кантъ,— я понимаю то представленіе воображенія, которое даетъ поводъ много думать, хотя никакая опредѣленная мысль, т. е. никакое понятіе не можетъ быть вполнѣ адэкватнымъ ему, и, слѣдовательно никакой языкъ не въ состояніи вполнѣ его выразить и сдѣлать совершенно понятнымъ»[1]). Не достаточно ли ясно оттѣняется здѣсь область искусства и значеніе въ немъ идей по отношенію къ научной дѣятельности человѣка?

Эстетическій идеализмъ Канта есть, конечно, самая зачаточная, первоначальная его форма по сравненію съ болѣе позднимъ идеализмомъ, со времени Шеллинга еще разъ обновившимся эстетическими воззрѣніями Платона и достигшимъ такой высоты у Гегеля и Шопенгауера. Но мнѣ хотѣлось остановиться именно на Кантовскомъ опредѣленіи эстетическихъ идей.

1) Критика Способности Сужденія, русск. пер. стр. 186.

Мнѣ дорогъ въ немъ элементъ *исканія*. Гегель и Шопенгауеръ предавали полную опредѣленность «образному мышленію» генія. Они считали его формулирующимъ, какъ формулируетъ и ученый. Исходя изъ Кантовскаго опредѣленія генія, мы должны признать его, напротивъ, отнюдь не формулирующимъ, а только *предчувствующимъ*, занятымъ тѣмъ, что никакой формулировкѣ поддаться не можетъ. Именно оттого-то геній-художникъ — всегда неизмѣнно искатель. И мы видѣли еще, когда рѣчь шла о первобытномъ религіозномъ сознаніи, что именно исканіе и составляетъ то основное и наиболѣе характерное, что̀ отличаетъ наше историческое, колеблющееся и развивающееся міросозерцаніе отъ до-историческаго цѣлостнаго и незыблемаго эгоцентризма[1]). Исканіе я старался подчеркнуть и въ «возсіяніи формы», этомъ важнѣйшемъ принципѣ средневѣковой поэтики, назвавъ трубадуровъ «искателями» и основателями «новой общественной среды». Въ этомъ и заключается главное значеніе и главная сила всего современнаго искусства. Оно коренится именно въ исканіи и въ создаваніи все новой и новой общественной среды.

Перебой, опредѣлившій собою замѣну устойчивости эгоцентрическаго уклада мыслей исканіемъ нашей эры культурно-историческаго развитія и тѣмъ самымъ устанавливающій и главное различіе между нашимъ искусствомъ и искусствомъ первобытнымъ, особенно отчетливо выразился въ глубокомъ различіи символизма народной пѣсни отъ символизма не только современной поэзіи, но и всей поэзіи нашей эры. Первобытный символизмъ былъ наивно-однообразенъ. Въ немъ была извѣстная традиціонность и затверженность. Символъ «усугублялся» схожими представленіями или, утрачивая свой смыслъ, переходилъ въ сюжетъ, но онъ всегда обозначалъ нѣчто вполнѣ опредѣленное. Довольно было пѣснѣ запѣть о мореплавателѣ, о мостѣ, о молодчикѣ-стрѣльцѣ и т. п., чтобы въ сознаніи слушателей возникъ весь

1) II, стр. 368, ср. 391.

комплексъ представленій, связанныхъ съ бракомъ. Символъ былъ намекомъ на нѣчто извѣстное, коренное съ религіозно-бытовой точки зрѣнія. Онъ только облегчалъ выразительность, замѣняя собою самое представленіе. Совершенно инымъ представляется развитіе символизма отъ «скрывающаго стиха» какого-нибудь Арно Даніэля до современныхъ поэтовъ-символистовъ. Какъ очень мѣтко выражается одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Анри де-Ренье, въ современномъ символизмѣ второй членъ сравненія, т. е. самое представленіе, замѣняемое символомъ, не дано еще вовсе; его не знаетъ поэтъ, онъ только предчувствуетъ его возможность и хочетъ внушить тоже смутное предчувствіе и своему читателю, и ради этой-то мысли, «которой не можетъ быть еще адэкватнымъ ни одно понятіе», въ немъ и рождается символическій образъ.

Лучшее опредѣленіе нашей неустанно ищущей поэзіи, поэзіи, искусственно возсозданной и насажденной, далъ, можетъ быть, Ницше, когда онъ заставилъ своего долго непонимавшаго искусства Сократа спросить себя, въ послѣднія минуты жизни и уже склонившагося надъ чашей съ ядомъ: «Можетъ-быть есть такая область мудрости, изъ которой изгнана логика? Можетъ-быть и само искусство находится въ связи съ наукой и составляетъ ея дополненіе?»

Конецъ.

УКАЗАТЕЛИ.

УКАЗАТЕЛЬ ПѢСЕНЪ.

1. Великорусскія, малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни[1].

1) Сборники расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

2. *Пѣсни болгарскія.*

3. *Сербскія пѣсни.*

4. *Польскія пѣсни.*

5. *Чешскія, моравскія и сербо-лужицкія пѣсни.*

6. *Нѣкоторыя литовскія пѣсни.*

7. *Пѣсни вагантовъ, миннезингеровъ и нѣмецкія народныя пѣсни.*

1) Остальныя пьесы для Carm. Bur. см. II, 31 и 33, а для MF. см. II, 32 и 33.

8. Пѣсни трубадуровъ и труверовъ и современныя французскія пѣсни.

1) Остальныя пьесы см. II, 32.

2) Остальныя пьесы см. II, 23 и 28.

1) Другія пьесы см. I, 8.
2) Другія пьесы см. I, 9.

---

9. Итальянскія, испанскія, португальскія и румынскія пѣсни.

Milà y Fontanals, Romanc.

P. 241, № 254. — II, 138—139.

Teodorescu, P. p. r.

P. 204. — I, 205—206.
» 210. — I, 215.
» 212. — I, 213, 214.

---

10. Греческія пѣсни, античныя и ново-греческія.

Bergk-Hiller, Antol. Lyr.

Pp. 319 и 324—325. — I, 218.

Passow, C. pop. gr.

Pp. 225—229. — I, 220—221.

Pineau et Georgeakis, Fl. de L.

P. 161. — II, 118.

Liebrecht, Z. Vk.

S. 176. — II, 89, 227.

ОБЩІЙ УКАЗАТЕЛЬ.